

А. И. ГЕРЦЕН

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ и ПИСЕМ

под редакцией М. К. ЛЕМКЕ

Том XIV

Государственное Издательство

ПЕТЕРБУРГ • 1926

А. И. ГЕРЦЕНЪ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНІЙ И ПИСЕМЪ.

Подъ редакціей М. К. Немке

Томъ XIV
Былое и думы.
чч. VI и VII.

Государственное Издательство

Петербургъ. — 1920.

От Комиссариата Народного Просвещения

Все сочинения А. И. Герцена монополизированы Российской Федеративной Советской Республикой на пять лет, по 31 декабря 1922 года.

Никем из книгопродавцев указанная на книге цена не может быть повышена под страхом ответственности перед законом страны.

Правительственный Комиссар Лит.-Изд. Отд.

П. И. Лебедев-Полянский.

Оглавленіе

БЫЛОЕ И ДУМЫ

Комментарій къ V части «Былого и думъ»

стр.

1

Часть шестая

(Отрывки)

А Н Г Л И Я

(1852—1865)

Глава I. ЛОНДОНСКІЕ ТУМАНЫ	165
Глава II. ГОРНЫЯ ВЕРШИНЫ. Мацини. — Ледрю-Ролленъ. — Кошутъ.	169
Глава III. ЭМИГРАЦІИ ВЪ ЛОНДОНЪ. Нѣмцы. — Французы. — Партія. — Феликсъ Піа. — В. Гюго. — Луи Бланъ и Арманъ Барбесъ. — On liberty	189
Глава IV. ДВА ПРОЦЕССА. I. Дуэль. II. «Not guilty»	229
Глава V. БАРТЕЛЕМИ	261
Глава VI. ПОЛЬСКІЕ ВЫХОДЦЫ. Алоизій Бернацкій. — Станиславъ Ворцель. — Агитація 1854—56 гг. — Смерть Ворцеля	272
Глава VII. НѢМЦЫ ВЪ ЭМИГРАЦІИ. Руге, Кинкель; нечистота. — Schwefelbande. — Американскій обѣдъ. — «The Leader». — Митингъ въ St. Martins Hall. — Dr Müller	297
Глава VIII. ЛОНДОНСКАЯ ВОЛЬНИЦА ПЯТИДЕСЯТЫХЪ ГОДОВЪ. Простыя несчастія и несчастія политическія. — Учителя и комис- сіонеры. — Ходебщики и хожалы. — Ораторы и эпистоляторы. — Ничего не дѣлающіе фактотумы и вѣчно занятые трутни. — Русскіе. — Шпіоны.	323
Глава IX. И. ГОЛОВИНЪ	347
Глава X. АПОГЕЙ И ПЕРИГЕЙ. I. (1858—1862). II. III. 1862	369
Глава XI. В. И. КЕЛЬСІЕВЪ.	400
Глава XII	411
Глава XIII. М. БАКУНИНЪ И ПОЛЬСКОЕ ДѢЛО.	422

Глава XIV. ПАРОХОДЪ «WARD JACKSON» R. WEATHERLEY AND C-о.	442
Глава XV. PATER V. PETCHERINE.	454
Глава XVI. РОБЕРТЬ ОУЭНЪ.	466
Глава XVII. CAMICIA ROSSA. Bréviaire. Introduction. Прологъ. I. Въ Брукъ Гоузъ. II. Въ Стаффордъ Гоузъ. III. У насъ. IV. 26, Prince's gate.	511
Комментарій .	546

Часть седьмая

(Отрывки)

(1865—1868)

Глава I. БЕЗЪ СВЯЗИ. Швейцарскіе виды. II. Болтовня съ дороги и родина въ буфетъ. III. За Альпами. IV. Zu deutsch. V. Съ того и этого свѣта. I. Съ того. II. Съ этого. 1. Живые цвѣты.—Послѣдняя могилка. 2. Махровые цвѣты. 3. Цвѣты Минервы.	689
Глава II. VENEZIA LA BELLA	723
Глава III. LA BELLE FRANCE. I. Ante portas. II. Intra muros. III. Alpengüsken. IV. Данилы. V. Свѣтлыя точки. VI. Послѣ набѣга	738
Глава IV. АЛЬПІЙСКІЕ ВИДЫ. Женева.	766
Библиографическій комментарий.	787
Дополненія и опечатки.	871

КОММЕНТАРІЙ

къ V части «Былого и думъ».

◆◆ 1. Полный русскій текстъ заграничнаго паспорта, выданнаго Герцену въ 1846 году:

«По Указу Его Величества Государя Императора Николая Павловича, Самодержца Всероссийскаго и проч. и проч. и проч.

«Объявляется черезъ сіе всѣмъ и каждому, кому о томъ вѣдать надлежитъ, что доказатель сего Надворный Совѣтникъ Александръ Ивановичъ *Герцено*, съ женою Натальею Александровною и малолѣтними дѣтьми, сыновьями: Александромъ 7, Николаемъ 3-хъ и дочерью Натальею 2-хъ лѣтъ, отправляется въ Германію и Италію для излѣченія болѣзни жены своей, срокомъ на шесть мѣсяцевъ. Того ради всѣ высокія Области приглашаются по состоянію чина и достоинства, кому сіе предъявится, Нашимъ же Воинскимъ и Гражданскимъ Управителямъ поставляется въ обязанность Г-на Герцена съ семействомъ, какъ нынѣ изъ Россіи ѣдущаго, такъ и потомъ, въ Россію возвращающагося, не токмо свободно и безъ задержанія вездѣ пропускать, но и всякое благоволеніе и вспоможеніе оказывать. Во свидѣтельство того и для свободнаго проѣзда данъ сей паспортъ отъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ, съ приложеніемъ Его Императорскаго Величества печати. Въ С.-Петербургѣ, Декабря 9 дня 1846 года. Его Императорскаго Величества Всемилоствѣйшаго Государя моего, Дѣйствительный Тайный Совѣтникъ, Министръ Внутреннихъ Дѣлъ, Членъ Государственнаго Совѣта, Гофмейстеръ, Камергеръ, Сенаторъ и орденовъ: Св. Равноапостольнаго Князя Владиміра 1 степени, большаго креста Св. Александра Невскаго, алмазами украшеннаго, Бѣлаго Орла и Св. Анны 1 и 4 степени, иностранныхъ: Королевско-Виртембергской Короны большаго креста, Австрійскаго Леопольда и Прусскаго за заслуги кавалеръ, имѣющей золотую шпагу съ надписью за храбрость и серебряныя медали 1812 и 1814 годовъ и знакъ отличія безпорочной службы за XXX лѣтъ, *Перовскій*».

На второмъ полулистѣ паспорта тотъ же текстъ приведенъ по-нѣмецки (Румянц. музей).

25 декабря 1846 г. министромъ вн. дѣлъ были посланы московскому ген.-губернатору заграничные паспорта для Маріи Федоровны Коршъ и Маріи Каспаровны Эрнъ (23 л.), обѣимъ на 6 мѣсяцевъ, для поѣздки на излѣченіе въ Германію и Италію (архивъ мин. вн. дѣлъ, дѣло деп. полиціи исполн. 1846 г. № 688). Дѣло о паспортѣ Луизы Ивановны Гаагъ не найдено.

Установленное закономъ троекратное объявленіе о выѣздѣ за границу было помѣщено въ №№ 142 (26-го), 143 (28-го) и 144 (30 ноября 1846 г.) «Московскихъ Вѣдомостей»: «Въ Германію и Италію, надв. сов. А. И. Г. съ супругою Н. А., съ малолѣтними дѣтьми А. и Н. и съ ними вмѣстѣ вюртембергская подданная Л. Г. и дочь кол. сов. М. К. Э.; жительство имѣютъ Пречистенской ч. 4 квартала въ д. подъ № 356». Объявленіе о М. Э. Коршъ—въ №№ 146, 147 и 148 «М. Вѣд.».

2. Съ дочерьми былъ за границей и самъ А. А. Тучковъ, инсарскій предводитель дворянства, избранный на эту должность въ 1837 году (курьезно, что въ его формулярѣ, выданномъ въ 1843 г., указано, дочери Еленѣ—16, Наталіи—14 лѣтъ, а въ выданномъ годомъ раньше—первой 13, второй 10; явленіе очень обычное, почему оперировать съ датами рожденій и лѣтами по формулярамъ, вообще, надо очень осторожно). Въ августѣ 1847 г. Тучковъ просилъ о выдачѣ заграничнаго паспорта ему, женѣ, двумъ дочерямъ и учительницѣ франц. подданной Каролинѣ Мишель; въ сентябрѣ паспорта были выданы на 4 мѣсяца. Въ декабрѣ 1847 г. директоръ деп. общихъ дѣлъ мин. вн. дѣлъ запросилъ департаментъ полиціи, не получалъ ли Тучковъ отсрочку, а въ январѣ 1848 г. увѣдомилъ, что препятствій къ ней (опять на 4 мѣсяца) не встрѣчается; въ февралѣ отсрочка была дана; въ сентябрѣ 1848 г. пензенскій губернаторъ донесъ, что Тучковъ еще не вернулся. 4 марта 1849 года шефъ жандармовъ увѣдомилъ министра вн. дѣлъ, что «частнымъ образомъ получено свѣдѣніе, что Тучковъ, по возвращеніи изъ Парижа, носилъ бороду и вмѣстѣ съ жительствовавшимъ въ Пензенской губ. кол. асс. Ильею Селивановымъ обнаруживаетъ передъ молодыми людьми вольный образъ мысли и не довольно религіозенъ», а потому просилъ учредить за ними надзоръ (Архивъ мин. вн. дѣлъ, формулярные списки Т., № 356; дѣла деп. пол. исполн. 1847 г. № 560 и 1849 г. № 1075).

3. Н. А. Огарева рассказываетъ объ обыскѣ:

«Въ одинъ изъ этихъ печальныхъ дней Наталія Александровна Герценъ, моя сестра и я пошли погулять взадъ и впередъ по Ели-

сейскимъ полямъ. Мы замѣтили на улицѣ трехъ мужчинъ, въ синихъ блузахъ, которые такъ же ходили взадъ и впередъ, какъ мы. Принявъ ихъ за рабочихъ, мы недоумѣвали, какъ они не боятся показываться такъ при солдатахъ. Когда мы ушли къ «*gond-point*», мнимые рабочіе позвонили у нашихъ дверей. Увидавъ это, мы поспѣшили домой; три блузника были уже въ квартирѣ Герцена, когда намъ отперли дверь. Работники узнали насъ и улыбнулись.

«— Извините насъ, сударыни, мы все утро поджидали, чтобы вы удалились изъ дома; мы сдѣлали все возможное, чтобы избавить васъ отъ этой непріятности, а вотъ вы возвратились»,—сказали они.

«— Въ качествѣ чего являетесь вы?—спросилъ Герценъ, болѣе опытный и болѣе догадливый, нежели мы.

«Они разстегнули блузы и показали полицейскій шарфъ.

«— По приказанію полицейскаго префекта,—отвѣчали они.— Мы явились произвести домашній обыскъ у г. Александра Герцена, русскаго гражданина; это вы, милостивый государь?—продолжалъ одинъ изъ нихъ, обращаясь къ Герцену.

«Тотъ кивнулъ головой. Тогда они прошли въ его кабинетъ и тамъ перевернули все вверхъ дномъ, осматривали каминъ, трогали золу, чтобы убѣдиться, нѣтъ ли сожженныхъ бумагъ въ каминѣ, а Герценъ имѣлъ привычку жечь ненужныя бумаги каждый день по окончаніи занятій. Видя, что полицейскіе осматриваютъ бумаги ея мужа, Наталья Александровна вошла также въ кабинетъ, стала иронически хвалить республику, въ которой такъ спокойно жить, потомъ предложила полицейскимъ освидѣтельствовать и ея бумаги, но они спокойно отвѣчали, что исполняютъ только то, что имъ поручено, что съ нихъ и этого довольно.

«Мой отецъ былъ въ отчаяніи; онъ понималъ важную роль, которую играла полиція въ эти страшные дни, и чувствовалъ, что жизнь Герцена въ рукахъ этихъ мнимыхъ блузниковъ. Полицейскіе, видимо, еще чего-то искали, но не говорили, чего; вѣроятно, русскаго золота. Покончивъ съ осмотромъ бумагъ Александра Ивановича, одинъ изъ полицейскихъ обратился къ моему отцу съ вопросомъ:

«— Вы тоже русскій и живете во второмъ этажѣ, надъ англійскимъ семействомъ?

«— Да,—отвѣчалъ отецъ, немного удивленный этими точными свѣдѣніями.

«— Потрудитесь намъ указать дорогу къ вамъ,—сказалъ полицейскій, вѣжливо наклоня голову,—потому что теперь очередь за вами.

«У отца они также тщательно все перебрали и унесли статью о революціи 1848 года, писанную имъ по-французски, о чемъ отецъ очень жалѣлъ, потому что не имѣлъ другого экземпляра; она такъ и осталась въ префектурѣ. Во время осмотра бумагъ мы показывали полицейскимъ разныя карикатуры на тогдашнихъ правительственныхъ лицъ; они смотрѣли на нихъ, почтительно сдерживая улыбку» («Воспоминанія», 54—56).

4. Какъ читатели уже видѣли, вопросъ о Польшѣ и до того очень занималъ Герцена и волновалъ его чувство справедливости; среди друзей за границей онъ не разъ служилъ темой горячихъ дебатовъ. По этому поводу П. В. Анненковъ говоритъ въ одномъ изъ своихъ писемъ: «Я еще въ 1848 году отстаивалъ въ кабинетѣ Гервега Кіевъ и Смоленскъ и получилъ его согласіе на сохраненіе этихъ городовъ за Россіей» («Рус. Обзорніе» 1898 г., V, 13).

5. Всѣ данныя къ біографіи Н. И. Сазонова и всѣ другіе о немъ матеріалы будутъ приведены ниже.

6. Разсказъ объ этомъ М. К. Рейхель уже переданъ мною на стр. 258—259 т. V.

7. Саффи часто бывалъ у Герцена, съ кѣторымъ, какъ читатель уже знаетъ, ихъ соединяла теплая дружба. «Герценъ очень любилъ его,—разсказываетъ М. Мейзенбургъ,—а Саффи все болѣе и болѣе склонялся къ его взглядамъ, сильно отличавшимся отъ взглядовъ Маццини. У Маццини былъ свой догматъ, онъ хотѣлъ весь міръ заставить повѣрить въ него, онъ считалъ его безусловно истиннымъ, надѣясь на его осуществленіе. Герценъ былъ фанатикомъ свободы; онъ хотѣлъ неограниченнаго развитія всѣхъ возможностей; вотъ почему онъ ненавидѣлъ всѣ установившіяся формы правленія, всѣ окаменѣлыя тираніи. Онъ отрекся бы и отъ республики (да онъ уже и отрекся отъ французской республики 1848 г.), если бы республика захотѣла стать догматомъ, стѣсненіемъ для мысли. Саффи также начиналъ понимать, что невозможно диктовать законы отечеству изъ среды эмиграціи и навязать ему извѣстный путь развитія. Въмѣсто того, чтобы заниматься конспираціями, онъ, не имѣя состоянія, которое могло бы дать ему независимость, принялся за трудъ въ странѣ изгнанія. Нѣкоторое время спустя, его пригласилъ оксфордскій университетъ, и онъ уѣхалъ туда. Саффи обладалъ замѣчательнымъ литературнымъ образованіемъ; это была натура поэтическая, мечтательная и меланхолическая. Цѣлые часы могъ онъ проводить въ молчаніи. Часто, когда къ нему обращались въ разговорѣ, онъ точно пробуждался отъ сна. Какъ-то вечеромъ мы замѣтили, что онъ долго сидѣлъ передъ французомъ, рассказы-

вавшимъ ему о событіяхъ 48-го года всѣмъ извѣстныя вещи, приче́мъ Саффи ни разу не открылъ рта; онъ такъ и не произнесъ ни слова. Наконецъ, этотъ монологъ былъ прерванъ обѣдомъ, и Герценъ смѣясь спросилъ у Саффи, достаточно ли онъ ознакомился теперь съ дѣлами XIII-го парижскаго округа? Саффи съ удивленіемъ взглянулъ на него и сказалъ: «Я ничего не слышалъ», что, естественно, вызвало всеобщій сумасшедшій хохотъ. Несмотря на такую разсѣянность и способность погружаться въ свои мысли, это былъ одинъ изъ пріятнѣйшихъ людей эмиграціи. Онъ не былъ созданъ для политической жизни; его патріотизмъ былъ его поэзіей, возстановленіе Италіи было идеаломъ для его поэтической души... Глубокая скорбь, наполнявшая его душу, проявлялась не въ одной только молчаливости; иногда, въ тѣсномъ, дружескомъ кругу онъ вдругъ начиналъ говорить стихи, терцеты своего безсмертнаго соотечественника ¹⁾, какъ и онъ изгнаннаго и извѣдавшаго всю скорбь изгнанника, или стихотворенія величайшаго, благороднѣйшаго послѣ Данте итальянскаго поэта Джакомо Леопарди,—стихотворенія, источникомъ которыхъ также было страданіе. Въ такія минуты казалось, что онъ выражаетъ свои собственныя мысли, и обычная прострація покидала его. Онъ былъ привязанъ къ Герцену чисто сыновнею привязанностью и съ восхищеніемъ слушалъ его, когда тотъ увлекалъ своихъ слушателей во всѣ области человѣческой мысли со свойственными ему пыломъ и искрометностью рѣчи. Живой, блестящій умъ Герцена и его остроты одни только и могли порою заставить Саффи отъ души разсмѣяться».

На глазахъ Герцена и въ его домѣ жизнь Саффи стала полнѣе. Онъ давно былъ влюбленъ въ дочь англійскаго посланника Краффорда, родившуюся во Флоренціи. Лордъ не хотѣлъ ихъ брака. «Годы проходили, а Краффордъ не смягчался. Саффи терялъ терпѣніе, ссорился со своей невѣстой, иногда не бывалъ въ домѣ Краффордовъ въ продолженіе цѣлаго года. Жеоржина называла это малодушіемъ и все ждала согласія отца. Въ нашемъ домѣ,—разсказываетъ Н. А. Огарева,—произошло примиреніе Саффи съ его невѣстой. Сначала мать пріѣхала со старшей дочерью, чтобы познакомиться со мной; Герцена они давно знали, встрѣчали его съ Огаревымъ у Маццини, у Мильнеръ-Гибсонъ, изрѣдка Герценъ бывалъ и самъ у Краффордовъ. Жеоржина стала ѣздить къ намъ съ сестрой. Цѣль ихъ посѣщеній, конечно, заключалась въ надеждѣ встрѣтить у насъ Саффи и прійти съ нимъ къ какому-нибудь заключенію. Послѣ многихъ свиданій между ними въ нашемъ домѣ,

¹⁾ Данте.

разнеслась хорошая вѣсть: хоть и очень неохотно, Крафффордъ далъ свое согласіе на бракъ меньшей дочери съ Саффи» («Воспоминанія», 133—134). Свадьба была отпразднована съ участіемъ Ольги Герценъ и Огаревой.

«Однажды послѣ обѣда,—разсказываетъ посѣтившій въ 1857 г. Герцена А. Милюковъ,—А. И., особенно весело настроенный, вспомнилъ о своихъ московскихъ развлеченіяхъ и предложилъ спѣть хоромъ русскую пѣсню. Всѣ мы, не исключая дѣтей, усѣлись на коврѣ въ два ряда, лицомъ одни къ другимъ, изображая такимъ образомъ лодку, и затянули, какъ умѣли, «Внизъ по матушкѣ, по Волгѣ». Въ шумѣ этого патріотическаго упражненія мы не слышали, что на дворъ вѣхали гости. Вдругъ отворились двери, и въ залу вошелъ человѣкъ среднихъ лѣтъ, съ выразительнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ задумчиво-кроткимъ лицомъ, въ темно-сѣромъ фракѣ, а съ нимъ, закинувъ на руку трэнъ синей амазонки, молодая, стройная женщина въ фетровой шляпкѣ, изъ-подъ которой опу-скались бѣлокурые локоны. Всѣ мы поднялись.

— «Что это такое?—спросилъ съ улыбкой гость.

— «C'est un chant des pirates du Volga! ¹⁾—отвѣтилъ Герценъ, смѣясь и протягивая руку пріѣзжимъ,—намъ хотѣлось спѣть ее на берегахъ Темзы.

«Это былъ Саффи. Молодая дама была его невѣста, шотландка. Гости просидѣли съ полчаса. Герценъ, сколько я замѣтилъ, очень любилъ Саффи и считалъ его самой симпатичной личностью изъ всѣхъ знакомыхъ итальянцевъ. Онъ съ одушевленіемъ разсказывалъ мнѣ, что этотъ человѣкъ вынесъ послѣ того, какъ принужденъ былъ вмѣстѣ съ Гарибальди покинуть Римъ» («Литер. встрѣчи», 145—146).

Саффи сошелъ въ могилу едва ли не позже всѣхъ итальянскихъ друзей Герцена—въ 1890 году; онъ оставилъ многотомное собраніе своихъ сочиненій, гдѣ съ любовью упоминаетъ о Герценѣ, но, къ сожалѣнію, не сообщилъ почти ничего новаго.

Приведу переводъ одного письма Саффи къ Герцену, не нашедшаго себѣ мѣста въ предыдущихъ комментаріяхъ и хранящагося въ архивѣ семьи Герцена.

«Оксфордъ, 4 ноября 1853. Дорогой мой Герценъ. Пишу вамъ два слова, чтобы изъ глубины своего уединенія напомнить о себѣ вашей дружеской памяти. Я здѣсь очень одинокъ и очень печаленъ; городокъ этотъ ветхъ и далекъ отъ всякаго дуновенія жизни и будущаго. Это—городъ монашескій. Здѣшніе колледжи—

¹⁾ Это—пѣсня волжскихъ разбойниковъ.

монастыри, гдѣ ѣдятъ и душатъ мысль и совѣсть подѣ заплесневѣлыми формами государственной церкви. Однако, здѣсь есть юноши съ душой, способной любить и предчувствовать, и въ этихъ душахъ можетъ совершиться революція, какой старая Англія и не подозрѣваетъ. Съ ними я могу еще кое-когда разговаривать на человѣческомъ языкѣ. Послѣ такой мрачной картины вы спросите меня, почему я осудилъ себя на этотъ моральный Шильонскій замокъ? Причина въ слѣдующемъ, — она нѣсколько матеріальна, но отъ того не менѣе рѣшительна: я даю здѣсь уроки и тѣмъ могу избавить свою мать отъ денежныхъ жертвъ, которыя были бы ей тяжелы при экономическихъ условіяхъ, въ какихъ она находится. Все остальное время совершенно въ моемъ распоряженіи, и это одиночество было мнѣ, можетъ быть, даже необходимо. Послѣ того, какъ человѣкъ долгіе годы участвовалъ во внѣшнихъ кризисахъ жизни, полезно немного сосредоточиться и стать на независимую точку зрѣнія, чтобы правильнѣе судить о вещахъ. Именно это и дѣлаетъ мнѣ пріятнымъ мое пребываніе въ Оксфордѣ, несмотря на его дурныя стороны.

«Что же касается васъ, мой дорогой другъ, вы поставлены совсѣмъ въ другія условія, и я, по совѣсти, не могу посовѣтовать вамъ перемѣнить Лондонъ на эту поповскую ризницу. Можно себѣ позволить однодневную прогулку сюда; быть можетъ, она окажется даже прекрасною: съ точки зрѣнія исторической и артистической весьма интересна печать добраго стараго времени на всѣхъ готическихъ зданіяхъ, которыя встрѣчаешь здѣсь всюду, но жить здѣсь — совсѣмъ другое дѣло, и я ехель бы себя виновнымъ въ покушеніи на свободное дыханіе вашей груди, если бы предложилъ вамъ провести здѣсь, не говоря ужъ о цѣломъ мѣсяцѣ, хотя бы три или четыре дня.

«Прощайте, мой дорогой Герценъ — вспоминайте меня; пожмите отъ меня руку вашему милому Александру и вѣрьте, что я со всей искренностью моего сердца преданъ вамъ.

А. Саффи.

«Сдѣлайте мнѣ удовольствіе передать Головину, что я только что получилъ его письмо, благодарю за память и скоро отвѣчу.

«Выразите мои дружескія чувства Гаугу и М-ле Мейзенбургъ».

Фигура и личность Орсини больше извѣстны русскому читателю, а потому ограничусь только сказаннымъ о немъ М. Мейзенбургъ.

«Феличе Орсини представлялъ совершенную противоположность съ Саффи, а, между тѣмъ, и у него былъ чисто-итальянскій типъ...

Его приземистая фигура олицетворяла собою силу. Говорилъ онъ мало, какъ и Саффи, не потому, что мечталъ, или погружался въ миръ поэзіи, а потому, что наблюдалъ; онъ обдумывалъ замыслы, всегда слѣдилъ за собой, никогда не давалъ угадывать то, что лежало на днѣ его мысли. Онъ не разъ сидѣлъ въ тюрьмѣ и разъ сказалъ мнѣ, что какъ-то въ одно изъ своихъ заключеній прочелъ «Новую Элоизу» ¹⁾. Это произведеніе дало ему новое понятіе о женщинѣ; онъ пришелъ къ убѣжденію, что женщины должны быть уравнены въ правахъ, такъ какъ онѣ во всѣхъ отношеніяхъ равны мужчинамъ. Орсини часто заходилъ къ намъ вечеромъ побесѣдовать часокъ, много занимался съ дѣтьми, съ грустью говорилъ о своихъ двухъ маленькихъ дочеряхъ, оставшихся въ Италіи. Эта черта очень удивляла въ немъ; впервые встрѣчала я это глубокое семейственное чувство, которое, однако, далеко не рѣдкость у итальянцевъ, хотя ихъ, вообще, не считаютъ къ нему способными».

8. Въ архивѣ семьи Герцена хранится записка Д. Фази къ Герцену отъ 12 іюля 1849 года:

«Дорогой г. Герценъ, благодарю васъ за альманахъ. Право, онъ теперь совсѣмъ потѣшный. Если вы расположены сегодня, въ шесть часовъ по-полудни,—я, съ своей стороны, въ вашѣмъ распоряженіи. Вашъ, вполне преданный *Джемсъ Фази*».

9. Привожу изложеніе дѣла на основаніи официальныхъ документовъ, лишь частью уже опубликованныхъ мною прежде.

3 сентября 1849 г. министръ вн. дѣлъ Перовскій сообщилъ шефу жандармовъ гр. Орлову, что, по имѣющимъ у него свѣдѣніямъ, Г. И. Ключаревъ прислалъ изъ Москвы въ департаментъ внутреннихъ сношеній министерства иностранныхъ дѣлъ прошеніе объ утвержденіи довѣренности, данной ему Герценомъ, на залогъ въ московскомъ опекуномъ совѣтѣ имѣнія въ Костромской губ. Чухломскаго уѣзда (18 іюля 1849 г. сенатъ далъ указъ московскому ген.-губ. о наложеніи запрещенія на имѣніе Герцена въ Московской губ.). Черезъ недѣлю Перовскій добавилъ, что генеральнымъ консуломъ нашимъ въ Парижѣ 5/17 августа засвидѣтельствована довѣренность Луизы Гаагъ на полученіе изъ московскаго опекунскаго совѣта капитала съ процентами по билету № 75.986, выданному на имя Ивана Алексѣевича Яковлева и ей затѣмъ переданному.

16 сентября Орловъ распорядился, чтобы въ московской опекѣ никакихъ выдачъ по этому билету дѣлаемо не было, а какъ только къмъ-либо онъ будетъ предъявленъ, такъ сейчасъ же увѣдомить

¹⁾ Романъ Ж.-Ж. Руссо.

объ этомъ III Отдѣленіе. Одновременно московскому генераль-губернатору Закревскому было предписано навести справку, когда выданъ заграничный паспортъ Луизѣ Гаагъ, и русская ли она подданная. 28 сентября Закревскій сообщилъ, что паспортъ этой вюртембергской подданной выданъ 22 декабря 1846 г.

Управляющій опекунскимъ совѣтомъ А. Л. Гофманъ отвѣтилъ Орлову 15 октября, что 1 августа 1828 г. Иванъ Алексѣевичъ Яковлевъ внесъ въ московскую сохранную казну 60.000 рублей ассигнаціями съ тѣмъ, чтобы, въ случаѣ его смерти, всѣ проценты съ этого капитала получала Луиза Гаагъ (а за ея смертью—А. И. Герценъ), а капиталъ могла бы взять не ранѣе истеченія трехъ лѣтъ со дня его смерти. Этотъ-то вкладъ и былъ задокументированъ билетомъ № 75.986. Яковлевъ умеръ въ маѣ 1846 г., въ іюлѣ Гаагъ получила проценты, а теперь московскій купецъ Альбертъ Маркъ предъявилъ билетъ съ довѣрительной надписью Гаагъ. Разумѣется, 13 сентября 1849 г. деньги съ процентами были выданы ему безпрепятственно. Кромѣ того, въ іюнѣ 1846 г. Ключаревъ внесъ 106.000 руб. сер. на имя Гаагъ съ тѣмъ, чтобы въ теченіе двухъ лѣтъ она брала съ нихъ только проценты, а потомъ могла бы распорядиться и всѣмъ капиталомъ; на это выданъ билетъ за № 18.031. Что же касается самого Герцена, то на его имя въ московскую сохранную казну было внесено нѣсколько капиталовъ, но всѣ они уже выданы, а одинъ, въ размѣрѣ 100.000 руб. сер., переведенъ еще въ февралѣ 1849 г. въ петербургскую сохранную казну и въ мартѣ того же года выданъ, по довѣрительной надписи Герцена, Гассеру. Такимъ образомъ, соблюдая предписаніе III Отдѣленія отъ 16 сентября, можно было остановить выдачу только 106.000 руб. сер., принадлежавшихъ Гаагъ. Однако, 18 октября Гофманъ спохватился и добавилъ, что не можетъ и этого исполнить безъ высочайшаго повелѣнія.

Гр. Орловъ не зналъ, что дѣлать, и попросилъ совѣта Перовскаго... Послѣдній 1 ноября отвѣтилъ, что съ его стороны не будетъ оказано препятствія задержанію денегъ Гаагъ, если Орловъ «признаетъ эту мѣру по обстоятельствамъ дѣла необходимою». Орловъ же испросилъ высочайшее повелѣніе и 5 ноября увѣдомилъ о немъ московскую сохранную казну.

Прошли два мѣсяца, и 27 января 1850 г. Гофманъ пишетъ Орлову, что билетъ на задержанные 106.000 руб. сер. представленъ въ петербургскую сохранную казну Гассеромъ, который проситъ слѣдуемый по оному капиталъ и проценты перевести изъ московской сохран. казны въ петербургскую. Мало этого, положеніе осложняется еще и тѣмъ, главнымъ образомъ, что на обо-

ротѣ билета есть двѣ надписи: одна—«Для уплаты гг. братьямъ Ротшильдъ. Вюртембергская подданная *Луиза Ивановна Гаагъ*» и другая—«Payez à l'ordre de monsieur Ch. v. Gasser, valeur en compte, Paris, le 29 décembre 1849 de *Rothschild frères*»¹⁾. Что же теперь дѣлать?—спрашивалъ Гофманъ, совершенно не знавшій, какъ поступить въ этомъ крайне затруднительномъ случаѣ...

Николаю I захотѣлось узнать, въ какой валютѣ внесены были 106.000 рублей: серебромъ или ассигнаціями. Ему отвѣтили въ февралѣ, что серебромъ... 6 февраля Орловъ пишетъ московскому генералъ-губернатору, чтобы тотъ немедленно «подъ рукой» узналъ, кому принадлежать эти деньги—не Герцену ли? Закревскій отлично исполнилъ это порученіе и 18 февраля послалъ своему другу самое подробное описаніе имущественнаго положенія Герцена, сдѣланное для него самимъ Ключаревымъ, какъ уже и говорилось, служившимъ въ его управленіи и бывшимъ однимъ изъ душеприказчиковъ Льва и Ивана Яковлевыхъ.

Изъ него видно, что всѣ капиталы Яковлева надо раздѣлить на три равныя части: Луизы Ивановны, Герцена и его брата Егора. Оба сына, по завѣщанію, получаютъ свои части по достиженіи 30 лѣтъ. Въ 1846 г., въ годъ смерти Яковлева, Александру Герцену было уже 34 года, и потому они сами распорядились своими долями по 106.000 рублей сер. каждая. Кромѣ того, имъ было оставлено три дома въ Москвѣ, а Александру Герцену еще раньше дано и имѣніе въ Костромской губерніи. Уѣзжая за границу, Герценъ и его мать просили Ключарева принять на себя завѣдываніе ихъ имѣніемъ и домами. Въ разное время Ключаревъ получилъ: за аренду дома 1396 р., $\frac{1}{100}$ по заемнымъ письмамъ и распискѣ Д. П. Голохвастова 7386 р., отъ него же капитала 10100 р., отъ Мельгунова 200 р., Егора Герцена 200 р., Огарева 4263 р., $\frac{1}{100}$ по заемному письму Огарева 2000 р., оброка съ костромского имѣнія 5954 р., капитала по двумъ билетамъ московской сохранной казны, присланнымъ въ 1848 г. отъ Герцена изъ-за границы, даннымъ на его имя,—20.000 р., $\frac{1}{100}$ отъ сохранной казны съ капиталовъ 1974 р., за проданную карету 142 р., возвращено излишне переданныхъ 8 р., отъ Егора Герцена—за проданные ему два дома 13.285 р. сер.; итого—66.912 р. Израсходовано изъ этой суммы: переведено въ 1847 г. въ Римъ Герцену 3000 р., въ 1848 г. ему же въ Римъ—3428 р. и въ Парижъ—5000 р., Л. И. Гаагъ въ Парижъ 4400 р.,

¹⁾ Платите приказу Ш. фонъ Гассеръ, (отнеся) стоимость въ нашъ дебетъ. Парижъ, 29 декабря 1849 г. *Братья Ротшильдъ* (обычная форма передаточной надписи на чекѣ).

17 іюня 1849 г. ей въ Парижъ 8000 р., 23 іюля—8000 р.; уплачено по письмамъ Герцена: роднымъ его семействамъ Фроловой и Захарьина 2670 р., С. И. Астракову 285 р., М. Ф. Коршъ 200 р., уплачены % за Огарева г-жѣ Каппель 496 р., возвращено костромскимъ крестьянамъ рекрутскихъ денегъ 900 р., уплачено по лавкамъ 591 р., ремонтъ домовъ, страховка, поземельные, наемъ дворниковъ и пр. 1551 р., выдано Огареву подъ крѣпостное заемное письмо отъ 12 ноября 1848 г. на годъ, за поручительствомъ Ив. Ив. Маршева—25.000 р., мелкіе расходы 462 р., итого 63.967 р.

Такимъ образомъ у Ключарева оставались 2945 р. сер. и долговые документы: а) три заемныхъ письма т. сов. Д. П. Голохвостова 1849 г. на имя Гаагъ, срокомъ по 10 мая 1850 г., каждое по 10,000 р., итого 30.000 р. сер., каковыя, по довѣренности Герцена и Гаагъ отъ 21 апр. нов. ст. 1849 г., переписаны изъ писемъ въ 1840 г. 10 мая на имя Герцена; б) три заемныхъ письма кол. регистратора Н. П. Огарева на 45.000 р.: одно въ 25.000 р., другія получены отъ Герцена при письмѣ отъ 12 ноября 1849 г.—отъ 12 августа 1846 г. на годъ въ 10.000 р. и 28 октября 1846 г. на годъ въ 5000 р. сер.,—платежъ по нимъ уже произведенъ полностью. Кромѣ того, у Ключарева были еще 3120 р. сер. М. К. Эрнъ и сохранныя расписка въ 2000 р. сер., данная ей же Огаревымъ 17 апрѣля 1846 г. съ удостовѣреніемъ ея Герценомъ.

Ключаревъ представилъ Закревскому и довѣренности отъ Герцена отъ 13 янв. 1847 г. и отъ него и Гаагъ отъ 21 апрѣля 1849 г., 34 письма Герцена и копію съ довѣренности его отъ 21 апрѣля 1849 г. на залогъ костромского имѣнія въ опекун. совѣтъ. Послѣ высочайшего повелѣнія о наложеніи запрещенія на имѣніе Герцена, Ключаревъ прекратилъ съ нимъ всякія сношенія, о чемъ и увѣдомилъ его мать, деньги же Герцена и Эрнъ—6065 р. сер. представилъ Закревскому, какъ и всѣ упомянутыя долговныя обязательства Голохвостова и Огарева, три довѣренности Герцена и Гаагъ и письма ихъ къ нему, письма Эрнъ и еще одно, только-что полученное изъ Цюриха отъ Гаагъ съ приложеніемъ купона отъ положеннаго ею въ москов. опекунскій совѣтъ духовнаго завѣщанія и довѣренности на получение его обратно.

Закревскій приказалъ Ключареву доставлять и впредь всѣ письма и запросилъ шефа жандармовъ, что дѣлать съ полученными деньгами и документами.

Между тѣмъ, III Отдѣленіе, которому предстояло дать опредѣленное рѣшеніе въ назрѣвшемъ инцидентѣ, поняло, видимо, чѣмъ онъ могъ кончиться, и потому замѣтно пошло на попятный. Въ особой «справкѣ» отъ 25 февраля 1850 г. оно вдругъ стало на

сторону Ротшильда; заключительная ея часть заслуживаетъ быть переданной въ точности.

«*Соображеніе 1.* Такъ какъ 106.000 р., на которые нынѣ билетъ съ передаточною надписью представленъ Гассеромъ, внесены въ опекунскій совѣтъ, согласно духовному завѣщанію Яковлева, который предоставилъ сей капиталъ именно ей, Гаагъ, то оный не можетъ подлежать запрещенію.

«2. Оставшіеся у Ключарева отъ денегъ, вырученныхъ продажею дома Герцена, 2945 р. сер., подлежатъ секвестру, какъ собственность Герцена.

«3. Отданные дѣвицею Эрнъ на сохраненіе и принадлежащія ей 3121 р. сер. должны быть доставлены по принадлежности.

«4. Заемныя письма, данныя Герцену Н. Огаревымъ, какъ уплаченныя уже, слѣдуетъ возвратить для уничтоженія Огареву.

«5. Прочія бумаги, также и довѣренности, такъ какъ Ключаревъ уже устранилъ себя отъ дѣлъ Герцена и Гаагъ, подлежатъ уничтоженію, какъ неимѣющія уже силы, и должны быть тѣ изъ нихъ, кои относятся къ дѣламъ Герцена, оставлены въ канцеляріи московскаго генераль-губернатора для храненія впредь до востребованія, въ случаѣ окажется въ нихъ надобность для приведенія мѣстнаго начальства въ извѣстность имущества Герцена, а принадлежащія къ дѣламъ Гаагъ слѣдуетъ возвратить ей.

«6. Что касается заемнаго письма въ 30.000 р. сер., переведенныхъ Герценомъ въ апрѣлѣ 1849 г. на имя Гаагъ, то, хотя передача эта и можетъ подлежать нѣкоторому сомнѣнію, однако, письмо Герцена (въ которомъ онъ еще въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, т.-е. до начала дѣла о немъ, сообщаетъ Ключареву, что онъ, Герценъ, деньги эти по этимъ заемнымъ письмамъ, дѣйствительно, получилъ отъ своей матери Гаагъ) можетъ служить удостовѣреніемъ, что въ этой передачѣ не было подлога.»

Орловъ на этой справкѣ помѣтилъ: «все это описать, сказать наше мнѣніе и спросить министра юстиціи».

Въ это время, 25 февраля 1850 г., гр. Перовскій сообщилъ Орлову, что Нессельроде увѣдомилъ его, что наше парижское консульство засвидѣтельствовало довѣренность Гаагъ фонъ-Гассеру на полученіе 106.000 р. сер. Нессельроде спрашивалъ министра внутр. дѣлъ, удобно ли свидѣтельствовать этотъ документъ, если онъ будетъ присланъ въ министерство иностр. дѣлъ, и какъ, вообще, быть въ этомъ деликатномъ дѣлѣ.

На этотъ вопросъ III Отдѣленіе не нашло отвѣта и потому тоже поспѣшило запросить мнѣніе министра юстиціи гр. Панина. 11 марта послѣдній затребовалъ всѣ документы, письма, довѣрен-

ность и пр. Пока онъ обсуждалъ дѣло, Гофманъ донесъ гр. Орлову, 30 марта, что Гасслеръ уже нѣсколько разъ приходилъ за деньгами въ Спб. сохранную казну, но ничего не получилъ; между тѣмъ, почетный опекунъ Ланской находить, что такое отношеніе можетъ, вообще, ослабить довѣріе финансовыхъ сферъ къ билетамъ государственной сохранной казны: поэтому и онъ, подобно Нессельроде и Перовскому, просилъ совѣта, какъ же поступить?

Тогда гр. Орловъ 4 апрѣля просилъ Панина поспѣшить отвѣтомъ; для ускоренія его Дубельтъ отъ себя пишетъ о томъ же самомъ правой рукѣ министра, Топильскому. 12 апрѣля Панинъ сообщилъ, что, по точному смыслу закона, 106,000 р. сер. должны быть выданы Гассеру немедленно, деньги Эрнъ—ей самой, деньги же за домъ Герцена (2945 р.) подлежатъ секвестру по особому высоч. повелѣнію.

14 апрѣля Орловъ входитъ со всеподданнѣйшимъ докладомъ въ смыслѣ приведенныхъ «соображеній» III Отдѣленія и мнѣнія министра юстиціи. Резолюція царя помѣчена Орловымъ: «Высочайше утвердилъ мое мнѣніе и повелѣлъ исполнить». Немедленно объ этомъ было сообщено Гофману, Панину и Закревскому, которому вернули и всѣ документы, предъявленные Ключаревымъ.

20 апрѣля гр. Орловъ просилъ гр. Нессельроде узнать черезъ наше франкфуртское посольство или инымъ способомъ о мѣстѣ пребыванія Герцена и объявить ему первое высочайшее повелѣніе (1849 г.). 29 апрѣля Закревскій сообщилъ III Отдѣленію, что 2945 р. сер. внесены имъ въ московскій опекунскій совѣтъ для приращенія процентами, деньги и расписка Эрнъ и расписки Голохвостова переданы Ключареву для доставленія по принадлежности; расписки Огарева посланы для передачи ему черезъ пензенскаго губернатора.

5 мая Перовскій увѣдомилъ шефа жандармовъ, что Гассеръ уже представилъ довѣренность въ министерство иностранныхъ дѣлъ для окончательнаго ея засвидѣтельствованія и спрашивалъ, нужно ли это. Оказалось, что было нужно, иначе денегъ выдать нельзя. 25 октября министерство иностр. дѣлъ сообщило III Отдѣленію, что Л. Гаагъ дала въ Тетнатѣ новую довѣренность Гассеру на полученіе 106,000 р. сер. «Между тѣмъ, отъ посланника нашего въ Штутгартѣ получена слѣдующая секретная депеша отъ 17 октября: «11 юня 1850 г. императорская миссія засвидѣтельствовала подпись директора канцеляріи вюртембергскаго министерства иностр. дѣлъ на довѣренности, данной 5 юня въ Тетнатѣ Луизою Гаагъ на имя петерб. банкира Гассера для полученія капитала, помѣщеннаго на ея имя въ московскую сохранную казну. Такая сумма, прико-

сновенная къ темному имени собственника, меня крайне тогда до разила. Но такъ какъ актъ былъ въ порядкѣ и мнѣ не принадлежало право обсужденія путей приобрѣтенія капитала, то засвидѣтельствованіе совершено было безъ препятствій. Доношу объ этомъ сегодня вашему сіятельству, вслѣдствіе разговора съ г. Линденомъ. Министръ сказалъ мнѣ, что эта дама или дѣвица, Гаагъ о прошломъ которой онъ не имѣетъ никакихъ данныхъ,—вюртембергская подданная, выбравшая свое мѣстопробываніе въ Швейцаріи, гдѣ она посвятила себя служенію политическимъ бѣглецамъ, въ особенности вюртембергцамъ, и употребляетъ свое состояніе на покровительство ихъ революціоннымъ проискамъ. Съ этимъ намѣреніемъ она уничтожила прежнее свое духовное завѣщаніе, относящееся къ суммѣ, хранящейся въ Москвѣ. Она, вѣроятно, хочетъ вынуть теперь капиталъ съ тою же цѣлью. Вюртембергское правительство считаетъ, что 60—70,000 флориновъ уже истрачены ею на дѣла подобнаго рода, и съ сожалѣніемъ увидѣло бы, что такія большія средства, какъ 106,000 р. сер., тоже пошли бы на революцію. Поэтому министръ спросилъ меня, нѣтъ ли въ рукахъ русскаго правительства способа воспрепятствовать вывозу этого капитала изъ Россіи. Я не могъ дать ему удовлетворительнаго отвѣта, потому что сомнѣваюсь, что тутъ можно что-нибудь сдѣлать: всѣ документы въ совершенномъ порядкѣ. Что касается политической стороны во всемъ этомъ дѣлѣ, что она зависитъ отъ высочайшаго повелѣнія. Какъ бы то ни было, осмѣливаюсь просить ваше сіятельство официально не упоминать о ходатайствѣ г. Линдена. Его положеніе, какъ конституціоннаго министра, трудно, да и г. Гаагъ, живущая въ Швейцаріи, не зависитъ отъ вюртембергскаго суда; даже если бы было иначе, то мѣстные законы нисколько не помогли бы ему».

Министерство иностр. дѣлъ просило совѣта III Отдѣленія, что отвѣтить Линдену. Отвѣтъ былъ очень коротокъ: деньги уже выданы.

Въ январѣ 1852 г. Закревскій сообщилъ гр. Орлову, что въ декабрѣ 1851 г. Ключаревъ внесъ ему еще 2000 р. сер., какъ оброкъ съ д. Лепехиной (Костромской губ.) за 1851 г., которые и положены въ московскій опекунскій совѣтъ. Въ маѣ 1853 г. Ключаревъ внесъ Закревскому 2000 р. сер., какъ оброкъ за 1850; они были также внесены въ московскую опеку, а затѣмъ было сдѣлано распоряженіе, чтобы, въ виду взятія имѣнія Герцена въ вѣдѣніе чухломской дворянской опеки, оброка больше не взыскивать, а всѣ деньги сдать въ чухломскую дворянскую опеку, которая 30 мая 1853 г. и получила, такимъ образомъ, 6945 р. сер.; вмѣстѣ съ самой

д. Лепехиной они и остались въ рукахъ нашего правительства навсегда, такъ какъ хлопоты А. А. Герцена о полученіи обратно Лепехиной ни къ чему не привели (Архивъ III Отд. С. Е. И. В. канцеляріи, I экс. 1834 г., дѣло № 239 ч. 10. и дѣло № 14 канцеляріи москов. ген.-губ. 1845 г.). Изъ позднѣйшаго рапорта костромского губ. прокурора видно, что за время нахождения имѣнія въ опекуномъ управленіи по 1861 г. изъ собранныхъ доходовъ хранится въ опекѣ билетовъ кредитныхъ учрежденій на 16244 руб., а имѣніе къ тому времени заключало 204 муж. д. на 113 тяголъ; годовой оброкъ съ тягла установленъ опекой въ 17 р. 30 к. По рѣшенію чухломскаго уѣзднаго суда 1852 г., по истеченіи 10 лѣтъ на явку наслѣдниковъ со дня послѣдняго объявленія въ столичныхъ и заграничныхъ газетахъ, послѣдовавшаго 23 іюля 1853 г., имѣніе должно поступить со всѣми собранными и хранящимися въ опекѣ доходами, на правѣ выморочнаго, въ казну (Архивъ III Отд., I экс. 1862 г. дѣло № 77).

10. Полное названіе комитета: «Центральный демократическій европейскій комитетъ единенія партій безъ различія національностей»— «Europäische demokratische Komitee für die Solidarität der Partei ohne Unterschied der Völker»; иногда онъ называется такъ, какъ назвалъ Герценъ, иногда еще короче—«Comité européen». Онъ основанъ въ 1849 г. въ Лондонѣ, среди эмигрантовъ всѣхъ европейскихъ государствъ, эмигрировавшихъ или высланныхъ послѣ революцій 1848—49 гг. Главная цѣль—освобожденіе угнетенныхъ національностей Италіи, Германіи, Австріи и преимущественно самой Польши. Сначала главными руководителями комитета были: отъ Франціи Ледрю-Ролленъ, Италіи—Маццини, Польши—А. Дарашъ, Германіи—А. Руге и Румыніи—Д. Братіано, позже третьяго замѣнилъ Ворцель, четвертаго—Г. Струве, и прибавился отъ Венгріи Кошутъ.

За два мѣсяца до письма Герцена къ Маццини въ нѣкоторыхъ газетахъ появилось слѣдующее воззваніе Комитета къ полякамъ, датированное въ Лондонѣ 20 іюля 1850 г. и подписанное Ледрю-Ролленомъ, Маццини, Дарашемъ, Руге и Братіано:

«Поляки,

«Вы благородно страдали; вы храбро сражались; каждый изъ васъ является живымъ воплощеніемъ отечества; вся Европа при мысли о Польшѣ повторяетъ слова, съ которыми одинъ изъ римскихъ первосвященниковъ обратился къ вашимъ предкамъ: «Каждая горсть вашей земли, это—реликвія мучениковъ». Значитъ, вы достойны выслушать истину. Мы васъ любимъ и чувствуемъ себя достойными высказать вамъ ее.

«Вы призваны завершить европейскую борьбу, которую пер-

вами поддержать ваши южные и центральные братья. Возможно, что на ваших равнинах разыграется послѣдній бой между самодержавіемъ и свободою. Слѣдуетъ поэтому, чтобы вашъ боевой кличъ служилъ формулой жизни для всего славянскаго міра. Итакъ, вы должны выполнить великій долгъ; народъ вашъ всегда предчувствовалъ это; вотъ почему, что бы ни дѣлали, вы всегда были и останетесь націей.

«А между тѣмъ, въ 1848 г. вы не отвѣтили съ энергіей, на которую способны, на призывъ народовъ. Почему? Потому что съ 1846 г. у васъ не хватаетъ единой организаціи. Мысль шла у васъ впередъ; *дѣйствіе* же потеряло свою непрерывность и силу. Можно сказать, что вы, происходяшіе отъ предковъ, слушавшихъ Евангеліе съ мечомъ въ рукѣ, отказались отъ засвидѣтельствованія своей національной вѣры, ожидая возрожденія отечества и свободы отъ медленнаго хода вещей и отъ судорогъ Запада.

«Перестаньте заблуждаться! Вы не получите отечества и свободы, если не будете готовы пожертвовать собою для нихъ, потому что, если общечеловѣческіе законы и указываютъ намъ цѣль, то только мы, апостолы, воины, мученики, въ случаѣ надобности, должны ее достигнуть. Конечно, ваши братья изъ другихъ европейскихъ странъ много могутъ сдѣлать для васъ; они не забудутъ того, что ваша грудь служила имъ оплотомъ противъ магометанства. Но нужно, чтобы, прежде всего, сознаніе польскаго народа было готово громко и безпрестанно подтверждать право Польши на жизнь. А право, запомните это хорошенько, выражается только исполненіемъ долга; жизнь — не мысль, она — мысль, претворенная въ дѣйствіе.

«Итакъ, очнитесь и дѣйствуйте!

«Многіе въ 1848 г., указывая на возставшіе Берлинъ и Вѣну, говорили вамъ: «Все сдѣлано, свобода свалится на васъ съ неба, какъ манна небесная, безъ усилій, безъ битвъ». Но развѣ вы не познали на опытѣ, что свобода торжествуетъ только при помощи силы, что національность познаетъ самое себя не уступками, что она должна завоевать себѣ право существованія? Да, мы знаемъ это, — Вѣна и Берлинъ опять возстанутъ; но не посылкою имъ депутаціи отъ вашихъ національныхъ комитетовъ и не просьбами о реформахъ вы можете возстановить свое отечество; вы сможете это сдѣлать цѣною вашей жизни, отвѣтивъ на движеніе въ Вѣнѣ и въ Берлинѣ неожиданнымъ взрывомъ, бросившись, какъ европейскій резервъ демократической арміи, между націями и королями и обнаживши мечъ въ защиту новаго евангелія человѣчества: «за нашу и вашу свободу!». Слѣдовало бы повторить всѣмъ народамъ, участни-

камь крестоваго похода, эти благородныя слова, съ которыми вы обратились къ русскимъ въ 1830 году.

«О, вы всѣ, славяне, латиняне, германцы, вѣдь, сейчасъ дѣло идетъ не о частномъ интересѣ,—дѣло идетъ о принципѣ, мы сказали бы, почти о догмѣ,—о догмѣ солидарности между людьми. Ваша національность расцвѣтетъ только вмѣстѣ со всѣми угнетенными національностями. Старая карта Европы запачкана чернильной кляксой, сдѣланной Екатериною; вотъ эту-то карту нужно обновить. Союзъ королей уложилъ Польшу въ гробъ, и только союзъ народовъ можетъ разбить его крышку.

«Вамъ надо вытравить въ себѣ два порока: духъ усталости и инерціи и духъ индивидуализма и недовѣрія. Эксплуатируемые вашей аристократіей, они причинили вамъ въ прошломъ много зла; такъ пусть же польскій народъ, ради устройства своей жизни въ будущемъ, вырветъ послѣдніе корни этихъ пороковъ. Пусть исчезнетъ традиціонная вражда между нами; пусть состоится великое, моральное сліяніе въ общей, святой идеѣ; пусть молодая національность народовъ сотретъ старый династическій и дворянскій націонализмъ. Племена для насъ не болѣе, чѣмъ должностныя лица человѣчества. Ненависть, бродившая въ испорченной атмосферѣ дворцовъ, неизвѣстна въ бѣдной хижинѣ, въ республиканскомъ собраніи, состоящемъ изъ тѣхъ, которыхъ убаюкивали въ колыбели однѣми и тѣми же патріотическими пѣснями. Воздухъ, циркулирующій въ рядахъ народа, приноситъ не ненависть, но любовь.

«Нѣмцы, славяне, латиняне, у насъ у всѣхъ одна только цѣль: свобода, ассоціація, справедливость. Въ настоящее время въ Европѣ только два лагеря. Если бы кто-нибудь захотѣлъ разбить свою уединенную палатку между этими двумя лагерями, онъ натолкнётся бы на мщеніе съ одной стороны, на равнодушіе и полное пренебреженіе—съ другой.

«Поляки, братья наши! Аристократія, отечество касты погибло для васъ. Оно погибло въ Тарговицѣ. Объ этомъ говорилъ Костюшко, если правда, что онъ воскликнулъ, падая: «Finis Poloniae!». Возродитесь въ равенствѣ, въ отечествѣ для всѣхъ, въ націи, и каждая раса, каждый народъ въ Европѣ съ энтузіазмомъ протянетъ вамъ братскую руку.

«Развѣ Европа не знаетъ, что вы принесли міру высокую идею о федераціи славянскихъ народовъ? Эта идея зародилась при Болеславѣ Великомъ; аристократія не могла ее понять. Своей преступной бездѣятельностью она погубила силу инициативы, которую эта идея должна была дать вамъ; она, какъ и всякая аристократія, сосредоточила жизнь въ самой себѣ и, если иногда выходила изъ

своей обособленности, то дѣлала это съ эгоистическою цѣлью. Всюду, внѣ предѣловъ государства и внутри его, вплоть до руссинскихъ (russiennes) земель, этого перваго этапа варваровъ, шедшихъ, сами не зная того, въ Римъ съ цѣлью получить тамъ цомазаніе— всюду національность-каста отрекалась, подавляя, тиранизируя, заглушая народное вдохновеніе, отъ великой роли Польши. Да возобновится же теперь эта великая роль, благодаря народному вдохновенію. Пусть крестьянинъ самъ претворитъ въ дѣло то, что предугадывалъ Болеславъ Великій.

«Мы сказали: «федерація славянскихъ народовъ», но не панславизмъ. Панславизмъ — единеніе пантеистическое, это — не міръ свободы. Это—чудовищное понятіе, вытекающее изъ военнаго деспотизма; вся Европа отвергла бы его. Развѣ онъ не былъ, впрочемъ, изблеченъ, начиная съ 1825 г., даже на берегахъ Невы? Панславизмъ, это — царь. Но не съ нимъ, а съ мучениками русской свободы, съ Пестелемъ, Муравьевымъ, Бестужевымъ и съ ихъ товарищами, можетъ и долженъ народъ польскій возобновить отношенія.

«Чего нынче не хватаетъ Польшѣ? Инициативы. Въ тотъ день, когда она займетъ подобающее ей положеніе народа-иниціатора, она будетъ спасена.

«А почему бы не такъ, поляки? Почему бы лозунгу славянскаго міра не исходить отъ васъ сейчасъ? Почему Варшавѣ не сдѣлаться Римомъ Сѣвера, т.-е. центромъ и средоточіемъ сѣверныхъ расъ, чѣмъ Римъ былъ для расъ южныхъ? Въ то время, какъ Франція и Италія организуютъ союзъ греко-латинскихъ народовъ; въ то время, какъ внутренняя дрожь предвѣщаетъ близкое единеніе германскаго міра, почему бы не могла Польша, въ согласіи со своими старыми друзьями, венгерцами, во имя заслугъ, оказанныхъ ею Европѣ, во имя ея продолжительнаго мученичества двинуть въ походъ *отенный крестъ* послѣдней битвы, высшій лозунгъ, который раздавался бы на границахъ всѣхъ старыхъ деспотій вплоть до восточныхъ береговъ Адриатики?

«Для этого нужно только желать, сильно и безпрестанно желать, желать всѣми фибрами своего тѣла и во всѣ часы сутокъ, желать любовно, жертвенно и постоянно. Итакъ, желайте — и въ путь! Европа начинаетъ думать, что вы истощены борьбою 1830 г. Повторите Европѣ слова Рейтана: «Нѣтъ деспота настолько сильнаго, чтобы сломить меня, и настолько хитраго, чтобы меня развратить».

Герценъ правъ — нѣкоторыя правительства заволновались; не было, конечно, исключеніемъ и наше, всегда очень плохо пред-

ставленное на мѣстахъ своими дипломатическими силами, больше полагавшимися въ подобныхъ случаяхъ на агентовъ въ родѣ Я. Н. Толстого, Сагтынского и т. п. канцеляристовъ шпионскаго ранга. Чтобы иллюстрировать все убожество тогдашней дипломатической работы и чаянія помощи все отъ того же III Отдѣленія С. Е. И. В. канцеляріи, приведу «списокъ лицъ, о которыхъ упоминается въ разныхъ полученныхъ изъ-за границы свѣдѣніяхъ въ продолженіе 1850 года и которыхъ приказано имѣть въ виду»; онъ пресерьезно подшитъ въ обложку 4-й части дѣла... «о политическихъ переворотахъ въ Европѣ»,—дѣла, изъ котораго, разумѣется, при его безграмотной тяпкино-ляпкинской перепискѣ, ясно, насколько мы были плохими даже протоколистами европейскихъ событій.

1. Вороничъ	}	Главные представители аристократической партіи.
2. Чаплицкій		
3. Кигельницкій		
4. Фердинандъ Вольфъ	}	Особенно старались объ успѣхѣ германской пропаганды въ Парижѣ.
5. <i>Адольфъ Рейхель</i> ¹⁾		
6. Генераль Шнейде	}	Члены польскаго комитета въ Лондонѣ.
7. Ворцель		
8. Борчевскій (Borczewski)		
9. Высоцкій		
10. Скорковскій	}	Германскіе пропагаторы въ Лондонѣ, которые стараются дѣйствовать на Германію посредствомъ сочиненій.
11. Струве		
12. Марксъ (Marx)		
13. Блиндъ	}	Члены германскаго комитета въ Бельгіи.
14. Гекеръ (Hecker)		
15. Генценманъ (Hainzenmann)		
16. Бекеръ (Becker)		
17. Штрекеръ (Strecker)	—	Извѣстенъ по республиканскому духу въ вел. герц. гессенскомъ.
18. Гр. Владиславъ Замоискій	—	Находился въ сардинской службѣ полковникомъ и въ апрѣлѣ уволенъ въ отставку.
19. Хржановскій	—	Тоже.
20. Гр. Людвигъ Казинскій	—	Тоже.

¹⁾ Мужъ М. К. Эрнъ.

21. Марксъ (см. выше, № 12)	}	Члены германскаго клуба въ Лондонѣ.
22. Вольфъ		
23. Энгельсъ		
24. Зейлеръ		
25. Ларошъ	}	Дѣятельнѣйшіе агенты вышеупомянутаго клуба.
26. Виллихъ		
27. Шраммъ		
28. Бауэръ		
29. Струве (см. № 11)	}	Принадлежащіе къ числу членовъ германскаго клуба въ Висбаденѣ.
30. Эрбе		
31. Эстеръ		
32. Шапперъ		
33. Сморгевскій		
34. Бѣльскій (Архивъ III Отд. С. Е. И. В. канц., 1 эксп. 1850 г., дѣло № 60, ч. 4).		

11. Вмѣстѣ съ Луизой Ивановной и Колей жила М. К. Эрнъ, которая рассказываетъ о воспитаніи Колю нѣсколько интересныхъ подробностей (стр. 66—67) (они часто принимали у себя Гервега, пріѣхавшаго въ Цюрихъ послѣ отъѣзда Герцена въ Парижъ). Въ декабрѣ 1849 г. Н. А.—на была вполне спокойна за сына и писала Н. А. Тучковой въ 1849 году: «Коля поселился въ Цюрихѣ, я на его счетъ совершенно спокойна; что для него дѣлаетъ Машенька и Луиза Ивановна, больше сдѣлать нельзя; да и въ будущее его мнѣ какъ-то вѣрится,—онъ всѣхъ похожѣ на Александра» (копія въ бумагахъ А. Н. Пыпина). Шерръ познакомился съ Луизою Ивановною въ 1851 г. въ Цюрихѣ и вспоминаетъ, что, уже старая женщина, «она была чрезвычайно красива и любезна, обладала также прекрасными манерами; она жила въ домѣ, гдѣ нѣкогда старый Бодмеръ принималъ Клопштока, Виланда и Гете». О Колѣ Герценѣ онъ говоритъ: «мальчикъ былъ довольно красивъ, но глухонѣмой» («Die Nihilisten», 25).

12. Въ № 41 «National» 1850 г. было сообщено, что Колю не приняли въ институтъ глухонѣмыхъ въ Цюрихѣ только потому, что Герценъ—эмигрантъ; имя Герцена обозначено «M***». Газета была очень возмущена.

13. Привожу актъ о натурализаціи съ подлинника, хранящаяся въ архивѣ семьи Герцена.

Le Grand Conseil du canton de Fribourg fait savoir par les présentes.

Qu'en vertu du pouvoir qui lui est attribué par l'art. 45. litt. i de la Constitution, sur la transmission qui lui a été faite par le Conseil d'Etat des papiers requis et sur la proposition que lui a adressée cette autorité d'accorder la naturalisation à Monsieur Alexandre Herzen, émigré russe, né en 1812, jouissant de ses droits, ainsi qu'à Madame son épouse Nathalie Zacharine et à ses quatre enfants Alexandre né en 1839, Nicolas né en 1843, Nathalie née en 1844 et Olga née en 1850, tous domiciliés à Nice en Piémont, a reçu et agréé ce citoyen ainsi que sa famille au nombre des naturels du Canton, voulant et ordonnant qu'en vertu de cette naturalisation il jouisse de tous les droits politiques et avantages qui sont assurés aux citoyens de ce Canton, sous la réserve qu'il supporte loyalement sa quote-part de toutes les charges publiques tant réelles que personnelles et qu'il s'efforce de donner en tout temps et en toute occasion à la patrie qui l'a adopté des preuves d'attachement et de dévouement sans bornes. Dans cette persuasion nous l'avons admis à l'exercice immédiat de ces droits politiques.

Cette naturalisation est accordée pour le prix de mille francs fédéraux (ffx 1000) pour le récipiendaire et les membres de sa famille.

M-r Herzen déposera 25000 f. fédéraux à la banque cantonale, cette somme jusqu'à l'âge de majorité de ses enfants.

En foi de quoi les présentes lettres de naturalisation ont, pour lui être remises, été expédiées et munies du sceau du G-d Conseil et des signatures requises à Fribourg le six Mai mil huit cent cinquante et un (6 mai 1851).

Au nom du Grand Conseil

Le Président *Frossard*.

Le 1-r Secrétaire *Ch. Vissaulo*.

Le Conseil d'Etat du Canton de Fribourg. Vu l'acte de réception bourgeoiale à la commune de Châtel au Distrikt du Lac du prénommé Alexandre Herzen et de sa famille en date des 29 Mars et 16 Avril 1851 et expédié le 4 Juin de la même année, signé Jean Antoine Frédéric Engelhart, notaire à Morat, vu aussi la quittance des 2173 f. fédéraux 92 centimes qui ont été appliqués suivant l'esprit de l'art. du décret du 14 Mai 1812 et à teneur de l'art. 202 de la loi sur les

communes du 5 Juillet 1848, ordonne que les présentes lettres de naturalisation soient remises au citoyen Alexandre Herzen pour lui servir selon droit.

Donné à Fribourg sous le sceau de l'Etat et les signatures requises le 16 Juin 1851.

Au nom du Conseil d'Etat
Le Vice-Président
(подпись неразборчива).
Le Chancelier *D'Berchtold*.

Переводъ.

Большой Совѣтъ Фрейбургскаго кантона настоящимъ актомъ поставляетъ въ извѣстность, что, въ силу власти, предоставленной ему ст. 45, п. *i* конституціи, и на основаніи переданныхъ ему Правительственнымъ Совѣтомъ надлежащихъ документовъ и согласно сдѣланному ему этимъ правительственнымъ учрежденіемъ предложенію разрѣшить натурализоваться г. Александру Герцену, русскому эмигранту, родившемуся въ 1812 году и пользующемуся всѣми своими правами, а также его супругѣ Наталіи Захарьиной и четверымъ его дѣтямъ: Александру, родившемуся въ 1839, Николаю—въ 1843, Наталіи—въ 1844 и Ольгѣ—въ 1850, проживающимъ въ г. Ниццѣ, въ Пиемонтѣ, Большой Совѣтъ принялъ этого гражданина вмѣстѣ съ его семействомъ въ число уроженцевъ кантона и повелѣлъ, чтобы, въ силу этого акта натурализаціи, онъ пользовался всѣми политическими правами и преимуществами, обезпеченными гражданамъ этого кантона, подѣ условіемъ неуклоннаго несенія падающей на него части общественныхъ повинностей, какъ матеріальныхъ, такъ и личныхъ, а также подѣ условіемъ, чтобы онъ старался во всякое время и при всякомъ случаѣ давать усыновившей его родинѣ доказательства своей привязанности и безграничной преданности. Въ этомъ убѣжденіи мы допустили его къ немедленному пользованію этими политическими правами.

За разрѣшеніе сей натурализаціи взимается съ натурализующагося и его семейства тысяча федеральныхъ франковъ (1.000 Фед. франк.).

Кромѣ того, г. Герценъ долженъ внести 25.000 федеральныхъ франковъ въ кантональный банкъ, каковая сумма остается тамъ до совершеннолѣтія его дѣтей.

Въ исполненіе настоящаго постановленія актъ натурализаціи за надлежащими подписями и печатью Большого Совѣта препро-

вожденъ въ Фрейбургъ для врученія г. Герцену, шестого мая тысяча восемьсотъ пятьдесятъ перваго года (6 мая 1851),

Отъ имени Большого Совѣта

Президентъ *Фроссаръ*.

Первый секретарь *Ш. Висоло*.

Правительственный Совѣтъ кантона Фрейбургъ, принимая во вниманіе актъ принятія въ число гражданъ въ общину Шатель Озернаго округа вышеназваннаго Александра Герцена и его семейства отъ 29 марта и 16 апрѣля 1851 года и препровожденные 4 іюня за подписью Жана-Антуана-Фридриха Энгельгарта, нотариуса въ Мора, а также квитанцію въ полученіи 2.173 федеральныхъ франковъ и 92 сантимовъ, взысканныхъ, по точному смыслу ст. декрета отъ 14-го мая 1812 года и ст. 202 закона объ общинахъ отъ 5-го іюля 1848 г., приказываетъ, чтобы прилагаемые документы о натурализаціи были вручены гражданину Александру Герцену для пользованія ими согласно закону.

Дано въ Фрейбургѣ за надлежащими подписями и съ приложеніемъ государственной печати, 16 іюня 1851 г.

Отъ имени Правительственнаго Совѣта

Вице-Президентъ (*Подпись неразборчива*).

Канцлеръ *Д. Бертольдъ*.

14. Привожу съ подлинника, хранящагося въ архивѣ семьи Герцена «Извлеченіе изъ протокола преній Большого Совѣта кантона Фрейбургъ (Швейцарія) въ 1850—1852 гг.».

Засѣданіе 6 мая 1851.

Предсѣдатель—г. Фроссаръ.

Г. Александръ Герценъ, русскій эмигрантъ, живущій нынѣ въ г. Ниццѣ, въ Піемонтѣ, проситъ о натурализаціи его, его жены и ихъ четверыхъ дѣтей въ этомъ кантонѣ.

Разсмотрѣвъ указанную просьбу, Правительственный Совѣтъ считаетъ ее пріемлемой, хотя не всѣ формальности и условія, предусматриваемыя декретомъ 14 мая 1812 г., выполнены буквально; такъ, недостаетъ свидѣтельства объ освобожденіи просителя отъ прежняго подданства. На это исполнительная власть замѣчаетъ, что г. Герценъ фактически освободился отъ всѣхъ связей съ его родиною и потерялъ русское подданство, потому что отказался под-

чиниться предложеніямъ русской полиціи, потребовавшей въ 1850 г. его немедленнаго возвращенія на родину.

Что же касается доказательствъ его имущественной обезпеченности, то г. Герценъ представилъ подлинный документъ, удостоверяющій, что въ Парижѣ онъ владѣеть недвижимымъ имуществомъ, за которое заплатилъ 100.000 французскихъ франковъ; кромѣ того, г. Герценъ обязуется внести 25.000 фр. во Фрейбургскій кантональный банкъ, на срокъ до совершеннолѣтія его дѣтей.

Поэтому Правительственный Совѣтъ предлагаетъ:

- 1) Разрѣшить натурализацію на ниже изложенныхъ условіяхъ.
- 2) Допустить просителя къ немедленному пользованію его политическими правами, при соблюденіи, однако, слѣдующихъ условій:
  - а) Взносъ за натурализацію опредѣляется въ 500 франковъ, по старой таксѣ, за просителя вмѣстѣ съ однимъ изъ его сыновей, и еще 100 франковъ, по старой таксѣ, за другого его сына вмѣстѣ съ двумя дочерьми.
  - б) Проситель внесетъ 25.000 федеральныхъ фр. въ кантональный банкъ.

Г. *Гросридеръ* выражаетъ желаніе, чтобы соблюдалась величайшая осторожность при разрѣшеніи натурализаціи. Онъ не присоединится къ предложенію Совѣта.

Г. *Монра*. Такъ какъ законъ 1812 г. до сихъ поръ остается въ силѣ, то проситель обязанъ съ нимъ сообразоваться. Въ виду отсутствія акта объ освобожденіи его отъ прежняго подданства, ораторъ считаетъ необходимымъ отложить рѣшеніе вопроса.

Гг. *Глассонъ*, *Кастелла*, *Контъ-Водо* и *Торенъ* высказываются, въ принципѣ, за удовлетвореніе просьбы. Г. Герценъ уже лишился русской осѣдлости тѣмъ, что не вернулся на родину; значитъ, налицо условія, фактически-требуемыя и кантональнымъ закономъ и федеральною конституціею.

Г. *Пажъ* тоже того мнѣнія, что законъ 1812 года допускаетъ широкое распространительное толкованіе. Тѣмъ не менѣе, онъ желалъ бы, чтобы г. Герценъ представилъ документъ, въ которомъ значилось обращенное къ нему требованіе возвратиться въ свое отечество.

Г. *Данье*, вообще, полагаетъ, что нужно быть менѣе щедрымъ въ разрѣшеніяхъ натурализаціи, иначе швейцарское національное чувство будетъ умалено.

Г. *Глассонъ* не раздѣляетъ опасеній только-что высказавшаго почтеннаго оратора.

Голосованіе: 32 голосами противъ 9 постановлено непосредственно перейти къ разсмотрѣнію просьбы.

Очевиднымъ большинствомъ, безъ возраженій, постановлено: разрѣшить въ принципѣ натурализацію г. Герцена.

Затѣмъ, по предложенію нѣсколькихъ депутатовъ, безъ возраженій, постановлено повисить взнось за натурализацію г. Герцена и его семейства до 1.000 фед. франковъ.

Предложеніе Правительственнаго Совѣта о предоставленіи просителю немедленнаго пользованія его политическими правами не вызвало преній и принято поднятіемъ рукъ.

15. Письма Н. А.—ны къ Н. А. Тучковой (Огаревой) приведены Герценомъ далеко неполно и ихъ гораздо больше. Это—очень цѣнные документы для изученія ея настроеній и отношенія къ своей жизни. Привожу нѣсколько извлеченій.

26 апрѣля 1848 г.: «Живите, живите жизнью, а не мушинымъ сномъ. Быть мухой не хорошо».

17 октября 1848 г.: «Да и отчего же не дать себѣ воли? кто же дастъ ее тебѣ, коли самъ не дашь? Вы не думайте, что мнѣ все бываетъ дурно; часто бываетъ дурно, и такъ, что взялъ бы весь міръ и разбилъ бы его вдребезги, какъ бокалъ, за то, что въ немъ, вмѣсто шампанскаго, намѣшана какая-то бурда, а *себя* никогда не хочется разбить,—мнѣ со мной и въ себѣ хорошо (вы понимаете, что въ мое *я* входитъ все, съ чѣмъ я симпатизирую); тутъ жизнь никогда не изсякаетъ, тутъ непрерывное возрожденіе, цвѣтъ; я даже не предвижу *вкусить плода*, да и не хочу! Плодъ—смерть. Зачѣмъ я не могу воззвать васъ къ жизни, подѣлиться своей?»

«Емма (Гервегъ—М. Л.) васъ помнитъ и много любитъ: мы видимся довольно часто и всегда говоримъ о васъ. Зачѣмъ же вы не прислали вашего письма къ ней? Мало женщинъ, съ которыми мнѣ такъ хорошо, какъ съ ней; она похожа на свѣжую ключевую воду: бьетъ безъ пѣны, но энергично».

«О книгахъ пусть напишетъ вамъ Ал., я никогда ничего не читала и не знаю, что *надо* читать; вообще, вѣдь, я не знаю, что *надо*».

8 ноября 1848 г.: «Хочу жить, жить своею жизнью, жить, насколько во мнѣ есть жизни; искать ее внѣ—пустяки, хотѣть ее отдать, сдѣлать вкладъ, т.-е., какъ вдовица, принести два лепта, — тоже пустяки; вообще, друзья мои, страдать—пустяки да и искать наслажденій—тоже. Надо жить, сколько живетъ. Дома у меня *хорошо*, только васъ нѣтъ!..»

21 декабря 1848 г.: «Въ Италіи было мое возрожденіе. Какъ хорошо это время, какъ я хотѣла бы пережить его!..

«Пока дѣти здоровы, мнѣ не такъ тяжело, хотя и не легко;

а это незаконное, неправое, нелѣпое поглощеніе существованія ужасно отвратительно. Вѣдь, я не многого хочу—нѣсколько часовъ въ день себѣ, себѣ, т.-е., чтобы я могла и другому ихъ отдать, *какъ я хочу*, а не высасывала бы ихъ у меня нелѣпая сила, глупая, бессмысленная,—остальное время я готова служить, пожалуй».

12 января 1849 г.: «Не знаю отчего, Наташа, все болѣе и болѣе сливаюсь съ природой, все болѣе люблю жизнь ея и все болѣе и болѣе отрываюсь отъ жизни человѣческой, и все болѣе ненавижу безобразіе ея и, кажется, все болѣе страдаю; каждое мгновеніе становится ребромъ, а иногда и совсѣмъ вверхъ дномъ, и все кажется, не такъ бы надо, можно жить... авось, либо уже завтра, черезъ годъ... А между тѣмъ, глядя, какъ совершается исторія, великіе перевороты, тащишь себѣ, тащишь борону... А вокругъ тебя, возлѣ тебя мышья бѣготня.

«Вотъ только Емма,—отъ нея у меня носъ не залегаетъ, я люблю ее, но и въ ней много ненужнаго; ея мужъ—широкая натура; съ нимъ мнѣ даже хорошо молчать, мысль не задѣваетъ за него, не спотыкается.

«Natalie, Natalie, какъ страшно вздумать, какъ измѣняется человѣкъ, какая разница между тою жизнью, которою я жила прошлой весной, и теперь... Я не знаю, что лучше, хуже, что больше, меньше, знаю, что совсѣмъ другое, только такъ же мучительно и хорошо подчасъ; тогда я была все, теперь все почти—я».

1 февраля 1849 г.: «Понимаете ль вы, понимаете ль, что я писать не могу? Что нечего писать, что все это глупость? я даже видѣть васъ не хочу—это было бы слишкомъ! Мнѣ небо теперь кажется съ овчинку, все съ овчинку, все темное, горькое, больное. Все пустяки! все пустяки! Я счастлива, друзья, счастлива безконечно».

Получивъ извѣстіе о томъ, что Тучкова открыто сошлась съ Огаревымъ, Н. А.—на писала 7 февраля 1849 г.: «Я одѣлась, надѣла бѣлая чистыя перчатки, не могла другихъ, пошла гулять, накупила цвѣтовъ, отнесла ихъ Эммѣ. Мнѣ хотѣлось весь свѣтъ усыпать цвѣтами... Взяла съ собой Георга и пошла съ нимъ по Champs-Élysées. Это—единственные люди, съ которыми я *не могла* не подѣлиться тѣмъ, что происходило во мнѣ... Емма въ постели—у нея родилась дочка Ада. Ну, такъ вотъ мы и пошли съ Георгомъ, веселые, какъ дѣти; дѣлали тысячу плановъ, шли, шли и пришли въ кабачокъ и выпили съ нимъ съ радости бутылочку».

7 апрѣля 1849 г.: «Теперь я больше, чѣмъ прежде, люблю Эмму; это—благороднѣйшее существо, симпатизирующее всему хо-

рошему, *отдающееся* всему хорошему, безъ малѣйшей aggrèe pensée; я забываю иногда вовсе нѣмецкія черты ея характера, и мнѣ бываетъ съ ней очень хорошо, а главное—*свободно*».

9 іюня 1849 г.: «Чувствую себя свѣжо, ярко и юно, мой другъ; не знаю, чего бы особенно недоставало для полноты моего существованія. ...Не могу не передать тебѣ пріятнаго чувства, которое я испытала вчера. Была страшная гроза, дождь лиль, какъ изъ ведра; Ал. былъ въ Пар.; дѣти шаговъ въ стахъ; одна Наташа спала въ моей комнаткѣ,—ну, кто спить, тотъ тоже не ближе ста шаговъ отъ насъ. Итакъ, я была совершенно одна,—это не часто случается мнѣ, почти никогда, и, видно, поэтому мнѣ это было безконечно пріятно. Я сидѣла долго, долго у открытаго окна,—когда я одна, я ничего не боюсь,—я какъ-то дышала полнѣй и шире оттого, что ни милое, ни постылое прикосновеніе не мѣшало мнѣ. Изъ этого не значить, что милая помѣха не пріятна никогда, совсѣмъ нѣтъ!» (напечатано г. Гершензономъ въ I т. «Русскихъ Пропилеевъ»; приведено съ нѣсколькими исправленіями, сдѣланными по подлинникамъ, хранящимся въ Румянцовскомъ музеѣ).

Чтобы читателю было еще яснѣе отношеніе Н. А.—ны къ Н. А. Тучковой, приведу выдержку изъ письма начала 1848 года; «Съ тѣхъ поръ, какъ я тебя узнала, вопросъ о твоей жизни сталъ для меня наравнѣ съ самыми близкими, съ самыми необходимыми вопросами для меня. Рѣдкій день—и даже не знаю, былъ ли онъ—я засыпала и просыпалась, не думая о тебѣ. Тревожное чувство, которымъ проникнута любовь моя къ дѣтямъ, проникнуло любовь мою къ тебѣ и сдѣлалось необходимымъ элементомъ моей жизни, вѣроятно, до конца ея. Встрѣча съ тобой внесла столько прекраснаго въ мою душу, сдѣлала меня настолько лучше... Да, да, не смѣйся этому, я не въ припадкѣ дѣлать комплименты, а если это и припадокъ, то онъ такъ долго продолжается, что я признаю его за нормальное состояніе. Итакъ, я повторяю тысячу разъ, что твое явленіе, чувство, возбужденное тобою во мнѣ, дали мнѣ много наслажденья. Часто, среди самага смутнаго состоянія, тяжелаго, воспоминанье о тебѣ успокаиваетъ, возвращаетъ силы, и я съ новой энергіей принимаю жизнь... Но зато такъ же часто, точно холодная и жестокая рука, сжимаетъ и останавливаетъ душу впрозь; но что я для нея сдѣлала?... Я даю тебѣ себя, но что же я? Разумѣется, лучше, чѣмъ ничего—но болѣе я не могу дать ничего. Я бы хотѣла дать тебѣ самое тебя—какая бездна, бездна жизни!.. И какое произвольное самоуничтоженіе!.. Вотъ что мнѣ страшно больно, что ставитъ во мнѣ все вверхъ дномъ. Столько силы, развитія, глубины, пониманія, и все это бросается»...

Цитирую из писемъ Н. А.—ны мѣста, касающіяся болѣзни дочери.

«Наташа была больна; въ болѣзни ея была *минута опасная*; ты понимаешь, что для меня должна была быть эта минута... Теперь Наташа выздоровѣла, только еще капризничаетъ, Саша занемогъ... У нихъ интересы такъ разны, отъ этого ужасно трудно мнѣ одной удовлетворить ихъ обоимъ вмѣстѣ и при всемъ желаніи сдѣлать это, при всей любви, твердости я не всегда этого достигаю, что меня утомляетъ страшнымъ образомъ. Помощи искренней, изъ любви нѣтъ, а она-то меня только и могла бы удовлетворить, дать отдыхъ; помощь изъ денегъ утомляетъ меня еще болѣе». «У нея была горячка и воспаленіе въ животѣ; докторъ пріѣзжалъ два раза въ день, а въ одинъ день 4 раза; она была очень въ опасномъ положеніи. Алек. и попеременно маменька, Марія Касп. и Элиза сидѣли со мною надъ нею день и ночь. Я смотрѣла на нее и мнѣ было такъ тяжело, такъ невыносимо, что, Natalie, я бы десять разъ умерла за нее,—теперь она выздоравливаетъ».

Изъ писемъ Н. А. Тучковой къ Н. А.—нѣ сохранились такія, которыя показали бы отношеніе первой ко второй, поэтому приходится пользоваться ея воспоминаніями, помѣщенными въ книгѣ Т. П. Пассекъ.

«Никогда я не встрѣчала такой симпатичной женщины, какъ Наталія Александровна. Прекрасный открытый лобъ, задумчивые, глубокіе темно-синіе глаза, темныя густыя брови, что-то спокойное и нѣсколько гордое въ движеніяхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ женственность, нѣжность, мягкость; иногда по ея лицу проходила тѣнь грусти, — вполсѣдствіи я поняла, что было виною этого... Меня удивляло, что большая часть нашихъ знакомыхъ находила [Наталіи холодной; напротивъ, это была натура поэтическая, страстная, горячая, въ кроткой, изящной оболочкѣ. Она чувствовала все тонко и вѣрно понимала художественное и изящное... Я замѣтила, что къ Наталіи почти никто не относился равнодушно: ее или любили или ненавидѣли, вѣрнѣе, ей завидовали» (т. III, стр. 80).

16. П. В. Анненковъ разсказываетъ: «Позднѣе Герценъ говорилъ, что обращеніе его съ этимъ человѣкомъ было болѣе *фамиллярное*, чѣмъ дружественное. Можетъ быть, это и такъ въ смыслѣ психической вѣрности, но мы всѣ видѣли его непрестанныя ухаживанія за нашимъ эмигрантомъ, его усилія выказаться передъ нимъ блестящими сторонами ума, купить его вниманіе. Такъ было, впрочемъ, на первыхъ порахъ у Герцена и съ другими эмигрантами и знаменитостями радикальнаго міра — гораздо менѣ развитыми,

чѣмъ тотъ, о которомъ мы говоримъ. Онъ и имъ открывалъ сокровища своего ума, сердца, расточалъ передъ ними блески остроумія и начитанности, не спрашивая, способны ли они еще понимать то, что имъ показываютъ такъ неразсчитисто. Да куда же, спросятъ, дѣвалась способность Герцена къ тонкому анализу характеровъ, его сатирическая и полемическая жилка, которая такъ сильно билась въ Москвѣ и помогала ему создавать такіе мѣткіе, часто безпощадные и уничтожающіе портреты знакомыхъ людей? Куда пропалъ признанный мастеръ разительныхъ-схожихъ карикатуръ и горячихъ эпиграммъ, имѣвшихъ все подобіе біографическихъ данныхъ? Они не пропали, какъ оказалось впоследствии; Герценъ не утерялъ, не лишился ни одной изъ прежнихъ своихъ силъ, но въ поискахъ за новой духовной отчизной онъ ихъ сдерживалъ искусственно, старался затоптать, запрягать подалѣе въ глубь души для того, чтобы добыть себѣ искусственную слѣпоту, дѣлавшуюся теперь уже необходимостью для оправданія себя... И только когда чаша была переполнена, дѣйствительность сдѣлалась нестерпима, нагло ясна въ своей несостоятельности, возвратились къ Герцену прежнія качества ума, вся мощь глубокаго психолога-мыслителя» («Литературныя воспоминанія», 328). Я уже имѣлъ случай говорить о «цѣнности» психологическихъ догадокъ Анненкова; и здѣсь онъ построилъ, казалось бы, все правильно логически, но психологически-то именно и не понималъ Герцена, будучи правъ только въ одномъ: уже и въ 1847 г. отношенія его къ Гервегу были глубже фамилярныхъ, что видно изъ его собственныхъ словъ въ разныхъ письмахъ, напечатанныхъ въ предыдущихъ томахъ.

17. Баденское вооруженное возстаніе назрѣвало постепенно; ближайшимъ поводомъ былъ арестъ 8 апрѣля одного изъ вожаковъ движенія, Фиклера; 12-го Гекеръ и Г. Струве издали въ Констанцѣ воззваніе къ возстанію съ приглашеніемъ собираться въ Донауэшингенъ. Правительство, не вполне довѣряя своимъ войскамъ, вызвало на помощь войска сосѣдей. Возстаніе быстро было подавлено; въ сраженіи при Доссенбахѣ 27 апрѣля легіонъ Гервега былъ разбитъ наголову.

Въ 1847 г. Гервегъ ѣздилъ въ Брюссель на свиданіе съ Якоби, К. Марксомъ и другими представителями демократическаго союза. Марксъ самымъ рѣшительнымъ образомъ протестовалъ противъ революціонныхъ выступленій такого рода и на этой почвѣ разошелся съ Гервегомъ (Fleury «Le poète G. Herwegh»; Н. Рязановъ «Карлъ Марксъ и русскіе люди сороковыхъ годовъ», «Совр. Міръ» 1912, IX, 147).

Гейне изваялъ Гервега въ стихотвореніи «Симплиссимумъ I»,
отрывки изъ котораго привожу въ переводѣ П. И. Вейнберга:

Когда я впервые тебя увидалъ,
Ты чуждъ былъ галантныхъ ухватокъ,
Не знали плебейскія руки твои
Изъ лайки блестящей перчатокъ;

Носилъ ты тогда сюртучишко еще
Зеленый, истасканный, узкій;
По локоть рукавички, фалды до пять—
Ну, вылитый хвостъ трясогузки.

Пачули не пахло еще отъ тебя,
Не пялилъ ты на носъ лорнетки,
Цѣпочки еще не имѣлъ золотой,
Жены и атласной жилетки.

Ахъ, это ужели тотъ самый «Живой» ¹⁾,
Который сожрать собирался
Всю землю и князя фонъ Пюклеръ-Мюскау
Спровадить къ Плутону пытался?

Ужли это рыцарь блуждающій тотъ,
Съ Ла-Манчскимъ столь схожій во многомъ,
Который все письма тиранамъ писалъ
Студенчески дерзостнымъ слогамъ?

Онъ былъ виртуозъ, поскакавшій верхомъ,
Францъ Листъ на конѣ лунатичный,
Паяцъ, шарлатанъ, балаганный герой,
Филистеровъ другъ закадычный!

Съ нимъ рядомъ неслась и супруга его
Съ огромнѣйшимъ носомъ. Такъ смѣло
На шляпѣ перо развѣвалось! Въ глазахъ
Такая отвага блестяла!

Преданіе есть, что супругу она
Дать бодрость старалась напрасно,

¹⁾ Какъ уже говорилось, стихотворенія Гервега были озаглавлены
«Стихотворенія живо го».

Когда отъ ружейной пальбы у него
Разстроились нервы ужасно.

Сказала: «Ну, полно быть зайцемъ! Откинь
Всю трусость! Подумай, что надо
Теперь побѣдить иль погибнуть; что здѣсь,
Быть можетъ, корона—награда.

О горѣ родимой земли, о своихъ
Долгахъ и невзгодахъ подумай.
Во Франкфуртѣ я короную тебя,
И Ротшильдъ значительной суммой

Тебя, какъ другихъ государей, ссудить...
О, милый, какъ плащъ горностайный
Къ лицу тебѣ будетъ! Повсюду «ура»,
Цвѣты и восторгъ чрезвычайный!...»

Вотще! Антипатій иныхъ поборотъ
Духъ самый высокій не воленъ:
Для Гете былъ гадокъ табакъ; нашъ герой
Отъ запаха пороха боленъ.

Пальба все сильнѣе... блѣднѣетъ герой,
Нелѣпное что-то болтаетъ...
Онъ бредитъ, какъ будто въ горячкѣ... Жена
Платкомъ длинный носъ закрываетъ.

Таковъ ужъ прекраснаго жребій: имѣть
Погибель конечною гранью;
Поэта стихи на обертку идутъ,
А самъ онъ становится дрянью.

18. Въ июньскіе дни 1848 г. Гервегъ жилъ въ Парижѣ, въ одномъ домѣ съ И. С. Тургеневымъ, который былъ свидѣтелемъ случая, описаннаго имъ въ рассказѣ «Наши послали». Напомню. 26 іюня въ присутствіи нашего писателя къ Гервегу пришелъ, вѣрнѣе, пробрался съ большимъ рискомъ для своей жизни рабочій, чтобы сообщить, что ѣхавшіе изъ Берлина въ Парижъ сынъ Гервега и бонна останóвлены революціонерами въ Сенъ-Дени, гдѣ и будутъ совершенно невредимы впредь до возстановленія прежняго со-

общенія. Гервегъ былъ пораженъ разсказомъ, но рабочей ему отвѣтилъ: «Правду сказать, то, что я сдѣлалъ, я сдѣлалъ не для васъ, а наши приказали».

Otto Corvin говоритъ, что Гервегъ былъ президентомъ «нѣмецкаго демократическаго общества». Онъ описываетъ, какъ нѣмецкіе революціонеры въ Парижѣ организовали въ 1848 г. шествіе по городу со знаменами «Да здравствуетъ германская республика!» и пошли къ городской ратушѣ просить у французскаго правительства оружія для борьбы въ Германіи. Гервегъ произносилъ при этомъ очень неудачныя рѣчи съ грубыми ругательствами по адресу нѣмецкой власти. На собраніяхъ общества онъ велъ себя тиранически, нетерпимо отвергая всякое чужое мнѣніе. Нѣмецкіе революціонеры организовали легіонъ добровольцевъ, который обучался военному дѣлу въ Парижѣ. Гервегъ былъ яркимъ противникомъ всякой дисциплины въ этомъ легіонѣ («Aus dem Leben eines Volkskämpfers», В. III, 18—24).

19. Любви Н. А—ны къ Гервегу наиболѣе подробно коснулся П. В. Анненковъ, посвятившій ей двѣ страницы. Раньше я уже цитировалъ его мнѣніе о психологіи Н. А—ны въ Москвѣ, передъ отъѣздомъ за границу, и въ началѣ пребыванія въ Европѣ. Продолжу теперь цитату, уже прямо относящуюся къ интересующимъ насъ сейчасъ событіямъ ея внутренней жизни.

«Задачей ея жизни сдѣлалось обрѣтеніе романтизма въ томъ видѣ, какъ онъ существовалъ въ ея фантазіи; за нимъ она и погналась со страстью и неутомимостью искателя волшебныхъ кладовъ, надѣясь когда-нибудь напасть на его слѣдъ и вкусить отъ той испробованной немногими смертными амброзіи возвышенныхъ чувствъ, каковую онъ готовитъ для своихъ вѣрныхъ слугъ,—узнать отраду небесныхъ ощущеній, имъ доставляемыхъ. Подъ конецъ жизни ей показалось, что она держитъ эту чашу съ волшебнымъ напиткомъ въ своихъ рукахъ, но при первомъ же прикосновеніи губъ глубочайшее отвращеніе и жгучее раскаяніе во всемъ, что было сдѣлано для обладанія драгоцѣннымъ сосудомъ, овладѣло всѣмъ ея существомъ и свело преждевременно въ могилу.

«Дѣло въ томъ, что поэтическая мечтательница ознакомилась съ жизнью по *романтизму*, который, наконецъ, обрѣла въ Парижѣ черезъ посредство въ высшей степени развитой, изящной и вмѣстѣ холодной и эгоистически-сластолюбивой личности, какою и былъ вышеупомянутый Г—гъ. Личность эта, вдобавокъ, была еще двойной германской знаменитостью,—она прославилась лирическими пѣснями, призывавшими народы къ оружію, и радикализмомъ взгля-

довъ на правительство вообще, и на прусское въ особенности. Подъ мягкой, вкрадчивой наружностью, прикрываясь очень многостороннимъ, прозорливымъ умомъ, который всегда былъ насторожь, такъ сказать, и опираясь на изумительную способность распознавать малѣйшія душевныя движенія чловѣка и къ нимъ поддѣлываться,—чудная личность эта таила въ себѣ сокровища эгоизма, эпикурейскихъ склонностей и потребности лелѣять и удовлетворять свои страсти, чего бы то ни стоило, не заботясь объ участи жертвъ, которыя будутъ падать подъ ножомъ ея свирѣпаго эгоизма. Всѣ средства своего образованія, развитія, дѣйствительно, не совсѣмъ обыкновенныхъ даже и въ кругу передовыхъ людей Европы, а также и своего нервнаго темперамента, часто разрѣшавшагося лирическими, вдохновенными вспышками и порывами, — всѣ эти средства, говорю, перепробовала замѣчательная личность, здѣсь описываемая, для дѣла оболъщенія заѣзжей мечтательницы, для доставленія себѣ побѣды надъ всѣми запросами многотребовательной ея фантазіи. Долго отыскиваемый романтизмъ являлся теперь передъ женой Герцена въ великолѣпномъ, ослѣпительномъ видѣ! оэнгринъ со сказочныхъ высотъ былъ передъ нею налицо, и, только подойдя къ нему ближе, она вдругъ увидала, какой страшный образъ скрывается за ангельской маской, имъ усвоенной,—и въ ужасѣ, послѣднимъ сверхъестественнымъ движеніемъ воли, она вырвалась изъ его рукъ, измученная и оскорбленная. Можетъ быть, оболъститель и, дѣйствительно, чувствовалъ нѣкотораго рода любовь и привязанность къ обреченной имъ жертвѣ, какъ это бываетъ у иныхъ преслѣдователей; но когда жертва ускользнула отъ него, любовь и привязанность пропали безслѣдно, а мѣсто ихъ заняли бѣшенство неудачи, жажда мести за помятое тщеславіе и за оскорбленіе, нанесенное его гордости и самолюбію. Онъ принялся публично бросать грязью въ женщину и семью, благополучіе которыхъ разрушилъ, употребляя при этомъ средства, возмущавшія даже и друзей его...» («Литературныя воспоминанія», 326—327).

Анненковъ лично зналъ Гервега, но наблюдалъ его въ домѣ Герцена только до осени 1848 года, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Изъ его разсказа ясно, что фактическая сторона событій, разыгравшихся послѣ него, была ему также извѣстна—и, я знаю, не столько отъ Герцена, сколько отъ не отличавшагося способностью хранить чужія тайны Тургенева. Его анализъ Н. А.—ны, разумѣется, невѣренъ. Дѣло вовсе не въ припадкѣ романтизма и не въ жадѣ полной жизни, которая Н. А.—нѣ была извѣстна и раньше съ ея мужемъ, а въ томъ, по-моему, что Гервегъ явился какъ разъ тогда, когда Герценъ, захваченный на переломѣ своихъ глу-

бокихъ политическихъ вѣрованій, психологически не могъ посвящать женѣ столько времени, сколько ей справедливо хотѣлось.

Здѣсь же упомяну о разсказѣ «Жизнь за жизнь», написанномъ вдовой эмигранта Н. И. Утина, Н. I. Утиной (урожд. Корсини), подъ псевдонимомъ «Н. А. Таль», и напечатанномъ въ IV и V кн. «Вѣстника Европы» 1885 г. Герцены выставлены ею подъ именемъ Веприныхъ, Гервегъ—Генриха Штейна, Н. А. Тучкова-Огарева—Анны Погорѣловой и т. д. Напрасно, стали бы искать тамъ хоть какой-нибудь реальной правды: авторъ умышленно свелъ многое разновременное къ одному моменту, ввелъ нѣсколько совершенно вымышленныхъ персонажей, а содержаніе двухъ драмъ въ жизни Герцена передалъ, по впечатлѣнію, получившемуся послѣ разсказовъ о нихъ *по слухамъ*.

Вообще же имя Гервега, какъ виновника семейнаго несчастія Герцена, называлось въ литературѣ, русской и иностранной, многими, но безъ указанія какихъ бы то ни было подробностей.

20. Въ архивѣ семьи Герцена хранятся 20 писемъ Гервега, которыя проливаютъ свѣтъ на многое, разсказанное Герценомъ; оно получаетъ въ нихъ документальное подтвержденіе и развитіе въ сторону многихъ деталей. Какъ видно, Герценъ сталъ сохранять письма своего друга только съ того момента, когда заподозрилъ его въ неискренности и скрытности, но дѣлалъ это недолго.

По всей вѣроятности, я не очень ошибся въ хронологическомъ расположеніи писемъ; сдѣлать его точнѣе нѣтъ возможности—ни одно изъ нихъ не имѣетъ сколько-нибудь полной даты. Какъ и всѣ важные документы къ неизданнымъ главамъ этой части, письма приводятся мною съ подлинника и въ переводѣ, но дѣлалъ это недолго.

1.

(Декабрь 1849. Женева).

Mon cher besson, la tête me tourne, n'attendez pas grande chose de cette lettre. Vous avez probablement bu l'autre moitié de cognac, et vous êtes tendre et indulgent. Ami, ami unique, quel vide autour de moi depuis votre départ! Je suis comme sous la machine pneumatique—l'air m'est retiré peu à peu et bientôt je ne respirerai plus. Et avec cela—rien ne marche. Je suis joliment planté. Chacun s'en va de son côté—ma femme à Paris, vous à Zurich, moi à Berne, et nous pourrions être tous, tous ensemble. Mais non—l'homme a une déman-gaison de se rendre malheureux, plus malheureux, que—

Au diable! Arrangez-vous bien vite. Mais ne venez pas à Berne. Je veux jouir seul de vous. Ici vous n'avez rien à faire qu'à entendre

depuis le matin jusqu'au soir l'histoire parlementaire de ma chère patrie et de vous fâcher des meilleurs hommes du monde qui sont assez naïfs pour croire qu' on peut s'intéresser encore à leur... même les mots me manquent. J'étais presque sûr de recevoir aujourd'hui une lettre de vous. Elle m'aurait tiré de la nullité parfaite, dans laquelle je me trouve. Elle n'est pas venue, et je l'attendrai pour me quereller plus longuement avec vous.

A demain, cher, cher ami. Je veux rompre avec vous pour supporter la séparation.

An nom du ciel — n'envoyez pas M-Ile Ern en Russie — ce qui vous forcerait de rester à Zürich. Je ne veux pas y penser.

Переводъ.

Мой милый близнецъ,—у меня голова кругомъ идетъ, такъ что не ожидайте ничего особенно путнаго отъ этого письма. Вы, должно быть, выпили вторую половину коньяка и потому мягки и снисходительны. Другъ, единственный мой другъ, какая пустота вокругъ меня послѣ вашего отъѣзда! Я, точно, подъ колоколомъ пневматическаго насоса: воздухъ понемногу уходитъ и скоро нечѣмъ будетъ дышать. И вмѣстѣ съ тѣмъ ничего не ладится. Меня прѣкрасно устроили! Мы всѣ разъѣзжаемъ кто куда: жена—въ Парижъ, вы—въ Цюрихъ, я—въ Бернъ, а мы всѣ, всѣ могли бы быть вмѣстѣ! Но нѣтъ,—у человѣка точно зудъ сдѣлаться несчастнымъ, болѣе несчастнымъ, чѣмъ...

Къ чорту! Устраивайтесь скорѣе. Но не приѣзжайте въ Бернъ. Я хочу одинъ наслаждаться вами. Здѣсь съ утра до ночи вамъ нечего будетъ дѣлать, какъ только слушать парламентскую исторію моего дорогаго отечества и сердиться на лучшихъ въ мірѣ людей, настолько наивныхъ, чтобы вѣрить въ возможность возбудить въ комъ-либо интересъ къ ихъ... я даже не могу подобрать слова. Я былъ почти увѣренъ, что получу сегодня письмо отъ васъ. Оно вывело бы меня изъ состоянія полного безразличія, въ кото́ромъ я нахожусь. Но его нѣтъ, и я дождусь его, чтобы подольше поспорить съ вами.

До завтра, дорогой, дорогой другъ. Я хочу порвать съ вами, чтобы вынести раздуку.

Во имя неба, не посылайте въ Россію M-Ile Эрнъ. Это заставитъ васъ оставаться въ Цюрихѣ. Я не хочу и думать объ этомъ.

2.

Письмо къ Н. А.—нѣ.

Dimanche (Декабрь 1849. Цюрихъ).

Ma chère amie, je ne sais plus ce que c'est qu'un homme. Moi-même je cesserais de l'être. J'ai écrit à A. une lettre d'amour. Fâché, embêté—je n'ai que le temps de vous dire que je pars avec M-me Haag ce soir pour Rorschach pour avoir le rendez-vous avec Schoder, que je suis sous l'inspiration d'A., hors de moi-même aussi. Je pense d'être de retour jeudi et récompensé par des nouvelles de P.

Pardonnez-moi cette lettre sale et hâtive.

Je vous embrasse

Georg.

Laissez les enfants venir chez moi — j'ai grande envie de dire comme J. Ch.

Vivent les petits!

Bonjour, Tata!

Bonjour, Sacha!

Je suis bête, bête, bête, bête.

Et encore une main à A. le Grand.

Je vous supplie de nous donner enfin une adresse, mes lettres flottent entre toutes les capitales de la France.

Direz-vous encore que mon scepticisme va trop loin? Quel scept. va trop loin? C'est impardonnable d'avoir poussé E. ainsi, au besoin, j'aurais dû venir à P. et faire ce procès ridicule.

C'est l'histoire de l'horloger chez Щепкинъ.

Переводъ.

Воскресенье.

Мой дорогой другъ, я не понимаю больше, что такое чело-вѣкъ. Самъ я скоро перестану имъ быть. Я написалъ А. любовное письмо. Я сердитъ; раздраженъ и потому умѣю только сказать, что сегодня вечеромъ ѣду съ М-me Гаагъ ¹⁾ въ Роршахъ для свиданія съ Шодеръ, что А. ²⁾ вдохновляетъ меня, и что вмѣстѣ

¹⁾ Луиза Ивановна.

²⁾ Герценъ.

съ тѣмъ я внѣ себя. Предполагаю вернуться въ четвергъ и быть вознагражденнымъ извѣстіями изъ П. ¹⁾).

Простите за это запачканное и торопливое письмо.

Обнимаю васъ.

Георгіе .

«Пустите дѣтей приходить ко мнѣ» — очень хочется мнѣ сказать, какъ говорилъ Іисусъ Христосъ.

Да здравствуютъ малыши!

Здравствуй, Тата!

Здравствуй, Саша!

Я глупъ, глупъ, глупъ, глупъ.

И еще—руку А. Великому ²⁾).

Умоляю васъ указать намъ, наконецъ, какой-либо адресъ: мои письма таскаются по всѣмъ главнымъ городамъ Франціи.

Будете ли еще говорить, что мой скептицизмъ заходитъ слишкомъ далеко? Какой скептицизмъ заходитъ слишкомъ далеко? Непростительно, что такъ повліяли на Э. ³⁾; въ случаѣ необходимости, я долженъ былъ бы самъ пріѣхать въ П., чтобы превратить все дѣло въ шутку.

Это—исторія часовщика у Щепкина ⁴⁾).

3.

4 Janv. (1850. Цюрихъ).

Mon cher et consciencieux ami,—Pour toucher plus que la surface des choses, ma réponse devrait être bien longue. Je ne me sens pour cela ni le courage, ni la patience. Voilà donc seulement deux mots. Du reste je vous préviens que votre lettre n'a pas du tout produit sur moi l'effet que vous avez craint ou désiré, je ne sais pas au juste. Elle est sortie directement de votre coeur—ça me suffit pour ne pas vous en vouloir, et en protestant contre la majeure partie je vous remercie tout de même que vous l'avez écrite et je vous embrasse comme mon besson, si jamais je peux en avoir un. Piqué un peu au commencement j'ai fini par sourire de votre air magistral, et je me disais que vous n'êtes si grave que parce que vous avez procédé à mon égard assez légèrement et entraîné par une première impression pénible. Dites ce que vous voulez, mon réaliste, la vie n'est pas aussi

¹⁾ Парижъ.

²⁾ Герценъ.

³⁾ Эмма.

⁴⁾ Михаилъ Семеновичъ; былъ такой его рассказъ.

simple que vous le pensez. Il y entre tant d'éléments, dont vous ne tenez pas compte dans votre appréciation! Le diable de l'analyse vous pousse de vouloir toujours arriver trop vite à une formule; amitié et amour doivent passer dans votre creuset logique. Je ne vous envie pas ce terrible talent. En pratique—je sais, vous ne me cédez en rien, vous me surpassez même mille et mille fois—en théorie j'ai une plus haute conception de l'amitié. Oui, je m'attache à mes amis jusque dans leurs défauts, dont je peux être malheureux, tout comme vous, non pas parce qu'ils établissent une différence entre eux et moi, mais parce qu'ils *sont pour eux une source de malheurs et de collisions*. Mais non, c'est ennuyeux de continuer comme cela. On veut dire tout et on ne dit rien. Couvrons ces abîmes de la vie pour le moment! Nous en parlerons plus aisément. Il n'est pas bien de vouloir débrouiller tout. Heureux que vous êtes d'avoir toujours la tête à la place où elle doit être. Moi—je la perds quelquefois et je ne comprends plus rien. L'anarchie du dehors s'étend jusque dans moi-même. Je vous y attends aussi un jour. Il y a encore des chaînes que vous ne sentez pas et que vous voudriez briser alors. *Cher, cher* ami, tout ce que je dis là, peuvent être de grandes bêtises; sentez au moins sous cette expression lourde la même source vive, où vous aimez aussi vous abreuver.—Enfin—que voulez vous? J'ai secoué pour quelque temps la poussière de la famille, non parce que je n'aimais pas, mais parce que cette infâme institution est le meilleur moyen de ne pouvoir plus aimer à la fin même ce qu'il y a de plus noble, de plus dévoué, de plus généreux et aimant au monde, une nature, belle et grande comme Emma. Mais savez-vous que vous me faites la leçon un peu mal à propos? Une pure et simple négligence, commise dans l'innocence de mon âme, est tout de suite une «cruauté capricieuse».

La suite à demain. Vous m'avez fait penser aussi toute la journée. Ces deux pauvres pages en sont le résultat. On me presse pour envoyer la lettre. Je la donne, seulement pour vous prouver que la vôtre ne m'a pas contrarié sérieusement en rien, que je vous aime comme je n'aime personne au monde. J'ai un tas de choses encore à dire. Demain j'entrerais dans la réalité, concernant mon manque de talent épistolaire, mon départ, notre avenir, la bosse de conscience, que je n'ai pas, et la bosse de *constance* que vous n'avez pas.

Quel homme êtes-vous? Tous nos projets s'évanouissent comme celai A Paris! Mais est-ce sérieux? Et croyez-vous vraiment, que je puisse y rester? Non, c'est maintenant *moi*, qui proteste!

A demain. Je vous embrasse. Consolez et soutenez ma pauvre femme.

«Ich Könnte viel glücklicher sein,
 «Gäb's keinen Wein
 «Und keine Weibertränen. (Göthe).

Tout de même je voudrais me griser aujourd'hui avec vous.
 Votre besson, quand même.

Переводъ.

4 янв. (1850).

Мой дорогой и добросовѣстный другъ,—чтобы коснуться предмета не только поверхностно, отвѣтъ мой долженъ былъ бы быть довольно длиненъ. У меня на это нѣтъ ни мужества, ни терпѣнія. Поэтому только два слова. Впрочемъ, предупреждаю васъ, что ваше письмо вовсе не произвело на меня того дѣйствія, котораго вы боялись или хотѣли,—не знаю навѣрное. Оно вылилось прямо изъ вашего сердца; этого мнѣ довольно, чтобы не сердиться на васъ, и протестуя противъ большей его части, я, все-таки, благодарю, что вы написали его, и обнимаю васъ, какъ своего близнеца, если, вообще, могу имѣть близнеца. Немного обиженный въ началѣ, я-потомъ сталъ улыбаться вашему учительскому тону и сказалъ себѣ, что вы такъ серьезны только потому, что поступили довольно легкомысленно по отношенію ко мнѣ и отдались первому тяжелому впечатлѣнію. Говорите, что вамъ угодно, мой реалистъ: жизнь не такъ проста, какъ вы думаете: въ нее входитъ столько элементовъ, которыхъ вы не принимаете во вниманіе въ своей оцѣнкѣ. Демонъ анализа всегда толкаетъ васъ къ тому, чтобы возможно скорѣе вывести формулу; даже дружба и любовь должны проходить черезъ горнило вашей логики. Я не завидую этому вашему страшному таланту. На практикѣ, я знаю, вы не уступаете мнѣ ни въ чемъ, вы даже въ тысячу и тысячу разъ превосходите меня, но въ теоріи у меня болѣе высокое понятіе о дружбѣ. Да, я привязываюсь не только къ своимъ друзьямъ, но къ ихъ недостаткамъ, которые могутъ огорчать меня совершенно такъ же, какъ и васъ, но не потому, что они устанавливають различіе между ними и мною, а потому, что *они для нихъ самихъ служатъ источникомъ столкновеній* и несчастій. Однако, нѣтъ, такъ продолжать скучно. Хочешь все сказать, и не скажешь ничего. Прикроемъ пока эти бездны жизни. О нихъ гораздо удобнѣе *поговорить*. Нехорошо это стремленіе все выяснить, во всемъ разобраться. Хорошо вамъ, когда у васъ голова всегда на томъ мѣстѣ, гдѣ ей полагается быть. А я иногда теряю ее и тогда ничего не понимаю. Внѣшняя анархія проникаетъ въ меня самого: я думаю, что и съ вами когда-нибудь

будеть то же. Есть еще цѣпи, которыхъ вы не чувствуете, и которыя тогда захотите разбить. *Милый, милый* другъ, все, что я говорю,—можетъ быть, и большія глупости, но почувствуйте подъ этими неуклюжими выраженіями, по крайней мѣрѣ, тотъ же живой источникъ, въ которомъ вы тоже любите утолять жажду.

Чего же вы, наконецъ, хотите? Я стряхнулъ съ себя на нѣкоторое время семейную пыль, но не потому, что не любилъ, а потому, что это гнусное установленіе ¹⁾ есть лучшее средство, чтобы убить любовь даже къ самому благородному, преданному и любящему въ мірѣ существу, къ такой прекрасной и крупной натурѣ, какъ Эмма. Но знаете ли, что вашъ урокъ пришелся не совсѣмъ кстати? Простое невниманіе, которое я допустилъ, по простотѣ душевной, уже аттестуется, какъ «легкомысленная жестокость».

Продолженіе завтра. Вы также заставили меня продумать цѣлый день. Эти двѣ маленькія страницы—результатъ этихъ думъ. Меня торопятъ отослать письмо. Я отсылаю его только для того, чтобы доказать вамъ, что ваше письмо серьезно ничѣмъ меня не огорчило, и что я люблю васъ, какъ никого на свѣтѣ. Мнѣ еще очень много надо вамъ сказать. Завтра я сознаю всю реальность отсутствія во мнѣ эпистолярнаго дара, моего отъѣзда, нашего будущаго, шишки совѣсти, которой у меня нѣтъ, и шишки *постоянства*, которой нѣтъ у *васъ*.

Что вы за человекъ? Всѣ наши планы такъ и гибнуть! Въ Парижѣ! Но серьезно ли это? И неужели вы думаете, что я могу тамъ оставаться? Нѣтъ, теперь я протестую.

До завтра. Обнимаю васъ. Утѣшайте и поддерживайте мою бѣдную жену.

«Я могъ бы быть гораздо счастливѣе, если бы не было вина и женскихъ слезъ» (Гете).

А, все-таки, я хотѣлъ бы сегодня напиться съ вами.

Все же—вашъ близнецъ.

4.

(Январь 1850. Цюрихъ).

Mon cher Alexandre! Vous avez justement attendu le moment où on me chasse de Paris, pour vous y établir! Ce n'est pas digne de vous, ce n'est pas digne de notre passé! Vous vouliez rester 8 jours, au plus jusqu'à la réponse de Petersb., vous resterez 8 mois, vous resterez, je le presse, si non à Paris, au moins toujours là où je ne serai

¹⁾ Бракъ.

plus. Et pourquoi? pourquoi? C'est une cruelle épreuve par laquelle vous me faites passer! Sont-ce là nos conversations, nos rêves d'une amitié, un peu au-dessus de l'amitié de tous les jours, de l'amitié des philistins et des autres grenouilles? De quelle courte haleine êtes-vous tous? Ça ne vous coûte donc rien d'agir comme cela avec moi? Et encore pas avec toute la franchise que je croyais pouvoir exiger de vous! Qu'est-ce que me restera? Qu'est-ce que vous restera? Qu'aurais-je demandé autrefois! L'amertume à nous deux et contre nous, même au fond de nos âmes!—Nous sommes des canailles, le temps nous guérit et efface même ce qui nous a été le plus cher. Ça nous arrivera à nous aussi, car nous ne valons pas mieux que le reste de l'humanité! Et voilà justement la pensée qui m'effraie le plus.—Le dernier refuge que nous nous imaginions de trouver dans notre intimité, dans notre activité commune, dans ce petit cercle, que j'espérais voir complété bientôt—tout, tout doit s'en aller, traître, cher traître? Et à qui la faute? Peut-être à personne—reprochez-moi ce que vous voudrez, je vous aime trop pour avoir le courage de récriminer.

Agissez comme bon vous semble et ne vous fatiguez pas trop des plaintes qui sortent de mon cœur déchiré! Je n'ose plus vous conjurer de revenir à nos premiers projets, quoique je crois encore à la possibilité d'une harmonie et d'une beauté dans nos relations qui pourrait servir comme modèle au monde; il paraît que votre sentiment vous dit le contraire. Vous trois—oubliez—moi et vous mêmes à Paris! Moi—«mit meinem ganzen Ateismus möchte ich in ein Kloster gehen». Ce n'est pas de l'exagération, mais je sais à peine encore m'exprimer intelligiblement.—Pour le moment et si vous persistez dans vos résolutions mieux que dans votre haine contre Paris, je ne pourrais avec tout mon amour rien être pour Emma; je la supplie de me laisser seul. Où? je ne sais pas. Elle m'a fait trop de mal, elle a été trop injuste envers moi, elle m'a ôté trop, et si c'est elle seule qui pourrait m'en consoler, je veux être malade comme vous tous et sévir contre moi-même. Mourir et pourrir le plus vite possible. Ah—que les sentiments s'usent et qu'on tombe d'indifférence en indifférence! Ne calomniez pas au moins pas trop le passé, si vous ne croyez pas à un avenir pour nous. Dites, que nous nous sommes trouvés quelquefois ensemble, comme on se trouve rarement.—Si je pouvais vous *parler!* Homme faible, n'avez vous pas honte après tout ce que vous avez pesté contre Paris d'y rester?

Votre femme partira bientôt—le massacre des innocents se fera alors très bien à trois.—Pardon, si je m'exprime durement et ironiquement: c'est l'embarras qui me fait prendre ce ton. Ecrivez-moi—souvent si c'est possible. Adressez à votre mère, jusqu'à ce que je

sais où j'irai. Suis-je encore votre besson? Laissez-vous parler seulement deux heures!—Adieu! Adieu! mon cher ami. Pourquoi tout cela?

G.

Samedi.

Est-ce que j'ai encore carte blanche de choisir un endroit?

Переводъ.

Мой дорогой Александръ! Вы какъ разъ дождались, когда меня выгоняютъ изъ Парижа, чтобы самимъ туда переѣхать! Это недостойно васъ, недостойно нашего прошлаго. Вы хотѣли пробыть только 8 дней, самое большее, до получения отвѣта изъ Петербурга, но останетесь на 8 мѣсяцевъ и, вообще, я предчувствую, всегда будете жить, если не въ Парижѣ, то тамъ, гдѣ меня не будетъ. И почему, зачѣмъ? Вы заставляете меня пройти черезъ жестокое испытаніе! О такой ли дружбѣ мы говорили и мечтали, о дружбѣ, которая должна быть нѣсколько выше повседневной дружбы филистеровъ и другихъ пресмыкающихся? Какое у всѣхъ васъ короткое дыханіе! Вамъ, значитъ, ничего не стоитъ такъ поступать со мной? да еще безъ той полной откровенности, которой я могъ бы, полагаю, требовать отъ васъ! Что же остается мнѣ? Что остается вамъ? Что я попросилъ бы въ былое время? Одно лишь горькое чувство для насъ обоихъ и другъ къ другу до глубины души! Мы—каналы, время насъ исцѣляетъ и вытравливаетъ даже то, что было для насъ когда-то самымъ дорогимъ. Это и съ нами случится, потому что мы не лучше остального человѣчества. Эта-то мысль и пугаетъ меня больше всего. Послѣднее убѣжище, которое мы думали найти въ нашей близости, въ нашей общей дѣятельности, въ этомъ маленькомъ кругу, который я надѣялся увидѣть скоро въ полномъ составѣ,—неужто все, все должно рушиться? О, измѣнникъ, дорогой измѣнникъ! А чья вина? Можетъ быть, ничья. Упрекайте меня, сколько угодно и въ чѣмъ угодно,—я слишкомъ люблю васъ, чтобы у меня хватило мужества отвѣчать встрѣчными обвиненіями.

Поступайте такъ, какъ считаете лучшимъ, и не слишкомъ утомляйте себя жалобами, которыя вырываются изъ моего истерзаннаго сердца! Я больше не дерзаю заклинать васъ вернуться къ нашимъ первоначальнымъ планамъ, хотя еще вѣрю въ возможность такой гармоніи и красоты въ нашихъ отношеніяхъ, которая могла бы послужить образцовымъ примѣромъ для людей; кажется, ваши чувства говорятъ вамъ иное. Вы трое, забудьте меня и са-

михъ себя въ Парижѣ! Я «со всѣмъ своимъ, безбожіемъ хотѣлъ бы уйти въ монастырь». Это—не преувеличеніе, но мнѣ трудно выразиться яснѣе. Сейчасъ, и если вы въ своихъ рѣшеніяхъ болѣе постоянны, чѣмъ оказались въ отношеніи вашей ненависти къ Парижу, я, несмотря на всю свою любовь, не смогу быть ничѣмъ для Эммы. Я умоляю ее оставить меня одного. Гдѣ? Я самъ не знаю! Она причинила мнѣ слишкомъ много зла, она была слишкомъ ко мнѣ несправедлива, она слишкомъ многое у меня отняла, и, если только она одна въ состояніи меня утѣшить, я предпочитаю оставаться на положеніи больного, подобно вамъ, и самъ противъ себя свирѣлствовать. Умереть бы и сгнить какъ можно скорѣе! Ахъ, какъ изнашиваются чувства и какъ переходишь отъ одного равнодушія къ другому! Не клеветите, по крайней мѣрѣ, на прошлое, если вы не вѣритѣ въ наше будущее. Скажите, что иногда мы были въ такомъ полномъ согласіи, въ какомъ рѣдко бываютъ люди. О! Если бы я могъ *поговорить* съ вами! Малодушный человекъ, не стыдно ли вамъ послѣ всего того, что вы говорили о Парижѣ, оставаться въ немъ?

Ваша жена скоро уѣдетъ,—тогда избіеніе младенцевъ будетъ еще лучше производить втроемъ. Простите, если я выражаюсь жестоко и насмѣшливо,—мое затруднительное положеніе заставляетъ меня говорить такимъ образомъ. Пишите мнѣ часто, если это возможно. Посылайте письма по адресу вашей матери, пока я не рѣшу, куда уѣду. Все ли еще я вашъ близнецъ? Попрежнему ненавидите ли вы разговоръ, который длится только два часа?—Прощайте, прощайте, мой дорогой другъ! Зачѣмъ все это?

Г.

Суббота.

Свободенъ ли я еще въ выборѣ своего мѣстожителства?

5.

(Январь 1850. Цюрихъ).

Mon cher Landry, Natalie partira demain. D'un côté je vous aime trop pour ne pas m'en réjouir sincèrement. Elle vous apporte la consolation que vous auriez pu venir chercher, si vous teniez encore tant soit peu à votre feu-besson. De l'autre côté—c'est certainement le côté gauche—ça me serre le coeur. Votre femme était le dernier gage de la réalisation de nos sublimes projets et de cette formation d'un monde à part qui est maintenant si cruellement avorté. Ni elle ni vous n'avez

fait aucun effort pour vous arracher à des préoccupations pas trop dignes, à ce qu'il me paraît, d'êtres qui prétendent de comprendre quelque chose de la liberté, d'avoir les allures franches et de porter la tête haute. Derrière mon dos vous avez détruit ce que nous avons bâti ensemble. Et un beau jour il vous a plu de me dire: Ça ne va pas. Je vous plante là. Par-dessus le marché la police de Carlier vous a dû venir encore en aide. Vous avez cédé, je ne vois pas à quels manoeuvres, qu'on a employé pour vous retenir à Paris, ou à quel entraînement subit pour la ville si «détestable» dans vos yeux; peut-être même à des insinuations ou à des demi-mots que les hommes savent toujours lancer pour empoisonner et souiller tout ce qui est comme un reproche pour eux mêmes, parce qu'ils n'en sont pas capables, c. a. d. *chaque relation pure et profonde, chaque attachement véritable et sans limites*. Grâce vous en soit rendue! Tout de même—tout cela vous a paru à vous même tellement monstrueux, que vous vous êtes tourmenté de trouver d'autres raisons plausibles. Au lieu de me faire des reproches amicaux et de provoquer des explications tranquilles par des incidents dans ma vie intime, incidents qui n'avaient pas la gravité que vous leur attribuez en n'écoulant qu'un parti, incidents que vous n'aviez pas suivi dans leur développement et dont vous n'aviez pas la clef, incidents qui je crois sont inévitables, surtout quand on a, comme moi, avec tout l'amour pour ma femme, si peu de goût et de talent pour la famille (enfin—il y avait quelque chose de ce qu'on appelle prosaïquement et sans romantique des querelles de ménage). Au lieu de faire cela et de rester dans la cathégorie de la mesure que vous préconisez toujours, vous vous en êtes emparé démesurément et quasi «cataleptiquement», vous vous êtes mis dans une révolte générale et artificielle contre moi, qui ne l'ai mérité nullement par ma conduite envers vous ou votre femme; vous avez ramassé aux quatre bouts du monde tous les petits nuages, qui ont passé entre nous et qui n'ont pu passer qu'entre nous et qui étaient oubliés et ensevelis, pour en former un formidable orage qui a éclaté au moment où je nous croyais, nous tous plus près que jamais d'une vie parfaitement harmonieuse, une vie que je crois encore réalisable malgré vos protestations, et à laquelle je suis prêt de contribuer de toutes les forces et de toutes les faiblesses dont je dispose. Quel diable vous a amené à Paris!—Vous savez, que la meilleure des femmes a des côtés par lesquels elle peut nous faire souffrir horriblement. Croyez-vous qu'Emma en soit libre? Et d'une brouillerie entre ma femme et moi vous prenez l'occasion einer Verstimmung entre nous deux? Par cela même vous avez rendu plus grave ce que vous auriez pu apaiser avec quelques paroles là, où on vous écoute comme le saint Evangile,

chez Emma, en mettant une fin dès le commencement à tous les épanchements inutiles. Maintenant—que faire? J'ai trop sur le coeur contre Emma, pour lui pouvoir même répondre. Je n'ai pas la réligion des égards comme vous—c'est peut-être une faute et je veux bien m'en corriger—avant tout je suis vrai sans cérémonies. Oui, j'en veux Emma sérieusement: elle s'est jetée entre nous deux; je la déteste dans ce moment autant que je l'aime. Tout chancelle depuis que vous l'avez vue. Vous êtes devenu tellement mécontent de moi que cela m'effraie. Quoique je sais qu'il n'y a pas un second qui vous comprend comme moi et qui dans l'essence de son être est comme vous même. Vous n'êtes pas en désaccord avec moi; vous l'êtes avec vous même quelquefois, comme je vous le prouverai encore souvent. Je ne crains pas la critique—au contraire, je vous crie: Poussez, poussez, plus loin encore et encore plus loin. Il y a des «terrae incognitae» où avec toute votre hardiesse vous ne voulez pas aborder. Des questions aussi brûlantes que la...¹⁾ et les procès de Bourges et de Versailles! Des position fausses, louches, partout où vous jetez vos regards. Et—riez, mais c'est cela—précisément parce que je pousse la critique plus loin que vous, parce que je critique avec toutes mes facultés de raisonnement et de sentiment, à la fois, que j'ai une conscience plus complète, plus douloureuse de toutes les faussetés, de toutes les servitudes, de toutes les collisions etc. Je m'emporte, je m'irrite je m'«insurge», j'offense des coeurs, que j'adore. Là j'ai souvent besoin de votre indulgence, de votre abandon. Je le sais.

Je ne finis pas aujourd'hui ma lettre, je continuerai demain. La vôtre arrive à l'instant et m'occupe trop. Merci. Nous ne nous quitterons pas.

Nero.

Переводъ.

Мой дорогой Ландри²⁾, Natalie ѣдетъ завтра. Съ одной стороны, я слишкомъ люблю васъ, чтобы искренно не радоваться этому. Она принесетъ вамъ то утѣшеніе, которое вы могли бы найти здѣсь, если бы хоть немного цѣнили своего «покойнаго близнеца». Съ другой стороны,—стороны, конечно, лѣвой, это щемитъ мое сердце. Ваша жена была послѣднимъ залогомъ осуществленія нашихъ возвышенныхъ плановъ и образованія того особеннаго міра, который теперь такъ жестоко рухнулъ. Ни она, ни вы не сдѣлали

¹⁾ Слово неразборчиво.

²⁾ Имя близнеца изъ разсказа Ж. Санда «La petite Fadette»—«Маленькая Фадетта».

никакихъ усилій, чтобъ освободиться отъ заботъ, не очень достойныхъ, по-моему, людей, которые имѣютъ претензію понимать кое-что въ дѣлѣ свободы, искреннихъ поступковъ и независимости. За моей спиной вы разрушили то, что мы строили вмѣстѣ, и въ одинъ прекрасный день вы изволили мнѣ заявить: «Этo не подходитъ. Оставайтесь тутъ, какъ знаете». Сверхъ того, вамъ на помощь пришла полиція Карлье. Вы поддались какимъ-то маневрамъ, которые были пущены въ ходъ, чтобы удержать васъ въ Парижѣ, или какому-то внезапному увлеченію столь «отвратительнымъ» въ вашихъ глазахъ городомъ; можетъ быть,—даже инсинуаціямъ или намекамъ, которые люди умѣютъ бросать, когда нужно отравить, загрязнить все, что является какъ бы упрекомъ для нихъ, потому что они сами неспособны на это, т.-е. *на чистую и глубокую связь, на истинную и безграничную привязанность*. Спасибо вамъ за это! Все-таки, все это вамъ самому показалось столь чудовищнымъ, что вы мучительно старались найти инья, болѣе уважительныя основанія. Вмѣсто того, чтобы дружески упрекнуть меня и вызвать спокойныя объясненія событій моей интимной жизни,—событій, вовсе не имѣвшихъ того серьезнаго значенія, какое вы имъ приписываете,—выслушавъ только *одну* сторону, не прослѣдивъ развитія этихъ событій и не получивъ ключа къ ихъ объясненію,—событій, которыхъ, я думаю, невозможно избѣжать, особенно, когда, подобно мнѣ, имѣешь, при всей любви къ женѣ, такъ мало влеченія и такъ мало таланта къ семейной жизни (наконецъ, было и то, что прозаически, безъ всякой романтики, зовется семейными сценами)—вмѣсто того, чтобы поступить такъ и не выходить изъ мѣры, которую вы всегда такъ восхваляете,—вы вспалились сразу, почти «каталептически», сразу возмутились и поддались общему возмущенію, которое я считаю искусственнымъ и не заслужилъ своимъ отношеніемъ къ вамъ и вашей женѣ. Вы собрали со всѣхъ четырехъ сторонъ свѣта всѣ маленькія тучки, которыя прошли между нами, которыя *могли* пройти только между *нами*, которыя были забыты, погребены, чтобы образовать изъ нихъ страшную грозу, разразившуюся въ ту минуту, когда я считалъ всѣхъ насъ ближе, чѣмъ когда бы то ни было, къ гармонической жизни,—жизни, которую я полагаю еще осуществимой, несмотря на ваши протесты, и которой я готовъ отдать всѣ силы и всѣ слабости, которыми надѣленъ. Какой чортъ привелъ васъ въ Парижъ!—Вы знаете, что у самой лучшей женщины есть такія свойства, которыми она можетъ ужасно мучить насъ. Неужели вы думаете, что Эмма лишена ихъ? И изъ ссоры или недоразумѣнія между мной и женой вы дѣлаете поводъ для разлада между *нами*

двумя? Этим самым вы сделали болѣе серьезнымъ то, что можно было уладить нѣсколькими словами: вѣдь, Эмма принимаетъ ваши слова, какъ слова святого Евангелія,—и вообще можно было бы сразу положить конецъ всякимъ излишнимъ изліяніямъ. Что же теперь дѣлать? Въ душѣ у меня столько накопилось противъ Эммы, что я даже не въ состояніи принудить себя чтолибо отвѣчать ей. Во мнѣ нѣтъ этого культа вѣжливости и условныхъ приличій, какъ у васъ; это, можетъ быть, мой недостатокъ, и я радъ былъ бы исправиться, но прежде всего люблю правду и говорю ее безъ церемоній. Да! Я серьезно сердитъ на Эмму: зачѣмъ она стала между нами? Въ эту минуту я ее просто ненавижу, столько же ненавижу, сколько люблю. Все зашаталось съ тѣхъ поръ, какъ вы видѣлись съ нею. Вы такъ недовольны мной, что меня это пугаетъ, хотя я и знаю что нѣтъ другого челоуѣка, который понималъ бы васъ такъ, какъ я, и который, въ сущности, былъ бы такимъ же, какъ вы. Вы не со мной въ разногласіи, а съ самимъ собой, и я это не разъ еще докажу вамъ. Я не боюсь критики, наоборотъ, я самъ кричу: «Продолжайте, продолжайте, дальше и еще дальше!». Есть такія «невѣдомыя земли», къ которымъ вы, несмотря на всю свою храбрость, не рѣшитесь пристать. Вопросы такіе же жгучіе, какъ.....¹⁾ и буржскій и версалъскій процессы! И куда ни погляди, вездѣ — положенія ложныя, двусмысленныя. Да, смѣйтесь, но это такъ, именно потому, что я веду критику дальше васъ и критикую *совмѣстною* работою мысли и чувства, потому что я владѣю болѣе полнымъ и болѣзненно-чувствительнымъ сознаніемъ всей фальши, всего рабства, всѣхъ столкновеній и пр. Я выхожу изъ себя, сержусь, «бунтую», оскорбляю сердца, которыя обожаю. Я часто нуждаюсь въ вашей снисходительности, въ вашемъ отпущеніи. Я знаю это.

Я не кончаю сегодня письма, завтра буду продолжать. Сейчасъ пришло ваше письмо—оно слишкомъ интересуеетъ меня. Спасибо! Мы не разстанемся!

Неро.

6.

(Январь 1850. Цюрихъ).

C'en est fait! et je ne me le cache plus. Tout, tout, tout s'écroule. Ne nous trompons pas. Même ma manière de résister à vos vivisections doit y contribuer. Vous en voulez au pauvre chien qui rit au lieu de

¹⁾ Слово не разобрано.

pleurer! Vous avez oublié que j'ai bientôt 33 ans; c'est l'année de crucifixion—où on devient incorrigible. Je ne sais plus que faire? Que dire? Assailli à l'improviste dans la rue—comment me défendre? Et tout cela parce que j'ai pris la liberté de rôder quelques mois par le monde et parce qu'il a plu à une femme d'en devenir stupidement jalouse à une femme que j'aime, mais à laquelle je ne pardonnerai jamais d'avoir jeté par sa conduite inqualifiable le trouble dans la dernière, la plus grande, la plus noble relation de ma vie. Donnez-moi encore une fois votre main! Je vous ai aimé incommensurablement, je vous aime encore avec la même force. Mais je sens que vous m'échappez comme tout m'échappe. Adieu—si vous le voulez en continuant une discussion qui est plus frivole que profonde. Oui, je crois que c'est l'aliénation mentale qui nous pousse maintenant à casser nos coeurs les uns aux autres comme les enfants cassent des joujoux. Quel avenir, que j'ai rêvé avec vous tous ensemble, s'en va! Et à qui la faute? Et toi, Brutus—devant lequel je croyais pouvoir être *libre—libre—libre* dans les rapports jusqu'aux limites du possible? Je suis anéanti et puisque les amis veulent bien me tuer, je veux l'essayer avec les indifférents. Non, que *ma femme me donne encore une année de liberté*, pour que j'avale ma douleur et s'il est possible pour que je meurs dans un coin de la terre! En attendant prenez-moi pour aussi froid que vous voulez, mais sachez que je suis en désespoir. Le sol me manque sous les pieds. Je vais jusqu'à implorer la mort comme la seule délivrance qui me reste. Je nous ai pris nous tous pour plus grands, plus forts, plus exceptionnels que nous ne le sommes! Mais—chantons: «Nur das Vergänglichliche ist schön» et vogue la galère. O mon ami!

Переводъ.

Все кончено! И я больше не скрываю этого отъ себя. Все, рѣшительно все рушится. Не будемъ себя обманывать. Даже мой методъ сопротивленія вашимъ вивисекціямъ долженъ этому способствовать. Вы сердитесь на бѣднягу, который смѣется, вмѣсто того, чтобы плакаты! Вы забыли, что мнѣ скоро 33 года. Это—возрастъ распятія, когда становишься уже неисправимымъ. Я не знаю, что дѣлать, что сказать. Когда, точно врасплохъ, напали на улицѣ, какъ защищаться? И все это вышло потому, что я осмѣлился запросить свободы, чтобы поскитаться нѣсколько мѣсяцевъ по бѣлусвѣту, и потому что одной женщинѣ вздумалось нелѣпо ревновать,—женщинѣ, которую я люблю, но которой никогда не прощу, что она своимъ поведеніемъ, которому нѣтъ имени, внесла смуту въ мое послѣднее, самое высокое, самое благородное въ моей жизни

чувство. Дайте мнѣ еще разъ вашу руку! Я любилъ васъ безмѣрно, я и теперь съ той же силой люблю васъ. Но я чувствую, что вы ускользаете отъ меня, какъ и все теперь отъ меня ускользаетъ. Прощайте, если того хотите, продолжая ссору, скорѣе легкомысленную, чѣмъ глубокою! Да, я думаю, что это просто сумасшествіе заставляетъ насъ разбивать другъ другу сердца, подобно тому, какъ дѣти ломають игрушки. Какое будущее, о которомъ я мечталъ вмѣстѣ со всѣми вами, теперь уходитъ! А кто виноватъ? И ты, Брутъ, передъ которымъ я надѣялся быть *свободнымъ, совершенно свободнымъ* въ своихъ отношеніяхъ въ границахъ возможнаго! Я уничтожень, и такъ какъ друзья хотятъ меня убить, я хочу самъ попробовать сдѣлать это, удалившись къ равнодушнымъ людямъ. Но нѣтъ! *пусть жена дастъ мнѣ еще годъ свободы*, чтобы я сжился со своимъ горемъ, и, если возможно, умеръ въ какомъ-нибудь уголкѣ земли! Въ ожиданіи этого можете считать меня настолько холоднымъ, насколько вамъ угодно, но знайте, что я въ отчаяніи. Почва ускользаетъ у меня изъ подъ ногъ. Я дохожу до того, что призываю смерть, какъ единственную свою избавительницу. Я всѣхъ насъ считалъ болѣе крупными, сильными и исключительными людьми, чѣмъ мы оказались на самомъ дѣлѣ! Но будемъ пѣть: «Лишь преходящее прекрасно!», а тамъ, плыви, моя галера! О, другъ мой!

7.

(Февраль 1850. Цюрихъ).

Je vous écris—je ne sais pas encore quoi? ni pourquoi? Mais je m'efforce continuellement de croire que tout ce qui se passe n'est qu'un mauvais rêve qu'il est impossible de finir d'une manière si désolante.

Vous me demandez si j'ai le courage de faire l'épreuve d'une vie nouvelle? La question est bien amère et c'est seulement un amour sans bornes qui me la fait avaler. Oui, vous êtes un bourreau, et même un bourreau du temps passé, qui ne se contenté pas de décapiter purement et simplement, mais qui m'arrache la vie fibre par fibre. Vous fouillez avec votre couteau dans mes entrailles, même vous l'y tournez mille et mille fois—tout cela pour le plaisir—je ne sais pas pour quel plaisir!

Dites moi donc quel fanatisme de justice vous possédez!—Et si vous m'avez assez analysé, est-ce que vous pourrez me recomposer? Prenez-garde! au moins ne pleurez pas si vous avez cassé le joujou, comme un enfant pour voir ce qu'il y a dedans. Et pourquoi, pourquoi grossir tout? pourquoi ces conclusions à perte de vue que vous tirez de

votre délire logique? Pourquoi prêter même votre oreille à toutes les élucubrations et confidences d'une femme — justement ou injustement chagrinée et hors d'elle même? Cher, cher ami, pourquoi sévir de cette manière contre vous, contre moi, contre nous tous? Pourquoi me pousser aux extrêmes—car un avenir sans vous, sachez-le, est un non-sens pour moi.

Voilà ma résolution! Si le «Wahnsinn» qui c'est emparé de vous, de nous tous continue, je veux faire l'épreuve d'une vie nouvelle; je *veux* m'ensevelir dans une solitude complète. Préparez ma femme doucement à cette résolution, qui est sérieuse, très sérieuse. Ça sera au moins pour une année! Elle peut faire ce qu'elle veut. Mais après avoir échoué comme cela je suis incapable de vivre dans la société humaine.

Переводъ.

Пишу вамъ и не знаю еще, о чемъ и почему. Но я, все-таки, заставляю себя вѣрить, что все, что теперь происходитъ,—лишь скверное сновидѣніе, которое немислимо закончить *такъ* безотрадно.

Вы спрашиваете, найдется ли у меня мужество, чтобы сдѣлать опытъ новой жизни? Вопросъ очень для меня горькій, и только безграничная любовь заставляетъ меня проглотить его. Да, вы—палачъ, и даже палачъ прошлыхъ временъ, который не довольствуется тѣмъ, что просто рубить голову, а вырываетъ жизнь мучительно долго, жилу за жилой. Вы копаетесь съ ножомъ въ моихъ внутренностяхъ, вы даже ворочаете имъ тамъ во всѣ стороны тысячу и тысячу разъ—и все это для удовольствія! Для какого удовольствія?—не знаю.

Объясните же мнѣ, что за фанатизмъ справедливости обуялъ васъ?! И если вы такъ разсѣчете меня по частямъ, удастся ли вамъ вновь составить меня? Смотрите! Не заплачете потомъ, какъ ребенокъ, который разбилъ игрушку, чтобы посмотреть, что у нея внутри. И зачѣмъ, зачѣмъ такъ все преувеличивать? Къ чему эти безчисленныя заключенія, которыя вы дѣлаете въ припадкѣ своего логическаго бреда? Къ чему даже выслушивать всѣ эти вымученныя сочинительства и признанія женщины, справедливо или несправедливо обиженной, вышедшей изъ себя? Милый, милый другъ, зачѣмъ такъ свирѣпствовать противъ себя, меня и всѣхъ насъ? Зачѣмъ толкать меня къ гибели?—ибо будущее безъ васъ, знайте это, для меня бессмыслица.

Вотъ мое рѣшеніе. Если безумство, овладѣвшее вами и всѣми нами, будетъ продолжаться, я попробую начать новую жизнь, я

погребу; себя въ полномъ одиночествѣ. Приготовьте постепенно жену мою къ этому рѣшенію,—оно весьма, весьма серьезно. Это будетъ, по крайней мѣрѣ, на годъ! Она можетъ дѣлать, что ей угодно, послѣ такого крушенія я болѣе неспособенъ жить въ человѣческомъ обществѣ.

8.

(Февраль 1850. Цюрихъ).

Si vous êtes bourreau, je le suis encore davantage. Homme sain et fort, est-ce qu'on a confisqué vos nerfs à la frontière? Vraiment je suis tenté de rire de toutes vos douleurs imaginaires. De quel crime capital s'agit-il donc? Que voulez-vous? Que veut ma femme? Que veux-je moi-même? Aidez-moi ou cessez de me tourmenter, moi et vous-même plus longtemps! Depuis 3 mois on joue la comédie du passeport, on va de Ponce chez Pilate, on m'écrit lettre sur lettre, attends encore 8 jours, et puis encore 8 jours. Et on demande que je ne sois pas embêté.

D'une seule histoire, d'un seul caprice vous tirez des conclusions à l'infini. Est-ce que le diable nous pousse de nous perdre l'un l'autre? Non, mon cher, ça n'arrivera pas. Je m'accroche à vous comme au dernier bien d'homme, qui me reste et que j'aime. Ah—que c'est beau! Je voudrais vous voir pleurer ensemble, vous et ma femme! vous voir vous attendre sur vous mêmes. C'est aussi un plaisir de se bercer comme cela dans la douleur! Il paraît que nous avons changé de rôles.—Quelle raison de s'affliger sérieusement pour ma femme! Des lettres courtes, froides? Peut-être. La situation était trop bête. Avec cela la disposition d'esprit que je partage avec vous, une préoccupation qui ne laisse pas toujours de place libre pour les sentimentalités de famille.

Est-ce l'amour fort de mon Emma? Vous me jetez le mot maladif à la tête! Je vous le rends, à tous et à Emma, avec infiniment plus de raison. Et à cause de petits malheurs, de petits torts, de petites misères toute l'existence harmonieuse que nous avons rêvé mener ensemble, devient tout d'un coup impossible? Allez, vous ne le croyez pas vous-même. Condamné à la solitude—j'ai cette pensée sinistre comme vous, mais tant que je vous tiens encore, elle ne l'emporte pas sur moi: «feines Liebchen sieht Gespenster!»

Adieu—ne lisez plus les débats et vous ne pleurez plus au moins pas de moi! Je vous embrasse.

G.

Est-ce que vous aurez encore un frisson parce qu'il n'y a pas de lettre pour Emma? Fous, fous, fous, que vous êtes, que je sois, que nous sommes!

*Переводъ.*¹

Если вы палачъ, то я палачъ еще большій. Здоровый, сильный чело­вѣкъ, развѣ ваши нервы конфи­скованы на границѣ? Право, я чувствую соблазнъ смѣяться надъ всѣми вашими мнимыми скорбями. О какомъ главномъ преступленіи идетъ рѣчь? Чего вы хотите? Чего хочетъ моя жена? Чего хочу я самъ? Помогите мнѣ или перестаньте мучить меня и себя! Въ теченіе 3-хъ мѣсяцевъ разыгрываютъ комедію съ паспортомъ, ходятъ отъ Понтія къ Пилату, пишутъ письмо за письмомъ,—подожди еще 8 дней, потомъ еще 8 дней. И хотятъ еще, чтобы это мнѣ не надоѣло.

Изъ простой исторіи, изъ одного каприза вы дѣлаете выводы до безконечности. Или чортъ толкаетъ насъ другъ друга погубить! Нѣтъ, дорогой мой, этого не будетъ. Я цѣпляюсь за васъ, какъ за послѣднее благо, которое у меня осталось и которое я люблю. Ахъ, какъ это прекрасно! Я хотѣлъ бы видѣть, какъ вы плачете вмѣстѣ,—вы и моя жена!—видѣть, какъ вамъ становится жаль самихъ себя. Это, вѣдь, тоже особое удовольствіе—наслаждаться своимъ горемъ. Повидимому, мы помѣнялись ролями. Въ самомъ дѣлѣ, какая, собственно, у васъ причина такъ сильно огорчаться за мою жену? Короткія холодныя письма? Можетъ быть. Положеніе было черезчуръ глупо. Къ тому же состояніе души, которое я раздѣляю съ вами, и всѣ причиняемая имъ заботы не оставляютъ иногда свободнаго времени для семейныхъ сентиментальностей.

Неужто въ этомъ высказалась сильная любовь моей Эммы? Вы бросаєте мнѣ въ лицо слово «болѣзненный». Съ безконечно большимъ основаніемъ я возвращаю его вамъ всѣмъ и Эммѣ. И вотъ изъ-за маленькихъ несчастій, маленькихъ ошибокъ, мелкихъ неприятностей все гармоничное существованіе, о которомъ мы мечтали вмѣстѣ, внезапно оказывается невозможнымъ. Подите, вы сами этому не вѣрите! Приговоренный къ одиночеству, я тоже чувствую эту мрачную мысль, но, пока еще держусь за васъ, она не побѣдила меня—«милая видитъ привидѣнія!».

Прощайте, не читайте дебатовъ ¹⁾, и вы не будете плакать, по крайней мѣрѣ, обо мнѣ! Обнимаю васъ.

Г.

Вы опять будете содрогаться, оттого что нѣтъ письма Эммѣ? Сумасшедшіе вы, и я сумасшедшій, и всѣ мы сумасшедшіе!

¹⁾ Смысль непонятенъ. Или рѣчь идетъ о политической газетѣ «Les Débats», извѣстія и разсужденія которой портили нервы Герцену, или о нѣкоторыхъ «преніяхъ», содержаніе и характеръ которыхъ не указаны.

9.

Samedi (февраль 1850. Цюрихъ).

Mon cher, *cher* Alexandre! Je n'ai pas continué le fragment de lettre que je vous ai envoyée il y a quatre jours à peu près. Il me paraît après vos deux billets que toute discussion et dissection ultérieures • deviennent superflues. Je regrette presque de m'être engagé dans cette voie. C'est vous, vous tel que vous avez été, tel que vous serez, que je tiens et que je ne lâcherai pas, coûte que coûte.—Votre lettre d'aujourd'hui me remet tout-à-fait. C'est une bonne nouvelle. Du reste je m'y attendais, et j'ai voulu retenir Natalie à toute force. Son départ m'a consterné; c'était le seul être qui savait nous accorder et qui nous comprenait tous les deux là encore, où nous nous donnions toute la peine de nous éloigner l'un de l'autre et de mettre entre nous je ne sais pas quoi.

Elle est restée aussi réelle qu'elle l'a été, et c'est à tort que vous me reprochiez de l'avoir entraînée dans un certain romantisme.

Est-ce que vous finirez par appeler romantique toute manière de voir le monde autrement que par les lunettes des blossen Verstandes? Et vous qui prêchez la «mésure», idée que vous avez empruntée aux grecs et que j'adopte entièrement, pourquoi n'étendez vous pas cette idée de la mesure sur tout? Est-ce qu'il n'y a pas aussi une «mésure» pour le raisonnement? Est-ce que nous ne sommes pas très vite au bout de notre sagesse? Est-ce que le grec ne joignait pas à l'idée de la mesure l'idée du Schicksal, c'est à dire, de ces complications malheureuses où la tête nous tourne et que nous ne pouvons plus débrouiller et déchiffrer avec toutes les forces de notre esprit? «Es giebt mehr Dinge im Himmel und auf Erde etc.» J'aime la clarté avec passion comme vous, je voudrais être partout et toujours le maître de ma vie—*je voudrais*—mais est-ce que je le suis? J'ai voulu vous écrire encore de ne pas juger un homme qui vous est si proche que moi, comme le reste de l'humanité a certainement le droit de le juger, de ne jamais perdre de vue le noyau invariable, qui donne une toute autre signification à tous les détails qui peuvent vous repousser, si l'ensemble ne vous attirait pas.

Mon Dieu—ma vie ne me paraît complète que depuis que je vous ai rencontré. Et si je vous écris, ça doit quelquefois avoir l'air comme si j'écrivais à une jeune fille dont je suis amoureux. Je me venge de la haine que je porte à l'humanité en général et en spécial, sur mes amis et amies que j'écrase avec mon amour. Moi, vous offenser? J'ai un si grand besoin d'aimer, j'ai tant de feu à placer à intérêts, ça s'entend, et je suis en cela plus pour Bastiat que pour Proudhon.

J'ai passé la première jeunesse, j'ai sauvé cet idéal de l'amitié. J'agis plus par sympathie peut-être, que par influence active et par énergie. Au fond je n'ai rien fait toute ma vie; j'ai été mis sur la scène sans le vouloir, sans le désirer, malgré moi; je vivais comme cela, au jour le jour, naïvement, sans ambition. Mon plus grand bonheur était de trouver des amis, comme vous, auxquels je plaisais *parce que j'existais*. Tous les autres ne m'intéressent guère. Aussi après vous, après Emma, après votre femme... je deviendrai peut-être par le malheur un bon poète, mais un être si... non, restons ce que nous avons été, à tout jamais. Vous l'avez dit. Je vous embrasse.

Proposez ce que vous voulez; si c'est un moyen de vous voir, de vous parler, j'y consens. Vos affaires, au moins celles de votre mère, me paraissent moins en danger, depuis qu'elle est reconnue citoyenne wurtembourgeoise. Un procès pourrait s'en suivre, mais il sera gagné infailliblement. Je m'informerai de cela du reste, un de ces jours, à la même source.

C'est bien long jusqu'au mois d'Avril!—Votre livre sera expédié dans le cours de la semaine. Mais il faut que nous lancions un ballon d'essai. Il n'est pas si facile d'envoyer des livres de la Suisse en Allemagne dans ce moment; dans tous les cas il faut les faire passer par la Bavière, et non pas par la Prusse. Du reste la réponse définitive de Campe (quant au «Vom andern Ufer») manque encore. Si Kapp vous l'a envoyée, remettez-la moi.

Je suis seul, seul, seul!

Envoyez-moi donc de temps en temps une brochure qui vaut la peine d'être lue.

Votre besson.

Переводъ.

Суббота.

Мой дорогой, *дорогой* Александръ! Я оставилъ неоконченнымъ отрывокъ письма, которое послалъ вамъ дня четыре тому назадъ. Послѣ двухъ вашихъ записокъ, мнѣ казалось, что всякій споръ и дальнѣйшій анализъ становятся излишними. Я даже почти жалѣю, что вступилъ на этотъ путь. За васъ, такого, какой вы были и будете, я держусь, и не выпущу васъ, чего бы то ни стоило.

Ваше сегодняшнее письмо совсѣмъ ободрило меня. Это—благая вѣсть! Впрочемъ, я этого ожидалъ и всѣми силами хотѣлъ удержать Natalie. Отъѣздъ ея привелъ меня въ уныніе. Она была единственное существо, которое умѣло примирять насъ и понимать насъ, обоихъ еще тогда, когда мы взваливали другъ на друга вину въ нашемъ взаимномъ отчужденіи, когда, богъ вѣсть, что легло между нами.

Она же оставалась столь же трезвой, какъ была, и вы напрасно упрекаете меня, что я вовлекалъ ее въ какой-то романтизмъ.

Или вы станете называть романтизмомъ всякую точку зрѣнія, кромѣ той, которая пользуется очками «чистаго разума»? Вы, проповѣдующій идею «мѣры», которую вы заимствовали у грековъ, которую и я вполне принимаю, почему вы сами не примѣняете эту идею «мѣры» ко всему? Развѣ нѣтъ «мѣры» для разсужденій? Развѣ мы не доходимъ очень быстро до края своей мудрости? Развѣ грекъ не присоединялъ къ идеѣ «мѣры» идею «судьбы», т.-е. тѣхъ несчастныхъ сплетеній, отъ которыхъ у насъ голова кружится, и которыя мы не можемъ распутать, несмотря на всѣ усилія ума? «Есть много вещей на небѣ и на землѣ и т. д.»¹⁾. Какъ и вы, я страстно люблю ясность, я хотѣлъ бы быть всегда и всюду господиномъ своей жизни... *хотѣлъ бы*—но развѣ это мнѣ удастся? Я хотѣлъ еще написать вамъ, чтобы вы не судили человѣка, столь близкаго вамъ, какъ я, какъ судятъ и имѣютъ, конечно, право судить его другіе; чтобы вы никогда не теряли изъ виду неизмѣннаго ядра, которое даетъ совсѣмъ иной смыслъ всѣмъ деталямъ, а онѣ могутъ оттолкнуть васъ, если цѣлое не привлекло къ себѣ.

Боже мой, жизнь моя кажется мнѣ полной только съ тѣхъ поръ, какъ я встрѣтилъ васъ. И если я пишу вамъ, то иногда это имѣетъ такой видъ, какъ будто я пишу дѣвушкѣ, въ которую влюбленъ. Я мщу за ненависть, которую питаю къ человѣчеству вообще и въ частности, моимъ друзьямъ,—мужчинамъ и женщинамъ, которыхъ я мучаю своей любовью. Мнѣ оскорблять васъ?! Мнѣ такъ необходима любовь, во мнѣ столько огня, что я могу помѣстить его на проценты: въ этомъ отношеніи я скорѣй согласенъ съ Бастіа, чѣмъ съ Прудономъ.

Я прошелъ первую молодость, я сохранилъ этотъ идеаль дружбы. Я дѣйствую, можетъ быть, больше чувствомъ симпатіи, чѣмъ активнымъ вліяніемъ воли и энергіею. Въ сущности, я ничего не сдѣлалъ за всю свою жизнь. Я оказался на сценѣ, не стремясь къ этому, противъ воли: я жилъ такъ, день за днемъ, наивно, безъ притязаній честолюбія. Самымъ большимъ счастьемъ для меня было найти такихъ друзей, какъ вы, которымъ я нравился просто *потому, что я существовалъ*. Всѣ остальные нисколько меня не интересуютъ. Поэтому послѣ васъ, послѣ Эммы, послѣ вашей жены,—я, можетъ быть, съ горя стану хорошимъ поэтомъ, но

¹⁾ Изъ «Гамлета»: «Есть многое на свѣтѣ, другъ Гораціо...»

вмѣстѣ съ тѣмъ человѣкомъ, столь... Нѣтъ! Останусь тѣмъ, чѣмъ былъ, навсегда. Вы сказали это. Я васъ цѣлую.

Предлагайте, что хотите; если это будетъ средствомъ для свиданія и разговора съ вами, я согласенъ. Ваши дѣла,—дѣла, по крайней мѣрѣ, вашей матушки,—не кажутся мнѣ въ опасности съ тѣхъ поръ, какъ она признана вюртембергской гражданкой. Могутъ затѣять процессъ, но онъ, конечно, будетъ выигранъ. Впрочемъ, я наведу справки объ этомъ на-дняхъ изъ того же источника.

Ужъ очень долго ждать до апрѣля. Книга ваша ¹⁾ будетъ послана на этой недѣлѣ. Но нужно сначала пустить пробный шаръ. Теперь не такъ-то легко посылать книги изъ Швейцаріи въ Германію, во всякомъ случаѣ, ихъ надо посылать черезъ Баварію, а не черезъ Пруссію ²⁾. Впрочемъ, окончательнаго отвѣта отъ Кампе (машетъ «Съ того берега») еще нѣтъ. Если Каппъ послалъ вамъ его, то перешлите мнѣ.

Остаюсь одинъ, одинъ, одинокій!

Посылайте мнѣ время отъ времени брошюры, которыя стоить прочесть.

Вашъ близнецъ.

10.

Mercredi. (Мартъ 1850).

Besson, bessonne, bessonnière!

Salut à vous tous! Que le dernier, soir «à la belle Montagne» vous appartienne. Je quitte l'endroit de ma crucifixion sans savoir si je trouve celui de ma résurrection. Je n'ai ni tête, ni coeur, ni main pour écrire—tout de même j'écris—peut-être beaucoup, peut-être rien. J'attends Emma—j'attends. Est-ce qu'elle sera contente de moi? je n'en sais rien. Je ferai mon possible, tout mon possible, naturellement sans effort. Mais il faut qu'elle me supporte tel que je suis devenu. Mon amour n'a pas diminué, mais je ne peux pas dire que je ne sois pas changé. La vie a laissé ses traces; j'ai le coeur plus chaud, plus sensible que jamais, mais malgré cela le jugement plus froid. Plus attaché que jamais à tout ce que j'ai aimé, je donnerai la dernière goutte de mon sang avant de troubler en quoi que ce soit cette harmonie à laquelle nous sommes, je crois, maintenant arrivés, malgré ou plutôt grâce à tous les déchirements du dernier temps. Mais il y a un mot que j'ai effacé dans mon dictionnaire, c'est la joie pure, franche, sans mélange. Je serai à l'avenir un compagnon triste, très triste, résigné,

¹⁾ «Письма изъ Франціи и Италіи».

²⁾ «Письма» печатались въ Цюрихѣ.

demandant beaucoup de la vie et en attendant peu, ne renonçant à aucun idéal que je me suis fait et ne croyant non plus à la réalisation d'aucun—voulez-vous me laisser traîner mes jours comme cela à côté de vous? Si nous ne pouvons pas être trop heureux, nous aurons ensemble au moins la force de résister à la misère générale—diable, ça sera assez de bonheur. Oui!

Emma veut m'entraîner à P.? Je crains P., je le deteste, et je ne comprends pas comment j'y pourrais rester longtemps, sans être tracassé! Je suis presque résolu, de ne pas y aller, d'attendre soit ici, soit à Berne, soit ailleurs, jusqu'à ce que vous serez installés vous tous n'importe où, n'importe quand. N'importe quand—j'ai menti! Mais une nouvelle existence intermédiaire, provisoire—vraiment je n'ai pas trop grande envie de la tenter. J'espère de pouvoir mettre Emma de mon côté sans lui faire de la peine. L'Odyssee n'est pas finie—et savez-vous qu'il y a même une Circé ici à Z. qui me retient? Je suis noyé dans le russe jusqu'aux oreilles et M-elle E. est infatigable pour moi. Le magnifique volume de Pouschkine tombera comme du Manna dans le désert. Avis à N!

Demain je déménage, hôtel Bauer sera la nouvelle résidence, Continuez d'écrire à Z. jusqu'à nouvel ordre, poste restante à moi ou mad. Haag, comme vous voudriez. La poste est vis-à-vis, p. rest. sera plus commode, on a les lettres plus tôt.

Affaires:

Chez Alex. ta brochure sera entièrement expédiée cette semaine. (200 ex. restent à ta disposition), les ex. pour P. sont partis. Emma t'apportera les ex.—Pracht (les Prachtex.). Je commence à distribuer des ex. aux hommes critiques, aux journaux etc. toujours avec la prière, de n'en pas parler avant une quinzaine de jours.

Je joins à cette lettre un article de Fallmerayer qui fait beaucoup de bruit. Il demeure à St.-Gall et je lui enverrai un ex. de l'anderm Ufer. Probablement il l'annoncera lui-même dans la Gazette d'Augsbourg. Feuerbach en aura de même ces jours. Enfin—sais-tu que l'auteur de la brochure «Russische Zustände» est—Bakounine?—Un Dr Willich de Dresde qui vit ici a corrigé le style. Il va faire un article sur ta brochure dans la gazette de Dresde.—Bakounine—voilà comme on est injuste envers ses amis!..

Fin des affaires—et à peine la place pour vous serrer à mon coeur, vous tous, chers, chers amis et amies.

Georg.

Chère N, les enfants auront une grande épître à part.
Préparez y Tata et Horace.

Переводъ.

Среда.

Ему—близнецу, ей—близнецу, всему гнѣзду близнецовъ!

Привѣтъ всѣмъ вамъ! Пусть вамъ принадлежитъ мой послѣдній вечеръ въ «la belle Montagne». Я покидаю мѣсто своего распятія, не зная, найду ли мѣсто моего воскресенія. У меня нѣтъ ни головы, ни сердца, ни руки, чтобы писать, и, все-таки, я пишу, можетъ быть, много, можетъ быть, ничего. Я жду Эмму, я жду. Будетъ ли она довольна мною? Не имѣю понятія. Я сдѣлаю все, что могу, конечно, безъ усилій. Но надо, чтобы она переносила меня такимъ, какимъ я сталъ. Любовь моя не уменьшилась, но я не могу сказать, чтобы я не измѣнился. Жизнь оставила свои слѣды. Сердце у меня стало горячѣе и чувствительнѣе, чѣмъ когда-либо, но, несмотря на это, способность сужденія стала холоднѣе. Привязанный больше, чѣмъ когда-либо, къ тому, что я любилъ, я до послѣдней капли крови буду стараться не смутить гармоніи, къ которой мы, кажется, пришли теперь, несмотря на это, вѣрнѣе, благодаря всѣмъ горестямъ послѣднихъ времени. Но есть одно слово, которое я вычеркнулъ изъ своего словаря, это — радость, чистая, искренняя, безъ всякой примѣси. Теперь я буду спутникомъ грустнымъ, очень грустнымъ, требуя отъ жизни многого и ожидая малаго, не отказываясь ни отъ одного идеала и не вѣря въ ихъ осуществленіе. Хотите ли вы, чтобы я влачилъ такое существованіе рядомъ съ вами? Если мы не можемъ быть счастливы, то вмѣстѣ у насъ будетъ, все-таки, сила сопротивленія общему несчастью, и въ этомъ, ~~что~~ ^{что} возьми, будетъ достаточно счастья! Такъ-то!

Эмма хочетъ тащить меня въ П.? Я боюсь П., я ненавижу его и не представляю себѣ, чтобы меня на сколько-нибудь продолжительное время оставили тамъ въ покоѣ. Я почти рѣшилъ не ѣхать туда,—лучше подожду или здѣсь, или въ Бернѣ, или въ другомъ мѣстѣ, пока вы всѣ гдѣ-нибудь и когда-нибудь окончательно устроитесь. Когда-нибудь... Нѣтъ, я солгалъ. Но опять промежуточное, временное существованіе,—нѣтъ, я, право, не имѣю большого желанія испробовать его. Я надѣюсь и Эмму склонить на мою сторону, не причинивъ ей огорченія. Одиссея еще не кончилась, и знаете ли, что здѣсь, въ Ц. ¹⁾, есть даже Цирцея, которая меня удерживаетъ? Я ушелъ съ головою въ русскій языкъ, и М-ле Э. ²⁾ просто

¹⁾ Цюрихъ.

²⁾ М. К. Эрнъ учила Гервега русскому языку; потомъ онъ даже перевелъ Лермонтова.

неутомима. Великолѣпный томъ Пушкина будетъ теперь для меня, что манна въ пустынѣ. Это—къ свѣдѣнію Н.¹⁾!

Завтра я переселяюсь, новой резиденціей будетъ отель Бауэръ. До новаго распоряженія продолжайте писать въ Ц. до востребованія, на имя мое или г-жи Гаагъ, какъ хотите. Почта напротивъ, пѣтому до востребованія удобнѣе: раньше получаешь письма.

Дѣла:

Къ Алекс.—Твоя брошюра *будетъ* послана на этой недѣлѣ (въ твоёмъ распоряженіи останутся 200 экз.). Экз. для П.²⁾ посланы. Эмма привезетъ тебѣ роскошные экз. Я начинаю раздавать экз. критикамъ, газетамъ и проч., съ одной и той же просьбой: не давать отзывовъ раньше, чѣмъ черезъ двѣ недѣли.

Прилагаю къ письму статью Фальмерайера, которая надѣлала много шума. Онъ живетъ въ Сентъ-Галлѣ, и я пошлю ему одинъ экз. «Съ того берега». Вѣроятно, онъ самъ напишетъ о немъ въ «Аугсбургской Газетѣ». Фейербахъ тоже на дняхъ получитъ. Наконецъ, знаешь ли, что авторъ брошюры «Russische Zustände» — Бакунинъ? Нѣкій д-ръ Виллихъ, изъ Дрездена, живущій здѣсь, поправилъ ея слогъ. Онъ напишетъ замѣтку о твоей брошюрѣ для «Дрезденской Газеты». Бакунинъ... вотъ какъ бываютъ несправедливы къ друзьямъ!...

Кончаю о дѣлахъ—едва хватаетъ мѣста, чтобы прижать васъ къ сердцу, всѣхъ васъ, милые друзья.

Георгъ.

Дорогая Н., дѣти получаютъ отъ меня посланіе особо.
Приготовьте къ этому Тату и Ораса³⁾.

11.

(Мартъ 1850. Цюрихъ).

Mon cher Alexandre! Il faut que je me retrouve moi-même avant que je vous puisse donner une réponse tant soit peu raisonnable. Vos propositions arrivent tellement inattendues pour moi, que vraiment je ne sais pas que dire. Je ne suis pas encore satisfait, content, tranquille, mais je recommence à vivre depuis vos deux ou trois dernières lettres. Emma chante un pater, peccavi sans ajouter trop d'accusations nouvelles. Natalie vous aura donné déjà toutes les explications désirables. Mon Dieu, vous étiez comme enragés là à Paris et vous êtes tombé.

¹⁾ Н. А.—на.

²⁾ Парижъ.

³⁾ Сынъ Гервега.

chaque matin à Zürich comme la foudre en personne. Et pourquoi? Non—ce n'était pas bien; mais c'est bien, ça sera bien, et tout ce qui a été, n'a pas été.—N'est-ce pas, si je ne suis pas encore capable d'une résolution franche, nette et claire, vous ne m'en voulez pas? Une inexprimable tristesse s'étend encore sur moi; je ne puis pas réjouir, comme je voudrais, des pressentiments tragiques. Probablement j'ai tort, ça vient à la tension de mes nerfs. N'en parlons pas. Et vive la vie! Et du courage!

Je ne suis pas Caracalla, je ne veux pas mettre à une épreuve trop longue et trop douloureuse le coeur d'Emma, mais, diable, je suis confus, je ne vois pas aussi clairement que vous, je suis trop rentré en moi-même, je ne puis pas sortir trop facilement de moi. Aidez-moi, si vous pouvez, et suppléez à ce défaut d'expansion par votre façon amicale! Si je viens à Paris ou non, si je vous vois ailleurs? Laissez-moi dormir quelques nuits in pace là-dessus.

Aussi suis-je moins pressé — c. a. d. plus d'un mois de séparation me serait insupportable depuis que notre correspondance a pris une autre tournure. Je vous aime tant et je succomberais sous la pensée de voir naufrager dans le déluge général cette petite arche à nous qui doit nous porter à l'autre rivage. Après tout, nous sommes des hommes qui n'ont d'autre choix que de vivre ensemble ou d'aller s'enterrer dans une Thébàïde.

Et pourtant—savez-vous ce qu'on appelle «einen Unglücksvogel?» Je sens quelquefois quelque chose comme cela en moi.

Le sud de la France ou le nord de la Sibérie! Moi je peux consentir à tout quoique j'eusse l'intention d'aller loin, bien loin. Quand vous y serez—qui vous pousse encore de mettre votre nez avant moi dans les îles d'Hyères? Bord de la mer, beau climat, eh bien—je grandirai de six pieds à la fois; énergie, jeunesse, activité, l'harmonie entre les meilleurs êtres de ce monde se trouvera. Ça ira! ça ira!

Ne soyez pas mon intermédiaire, mais empêchez au moins les malentendus, si je me tais. Que voulez-vous si je ne sais pas ce que je dois écrire? Je suis devenu circonspect. Demandez un sursis à Emma, un sursis dont mon coeur a peut-être moins besoin, que ma tête. Donnez-moi le temps pour la digestion de toutes les amertumes que j'ai avalé dans les derniers temps.—Adieu, cher, cher ami et amie à ne pas oublier le reste de la bessonière.

Affaires:

Avez-vous une autre lettre de Hoffmann et Campe où il écrit *positivement*, qu'il accepte sous les conditions proposées le débit du

premier livre c. a. d. «Vom andern Ufer». La lettre de Kapp ne parle que de l'acceptation des lettres d'Italie et de la *proposition* qu'il (Kapp) a fait à Campe, concernant das andere Ufer.

Vous êtes impatient d' recevoir les 20 exempl. Mais il a fallu bien les brocher. Moi—je meurs de honte, que le livre vient sans ma préface et je *tiens* et je *supplie*, qu'elle soit à la tête de la 2-e édition. Je tiens à ce témoignage public de nos sympathies profondes et de notre amitié rare.

Donnez-moi l'adresse de Kapp, il y a une lettre pour lui. Comment est la brochure de ce pauvre Louis Blanc?

Переводъ.

Мой дорогой Александръ! Я долженъ немного собраться съ мыслями прежде, чѣмъ дать вамъ болѣе или менѣе разумный отвѣтъ. Ваши предложенія такъ неожиданны для меня, что я, право, не знаю, что и сказать. Я еще не удовлетворенъ, не доволенъ, не спокоенъ, но со времени вашихъ послѣднихъ двухъ-трехъ писемъ начинаю оживатьъ. Эмма поетъ: «pater, peccavi» ¹⁾, не прибавляя, впрочемъ, слишкомъ много новыхъ обвиненій. Natalie, вѣроятно, уже дала вамъ всѣ желательныя разъясненія. Боже мой, вы точно взбѣсились тамъ, въ Парижѣ, и каждое утро, какъ молнія, ударили въ Цюрихъ. И почему? Нѣтъ, это было не хорошо; но это хорошо, это будетъ хорошо, и все, что было, какъ не бывало. И не правда ли, если я еще не способенъ на искреннее, прямое и ясное рѣшеніе, вы не въ претензіи за это на меня? Невыразимая грусть владѣетъ еще мною; я не могу отогнать отъ себя, какъ бы хотѣлось, трагическія предчувствія. Вѣроятно, я ошибаюсь: это происходитъ отъ нервнаго напряженія. Ну, не будемъ объ этомъ говорить! И, да здравствуетъ жизнь! И смѣлѣе!

Я не Каракалла, я не хочу подвергать сердце Эммы слишкомъ долгому и мучительному испытанію. Но, чертъ возьми, я смущенъ, я вижу не такъ ясно, какъ вы, я слишкомъ ушелъ въ себя и мнѣ даже трудно выйти изъ себя. Помогите мнѣ, если можете, и заполните мой недостатокъ экспансивности вашимъ дружескимъ краснорѣчіемъ. Приѣду ли я въ Парижъ или нѣтъ? Увижу ли васъ въ другомъ мѣстѣ? Дайте мнѣ мирно проспять нѣсколько ночей, не думая объ этомъ.

Поэтому я не очень тороплюсь; это значитъ, что я не вьнесу больше мѣсяца такую разлуку послѣ того, какъ переписка

¹⁾ «Отець, согрѣшилъ!»

наша приняла другой оборотъ. Я такъ сильно люблю васъ, и меня давить мысль, что въ общемъ потопѣ можетъ погибнуть нашъ маленькій ковчегъ, который долженъ бы вынести насъ на другой берегъ. Въ концѣ концовъ, мы—люди, для которыхъ нѣтъ иного выхода: или жить вмѣстѣ или похоронить себя въ какой-нибудь Ойвайдѣ.

И, все-таки, знаете ли, что значать слова «зловѣщая птица»? Я иногда чувствую внутри себя что-то въ родѣ этого.

Югъ Франціи или сѣверъ Сибири! Я могу согласиться на все, хотя намѣренъ былъ уѣхать далеко, очень далеко. Когда вы будете тамъ, — кто станетъ толкать васъ совать носъ прежде меня на *Гіерскіе* острова? Берегъ моря, прекрасный климатъ, ну, хорошо, я выросту сразу на шесть футовъ; посявится энергія, молодость, жажда дѣятельности и гармонія между лучшими существами въ мірѣ! Дѣло пойдетъ! Пойдетъ! ¹⁾.

Не прошу быть моимъ посредникомъ, но устраняйте, по крайней мѣрѣ, недоразумѣнія, если я буду молчать. Чего вы отъ меня хотите, если я не знаю, что писать? Я сталъ остороженъ. Попросите у Эммы отсрочки, — отсрочки, въ которой година моя нуждается, можетъ быть, больше, чѣмъ сердце. Дайте мнѣ время, чтобы переварить всю горечь, которой я наглотался въ послѣднее время. Прощайте, мои дорогіе друзья и остальные члены гнѣзда близнецовъ.

Дѣла:

Есть ли у васъ второе письмо Гоффмана и Кампе, гдѣ онъ пишетъ *опредѣленно*, что согласенъ, на предложенныхъ условіяхъ, продавать первую книгу, т.-е. «Съ того берега»? Въ письмѣ Каппа упоминается лишь о полученіи «Писемъ объ Италіи» и о *предложеніи*, которое онъ (Каппъ) дѣлалъ Кампе насчетъ «Того берега».

Вы ждете съ нетерпѣніемъ 20 экземпл., но, вѣдь, ихъ нужно было еще брошировать. Я умираю со стыда, что книга выходитъ безъ моего предисловія, и *настаиваю* и *умоляю*, чтобы оно было во главѣ 2-го изданія. Я придаю значеніе публичному засвидѣтельствуванію нашихъ глубокихъ симпатій и рѣдкой дружбы.

Напишите мнѣ адресъ Каппа, — здѣсь есть письмо для него. Какова брошюра этого бѣднаго Луи Блана ²⁾?

¹⁾ Во французскомъ подлинникѣ здѣсь первыя слова — «ça ira» знаменитой первой пѣсни большого общественнаго значенія (Карманьола) первой французской революціи.

²⁾ Вѣроятно, «Pages d'histoire de la révolution de Février», 1850.

12.

(Мартъ 1850. Цюрихъ).

Tu t'écartes de la question dans les affaires comme dans les sentiments. Kapp parle de 2 lettres de Campe, je ne reçois qu'une seule. Je n'y vois que la phrase «aus dem «Vom andern Ufer» wird wohl nichts werden», mais je ne sais pas où je dois envoyer le livre, à Cologne, à Leipzig, à Hambourg? L'expédition de ce livre est à peu près la seule chose qui me retient encore ici.

Si toi et, d'après la théorie nouvelle de l'identité conjugale absolue, ta femme non plus, n'aimez plus à m'écrire, fais-moi donc dire par M-elle Ern ce que je dois faire.

Mes respects à Madame où ma main à Natalie, selon son choix, selon ce qu'elle veut ou ne veut pas cesser une bouderie enfantine pour des lettres antédiluviennes et antérieures à celles auxquelles elle a daigné répondre assez humainement; si les bévues de la poste vous doivent servir encore comme machine de guerre je suis nécessairement perdu. De grâce, un peu moins de justice et un peu plus de *bonté*! Quelle abondance d'esprit avez-vous à Paris et quelle disette de coeur! Все равно!

Je n'ai pas encore pris l'habitude de renvoyer les lettres de mes amis; je garde la vôtre, quoique je n'en comprenne pas un mot.—

Sans réciprocité il n'y a pas d'amitié possible. Depuis deux mois je subis de votre part la censure la plus amère de mes actions et relations les plus intimes, je ne t'en voulais pas, je ne t'en veux pas— l'amitié, telle que je la comprends, a des droits énormes. Je pensais qu'à la fin tu sentirais toi-même la position pénible dans laquelle tu me mettais en te constituant mon «mentor» et en me forçant de ne recevoir que des *leçons*. Et voilà que tu te révoltes à la première observation tant soit peu méphistophélique de ma part, mais qui n'a rien de *personnellement* offensant pour toi, parce que j'ai généralisé et appliqué ce que je prétendais; a *tout* le monde passé, présent et à venir. J'ai pu me tromper, tu pouvais me réfuter. Mais c'est mon droit de croire qu'on peut avoir, malgré la plus grande unité de corps et d'âme, une opinion tout à fait différente sur telle ou telle spécialité, comme tu as le droit de croire le contraire.

H.

Переводъ.

Ты уклоняешься отъ отвѣта на вопросъ о дѣлахъ, какъ и о чувствахъ. Каппъ говоритъ о двухъ письмахъ Кампе, а я получилъ только одно. Тамъ есть только фраза: «изъ «Съ того берега», вѣрно, ничего не выйдетъ», но я не знаю, куда послать книгу:

въ Кельнъ, въ Лейпцигъ, въ Гамбургъ? Отсылка этой книги—почти единственное, что меня удерживаетъ еще здѣсь.

Если ты и, по послѣдней теоріи супружескаго тожества, твоя жена не желаете мнѣ писать, передай, по крайней мѣрѣ, черезъ М-ле Эрнъ, что мнѣ дѣлать.

Мое почтеніе госпожѣ Герценъ, или—моя рука Natalie, по ея выбору, смотря по тому, хочетъ она или нѣтъ прекратить ребяческую обиду за допотопныя письма, писанныя раньше, чѣмъ тѣ, на которыя она соизволила отвѣчать довольно человѣчно. Если и почтѣвыя ошибки способны служить для васъ орудіемъ войны, то я, конечно, погибъ. Пощадите, немного меньше справедливости и немного больше *доброты!* Какое обиліе ума у васъ въ Парижѣ и какая скудость сердца! «Все равно!»¹⁾.

Я не привыкъ еще отсылать обратно письма своихъ друзей; я сохраняю ваше, хотя не понимаю въ немъ ни одного слова.

Безъ взаимности дружба невозможна. Въ теченіе двухъ мѣсяцевъ я подвергаюсь съ вашей стороны суровой цензурѣ моихъ дѣйствій и самыхъ интимныхъ отношеній; я не сердился и не сержусь на тебя за это,—дружба, какъ я ее понимаю, имѣетъ огромныя права. Я думалъ, что, въ концѣ концовъ, ты самъ почувствуешь, въ какое тяжелое положеніе ты ставишь меня, присваивая себѣ роль моего «ментора» и постоянно принуждая меня выслушивать твои уроки. И вотъ ты сразу возмущился отъ перваго же моего, пусть немного мефистофельскаго, замѣчанія, хотя въ въ немъ нѣтъ ничего *лично* оскорбительнаго для тебя, потому что я обобщилъ и примѣнилъ свои слова ко *всѣмъ* людямъ въ прошломъ, настоящемъ и будущемъ. Я могъ ошибиться, ты могъ меня опровергнуть. Но, вѣдь, я имѣю право думать, что, несмотря на полное единеніе тѣла и духа, можно придерживаться совершенно различныхъ взглядовъ на тотъ или другой предметъ, какъ и ты, конечно, въ правѣ быть совершенно противоположнаго мнѣнія на этотъ счетъ.

Г

13.

(Мартъ 1850. Цюрихъ).

Mon cher Alexandre, Oui, il faut que tu viennes me rafraîchir par ta présence. Je suis au bout de mon esprit et je tombe dans les répétitions. Ça me fait croire malgré mon scepticismus que nous approchons au terme de notre séparation et que nous accoucherons

¹⁾ Въ подлинникѣ по-русски.

enfin des fruits de notre longue méditation. Si je continue à t'écrire et à t'écrire souvent, c'est toujours avec la confiance que tu ne regardes mes lettres que comme des signes de vie, que j'ai le besoin de te transmettre et le besoin de recevoir de ta part aussi souvent que possible. Rien que cela, pas la moindre chose, qui pourrait intéresser un être quelconque au monde que toi-même... Des petites choses du jour—je ne veux pas te régaler — Des questions théoriques — il y en a à peine à débattre entre nous et s'il y en a des pratiques, ce n'est pas par écrit que nous voulons les résoudre. Nous l'avons essayé une fois et pour comble d'ironie nous nous sommes récrié l'un contre l'autre justement alors, quand nous étions le plus profondément d'accord. Que reste-t-il? Nous sommes arrivés au même point de vue ou plutôt nous nous sommes rencontrés un jour à ce même point de vue—tout ce que nous voyons, nous le voyons de la même manière. Seulement tu vois un peu plus que moi pour le moment. Ainsi c'est à toi de parler un peu plus, que moi. Je le fais et je te prie de continuer à le faire.—Je n'ai pas même des objets d'études—rien, rien, rien et je suis obligé de me manger moi-même. Toi au moins tu peux manger les autres. Si tu peux les digérer, c'est une autre question.—Et en remplissant comme cela avec mes magnifiques réflexions le vide que vous avez laissé en moi, j'espère que ce malheureux 13 avril arrivera enfin. Comme le chiffre 13 m'a poursuivi dans ma vie—prends le 14 ou le 15.—Ici dans la maison on est au comble de la joie; avec l'argent qui doit arriver on bâtit des châteaux en Espagne et on achète déjà chiffons sur chiffons.—L'affaire du testament sera maintenant difficile à remettre, d'autant plus difficile, parce que cela donne l'occasion d'un parti de plaisir à ta mère.—Transmets à temps tes ordres et tes désirs. Il sera superflu de mettre tes enfants dans le testament, le seul cas excepté que tu mourras avant ta mère.—Mais c'est dégoûtant. Tu deviendras vieux comme Mathusalem, et tu te promèneras et boiras du Clos-Bougeot sur nos tombeaux, quand le grand déluge nous aura emporté tous.

Homo diluvii testis—

pas fossile, mais bien vivant et relativement colossal—rappelle-toi ce que nous avons dit de la génération à venir. Ça va s'accomplir. S'il n'y avait pas encore quelques monstres comme Tata, qui donnent des espérances—quoi alors? J'ai perdu ma pensée en route.

Sois assez bon et assez raisonnable, de consoler Calypso, c. a. d. Emma. Si je ne la savais pas parmi tous et heureuse avec tous, je l'aurais fait venir depuis longtemps par le télégraphe.

Dieux des dieux — cette vie cassée, frisée, gaspillée — va-t-elle finir?

Mes chers, chers Parisiens, ne perdez plus de temps. Et que cela soit au plus tard à la trinité que vos saints esprits descendent sur moi d'une diligence Lafitte-Caillard ou nationale.

Adieu; je vous embrasse, supportez-moi aussi bête que je suis.

Tata, tu auras bientôt une lettre—sur une feuille à part pour toi seule.

Ton Herwegh.

Et «Les confessions»? Hast du keine «Briefe aus Italien»?

Переводъ.

Мой дорогой Александръ, да, ты долженъ прѣхать, чтобы освѣжить меня своимъ присутствіемъ. Я не могу больше думать и впадаю въ повторенія. Это заставляетъ меня вѣрить, несмотря на мой скептицизмъ, что мы приближаемся къ концу нашей разлуки и, наконецъ, разрѣшимся плодомъ нашихъ долгихъ размышлений. Если я продолжаю писать тебѣ и пишу часто, то лишь въ надеждѣ, что ты смотришь на мои письма только, какъ на признаки жизни,—и у меня есть потребность подавать ихъ тебѣ и какъ можно чаще получать ихъ отъ тебя. Въ моихъ письмахъ только это, и нѣтъ ровно ничего, что могло бы заинтересовать кого-нибудь, кромѣ тебя... Обыденными мелочами не хочу тебя угощать. Спорные теоретическіе вопросы для насъ врядъ ли найдутся, а что касается практическихъ, то мы не будемъ ихъ рѣшать въ письмахъ. Мы разъ это попробовали и, къ довершенію ироніи, стали жаловаться другъ на друга именно тогда, когда были въ полномъ согласіи. Что же остается? Мы пришли къ одному выводу, или, вѣрнѣе, встрѣтились у одного и того же вывода: мы на все смотримъ одинаково. Разница лишь та, что сейчасъ ты видишь немного больше, чѣмъ я. Поэтому ты и говорить долженъ нѣсколько больше меня. Это дѣлаю я, а тебя прошу продолжать. Мнѣ даже нечѣмъ сейчасъ заниматься—ничѣмъ, ровно ничѣмъ, и я принужденъ заниматься самоѣдствомъ, ты же можешь, по крайней мѣрѣ, ѣсть другихъ. Сможешь ли ты ихъ переварить, это—другой вопросъ. И, наполняя своими прекрасными размышлениями пустоту, оставленную вами во мнѣ, я надѣюсь, что злосчастное 13-ое апрѣля, наконецъ, наступитъ. Впрочемъ, цифра 13 преслѣдовала меня всю жизнь, лучше назначь 14 или 15-ое. Здѣсь, въ домѣ, всѣ наверху счастья; на деньги, которыя должны прійти, строятъ воздушные замки и уже закупаютъ тряпки за тряпками. Дѣло съ за-

вѣщаніемъ теперь будетъ трудно отложить, тѣмъ труднѣе, что это даетъ твоей матери поводъ для пріятной поѣздки. Сообщи заблаговременно свои распоряженія и желанія. Незачѣмъ помѣщать дѣтей въ завѣщаніи,—только, развѣ, на случай, если ты умрешь раньше матери. Но и одна мысль объ этомъ нелѣпа! Ты будешь старъ, какъ Маѳусаилъ, будешь гулять и пить Кло-Бужо на нашихъ могилахъ, когда великій потопъ унесетъ всѣхъ насъ.

Homo diluvii testis ¹⁾,

не ископаемый, а живой и соответствующихъ размѣровъ, вспомни, что мы говорили о будущемъ поколѣніи. Это исполняется. Если бы не было еще такихъ чудовищъ, какъ Тата, которыя подають еще нѣкоторую надежду, что тогда было бы? Я потерялъ нить своихъ мыслей.

Будь добръ и благоразуменъ, утѣшь Калипсо, т.-е. Эмму. Если бы я не зналъ, что она среди васъ и счастлива, я давно звалъ бы ее по телеграфу.

Боги боговъ, кончится ли эта разбитая, запутанная, растроченная жизнь?!

Дорогіе, дорогіе мои парижане, не теряйте больше времени. И пусть не позже Троицы ваши святые духи сойдутъ на меня изъ дилижанса Lafitte-Caillard или національнаго.

Прощайте, обнимаю васъ; терпите меня такимъ глупымъ, какъ я есть.

Тата, ты скоро получишь письмо на особомъ листѣ, предназначенное только для тебя.

Твой Гервегъ.

А «Исповѣдь» ²⁾? У тебя нѣтъ «Писемъ изъ Италіи»?

14.

4, le matin (апрѣль 1850).

Mon cher Alexandre! Je ne me suis pas encore soulagé tout à fait. J'ai écrit toute la nuit comme sous une attaque de folie; j'ai déchiré et réécrit la même chose. Du reste il n'y a rien à craindre; la folie n'entrera pas chez moi, c'est une grâce de la nature dans l'état où je me trouve de nouveau et la nature ne s'est jamais montré très généreuse envers moi. Oui—j'accepterais la folie même sous la con-

¹⁾ Допотопный человекъ.

²⁾ Сочиненіе Ж.-Ж. Руссо.

dition d'être mis dans une cage; je n'ai pas peur des enfants qui viendront m'agacer, mais des hommes posés forts qui se moqueront d'un pauvre fou qui a pris trop au sérieux les choses de ce monde, les affections, les sentiments, les siens et ceux des autres.—Je continue à barbouiller du papier, car je veux, je veux absolument dès aujourd'hui, dès ce moment et à tout prix, conclure une paix définitive, éternelle, passer l'éponge sur toutes les taches réelles et imaginaires qui ont pu défigurer notre relation; je veux que tout ce qui n'a pas été magnifique rentre dans l'oubli, que tout redevient absolument comme il a été dans nos beaux jours. Et nous en avions beaucoup, avouez-le! Je veux, quand je vous reverrai, tôt ou tard, pouvoir vous embrasser en pleurant de joie et en riant avec vous de tous ces enfantillages et Selbstgauklerelen dont nous étions capables dans—il n'y a pas d'autre nom—des moments de pure démence. N'est-ce pas c'est l'histoire de la boule de neige, qui est devenue avalanche. Mais ce n'est pas moi seul qui l'a roulée, nous l'avons roulée, nous tous à qui mieux mieux. L'avalanche nous a engloutis un moment, mais elle fond à l'air du beau temps et nous sortons sains et saufs de dessous d'elle!—Ne me prenez donc pas plus longtemps pour un trouble-paix! Ayez un *peu* de confiance en moi, dans ma bonne volonté, dans mon *amour* pour Emma! Et montrez-moi cette confiance par un tout petit peu plus de *patience*. Ne demandez pas tout *d'un* jour, d'une heure! Ne me navrez pas le cœur, vous et Natalie, par ce récit continuuel des souffrances d'Emma, auxquelles il est impossible de mettre aussi vite une fin que votre grand, bon et noble cœur le désire. Croyez-vous que je souffre moins? N. sait comment j'ai été ulcéré par la conduite d'Emma, j'ai essayé des lettres, ça n'allait pas; j'attendais, d'accord avec N., pour continuer une correspondance qui empirait et obscurcissait tout au lieu d'éclaircir et de chasser les nuages. Emma revenait toujours à la charge — que pouvais-je faire de mieux que de me taire? Le jugement de N. maintenant est un peu trop dépendant du vôtre; ça vous fait de l'honneur, mais cela me fait infiniment de la peine. Voilà pourquoi j'ai dit — elle ne pense, ni ne sent pas tout à fait comme elle écrit. Elle doit me donner intérieurement un peu plus de raison, qu'elle ne montre. Elle sait que je cherche l'harmonie et si je me suis trompé dans tel ou tel moyen (qui avait même son approbation) je ne mérite pas les dures leçons de tous deux. Et pourquoi m'interdire dans cet état de choses la seule consolation, qui me restait de m'entretenir journallement avec vous? Et si j'ai fait passer les lettres par la main d'Emma, ça pouvait la chagriner, oui, mais ça devait lui montrer en même temps ma candeur, l'innocence de mon âme, devait lui montrer, combien je tenais à vous et

l'engager de faire aussi des efforts pour rétablir l'équilibre. Elle les fait, elle les a fait, réjouissez-vous. Sa dernière lettre est angélique. Je ne prends encore aucune résolution; le travail en moi n'est pas encore fini et vous en aurez probablement des preuves; das innere ist noch nicht gereinigt von erlebtem Graus. Mais l'espoir de la vie la plus belle pour des hommes comme nous se montre radieux, radieux!

Certainement vous avez tous les droits sur moi qu'un homme peut avoir sur un autre, je vous donne ces droits à tout jamais et vous ne m'offenserez pas, en en usant le plus largement possible. Mais si j'ai un autre plan d'opération, un autre plan de campagne, que vous, dans telle ou telle affaire, ne désespérez pas tout de suite de moi. Agissez, parlez, comme vous voudrez, mais attendez et ne faites pas des reproches prématurés à chaque moment.

Ne me lancez plus des foudres, comme aujourd'hui, au moment où je dois m'y attendre le moins. Qu'est-ce que j'ai donc fait sauf du bien? Vous voyez que ma manière d'agir a parfaitement réussi. Cela a coûté encore quelques pleurs, mais c'étaient des derniers.

Je vous implore, ne recommencez plus. Vous m'aviez promis, vous n'avez pas tenu parole. Nous avons à nous dire tant d'autres choses, de belles et de tristes—la vie est si riche sous les deux rapports. Serons encore les liens qui nous unissent; vous serez contents de moi. Et voulez-vous?—c'est comme un jour de fête pour moi—aujourd'hui. Veux-tu? et signons la paix, comme cela! Laissez-moi dire, c'est de nouveau toi; c'est toi, mon vieil ami. Et ainsi soit-ill

G.

Переводъ.

4. Утро.

Мой дорогой Александръ! Я еще не вполне облегчилъ свою душу. Писалъ всю ночь, какъ бы въ припадкѣ безумія; я рвалъ и снова переписывалъ то же самое. Впрочемъ, бояться нечего: безуміе не овладѣтъ мною; это—милость природы въ моемъ положеніи, а природа никогда не была великодушна со мною. Да, я приму даже безуміе подъ условіемъ, чтобы меня посадили въ кѣтку. Я не боюсь дѣтей, которыя придуть меня дразнить, но боюсь солидныхъ людей, которые будутъ смѣяться надъ бѣднымъ безумцемъ за то, что онъ принялъ слишкомъ близко къ сердцу дѣла сего міра, страсти и чувства, свои и чужія. Я продолжаю марать бумагу, потому что непремѣнно хочу съ сегодняшняго дня, съ этого момента, во что бы то ни стало, заключить окончательный, вѣчный миръ, смыть всѣ дѣйствительныя и воображаемыя пятна, которыя могли испор-

тить наши отношенія; я хочу, чтобы все, чего нельзя назвать прекраснымъ, кануло въ забвеніе, чтобы все стало опять такимъ, какимъ было въ наши лучшіе дни. А ихъ было много у насъ, признайтесь! Я хочу, когда снова увижу васъ, когда бы это ни случилось, обнять васъ, плача отъ радости и смѣясь вмѣстѣ съ вами надъ всѣмъ нашимъ ребячествомъ и самообманомъ, на которые мы были способны въ моменты—я не могу подобрать другого слова—чистѣйшаго безумія. Не правда ли, это—исторія снѣжнаго кома, ставшаго лавиной? Но не я одинъ его катилъ, мы всѣ взапуски катили его. Была минута—лавина, было, поглотила насъ, но теперь она таетъ на солнцѣ, и мы выбираемся изъ подъ нея цѣлыми и невредимыми! Не считайте же меня больше нарушителемъ мира! Вѣрьте хоть *немного* въ меня, въ мою добрую волю, въ мою *любовь* къ Эммѣ! И проявите это довѣріе, подаривъ мнѣ хоть немножечко *терпѣнія*! Не требуйте, чтобы все рѣшилось въ *одинъ* день, въ одинъ часъ! Не раздирайте моего сердца, вы и Natalie, постоянными разсказами о страданіяхъ Эммы, которая невозможно прекратить такъ скоро, какъ хотѣло бы ваше великое, доброе и благородное сердце. Неужели вы думаете, что я страдаю меньше? N. знаетъ, какъ я былъ совершенно растерзанъ поведеніемъ Эммы; я пробовалъ объясняться письмами, но ничего не вышло. Потомъ, по соглашенію съ N., я прекратилъ переписку, которая только запутывала и затемняла, *вѣдь* сто того, чтобы освѣтить и разсѣять тучи; Эмма же *все* возобновляла свои нападки... Что я могъ сдѣлать, какъ не замолчать? Теперешнія сужденія N. явно зависятъ отъ вашихъ; это дѣлаетъ вамъ честь, но меня ужасно огорчаетъ. Вотъ почему я сказалъ, что она думаетъ и чувствуетъ не совсѣмъ такъ, какъ пишетъ. Въ глубинѣ души она должна считать меня немного болѣе правымъ, чѣмъ показываетъ на дѣлѣ. Она знаетъ, что я стремлюсь къ гармоніи, и, если я иногда ошибался въ томъ или другомъ средствѣ (которое къ тому же иногда одобрялось ею самою), то не заслуживаю суровыхъ выговоровъ отъ васъ обоихъ. И почему лишать меня въ этомъ положеніи единственнаго утѣшенія, которое для меня оставалось, т.-е. сообщаться ежедневно съ вами? И если я передавалъ письма черезъ руки Эммы, то это, конечно, могло ее огорчить, но въ то же время должно было показать ей мою чистоту, невинность моей души; должно было показать ей, какъ я привязанъ къ вамъ; заставить и ее сдѣлать нѣкоторыя усилія, чтобы возстановить равновѣсіе. Она ихъ дѣлаетъ, она уже ихъ сдѣлала,—можете радоваться! Ея послѣднее письмо просто ангельское. Я не принимаю еще никакого рѣшенія: во мнѣ еще не закончила.

внутренняя работа, —вѣроятно, вы получите тому доказательства. Душа еще не очистилась послѣ пережитаго ужаса. Но появляется свѣтлая, лучезарная надежда на жизнь прекрасную для такихъ людей, какъ мы!

Конечно, вы имѣете на меня всѣ права, какія ³одинъ человекъ можетъ имѣть на другого; я навсегда отдаю вамъ эти права, и вы не оскорбите меня, если будете пользоваться ими, какъ угодно широко. Но если въ томъ или другомъ дѣлѣ у меня окажется иной планъ дѣйствій, иной планъ всей кампаніи, чѣмъ у васъ, не отчаивайтесь сразу во мнѣ. Дѣйствуйте, говорите, какъ вамъ угодно, но не торопитесь ежеминутно и преждевременно упрекать.

Не поражайте меня внезапными молніями, какъ сегодня, когда я менѣ всего могу ждать этого. Что же я, собственно, сдѣлалъ, кромѣ хорошаго? Вы видите, что мой способъ дѣйствія оказался весьма удачнымъ. Это стоило еще нѣсколькихъ слезъ, но слезы эти были послѣднія.

Умоляю васъ, не начинайте снова. Вы это обѣщали и не исполнили. У насъ есть много другого, что сказать другъ другу, прекраснаго и грустнаго—жизнь такъ богата въ обоихъ этихъ отношеніяхъ. Стянемъ еще крѣпче узы, насъ соединяющія! Вы будете довольны мной. Хотите?... Сегодня точно праздникъ для меня.—Хочешь ли ты? И на этомъ подпишемъ миръ! Позвольте мнѣ сказать снова опять это «ты», это «ты», мой старый другъ.—И да будетъ такъ!

Г.

15.

(Май 1850).

Et oui—oui—oui! J'y reviens. Le monde est pavé avec des difficultés, on est perdu, on n'avancera pas, si on ne sait pas glisser quelquefois par-dessus, les vouloir arracher l'une après l'autre avant de bouger; on finit par avoir des barricades monstres devant soi qui nous barrèrent le chemin complètement et pour toujours. C'est encore à l'adresse de l'hôtel Mirabeau et—basta.—Et j'avais toujours, toujours, toujours raison.

Je ne crois plus à rien dans ce monde qui s'écroule, pas même à la durée des relations personnelles. Le procès de l'atomisation marche, marche, marche. Tout tombe en poussière, et ce qui aurait pu s'aimer et se comprendre, se casse et se disperse aussi bien que ce qui se déteste et se haït. Et aussi—pourquoi l'individu doit être plus heureux que l'ensemble? Je n'en vois pas la nécessité!

Ma chère amie, et toi aussi, A., donnez-moi votre main. Si j'ai tort, Madame, je veux vous demander pardon, à genoux. Puis—nous ne sommes pas responsables de tout ce qui nous arrive. C'est le siècle maudit qui nous pousse comme les autres. Faire foule ou être seul—voilà sa loi suprême! Nous ne sommes pas assez lâches pour faire foule, pas encore assez courageux pour être seul. Nous luttons contre l'un, comme contre l'autre. Je désire la victoire, mais parce que je la désire, je n'y crois pas. N'est-ce pas—je suis un oiseau de malheur? J'é prédis le mauvais temps sans qu'il y ait un seul nuage au ciel! Supportez-moi aussi—je m'appuie sur le droit de l'amitié d'aller s'épancher là, où on est compris, même au risque de tomber d'une manière inconvenable avec sa tristesse au milieu de la gaité. Et où pourrais-je aller qu'à Paris, chez ma femme ou chez mes bessons? Laissez-moi toujours entrer, et ne fermez pas votre porte à un importun!

Que nous sommes drôles! Il y a quelque temps, nous avons voulu chercher le tort, qui est ou dans les circonstances ou dans la fatalité, qui nous enveloppe, nous l'avons voulu chercher dans *nous-mêmes!* Et nous nous sommes torturés de nous accuser et nous n'avons rien trouvé. Nous avons fini par crier—vive l'harmonie—et l'harmonie était rétablie. Malheureusement c'était la fin du concert. L'harmonie ou la disharmonie, chacun va de son côté à la maison—souhaitons-nous bonne nuit—bonne, très bonne nuit.

Adieu—je suis méchant—n'est-ce pas?

Mais je vous répète le serment d'Hannibal que j'ai fait la dernière fois, de ne plus m'attacher à un chien, même si j'allais à Newfoundland, où la race est magnifique. Et maintenant rendez-moi les otages, que mon amitié vous avait donnés; ma femme, mes enfants, emballez les bien, mettez les en diligence, envoyez les où il vous plaira, ou où il leur plaira; il ne plaira à moi, partout, nulle part, quelque part, que sais-je?

Et—

c'est triste. Je n'ai plus le temps de continuer; autrement cette lettre ne partira pas. Qu'elle reste donc sans fin, comme mon amitié pour vous.

Tout s'en va,
 Tout s'en va,
 Tout s'en va—

si c'était au moins pour Nice ou pour la lune, mais ensemble.

O, corruption de Paris!

Ah—si vous saviez—comme je suis fâché-fâché-fâché—Adieu, si

Emma vous a quitté une fois, je veux la clouer encore quelque temps à P. Oui.

Je vous embrasse et je vous prie de ne pas me tuer par la réponse à cette lettre.

Votre Sylvain et rayé du cadre de la bessonière.

Ne croyez pas que j'ai donné à Emma une réponse définitive. J'attends toujours des contreprojets.

Il y a un bouquet magnifique de M-elle Em devant moi—l'odeur des fleurs m'est monté à la tête sans plaisanterie.

Переводъ.

Да, да, да! Я снова объ этомъ. Миръ вымощенъ препятствіями; и ты погибнешь, ты не подвинешься впередъ, если не умѣешь иногда проскользнуть надъ ними, вырвать ихъ, одно за другимъ прежде, чѣмъ шевельнуться; въ концѣ концовъ, видишь передъ собою чудовищныя баррикады, которыя совершенно и навсегда заграждаютъ тебѣ путь. Это еще по адресу l'hôtel Mirabeau—и basta! И я всегда, всегда былъ правъ.

Я ни во что больше не вѣрю въ этомъ мирѣ, который рушится, ни даже въ длительность личныхъ отношеній. Процессъ распада все подвигается да подвигается. Все превращается въ прахъ, и то, что могло бы жить въ любви и пониманіи, разбивается и разсѣвается такъ же, какъ и то, что презираетъ и ненавидитъ другъ друга. И потомъ, почему личность должна быть счастливѣе, чѣмъ цѣлое? Я не вижу въ этомъ необходимости!

Мой дорогой другъ, и ты, А., дайте мнѣ ваши руки! Если я виновенъ, сударыня, я буду на колѣняхъ просить у васъ прощенія. И затѣмъ, неужто на насъ лежитъ отвѣтственность за все, что съ нами случается? Проклятый нынѣшній вѣкъ толкаетъ и сбиваетъ насъ такъ же, какъ и другихъ. Собираться толпою или оставаться одинокимъ,—вотъ его высшій законъ! Мы не такъ трусливо подлы, чтобъ слиться съ толпой, но, еще и не настолько мужественны, чтобъ итти на одиночество. Мы боремся, какъ съ тѣмъ, такъ и съ другимъ. Я жажду побѣды, но именно оттого, что жажду, я не вѣрю въ нее. Неправда ли, я—зловѣщая птица? Я предсказываю дурную погоду, когда на небѣ нѣтъ ни единого облачка! Терпите и меня—я опираюсь на право дружбы изливаться въ своихъ чувствахъ передъ тѣми, которые способны меня понимать, даже рискуя попасть со своей грустью совсѣмъ некстати—въ веселый моментъ. Куда же пойти мнѣ, какъ не въ Парижъ, къ моей женѣ или къ

моимъ близнецамъ? Позвольте же мнѣ входить всегда и не закрывайте дверей передъ навязчивымъ гостемъ.

Какіе мы смѣшные! Нѣсколько времени тому назадъ мы захотѣли отыскать въ насъ самихъ вину, которая скрывается въ обстоятельствахъ или въ судьбѣ, насъ опутывающей. Мы терзали себя обвиненіями и, все-таки, ничего не нашли. Мы, въ концѣ концовъ, стали кричать: «да здравствуетъ гармонія!». И гармонія была восстановлена. Но, къ сожалѣнію, это было въ самомъ концѣ концерта. Гармонія ли или дисгармонія,—каждый идетъ своей дорогой домой; пожелаемъ себѣ спокойной, самой спокойной ночи!

Прощайте, я дѣлаюсь злымъ, неправда ли?

Но я повторяю вамъ свою послѣднюю Аннибалову клятву, что отнынѣ не стану привязываться ни къ кому, ни даже къ собакѣ, если бы я попалъ въ Ньюфаундлендъ, гдѣ собаки великолѣпны. А теперь верните мнѣ заложниковъ, которыхъ дала вамъ моя дружба: мою жену, дѣтей; запакуйте ихъ хорошенько, посадите ихъ въ дилижансъ, пошлите, куда хотите или куда они захотятъ,—мнѣ все равно: ко мнѣ, куда угодно, никуда, куда-нибудь. Почему я знаю?

И—

это грустно, я не могу продолжать! Иначе это письмо не уйдетъ. Пусть же оно останется безъ конца, какъ и моя дружба къ вамъ.

Все уходитъ,
Все уходитъ,
Все уходитъ,—

пусть бы въ Ниццу или на луну, но вмѣстѣ.

О, парижская испорченность!

Ахъ, если бы вы знали, какъ я сердить, сердить, сердить! Прощайте; если Эмма покинула васъ, я хочу удержать ее еще нѣкоторое время въ П. Да.

Обнимаю васъ и прошу не убивать отвѣтомъ на это письмо.

Вашъ Сильвэнъ ¹⁾ и вычеркнутый изъ списка близнецовъ.

Не думайте, что я далъ Эммѣ окончательный отвѣтъ. Я все жду контръ-проектовъ.

Передо мной великолѣпный букетъ М-ле Эрнъ. Запахъ цвѣтовъ ударилъ мнѣ въ голову,—безъ шутокъ!

¹⁾ Имя героя-близнеца въ рассказѣ Жоржъ Санда «La petite Fadette».

16.

(21 мая 1850).

Des représailles, mon cher, cher Landry? Non, mais je suis forcé de faire assez de monologues comme un héros de drame—que cela soit un dialogue entre moi et toi.

Vois-tu, «entre la coupe et les lèvres» il y a toujours de la place pour un malheur. Ce n'est pas que je regarde comme un malheur d'être chassé de P.; le malheur est de devoir solliciter la permission d'y rester 24 heures de plus ou de s'en aller sous la protection du procureur général comme ma pauvre femme. Tu as été si, si bon pour elle—je t'embrasse. Tout de même cette précipitation est encore tant soit peu mystérieuse pour moi.

E. ne m'écrit pas depuis deux jours ce qui me prouve que, concernant son époux, elle subordonne les sentiments aux faits. En s'arrachant maintenant de chez tous, elle souffrira doublement pour elle et pour moi. Elle va à Nice, vous restez à P., je suis à Z. Où est la nécessité que cette trinité devienne une unité? En nous-mêmes, diras tu. Oui, mais dans les circonstances? Il n'y a plus de foi en Israël—pas même pour l'heure prochaine. Tu succombes, j'ai succombé. Je te plains, je me plains, je nous plains, nous tous.

Beau refrain!

De quoi te parler? L'angoisse avec laquelle j'attends de vos nouvelles est trop grande pour fixer mes yeux sur la moindre des choses qui m'entourent.

J'ai déjà supplié N. de me faire parvenir un mot au premier relais de poste, quand vous aurez quitté P.—Tout mon intérêt pour le moment est là—et après nous causerons «humanité» si le diable ne l'emporte pas avant.

Cher, cher ami—la solitude est une chose excellente, si on n'est plus attaché à rien. Mais quand on n'a pas encore atteint ce dernier degré de sagesse—enfin, c'est triste de passer des jours comme je le fais. Depuis quatre mois pas un être humain. Une langue que je ne comprends pas, partout, partout. Et je crois nous périssons tous les deux de cette manière—il faut enfin nous relever l'un par l'autre.

Vois ma bonne volonté et mon amour dans cette lettre, mais excuse incapacité de lier deux pensées. J'attends avec impatience le rendez-vous avec Schoder pour terminer tout—après—mais est-ce qu'on peut dire ce qu'on fera après?

Trêve aux sentiments. Aux faits!

Quelles nouvelles aurai-je aujourd'hui? Sais-tu que je tremble d'avance?

A toi—à vous tous complètement—en vérité je ne me sens pas à Z.

Ta main—et que l'orage passe aussi vite que possible. C'est le 21, un très beau jour dans mon souvenir.

Que ferez-vous aujourd'hui?

Ecris.—

Sylvin.

Переводъ.

Репрессии, мой дорогой, дорогой Ландри? Нѣтъ, но я принужденъ произносить монологи, какъ герой драмы,—пусть это будетъ діалогъ между мной и тобой!

Видишь ли, «между чашей и устами» всегда еще остается мѣсто для несчастья. Это не значитъ, что я считаю несчастьемъ быть изгнаннымъ изъ П.; несчастье заключается въ необходимости ходатайствовать объ отсрочкѣ на лишнхъ 24 часа или отправиться вонъ подъ прокурорскимъ надзоромъ, какъ моя бѣдная жена. Ты былъ такъ добръ, такъ добръ къ ней,—обнимаю тебя за это. И, все-таки, эта поспѣшность для меня немножко загадочна.

Э. уже два дня мнѣ не пишетъ, что доказываетъ, что по отношенію къ своему супругу она подчиняетъ чувства фактамъ. Оторванная теперь ото всѣхъ, она будетъ страдать вдвойнѣ—за себя и за меня. Она ѣдетъ въ Ниццу, вы остаетесь въ П., я—въ Ц. Гдѣ же необходимость, чтобы это триединство превратилось въ единство? Въ насъ самихъ, скажешь ты. Пусть; ну, а обстоятельство? Нѣтъ больше вѣры у Израиля, даже въ ближайшій часъ. Ты сдаешься, я уже сдался. Я жалѣю тебя, жалѣю себя, жалѣю всѣхъ насъ.

Хорошенькій припѣвъ!

Что же сказать тебѣ? Жуткое чувство, съ которымъ я жду вашихъ писемъ, слишкомъ сильно, чтобы я обращалъ вниманіе на что-либо окружающее.

Я уже умолялъ Н. писать мнѣ съ первой почтовой станціи, когда вы покинете П. Сейчасъ всѣ мои интересы тамъ; а послѣ уже мы будемъ говорить о «человѣчествѣ», если еще до этого черти не уберутъ его.

Дорогой, дорогой другъ! Одиночество—прекрасная вещь для того, кто ни къ чему не привязанъ. Но если еще не достигъ этой

послѣдней ступени мудрости... словомъ, грустно проводитъ дни такъ, какъ я теперь провожу. Въ продолженіе 4-хъ мѣсяцевъ ни одного настоящаго человѣка. Всюду языкъ, котораго я не понимаю. И мнѣ кажется, что такъ мы оба гибнемъ, надо помочь другъ другу подняться.

Разгляди же въ этомъ письмѣ мою добрую волю и любовь, но извини за неспособность связать пару мыслей. Я съ нетерпѣніемъ жду свиданія съ Шодеромъ, чтобы все покончить, а потомъ,—но развѣ можно сказать, что будетъ потомъ?

Довольно чувствъ! Къ дѣлу!

Какія-то извѣстія будутъ сегодня? Знаешь, я заранѣе трепещу.

Я весь поглощенъ думами о тебѣ, о всѣхъ васъ,—право, я чувствую себя не въ Ц.

Дай руку—и пусть гроза минетъ какъ можно скорѣе. Сегодня 21-ое—прекрасный по воспоминаніямъ день ¹⁾).

Что вы сегодня будете дѣлать?

Пиши.

Сильвэнъ.

17.

(Май 1850).

Mes chers bessons.

J'ai tant, tant, tant de fiel contre vous dans le coeur, que j'étoufferai en route, si je n'écrivais pas encore un mot avant mon départ pour Rorschach. Sérieusement, Alexandre, finis donc cette farce d'écus. Subis un procès, où toutes les chances sont pour toi, comme les autres hommes subissent les procès. Vis avec le demi-million que tu as jusqu'à ce que tu auras l'autre. Pourquoi toujours essouffler, échauffer, révolter? Pourquoi te tromper encore une fois? Toi et nous? Ces quinze jours sont une pure perte. Qu'attends-tu de plus en quinze jours? Ça peut durer quinze semaines et plus—veux-tu attendre aussi longtemps? Ces quinze jours sont pour le roi de Prusse. Dis les choses rondement. Tu ne peux, tu ne veux pas quitter Paris; ne proteste plus. Et après quinze semaines ou vingt semaines, il y aura d'autres prétextes. Ta femme ne pourra plus voyager, ton enfant toussera de nouveau, tu seras très malheureux, et au fond très heureux de pouvoir rester. Tu joues cruellement avec toi-même et avec les autres. Et ces pourvois en grâce chez Carlier! Pourquoi 15 jours? Pur, pur caprice. Et à la pauvre Emma on fait croire qu'on a déjà les billets de poste dans la poche. Tout ce voyage en Italie

¹⁾ День свадьбы Герценовъ.

n'était résolu que dans la vue d'être tous ensemble. Pourquoi engager si légèrement les autres? Tu as à te quereller encore quelques mois avec le gouv. russe dans une affaire qui se mène aussi bien de la lune que de la terre, mais dont l'issue est si rare—fais ce que tu veux—mais je te dis, que 15 jours et encore 15 j. et encore 15 j. cela n'a pas de sens commun. C'est de l'arbitraire, du bon plaisir.

Et vous, Natalie, je vous gronde aussi. Si les hommes perdent la tête, faut-il que les femmes perdent le cœur? Vous avez l'honneur d'avoir pour mari un homme qui est inconstant comme une femme, qui saute de projet en projet depuis le matin jusqu'au soir. Et vous pouvez aussi contribuer à entreprendre si légèrement des voyages, à engager E. d'aller à Nice, m'inviter gracieusement de vous trouver à Marseille? Vous qui réfléchissez pour vous et les vôtres mille fois, avant que vous ouvrez la fenêtre ou faites un pas dans la rue? Vous êtes les meilleurs, les plus aimables hommes, mais vous êtes paresseux et indolents pour les autres. On s'est adressé 3 fois à Carlier—est-ce qu'il n'y avait pas une adresse favorable pour nous à Paris?

Que votre cœur vous le pardonne d'avoir laissé partir Emma, sans avoir rien fait, rien tenté.

Oui—oui—je suis fâché. C'est votre faute. Ah—que je voudrais vous dire des choses, si je pouvais écrire. Je ne *peux* pas, et c'est bien.

Vous me dites que mon Landry est malheureux; je n'en crois pas un mot. C'est sa fantaisie de rester.

Que faire maintenant? Je déteste déjà l'Italie.

Emma y est bien pour quelque temps, je me rafraichirai dans la solitude pendant quelques mois et je développerai ma misanthropie, puis je choisirai un trou quelconque et je ferai revenir ma femme.

Comment voulez-vous qu'on compte sur A.?

Adieu.

Переводъ.

Дорогіе мои близнецы!

У меня столько, столько желчи на сердцѣ противъ васъ, что я задохнусь по дорогѣ, если не напишу вамъ еще нѣсколько словъ до отъѣзда въ Роршахъ. Серьезно, Александръ, кончай же этотъ фарсъ съ деньгами! Начни процессъ, въ которомъ всѣ шансы на твоей сторонѣ, какъ и всѣ люди ведутъ процессы, живи съ полу-

милліономъ, который у тебя есть, пока не получишь другую его половину. Зачѣмъ всегда задыхаться, горячиться, возмущаться? Зачѣмъ еще разъ обманывать себя,—себя и насъ? Эти двѣ недѣли—чистая потеря. Чего ты ждешь въ слѣдующія двѣ недѣли? Это можетъ протянуться 15 недѣль и больше. Или будешь ждать, и такъ долго? Эти двѣ недѣли пропадутъ даромъ. Называй вещи своими именами. Ты не можешь, не хочешь уѣхать изъ Парижа,—не протестуй. По прошествіи 15 или 20 недѣль найдутся другіе предлоги: твоя жена не можетъ путешествовать, ребенокъ опять будетъ кашлять. Ты будешь очень жалѣть, а въ душѣ будешь счастливъ, что можешь остаться. Ты жестоко играешь съ самимъ собой и съ другими. А эти просьбы о помилованіи у Карлье! Почему 2 недѣли? Чистѣйшій капризь. А бѣдную Эмму заставляютъ думать, что билеты уже въ карманѣ. Все это путешествіе въ Италію было придумано съ единственной цѣлью быть всѣмъ вмѣстѣ. Зачѣмъ было такъ легкомысленно приглашать другихъ? Тебѣ придется еще нѣсколько мѣсяцевъ тягаться съ русскимъ правительствомъ въ дѣлѣ, которое столь же легко вести съ луны, какъ и на землѣ, но успѣхъ котораго такъ мало вѣроятенъ,—дѣлай, что хочешь, но я говорю тебѣ, что 2 недѣли, и еще 2 недѣли, и еще 2 недѣли—это бессмысленно. Это—произволь, капризь.

А вы, Natalie?! я и васъ браню. Если мужчины теряютъ голову, то неужели женщины должны терять сердце? Вы имѣете честь быть женою человѣка, который непостояненъ, какъ женщина, который съ утра до ночи перескакиваетъ съ одного проекта на другой. И вы могли такъ легко согласиться на путешествіе, приглашать Э. ѣхать въ Ниццу и мило предлагать мнѣ пріѣхать къ вамъ въ Марсель? Вы, которая тысячу разъ подумаетъ о себѣ и о своихъ прежде, чѣмъ открыть форточку или выйти на улицу? Вы—самые хорошіе, самые милые люди, но вы лѣнливы и безпечны по отношенію къ другимъ. Три раза обращались къ Карлье,—развѣ въ Парижѣ не было удобнаго для насъ адреса?

Да проститъ вамъ ваше сердце, что вы отпустили Эмму, ничего не сдѣлавъ, ничего не попробовавъ.

Да, да,—я сердитъ. Это ваша вина. Ахъ, сколько я хотѣлъ бы наговорить вамъ, если бы я могъ писать! Но я не *могу*, и это хорошо.

Вы говорите мнѣ, что мой Ландри несчастенъ. Не вѣрю ни одному слову. Это просто его фантазія оставаться тамъ.

Что теперь дѣлать? Я уже ненавижу Италію. Эмма будетъ чувствовать себя хорошо тамъ нѣкоторое время, я освѣжусь въ одиночествѣ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, еще больше разовью

свою мизантропію, а потомъ заберусь въ какую-нибудь дыру и вызову жену.

Какъ же вы хотите, чтобы можно было разсчитывать на А?..
Прощайте.

18.

(Іюнь 1850).

Cher Alexandre! Merci — ta lettre est bonne comme tu l'es toi-même et comme je m'y attendais. Elle n'est pas aussi bonne et sans mélange d'amertume comme mon coeur le désirait. Soit — je ne veux rien forcer, je veux laisser agir le temps. Seulement je crois si vous et N. vouliez prendre un peu de mes défauts pour les mêler aux vôtres, et me rendre un peu des vôtres pour modérer les miens — nous serions ensemble les êtres les plus parfaits, les plus vertueux, les plus harmonieux. Quand je pense, comme tout cela est arrivé si vite après les moments les plus beaux de notre coexistence, parce que une femme s'est jetée à travers, comme je vois — pardon — une autre qui, effrayée par le passé, se donne toute la peine de se jeter à travers les projets de l'avenir — quel changement et pourquoi? Sois franc et dis si tu n'étais pas allé à Paris! Tout jusque là faisait *monter* le thermomètre, les différences mêmes nous rapprochaient, et nous nous froissions en quelque sorte seulement pour donner des étincelles. Je te rappelle cette conversation — vraiment en bessons! — au lit à Lausanne. Les pleurs que je causais alors à ta femme, involontairement, et qu'elle m'a pardonné de si grand coeur, m'ont procuré le plaisir de jeter un regard dans ton âme comme je ne l'avais jamais jeté dans aucune âme humaine. Et puis à Berne — quelles deux soirées! Quel échange de notre être le plus profond entre nous trois! Quelle harmonie sans tomber d'accord! Ta bonne femme avec son tact admirable qui comprenait si bien les deux côtés! Je n'ai été jamais si heureux dans ma vie, je ne plus; je ne pouvais pas m'imaginer de ne plus vivre avec vous sur le même toit. J'aurais voulu être ton frère, ton fils — je ne sais plus quoi?

Toi et ta femme voulaient chasser mes pressentiments tristes — ils étaient trop justes, hélas, et je comprenais trop bien, que nous étions à l'apogée! Que Dieu ou le diable te pardonnent ta revue rétrospective qui fouille maintenant dans un passé vraiment glorieux, et dont les fautes — de part et d'autre, si fautes il y avait, étaient expiées, oubliées, compensées par ces moments suprêmes. Le compte était fait et ratifié, il n'y avait pas de déficit. Pourquoi le refaire? — Et puis la séparation! Oui, comme je t'ai écrit alors, tout s'en allait pour moi avec vous. Tout s'est en allé! Séparation, mais séparation des hom-

mes qui restaient indissolublement unis par la force de la nature même. Et puis tes premières lettres, celles de Natalie, jusqu'à celles des enfants. Tout respirait toujours la paix, l'harmonie! Nous le trouvions bête, stupide de n'être pas ensemble comme nous l'avions été pendant six mois, nous ne comprenions pas que nous puissions manger ou boire les uns sans les autres.—Après tu es revenu à Berne. Quels rêves! Quels projets! Que nous nous embrassions en nous quittant, toi qui n'a pas trop de tendresse en général et surtout envers les hommes! Tu as senti la solitude, dans laquelle je me trouvais à Berne. Tu m'as invité de venir à Zürich. Tu allais à P. auprès de ma femme; je te voyais partir, comme plus tard ta femme en vrai messager de paix. Je laisse tomber le rideau. Je ne veux pas répéter toutes les duretés que tu m'as dit, que ta femme m'a dit, qui approuvait pourtant ma conduite, tant qu'elle était à Z. Car elle savait que je n'étais guidé que par l'amour le plus profond pour Emma dans ma conduite, et que je me taisais, que je ne voulais plus rien entendre, pour ne pas gâter une relation qui—je ne sais pas quoi? mais qui est et sera à tout jamais inattaquable par les grandes et les petites misères de la vie. Je ne sais pas, si c'est dans la nature des choses, mais le mariage a un côté triste, un côté où il sent l'esclavage, qu'on baptise avec les plus beaux noms du monde, c'est de rendre dépendant le jugement du mari et de la femme l'un de l'autre, même dans des choses où avec le plus profond accord des âmes on pourrait avoir deux avis contraires.—N. a suivi votre exemple et la petite brouillerie avec E. vous provoque jusqu'à ce moment aux critiques les plus acerbes de tout mon être, auxquelles vous n'avez jamais pensé auparavant, auxquelles vous n'auriez pas pensé sans cet incident.

Voilà—il a fallu que j'ouvre mon coeur encore une fois, pour la dernière fois. J'ai voulu faire aussi *ma* revue rétrospective pour proposer à la tienne. Je ne vis que du passé, je ne souffrirai pas si l'on y trouve trop à reprendre.—Si nous pouvions nous voir, nous parler, nous regarder—parler du premier sujet venu—oh qu'il en ressortirait le besoin que nous avons l'un de l'autre! En écrivant—notre imagination est trop active; devant la réalité d'une parole vive tout nuage disparaîtrait; plus que cela: tout serait comme non avenu. Tes meilleures lettres ne peuvent pas remplacer cela, il y reste quelque chose qui me navré le coeur. J'y sens l'amitié, l'amour, la sympathie, oui, oui—mais est-ce que nous nous sommes (c. a. d. tu l'es pour moi!) si nécessaires, si indispensables, est-ce que nous sommes si inséparables comme nous l'avons pensé, en jurant presque de ne pas nous quitter dans ce temps qui devient de plus en plus terrible et de ne pas nous dissoudre, de ne pas nous disperser nous-mêmes dans

cette dissolution générale, de nous accrocher de plus en plus l'un à l'autre, quand tout autour de nous tombe en poussière et en lambeaux? Je ne fais pas des reproches, en parlant ainsi, non! mais je voudrais jeter les derniers doutes hors de mon âme. Et je ne puis pas vaincre ce sentiment: tout en m'attirant (je ne me suis jamais humilié devant un homme jusqu'à de tels aveux comme ici devaqt toi), vous avez l'air dans vos lettres de vouloir me tenir tant soit peu à distance, de vouloir mettre un frein en quelque sorte à cette intimité qui a fait le charme de ma vie et que, si vous ne la regrettez pas, vous me paraissez trouver plus ou moins importune.—Ai-je tort? Suis-je devenu trop sensible, trop femme, comme tu crois? Je ne demande jamais d'avoir raison; avoir raison et être malheureux c'est la même chose... Qu'est-ce que vous trouvez donc encore? Tu vas à Londres, tu sais que c'est matériellement impossible pour moi. Va—et vive l'amitié libre, quoique je l'aime un peu moins libre. Il y avait un temps où tu aurais hésité d'y aller en sachant que je ne peux ni ne veux y aller.

Cher, cher ami—cette lettre est encore triste—qu'elle finisse ici. Rien d'autre chose ne peut aller avec le ton, que j'y ai pris. Si j'en ai à dire je le mettrai dans la lettre à N.

A toi *Georg*.

Переводъ.

Дорогой Александръ! Спасибо! Твое письмо доброе, какъ ты самъ. Я и ждалъ такого. Правда, въ немъ нѣтъ всей доброты, которой мое сердце алкало, безъ примѣси горечи. Но, пусть такъ!—Я не хочу насилія, предоставимъ дѣйствовать времени. Только я думаю, что если бы вы съ N. захотѣли взять себѣ кое-что изъ моихъ недостатковъ и смѣшать ихъ съ вашими, а мнѣ уступить нѣмного вашихъ недостатковъ, чтобы умѣрить мои, мы были бы самыми совершенными, добродѣтельными и гармоничными существами. Когда я думаю о томъ, какъ все такъ быстро произошло послѣ самыхъ прекрасныхъ минутъ нашей совмѣстной жизни, изъ-за того, что поперекъ дороги бросилась женщина, когда я вижу, простите, другую женщину, которая, запуганная прошлымъ, старается, во что бы то ни было, стать поперекъ нашихъ плановъ на будущее,—какая переменна! И почему? Будь искрененъ и скажи, не ѣздилъ ли ты въ Парижъ? До той поры все заставляло термометръ *подниматься*; самыя наши различія сближали насъ, и мы задѣвали другъ друга нѣкоторымъ образомъ только для того, чтобы засверкали искры. Вспомни разговоръ, который мы вели, какъ настоящіе близнецы, на постели въ Лозаннѣ! Слезы, которыя

я неволью причинилъ тогда твоей женѣ, и которая она мнѣ такъ великодушно простила, доставили мнѣ случай заглянуть въ твою душу такъ, какъ я не заглядывалъ еще ни въ одну человѣческую душу. А потомъ, въ Бернѣ, какіе два вечера! Какое глубокое проникновеніе душъ было тогда между нами троими! Въ какой безупрочной гармоніи мы обрѣтались! Какъ твоя жена своимъ удивительнымъ тактомъ такъ хорошо понимала обѣ стороны! Я никогда въ жизни не былъ такъ счастливъ и никогда больше не буду, какъ тогда! Тогда я не могъ бы даже вообразить, какъ мнѣ жить не подъ одной крышей съ вами. Я хотѣлъ быть твоимъ братомъ, сыномъ, твоимъ... не знаю чѣмъ.

Ты и твоя жена хотѣли разсѣять мои грустныя предчувствія. Они были, увы, слишкомъ справедливы, и я прекрасно понималъ, что мы тогда достигли вершины! Пусть богъ, — или чортъ, — простятъ тебѣ твой ретроспективный взглядъ въ это поистинѣ дивное прошлое и твое копанье въ немъ; ошибки той и другой стороны, если онѣ были, забыты, покрыты этими высокими минутами. Счетъ былъ сведенъ и подписанъ, дефицита не оказывалось. Зачѣмъ же его передѣлывать? И затѣмъ—разлука! Да, какъ я писалъ тебѣ тогда, съ вами ушло для меня все. Все ушло! Да, это была разлука, но разлука людей, которые оставались неразрывно связанными силой самой природы. А потомъ твои первыя письма, письма Natalie и дѣтей. Все дышало миромъ, гармоніей! Мы находили глупымъ, бессмысленнымъ жить не всѣмъ вмѣстѣ, какъ жили въ теченіе шести мѣсяцевъ; мы не понимали, какъ можно ѣсть и пить другъ безъ друга. Потомъ ты вернулся въ Бернъ. Какія мечты! Какіе планы! Сколько разъ мы обнялись и расцѣловались при прощаніи, а, вѣдь, ты, вообще, не отличаешься большою нѣжностью, особенно съ мужчинами! Ты понялъ одиночество, въ которомъ я жилъ въ Бернѣ. Ты тогда пригласилъ меня въ Цюрихъ. Ты поѣхалъ въ П. къ моей женѣ, я видѣлъ, какъ ты увѣждалъ, потомъ — твоя жена, и смотрѣлъ на васъ, какъ на вѣстниковъ мира. Опускаю занавѣсъ. Не хочу повторять всѣ жесткія, грубыя вещи, которыя ты потомъ насказалъ мнѣ, которыя и теперь говоритъ твоя жена; хотя она и одобряла мое поведеніе, пока сама оставалась въ Ц., потому что понимала, что мною, въ моемъ поведеніи, руководила глубокая любовь къ Эммѣ, и что я молчалъ и не хотѣлъ ничего больше слушать, чтобы не испортить отношеній, которыя,—я не знаю, какъ точно выразиться,—но увѣренъ, что ихъ не разрушатъ ни великія, ни мелкія бѣдствія жизни. Не знаю, въ порядкѣ ли это вещей, но въ бракѣ есть печальная сторона, которая отдастъ раб-

ствомъ, хотя его и называютъ самыми прекрасными именами; это—зависимость взглядовъ мужа отъ суждений жены и наоборотъ, даже въ такихъ вещахъ, гдѣ, при самомъ глубокомъ согласіи душъ, можно бы имѣть противоположныя мнѣнія. Такъ, Н. послѣдовала вашему примѣру, и маленькая ссора съ Э. вызываетъ у васъ самыя ѣдкія нападки на все мое существо, критику, которая раньше никогда не приходила вамъ въ голову и не пришла бы безъ этого случая.

Итакъ, оказалось нужнымъ открыть еще разъ мое сердце, но это—въ послѣдній разъ. Я хотѣлъ бросить *свой* ретроспективный взглядъ, чтобы противопоставить его твоему. Я живу только прошлымъ и не потерплю, чтобы его слишкомъ хулили. О, если бы мы могли увидѣться, побесѣдовать, посмотрѣть другъ на друга, поговорить, хотя бы на первую попавшуюся тему,—о, какъ обнаружилась бы наша необходимость другъ въ другѣ! Когда пишешь, слишкомъ работаетъ воображеніе; передъ реальностью же устной рѣчи разсѣялись бы всѣ тучи: болѣе того, все исчезло бы, точно его и не было! Лучшія твои письма не могутъ замѣнить этого живого слова, въ нихъ остается что-то, причиняющее мнѣ сердечную боль. Я въ нихъ чувствую дружбу, любовь, симпатію,—да, да!—но развѣ мы оказались такъ необходимы другъ для друга (т.-е. ты для меня—да!), такъ не разлучны, какъ мы раньше думали, давъ почти клятву не покидать другъ друга, не потеряться въ современной жизни, становящейся все болѣе и болѣе ужасной, не исчезнуть самимъ во время этого всеобщаго разложенія и держаться возможно крѣпко другъ за друга, когда все кругомъ распадается въ прахъ и лохмотья? Говоря такимъ образомъ, я не дѣлаю упрековъ,—нѣтъ!—но я хочу освободить мою душу отъ послѣднихъ сомнѣній. И я не могу побѣдить такого чувства: привлекая меня (я никогда еще не унижался до подобныхъ признаній, какія дѣлаю тебѣ сейчасъ), вы въ то же время въ письмахъ своихъ точно хотите удержать меня на нѣкоторомъ почтительномъ разстояніи и ограничить близость, которая была очарованіемъ моей жизни; если же вы не жалѣете объ этой близости, значить, считаете ее неумѣстной! Или я ошибаюсь? Можетъ быть, я сталъ слишкомъ чувствителенъ, слишкомъ женщиной, какъ ты говоришь? Я никогда не настаиваю на своей правотѣ; быть правымъ и быть несчастнымъ—одно и то же... Чѣмъ же вы еще недовольны? Ты ѣдешь въ Лондонъ; ты знаешь, что въ матеріальномъ отношеніи это для меня невозможно. Ну, что жѣ, поѣзжай, и да здравствуетъ свободная дружба, хотя я предпочитаю менѣе свободную. Было время, когда ты сталъ бы

колебаться, ѣхать ли тебѣ туда, куда я не могу или не хочу ѣхать!

Дорогой, дорогой другъ! Это письмо все еще грустное,— пусть же оно на этомъ кончится! При томъ тонѣ, который я взялъ, ничего другого и не можетъ въ немъ быть. Если я найду, что еще сказать, то вложу въ письмо къ N.

Твой Георгіѣ.

19.

(Іюнь 1850. Цюрихъ).

Mon cher Landry, je respire avec toi... Enfin—je ne te sais plus dans les griffes du diable, ce qui me fait du bien, sans que je te tienne encore dans les miennes ce qui ne ferait pas du bien à toi. Tu as quitté les affaires; si les affaires te quittent maintenant tu n'as plus qu'à te donner la peine de vivre, pour être l'homme le plus heureux de l'univers. Que faire à présent? que dire? quoi écrire? en voyant réalisé ce que je croyais irréalisable à tout jamais j'ai perdu l'esprit. Mais aussi j'ai perdu l'habitude de vivre avec des êtres humains; j'ai été tellement refoulé en moi-même,—enfin je t'embrasse et je te salue de tout mon coeur. Et vita nuova!

Arrangez-vous le mieux possible, c'est pour le moment l'unique désir que j'ai à exprimer. Et ne hâtez-vous pas trop pour n'avoir rien à déranger plus tard. S'il n'est pas possible d'habiter sous le même toit—du reste, pourquoi pas? c'est surtout si agréable, pour les enfants—au moins les uns à côté des autres; peut-être un petit jardin de communication—tout cela est si facile à trouver. Il faut surtout penser à ces maladies éternelles, aux habitudes dans ces petites villes où on ne sort pas très tard tandis que les heures avant et après minuit ont été pour nous et seront, j'espère, les plus ouvertes, les plus intimes etc. Je parle de tout cela, parce que je crains votre... ¹⁾, et les regrets après coup. Comptez toujours comme si j'étais là—mais pour le choix du séjour j'ai donné plein pouvoir à E., je le répète à toi. Nice ou les environs, le bord de la mer ou les hauteurs, cela m'est parfaitement indifférent.

Je me suis baigné pendant 8 jours et je crois je me suis baigné trop radicalement. Mais cela passera vite.

Que ton voyage à Londres a été un château en Espagne, ne me chagrine pas trop. Repose-toi, reposons-nous, si c'est possible. Et que voudrais-tu faire ici?

¹⁾ Слово неразобрано.

Mais écris, écris, cause avec moi, j'en ai tant besoin, ein lebendiger Punkt hiefür se trouvera, sans que nous ayions besoin de nous quereller. Quereller? au fond, je n'y ai jamais, jamais pensé. Je te l'assure, mon cher, cher besson, et je t'en préviens pour tout avenir.

De la maison—que dire? Nous avons einen Reichel und einen Spielmann. Ça fait deux Spielleute. A table on fait des malheureuses expériences d'éducation. Tapage infernal. Père digne du fils etc. Mais une meilleure perspective s'ouvre. Vive la vie!

Kolatschek, qui est *ici*, me poursuit continuellement.

True, separations
Ask more than patience
(Byron).

Natalie va te traduire cela.
Je t'embrasse.

Ton...¹⁾.

Переводъ.

Дорогой Ландри, я вздохнулъ свободно вмѣстѣ съ тобою... Наконецъ-то, ты вырвался изъ когтей дьявола; это радуеть и меня, хотя я не держу тебя въ своихъ, что было бы тебѣ не очень приятно. Ты бросилъ дѣла; если и дѣла бросятъ теперь тебя, тебѣ останется одно—отдаться жизни, чтобы быть самымъ счастливымъ человѣкомъ во всей вселенной. Что дѣлать теперь, что говорить, о чемъ писать? Увидѣвъ осуществленіе того, что я считалъ неосуществимымъ, я потерялъ голову. Но я потерялъ также способность жить съ людьми; я такъ былъ погруженъ въ самого себя,—во всякомъ случаѣ, обнимаю тебя и привѣтствую отъ всей души. Итакъ, новая жизнь!

Устраивайтесь какъ можно лучше; это,—пока единственное желаніе, которое я могу выразить. И не очень торопитесь, чтобы не пришлось передѣлывать, когда будетъ слишкомъ поздно. Если невозможно жить подъ одной крышей... хотя почему бы и нѣтъ? Это такъ приятно, особенно для дѣтей, по крайней мѣрѣ, рядомъ; можетъ быть, общій садикъ,—все это такъ легко найти! Надо въ особенности подумать объ этихъ вѣчныхъ дѣтскихъ болѣзняхъ, о привычныхъ нравахъ маленькихъ городовъ, гдѣ поздно изъ дому не выходятъ, между тѣмъ, какъ для насъ время передъ полночью и послѣ нея всегда было и, надѣюсь, будетъ, временемъ наиболѣе искреннихъ, интимныхъ бесѣдъ и т. д. Я говорю обо всемъ этомъ потому, что боюсь вашей...²⁾ и позднихъ сожалѣній.

¹⁾ Подпись неразборчива.

²⁾ Слово неразбрано.

Разсчитывайте такъ, какъ будто я съ вами; а что касается выбора мѣста, то я далъ Э. полную свободу и повторю то же самое тебѣ. Ницца или ея окрестности, берегъ моря или горы,—мнѣ совершенно безразлично.

Я купался въ теченіе 8 дней и, кажется, слишкомъ основательно. Но это скоро пройдетъ.

Что твое путешествіе въ Лондонъ оказалось воздушнымъ замкомъ, меня не очень огорчаетъ. Отдыхай, всѣ отдохнемъ, всѣ, если это будетъ возможно. А что ты хотѣлъ бы дѣлать здѣсь?

Но, главное, пиши, пиши, бесѣдуй со мной,—я такъ въ этомъ нуждаюсь! Живой предметъ для бесѣды самъ отыщется и для этого намъ не нужно ссориться. Ссориться? Въ сущности, я никогда, никогда не думалъ объ этомъ! Я увѣряю тебя, въ этомъ, мой милый, дорогой близнецъ, и предупреждаю на всѣ будущія времена.

Что сказать о нашемъ домѣ? Мы имѣемъ одного Рейхеля и одного Шпидьмана... Итого, двое Spielleute ¹⁾. За столомъ производятся злосчастные опыты хорошаго воспитанія. Шумъ адскій! Отецъ, достойный сына, и пр. Но впереди—лучшая перспектива. Да здравствуетъ жизнь!

Колачекъ, живущій *здѣсь*, постоянно меня преслѣдуетъ. «Да, разлука требуетъ больше, чѣмъ терпѣнія» (Байронъ).

Natalie переведетъ тебѣ это.

Обнимаю тебя.

Твой... ²⁾.

20.

(Іюль 1850).

Si c'est une Suisse avec des cheveux blancs et des dents noirs, qui me retient à Zürich? Non, mon cher. Mais motivez où venir—Falstaff dit: «wenn die Gründe so billig wären, wie Brombeeren».

Depuis deux ans je me suis perdu, je me suis désillusionné, je suis tombé de toute ma hauteur; je cherche—j'avais trouvé un seul homme, qui ne m'effrayait pas, auquel je m'attachais, et avec ce seul homme il m'est arrivé de me disputer pour des riens pendant 6 mois entiers. Ces riens ont disparu, et ils n'étaient au fond qu'un prétexte pour masquer le mécontentement, le malaise que je sentais d'être rejeté sur moi-même et de me devoir passer du seul commerce d'hom-

¹⁾ Игра словъ: Spielmann по-нѣмецки музыкантъ, Spielleute—музыканты; Рейхель, какъ извѣстно, былъ профессоръ музыки.

²⁾ Слово не разобрано.

mes qui me procurait encore du plaisir dans ma vie. C'est ridicule à dire peut-être,—as-tu eu jamais le sentiment que quelque chose est cassée en toi, on ne sait pas où, on ne sait pas comment? Ce n'est pas un laisser-aller—on lutte, on lutte et on lutte en vain (et quelquefois en *vin*—peut-être cela nous guérira). On sait, où trouver ce qu'on peut demander de mieux pour sa vie, on sait où trouver les meilleurs hommes et femmes qui existent et qui te sont attachés—on est comme cloué sur la place, on choisit ce qu'il y a de pis, on se plat dans le médiocre.

Pardonne ce bavardage, juge le humainement, j'aime à parler avec toi et tu aimes maintenant si rarement à sortir de toi-même. Et pour le moment, je veux être sûr, je veux attendre jusqu'à ce que le premier enthousiasme soit passé. Si je sais une fois que tu te plais véritablement là où tu es, que tu ne seras mécontent de passer les bons ou mauvais jours dans la société de ton besson—je viendrai. Je ne fais rien ici, je n'ai absolument rien à faire et si tu me declares fou ou imbécile, je n'aurai rien à répliquer.

Ta mère est impatiente de te faire parvenir ses nouvelles, je termine ce non-sens. Moi j'ai appris à estimer une lettre sans le moindre sens même dans ma solitude, à voir les adresses de Nice, je me réjouis déjà.

Je finirai «La pie voleuse» cet après midi. Il pleut, il pleut, bergère. C'est un dimanche je m'enferme hermétiquement avec M-elle Ern.

George.

Переводъ.

Не швейцарка ли съ бѣлыми волосами и черными зубами удерживаетъ меня въ Цюрихѣ? Нѣтъ, мой дорогой! Но выясните же, куда ѣхать. Фальстафъ говоритъ: «если бы доводы были такъ же дешевы, какъ ежевика!»¹⁾

Вотъ уже два года я чувствую себя потеряннымъ, разочарованнымъ; я упалъ со всей своей высоты. Я искалъ, искалъ и нашелъ единственнаго человѣка, который не запугалъ меня, къ которому я привязался; и вотъ съ этимъ человѣкомъ пришлось спорить въ теченіе цѣлыхъ 6 мѣсяцевъ о сущихъ пустякахъ. Сами «пустяки» исчезли, и, въ сущности, они были только предлогомъ, чтобы скрыть неудовольствіе и безпокойство, которое я испытывалъ при мысли, что буду опять предоставленъ самому себѣ и лишусь людей, сношеніе съ которыми одно только еще и давало

¹⁾ «Король Генрихъ IV» Шекспира.

мнѣ наслажденіе въ этой жизни. Тебѣ покажется, можетъ быть, нецѣпымъ, но я, все же, спрошу: развѣ ты никогда не чувствовалъ, какъ внутри тебя что-то какъ будто оборвалось, и не знаешь, гдѣ, не знаешь, какъ? И не то, чтобы опускались руки, — борешься, борешься, но напрасно (а иногда при помощи *вина*, — можетъ быть, все-таки, исцѣлить ¹⁾). Знаешь, гдѣ найти самое лучшее, чего можно требовать отъ жизни; знаешь, гдѣ лучшіе мужчины и женщины, какіе только существуютъ на свѣтѣ, — и которые привязаны къ тебѣ, — и точно пригвожденъ къ мѣсту, выбираешь самое плохое, удовлетворяешься посредственностью.

Извини за эту болтовню, суди о ней человѣчно; я люблю говорить съ тобой, а ты теперь такъ рѣдко высказываешься! А теперь я хочу быть увѣреннымъ, хочу подождать, пока пройдетъ первый порывъ энтузіазма. Если я узнаю, что тебѣ, дѣйствительно, хорошо тамъ, гдѣ ты сейчасъ, и что ты будешь радъ провести хорошіе или плохіе дни съ твоимъ близнецомъ, я приѣду. Я здѣсь ничего не дѣлаю, мнѣ рѣшительно нечего дѣлать, и, если ты назовешь меня сумасшедшимъ или дуракомъ, я не смогу ничего возразить.

Твоя мать спѣшитъ сообщить тебѣ свои новости, поэтому, кончаю мою галиматью. Я въ своемъ одиночествѣ научился цѣнить даже самыя бессмысленныя письма; видя штемпель изъ Ниццы, я уже радуюсь.

Сегодня кончу «Сороку-воровку». «Дождь идетъ непрерывно, пастушка» ²⁾). Сегодня — воскресенье, и я герметически закупорюсь съ M-me Эрнъ.

Герцъ.

21. «Записокъ» Орсини, въ которыхъ бы онъ говорилъ то, на что нѣсколько разъ указываетъ Герценъ, мнѣ не удалось найти не только ни въ одной европейской библіотекѣ, но даже и ни въ одной библіографической работѣ. Очевидно, это — одна изъ интересныхъ задачъ для послѣдующихъ изслѣдователей.

22. Прочитавъ все, написанное Герценомъ съ полной искренностью, каждый самъ обратитъ вниманіе на то, что распространенный въ литературѣ мифъ объ уходѣ Н. А. — ны изъ дома къ Гервегу категорически опровергается всѣмъ ходомъ и изложеніемъ событій. Между тѣмъ, утверждать легенду имѣли безусловное основаніе, благодаря недосмотру самого же Герцена. Печатавъ въ IV томѣ «Былого и думъ» (Женева, 1867) эту главу, ему и на

¹⁾ Въ оригиналѣ игра словъ: en vain — напрасно, en vin — въ винѣ, виномъ.

²⁾ Изъ популярной французской пѣсенки.

мысль, конечно, не могло прийти, *какъ* будутъ поняты приведенныя имъ, безъ всякой связи съ неизвѣстными читателю предыдущими главами, слова письма Н. А—ны: «Я *возвращаюсь*, какъ корабль» и т. д. Поняли совершенно буквально (ср. В. Батуринскій «А. И. Герценъ, его друзья и знакомые», стр. 57; К. Левинъ, «Два эпизода изъ жизни А. И. Герцена»—«Голосъ Минувшаго» 1913, IV, 83; «Путь» 1912, V, 79; Н. Рязановъ въ цитированной статьѣ «Совр. Мира» 1912, IX, 158; статья Ч. Вѣтринскаго въ «Рус. Биографич. Словарѣ» и др.). Особо считаю нужнымъ упомянуть о такомъ же утверженіи со стороны М. О. Гершензона («Былое» 1907, IV, 83), потому что семья Герцена, цѣня нѣкоторыя его литературныя работы, предоставила ему прочесть рукопись пятой части «Былого и думъ». И, все-таки, г. Гершензонъ утверждаетъ, что «Н. А—на вернулась» къ мужу... Полагаю, что теперь, при наличности еще многихъ другихъ фактическихъ и хронологическихъ указаній, онъ также увидитъ свою ошибку и въ числѣ другихъ будетъ имѣть всѣ основанія категорически утверждать, что Н. А—на ни на одинъ день не оставляла своего мужа для Гервега.

23. Большой интересъ представляетъ письмо Н. А—ны къ Н. А. Тучковой, писанное рукой Герцена въ нѣсколько пріемовъ: 2, 10, 21 и 22 марта 1852 года.

«Съ недѣлю я отправила къ тебѣ послѣднее письмо мое, и снова непреодолимая потребность говоритъ, говорить съ тобою, другъ мой, моя Natalie. Дойдутъ ли до тебя эти строки и когда?... Можетъ, сама отдамъ ихъ тебѣ. Я еще въ постели, вставать и ходить нѣтъ силъ, а душа такъ жива и такъ полна,—не могу молчать. Послѣ страданій, которыхъ, можетъ, ты знаешь мѣру, иныя минуты полны блаженства; всѣ вѣрованія юности, дѣтства не только совершились, но прошли сквозь страшныя, невообразимыя испытанія, не утративъ ни свѣжести, ни аромата, расцвѣли съ новымъ блескомъ и силой. *Я никогда не была такъ счастлива, какъ теперь.*

«... Грусть, страшная грусть... Я не лелѣю ее, не предаюся ей, но и бороться съ ней нѣтъ болѣе силъ,—утомлена. Гдѣ *та* точка симпатіи, на которой видишь ясно въ родной душѣ, сознательно, какъ животный магнетизмъ видитъ въ другомъ бессознательно?... Или зачѣмъ она такъ мимолетна!... Вотъ-вотъ, кажется, достигъ—и снова въ бездну одиночества.

«Какъ медленно возвращаются силы. Июль уже недалеко, жерену ли?... О, мнѣ бы хотѣлось жить для него, для себя,—о дѣтяхъ уже и не говорю. Жить для него, чтобы залѣчить всѣ раны, которыя я ему нанесла, жить для себя, потому что я *узнала* его любовь ко мнѣ, какъ никогда, довольна ею, какъ никогда.

«Все лихорадка,—если я недолго проживу, останусь незнакомою дѣтямъ,—это ужасно мнѣ больно. Любовь мою они знаютъ и не забудутъ ея, но меня,—хоть ты Расскажи имъ тогда. Самолюбіе мое никогда не переходило круга людей симпатичныхъ, глубоко уважаемыхъ мною, до свѣта мнѣ дѣла не было,—дѣтей моихъ я не только люблю, какъ моихъ дѣтей,—натуры ихъ мнѣ симпатичны, я уважаю ихъ, вѣрую въ нихъ, какъ въ будущихъ людей. Какъ-нибудь бы наскоро передать тебѣ жизнь мою. Рѣдкія минуты, въ которыя я получше себя чувствую, нужны мнѣ на другое: то Наташу поучить по-русски, то съ Олей поиграть, съ Сашей, съ Александромъ поговорить, придетъ навѣстить кто-нибудь,—вотъ ужъ я и утомлена совсѣмъ, жаръ.

«Опять совсѣмъ больна!.. Мой бѣдный, бѣдный Александръ! Какъ онъ мучается! Когда же я дамъ ему хоть одну свѣтлую минуту?...»

24. Письмо В. А. Энгельсона Герверу отъ 28 января 1852 г.:

«Monsieur, M. Herzen, ayant aujourd'hui reçu votre lettre m'a chargé de vous faire savoir que non-observant toutes les injures contenues dans votre lettre à lui, il ne *veut* pas pour le moment donner suite à votre défi.—Vous ne serez, je pense, nullement étonné de ce qu'il ne vous reconnaît aucun droit de le provoquer en général, d'autant moins celui de choisir pour le temps convenable à un duel entre vous le moment où sa femme est gravement malade (ce que probablement vous n'avez pas ignoré).

«Il vous donne le droit de donner toute la publicité voulue par vous non seulement à ce sursis, mais encore à toutes les circonstances de sa rupture avec vous.—Si vous avez des observations à faire sur ce que j'ai l'honneur de vous annoncer, vous n'avez qu'à vous adresser, selon votre choix, soit à moi (Nice, poste restante), soit à M. Sazonoff, soit par lettres, soit par l'entremise de quelque personne que vous chargeriez de cette commission.

«Car quant à M. Herzen, lui-même, il ne décachetera pas les lettres que vous lui adresserez.

Wladimir Engelson».

Переводъ.

Милостивый Государь, г. Герценъ, получивъ сегодня ваше письмо, поручилъ мнѣ извѣстить васъ о томъ, что, несмотря на всѣ оскорбленія, заключающіяся въ вашемъ письмѣ къ нему, онъ *не хочетъ* отвѣчать сейчасъ на вашъ вызовъ. Вы, я думаю, не будете удивлены, узнавъ, что онъ, вообще, не признаетъ за вами права вы-

зывать его на дуэль, а тѣмъ болѣе—выбирать для нея такое время, когда его жена тяжело больна (что, вѣроятно, вамъ небезызвѣстно).

Онъ предоставляетъ вамъ право предать гласности не только эту отсрочку, но и всѣ обстоятельства его разрыва съ вами. Если вы желаете сдѣлать какія-нибудь замѣчанія по поводу того, что я имѣю честь сообщать вамъ, то можете обратиться по вашему выбору: либо ко мнѣ (Ницца, до востребованія), либо къ г. Сазонову, и либо письменно, либо при посредствѣ лица, которому вы это поручите.

Что же касается самого г. Герцена, то онъ не будетъ распечатывать тѣ письма, которыя вы пошлете ему.

Владиміръ Эниельсонъ.

25. Въ 1854 г. Маццини предложилъ Орсини участвовать въ возстаніи; онъ согласился и отправился въ Court; потерпѣвъ фiasco, онъ скрылся въ Цюрихъ, гдѣ друзья устроили его у Эммы Гервегъ. Въ октябрѣ того же года Орсини досталъ себѣ новый паспортъ и подъ именемъ Георга Гервега отправился въ Италію въ сопровожденіи Эммы и нѣсколькихъ друзей. Въ декабрѣ онъ былъ задержанъ въ Германштадтѣ и отправленъ въ тюрьму Мантуи. Оттуда онъ писалъ ей, «какъ крестной матери одного изъ своихъ дѣтей, крестины котораго происходили въ Ниццѣ». Бѣжавъ изъ тюрьмы, Орсини добрался до Цюриха, гдѣ остановился у Эммы. По этому случаю Маццини писалъ ей 17 апрѣля 1856 г.: «Сердечно благодарю васъ за извѣстіе и за любезность, съ которой вы мнѣ его сообщили. Вырвался ли онъ только на свободу или находится въ безопасности? Перешелъ ли онъ границу? Я начинаю беспокоиться. Разсчитываю на васъ и на Pietro (Cironi); успокойте меня, когда представится возможность переслать письмо. Еще разъ благодарю васъ за все, что вы сдѣлали для нашего друга; мы никогда этого не забудемъ». Орсини называлъ Эмму Гервегъ «цыганкой, предсказывающей судьбу» и своей «матерью», указывая, что она не хороша собой («*Memoire politiche*», 119, 128, 173, 178, 181, 258, 261, 357).

26. Къ этому времени относится слѣдующее письмо Эммы Гервегъ къ Герцену, приводимое съ подлинника, хранящагося въ архивѣ семьи Герцена:

«Il y avait le 21 janvier un an, Monsieur, que vous m'adressiez la lettre dont je vous envoie la copie exacte ci-inclue ensemble avec celle de ma réponse.

«J'espérais alors, qu'en vous renvoyant ensemble l'une et l'autre, vous seriez assez humain pour ne pas vouloir vous soustraire à un mot justificatif de ma part en réponse de si graves et de si injustes

inculpations. Je me trompais—car vous brûliez ma lettre sans l'avoir lue. Aujourd'hui, où vous êtes *parfaitement informé de tout*, où pour me déculper de la moindre de vos accusations, je n'ai que faire appel à des faits *connus*, sans entrer dans les détails que nous devons tenir également à passer sous silence, *sans faire la moindre révélation du plus petit incident* (chose à laquelle je n'ai su et ne saurai me décider), j'attends une démarche de vous, Monsieur, telle que vous la devez à moi, à la vérité, à vous-même, et j'ai chargé à ce but comme intermédiaire un ami, auquel vous vouliez, à ce qu'on m'a dit, vous communiquer, et dans l'honneur et le caractère duquel vous, Monsieur, comme moi avons une confiance illimitée.

Emma Herwegh.

11 fevrier 1852.

Переводъ.

«21-го января минулъ годъ, какъ вы, Милостивый Государь, написали мнѣ письмо, точную копію котораго я прилагаю вмѣстѣ съ копіей моего отвѣта.

Я надѣялась тогда, отсылая вамъ то и другое вмѣстѣ, что вы будете достаточно человѣчны, чтобы обратить вниманіе на слово оправданія съ моей стороны въ отвѣтъ на столь тяжкія и столь несправедливыя обвиненія. Я ошиблась: вы сожгли мое письмо, не прочитавъ его. Теперь, когда вы *прекрасно обо всемъ осведомлены*, когда мнѣ для своего оправданія даже отъ малѣйшихъ вашихъ обвиненій достаточно воззвать къ фактамъ, уже *извѣстнымъ*, не входя въ подробности, которыя мы одинаково должны обходить молчаніемъ, *не разоблачая никакихъ са-мыхъ мелкихъ инцидентовъ* (на каковое разоблаченіе я и прежде не рѣшалась, и теперь не могла бы рѣшиться), я жду съ вашей стороны поступка, который вы обязаны совершить по отношенію ко мнѣ, къ истинѣ, къ самому себѣ. Съ этой цѣлью я выбрала посредникомъ друга, съ которымъ, какъ мнѣ говорили, вы хотѣли посоветоваться и въ честности и благородствѣ котораго не только я, но и вы, Милостивый Государь, вполнѣ увѣрены.

Эмма Гервегъ.

11 февраля 1852.

Повидимому, этимъ посредникомъ и былъ Орсини.

27. 22 ноября 1850 г. товарищъ мин. иностр. дѣлъ Сенявинъ сообщилъ гр. Орлову, что «весьма подозрительный нѣмецкій выходецъ Эрнстъ Гаугъ», членъ Центральнаго комитета въ Лондонѣ, намѣревается пробраться въ Германію и другія страны для выпол-

ненія даннаго комитетомъ политическаго порученія, касающагося Польши. Онъ долженъ прибыть съ англійскимъ паспортомъ на имя Томпсона и будетъ корреспондировать подъ псевдонимомъ съ Гамбургомъ, Берлиномъ, Касселемъ, Лейпцигомъ и Франкфуртомъ 25 ноября шефъ жандармовъ распорядился, чтобы при вступленіи Гауга на нашу территорию онъ былъ арестованъ съ увѣдомленіемъ III Отдѣленія (Архивъ III Отд. С. Е. И. В. канц., 1 экс. 1850 дѣло № 57, ч. 7).

28. Отстав., тит. сов. Николай Александровичъ Мельгуновъ въ апрѣлѣ 1846 г. просилъ о выдачѣ отдѣльныхъ заграничныхъ паспортовъ себѣ и женѣ Софьѣ Карловнѣ для поѣздки въ Германію, Швейцарію, Италію и Англію срокомъ на 6 мѣсяцевъ, по причинѣ болѣзненнаго состоянія. 22 апрѣля паспорта были посланы изъ министерства вн. дѣлъ Спб. ген.-губернатору; Мельгуновы пріѣхали изъ Москвы раньше (Архивъ мин. вн. дѣлъ, дѣло деп. полиціи исполн. 1846 г. № 240).

29. Привожу письмо Н. А — ны съ подлинника, хранящагося въ архивѣ семьи Герцена, подчеркнувъ тѣ слова, которыя опущены въ передачѣ Герцена.

18 Fevrier 1852, Nice.

«Vos persécutions et vos infamies me forcent à vous répéter aujourd'hui devant des témoins ce que je vous ai déjà écrit depuis longtemps: oui, mon entraînement pour vous a été grand, aveugle; mais, votre caractère—traître, vil, juif et votre égoïsme effréné m'ont bientôt apparu dans toutes leur effrayable nudité,—au moment de votre départ comme après,—tandis que la dignité et le dévouement d'Alexandre grandissaient à tout moment. Ma malheureuse passion n'a servi que de piédestal pour élever à une nouvelle hauteur mon amour pour lui. Ce piédestal, vous avez essayé de le couvrir de boue, mais vous ne saurez plus porter atteinte à notre union, a présent plus que jamais indissoluble et inébranlable. Vos dénonciations basses et calomnieuses contre une femme n'inspirent à mon noble ami que du mépris *et du dégoût*¹⁾ pour vous; vous vous êtes complètement déshonoré par cette lâcheté.—Où sont donc vos protestations d'une vénération religieuse pour ma volonté, d'adoration pour mes enfants? Vos serments de disparaître de la surface de la terre *plus tôt que* de troubler le repos d'Alexandre?—Ne vous ai-je point dit *de tout temps* que je ne survivrais pas un jour à une séparation de lui, que, s'il venait à me quitter ou à mourir, je resterais seule tout le reste de ma vie?—Quant à ma promesse de venir vous voir un jour, oui, je l'ai faite, j'avais

¹⁾ ...и отвращеніе...

besoin de le faire, parce que j'avais encore de la pitié pour vous, je voulais vous dire adieu d'une manière humaine,—vous m'avez rendu impossible l'accomplissement de cette promesse.

ДМС «Depuis votre départ vous n'avez cessé de me torturer pour obtenir de moi d'autres promesses. Vous vouliez disparaître pour des années, aller en Egypte, emportant seulement une ombre d'espérance.— Lorsque vous avez vu que vous n'avez pas réussi, vous m'avez proposé une foule d'arrangements absurdes, ridicules, et vous avez terminé par me menacer de publicité, d'amener une rupture entre moi et mon mari, de le forcer à vous tuer, à se battre en duel avec vous, enfin vous avez dit que vous ne vous arrêteriez devant aucun crime pour atteindre votre but. Ces intimidations n'ont plus de prise sur moi, vous les avez trop souvent répété!

Je répète ce que j'ai dit dans ma dernière lettre (*d'oct ou de Sep. 1851*)—*les vôtres, arrivées depuis, ont été brûlées sans avoir été lues, comme je vous en ai prévenu*¹⁾—«je reste dans ma famille; ma famille—ce sont mon mari et mes enfants» et si je n'aurais pu y rester comme mère, comme épouse,—j'y resterais comme bonne, comme servante. «Pas de pont entre vous et moi»—vous ai-je dit, vous m'avez rendu odieux même le passé.

Natalie Herzen».

Въ тотъ же день Энгельсонъ, съ которымъ Гервегъ вступилъ въ переписку, получивъ его письмо отъ 28 января, отвѣчая на письмо Гервега отъ 2 февраля, приложилъ копію съ этого письма Н. А.—ны, какъ бы предчуствуя, что Гервегъ сдѣлаетъ видъ, что не прочелъ подлинника, и отошлетъ его назадъ; Гервегъ поступилъ иначе и потому дважды прочелъ одно и то же: и въ копіи, и въ оригиналѣ. Вотъ письмо Энгельсона отъ 18 февраля съ его копіи, посланной М. А. Рейхель (см. № 556):

«Monsieur, le sursis, que je Vous ai demandé, n'a plus de motif d'être prolongé;—la lettre ci-jointe, qui nous a été communiquée et que je suis chargé de Vous transmettre, Vous en fournit la preuve.

«Votre provocation,—se résumant à nos yeux en ces termes: «j'ai eu tort envers M. Herzen, et c'est pourquoi je lui en demande réparation»,—est considérée, par ceux qui Vous connaissent aussi bien que par ceux qui ne vous connaissent pas, comme un acte d'alienation mentale.—C'est pourquoi M. Herzen, tout en faisant ses réserves sur l'avenir, ne répond pour le moment que par le mépris à vos insultes, motivées par une supposition d'actes de violence et d'inhu-

¹⁾ ... (отъ октября или сентября 1851)—ваши письма, пришедшія послѣ того, я сожгла, не читая, какъ я васъ о томъ предупредила...

manité, supposition mentionnée dans votre lettre à moi en date du 2 février, et que la lettre ci-jointe détruit de fond en comble.

Wladimir Engelson».

Nice, le 18 février 1852.

Переводъ.

Милостивый Государь. Теперь нѣтъ больше основаній для продленія отсрочки, о которой я просилъ Васъ; прилагаемое при семъ письмо, сообщенное намъ и переданное мнѣ для доставленія Вамъ, служить тому доказательствомъ.

Вашъ вызовъ, резюмируемый съ нашей точки зрѣнія такъ: «я поступилъ неправильно по отношенію къ г. Герцену и потому прошу у него удовлетворенія»,—разсматривается знающими Васъ и тѣми, кто Васъ не знаетъ, какъ актъ безумія. Вотъ почему г. Герценъ, оставляя за собой свободу дѣйствій на будущее время, сейчасъ отвѣчаетъ только презрѣніемъ на ваши оскорбленія, которыя вы мотивируете предположеніями насилія и безчеловѣчности,—предположеніями, высказанными въ вашемъ письмѣ ко мнѣ отъ 2 февраля. Прилагаемое письмо разрушаетъ ихъ до основанія.

Владиміръ Энгельсонъ.

Ницца, 18 февраля 1852.

30. Энгельсонъ написалъ тогда (30 марта) Гервегу очень рѣзкое письмо, часть котораго въ его копіи сохранилась въ архивѣ семьи Герцена:

..Ce cartel m'a profondément affligé pour vous; je voyais que vous rouliez dans un abîme d'où il vous serait désormais très-difficile de vous tirer. Il est faux que vous ayez jamais aimé cette femme; il est faux que vous l'aimiez encore, ainsi que vous le dites dans votre lettre. Un homme qui a en lui la plus faible étincelle du dernier sentiment humain n'agirait point ainsi envers un ennemi, qu'il aurait des motifs à haïr et à mépriser dès son berceau. Vous vous abusez, mon cher H.; vous n'avez jamais été capable d'amour, autrement le premier mot de votre cartel vous eût étranglé. Vous m'avez fait croire dans cette funeste voie à l'impossible.

En réponse à votre provocation on vous a demandé d'abord un sursis, ensuite on vous a envoyé une réponse.—Ici je serais tenté de croire que vous n'aviez point l'intention de vous battre, sans cela vous n'auriez pas renvoyé cette lettre—et à qui?.. à une femme—en tâchant de rayer légèrement votre nom et d'y mettre très-distinctement le sien, en écrivant sur l'enveloppe quelques mots qui eussent suffi pour mettre dans la confidence tous les garçons des bureaux de poste.

Pendant longtemps j'avais l'illusion que votre calcul était le produit d'une imagination momentanément malade, d'un cerveau en proie à un délire passager. Le fait, que je viens de citer, m'a désabusé. J'ai vu que vous mettiez froidement la dégradation la plus objecte en système; j'ai compris que sous le rapport du cynisme le plus boueux, vous veniez de découvrir une mine inépuisable, et que vous étiez décidé à l'exploiter sans merci ni miséricorde—pour vous-même, bien entendu.

En face de pareils faits la femme la plus vile aurait dû vous prendre en dégoût et en mépris; l'homme le plus fou n'aurait pas trouvé assez de folie pour descendre jusqu'au marais que vous lui offriez pour arène. C'était là un moyen infaillible de s'attirer la haine de la femme et de rendre tout duel impossible.—Était-ce là votre plan?.. je n'ose ni ne veux y répondre.—Ici, franchement parlant, votre position m'a paru complètement désespérée. J'ai vu que vous vous attachiez volontairement une pierre au cou et votre lettre ne fait que me confirmer dans mes convictions. Je n'y vois qu'un débordement d'une vanité froissée, d'un égoïsme aux abois, désordement qui se traduit en projets sinistrés et en menaces, auxquels pour ma part je n'ajoute aucune foi. Les galères, les assises, la destruction, le crime, ce sont des mots faciles à prononcer, difficiles à réaliser. L'énergie ne fait point partie de votre caractère.—Il me semble qu'avec mon jugement calme et froid, je prévois mieux l'avenir. Il n'aura point la teinte mélodramatique dont votre imagination de poète se plaît à l'enduire. Pour vous, je n'en doute pas, il sera terrible, mais en même temps très-prosaïque, très-bourgeois. Un cercle de réprobation universelle vous entourera; honni, conspué, ridiculisé par tous, vous n'excitez que l'éloignement et l'indifférence. On vous fuira, on se moquera de vous; les hommes calmes éviteront votre aspect, les têtes chaudes laisseront tomber sur vous un outrage et ne donneront aucune suite à vos réclamations; vous deviendrez une mesure de comparaison par le côté négatif de la société et vous vous éteindrez odieux à vous-même et fétide aux autres.—Les égards que l'on manifeste à votre femme ne modifieront à votre sujet la conduite de personne. C'est ainsi, p. ex., que moi-même je n'ai tenu aucun compte de cette partie de votre lettre où vous dites à votre femme que si je passais dans le camp ennemi, je me tournerais par là-même contre elle. J'avoue que je ne comprends pas cette solidarité entre vous et votre femme. Il y a plus, mon cher H., chaque jour je lui dis et je lui répète que son honneur, sa dignité, que tous les sentiments de respectabilité et de vérité lui suscitent un devoir de rompre avec vous pour toujours. Vous l'avez forcée, à la maison Sue, à jouer le rôle ignoble d'entre-

metteuse, vous l'avez foulée aux pieds et traînée dans la boue, en l'associant forcément à tous vos procédés; aujourd'hui elle doit oublier que vous existez sur la terre, elle doit travailler à vous faire oublier à vos enfants, auxquels vous vous préparez à laisser en héritage un nom couvert d'opprobre. Je lui ai conseillé de se repatrier avec ses parents, de vous fuir dans un pays où ni votre personne, ni votre correspondance ne pourraient plus l'atteindre, et je le lui conseille chaque jour, parce que je suis son ami, parce que je crois que c'est la seule conduite honorable et digne qui lui incombe. Cette pauvre femme, dont vous avez abreuvé l'existence d'humiliations et de douleur, résiste encore; elle a encore la folie de tenir à vous; elle se prépare un avenir terrible—pour elle et pour ses enfants. Elle vous abandonnera quand il ne sera plus temps. Mais du moins à elle comme à vous la voix de la vérité n'aura pas manquée.

L'opinion du monde, en s'appesantissant sur vous, fera entrer encore dans son jugement un élément, que, pour mon compte, je ne fais point entrer en première ligne, mais auquel il me serait impossible de refuser une grande importance. Cet élément, c'est l'argent, c'est votre vie aux dépens de l'être que vous mettez chaque jour sur la croix.—Cette question d'argent,—ne vous y trompez pas,—n'est point une question bourgeoise. Vous savez que le monde gravite autour d'un écu, et qu'une vie pure est décidément celle qui n'a rien à se reprocher au point de vue matériel, financier.—A l'époque où nous vivons, le dévouement, le sacrifice, ainsi que d'autres sentiments et actes opposés à ceux-là, se mesurent par l'argent, et à juste titre. L'argent donne plus que la vie, il donne l'indépendance; et le monde est toujours curieux de savoir par quels sacrifices l'homme achète ce bien suprême.

L'avenir que je déroule à vos yeux, commence déjà à poindre à votre horizon. Il va se réaliser, sans que le parti adverse ait besoin d'y participer en quoi que ce soit. Le commérage ne sort pas d'ici, puisque depuis mon arrivée à Nice jusqu'à votre cartel, je déclare, que je n'ai jamais entendu prononcer votre nom, ni un seul mot sur la triste histoire du passé.—Aujourd'hui que vous dites avoir envoyé par trois voies différentes la provocation en duel, il faut bien qu'on explique pourquoi on oppose à cette provocation une fin de non recevoir. Mais aujourd'hui encore on ne fait pas tout ce que vous supposez. C'est ainsi p. ex. que je puis vous certifier, que jamais aucune ouverture n'a été faite à Haug. Haug vient de lui-même, et je le comprends. Cela rentre dans le développement logique des choses.—Aussitôt que l'affaire sera connue, soyez en convaincu, de tous les coins du monde des amis, des indifférents même, viendront spontanément se grouper

contre vous et protester avec toute l'énergie de leur indignation contre la violation la plus flagrante, de tous les sentiments de l'honneur, de la dignité, de la vérité. Chaque jour vous verrez grossir la phalange, chaque jour le vide que l'on fera autour de vous, s'étendra davantage; vous y travaillez vous-même, vous êtes le plus puissant allié de vos adversaires. Vos coups à vous ne porteront pas; une fois que vous serez mis au ban de la société, chacune de vos attaques sera considérée comme brevet d'innocence et d'honorabilité pour celui contre qui vous la dirigerez. Vos appréciations seront accueillies avec un haussement d'épaules, ainsi que j'ai dû accueillir celle où vous taxez Engelson le timbré.— Savez-vous ce que je puis répondre à ce jugement?— C'est que pour ma part je me sentirai honoré et énormément flatté chaque fois que l'on voudra bien m'élever jusqu'à me comparer avec l'homme que vous condamnez d'un trait de plume.— Et cela sera ainsi toujours et pour chacun; vous vous préparez à perdre le plus sacré droit que l'homme ait sur la terre—celui de pouvoir offenser son prochain. Et notez encore, cher H., que je ne soulève pour le moment qu'un seul coin du voile. Si je le déchirais par moitié, vous y verriez des choses bien autrement fortes et sérieuses. Je dis seulement sommairement et la main sur la conscience, que vous vous précipitez dans l'abîme, et que vous y entraînez votre femme et vos enfants.

Le temps n'est pas éloigné où vous sentirez vous-même le fond du précipice. Maintenant, y a-t-il moyen de vous sauver encore?—Car, je le répète, ce n'est que de vous seul qu'il s'agit ici, c'est votre perte à vous seul et à votre famille qui est en jeu.—La réponse est difficile; le cas—très-périlleux, la situation—fortement tendue; je ne puis vous le cacher. Cela serait un rude travail, une gigantesque tâche que celle de vous aider à reconquérir une place honorable dans la société. Il y faudrait un effort suprême de bonne volonté et de confiance illimitée de votre part, et je crains, que dans votre situation d'esprit cet effort ne vous soit impossible.—En tous cas, je vous ai parlé à vous comme je parle de vous à votre femme, je vous ai parlé selon la voix de ma conscience, de ma profonde et sérieuse conviction. J'ai cru qu'il était de mon devoir de vous dire toute ma pensée, de vous déclarer mon jugement—froid, calme, impartial. L'avenir vous prouvera que je ne me suis trompé sur aucune de mes conclusions, mais je suis du moins satisfait que dans cet avenir vous n'aurez pas le droit d'affirmer que tout le monde a été sourd à votre appel, qu'il ne s'est trouvé personne qui eût voulu vous tendre la main et vous épargner les funestes conséquences d'un passé injustifiable.

Переводъ.

Этотъ вызовъ глубоко огорчилъ меня за васъ; я понялъ, что вы катитесь въ пропасть, откуда отнынѣ ужъ очень трудно будетъ вамъ выбраться. Неправда, что вы когда-нибудь любили эту женщину; такая же неправда, будто вы продолжаете ее любить, какъ утверждаете въ своемъ письмѣ. Человѣкъ, еще не потерявшій послѣдней искры человѣческаго чувства, не поступилъ бы такъ и со своимъ врагомъ, даже если бы имѣлъ основаніе ненавидѣть и презирать его съ самой колыбели. Вы заблуждаетесь, милѣйшій Г.,—вы никогда даже не были способны любить, иначе вы подавились бы первымъ же словомъ вашего вызова. На этомъ пагубномъ пути вы заставили меня повѣрить въ возможность невозможнаго.

На вашъ вызовъ вамъ отвѣтили сначала просьбой объ отсрочкѣ, а затѣмъ прислали отвѣтъ.—Я склоненъ думать, что у васъ не было и намѣренія драться, потому что въ противномъ случаѣ вы не отослали бы этого письма обратно, и кому же?.. женщинѣ,—слегка зачеркнувъ при этомъ ваше имя и написавъ на его мѣстѣ чрезвычайно ясно ея имя; да, кромѣ того, вы написали на конвертѣ нѣсколько словъ, совершенно достаточныхъ для того, чтобы посвятить въ тайну всѣхъ служащихъ на почтѣ.

Долгое время я питалъ иллюзію, что вашъ расчетъ былъ плодомъ внезапно разстроившагося воображенія или временнаго безумія. Только-что приведенный мною фактъ открылъ мнѣ глаза. Я понялъ, что вы хладнокровно возвели въ систему самое гнусное униженіе; я понялъ, что въ своемъ грязнѣйшемъ цинизмѣ вы нашли неисчерпаемый рудникъ, который рѣшили эксплуатировать безъ пощады и сожалѣнія и, разумѣется, въ свою пользу.

Въ виду такихъ фактовъ даже самая низкая женщина должна была бы почувствовать къ вамъ отвращеніе и презрѣніе; самый безумный человѣкъ не былъ бы настолько безуменъ, чтобы погрузиться въ болото, въ которое вы его увлекали. Это былъ безошибочный способъ завлечь себя ненависть женщины и сдѣлать дуэль невозможною. Такой ли, дѣйствительно, былъ у васъ планъ? Я не рѣшаюсь и не хочу отвѣчать. Тогда, откровенно говоря, ваша позиція показалась мнѣ совершенно безнадежною. Я понялъ, что вы сознательно привязываете себѣ камень на шею, и ваше письмо лишь укрѣпило меня въ моемъ убѣжденіи. Я вижу въ немъ лишь то выраженіе задѣтаго за живое тщеславія, эгоизмъ, доведенный до отчаянія, потокъ зловѣщихъ плановъ и угрозъ, которымъ я не придаю никакой вѣры. Галеры, судъ присяжныхъ, разрушеніе,

преступленіе, все это—слова, легко произносимыя, но на самомъ дѣлѣ трудно осуществимыя. Энергія никогда не составляла сильной стороны вашего характера. Мнѣ кажется, что при спокойномъ и хладнокровномъ обсужденіи я лучше васъ предвижу будущее: оно не будетъ имѣть того мелодраматическаго оттѣнка, въ который старается облечь его для собственнаго утѣшенія ваше поэтическое воображеніе. Для васъ,—я не сомнѣваюсь въ этомъ,—будущее ужасно, но въ то же время совершенно прозаично, весьма даже обывательски-буржуазно. Вы будете окружены кольцомъ всеобщаго осужденія. Презираемый, оплеванннй, осмѣянный, вы будете, въ лучшемъ случаѣ, вызывать лишь равнодушное отношеніе и стремленіе удалить васъ. Васъ будутъ избѣгать, надъ вами будутъ насмѣхаться; спокойные люди будутъ избѣгать вашего вида; горячія головы будутъ осыпать васъ оскорбленіями и не обращать никакого вниманія на требованіе вами удовлетворенія. Вы сдѣлаетесь въ обществѣ мѣрою сравненія отрицательныхъ сторонъ человѣка и угаснете, сами себѣ ненавистный, а для другихъ и смрадный. Вниманіе, которое будутъ оказывать вашей женѣ, не измѣнитъ отношенія къ вамъ. Такъ, напри- мѣръ, на меня лично нисколько не повліяло то мѣсто вашего письма къ вашей женѣ, гды вы говорите, что, если я перейду во враждебный вамъ лагерь, то тѣмъ самымъ буду и противъ нея. Долженъ признаться, что я не въ состояніи постигнуть солидарности между вами и вашей женой. Болѣе того, милѣйшій Г., я каждый день говорю и повторяю ей, что и ея честь, и собственное достоинство, всѣ чувства самоуваженія и истины обяыываютъ ее навсегда порвать съ вами всякія сношенія. Вѣдь, вы заставили ее въ домѣ Сю ¹⁾ играть гнусную роль сводни; вы, насильно дѣлая ее сообщникомъ вашихъ махинацій, топтали ее ногами и волочили по грязи. Теперь она должна забыть самое ваше существованіе на землѣ; она должна стараться искоренить даже память о васъ у вашихъ дѣтей, которымъ въ наслѣдство вы подготавливаете лишь имя, покрытое позоромъ. Я совѣтовалъ ей снова поселиться на родинѣ, убѣжать отъ васъ въ страну, куда вы не можете пріѣхать, и куда ваши письма къ ней не будутъ доходить, и я повторяю эти совѣты ежедневно, потому что я ей другъ и убѣжденъ въ томъ, что это—единственный для нея почетный и достойный выходъ. Но несчастная женщина, жизнь которой вы наполнили страданіями и униженіями, еще до сихъ поръ сопротивляется: она все еще такъ безумна, что продолжаетъ дорожить вами; она подгото-

¹⁾ Домъ, нанимаемый Герценомъ въ Ниццѣ.

вляеть ужасное будущее для себя самой и для своихъ дѣтей. Она васъ покинетъ, когда будетъ уже поздно. Но ни она, ни вы не будете имѣть права говорить впоследствии, что отъ васъ скрывали правду.

Обрушиваясь на васъ, общественное мнѣніе введетъ въ свой приговоръ еще одинъ элементъ, котораго я лично не выдвигаю на первый планъ, но, разумѣется, и я не могу отрицать его важнаго значенія. Это—денежный вопросъ, ваша жизнь за счетъ той, которую вы каждый день распинаете. Здѣсь денежный вопросъ—не заблуждайтесь на этотъ счетъ—не есть вопросъ «буржуазный». Вы знаете, что нашъ міръ вертится около денегъ, и что чистымъ человѣкомъ можно считать лишь того, кто въ правѣ не упрекать себя ни въ чемъ предосудительномъ въ финансовомъ и матеріальномъ отношеніяхъ. Въ наше время преданность, самопожертвованіе, равно, какъ чувства и поступки имъ противоположные, измѣряются деньгами, и это справедливо. Деньги даютъ больше, чѣмъ возможность жить: онѣ даютъ человѣку независимость, и общество всегда интересуется тѣмъ, за счетъ какихъ же жертвъ человѣкъ пріобрѣтаетъ себѣ это высшее благо.

Будущее, которое я развертываю передъ вашими глазами, начинаетъ уже показываться на вашемъ горизонтѣ. Оно скоро осуществится само собою, помимо всякаго участія противной стороны. Сплетни исходятъ не отсюда: я вамъ заявляю, что съ самаго моего пріѣзда сюда и до вашего вызова на дуэль я ни отъ кого не слышалъ вашего имени, не слышалъ ни единого слова о печальной исторіи прошлаго. Теперь, когда вы сообщаете, что вызовъ на дуэль вы послали тремя различными путями, придется, конечно, объяснить, почему вашъ вызовъ остался непринятымъ. Но и теперь еще не дѣлаютъ всего того, что вы предполагаете; такъ, напримѣръ, я могу удостовѣрить, что Гаугу не было сдѣлано никакихъ разоблаченій. Гаугъ выступилъ самостоятельно, и я его понимаю. Это—логическое послѣдствіе вещей. Какъ только дѣло огласится,—будьте въ томъ увѣрены,—со всѣхъ сторонъ появятся добровольные друзья, и даже люди индифферентные соединятся противъ васъ и со всею силою ихъ негодованія будутъ протестовать противъ вопіющаго нарушенія чувствъ чести, человѣческаго достоинства и правды. Каждый день вы будете видѣть, какъ разрастается эта фаланга, и каждый день все больше будетъ расширяться пустота вокругъ васъ. Вы сами работаете въ этомъ направленіи, вы—самый могучій союзникъ вашихъ противниковъ. Ваши удары не попадутъ въ цѣль; какъ только вы будете изгнаны изъ общества, каждый вашъ выпадъ будетъ разсматриваться, какъ патентъ

на невинность и почетъ для того, на котораго вы направите его. На ваши оцѣнки будутъ отвѣчать лишь пожиманіемъ плечъ; такъ и я принужденъ былъ отвѣтить на ваше утвержденіе, что «у Энгельсона не всѣ дома». Знаете ли, что я могу отвѣтить на это замѣчаніе? Что я буду считать себя удостоившимся чести и необычайно польщеннымъ всякій разъ, когда кто-нибудь возвеличитъ меня сравненіемъ съ человѣкомъ, котораго вы осуждаете росчеркомъ пера. И такимъ же образомъ будутъ всегда относиться къ вамъ всѣ и каждый: вы потеряете самое высокое право, которымъ человѣкъ обладаетъ на землѣ,—право оскорбить ближняго. И замѣтте еще, милѣйшій Г., что въ настоящее время я приподнялъ лишь одинъ край завѣсы. Если бы я ее разорвалъ дополамъ, вы увидѣли бы за нею еще другія вещи, гораздо болѣе эффектныя и серьезныя. Въ краткихъ словахъ и положи руку на сердце, я утверждаю, что вы стремглавъ падаете въ пропасть и увлекаете за собою жену и дѣтей.

Недалеко время, когда вы почувствуете себя на самомъ днѣ пропасти. Теперь вопросъ: есть ли еще возможность спасти васъ?—потому что, повторяю вамъ, дѣло идетъ не только о васъ, это—гибель для васъ и для вашей семьи, замѣшанной въ дѣлѣ. Отвѣтить на это трудно; положеніе очень напряженное, и случай весьма опасный; я не могу скрыть этого отъ васъ. Помочь вамъ снова завоевать почетное мѣсто въ обществѣ было бы очень тяжелой работой, титанической задачей. Понадобилось бы съ вашей стороны высшее усиліе воли и безграничное довѣріе, а я боюсь, что при томъ состояніи духа, въ которомъ вы находитесь, такое усиліе для васъ невозможно. Во всякомъ случаѣ, я поговорилъ съ вами совершенно такъ, какъ говорю о васъ вашей женѣ; я вамъ высказалъ то, что мнѣ говоритъ моя совѣсть, въ чемъ я серьезно и глубоко убѣжденъ. Я счелъ своимъ долгомъ высказать вамъ все, что думаю, объявить вамъ мой приговоръ, хладнокровный, спокойный, безпристрастный. Будущее вамъ покажетъ, что я не ошибся ни въ одномъ изъ своихъ заключеній; но я доволенъ, по крайней мѣрѣ, тѣмъ, что въ этомъ будущемъ у васъ не останется права говорить, что всѣ были глухи къ вашимъ призывамъ, что не нашлось ни одного человѣка, который согласился бы протянуть вамъ руку и спасти васъ отъ гибельныхъ послѣдствій вашего прошлаго, которому нѣтъ оправданій.

31. Записка Эммы Гервергъ къ Н. А.—нѣ:

«Natalie! Pardon de tout et pour tous et alors oublie de tout, et je te serre la main de tout mon coeur. Adieu! Emma Herwegh.
29 Avril 52».

Переводъ.

Натали! Прости за все и за *всѣхъ*. *Итакъ*, забвеніе всему, и я отъ *всей* души жму твою руку. Прощай! *Эмма Гервегъ*. 29 апрѣля 1852 (Подлинникъ хранится въ архивѣ семьи Герцена).

32. Вексель Эммы Гервегъ хранится въ архивѣ семьи Герцена. Привожу его вмѣстѣ съ необходимыми дополнительными свѣдѣніями.

B. p. S. 10,000 fr.
Nice, le 20 Août 1850.

A deux années de cette date je payerai à l'ordre de M. Alexandre Herzen la somme de *Dix mille francs*, valeur reçue comptant par moi.

Bon pour Dix mille francs

Emma Herwegh.

Переводъ.

Вексель на 10.000 фр.
Ницца, 20 августа 1850.

Черезъ два года отъ сего дня я заплачу приказу господина Александра Герцена сумму въ десять тысячъ франковъ, полученную мною наличными деньгами.

Вексель на 10.000 франковъ.

Эмма Гервегъ.

За подлинность подписи векселедателя поручился
Нотаріусъ города Цюриха (*подпись*).

Когда подходилъ срокъ уплаты, Ф. Орсини послалъ Герцену слѣдующее письмо, которое также привожу съ подлинника, хранящагося въ архивѣ семьи Герцена:

«Cher Monsieur, vous devez vous rappeler que lorsque vous étiez ici, je vous ai demandé un jour une faveur, c'est-à-dire que je vous priais de prolonger la lettre d'échange de Me Emma. Je crois que cette lettre tombe à sa fin, et c'est pour cela que je vous renouvelle mes instances avec ces deux lignes, en vous demandant si vous pouvez et si vous voulez en lieu de la protester, la prolonger plutôt pour une ou deux années. Un jour je disais à Me Emma que je tâcherais d'être utile dans son particulier par des faits et non par des mots, et de ne pas suivre ces messieurs qui cherchaient de faire un parti, e che non *erano che stolti zelanti*. J'aimerais de tenir ma parole. Si vous pouvez me rendre ce service, je l'accepte avec plaisir; mais si vous ne pouvez pas, dites-le moi franchement, parce que je ne pense pas à exiger de vous une chose qui soit contre vos intérêts.

Quant à moi je tâcherai toujours de vous être utile en réalité, et à vous rendre service en tout ce que vous m'estimerez capable et jusqu'à ce que pourront mes forces, indépendamment de toute autre considération. Vous devez bien me connaître et savoir que mon langage est clair, franc, amical et che *parte dal cuore e non da menzognere labbre.*

Serrez la main de ma part à M. Tessier, écrivez-moi et croyez-moi, tout-à-vous

Felice Orsini».

Nice, le 3 Juillet 1852.

Переводъ.

Дорогой другъ, Вы, вѣроятно, помните, что, когда вы были здѣсь, я какъ-то попросилъ васъ объ одолженіи, а именно, переписать вексель М-ме Эммы. Мнѣ кажется, что срокъ его истекаетъ,—вотъ почему я возобновляю въ этихъ нѣсколькихъ строкахъ свою настойчивую просьбу, если вы можете и хотите, не протестовать вексель, а лучше переписать его на одинъ или два года. Я какъ-то разъ сказалъ М-ме Эммѣ, что постараюсь быть ей полезнымъ въ ея частныхъ дѣлахъ не словомъ, а дѣломъ, и что не хочу подражать тѣмъ господамъ, которые пытались что-то сдѣлать, *но не пошли дальше глупаго усердія.* Мнѣ хотѣлось бы сдержать свое слово. Если вы можете оказать мнѣ эту услугу, я принимаю ее съ удовольствіемъ, если же нѣтъ, скажите откровенно, потому что я не хочу требовать отъ васъ чего-нибудь, что противорѣчило бы вашимъ интересамъ.

Что касается меня, то я постараюсь быть вамъ всегда дѣйствительно полезнымъ и оказывать вамъ услуги во всемъ, въ чемъ, по вашему мнѣнію, могу, и пока буду въ силахъ, независимо отъ всякихъ другихъ соображеній. Вы должны хорошо знать меня и вѣрить, что рѣчь моя ясна, искренна, дружественна и *исходитъ изъ сердца, а не изъ живыхъ устъ.*

Пожмите отъ меня руку г. Тесье, пишите мнѣ и вѣрьте преданному вамъ

Феличе Орсини.

Ницца, 3 іюля 1852.

Герценъ, однако, протестовалъ вексель 27 августа 1852 года и 8 ноября (уже въ Лондонѣ) представилъ его ко взысканію, зная впередъ, что никогда никакихъ денегъ не получить.

33. По словамъ М. К. Рейхель, вопросъ о дѣтяхъ былъ очень важенъ и занималъ самое большую; кому въ случаѣ ея смерти по-

ручить ихъ воспитаніе? Насколько близко стоялъ Энгельсонъ, настолько жена егò не возбуждала довѣрія; она не была симпатична ни Герцену, ни Наталии Александровнѣ... «По прїѣздѣ моемъ въ Ниццу Герценъ предупредилъ меня, чтобы я не выказывала своего огорченія и удивленія, что Наташа очень перемѣнилась. Она очень обрадовалась мнѣ, и я должна была крѣпиться и глотать слезы при видѣ ея страшной худобы... Въ слѣдующую ночь (30 апрѣля) она преждевременно разрѣшилась отъ бремени живымъ мальчикомъ; на другой день она была очень слаба, но была въ сознаніи» («Отрывки изъ воспоминаній», 74—75).

34. Вотъ какъ осталось все это въ памяти уже взрослой Наталии Александровны. «Помню, что встала я очень рано и, какъ обыкновенно, выбѣжала въ садъ. Мало-по-малу я стала замѣчать, что всѣ очень печальны; у Маши, т-те Энгельсонъ, т-те Тесье, у горничныхъ были заплаканы глаза; онѣ собирали цвѣты, вносили ихъ въ мамашину комнату,—а въ послѣднее время мнѣ говорили, что цвѣты ей вредны; я тоже взяла нѣсколько цвѣтовъ и хотѣла войти, но меня не пустили,—это меня поразило; я возвратилась въ садъ, не зная, что думать, но предчувствуя что-то; тутъ папа позвалъ меня изъ окна. Я вошла къ нему—и помню, какъ будто бы вчера случилось,—онъ сѣлъ на диванъ, обнялъ меня, въ лобъ поцѣловалъ и такимъ голосомъ сталъ говорить, что слышно было, какъ онъ старается задержать слезы,—я уже раньше отгадала, въ чемъ дѣло,—онъ сказалъ: «Тата, мой дружокъ, ты не знаешь — мамаша умерла». У меня все кружилось въ головѣ, и что-то давило грудь. Маша меня позвала наверхъ, къ постели; только тутъ я какъ будто поняла, видя, что мамаша не двигается, на меня не смотритъ, не ласкаетъ,—и зарыдала. Послѣ этого все становится смутнѣе; только, какъ сквозь сонъ, помню, что приходили многіе знакомые, откуда—не знаю, т.е. крестьянки, многихъ я никогда не видывала; помню, что разъ вечеромъ нѣсколько вошли вмѣстѣ,—я была одна въ комнатѣ, въ нишѣ; одна молоденькая крестьянка хотѣла поднять вуаль съ лица мамашинаго, старая ее остановила и сказала: «ничего не тронь». Онѣ всѣ поцѣловали у нея руку и ушли» (Пассекъ, «Воспоминанія», III, 116).

35. Въ мѣстной газетѣ «L'Avenir de Nice» 7 мая было помѣщено слѣдующее описаніе похоронъ:

«Вечеромъ 3 мая торжественная похоронная церемонія собрала сливки мѣстнаго населенія и наиболѣе благородные элементы той иностранной колоніи, которую судьба или благодатное небо привлекаютъ къ берегамъ нашего города.

«Да, мы сказали «сливки общества», потому что всѣ тѣ, кто

имѣлъ случай соприкасаться съ почтеннымъ русскимъ изгнанникомъ г. Герценомъ и его семьею или слышалъ о нихъ,—захотѣли дать торжественное доказательство сочувствія великому несчастію и благородной жертвѣ жестокой судьбы, повторные удары которой, на протяженіи немногихъ мѣсяцевъ, похитили у отца, мужа и сына мать, жену и двоихъ дѣтей. Если только выраженія преданности, симпатіи и соболѣзнованія способны утѣшить въ безмѣрномъ несчастіи, то г. Герценъ имѣлъ возможность почувствовать себя щедро вознагражденнымъ за послѣднія испытанія.

«Похоронный кортежъ отличался многочисленностью, но въ подобныхъ случаяхъ не только число присутствующихъ даетъ свою печать демонстраціи.

«Надъ церемонією витала болѣе высокая, болѣе обширная идея.

«На одного изъ борцовъ за общее дѣло прогресса обрушились превратности судьбы. Его друзья, его единомышленники,—всѣ захотѣли откликнуться на призывъ смерти; они захотѣли вмѣстѣ потѣсниться, вмѣстѣ прижаться локтями, чтобы не оставить пустого мѣста послѣ гибели нѣкоторыхъ *своихъ* людей и чтобы затѣмъ, оставивъ за собою свѣжую могилу и унося о ней живую память, сомкнуть братскіе ряды тѣснѣе и молчаливо въ порядкѣ продолжать итти къ цѣли, къ которой ихъ призываетъ свершеніе общественныхъ судебъ.

«Конгрессы, совѣщанія, выставки богатствъ, произведенныхъ за счетъ пота и слезъ бѣдняка, всевозможныя празднества, «майскія поля», парады,—все это въ распоряженіи партіи Прошлаго. О нихъ она во всякую минуту громко возвѣщаетъ, она можетъ, какъ ей угодно, собираться, группироваться и располагать свои пикеты такъ, чтобы загородить доступъ «низкой черни».

«А у демократіи теперь только одинъ родъ праздниковъ—похороны ея покойниковъ или мучениковъ. Она собирается на созерцаніе только одного дѣла—работы двухъ гробокопателей. Смотря своимъ силамъ она производитъ только при рытьѣ могилы для кого-нибудь изъ своихъ приверженцевъ.

«Представителей Будущаго, —нынѣ разсѣянныхъ по разнымъ странамъ и мѣстамъ и уединенныхъ отъ другихъ даже въ повседневной жизни,—можно видѣть теперь лишь окóло дружественнаго гроба: передъ нимъ поникаютъ ихъ головы, отмѣченныя въ проскрипціонныхъ спискахъ; передъ нимъ склоняются ихъ лица, съ печатью страданій, мужества и надеждъ на челѣ, когда нужно бросить послѣднюю горсть земли на отошедшаго изъ великой семьи...

«Такъ, еще третьяго дня одинъ изъ ихъ семьи заснулъ на лонѣ вѣчности; мы говоримъ «одинъ», хотя въ гробу покоилось

тѣло женщины, потому что въ этомъ лагерѣ никто не рѣшается оспаривать у женщины названія равноправнаго и свободнаго товарища по солидарности страданій.

«Госпожа Герценъ рано узнала, чего стоитъ союзъ съ человекомъ, въ сознаніи котораго деспотизмъ божественнаго права (le despotisme du droit divin) является общественнымъ бѣдствіемъ. Она провела первые годы своего замужества въ страданіяхъ ссылки около границы Сибири; она довольно испила изъ чаши горя въ думахъ о тюрьмѣ, о преслѣдованіяхъ и о смертномъ приговорѣ, тяготѣвшемъ надъ головою товарища своей жизни.

«Послѣ сильной борьбы, послѣ многихъ испытаній, она повѣрила, было, въ наступленіе лучшихъ дней. Ея семьѣ удалось перейти за рубежъ русскихъ владѣній. Между императорскою мезью и славянскимъ борцомъ за «права человѣка» залегли съ тѣхъ поръ государства, закрытыя для исполнительной полиціи самодержца.

«Была даже минута, когда жена изгнанника могла подумать; что уже наступаетъ эра свободы, за которую боролись ея мужъ и его друзья.

«Молніи 1848 года освѣтили темный горизонтъ Европы. Официальная Россія поблѣднѣла въ своей порфирѣ, обогреной кровью, патріоты подняли головы, сіяющія надеждой; Франція, Италія, Германія, Венгрія, Польша мобилизовали свои освободительныя фаланги. Казалось, для всѣхъ притѣсненныхъ стараго христіанскаго материка ударилъ часъ освобожденія!

«Г. Герценъ находился тогда съ семьей въ Римѣ. Онъ былъ свидѣтелемъ пробужденія вѣчнаго города. Во время одной народной манифестаціи, — когда дворцы закрывались, и ихъ обитатели своимъ отсутствіемъ на улицахъ выражали протестъ противъ новаго порядка вещей, — римскій народъ со своимъ предводителемъ Чичероваккіо почтительно разступился передъ женщиною, не побоявшейся смѣшаться съ возставшими народными волнами, и только патриціанская внѣшность, а также изящный туалетъ ея противорѣчили внѣшности дюжихъ плебейскихъ представителей принципа справедливости; душою же она была вполне съ ними.

«Недолго, однако, длилось это сновидѣніе. Старый сводъ притѣсненій, давшій трещины въ первыя минуты подъ напоромъ демократическаго энтузіазма, скоро снова укрѣпился, и попрежнему преслѣдователи стали хватать свои жертвы.

«Священный Союзъ обогатился тогда новымъ союзникомъ. Республиканское правительство принца Людовика-Наполеона подергло новому изгнанію изгнанника царя Николая.

«Госпожа Герценъ, прикованная въ то время болѣзною къ постели, увидѣла ворвавшихся въ ея квартиру полицейскихъ агентовъ; они всюду смотрѣли, всюду рылись, оскорбляли присутствовавшихъ, не представили никакого основанія къ обыску, не дали никакихъ объясненій и кончили приказаніемъ всей семьѣ Герцена немедленно покинуть французскую территорию.

«Право, въ этотъ день русскій посланникъ могъ бы подумать, что онъ находится въ Петербургѣ!..

«Снова пришлось начать бродячую жизнь, заключиться въ семейномъ кругу, искать себѣ не мѣста для устройства своихъ дѣлъ, а просто какого-либо убѣжища.

«Однако, судьбѣ угодно было, чтобы изгнанникъ нашелъ и то, и другое: Швейцарія предложила г. Герцену право гражданства; община Муртена, точно вспомнивши пораженіе, которое понесъ на ея территории Карлъ Смѣлый, дала свое покровительство жертвѣ великихъ завоевателей нашей эпохи. Съ своей стороны, и Пиемонтъ не поколебался разрѣшить бродячей семьѣ отдыхъ подъ его яснымъ небомъ и покровительствомъ его либеральныхъ учреждений.

«То было время, когда никто уже не могъ думать, что Европа находится «наканунѣ воскресенія»: одна только дума была—переждать бурю, обрушившуюся надъ головами,—ту бурю реакціи, которая разверзалась съ непрерывно возрастающею яростью.

«Мужъ получилъ возможность вернуться къ своимъ давно начатымъ литературнымъ трудамъ; жена радовалась, что вокругъ нея собралась семья, требовавшая всѣхъ заботъ материнской привязанности. И она предалась имъ со всей страстью своего благороднаго сердца.

«Но испытанія не насталъ еще конецъ. Затишью не суждено было долго продержаться подъ кровлею изгнанника—точно злой рокъ шелъ заодно съ войсками деспотизма.

«16-го ноября въ Ниццѣ разнеслась вѣсть объ ужасномъ бѣдствіи.

«Море поглотило пароходъ «Городъ Грассъ», погибло много людей, и среди нихъ—мать и одинъ изъ сыновей г. Герцена, а также наставникъ этого сына, который предпочелъ умереть съ своимъ ученикомъ, чѣмъ вернуться одному въ домъ, пораженный несчастьемъ.

«Госпожа Герценъ приняла это извѣстіе съ видимою покорностью судьбѣ. Всѣ замѣтили, что она ходитъ молчаливая, съ пасмурнымъ лицомъ, не плачетъ; могло показаться, что она не отдаетъ себѣ отчета въ огромности своей потери. Но физическія силы оказались не на высотѣ силъ ея духа.

«На другой день она принуждена была слечь и съ тѣхъ поръ уже не вставала.

«Съ ноября и до 2 мая начался для нея непрерывный рядъ ужасныхъ страданій. День за днемъ, искра за искрою гасла жизнь, несмотря на тщательныя заботы мужа и семьи и на помощь науки, которую примѣнялъ докторъ Бонфисъ съ ревностнымъ стараніемъ не только представителя врачебнаго искусства, но и преданнаго друга.

«Незадолго до смерти у нея родился ребенокъ. Несчастный младенецъ, вспоенный слезами и горемъ матери, съ нею вмѣстѣ легъ въ могилу. Подобный рядъ несчастій, такъ быстро слѣдовавшихъ одно за другимъ, способенъ былъ бы сломить самую сильную натуру, и горе стало уже у воротъ, чтобы совсѣмъ доканать свою жертву.

«Но на этотъ разъ судьба ошиблась: она забыла о нравственной помощи, воплотившейся въ рабочемъ народѣ. Солидарность труда и великой общей цѣли создаютъ точно баррикаду, неприступную для сомнѣній и отчаянія, даже при бѣдственной нашей современности.

«Третьяго мая пріостановили работу многія мастерскія. Со всѣхъ сторонъ сошлись друзья и единомышленники, и къ вечеру того же дня можно было видѣть громадное и молчаливое погребальное шествіе, пробиравшееся при свѣтѣ факеловъ по темнымъ улицамъ Ниццы.

«Тщетно нынѣшнія власти постарались стереть со всѣхъ общественныхъ зданій слово «Братство»—этотъ святой принципъ воскресаетъ въ сердцахъ всякій разъ, какъ только несчастье поражаетъ одного изъ членовъ святой лиги народовъ. И здѣсь,—въ этой окраинѣ Италіи, гдѣ еще уважаютъ челоуѣка и гражданина, изгнанники другихъ странъ находятъ пріютъ безъ оскорбленій и притѣсненій,—3 мая можно было видѣть за гробомъ лицъ, извѣстныхъ и дорогихъ Риму и Ломбардіи, Неаполю и Венеціи, Піемонту, Германіи, Вѣнѣ, Венгріи и, наконецъ, Польшѣ, представители которой, колѣнопреклоненные передъ русскою могилою, запечатлѣвали собою прообразъ будущей побѣды надъ общимъ врагомъ славянской расы. Всѣ эти славные дѣятели были тамъ, спокойные, безмолвные, привычные смотрѣть смерти прямо въ глаза, вѣрующіе, что смерть—необходимое условіе завоеванія лучшаго будущаго.

«Было произнесено нѣсколькo горячихъ словъ. Слышались голоса, которые давно раздавались въ менѣ печальныхъ, хотя и не менѣ торжественныхъ случаяхъ, а теперь могутъ обращаться къ народу лишь въ оградѣ кладбищъ.

«Г. Герценъ можетъ себѣ сказать, что онъ имѣетъ право страдать, но не имѣетъ права приходить въ отчаяніе; онъ долженъ признать, что народная симпатія налагаетъ обязательства, что де-

милостива, своею сочувственною демонстраціею выразила, что ждетъ отъ него до самаго конца исполненія гражданскаго долга, какъ онъ его исполнялъ до сихъ поръ.

«Что же касается ея, бѣдной жертвы, пусть она покоится мирнымъ сномъ подъ вѣнкомъ красныхъ розъ, украсившихъ ея гробъ! Пусть она почиваетъ въ гостепріимной землѣ, давшей свою дивную природу въ утѣшеніе такому множеству славныхъ политическихъ изгнанниковъ другихъ странъ, пусть же и она отдыхаетъ, спокойная и утѣшенная: ни мужъ ея, котораго она оставляетъ вдовымъ, ни дѣти ея, остающіяся сиротами, никогда не останутся безъ дружеской поддержки. Дорогіе ея сердцу живые и впредь встрѣтятъ общее сочувствіе, которое уже такъ сильно проявилось въ печальной церемоніи похоронъ! Въ самомъ дѣлѣ, чего ей недоставало? Налицо были: и теплая привѣтствія друзей, и почтительность индифферентныхъ лицъ, и справедливая оцѣнка представителей противоположнаго лагеря, и даже... да, даже приказъ г. министра иностранныхъ дѣлъ французской республики, о которомъ несчастный отецъ семьи узналъ почти у самаго гроба: о запрещеніи ему доступа въ предѣлы Франціи подъ какимъ бы то ни было предлогомъ, даже проѣзда черезъ Францію для устройства своихъ имущественныхъ дѣлъ или нуждъ, вызванныхъ воспитаніемъ дѣтей».

Добавляю нѣсколько подробностей со словъ М. К. Рейхель: «Похороны, по итальянскому обычаю, были вечеромъ. Медленно подвигался катафалкъ въ гору при свѣтѣ факеловъ на тотъ далекій холмъ, гдѣ находилось особенное кладбище для погребенія иностранцевъ. *Шли* пѣшкомъ. Мы, четыре женщины: М-те Тесье, М-те Энгельсонъ, М-те Орсини и я, держали въ рукахъ кисти покрова гроба. Когда взошли наверхъ, было совсѣмъ темно. Около Герцена были: Карлъ Фогтъ, Тесье, Энгельсонъ и итальянскіе друзья. Толпа народа сопровождала процессію. Катастрофа въ семьѣ Герцена и долгая болѣзнь Н. А.—ны вызвали всеобщее участіе. При свѣтѣ факеловъ опустили тѣло въ могилу; не умѣю сказать, кто говорилъ; помню только ночь, факелы, говоръ толпы... Одно чувство потери наполняло душу» (стр. 75).

15 мая 1852 г. министерство иностр. дѣлъ прислало III Отдѣленію копію рапорта ниццкаго консула отъ 24 апрѣля ст. ст.: «Считаю долгомъ донести департаменту внутреннихъ сношеній, что г-жа Герценъ, жена надв. сов. Герцена, скончалась здѣсь 20 апрѣля ст. ст. Бѣглецы, которыхъ здѣсь масса, устроили по случаю ея похоронъ настоящую демонстрацію. Противно мѣстному обычаю, похороны состоялись вечеромъ, и многочисленная толпа, состоявшая изъ всего, что городъ заключалъ въ себѣ демагогическаго, прошла

по улицамъ при свѣтѣ факеловъ и сопровождала гробъ до кладбища, гдѣ были произнесены самыя страстныя и убѣдительныя рѣчи. Власти, какъ обыкновенно, ничего не сдѣлали, чтобы предотвратить этотъ беспорядокъ». Рукою Дубельта, замѣщавшаго уѣхавшаго гр. Орлова, написано: «Дсложено государю наслѣднику цесаревичу и писано къ графу 16 мая» (Архивъ. III Отд. С. Е. И. В. канц., 1834 г. I эксп., дѣло № 239, ч. 10).

36. Подлинный конвертъ, носящій слѣды ловкаго, но, все-таки, замѣтнаго подпечатыванія, хранится въ архивѣ семьи Герцена. Весь адресъ Гервега имъ густо зачеркнутъ и сверхъ соответствующихъ строчекъ сдѣлана надпись: «Madame Natalie Herzen, Nice (marit). Piemont». Почтовый штемпель: Zürich, 4 mars 1852. Зачеркнуто и слово «assicurato» (заказное); на оборотной сторонѣ три печати и заклеенный тонкой бумагой правый верхній уголъ гдѣ, вѣроятно, и были написаны тѣ нѣсколько словъ, на которыя указалъ Энгельсонъ (стр. 160); штемпель почты: Zürich, 23 fev. 1852.

37. Въ № «Neue Züricher Zeitung» отъ 18 юля появилось слѣдующее письмо Г. Гервера:

«Die N. Z. Z.» berichtet über eine mich betreffende Notiz in einem italienischen Blatte, von der ich jedes Wort für eine Lüge, den deutschen oder russischen Verfasser aber und italienischen Redakteur für zwei einander ebenbürtige Schurken erkläre. Das Ganze ist ein nichtswürdiger Versuch einiger geistesbankerotten Menschen, durch zweideutige Redensarten eine reine *Privatangelegenheit* auf ein fremdes Gebiet zu versetzen und mit *russischen* Subsidien einen grand coup gegen mich bei der Demokratie zu führen, mit der sie die Frechheit haben, sich zu identifizieren—quod est demonstrandum. Jedenfalls habe ich mit der Demokratie, zu der solches Pack gehört, Nichts zu schaffen.

«Kein ehrlicher Mensch wird einen solchen schmutzigen Handschuh aufheben und ich hätte wahrlich viel zu thun, wenn ich jedem fahrenden Ritter Rechenschaft ablegen sollte in Dingen, die ihn mit Haut und Haaren nichts angehen. Denn auch dieser neuste Artikel hat keinen andern Sinn als den einer Provokation von Seiten eines *unglücklichen* Seladons, eines Generals in partibus, dem ich durch Nennung seines Namens zu keinerlei Celebrität verhelfen will und der noch dazu den Sold der Rache vom legitimen Gatten bezieht; eine solche Provokation ist zu lächerlich, als dass mir eine vernünftige Seele zumuthen könnte, mich näher darauf einzulassen. *Ich schlage mich mit dem Herrn, nicht mit dem Bedienten.*—Gegen künftige Banditenüberfälle im eigenen Hause, auf welche in dem betreffenden Artikel angespielt

wird, bin ich *bewaffnet*; gegen ein Rudel unflätiger Narren, die, jeden Begriff von Scham in ihrem Blödsinn vergessend, auf öffentlicher Strasse Aergernis zu erregen trachten, hat die *Sanitätspolizei* einzuschreiten und sie in einer Irrenanstalt unterzubringen.

«Unklar ist mir geblieben, was Politik, Revolution, Demokratie hier zu schaffen haben, doppelt unklar, wenn ich an das leere Hirn denke, dem wir noch im Jahr 1849 die ersten politischen Elemente—leider umsonst—eingetrichtert haben, und das noch *nach* der Wiener-Revolution in ein reaktionäres Journal korrespondenzelte.

«Es giebt Bübereien, die man über sich ergehen lassen muss, ohne dass eine Abwehr möglich wäre: Fälle wo *Jeder* von uns rettungslos in die Hand des nächsten besten Schurken gegeben ist, ohne dass er sich *selber* verteidigen könnte. Denn die Verteidigung in Angelegenheiten, *die nicht vor die Oeffentlichkeit gehören*, setzt einen gleichen Mut der Niederträchtigkeit in dem sich Verteidigenden voraus, wie in dem Angreifer, einen Mut, den ich wirklich nicht besitze.

«Der Angegriffene selbst kann und darf hier Nichts thun. Die Gesellschaft *allein*, von der *Jeder einzelne* sein eigenes individuellstes Leben durch solche eben so brutale, als stupide Schaustellung der intimsten Verhältnisse mitbedroht sehen muss, hat durch ihre Haltung und den Grad der Verachtung, den sie elenden Spadassins zu Teil werden lässt, über derlei Infamieen zu richten.

«Halten sich Journäle, wie das in Frage stehende italienische, für berechtigt, unter dem Deckmantel der Politik, und vielleicht auch gegen gute Bezahlung, sich zum Werkzeug einer Privatsache herzugeben, halten sie sich für berechtigt, fernern Erörterungen in einer Sache Raum zu geben, die in ihr nicht ausgefochten werden kann, ohne jedem menschlichen Gefühl in's Gesicht zu schlagen—eh bien, an Liebhabern des Skandals wird's ihnen nicht fehlen, und ich gratuliere ihnen dazu von Herzen.

Georg Herwegh.

Переводъ.

«Новая Цюрихская Газета» сообщаетъ о замѣткѣ, касающейся меня и появившейся въ одной итальянской газетѣ; я объявляю каждое ея слово ложью, а нѣмецкаго или русскаго ея автора и итальянскаго редактора—достойными другъ друга мошенниками. Въ общемъ, это—безчестная попытка нѣсколькихъ полоумныхъ людей перенести, посредствомъ двусмысленныхъ выражений, частное дѣло на чуждую ему почву и нанести мнѣ, при помощи русскихъ субсидій, рѣшительный ударъ въ глазахъ демократіи, отождествлять себя съ которой они имѣютъ дерзость, что слѣдовало бы еще до-

казать. Во всякомъ случаѣ, съ той демократіей, къ которой принадлежит подобная сволочь, я не имѣю ничего общаго.

Ни одинъ честный человѣкъ не станетъ поднимать столь грязной перчатки и, поистинѣ, много времени отняло бы у меня, если бы всякому странствующему рыцарю я долженъ былъ отдавать отчетъ въ дѣлахъ, которыя его абсолютно не касаются. И эта послѣдняя статья—не иное что, какъ провокація со стороны одного несчастнаго Селадона ¹⁾, генерала *in partibus*, которому я ничуть не желаю доставить упоминаніемъ его имени хоть долю извѣстности, и который къ тому же получаетъ мзду за месть отъ законнаго супруга; такая провокація слишкомъ смѣшна для того, чтобы какой-либо разумный человѣкъ могъ требовать отъ меня, чтобы я даль дѣлу дальнѣйшій ходъ. *Драться я буду съ юсподиномъ, а не со слуюй.* Противъ будущихъ нападеній бандитовъ у меня на дому, на которыя намекается въ упомянутой статьѣ, я *вооруженъ*; выступать противъ своры грязныхъ глупцовъ, которые въ своемъ слабоуміи потеряли всякое представление о стыдѣ и стараются у всѣхъ на виду, на улицѣ возбуждать соблазнъ, и помѣщать ихъ въ дома для умалишенныхъ—обязанность санитарной полиціи.

Неяснымъ остался для меня вопросъ, причемъ тутъ политика, революція, демократія?—двойнѣ неяснымъ, когда я думаю о той пустой башкѣ, которую мы еще въ 1849 году начинали, къ несчастію безрезультатно, начальными основами политики, и которая еще послѣ вѣнской революціи пописывала корреспонденціи въ одномъ реакціонномъ журналѣ ²⁾. Есть низости, которыя приходится терпѣть за невозможностью отъ нихъ защититься, случаи, когда *каждый* изъ насъ отданъ беззащитнымъ во власть перваго встрѣчнаго негодяя, не будучи *самъ* въ состояніи защитить себя; потому что защита въ дѣлахъ, не подлежащихъ огласкѣ, предполагаетъ въ защищающемся такое же наглое мужество, какъ и въ нападающемъ,—мужество, которымъ я, дѣйствительно, не обладаю.

Человѣкъ, подвергшійся въ такомъ дѣлѣ нападенію, не можетъ и не долженъ ничего предпринимать. Одно только общество, каждый отдѣльный членъ котораго долженъ увидѣть въ этомъ столь же грубомъ, сколько и безсмысленномъ выставленіи напоказъ самыхъ интимныхъ отношеній, угрозу для своей собственной личной жизни,—одно оно обязано своимъ отношеніемъ и той степенью презрѣнія, которымъ оно даритъ низкихъ спадассиновъ, осудить подобную подлость.

¹⁾ Намекъ на Гауга.

²⁾ Снова намекъ на Гауга.

Если газеты считают себя, какъ уже упомянутая итальянская, въ правѣ стать орудіемъ частной мести подъ покровомъ политики, а, можетъ быть, и за приличное вознагражденіе, если онѣ, кромѣ того, считаютъ себя въ правѣ и впредь удѣлять мѣсто разсужденіямъ о дѣлѣ, которое невозможно разрѣшить, не оскорбляя грубо всякое человѣческое чувство, тогда что же?—у нихъ не будетъ недостатка въ любителяхъ скандала, съ чѣмъ я и поздравляю ихъ отъ всего сердца.

Георгіе Гервегъ.

20 іюля въ «L'Avenir de Nice» появилось письмо Эммы Гервегъ, которому предпослано было заявленіе отъ редакціи. Привожу то и другое.

«Nous recevons la lettre suivante en rectification d'une correspondance de Zürich, relative à M. Herwegh et inserée dans notre № du 13 courant. Notre impartialité nous fait un devoir de publier cette lettre, en faisant observer que l'article auquel elle répond n'émanait pas de la rédaction de *l'Avenir* et n'était qu'une reproduction de plusieurs journaux, notamment de *l'Italia e Popolo* et du *Journal du Turin*. Nous réservons donc complètement notre appréciation sur les faits qui ont donné lieu à ce débat.

«M. le Rédacteur,

«Lorsque vous avez accepté de reporter dans les colonnes de *L'Avenir de Nice* № 385 un article anonyme, dont l'unique but évident est de stigmatiser d'infamie un nom, dont les antécédents connus et honorables appartiennent à toute une nation, vous n'avez (j'en suis sûre) certainement pas voulu commettre la faute de vous associer à l'esprit infernale qui a dicté ces lignes—mais vous avez eu un autre tort, Monsieur, celui d'avoir oublié, que vous mettiez à la torture la plus cruelle l'épouse ici présente, à laquelle l'honneur et la délicatesse imposent le silence.

«J'élève cependant ma voix, puisque je le puis sans compromettre ni l'honneur, ni la délicatesse, pour protester avec toute la force d'une conscience offensée contre le caractère politique qu'on veut prêter à l'agression faite à mon mari en Suisse par des hommes, qui, sans avoir peur de compromettre le nom de la démocratie, s'intitulent dans l'article anonyme ses représentants, mystifiant un fait, qui, étant de nature essentiellement privé et appartenant exclusivement à la lutte des passions, n'a absolument rien à faire ni avec la politique, ni avec le domaine de la publicité, et même ne peut y être livré sans crime.

«Convaincue de la satisfaction que chaque âme honnête éprou-

vera en voyant retiré de la fange d'un assassinat moral un nom cher à la démocratie, qu'on n'a pas eu peur de sacrifier à des vengeances personnelles, j'exige, Monsieur, la publication de ces lignes dans votre prochain numéro.

«Elles suffiront pour ce que je dois en paroles à la vérité et à la conscience publique.

«Le reste aux faits et au temps.

«Agréé, monsieur, l'expression de mon estime.

Emma Herwegh.

Nice, le 18 Juillet 1852.

Переводъ.

Мы получили слѣдующее письмо въ опроверженіе корреспонденці изъ Цюриха, касающейся г. Гервега и напечатанной въ нашей газетѣ отъ 13 числа текущаго мѣсяца. Наше безпристрастіе обявываетъ насъ напечатать это письмо съ примѣчаніемъ, что статья, отвѣтомъ на которую оно является, исходила не изъ редакціи «*Avenir*», а была простой перепечаткой изъ нѣсколькихъ газетъ, главнымъ образомъ, изъ «*Italia e Popolo*» и «*Journal du Târin*». Поэтому, мы въ полной мѣрѣ оставляемъ за собою оцѣнку событій, давшихъ поводъ къ этому спору.

Господинъ Редакторъ. Когда вы согласились напечатать на столбцахъ «*Avenir de Nice*» (№ 385) анонимную статью, единственная и очевидная цѣль которой—заклеймить позоромъ имя человѣка, прежняя дѣятельность котораго, всѣмъ извѣстная и пользующаяся уваженіемъ, принадлежитъ цѣлой націи, вы, конечно (я увѣрена въ этомъ), не думали, что поступаете неправильно, дѣлаясь сообщникомъ злого духа, продиктовавшаго тѣ строки; но вы были неправы въ другомъ отношеніи: вы забыли, что подвергаете жесточайшей пыткѣ жену, на которую честь и чувство такта налагаютъ молчаніе.

Однако, я поднимаю свой голосъ, потому что могу сдѣлать это, не компрометируя себя, чтобы протестовать со всей силой оскорбленнаго сознанія противъ политической окраски, которую хотятъ придать нападенію на моего мужа въ Швейцаріи. Люди эти, не боясь компрометировать имя демократіи, величаютъ себя въ анонимной статьѣ ея представителями и тѣмъ придаютъ ложную окраску факту, который, будучи по самой природѣ своей совершенно частнымъ и принадлежа исключительно къ области борьбы частей, не имѣетъ ничего общаго ни съ политикой, ни съ гласностью, и не можетъ быть преданъ ей, пока къ нему не примѣшается преступленіе.

Убѣжденная въ томъ, что каждый честный человекъ долженъ почувствовать удовлетвореніе, видя, какъ извлекается изъ грязи моральнаго убійства имя, дорогое для демократіи,—имя, которымъ не побоялись пожертвовать ради личной мести, я требую, Милостивый Государь, чтобы вы дали мѣсто этимъ строкамъ въ ближайшемъ номерѣ вашей газеты.

Ихъ будетъ достаточно для возстановленія истины и для удовлетворенія общественной совѣсти.

Остальное предоставимъ событіямъ и времени.

Примите выраженіе моего уваженія.

Эмма Гервег.

Ницца, 18 іюля 1852 г.

27 іюля въ «Neue Zürlicher Zeitung» появилось письмо Тесье де-Мотэ:

An die Redaktion «der Neuen Zürlicher Zeitung».

Zur Antwort auf einen Artikel von Georg Herwegh ersuche ich Sie und fordere Sie nötigenfalls auf, folgende wahrheitsgemässe Darstellung eines Vorfalles, dem ich *als Zeuge* beiwohnte, in Ihrer nächsten Nummer einzurücken.

Hr. Ernst Haug ersuchte einen seiner frühern Waffengefährten und mich, ihn in die Wohnung des G. Herwegh zu begleiten, welchem er eine Mitteilung von Seite einer Verstorbenen machen müsse, wozu er von der Verstorbenen auf ihrem Todbede beauftragt worden war. In dem Zimmer des G. Herwegh angelangt, eröffnete E. Haug diesem in kurzen Worten den Zweck unsers Besuches, erbrach ein versiegeltes, an G. Herwegh adressirtes Couvert, welches dieser mit scheinbar unverletztem Siegel zurückgeschickt hatte, nahm den Brief der Verstorbenen heraus und bat mich, denselben vorzulesen. In dem versiegelten Couverte fand sich, zu unserm Erstaunen, ein in den schmutzigsten Ausdrücken abgefasster Zettel von der Hand Herwegh's, welcher von diesem nur durch Erbrechen des Siegels und Fälschung desselben in das Couvert hineingebracht worden sein konnte. Während E. Haug diesen Zettel behändigte, las ich langsam und vernehmlich den Brief der Verstorbenen. Nach dieser Vorlesung verliess der andere Zeuge das Zimmer. G. Herwegh stammelte etwas von Ungültigkeit des Briefes. E. Haug fragte ihn nun, ob er jenen, in dem Couverte gefundenen Zettel als von ihm, Herwegh, geschrieben anerkenne. G. Herwegh stammelte, an allen Gliedern zitternd: Ja! E. Haug ballte hierauf den Zettel zusammen und warf ihm denselben in's Gesicht. Herwegh sprang nun zur Türe, öffnete dieselbe, *ohne dass wir uns ihm bis dahin genähert hätten*, und rief von dem Gange aus zur Stube herein: Sor-

tez! Wir blieben ruhig in dem Zimmer. Draussen rief G. Herwegh nach Kellnern, Hausknechten — dann nach Polizei und Gendarmen. Nachdem er so sämtliche Bewohner des Hauses alarmirt und auf Treppen und Gängen versammelt hatte, verliessen wir ebenfalls das Zimmer und *jetzt erst*, am Eingange der Treppe, näherte sich E. Haug dem Schreienden und gab ihm in Gegenwart der Zuschauer mit den Worten: «Nimm dies für den Gendarmen!» eine Ohrfeige. Im Erdgeschoss angelangt, bat E. Haug den herzueilenden Hauswirt, ihn in seine Wohnung zu begleiten, wo er demselben sein Bedauern ausdrückte, dass er den Frieden seines Hauses habe stören müssen, um einem Buben in verdienter Weise zu begegnen. Sodann übermachte er dem Wirt seine Adresse zu Händen Herwegh's. Die Antwort dieses letztern auf jene Provokation, *die einzige Art von Ausforderung*, welche Herwegh selbst durch sein Betragen möglich gemacht hatte, ist der berührte Artikel. Man wird keinem Manne von Ehre zumuten können, auf solche Schimpfereien zu antworten—mein einziger Zweck war die genaue Herstellung der Tatsachen, wie sie sich ereignet, vor dem grössern Publikum, an welches sich G. Herwegh gewandt hat.

Zürich, den 26 Juli 1852.

E. Tessié du-Motay.

Переводъ.

Въ редакцію «Новой Цюрихской Газеты».

Въ отвѣтъ на статью Георга Гервега я прошу и, въ случаѣ надобности, требую отъ Васъ помѣщенія въ ближайшемъ номерѣ Вашей газеты слѣдующаго правдиваго описанія происшествія, свидѣтелемъ котораго я былъ.

Господинъ Эрнстъ Гаугъ пригласилъ одного изъ прежнихъ своихъ товарищей по оружію и меня проводить его на квартиру г. Гервега, которому онъ долженъ былъ сдѣлать сообщеніе отъ имени одной умершей, что было возложено на него самой покойницей на ея смертномъ одрѣ. Войдя въ комнату г. Гервега, г. Гаугъ сообщилъ послѣдному въ краткихъ словахъ цѣль нашего посѣщенія, вскрылъ запечатанный, адресованный на имя г. Гервега конвертъ, который былъ ранѣе возвращенъ имъ съ неповрежденной на видъ печатью, вынулъ письмо покойной и попросилъ меня прочесть его вслухъ. Въ запечатанномъ конвертѣ я нашелъ, къ нашему изумленію, написанную въ самыхъ грязныхъ выраженіяхъ рукою Гервега записку, которая могла быть вложена имъ туда лишь посредствомъ вскрытія и поддѣлки печати. Я передалъ эту записку Гаугу, а самъ медленно и внятно прочелъ письмо покойной. Послѣ этого второй свидѣтель вышелъ

изъ комнаты. Г. Гервегъ что-то пробормоталъ о неподлинности письма. Э. Гаугъ спросилъ его тогда, признаетъ ли онъ, что найденная въ конвертѣ записка написана имъ? Г. Гервегъ пролепеталъ, дрожа всѣми членами: «Да!» Э. Гаугъ смялъ тогда записку и бросилъ ее ему въ лицо. Гервегъ подбѣжалъ къ двери, распахнулъ ее, хотя мы продолжали оставаться на мѣстѣ, и крикнулъ изъ коридора въ комнату: «Вонъ!» Мы преспокойно продолжали оставаться въ комнатѣ. Г. Гервегъ звалъ кельнеровъ, дворниковъ, затѣмъ полицію и жандармовъ. Когда онъ такимъ образомъ поднялъ на ноги всѣхъ жильцовъ дома и собралъ ихъ на лѣстницахъ и въ коридорахъ, мы также покинули комнату, и *только тогда*, при выходѣ на лѣстницу, Э. Гаугъ приблизился къ кричавшему Гервегу и далъ ему, въ присутствіи зрителей, пощечину со словами: «Вотъ тебѣ за жандармовъ!» Сойдя въ нижній этажъ, Э. Гаугъ попросилъ прибѣжавшаго домохозяина проводить насъ въ его квартиру, гдѣ выразилъ ему сожалѣніе по поводу того, что долженъ былъ нарушить покой его дома, чтобы проучить по заслугамъ одного мошенника. Затѣмъ онъ сообщилъ хозяину свой адресъ для передачи Гервегу. Отвѣтомъ послѣдняго на этотъ вызовъ, единственно возможный въ отношеніи Гервега, принимая во вниманіе его поведеніе была упомянутая статья. Никто не будетъ требовать отъ честнаго человѣка отвѣта на такую ругань; моей единственной цѣлью было точное возстановленіе передъ широкой публикой, къ которой обратился Г. Гервегъ, событій въ томъ видѣ, какъ они произошли.

Цюрихъ, 26 іюля 1852 г.

Э. Тессе дю-Мотэ.

38. Письмо Франсуа Вилле съ подлинника, хранящагося въ архивѣ семьи Герцена:

«P. P. ¹⁾ Herr G. Herwegh hat den Unterzeichneten beauftragt, Herrn v. Herzen, die demselben bereits Ende Januar von ihm (Herwegh) gestellte Herausforderung zu wiederholen. Herr Herwegh erklärt aber ausdrücklich dabei, dass dies *einzig und allein* deshalb geschieht, weil man den angeblichen Formfehler,—dass nämlich Herwegh diese Forderung damals *selbst direkt* an Herrn v. Herzen gerichtet hatte,—jetzt zum Vorwande gänzlich unbegründeter und unzurechtfertigender Angriffe und Ausfälle macht, obgleich jene Forderung damals durch Herrn Engelson beantwortet wurde, der einen Aufschub begehrte und für Herrn Herzen das Recht wahrte, selbst den angemessnen Zeitpunkt

¹⁾ Praemissis praemittendis—опуская титулъ; ставится впереди письма на мѣстѣ обращенія.

zu bestimmen. Herr Herwegh erklärt, dass er durch diese Wiederholung jener Forderung Herrn *Herzen* zu *nichts drängen* will, dass er ihm gänzlich *alles freistellt* und diesen ihm *schmerzlichen* Schritt nur deshalb tut, um nochmals feierlich zu bestätigen, dass er in dieser Angelegenheit *nur* mit Herrn *Herzen* zu tun haben kann und darf, und dass er niemandem, weder Herrn *Haug*, noch sonst jemandem aus irgend welchem Grunde, gestützt auf irgend welche mehr oder weniger echte Schriften, das Recht zugesteht, ihm Rechenschaft abzuverlangen. Indem der achtungsvoll Unterzeichnete Herrn Herwegh diesen Auftrag nicht ablehnen wollte und demgemäss die Ehre hat Herrn *Herzen* gegenwärtiges Schreiben zukommen zu lassen, will er nichts, als diese dem Herrn Herwegh abgedrungene Formalität erfüllen, und kann nur wünschen, im übrigen dieser Angelegenheit durchaus fremd zu bleiben und in seinem Urtheile, oder sonst wie, durchaus fern und unbetheiligt dazustehn. In den Formen der Höflichkeit, hochachtungsvoll und ergebenst.

Fr. Wille, dr.,
auf Malenfeld am Zürichsee.

Am siebten Juli 1852.

Переводъ.

Господинъ *Г. Гервегъ* поручилъ нижеподписавшемуся повторить г. *Герцену* сдѣланный этому послѣднему имъ (Гервегомъ), уже въ концѣ января, вызовъ. При этомъ, однако, г. Гервегъ опредѣленно заявляетъ, что это дѣлается имъ *исключительно* вслѣдствіе того, что допущенная имъ, будто бы, съ формальной стороны ошибка, а именно, что Гервегъ обратился тогда съ этимъ вызовомъ *лично* и *непосредственно* къ г. Герцену,—послужила теперь поводомъ къ совершенно необоснованнымъ и ничѣмъ неоправдываемымъ нападеніямъ и выходкамъ, хотя на этотъ вызовъ тогда отвѣтилъ г. Энгельсонъ, который требовалъ отсрочки и оставлялъ за г. *Герценомъ* право самому назначить подходящій срокъ. Господинъ Гервегъ заявляетъ, что настоящимъ повтореніемъ вызова онъ не желаетъ *ни къ чему принуждать* г. *Герцена*, что онъ предоставляет ему *полную свободу во всемъ* и только для того предпринимаетъ этотъ *прискорбный* для него шагъ, чтобы еще разъ торжественно подтвердить, что въ этомъ вопросѣ онъ можетъ и долженъ имѣть дѣло *лишь* съ г. *Герценомъ*, и что ни за кѣмъ, ни за г. *Гауиомъ*, ни за кѣмъ-либо другимъ онъ не признаетъ права требовать у него отчета на какомъ бы то ни было основаніи, опираясь на какіе бы то ни было болѣе или менѣе подлинныя документы. Не желая отказать г. Гервегу въ исполненіи этого его порученія и имѣя, такимъ обра-

зомъ, честь послать настоящее письмо г. Герцену, нижеподписавшійся не преслѣдуетъ никакой иной цѣли, кромѣ исполненія этой вынужденной у г. Гервега формальности, и можетъ только пожелать остаться во всѣхъ остальныхъ отношеніяхъ чуждымъ этому дѣлу и какъ въ своемъ сужденіи, такъ и во всемъ прочемъ, не принимать въ немъ участія и стоять отъ него въ сторонѣ.

За симъ имѣю честь засвидѣтельствовать свое глубокое уваженіе и преданность.

Д-ръ Фр. Вилле.

Седьмого іюля 1852.

Маленфельдъ, у Цюрихск. озера.

Жена Ф. Вилле, нѣмецкая романистка Элиза Вилле, говоритъ по этому поводу: «Напрасно Вилле старался положить конецъ открытымъ объясненіямъ Герцена съ Гервегомъ въ газетахъ и послалъ барону Герцену вызовъ Гервега. Тотъ отказался отвѣчать на этотъ вызовъ, въ виду рѣшенія лондонскаго суда чести, подъ предсѣдательствомъ Маццини». Она же говоритъ, что мужъ ея, вообще, стоялъ на сторонѣ Гервега («Fünfzehn Briefe von Richard Wagner», 76).

Ошибки здѣсь ясны. Обмѣнъ печатными объясненіями происходилъ позже письма Вилле; рѣшеніе «лондонскаго суда чести», подъ которымъ она разумѣетъ заявленія эмигрантовъ, состоялись также позже.

По свидѣтельству Р. Вагнера, Вилле былъ «наиболѣе близкимъ пріателемъ Гервега». «Въ студенческіе годы, какъ можно было судить по многочисленнымъ рубцамъ на его лицѣ, онъ много дрался на дуэляхъ... Приѣзжая къ Вилле, мы (Вагнеръ и Гервегъ въ 1852 г.—*М. Л.*) попадали въ типично-гамбургскую семейную обстановку, созданную заботами его жены, дочери богатаго пароходовладѣльца Сломана» («Моя жизнь», III, 40).

39. Письмо Рихарда Вагнера, приводимое съ подлинника, хранящагося въ архивѣ семьи Герцена:

«30 Juni 1852. Zürich.

«Geehrter Herr! Vor... ¹⁾ gab mir Herr Haug, der mir bis dahin unbekannt war, die Ehre seines Besuches, um mir Enthüllungen in einer Angelegenheit zu machen, die Sie leicht erraten werden, und von der ich bisher nur mit innerm Widerstreben und zu meiner wahrhaften Pein Kenntnis hatte gewinnen müssen. Aus der Mitteilung Herrn Haug's glaubte ich entnehmen zu dürfen, dass Sie ein mir nicht ungünstiges

¹⁾ Слово неразобрано.

Interesse darein setzten, mich auch Ihrerseits von dem Charakter jenes Verhältnisses belehrt zu wissen, in welchem Sie selbst auf eine so leidenvolle Weise beteiligt, und somit fühlte ich mich gedrungen, im unparteiischsten Sinne Sie meiner Hochachtungsvollen Teilnahme versichern zu lassen—einer Theilnahme, von der ich zu erkennen gab, dass namentlich Herwegh's eigene Mitteilungen über sein Verhältnis zu Ihrer Person, gerade auch der Intention dieser Mitteilungen angemessen, zuvor bereits sie mir geweckt hatten. Ich musste es jedoch aufgeben, Herrn Haug mich darüber verständlich zu machen, was ich bei genauerer Kenntnissnahme des von ihm mir dargestellten Verhältnisses im besondern Bezug auf Herwegh empfand; die mir gegenüberstehende Meinung zeigte sich mir so fertig und fest begrenzt und sie wurde mir in einer so prompten und kategorischen Weise mitgeteilt, dass ich die Unmöglichkeit fühlte, die meinige, auf unendlich weit motivirter Beurteilungsbasis ruhende, ebenso prompt und fertig mitteilen zu können, ohne mich nicht einem, zunächst vielleicht mir nachtheiligen, Missverständnisse auszusetzen. Im Bewusstsein von dieser meiner Lage begnügte ich mich damit, Herrn Haug zu bedeuten, dass es mir unmöglich sei ihm die Empfindungen deutlich auszudrücken, die ich, namentlich auch nach seinen Eröffnungen in Betreff Herwegh's, seines Verhältnisses zu Ihnen und seines Benehmens gegen Sie, hegte. Der unverkennbar widerliche Eindruck, den einzelne Züge seiner Enthüllungen auf mich machten, mein offenes Zugeständnis der Schwächen Herwegh's, sowie der Verweichlichung seines Wesens unter gesellschaftlichen Einflüssen, denen er in einer früheren Periode seines Lebens glücklich fern stand; endlich meine vollständige Enthaltung von irgendeinem Versuche, Ihren Freund von dem, was er in seinem fernern Verhalten zu Herwegh für gut und anständig finden möchte, abzubringen: dies zusammen dürfte jedoch, wie ich jetzt Grund erhalte zu vermuten, Herrn Haug vielleicht zu einem wirklichen Missverständnisse jener Äusserung von mir verleitet haben, indem er sie etwa dahin verstand, dass meine Meinung eine der seinigen gleiche, prompte und fertige sei.—Wäre dies der Fall, und wäre es Ihnen so berichtet worden, so müsste ich einen Widerruf für angemessen halten, da ich in dem vorliegenden Falle zu sehr ohne Leidenschaft bin, um meiner, nur im Erfassen des weitesten Zusammenhanges entstehender und wachsender Situationen sich gefallenden Weltanschauung so schroff zu widersprechen, als in der Kundgebung einer solchen Meinung es meinerseits geschehen sein würde.

«Sie begreifen gewiss die Pein, die mich die vorliegende Erklärung kostete, zumal wenn ich Sie versichere, dass der Gegenstand derselben mir, von seinem ersten Bekanntwerden an, nur den Wunsch

erweckte, ihn nicht kennen gelernt zu haben. Meine Teilnahme für Herwegh gilt einer Hoffnung—einer Hoffnung, mit der ich die Zukunft im Auge habe; keineswegs aber einer Erinnerung an Vergangenes. Ich begreife dagegen, dass Sie einzig nur noch eine Erinnerung an Herwegh empfinden können—eine Erinnerung—die, wie ich tief fühlte, für Sie so höchst trauriger Art sein muss, dass ich unmöglich im Stande wäre, Sie durch die Mittellung des Charakters meiner Hoffnung zu verletzen. Dennoch muss ich wünschen, dass diese Erklärung Ihnen einen Fingerzeig zur Beurteilung meines eigenen Charakters gebe, und wenn Sie erfahren sollten, dass ich in Betreff Herwegh's wahrlich nicht blind bin, und dennoch ihn nicht aufgebe!

«Mit aufrichtiger Hochachtung empfiehlt sich Ihr
sehr ergebener

Richard Wagner».

Переводъ.

Цюрихъ, 30 іюня 1852.

Милостивый Государь!... ¹⁾ назадъ г. Гаугъ, съ которымъ я до сего времени не былъ знакомъ, почтилъ меня своимъ посѣщеніемъ съ цѣлю дать мнѣ разъясненія по поводу хорошо извѣстнаго Вамъ дѣла, знакомство съ которымъ до этого вызывало во мнѣ отвращеніе и доставляло мнѣ истинныя страданія. Изъ сообщенія г. Гауга я могъ понять, что Вы, кажется, заинтересованы въ томъ, чтобы, съ своей стороны, познакомиться меня съ характеромъ отношеній, которыя доставляютъ Вамъ столько страданій, чѣмъ я не мало польщенъ. Я чувствовалъ себя поэтому обязаннымъ совершенно безпристрастно выразить Вамъ свое глубокое уваженіе и участіе,— участіе, которое, какъ я давалъ понять, еще раньше было возбуждено во мнѣ рассказами самого Гервега объ его отношеніяхъ къ Вамъ (что соотвѣтствовало и цѣли этихъ рассказовъ). Я долженъ былъ, однако, отказаться отъ мысли растолковать г. Гаугу, что я почувствовалъ по отношенію къ Гервегу послѣ ближайшаго ознакомленія съ обстоятельствами дѣла, какъ оно было имъ представлено мнѣ; его мнѣніе показалось мнѣ такимъ законченнымъ и опредѣленнымъ, и высказано оно было въ такой точной и категорической формѣ, что я почувствовалъ невозможность выразить въ столь же точной и категорической формѣ свое мнѣніе, покоющееся на безконечно болѣе общихъ основаніяхъ, боясь недоразумѣній, которыя могли бы въ ближайшемъ будущемъ оказаться не въ мою пользу. Сознавая свое положеніе, я только далъ понять г. Гаугу, что не могу пред-

¹⁾ Слова неразобранны.

ставить ему ясную картину ощущений, которыя послѣ его разоблаченій я испытываю къ Гервегу, и которыя возбуждаются во мнѣ его отношеніемъ къ Вамъ и всѣмъ его поведеніемъ. Несомнѣнное отвращеніе, вызванное нѣкоторыми подробностями его разоблаченій, мое откровенное признаніе слабостей Гервега, а также изнѣженности его характера подъ влияніемъ общественныхъ условій, которыя были ему, къ счастью, чужды въ болѣе ранній періодъ его жизни, наконецъ, мое полное воздержаніе отъ какихъ-либо попытокъ удержать вашего друга отъ исполненія въ будущемъ того, что онъ счелъ бы справедливымъ по отношенію къ Гервегу,—все это вмѣстѣ могло, какъ я имѣю теперь основаніе думать, привести г. Гауга къ невѣрному истолкованію моихъ словъ, а именно: онъ могъ подумать, что я считаю мое мнѣніе такимъ же законченнымъ и категоричнымъ, какъ его. Если это такъ, и если дѣло передано Вамъ въ такомъ именно духѣ, то я считаю умѣстнымъ выступить съ опроверженіемъ, такъ какъ въ этомъ случаѣ я слишкомъ чуждъ всякаго пристрастія, чтобы такъ сильно противорѣчить своему міровоззрѣнію, привыкшему смотрѣть на возникновеніе и ростъ отношеній съ самой широкой точки зрѣнія.

Вы, конечно, поймете, какого труда стоило мнѣ это объясненіе, особенно, если я скажу Вамъ, что все это дѣло, начиная съ перваго знакомства съ нимъ, возбуждало во мнѣ только одно желаніе—не знать его. Мое участіе къ Гервегу объясняется надеждой,—надеждой на будущее, а вовсе не воспоминаніемъ о прошлѣмъ. Съ другой стороны, я глубоко чувствую, что для Васъ это воспоминаніе такъ тяжело, что не считаю возможнымъ оскорблять его сообщеніемъ о характерѣ своей надежды. Все же я высказываю пожеланіе, чтобы это объясненіе послужило для Васъ нѣкоторымъ указаніемъ при сужденіяхъ о моемъ собственномъ характерѣ, даже если Вы узнаете, что я не закрываю глазъ на Гервега и, тѣмъ не менѣе, не ставлю на немъ креста.

Съ искреннимъ уваженіемъ
преданный Вамъ
Рихардъ Вагнеръ.

Изъ мемуаровъ Вагнера остается заимствовать нѣсколько штриховъ.

«Въ новомъ 1851 г. къ этой компаніи (цюрихское общество эмигрантовъ въ 1850 г., состоявшее изъ Адольфа Колачека, Рейнгольда Зольгера и др.—*М. Л.*) присоединился еще Георгъ Гервегъ, котораго я въ одинъ прекрасный день, къ величайшему изумленію, встрѣтилъ въ квартирѣ Колачека. Обстоятельства, нѣсколько не-

пріятнаго для меня характера, приведшія его въ Цюрихъ, сдѣлались мнѣ извѣстны гораздо позже. Гервегъ приобрѣлъ изысканныя манеры и держался въ обществѣ съ надменностью избалованнаго аристократа своего вѣка. Рѣчь его, уснащенная французскими восклицаніями, еще рѣзче подчеркивала изысканность его внѣшняго облика. Но тѣмъ не менѣе вся его наружность, его живые глаза и привѣтливое обращеніе производили въ высшей степени пріятное впечатлѣніе и сразу привлекали къ нему людей. ....Мало-по-малу мы съ Гервегомъ сблизились... Сердечная, почти нѣжная дружба упрочилась между нами, когда я сообщилъ Гервегу о новой драматической поэмѣ, которою предпологалъ заняться». Въ іюнѣ 1852 г. Вагнеру «пришлось столкнуться съ чрезвычайно непріятнымъ дѣломъ, касавшимся Георга Гервега. Въ одинъ прекрасный день ко мнѣ явился нѣкій г. Гаугъ, отрекомендовавшійся «римскимъ генераломъ» времени Маццини, и, сообщивъ о глубокомъ оскорбленіи, нанесенномъ одной семьѣ «несчастливымъ лирикомъ», пытался склонить меня къ своего рода заговору противъ Гервега, но получилъ рѣшительный отказъ». Въ іюлѣ Вагнеръ получилъ отъ Гервега письмо; «онъ особенно боялся, какъ бы меня не убѣдили доводы его противника и не вызвали у меня нелестнаго о немъ мнѣнія. Я вполне успокоилъ его на этотъ счетъ». Гервегъ собирался писать большую поэму съ изложеніемъ въ ней всѣхъ своихъ взглядовъ на жизнь. Вагнеръ ждалъ чего-то большого. «Вилле говорилъ, что мы много ждемъ отъ Гервега. Это—просто хорошій швабъ, который, благодаря еврейскому нимбу, въ который онъ попалъ изъ-за жены, прославленъ и оцѣненъ выше своихъ способностей. Подъ конецъ я молча пожималъ плечами, выслушивая эти безнадежные и безрадостные отзывы, ибо и самъ видѣлъ, что съ каждымъ годомъ бѣдный Гервегъ становится все болѣе и болѣе бездѣятельнымъ, все больше и больше опускается» («Моя жизнь», III, 15—16, 36, 37, 40, 87—88).

40. Къ свѣдѣнію интересующихся дальнѣйшей судьбой Гервега сообщу, что, судя по «Письмамъ» Лассалья, онъ и Марксъ принимали участіе въ денежныхъ дѣлахъ Гервега въ 1852 г. «Что касается Гервега, то я имѣю теперь—писалъ Лассаль Марксу въ декабрѣ 1852 г.,—уже два письма Мейена, касающіяся его, въ которыхъ меня просятъ обратиться къ графинѣ (Гацфельдтъ—*М. Л.*), чтобы она сдѣлала что-нибудь для него. Само собой понятно, что я или графиня очень охотно сдѣлаемъ для облегченія его положенія все, что только возможно при нашихъ слабыхъ силахъ. Но если Мейенъ и Гервегъ, какъ это кажется, думаютъ, что графиня *одна* въ состояніи сдѣлать что-нибудь стоящее вниманія для Гервега, то они, къ сожа-

лѣнію, сильно ошибаются. Такъ, чтобы достать сумму, которая хоть заслуживала труда, я долженъ обратиться къ знакомымъ, тѣмъ болѣе, что кельнское несчастье потребовало отъ насъ снова большихъ жертвъ... Я думаю, что въ теченіе 14 дней смогу послать Гервегу денежную посылку, которая будетъ заключать въ себѣ плоды всѣхъ моихъ стараній. Тамъ какъ Мейенъ писалъ мнѣ дважды по этому дѣлу, то долгъ вѣжливости требуетъ, чтобы я ему отвѣтилъ, тѣмъ болѣе, что мы почти совершенно не знаемъ другъ друга» (стр. 57.). Мейенъ былъ пріятелемъ Кинкеля, издателемъ раньше «Demokratische Zeitung», членомъ центр. комитета, избраннаго на Франкфуртскомъ конгрессѣ. Позже Лассаль близко сошелся съ Гервегомъ и Рюстовымъ. Все это указываетъ, какъ Гервегъ и дальше не могъ перестать жить на чужой счетъ и занять самостоятельное положеніе, безъ прикомандированія себя къ тому или другому видному дѣятелю. До 1856 г. онъ жилъ въ Цюрихѣ, всѣми оставленный, одно время даже женой; въ 1856 г. пробовалъ вернуться къ политической дѣятельности, писалъ статьи, стихи, сатиры, сблизился съ Рюстовымъ. Въ 1860—1864 гг. сблизился съ итальянцами и въ ихъ числѣ съ Маццини; съ 1866 г. жилъ въ Баденъ-Баденѣ, переводилъ Шекспира, выступалъ съ памфлетами, но все это не привлекало къ нему широкаго вниманія общества. Умеръ въ 1875 г. (V. Fleury, «Le poète G. Herwegh»).

Къ комментаріямъ, сдѣланнымъ мною въ своемъ мѣстѣ въ V—VII томахъ и здѣсь, остается прибавить немного.

Н. А. Огарева писала Герцену лѣтомъ 1852 г.; «Милый другъ Саша, и хорошо, и больно было намъ. Кто могъ такъ повредить ей, не знаю, но отгадываю; но кто бы ни былъ, все равно, горе и желчь, вотъ что возбудило твое письмо. Если, платя долги, ты погибнешь, вѣрь—мы за тебя заплатимъ. Одно на умѣ—увидѣться, наплакаться, наговориться, приѣзжай же(?)... Да, надо скорѣй къ малюткамъ; если-бъ ты зналъ, какъ я ихъ люблю! Это, все-таки, она же. Давай жить для нихъ, пока имъ нужно! Ну, прощай, дай руку! Хотѣла-бъ я облиться слезами, ты — мученикъ!» («Русскіе Пропилеи», IV, 128). Позже: «Ты опечаленъ, что мы не догадались, кто твой врагъ. Я угадывала его по своей антипатіи. Видя васъ въ такихъ близкихъ отношеніяхъ, я почти не выражала чувства, которія онъ пробуждалъ во мнѣ, я боялась васъ оскорбить. Онъ мнѣ не нравился, казался трусомъ, но я отъ него не ожидала злодѣйства. Мы одного отъ тебя просимъ: до нашего свиданія не

лиши никому объ немъ; тутъ все иначе истолкуютъ; мы твоихъ писемъ никому не показываемъ» (тамъ же, 131).

Ч. Вѣтринскій, основываясь на вздорныхъ источникахъ и не вникнувъ въ настоящій смыслъ разсказа Герцена, говоритъ, что, потрясенный всѣмъ происшедшимъ, Герценъ «казался умственно поврежденнымъ» («Рус. Биограф. словарь», 114). Заносу это, какъ, вообще, одинъ изъ курьезовъ въ литературѣ о Герценѣ,—а ихъ сотни.

Наконецъ, теперь, когда читатель самъ можетъ вынести свой продуманный и прочувствованный приговоръ, приведу заключение, сдѣланное Юлиемъ Эккардтомъ:

«Избалованный съ дѣтскихъ лѣтъ всѣми окружающими, Герценъ еще юношей находился во власти такого безмѣрнаго тщеславія, что рѣшительно не переносилъ критики или возраженій, и одно единственное слово увѣщанія или упрека было способно испортить на полдня его въ другихъ случаяхъ неизмѣнно хорошее настроеніе. Это самое тщеславіе въ послѣдствіи совершенно испортило отношенія къ его нѣжно-любимой, въ своемъ родѣ превосходной женѣ и ко многимъ изъ его наиболѣе расположенныхъ и честныхъ друзей и увлекало его къ безумствамъ и ошибкамъ, для которыхъ, именно съ его точки зрѣнія, не было никакихъ оправданій. Съ Бѣлинскимъ онъ разошелся на цѣлые годы изъ-за различія во взглядахъ на одно стихотвореніе; своей женѣ онъ не могъ простить, что она, послѣ смерти ребенка, избѣгала свѣтскаго общества и интеллигентныхъ круговъ, блистать въ которыхъ стало для него жребиемъ. Власть, которую имѣли надъ нимъ тщеславіе, дурной примѣръ и ранняя привычка, дѣйствовала такъ демонически, что онъ, врагъ всякой аристократической заносчивости и всѣхъ общественныхъ предрасудковъ, находясь въ большомъ блестящемъ обществѣ, способенъ былъ иной разъ дѣлать видъ, что не замѣчаетъ своихъ друзей, если тѣ находились въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ и соотвѣтственно этому держали себя скромно и незамѣтно. Онъ, этотъ великій демократъ и социалистъ, придавалъ такъ много значенія репутациі знатнаго денди, что способенъ былъ ухаживать за самыми глупыми гусынями, если онѣ были въ модѣ, и что, къ отчаянію своей жены, онъ читалъ дамамъ свои стихи и статьи,—дамамъ, которымъ для ихъ пониманія не хватало всего, что было нужно. Во время невольнаго пребыванія во Владимірѣ отношенія между супругами были образцовыя; счастію обоихъ не было конца; но искушенію высшаго московскаго свѣта гордый демагогъ могъ такъ же мало противостоять, какъ если бы онъ былъ простымъ лейтенантомъ. Первая домашнія тренія заставили его броситься съ головою въ развратъ, который сдѣлалъ его еще несчастнѣе, чѣмъ

его жену, и отвѣтственность за который онъ, подобно слабымъ характерамъ, возложилъ не на себя самого, но на «обстоятельства». Послѣ смерти своего отца, который оставилъ ему почти полмилліона, мысль, что онъ сталъ богатымъ человѣкомъ, въ такой степени вывела его изъ равновѣсія, что своею безтактностью онъ приводилъ въ раздраженіе самыхъ близкихъ друзей, и одинъ изъ нихъ, историкъ Грановскій, въ буквальномъ смыслѣ слова, былъ вынужденъ призвать его къ порядку» («*Russland vor und nach dem Kriege*», — 55—56).

Здѣсь такъ мало правды и такъ много сознательной лжи, что опровергнуть ее легко каждому читателю настоящаго изданія безъ всякой моей помощи.

41. Сидѣвшій на одной съ Сазоновымъ студенческой скамьѣ К. С. Аксаковъ такъ характеризуетъ его: «Студенты изъ перваго курса перешли на второй, но изъ нихъ не было никого, особенно замѣчательнаго. Замѣчательнѣе другихъ былъ Сазоновъ, перешедшій изъ другого отдѣленія и принадлежавшій къ кружку Герцена, кружку совершенно иного склада, чѣмъ кружокъ Станкевича, кружку, любившему тогда эфффекты и картинность. Сазоновъ былъ человѣкъ умный, но фразеръ и эффектеръ; онъ старался со мною сблизиться, желая сдѣлать изъ меня прозелита, чего ему, однако, не удалось... Сазоновъ считался первымъ студентомъ; я, кажется, — вторымъ; насколько справедлива была такая оцѣнка, это — другой вопросъ. Сазоновъ, точно, былъ человѣкъ очень образованный, очень много читавшій, впрочемъ, преимущественно французскихъ писателей; но въ особенности онъ умѣлъ ловко себя держать, умѣлъ придавать себѣ вѣсъ. Я помню, случалось, что онъ не знаетъ того, о чемъ его спрашиваетъ профессоръ, отвѣчаетъ, ошибается, но все это съ такимъ чувствомъ собственнаго достоинства, съ такой увѣренностью въ себѣ, что и профессору казалось, что Сазоновъ прекрасно отвѣчаетъ. Если профессоръ поправлялъ явную ошибку Сазонова, Сазоновъ соглашался на поправку профессора или какъ бы съ снисхожденіемъ или же, какъ на дѣло, ему совершенно извѣстное, но о которомъ онъ, странно въ самомъ дѣлѣ, какъ будто позабылъ. ...Я говорилъ Сазонову о его ловкости, онъ смѣялся и совѣтовалъ мнѣ такъ же дѣйствовать» («Воспоминаніе студентства», 30, 32—33).

Такимъ образомъ ясно, что оцѣнка Аксакова вполне совпадаетъ съ сказаннымъ Герценомъ.

42. За изученіе социализма принялись не всѣ члены дружескаго кружка. Для внутренняго міра друзей Сень-Симонъ оказался пробнымъ камнемъ. В. В. Пассекъ ушелъ въ русскую исторію,

А. Н. Савичъ не рѣшился покинуть математику, Кетчеръ не выказалъ силы въ стремленіи по новому пути. Кружокъ сузился и тѣснѣе замкнулся.

Въ данное время намъ трудно настолько абстрагировать свое міропониманіе, настолько отрѣшиться дѣтъ многого, что для насъ является уже азбукой, и настолько, наконецъ, слиться съ эпохой тридцатыхъ годовъ прошлаго столѣтія, чтобы вполне ясно и отчетливо понять, чѣмъ было тогда для современниковъ ученіе сенъ-симонистовъ. Но несомнѣнно, что для своего времени и Сенъ-Симонъ и его талантливые послѣдователи (Базаръ, Анфантенъ и Родригъ) были гениальными новаторами въ области пониманія общественныхъ явленій. Нѣтъ нужды, что они не блистали логическимъ, синтетизирующимъ умомъ, что они многое понимали, какъ это ясно теперь, неправильно: они внесли въ науку позитивный взглядъ на исторію, они дали здоровый зародышъ идей экономическаго матеріализма; они утверждали, что принципомъ права собственности только и можетъ быть общественная польза; они, наконецъ, превозгласили девизъ: каждому по способностямъ, а каждой способности по ея трудамъ. Уже этого одного было, конечно, достаточно, чтобы увлечь молодежь, искавшую теоретическаго обоснованія своему идеалистическому либерализму. По справедливому замѣчанію Шпербера, по мѣрѣ того, какъ Герценъ проникалъ въ ученіе Сенъ-Симона, его реалистически-натуралистическое міросозерцаніе крѣпло и развивалось; отрѣшеніе отъ дуализма во всѣхъ его видахъ становилось все рѣшительнѣе. Но вліяніе сенъ-симонистовъ сказалося въ немъ еще и другой чертой, той самой, которую мы находимъ также и въ Прудонѣ. Всѣ они, отодвигая на задній планъ страсти и чувства, предоставляли безграничный просторъ разуму и не заботились о практической примѣнимости своихъ истинъ, предпочитая справедливое возмозному, теоретически доказанное практически осуществимому («Die social-politischen etc.»).

Насколько молодые друзья были увлечены прошумѣвшимъ когда-то въ Европѣ ученіемъ, можно видѣть изъ слѣдующаго отрывка огаревской «Исповѣди лишняго человѣка»:

Я помню, разъ—тогда была весна,
И талый снѣгъ едва кѣй-гдѣ бѣлѣлся,
И мутные ручьи текли вдоль улицъ...
Я съ другомъ шель куда-то далеко—
Край города... Тамъ третій жилъ товарищъ.
Мы бодро шли, толкуя межъ собой
И шлепая калошами по грязи.
Я помню комнатку аршиновъ въ пять,
Кровать да стулъ, да столъ съ свѣчею сальной...

И тутъ втроемъ мы, дѣти декабристовъ
 И міра новаго ученики,
 Ученики Фурье и Сень-Симона,
 Мы поклялись, что посвятимъ всю жизнь
 Нагоду и его освобожденью,
 Основою положимъ соціальизмъ,
 И чтобъ достигъ священной нашей цѣли,
 Мы общество должны составить втайнѣ
 И втайнѣ шагъ за шагъ распространять.
 Товарищъ нашъ, глубоко религіозный,
 Торжественно предъ нами развернулъ
 Большую книгу въ буромъ переплетѣ
 Со сдѣржками... И мы клялись надъ ней,
 И бросились другъ другу мы на шею,
 И плакали въ восторгѣ молодомъ...
 И въ жизни слезъ я не припомню чище!.. («Рус. М.» 1904, VII, 9).

Другъ—Герценъ, третій товарищъ—Сазоновъ. Огаревъ ошибался: съ Фурье друзья познакомились позже. Сцена клятвы предъ евангеліемъ, несомнѣнно, воспроизведена вполне вѣрно.

Такимъ образомъ образовался кружокъ Герцена и, благодаря своимъ, главнымъ образомъ, политическимъ стремленіямъ, обособился отъ другихъ кружковъ, въ томъ числѣ и отъ кружка Станкевича. Это, однако, не значитъ, что «въ 1834 Герценъ сталъ социалистомъ-революціонеромъ», какъ сказано въ весьма слабой и поверхностной «Справочной книгѣ социалиста» (I, 188) Гуго и Штегмана, очень неряшливо изданной подъ редакціей Богучарскаго и Л. З. Марковича.

Сазоновъ тоже оставилъ намъ абрисъ ихъ кружка. Вотъ что онъ написалъ въ 1860 году: «Все, начиная съ нашихъ костюмовъ, указывало на самую причудливую смѣсь: зимой мы носили черные бархатные береты à la Карлъ Зандъ и трехцвѣтные французскіе шарфы. На собраніяхъ нашего кружка мы декламировали запрещенныя стихотворенія Рылѣва и Пушкина и распѣвали наполеоновскіе куплеты Беранже на ряду съ антифранцузскими пѣснями Арндта, Уланда и Кернера. Наше чтеніе было еще болѣе разнообразнымъ: мы съ одинаковымъ усердіемъ разыскивали тогда еще очень рѣдкіе документы, относящіеся къ французской революціи, и сочиненія Шеллинга и Окена по натурфилософіи. Начиная съ мистическихъ прорицаній Якова Бема и вплоть до ямбовъ Барбье и «Шагреневои кожи» Бальзака, — все волновало насъ, все насъ интересовало и вызывало въ насъ энтузіазмъ, иногда монотонный и безплодный, но всегда искренній» («Gazette du Nord» 1860, 26 mai).

Гр. Рязанову въ характеристикѣ Герцена почему-то «чувствуется критическое и насмѣшливое отношеніе къ тому восторженному

тону, который, съ легкой руки Огарева и Герцена, господствовалъ въ кружкѣ». Мало того, чтобы еще рѣзче отгородить Сазонова-юношу отъ его тогдашнихъ друзей, гр. Рязановъ, не имѣя никакихъ данныхъ, смѣло утверждаетъ: «и *вѣроятно*, вызывалъ протестъ со стороны Сазонова» (стр. 161). Это «вѣроятно» очень характерно для всей статьи гр. Рязанова. «*Вѣроятно*, Сазоновъ познакомилъ Герцена съ Гервегомъ» (стр. 165); «*навѣрное* Сазоновъ и Марксъ опять встрѣтились» (кн. IX, стр. 147); «*вѣроятно*» Сазонову пришлось оставить Парижъ послѣ 2 декабря 1851 г. (стр. 157) и т. д.

43. Гр. Рязановъ, котораго и дальше мнѣ придется часто правлять, взялъ на себя трудъ «реабилитировать» Сазонова отъ «пристрастной» характеристики его Герценомъ и сдѣлалъ это съ гораздо меньшей обстоятельностью и убѣдительностью, чѣмъ многія другія свои работы.

Онъ полагаетъ, что настоящая глава «представляетъ еще въ большей степени смѣсь Wahrheit und Dichtung (правды и вымысла), которая придаетъ мемуарамъ Герцена такую своеобразную прелесть, но въ то же время дѣлаетъ ихъ зачастую крайне ненадежнымъ «историческимъ документомъ» («Совр. Миръ» 1912, VIII, 160).

Объясняетъ это гр. Рязановъ такъ:

«Воспоминанія Герцена о Сазоновѣ были писаны подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ начавшихся уже столкновеній со всякими «желчевиками», російскими и заграничными, и, давая характеристику Сазонова, Герценъ преслѣдовалъ «дидактическую» цѣль. Герцену «ужасно хотѣлось спасти молодое поколѣніе отъ исторической неблагодарности и даже отъ исторической ошибки». Примѣръ Сазонова и Энгельсона долженъ былъ показать, что и «реальный смыслъ и реальное пониманіе жизни именно и обнаруживается въ остановкѣ передъ крайностями». Мы увидимъ еще, что, кромѣ этой «дидактической» тенденціи, въ отношеніи Герцена къ Сазонову играло роль также поведеніе послѣдняго въ одномъ дѣлѣ, очень дорогомъ для Герцена ¹⁾. И все же трудно понять, какъ могъ глубоко чувствовавшій и нравственно чуткій Герценъ чуть ли не на другой день послѣ смерти стараго друга, при извѣстіи о которой, по его собственнымъ словамъ, у него «стукнуло сердце—будто раскаянемъ», что я его такъ «долго оставилъ», дать такое дышащее злобой и не только несправедливое, но и мало правдивое изображеніе всей частной жизни Сазонова» (тамъ же, 164—165).

¹⁾ Читатель статьи гр. Рязанова увидѣлъ въ этомъ направленіи очень мало, но, во всякомъ случаѣ, все имъ сказанное извѣстно нашему читателю изъ XLIII—L главъ «Былого и думъ».

Рукопись этой главы не сохранилась, поэтому ни утверждать, ни отрицать того, что утверждаетъ гр. Рязановъ, у меня нѣтъ никакого документальнаго основанія; во всякомъ случаѣ замѣчу, что въ 1863 г., когда глава писалась, никакихъ обостреній Герценъ горько уже не чувствовалъ, онъ былъ еще на высотѣ своего общественнаго вліянія. Отрицать право публициста вступать на путь искренней дидактики, разумѣется, нельзя, а насколько искренно и правдиво все изложеніе Герцена, читатель убѣдится изъ комментаріевъ.

44. Ту же черту подмѣтила и А. Я. Головачева-Панаева. «Дешевый ресторанъ (въ Парижѣ 1844 г.—*М. Л.*), куда мы ходили обѣдать, сдѣлался сборнымъ пунктомъ русскихъ путешественниковъ. Часто удостоивалъ являться туда Сазоновъ, уже четыре года какъ поселившійся въ Парижѣ. Онъ корчилъ аристократа, брюзжалъ на то, что невозможно обѣдать въ такомъ кабакѣ, сердился на гарсона за то, что тотъ плохо ему сервируетъ обѣдъ, заказывалъ всегда себѣ дорогія блюда» («Воспоминанія», 136).

45. Въ 1841 г. Чаадаевъ писалъ А. И. Тургеневу: «есть въ Парижѣ русскій, человѣкъ необыкновеннаго ума, по имени Сазоновъ, котораго, къ крайнему моему удивленію, не знаешь. Онъ находится въ Парижѣ по препорученію министра г. имуществъ, слѣд., officialный человѣкъ, et vous ne risquez, mon pauvre cher libéral de vous compromettre, en lui rendant service (и вы не рискуете скомпрометировать себя, мой дорогой либераль, оказавши ему услугу). Найди его и постарайся ему пригодиться» («Сочиненія», I, 240).

46. Гр. Рязановъ утверждаетъ, что клубъ, учрежденный Сазоновымъ, былъ «извѣстнымъ» тогда «Club de la Fraternité des Peuples», членами котораго состояли также Герценъ и Гервегъ. Врядъ ли справедливы и эти всѣ указанія. Авторъ книги «Les clubs et les clubistes» А. Lucas точно называетъ президентомъ этого клуба Rebstock'a; правда, Герценъ въ изд. 1851 г. своего сочиненія «Du développement des idées révolutionnaires en Russie» говоритъ, что президентомъ его былъ Иванъ Головинъ, но это не значитъ, что послѣдній былъ его основателемъ или постояннымъ президентомъ; весьма вѣроятно (что мною и указано на стр. 684 т. VI), что, за отсутствіемъ Rebstock'a, Головинъ предсѣдательствовалъ въ немъ нѣсколько разъ или нѣкоторое время. Во всякомъ случаѣ нѣтъ никакихъ указаній (по крайней мѣрѣ, гр. Рязановъ ихъ не привелъ), что именно этотъ клубъ былъ основанъ Сазоновымъ, который въ такомъ случаѣ былъ бы и его президентомъ, какъ это дѣлалось въ то время, за исключеніемъ президентства крупныхъ фигуръ, которыхъ выдвигали основатели нѣкоторыхъ клу-

бовъ, но Rebstock никоимъ образомъ не можетъ быть причисленъ жъ сколько-нибудь выдающимся именамъ.

Клуба, основаннаго Сазоновымъ, Люка, вообще, не называетъ, и даже больше—имена русскихъ эмигрантовъ вовсе отсутствуютъ въ числѣ членовъ какого-бы то ни было клуба, между тѣмъ, какъ всѣ другія національности налицо. Съ другой стороны, оперируя съ объективными данными въ видѣ списковъ членовъ, программъ, уставовъ, воззваній и т. п., Люка, конечно, не пропустилъ умышленно немногихъ представителей русской эмиграціи. Отсюда напрашиваются выводы: во-первыхъ, послѣдніе могли быть заурядными членами клубовъ, не играя въ нихъ никакой роли, и списка такихъ членовъ Люка не приводитъ—ихъ были десятки тысячъ, какъ клубовъ было нѣсколько сотъ; во-вторыхъ, клубъ Сазонова, по своей незначительности, не включенъ въ работу Люка, что совершенно сходится съ оцѣнкой, данной ему и Герценомъ. Достаточно вникнуть въ перечень лицъ, названныхъ въ рѣчи Тардифомъ, чтобы понять, что такой клубъ не былъ долговѣченъ сравнительно даже съ непродолжительнымъ срокомъ существованія наиболѣе многочисленныхъ и вліятельныхъ клубовъ.

Любопытно, что имена собравшихся на открытіе сазоновскаго клуба также вовсе отсутствуютъ въ перечнѣ именъ книги Люка. Не доказываетъ ли это еще разъ, что всѣ они принадлежали къ неназванному ничтожному клубу?

«Извѣстность» клуба «Братства народовъ» тоже очень проблематична, и Люка не придаетъ ему сколько-нибудь серьезнаго значенія.

Гр. Рязановъ аргументируетъ «извѣстность» указаніемъ Герцена въ названномъ его изданіи 1851 г., гдѣ, «перечисляя европейцамъ заслуги Головина», онъ отмѣчаетъ его президентство. Какъ будто гр. Рязановъ не понималъ, зачѣмъ Герцену надо было говорить о заслугахъ даже Головина, котораго, кстати сказать, тогда онъ еще не зналъ хорошенько. Развѣ такъ неясны политическія и тактическія соображенія автора работы о развитіи революціонныхъ идей въ Россіи? Тогда почему бы не зачеркнуть всѣ позднѣйшія статьи Герцена о Бакунинѣ, основываясь на томъ, что въ 1851 г. онъ назвалъ его «глубокимъ мыслителемъ»...

Наконецъ, принадлежность Герцена къ числу членовъ клуба «Братства народовъ» тоже очень проблематична.

47. Этотъ упрекъ Сазонову несправедливъ. Гр. Рязановъ правъ, указывая на возможность для него тѣхъ же причинъ разрыва, по которымъ Герценъ ничего не написалъ въ «Tribune des Peuples».

Не правъ онъ только, утверждая, что Герценъ былъ членомъ редакціи этой газеты (стр. 169).

48. Гр. Рязановъ утверждаетъ, что все, сказанное объ участіи Сазонова въ «La Voix du Peuple», невѣрно и фантастично; по его заключенію, Сазоновъ въ немъ не работалъ (стр. 173).

Привожу выдержку изъ письма его къ Огареву отъ 15 ноября 1849 г., недоставленнаго послѣднему и хранящагося въ архивѣ семьи Герцена: «Извѣстный тебѣ субсидаторъ народнаго голоса пристроилъ меня къ этой газетѣ, гдѣ я работалъ сначала съ увлеченіемъ, но поладить съ патрономъ и его дарю мондомъ трудно и думаю, что надо бросить эту компанію. Скажи сестрѣ Маріи (М. И. Полуденская), что я давно жду денегъ, о которыхъ она писала съ мѣсяць назадъ». Ясно, что субидаторъ — Герценъ, патронъ—Прудонъ, дарю мондъ—Даримонъ.

Привожу кстатѣ письмо Прудона къ Сазонову, неизвѣстное на родинѣ знаменитаго французскаго социалиста:

«Mon cher Monsieur Sasonoff, je suis moi-même retenu à la maison par l'arrivée d'un ami de province, et d'ailleurs, vous le savez, par l'incapacité absolue d'accepter un diner en ville.

«Je verrai avec plaisir votre ami si la prolongation de son séjour à Paris ou l'état de mon cerveau me permettraient de se rencontrer avec vous quelque soir. Pour aujourd'hui je vous prie de nouveau de m'excuser et je crains fort de ne pouvoir mieux dire toute la semaine. Je vous serre la main.

P.-J. Proudhon».

Переводъ.

Дорогой господинъ Сазоновъ, меня удерживаетъ дома пріѣздъ пріятели изъ провинціи, и, кромѣ того, вы знаете, я абсолютно неспособенъ принять приглашеніе на обѣдъ въ городѣ.

Съ удовольствіемъ повѣдаю вашего друга, если удлиненіе срока его пребыванія въ Парижѣ, а также состояніе моего мозга позволятъ мнѣ провести съ вами вечерокъ. На сегодня же опять прошу извинить меня; боюсь, что всю недѣлю я не скажу вамъ ничего лучшаго. Жму вашу руку.

П.-Ж. Прудонъ.

49. Виновниками заключенія Сазонова въ Клиши гр. Рязановъ считаетъ его друзей: «друзья не поспѣшили на помощь, и Сазоновъ, дѣйствительно, попалъ за долги въ Клиши»—и находитъ, что «Герценъ съ какимъ-то особеннымъ удовольствіемъ расписываетъ этотъ эпизодъ изъ біографіи стараго товарища, касаясь са-

мыхъ интимныхъ сторонъ жизни Сазонова съ грубостью, которая можетъ быть объяснена, но не оправдана, лишь *глубокой ненавистью*» (стр. 163).

Гр. Рязановъ недоумѣваетъ, какъ Герценъ могъ знать такія подробности объ эпизодѣ съ освобожденіемъ Сазонова изъ тюрьмы, когда самъ былъ въ это время въ Россіи? Разрѣшеніе недоумѣнія совершенно просто: Герценъ нигдѣ не говоритъ, что сестра Сазонова пріѣхала къ нему *въ Парижъ*, и почему не допустить, что, исполнивъ свою миссію, она вернулась домой и была у Герцена въ Москвѣ, черезъ которую ей надо было возвращаться въ Рязанскую губернію? На дѣлѣ такъ и было. Старшая сестра, Марія Ивановна Полуденская, и младшая, Ольга Ивановна Сазонова, выѣхали за границу по паспорту, выданному петерб. генераль-губернаторомъ 3/15 октября 1846 г.; Полуденская вернулась въ маѣ 1848 г., а Сазонова—въ декабрѣ 1846 года (архивъ III Отдѣленія С. Е. И. В. канцеляріи, I эксп. 1849 г., дѣло № 425).

Что касается равнодушія друзей и неоказанія съ ихъ стороны помощи, то въ этомъ вопросѣ гр. Рязановъ не взвѣсилъ весь доступный ему матеріалъ.

Правда, Огаревъ писалъ Герцену 31 марта 1845 г.: «Не сердись на записочку Сазонова. Онъ, *все же*, остается человѣкомъ, котораго я глубоко люблю. Сегодня получилъ отъ него записочку на десяти страницахъ. Други, други! умѣйте переступать *шероховатости* и *недостатки* въ личностяхъ за все то, что въ нихъ истинно прекраснаго и чему цѣны нѣтъ, потому что это безконечно прекрасное» («Рус. Мысль» 1891, VIII, 11).

Также—22 января 1846 г.: «Вотъ письмо, полученное мною отъ Сазонова. Комиссія *не очень пріятная*, но, вѣдь, нельзя же питаться однимъ сахаромъ. Сходи поскорѣе къ помянутому банкиру или найди человѣка, который зналъ бы его и могъ бы поручиться. Сходи хотя къ Полуденской, но обдѣлай дѣло непременно. Надо выручить этого человѣка, котораго *sauf le respect que je vous dois*¹⁾ я съ гордостью назову своимъ другомъ. Разъ запутавшись въ денежныхъ дѣлахъ, онъ просто повернуться не можетъ и отъ этого не могъ съ нами уѣхать. Я, какъ пріѣду, такъ найду денегъ для удовлетворенія банкира... Займись же дѣломъ Саз.» (тамъ же, 19, 21).

27 января 1846 г.: «Еще разъ о Саз. Я къ тебѣ писалъ наканунѣхъ отсюда о его дѣлахъ, т.-е., что онъ хочетъ выслать вексель на 6000 фр. на имя Marc et Comp. въ Москвѣ, и что тебѣ надо попросить тотчасъ Марка акцептировать этотъ вексель, который

¹⁾ При всемъ уваженіи, которое я къ вамъ питаю.

будеть уплаченъ къ сроку, за что я поручкой. Дѣло въ томъ, что хотя Маркъ и пересылалъ ему обыкновенно деньги, но его не знаетъ,—вотъ въ чемъ и затрудненіе. Я съ Ценкеромъ могу имѣть подобныя дѣла безъ затрудненія и сдѣлать на дняхъ, имѣя непреодолимые долги въ Франкфуртѣ. Но это дѣло *казуное*, а между тѣмъ, иначе можетъ случиться худо, ergo, напоминаю тебѣ—хлопочи изъ всей мочи. Хорошо, что еще, *кажется*, вексель не посланъ, и потому ты можешь успѣть предупредить Марка» (тамъ же, 22).

И, все-таки, каждый видитъ, сколько въ этихъ письмахъ *но*, и притомъ не только подразумеваемыхъ со стороны Герцена, а и въ словахъ самого Огарева, готоваго Сазонову все простить... Однако, *простить*. Того же тона и письмо Сатина къ Огареву отъ марта 1844 г.: «Сазоновъ прислалъ сказать, что онъ получилъ извѣстіе о смерти Полуденскаго. Сейчас мы были съ Фроловымъ у Сазонова. Онъ, дѣйствительно, разстроенъ: жалѣеть Полуденскаго, жалѣеть сестру и отчасти напуганъ мыслью о смерти. Я сжалъ ему руку и отъ души *простилъ ему многое... Все-таки, я люблю его*» («Рус. Мысль» 1891, VIII, 5—6).

Очевидно, было что-то такое, что даже двухъ такихъ мягкихъ и нетребовательныхъ людей, какъ Огаревъ и Сатинъ, все-таки, временами отдаляло отъ Сазонова. Герценъ былъ инымъ человекомъ и потому имѣлъ право иного къ нему отношенія.

Во-вторыхъ, ясно, что друзья такъ часто помогали Сазонову, что это могло, наконецъ, надоѣсть Герцену. Нѣтъ никакого основанія утверждать, что въ январѣ 1846 г. онъ ничего не предпринялъ по двумъ письмамъ Огарева,—и даже навѣрное предпринялъ, потому что иначе Сазоновъ былъ бы заключенъ въ тюрьму не въ сентябрѣ, а гораздо раньше. Съ другой стороны, если бы Герценъ не помогъ, то ясно почему: смотря самъ изъ рукъ отца, онъ не имѣлъ достаточно средствъ, чтобъ дать такую большую ссуду, а пользоваться для этого самому кредитомъ, зная Сазонова и неаккуратность Огарева, конечно, поопасался бы.

По моему мнѣнію, дѣло, приведшее Сазонова въ Clichy, было новое, и о немъ въ письмахъ друзей ничего нѣтъ просто потому, что въ мартѣ они уже вернулись въ Россію.

Заслуживаетъ большаго вниманія сказанное въ письмѣ В. Боткина къ Анненкову отъ 26 ноября 1846 г.:

«Скверно сдѣлалъ, даже больше, нежели скверно, сдѣлалъ Мей, посадивъ Саз. въ Clichy за такую пустую сумму. Но такъ ли это? До меня дошли слухи, будто бы, Саз. писалъ въ Москву къ Огареву о своемъ положеніи въ Clichy, куда посаженъ за долгъ въ 15,000 фр., и просилъ немедленно прислать ему эти деньги, грозя

застрѣлиться. На это письмо поѣхали къ нему сестры его, одна вдова, другая дѣвушка, умолять его, чтобы онъ пріѣхалъ съ ними домой. Дѣла его по имѣнію, будто бы, очень плохи, такъ что, продавъ его, онъ будетъ имѣть доходу не болѣе 2000 руб. асс. *Между тѣмъ, какъся, 12,000 ему отправлены.* Вѣдь, подло радоваться чужому несчастью, но я вамъ долженъ признаться, въ моихъ глазахъ, Сісху—не несчастье, а Сазоновъ, дѣлаясь простѣе и добрѣе по мѣрѣ, какъ карманъ его становится легче, сдѣлается дѣйствительно добрымъ малымъ и отстанетъ отъ своихъ аристократическихъ претензій, которыхъ сущность состояла въ томъ, что онъ могъ тратить по 100 фр. въ день. И, все-таки, Мей поступилъ (если извѣстіе ваше вѣрно) грубо и дурно» («Анненковъ и его друзья», 524—525).

50. Изъ писемъ Герцена видно, какъ онъ отнесся къ этой статьѣ.

«Съ готовностью труда и стремленія выступаю я,—писалъ въ ней Сазоновъ,—на то поприще, которое Герценъ открылъ для вольныхъ русскихъ въ возрожденной «Полярной Звѣздѣ» (стр. 210).

Конецъ статьи показываетъ разницу взглядовъ бывшихъ друзей юности и терпимость Герцена, какъ редактора:

«Франціи я повторилъ въ новомъ видѣ тѣ укору, которые она слыхала отъ любимыхъ сыновъ своихъ; но отъ укоровъ далеко до проклятія или до приговора. Приговоръ я не произнесу не только Франціи, матери революцій, въ будущности которой я увѣренъ, но даже ни Англій, эгоистической, но трудолюбивой, ни Германіи, тяжелой на подъемъ, но глубокой и рѣшительной въ убѣжденіяхъ.

«Западу» предстоитъ обновленіе такъ же, какъ и намъ самимъ. Перерожденная Россія займетъ свое мѣсто въ Европѣ преобразованной, и тогда примиренныя народныя массы не будутъ упрекать одна другую такъ, какъ упрекаютъ теперь другъ друга привилегированные классы различныхъ націй. Западные европейцы перестанутъ считать освобожденныхъ русскихъ варварами, а мы не будемъ болѣе мечтать о скорой гибели гніющаго Запада и о всемірномъ господствѣ славянскаго племени.

«Для всѣхъ племень, для всѣхъ идей и для всякаго труда есть на землѣ мѣсто. Соединимъ наши усилія для того, чтобы не было нигдѣ притона, пристанища для рабства, для нечѣстнаго и для лжи» (стр. 242).

51. Теперь приведу еще нѣсколько данныхъ біографіи Сазонова.

3 ноября 1849 г. шефъ жандармовъ гр. Орловъ писалъ министру иностранныхъ дѣлъ гр. Нессельроде: «Сообщенную мнѣ

Вашимъ Сіятельствомъ при отношеніи отъ 28 октября депешу повѣреннаго въ дѣлахъ въ Парижѣ насчетъ вполнѣ доказанной неосновательности показаній Германа Стениша о мнимомъ тайномъ обществѣ «Юная Россія» и обстоятельствъ, обнаружившихся при производствѣ парижскою полиціею о немъ разысканій, я имѣлъ счастье докладывать государю императору. По содержанию заключающагося въ помянутой депешѣ свѣдѣнія насчетъ проживающаго въ Парижѣ русскаго подданнаго Сазонова, который, вмѣстѣ съ надвор. совѣтникомъ Герценомъ, пишетъ статьи для демократическаго журнала и участвуетъ въ революціонныхъ проискахъ, е. в. высочайше повелѣтъ соизволилъ, подобно сдѣланному насчетъ Герцена распоряженію, наложить на имѣніе Сазонова запрещеніе, а ему самому объявить, дабы немедленно возвратился въ Россію. Во исполненіе сего, сдѣлавъ по предмету наложенія запрещенія на имѣніа Сазонова надлежащее сношеніе съ гг. министрами внутр. дѣлъ и юстиціи, имѣю честь покорнѣйше просить В. С. поручить г. дѣйств. ст. сов. Киселеву объявить Сазонову высоч. повелѣніе е. в., дабы немедленно возвратился въ Россію, и въ свое время увѣдомить меня объ отзывѣ Сазонова и о томъ, когда именно и чрезъ какой пунктъ границы нашей онъ отправится въ отечество, равно, дабы сообщилъ съ возможною скоростью ближайшія свѣдѣнія о Сазоновѣ, т. е. какъ его имя, отчество и званіе и гдѣ находится имѣніе его или родителей его».

Очевидно, Н. Д. Киселевъ долженъ былъ только подтвердить тѣ свѣдѣнія, которыя III Отдѣленіе уже имѣло, какъ это видно изъ бумаги гр. Орлова министру юстиціи гр. Панину отъ того же 3 ноября. Оно отлично знало, что Сазонова звали Николаемъ Ивановичемъ, что съ 1837 г. онъ состоялъ при нашемъ посольствѣ въ Парижѣ, а въ 1842 или 1843 г., находясь уже въ отставкѣ, пріѣзжалъ въ имѣніе Рязанской губ., откуда уѣзжалъ ненадолго въ Москву, и потомъ снова поѣхалъ въ Парижъ, вмѣстѣ съ первой женой и дѣтьми.

6 ноября сенатъ уже имѣлъ ордеръ министра юстиціи о наложеніи запрещенія на его имѣніа и 18-го числа сдѣлалъ первое свое общее опредѣленіе объ этомъ.

13 декабря Нессельроде препроводилъ полученное отъ Киселева донесеніе и прибавилъ, что упоминаемая въ немъ копія довѣренности, выданной Сазоновымъ Д. М. Щепкину, получена въ департаментѣ внутр. сношеній и сообщена еще 8 іюля московскому опекунскому совѣту импер. воспитательнаго дома, но подлинника департаменту получить не удалось.

2 декабря ст. ст. Киселевъ доносилъ министру, что префекту полиціи Парижа Карлье адресъ Сазонова былъ неизвѣстенъ, вѣроятно, потому, что онъ приговоренъ къ изгнанію изъ Франціи, но что приняты мѣры къ его отысканію. Сазоновъ выѣхалъ въ свое время изъ Россіи съ паспортомъ, выданнымъ ему петерб. генералъ-губернаторомъ 11 октября 1839 г., въ коемъ показанъ дворяниномъ. Довѣренность Сазонова Щепкину засвидѣтельствована генер. консуломъ въ Парижѣ 13 юля 1849 г.

Изъ довѣренности видно, что отъ родителей (Иванъ Васильевичъ и Варвара Григорьевна Сазоновы) Сазонову достались по раздѣлу, совершенному въ 1 деп. москов. гражд. палаты, имѣнія: въ Рязанской губ. Михайловскаго у., въ с. Нюневцѣ и дер. Подобреевой 139 м. душъ, въ Ранненбургскомъ у., въ с. Богомхранимомъ 108 м. д., въ Егорьевскомъ у., въ с. Черкасовѣ 83 м. д. и дер. Ханиной—8 м. д., Давидовой, Горѣ тожъ,—57 м. д., въ Спасскомъ у., въ с. Гавриловскомъ и дер. Ушаковой—37 м. д.; а по духовному завѣщанію бабки его Марѣы Ѳедоровны Сазоновой, получено имъ въ Рязскомъ у. въ с. Чуриловкѣ 42 м. д.; всего ему принадлежатъ 474 души. Дмитрій Михайловичъ Щепкинъ уполномочивался принять все это въ полное свое управленіе. 24 декабря сенатъ сдѣлалъ опредѣленіе уже съ точнымъ указаніемъ всѣхъ имѣній. Трудно гадать, какое состояніе имѣлъ бы Сазоновъ, ликвидировавъ все это свое имущество, потому что, повидимому, эти имѣнія почти всегда были подъ запрещеніемъ за долги, что ясно изъ внимательнаго просмотра «Сенатскихъ объявленій».

9 января 1850 г. Нессельроде послалъ гр. Орлову копію съ другой депеши Киселева. Николай Сазоновъ явился въ посольство; ему объявлено было высоч. повелѣніе, но онъ отвѣтилъ, что по состоянію своего здоровья не можетъ вернуться въ Россію раньше мая 1850 г. При этомъ неофициально онъ далъ понять Киселеву, что считаетъ себя очень скомпрометированнымъ въ глазахъ правительства, а потому не надѣется на безнаказанность за прошлое и врядъ ли при такихъ обстоятельствахъ рѣшится исполнить высочайшую волю. Разумѣется, гр. Орловъ просилъ Киселева объявить Сазонову о безотлагательномъ возвращеніи, въ противномъ случаѣ грозилъ поступить по всей строгости законовъ.

25 января 1850 г. Орловъ получилъ копію третьяго донесенія Киселева. Послѣ того, какъ Сазоновъ явился въ консульство для засвидѣтельствованія своей довѣренности Щепкину и потомъ въ посольство, его выслали изъ Франціи. Оказывается, что въ теченіе трехъ мѣсяцевъ онъ былъ фактическимъ редакторомъ иностран-

наго отдѣла «La Réforme»¹⁾, что извѣщеніе полиціи объ арестѣ было передано ему черезъ редакцію газеты, и что онъ былъ высланъ за вмѣшательство во внутреннія дѣла Франціи и за участіе въ «Grand comité démocratique européen». Чтобы обратить общественное вниманіе на его изгнаніе, товарищи по редакціи называли его русскимъ эмигрантомъ, каковымъ онъ никогда не былъ, по крайней мѣрѣ, французское правительство каковымъ его не считало. Въ моментъ донесенія онъ былъ въ Швейцаріи.

Дѣйствительно, въ «La Réforme» отъ 10 января 1850 г. находимъ такую статью:

«Наша участь становится ужасной. Несправедливость, произволъ и низость—вотъ тройной девизъ нашего позорнаго министерства; кровь бросается намъ въ лицо, но мы должны молчать даже тогда, когда бьютъ нашихъ друзей, пока они не удалятся достаточно далеко отъ нашей обезчещенной почвы! Такъ, «La Presse» могла найти непонятнымъ, что «Le Siècle» и «Le National» объявили прежде насъ объ оскорбленіи республиканскаго гостепріимства, которое было совершено недавно по отношенію къ одному изъ редакторовъ «La Réforme».

«Если бы мы раньше заговорили объ этомъ, мы, конечно, прибавили бы обиду къ преступленію, грязь къ злодѣйству, цѣпи къ изгнанію. Теперь нашъ другъ покинулъ Францію, ставшую Тавридой, и мы громко протестуемъ во имя нарушеннаго права оскорбленнаго человѣка, во имя пострадавшей семьи, во имя непризнаваемой ответственности, противъ постановленія, которое отнимаетъ у насъ присущую даже дикарямъ честь крова и святость домашняго очага.

«Гражданинъ Сазоновъ, русскій демократъ, мирно жилъ во Франціи въ теченіе 10 лѣтъ; онъ женился здѣсь и три мѣсяца тому назадъ предложилъ намъ свое сотрудничество въ дѣлѣ всеобщаго возрожденія. Его обвинили въ томъ, что онъ злоупотребилъ правомъ убѣжища, вмѣшиваясь во внутреннія дѣла пріютившей его страны; это—или ошибка, или ложь. Сазоновъ занимался иностранной политикой, а такъ какъ теперь вся европейская политика совершается на Сѣверѣ, то кто же лучше, чѣмъ сѣверянинъ, могъ объяснить ея главную идею и цѣль? Къ этому прибавили упрекъ, нѣсколько странный въ демократической республикѣ, въ томъ, что русскій изгнанникъ участвовалъ въ великомъ демократическомъ европейскомъ комитетѣ (Grand comité démocratique européen); этотъ комитетъ никогда не существовалъ. Правда, значить, не здѣсь.

¹⁾ Официальный редакторъ Е. Вауне, секретарь—Н. Delescluze.

«Нашъ гость былъ редакторомъ «La Réforme», а «La Réforme» приговорена къ смерти. Ее осаждали со стороны матеріальныхъ средствъ, мѣшали распространенію, нападали на ея идеи, но революціонный органъ, все-таки, сопротивлялся. Тогда рѣшили сдѣлать нападеніе на ея составъ въ надеждѣ, что въ такомъ случаѣ она не устоитъ. Ошиблись. Февральская революція сбережетъ свою колыбель и заставитъ уважать ее.

«Безполезно для власти отрицать то, что мы здѣсь ей приписываемъ. Изгоняя гражданина Сазонова изъ предѣловъ Франціи, она, конечно, разстроила систему колесъ въ машинѣ, которую такъ ненавидитъ. Объявленіе постановленія объ изгнаніи было сдѣлано нашему другу полиціей Карлье не у него, а у насъ, въ нашей конторѣ. Это фактъ небывалый, тѣмъ болѣе, что онъ не подаетъ повода къ недоразумѣнію.

«Поэтому мы, передъ лицомъ всего, что въ Европѣ страдаетъ, ждетъ, надѣется, борется, говоритъ и пишетъ въ защиту святого права народовъ, протестуемъ всѣми силами противъ этого неимѣющаго названія акта, чудовищная отвѣтственность за который падаетъ и на нашу націю. Большинство изъ насъ принуждено было тоже просить у другихъ, какъ милостыню, свою потерянную свободу; никому отъ имени короля или королевы не было сдѣлано ничего подобнаго тому, что дѣлаемъ мы отъ имени президента республики, который самъ былъ въ заключеніи и подвергался изгнанію.

«Пусть наши братья по демократической печати присоединять свои голоса къ нашему! Пусть представители другой прессы, тѣ, кто еще принимаетъ блиско къ сердцу честь французскаго имени, хранятъ, по крайней мѣрѣ, молчаніе, если они не придутъ намъ на помощь въ этомъ святомъ требованіи».

30 января 1850 г. гр. Орловъ предлагалъ во всеподданнѣйшемъ докладѣ подвергнуть Сазонова законному суду, что и было одобрено государемъ.

14 декабря 1850 г. правительствующій сенатъ слушалъ высоч. утвержденное мнѣніе государственнаго совѣта слѣдующаго содержания: «Госуд. совѣтъ въ департ. гражд. и духов. дѣлъ, по разсмотрѣніи всепод. доклада прав. сената 5 департ. о кандидатѣ москов. университета Сазоновѣ, признавъ его виновнымъ въ невозвращеніи изъ-за границы по вызову правительства, мнѣніемъ положилъ: сего подсудимаго, согласно съ приговоромъ сената, лишитъ всѣхъ правъ состоянія, считать изгнаннымъ навсегда изъ предѣловъ государства, на точномъ основаніи 355 ст. улож. о наказ.». На подлинномъ написано: «Быть по сему. Въ Спб., 29 ноября 1850 г.».

По словамъ гр. Рязанова, матеріальное положеніе Сазонова съ конца 1850 г. и дальше «было ужасно»; въ этомъ онъ опирается также и на свидѣтельство сына Сазонова, сказавшаго Лафаргу, что его отецъ «одно время буквально голодалъ»; разумѣется, и здѣсь внесено «вѣроятно»: «лишенный, согласно приговору сената, правъ состоянія 14 декабря 1850 г., онъ, *вѣроятно*, пересталъ получать всякія денежныя средства изъ Россіи» (стр. 157). Влѣдъ за конфискаціей имѣній Сазонова всѣ они переданы были его сестрѣ Маріи Полуденской, а она, будучи сама съ хорошими средствами и сохраняя полную порядочность, всѣ доходы съ нихъ высылала брату (три письма ея къ Герцену являются неопровержимыми документами). Такимъ образомъ если даже Сазоновъ былъ въ очень стѣсненномъ положеніи, то, во всякомъ случаѣ, не потому, что получалъ мало изъ Россіи,—виною была его расточительность и полное неумѣніе жить по средствамъ.

Наложеніе запрещенія на его имѣнія было для Сазонова совершенно неожиданно; это можно заключить изъ того, что запрещенію полверглись всѣ его имѣнія, ни одного онъ не успѣлъ продать фиктивно, какъ дѣлали другіе; возможно, впрочемъ, что онъ и зналъ о неизбѣжности запрещенія, но совершенно довѣрялъ своимъ сестрамъ, къ которымъ они впослѣдствіи должны были перейти, и поэтому не сдѣлалъ никакихъ фиктивныхъ передачъ.

17 января 1855 г. управлявшій мин. иностранныхъ дѣлъ Сенявинъ послалъ гр. Орлову статью Сазонова «Родной голось на чужбинѣ. Русскимъ плѣннымъ во Франціи». Эта небольшая вещь (15 страницъ) была отпечатана въ типографіи Герцена, дагирована 12/24 октября 1854 г. и подписана «Николай Сазоновъ». Я не буду передавать здѣсь ея содержаніе, но чтобы дать о ней хоть самое общее понятіе, приведу лишь одно мѣсто.

«... Передъ нами три задачи.

«Свергнуть иго нѣмецкаго правительства, которое давно, съ 1815 г., измѣнило народности и дѣйствуетъ только на пользу царской фамиліи и ея нѣмецкихъ родственниковъ, забывая истинное величіе Россіи и счастье ея, и всѣ указанія Великаго Петра. На это намъ не надо иностранной помощи, мы и одни справимся, а отечество разрѣшитъ отъ присяги и войско и народъ.

«Съ русскимъ правительствомъ во главѣ мы все уладимъ и дома и по сосѣдству. Дома мы немедля и безъ оговорокъ дадимъ всѣмъ крестьянамъ нашимъ разомъ и вольность и землю.»

«По сосѣдству мы подадимъ полякамъ братскую руку, и когда ихъ независимость будетъ возстановлена, то вмѣстѣ съ ними займемся мы устройствомъ славянскаго міра.»

21 августа 1857 г. директоръ деп. внутреннихъ сношеній И. Мальцовъ сообщилъ гр. Орлову, что во время пребыванія въ Парижѣ вел. кн. Константина Николаевича Сазоновъ представилъ ему прошеніе, въ которомъ, признаваясь въ своихъ заблужденіяхъ, просилъ разрѣшенія вернуться на родину. Прошеніе было передано въ посольство. Нашъ дипломатъ Балабинъ сообщилъ Мальцу, что во время своего долгаго пребыванія въ Парижѣ онъ слышалъ о Сазоновѣ исключительно отъ русскихъ и никогда не видѣлъ его во французскомъ обществѣ, которое не знаетъ ни его, ни его сочиненій, ни его поступковъ. Сазоновъ самъ признаетъ себя авторомъ сочиненій, враждебныхъ русскому правительству, но въ то же время говоритъ о своихъ патріотическихъ чувствахъ, не поколебленныхъ преходящими его заблужденіями. Ему можно поставить въ вину его либеральные взгляды и сношенія съ органами, ихъ проповѣдующими, но среди нихъ онъ занималъ всегда такое ничтожное мѣсто, что ни по имени, ни по репутаціи никому неизвѣстенъ.

Въ «дѣлѣ» имѣется докладная записка шефа жандармовъ, кн. В. А. Долгорукова отъ 23 октября 1857 г., въ которой говорится:

«Въ просьбѣ своей Сазоновъ объясняетъ, что увлеченія молодости, обстоятельства, убѣжденія, которыя опытъ зрѣлыхъ лѣтъ измѣнилъ во многомъ, заставили его покинуть родной край, когда ему было немного болѣе двадцати лѣтъ. Сознываясь при этомъ, что онъ виновенъ въ сочиненіи за границей статей въ духѣ противномъ русскому правительству, въ оправданіе чего можетъ принести только горячую любовь свою къ отечеству, которая всегда оставалась въ немъ неизмѣнною, Сазоновъ присовокупляетъ, что, какъ скоро открылась ему возможность, онъ труды свои посвятилъ исключительно Россіи и участвовалъ съ 1855 г. въ русскихъ журналахъ, помѣщая въ оныхъ статьи (подъ именемъ Карла Штахеля), въ которыхъ старался представить русской публикѣ жизнь и литературу западныхъ обществъ въ настоящемъ ихъ видѣ и значеніи, обличая вмѣстѣ съ тѣмъ и недостатки, которыхъ Россіи, можетъ быть, предназначено избѣгнуть». Объ исходатайствованіи Сазонову прощенія хлопоталъ также кн. Н. А. Орловъ. Долгоруковъ полагалъ, что разрѣшеніе Сазонову вернуться въ Россію—дѣло монаршаго милосердія, что же касается его имущественныхъ правъ, то по возвращеніи въ Россію его надо предать суду, если государю не угодно просто возвратитъ ихъ ему теперь же. Послѣ доклада государю 24 октября Долгоруковъ написалъ на «запискѣ»: «Сообщить просьбу Сазонова и всѣ свѣдѣнія о немъ имѣющіяся прямо отъ меня гр. Киселеву. Препроводитъ ему при этомъ съ просьбою о возвращеніи воззваніе Сазонова къ нашимъ плѣннымъ, которое

написано и напечатано только два года тому назадъ. Присовокупить, что государь императоръ желаетъ знать, заслуживаетъ ли затѣмъ, по его мнѣнію, ходатайство Сазонова подлежащаго вниманія и, если заслуживаетъ, то какъ онъ полагалъ бы возможнымъ насчетъ его поступить?».

Пока ждали отвѣта гр. П. Д. Киселева, агентъ III Отдѣленія Яковъ Толстой 23 іюля 1858 г. писалъ А. Е. Тимашеву, что Сазоновъ и его просить помочь исходатайствованію права возвратиться въ Россію; что хотя ему извѣстно, «что многія важныя особы утруждали о семъ его сіятельство, кн. Василія Андреевича», но онъ увѣренъ, что Сазоновъ «заслуживаетъ всякое снисхожденіе: онъ не входитъ въ категорію государственныхъ преступниковъ, выходцевъ и изгнанниковъ; онъ не учинилъ никакого преступленія ниже важнаго какого-либо проступка, который заслуживалъ бы столь долговременнаго и строгаго наказанія».

25 августа 1858 г. Балабинъ прислалъ шефу жандармовъ отзывъ о Сазоновѣ парижскаго префекта полиціи, прибавивъ, что, по его и гр. Киселева даннымъ, тамъ сообщена истина.

Отзывъ префекта датированъ 8 февраля нов. ст. 1858 г. и является отвѣтомъ на запросъ нашего посла. Изъ него видно, что въ моментъ своего прибытія въ Парижъ Сазоновъ обладалъ вполнѣ достаточными средствами, но съ тѣхъ поръ, какъ, благодаря массѣ долговъ, ему перестали присылать деньги изъ Россіи (непосредственно, а не вообще—*М. Л.*), онъ вынужденъ былъ заняться литературнымъ трудомъ, а въ настоящее время состоитъ корректоромъ въ одной типографіи. До 1853 г. онъ жилъ, какъ съ женой, съ г-жой Петровой, отъ которой имѣлъ двоихъ дѣтей. Одолѣваемый долгами и не имѣя возможности уплатить ихъ, онъ бросилъ ее и дѣтей и въ 1855 г. женился на полькѣ, подъ вліяніемъ которой и не исполнилъ приказа правительства о возвращеніи въ Россію. Теперь онъ политически ведетъ себя хорошо, и свѣдѣнія о немъ доставляются благопріятныя во всѣхъ отношеніяхъ.

На бумагѣ Балабина кн. Долгоруковъ 13 сентября написалъ: «Государь императоръ всемилостивѣйше разрѣшилъ относительно возвращенія Сазонова въ Россію поступить на томъ самомъ основаніи, на какомъ было поступлено относительно Головина».

23 сентября шефъ жандармовъ сообщилъ товарищу министра внутр. дѣлъ, что государь разрѣшилъ Сазонову вернуться и жить въ имперіи, гдѣ пожелаетъ, не исключая и столица, предоставляя ему на волю, служить или не служить, просилъ его сообщить объ этомъ Сазонову и дать знать III Отдѣленію, гдѣ онъ будетъ жить и когда отправится изъ Франціи.

30 октября 1858 г. тов. мин. вн. дѣль И. Толстой увѣдомилъ, что мѣсяца черезъ 2—3 Сазоновъ прїѣдетъ въ Россію, сначала въ Рязанскую губ. для свиданія съ родственниками, а затѣмъ или въ Москву, или въ СПб.

Годъ ждало III Отдѣленіе прїѣзда Сазонова и 30 ноября 1859 г. запросило мин. вн. дѣль, почему его до сихъ поръ нѣтъ. 8 марта 1861 г. министерство, наконецъ, отвѣтило, что 21 февраля Сазонову выданъ паспортъ, и скоро онъ прибудетъ. Еще прошелъ годъ, — Сазонова нѣтъ, а въ III Отдѣленіи получается слѣдующая записка: «*Notice*. Au commencement de l'année passée on m'a communiqué de Londres qu'un nommé Sassanoff savant de St. Pétersbourg entretenait une vive correspondance avec les démocrates et membres du comité révolutionnaire. Marse et Companie» («Въ началѣ прошлаго года мнѣ сообщили изъ Лондона, что нѣкто Сасановъ, ученый изъ СПб. поддерживаетъ оживленную переписку съ демократами и членами революціоннаго комитета»). 10 марта Долгоруковъ написалъ на этомъ доносѣ: «Я не понимаю, кто это можетъ быть». 14 марта А. Потаповъ запросилъ Якова Толстого, отправился ли Сазоновъ въ Россію и, если нѣтъ, то почему и гдѣ находится. 31 марта Толстой сообщилъ, что Сазоновъ въ Женевѣ, залутался въ неоплатныхъ долгахъ, сидѣлъ за это въ тюрьмѣ Клиши, откуда выпущенъ, благодаря Герцену, уплатившему долгъ. Будучи въ короткихъ отношеніяхъ съ Фази, живетъ подъ его покровительствомъ. Понужденія вернуться въ Россію будутъ безуспѣшны: не на что выѣхать. Кромѣ того, онъ не утратилъ прежняго вольнодумства и продолжаетъ связи съ партією «закоренѣлыхъ демократовъ».

17 ноября н. ст. 1862 г. Сазоновъ умеръ въ *Saconnex* Женевского кантона. 9 марта 1863 г. Николай Жеребцовъ обратился къ кн. Долгорукову съ благодарностью за доброе и милостивое отношеніе къ вдовѣ Сазонова: она была поручена заботамъ московскаго жандармскаго генерала Перфильева. Полуденская вернула сиротамъ имѣнія отца; имъ необходимо еще полученіе высочайшаго разрѣшенія пользоваться правами потомственнаго дворянства, которыхъ былъ лишенъ ихъ отецъ, и тогда невинныя дѣти вполне воспользуются великодушіемъ своей тетки.

Изъ доклада кн. Долгорукова отъ 16 марта 1863 г. видно, что по возвращеніи Сазонова въ Россію предполагалось даровать ему и законнымъ дѣтямъ, прижитымъ послѣ его осужденія, потомственное дворянство, но безъ правъ на прежнее имущество; что дѣтей звали: Иванъ, Александръ, Левъ, Марія и Варвара. Дѣло приказано было передать на разсмотрѣніе министра юстиціи, который

1 ноября увѣдомилъ Долгорукова объ удовлетвореніи полностью желанія и просьбы Жеребцова (Архивъ III Отд. С. Е. И. В. канц. I эксп. 1849 г., дѣло № 425 и архивъ мин. вн. дѣлъ, дѣло деп. полиціи исполн. 1849 г. № 1258).

Теперь еще нѣсколько данныхъ о литературной дѣятельности Сазонова.

Интересующіеся перечнемъ его статей въ «Отеч. Запискахъ» найдутъ его въ составленномъ В. Межовымъ «Алфавитномъ указателѣ къ «О. З.» 1854—1858 г.г.», Спб., 1860 г., подъ «Карломъ Штахелемъ», а дальше—по самому журналу.

Гр. Рязановъ приписываетъ Сазонову анонимную книгу: «La vérité sur l'empereur Nicolas. Histoire intime de sa vie et de son règne. Par un russe. Paris. 1854», но никакихъ доказательствъ на это не приводитъ.

Въ 1855 г. Сазоновъ, кромѣ того, былъ однимъ изъ редакторовъ «L'Athenaeum Français», послѣдній номеръ котораго вышелъ 26 іюля 1855 г. Съ 1859 г. онъ редактировалъ «La Gazette du Nord», о которой я уже говорилъ (т. X стр. 155—157); послѣдній ея номеръ 30 іюня 1860 г. подписанъ: «Redacteur en chef Sasonoff». Это было уже замѣтнымъ уклоненіемъ прежняго революціонера въ сторону буржуазнаго либерализма; если же принять во вниманіе дѣятельное сотрудничество Сазонова въ безпринципныхъ и очень умѣренныхъ «Отеч. Запискахъ», то эволюція писателя дѣлается совершенно ясной... Завершеніемъ ея является сотрудничество въ «Нашемъ Времени» Н. Ф. Павлова: Сазоновъ не могъ не знать личности этого явно продавашагося публициста, не могъ ничего не слышать и о правительственномъ покровительствѣ этой газетѣ. Этимъ я не хочу набросить на Сазонова даже и тѣнь обвиненія въ сочувствіи направленію «Нашего Времени»,—въ текстѣ его корреспонденцій оно ни въ чемъ не выразилось,—но фактъ сотрудничества одновременно съ отдаленіемъ отъ этой газеты всего прогрессивно мыслящаго и политически честно настроеннаго тоже остается фактомъ.

Для будущихъ біографовъ Сазонова приведу списокъ №№ «Н. В.» въ которыхъ помѣщены его корреспонденціи изъ Парижа, подписанныя «Théopota»: 1860 года—№№ 8 (6 марта), 9, 10, 13, 16, 17, 18, 19, 20, 22, 23, 24, 26, 27, 28, 29, 30, 33, 34, 35, 36, 37, 39, 43 и 46 (20 ноября); 1861 года—№№ 1 (15 января), 2, 4, 6, и 9 (15 марта).

26 іюля 1861 г. Сазоновъ писалъ издателю «Отеч. Записокъ» А. А. Краевскому изъ Женевы:

«Любезнѣйшій Андрей Александровичъ, чѣмъ чортъ не шу-

тить, а со мною сыгралъ онъ шутку плохую. Проводя лѣто въ деревнѣ на восточномъ берегу Женевскаго озера, вздумалось мнѣ вдругъ для разсвѣянія посѣтить Женеву, и тутъ я совершенно неожиданно, не на какихъ-нибудь горахъ, а просто на мраморномъ полу, играя съ дѣтьми, поскользнулся и переломилъ себѣ ногу. Вотъ почему вы не узнаете почерка вашего корреспондента. Я лежу на спинѣ недвижимо и пролежу такимъ образомъ, можетъ быть, еще мѣсяць, а такъ какъ я времени терять не люблю, то намѣренъ употребить этотъ otium ¹⁾ на окончаніе труда, начатаго мною тотчасъ по пріѣздѣ въ Швейцарію, о политическомъ и нравственномъ положеніи этой страны во время ея послѣдняго преобразования. Швейцарія становится теперь весьма интересною для всей Европы и со времени присоединенія Савойи къ Франціи въ Швейцаріи встрѣчаются и сосредоточиваются всѣ дипломатическія интриги; здѣсь затягивается врядъ ли не послѣдній узелъ той политики, которая началась съ Крымской войны. Все это еще не достигло до очевидности, далеко неофициально, но тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія и изученія. Для такого изученія я имѣю особенные способы, не многимъ доступные. Зная Швейцарію въ продолженіе 25 лѣтъ, знакомый съ главными представителями господствующей партіи, всѣ источники мнѣ открыты, и я думаю, что мой трудъ будетъ полезенъ, дѣленъ и представитъ интересъ новости. Это будетъ не книга—въ наше время я считаю книги слишкомъ тяжелыми,—а брошюра листовъ въ восемь печати. Хотите ли взять на себя ея изданіе? Вы можете напечатать ее или въ «О. З.» или отрывками въ «Спб. Вѣд.», а потомъ издать отдѣльно: какъ вамъ угодно. Мнѣ въ томъ только дѣло, чтобы быть увѣреннымъ въ скоромъ изданіи. У меня теперь готово уже три листа, остальные кончу въ августѣ или въ началѣ сентября. Такъ какъ наши взаимныя отношенія были всегда весьма пріятными, то я бы очень желалъ, чтобы вы взяли на себя изданіе моего новаго труда. Есть еще одно условіе, на которое, я надѣюсь, вы также согласитесь: мнѣ очень нужны деньги въ настоящее время, потому что, какъ вамъ извѣстно, помѣщичьи доходы въ Россіи въ нынѣшній годъ очень плохи, а потому я бы просилъ васъ прислать мнѣ немедленно 500 рублей серебромъ въ счетъ платы за манускриптъ, который потомъ вы сами оцѣните по собственному усмотрѣнію. Какъ скоро получу ваше согласіе и деньги, то пришлю вамъ начало, которое къ тому времени, вѣроятно, уже составитъ около половины всего сочиненія. Кромѣ того, если вы желаете, я могу вамъ иногда посылать отсюда

¹⁾ Отдыхъ.

политическія новости. На-дняхъ будетъ здѣсь знаменитый Фарини; я съ нимъ знакомъ, отъ него можно узнать много подробностей о настоящемъ положеніи дѣлъ въ Италіи.

«Теперь поговоримъ о другомъ: вотъ уже нѣсколько мѣсяцевъ, какъ я не видалъ русскихъ журналовъ, но когда читалъ ихъ, то былъ очень доволенъ редакціею «Спб. Вѣд.»; въ ней я угадывалъ вашу опытность и ваше умѣніе. Нельзя ли какъ-нибудь прислать мнѣ сюда «Вѣдомости» и «Записки» за послѣдніе три мѣсяца? А еще позвольте мнѣ дотронуться до стараго зуба: за что же вы это забыли меня при составленіи реестра сотрудниковъ энциклопедическаго лексикона? вѣдь, я, безъ лишней скромности будетъ сказано, могъ бы быть полезнымъ сотрудникомъ какъ по нѣкоторымъ спеціальностямъ, хотя бы, напримѣръ, по политической и литературной исторіи Франціи, что я, кажется, доказалъ уже давно въ вашихъ же изданіяхъ. Въ то время, когда я прочелъ программу этого лексикона, я много писалъ по-французски и потому не обратился къ вамъ тотчасъ же съ рекламаціею, но если теперь еще время, то прошу васъ включить меня въ число участниковъ этого полезнаго и монументальнаго предпріятія ¹⁾).

«Если вамъ интересно знать о моей личной жизни, то скажу вамъ, что съ тѣхъ поръ, какъ мы не видались, у меня родились еще двое дѣтей и скоро жду третьяго, отъ чего не только не унываю, но становлюсь все бодрѣе и бодрѣе: мнѣ кажется, что способность къ труду возрастаетъ вмѣстѣ съ потребностью и съ необходимостью труда. Съ этимъ вы, я думаю, согласитесь.

«Надѣюсь столько же, сколько желаю, что и вы счастливы въ своемъ семействѣ такъ же, какъ и во всѣхъ своихъ предпріятіяхъ, о чемъ послѣднемъ я отъ всѣхъ петербургскихъ постоянно слыхалъ.

«Въ ожиданіи скорого и благопріятнаго отъ васъ отвѣта примите увѣреніе въ моемъ искреннемъ уваженіи и совершенной преданности.

Н. Сазоновъ.

«Жена моя посылаетъ вамъ поклонъ».

Другое письмо, отъ 1 октября 1861 г.:

«Я былъ болѣе гораздо болѣе, нежели предполагалъ, любезный Андрей Александровичъ, а потому не писалъ къ вамъ, не имѣя ничего готоваго, что бы послать. Насчетъ моего труда о современной Швейцаріи вы у меня отчасти отняли бодрость: я бы желалъ, чтобы онъ произвелъ *эффектъ*, а вы говорите, что у васъ занимаются только крестьянскимъ вопросомъ. Теперь я доволенъ,

¹⁾ Сотрудникомъ не показанъ.

что вы не поддались на мое предложеніе, потому что въ противномъ случаѣ я былъ бы обязанъ его окончить къ сроку, а мнѣ оканчивать его теперь не хочется.

«Въ ожиданіи посылаю вамъ нѣсколько замѣтокъ о Швейцаріи и, въ особенности, о Женевѣ, которыя мнѣ кажутся интересными. Прошу ихъ напечатать въ «Спб. Вѣд.», какъ корреспонденцію или какъ фельетонъ. Пришлите мнѣ этотъ номеръ хоть въ письмѣ, — онъ вамъ доставитъ въ Женевѣ, по крайней мѣрѣ, хоть двухъ подписчиковъ. Пока мнѣ нѣтъ охоты оканчивать о Швейцаріи, я бы желалъ рассказать кое-что о современной франц. литературѣ, разумеется, съ точки зрѣнія сатирической. Если вамъ такой трудъ пригоденъ, то напишите. Мы живемъ въ деревнѣ, гдѣ я отдыхаю послѣ двухмѣсячнаго лежанія на спинѣ. Когда отдохну, то мы переѣдемъ въ Женеву, гдѣ жена родитъ, а послѣ того, то есть къ январю, возвратимся въ Парижъ. Пока прошу васъ писать въ Женеву *poste restante*, потому что я еще не знаю, долго ли мы тамъ будемъ жить» (Россійская Публичная бібліотека).

Тамъ же хранится письмо Варвары Сазоновой А. А. Краевскому отъ 20 ноября н. ст. 1862 г. изъ Женевы: «М. Г. Г. Краевскій, Какъ истиннаго и стараго друга моего семейства долгомъ считаю извѣстить Васъ, въ ужасномъ несчастіи, случившемся со мною: лишилась я добраго моего мужа, милаго друга моего, Николая Ивановича; 17 сего мѣсяца скончался онъ внезапно въ объятіяхъ моихъ отъ удара въ 5 час. утра. Я увѣрена, что Вы примите участіе въ моемъ горѣ, и потому обращаюсь къ вамъ, милостивый государь, съ просьбою сообщить объ этомъ друзьямъ покойнаго мужа моего, и если можно помѣстить статью въ его память въ Вашъ журналъ. Необходимость заставляетъ меня отправиться со всѣмъ семействомъ въ Россію для устройства оставшагося послѣ мужа моего наслѣдства у его сестры въ Москвѣ; позвольте же мнѣ надѣяться, что при проѣздѣ моемъ черезъ нѣсколько времени въ Спб., Вы не откажете мнѣ въ совѣтахъ и содѣлствіи» (архивъ Краевского, привожу буквально).

Это писано полькой, о которой говорилось въ официальной бумагѣ, и на которой Сазоновъ женился въ 1855 г.

52. Отецъ Энгельсона — Аристъ Павловичъ, директоръ Спб. экспедиціи ссудной казны, евангелическо-лютеранскаго исповѣданія, «изъ иностранцевъ, здѣсь родившихся»; имѣніе въ Нижегородской губ. Арзамасскаго у., въ с. Смирновѣ и дер. Булдаковѣ—764 м. души и деревянный домъ въ Спб., Рождественской части 3 квартала, № 371; дѣти: Владиміръ, Александръ и Ольга, православные (архивъ мин. вн. дѣлъ, формулярные списки 1836 г. № 20).

53. Въ Румянцовскомъ музеѣ хранятся письма В. А. Энгельсона къ Герцену; они напечатаны (неисправно и неполно) г. Гершензономъ въ I. кн. «Освобожденія» 1903 г., и такимъ образомъ желаніе Герцена, все-таки, исполнено. Однако, я считаю интереснымъ привести нѣкоторыя изъ нихъ, могущія комментировать текстъ этой главы, съ подлинниковъ.

19 мая 1854 г.: «Кончимъ-те, кончимте! Вы правы, полагая, что вы можете требовать, чтобъ друзья обходились съ вами деликатно. *Прошу васъ извинить меня въ томъ, что я, не желая, васъ оскорбилъ.* Но вы не правы, говоря, что я *плевалъ* на васъ когда-либо. Вамъ извѣстно, что сгоряча чернѣ написанное и неподписанное мое письмо не отослано въ Парижъ именно потому, что я вспомнилъ (до отправленія), что письма распечатываются. Вы не правы, по моему мнѣнію, приписывая мнѣ намѣреніе уязвить васъ «приказнымъ слогомъ» моей записки и просьбою на мой счетъ напечатать 2-е письмо Пугачева, въ которомъ мнѣнія высказаны не вполне согласныя съ слышанными мною отъ васъ.

«Благодарю васъ, что вы «во всякомъ случаѣ считали на меня въ общемъ и частномъ дѣлѣ». Такъ и я на васъ считаю. Но въ *дружбѣ* моей къ вамъ я васъ увѣрять не буду, потому что я иначе понимаю дружбу, чѣмъ вы: я друзьямъ многое всегда готовъ былъ бы прощать, не требуя даже отъ нихъ просьбъ о прошеніи. Еслибъ передо мною другъ сталъ извиняться, показалъ бы только желаніе это сдѣлать, я бы остановилъ его, не далъ бы договорить».

Отношенія не были порваны совсѣмъ что видно изъ слѣдующаго письма отъ 26 мая 1854 г.: «Препровождая при семъ корректурные листы, прошу васъ, Александръ Ивановичъ, потрудиться прислать мнѣ слѣдующіе листы Вашей рукописи «Тюрьма и ссылка». Я исправилъ бы въ нихъ нечетко писанныя слова и ошибки грамматическія, — тогда легче корректуру будетъ держать. Вообще я думаю, что въ нашемъ общемъ интересѣ вести дѣла типографіи, какъ мы ихъ вели доселѣ, несмотря на размолвку, происшедшую между нами. Я сдѣлалъ, что могъ, чтобъ отнять у этой размолвки характеръ ссоры: я написалъ въ отвѣтъ Мейзенбугъ, что я не желалъ васъ оскорбить ни словомъ, ни тономъ; потомъ я пришелъ къ вамъ, но не заставъ васъ, просилъ вторично Мейзенбугъ сказать вамъ отъ меня, что я очень сожалею, что я тѣ же самыя мысли не высказалъ вамъ съ большей учтивостью. Я увѣренъ, что Мейзенбугъ вамъ все это сказала, и потому, если Вы послѣ того не сдѣлали ни одного шага, чтобъ положить конецъ размолвкѣ, то это значитъ, что Вамъ не довольно сдѣланныхъ мною ходовъ.

Жалѣю, что больше для примиренія я ничего не могу сдѣлать съ моей стороны».

54. 8 іюля 1854 г. Энгельсонъ писалъ Герцену: «Сегодня, союзникъ мой Герценъ, имѣлъ я удовольствіе узнать двѣ вещи, перечитывая «Times»: во-1-хъ, что не только направление, но и сила вѣтра ежедневно наблюдается, *измѣряется*, именно г-омъ Lowe. Я этого доселѣ не зналъ. А для моего аэростатическаго изобрѣтенія это—кладъ; во-2-хъ, я узналъ, что въ пятницу, 14-го числа, Baraguay-d'Hilliers отправляется съ *первою* дивизією (въ 12,000 человекъ) на сѣверъ Россіи.

«Tout bien pris ¹⁾, я думаю, что война не шуточная и что Наполеонъ III болѣе уважилъ мою глупую мысль о примѣненіи аэростатовъ къ пропагандѣ бомбъ и печатныхъ листовъ по Россіи, чѣмъ благоволили это сдѣлать другіе люди. Вамъ извѣстно, сколько я одностороненъ въ моей ненависти къ Е. И. В. Николаю Павловичу и сколько я, увы!—одуреваемъ самолюбіемъ. Поэтому не удивляйтесь, что я возымѣлъ мысль написать (вчернѣ покаместъ) слѣдующее письмо къ французскому морскому министру.

«Потрудитесь, прошу васъ, по пріязнѣ ко мнѣ, прочесть это письмо. Вы увидите, что я предлагаю въ немъ доставить французскому правительству сколько угодно экземпляровъ моихъ (реакціонныхъ?) писаній *au prix de revient* ²⁾. Но прежде, чѣмъ я отправлю это письмо къ министру, мнѣ надобно *положительно* знать, согласны ли вы,—вы, которые учредили здѣсь русскую типографію, которому она принадлежитъ,—согласны ли вы, въ случаѣ полученія мною заказа отъ французскаго правительства, позволить мнѣ печатать немедленно «Емельяна Пугачева» 1-е письмо и 1-ю часть «Видѣнія св. Кондратія»?

«Пожалуйста, не принимайте эти строки за «пику». Нѣтъ, нѣтъ! Я не хочу васъ колотъ, мой добрый Герценъ, которому я многимъ обязанъ по части русской революціи. Но, видите ли, теперь наступило такое времячко, что большая часть людей *ne sont pas à la hauteur des circonstances* ³⁾, по-нашему—сбились съ панталыка. Я вѣрю въ ваше сердце, но не вѣрю въ вашу логику. И потому при серьезномъ дѣлѣ моемъ съ французскимъ правительствомъ,—дѣлѣ, ксторое вы, вѣроятно, оуждаете, я прошу васъ, дать мнѣ *снова* отвѣтъ: позволите ли вы *перервать* какія бы то ни было

¹⁾ Принявши все въ соображеніе.

²⁾ По себѣстоимости.

³⁾ Не на высотѣ обстоятельствъ.

печатанія въ типографіи 38, Regent square, для печатанія моихъ épreuves¹⁾?)

«Въ ожиданіи отвѣта остаюсь весь вашъ

*Воля Ангеловъ,
г.-е. Владиміръ Эниельсонъ».*

Приложенное письмо къ французскому военному министру:

«Ваше Превосходительство, 23 мая я взялъ на себя смѣлость представить Его Императорскому Величеству письмо, въ которомъ набросалъ проектъ употребленія аэростатовъ для обслуживанія артиллеріи. Я имѣлъ честь быть извѣщеннымъ увѣдомленіемъ Комиссіи прошеній Государственнаго Совѣта отъ 26-го іюня, за № 10039, за подписью г. секретаря комиссіи, въ которомъ говорится, что мое прошеніе къ Императору передано Вашему Превосходительству, и чтобы съ *послѣдующими моими прошеніями и записками по тому же предмету* я обращался къ Вамъ, г. Министръ.

«Заключая изъ этого, что набросанный мною проектъ не окончательно отвергнутъ, я позволяю себѣ обратиться къ Вамъ со слѣдующею просьбой:

«Въ вышепоименованномъ письмѣ Его Величеству я говорилъ, что аэростатическій аппаратъ могъ бы служить также для распространенія въ центральныхъ губерніяхъ Россіи листковъ, которые объяснили бы русскому народу, введенному въ заблужденіе манифестами его правительства, истинныя причины нынѣшней войны.

«Если для «торжества дѣла закона и цивилизациі» въ войнѣ противъ Россіи, французское правительство пожелало бы употребить помянутые мною листки, я предлагаю ему приготовить столько листковъ на русскомъ языкѣ, сколько оно потребуетъ, въ родѣ тѣхъ, что я имѣю честь приложить въ переводѣ на французскій Вашему Превосходительству.

«Будучи авторомъ приложеннаго листка, я рассчитываю представить французскому правительству такое количество экземпляровъ, какое оно у меня потребуетъ, за ту *въ точности* цѣну, во сколько мнѣ самому обойдется бумага и перепечатаніе экземпляровъ. Я говорю—«перепечатаніе», такъ какъ первое изданіе уже разошлось.

«Эти статьи, написанныя съ цѣлью противовѣса манифестамъ царя къ русскому народу, могли бы быть, какъ мнѣ кажется, распространены при помощи аэростатическаго аппарата, о которомъ говорится въ моемъ вышепоименованномъ письмѣ къ Его Импера-

¹⁾ Сочиненій, стоившихъ усиленнаго труда.

торскому Величеству,—если бы их помѣстить въ трубки, непроницаемая для сырости, или если сами листы бумаги, на которыхъ онѣ напечатаны, сдѣлать непроницаемыми.

«Свою надежду на пропаганду листовъ я возлагаю на то впечатлѣніе, которое произведетъ на такой суевѣрный народъ, какимъ является русскій народъ, зрѣлище паденія листовъ съ высоты аэростата, воспламеняющагося въ воздухѣ.

«Благоволитѣ, Г. Министръ, при чтеніи этого письма и прилагаемаго перевода, не составитъ невыгоднаго для моихъ идей впечатлѣнія изъ-за ошибокъ слога, которыя, конечно, встрѣчаются у меня, вслѣдствіе того, что я не имѣлъ счастья родиться во Франціи и не имѣлъ времени найти корректоровъ. Зато я имѣю смѣлость гарантировать Вамъ чистоту русскаго *народнаго* слога, которымъ написаны мои статьи.

«Въ надеждѣ быть удостоеннымъ какимъ-нибудь отвѣтомъ съ Вашей стороны, имѣю честь, Господинъ Министръ, быть Вашего превосходительства покорнѣйшимъ и нижайшимъ слугою.

Подпись: *Владиміръ Энгельсонъ.*

...іюля 1854 г. Ричмондъ».

10 іюля 1854 г. Энгельсонъ отвѣчалъ Герцену: «Очень, очень опечалило меня вчера ваше письмо. Какъ! я пишу вамъ впопыхахъ и радостяхъ о двухъ новостяхъ, прочтенныхъ мною въ газетѣ, о запавшей мнѣ въ голову мысли, а вы отвѣчаете мнѣ радостью о томъ, что вы полагаете, что вы изрядно-таки меня ранили въ самолюбіе, что вы мѣтко попали *въ цѣль*? Господи, Боже мой! я никогда не думалъ, что вы стрѣляли, что вы цѣлились въ меня.. Такъ это было *умышленно* все съ Вашей стороны? т.-е. обезкураживаніе-то меня? т.-е. пропажа безъ плода моихъ писаній, посланныхъ еще осенью 1851 къ Michelet о Петрашевскомъ, о книгѣ «Russland und die Gegenwart» и Тенгоборскаго? умышленны даже опечатки въ моихъ статьяхъ?.. Не вѣрю. Вы клеветаете на себя. Я ничѣмъ не заслужилъ такой злобы съ Вашей стороны, Вы же и вообще не злой человѣкъ. Итакъ, оставимъ это, какъ нѣчто, писанное сгоряча.

«Совѣтамъ вашимъ насчетъ письма моего къ французскому министру я послѣдовалъ,—опустилъ фразу о моемъ несчастіи не быть рожденнымъ во Франціи, опустилъ нѣкоторые «онеры», ничего не сказалъ въ извиненіе о солицизмахъ. Благодарю васъ, особенно за послѣдній совѣтъ, весьма дѣльный.

«Но къ этимъ добрымъ совѣтамъ присовокуплена приписочка-закончычка, которую я не могу пропустить безъ обдуманной, серь-

езной протестаціи. «Вы *должны* подумать,—пишете Вы,—что по *милости* Головина имя ваше замѣшано въ русское революціонное дѣло и что надобно быть осторожнымъ въ выраженіяхъ».

«Эге, батюшка, я подобныхъ нахлобучекъ не привыкъ спускать даромъ. Нѣтъ, голубчикъ, хоть я и имѣлъ несчастіе встрѣтить въ Вашемъ домѣ доносчика Головина, я тѣмъ не менѣе не признаю за нимъ поповскаго права совершать бракосочетанія. Какъ? я обязанъ, обязанъ по рукамъ и ногамъ, подчиненъ вамъ потому что какому-то Гаврилову вздумалось *печатно* спросить Васъ: кого ему слѣдуетъ разумѣть подъ именемъ Вольной Русской общины,—Васъ ли однихъ или Васъ и Энгельсона? Excusez ¹⁾. На этомъ и тому подобномъ меня не поддѣть. Чтобъ я изъ-за чести быть Головинымъ совокупленнымъ съ вами отказался отъ самостоятельности, отъ свободы, отъ личности?—Дудки! Я явился къ Вамъ и остаюсь «представителемъ» партіи честнаго друга моего Петрашевскаго, котораго Вы очестили «безразсуднымъ» и по-французски и по-русски ²⁾. Мысли партіи Петрашевскаго я останусь вѣренъ и потому, если вы всякій союзъ, всякую общину способны понимать только въ смыслѣ іерархическомъ или эротическомъ, во всякомъ случаѣ—абсолютномъ, то совѣтую Вамъ съ моей стороны поспѣшить придать славы имени моему, напечатать, что вы ничего не имѣете общаго со мною. *Владиміръ Энгельсонъ*».

Къ дѣлу Петрашевскаго и др. Энгельсонъ не имѣлъ никакого отношенія и совершенно въ немъ не фигурировалъ, а, зная, какъ широко забросила свои сѣти полиція, можно положительно утверждать, что всѣ его рассказы о «дружбѣ» съ Петрашевскимъ, Спѣшневымъ и др. были неправдоподобны.

55. Отношенія, болѣе или менѣе порядочныя, были отъ середины 1854 до начала 1855 года. Случались нелады и стычки, но все это не принимало характера конфликта. Вотъ, напримѣръ, три письма за этотъ періодъ, дающія много штриховъ къ портрету Энгельсона.

Въ августѣ 1854 года.

«*Отвѣтъ*».

«Вы пишете: «Нѣтъ любви, нѣтъ, и проч. Есть самолюбія, которыя *кричатъ* вѣчно, однажды затронутыя».

«Правда! правда! Эти *подлѣйшія* самолюбія, стоющія крови тысячамъ, это—Маццини, это—Coeurderoy и компанія. Это—люди,

¹⁾ Прошу прощенія.

²⁾ Такъ понялъ Энгельсонъ слова на 1 строкѣ стр. 461 тома VI.

которые думаютъ, какъ Маццини сказаль честному (но не на шутку, а серьезно честному) Медичи: «Да если мы перестанемъ жертвы приносить, *насѣ забудутъ*».

«Я пожалъ руку этому *подлецу* въ надеждѣ черезъ него сдѣлать что-нибудь противъ Николая. Онъ надулъ меня, какъ надулъ, какъ *укралъ* у меня трудъ (англійскій переводъ) Ворцель, закадычный другъ Маццини.

«И да не будетъ любви, а да будетъ, наконецъ, судъ и расправа! Да столкнемся мы,—мы, люди маленькіе, какъ Петрашевскій, Спѣшневъ, Кашкинъ да и я, съ представителями и начальниками комитетовъ, съ раздателями дипломовъ. О! еслибъ я не думаль, что моя жизнь можетъ быть еще полезна *моей* партіи,—партіи людей не тщеславныхъ, не знающихъ за собою ничего, о чемъ бы имъ краснѣть, ни изрѣзаннаго носа, какъ великій Пянчани, ни писемъ къ Меньшикову, какъ Головинъ, ни... ну, да что перечень дѣлать!—сегодня же бы я *принудилъ* бы къ поединку (затронувъ за тщеславіе) оскорбившаго меня друга вашего, Доманже.

«Онъ первый, при Рейхелъ и Тесье, захотѣлъ оскорбить сына моего, сказавъ (по всѣмъ правиламъ французской грамматики), что, если я говорю ему, que «je ne puis pas lui tenir tête» ¹⁾, то онъ боится моей «угрозы» лишь потому, дескать, *что я женатъ, а по-се-му, вѣроятно, рогатъ*. (Помните?).

«Честно! благородно! Ай, да социалисты! Если не я, то сынъ мой ему это вспомнеть. Клянусь или пусть онъ докажетъ справедливость своей клеветы.

«Мсть! Мсть! Это—принципъ справедливости, справедливость не что, какъ мсть. Я былъ бы радъ, еслибъ вы его снова привели ко мнѣ,—я кончилъ бы съ нимъ дѣло. Довольно ему дано повадки.

«Нѣтъ любви». Вы правы, *если говорите обо мнѣ*. Нѣтъ ея во мнѣ къ людямъ, которые изъ-за самолюбія готовы продать всѣ свои принципы, все свое прошедшее. Этимъ людямъ всегда вседушно, когда *не* они на первомъ планѣ. А *намъ*, а для *насѣ* все равно, *кто* орудіе, была бы лишь цѣль достигнута.

«Объ Головинѣ вы спрашиваете меня. Это доказываетъ ваше добродушіе ко мнѣ, и на добродушіе я всегда буду отвѣчать искренно, и всегда за добродушіе я буду благодаренъ.

«Вотъ что бы я сдѣлалъ на вашемъ мѣстѣ:»

¹⁾ Что я ему не уступаю.

«Я написал бы Головину 2 записки: въ 1-й извѣстилъ бы его, что я посылаю ему десять ливровъ, но съ условіемъ, чтобъ онъ (подлецъ) подписалъ и возвратилъ 2-ую записку, сирѣчь, во 2-й я сказалъ бы, что, не взирая на всѣ козни и ругательства, особенно прошедшества Головина, я посылаю ему 10 ливровъ, по просьбѣ его, и съ просьбою впредь не считать меня *расположенными* ссужать деньгами авторовъ писемъ къ Николаю, Константину и Меншикову.

«А расписку отъ него вамъ бы нужно имѣть, иначе онъ же васъ одурачитъ.

«Простите тонъ.

«Посылаю при семъ еще непросмотрѣнные мною листы оригинала для Чернецкаго».

28 сентября 1854 г.: «Нѣтъ ни единого письма къ вамъ,—ну, что же! Pas de nouvelles — bonnes nouvelles ¹⁾). И я пишу только, чтобъ сообщить вамъ эту bonne nouvelle и чтобы, вѣдучи по желѣзной дорогѣ, вы не думали, что весь Ричмондъ и мы, ваши почтеннѣйшіе слуги, въ немъ сгорѣли.

«Радуюсь, что вы сдѣлали хорошую прогулку; вѣрю, что на островѣ Вайтъ природа изящна; желалъ бы только знать, est-elle belle ou plutôt charmante. «Jo penso,

io credo, ch'ellè bella, maestosa,
«Inspiratrice—miracolosa»,

perché - - - perché ²⁾ вамъ

Чудится тамъ

То, что я гнѣвнень,

То, что я строгъ

въ письмахъ моихъ!

Богородице помилуй, съ чего это вы взяли?

Оба раза, что я къ вамъ писалъ,

Меня лучъ солнца озорялъ

И «Times» вѣстями восхищалъ.

За что мнѣ гнѣваться? въ особенности

За что съ тѣхъ поръ,

Что Ричмондъ ты покинулъ

И я не вижу больше... ³⁾

¹⁾ Нѣтъ вѣстей—значитъ, хорошія вѣсти.

²⁾ Прекрасна ли она, или, скорѣе, очаровательна. «Я думаю, я вѣрю, что она прекрасна, величественна, чудесная вдохновительница», потому что... потому что.

³⁾ Слово не разобрано.

За что, скажи мнѣ, Герценъ, вообще
Я могъ бы строгъ и гнѣвенъ быть къ тебѣ!

Скажи, когда жъ и въ чемъ ты преступилъ,
Скажи, когда кого ты оскорбилъ?
Не ты ли въ горести насъ утѣшаешь,
Не ты ли радость въ горе превращаешь?

Придешь ли ты къ родильницѣ счастливой,
Ты ей рѣчешь лишь слово мудреца:
«Повѣрьте, барыня моя,
Что дѣти—просто наказанье».

Придетъ ли бѣглый къ тебѣ въ домъ
И скажетъ: «Богу слава,
Друзья наши отомщены,
Царя-тирана нынѣ бьютъ,
Падетъ его держава»,—

Ты скажешь: «Ну, не *стыдно* ль вамъ
«Съ Наполеонами *брататься*?
«Все это пуфъ, все это вздоръ
«И лишь союзникамъ позоръ.

«Друзья тогда лишь будутъ вольны,
«Когда *весь* міръ станетъ вверхъ дномъ
«Да Осипъ сочинитъ Содомъ».
—«Когда же міръ станетъ вверхъ дномъ?»—
Васъ бѣдный спрашиваетъ робко.
«—Когда Николая покоритъ
«Парижъ и Лондонъ, и *Мадридъ*»...
Чего же гнѣваться за это?
Все это смѣло, горячо,
Глубокомысленно, остро,—
Зачѣмъ людей щадить для слова?...
Слова, станокъ тебѣ покорны,
А люди ужъ куда презорны.

...И какъ посмѣть,
Когда я вспомню,

Что ваше имя—легионъ,
Мое же—просто

«Ениельсонъ»,—

Какъ Головинъ, гремучей славы,
Меня изволилъ прописать
И съ вами брачно сочетать» ¹⁾.

7 октября 1854 г.: «Мнѣ кажется, что мои нервы теперь успокоились и что я поэтому могу теперь серьезное слово вымолвить вамъ на данные мнѣ вами вопросы. Обо всемъ серьезномъ для меня легче съ вами говорить письменно, чѣмъ изустно. Изустно вы кричите, сбиваете меня, я не сосредоточенъ, устаю возражать, а письменно я весь свой... А что меня успокоило? Огонь въ каминѣ спальной, спокойный храпъ ребенка въ постели, тихій говоръ Александры, штопавшей подлѣ меня салфетки какія-то... Мы перебирали съ нею послѣдніе годы всѣхъ намъ близкихъ покойниковъ, — моего отца, ея отца, ея матери,—и вывели мы, какъ общій фактъ, что всѣ намъ знакомые люди, весьма впрочемъ, разные между собою, въ послѣдніе годы ихъ жизни удивительно,—нѣтъ, замѣтно,—были въ постоянномъ раздраженіи, мозговомъ, умственномъ, т.-е. въ разнаго рода delirium. Я не хочу сказать вамъ этимъ обвинякомъ, что, по моему мнѣнію, вы близки къ гробу. Нѣтъ, вы имѣете еще, кажется, много жизненной силы, но вы, дѣйствительно, сломаны, поломаны или надломлены цюрихскимъ дѣломъ. Это я теперь только вижу изъ вашего психическаго состоянія. Все въ мозгу вашемъ, кажется мнѣ, обстоитъ благополучно, за исключеніемъ одного образа, одного ряда мыслей, именно мыслей о возможности для васъ обезчещенія, опозоренія. Это у васъ стало больнымъ пунктомъ, нарывомъ въ мозгу. Дайте мнѣ отъ доброй души, съ безпощадностью, безъ малѣйшихъ опасеній рану растравить, высказаться. Оговорка эта нужна для того, чтобъ вы не подумали, что я намѣренъ обращаться съ вами, какъ съ больнымъ, съ поврежденнымъ неизлѣчимо.

«Не торопитесь сказать обо мнѣ, что я, — дѣйствительно, нѣмецъ, если я осмѣлюсь выставить вамъ на видъ, что по мнѣ честный человѣкъ не можетъ въ самомъ дѣлѣ стать когда-либо честнымъ.

Du bist nun einmal was du bist ²⁾.

(«Фаустъ»).

«Характеръ человѣка—нѣчто данное, une donnée, отъ природы, и свобода воли наша не такъ широка, чтобъ измѣнить нашъ ха-

¹⁾ См. главу «Былого и думъ»,—«И. Г. Головинъ».

²⁾ Ты разъ навсегда то, что ты есть.

рактерь. Что я теперь имѣлъ смѣлость (да! да! смѣлость) написать — не нѣмецкая развратность Штирнера и К^о, а скорѣе изложеніе русской поговорки: «брань на вороту не виснетъ».

«Я не понимаю, какъ человѣкъ сколько-нибудь самостоятельный, могъ бы бояться обезчещенія, лишенія чести. Честь, какъ чувство уваженія къ самому себѣ, какъ совѣсть,—вещь неотъемлемая, и каждый можетъ взять себѣ на видъ столь гордый девизъ Витгенштейна: «честь своей никому не отдамъ». Вы можете надѣлать ошибокъ, прегрѣшеній противъ себя,—настолько есть въ человѣкѣ свободы воли,—но стать безчестнымъ вы не можете,—настолько нѣтъ у васъ *liberi arbitrii* ¹⁾. Гете пошелъ дальше и написалъ объ себѣ: «Hätte ich einen Fehler begangen, so könnte es keiner sagen» ²⁾.

«Я боюсь побоевъ, ранъ, какъ я боюсь холода, голода, холеры,—и въ этомъ я правъ, разуменъ.

«Но, признаюсь, я боюсь и насмѣшекъ, и брани. Это доказываетъ только, что я еще не вполне свободный человѣкъ, самъ на себя опирающийся, само-державный, а что во мнѣ есть доля *холопства*, зависимости *безотчетной*, несознательной отъ мнѣнія мнѣ постороннихъ.

«За мнѣніемъ людей не угоняешься. «Доброе имя»—глупость. Это зачатокъ понятія о *кредитѣ*, но только зачатокъ, а не самое понятіе. Честь и кредитъ—одно и то же, пожалуй, но я вовсе не все дѣлаю на кредитъ, мнѣ онъ не во всемъ нуженъ. Я понялъ, что по природѣ вещей я не могу, а вслѣдствіе того я теперь и не хочу, имѣть всестороннія, неопредѣленные, безусловныя связи съ моими ближними. Я имѣю съ ними дѣла, отношенія опредѣленные, это все—договоры, уговоры съ болѣе или менѣе частными цѣлями, болѣе или менѣе *explicit'ные* ³⁾. Быть вѣрнымъ этимъ уговорамъ—вотъ въ чемъ мой кредитъ, моя честь или честность.

«У дворянъ, т.-е. побѣдителей, былъ тацитный ⁴⁾ уговоръ (котораго весь смыслъ политическій) *внушать* всѣмъ и каждому неопредѣленное уваженіе къ ихъ яко бы священнымъ особамъ. Вотъ почему они считали каждое бранное слово, имъ или объ нихъ сказанное, за святотатство и старались наказывать, т.-е. мстить, за него.

«Я не дворянинъ и потому готовъ предать себя на поруганіе, лишь бы я самъ собою былъ доволенъ. При поруганіи что мнѣ прискорбно, это—видъ, это фактъ, что я внушаю антипатію, тогда

¹⁾ Свободнаго сужденія.

²⁾ Если бы я сдѣлалъ ошибку, то никто не могъ бы этого сказать.

³⁾ Ясные.

⁴⁾ Молчаливый.

какъ мнѣ, какъ человѣку, «животному общительному» *) *par excellence*, хотѣлось бы встрѣчать повсюду лишь симпатію, быть со всѣми въ ладу. Касательно же дурного мнѣнія, которое брань обо мнѣ въ себѣ содержитъ, — это мнѣніе — дѣло, подлежащее суду и разсужденію, моему собственному разсужденію *avant tout* ²).

«Не какъ лекцію о нравственной философіи написалъ я вамъ это, а чтобъ изложить вамъ, до какой степени я «развратенъ», какъ сказалъ бы обо мнѣ, напримѣръ, Погодинъ, еслибъ онъ читалъ эти строки, — чтобъ вы знали меня и не принимали меня за нѣчто лучшее, чѣмъ каковъ я на самомъ дѣлѣ, — чтобъ вы извинили мнѣ, если я «вопросы чести» беру неглубоко, а поверхностно, потому что они таковы сами по себѣ. Я былъ бы совершенно радъ и доволенъ, я видѣлъ бы признакъ вашего выздоровленія, еслибъ вы мнѣ сказали, что для васъ, какъ для меня, вопросъ головинскій сводится не на избѣжаніе или предупрежденіе изустныхъ или печатныхъ ругательствъ противъ васъ (для отпора на нихъ есть и у васъ языкъ и перо), но на избѣжаніе просто нападеній на васъ съ кулакомъ или ножомъ. Вопросъ для меня таковъ: стыдно ли или нѣтъ для Ивана, Петра, *n'importe qui* ³), избѣгать встрѣчи съ бѣшеной собакой?»

«Если не стыдно избѣгать, такъ не стыдно и говорить всѣмъ желающимъ знать, что вы не ходите туда-то и туда-то, чтобъ не наткнуться на Гол.

«Но какъ извѣстно, что по Лондону ходитъ эта бѣшенная собака, то благоразуміе требуетъ отъ васъ, не ходить безъ оружія. Пистолеть — не лучшее оружіе въ такихъ случаяхъ; лучшее — трость со свинцомъ или копьемъ.

«Послѣ стычки, я не на дуэль пошелъ бы, а пропечаталъ бы самъ исторію и записку о десяти ливрахъ.

В. Энгельсонъ».

56. 11 февраля 1855 г. Энгельсонъ писалъ Герцену: «Принимаю, Герценъ, и брилліанты назадъ и восемь шиллинговъ за урокъ. Но именно, чтобъ не говорить никогда больше о финансахъ, позвольте мнѣ тотчасъ же свести счетъ моихъ долговъ.

«990 франковъ, занятыхъ въ Ниццѣ, я отдамъ, какъ скоро получу часть моего капитала.

«50 фунтовъ (занятыхъ, было, подъ залогъ, теперь безъ залога), также, какъ 5 ф. (взятыхъ подъ булавку, которую вы мнѣ

*) Определеніе принадлежитъ Платону.

²) Прежде всего.

³) Все равно для кого.

также возвратили), выплачу частью уроками, частью изъ ожидаемых мною доходовъ изъ дома.

«5 ф. послѣднихъ взятыхъ уже выплачены уроками; доселѣ я имѣю за вами 22 урока по 4 шил., это = 4 ф. 8 шил.; сегодня даю урокъ въ 8 шил. Вотъ мы и квиты.

«500 фр., взятыхъ у г-жи Фоссъ, я обязанъ отдать не раньше 1-го янн. 1856 г.

«Вы просите меня не сказать ни слова о вчерашнемъ. Тяжело мнѣ обойти молчаніемъ одно лишь обстоятельство: я виноватъ, что обчелся въ моихъ доходахъ или во времени ихъ прихода ко мнѣ. Вдругъ перемѣнить мнѣ образъ жизни нельзя — кредитъ мой донетъ, а я на кредитъ теперь живу. Вотъ почему я все забираю, забираю, гдѣ могу. Я не сказалъ вамъ въ четвергъ, что мнѣ нужно болѣе 5 ф., говорите вы. Я сказалъ вамъ, что мнѣ хотѣлось бы быть независимымъ на мѣсяць времени, а въ мѣсяць, по образу житья моего доселѣ, я издерживаю болѣе 5 фунтовъ. Вы при этомъ посоветовали мнѣ еще скорѣе обратиться къ Хоецкому, чѣмъ къ Рейхелю, предложивъ огъ себя 5 ф. У меня не хватило духа просить больше отъ васъ. Но когда жена моя узнала это, она вспомнила, что я не дорожилъ для васъ ничѣмъ когда готовился ѣхать въ Америку. Извините, пожалуйста, извините это напоминаніе. Но мнѣ нельзя не сказать этого. Тогда вы готовы были мнѣ в награду мое состояніе, еслибъ я его лишился, и спросили у меня его стоимость. Все бы это осталось у насъ на умѣ, и не пришло бы на языкъ, если бы вы не осыпали меня упреками за то, что я часто призываю доктора, а объ урокахъ жена помянула, найдя жестокостью съ вашей стороны, что вы пошутили недавно, когда я макировалъ, за болѣзнь, сказавъ мнѣ, зачѣмъ я лишаюсь 8 шиллинговъ.

Я кончилъ. *В. Энгельсонъ*».

57. 22 мая 1855 г. Энгельсонъ писалъ Герцену: «У меня открылось кровотеченіе, которое не позволеть мнѣ удалиться надолго изъ дома, — каждые полчаса мнѣ нужно мыться. Но при этомъ я не страдаю ничѣмъ, а напротивъ того, чувствую себя здоровѣе, чѣмъ доселѣ, то я весьма былъ бы въ состояніи дать урокъ, еслибъ не Саша, то по крайней мѣрѣ г-жа Мейзенбургъ и Тата, пожаловали ко мнѣ. Теперь у меня есть комната порожняя для уроковъ. Я нишу о моемъ предложеніи г-жѣ Мейз. и прошу Васъ удостоить меня отвѣта. Еслибъ вообще уроки брались на моей квартирѣ, то отъ учениковъ завистля бы аккуратность болѣе, чѣмъ отъ меня».

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ

(ОТРЫВКИ)

А н г л і я

(1852—1865)

ГЛАВА I.

ЛОНДОНСКІЕ ТУМАНЫ.

Когда на разсвѣтѣ 25 августа 1852 я переходилъ по мокрой доскѣ на англійскій берегъ и смотрѣлъ на его замарано-бѣлые выступы, я былъ очень далекъ отъ мысли, что пройдутъ годы прежде, чѣмъ я покину мѣловые утесы его.

Весь подъ вліяніемъ мыслей, съ которыми я оставилъ Италію, болѣзненно ошеломленный, сбитый съ толку рядомъ ударовъ, такъ скоро и такъ грубо слѣдовавшихъ другъ за другомъ, я не могъ ясно взглянуть на то, что дѣлалъ. Мнѣ, будто, надобно было еще и еще дотронуться своими руками до знакомыхъ истинъ, для того, чтобъ снова повѣрить тому, что я давно зналъ или долженъ былъ знать.

Я измѣнилъ своей логикѣ и забылъ, какъ розень современный человѣкъ въ мнѣніяхъ и дѣлахъ, какъ громко начинаетъ онъ и какъ скромно выполняетъ свои программы, какъ добры его желанія и какъ слабы мышцы.

Мѣсяца два продолжались ненужныя встрѣчи, бесплодное исканіе, разговоры тяжелые и совершенно безполезные, и я все чего-то ожидалъ... чего-то ожидалъ. Но моя реальная натура не могла остаться долго въ этомъ призрачномъ мірѣ; я сталъ мало-по-малу разглядывать, что зданіе, которое я выводилъ, не имѣетъ грунта, что оно непременно рухнетъ.

Я былъ униженъ, мое самолюбіе было оскорблено, я сердился на самого себя. Совѣсть угрызала за святотатственную порчу горести, за годъ суеты, и я чувствовалъ страшную, невыразимую усталъ... Какъ мнѣ была нужна тогда грудь друга, которая при-

няла бы безъ суда и осужденія мою исповѣдь, была бы несчастна моимъ несчастіемъ; но кругомъ стлалась больше и больше пустыня, никого близкаго... ни одного челоѣка... А, можетъ, это было и къ лучшему.

Я не думалъ прожить въ Лондонѣ дольше мѣсяца, но мало-по-малу я сталъ разглядывать, что мнѣ рѣшительно некуда ѣхать и не зачѣмъ. Такого отшельничества я нигдѣ не могъ найти, какъ въ Лондонѣ.

Рѣшившись остаться, я началъ съ того, что нашелъ себѣ домъ въ одной изъ самыхъ дальнихъ частей города, за Реджентъ-паркомъ, близъ Примрозъ Гилля ¹⁾).

Дѣти оставались въ Парижѣ, одинъ Саша былъ со мною. Домъ на здѣшній манеръ былъ раздѣленъ на три этажа. Весь средній этажъ состоялъ изъ огромнаго, неудобнаго, холоднаго drawing room ²⁾. Я его превратилъ въ кабинетъ. Хозяинъ дома былъ скульпторъ и загромоздилъ всю эту комнату разными статуетками и моделями... Бюстъ Лолы Монтесъ ³⁾ стоялъ у меня предъ глазами вмѣстѣ съ Викторіей.

Когда на второй или третій день послѣ нашего переѣзда, разобравшись и устроившись, я взошелъ утромъ въ эту комнату, сѣлъ на большія кресла и просидѣлъ часа два въ совершеннѣйшей тишинѣ, никѣмъ не тормошимый, я почувствовалъ себя какъ-то свободнымъ,—въ первый разъ послѣ долгаго, долгаго времени. Мнѣ было нелегко отъ этой свободы, но, все же, я съ привѣтомъ смотрѣлъ изъ окна на мрачныя деревья парка, едва сквозившія изъ-за дымчатаго тумана, благодаря ихъ за покой.

По цѣлымъ утрамъ сиживалъ я теперь одинъ-одинехонекъ, часто ничего не дѣлая, даже не читая; иногда прибѣгалъ Саша, но не мѣшалъ одиночеству. Г. ⁴⁾, жившій со мной, безъ крайности никогда не входилъ до обѣда; обѣдали мы въ седьмомъ часу. Въ этомъ досугѣ разбиралъ я фактъ за фактомъ все бывшее: слова и письма людей и себя; ошибки направо, ошибки налѣвс, слабость, шаткость, раздумье, мѣшающее дѣлу, увлеченье другими. И въ продолженіе этого разбора внутри исподволь совершался переворотъ... Были тяжелыя минуты, и не разъ слеза скатывалась по щекѣ; но были и другія, не радостныя, но мужественныя: я чувствовалъ въ

¹⁾ См. № 608.

²⁾ Гостиная.

³⁾ Куртизанка, любовница баварскаго короля Людвигъ I; изъ-за нея вспыхнуло народное возстаніе въ 1848 г.

⁴⁾ Э. Гаугъ.

себѣ силу, я не надѣялся ни на кого больше, но надежда на себя крѣпчала, я становился независимѣе отъ всѣхъ.

Пустота кругомъ окрѣпила меня, дала время собраться, я отвыкалъ отъ людей, т.-е. не искалъ съ ними истиннаго сближенія; я и не избѣгалъ никого, но лица мнѣ сдѣлались равнодушны. Я увидѣлъ, что серьезно-глубокихъ связей у меня нѣтъ. Я былъ чужой между посторонними, сочувствовалъ больше однимъ, чѣмъ другимъ, но не былъ ни съ кѣмъ тѣсно соединенъ. Оно и прежде такъ было, но я не замѣчалъ этого, постоянно увлеченный собственными мыслями; теперь маскарадъ кончился, домино были сняты, вѣнки попадали съ головъ, маски—съ лицъ, и я увидѣлъ другія черты, не тѣ, которыя я предполагалъ. Что же мнѣ было дѣлать? Я могъ не показывать, что я многихъ меньше люблю, т.-е. больше знаю, но не чувствовать этого я не могъ, и, какъ я сказалъ, эти открытія не отняли у меня мужества, но, скорѣе, укрѣпили его.

Для такого перелома лондонская жизнь была очень благотворна. Нѣтъ города въ мірѣ, который бы больше отучалъ отъ людей и больше приучалъ бы къ одиночеству, какъ Лондонъ. Его образъ жизни, разстоянія, климатъ, самыя массы народонаселенія, въ которыхъ личность пропадаетъ, — все это способствовало къ тому вмѣстѣ съ отсутствіемъ континентальныхъ развлеченій. Кто умѣетъ *жить одинъ*, тому нечего бояться лондонской скуки. Здѣшняя жизнь точно такъ же, какъ здѣшній воздухъ, вредна слабому, хилому, ищущему опоры внѣ себя, ищущему привѣта, участія, вниманія; нравственныя легкія должны быть здѣсь такъ же крѣпки, какъ и тѣ, которымъ назначено отдѣлять изъ продымленнаго тумана кислородъ. Масса спасается завоевываніемъ себѣ насущнаго хлѣба, купцы—недосугомъ стяжанія, всѣ—суею дѣль; но нервныя романтическія натуры, любящія жи-гь на-людяхъ, умственно тянутся и праздно млѣтъ, пропадаютъ здѣсь со скуки, впадаютъ въ отчаяніе.

Одиноко бродя по Лондону, по его каменнымъ просѣкамъ, по его угарнымъ коридорамъ, не видя иной разъ ни на шагъ впередъ отъ сплошнаго опаловаго тумана и толкаясь съ какими-то бѣгущими тѣнями, я много прожилъ.

Обыкновенно вечеромъ, когда мой сынъ ложился спать, я отправлялся гулять; я почти никогда ни къ кому не заходилъ; читалъ газеты, всматривался въ тавернахъ въ незнакомое племя, останавливался на мостахъ черезъ Темзу.

Съ одной стороны, прорѣзываются и готовы исчезнуть сталактиты парламента, съ другой—опрокинутая миска св. Павла... и

фонари... фонари безъ конца въ обѣ стороны. Одинъ городъ, сытый, заснулъ; другой—голодный, еще не проснулся, пусто, только слышна мѣрная поступь полицмена съ своимъ фонарикомъ. Посидишь, бывало, посмотришь, и на душѣ сдѣлается тише и мирнѣе. И вотъ за все за это я полюбилъ этотъ страшный муравейникъ, гдѣ сто тысячъ человѣкъ всякую ночь не знаютъ, гдѣ прислонить голову, и полиція нерѣдко находитъ дѣтей и женщинъ, умершихъ съ голода возлѣ отелей, въ которыхъ нельзя обѣдать, не истративши двухъ фунтовъ.

Но такого рода переломы, какъ бы быстро ни приходили, не дѣлаются разомъ, особенно въ сорокъ лѣтъ. Много времени прошло, пока я сладилъ съ новыми мыслями. Рѣшившись на трудъ, я долго ничего не дѣлалъ или дѣлалъ не то, что хотѣлъ.

Мысль, съ кторой я пріѣхалъ въ Лондонъ: искать *суда своихъ*, была вѣрна и справедлива. Я это и теперь повторяю съ полнымъ и обдуманномъ сознаниемъ. Къ кому же, въ самомъ дѣлѣ, намъ обращаться за судомъ, за возстановленіемъ истины, за обличеніемъ лжи?

Не итти же намъ тягаться передъ судомъ нашихъ враговъ, судящихъ по другимъ началамъ, по законамъ, которыхъ мы не признаемъ.

Можно развѣдаться самому, можно, безъ сомнѣнія. Самоуправство вырываетъ силой взятое силой и тѣмъ самымъ приводитъ къ равновѣсію; месть—такое же простое и вѣрное человѣческое чувство, какъ благодарность; но ни месть, ни самоуправство ничего не объясняютъ. Можетъ же случиться, что человѣку въ объясненіи—главное дѣло, можетъ быть ему *возстановленіе правды* дороже мести.

Ошибка была не въ *главномъ полдженіи*, она была въ прилагательномъ: для того, чтобъ былъ судъ своихъ, надобно было прежде всего имѣть *своихъ*. Гдѣ же они были у меня?...

Свои у меня были когда-то въ Россіи. Но я такъ всплнѣ былъ отрѣзанъ на чужбинѣ... Надобно было, во что бы ни стало, снова завести рѣчь со своими, хотѣлось имъ рассказать, что тяжело лежало на сердцѣ. Писемъ не пропускаюгъ,—книги сами придутъ; писать нельзя,—буду печатать и я принялся мало-помалу за *«Былое и думы»* и за *устройство русской типографіи*.

ГЛАВА II.

ГОРНЫЯ ВЕРШИНЫ.

Маццини.—Ледрю-Ролленъ.—Кошутъ.

Издавая прошлую «Полярную Звѣзду» ¹⁾, я долго думалъ, чтѣ слѣдуетъ печатать изъ лондонскихъ воспоминаній и чтѣ лучше оставить до другого времени. Больше половины я отложилъ, теперь я печатаю изъ нея нѣсколько отрывковъ.

Что же измѣнилось? 59 и 60 годы раздвинули берега. Личности, партіи уяснились, однѣ окрѣпли, другія улетучились. Съ напряженнымъ вниманіемъ, останавливая не только всякое сужденіе, но самое бѣненіе сердца. слѣдили мы эти два года за близкими лицами; они то исчезали за облаками порохового дыма, то вырѣзывались изъ него съ такою яркостью, росли быстро, быстро и снова скрывались за дымомъ. *На сію минуту* онъ разсѣялся, и на сердцѣ легче, всѣ дорогія головы пѣлы!

А еще дальше за этимъ дымомъ, въ тѣни, безъ шума битвъ, безъ ликованій торжества, безъ лавровыхъ вѣнковъ одна личность достигла колоссальныхъ размѣровъ.

Осыпаемый проклятіями всѣхъ партій: обманутымъ плебеємъ, дикимъ попомъ, трусомъ-буржуа и піемонтской дрянью, оклеветанный всѣми органами всѣхъ реакцій, огъ панскаго и императорскаго «Монитера» до либеральныхъ кастратовъ Кавура и великаго евнуха лондонскихъ мѣняль «Таймса» (который не можетъ называть имени Маццини, не прибавивъ площадной брани),—онъ остался

¹⁾ V кн., гдѣ помѣщена эта глава въ очень сокращенномъ видѣ.

не только... «неколебимъ предъ общимъ заблужденьемъ» ¹⁾, но благословляющимъ съ радостью и восторгомъ враговъ и друзей, исполнившихъ *его* мысль, *его* планъ. Указывая на него, какъ на какого-то Абадонну ²⁾,

Народъ, таинственно спасаемый тобою,
Ругался надъ твоей священной сѣдиною... ³⁾.

...Но возлѣ него стоялъ нѣ Кутузовъ, а Гарибальди. Въ лицѣ своего героя, своего освободителя Италия не разрывала съ Маццини. Какъ же Гарибальди не отдалъ ему полвѣнка своего? зачѣмъ не признался, что идетъ съ нимъ рука въ руку? зачѣмъ оставленный триумвиръ римскій не предъявилъ своихъ правъ? зачѣмъ онъ самъ просилъ не поминать его, и зачѣмъ народный вождь, чистый, какъ отрокъ, молчалъ и лгалъ разрывъ?

Обоимъ было что-то дороже ихъ личностей, ихъ имени, ихъ славы—*Италія!*

И пошлая современность ихъ не поняла. У ней не хватило емкости, настолько величія; бухгалтерской книги ихъ недостало до того, чтобъ подвести итогъ такихъ *credit* и *debit*.

Гарибальди сдѣлался еще больше «лицомъ изъ Корнелія Непота»; онъ такъ антично великъ въ своемъ хуторѣ, такъ просто-душно, такъ чисто великъ, какъ описаніе Гомера, какъ греческая статуя. Нигдѣ ни риторики, ни декорацій, ни дипломатій,—въ эпопеѣ онъ были ненужны; когда она кончилась, и началось продолженіе календаря, тогда король отпустилъ его, какъ отпускаютъ доведшаго ямщика, и, сконфуженный, что ему ничего нельзя дать на водку, перещеголялъ Австрію колоссальной неблагодарностью; а Гарибальди и не разсердился; онъ, улыбаясь, съ пятьюдесятью скуди въ карманѣ, вышелъ изъ дворцовъ странъ, покоренныхъ имъ, предоставляя дворовымъ усчитывать его расходы и разсуждать о томъ, что онъ испортилъ шкуру медвѣдя. Пускай себѣ тѣшатся,—половина великаго дѣла сдѣлана, лишь бы Италію сколотить въ одно и прогнать бѣлыхъ кретиновъ.

Были минуты тяжелыя для Гарибальди. Онъ увлекается людьми; какъ онъ увлекся А. Дюма, такъ увлекается Викторомъ-Эммануиломъ; неделикатность короля огорчаетъ его; король это знаетъ и, чтобъ задобрить его, посылаетъ фазановъ, собственноручно убитыхъ, цвѣты изъ своего сада и любовныя записки, подписанныя: «*sempre il tuo amico Vittorio*» ⁴⁾.

¹⁾ «Полководецъ» Пушкина.

²⁾ Имя падшаго ангела въ поэмі Клопштока «Мессіада».

³⁾ «Полководецъ» Пушкина.

⁴⁾ Всегда твой другъ Викторъ.

Для Маццини люди не существуютъ, для него существуетъ *дѣло*, и притомъ *одно дѣло*; онъ самъ существуетъ, «живетъ и движется» только въ немъ. Сколько ни посылай ему король /фаза-новъ и цвѣтовъ, онъ его не тронетъ. Но онъ сейчасъ соединится не только съ нимъ, котораго онъ считаетъ за добраго человѣка, но съ его маленькимъ Талейраномъ, котораго онъ въ все не считаетъ ни за добраго, ни за порядочнаго человѣка. Маццини—аскетъ, Кальвинъ, Прочида итальянскаго освобожденія. Односторонній, вѣчно занятый одной идеей, вѣчно на стражѣ и готовый, Маццини съ тѣмъ упорствомъ и терпѣніемъ, съ которымъ онъ создалъ изъ разбросанныхъ людей и неясныхъ стремленій плотную партію и, послѣ десяти неудачъ, вызвалъ Гарибальди и его войско полсвободной Италіи и живую, непреложную надежду на ея единство,— Маццини не спитъ. День и ночь, ловя рыбу и ходя на охоту, ложась спать и вставая, Гарибальди и его сподвижники видятъ худую, печальную руку Маццини, указывающую на Римъ, и они еще пойдутъ туда!

Я дурно сдѣлалъ, что выпустилъ въ напечатанномъ отрывкѣ нѣсколько страницъ объ Маццини; его усѣченная фигура вышла не такъ ясно; я остановился именно на его размолвкѣ съ Гарибальди въ 1854 и на моемъ разномысліи съ нимъ. Сдѣлано было это мною изъ деликатности, но эта деликатность *мелка* для Маццини. О такихъ людяхъ нечего умалчивать, *ихъ щадить нечего!*

Послѣ своего возвращенія изъ Неаполя, онъ написалъ мнѣ записку; я поспѣшилъ къ нему. Сердце щемило, когда я его увидѣлъ; я, все же, ждалъ найти его грустнымъ, оскорбленнымъ въ своей любви; положеніе его было въ высшей степени трагическое; я, дѣйствительно, его нашелъ тѣлесно состарившимся и... помолодѣлымъ душой; онъ бросился ко мнѣ, по обыкновенію протягивая обѣ руки, со словами: «Итакъ, наконецъ-то, сбывается!»... Въ его глазахъ былъ восторгъ, и голосъ дрожалъ.

Онъ весь вечеръ рассказывалъ мнѣ о времени, предшествовавшемъ экспедиціи въ Сицилію, о своихъ сношеніяхъ съ Викторомъ-Эммануиломъ, потомъ о Неаполѣ. Въ увлеченіи, въ любви, съ которыми онъ говорилъ о побѣдахъ, о подвигахъ Гарибальди, было столько же дружбы къ нему, какъ въ его брани за довѣрчивость и за неумѣніе распознавать людей.

Слушая его, я хотѣлъ поймать одну ноту, одинъ звукъ обиженнаго самолюбія и не поймалъ; ему грустно, но грустно, какъ матери, оставленной на время возлюбленнымъ сыномъ,—она знаетъ, что сынъ воротится, и знаетъ больше этого—что сынъ счастливъ: это покрываетъ все для нея!

Маццини исполненъ надеждъ, съ Гарибальди онъ ближе, чѣмъ когда-нибудь. Онъ съ улыбкой разсказывалъ, какъ толпы неаполитанцевъ, побитыя агентами Кавура, окружили его домъ съ криками: «Смерть Маццини!». Ихъ, между прочимъ, увѣрили, что Маццини—«бурбонскій республиканецъ»: «У меня въ это время было нѣсколько человекъ нашихъ и одинъ молодой русскій; онъ удивлялся, что мы продолжаемъ прежній разговоръ. Вы не опасайтесь,—сказалъ я ему въ успокоеніе,—они меня не убьютъ, они только кричатъ!»

Нѣтъ, такихъ людей нечего шадить!

31 января 1861.

Въ Лондонѣ я спѣшилъ увидѣть Маццини не только потому, что онъ принялъ самое теплое и дѣятельное участіе въ несчастіяхъ, которыя пали на мою семью, но еще и потому, что я имѣлъ къ нему особое порученіе отъ его друзей. Медичи, Пизакане, Меццакано, Козенць, Бергани и другіе были недовольны направленіемъ, которое давалось изъ Лондона; они говорили, что Маццини плохо знаетъ новое положеніе, жадовались на революціонныхъ царедворцевъ, которые, чтобъ подслужиться, поддерживали въ немъ мысль, что все готово для возстанія и ждетъ только сигнала. Они хотѣли внутреннихъ преобразованій, имъ казалось необходимымъ ввести гораздо больше военного элемента и имѣть во главѣ стратеговъ, вмѣсто адвокатовъ и журналистовъ. Для этого они желали, чтобъ Маццини сблизился съ талантливыми генералами въ родѣ Уллоа ¹⁾, стоявшаго возлѣ старика Пене ²⁾ въ какомъ-то недовольномъ отдаленіи.

Они поручили мнѣ разсказать все это Маццини долею потому, что они знали, что онъ имѣлъ ко мнѣ довѣріе, а долею и потому, что мое положеніе, независимое отъ итальянскихъ партій, развязывало мнѣ руки.

Маццини меня принялъ, какъ стараго пріятеля. Наконецъ, рѣчь дошла до порученнаго мнѣ отъ его друзей. Онъ меня сначала слушалъ очень внимательно, хотя и не скрывалъ, что ему не совсѣмъ нравится оппозиція; но когда изъ общихъ мѣстъ я

¹⁾ Джироламо, итальян. артил. генераль, военный писатель, адъютантъ Пене во время командованія имъ неаполитанской арміей, послѣ того бригадный генераль.

²⁾ Гильельмо, видный военный дѣятель итальянскаго возрожденія, отличался въ войнѣ съ австрійцами въ Венеціи 1848—49 гг.

дошелъ до частныхъ и личныхъ вопросовъ, тогда онъ вдругъ прервалъ мою рѣчь:

— Это совершенно не такъ, тутъ нѣтъ ни слова дѣльнаго!

— Однако, — замѣтилъ я, — нѣтъ полутора мѣсяца, какъ я оставилъ Геную, и въ Италиіи былъ два года безъ выѣзда, и могу самъ подтвердить многое изъ того, что говорилъ ему отъ имени друзей.

— Оттого-то вы это и говорите, что вы были въ Генуѣ. Что такое Генуя? что вы могли тамъ слышать? Мнѣніе одной части эмиграціи. Я знаю, что она такъ думаетъ, я и то знаю, что она ошибается. Генуя—очень важный центръ, но это одна точка, а я знаю всю Италию; я знаю потребность каждаго мѣстечка отъ Аbruццъ до Фиральберга. Друзья наши въ Генуѣ разобщены со всѣмъ полуостровомъ, они не могутъ судить объ его потребностяхъ, объ общественномъ настроеніи.

Я сдѣлалъ еще два-три опыта, но онъ уже былъ en garde ¹⁾, начиналъ сердиться, нетерпѣливо отвѣчалъ... Я замолчалъ съ чувствомъ грусти; такой нетерпимости я прежде въ немъ не замѣчалъ.

— Я вамъ очень благодаренъ, — сказалъ онъ, подумавъ. — Я долженъ знать мнѣніе нашихъ друзей; я готовъ взвѣсигь каждое, обдумать каждое, но согласиться или нѣтъ, это — другое дѣло; на мнѣ лежитъ большая отвѣтственность не только передъ совѣстью и богомъ, но передъ народомъ итальянскимъ.

Посольство мое не удалось.

Маццини тогда уже обдумывалъ свое 3 февраля 1853 года ²⁾; дѣло для него было рѣшенное, а друзья его не были съ нимъ согласны.

— Знакомы вы съ Ледрю-Ролленомъ и Кошутомъ?

— Нѣтъ.

— Хотите познакомиться?

— Очень.

— Вамъ надобно съ ними повидаться, я вамъ напишу къ обимъ нѣсколько словъ. Расскажите имъ, что вы видѣли, какъ оставили нашихъ. Ледрю Ролленъ. — продолжалъ онъ, взявъ перо и начавъ записку, — самъ ѣ милый челоувѣкъ въ свѣтѣ, но французъ *jusqu'au bout des ongles* ³⁾; онъ твердо вѣруетъ что безъ революціи во Франціи Европа не двинется, — *le peuple initiateur* ⁴⁾!.

¹⁾ Насторожѣ.

²⁾ 6 февраля 1853 г. произошло возстаніе въ Миланѣ, кончившееся неудачю.

³⁾ До конца ногтей.

⁴⁾ Народъ-зачинщикъ.

А гдѣ французская иниціатива теперь? Да и прежде идеи, двигавшія Францію, шли изъ Италіи или изъ Англій. Вы увидите, что новую эру революціи начнетъ Италія! Какъ вы думаете?

— Признаюсь вамъ, что я этого не думаю.

— Что же, — сказалъ онъ, улыбаясь, — славянскій міръ?

— Я этого не говорилъ; не знаю, на чемъ Ледрю-Ролленъ основываетъ свои вѣрованія, но весьма вѣроятно, что ни одна революція не удастся въ Европѣ, пока Франція въ томъ состояніи пространства, въ которой мы ее видимъ.

— Такъ и вы еще находитесь подъ prestig'емъ Франціи?

— Подъ престижемъ ея географическаго положенія, ея страшнаго войска и ея естественной опоры на Россію, Австрію и Пруссію ¹⁾).

— Франція спитъ, мы ее разбудимъ.

Мнѣ оставалось сказать: «Дай богъ, вашими устами медъ пить!».

Кто изъ насъ былъ правъ на ту минуту, доказалъ Гарибальди. Въ другомъ мѣстѣ я говорилъ о моей встрѣчѣ съ нимъ въ Вестъ-Индскихъ докахъ, на его американскомъ кораблѣ «Common-wealth» ²⁾).

Тамъ за завтракомъ у него, въ присутствіи Орсини, Гауга и меня, Гарибальди, говоря съ большою дружбой о Маццини, высказывалъ открыто свое мнѣніе о 3 февраля 1853 (это было весной 1854) и тутъ же говорилъ о необходимости соединенія всѣхъ партій въ одну военную.

Въ тотъ же день, вечеромъ, мы встрѣтились въ одномъ домѣ; Гарибальди былъ не веселъ, Маццини вынулъ изъ кармана листъ «Italia del Popolo» и показалъ ему какую-то статью. Гарибальди прочиталъ ее и сказалъ: «Да, написано бойко, а статья плевредная; я скажу откровенно: за такую статью стоитъ журналиста или писателя сильно наказать. Раздувать всѣми силами раздоръ между нами и Піемонтомъ въ то время, когда мы только имѣемъ одно войско — войско сардинскаго короля! Это — опрометчивость и ненужная дерзость, доходящая до преступленія».

Маццини отстаивалъ журналъ; Гарибальди сдѣлался еще скучнѣе.

Когда онъ собирался ѣхать съ корабля, онъ говорилъ, что ночью будетъ поздно возвращаться въ доки, и что онъ поѣдетъ спать въ отель; я предложилъ, вмѣсто отеля, ѣхать спать ко мнѣ. Гарибальди согласился.

¹⁾ Этотъ разговоръ былъ осенью 1852. А. И. Г.

²⁾ Гл. XXXVII.

Послѣ этого разговора, осажденный со всѣхъ сторонъ неустрашимымъ легиономъ дамъ, Гарибальди ловкими маршами и контрмаршами выпутался изъ хоровода и, подойдя ко мнѣ, шепнулъ мнѣ на ухо:

— Вы до котораго часа останетесь?

— Поѣдемте хоть сейчасъ.

— Сдѣлайте одолженіе.

Мы поѣхали; на дорогѣ онъ сказалъ мнѣ:

— Какъ мнѣ жаль, какъ мнѣ безконечно жаль, что Ферро ¹⁾ такъ увлекается и съ благороднѣйшимъ, чистѣйшимъ намѣреніемъ дѣлаетъ ошибки. Я не могъ вытерпѣть давеча: тѣшится тѣмъ, что выучилъ своихъ учениковъ дразнить Пьемонтъ. Ну что же, если король бросится совѣмъ въ реакцію, свободное слово итальянское смолкнетъ въ Италіи, и послѣдняя опора пропадетъ? Республика, республика! Я всегда былъ республиканецъ, всю жизнь, да дѣло теперь не въ республикѣ. Массы итальянскія я знаю лучше Маццини, я жилъ съ ними, ихъ жизнью. Маццини знаетъ Италію образованную и владѣетъ ея умами; но войска, чтобъ выгнать австрійцевъ и папу, изъ нихъ не составишь; для массы, для народа итальянскаго одно знамя и есть—*единство и изнаніе иноземцевъ!* А какъ же достигнуть до этого, опрокидывая на себя единственное сильное королевство въ Италіи, которое, изъ какихъ бы причинъ ни было, хочеть стать за Италію и боится? Въмѣсто того, чтобъ его звать къ себѣ, его толкають прочь и обижаютъ. Въ тотъ день, въ который *молодой человекъ* повѣригъ, что онъ ближе къ эрцгерцогамъ, чѣмъ къ намъ, судьбы Италіи затормозятся на поколѣніе или на два.

На другой день было воскресенье; онъ ушелъ гулять съ моимъ сыномъ, сдѣлалъ у Кальдези его дагерротипъ и принесъ мнѣ его въ подарокъ, а потомъ остался обѣдать.

Середь обѣда меня вызываетъ одинъ итальянецъ, посланный отъ Маццини, — онъ съ утра отыскивалъ Гарибальди; я просилъ его сѣсть съ нами за столъ.

Итальянецъ, кажется, хотѣлъ говорить съ нимъ наединѣ, — я предложилъ имъ итти ко мнѣ въ кабинетъ.

— У меня никакихъ секретовъ нѣтъ, да и чужихъ здѣсь нѣтъ, говорите, — замѣтилъ Гарибальди.

Въ продолженіе разговора Гарибальди еще разъ повторилъ, и притомъ раза два, то же, что мнѣ говорилъ, когда мы ѣхали домой.

¹⁾ Уменьшительное отъ Джузеппе. А. И. Г.

Онъ внутренно былъ совершенно согласенъ съ Маццини, но расходился съ нимъ въ исполненіи, въ средствахъ. Что Гарибальди лучше зналъ массы, въ этомъ я совершенно убѣжденъ. Маццини, какъ средневѣковый монахъ, глубоко зналъ одну сторону жизни, но другія *создавалъ*; онъ много жилъ мыслью и страстью, но не на дневномъ свѣтѣ; онъ съ молодыхъ лѣтъ до сѣдыхъ волосъ жилъ въ карбонарскихъ юнтахъ, въ кругу гонимыхъ республиканцевъ, либеральныхъ писателей; онъ былъ въ сношеніяхъ съ греческими гетеріями и съ испанскими *exaltados* ¹⁾, онъ конспирировалъ съ *настоящими* Кавеньякомъ и поддѣльнымъ Ромарино ²⁾, съ швейцарцемъ Джемсомъ Фази, съ польской демократіей, съ молдо-валахами... Изъ его кабинета вышелъ благословенный имъ восторженный Конарскій, пошелъ въ Россію и погибнулъ. Все это такъ, но съ народомъ, но съ этимъ *solo inter rete della legge divina* ³⁾, но съ этой густой толщей, идущей до грунта, т.-е. до полей и плуга, до дикихъ калабрійскихъ пастуховъ, до факиновъ и лодочниковъ, онъ никогда не былъ въ сношеніяхъ; а Гарибальди не только въ Италіи, но вездѣ жилъ съ ними, зналъ ихъ силу и слабость, горе и радость: онъ ихъ зналъ на полѣ битвы и середь бурнаго океана и умѣлъ, какъ Бемъ, сдѣлаться легендой: въ него вѣрили больше, чѣмъ въ его патрона Санъ-Джузеппе.

Одинъ Маццини не вѣрилъ ему.

И Гарибальди, уѣзжая, сказалъ: «Я ѣду съ тяжелымъ сердцемъ: я на него не имѣю вліянія, и онъ опять предприметъ что-нибудь до срока!».

Гарибальди угадалъ: не прошло года, и снова двѣ-три неудачныя вспышки; Орсини былъ схваченъ піемонтскими жандармами на піемонтской землѣ, чуть не съ оружіемъ въ рукахъ; въ Римѣ открыли одинъ изъ центровъ движенія, и та удивительная организація, о которой я говорилъ, разрушилась. Испуганныя правительства усилили полицію; свирѣпый трусъ, король неаполитанскій снова бросился на пытки.

Тогда Гарибальди не вытерпѣлъ и напечаталъ свое извѣстное письмо: «Въ этихъ несчастныхъ возстаніяхъ могутъ участвовать или сумасшедшіе, или враги итальянскаго дѣла»

Можетъ, письма этого и не слѣдовало печатать. Маццини былъ побитъ и несчастенъ, Гарибальди наносилъ ему ударъ... Но что его

¹⁾ Прозвъ ще испанскихъ радикаловъ послѣ революціи 1820 г.

²⁾ Джироламо, итальянскій генераль; разстрѣлянъ въ 1849 г. за неудачныя дѣйствія противъ австрійцевъ.

Единственный истолкователь божественнаго закона.

письмо совершенно послѣдовательно съ тѣмъ, что онъ мнѣ говорилъ и при мнѣ, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія.

На другой день я отправился къ Ледрю-Роллену. Онъ меня принялъ очень привѣтливо. Колоссальная импозантная фигура его, которой ненужно разбирать en détail ¹⁾, общимъ впечатлѣніемъ располагала въ его пользу. Должно быть, онъ былъ и bon enfant и bon vivant ²⁾. Морщины на лбу и носѣ показывали, что заботы и ему не совсѣмъ даромъ прошли. Онъ потратилъ на революцію свою жизнь и свое состояніе; а общественное мнѣніе ему измѣнило. Его странная, непрямая роль въ апрѣлѣ и маѣ, слабая въ іюньскіе дни отдалила отъ него часть красныхъ, не сблизивъ съ синими. Имя его, служившее символомъ и произносимое иной разъ съ ошибкой ³⁾ мужиками, но, все же, произносимое, рѣже было слышно. Самая партія его въ Лондонѣ таяла больше и больше, особенно, когда и Феликсъ Піа открылъ свою лавочку въ Лондонѣ.

Усвѣвшись покойно на кушеткѣ, Ледрю-Роллень началъ меня «*маранировать*» ⁴⁾.

— Революція, — говорилъ онъ, — только и можетъ лучиться (гауоннер) изъ Франціи. Ясно, что, къ какой бы странѣ вы ни принадлежали, вы должны прежде всего помогать намъ для вашего собственнаго дѣла. Революція только можетъ выйти изъ Парижа. Я очень хорошо знаю, что нашъ другъ Маццини не того мнѣнія, — онъ увлекается своимъ патриотизмомъ. Что можетъ сдѣлать Италія съ Австріей на шеѣ и съ наполеоновскими солдатами въ Римѣ? Намъ надобно Парижъ; Парижъ, это — Римъ, Варшава, Венгрія, Сицилія, и, по счастью, Парижъ совершенно готовъ — не ошибайтесь — совершенно готовъ! Революція сдѣлана — la révolution est faite: c'est clair comme bonjour ⁵⁾. Я объ этомъ и не думаю; я думаю о послѣдствіяхъ, о томъ, какъ избѣгнуть прежнихъ ошибокъ.

Такимъ образомъ онъ продолжалъ съ полчаса и вдругъ, спохватившись, что онъ и не одинъ, и не передъ аудиторіей, добродушнѣйшимъ образомъ сказалъ мнѣ:

¹⁾ Подробно

²⁾ Добрый малый и любящій весело пожить.

³⁾ Мужички дальнихъ краевъ любили Le Duc Rollin'a ⁶⁾ и жалѣли только, что имъ руко-одсвуетъ женщина, съ которой онъ связался, La Martine ⁷⁾, что она-то дюка и сбиваетъ, а что онъ самъ pour le populaire ⁸⁾.

А. И. Г.

⁴⁾ Naranguer — произносить рѣчь, какъ будто, передъ цѣлымъ собраніемъ

⁵⁾ Революція сдѣлана, это ясно, какъ день божій.

⁶⁾ Герцогъ Роллена.

⁷⁾ Ламартинъ, извѣстный поэтъ и политическій дѣятель.

⁸⁾ За народъ.

— Вы видите; мы съ вами совершенно одинакаго мнѣнія.

Я не раскрывалъ рта. Ледрю-Ролленъ продолжалъ:

— Что касается до матеріальнаго факта революціи,—онъ задержанъ нашимъ безденежьемъ. Средства наши истощились въ этой борьбѣ, которая идегъ годы и годы. Будь теперь, сейчасъ въ моемъ распоряженіи *сто тысячъ* франковъ,—да, мизерабельныхъ сто тысячъ франковъ!—и послѣзавтра, черезъ три дня революція въ Парижѣ.

— Да какъ же это,—замѣтилъ я, наконецъ,—такая богатая нація, совершенно готовая на возстаніе, не находитъ ста тысячъ, подмилліона фр.?

Ледрю-Ролленъ немного покраснѣлъ, но, не запинаясь, отвѣчалъ:

— Pardon, pardon. Вы говорите о *теоретическихъ предположеніяхъ* въ то время, какъ я вамъ говорю о фактахъ, о простыхъ фактахъ.

Этого я не понималъ.

Когда я уходилъ, Ледрю-Ролленъ, по англійскому обычаю, проводилъ меня до лѣстницы и еще разъ, подавая мнѣ свою огромную, богатырскую руку, сказалъ:

— Надѣюсь, это не въ послѣдній разъ? я буду всегда радъ. Итакъ, au revoir ¹⁾.

— Въ Парижѣ—отвѣтилъ я.

— Какъ въ Парижѣ?

— Вы такъ убѣдили меня, что революція за плечами, что я, право, не знаю, успѣю ли я побывать у васъ здѣсь.

Онъ смотрѣлъ на меня съ недоумѣніемъ, и потому я поторопился прибавить:

— По крайней мѣрѣ, я этого искренно желаю; въ этомъ, думаю, вы не сомнѣваетесь.

— Иначе вы не были бы здѣсь,—замѣтилъ хозяинъ, и мы разстались.

Кошута въ первый разъ я видѣлъ, собственно, во *второй* разъ. Это случилось такъ. Когда я пріѣхалъ къ нему, меня встрѣтилъ въ парлорѣ ²⁾ военный господинъ, въ полу-венгерскомъ военномъ костюмѣ, съ извѣщеніемъ, что *губернатаръ* не принимаетъ.

— Вотъ письмо отъ Маццини.

— Я сейчасъ передамъ. Сдѣлайте сдолженіе.—Онъ указалъ мнѣ на трубку и потомъ на стулъ. Черезъ двѣ-три минуты онъ возвратился.

¹⁾ До свиданія.

²⁾ Parlog—гостиная.

— Г. губернаторъ чрезвычайно жалѣеть, что не можетъ васъ видѣть сейчасъ: онъ оканчиваетъ *американскую почту*; впрочемъ, если вамъ угодно подождать, то онъ будетъ очень радъ васъ принять.

— А скоро онъ кончитъ почту?

— Къ пяти часамъ непремѣнно.

Я взглянулъ на часы: половина второго.

— Ну, трехъ часовъ съ половиной я ждать не стану.

— Да вы не прїѣдете ли послѣ?

— Я живу не меньше трехъ миль отъ Ноттингъ-Гилля. Впрочемъ, — прибавилъ я, — у меня никакого спѣшнаго дѣла къ г. губернатору нѣтъ.

— Но г. губернаторъ будетъ очень жалѣть.

— Такъ вотъ мой адресъ.

Прошло съ недѣлю. Вечеромъ является длинный господинъ, съ длинными усами—венгерскій полковникъ, съ которымъ я лѣтомъ встрѣтился въ Лугано.

— Я къ вамъ отъ г. губернатора: онъ очень беспокоится, что вы у него не были.

— Ахъ, какая досада. Я, вѣдь, впрочемъ, оставилъ адресъ. Если-бъ я зналъ время, то непремѣнно поѣхалъ бы къ Кошуту сегодня—или...—прибавилъ я вопросительно, — какъ надобно говорить: къ г. губернатору?

— Zu dem Olten, zu dem Olten ¹⁾, — замѣтилъ, улыбаясь, гонведъ ²⁾. — Мы его между собой все называемъ *der Olte* ³⁾. Вотъ увидите челоуѣка! такой головы въ мїрѣ нѣтъ, не было и...—полковникъ внутренно и тихо помолился Кошуту.

— Хорошо, я завтра въ два часа прїѣду.

— Это невозможно. Завтра среда, завтра утромъ старикъ принимаетъ однихъ нашихъ, однихъ венгерцевъ.

Я не выдержалъ, засмѣялся, и полковникъ засмѣялся.

— Когда же вашъ старикъ пьетъ чай?

— Въ восемь часовъ вечера.

— Скажите ему, что я прїѣду завтра, въ восемь часовъ, но, если нельзя, вы мнѣ напишите.

— Онъ будетъ очень радъ. Я васъ жду въ прїемной.

На этотъ разъ, какъ только я позвонилъ, длинный полковникъ меня встрѣтилъ, а короткїй полковникъ тотчасъ повелъ въ кабинетъ Кошута.

¹⁾ Къ старику, къ старику.

²⁾ Honved—защитникъ страны; такъ называли венгерскихъ революціонеровъ 1848—49 гг.

³⁾ Der Alte—старикъ.

Я засталъ Кошута, работающаго за большимъ столомъ; онъ былъ въ черной бархатной венгеркѣ и въ черной шапочкѣ. Кошутъ гораздо лучше всѣхъ своихъ портретовъ и бюстовъ; въ первую молодость онъ былъ, вѣроятно, красавцемъ и долженъ былъ имѣть страшное вліяніе на женщинъ особеннымъ, романически задумчивымъ характеромъ лица. Черты его не имѣютъ античной строгости, какъ у Маццини, Саффи, Орсини, но (и, можетъ, именно поэтому онъ былъ роднѣ намъ, жителямъ сѣвера) въ печально-кроткомъ взглядѣ его сквозилъ не только сильный умъ, но глубоко чувствующее сердце; задумчивая улыбка и нѣсколько восторженная рѣчь окончательно располагали въ его пользу. Говорить онъ чрезвычайно хорошо, хотя и съ рѣзкимъ акцентомъ, равно остающимся въ его французскомъ языкѣ, нѣмецкомъ и англійскомъ. Онъ не отдѣлывается фразами, не опирается на битыя мѣста; онъ думаетъ съ вами, выслушиваетъ и развиваетъ свою мысль почти всегда оригинально, потому что онъ свободнѣ другихъ отъ доктрины и отъ духа партіи. Можетъ, въ его манерѣ доводовъ и возраженій виденъ адвокатъ, но то, что онъ говоритъ, серьезно и обдуманно.

Кошутъ много занимался до 1848 года практическими дѣлами своего края; это дало ему своего рода вѣрность взгляда. Онъ очень хорошо знаетъ, что въ мірѣ событій и пріюженій не всегда можно прямо летать, какъ воронъ; что факты развиваются рѣдко по простой логической линіи, а идутъ, лавируя, заплетаясь эпициклами, срываясь по касательнымъ. И вотъ причина, между прочимъ, почему Кошутъ уступаетъ Маццини въ огненной дѣятельности, и почему, съ другой стороны, Маццини дѣлаетъ непрерывные опыты, натягиваетъ попытки, а Кошутъ ихъ не дѣлаетъ вовсе.

Маццини глядитъ на итальянскую революцію, какъ фанатикъ; онъ вѣруетъ въ свою мысль объ ней; онъ ея не подвергаетъ критикѣ и стремится ога е sempre ¹⁾, какъ стрѣла, пущенная изъ лука. Чѣмъ меньше обстоятельствъ онъ беретъ въ расчетъ, тѣмъ прочнѣе и проще его дѣйствіе, тѣмъ чище его идея.

Революціонный идеализмъ Ледрю-Роллена тоже не сложенъ, его можно весь прочесть въ рѣчахъ конвента и въ мѣрахъ комитета общественнаго спасенія.

Кошутъ принесъ съ собою изъ Венгріи не общее достояніе революціонной традиціи, не апокалипсическія формулы социальнаго доктринаризма, а протестъ своего края, который онъ глубоко изучилъ, — края новаго, неизвѣстнаго ни въ отношеніи къ его потребностямъ, ни въ отношеніи къ его дико-свободнымъ учрежденіямъ.

¹⁾ Теперь и всегда, — девизъ Маццини.

ни въ отношеніи къ его средневѣковымъ формамъ. Въ сравненіи съ своими товарищами Кошуть былъ специалистъ.

Французскіе рефюжье, съ своей несчастной привычкой рубить съ плеча и все мѣрять на свою мѣрку, сильно упрекали Кошута за то, что онъ въ Марсели выразилъ свое сочувствіе къ социальнымъ идеямъ, а въ рѣчи, которую произнесъ въ Лондонѣ съ балкона Mansion House ¹⁾, съ глубокимъ уваженіемъ говорилъ о парламентаризмѣ.

Кошуть былъ совершенно правъ. Это было во время его путешествія изъ Константинополя, т.-е. во время самаго торжественно-эпическаго эпизода темныхъ лѣтъ, шедшихъ за 1848 годомъ. Съверо американскій корабль, вырвавшій его изъ занесенныхъ когтей Австріи и Россіи, съ гордостью плылъ съ изгнанникомъ въ республику и остановился у береговъ другой. Въ этой республикѣ ждалъ уже приказъ полицейскаго диктатора Франціи, чтобъ изгнанникъ не смѣлъ ступить на землю будущей имперіи. Теперь это прошло бы такъ, но тогда еще не всѣ были окончательно надломлены; толпы работниковъ бросились на лодкахъ къ кораблю привѣтствовать Кошута, и Кошуть говорилъ съ ними, очень натурально, о социализмѣ. Картина мѣняется. По дорогѣ одна свободная страна выпросила у другой изгнанника къ себѣ въ гости. Кошуть, всенародно благодаря англичанъ за пріемъ, не скрылъ своего уваженія къ государственному быту, который его сдѣлалъ возможнымъ. Онъ былъ въ обоихъ слу-аяхъ совершенно искрененъ; онъ не представлялъ вовсе такой-то партіи; онъ могъ, сочувствуя съ французскимъ работникомъ, сочувствовать съ англійской конституціей, не сдѣлавшись орлеанистомъ и не предавъ республики. Кошуть это зналъ и отрицательно превосходно понималъ свое положеніе въ Англіи относительно революціонныхъ партій; онъ не сдѣлался ни глюкистомъ, ни пиччинистомъ ²⁾, онъ держалъ себя равно вдалекѣ отъ Ледрю-Роллена и отъ Луи Блана. Съ Маццини и Ворцелемъ у него былъ общій terrain ³⁾, смежность границъ, одинакая борьба и почти одна и та же борьба; съ ними онъ и сошелся съ первыми.

Но Маццини и Ворцель давнымъ давно были, по испанскому выраженію, *afrancisados* ⁴⁾. Кошуть, упираясь, туго поддавался имъ,

¹⁾ Резиденція лорда-мэра.

²⁾ Въ XVIII ст. въ Парижѣ оперная публика дѣлилась на эти двѣ партіи, названныя по имени Глюка, композитора франц. направленія въ оперной музыкѣ, и Пиччини—композитора итальянскаго направленія.

³⁾ Почва.

⁴⁾ Освободители, освобожденцы.

и очень замѣчательно, что онъ уступалъ по той мѣрѣ, по которой надежды на возстаніе въ Венгріи становились блѣднѣе и блѣднѣе.

Изъ моего разговора съ Маццини и Ледрю-Ролленомъ видно, что Маццини ждалъ революціоннаго толчка изъ Италіи и, вообще, былъ очень недоволенъ Франціей. но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы я былъ неправъ, назвавъ и его *afrancisado*. Тутъ, съ одной стороны, въ немъ говорилъ патріотизмъ, не совсѣмъ согласный съ идеей братства народовъ и всеобщей республики, съ другой—личное негодование на Францію за то, что въ 1848 она ничего не сдѣлала для Италіи, а въ 1849—все, чтобы погубить ее. Но быть раздраженнымъ противъ современной Франціи не значитъ быть *anti ea духъ*; французскій революціонаризмъ имѣетъ свой общій мундиръ, свой ритуаль, свой символъ вѣры; въ ихъ предѣлахъ можно быть специально политическимъ либераломъ или отчаяннымъ демократомъ; можно, не любя Франціи, любить свою родину на французскій манеръ; все это будутъ варіаціи, частные случаи, но алгебраическое уравненіе останется то же.

Разговоръ Кошута со мной тотчасъ принялъ серьезный оборотъ: въ его взглядѣ и въ его словахъ было больше грустнаго, нежели свѣтлаго; навѣрное, онъ не ждалъ революціи завтра. Свѣдѣнія его объ юго-востокѣ Европы были огромны: онъ удивлялъ меня, цитируя пункты екатерининскихъ трактатовъ съ Портой. «Какой страшный вредъ вы сдѣлали намъ во время нашего возстанія»,—сказалъ онъ,—«и какой страшный вредъ вы сдѣлали самимъ себѣ. Какая узкая и *противославянская* политика—поддерживать Австрію. Разумѣется, Австрія и «спасибо» не скажетъ за спасеніе; развѣ вы думаете, что она не понимаетъ, что Николай не ей помогалъ, а вообще деспотической власти?»

Соціальное состояніе Россіи ему было гораздо меньше извѣстно, чѣмъ политическое и военное. Оно и не удивительно; многіе изъ нашихъ государственныхъ людей знаютъ что-нибудь о немъ, кромѣ общихъ мѣстъ и частныхъ, случайныхъ, ни съ чѣмъ не связанныхъ замѣчаній. Онъ думалъ, что казенные крестьяне управляютъ барщиной свою подать. разспрашивалъ о сельской общинѣ, о помѣщичьей власти; я рассказалъ ему, что зналъ.

Оставивъ Кошута, я спрашивалъ себя: да что же общаго у него, кромѣ любви къ независимости своего народа, съ его товарищами? Маццини мечталъ Италіей освободить человѣчество, Ледрю-Ролленъ хотѣлъ его освободить въ Парижѣ и потомъ строжайше предписать свободу всему міру. Кошутъ врядъ ли заботился обо всемъ, челоувѣчествѣ и былъ, казалось, довольно равнодушенъ

къ тому, скоро ли провозгласятъ республику въ Лиссабонѣ, или дей Триполи будетъ называться простымъ гражданиномъ одного и нераздѣльнаго триполійскаго братства.

Различіе это, бросившееся мнѣ въ глаза съ перваго взгляда, обличилось потомъ рядомъ дѣйствій. Маццини и Ледрю-Ролленъ, какъ люди независимые отъ практическихъ условій, каждые два-три мѣсяца усиливались дѣлать революціонные опыты: Маццини возстаніями, Ледрю Ролленъ посылкою агентовъ. Мацциниевскіе друзья гибли въ австрійскихъ и папскихъ тюрьмахъ, ледрю-ролленовскіе посланцы гибли въ Ламбессѣ или Кайеннѣ¹⁾, но они съ фанатизмомъ слѣпо вѣрующихъ продолжали отправлять своихъ Исааковъ на закланіе. Кошутъ не дѣлалъ опытовъ; Лебени, ткнувшій ножомъ австрійскаго императора, не имѣлъ никакихъ сношеній съ нимъ.

Безъ сомнѣнія, Кошутъ пріѣхалъ въ Лондонъ съ болѣе сангвиническими надеждами, да и нельзя не сознаться, что было, отъ чего закружиться головѣ. Вспомните опять эту постоянную овацію, это царственное шествіе черезъ моря и океаны; города Америки спорили о чести, кому первому итти ему навстрѣчу и везти въ свои стѣны. Двухмилліонный гордый Лондонъ ждалъ его на ногахъ у желѣзной дороги, карета лорда-мэра стояла, приготовленная для него; альдермены, шерифы, члены парламента провожали его моремъ волнушагося народа, привѣтствовавшего его криками и бросаньемъ шляпъ вверхъ. И когда онъ вышелъ съ лордомъ-мэромъ на балконъ Меншенъ Гоуза, его привѣтствовало громогласное «ура!», котораго Николай не могъ въ Лондонѣ добиться ни протекціей Веллингтона, ни статуей Нельсона, ни куртизанствомъ какимъ-то лошадямъ на скачкахъ.

Надменная англійская аристократія, уѣзжавшая въ свои помѣстья, когда Бонапартъ пировалъ съ королевой въ Виндзорѣ и бражничалъ съ мѣщанами въ Сити, толпилась, забывъ свое достоинство, въ коляскахъ и каретахъ, чтобъ увидѣть знаменитаго агитатора; высшіе чины представлялись ему, изгнаннику. «Таймсъ» нахмурился, было, брови, но до того испугался передъ крикомъ общественнаго мнѣнія, что сталъ ругать Наполеона, чтобъ загладить ошибку.

Мудрено ли, что Кошутъ воротился изъ Америки полный упованій? Но, проживши въ Лондонѣ годъ-другой и видя, куда и какъ идетъ исторія на материкѣ, и какъ въ самой Англій оствывалъ

¹⁾ Мѣста политической ссылки и каторги у французовъ.

энтузіазмъ, Кошутъ понялъ, что возстаніе невозможно, и что Англія—плохая союзница революціи.

Разъ, еще одинъ разъ онъ исполнился надеждами и снова сталъ адвокатомъ за прежнее дѣло передъ народомъ англійскимъ: это было въ началѣ Крымской войны.

Онъ оставилъ свое уединеніе и явился рука объ руку съ Ворцелемъ, т.-е. съ демократической Польшей, которая просила у союзниковъ одного *воззванія*, одного согласія, чтобы рискнуть возстаніе. Безъ сомнѣнія, это было для Польши великое мгновеніе—*oggi o mai* ¹⁾. Если-бъ возстановленіе Польши было признано, чего же было бы ждать Венгріи? Вотъ почему Кошутъ является на польскомъ митингѣ 29 ноября 1854 года и требуетъ слова; вотъ почему онъ вслѣдъ затѣмъ отправляется съ Ворцелемъ, въ главнѣйшіе города Англіи, проповѣдуя агитацію въ пользу Польши. Рѣчи Кошута, произнесенныя тогда, чрезвычайно замѣчательны и по содержанию, и по формѣ. Но Англіи на этотъ разъ онъ не увлекъ; народъ толпами собирался на митинги, рукоплескалъ великому дару слова, готовъ былъ дѣлать складчины; но вдаль движеніе не шло, но рѣчи не вызывали того отзвука въ другихъ кругахъ, въ массахъ, который бы могъ имѣть вліяніе на парламентъ или заставить правительство измѣнить свой путь. Прошелъ 1854 годъ, насталъ 1855; умеръ Николай; Польша не двигалась; война ограничивалась берегомъ Крыма; о возстановленіи польской національности нечего было и думать; Австрія стояла костью въ горлѣ союзниковъ; всѣ хотѣли къ тому же мира; главное было достигнуто—*статскій* Наполеонъ покрывся военной славой.

Кошутъ снова сошелъ со сцены. Его статьи въ «Атласѣ» и лекціи о конкордатѣ, которыя онъ читалъ въ Единбургѣ, Манчестерѣ, скорѣе должно считать частнымъ дѣломъ. Кошутъ не спасъ ни своего достоянія, ни достоянія своей жены. Привыкнувши къ широкій роскоши венгерскихъ магнатовъ, ему на чужбинѣ пришлось вырабатывать себѣ средства; онъ это дѣлаетъ, нисколько не скрывая.

Во всей семьѣ его есть что-то благородно-задумчивое; видно, что тутъ прошли великія событія, и что они подняли діапазонъ всѣхъ. Кошутъ еще до сихъ поръ окруженъ нѣсколькими вѣрными сподвижниками; сперва они составляли его дворъ, теперь они—просто его друзья.

Не легко прошли ему событія; онъ сильно состарился въ послѣднее время, и тяжело становится на сердцѣ отъ его покоя.

¹⁾ Теперь или никогда.

Первые два года мы рѣдко видались; потомъ случай насъ свелъ на одной изъ изящнѣйшихъ точекъ не только Англїи, но и Европы,—на Isle of Wight. Мы жили въ одно время съ нимъ мѣсяць времени въ Вентнорѣ; это было въ 1855 г.

Передъ его отъѣздомъ мы были на дѣтскомъ праздникѣ. Оба сына Кошута, прекрасные, милые отроки, танцовали вмѣстѣ съ моими дѣтьми... Кошутъ стоялъ у дверей и какъ то печально смотрѣлъ на нихъ, потомъ, указывая съ улыбкой на моего сына, сказалъ мнѣ:

— Вотъ уже и юное поколѣніе совсѣмъ готово намъ на смѣну.

— Увидятъ ли они?

— Я именно объ этомъ и думалъ. А пока пусть попляшутъ,—прибавилъ онъ и еще грустнѣе сталъ смотрѣть.

Кажется, что и на этотъ разъ мы думали одно и то же.

А увидятъ ли отцы? И что увидятъ? Та революціонная эра, къ которой стремились мы, освѣщенные догорающимъ заревомъ девяностыхъ годовъ, къ которой стремилась либеральная Франція, юная Италія, Маццини, Ледрю-Ролленъ, не принадлежитъ ли уже прошедшему? Эти люди не дѣлаются ли печальными представителями былого, около которыхъ закипаютъ иные вопросы, другая жизнь? Ихъ религія, ихъ языкъ, ихъ движеніе, ихъ цѣль,—все это и родственно намъ, и съ тѣмъ вмѣстѣ чужое... Звуки церковнаго колокола тихимъ утромъ праздничнаго дня, литургическое пѣніе и теперь потрясаютъ душу, но вѣры все же въ ней нѣтъ!

Есть печальныя истины; трудно, тяжело прямо смотрѣть на многое, трудно и высказывать иногда, что видишь. Да врядъ и нужно ли... Вѣдь, это—тоже своего рода страсть или болѣзнь. «Истина, голая истина, одна истина!» Все это такъ, да сообразно ли вѣдѣніе ея съ нашей жизнью? не разъѣдаетъ ли она ее, какъ слишкомъ крѣпкая кислота разъѣдаетъ стѣнки сосуда? Не есть ли страсть къ ней страшный недугъ, горько казнящій того, кто воспитываетъ его въ груди своей?

Разъ, годъ тому назадъ, въ день памятный для меня, мысль эта особенно поразила меня.

Въ день кончины Ворцеля я ждалъ скульптора въ бѣдной комнатѣ, гдѣ домучился этотъ страдалецъ. Старая служанка стояла съ оплывшимъ желтымъ огаркомъ въ рукѣ, освѣщая исхудалый трупъ, прикрытый одной простыней. Онъ, несчастный, какъ лось, заснулъ съ улыбкой на губахъ, вѣра замерла въ его потухающихъ глазахъ, закрытыхъ такимъ же фанатикомъ, какъ онъ,—Маццини.

Я этого старика грустно любилъ и ни разу не сказалъ ему

всей правды, бывшей у меня на умѣ. Я не хотѣлъ тревожить потухающій духъ его: онъ и безъ того настрадался. Ему нужна была отходная, а не истина. И потому-то онъ былъ такъ радъ, когда Маццини его умирающему уху шепталъ обѣты и слова вѣры!

ГЛАВА III.

ЭМИГРАЦИИ ВЪ ЛОНДОНЪ.

Нѣмцы. Французы.—Партии.—Феликсъ Піа.—В. Гюго.—Луи Бланъ и Арманъ Барбесъ.—On liberty.

«Съдохомъ и плакахомъ на рѣкахъ вавилонскихъ»...
Псалтирь.

Если-бъ кто-нибудь вздумалъ написать со стороны внутреннюю исторію политическихъ выходцевъ и изгнанниковъ съ 1848 года въ Лондонѣ, какую печальную страницу прибавилъ бы онъ къ сказаніямъ о современномъ человѣкѣ. Сколько страданій, сколько лишеній, слезъ... и сколько пустоты, сколько узкости, какая бѣдность умственныхъ силъ, запасовъ, пониманія, какое упорство въ раздорѣ и мелкость въ самолюбіи...

Съ одной стороны, люди простые, инстинктомъ и сердцемъ понявшіе дѣло революціи и приносящіе ему наибольшую жертву, которую человѣкъ можетъ принести,—добровольную нищету, составляютъ небольшую кучку. Съ другой,—эти худо прикрытыя, затаенныя самолюбія, для которыхъ революція была служба, position sociale ¹⁾, и которые сорвались въ эмиграцію, не достигнувъ мѣста; потомъ всякіе фанатики, мономаны всѣхъ мономаній, сумасшедшіе всѣхъ сумасшествій; въ силу этого нервнаго, натянутаго, раздраженнаго состоянія, верченіе столовъ надѣлало въ эмиграціи страшное количество жертвъ. Кто не вертѣлъ столовъ, отъ Виктора Гюго и Ледрю-Роллена до

¹⁾ Общественное положеніе.

Квирико Филопанти ¹⁾, который пошелъ дальше... и узнавалъ все, что человекъ дѣлалъ лѣтъ тысячу тому назадъ!..

Притомъ, ни шагу впередъ. Они, какъ придворные версальскіе часы, показываютъ одинъ часъ,—часъ, въ который умеръ король... и ихъ, какъ версальскіе часы, забыли перевести со времени смерти Людовика XV. Они показываютъ одно событіе, одну кончину какого-нибудь событія, объ немъ говорятъ, объ немъ думаютъ, къ нему возвращаются. Встрѣчая тѣхъ же людей, тѣ же группы, мѣсяцевъ черезъ пять-шесть, года черезъ два-три, становится страшно: тѣ же споры продолжаются, тѣ же личности и упреки, только морщинъ, нарѣзанныхъ нищетою, лишениями, больше, сюртуки, пальто вытерлись, больше сѣдыхъ волосъ, и все вмѣстѣ старѣе, костлявѣе, сумрачнѣе... А рѣчи все тѣ же и тѣ же!

Революція у нихъ остается, какъ въ девяностыхъ годахъ, метафизикой общественнаго быта, но тогдашней наивной страсти къ борьбѣ, которая давала рѣзкій колоритъ самымъ тощимъ всеобщностямъ и тѣло сухимъ линиямъ ихъ политическаго сруба, у нихъ нѣтъ и не можетъ быть; всеобщности и отвлеченныя понятія тогда были радостной новостью, откровениемъ. Въ концѣ XVIII столѣтія люди въ первый разъ не въ книгѣ, а на самомъ дѣлѣ начали освобождаться отъ рокового, таинственно-тяготѣвшаго міра теологической исторіи и пытались весь гражданскій бытъ, выросшій помимо сознанія и воли, основать на сознательномъ пониманіи. Въ попыткѣ *разумнаго* государства, какъ въ попыткѣ религіи *разума*, была въ 1793 могучая, титаническая поэзія, которая принесла свое, но съ тѣмъ вмѣстѣ вывѣтрилась и оскудѣла въ послѣдніе шестьдесятъ лѣтъ. Наши наслѣдники титановъ этого не замѣчаютъ. Они, какъ монахи Аѳонской горы, которые занимаются своимъ, ведутъ тѣ же рѣчи, которыя вели во время Златоуста, и продолжаютъ жизнь, давно задвинутую турецкимъ владычествомъ, которое само ужъ приходитъ къ концу... собираясь въ извѣстные дни поминать извѣстныя событія, въ томъ же порядкѣ, съ тѣми же молитвами.

Другой тормазъ, останавливающая эмиграціи, состоитъ въ отстаиваніи себя другъ противъ друга; это страшно убиваетъ внутреннюю работу и всякій добросовѣстный трудъ. Объективной цѣли у нихъ нѣтъ, всѣ партіи упрямо консервативны, движеніе впередъ имъ кажется слабостью, чуть не бѣгствомъ; стальъ подъ знамя, такъ стой подъ нимъ, хотя бы со временемъ и разглядѣлъ, что цвѣта не совсѣмъ такіе, какъ казались.

¹⁾ Итальянскій патриотъ и ученый, профессоръ механики въ болонскомъ университетѣ.

Такъ идутъ годы; исподволь все мѣняется около нихъ. Тамъ, гдѣ были сугробы снѣга, растетъ трава, вмѣсто кустарника—лѣсъ, вмѣсто лѣса—одни пни .... Они ничего не замѣчаютъ. Нѣкоторые выходы совсѣмъ обвалились и засыпались,—они въ нихъ-то и стучатъ; новыя щели открылись, свѣтъ изъ нихъ такъ и врывается полосами, но они смотрятъ въ другую сторону.

Отношенія, сложившіяся между разными эмиграціями и англичанами, могли бы сами по себѣ дать удивительные факты о химическомъ сродствѣ разныхъ народностей.

Англійская жизнь сначала ослѣпляетъ нѣмцевъ, подавляетъ ихъ, потомъ поглощаетъ или, лучше сказать, распускаетъ ихъ въ плохихъ англичанъ. Нѣмецъ, по большей части, если предпринимаетъ какое-нибудь дѣло, тотчасъ бреется, поднимаетъ воротнички рубашки до ушей, говоритъ «yes», вмѣсто «ja» ¹⁾, и «well» ²⁾ тамъ, гдѣ ничего ненужно говорить. Года черезъ два онъ пишетъ по-англійски письма и записки и живетъ совершенно въ англійскомъ кругу. Съ англичанами нѣмцы никогда не обходятся, какъ съ равными, а какъ наши мѣщане съ чиновниками и наши чиновники со столбовыми дворянами.

Входя въ англійскую жизнь, нѣмцы не въ самомъ дѣлѣ дѣлаются англичанами, но притворяются ими и долею перестаютъ быть нѣмцами. Англичане въ своихъ сношеніяхъ съ иностранцами—такіе же капризники, какъ во всемъ другомъ; они бросаются на пріѣзжаго, какъ на комедіанта или акробата, не даютъ ему покоя, но едва скрываютъ чувство своего превосходства и даже нѣкотораго отвращенія къ нему. Если пріѣзжій удерживаетъ свой костюмъ, свою прическу, свою шляпу, оскорбленный англичанинъ шпынуетъ надъ нимъ, но мало-по-малу привыкаетъ въ немъ видѣть самобытное лицо. Если же испуганный сначала иностранецъ начинаетъ подлаживаться подъ его манеры, онъ не уважаетъ его и снисходительно трактуетъ его съ высоты своей британской надменности. Тутъ и съ большимъ тактомъ трудно найтись иной разъ, чтобъ не соргѣшить по минусу или по плюсу. Можно же себѣ представить, что дѣлаютъ нѣмцы, лишенные всякаго такта, фамиллярные и подобострастные, слишкомъ вычурные и слишкомъ простые, сентиментальные безъ причины и грубые безъ вызова.

Но если нѣмцы смотрятъ на англичанъ, какъ на высшее племя того же рода, и чувствуютъ себя ниже ихъ, то изъ этого не слѣдуетъ никакъ, чтобы отношеніе французамъ, и преимущественно

¹⁾ Да.

²⁾ Хорошо.

французскихъ рефюжѣ, было умнѣе. Такъ, какъ нѣмецъ все безъ разбору уважаетъ въ Англии, французъ протестуетъ противъ всего и ненавидитъ все англійское. Это доходитъ, само собой разумѣется, до уродливости самой комической.

Французъ, во-первыхъ, не можетъ простить англичанамъ, что они не говорятъ по-французски, во-вторыхъ,—что они не понимаютъ, когда онъ Чарингъ Кросъ называетъ *Шаранв'кро* или Лестеръ скверъ—*Лесестеръ скуаръ* ¹⁾). Далѣе, его желудокъ не можетъ переварить, что въ Англии обѣдъ состоитъ изъ двухъ огромныхъ кусковъ мяса и рыбы, а не изъ пяти маленькихъ порцій всякихъ рагу, фритюръ, сальми и пр. Затѣмъ, онъ не можетъ примириться съ «рабствомъ», по которому трактиры заперты въ воскресенье и весь народъ *скучаетъ богу*, хотя вся Франція семь дней въ недѣлю *скучаетъ Бонапарту*. Затѣмъ, весь *habitus* ²⁾), все хорошее и дурное въ англичанинѣ ненавистно французу. Англичанинъ платитъ ему той же монетой, но съ завистью смотритъ на постройку его одежды и карикатурно старается подражать ему.

Все это очень замѣчательно для изученія сравнительной физиологии, и я совсѣмъ не для смѣха рассказываю это. Нѣмецъ, какъ мы замѣтили, сознаетъ себя, по крайней мѣрѣ въ гражданскомъ отношеніи, низшимъ видомъ той же породы, къ которой принадлежитъ англичанинъ, и подчиняется ему. Французъ, принадлежащій къ другой породѣ, не настолько различной, чтобы быть равнодушнымъ, какъ турокъ къ китайцу, ненавидитъ англичанина, особенно потому, что оба народа слѣпо убѣждены, каждый о себѣ, что они представляютъ первый народъ въ мірѣ. И нѣмецъ внутри себя въ этомъ увѣренъ, особенно *auf dem teoretischen Gebiete* ³⁾), но стыдится признаться.

Французъ, дѣйствительно, во всемъ противоположенъ англичанину; англичанинъ—существо берложное, любящее жить особнякомъ, упрямое и непокорное, французъ—стадное, дерзкое, но легко падающее. Отсюда два совершенно параллельныя развитія, между которыми Ламаншъ. Французъ постоянно предупреждаетъ, во все мѣшается, всѣхъ воспитываетъ, всему поучаетъ; англичанинъ выжидаетъ, вовсе не мѣшается въ чужія дѣла и былъ бы готовъ скорѣе поучиться, нежели учить, но времени нѣтъ—въ лавку надо.

Два краеугольныхъ камня всего англійскаго быта: личная независимость и родовая традиція, для француза почти не суще-

¹⁾ Charing cross и Leicester square—мѣста въ Лондонѣ.

²⁾ Внѣшній видъ.

³⁾ Въ области теорій.

ствують. Грубость англійскихъ нравовъ выводитъ француза изъ себя, и она, дѣйствительно, противна и отравляетъ лондонскую жизнь, но за ней онъ не видитъ той суровой мощи, которую народъ этотъ отстаивалъ свои права, того упрямства, вслѣдствіе котораго изъ англичанина можно все сдѣлать, лъстя его страстямъ, но не раба, веселящагося галунами своей ливреи, восхищающагося своими цѣпями, обвитыми лаврами.

Французу такъ дикъ, такъ непонятенъ міръ самоуправленія, децентрализаціи, своеобразно, капризно разросшійся, что онъ, какъ долго ни живетъ въ Англии, ея политической и гражданской жизни, ея правъ и судопроизводства не знаетъ. Онъ теряется въ неспѣтомъ разноначаліи англійскихъ законовъ, какъ въ темномъ бору, и совсѣмъ не замѣчаетъ, какіе огромные и величавые дубы составляютъ его и сколько прелести, поэзии, смысла въ самомъ разнообразіи. То ли дѣло маленькій кодексъ съ посыпанными дорожками, съ подстриженными деревцами и съ полицейскими садовниками на каждой аллеѣ.

Опять—Шекспиръ и Расинь.

Видитъ ли французъ пьяныхъ, дерущихся у кабака, и полисмена, смотрящаго съ спокойствіемъ посторонняго и любопытствомъ челоуѣка, слѣдящаго за пѣтушинымъ боемъ,—онъ приходитъ въ неистовство, за рѣмъ полисмена не выходитъ изъ себя, зачѣмъ не ведетъ кого-нибудь *au violon*¹⁾. Онъ и не думаетъ о томъ, что личная свобода только и возможна, когда полицейскій не имѣетъ власти отца и матери, и когда его вмѣшательство сводится на страдательную готовность—до тѣхъ поръ, пока его позовутъ. Увѣренность, которую чувствуетъ каждый бѣднякъ, затворяя за собой дверь темной, холодной, сырой конуры, измѣняетъ взглядъ челоуѣка. Конечно, за этими строго наблюдаемыми и ревниво отстаиваемыми правами иногда прячется преступникъ,—пускай себѣ. Гораздо лучше, чтобъ ловкій воръ остался безъ наказанія, нежели, чтобъ каждый честный челоуѣкъ дрожалъ, какъ воръ, у себя въ комнатѣ. До моего пріѣзда въ Англию всякое появленіе полицейскаго въ домѣ, въ которомъ я жилъ, производило непреодолимо скверное чувство, и я нравственно становился *en garde*²⁾ противъ врага. Въ Англии полицейскій у дверей и въ дверяхъ только прибавляетъ какое-то чувство безопасности.

Въ 1855, когда джерсейскій губернаторъ, пользуясь особымъ *безправіемъ* своего острова, поднялъ гоненіе на журналъ «L'Нот-

¹⁾ Въ «кутузку» (буквально—«въ скрипку»).

²⁾ Насторожѣ.

те» за письмо Ф. Пиа къ королевѣ и, не смѣя вести дѣло судебнымъ порядкомъ, велѣлъ В. Гюго и другимъ рефюжье, протестовавшимъ въ пользу журнала, оставить Джерси,—заравый смыслъ и всѣ оппозиціонные журналы, говорили имъ, что губернаторъ перешелъ власть, что имъ слѣдуетъ остаться и сдѣлать процессъ ему. «Daily News» обѣщаль съ другими журналами взять на себя издержки. Но это продолжалось бы долго, да и какъ,—«будто возможно выиграть процессъ противъ правительства». Они напечатали новый грозный протестъ, грозили губернатору судомъ исторіи—и гордо отступили въ Гернсей.

Разкажу одинъ примѣръ французскаго пониманія англійскихъ нравовъ. Однажды вечеромъ прибѣгаетъ ко мнѣ одинъ рефюжье и, послѣ цѣлаго ряда ругательствъ противъ Англии и англичанъ, рассказываетъ мнѣ слѣдующую «чудовищную» исторію.

Французъ кая эмиграція въ то утро хоронила одного изъ своихъ собратьевъ. Надо сказать, что въ томной и скучной жизни изгнанія похороны товарища почти принимаются за праздникъ,—случай сказать рѣчь, пронести свои знамена, собраться вмѣстѣ, пройти по улицамъ, отмѣтить, кто былъ и кто не былъ,—а потому демократическая эмиграція отправилась au grand complet ²⁾ На кладбище явился англійскій пасторъ съ молитвенникомъ. Пріятель мой замѣтилъ ему, что покойникъ не былъ христіанинъ, и что, въ силу этого, ему не нужна его молитва. Пасторъ, педантъ и лицемѣръ, какъ всѣ англійскіе пасторы, съ притворнымъ смиреніемъ и національной флегмой, отвѣчалъ, что «можетъ, покойнику и не нужна его молитва, но что ему по долгу необходимо сопровождать каждаго умершаго молитвой на послѣднее жилище его». Завязался споръ, и, такъ какъ французы стали горячиться и кричать, упрямый пасторъ позвалъ полицейскихъ.

— Allons donc, parlez-moi de ce chien de pays avec sa sacrée liberté! ³⁾—прибавилъ главный актеръ этой сцены послѣ покойника и пастора.

— Ну, что же сдѣлала,—спросилъ я,—la force brutale au service du noir fanatisme? ⁴⁾

— Пришли четыре полицейскихъ, et le chef de la bande ⁵⁾ спрашиваетъ: «Кто говорилъ съ пасторомъ?». Я прямо вышелъ

¹⁾ Ж.-Б. Бокэ.

²⁾ Въ полномъ сборѣ.

³⁾ Ну, что вы! Говорите еще объ этой собачьей странѣ съ ея треклятою свободой!

⁴⁾ Грубая сила, находящаяся на службѣ у чернаго фанатизма?

⁵⁾ И глава шайки.

впередъ—и, рассказывая, мой пріятель, обѣдавшій со мною, смотрѣлъ такъ, какъ нѣкогда смотрѣлъ Леонидъ, отправляясь ужинать съ богами,—c'est moi «Monsieur», car je me garde bien de dire «citoyen» ¹⁾ а ces gueux-là ²⁾.—Тогда le chef des sbires ³⁾ съ величайшей дерзостью сказалъ мнѣ: «Переведите другимъ, чтобы они не шумѣли, хороните вашего товарища и ступайте по домамъ. А если вы будете шумѣть, я васъ всѣхъ велю отсюда вывести. —Я посмотрѣлъ на него, снявъ съ себя шляпу, и громко, что есть силы, прокричалъ: «Vive la République démocratique et sociale!».

Едва удерживая смѣхъ, я спросилъ его:

— Что же сдѣлалъ «начальникъ сборовъ»?

— Ничего, — съ самодовольной гордостью замѣтилъ французъ.—Онъ переглянулся съ товарищами, прибавилъ: «Ну, дѣлайте, дѣлайте ваше дѣло!» и остался покойно дожидаться. Они очень хорошо поняли, что имѣютъ дѣло не съ англійской чернью... у нихъ тонкій нос!»

Что-то происходило въ душѣ серьезнаго, плотнаго и, вѣроятно, выпившаго констебля во время этой выходки? Пріятель и не поду-

¹⁾ Въ поясненіе того, что мой красный пріятель употреблялъ въ разговорѣ съ полисменомъ слово «Monsieur», чтобы не употреблять во зло слово «Citoyen», надо вотъ что рассказать. Въ юдной изъ темныхъ, бѣдныхъ и нечистыхъ улицъ, лежащихъ между Сого и Лестеръ-скверомъ, гдѣ обыкновенно кочуетъ недостаточная часть эмиграціи, завелъ какой-то красный ликвористъ ⁹⁾ небольшую аптеку. Идучи мимо, я зашелъ къ нему взять седативной воды ⁰⁰⁾. За прилавкомъ сидѣлъ онъ самъ, высокій, съ грубыми чертами, густыми, насуфленными бровями, большимъ носомъ и ртомъ нѣсколько на сторону,—настоящій уѣздный террористъ 94 года, къ тому же и бритый.—«Распалевой воды на 6 пенсовъ, Monsieur», сказалъ я. Онъ отвѣшивалъ какую-то траву, за которой пришла дѣвочка, не обращая никакого вниманія на мой вопросъ; я могъ досыта налюбоваться этимъ Collot d'Herbois ⁰⁰⁰⁾, пока онъ, наконецъ, припечаталъ сургучомъ уголки бумажнаго пакета, надписавъ и потомъ довольно строго обратился ко мнѣ съ «plait-il» ⁰⁰⁰⁰⁾.—«Распалевой воды на 6 пенсовъ, — повторилъ я, Monsieur». Онъ посмотрѣлъ на меня съ какимъ-то свирѣпымъ выраженіемъ и, оглядѣвъ съ головы до ногъ, важнымъ и густымъ голросомъ сказалъ мнѣ: «Citoyen, s'il vous plait!» ⁰⁰⁰⁰⁰⁾—А. И. Г.;

²⁾ Это я, «сударь», ибо я, конечно, воздерживаюсь отъ того, чтобы называть такую сволочь «гражданиномъ».

³⁾ Начальникъ сборовъ (названіе полицейскихъ въ Италіи).

⁹⁾ Liquoriste—продавецъ прохладительныхъ напитковъ, а также растительныхъ лѣкарствъ.

⁰⁰⁾ Лѣкарство для успокоенія нервовъ.

⁰⁰⁰⁾ Жанъ-Мари, членъ комитета общественнаго спатенія 1793, прославившійся своими демагогическими крайностями.

⁰⁰⁰⁰⁾ Что прикажете?

⁰⁰⁰⁰⁰⁾ Гражданинъ, пожалуйста!

малъ о томъ, что онъ могъ себѣ доставить удовольствіе прокричать то же самое передъ окнами королевы у рѣшетки Бекингемскаго дворца, безъ малѣйшаго неудобства. Но еще замѣчательнѣе, что ни мой пріятель, ни всѣ прочіе французы при такомъ происшествіи и не думаютъ, что за подобную продѣлку во Франціи они бы пошли въ Кайенну или Ламбессу. Если же имъ это напомнишь, то отвѣтъ ихъ готовъ: «A bah! C'est une halte dans la boue... ce n'est pas normal!»¹⁾).

А когда же у нихъ свобода была нормальна?

Французская эмиграція, какъ и всѣ другія, увезла съ собою въ изгнаніе и ревниво сохранила всѣ раздоры, всѣ партіи. Сумрачная среда чужой и непріязненной страны, не скрывавшей, что она хранитъ свое *право убѣжища* не для ищущихъ его, а изъ уваженія къ себѣ, раздражала нервы.

А тутъ оторванность отъ людей и привычекъ, невозможность передвиженія, разлука съ своими, бѣдность вносили горечь, нетерпимость и озлобленіе во всѣ отношенія. Столкновенія стали злѣе, упреки въ прошедшихъ ошибкахъ—безпощаднѣе. Оттѣнки партій расходились до того, что старые знакомые прерывали всѣ сношенія, не кланялись...

Были дѣйствительные, теоретическіе и всяческіе раздоры; но рядомъ съ идеями стояли лица, рядомъ со знаменами—собственныя имена, рядомъ съ фанатизмомъ—зависть и съ откровеннымъ увлеченіемъ—наивное самолюбіе.

Антагонизмъ, нѣкогда выражавшійся *возможнымъ* Мартиномъ Лютеромъ и *последовательнымъ* Томасомъ Мюнцеромъ²⁾, лежитъ, какъ сѣмьенныя доли, при каждомъ зернѣ; логическое развитіе, расчлененіе всякой партіи непременно дойдетъ до обнаруженія его. Мы его равно находимъ въ *трехъ* невозможныхъ Гракхахъ, т.-е. считая тутъ же Гракха Бабефа, и въ слишкомъ возможныхъ Суллахъ³⁾ и Сулукахъ⁴⁾ всѣхъ цвѣтовъ. Возможна одна діагональ, возможенъ компромиссъ, стертое, среднее и потому соотвѣтствующее всему среднему: сословію, богатству, пониманію. Изъ

¹⁾ Ба! Это остановка въ грязи... это ненормально.

²⁾ Глава анабаптистовъ.

³⁾ Извѣстный римскій полководецъ, прославился гоненіями народной партіи.

⁴⁾ Souloque—негръ, родомъ изъ Таити; въ 1849 былъ провозглашенъ императоромъ Таити подъ именемъ Фостена I; въ 1858 г. народъ прогналъ его на Ямайку; долго приводился въ примѣръ глупаго, тщеславнаго и жестокаго правителя.

Лиги ¹⁾ и гугенотовъ дѣлается Генрихъ IV, изъ Стюартовъ и Кромвеля—Вильгельмъ Оранскій, изъ революціи и легитимизма—Людовикъ-Филиппъ. Послѣ него антагонизмъ сталъ между возможной республикой и послѣдовательной; возможную назвали *демократической*, послѣдовательную—*соціальной*; изъ ихъ столкновенія вышла имперія, но партіи остались.

Несговорчивыя крайности очутились въ Кайеннѣ, Ламбессѣ, Бель Илѣ и долею за французской границей, преимущественно въ Англии.

Какъ только они въ Лондонѣ перевели духъ, и глазъ ихъ привыкъ различать предметы въ туманѣ, старый споръ возобновился съ особенной нетерпимостью эмиграціи, съ мрачнымъ характеромъ лондонскаго климата.

Предсѣдатель Люксембургской комиссіи ²⁾ былъ *de jure* главное лицо между соціалистами въ лондонской эмиграціи. Представитель организациі работъ и згалитарныхъ работничихъ обществъ, онъ былъ любимъ работниками; строгій по жизни, неукоризненной чистоты во мнѣніяхъ, вѣчно работающій самъ, *sobre* ³⁾, мастеръ говорить, популярный безъ фамильярности, смѣлый и вмѣстѣ осторожный, онъ имѣлъ всѣ средства, чтобъ дѣйствовать на массу.

Съ другой стороны, Ледрю-Ролленъ представлялъ религіозную традицію 93 года; для него слова *республика* и *демократія* обнимали все: насыщеніе голодныхъ, право на работу, братство народовъ, паденіе папы. Работниковъ было меньше около него, его хоръ состоялъ изъ *saracités* ⁴⁾, то-есть изъ адвокатовъ, журналистовъ, учителей, клубистовъ и пр.

Двойство этихъ партій ясно, и именно поэтому я никогда не умѣлъ понять, какъ Маццини и Луи Бланъ объясняли свое окончательное распаденіе частными столкновеніями: разрывъ лежалъ въ самой глубинѣ ихъ воззрѣнія, въ задачѣ ихъ. Имъ вмѣстѣ нельзя было итти, но, можетъ, ненужно было и ссориться публично.

Дѣло соціализма и итальянское дѣло различались, такъ сказать, чередомъ или степенью. Государственная независимость шла прежде, должна была итти прежде экономического устройства въ Италиі. То же мы видѣли въ Польшѣ 1831, въ Венгріи 1848. Но тутъ нѣтъ мѣста полемики, это—скорѣе вопросъ о хронологиче-

¹⁾ Лига католиковъ-роялистовъ при послѣднихъ короляхъ династіи Валуа.

²⁾ Луи Бланъ.

³⁾ Скромный въ образѣ жизни.

⁴⁾ Способныхъ людей.

скомъ раздѣленіи труда, чѣмъ о взаимномъ уничтоженіи. Соціальныя теоріи мѣшали прямому, сосредоточенному дѣйствию Маццини, мѣшали военной организаціи, которая для Италіи была необходима; за это онъ сердился, не соображая, что для французовъ такая организація только могла вредить. Увлекаемый нетерпимостью и итальянской кровью, онъ напалъ на социалистовъ, и въ особенности на Луи Блана, въ небольшой брошюркѣ, оскорбительной и ненужной. По дорогѣ зацѣпилъ онъ и другихъ; такъ, на примѣръ, называетъ Прудона «демономъ»... Прудонъ хотѣлъ ему отвѣчать, но ограничился только тѣмъ, что въ слѣдующей брошюркѣ назвалъ Маццини «архангеломъ». Я раза два говорилъ, шутя, Маццини: «Ne réveillez pas le chat qui dort ¹⁾», а то съ такими бойцами трудно выйти безъ сильныхъ рубцовъ». Лондонскіе социалисты отвѣчали ему тоже желчно, съ ненужными личностями и дерзкими выраженіями.

Другого рода вражда, и вражда больше основательная, была между французами двухъ революціонныхъ толковъ. Всѣ опыты соглашенія формальнаго республиканизма съ социализмомъ были неудачны и дѣлали только очевиднѣе неоткровенность уступокъ и неприемлимый раздоръ; черезъ ровъ, ихъ раздѣлявшій, ловкій акробатъ ²⁾ бросилъ свою доску и провозгласилъ себя на ней императоромъ.

Провозглашеніе имперіи было гальваническимъ ударомъ; судорожно вздрогнули сердца эмигрантовъ и ослабли.

Это былъ печальный, тоскливый взглядъ больного, убѣдившагося, что ему не встать безъ костылей. Усталъ, скрытная безнадежность стала овладѣвать тѣми и другими. Серьезная полемика начинала блѣднѣть, сводиться на личности, на упреки, обвиненія.

Еще года два оба французскіе стана продержались въ агрессивной готовности: одинъ, праздная 24 февраля, другой—іюльскіе ідни. Но къ началу Крымской войны и къ торжественной прогулкѣ Наполеона съ королевой Викторіей по Лондону безсиліе эмиграціи стало очевидно. Самъ начальникъ лондонской Metropolitan Police ³⁾ Робертъ Менъ засвидѣтельствовалъ это. Когда консерваторы благодарили его, послѣ посѣщенія Наполеона, за ловкія мѣры, которыми онъ предупредилъ всякую демонстрацію со стороны эмигрантовъ, онъ отвѣчалъ: *«Эта благодарность мною вовсе неагслужена, благодарите Ледрю-Роллена и Луц Блана»*.

Признакъ, еще больше намекавшій на близкую кончину, обна-

¹⁾ Не будите спящую кошку.

²⁾ Наполеонъ III.

³⁾ Столичная полиція.

ружился около того же времени въ подраздѣленіяхъ партій во имя лицъ или личностей, безъ серьезныхъ причинъ.

Партіи эти составлялись такъ, какъ у насъ выдумываютъ министерства или главныя управленія, для помѣщенія какого-нибудь лишняго сановника, такъ, какъ иногда компонисты придумываютъ въ операхъ партіи для Гризи и Лаблаша ¹⁾ не потому, чтобъ эти партіи были необходимы, а потому, что Гризи или Лаблаша надобно было употребить...

Года черезъ полтора послѣ *сoup d'état*, пріѣхалъ въ Лондонъ Феликсъ Піа изъ Швейцаріи. Бойкій фельетонистъ, онъ былъ извѣстенъ процессомъ, который имѣлъ, скучной комедіей «Диогенъ», понравившейся французамъ своими сухими и тощими сентенціями, наконецъ, успѣхомъ «Ветошника» на сценѣ *Porte-Saint-Martin*. Объ этой пьесѣ я когда-то писалъ цѣлую статью ²⁾. Ф. Піа былъ членомъ послѣдняго законодательнаго собранія, сидѣлъ на Горѣ, *подрался* какъ-то въ палатѣ съ Прудономъ, замѣшался въ протестъ 13 іюня 1849 и, вслѣдствіе этого, долженъ былъ оставить Францію тайкомъ. Уѣхалъ онъ, какъ я, съ молдавскимъ видомъ и ходилъ въ Женевѣ въ костюмъ какого-то мавра, вѣроятно, для того, чтобъ его всѣ узнали. Въ Лозаннѣ, куда онъ переѣхалъ, составилъ у Ф. Піа небольшой кругъ почитателей изъ французскихъ изгнанниковъ, жившихъ манною его острыхъ словъ и крупницами его мыслей. Горько ему было изъ кантональныхъ вождей перейти въ какую-нибудь изъ лондонскихъ партій. Для лишняго кандидата на великаго человѣка не было партіи: пріятели и поклонники его выручили изъ бѣды: они выдѣлились изъ всѣхъ прочихъ партій и назвались *лондонской революціонной коммуной*.

La commune révolutionnaire ³⁾ должна была представлять самую красную сторону демократіи и самую коммунистическую—соціализма. Она считала себя вѣчно на чеку, въ самыхъ тѣсныхъ связяхъ съ Маріанной ⁴⁾ и съ тѣмъ вмѣстѣ вѣрнѣйшей представительницей *Бланки in partibus infidelium* ⁵⁾.

¹⁾ Луи, франц. пѣвецъ, считается лучшимъ изъ басовъ, какіе только выступали на оперной сценѣ.

²⁾ «Зачѣмъ вы испортили вашего «Chiffonnier», навязавъ ему въ концѣ счастливую развязку, прятящую и нравственность пьесы, и ея артистическое единство?»—спросилъ я разъ Піа. «Затѣмъ,—отвѣчалъ онъ,—что если-бъ я огорчилъ парижанъ мрачной судьбой старика и дѣвушки, на другое представленіе никто бы не пошелъ». А. И. Г.

³⁾ Революціонная коммуна.

⁴⁾ Тайное общество во Франціи.

⁵⁾ «Въ странахъ, занятыхъ невѣрными»—ироническій эпитетъ къ епископамъ безъ епархіи, министрамъ безъ министерствъ и пр.

Мрачный Бланки, суровый педантъ и доктринеръ своего дѣла, аскетъ, исхудавшій въ тюрьмахъ, расправилъ въ образѣ Ф. Піа свои морщины, подкрасилъ въ алый цвѣтъ свои черныя мысли и сталъ морить со смѣху парижскую коммуну въ Лондонѣ. Выходки Ф. Піа въ его письмахъ къ королевѣ, къ Валевскому ¹⁾, котораго онъ назвалъ *ex-réfugié* и *ex-Polonais* ²⁾, къ принцамъ и пр. были очень забавны; но въ чемъ сходство съ Бланки, я никакъ не могъ добраться; да и, вообще, въ чемъ состояла отличительная черта, дѣлившая его отъ Луи Блана, напр., простымъ глазомъ видѣть было трудно.

То же должно сказать о джерсейской партіи Виктора Гюго.

Викторъ Гюго никогда не былъ въ настоящемъ смыслѣ слова политическимъ дѣятелемъ. Онъ слишкомъ поэтъ, слишкомъ подъ вліяніемъ своей фантазіи, чтобы быть имъ. И, конечно, я это говорю не въ порицаніе ему. Соціалистъ-художникъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ былъ поклонникъ военной славы, республиканскаго разгрома, средневѣковаго романтизма и бѣлыхъ лилій,—виконтъ и гражданинъ, пэръ орлеанской Франціи и агитаторъ 2 декабря; это—пышная, великая личность, но не глава партіи, несмотря на рѣшительное вліяніе, которое онъ имѣлъ на два поколѣнія. Кого не заставилъ задуматься надъ вопросомъ о смертной казни «Послѣдній день осужденнаго»? Въ комъ не возбуждали чего-то въ родѣ угрызенія совѣсти его рѣзкія, страшно и странно освѣщенныя, на манеръ Турнера ³⁾, картины общественныхъ язвъ бѣдности и рокового порока?

Февральская революція застала Гюго врасплохъ: онъ не молялъ ея, удивился, отсталъ, надѣлалъ бездну ошибокъ и былъ дотѣхъ поръ реакционеромъ, пока реакція, въ свою очередь, не опередила его. Приведенный въ негодованіе цензурой театральныхъ пьесъ и римскими дѣлами, онъ явился на трибунѣ собранія съ рѣчами, раздавшимися по всей Франціи. Успѣхъ и рукоплесканія увлекли его дальше и дальше. Наконецъ, 2-декабря 1851 онъ сталъ во весь ростъ: онъ въ виду штыковъ и заряженныхъ ружей звалъ народъ къ возстанію; подъ пулями протестовалъ противъ *coup d'état* и удалился изъ Франціи, когда нечего было въ ней дѣлать. Раздраженнымъ львомъ отступилъ онъ въ Джерси; оттуда, едва переводя

¹⁾ Александръ, графъ, незаконный сынъ Наполеона I и польской графини Маріи Валевской; былъ франц. посланникомъ въ Лондонѣ при Наполеонѣ III.

²⁾ Бывшій изгнанникъ и бывшій полякъ.

³⁾ Джозефъ-Вильямъ, англійскій художникъ первой половины XIX в.

духъ, онъ бросилъ въ императора своего «Napoléon le petit», потомъ свои «Châtiments». Какъ ни старались бонапартистскіе агенты примирить стараго поэта съ новымъ дворомъ, не могли. «Если останутся десять французовъ въ изгнаніи, я останусь съ ними; если три, я буду въ ихъ числѣ; если останется одинъ, то этотъ изгнанникъ буду я. Я не возвращусь иначе, какъ въ свободную Францію».

Отъѣздъ Гюго изъ Джерси въ Гернсей, кажется, убѣдилъ еще больше его друзей и его самого въ политическомъ значеніи, въ то время, какъ отъѣздъ этотъ могъ только убѣдить въ противномъ. Дѣло было такъ. Когда Ф. Піа написалъ свое письмо къ королевѣ Викторіи, послѣ ея посѣщенія къ Наполеону, онъ, прочитавъ его на митингѣ, отослалъ его въ редакцію «L'Homme». Свентославскій, печатавшій «L'Homme» на свой счетъ въ Джерси, былъ тогда въ Лондонѣ. Онъ вмѣстѣ съ Ф. Піа пріѣзжалъ ко мнѣ и, уходя, отвелъ меня въ сторону и сказалъ, что ему знакомый его lawyer ¹⁾ сообщилъ, что за это письмо легко можно преслѣдовать журналъ въ Джерси, состоящемъ на положеніи колоніи, а Піа хочетъ въ «L'Homme». Свентославскій сомнѣвался и хотѣлъ непременно знать мое мнѣніе.

— Не печатайте.

— Да я самъ думаю такъ, только вотъ что скверно: онъ подумаетъ, что я *ислуался*.

— Какъ же не бояться при теперешнихъ обстоятельствахъ потерять нѣсколько тысячъ франковъ?

— Вы правы. Этого я не могу, не долженъ дѣлать.

Свентославскій, такъ премудро разсуждавшій, ухалъ въ Джерси и письмо напечаталъ.

Слухи носились, что министерство хотѣло что-то сдѣлать. Англичане были обижены за тонъ, съ которымъ Піа обращался къ квинѣ ²⁾. Первымъ результатомъ этихъ слуховъ было то, что Ф. Піа пересталъ ночевать у себя дома: онъ *боялся въ Англии visite domiciliaire* ³⁾ и ночного ареста за напечатанную статью! Преслѣдовать судомъ правительство и не думало; министры подмигнули джерсейскому губернатору, или какъ тамъ онъ у нихъ называется, и тотъ, пользуясь незаконными правами, которыя существуютъ въ колоніяхъ, велѣлъ Свентославскому выхвать съ острова. Свентославскій протестовалъ, и съ нимъ человекъ десять французовъ, въ

¹⁾ Юристъ, стряпчій.

²⁾ Queen—королева.

³⁾ Домашній обыскъ.

томъ числѣ В. Гюго. Тогда полицейскій Наполѣонъ Джерси велѣлъ выѣхать всѣмъ протестовавшимъ. Имъ слѣдовало не слушаться донельзя; пусть бы полиція схватила кого-нибудь за шиворотъ и выбросила съ острова; тогда можно было бы поставить вопросъ о высылкѣ передъ судъ. Это и предлагали французамъ англичане. Процессы въ Англии безобразно дороги; но издатели «Daily News» и другихъ либеральныхъ листовъ обѣщали собрать какую надобно сумму, найти способныхъ защитниковъ. Французамъ путь легальности показался скученъ и дологъ, противенъ, и они съ гордостью оставили Джерси, увлекая за собой Свентославскаго и С. Телеки.

Объявленіе полицейскаго приказа В. Гюго особенно торжественно. Когда полицейскій чиновникъ взошелъ къ нему, чтобъ прочесть приказъ, Гюго позвалъ своихъ сыновей, сѣлъ, указалъ на стулъ чиновнику, и, когда всѣ усѣлись,—какъ въ Россіи передъ отѣздомъ,—онъ всталъ и сказалъ: «Г. комиссаръ, мы дѣлаемъ теперь страницу исторіи (nous faisons maintenant une page de l'histoire). Читайте вашу бумагу». Полицейскій, ожидавшій, что его выбросятъ за двери, былъ удивленъ легкостью побѣды, обязалъ Гюго подпиской, что онъ уѣдетъ, и ушелъ, отдавая справедливость учтивости французовъ, давшихъ даже ему стулъ. Гюго уѣхалъ, и другіе съ нимъ вмѣстѣ оставили Джерси. Большая часть поѣхали не дальше Гернсея; другіе отправились въ Лондонъ; дѣло было проиграно, и право высылать осталось непочатымъ. Серьезныхъ партій, какъ мы сказали, было только двѣ, т.-е. партія формальной республики и насильственного социализма: Ледрю-Ролленъ и Луи Бланъ. О послѣднемъ я еще не говорилъ, а зналъ его почти больше, чѣмъ всѣхъ французскихъ изгнанниковъ.

Нельзя сказать, ятобъ воззрѣніе Луи Блана было неопредѣленно, — оно во всѣ стороны обрѣзано, какъ ножомъ. Луи Бланъ въ изгнаніи приобрѣлъ много фактическихъ свѣдѣній (по своей части, т.-е. по части изученія первой французской революціи), нѣсколько устоялся и успокоился, но въ сущности своего воззрѣнія не подвинулся ни на одинъ шагъ съ того времени, какъ писалъ «Исторію десяти лѣтъ» ¹⁾ и «Организацію труда». Осѣвшее и устоявшееся было то же самое, что бродило смолоду.

Въ маленькомъ тѣльцѣ Луи Блана живѣтъ бодрый и круто сложившійся духъ, très éveillé ²⁾, съ сильнымъ характеромъ, со своей опредѣленно вываянной особностью, и притомъ совершенно

¹⁾ Исторія времени, послѣдовавшаго во Франціи послѣ революціи 1830 г.; ее прекрасно популяризовалъ Чернышевскій въ статьѣ «Іюльская монархія».

²⁾ Чрезвычайно живой.

французской. Быстрые глаза, скорыя движенія придають ему какой-то вмѣстѣ подвижный и точеный видъ, не лишенный граціи. Онъ похожъ на сосредоточеннаго человѣка, сведеннаго на наименьшую величину, въ то время, какъ колоссальность его противника, Ледрю-Роллена, похожа на разбухнушаго ребенка, на карлу въ огромныхъ размѣрахъ или подъ увеличительнымъ стекломъ. Они оба могли бы чудесно играть въ Гулливеровомъ путешествіи. Луи Бланъ, — и это большая сила и очень рѣдкое свойство, — мастерски владѣеть собой; въ немъ много выдержки, и онъ въ самомъ плу разговора, не только публично, но и въ пріятельской бесѣдѣ, никогда не забываетъ самыя сложныя отношенія, никогда не выходитъ изъ себя въ спорѣ, не перестаетъ весело улыбаться и никогда не соглашается съ противникомъ. Онъ мастеръ рассказывать и, несмотря на то, что много говоритъ, какъ французъ, никогда не скажетъ лишняго слова, какъ корсиканецъ.

Онъ занимается только Франціей, знаетъ только Францію и ничего не знаетъ, «развѣ ея». Событія міра, открытія науки, землетрясенія и наводненія занимають его по той мѣрѣ, по которой оңи касаются Франціи. Говоря съ нимъ, слушая его тонкія замѣчанія, его занимательные рассказы, легко изучить характеръ французскаго ума, и тѣмъ легче, что мягкія, образованныя формы его не имѣють въ себѣ ничего вызывающаго раздражительную колкость или ироническое молчаніе тѣмъ самодовольнымъ нахальствомъ, иногда простодушнымъ, которое дѣлаетъ такъ несноснымъ сношеніе съ современными французами.

Когда я ближе познакомился съ Луи Бланомъ, меня поразили внутренній невозмутимый покой его. Въ его разумніи все было въ порядкѣ и рѣшено; тамъ не возникало вопросовъ, кромѣ второстепенныхъ, прикладныхъ. Свои счеты онъ свелъ: *er wag im Klagen mit sich* ¹⁾; ему было нравственно свободно, какъ человѣку, который знаетъ, что онъ правъ. Въ частныхъ ошибкахъ своихъ, въ промахахъ друзей онъ сознавался добродушно; теоретическихъ угрызеній совѣсти у него не было. Онъ былъ доволенъ собой послѣ разрушенія республики 1848, какъ Моисеевъ богъ — послѣ созданія міра. Подвижной умъ его въ ежедневныхъ дѣлахъ и подробностяхъ былъ японски неподвиженъ во всемъ общемъ. Эта незыблемая увѣренность въ основахъ, однажды принятыхъ, слегка провѣтриваемая холоднымъ рациональнымъ вѣтеркомъ, прочно держалась на нравственныхъ подпорочкахъ, силу которыхъ онъ никогда не испытывалъ, потому что вѣрилъ въ нее. Мозговая религіозность и отсутствіе

¹⁾ Онъ былъ въ мирѣ съ самимъ собою.

скептического сосанія подъ-ложкой обводили его китайской стѣной, за которую нельзя было забросить ни одной новой мысли, ни одного сомнѣнія ¹⁾).

Я иногда, шутя, останавливалъ его на общихъ мѣстахъ, горяча онъ, вѣроятно, повторялъ годы, не думая, чтобъ можно было возражать на такія почтенныя истины, и самъ не возражая: «Жизнь чловѣка—великій социальный долгъ; чловѣкъ *долженъ* постоянно приносить себя на жертву обществу»...

— Зачѣмъ же?—спросилъ я вдругъ.

— Какъ зачѣмъ? Помилуйте: вся цѣль, все назначеніе лица— благосостояніе общества.

— Оно никогда не достигнется, если всѣ будутъ жертвовать и никто не будетъ наслаждаться.

— Это—игра словъ.

— Варварская сбивчивость понятій,—говорилъ я, смѣясь.

— Мнѣ никакъ не дается материалистическое понятіе о духѣ,—говорилъ онъ разъ;—все же, духъ и матерія разное,—тѣсно связанное, такъ тѣсно, что они не являются врозь, но, все же, они не одно и то же...—И, видя, что какъ-то доказательство идетъ влохо, онъ вдругъ прибавилъ:—Ну вотъ, я теперь закрываю глаза и воображаю моего брата, вижу его черты, слышу его голосъ; гдѣ же матеріальное существованіе этого образа?

Я сначала думалъ, что онъ шутить, но, видя, что онъ говоритъ совершенно серьезно, я замѣтилъ ему, что образъ его брата на сію минуту въ фотографическомъ заведеніи, называемомъ мозгомъ, и что врядъ есть ли портретъ Шарля Блана ²⁾ отдѣльно отъ фотографическаго снаряда.

¹⁾ Все это, за исключеніемъ нѣкоторыхъ добавокъ и поправокъ, писано тѣтъ десять тому назадъ. Я долженъ признаться, что послѣднія событія заставили меня отчасти измѣнить мое мнѣніе о Луи Бланѣ. Онъ, дѣйствительно, сдѣлалъ *шагъ впередъ*—и, какъ слѣдовало ждать отъ якобинскихъ старообрядцевъ,—онъ ему не прошелъ даромъ. «Что дѣлать, говорилъ еще мнѣ въ разгаръ мексиканской войны Луи Бланъ:—честь нашего знамени компрометирована». Мнѣніе чисто французское и совершенно противочеловѣческое. Видно, оно сильно мучило Луи Блана. Черезъ годъ, за обѣдомъ, который давали въ Брюсселѣ В. Гюго послѣ изданія «Les Misérables», Луи Бланъ въ своей рѣчи сказалъ: «Горе народу, когда его понятіе о чести, вообще, не совпадаетъ съ понятіемъ военной чести». Тутъ былъ цѣлый переворотъ. Онъ-то и обличился при началѣ послѣдней войны. Энергическія, полная мѣткости и истины статьи Луи Блана, помѣщаемыя въ «Le Temps», возбудили грозу «Siècle'я» и «Opinion Nationale»; они чуть не выдали Луи Блана за австрійскаго агента; и выдали бы совсѣмъ, если-бъ онъ не пользовался, дѣйствительно, заслуженной репутаціей чистоты. А. И. Г.

²⁾ Историкъ искусства.

— Это совсѣмъ другое дѣло: матеріально въ моемъ мозгу нѣтъ изображенія моего брата.

— Почему вы знаете?

— А вы почему?

— По наведенію.

— Кстати: это напоминаетъ мнѣ преуморительный анекдотъ...

И тутъ, какъ всегда, рассказъ о Дидро или m-me Tencin ¹⁾.
очень милый, но вовсе не идущій къ дѣлу.

Въ качествѣ преемника Максимилиана Робеспьера, Луи Бланъ— поклонникъ Руссо и въ холодныхъ отношеніяхъ съ Вольтеромъ. Въ своей «Исторіи» онъ по-библейски раздѣлилъ всѣхъ дѣятелей на два стана. Одесную—агнцы братства; ошуйю—козлы ячности и эгоизма. Эгоистамъ, въ родѣ Монтеня, пощадъ нѣтъ, и ему досталось порядкомъ. Луи Бланъ въ этой сортировкѣ ни на чемъ не останавливается и, встрѣтивъ финансиста Ло, смѣло зачислилъ его по братству, чего, конечно, отважный шотландецъ никогда не ожидалъ. ¹

Въ 1856 году пріѣзжалъ въ Лондонъ изъ Гааги Барбесъ. Луи Бланъ привелъ его ко мнѣ. Съ умиленіемъ смотрѣлъ я на страдальца, который провелъ почти всю жизнь въ тюрьмѣ. Я прежде видѣлъ его одинъ разъ, и гдѣ? Въ окнѣ Hôtel-de-Ville 15 мая 1848, за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ, какъ ворвавшаяся національная гвардія схватила его ²⁾.

Я звалъ ихъ на другой день обѣдать; они пришли, и мы просидѣли до поздней ночи.

Они просидѣли до поздней ночи, вспоминая о 1848 годѣ; когда я проводилъ ихъ на улицу и возвратился одинъ въ мою комнату, мною овладѣла безконечная грусть; я сѣлъ за свой письменный столъ и готовъ былъ плакать...

Я чувствовалъ то, что долженъ ощущать сынъ, возвращаясь послѣ долгой разлуки въ родительскій домъ. Онъ видитъ, какъ въ немъ все почернѣло, покривилось, отецъ его постарѣлъ, не замѣчая того; сынъ очень замѣчаетъ и ему тѣсно, онъ чувствуетъ близость

¹⁾ Маркиза, писательница начала XVIII ст., мать знаменитаго математика и энциклопедиста д'Аламбера; женщина, очень остроумная, но неустойчиваго поведенія.

²⁾ До чего доходило остервенѣніе хранителей порядка въ этотъ день, можно измѣрить тѣмъ, что національная гвардія схватила на бульварѣ Луи Блана, котораго вовсе не слѣдовало арестовать и котораго полиція тотчасъ велѣла освободить. Видя это, національный гвардеецъ, державшій его, *схватилъ его за палецъ, врызалъ въ него свои ногти и повернулъ послѣдній суставъ*. А. И. Г.

гроба, скрываетъ это, но свиданіе не оживляетъ его, не радуетъ, а утомляетъ.

Барбесъ, Луи Бланъ! вѣдь, это—все старые друзья, почетные друзья кипучей юности. «Historie de dix ans», процессъ Барбеса передъ камерсѣй пэровъ,—все это такъ давно обжилось въ головѣ, въ сердцѣ, со всѣмъ съ этимъ мы такъ сроднились,—и вотъ они налицо.

Самые злые враги ихъ никогда не осмѣливались заподозрѣть неподкупную честность Луи Блана или набросить тѣнь на рыцарскую доблесть Барбеса. Обоихъ всѣ видѣли, знали во всѣхъ положеніяхъ, у нихъ не было частной жизни, не было закрытыхъ дверей. Одного изъ нихъ мы видѣли членомъ правительства, другого за полчаса до гильотины. Въ ночь передъ казнью Барбесъ не спалъ, а спросилъ бумаги и сталъ писать; строки эти сохранились, я ихъ читалъ. Въ нихъ есть французскій идеализмъ, религіозныя мечты, но ни тѣни слабости; его духъ не смутился, не унылъ; съ яснымъ сознаніемъ приготовлялся онъ положить голову на плаху и покойно писалъ, когда рука тюремщика сильно стукнула въ дверь. «Это было на разсвѣтѣ, я (и это онъ мнѣ разсказалъ самъ) ждалъ исполнителей»,—но, вмѣсто палачей, вошла его сестра и бросилась къ нему на шею. Она выпросила, безъ его вѣдома, у Людовика-Филиппа перемѣну наказанія и скакала на почтовыхъ всю ночь, чтобъ успѣть.

Колодникъ Людовика-Филиппа черезъ нѣсколько лѣтъ является наверху цивическаго торжества: цѣпи сняты ликующимъ народомъ, его везутъ въ триумфъ по Парижу. Но прямое сердце Барбеса не смутилось: онъ явился первымъ обвинителемъ временнаго правительства за руанскія убійства. Реакція росла около него, спасти республику можно было только дерзкой отвагой, и Барбесъ 15 мая сдѣлалъ то, чего не дѣлали ни Ледрю-Ролленъ, ни Луи Бланъ, чего испугался Коссидьеръ! *Compt d'état* не удался, и Барбесъ, колодникъ республики, снова передъ судомъ. Онъ въ Буржѣ такъ же, какъ въ камерѣ пэровъ, говоритъ законникамъ мѣщанскаго міра, какъ говорилъ грѣшному старцу Пакье: «Я васъ не признаю за судей: вы—враги мои, я—вашъ военноплѣнный, дѣлайте со мною; что хотите, но судьями я васъ не признаю!». И снова тяжелая дверь пожизненной тюрьмы затворилась за нимъ.

Случайно, противъ своей воли вышелъ онъ изъ тюрьмы; Наполеонъ его вытолкнулъ изъ нея почти въ насмѣшку, прочитавъ во время Крымской войны письмо Барбеса, въ которомъ онъ, въ припадкѣ галльскаго шовинизма, говоритъ о военной славѣ Франціи. Барбесъ удалился, было, въ Испанію; перепуганное и тупое прави-

тельство выслало его. Онъ уѣхалъ въ Голландію и тамъ нашель покойное, глухое убѣжище.

И вотъ этотъ-то герой и мученикъ вмѣстѣ съ однимъ изъ главныхъ дѣятелей февральской республики, съ первымъ государственнымъ человѣкомъ социализма вспоминали и обсуждали прошедшіе дни славы и невзгоды!

А меня давила тяжелая тоска; я съ несчастной ясностью видѣлъ, что они тоже принадлежать исторіи *другую десяти-лѣтія*, которая окончена до послѣдняго листа, до переплета!

Окончена не для нихъ лично, а для всей эмиграціи и для всѣхъ теперешнихъ политическихъ партій. Живыя и шумныя десять, даже пять лѣтъ тому назадъ, онѣ вышли изъ русла и теряются въ песокъ, воображая, что все текутъ въ океанъ. У нихъ нѣтъ больше ни тѣхъ словъ, которыя, какъ слово «республика», пробуждали цѣлыя народы, ни тѣхъ пѣсень, какъ марсельеза, которыя заставляли содрогаться каждое сердце. У нихъ и враги не той же величины и не той же пробы; нѣтъ ни сѣдыхъ феодальныхъ привилегій короны, съ которыми бы было трудно сражаться, ни королевской головы, которая бы, скатываясь съ эшафота, уносила съ собой цѣлую государственную организацію. Казните Наполеона—изъ этого не будетъ 21 января; разберите по камнямъ Мазась ¹⁾—изъ этого не выйдетъ взятія Бастили! *Тогда* въ этихъ громахъ и молніяхъ раскрывалось новое откровеніе,—откровеніе государства, основаннаго на разумѣ, новое искупленіе изъ средневѣковаго мрачнаго рабства. Съ тѣхъ поръ искупленіе революціей обличилось несостоятельнымъ, на разумѣ государство не устроилось. Политическая реформація выродилась, какъ и религіозная, въ риторическое пустословіе, охраняемое слабостью однихъ и лицемѣріемъ другихъ. Марсельеза остается святымъ гимномъ прошедшаго, какъ «Gottes feste Burg» ²⁾, звуки той и другой пѣсни вызываютъ и теперь рядъ величественныхъ образовъ, какъ въ макбетовскомъ процессѣ тѣней—все цари, но все мертвые.

Послѣдній едва еще виденъ въ спину, а объ новомъ только слухи. Мы въ *междоцарствіи*: пока до наслѣдника, полиція все захватила во имя наружнаго порядка. Тутъ не можетъ быть и рѣчи о правахъ, это—временныя необходимости, это—Lynch law ³⁾ въ исторіи, экзекуція, оцѣпленіе, карантинная мѣра. Новый поря-

¹⁾ Политическая тюрьма въ Парижѣ.

²⁾ «Ein feste Burg ist unser Gott»—«Нашъ Богъ—надежная крѣпость», популярное въ Германіи религіозное стихотвореніе Лютера на мотивъ 45-го псалма.

³⁾ Законъ Линча.

докъ, совмѣстившій все тяжкое монархіи и все свирѣпое якобинизма, огражденъ не идеями, не предрасудками, а страхами и неизвѣстностями. Пока одни боялись, другіе ставили штыки и занимали мѣста. Первый, кто прорветъ ихъ цѣпь, пожалуй, и займетъ главное мѣсто, занятое полиціей,—только онъ и самъ сдѣлается сейчасъ кварталнымъ.

Это напоминаетъ намъ, какъ Коссидьеръ вечеромъ 24 февраля пришелъ въ префектуру съ ружьемъ въ рукѣ, сѣлъ въ кресла только-что бѣжавшаго Делесера, позвалъ секретаря, сказалъ ему, что онъ назначенъ префектомъ, и велѣлъ подать бумаги. Секретарь такъ же почтительно улыбнулся, какъ Делесеру, такъ же почтительно поклонился и пошелъ за бумагами, и бумаги пошли своимъ чередомъ; ничего не перемѣнилось, только ужинъ Делесера сѣлъ Коссидьеръ.

Многіе узнали пароль префектуры, но лозунга исторіи не знаютъ. Они, когда было время, поступили точно такъ, какъ Александръ I: они хотѣли, чтобъ старому порядку былъ нанесенъ ударъ, но не смертельный, а Бенигсена или Зубова у нихъ не было.

И вотъ почему, если они снова сойдутъ на арену, они ужаснутся *людской неблагодарности*, и пусть останутся при этой мысли, пусть думаютъ, что это—одна неблагодарность. Мысль эта мрачна, но легче многихъ другихъ.

А еще лучше имъ вовсе не ходить туда; пусть они намъ и нашимъ дѣтямъ повѣствуютъ о своихъ великихъ дѣлахъ. Сердиться за этотъ совѣтъ нечего: живое мѣняется, неизмѣнное становится памятникомъ. Они оставили свою бразду такъ, какъ свою оставляютъ за ними идущіе, и ихъ обгонитъ, въ свою очередь, свѣжая волна, а потомъ все: бразды... живое и памятники,—все покроется всеобщей амнистіей вѣчнаго забвенія!

На меня сердятся многіе за то, что я высказываю эти вещи. «Въ вашихъ словахъ,—говорилъ мнѣ очень почтенный человѣкъ,—такъ и слышится *посторонній зритель*».

А, вѣдь, я не постороннимъ пришелъ въ Европу. Постороннимъ я сдѣлался. Я очень выносливъ, но выбился, наконецъ, изъ силъ.

Я пять лѣтъ не видалъ свѣтлаго лица, не слышалъ простого смѣха, понимающаго взгляда. Все фельдшера были возлѣ да прозектора. Фельдшера все пробовали лѣчить, прозектора все указывали имъ по трупу, что они ошиблись,—ну, и я, наконецъ, схватилъ скальпель; можетъ, рѣзнулъ слишкомъ глубоко съ непривычки...

Говорилъ я не какъ посторонній, не для упрека, говорилъ оттого, что сердце было полно, оттого, что общее непониманіе выводило изъ терпѣнія. Что я раньше отрезвѣлъ, это мнѣ ничего не облегчило. Это и изъ фельдшероу только самые плохіе самодовольно улыбаются, глядя на умирающаго. «Вотъ, молъ, я сказалъ, что онъ къ вечеру протянетъ ноги, онъ и протянулъ».

Такъ зачѣмъ же я вынесъ?

Въ 1856 году лучшей изъ всей нѣмецкой эмиграціи человѣкъ, *Карль Шурцъ*, пріѣзжалъ изъ Висконсина въ Европу. Возвращаясь изъ Германіи, онъ говорилъ мнѣ, что его поразило нравственное запустѣніе материка. Я перевелъ ему, читая, мои «Западные арабески», онъ оборонялся отъ моихъ заключеній, какъ отъ привидѣній, въ которое человѣкъ не хочетъ вѣрить, но котораго боится.

— Человѣкъ,—сказалъ онъ мнѣ,—который такъ понимаетъ современную Европу, какъ вы, долженъ бросить ее.

— Вы такъ и поступили,—замѣтилъ я.

— Отчего же вы этого не дѣлаете?

— Очень просто: я могу вамъ сказать такъ, какъ одинъ честный нѣмецъ прежде меня отвѣчалъ въ гордомъ припадкѣ самобытности «у меня въ Швабіи есть свой король»: *у меня въ Россіи есть свой народъ!*

Сходя съ вершинъ въ средніе слои эмиграціи, мы увидимъ, что большая часть была увлечена въ изгнаніе благороднымъ порывомъ и риторикой. Люди эти жертвовали собой за слова, т.-е. за ихъ музыку, не давая себѣ никогда яснаго отчета въ смыслѣ ихъ. Они ихъ любили горячо и вѣрили въ нихъ, какъ католики любили и вѣрили въ латинскія молитвы, не зная по-латыни. «*La fraternité universelle comme base de la république universelle*»¹⁾—это кончено и принято! «*Point de salariés, et la solidarité des peuples*»²⁾—и, покраснѣйте, этого иному достаточно, чтобъ идти на баррикаду, а ужъ коли французъ пойдетъ, онъ съ нея не побѣжитъ.

«*Pour moi, voyez-vous, la république n'est pas une forme gouvernementale, c'est une religion, et elle ne sera vraie que lorsqu'elle le sera*»³⁾, говорилъ мнѣ одинъ участникъ всѣхъ возстаній со времени

¹⁾ Всемирное братство, какъ основа всемірной республики.

²⁾ Долой наемный трудъ и пусть настанетъ солидарность народовъ.

³⁾ Для меня, видите ли, республика не форма правленія, это—религія, и она будетъ тогда только истинна, когда будетъ.

ламарковскихъ похоронъ. Et lorsque la religion sera une république ¹⁾),—добавилъ я. «Précisément!» ²⁾)—отвѣчалъ онъ, очень довольный тѣмъ, что я вывернулъ наизнанку его фразу.

Массы эмиграціи представляютъ своего рода вѣчно открытое угрызеніе совѣсти передъ глазами вождей. Въ нихъ всѣ ихъ недостатки являются въ томъ преувеличенномъ и смѣшномъ видѣ, въ которомъ парижскія моды являются гдѣ-нибудь въ русскомъ уѣздномъ городѣ.

И во всемъ этомъ есть бездна наивнаго. За декламаціей на первомъ планѣ la mise en scène ³⁾.

Античныя драпри и торжественная постановка конвента такъ поразила французскій умъ своей грозной поэзіей, что, напр., съ именемъ республики ея энтузіасты представляютъ не внутреннюю перемѣну, а праздникъ федерализаціи, барабанный бой и заунывные звуки tocsin ⁴⁾). Отечество возвѣщается въ опасности, народъ встаетъ массой на его защиту въ то время, какъ около деревьевъ свободы празднуется торжество цивилизма; дѣвушки въ бѣлыхъ платьяхъ пляшутъ подъ напѣвъ патріотическихъ гимновъ, и Франція въ фригійской шапкѣ посылаетъ громадныя арміи для освобожденія народовъ и низверженія царей.

Главный балластъ всѣхъ эмиграцій, особенно французской, принадлежитъ буржуазіи; этимъ характеръ ихъ уже обозначенъ. Марка или штемпель мѣщанства такъ же трудно стирается, какъ печать, которую прикладываютъ наши семинаріи своимъ ученикамъ. Собственно, купцовъ, лавочниковъ, хозяевъ въ эмиграціи мало, и тѣ попали въ нее какъ-то невзначай, вытолкнутые большей частью изъ Франціи послѣ 2 декабря за то, что не догадались, что на нихъ лежитъ священная обязанность измѣнить конституцію. Ихъ тѣмъ больше жаль, что положеніе ихъ совершенно комическое: они потеряны въ красной обстановкѣ, которой дома не знали, а только боялись; въ силу національной слабости, имъ хочется себѣ выдавать за гораздо большихъ радикаловъ, чѣмъ они въ самомъ дѣлѣ; но, не привыкнувъ къ революціонному jargon, они съ ужасу новыхъ товарищей, безпрестанно впадаютъ въ орлеанизмъ. Разумѣется, они были бы всѣ рады возвратиться, если-бъ point d'honneur ⁵⁾), единственная крѣпкая, нравственная сила современнаго француза, не воспрещала просить дозволенія.

¹⁾ И когда религія станетъ республикой.

²⁾ Непремѣнно.

³⁾ Постановка.

⁴⁾ Набата.

⁵⁾ Честь.

Надъ ними стоящій слой составляетъ лейбъ-компанейскую роту эмиграціи: адвокаты, журналисты, литераторы и нѣсколько военныхъ.

Большая часть изъ нихъ искали въ революціи общественнаго положенія, но при быстромъ отливѣ они очутились на англійской отмели. Другіе безкорыстно увлеклись клубной жизнью и агитаціями; риторика довела ихъ до Лондона, сколько волею, а вдвое того неволею. Въ ихъ числѣ много чистыхъ и благородныхъ людей, но мало способныхъ; они попали въ революцію по темпераменту, по отвагѣ человѣка, который бросается, слыша крикъ, въ рѣку, забывая объ ея глубинѣ и о своемъ неумѣннѣ плавать.

За этими дѣтьми, у которыхъ, по несчастію, посядѣли узкія бородки и нѣсколько очистился отъ волосъ остроконечный галльскій черепъ, стояли разныя кучки работниковъ, гораздо болѣе серьезныхъ, не столько связанные въ одно наружностію, сколько духомъ и общимъ интересомъ.

Ихъ революціонерами поставила сама судьба: нужда и развитіе сдѣлали ихъ практическими социалистами; оттого-то ихъ дума реальнѣе, рѣшимость тверже. Эти люди вынесли много лишений, много униженій, и притомъ молча,—это даетъ большую крѣпость; они переплыли Ламаншъ не съ фразами, а со страстями и ненавистями. Подавленное положеніе спасло ихъ отъ буржуазной *suffisance* ¹⁾, они знаютъ, что имъ некогда было образоваться; они хотятъ учиться въ то время, какъ буржуа не больше ихъ учился, но совершенно доволенъ знаніемъ.

Оскорбленные съ дѣтства, они ненавидятъ общественную неправду, которая ихъ столько давила. Тлетворное вліяніе городской жизни и всеобщей страсти стяжанія превратило у многихъ эту ненависть въ зависть; они, не давая себѣ отчета, тянутся въ буржуазію и терпѣть ея не могутъ, такъ, какъ мы не можемъ терпѣть счастливаго соперника, страстно желая занять его мѣсто или отмстить ему его наслажденія.

Но ненависть ли или зависть, желаніе ли у однихъ блага, у другихъ мести;—и тѣ и другіе будутъ страшны въ будущемъ западномъ движеніи. Они будутъ на первомъ планѣ. Передъ ихъ рабочими мышцами, мрачной отвагой и накипѣвшимъ желаніемъ мести что сдѣлаютъ къ нсерваторы и риторы? Да что сдѣлаютъ и прочіе горожане, когда на зовъ работника поднимется саранча полей и деревень? Крестьянскія войны забыты; послѣдніе эмигранты изъ земледѣльцевъ относятся ко временамъ ревокаціи нантскаго

¹⁾ Самодовольство.

эдикта; Вандея исчезла за пороховымъ дымомъ. Но мы обязаны 2-му декабря тѣмъ, что своими глазами вновь увидѣли эмигрантовъ въ деревянныхъ башмакахъ.

Сельское населеніе на югѣ Франціи, отъ Пиренеевъ до Альпъ, приподняло голову послѣ *coup d'état*, какъ бы спрашивая: «не пришла ли наша пора?». Возстаніе было задавлено въ самомъ началѣ массами солдатъ; за ними явились военно-судныя комиссіи; стая гончихъ жандармовъ и полицейскихъ ищеекъ разсыпалась по проселочнымъ дорогамъ и деревушкамъ. Очагъ крестьянина, его семья, эти святыни его, были обезпечены полиціею; она требовала показанія жены на мужа, сына на отца, и по двусмысленному слову родственника, по одному доносу *garde champêtre* ¹⁾, вели въ тюрьму отцовъ семейства, сѣдыхъ, какъ лунь, стариковъ, юношей, женщинъ; судили ихъ кой-какъ, гуртомъ и потомъ случайно кого выпускали, кого послали въ Ламбессу, въ Кайенну, другіе сами бѣжали въ Испанію, въ Савойю, за Варскій мостъ ²⁾.

Крестьянъ я мало знаю. Видѣлъ я въ Лондонѣ нѣскольکو чело-вѣкъ, спасшихся на лодкѣ изъ Кайенны; одна дерзость, безуміе этого предпріятія лучше цѣлаго тома характеризуютъ ихъ. Они были почти всѣ съ Пиренеевъ. Совсѣмъ другая порода, широко-плечая, рослая, съ крупными чертами, вовсе не шифонированными, какъ у поджарыхъ французскихъ горожанъ, съ ихъ скудной кровью и бѣдной бородкой. Разореніе ихъ домовъ и Кайенна воспитали ихъ. «Мы воротимся еще когда-нибудь», — гозорилъ мнѣ сорокалѣтній геркулесъ, большей частью молчавшій (всѣ они были не очень разговорчивы) — «и посчитаемся!» На другихъ эмигрантовъ, на ихъ сходки и рѣчи они что-то смотрѣли чужими... и недѣли черезъ три они пришли ко мнѣ проститься. «Не хотимъ даромъ жить, да и здѣсь скучно, ѣдемъ въ Испанію, въ Сантандеръ, тамъ общакъ тѣ помѣстятъ насъ дровосѣками». Взглянулъ я еще разъ на сурово мужественный видъ и на мускульную руку будущихъ дровосѣковъ и подумалъ: хорошо, если топоръ ихъ только будетъ рубить каштановыя деревья и дубы...

¹⁾ Стражника сельской полиціи.

²⁾ Я былъ въ Ниццѣ во время варскаго и драгиньянскаго возстанія. Двое крестьянъ, замѣшанныхъ въ дѣло, пробрались до рѣки Варъ, составляющей границу. Тутъ они были настигнуты жандармомъ. Жандармъ выстрѣлилъ въ одного изъ нихъ и ранилъ въ ногу, — тотъ свалился; въ это время другой пустился бѣжать. Жандармъ хотѣлъ рененаго привязать къ лошади, но, боясь упустить того, онъ выстрѣлилъ въ голову *à bout portant* ³⁾ раненому; увѣренный, что убилъ его, онъ поскакалъ за другимъ. Изуродованный крестьянинъ остался живъ. А. И. Г.

³⁾ Въ упоръ.

Дикую, разъядающую силу, накопившую въ груди городского работника, я видѣлъ ближе ¹⁾).

Прежде чѣмъ мы перейдемъ къ этой дикой, стихійной силѣ, которая мрачно содрагается, скованная людскимъ насиліемъ и собственнымъ невѣжествомъ, и подчасъ прорывается въ щели и трещины разрушительнымъ огнемъ, наводящимъ ужасъ и смятеніе,—остановимся еще разъ на послѣднихъ *тамплиерахъ* и классикахъ французской революціи,—на ученой, образованной, изгнанной, республиканской, журнальной, адвокатской, медицинской, сорбоннской, демократической буржуазіи, которая участвовала лѣтъ десять въ борьбѣ съ Людовикомъ-Филиппомъ, увлеклась событіями 1848 года и осталась имъ вѣрной и дома, и въ изгнаніи.

Въ ихъ рядахъ есть люди умные, острые, люди очень добрые, съ горячей религіей и съ готовностью ей пожертвовать всѣмъ; но понимающихъ людей, людей, которые бы изслѣдовали свое положеніе, свои вопросы такъ, какъ естествоиспытатель изслѣдуетъ явленіе или патологъ—болѣзнь, почти вовсе нѣтъ. Скорѣе полное отчаяніе, презрѣніе къ лицамъ и дѣлу, скорѣе праздность упрековъ и попрековъ, стоицизмъ, героизмъ, всѣ лишеныя, чѣмъ изслѣдованіе,—или такая же полная вѣра въ успѣхъ, безъ взвѣшиванія средствъ, безъ выясненія практической цѣли. вмѣсто ея удовлетворялись знаменемъ, заголовкомъ, общимъ мѣстомъ: право на работу, уничтоженіе пролетаріата, республика и порядокъ, братство и солидарность всѣхъ народовъ. Да какъ же все это устроить осуществить? Это—послѣднее дѣло. Лишь бы быть во власти, остальное сдѣлается декретами, плебисцитами. А не будутъ слушаться—«*Grenadiers, en avant, armes! pas de charge... baïonnettes!*» ²⁾).

И религія террора, *coup d'état*, централизаціи, военного вмѣшательства сквозитъ въ дыры карманьолы и блузы. Несмотря на доктринерскій протестъ нѣсколькихъ аттическихъ умовъ орлеанской партіи, пахнущихъ Англійей на ружейный выстрѣлъ, терроръ былъ величественъ въ своей грозной неожиданности, въ своей неприготовленной, колоссальной мести; но останавливаться на немъ съ любовью, но звать его безъ необходимости—странная ошибка, которой мы обязаны реакціи. Нагъ меня комитетъ общественнаго спасенія постоянно производитъ то впечатлѣніе, которое я испытывалъ въ магазинѣ *Charrière, Rue de l'Ecole de Médecine*: со всѣхъ сторонъ блестятъ зловѣщимъ блескомъ стали кривыя, прямая лезвія, ножницы, пилы, оружія вѣроятнаго спасенія, нагърной боли.

¹⁾ Въ слѣд. главѣ «Два процесса» работника Бартеlemi. А. И. Г.

²⁾ «Гренадеры, впередъ! Шагомъ марш... въ штыки!»

трансфузиі крови не иду, и послалъ ему «Du développement des idées révolutionnaires en Russie».

Сœurderoy не остался в долгу; онъ отвѣтилъ мнѣ, что возлагаеть всю надежду на войско Николая, должствующее разрушить до тла, безъ пощады и сожалѣнія, цивилизацію, обветшавшую, испорченную и которая не имѣеть силъ ни обновиться, ни умереть своей смертью.

Одно уцѣлѣвшее письмо его прилагаю:

M. A. Herzen ¹⁾.

Santander, 27 mai.

Monsieur,

Que je vous remercie tout d'abord de l'envoi de votre travail sur les idées révolutionnaires et leur développement en Russie. J'avais déjà lu ce livre, mais il ne m'était pas resté entre les mains, et c'était pour moi un très grand regret.

C'est vous dire combien j'en apprécie la valeur comme fond et comme forme, et combien je le crois utile pour donner conscience à chacune des forces de la Révolution universelle, aux Français surtout qui ne la croient possible que par *l'initiative du faubourg St. Antoine*.

Puisque vous m'avez fait l'amitié de m'envoyer votre livre, permettez-moi, Monsieur, de vous en témoigner ma gratitude en vous disant ce que j'en pense. Non que j'attache de l'importance à mon opinion, mais pour vous prouver que j'ai lu avec attention.

C'est une belle étude organique et originale. Il y a là véritable vigueur, travail sérieux, vérités nues, passages profondément émouvants. C'est jeune et fort comme la race slave; on sent parfaitement que ce n'est ni un Parisien, ni un Paléologue, ni un *Philistin* d'Allemagne qui ont écrit des lignes aussi brûtantes; ni un républicain constitutionnel, ni un socialiste théocrate et modéré, — mais un Cosaque (vous ne vous effrayez pas de ce nom, n'est-ce pas?) grandement anarchiste, utopiste et poète, acceptant les négations et les affirmations les plus hardies du 19-e siècle. Ce que peu de Révolutionnaires français osent faire.

... Sur le point particulier de la Rénovation ethnographique prochaine, j'ai trouvé dans votre livre (surtout dans l'Introduction) bien des passages qui semblent se rapprocher de mon opinion. Quoique vos conclusions ne soient pas très nettement formulées sur ce point, je crois que vous comptez pour le succès de la Révolution sur la fédération démocratique des races Slaves qui donneront à l'Europe l'impulsion

¹⁾ Отвѣтъ Герцена—см. № 746.

Операции оправдываются успѣхомъ. Терроръ этимъ похвастаться не можетъ. Онъ всей своей хирургіей не спасъ республики. Къ чему была сдѣлана *дантономія*, къ чему *эбертономія*? Онъ ускорили лихорадку термидора, — а въ ней республика и зачахла: люди все такъ же и еще больше бредили спартанскими добродѣтелями...и, латинскими сентенціями и латиклавами à la David ¹⁾, бредили до того, что «*Salus populi*» ²⁾ однимъ добрымъ днемъ перевели на «*Salvum fac Imperatorem*» ³⁾, и пропѣли его «соборнѣ» во всемъ архіерейскомъ орнатѣ, въ нотрѣ-дамскомъ соборѣ.

Террористы были люди недюжинные. Суровые, рѣзкіе образы ихъ глубоко вываялись въ пятомъ дѣйствиі XVIII вѣка и останутся въ исторіи до тѣхъ поръ, пока у рода человѣческаго не зашибетъ памяти; но нынѣшніе французы-республиканцы на нихъ смотрятъ не такъ; они въ нихъ видятъ образцы и стараются быть кровожадными въ теоріи и въ *надеждѣ приложенія*.

Повторяя à la Saint-Just ⁴⁾ натянутыя сентенціи изъ хрестоматій и латинскихъ классовъ, восхищаясь холоднымъ, риторическимъ краснорѣчіемъ Робеспьера, они не допускаютъ, чтобъ ихъ героев судили, какъ прочихъ смертныхъ. Человѣкъ, который бы сгаль говорить о нихъ, освобождаясь отъ обязательныхъ титуловъ, которые стоятъ всѣхъ нашихъ въ «бозѣ почившихъ», былъ бы обвиненъ въ ренегатствѣ, въ измѣнѣ, въ шпіонствѣ.

Изрѣдка встрѣчалъ я, впрочемъ, людей эксцентричныхъ, сорвавшихся съ своей торной, гуртовой дороги.

Зато уже французы въ этихъ случаяхъ, закусывая удила и усваивая себѣ какую-нибудь мысль, не принадлежащую къ суммѣ *оборотныхъ* мыслей и идей, неслись до того черезъ край, что человѣкъ, подавшій имъ эту мысль, самъ съ ужасомъ отпрядывалъ отъ нея.

Въ 1854 докторъ Сœurderoy, поылая мнѣ изъ Испаніи свою брошюру, написалъ ко мнѣ письмо. Такого озлобленнаго крика противъ современной Франціи и ея послѣднихъ революціонеровъ мнѣ рѣдко удавалось слышать. Это былъ отвѣтъ Франціи на легко перенесенный *coup d'état*; онъ сомнѣвался въ умѣ, въ силѣ, въ «крови» своей расы; онъ звалъ казаковъ для «поправленія выродившагося народонаселенія». Онъ писалъ ко мнѣ, потому что нашель въ моихъ статьяхъ «то же воззрѣніе». Я отвѣчалъ ему, что до исправительной

¹⁾ Луи, знаменитый фран. художникъ; прославился картинами на античные сюжеты.

²⁾ Спасеніе (буквально—здоровье) народа.

³⁾ Сдѣлай императора здравымъ.

⁴⁾ Сенъ-Жюстъ, знаменитый дѣятель великой франц. революціи, членъ комитета общественнаго спасенія.

générale. Il est bien entendu que nous ne différons pas pour le but: *la Résurrection du Continent sous la forme démocratique et sociale*. Mais je crois que le sac de la Civilisation sera fait par l'Absolutisme. Là je vois toute la différence entre nous.

Oui, j'ai conçu ces convictions qu'on dit malheureuses, et j'y persiste parce que chaque jour je les trouve plus justes:

1 que la force a quelque chose à voir dans les affaires de notre microcosme;

2 qu'en étudiant la marche des événements révolutionnaires dans le temps et dans l'espace on se convainc que la force prépare toujours la Révolution que l'Idée a démontrée nécessaire;

3 que l'Idée ne peut pas accomplir l'œuvre de sang et de destruction;

4 que le Despotisme, au point de vue de la rapidité, de la sûreté, de la possibilité d'exécutions, est plus apte que la Démocratie à bouleverser un monde;

5 que l'armée monarchique Russe sera plutôt mise en mouvement que la phalange démocratique Slave;

6 qu'il n'y a que la Russie en Europe assez compacte encore sous l'absolutisme, assez peu divisée par les intérêts des propriétaires et les partis pour faire bloc, coin, massue, grève, épée et exécuter l'Occident, et trancher le noeud gordien;

etc. etc. etc.

Qu'on me montre une autre force capable d'accomplir une pareille tâche; qu'on me fasse voir quelque part une armée démocratique toute prête et décidée à frapper sur les peuples, les frères, et à faire couler le sang, à brûler, à abattre sans regarder derrière elle, sans hésiter. Et je changerai de manière de voir.

Avec vous, je voulais seulement bien spécifier la question et la limiter sur ce seul point, *le moyen d'exécution générale de la civilisation occidentale*. Je n'ai pas besoin de vous dire que notre appréciation sur le Passé et l'Avenir est la même. Nous ne différons absolument que sur le Présent. Vous, qui avez si bien apprécié le rôle révolutionnaire de Pierre I-er, pourquoi ne pourriez-vous pas penser que tout autre, Nicolas ou l'un de ses successeurs, pût avoir un semblable rôle à accomplir? Quelle autre main plus puissante, plus large, plus capable de rassembler des peuples conquérants, voyez-vous à l'Orient? Avant que la démocratie slave ait trouvé son mot d'ordre et traduit le vague secret de ses aspirations, le tzar aura bouleversé l'Europe. Le sort des nations civilisées est dans son bras, s'il le veut. Le monde ne tremble-t-il pas parce qu'il a parlé un peu plus haut que d'habitude? Je vous l'avoue, cette force me frappe tellement, que je ne puis

concevoir qu'on cherche à en voir une autre. Et les révolutionnaires sentent tellement la nécessité d'une dictature pour démolir qu'ils voudraient l'instituer eux-mêmes dans le cas de réussite d'une nouvelle Révolution. A mon sens, ils ne se trompent pas sur la nécessité du moyen; seulement il n'est ni dans leur rôle, ni dans leurs principes, ni dans leurs forces de l'employer. Moi j'aime même voir le Despotisme se charger de cette odieuse tâche de fossoyeur.

Cette lettre est déjà bien assez longue. Je voulais seulement préciser avec vous le point débattu. Ce qu'il faudrait maintenant entre nous, je le sens: ce serait une conversation dans laquelle nous avancerions plus en une heure que par milliers de lettres. Je n'abandonne pas cet espoir, et ce jour sera le bienvenu pour moi. Avec un homme de révolution, de travail, de science et d'audace je crois toujours pouvoir m'entendre.

Quant aux sourds (ou muets) de la tradition révolutionnaire de 93, j'ai grand peur que vous n'en fassiez jamais des socialistes universels et des hommes de Liberté. Encore moins des partisans de la Possession, du Droit au travail, de l'Echange et du Contrat. C'est si séduisant de rêver une place de commissaire aux armées ou à la police, ou encore une sinécure de représentant du Peuple avec une belle écharpe rouge autour des reins, comme disait Rabelais, beaux floquarts, beaux rubans, gentil pourpoint, galantes braguettes, etc., etc. La plupart de nos révolutionnaires en sont là!

Les hommes ne sont guère plus sages que les enfants, mais beaucoup plus hypocrites. Ils portent des faux-cols et des décorations et se croient illustres. Les enfants jouent plus sérieusement aux soldats que les grands monarques et les énormes tribunes que les peuples admirent.

Vous voudrez bien me pardonner de vous avoir écrit sans avoir l'honneur de vous connaître personnellement.

Vous m'excuserez surtout de m'être permis de vous donner sur vos ouvrages une opinion qui n'a d'autre valeur que la sincérité. J'estime, d'après mes propres impressions, que c'est le moyen le plus efficace pour reconnaître un don, qui vous a fait plaisir. D'ailleurs notre commun exil et nos aspirations semblables me semblent devoir nous épargner à tous deux les vaines formules de politesse banale. Je termine en vous résumant mon opinion par ces deux mots: La Force et la Destruction de demain par par le tzar, la per sée el l'orde d'après—demain par les socialistes universels, les Slaves comme les Germano-Latins.

Agréez, Monsieur, l'assurance de ma considération très distinguée et de mes sympathies.

Ernest Cœurderoy.

J'espère que vous publierez en volume vos lettres à Linton Esqre que le journal *l'Homme* a données à ces lecteurs. Pourriez-vous me dire s'il existe des traductions françaises des poésies de Pouchkine, de Lermontoff et surtout de Koltzoff. Ce que vous eu dites me fait désirer infiniment de les lire. La personne qui vous remettra cette lettre est mon ami, L. Charre, proscrit comme nous, à qui j'ai dédié *Mes jours d'Exil* ¹⁾.

¹⁾ Милостивый Государь! Прежде всего благодарю васъ за присылку вашей книги о революціонныхъ идеяхъ и о развитіи ихъ въ Россіи. Я уже раньше прочелъ эту книгу; но мнѣ не оставили ея, и я очень сожалѣлъ объ этомъ.

По этому вы можете судить, насколько я цѣню ее по существу и по формѣ, и насколько считаю ее полезною для того, чтобы каждый могъ ясно понять силы Всемирной революціи; особенно ваша книга полезна для французовъ, которые полагаютъ, что революція возможна только по инициативѣ С.-Антуанскаго предмѣстья.

Такъ какъ вы оказали мнѣ вниманіе присылкою вашей книги, то позволите мнѣ выразить вамъ мою благодарность, высказавши то, что я о ней думаю. Я дѣлаю это не потому, чтобы придавалъ значеніе своему мнѣнію, а потому, что хочу вамъ доказать, что прочелъ ее со вниманіемъ.

Это — прекрасное изслѣдованіе, цѣльное и оригинальное; въ немъ видны энергія, серьезный трудъ, истина; встрѣчаются глубоко волнующія мѣста. Это молодо и сильно, какъ славянская раса. Прекрасно чувствуется, что эти горячія строки написаны не Парижаниномъ, не Знаткомъ древности, не Нѣмецкимъ филистеромъ, не конституціоннымъ республиканцемъ, не умѣреннымъ социалистомъ-теократомъ; — нѣтъ, ихъ написалъ казакъ (васъ не испугаетъ это слово, не правда ли?), великій анархистъ, утопистъ и поэтъ, принимающій самую смѣлую отрицанія и утвержденія 19-го вѣка, на что осмѣливаются весьма немногіе французскіе революціонеры.

...Что касается, въ частности, будущаго этнографическаго Обновленія, то я нашелъ въ вашей книгѣ (особенно въ предисловіи) много мѣстъ, которыя приближаются къ моему мнѣнію. Хотя ваши выводы по этому именно пункту и не особенно ясно формулированы, тѣмъ не менѣе я полагаю, что вы разчитываете на демократическую федерацію Славянскихъ племенъ, которая дадутъ Европѣ главный толчокъ, какъ на условіе успѣха Революціи. Понятно, мы не расходимся въ цѣли: *Воскрешеніе Материка въ демократическихъ и социальныхъ формахъ*. Но я полагаю, что Абсолютизмъ дастъ Цивилизациі по шапкѣ. Въ этомъ я вижу всю разницу между мною и вами.

Да, я постигъ тѣ убѣжденія, которыя называютъ несчастными, и настаиваю на нихъ, потому что ежедневно убѣждаюсь въ ихъ справедливости:

1) что сида что-нибудь да значить въ дѣлахъ нашего микрокосма;

2) что, изучая ходъ революціонныхъ событій во времени и въ пространствѣ, убѣждаешься въ томъ, что власть всегда притовляетъ Революцію, необходимость которой указана Идеей;

3) что Идея не можетъ совершить дѣла крови и разрушенія;

4) что Деспотизмъ, съ точки зрѣнія быстроты, твердости и возможности исполненія, болѣе способенъ къ перевороту, чѣмъ Демократія;

Много я принялъ горя за то, что печально смотрю на Европу и просто, безъ страха и сожалѣнія, высказываю это. Съ того вре-

5) что Русская монархическая армія скорѣе можетъ быть приведена въ движеніе, чѣмъ Славянская демократическая фаланга;

6) что въ Европѣ только Россія, подъ давленіемъ самодержавія, еще достаточно сплочена, мало раздраема интересами собственниковъ и партіями, для того, чтобы сплотиться, образовать клинъ, палицу, стачку, мечъ, казнить Западъ и разсѣчь гордівъ узелъ.

И т. д., и т. д., и т. д.

Пусть мнѣ покажутъ другую власть, способную выполнить подобную задачу; пусть мнѣ покажутъ, гдѣ бы то ни было, демократическую армію, совершенно готовую къ тому, чтобы ринуться на народы, на своихъ братьевъ, чтобы проливать кровь, жечь, разрушать, не колеблясь и не оглядываясь. Тогда я измѣню свою точку зрѣнія.

Съ вами я желалъ бы только точно опредѣлить вопросъ и ограничить его только въ одномъ пунктѣ—*въ способахъ общаго достиженія Восточной цивилизаціи*. Мнѣ нѣтъ надобности говорить вамъ, что оцѣнка нами Прошедшаго и Будущаго—одна и та же. Мы расходимся только относительно Настоящаго. Почему вы, такъ правильно оцѣнившій революціонную роль Петра I-го, почему вы не можете допустить, что кто-нибудь другой, Николай или одинъ изъ его потомковъ, будетъ имѣть передъ собою подобную же роль? Чью руку, болѣе могущественную, болѣе объемистую, болѣе способную къ собранію воедино народовъ-завоевателей, видите вы на Востоку? Прежде чѣмъ славянская демократія найдетъ свой пароль, прежде, чѣмъ она выиснетъ неопредѣленную тайну своихъ чаяній, царь перевернетъ всю Европу. Судьба цивилизованныхъ народовъ въ его рукѣ, если онъ этого пожелаетъ. Развѣ весь міръ не трепещетъ, если онъ говоритъ немного громче обыкновеннаго? Признаюсь вамъ, власть эта до того поражаетъ меня, что я не могу постичь, какъ это стараются видѣть въ ней нѣчто другое. А революціонеры настолько чувствуютъ потребность въ диктатурѣ для того, чтобы разрушать, что сами собираются учредить ее, въ случаѣ успѣха новой революціи. По-моему, они не ошибаются въ необходимости этого средства; только оно не подходитъ ни къ ихъ роли, ни къ ихъ принципамъ, да они и не въ силахъ будутъ употребить его. Мнѣ даже нравится, когда деспотизмъ беретъ на себя эту гнусную задачу могильщика.

Это письмо очень затянулось. Я хотѣлъ только точно опредѣлить вмѣстѣ съ вами спорный пунктъ. Въ чемъ мы нуждаемся въ настоящее время, такъ это въ личной бесѣдѣ, во время которой мы въ одинъ часъ успѣли бы больше, чѣмъ обмѣнявшись тысячею писемъ. Я не теряю надежды на свиданіе, и день, въ который оно состоится, будетъ пріятно свидѣнъ мною. Я думаю, что всегда сговорюсь съ революціонеромъ, съ человѣкомъ труда, науки и со смѣлымъ человѣкомъ.

Что касается г.ухихъ (или нѣмыхъ) революціонной традиціи 93-го года, то я очень бѣюсь, что вы никогда не сдѣлаете изъ нихъ мировыхъ социалистовъ и сторонниковъ Свободы. Еще меньше вы сдѣлаете изъ нихъ сторонниковъ Собственности, Права на трудъ, Свободной торговли и Общественнаго договора. Такъ соблазнительно мечтать о должности комиссара при арміяхъ или при полиціи, или еще о синекурѣ представителя народа съ красивымъ краснымъ шарфомъ вокругъ бедеръ, какъ сказалъ Раблэ, съ

мени, какъ я печаталъ въ «Созременикѣ» мои «Письма изъ Avenue Marigny», часть друзей и недруговъ показывала знаки нетерпѣнія, негодованія, возражала... а тутъ, какъ назло, съ каждымъ событіемъ становилось на Западѣ темнѣе, угарнѣе и ни умныя статьи Парадоля ¹⁾, ни клерикально-либеральныя книжонки Монталамбера, ни замѣна прусскаго короля прусскимъ принцемъ не могли отвести глазъ, искавшихъ истины. У насъ не хотятъ этого знать и, натурально, сердятся на нескромнаго обличителя.

Европа намъ нужна, какъ идеаль, какъ упрекъ, какъ благой примѣръ; если она не такая, ее надобно выдумать. Развѣ наивныя вольнодумцы XVIII вѣка, и въ ихъ числѣ Вольтеръ и Робеспьеръ, не говорили, что если и нѣтъ безсмертія души, то его надобно проповѣдывать для того, чтобъ держать людей въ страхъ и добродѣтели? Или развѣ мы не видимъ въ исторіи, какъ иногда вельможи скрывали тяжкую болѣзнь или скоропостижную смерть царя и управляли именемъ трупа или сумасшедшаго, какъ это недавно было въ Пруссіи?

красивыми лентами, приличнымъ брюшкомъ, изящнымъ разрѣзомъ брюкъ и т. д., и т. д. Большинство нашихъ революціонеровъ таково!

Взрослые люди не умнѣе дѣтей, но гораздо лицемѣрнѣе ихъ. Они носятъ пристегивающіеся воротнички и ордена и считаютъ себя знаменитыми. Дѣти серьезнѣе играютъ въ солдатики, чѣмъ великіе монархи и еще болѣе—великіе трибуны, которые вызываютъ восхищеніе народовъ.

Прошу простить меня за то, что написалъ вамъ, не будучи лично знакомъ съ вами.

Въ особенности прошу прощенія въ томъ, что высказалъ о вашихъ произведеніяхъ свое мнѣніе, единственное достоинство котораго въ томъ, что оно искренне. По собственнымъ впечатлѣніямъ я полагаю, что это наиболѣе дѣйствительное средство выразить признательность за подарокъ, который доставилъ вамъ удовольствіе. Сверхъ того, наше общее изгнаніе и наши одинаковыя стремленія, мнѣ кажется, даютъ намъ право не прибѣгать къ жалкимъ формуламъ банальной вѣжливости. Резюмирую мой взглядъ въ двухъ словахъ: сила и разрушеніе, осуществленныя царемъ завтра, мысль и порядокъ, осуществленные послѣзавтра всемірными социалистами, славянами такъ же, какъ германо-латинами.

Примите, М. Г., увѣренія въ моемъ особенномъ уваженіи и симпатіяхъ.

Эрнестъ Кердерау.

Я надѣюсь, что вы выпустите отдѣльнымъ томомъ ваши письма г. Линтону, которая газета «l'Homme» дала своимъ читателямъ. Не могли ли бы вы сказать мнѣ, существуютъ ли на французскомъ языкѣ переводы стихотвореній Пушкина. Лермонтова и, главнымъ образомъ, Кольцова? То, что въ о нихъ говорите, заставляетъ меня безконечно желать прочесть ихъ. Это письмо передастъ вамъ мой другъ Л. Шарръ, изгнанникъ, какъ и мы, которому я посвятилъ «Мои дни изгнанія».

¹⁾ Prévost-Paradol, Люценъ, франц. публицистъ, академикъ; сперва республиканецъ, потомъ приверженецъ Наполеона III.

Ложь ко спасенію—дѣло, можетъ, хорошее, но не всѣ способны къ ней.

Я не унылъ, впрочемъ, отъ порицаній и утѣшалъ себя тѣмъ, что и здѣсь мною высказанныя мысли принимались не лучше, да еще тѣмъ, что онѣ объективно истинны, т.-е. независимы отъ личныхъ мнѣній и даже добрыхъ цѣлей воспитанія, исправленія нравовъ и т. д. Все само по себѣ истинное рано или поздно взойдетъ и обличится, «kommt an die Sonnen»¹⁾, какъ говоритъ Гете.

Одна изъ причинъ неудовольствія, собственно, противъ моихъ мнѣній антропологически понятна: сверхъ докучнаго безпокойства, приносимаго разрушеніемъ оконченныхъ мнѣній и окаменѣлыхъ идеаловъ, на меня досадовали за то, что я—*свой человекъ*; съ чего же, въ самомъ дѣлѣ, вдругъ вздумалъ судить и рядить да еще старшихъ, и какихъ?

Въ нашемъ новомъ поколѣніи есть странный кражъ; въ немъ спаяны, какъ въ маятникахъ, самые противоположные элементы: съ одной стороны, оно толкается какимъ-то жестянымъ, костлявымъ, неукладчивымъ самолюбіемъ, заносчивой самонадѣянностью, щепетильной обидчивостью; съ другой,—въ немъ поражаетъ обезкураженная подавленность, недовѣріе къ Россіи, преждевременное старчество. Это—естественный результатъ рабства; въ немъ въ иной формѣ сохранилась наглость начальника, дерзость барина съ подавленностью подчиненнаго, съ отчаяніемъ ревизской души, отшускаемой въ услуженіе.

Пока меня побранивали наши начальники литературныхъ отдѣленій, время шло себѣ да шло, и, наконецъ, прошло цѣлыхъ десять лѣтъ. Многое изъ того, что было ново въ 1849, стало въ 1859 битой фразой, что казалось тогда сумасброднымъ парадоксомъ—перешло въ общественное мнѣніе, и много *въчуждыхъ и неизблемыхъ истинъ* прошли съ тогдашнимъ покровомъ платья.

Серьезные умы въ Европѣ стали смотрѣть серьезно. Ихъ очень немного,—это только подтверждаетъ мое мнѣніе о Западѣ но они далеко идутъ, и я очень помню, какъ Т. Карлейль и добродушный Альсопъ²⁾ (тотъ, который былъ замѣшанъ въ дѣло Орсини) улыбались надъ остатками моей вѣры въ англійскія формы. Но вотъ является книга, идущая далеко дальше всего, что было сказано мною. Pereant, qui ante nos nostra dixerunt³⁾, и спасибо тѣмъ, которые послѣ насъ своимъ авторитетомъ утверждаютъ казанное

¹⁾ «Выйдетъ на солнце». т.-е. станетъ яснымъ.

²⁾ Allsop, съ его паспортомъ Орсини прибылъ въ Парижъ.

³⁾ Да погибнутъ тѣ, кто раньше насъ сказалъ наши слова.

нами и своимъ талантомъ ясно и мощно передають слабо выраженное нами.

Книга, о которой я говорю, писана не Прудномъ, ни даже Пьеромъ Леру или другимъ социалистомъ-изгнанникомъ, раздраженнымъ,—совсѣмъ нѣтъ; она писана однимъ изъ извѣстнѣйшихъ политическихъ экономовъ, однимъ изъ недавнихъ членовъ индійскаго борда, которому три мѣсяца тому назадъ лордъ Стэнли предлагалъ мѣсто въ правительствѣ. Человѣкъ этотъ пользуется огромнымъ, заслуженнымъ авторитетомъ, въ Англии его нехотя читають тори и со злобой—виги; его читають на материкѣ тѣ нѣсколько человѣкъ (кромѣ специалистовъ), которые, вообще, читають что-нибудь, кромѣ газетъ и памфлетовъ.

Человѣкъ этотъ—Джонъ-Стюартъ Милль.

Мѣсяцъ тому назадъ онъ издалъ странную книгу въ защиту *свободы мысли, рѣчи и лица*; я говорю «странную», потому что неужели не странно, что тамъ, гдѣ за два вѣка Мильтонъ писалъ о томъ же, явилась необходимость снова поднять рѣчь *оп Liberty* ¹⁾. А, вѣдь, такіе люди, какъ С. Милль, не могутъ писать изъ удовольствія; вся книга его проникнута глубокой печалью, не тоскующей, но мужественной, укоряющей, тацитовской. Онъ потому заговорилъ, что зло стало хуже. Мильтонъ защищалъ свободу рѣчи противъ нападеній власти, противъ насилія, и все энергическое и благородное было съ нимъ. У Стюарта Милля врагъ совсѣмъ иной: онъ отстаиваетъ свободу не противъ образованнаго правительства, а противъ *общества*, противъ *нравовъ*, противъ мертвящей силы равнодушія, противъ мелкой нетерпимости, противъ «*посредственности*».

Это — не негодующій старикъ-царедворецъ Екатерины, который брюзжитъ, обойденный кавалеріей, надъ юнымъ поколѣніемъ и колетъ глаза Зимнему дворцу грановитой палатой. Нѣтъ, это человѣкъ полный силъ, давно живущій въ государственныхъ дѣлахъ и глубоко продуманныхъ теоріяхъ, привыкнувшій спокойно смотрѣть на міръ, и какъ англичанинъ, и какъ мыслитель, и онъ-то, наконецъ, не вытерпѣлъ и, подвергаясь гнѣву неeskихъ регистраторовъ цивилизаци и москворѣцкихъ крыжниковъ ²⁾ западнаго образованія, закричалъ: «Мы тонемъ!».

Постоянное пониженіе личностей, вкуса, тона, пустота интересовъ, отсутствіе энергіи ужаснули его; онъ присматривается и видитъ, какъ ясно все мельчаетъ, становится дюжинное, рядное

¹⁾ О свободѣ.

²⁾ Пауки крыжаки, крестовики.

стертое, пожалуй, «добропорядочнѣе», но пошлѣе. Онъ видитъ въ Англии (то, что Токвиль замѣтилъ во Франціи), что вырабатываются общіе, стадные типы, и, серьёзно качая головой, говоритъ своимъ современникамъ: «Остановитесь, одумайтесь! Знаете ли, куда вы идёте? посмотрите—*душа убываетъ*».

Но зачѣмъ же будить онъ спящихъ, какой путь, какой выходъ онъ придумалъ для нихъ? Онъ, какъ нѣкогда Іоаннъ Предтеча, грозитъ будущимъ и зоветъ на покаяніе. Врядъ второй разъ подвинешь ли этимъ отрицательнымъ рычагомъ людей... Стюартъ Милль стыдитъ своихъ современниковъ, какъ стыдилъ своихъ Тацитъ; онъ ихъ этимъ не остановитъ, какъ не остановилъ своихъ Тацитъ. Не только нѣсколькими печальными упреками не уймешь *убывающую душу*, но, можетъ, никакой плотиной въ мірѣ.

«Люди иного закала, говоритъ онъ, сдѣлали изъ Англии то, что *она была*, и только люди другого закала могутъ ее предупредить отъ *паденія*».

Но это пониженіе личностей, этотъ недостатокъ закала—только патологическій фактъ, и признать его—очень важный шагъ для выхода, но—не выходъ. Стюартъ Милль коритъ больного, указывая ему на здоровыхъ праотцевъ,—странное лѣченіе и едва ли великодушное.

Ну, что же начать теперь корить ящерицу допотопнымъ ихтиозавромъ—виновата ли она, что она маленькая, а тотъ большой? С. Милль, испугавшись нравственной ничтожности, духовной посредственности окружающей его среды, закричалъ со страстей и съ горя, какъ богатыри въ нашихъ сказкахъ: «Есть ли въ полѣ живъ человѣкъ?».

Зачѣмъ же онъ его звалъ? Затѣмъ, чтобъ сказать ему, что онъ—выродившійся потомокъ сильныхъ праотцевъ и, слѣдственно, долженъ сдѣлаться такимъ же, какъ они.

Для чего?—Молчаніе.

И Робертъ Оуэнъ звалъ людей лѣтъ семьдесятъ сряду и тоже безъ всякой пользы; но онъ звалъ ихъ *на что-нибудь*. Это *что-нибудь* была ли утопія, фантазія или истина,—намъ теперь до этого дѣла нѣтъ; намъ важно то, что онъ звалъ съ цѣлью; а С. Милль, подавляя современниковъ суровыми рембрандовскими тѣнями временъ Кромвеля и пуританъ, хочеть, чтобъ вѣчно обвѣшивающіе, вѣчно обмѣривающіе лавочники сдѣлались изъ какой-то поэтической потребности, изъ какой-то душевной гимнастики героями!

Мы можемъ также вызвать монументальныя, грозныя личности французскаго конвента и поставить ихъ рядомъ съ бывшими,

будущими и настоящими французскими шпионами и *épiciers* ¹⁾, и начать рѣчь въ родѣ Гамлета:

Look here, upon this picture and on this...
Hyperion's curls, the front of Jove himself;
An eye like Mars...

Look you now, what follows,
Here is your husband... ²⁾

Это будетъ очень справедливо и еще больше обидно, но неужели отъ этого кто-нибудь оставитъ свой пошлый, но удобный бытъ, и все это для того, чтобъ величаво скучать, какъ Кромвель, или стонически нести голову на плаху, какъ Дантонъ.

Тѣмъ было легко такъ поступать, потому что они были подъ господствомъ страстнаго убѣжденія, *d'une idée fixe*.

Такой *idée fixe* былъ католицизмъ въ свое время, потомъ протестантизмъ, наука въ эпоху возрожденія, революція въ XVIII столѣтіи.

Гдѣ же эта святая мономанія, этотъ *magnum ignotum* ³⁾, этотъ сфинксовскій вопросъ нашей цивилизаціи? Гдѣ та могущая мысль, та страстная вѣра, то горячее упованіе, которое можетъ закалить тѣло, какъ сталь, довести душу до того судорожнаго ожесточенія, которое не чувствуетъ ни боли, ни лишеній и твердымъ шагомъ идетъ на плаху, на костерь?

Посмотрите кругомъ, что въ состояніи одушевить лица, поднять народы, поколебать массы: религія ли папы съ его незапятнаннымъ рожденіемъ Богородицы, или религія безъ папы съ ея догматомъ воздержанія отъ пива въ субботній день? арифметическій ли пантеизмъ всеобщей подачи голосовъ или идолопоклонство монархіи? суевѣріе ли въ республику или суевѣріе въ парламентскія реформы?... Нѣтъ и нѣтъ; все это блѣднѣетъ, старѣетъ и укладывается, какъ нѣкогда боги Олимпа укладывались, когда они съѣзжали съ неба, вытѣсняемые новыми соперниками, подымавшимися съ Голговы.

Только на обѣду ихъ нѣтъ у нашихъ почернѣвшихъ кумировъ, по крайней мѣрѣ, С. Милль не указываетъ ихъ.

Знаетъ онъ ихъ или нѣтъ, это сказать трудно.

Съ одной стороны, англійскому гению противны отвлеченное обобщеніе и смѣлая логическая послѣдовательность; онъ своимъ

¹⁾ Бакалейщиками.

²⁾ Смотрите сюда, на этотъ портретъ и на тотъ... Кудри Гиперіона, чело самого Юпигера; глазъ, какъ у Марса... Посмотрите теперь на др, гой, вотъ вашъ супругъ.

³⁾ Великое неизвѣстное.

ске итицизмомъ чувствуетъ, что логическая крайность, какъ законы чистой математики, неприлагаема безъ ввода жизненныхъ условій. Съ другой стороны, онъ привыкъ физически и нравственно застегивать пальто на всѣ пуговицы и поднимать воротникъ; это его предостерегаетъ отъ сырого вѣтра и отъ суровой нетерпимости. Въ той же книгѣ С. Милля мы видимъ примѣръ этому. Двумя-тремя ударами необычайной ловкости онъ опрокинулъ немного падшую на ноги христіанскую мораль и во всей книгѣ ничего не сказалъ о христіанствѣ ¹⁾.

С. Милль, вмѣсто всякаго выхода, вдругъ замѣчаетъ: «Въ развитіи народовъ, кажется, есть предѣлъ, послѣ котораго онъ останавливается и *отълагается Китаемъ*».

Когда же это бываетъ?

Тогда, отвѣчаетъ онъ, когда личности начинаютъ стираться пропадать въ массахъ, когда все подчиняется принятымъ обычаямъ когда понятіе добра и зла смѣшиваютъ съ понятіемъ сообразности или несообразности, съ принятымъ. Гнетъ обычая останавливаетъ развитіе: развитіе, собственно, и состоитъ изъ стремленія къ *лучшему* отъ обычнаго. Вся исторія состоитъ изъ этой борьбы, и, если большая часть человѣчества не имѣетъ исторіи, то это потому, что жизнь ихъ совершенно подчинена обычаю.

Теперь слѣдуетъ взглянуть, какъ нашъ авторъ разсматриваетъ современное состояніе образованнаго міра. Онъ говоритъ, что, несмотря на умственное превосходство нашего времени, все идетъ къ *посредственности*, лица теряются въ толпѣ. Эта collective mediocrity ²⁾ ненавидитъ все рѣзкое, самобытное, выступающее; она проводитъ надъ всѣмъ общій уровень. А такъ какъ въ среднемъ разрѣзѣ у людей не много ума и не много желаній, то сборная посредственность, какъ топкое болото, понимаетъ, съ одной стороны, все желающее вынырнуть, а съ другой,—предупреждаетъ безпорядокъ

¹⁾ «Христіанская нравственность имѣетъ весь характеръ реакціи, это—большую частью одинъ протестъ противъ язычества. Ея идеаль скорѣ отрицательный, чѣмъ положительный, страдательный, чѣмъ дѣятельный. Она больше проповѣдуетъ воздержаніе отъ зла, чѣмъ дѣланіе добра. Ужасъ отъ чувственности доведенъ до аскезизма. Награды на небѣ и наказанія въ аду придаютъ самымъ лучшимъ поступкамъ чисто эгоистическій характеръ, и въ этомъ отношеніи христіанское воззрѣніе гораздо ниже античнаго. Лучшая часъ въ нашихъ смутныхъ понятіяхъ объ общественныхъ обязанностяхъ взята изъ греческихъ и римскихъ источниковъ. Все дублетное, благородное, самое понятіе чести передано намъ свѣтскимъ воспитаніемъ нашимъ, а не духовнымъ, проповѣдъ ющимъ слѣдующее повиненіе, какъ высшую добродѣтель». J. S. Mill — А. И. Г.

²⁾ Коллективная посредственность.

эксцентричныхъ личностей воспитаніемъ новыхъ поколѣній въ такую же вялую посредственность. Нравственная основа поведенія со тоитъ преимущественно въ томъ, чтобъ жить, какъ другіе. «Горе мужчинѣ, а особливо женщинѣ, которые вздумаютъ дѣлать то, чего никто не дѣлаетъ; но горе и тѣмъ, которые не дѣлаютъ *того, что дѣлаютъ всѣ*». Для такой нравственности не требуется ни ума, ни особенной воли; люди занимаются своими *дѣлами* и иной разъ для развлечения шалютъ въ филантропію (philanthropic hobby ¹⁾) и остаются добропорядочными, но пошлыми людьми.

Этой-то средѣ принадлежитъ сила и власть; самое правитель-ство по той мѣрѣ мощно, по какой оно служитъ органомъ господствующей среды и понимаетъ его инстинктъ.

Какая же это державная среда? «Въ Америкѣ къ ней принадлежатъ всѣ бѣлые, въ Англіи господствующій слой составляетъ *среднее состояніе* ²⁾).

С. Милль находитъ одно различіе между мертвой неподвижностью восточныхъ народовъ и современнымъ мѣщанскимъ государствомъ, и въ немъ-то, мнѣ кажется, находится самая горькая капля изъ всего кубка полыни, поданнаго имъ. Въмѣсто азіатскаго, коснаго покоя, современные европейцы живутъ, говоритъ онъ, въ пустомъ безпокойствѣ, въ бессмысленныхъ перемѣнахъ; «отвергая особенности, мы не отвергаемъ перемѣнъ, лишь бы онѣ были всякій разъ сдѣланы *встѣми*. Мы бросили своеобразную одежду нашихъ отцовъ и готовы мѣнять два три раза въ годъ покрой нашего платья, но съ тѣмъ, чтобъ всѣ мѣняли его, и это дѣлается не изъ видовъ красоты или удобства, а для самой перемѣны!».

Если личности не высвободятся отъ этого утягивающаго ому-та, отъ заманивающей топи, то «Европа, несмотря на свои благородные antecedенты и свое христіанство, *сдѣлается Китаемъ*».

Вотъ мы и возвратились и стоимъ передъ тѣмъ же вопросомъ. На какомъ основаніи будить спящаго? во имя чего обрюзгнувшая личность и утянутая въ мелочь вдохновится, сдѣлается недовольна своей теперешней жизнью съ желѣзными дорогами, телеграфами, газетами, дешевыми издѣліями?

Личности не выступаютъ оттого, что нѣтъ достаточнаго повода. За кого, за что или противъ кого имъ выступать? Отсутствіе сильныхъ дѣятелей не—причина, а послѣдствіе.

Точка, линія, послѣ которой борьба между желаніемъ луч-

¹⁾ Манія филантропіи.

²⁾ Пусть читатель вспомнитъ, что было сказано объ этомъ въ «Завадныхъ арабескахъ», «Полярная Звѣзда» на 1856 годъ. А. И. Г

шаю и сохраненіемъ *существующаю* оканчивается въ пользу сохраненія, наступаетъ (кажется намъ) тогда, когда господствующая, дѣятельная, *историческая* часть народа «близко подходитъ къ такой формѣ жизни, которая соотвѣтствуетъ ему; это—своего рода насыщеніе, сатурація; все приходитъ въ равновѣсіе, успокаивается, продолжаетъ вѣчное одно и то же до катаклизма, обновленія, разрушенія. *Semper idem* ¹⁾ не требуетъ ни огромныхъ усилій, ни грозныхъ бойцовъ; въ какомъ бы родѣ они ни были, они будутъ лишніе: середь мира не нужно полководцевъ.

Чтобъ не ходить такъ далеко, какъ Китай, взгляните возлѣ, на ту страну на Западѣ, которая наибольше отстоялась,—на страну, которой Европа начинаетъ сѣдѣть,—на Голландію; гдѣ ея великіе государственные люди, гдѣ ея великіе живописцы, гдѣ тонкіе богословы, гдѣ смѣлые мореплаватели? Да на что ихъ,—развѣ она несчастна оттого, что не мятется, нѣ бушуетъ, оттого, что ихъ нѣтъ? Она вамъ покажетъ свои смѣющіяся деревни на обсушенныхъ болотахъ, свои выстиранные города, свои выглаженные сады, свой комфортъ, свою свободу и скажетъ: мои великіе люди приобрѣли мнѣ эту свободу, мои мореплаватели завѣщали мнѣ это богатство, мои великіе художники украсили мои стѣны и церкви, мнѣ хорошо,—чего же вы отъ меня хотите? Рѣзкой борьбы съ правительствомъ? Да развѣ оно тѣснитъ? у насъ и теперь свободы больше, нежели во Франціи когда-либо бывало.

Да что же изъ этой жизни? Что выйдетъ?

Да вообще, что изъ жизни выходитъ. А потомъ—развѣ въ Голландіи нѣтъ частныхъ романовъ, коллизій, сплетенъ? развѣ въ Голландіи люди не любятъ, не плачутъ, не хохочутъ, не поютъ пѣсень, не пьютъ скидама, не пляшутъ въ каждой деревнѣ до утра? Къ тому же не слѣдуетъ забывать, что, съ одной стороны, они пользуются всѣми плодами образованія, наукъ и художества, а съ другой,—имѣ бездна дѣла: грань-пасьянсъ торговли, меледа хозяйства, воспитаніе дѣтей по образу и подобию своему; не успѣетъ голландецъ оглянуться, обдосужиться, а ужъ его несутъ на «божью ниву» въ щегольски отлакированномъ гробу, въ то время, какъ сынъ запряженъ въ торговое колесо, которое необходимо слѣдуетъ безпрестанно вертѣть, а то дѣла останвятся.

Такъ можно прожить тысячу лѣтъ, если не помѣшаетъ какое-нибудь второе пришествіе Бонапартова брата.

Отъ старшихъ братій я прошу позволенія отступить къ меньшимъ.

¹⁾ Всегда одно и то же.

Мы не имѣемъ достаточно фактовъ, но можемъ предположить, что животныя породы, такъ, какъ онѣ устанвились, представляютъ послѣдній результатъ долгаго колебанія разныхъ видоизмѣненій, ряда совершенствованій и достиженій. Эта исторія дѣлалась исподволь костями и мышцами, извилинами мозга и струйками нервъ.

Допотопныя животныя представляютъ какую-то героическую эпоху этой *книги бытія*; это—титаны и богатыри; они мельчаютъ, уравниваются съ новой средой и, какъ только достигаютъ довольно ловкаго и прочнаго типа, начинаютъ типически повторяться, и до такой степени, что Улиссова собака въ «Одиссеѣ» похожа, какъ двѣ капли воды, на всѣхъ нашихъ собакъ. И это не все: кто сказалъ, что животныя политическія или общественныя, живущія не только стадомъ, но и съ нѣкоторой организаціей, какъ муравьи и пчелы, что они такъ сразу учредили свои муравейники или ульи? Я вовсе этого не думаю. Милліоны поколѣній легли и погибли прежде, чѣмъ они устроились и упрочили свои *китайскіе* муравейники.

Я желалъ бы уяснить этимъ, что если какой-нибудь народъ дойдетъ до этого состоянія соотвѣтственности внѣшняго общественнаго устройства съ своими потребностями; то ему нѣтъ никакой внутренней необходимости до перемѣны потребностей итти впередъ, воевать, бунтовать, производить эксцентрическія личности.

Покойное поглощеніе въ стадѣ, въ ульѣ—одно изъ первыхъ условій сохраненія достигнутаго.

До этого полнаго покоя міръ, о которомъ говоритъ С. Милль, не дошелъ. Онъ послѣ всѣхъ своихъ революцій и потрясеній не можетъ ни устояться, ни отстояться: бездна дряни наверху, все мутно, нѣтъ ни этой китайской фарфоровой чистоты, ни голландской полотняной бѣлизны. Въ немъ множество неспѣтаго, уродливаго, даже болѣзненнаго, и въ этомъ отношеніи ему предстоитъ, дѣйствительно, на его собственномъ пути еще шагъ впередъ: ему надобно приобрѣсти не энергическія личности, не эксцентрическія страсти, а честную мораль своего положенія. Англичанинъ перестанетъ обвѣшивать, французъ—помогать всякой полиціи, этого требуетъ не только *respectability*¹⁾, но и прочность быта.

Тогда Англія можетъ, по словамъ С. Милля, превратиться въ Китай (и, конечно, въ усовершенствованный), сохраняя всю свою торговлю, всю свою свободу и улучшая свое законодательство, т. е.

¹⁾ Респектабельность, самоуваженіе.

облегчая его по мѣрѣ возрастанія обязательнаго обычая, который лучше всѣхъ судовъ и наказаній заморить волю. А Франція можетъ въ это время взойти въ красивое, военное русло персидской жизни, расширенное всѣмъ, что образъванная централизація даетъ въ руки власти, вознаграждая себя за потерю всѣхъ человѣческихъ правъ блестящими набѣгами на сосѣдей и приковывая другіе народы къ судьбамъ централизованной деспотіи... Черты зуавовъ уже теперь больше принадлежать азіатскому типу, чѣмъ европейскому.

Предупреждая возгласы и проклятія, я тороплюсь сказать, что здѣсь рѣчь идетъ не о моихъ желаніяхъ, ни даже о моихъ мнѣніяхъ. Трудъ мой чисто логическій, я хотѣлъ *развернуть скобки* формулы, въ которой выражень результатъ С. Милля, я хотѣлъ отъ его личностей-дифференціаловъ взять историческій интеграль.

Стало-быть, вопросъ не можетъ быть въ томъ, учтиво ли пророчить Англии судьбы Китая (это же сдѣлалъ не я, а онъ самъ) и деликатно ли предсказывать Франціи, что она будетъ Персіей, — хотя, по справедливости, я и не знаю, отчего же Китай и Персію можно безнаказанно оскорблять. Вопросъ, дѣйствительно, важный, до котораго С. Милль не коснулся, вотъ въ чемъ: существуютъ ли всходы новой силы, которые могли бы обновить старую кровь, есть ли подсѣды и здоровые ростки, чтобъ прорасти измелъчавшуюся траву? А тотъ вопросъ сводится на то, потерпитъ ли народъ, чтобъ его окончательно употребили для удобренія почвы новому Китаю и новой Персіи, на безвыходную, черную работу, на невѣжество и проголодь, позволяя взамѣнъ, какъ въ лотерейной игрѣ, одному на десять тысячъ, въ примѣръ, ободреніе и усмиреніе прочимъ, разбогатѣть и сдѣлаться изъ снѣдающаго обѣдающимъ?

Вопросъ этотъ разрѣшать событія, — теоретически его не разрѣшишь.

Если народъ сломится, новый Китай и новая Персія неминуемы.

Но если народъ сломить, неминуемъ *соціальный переворотъ!*

Не это ли и есть *идея*, которая можетъ быть произведена въ *idée fixe*, несмотря на пожиманіе плечъ аристократіи, ни на скрежетъ зубовъ мѣщанъ?

Народъ это чуётъ, и очень; прежней дѣтской вѣры въ законность или, по крайней мѣрѣ, въ справедливость того, что дѣлается, нѣтъ; есть страхъ передъ силой и неумѣніе возвести въ общее правило частную боль, но слѣплого довѣрія нѣтъ. Во Франціи на-

родъ грозно заявилъ свой протестъ въ то самое время, когда среднее состояніе въ упоеніи отъ власти и силы вѣнчало себя на царство подъ именемъ республики и, развалясь съ Маррастомъ на креслахъ Людовика XV въ Версалѣ, диктовало законы; народъ вѣзсталъ съ отчаянія, видя, что онъ опять остался за дверьми и безъ куска хлѣба; онъ возсталъ варварски, не имѣя никакого рѣшенія, безъ плана, безъ вождей, безъ средствъ, но въ энергическихъ личностяхъ у него недостатка не было, и еще больше—онъ, съ другой стороны, вызвалъ этихъ хищныхъ, кровожадныхъ коршуновъ въ родѣ Кавеньяка.

Народъ побили наголову. Вѣроятности Персіи *поднялись* и съ тѣхъ поръ все идутъ въ гору.

Какъ англійскій работникъ поставитъ свой социальный вопросъ, мы не знаемъ, но волюья упорность его велика. Съ его стороны числовое большинство, но сила не съ его стороны. Число ничего не доказываетъ. Три-четыре линейныхъ казака да дватри гарнизонныхъ солдата водятъ изъ Москвы въ Сибирь по пяти-сотъ колодниковъ.

Если народъ и въ Англии будетъ побить, какъ въ Германіи во время крестьянскихъ войнъ, какъ во Франціи въ іюньскіе дни,—тогда Китай, пророчимый Стюартомъ Миллемъ, не далекъ. Переходъ въ него сдѣлается незамѣтно, не утратится, какъ мы сказали, ни одного права, не уменьшится ни одной свободы, уменьшится только *способность пользоваться этими правами и этой свободой!*

Люди робкіе, люди чувствительные говорятъ, что это невозможно. Я ничего лучше не прошу, какъ согласиться съ ними, но не вижу причины. Трагическая безвыходность состоитъ именно въ томъ, что та идея, которая можетъ спасти народъ и устремить Европу къ новымъ судьбамъ, *невъядна* господствующему классу, что ему, если-бъ онъ былъ послѣдователенъ и смѣлъ, *выгодно* только государство съ американскимъ невольничествомъ!

Но кто же изъ нихъ правъ? Праваго между голоднымъ и сытымъ найти немудрено, но это ни къ чему не ведетъ,—Иисусъ Христосъ развѣ не былъ правъ противъ синагоги, однакоже, его распяли.

— Зато черезъ четыре вѣка римская имперія сдѣлалась *христіанской*.

— А христіанство—*язычески*мъ! ¹⁾

¹⁾ Прибавленіе о книгѣ С. Милля писано въ 1859 году. А. И. I.

ДВА ПРОЦЕССА.

Rule Britannia! ¹⁾.

I.

ДУЭЛЬ ²⁾.

Въ 1853 году извѣстный коммунистъ Виллихъ познакомилъ, меня съ парижскимъ работникомъ *Бартелеми*. Имя его я зналъ прежде по юньскому процессу, по приговору и, наконецъ, по его бѣгству изъ Бель-Иля. ²

Онъ былъ молодъ, невысокаго роста, но мускульно сильнаго сложенія; черные, какъ смоль, и курчавые волосы придавали ему что-то южное; лицо его, слегка отмѣченное оспой, было красиво и рѣзко. Постоянная борьба воспитала въ немъ непреклонную волю и умѣнье управлять ею. Бартелеми былъ одинъ изъ самыхъ цѣльныхъ характеровъ, которыхъ мнѣ случилось видѣть. Школьнаго, книжнаго образованія онъ не имѣлъ, кромѣ по своей части: онъ былъ отличнымъ механикомъ. Замѣтимъ мимоходомъ, что изъ числа механиковъ, машинистовъ, инженеровъ, работниковъ на желѣзныхъ дорогахъ вышли самые рѣшительные бойцы юньскихъ баррикадъ.

Жизненная мысль его, страсть всего его существованія была неутомимая, спартаковская жажда возстанія рабочаго класса противъ средняго сословія. Мысль эта у него была неразрывна съ свирѣпымъ желаніемъ истребленія буржуазіи.

¹⁾ Владычествуй, Британія! (начало англійскаго гимна).

²⁾ Разсказъ этотъ относится къ отрывку, помѣщенному въ VI кн. «Полярной Звѣзды». А. И. Г

Какой комментарий далъ мнѣ этотъ человѣкъ къ ужасамъ 93 и 94 года, къ сентябрьскимъ днямъ, къ той ненависти, съ которой ближайшія партіи уничтожали другъ друга! Въ немъ я наглядно видѣлъ, какъ человѣкъ можетъ соединять желаніе крови съ гуманностью въ другихъ отношеніяхъ, даже съ нѣжностью, и какъ человѣкъ можетъ быть правымъ передъ совѣстью, посылая, какъ Сень-Жюсть, десятки людей на гильотину.

«Чтобъ революція въ десятый разъ не была украдена изъ нашихъ рукъ,—говорилъ Бартеlemi;—надобно дома, въ нашей семьѣ сломить голову злѣйшему врагу. За прилавкомъ, за конторкой мы его всегда найдемъ,—въ *своемъ станѣ* слѣдуетъ его побить!» Въ его листы проскрипціи входила почти вся эмиграція: Викторъ Гюго, Мадзини, Викторъ Шельхеръ ¹⁾ и Кошутъ. Онъ исключалъ очень немногихъ и въ томъ числѣ, я помню, Луи Блана.

Особымъ, задушевымъ предметомъ его ненависти былъ Ледрю-Ролленъ. Живое, страстное, но очень спокойно установившееся лицо Бартеlemi судорожно подергивалось, когда онъ говорилъ объ «этомъ диктаторѣ буржуазіи».

А говорилъ онъ мастерски,—этотъ талантъ становится рѣже и рѣже: Публичныхъ говоруновъ въ Парижѣ, и особенно въ Англіи, бездна. Попы, адвокаты, члены парламента, продавцы пилюль и дешевыхъ карандашей, наемные свѣтскіе и духовные ораторы въ паркахъ,—всѣ они имѣютъ удивительную способность *проповѣдывать*, но говорить *для комнаты* умѣютъ немногіе.

Односторонняя логика Бартемили, постоянно устремленная въ одну точку, дѣйствовала, какъ пламя паяльной трубки. Онъ говорилъ плавно, не возвышая голоса, не махая руками, его фразы и выборъ словъ были правильны, чисты и совершенно свободны отъ трехъ проклятій современнаго французскаго языка: революціоннаго жаргона, адвокатско-судебныхъ выраженій и развязности сидѣльцевъ.

Откуда же взялъ этотъ работникъ, воспитанный въ душныхъ мастерскихъ, гдѣ ковали и тянули желѣзо для машинъ, въ душныхъ парижскихъ закоулкахъ, между питейнымъ домомъ и наковальнею, въ тюрьмѣ и на каторжной работѣ, вѣрное понятіе мѣры и красоты, такта и граціи,—понятіе, утраченное буржуазной Франціей? Какъ онъ умѣлъ сохранить естественность языка среди вычурныхъ риторовъ, гасконцевъ революціонной фразы?

Это, дѣйствительно, задача.

¹⁾ Франц: полит. дѣятель и писатель; во время осады Парижа въ 1870 г. былъ полковникомъ національной гвардіи.

Видно, около мастерских вѣтъ воздухъ посвѣжѣ. Впрочемъ, вотъ его жизнь,

Ему не было двадцати лѣтъ, когда онъ замѣшался въ какую-то эмету ¹⁾ при Людовикѣ Филиппѣ. Жандармъ остановилъ его, и, такъ какъ онъ сталъ ему что-то говорить, то жандармъ хватилъ его кулакомъ въ лицо. Бартелеми, котораго держалъ муниципаль, рванулся, но не могъ ничего сдѣлать. Ударъ этотъ пробудилъ тигра. Бартелеми, живой, молодой, веселый юноша-работникъ, всталъ на другой день переродившимся.

Надобно замѣтить, что арестованнаго Бартелеми полиція отпустила, найдя его невиноватымъ. Объ обидѣ, причиненной ему, никто и говорить не хотѣлъ. «Зачѣмъ ходить по улицамъ во время эметы! Да и какъ найти теперь жандарма!»

Бартелеми купилъ пистолеть, зарядилъ его и пошелъ бродить около тѣхъ мѣстъ; побродилъ день-другой;—вдругъ на углу стоитъ жандармъ. Бартелеми отвернулся и взвелъ курокъ.

— Вы меня узнали?—спросилъ онъ полицейскаго.

— Еще бы нѣтъ.

— Такъ вы помните, какъ вы...?

— Ну, ступайте, ступайте своей дорогой,—сказалъ жандармъ.

— Счастливаго и вамъ пути,—отвѣчалъ Бартелеми и спустил курокъ.

Жандармъ повалился, а Бартелеми пошелъ. Жандармъ былъ смертельно раненъ, но не умеръ.

Бартелеми судили, какъ простаго убійцу. Никто не взялъ въ расчетъ величину обиды, особенно по понятіямъ французовъ, невозможность работника послать ему вызовъ, невозможность сдѣлать процессъ. Бартелеми былъ осужденъ на *наторжную работу*. Это былъ третій пансіонъ, въ которомъ онъ воспитывался послѣ кузницы и тюрьмы. При переборѣ дѣлъ министромъ юстиціи Кремье, послѣ февральской революціи, Бартелеми выпустили.

Пришли іюньскіе дни. Бартелеми, принадлежавшій къ горячимъ послѣдователямъ Бланки, былъ схваченъ, геройски защищая баррикаду, и сведенъ въ форты. Однихъ побѣдители разстрѣливали, другими набивали тюльерійскіе подвалы, третьихъ отсылали въ форты и тамъ иногда разстрѣливали, случайно больше, чтобъ очистить мѣсто.

Бартелеми уцѣлѣлъ; въ судѣ онъ и не думалъ оправдываться, но воспользовался лавкой подсудимаго, чтобъ изъ нея сдѣлать трибуну для обвиненія національной гвардіи. Ему мы

¹⁾ Emeute—мятежъ.

обязаны многими подробностями о каннибальскихъ подвигахъ защитниковъ порядка, сдѣланныхъ втихомолку, нѣкоторымъ образомъ семейно. Нѣсколько разъ президентъ приказывалъ ему молчать и, наконецъ, перервалъ его рѣчь приговоромъ на каторжную работу, помнится, на 15 или 20 лѣтъ (у меня нѣтъ передъ глазами юньскаго процесса).

Бартелеми былъ съ другими отправленъ въ Belle-Ile.

Года черезъ два онъ бѣжалъ оттуда и явился въ Лондонъ съ предложеніемъ ѣхать назадъ и устроить бѣгство шести заключенныхъ. Небольшая сумма денегъ, которую онъ просилъ (тысячъ 6—7 фр.), была ему обѣщана, и онъ, одѣвшись аббатомъ, съ молитвенникомъ въ рукѣ, отправился въ Парижъ, въ Бель Иль, все устроилъ и возвратился въ Лондонъ за деньгами. Говорятъ, что дѣло не состоялось за споромъ, освободить ли Бланки или нѣтъ. Сторонники Барбеса и другихъ лучше желали оставить нѣсколько человѣкъ друзей въ тюрьмѣ, чѣмъ освободить одного врага.

Бартелеми уѣхалъ въ Швейцарію. Онъ разошелся со всѣми партіями и отсталъ отъ нихъ; съ ледрю-ролленистами онъ былъ заклятый врагъ, но онъ не былъ другомъ и съ своими; онъ былъ слишкомъ рѣзокъ и угловатъ; крайнія мнѣнія его были неприятны запѣваламъ и отпугивали слабыхъ. Въ Швейцаріи онъ особенно занялся ружейнымъ мастерствомъ. Онъ избобрѣлъ особеннаго устройства ружье, которое заряжалось по мѣрѣ выстрѣловъ и, такимъ образомъ, давало возможность пустить рядъ пуль въ одну точку, другъ за другомъ. Этимъ ружьемъ онъ думалъ убить Наполеона, но дикія страсти Бартелеми два раза спасли Бонапарта отъ челдѣвка, въ которомъ рѣшимости было не меньше, чѣмъ у Орсини.

Въ партіи Ледрю-Роллена находился лихой челдѣвъкъ, Сретѣръ, гуляка и сорви-голова Курнэ ¹⁾.

Курнэ принадлежалъ къ особому типу людей, который часто встрѣчается между польскими панами и русскими офицерами, особенно между отставными корнетами, живущими въ деревнѣ; къ нимъ принадлежалъ Денисъ Давыдовъ и его «собутыльникъ» Бурцовъ ²⁾, Гагаринъ—«Адамова голова» ³⁾ и секундантъ Ленскаго Зарѣцкій. Въ вульгарной формѣ они встрѣчаются между прусскими «юнке-

¹⁾ Фредерикъ, морской офицеръ. ³

²⁾ Иванъ Григорьевичъ, генераль, убитъ въ войну 1827—1829 г.

³⁾ Князь Федоръ Федоровичъ, извѣстный въ первой половинѣ XIX ст. «сорви-голова».

рами» и австрійскимъ казарменнымъ бродерствомъ; въ Англии ихъ совсѣмъ нѣтъ, во Франціи они дома, какъ рыба въ водѣ, но рыба съ почищенной, лакированной чешуею. Это—люди храбрые, опрометчивые до дерзости, до безразсудства и очень недалніе. Они всю жизнь живутъ воспоминаніемъ двухъ-трехъ случаевъ, въ которыхъ они прошли сквозь огонь и воду, кому-нибудь обрубили уши, простояли подъ градомъ пуль. Случается, что они сперва наклеплютъ на себя отважный поступокъ, а потомъ, дѣйствительно, его сдѣлаютъ, чтобъ подтвердить свои слова. Они смутно понимаютъ, что этотъ задоръ—ихъ сила, единственный интересъ, которымъ они могутъ похвастаться, а хвастаться имъ хочется смертельно. При этомъ они часто хорошіе товарищи, особенно въ веселой бесѣдѣ, и до первой размолвки за своихъ стоятъ грудью и, вообще, имѣютъ больше военной отваги, чѣмъ гражданской доблести.

Люди праздные, азартные игроки въ картахъ и въ жизни, ланскене ¹⁾ всякаго отчаяннаго предпріятія, особенно, если притомъ можно надѣть мундиръ съ генеральскимъ шитьемъ, схватить денегъ, крестовъ и потомъ снова успокоиться на нѣсколько лѣтъ въ бильярдной или кофейной. А ужъ помогая Наполеону ли въ Страсбургѣ, герцогинѣ ли Беррійской въ Блуа, или красной республикѣ въ предмѣстіи Св. Антона, — все равно. Храбрость и удача для нихъ и для всей Франціи покрываютъ все.

Курнэ началъ свою карьеру во флотѣ во время ссоры Франціи съ Португаліей. Онъ съ нѣсколькими товарищами влѣзъ на португальскій фрегатъ, овладѣлъ экипажемъ и взялъ фрегатъ. Случай этотъ опредѣлилъ и окончилъ дальнѣйшую жизнь Курнэ. Вся Франція говорила о молодомъ мичманѣ; далѣе онъ не пошелъ и такъ же кончилъ свою карьеру абордажемъ, которымъ началъ ее, какъ если-бъ онъ на немъ былъ убитъ наповаль. Изъ флота онъ былъ впослѣдствіи исключенъ. Въ Европѣ царилъ глухой миръ; Курнэ поскучалъ, поскучалъ и сталъ воевать на свой салтыкъ. Онъ говорилъ, что у него было до двадцати дуэлей; положимъ, что ихъ было десять, — и этого за глаза довольно, чтобъ его не считали серьезнымъ человѣкомъ.

Какъ онъ попалъ въ красные республиканцы, я не знаю. Особенной роли онъ во французской эмиграціи не игралъ. Рассказывали объ немъ разные анекдоты, какъ онъ въ Бельгіи поколотилъ полицейскаго, который хотѣлъ его арестовать, и ушелъ отъ него, и другія продѣлки въ томъ же родѣ. Онъ считалъ себя «одной изъ первыхъ шпагъ во Франціи».

¹⁾ Lansquenet—ландскнехтъ, пѣхотинецъ; здѣсь, вѣрнѣе, «рыцари».

Мрачная храбрость Бартелеми, исполненного, по-своему, необузданнѣйшимъ самолюбіемъ, столкнувшись съ надменной храбростью Курнэ, должна была привести къ бѣдствіямъ. Они ревновали другъ друга. Но, принадлежа къ разнымъ кругамъ, къ враждебнымъ партіямъ, они могли всю жизнь не встрѣчаться! Добрые люди братски помогли дѣлу.

Бартелеми имѣлъ на Курнэ какой-то зубъ за письма, посланныя ему черезъ Курнэ изъ Франціи, которыя до него не дошли. Очень вѣроятно, что въ этомъ дѣлѣ онъ не былъ виноватъ; вскорѣ къ этому присоединилась сплетня. Бартелеми познакомился въ Швейцаріи съ одной актрисой, итальянкой, и былъ съ нею въ связи. «Какая жалость, — говорилъ Курнэ, — что этотъ социалистъ изъ социалистовъ пошелъ на содержаніе къ актрисѣ». Пріятели Бартелеми тотчасъ написали ему это. Получивъ письмо, Бартелеми бросилъ свой проектъ ружья и свою актрису и прискакалъ въ Лондонъ.

Мы уже сказали, что онъ былъ знакомъ съ Виллихомъ. Виллихъ былъ человѣкъ съ чистымъ сердцемъ и очень добрый прусскій артиллерійскій офицеръ; онъ перешелъ на сторону революціи и сдѣлался коммунистомъ. Дрался въ Баденѣ за народъ, начальствуя орудіями во время Геккерова возстанія, и когда все было побито, уѣхалъ въ Англію. Въ Лондонъ онъ явился безъ гроша денегъ, попробовалъ давать уроки математики, нѣмецкаго языка, — ему не повезло. Онъ бросилъ учебныя книги и, забывая бывшіе эполеты, геройски сталъ работникомъ. Съ нѣсколькими товарищами они завели мастерскую щеточныхъ издѣлій; ихъ не поддерживали. Виллихъ не терялъ надежды ни на возстаніе Германіи, ни на поправку своихъ дѣлъ; однако, дѣла не поправлялись, и онъ надежду на тевтонскую республику увезъ съ собою въ Нью-Йоркъ, гдѣ получилъ отъ правительства мѣсто землемѣра.

Виллихъ понялъ, что дѣло съ Курнэ приметъ очень дурной оборотъ, и самъ себя предложилъ въ посредники. Бартелеми вполне вѣрилъ Виллиху и поручилъ ему дѣло. Виллихъ отправился къ Курнэ; твердый, спокойный тонъ Виллиха подѣйствовалъ на «первую шпагу»; онъ объяснилъ исторію писемъ; послѣ, на вопросъ Виллиха, увѣренъ ли онъ, что Бартелеми жилъ на содержаніи у актрисы, Курнэ сказалъ ему, что онъ повторилъ слухъ и что жалѣетъ объ этомъ.

— Этого, — сказалъ Виллихъ, — совершенно достаточно; напишите, что вы сказали, на бумагѣ, отдайте мнѣ, и я съ искренней радостью пойду домой.

— Пожалуй, — сказалъ Курнэ и взялъ перо.

— Такъ это вы будете извиняться передъ какимъ-нибудь Бартелеми?!—замѣтилъ другой рефюжье, взошедшій въ концѣ разговора.

— Какъ извиняться? И вы принимаете это за извиненіе?

— За дѣйствіе,—сказалъ Виллихъ,—честнаго человѣка, который, повторивши клевету, жалѣеть объ этомъ.

— Нѣтъ,—сказалъ Курнэ, бросая перо,— этого я не могу.

— Не сейчасъ же ли вы говорили?..

— Нѣтъ. нѣтъ, вы меня простите, но я не могу. Передайте Бартелеми, что я «сказалъ это потому что хотѣлъ сказать».

— Брависсимо!—воскрикнулъ другой рефюжье.

— На васъ, м. г., падаетъ отвѣтственность за будущія несчастія,—сказалъ ему Виллихъ и вышелъ вонъ.

Это было вечеромъ. Онъ зашелъ ко мнѣ, не выдавшись еще съ Бартелеми; печально ходилъ онъ по комнатѣ, говоря: «Теперь дуэль неотвратима! Экое несчастіе, что этотъ рефюжье былъ налицо».

Тутъ не можешь, думалъ я; умъ молчить передъ дикимъ разгаромъ страстей, а когда еще прибавишь французскую кровь, ненависть котерій и разныхъ хористовъ въ амфитеатрѣ...

Черезъ день, утромъ я шелъ по Пель-Мелю; Виллихъ скорыми шагами торопился куда-то; я остановилъ его; блѣдный и встревоженный, обернулся онъ ко мнѣ.

— Что?

— Убить наповаль.

— Кто?

— Курнэ. Я бѣгу къ Луи Блану за совѣтомъ, что дѣлать.

— Гдѣ Бартелеми?

— И онъ, и его секундантъ, и секунданты Курнэ въ тюрьмѣ; одинъ изъ секундантовъ только не взять; по англійскимъ законамъ, Бартелеми можно повѣсить.

Виллихъ сѣлъ на омнибусъ и уѣхалъ. Я остался на улицѣ, постоялъ, постоялъ, повернулся и пошелъ опять домой. Часа черезъ два пришелъ Виллихъ. Луи Бланъ принялъ, разумѣется, дѣятельное участіе, хотѣлъ посоветоваться съ извѣстными адвокатами. Всего лучше, казалось, поставить дѣло такъ, чтобъ слѣдователи не знали, кто стрѣлялъ и кто былъ свидѣтелемъ. Для этого надобно было, чтобъ обѣ стороны говорили одно и то же. Въ томъ, что англійскій судъ не захочетъ въ дѣлѣ дуэли употреблять полицейскія уловки, въ этомъ всѣ были увѣрены.

Надобно было передать это пріятелямъ Курнэ, но никто изъ знакомыхъ Виллиха не ѣздилъ ни къ нимъ, ни къ Ледрю-Роллену; Виллихъ поэтому отправилъ меня къ Маццини.

Я его засталъ сильно-раздраженнымъ.

— Вы, вѣрно, пріѣхали, — сказалъ онъ, — по дѣлу этого убійцы?

Я посмотрѣлъ на него, намѣренно помолчалъ и сказалъ:

— По дѣлу *Бартелеми*.

— Вы съ нимъ знакомы, вы заступаетесь за него. Все это очень хорошо, хоть я и не понимаю... У Курнэ, у несчастнаго Курнэ, были тоже пріятели и друзья...

— Которые, вѣроятно, не называли его разбойникомъ за то, что онъ былъ на двадцати дуэляхъ, на которыхъ, кажется, *не онъ* былъ убитъ.

— Теперь ли поминать объ этомъ?

— Я отвѣчаю.

— Что же, теперь спасать *ею* изъ петли?

— Я полагаю, что особеннаго удовольствія никому не будетъ, если повѣсятъ человѣка, который себя такъ велъ, какъ Бартелеми на юньскихъ баррикадахъ. Впрочемъ, рѣчь идетъ не о немъ одномъ, а и о секундантахъ Курнэ.

— Его не повѣсятъ.

— Почему знать, — замѣтилъ хладнокровно молодой англійскій радикаль, причесанный à la Jésus, молчавшій все время и подтверждавшій слова Маццини головой, дымомъ сигары и какими-то неуловимыми *полифтонгами* ¹⁾, въ которыхъ пять-шесть гласныхъ, сплюснутыхъ вмѣстѣ, составляли одну сводную.

— Вы, кажется, ничего не имѣете противъ этого?

— Мы любимъ и уважаемъ законъ.

— Не оттого ли, — замѣтилъ я, придавая добродушный видъ моимъ словамъ, — всѣ народы больше уважаютъ Англію, чѣмъ любить англичанъ.

— Оеуз? — спросилъ радикаль, а, можетъ, и отвѣчалъ.

— Въ чемъ дѣло? — перебилъ Маццини.

Я рассказалъ ему.

Они уже сами думали объ этомъ и пришли къ тому же результату.

Процессъ Бартелеми имѣетъ чрезвычайный интересъ. Рѣдко англійскій и французскій характеръ обличались съ такой рѣзкостью, въ такой тѣсной и удобоизмѣримой рамѣ.

Начиная съ мѣста поединка, все было нелѣпо: они дрались близъ Виндзора. Для этого надобно было по желѣзной дорогѣ (ко-

¹⁾ Многогласными; слово придумано Герценомъ аналогично съ греческимъ «дифтонгъ» — двугласный звукъ.

торая *только* идетъ въ Виндзоръ) отъѣхать нѣсколько десятковъ миль *отъ границы внутрь* королевства, въ то время, какъ, вообще, люди дерутся на границѣ, близъ кораблей, лодокъ и пр. Выборъ Виндзора, сверхъ того, самъ по себѣ былъ никуда негоденъ: королевскій дворецъ, любимая резиденція Викторіи, разумѣется, въ полицейскомъ отношеніи находится подъ двойнымъ надзоромъ. Я полагаю, что мѣсто это было выбрано очень просто: потому что французы изъ всѣхъ окрестностей Лондона только и знаютъ *Рашмон'* и *Вансоръ*.

Секунданты взяли *на всякій случай* рапиры съ отточенными концами, хотя и знали, что противники будутъ стрѣляться. Когда Курнэ палъ, всѣ, „за исключеніемъ одного секунданта, который уѣхалъ особо и, вслѣдствіе того, спокойно пробрался въ Бельгію, доѣхали вмѣстѣ, *не забывъ съ собою взять* рапиры. Когда они прибыли на ватерлооскую станцію въ Лондонѣ, телеграфъ уже давно извѣстилъ полицію. Полиціи искать было нечего: «четыре человѣка, съ бородами и усами, въ фуражкахъ, говорящіе пофранцузски и съ завернутыми рапирами», были взяты, выходя изъ вагоновъ.

Какъ же все это могло случиться? Не намъ, кажется, учить французовъ прятаться отъ полиціи. Злѣе и расторопнѣе, безнравственнѣе и неутомимѣе въ своемъ усердіи нѣтъ полиціи въ мірѣ, какъ французская. Во время Людовика-Филиппа *ищущій* и *искомый* играли мастерски свою партію, каждый ходъ былъ рассчитанъ (теперь это не нужно: полиція по-русски впередъ говоритъ *шахъ и матъ*), но, вѣдь, время Людовика-Филиппа не за горами. Какимъ же образомъ такой умный человѣкъ, какъ Бартеlemi, и такіе бывалые люди, какъ секунданты Курнэ, надѣлали столько промаховъ?

Причина одна и та же: совершенное незнаніе Англій и англійскихъ законовъ. Они слышали, что никого арестовать нельзя безъ «уарандъ» ¹⁾, они слышали о какомъ-то «абеасъ корпюсъ» ²⁾, по которому слѣдуетъ выпустить человѣка, по требованію адвоката, и полагали, что они доѣдутъ домой, переодѣнутся и будутъ въ Бельгіи, когда утромъ за ними придетъ одураченный констебль, *непремѣнно* съ палочкой (какъ ихъ описываютъ во французскихъ романахъ), и скажетъ, увидя, что ихъ нѣтъ: «goddamn!» ³⁾,—несмотря на то, что ни констебли палочекъ не носятъ, ни англичане не говорятъ «goddamn!».

¹⁾ Warrant—приказъ, предписаніе.

²⁾ Habeas corpus.

³⁾ Чортъ возьми!

Арестованных посадили въ Surrey'скую тюрьму. Начались пощёнія, поѣхали дамы, поѣхали пріятели убитаго Курнэ. Полиція, разумѣется, тотчасъ догадалась, въ чемъ дѣло и какъ оно было; впрочемъ, этого нельзя ей поставить въ заслугу: пріятели и непріятели Бартеlemi и Курнэ кричали въ трактирахъ и public-house'хъ ¹⁾ о всѣхъ подробностяхъ дуэли, разумѣется, прибавляя и такія, которыхъ вовсе не было и совершенно не могло быть. Но официальная полиція *не хотѣла* знать, и потому, когда одни пощитители спрашивали позволеніе видѣть секунданта «Баронэ», другіе секунданта Бартеlemi, полицейскій офицеръ рѣшилъ имъ сказать: «Гг!, мы вовсе не знаемъ, кто изъ нихъ секундантъ, кто виноватый; слѣдствіе еще не открыло всѣхъ обстоятельствъ дѣла, называйте, пожалуйста, знакомыхъ вашихъ по именамъ». Первый урок!

Наконецъ, судебный кругъ дошелъ до Surrey, назначенъ былъ день, въ который lord-chief-justice ²⁾ Кемпбель будетъ судить дѣло о неизвѣстно кѣмъ убитомъ французѣ Курнэ и прикосновенныхъ къ его убійству лицахъ.

Я тогда жилъ возлѣ Primrose hill. Часовъ въ семь холодно-туманнаго февральскаго утра вышелъ я въ Реджентъ паркъ, чтобы, пройдя его, отправиться на желѣзную дорогу.

День этотъ остался очень рельефно въ моей памяти. Отъ тумана, покрывавшаго паркъ, и бѣлыхъ лебедей, сонно плывшихъ по водѣ, подернутой искрасно-желтымъ дымомъ, до той минуты, когда далеко зѣ полночь я сидѣлъ съ однимъ lawyer'омъ у Вери ³⁾ на Реджентъ-стритѣ и пилъ шампанское за здоровье Англии, — все, какъ на блюдечкѣ.

Я англійскаго суда не видалъ прежде; комизмъ средневѣковой mise en scéne будить въ насъ больше воспоминаній оперы-буффы, чѣмъ почтенной традиціи, но это можно забыть въ этотъ день.

Около десяти часовъ передъ гостиницею, гдѣ стоялъ лордъ Кемпбель, явились первыя маски, герольды съ двумя трубачами, возвѣстившіе, что лордъ Кемпбель въ открытомъ судѣ будетъ въ 10 часовъ судить такое-то дѣло. Мы бросились къ дверямъ судебной залы, которая была въ нѣсколькихъ шагахъ; между тѣмъ, черезъ площадь двигался и лордъ Кемпбель въ золоченой каретѣ, въ парикѣ, который только уступалъ въ величинѣ и красотѣ парикку его кучера, прикрытому крошечной треугольной шляпой. За

¹⁾ Public-house—кабакъ.

²⁾ Лордъ верховный судья.

³⁾ Vegety, извѣстный ресторанъ.

его каретою шло пѣшкомъ человѣкъ двадцать атторнеевъ, солиситоровъ, подобравъ мантии, безъ шляпъ и въ шерстяныхъ парикахъ, намѣренно сдѣланныхъ какъ можно менѣе похожими на человѣческіе волосы. Въ дверяхъ я чуть было, вмѣсто суда чифъ-джустиса Кемпбеля надъ Бартелеми, не попалъ на судъ, который богъ держалъ надъ Курнэ.

Въ самыхъ дверяхъ масса народа, вытѣсняемая полицейскими изъ залы, и нечеловѣческой напоръ сзади произвели остановку: впередъ нельзя было итти, толпа сзади прибавлялась, полицейскимъ надоѣло работать по мелочи, — они схватились за руки и разомъ дружно пошли на приступъ; передній рядъ меня такъ прижалъ, что дыханіе сперлось... Еще и еще храбрый напоръ осаждающихъ, — и мы вдругъ очутились вытѣсненными, выжатыми, выброшенными на десять шаговъ далѣе двери на улицу.

Если-бъ ни знакомый адвокатъ, мы бы совсѣмъ не попали: зала была набита; онъ насъ провелъ особыми дверями, и мы, наконецъ, усѣлись, отирая потъ и справляясь, цѣлы ли часы, деньги и пр.

Замѣчательная вещь, что нигдѣ толпа не бываетъ многочисленнѣе, плотнѣе, страшнѣе, какъ въ Лондонѣ, а дѣлать «кѣ»²⁾ ни въ какомъ случаѣ не умѣетъ; англичане всегда берутъ своимъ національнымъ упорствомъ, даютъ два часа, — что-нибудь да продавятъ. Меня это много разъ дивило при входѣ въ театры: если-бъ люди шли другъ за другомъ, они, навѣрное, вошли бы въ полчаса, но такъ какъ они прутъ всей массой, то множество переднихъ пробиваются по правой и лѣвой сторонѣ дверей; тутъ ими овладѣваетъ какое-то сосредоточенное ожесточеніе, и они начинаютъ давить съ боковъ медленно двигающуюся среднюю струю безъ всякой пользы для себя, но какъ бы вымещая на ихъ бокахъ ихъ счастье.

Стучать въ двери. Какой-то господинъ, тоже въ маскарадномъ платьѣ, кричитъ: «кто тамъ?». «Судъ», — отвѣчаютъ съ той стороны; отворяются двери, и является Кемпбель въ шубѣ и въ какомъ-то женскомъ шлафрокѣ; онъ поклонился на всѣ четыре стороны и объявилъ, что судъ открытъ.

Мнѣніе о дѣлѣ Бартелеми, составленное судомъ, т. е. Кемпбелемъ, было ясно съ начала до конца, и онъ его выдержалъ, не смотря на всѣ усилія французовъ сбить его съ дороги и ухудшить. Была дуэль. Одинъ убить. Оба — французы, рефужье, имѣющіе инныя понятія о чести, чѣмъ мы; кто изъ нихъ правъ, кто вино-

1) Attorney, solicitor — стряпчій, повѣренный по дѣламъ.

2) «Faire la queue» — составить хвостъ, стоять на очереди.

вать; разобрать трудно. Одинъ сошелъ съ баррикады, другой брётёръ. Намъ нельзя оставить это безнаказаннымъ, но не слѣдуетъ всею силою англійскихъ законовъ побивать иностранцевъ, тѣмъ больше, что всѣ они люди чистые и, хотя глупо, но благородно вели себя. Поэтому, кто убійца, мы не будемъ добиваться; все вѣроятіе, что убійца—тотъ изъ нихъ, который бѣжалъ въ Бельгію; подсудимыхъ мы обвинимъ въ участіи и спросимъ присяжныхъ, виноваты ли они въ manslaughter ¹⁾ или нѣтъ? Обвиненные присяжными, они въ нашихъ рукахъ; мы приговоримъ ихъ къ одному изъ наименьшихъ наказаній и покончимъ дѣло. Оправдаютъ ихъ присяжные, — богъ съ ними совсѣмъ, пусть идутъ на всѣ четыре стороны.

Все это французамъ обѣихъ партій было ножъ острый!

Сторонники Курнэ хотѣли воспользоваться случаемъ, чтобъ потерять въ мнѣніи суда Бартелеми и, не называя его прямо, указать на него, какъ на убійцу Курнэ.

Нѣсколько человекъ друзей Бартелеми и самъ онъ домогались покрыть презрѣніемъ и стыдомъ Баронэ и компанію странной подробностью, которая открылась въ полицейскомъ слѣдствіи. Пистолеты были взяты у ружейника, послѣ дуэли ему ихъ прислали. Одинъ пистолетъ былъ заряженъ. Когда началось дѣло, ружейникъ явился съ пистолетомъ и съ показаніемъ, что подъ пулей и порохомъ лежала небольшая тряпочка, такъ что выстрѣлъ былъ невозможенъ.

Дуэль шла такъ: Курнэ выстрѣлилъ въ Бартелеми и не попалъ. У Бартелеми капсуль исправно щелкнулъ, но выстрѣла не было; ему дали другой капсуль—та же исторія. Тогда Бартелеми бросилъ пистолетъ и предложилъ Курнэ драться на рапирахъ. Курнэ не согласился; рѣшились еще разъ стрѣлять, но Бартелеми потребовалъ другой пистолетъ, на что Курнэ тотчасъ согласился. Пистолетъ былъ поданъ, раздался выстрѣлъ, и Курнэ упалъ мертвымъ.

Стало быть, пистолетъ, возвратившійся къ ружейнику заряженнымъ, былъ тотъ самый, который былъ въ рукахъ Бартелеми. Откуда попала тряпка? Пистолеты досталъ пріятель Курнэ Пардигонъ, нѣкогда участвовавшій въ «Voix du Peuple» и страшно изуродованный въ іюньскіе дни ²⁾.

¹⁾ Человѣкоубійствѣ.

²⁾ Пардигонъ, схваченный въ іюньскіе дни, былъ брошенъ въ тюльерійскій подвалъ; тамъ находилось тысячъ до пяти человекъ. Тутъ были холерные, раненые, умиравшіе. Когда правительство прислало Корменена ³⁾

³⁾ Cormenin, Луи-Мари, одинъ изъ вице-президентовъ учредительнаго собранія.

Если-бъ можно было доказать, что тряпка была положена съ цѣлью, т.-е., что противники вели Бартелеми на убой, то враги Бартелеми были бы покрыты позоромъ и погублены навѣки вѣковъ.

За такой пріятный результатъ Бартелеми охотно пошелъ бы на десять лѣтъ въ каторжную работу или въ депортацію.

По слѣдствію оказалось, что лоскутокъ, вынутый изъ пистолета, дѣйствительно, принадлежалъ Пардигону: онъ былъ вырванъ изъ тряпки, которой онъ обтиралъ лаковые сапоги. Пардигонъ говорилъ, что онъ чистилъ дуло, надѣвъ тряпочку на карандашъ, и что, можетъ, вертѣвши ею, отрѣзалъ лоскутокъ; но друзья Бартелеми спрашивали, отчего же у лоскутка правильная овальная форма, отчего нѣту городковъ отъ складокъ...

Съ своей стороны, противники Бартелеми приготовили фалангу свидѣтелей à décharge¹⁾ въ пользу Баронэ и его товарищей.

Политика ихъ состояла въ томъ, что атторней со стороны Баронэ будетъ ихъ спрашивать объ antecedентахъ Курнэ и прочихъ. Они превознесутъ ихъ и будутъ молчать о Бартелеми и его секундантахъ. Такое единодушное умалчиваніе со стороны соотечественниковъ и «корелижіонеровъ»²⁾ должно было, по ихъ мнѣнію, сильно поднять въ глазахъ Кемпбеля и публики однихъ и сильно уронить другихъ. Призывъ свидѣтелей стоитъ денегъ, да и, сверхъ того, у Бартелеми не было цѣлой шеренги друзей, которымъ онъ могъ бы отдать приказаніе говорить то или другое.

освидѣтельствовать положеніе ихъ, то, отворивши двери, онъ и доктора отпрянули отъ удушающей заразной вонн. Къ окошечкамъ *sourcil*³⁾ было запрещено подходить. Пардигонъ, изнемогая отъ духоты, поднялъ голову, чтобы подышать; это замѣтилъ часовой изъ національной гвардіи и сказалъ ему, чтобъ онъ отошелъ, или онъ выстрѣлитъ. Пардигонъ медлил; тогда почтенный буржуа опустилъ дуло и выстрѣлилъ въ него; пуля раздробила ему часть щеки и нижнюю челюсть; онъ упалъ. Вечеромъ часть арестантовъ повели въ форты, въ томъ числѣ подняли раненаго Пардигона, связали ему руки и повели. Тутъ извѣстная тревога на Карусельской площади, въ которой національная гвардія со страха стрѣляла другъ въ друга; раненый Пардигонъ выбился изъ силъ и упалъ; его бросили на полъ въ полицейскую кордегардію, и онъ остался со связанными руками, лежа на спинѣ и *захлебываясь* своею кровью изъ раны. Такъ его засталъ какой-то политехникъ, разругавшій этихъ каннибаловъ и заставившій ихъ снести больного въ больницу. Помнится, я этотъ случай рассказалъ въ «Письмахъ изъ Италіи и Франціи»... но это не мѣшаетъ протѣрживать, чтобы не забывать, что такое образованная парижская буржуазія. А. И. Г.

¹⁾ Со стороны защиты.

²⁾ Coreligionnaire — единовѣрецъ.

³⁾ Отдушины.

Друзья Курнэ и прежде того, при слѣдствіи, умѣли красно-рѣчиво молчать.

Одного изъ арестованныхъ свидѣтелей, Баронэ, слѣдопроизводитель спросилъ, знаетъ ли онъ, кто убилъ Курнэ, или кого онъ подозрѣваетъ. Баронэ отвѣчалъ, что никакія угрозы, никакія наказанія не заставятъ его назвать человѣка, лишившаго жизни Курнэ, несмотря на то, что покойникъ былъ лучшей другъ его. «Если бы я долженъ былъ десятокъ лѣтъ влачить цѣпи въ душной тюрьмѣ, то я и тогда не сказалъ бы».

Солиситоръ перебилъ его хладнокровнымъ замѣчаніемъ: «Да, это ваше право; впрочемъ, вы вашими словами показываете, что вы виновника знаете».

И послѣ всего этого они хотѣли перехитрить — кого же? — *лорда Кемпбеля*? Я желалъ бы приложить его портретъ для того, чтобы показать всю мѣру нелѣпости этой попытки. Старика лорда Кемпбеля, посѣдѣвшаго и сморщившагося на своемъ судейскомъ креслѣ, читая равнодушнымъ голосомъ, съ шотландскимъ акцентомъ, страшнѣйшія *évidences*¹⁾ и распутывая самая сложныя дѣла съ осязательной ясностью, — его хотѣла перехитрить кучка парижскихъ клубистовъ... Лорда Кемпбеля, который никогда не поднимаетъ голоса, никогда не сердится, никогда не улыбается и только позволяетъ себѣ въ самыхъ смѣшныхъ или сильныхъ минутахъ высморкаться... Лорда Кемпбеля, съ лицомъ ворчуньи-старухи, въ которомъ, вглядываясь, вы ясно видите извѣстную метаморфозу, такъ неприятно удивившую дѣвочку-красную шапочку: что это во-все не бабушка, а волкъ, въ парикѣ, женскомъ робронѣ и кацавейкѣ, обшитой мѣхомъ.

Зато его лордшипство не осталось въ долгу.

Послѣ долгихъ дискуссій о тряпочкѣ и послѣ показаній Пардигона, защитники Баронэ начали вызывать свидѣтелей.

Во-первыхъ, явился старикъ рефюжье, товарищъ Барбеса и Бланки. Онъ сначала съ нѣкоторымъ отвращеніемъ принялъ библію, потомъ сдѣлалъ движеніе рукой «была, молъ, — не была», присягнулъ и вытянулъ шею.

— Давно ли вы, — спросилъ одинъ изъ атторнеевъ, — знакомы съ Курнэ?

— Граждане, — сказалъ рефюжье по-французски, — съ молодыхъ лѣтъ моихъ преданный одному дѣлу, я посвятилъ жизнь свою священному дѣлу свободы и равенства... — и пошелъ, было, въ этомъ родѣ.

¹⁾ Очевидности.

Но атторней остановилъ его и, обращаясь къ переводчику, замѣтилъ: свидѣтель, кажется, не понялъ вопроса, переведите его на французскій.

За нимъ слѣдовалъ другой. Пять-шесть французовъ, съ бородами, идущими въ рюмочку, и плѣшивыхъ, съ огромными усами и волосами, выстриженными по-николаевски, наконецъ, съ волосами, падающими на плечи, и въ красныхъ шейныхъ платкахъ, являлись одинъ за другимъ, чтобъ сказать варіаціи на слѣдующую тему: «Курнэ былъ человѣкъ, котораго достоинства превышали добродѣтели, а добродѣтели равнялись достоинствамъ; онъ былъ украшеніе эмиграціи, честь партіи, жена его неутѣшна, а друзья утѣшаются только тѣмъ, что остались въ живыхъ такіе люди, какъ Баронэ и его товарищи».

— А знаете ли вы Бартелеми?

— Да, онъ французскій рефюжье.. Видалъ, но не знаю ничего о немъ;—при этомъ свидѣтель чмокалъ по-французски ртомъ.

— Свидѣтеля такого-то...—сказалъ атторней.

— Позвольте,—замѣтила бабушка-Кемпбель голосомъ мягкаго участія,—не безпокойте ихъ больше; это множество свидѣтелей *св лолъау* покойнаго Курнэ и подсудимаго Баронэ намъ кажется излишнимъ и вреднымъ; мы не считаемъ ни того, ни другого такими дурными людьми, чтобы ихъ честность и порядочное поведеніе слѣдовало доказывать съ такимъ упорствомъ. Сверхъ того, Курнэ умеръ; и намъ вовсе ненужно ничего знать о немъ; мы призваны судить одно дѣло о его убіеніи; все, идущее къ этому преступленію, для насъ важно, а событія прошлой жизни подсудимыхъ, которыхъ мы равно считаемъ весьма порядочными джентльменами, намъ не нужно знать. Я, съ своей стороны, не имѣю никакихъ подозрѣній насчетъ г. Баронэ.

...«А на что у тебя, бабушка, такіе хитрые да смѣющіеся глаза?»

«На то, что ртомъ я, по моему сану, не могу смѣяться надъ вами, милые внучата, а потому посмѣюсь глазами».

Разумѣется, что послѣ этого свидѣтелей съ прической внизу и съ прической наверху, съ военнымъ видомъ и съ кашнэ всѣхъ семи цвѣтовъ призмы, отпустили, не слушавши.

Затѣмъ дѣло пошло быстро.

Одинъ изъ защитниковъ, представляя присяжнымъ, что подсудимые иностранцы, совершенно не знающіе англійскихъ законовъ, заслуживаютъ всякаго снисхожденія, прибавилъ: «Представьте себѣ, гг. присяжные, г. Баронэ такъ мало зналъ Англію, что на вопросъ: «знаете ли вы, кто убилъ Курнэ?» отвѣчалъ, что, если-бъ его въ цѣпяхъ посадили лѣтъ на десять въ тюремныесклепы, то онъ и тогда бы не сказалъ имени. Вы видите, что г. Баронэ еще имѣлъ объ Англіи

какія-то средневѣковыя понятія: онъ мѳгъ думать, что за его умалчиваніе его можно ковать въ цѣпи, бросить на десять лѣтъ въ тюрьму. Надѣюсь,—сказаль онъ, не удерживая смѣха,—что несчастное событіе, по которому г. Баронэ былъ нѣсколько мѣсяцевъ лишень свободы, убѣдило его, что тюрьмы въ Англіи нѣсколько улучшились съ среднихъ вѣковъ и врядъ ли хуже тюремъ въ нѣкоторыхъ другихъ странахъ. Докажемте же подсудимымъ, что и судъ нашъ также человѣчественъ и справедливъ», и пр.

Присяжные, составленные наполовину изъ иностранцевъ, нашли подсудимыхъ «виновными».

Тогда Кемпбель обратился къ подсудимымъ, напомнилъ имъ строгость англійскихъ законовъ, напомнилъ, что иностранецъ, ступая на англійскую землю, пользуется всѣми правами англичанина и за это долженъ нести и равную отвѣтственность передъ закономъ; потомъ перешель къ разницѣ нравовъ и сказаль, наконецъ, что онъ не считаль бы справедливымъ наказать ихъ по всей строгости законовъ, а потому приговариваетъ ихъ къ *двухтысячному тюремному заключенію*.

Публика, народъ, адвокаты и мы всѣ были довольны: ждали рѣзкаго наказанія, но не смѣли думать о меньшемъ *minimum*ѣ, какъ три-четыре года.

Кто же остались недовольны?

Подсудимые.

Я подошелъ къ Бартелеми; онъ мрачно сжалъ мнѣ руку и сказаль:

— Пардигонъ-то остался чистъ, Баронэ...—и онъ пожалъ плечами.

Когда я выходилъ изъ залы, я встрѣтилъ моего знакомаго, lawyer'a; онъ стояль съ Баронэ.

— Лучше бы меня,—говорилъ послѣдній,—на годъ посадили, чѣмъ смѣшать съ этимъ злодѣемъ Бартелеми.

Судъ кончился часовъ около десяти вечеромъ. Когда мы пришли на желѣзную дорогу, мы застали въ амбаркадерѣ толпы французовъ и англичанъ, громко и шумно разсуждавшихъ о дѣлѣ. Большинство французовъ было довольно приговоромъ, хотя и чувствовало, что побѣда не по ту сторону Ламанша. Въ вагонахъ французы затанули марсельезу.

— Господа,—сказаль я,—справедливость прежде всего; на этотъ разъ споемте-ка «Rule Britannial».

И «Rule Britannia» запѣли! ¹⁾

¹⁾ См. стр. 197—198 т. VII.

II.

«NOT GUILTY» ¹⁾).

«Вчера арестовали на собственной квартирѣ доктора Симона Бернара ²⁾ по дѣлу Орсини...»

Надобно нѣсколько лѣтъ прожить въ Англіи, чтобъ понять, какъ подобная новость удивляетъ... какъ ей не сразу вѣришь... какъ *континентально* становится на душѣ!..

На Англію находятъ, и довольно часто, періодическіе страхи, и въ это время оторопѣлости не попадайся ей ничего на дорогѣ. Страхъ, вообще, безжалостенъ, беспощаденъ, но имѣетъ ту выгоду за собой, что онъ скоро проходитъ. Страхъ не злопамятенъ, онъ старается, чтобъ его поскорѣ забыли.

Не надобно думать, чтобъ трусливое чувство осторожности и тревожнаго самохраненія лежало въ самомъ англійскомъ характерѣ. Это—слѣдствіе отученія отъ богатства и воспитанія всѣхъ помысловъ и страстей на стяжаніе. Робость въ англійской крови внесена капиталистами и мѣщанствомъ; они передаютъ болѣзненную тревожность свою официальному міру, который въ представительной странѣ постоянно поддѣлывается подъ нравы, голосъ и деньги имущихъ. Составляя господствующую среду, они при всякой неожиданной случайности теряютъ голову и, не имѣя нужды стѣсняться, являются во всей безпомощной, неуклюжей трусости своей, прикрытой пестрымъ и линялымъ фуляромъ французской риторики.

Надобно умѣть переждать; какъ только капиталъ придетъ въ

¹⁾ Не виновенъ.

²⁾ Симонъ-Франсуа, франц. политическій дѣятель, эмигрировалъ въ Англію въ 1851 г.

себя, успокоится за проценты, все опять пойдет своимъ чередомъ.

Взятіемъ Бернара думали отдѣлаться отъ гнѣва кесарева за то, что Орсини на англійской почвѣ обдумывалъ свои гранаты. Слабодушныя уступки обыкновенно раздражаютъ,—и, вмѣсто «спасибо», грозныя ноты сдѣлались еще грознѣе, военныя статьи во французскихъ газетахъ запахли еще сильнѣе порохомъ. Капиталь поблѣднѣль, въ глазахъ его помутилось, онъ ужъ видѣлъ, чуюя винтовые пароходы, красныя штаны, красныя ядра, красное зарево, банкъ, превращенный въ Мабиль, съ исторической надписью: «*ici l'on danse!*» ¹⁾). Что же дѣлать? Не только выдать и уничтожить доктора Симона Бернара, но, пожалуй, скрыть гору Сень-Бернаръ и ее уничтожить, лишь бы проклятый призракъ красныхъ штановъ и черныхъ бородокъ исчезъ, лишь бы смѣнить гнѣвъ союзника на милость.

Лучшій метеорологическій снарядъ въ Англии, Пальмерстонъ, показывающій очень вѣрно состояніе температуры среднихъ слоевъ, перевелъ «очень страшно» на *conspiracy bill* ²⁾). По этому закону, если бы онъ прошелъ, съ нѣкоторой старательностью и усердіемъ къ службѣ, каждое посольство могло бы усадить въ тюрьму, а въ иныхъ случаяхъ и на корабль, любого изъ враговъ своихъ правительствъ.

Но, по счастью, температура острова не во всѣхъ слояхъ одинакая, и мы сейчасъ увидимъ премудрость англійскаго распредѣленія богатствъ, освобождающую значительную часть англичанъ отъ заботы о капиталѣ. Будь въ Англии всѣ до единого капиталисты, *conspiracy bill* былъ бы принятъ, а Симонъ Бернаръ былъ бы повѣшенъ... или отправленъ въ Кайенну.

При слухѣ о *conspiracy bill* и о почти несомнѣнной возможности, что онъ пройдетъ, старое англо-саксонское чувство независимости востепенулось; ему стало жаль своего древняго *права убѣжища*, которымъ кто и кто не пользовался, отъ гугенотовъ до католиковъ въ 1793, отъ Вольтера и Паоли до Карла X и Людовика-Филиппа. Англичанинъ не имѣетъ особой любви къ иностранцамъ, еще меньше—къ изгнанникамъ, которыхъ считаетъ бѣдняками,—а этого порока онъ не прощаетъ,—но за *право убѣжища* онъ держится; безнаказанно касаться его онъ не позволяетъ, такъ точно, какъ касаться до права митинговъ, до свободы книгопечатанія.

¹⁾ Здѣсь танцуютъ.

²⁾ Билья о заговорахъ.

Предлагая conspiracy bill, Пальмерстонъ считалъ, и очень вѣрно, на упадокъ британскаго духа; онъ думалъ объ одной средѣ, очень мощной, но забылъ о другой, очень многочисленной.

За нѣсколько дней до вотированія билля Лондонъ покрылся афишами: комитетъ, составившійся для противодѣйствія новому закону, приглашалъ на митингъ въ слѣдующее воскресенье въ Hyde park; тамъ комитетъ хотѣлъ предложить адресъ королевѣ. Въ этомъ адресѣ требовалось объявленіе Пальмерстона и его товарищей измѣнниками отечества, ихъ подсудимость и просьба въ томъ случаѣ, если законъ пройдетъ, чтобъ королева, въ силу ей предоставленнаго права, отвергла его. Количество народа, которое ожидали въ паркѣ, было такъ велико, что комитетъ объявилъ о невозможности говорить рѣчи; параграфы адреса комитетъ распорядился предлагать на сужденіе телеграфическими знаками.

Разнесся слухъ, что къ субботѣ собираются работники, молодые люди ¹⁾; со всѣхъ концовъ Англии, что желѣзныя дороги привезутъ десятки тысячъ людей, сильно раздраженныхъ. Можно было надѣяться на митингъ въ двѣсти тысячъ человекъ. Что могла сдѣлать полиція съ ними? Употребить войско противъ митинга законнаго и безоружнаго, собирающагося для адреса королевѣ, было невозможно, да и на это необходимъ былъ mutiny bill; слѣдовало предупредить митингъ. И вотъ въ пятницу Мильнеръ-Гибсонъ явился съ своею рѣчью противъ Пальмерстонова закона. Пальмерстонъ былъ до того увѣренъ въ своемъ торжествѣ, что, улыбаясь, ждалъ счета голосовъ. Подъ влияніемъ будущаго митинга, часть Пальмерстоновыхъ кліентовъ вотировала противъ него, и когда большинство, больше 30 голосовъ, было со стороны Мильнера-Гибсона, онъ думалъ, что считавшій обмолвился, переспросилъ, потребовалъ рѣчи, ничего не сказавъ, а растерянный произнесъ нѣсколько безсвязныхъ словъ, сопровождая ихъ натянутой улыбкой, и потомъ опустился на стулъ, оглушаемый враждебнымъ рукоплесканіемъ.

Митингъ сдѣлался невозможенъ; не было больше причины ѣхать изъ Манчестера, Бристоля, Ньюкэстля-на-Тайнѣ... Conspiracy bill палъ, и съ нимъ — Пальмерстонъ съ своими товарищами.

Классически-велерѣчивое и чопорно-консервативное министерство Дерби, съ своими еврейскими мелодіями д'Израэли и дипломатическими тонкостями временъ Кастаньери, смѣнило ихъ.

Въ воскресенье, часу въ третьемъ, я пошелъ съ визитомъ и именно къ г-жѣ Мильнеръ-Гибсонъ; мнѣ хотѣлось ее поздравить; она жила возлѣ Гайдъ-парка. Афиши были сняты, и носильщики

¹⁾ Билль о митингахъ.

ходили съ печатными объявленіями на груди и спинѣ, что, по случаю паденія закона и министровъ, митинга не будетъ. Тѣмъ не меньше, пригласивши тысячь двѣсти гостей, нельзя было ожидать, чтобы паркъ остался пустъ. Вездѣ стояли густыя группы народа; ораторы, взгромоздившись на стулья, на столы, говорили рѣчи, и толпы были возбуждены больше обыкновеннаго. Нѣскольکو полицейскихъ ходили съ дѣвичьей скромностью; вагаи мальчишекъ распѣвали во все горло: «Pop, goes the weasel!» ¹⁾ Вдругъ кто-то, указывая на поджарую фигуру франца за съусиками, въ потертой шляпѣ, закричалъ: «A french spy!...» ²⁾. Въ ту же минуту мальчишки бросились за нимъ. Перепуганный шпионъ хотѣлъ дать стрелка, но, брошенный на землю, онъ уже пошелъ не пѣшкомъ: его потащили волокомъ съ торжествомъ и крикомъ «french spy, въ Серпентину» ³⁾ его!, привели къ берегу, помокнули его (это было въ февралѣ), вынули и положили на берегъ, съ хохотомъ и свистомъ. Мокрый, дрожащій французъ барахтался на пескѣ, выкликая *ав паркѣ*: «кабманъ!» кабманъ!».

Вотъ какъ повторилось черезъ пятьдесятъ лѣтъ въ Гайдъ-паркѣ знаменитое тургеневское «французя топимъ».

Этотъ прблогъ à la riessnitz ⁴⁾ къ бернардовскому процессу показалъ, какъ далеко распространилось негодование. Народъ англійскій былъ, дѣйствительно, разсерженъ и спасъ свою родину отъ пятна, которымъ conglomerated mediocrity ⁵⁾ С. Милля непремѣнно опозорило бы ее.

Англія велика и сносна *только* при полнѣйшемъ сохраненіи своихъ правъ и свободъ, неспѣтыхъ въ одно, одѣтыхъ въ средне-вѣковыя платья и пуританскіе кафтаны, но допустившихъ жизнь до гордой самобытности и незыблемой юридической увѣренности въ законной почвѣ.

То, что понималъ инстинктомъ народъ англійскій, Дерби такъ же мало оцѣнилъ, какъ и Пальмерстонъ. Забота Дерби состояла въ томъ, чгобъ успокоить капиталъ и сдѣлать всевозможныя уступки для разсерженнаго союзника; ему онъ хотѣлъ доказать, что и безъ conspiracy bill онъ надѣлаетъ чудеса. Въ излишнемъ рвеніи онъ сдѣлалъ двѣ ошибки.

Министерство Пальмерстона требовало подсудимости Бернара, обвиняя его въ misdemeanour, т.-е. въ дурномъ поведеніи, въ без-

¹⁾ Щелкъ! Вотъ идетъ лиска!

²⁾ Французскій шпионъ.

³⁾ Рѣчка въ Гайдъ-паркѣ.

⁴⁾ Винцентъ, основатель современнаго водолѣченія.

⁵⁾ Собраніе посредственностей.

дѣльничествѣ, словомъ, въ преступленіи, которое не влекло за собою *большаю* наказанія, какъ трехлѣтнее тюремное заключеніе. А потому ни присяжные, ни адвокаты, ни публика не приняли бы особеннаго участія въ дѣлѣ, и оно, вѣроятно, кончилось бы противъ Бернара. Дерби потребовалъ судить Бернара за felony, за уголовное преступленіе, дающее судѣ право, въ случаѣ обвинительнаго вердикта, приговорить его къ висѣлицѣ. Это нельзя было такъ пропустить; сверхъ того, увеличивать виновность, пока виноватый подѣ судомъ, совершенно противно юридическому смыслу англичанъ.

Пальмерстонъ въ самыхъ острыхъ припадкахъ страха, послѣ attentata Орсини, поймалъ безвреднѣйшую книжонку какого-то Адамса, разсуждавшаго о томъ, когда tyannicide ¹⁾ позволено и когда нѣтъ, и отдалъ подѣ судѣ ея издателя Трулова.

Вся независимая пресса съ негодованіемъ взглянула на эту континентальную замашку. Преслѣдованіе брошюры было совершенно бессмысленно: въ Англіи тирановъ нѣтъ, во Франціи никто не узналъ бы объ брошюрѣ, писанной на англійскомъ языкѣ, да и такія ли вещи печатаются въ Англіи ежедневно.

Дерби съ своими привычками торфа и скачекъ захотѣлъ нагнать, а если можно, обскакать Пальмерстона. Феликсъ Піа написалъ отъ имени революціонной коммуны какой-то манифестъ, оправдывавшій Орсини; никто не хотѣлъ издавать его; польскій изгнанникъ Тхоржевскій поставилъ имя своей книжной лавки на посланіи Піа. Дерби вѣлѣлъ схватить экземпляръ и отдать подѣ судѣ Тхоржевскаго. ⁴⁾

Вся англо-саксонская кровь, въ которой желѣзо не было замѣнено золотомъ, отъ этого новаго оскорбленія бросилась въ голову, всѣ органы Шотландіи, Ирландіи и, разумѣется, Англіи (кромѣ двухъ-трехъ журналовъ *на содѣржаніи*) приняли за преступное посягательство на свободу книгопечатанія эти опыты урѣзыванія словъ и спрашивали, съ полною ли разсудкѣ поступаетъ такъ правительство или оно сошло съ ума?

При этомъ благопріятномъ настроеніи въ пользу правительственныхъ преслѣдованій, начался въ Old Bailey ²⁾ процессъ Бернара, это «юридическое Ватерлоо» Англіи, какъ мы сказали тогда въ «Колоколѣ».

Процессъ Бернара я прослѣдилъ отъ доски до доски, я былъ

¹⁾ Тираноубійство.

²⁾ Улица Лондона, гдѣ находился центральный уголовный судъ, а также названіе послѣдняго.

всѣ засѣданія въ Old Bailey (разъ только часа два опоздалъ) и не раскаиваюсь въ этомъ. Первый процессъ Бартелеми и процессъ Бернара доказали мнѣ очевидно, насколько Англія совершеннолѣтнѣ Франціи въ юридическомъ отношеніи.

Чтобъ обвинить Бернара, французское правительство и англійское министерство взяло колоссальныя мѣры: процессъ этотъ стоилъ обрѣмъ правительствамъ до 30,000 ф. стер., т.-е. до 750,000 фр. Ватага французскихъ агентовъ жила въ Лондонѣ, ѣздила въ Парижъ и возвращалась для того, чтобъ сказать одно слово, для того, чтобъ быть въ готовности *на случай* надобности; семьи были выписаны, доктора медицины, жокеи, начальники тюремъ, женщины, дѣти... и все это жило въ дорогихъ гостиницахъ, получая фунтъ (25 фр.) въ день на содержаніе. Цезарь былъ испуганъ. Карагены были испуганы! И все-то это понялъ насупившись неповоротливый англичанинъ и въ продолженіе слѣдствія преслѣдовалъ мальчиками, свистомъ и грязью на Геймаркетъ и Ковентри французскихъ шпионовъ; англійская полиція должна была не разъ ихъ спасать.

На этой ненависти къ политическимъ шпионамъ и къ безремонному вторженію ихъ въ Лондонъ основалъ Эдвинъ Джемсъ свою защиту. Что онъ дѣлалъ съ англійскими агентами, трудно себѣ вообразить. Я не знаю, какія средства нашелъ Scotland Yard или французское правительство, чтобъ вознаградить за пытку, которую заставлялъ ихъ выносить Э. Джемсъ.

Нѣкто Роджерсъ свидѣтельствуетъ, что Бернаръ въ клубѣ на Лестеръ-скверѣ говорилъ то-то и то-то о предстоящей гибели Наполеона.

— Вы были тамъ?—спрашиваетъ Э. Джемсъ.

— Былъ.

— Вы, стало, занимаетесь политикой?

— Нѣтъ.

— Зачѣмъ же вы ходите по политическимъ клубамъ?

— *По обязанности. по службы.*

— Не понимаю, какая же это служба?

— Я служу у сэра Ричарда Мена.

— А... Что же, вамъ дается инструкція?

— Да.

— Какая?

— Велѣно слушать, что говорится, и сообщать объ этомъ по начальству.

— И вы получаете за это жалованье?

— Получаю.

— Въ такомъ случаѣ *вы—шпіонъ*, а spy? Вы давно бы сказали.

Королевскій атторней Фицрой Келли ¹⁾ встаетъ и, обращаясь къ лорду Кемпбелю, одному изъ четырехъ судей, призванныхъ судить Бернара, проситъ его защитить *свидѣтеля* отъ дерзкихъ наименованій адвоката. Кемпбель, со всегдашнимъ безстрастіемъ своимъ, совѣтуетъ Э. Джемсу не обижать свидѣтеля. Джемсъ протестуетъ: онъ и намѣренія не имѣлъ его обижать; слово «spy», говоритъ онъ,—plain english word ²⁾ и есть названіе его должности; Кемпбель увѣряетъ, что лучше называть *иначе*; адвокатъ отыскиваетъ какой-то фоліантъ и читаетъ опредѣленіе слова «шпіонъ». «Шпіонъ—лицо, употребляемое за плату полиціей для подслушанія и пр.», а Роджерсъ,—прибавляетъ онъ,—сейчасъ сказалъ, что онъ за деньги, получаемыя отъ сэра Ричарда Мена (при чемъ онъ указываетъ на самого Ричарда Мена головой), ходитъ слушать въ клубы и доносить, что тамъ дѣлается. А потому онъ проситъ у лорда извиненія, но иначе не можетъ его называть,—и потомъ, обращаясь къ негодяю, на котораго обращены всѣ глаза, и который второй разъ обтираетъ потъ, выступившій на лицѣ, спрашиваетъ: «Шпіонъ Роджерсъ, вы, можетъ, тоже и отъ французскаго правительства получали жалованье?».

Пытаемый Роджерсъ бѣсится и отвѣчаетъ, что онъ никогда не служилъ никакому деспотизму.

Эдвинъ Джемсъ обращается къ публикѣ и середь гомерическаго смѣха говоритъ: «нашъ spy Rodgers за представительное правительство».

Допрашивая агента, взявшаго бумаги Бернара, онъ спросилъ его: съ кѣмъ онъ приходилъ? (горничная показала, что онъ былъ не одинъ).

— Съ моимъ дядей.

— А чѣмъ вашъ дядюшка занимается?

— Онъ кондукторомъ омнибуса.

— Зачѣмъ же онъ приходилъ съ вами?

— Онъ меня просилъ взять его съ собой, такъ какъ онъ никогда не видалъ, какъ арестуютъ или забираютъ бумаги.

— Экой любопытный у васъ дядюшка. Да, кстати, вы у доктора Бернара нашли письмо отъ Орсини; письмо это было на итальянскомъ языкѣ, а доставили вы его въ переводѣ; не дядюшка ли вашъ переводилъ?

— Нѣтъ, письмо это переводилъ Убичини ³⁾.

¹⁾ Начальникъ Metropolitan Police. А. И. Г.

²⁾ Простое англійское слово.

³⁾ Кажется, такъ. А. И. Г.

— Англичанинъ?

— Англичанинъ.

— Никогда не случилось мнѣ слышать такой английской фамилии. Что же, г. Убичини занимается литературой?

— Онъ переводитъ по обязанности.

— Такъ вашъ пріятель, можетъ, какъ шпіонъ Роджерсъ, служить у сэра Ричарда Мена (снова кивая на сэра Ричарда головой)?

— Точно! такъ.

— Давно-бъ вы сказали.

Съ французскими шпіонами онъ до этой степени не доходилъ, хотя доставалось и имъ.

Всего больше мнѣ понравилось то, что, вызвавъ на эстраду свидѣтеля, какого-то содержателя трактира, француза или бельга, за весьма неважнымъ вопросомъ, онъ вдругъ остановился и, обращаясь къ лорду Кемпбелю, сказалъ: «вопросъ, который я хочу предложить свидѣтелю, такого рода, что онъ можетъ его затруднить въ присутствіи французскихъ агентовъ. Я прошу васъ ихъ на время выслать».

— Huissier ¹⁾, выведите французскихъ агентовъ, — сказалъ Кемпбель.

И huissier, въ шелковой мантильѣ, съ палочкой въ рукахъ, повелъ дюжину шпіоновъ съ бородками и удивительными усами, съ золотыми цѣпочками, перстнями, черезъ залу, набитую биткомъ. Чего стоило одно такое путешествіе, сопровождаемое едва сдержимымъ хохотомъ?!

Процессъ извѣстенъ. Я не буду его рассказывать.

Когда свидѣтелей переспросили, обвинитель и защитникъ произнесли свои рѣчи; Кемпбель холодно сублимировалъ, прочитавъ всю evidence ²⁾.

Кемпбель читалъ часа два. «Какъ это у него достаетъ груди и легкихъ?...» — сказалъ я полицейскому. Полицейскій посмотрѣлъ на меня съ чувствомъ гордости и, поднося мнѣ табакерку, замѣтилъ: «Что это для него! Когда Пальмера судили, онъ *шесть съ половиной* часовъ читалъ, и то ничего,—вотъ онъ какой!».

Страшно сильные организмы у англичанъ. Какъ они пріобрѣтаютъ такой запасъ силъ и на такой длинный срокъ, это—задача. У насъ понятія не имѣютъ о такой дѣятельности и о такой работѣ, особенно въ *первыхъ трехъ* классахъ. Кемпбель, напр., пріѣзжалъ

¹⁾ Судебный приставъ.

²⁾ Показанія свидѣтелей.

въ Old Bailey ровно въ 10 часовъ; до 2 онъ безостановочно велъ процессъ. Въ 2 судьи выходили на четверть часа или минутъ на двадцать, и потомъ снова оставались до 5 и 5½. Кемпбелъ писалъ всю evidence своей рукой. Вечеромъ того же дня онъ являлся въ палату лордовъ и приносилъ длинныя рѣчи, какъ слѣдуетъ, съ ненужными латинскими цитатами, произнесенными такъ, что самъ Гораций не понялъ бы своего стиха.

Гладстонъ между двумя управленіями финансовъ, имѣя полтора года времени, написалъ комментарий къ Гомеру.

А *вѣчно юный* Пальмерстонъ, скачущій верхомъ, являющійся на вечерахъ и обѣдахъ, вездѣ любезный, вездѣ болтливый и неистощимый, бросающій ученую пыль въ глаза на экзаменахъ и раздачахъ премій—и пыль либерализма, національной гордости и благородныхъ симпатій въ застольныхъ рѣчахъ,—Пальмерстонъ, завѣдующій своимъ министерствомъ и отчасти всѣми другими, исправляющій парламентъ!

Эта прочность силъ и страстная привычка работы—тайна англійскаго организма, воспитанія, климата. Англичанинъ учится медленно, мало и поздно, съ раннихъ лѣтъ пьетъ портъ и шери, обѣдается и пріобрѣтаетъ каменное здоровье; не дѣлая школьной гимнастики, нѣмецкихъ Turneg-Uebungen ¹⁾, онъ скачетъ верхомъ черезъ плетни и загородки, правитъ всякой лошады, гребетъ во всякой лодкѣ и умѣетъ въ кулачномъ бою поставить самый разноцвѣтный фонарь. При этомъ жизнь введена въ наѣзженную колею и правильно идетъ отъ *извѣстнаго* рожденія *извѣстными* аллеями къ *извѣстнымъ* похронамъ; страсти слабо ее волнуютъ. Англичанинъ теряетъ свое состояніе съ меньшимъ шумомъ, чѣмъ французъ пріобрѣтаетъ свое; онъ проще застрѣливается, чѣмъ французъ переѣзжаетъ въ Женеву или Брюссель.

Vous voyez, vous mangez votre veau froid chaudement ²⁾,—говорилъ одинъ старый англичанинъ, желавшій объяснить французу разницу англійскаго характера отъ французскаго,—«et nous mangeons notre beef chaud froidement ³⁾. Оттого-то ихъ и становится лѣтъ на восемьдесятъ...

... Прежде, чѣмъ я возвращусь къ процессу, мнѣ остается объяснить, почему полицейскій потчевалъ меня табакомъ. Въ первый день суда я сидѣлъ на лавочкахъ стенографовъ; когда ввели Бернара на помость подсудимыхъ, онъ провелъ взглядомъ по залѣ,

¹⁾ Гимнастическихъ упражненій.

²⁾ Смотрите, вы съ жаромъ ѣдите вашу холодную телятину.

³⁾ Мы же хладнокровно съѣдаемъ нашъ горячій бифштексъ.

донельзя набитой народомъ, — ни одного знакомаго лица; онъ опустилъ глаза, взглянулъ около и, встрѣтивъ мой взглядъ, слегка кивнулъ мнѣ головой, какъ бы спрашивая, желаю ли я признаться въ знакомствѣ или нѣтъ; я всталъ и дружески поклонился ему. Это было въ самомъ началѣ, т.-е. въ одну изъ тѣхъ минутъ безусловной тишины, въ которыя каждый шорохъ слышенъ, каждое движеніе замѣчено. Сондерсъ, одинъ изъ начальниковъ *detective police*, пошептался съ кѣмъ-то изъ своихъ и велѣлъ наблюдать за мной, т.-е. онъ очень просто указалъ на меня пальцемъ какому-то детективу, и съ той минуты онъ постоянно былъ вблизи. Я не могу выразить моей благодарности за это начальническое распоряженіе. Уходилъ ли я на четверть часа, во время отдыха судей, въ таверну выпить стаканъ элю и приходя не находилъ мѣста, полицейскій кивалъ мнѣ головой и указывалъ, гдѣ сѣсть. Останавливалъ ли меня въ дверяхъ другой полицейскій, тотъ давалъ ему знакъ—и полицейскій пропускалъ. Наконецъ, я разъ поставилъ шляпу на окно, забылъ объ ней и напоромъ массы былъ совершенно оттертъ отъ него. Когда я хватился, не было никакой возможности пройти; я приподнялся, чтобы взглянуть, нѣтъ ли какой щели, но полицейскій меня успокоилъ: «Вы, вѣрно, шляпу ищите? я ее прибралъ».

Послѣ этого нетрудно понять, почему его товарищъ потчевалъ меня шотландскимъ рыженькимъ кавендишемъ.

Пріятное знакомство съ детективомъ послужило мнѣ на пользу даже впоследствии. Разъ, взявши какихъ-то книгъ у Трюбнера, я сѣлъ въ омнибусъ и забылъ ихъ тамъ; на дорогѣ хватился,—омнибусъ уѣхалъ. Отправился я въ Сити на станцію омнибусовъ; идетъ мой детективъ; поклонился мнѣ.

— Очень радъ; вотъ научите-ка, какъ скорѣе достать книги.

— А какъ называется омнибусъ?

— Такъ-то.

— Въ которомъ часу?

— Сейчасъ.

— Это пустяки, пойдете,—и черезъ четверть часа книги были у меня.

Фигурой Келли прочелъ свой обвинительный актъ съ примѣсью желчи, сухой, *cassant* ¹⁾; Кемпбель прочелъ *evidence* и присяжныхъ увели.

Я подошелъ къ лавкѣ адвокатовъ и спросилъ знакомаго *solicitor*^a, какъ онъ думаетъ?

¹⁾ Рѣзкой.

— Плохо,—сказаль онъ; я почти увѣренъ, что приговоръ присяжныхъ будетъ противъ него.

— Скверно. И неужели его...?

— Нѣтъ, не думаю,—перебилъ солиситоръ,—ну, а въ депортацію попадетъ; все будетъ зависѣть отъ судьей.

Въ залѣ былъ страшный шумъ, хохотъ, разговоръ, кашлянье. Какой-то альдерманъ снялъ съ себя свою золотую цѣпь и показываль ее дамамъ; толстая цѣпь ходила изъ рукъ въ руки; неужели ее никто не украдетъ? думаль я. Часа черезъ два раздался колокольчикъ; взошелъ снова Кемпбель, взошелъ Поллокъ ¹⁾, дряхлый, худой старикъ, нѣкогда адвокатъ королевы Шарлотты, и два другіе собрата-судьи. Huissier возвѣстилъ имъ, что присяжные согласны.

«Введите присяжныхъ!» — сказаль Кемпбель. Водворилась мертвая тишина; я смотрѣлъ кругомъ: лица измѣнились, стали блѣднѣе, серьезнѣе; глаза зажглись; дамы дрожали. Въ этой тишинѣ, при этой толпѣ, обычный ритуальъ вопросовъ, присяги былъ необыкновенно торжествененъ. Скрестивъ руки на груди, спокойно стоялъ Бернаръ, нѣсколько блѣднѣе обыкновеннаго (во весь процессъ онъ держаль себя превосходно).

Тихимъ, но внятнымъ голосомъ спросилъ Кемпбель: «Согласны ли присяжные, избрали ли они изъ среды своей старшаго и кто онъ?»

Они избрали какого-то небогатаго портного изъ Сити.

Когда онъ присягнулъ, и Кемпбель, вставши, сказаль ему, что судъ ждетъ рѣшенія присяжныхъ, сердце замерло, дыханіе сверлось.

«... Передъ богомъ и подсудимымъ на помостѣ... объявляемъ мы, что докторъ Симонъ Бернаръ, обвиняемый въ участіи аттентата 12 января, сдѣланнаго противъ Наполеона, и въ убійствѣ,—онъ усилилъ голосъ и громко прибавилъ,—not guilty!»

Нѣсколько секундъ молчанія, потомъ пробѣжалъ какой-то нестройный вздохъ, и вслѣдъ затѣмъ безумный крикъ, трескъ рукоплесканій, громъ радости..... Дамы махали платками, адвокаты вскочили на свои лавки, мужчины съ раскраснѣвшимъ лицомъ, со слезами, струившимися на щекахъ, судорожно кричали—«ure! ure!». Прошли минуты двѣ; судьи, недовольные неуваженіемъ, велѣли huissiers возстановить тишину; двѣ-три жалкія фигуры съ палками махали, шевелили губами, шумъ не переставаль и не дѣлался слабѣе. Кемпбель вышелъ, и товарищи его вышли. Никто

¹⁾ Фредерикъ, первый лордъ казначейства.

не, обращалъ на это вниманія; шумъ и крикъ продолжались. Присяжные торжествовали.

Я подошелъ къ эстрадѣ, поздравилъ Бернара и хотѣлъ пожать ему руку, но, какъ онъ ни наклонялся, и я ни вытягивался, руки его я не досталъ. Вдругъ два адвоката, незнакомые, въ мантияхъ и парикахъ, говорятъ мнѣ: «постойте, погодите» и, не ожидая отвѣта, схватываютъ меня и подсаживаютъ, чтобъ я могъ достать его руку.

Только-что крикъ сталъ утихать, и вдругъ какое-то море ударилось въ стѣны и ворвалось съ глухимъ плескомъ во всѣ окна и двери зданія; это былъ крикъ на лѣстницѣ, въ сѣняхъ; онъ уходилъ, приближался и разливался все больше и больше и, наконецъ, слился въ общій гулъ: это былъ голосъ народа.

Кемпбель взошелъ и объявилъ, что Бернаръ по этому дѣлу отъ суда освобожденъ, и вышелъ съ своими «братьями-судьями». Вышелъ и я. Это была одна изъ тѣхъ рѣдкихъ минутъ, когда человѣкъ смотритъ на толпу съ любовью, когда ему легко съ людьми... Много грѣховъ Англіи будетъ отпущено ей и за этотъ вердиктъ и за эту радость!

Я вышелъ вонъ; улица была запружена народомъ.

Изъ бокового переулка выѣхалъ угольщикъ, посмотрѣлъ на толпу народа и спросилъ: «Кончилось?» — «Да». — «Чѣмъ?» — «Not guilty». Угольщикъ положилъ вожжи, снялъ свою кожаную шапку съ огромнымъ козырькомъ сзади, бросилъ ее вверхъ и неистовымъ голосомъ принялся кричать: «Ure! Ure!», и толпа опять принялась кричать «Ure!».

Въ это время изъ дверей Old Bailey вышли подъ прикрытіемъ полиціи присяжные. Народъ ихъ встрѣтилъ съ *непокрытой головой* и съ безконечными криками одобренія. Дороги имъ не приходилось расчищать полицейскимъ: толпа сама разступилась; присяжные пошли въ таверну на Флитъ-стритъ; народъ пошелъ ихъ провожать; новыя толпы по мѣрѣ того, какъ они проходили, кричали имъ «уре» и бросали шляпы вверхъ.

Это было часу въ шестомъ; въ семь часовъ въ Манчестерѣ, Ньюкэстлѣ, Ливерпулѣ и пр. работники бѣгали по улицамъ съ факелами, возвѣщая жителямъ освобожденіе Бернара. Вѣсть эту сообщили по телеграфу ихъ знакомые; съ четырехъ часовъ толпы стояли у телеграфическихъ конторъ.

Вотъ какъ Англія отпраздновала новое торжество своей свободы!

Послѣ пальмерстоновскаго пораженія за conspiracy bill и неудачу дербитовъ въ дѣлѣ Бернара, процессы, затѣянные прави-

тельствомъ противъ двухъ брошюръ, становились невозможными. Если-бъ Бернаръ былъ обвиненъ, повѣшенъ или посланъ лѣтъ на двадцать въ депортацію, и общественное мнѣніе осталось бы равнодушнымъ, тогда было бы легко принести на закланіе, для полноты жертвы, двухъ-трехъ Исааковъ книгопечатанія. Французскіе агенты уже точили зубы на другія брошюры и въ томъ числѣ на «Письмо» Маццини.

Но Бернаръ былъ отъ суда освобожденъ, и это не все. Овація присяжнымъ, восторженный шумъ въ Old Bailey, радость во всей Англии не предсказывали успѣха. Дѣло брошюръ перенесли въ Queen's Bench ¹⁾.

Это былъ послѣдній опытъ обвинить подсудимыхъ. Присяжные Old Bailey назвали ненадежными, жители Сити, строго державшіеся своихъ правъ и нѣсколько оппозиціонные по традиціи, не внушали довѣрія, присяжные Queen's Bench изъ Вестъ-Энда—большей частью богатые торговцы, строго придерживающіеся религіи порядка и традиціи наживы. Но и на это jury трудно было считать послѣдикта портного.

Къ тому же вся пресса въ Лондонѣ и во всемъ королевствѣ, за исключеніемъ нѣсколькихъ завѣдомо подкупленныхъ листовъ, возстала, безъ различія партій, противъ посягательства на свободу книгопечатанія. Сбирались митинги, составлялись комитеты, дѣлались складки для уплаты штрафовъ и проторей, если бы правительству удалось осудить издателей; писались адреса и петиціи.

Дѣло становилось труднѣе и нелѣпѣе со всякимъ днемъ. Франція въ широкихъ шароварахъ, *couleur garance* ²⁾, въ кепи нѣсколько на бокъ, съ зловѣщимъ видомъ смотрѣла изъ-за Ламанша, чѣмъ кончится дѣло, предпринятое въ защиту ея господина. Освобожденіе Бернара ее глубоко обидѣло, и она вынимала изъ ноженъ свой тесакъ, ругаясь, какъ капралъ.

«Пуще сердце замираетъ,
«Тяжелѣй тоска...» ³⁾

Съ серебряной блѣдностью смотрѣлъ капиталъ на правительство; зеркальное правительство отразило его испугъ. Но до этого нѣтъ никакого дѣла Кемпбелю и судебной власти *не отъ міра сего*. Она знала одно: что процессъ противъ свободы книгопечатанія противенъ духу всей націи, и строгій приговоръ лишитъ ихъ всей

¹⁾ Или King's Bench—одинъ изъ трехъ верховныхъ судовъ, находящихся въ Вестминстерѣ.

²⁾ Мареноваго цвѣта.

³⁾ «Деревенскій сторожъ» Н. Огарева.

популярности и вызоветъ грозный протестъ. Имъ оставалось приговорить къ ничтожному наказанію, къ фардингу ¹⁾ королевѣ—къ одному дню тюрьмы... А Франція-то, съ кепи на бекрень, приняла бы такое рѣшеніе за личную обиду.

Еще хуже бы было, если-бъ присяжные оправдали Трулова и Тхоржевскаго; тогда вся вина пала бы на правительство, почему оно не велѣло лондонскому префекту или лорду-мэру назначить присяжныхъ изъ *service de sûreté* ²⁾, по крайней мѣрѣ, изъ *друзей порядка*... Ну, и вслѣдъ затѣмъ

Tambourgi! Tambourgi! they larum afar... ³⁾

Это безвыходное положеніе очень хорошо понимали министры королевы и ея атторней; можетъ быть, и они что-нибудь сдѣлали, если-бъ въ Англіи, вообще, можно было дѣлать то, что англичане называютъ *коулъ дете*, а французы—*супъ д'этат*, а примѣръ къ тому же извертливаго, двужильнаго, неуловимаго, молодого-стараго Пальмерстона былъ такъ свѣжъ...

Что за комиссія, создатель,
Быть *взрослой націи царемъ!*

Пришелъ день суда.

Наканунѣ нашъ Б. ⁴⁾ отправился въ Queen's Bench и вручилъ какому-то полицейскому 5 шилл., чтобъ онъ его завтра проведетъ. Б. смѣялся и потиралъ руки; онъ былъ увѣренъ, что мы останемся безъ мѣста или что насъ не пропустятъ въ дверяхъ. Онъ одного не взялъ въ расчетъ, что именно дверей-то въ залу Queen's Bench'a и нѣтъ, а есть большая арка. Я пришелъ за часъ до Кемпбеля; народу было немного, и я усѣлся превосходно. Смотрю, минутъ черезъ двадцать является Б., глядитъ по сторонамъ, ищетъ, успокоится.—Что тебѣ надобно?—Ищу, братецъ, моего полицейскаго.—Зачѣмъ тебѣ его?—Да онъ обѣщаль мѣсто дать.—Помилуй, тутъ сто мѣстъ къ твоимъ услугамъ.—Надулъ полицейскій,—сказаль Б., смѣясь.—Чѣмъ же онъ надулъ? вѣдь, мѣсто есть.—Полицейскій, разумѣется, не показывался.

Между Тхоржевскимъ и Труловымъ шелъ горячій разговоръ; въ немъ участвовали и ихъ солиситоры; наконецъ, Тхоржевскій обратился ко мнѣ и сказаль, подавая письмо: «какъ вы думаете

¹⁾ Farthing— $\frac{1}{4}$ пенса.

²⁾ Сыскной полиціи.

³⁾ Тамбуржи! Тамбуржи! Тревогу бьютъ они вдали.

⁴⁾ Вас. П. Боткинъ.

объ этомъ письмѣ?». Письмо было отъ Трулова къ его адвокату; онъ жаловался въ немъ на то, что его арестовали, и говорилъ, что, печатая брошюру, онъ вовсе не думалъ о Наполеонѣ, что онъ и вѣрѣе не намѣренъ издавать подобныхъ книгъ; письмо было подписано. Труловъ стоялъ возлѣ.

Совѣтовать Трулову мнѣ было нечего, я отдѣлался какой-то пустой фразой, но Тхоржевскій сказалъ мнѣ: «они хотѣтъ, чтобъ и я подписалъ такое письмо, этого не будетъ, я лучше пойду въ тюрьму, а такого письма не подпишу».

«Сайленсъ¹⁾»,—закричалъ huissier; явился лордъ Кемпбель. Когда всѣ формальности были окончены присяжные приведены къ присягѣ, Фишрой Келли всталъ и объявилъ Кемпбелю, что онъ имѣетъ сообщеніе отъ правительства. «Правительство,—сказалъ онъ,—имѣя въ виду письмо Трулова, въ которомъ онъ объясняетъ то-то и то-то, и, принявъ въ расчетъ то-то и то-то, съ своей стороны, отъ преслѣдованія *отказывается*».

Кемпбель, обратившись къ присяжнымъ, сказалъ на это, что «виновность издателя брошюры о tyranicid'ѣ несомнѣнна, что англійскій законъ, давая всевозможную свободу печати, тѣмъ не менѣе имѣетъ полныя средства наказывать вызовъ на такое ужасное преступленіе и пр. Но, такъ какъ правительство, по такимъ-то соображеніямъ, отъ преслѣдованія отказывается, то и онъ готовъ, если присяжные согласны, судъ прекратить; впрочемъ, если они этого не хотѣтъ, онъ будетъ продолжать».

Присяжные хотѣли завтракать, итти по своимъ дѣламъ и потому, не выходя вонъ, обернулись спиной и, переговоривши, отвѣчали, какъ и слѣдовало ожидать, что они тоже согласны на прекращеніе суда.

Кемпбель возвѣстилъ Трулову, что онъ отъ суда и слѣдствія свободенъ... Тутъ не было даже рукоплесканій, а только хохотъ.

Наступилъ антрактъ. Въ это время Б. вспомнилъ, что онъ еще не пилъ чаю, и пошелъ въ ближнюю таверну. Черту эту я особенно отмѣчаю, какъ совершенно русскую. Англичанинъ ѣстъ много и жирно, нѣмецъ много и скверно, французъ немного, но съ энтузіазмомъ; англичанинъ сильно пьетъ живо и все прочее, нѣмецъ пьетъ тоже живо да еще пиво за все прочее, но ни англичанинъ, ни французъ, ни нѣмецъ не находятъ въ такой полной зависимости отъ желудочныхъ привычекъ, какъ русскій. Это связываетъ ихъ по рукамъ и ногамъ. Остаться безъ обѣда... какъ можно... лучше днемъ опоздать, лучше того-то совѣтъ не видать.

¹⁾ Silence!—Молчать!

Б. заплатилъ за свой чай, сверхъ двухъ шиллинговъ, слѣдующей превосходной сценой.

Когда чередъ дошелъ до Тхоржевскаго, Фицрой Келли всталъ и снова объявилъ, что онъ имѣетъ сообщеніе отъ правительства. Я натянулъ уши. Какую же причину онъ выдумалъ?—Тхоржевскій письма не писалъ.

«Подсудимый,—началь Ф. Келли,—Stanislas Trouj..... Torj..... Tough.....» и онъ остановился, добавивъ: «that is impossible! The foreign gentleman at the bar...¹⁾», хотя и, дѣйствительно, виновать въ изданіи и продажѣ брошюры Ф. Пиа, но правительство, взявъ въ расчетъ, что онъ иностранецъ и англійскихъ законовъ по этой части не зналъ, на первый случай отказывается отъ преслѣдованія».

И та же комедія: Кемпбель спросилъ присяжныхъ; присяжные въ ту же минуту акитировали²⁾ Тхоржевскаго.

Французы и тутъ были недовольны. Имъ хотѣлось пышную mise en scène, имъ хотѣлось громить тирановъ и защитить la cause des peuples³⁾...; можетъ, по дорогѣ Трулова и Тхоржевскаго приговорили бы къ штрафу, къ тюрьмѣ, но что значить тюрьма, десять лѣтъ тюрьмы... передъ всенароднымъ повтореніемъ великихъ началъ, ставящихъ внѣ закона тирановъ и ихъ сеидовъ⁴⁾...—незыблемыхъ началъ 1789 года, на которыхъ такъ твердо стоитъ свобода Франціи... въ ссылкѣ!

Правительство, испуганное сосѣдомъ, ударилось второй разъ объ гранитный утесъ англійской свободы и смиренно отступило. Какого же больше торжества свободной печати?

¹⁾ Это невозможно! Господинъ иностранецъ въ залѣ засѣданія суда...

²⁾ Acquitter—объявить невиновнымъ.

³⁾ Дѣло народовъ.

⁴⁾ Сеидъ былъ рабъ Магомета, первый признавшій его пророкомъ. имя Сеида стало нарицательнымъ для обозначенія слѣпой преданности.

ГЛАВА V

БАРТЕЛЕМИ.

Прошло два года, Бартелеми снова стоялъ передъ лордомъ Кемпбелемъ, и на этотъ разъ угрюмый старикъ, накрывшись чернымъ клобукомъ, произнесъ надъ нимъ иной притоворъ.

Въ 1854 году Бартелеми еще больше отдалился отъ всѣхъ; вѣчно чѣмъ-то занятой, онъ мало показывался, говорилъ что-то втиши; люди, жившіе съ нимъ вмѣстѣ, знали не больше другихъ. Я его видалъ изрѣдка; онъ всегда мнѣ показывалъ большое сочувствіе и довѣріе, но ничего особеннаго не говорилъ.⁵

Вдругъ разнесся слухъ о двойномъ убійствѣ: Бартелеми убилъ какого-то мелкаго неизвѣстнаго англійскаго купца и потомъ полицейскаго агента, который хотѣлъ его арестовать. Объясненія, ключа — никакого; Бартелеми молчалъ передъ судьями, молчалъ въ Ньюгетѣ¹⁾. Онъ съ самаго начала признался въ убійствѣ полицейскаго; за это можно было приговорить къ смертной казни, а потому онъ остановился на признаніи, защищая, такъ сказать, *свое право* быть повѣшеннымъ за послѣднее преступленіе, не говоря о первомъ.

Вотъ что мы узнали мало-по-малу. Бартелеми собрался ѣхать въ Голландію. Въ дорожномъ платьѣ, съ визированнымъ пассомъ въ карманѣ, съ револьверомъ—въ другомъ, въ сопровожденіи женщины, съ которой онъ жилъ, Бартелеми отправился въ девять часовъ вечеромъ къ англичанину, фабриканту содовой воды. Когда онъ постучался, горничная отворила ему дверь; хозяинъ пригласилъ

¹⁾ Лондонская тюрьма; мѣсто временнаго заключенія подлежащихъ суду Old Bailey.

ихъ въ парлоръ и вслѣдъ затѣмъ пошелъ съ Бартелеми въ свою комнату.

Горничная слышала, какъ разговоръ становился крупнѣе, какъ онъ перешелъ въ брань; вслѣдъ затѣмъ ея господинъ отворилъ дверь и пхнулъ Бартелеми; тогда Бартелеми вынулъ изъ кармана пистолетъ и выстрѣлилъ въ него. Купецъ упалъ мертвый. Бартелеми бросился вонъ; испуганная французенка скрылась прежде него и была счастливѣе. Полицейскій агентъ, слышавшій выстрѣлъ, остановилъ Бартелеми на улицѣ; онъ грозилъ ему пистолетомъ, полицейскій не пускалъ. Бартелеми выстрѣлилъ... На этотъ разъ больше, чѣмъ вѣроятно, что онъ не хотѣлъ убить агента, а только лоstrarать его; но, вырывая руку и сжимая другой пистолетъ, въ такомъ близкомъ разстояніи, онъ его смертельно ранилъ. Бартелеми пустился бѣжать, но уже полицейскіе его замѣтили, и онъ былъ схваченъ.

Враги Бартелеми, не скрывая радости, говорили, что это былъ просто актъ разбоя, что Бартелеми хотѣлъ ограбить англичанина. Но англичанинъ вовсе не былъ богатъ. Безъ полного помѣшательства трудно предположить, чтобъ человѣкъ пошелъ на открытый разбой въ Лондонѣ, въ одномъ изъ населеннѣйшихъ кварталовъ, въ знакомый домъ, часовъ въ девять вечеромъ, съ женщиной, — и все это, чтобъ украсть какихъ-нибудь сто фунтовъ (что-то такое было найдено въ комодѣ убитаго).

Бартелеми, за нѣсколько мѣсяцевъ до этого, завелъ какую-то мастерскую крашенныхъ стеколъ съ узорами, арабесками и надписями по особому способу. Онъ на привилегію истратилъ фунтовъ до 60; фунтовъ 15 недостало, онъ попросилъ у меня займы и очень аккуратно отдалъ. Ясно, что тутъ было что-то важнѣе простого воровства. Внутренняя мысль Бартелеми, его страсть, его мономанія остались. Что онъ ѣхалъ въ Голландію только для того, чтобъ оттуда пробраться въ Парижъ,—это знали многіе.

Едва три-четыре человѣка остановились въ раздумьи передъ этимъ кровавымъ дѣломъ; остальные всѣ испугались и опрокинулись на Бартелеми. Быть повѣшеннымъ въ Англіи не респектабельно; имѣть связи съ человѣкомъ, судимымъ за убійство,—shocking¹⁾,—ближайшіе друзья его отшарахнулись.

Я тогда жилъ въ Твикнэмѣ. Прихожу разъ домой вечеромъ, меня ждуть два²⁾ рефюжъе.

— Мы къ вамъ,—говорятъ они,—пріѣхали, чтобъ васъ удостоверитъ, что мы ни малѣйшаго участія не имѣли въ страшномъ

¹⁾ Скандально.

дѣлѣ Бартелеми; у насъ была общая работа, мало ли съ кѣмъ приходится работать. Теперь скажутъ... подумаютъ...

— Да неужели вы за этимъ пріѣхали изъ Лондона въ Твик-нэмъ?—спросилъ я.

— Ваше мнѣніе намъ очень дорого.

— Помилуйте, господа; да я самъ былъ знакомъ съ Бартелеми, и хуже васъ, потому что никакой общей работы не имѣлъ, но не отрекаюсь отъ него. Я не знаю дѣла, судъ и осужденіе предоставляю лорду Кемпбелю, а самъ плачу о томъ, что такая молодая и богатая сила, такой талантъ такъ воспитался горькой борьбой и средой, въ которой жилъ, что въ пушемъ, цвѣтѣ лѣтъ его жизнь потухаетъ подъ рукою палача.

Поведеніе его въ тюрьмѣ поразило англичанъ: ровное, покойное, печальное безъ отчаянія, твердое безъ *jaillance*¹⁾. Онъ зналъ, что для него все кончено, и съ тѣмъ же непоколебимымъ спокойствіемъ выслушалъ приговоръ, съ которымъ нѣкогда стоялъ подъ градомъ пуль на баррикадѣ.

Онъ писалъ къ своему отцу и къ дѣвушкамъ, которую любилъ. Письмо къ отцу я читалъ; ни одной фразы, величайшая простота; онъ кротко утѣшаетъ старика, какъ будто, рѣчь не о немъ самомъ.

Католическій священникъ, который *ex officio* ходилъ къ нему въ тюрьму, человѣкъ умный и добрый, принялъ въ немъ большое участіе и даже просилъ Пальмерстона о перемѣнѣ наказанія, но Пальмерстонъ отказалъ. Разговоры его съ Бартелеми были тихи и исполнены гуманности съ обѣихъ сторонъ. Бартелеми писалъ ему: «Много, много благодаренъ я вамъ за ваши добрыя слова, за ваши утѣшенія. Если-бъ я могъ обратиться въ вѣрующаго, то, конечно, одни вы могли бы обратитъ меня; но что же дѣлать, — у меня нѣтъ вѣры!». Послѣ его смерти священникъ писалъ одной знакомой мнѣ дамѣ: «Какой человѣкъ былъ этотъ несчастный Бартелеми! Если-бъ онъ дольше прожилъ, можетъ, его сердце и раскрылось бы благодати. Я молюсь о его душѣ!».

Тѣмъ больше останавливаюсь я на этомъ случаѣ, что «Times» со злобой разсказалъ насмѣшку Бартелеми надъ шерифомъ.

За нѣсколько часовъ до казни, одинъ изъ шерифовъ, узнавъ, что Бартелеми отказался отъ духовной помощи, счелъ себя обязаннымъ обратитъ его на путь спасенія и началъ ему пороть ту лѣстическую дичь, которую печатаютъ въ англійскихъ грошовыхъ трактатахъ, раздаваемыхъ даромъ на перекресткахъ. Бартелеми на-

¹⁾ Самохвальства.

добло увѣщаніе шерифа. Апостоль съ золотой цѣпью замѣтилъ это и, принявъ торжественный видъ, сказалъ ему: «Подумайте, молодой человекъ, черезъ нѣсколько часовъ вы будете не мнѣ отвѣчать, а Богу». — А какъ вы думаете, — спросилъ его Бартелеми, — богъ говоритъ по-французски или нѣтъ? Иначе я ему не могу отвѣчать.

Шерифъ поблѣднѣлъ отъ негодованія, и блѣдность и негодование дошли до параднаго ложа всѣхъ шерифскихъ, мэрскихъ, альдерманскихъ вздоровъ и улыбокъ, — до огромныхъ листовъ «Таймса».

Но не одинъ апостольствующій шерифъ мѣшалъ Бартелеми умереть въ томъ серьезномъ и нервно поднятомъ состояніи, котораго онъ искалъ, которое такъ естественно искать въ послѣдніе часы жизни.

Приговоръ былъ прочтенъ. Бартелеми замѣтилъ кому-то изъ друзей, что, ужъ если нужно умереть, онъ предпочелъ бы тихо, безъ свидѣтелей потухнуть въ тюрьмѣ, чѣмъ всенародно, на площади погибнуть отъ руки палача. «Ничего нѣтъ легче: завтра, послѣзавтра я тебѣ принесу стрихнину». Мало одного, — двое взяли за дѣло. Онъ тогда уже содержался, какъ осужденный, т. е. очень строго; тѣмъ не меньше, черезъ нѣсколько дней друзья достали стрихнинъ и передали ему въ бѣльѣ. Оставалось убѣдиться, что онъ нашель. Убѣдились и въ этомъ...

Боясь отвѣтственности, одинъ изъ нихъ, на котораго могло пасть подозрѣніе, хотѣлъ на время покинуть Англію. Онъ попросилъ у меня нѣсколько фунтовъ на дорогу; я былъ согласенъ ихъ дать. Что, кажется, проще этого? Но я расскажу это ничтожное дѣло для того, чтобъ показать, какимъ образомъ всѣ тайные заговоры французовъ открываются, какимъ образомъ у нихъ во всякомъ дѣлѣ компрометирована любовью къ роскошной *mise en scène* бездна постороннихъ лицъ.

Вечеромъ въ воскресенье у меня были, по обыкновенію, нѣсколько человекъ польскихъ, итальянскихъ и другихъ рефужье. Въ этотъ день были и дамы. Мы очень поздно сѣли обѣдать, часовъ въ восемь. Часовъ въ девять взошелъ одинъ близкій знакомый. Онъ ходилъ ко мнѣ часто, и потому его появленіе не могло броситься въ глаза; но онъ такъ ясно выразилъ всѣмъ лицомъ: «Я умалчиваю!», что гости переглянулись.

— Не хотите ли чего-нибудь съѣсть или рюмку вина? — спросилъ я.

— Нѣтъ, — сказалъ, опускаясь на стулъ, сосудъ, отяжелѣвшій отъ тайны.

Послѣ обѣда онъ при всѣхъ вызвалъ меня въ другую комнату и, сказавши, что Бартеlemi досталъ ядъ (новость, которую я уже слышалъ), передалъ мнѣ просьбу о ссудѣ деньгами отъѣзжающаго.

— Съ большимъ удовольствіемъ, я сейчасъ принесу; когда вамъ ихъ надобно? теперь?—спросилъ я.

— Нѣтъ, я ночую въ Твикнэмѣ и завтра утромъ еще увижусь съ вами. Мнѣ не нужно вамъ говорить, васъ просить, чтобъ ни одинъ человѣкъ...

Я улыбнулся.

Когда я взошелъ опять въ столовую, одна молодая дѣвушка спросила меня: «Вѣрно, онъ говорилъ о Бартеlemi?»...

На другой день, часовъ въ восемь утра, взошелъ Франсуа и сказалъ, что какой-то французъ, котораго онъ прежде не видѣлъ, требуетъ непременно меня видѣть.

Это былъ тотъ самый пріятель Бартеlemi, который хотѣлъ *незамѣтно* уѣхать. Я набросилъ на себя пальто и вышелъ въ садъ, гдѣ онъ меня дожидался. Тамъ я встрѣтилъ болѣзненнаго, ужасно исхудалаго, черноволосаго француза (я послѣ узналъ, что онъ годы сидѣлъ въ Бель-Илѣ и потомъ à la lettre умиралъ съ голоду въ Лондонѣ). На немъ было потертое пальто, на которое бы никто не обратилъ вниманія, но дорожный картузъ и большой дорожный шарфъ, обмотанный кругъ шеи, новольно остановили бы на себѣ глаза въ Москвѣ, въ Парижѣ, въ Неаполѣ.

— Что случилось?

— Былъ у васъ такой-то?

— Онъ и теперь здѣсь.

— Говорилъ о деньгахъ?

— Это все кончено,—деньги готовы.

— Я, право, очень благодаренъ.

— Когда вы ѣдете?

— Сегодня или завтра.

Къ концу разговора подоспѣлъ и нашъ общій знакомый. Когда путешественникъ ушелъ:

— Скажите, пожалуйста, зачѣмъ онъ пріѣзжалъ?—спросилъ я его, оставшись съ нимъ наединѣ.

— За деньгами.

— Да, вѣдь, вы могли ему отдать.

— Это правда, но ему хотѣлось съ вами познакомиться; онъ спрашивалъ меня, пріятно ли вамъ будетъ; что же мнѣ было сказать?

— Безъ сомнѣнія, очень; только я не знаю, хорошо ли онъ выбралъ время.

— А развѣ онъ вамъ помѣшалъ?

— Нѣтъ; а какъ бы полиція ему не помѣшала выѣхать...

По счастью, этого не случилось. Въ то время, какъ онъ уѣзжалъ, его товарищъ усомнился въ ядѣ, который они доставили, подумаль-подумаль и далъ остатокъ его собакѣ. Прошелъ день, собака жива; прошелъ другой—жива. Тогда, испуганный, онъ бросился въ Ньюетъ, добился свиданія съ Бартелеми черезъ рѣшетку и, улучивъ минуту, шепнулъ ему:

— У тебя?

— Да, да!

— Вотъ видишь, у меня большое сомнѣніе. Ты лучше не принимай: я пробовалъ надѣ собакой,—никакого дѣйствія не было!

Бартелеми опустилъ голову и потомъ, поднявши ее съ глазами, полными слезъ, сказалъ:

— Что же вы это надо мной дѣлаете!

— Мы достанемъ другого.

— Не надобно, — отвѣтилъ Бартелеми, — пусть совершится судьба.

И съ той минуты сталъ готовиться къ смерти, не думаль объ ядѣ и писалъ *какой-то мемуаръ, котораго не выдали* послѣ его смерти другу, которому онъ его завѣщалъ (тому самому, который уѣзжалъ).

Девятнадцатаго января, въ субботу мы узнали о посѣщеніи священникомъ Пальмерстона и его отказѣ.

Тяжелое воскресенье слѣдовало за этимъ днемъ. Мрачно разошлась небольшая кучка гостей. Я остался одинъ, легъ спать, уснулъ и тотчасъ проснулся. Итакъ, черезъ 7—6—5 часовъ его, исполненнаго силы, молодости, страстей, совершенно здороваго, выведутъ на площадь и убьютъ, безъ жалости убьютъ, безъ удволенія и озлобленія, а еще съ какимъ-то фарисейскимъ состраданіемъ!... На церковной башнѣ начало бить семь часовъ. *Теперь* двинулось шестіе, и калькрафтъ¹⁾ налицо. Послужили ли бѣдному Бартелеми его стальные нервы? У меня стучалъ зубъ объ зубъ.

Въ 11 утра взошелъ Д.²⁾

— Конечно?—спросилъ я.

— Конечно.

— Вы были?

— Былъ.

Остальное досказалъ «Times».

¹⁾ Kahlkraft—лысая сила; здѣсь, очевидно, — тонзура католическаго священника.

²⁾ Дюманже.

Противъ статьи «Таймса» аббатъ Roux напечаталъ «The murderer Barthélemy» ¹⁾:

A monsieur le rédacteur du «Times».

Monsieur le Rédacteur,—je viens de lire dans votre estimable feuille de ce jour, sur les derniers moments du malheureux Barthélemy, un récit, auquel je pourrais beaucoup ajouter, tout en y relevant un grand nombre de singulières inexactitudes. Mais, vous comprenez, Monsieur, tout ce que m'impose de réserve ma position de prêtre catholique et de confident du prisonnier.

J'étais, donc, résolu de demeurer étranger à tout ce qui serait publié sur les derniers moments de cet infortuné (et c'est ainsi que j'avais refusé de répondre à toutes les demandes qui m'avaient été adressées par des journaux de toutes les opinions); mais je ne puis laisser passer sous silence l'imputation, flétrissante pour mon caractère, qu'on met adroitement dans la bouche du malheureux prisonnier, quand on lui fait dire «que j'avais trop bon goût pour le troubler au sujet de la religion».

J'ignore si Barthélemy a réellement tenu un pareil langage, et à quelle époque il l'a tenu. S'il s'agit de mes trois premières visites, il disait vrai. Je connaissais trop bien cet homme pour essayer de lui parler de la religion avant d'avoir gagné sa confiance; il me serait arrivé ce qui était arrivé à d'autres prêtres catholiques qui l'on visité avant moi. Il aurait refusé de me voir plus longtemps; mais dès ma quatrième visite la religion a été le sujet de nos continuel entretiens. Je n'en voudrais pour preuve que cette conversation, si animée, qui a eu lieu entre nous, dans la soirée de dimanche sur l'éternité des peines, l'article de notre, ou plutôt de sa religion, qui lui faisait le plus de peine. Il refusait, avec Voltaire, de croire que—

«Ce Dieu qui sur *nos* jours versa tant de bienfaits,

«Quand ces jours sont finis, *nous* tourmente à jamais».

Je pourrais citer encore les paroles qu'il m'adressait un quart d'heure avant de monter à l'échafaud; mais, comme ces paroles n'auraient d'autre garantie que mon propre témoignage, j'aime mieux citer la lettre suivante, écrite par lui le jour même de l'exécution, à six heures du matin, au moment où, selon le récit de votre correspondant, il dormait d'un profond sommeil:—

«Cher Monsieur l'Abbé,—avant de cesser de battre, mon cœur éprouve le besoin de vous témoigner toute sa gratitude pour les soins affectueux que vous m'avez si évangéliquement prodigués pendant mes derniers jours. Si ma conversion avait été possible, elle aurait été faite par vous; je vous l'ai dit: je ne crois à rien! Croyez bien que:

¹⁾ «Убийца Бартелеми».

mon incrédulité n'est point le résultat d'une résistance orgueilleuse; j'ai sincèrement fait mon possible, aidé de vos bons conseils; malheureusement, la foi ne m'est pas venue, et le moment est proche... Dans deux heures je connaîtrai le secret de la mort. Si je me suis trompé, et si l'avenir qui m'attend vous donne raison, malgré ce jugement des hommes, je ne redoute pas de paraître devant notre Dieu, qui, dans sa miséricorde infinie, voudra bien me pardonner mes péchés en ce monde.

«Oui, je voudrais pouvoir partager vos croyances, car je comprends que ceux qui se réfugient dans la foi religieuse trouvent, au moment de mourir, des forces dans l'espérance d'une autre vie, tandis que moi, qui ne crois qu'à l'anéantissement éternel,—je suis obligé de puiser à ce moment suprême mes forces dans les raisonnements, peut-être faux, de la philosophie et dans le courage humain.

«Encore une fois merci et adieu!

E. Barthélemy.

«Newgate, 22 Janvier, 1855, 6 h. du matin.

«P. S. Je vous prie d'être auprès de M. Clifford l'interprète de ma gratitude».

J'ajouterai à cette lettre que le pauvre Barthélemy se trompait lui-même, ou plutôt cherchait à me tromper par quelques phrases, dernières concessions faites à l'orgueil humain. Ces phrases auraient disparu, je n'en doute pas, si la lettre eut été écrite une heure plus tard. Non, Barthélemy n'est pas mort incrédule; il m'a chargé, au moment de mourir, de déclarer qu'il pardonnait à tous ses ennemis, et m'a prié de me tenir auprès de lui jusqu'au moment où il aurait cessé de vivre. Si je me suis tenu à une certaine distance,—si je me suis arrêté sur la dernière marche de l'échafaud, l'autorité en connaît la cause. Du reste, j'ai rempli religieusement les dernières volontés de mon malheureux compatriote. Il m'a dit en me quittant, avec un accent que je n'oublierai de ma vie—«Priez, priez, priez!» J'ai prié avec effusion de coeur, et j'espère que celui qui a déclaré qu'il était né catholique, et qu'il voulait être catholique, aura eu à son moment suprême un de ces repenties ineffables qui purifient une âme, et lui ouvrent les portes de l'éternelle vie.

Agréez, Monsieur le Rédacteur, l'expression de mes sentiments les plus distingués,

L'abbé Roux.

Chapel-house, Cadogan-terrace, Jan. 24 ¹⁾.

¹⁾ ГОСПОДИНУ РЕДАКТОРУ «ТАЙМСА».

Г. Редакторъ, я только-что прочиталъ въ сегодняшнемъ номерѣ вашей уважаемой газеты рассказъ о послѣднихъ минутахъ несчастнаго Бартемеи, къ которому я могъ бы многое прибавить, исправляя въ немъ боль-

Когда все было готово, рассказываетъ «Times», онъ попросилъ письмо той дѣвушки, къ которой писалъ, и, помнится, локонъ ея волосъ или какой-то сувениръ; онъ сжалъ ихъ въ рукѣ, когда палачъ подошелъ къ нему... Ихъ, сжатыми въ его окоченѣлыхъ пальцахъ, нашли помощники палача, пришедшіе снять его тѣло съ висѣлицы. «Человѣческая справедливость, какъ говоритъ «Таймсъ», была

шое количество странныхъ неточностей. Но вы, г. Редакторъ, понимаете, что мое положеніе католическаго священника и духовника заключеннаго налагаетъ на меня обязанность быть сдержаннымъ.

Поэтому я рѣшилъ не обращать вниманія на все, что будетъ напечатано о послѣднихъ минутахъ этого несчастнаго (и я, дѣйствительно, отказывался отвѣчать на всѣ вопросы, которые мнѣ предлагались газетами различныхъ направлений); но я не могу оставить безъ отвѣта позорящее меня обвиненіе, вкладываемое прямо въ уста бѣднаго узника, будто, «у меня было слишкомъ много такта, чтобы смутить его въ вопросѣ о религіи».

Не знаю, говорилъ ли, дѣйствительно, Бартеlemi что-нибудь подобное и когда говорилъ. Если дѣло идетъ о первыхъ трехъ моихъ посѣщеніяхъ, то онъ говорилъ правду. Я слишкомъ хорошо понималъ этого человѣка, чтобы заговорить съ нимъ о религіи прежде, чѣмъ заручусь его довѣріемъ; со мной случилось бы то же самое, что было съ другими католическими священниками, посѣщавшими его до меня: онъ не захотѣлъ бы больше меня видѣть. Но, начиная съ моего четвертаго посѣщенія, религія была предметомъ нашихъ постоянныхъ разговоровъ. Я могъ бы указать на нашу столь оживленную бесѣду въ воскресенье вечеромъ о вѣчности наказаній — догматѣ нашей или, вѣрнѣе, его религіи, который больше всего угнеталъ его. Вмѣстѣ съ Вольтеромъ онъ не хотѣлъ вѣрить, чтобы «тотъ Богъ, который сдѣлалъ *намъ* въ жизни столько добра, предавалъ бы *насъ* вѣчнымъ мукамъ по окончаніи этой жизни».

Я могъ бы процитировать еще слова, которыя онъ сказалъ мнѣ за четверть часа до восхожденія на эшафотъ, но, такъ какъ они не имѣли бы другого подтвержденія, кромѣ моего собственнаго свидѣтельства, то я предпочитаю привести слѣдующее письмо, написанное имъ въ самый день казни, въ 6 час. утра, въ тотъ моментъ, когда, по словамъ вашего корреспондента, онъ спалъ глубокимъ сномъ:

«Дорогой аббатъ. Сердце мое, передъ тѣмъ, какъ перестать биться, чувствуетъ потребность засвидѣтельствовать вамъ свою глубокую благодарность за нѣжную заботливость, которую вы такъ евангельски проявили ко мнѣ въ теченіе моихъ послѣднихъ дней. Если бы обращеніе мое было возможно, оно было бы сдѣлано вами; я сказалъ вамъ, что ни во что не вѣрю! Повѣрьте, что невѣріе мое не есть слѣдствие горделиваго сопротивленія; я искренно дѣлалъ все, что могъ, пользуясь вашими добрыми совѣтами; къ несчастію, вѣра не пришла ко мнѣ, а минута близка... Черезъ два часа я узнаю тайну смерти. Если я ошиблся, и если ожидающее меня будущее докажетъ вашу правоту, то, несмотря на этотъ людской судъ, я не боюсь предстать передъ Богомъ, который въ своемъ безконечномъ милосердіи проститъ мнѣ, конечно, грѣхи, содѣянные мною въ этой жизни.

«Да, хотѣлъ бы я раздѣлять ваши вѣрованія, ибо понимаю, что люди, ищущіе убъжища въ религиозной вѣрѣ, черпаютъ въ минуту смерти силы въ надеждѣ на другую жизнь, тогда какъ мнѣ, вѣрящему только въ вѣч-

удовлетворена!» Я думаю, да это и дьявольской не показалось бы мало!

Тут бы и остановиться. Но пусть же въ моемъ разсказѣ, какъ было въ самой жизни, равно останутся слѣды богатырской поступи возлѣ ступней ослиныхъ и свиныхъ копытъ.

Когда Бартелеми былъ схваченъ, у него не было достаточно денегъ, чтобъ платить солиситору; да ему и не хотѣлось нанимать его. Явился какой-то неизвѣстный адвокатъ Герингъ, предложившій ему защищать его, явнымъ образомъ, чтобъ сдѣлать себя извѣстнымъ. Защищалъ онъ слабо, но и ненадобно забывать, задача была необыкновенно трудна: Бартелеми молчалъ и не хотѣлъ, чтобъ Герингъ говорилъ о главномъ дѣлѣ. Какъ бы то ни было, Герингъ возился, терялъ время, хлопоталъ. Когда казнь была назначена, Герингъ пришелъ въ тюрьму проститься; Бартелеми былъ тронуть, благодарилъ его и, между прочимъ, сказалъ ему:

— У меня ничего нѣтъ, я не могу вознаградить вашъ трудъ ничѣмъ, кромѣ моей благодарности. Хотѣлъ бы я вамъ, по крайней мѣрѣ, оставить что-нибудь на память, да ничего у меня нѣтъ, чтобъ я могъ вамъ предложить. Развѣ, мое пальто?

ное уничтоженіе, въ эту послѣднюю минуту остается черпать силы въ построенияхъ философіи (можетъ быть, ложныхъ) и въ человѣческой храбрости.

«Еще разъ спасибо и прощайте!

Э. Бартелеми.

Ньюгетъ, 22 янв. 1855, 6 ч. утра.

«Р. S. Прошу васъ засвидѣтельствовать мою благодарность г. Клиффоръ».

Я прибавлю къ этому письму, что бѣдный Бартелеми самъ ошибался или, вѣрнѣе, старался обмануть меня нѣсколькими фразами, послѣдними уступками человѣческой гордыни. Эти фразы, несомнѣнно, исчезли бы, если бы письмо было написано часомъ позже. Нѣтъ, Бартелеми не умеръ невѣрующимъ: онъ поручилъ мнѣ объявить въ минуту смерти, что онъ прощаетъ всемъ своимъ врагамъ, и просилъ меня быть около него до той минуты, когда онъ перестанетъ жить. Если я держался на нѣкоторомъ разстояніи, если я остановился на послѣдней ступенькѣ эшафота, то причину этого знаютъ власти. Въ концѣ концовъ, я выполнялъ, согласно религіи, послѣднюю волю моего несчастнаго соотечественника. Покидая меня, онъ сказалъ мнѣ съ выраженіемъ, которого я никогда не забуду: «Молитесь, молитесь, молитесь!». Я молился, изливая сердце, и надѣюсь, что тотъ, кто объявилъ, что родился католикомъ и хотѣлъ имъ быть, почувствовалъ въ послѣднюю свою минуту одно изъ тѣхъ невыразимыхъ покаяній, которыя очищаютъ душу и отверзаютъ ей врата вѣчной жизни.

Примите, г. Редакторъ, выраженіе моего глубокаго уваженія.

Аббатъ Ру.

— Я вамъ буду очень, очень благодаренъ, я хотѣлъ его у васъ просить.

— Съ величайшимъ удовольствіемъ,—сказалъ Бартеlemi,—но оно плохо...

— О, я его не буду носить; признаюсь вамъ откровенно, я ужъ запродаю его, и очень хорошо.

— Какъ запродали?—спросилъ удивленный Бартеlemi.

— Да, madame Тюссо, для ея... особой галереи ¹⁾.

Бартеlemi содрогнулся.

Когда его вели на казнь, онъ вдругъ вспомнилъ и сказалъ шерифу:

— Ахъ, я совѣмъ, было, забылъ попросить, чтобъ мое пальто никакъ не отдавали Герингу! ⁶

¹⁾ Въ музей Мари Тюссо была «комната ужасовъ», въ которой находились портреты преступниковъ, ихъ вещи, вещественныя доказательства и пр.

ГЛАВА VI.

ПОЛЬСКІЕ ВЫХОДЦЫ.

Алоязій Бернацкій. — Станиславъ Ворцель. — Ащтація 1854—56 гг. —
Смерть Ворцеля.

Nuovi tormenti e nuovi tormentati!
«Interno»¹⁾.

Въ началѣ будущаго года думаемъ мы издать IV и V тома «Былого и думъ». Найдутъ ли они тотъ пріемъ, полный сочувствія, какъ отрывки изъ нихъ, напечатанные въ «Полярной Звѣздѣ», и три первыя части²⁾? Пока мѣсть мы рѣшились, когда есть мѣсто, помѣщать въ «Колоколѣ» отрывки изъ ненапечатанныхъ главъ и на первый случай беремъ рассказъ *о польскихъ выходцахъ въ Лондонѣ*.

Глава эта (IV въ V томѣ³⁾) начата въ 1857 году и, помнится, дописана въ 1858. Она бѣдна и недостаточна. Я сдѣлалъ, перечитывая ее, нѣсколько внѣшнихъ поправокъ; передѣлывать существенное въ «Запискахъ» не идетъ: помѣченныя воспоминанія такъ же принадлежатъ былому, какъ и событія. Между ею и настоящимъ прошли 63 й и 64-й годы, совершились страшныя несчастія, раскрылись страшныя правды.

Не дружескій букетъ на гробъ добраго старика въ Парижѣ, не плачь на Гайгетской могилѣ нужны теперь; не человекъ хоро-

¹⁾ Новые мученія и новые мученики! «Адъ» Данте.

²⁾ Тома, въ которыхъ были помѣщены четыре части и статьи.

³⁾ VI части.

нится, а цѣлый народъ толкають въ могилу. Его судьбѣ прилична одна горестъ—горестъ пониманія и, можетъ, съ нашей стороны одинъ даръ—даръ молчанія. Послѣднія событія въ Польшѣ вдохновлять еще не одного поэта, не одного художника, они долго будутъ, какъ тѣнь Гамлетова отца, звать на мечь, не щадя самого Гамлета... Мы еще слишкомъ близки къ событіямъ. Рукамъ, по которымъ текла кровь раненыхъ, не идетъ ни кисть, ни рѣзецъ: онѣ еще слишкомъ дрожатъ.

Я назвалъ тогда главу эту «Польскіе выходцы»; справедливѣе было бы назвать ее «Легендой о Ворцелѣ», но, съ другой стороны, въ его чертахъ, въ его житіи такъ поэгично воплощается польскій эмигрантъ, что его можно принять за высшій типъ. Это была натура цѣльная, чистая, фанатическая, святая, полная той *полной* преданности, той несокрушимой страсти, той великой мономани, для которой нѣтъ больше жертвъ, счета службы, жизни внѣ своего дѣла. Ворцель принадлежалъ къ великой семьѣ мучениковъ и апостоловъ, пропагандистовъ и поборниковъ своего дѣла, всегда являвшихся около всякаго креста, около всякаго освобожденія...

Мнѣ пришлось совершенно случайно перечитать мой рассказъ о Ворцелѣ въ Лугано. Тамъ живетъ одинъ изъ крѣпкихъ старцевъ той удивительной семьи, о которой идетъ рѣчь ¹⁾, и мы съ нимъ вспомнили покойнаго Ворцеля. Ему за семьдесятъ, онъ сильно состарился съ тѣхъ поръ, какъ я его не видалъ, но это—тотъ же неутомимый работникъ итальянскаго дѣла, тотъ же фанатическій другъ Маццини, котораго я зналъ десять лѣтъ тому назадъ. Ведетта за альпійскими скалами, самъ—посѣдѣвшая скала итальянскаго освобожденія, онъ дожилъ въ борьбѣ не только до исполненія половины своихъ надеждъ, но и до новыхъ черныхъ дней, готовый опять, какъ прежде, на бой, на гибель и не уступившій никогда никому ни въ чемъ ни одной юты своего credo. Какъ Ворцель, онъ бѣденъ, и какъ Ворцель, не думаетъ объ этомъ. Большинство этихъ людей гибнетъ на полдорогѣ насильственной или своей смертью, но все, что дѣлается, дѣлается *ими*. Мы расчищаемъ дорогу, мы ставимъ вопросы, мы подпиливаемъ старые столбы, мы бросаемъ дрощжи въ душу; они ведутъ массы на приступъ, они падаютъ или побѣждаютъ... Таковъ на первомъ планѣ Гарибальди: и не мыслитель и не политикъ, а любовь, вѣра и надежда.

Судьба Ворцеля самая трагическая изъ всѣхъ. Ея пятое дѣйствіе продолжалось и заключилось послѣ его смерти; объ немъ нельзя сказать того, что говорится о большей части падшихъ на

¹⁾ Квадрио.

дорогѣ къ обѣтованной землѣ: «Зачѣмъ онъ не дожиль!». Смерть его скосила во-время. Кто было бы съ нимъ, если бы онъ дожиль до 1865 года?

Я радъ, что память о Ворцелѣ такъ ярко воскресла въ Лугано: мнѣ дорогъ этотъ уголь съ своимъ теплымъ озеромъ, обнесеннымъ горами, съ своимъ вѣчно электрическимъ воздухомъ... Тамъ я жилъ послѣ страшныхъ ударовъ 1852 года... Тамъ есть каменная женщина, о ершаяся на обѣ руки, въ безвыходномъ горѣ глядящая передъ собой и вѣчно плачущая... Это была *Италія*, когда рѣзецъ Велы¹⁾ создалъ ее; не Польша ли она теперь?

Тунъ, 17 августа 1 65.

Другія несчастія, другіе страдальцы ждутъ насъ. Мы живемъ на полѣ вчерашней битвы: кругомъ лазареты, раненые, плѣнные, умирающіе. Польская эмиграція, старшая вѣтъ, истощилась больше другихъ, но была упорно жива. Перейдя границу, подяки, вопреки Дан ону, взяли съ собой свою родину и, не склоняя головы, гордо и угрюмо пронесли ее по свѣту. Европа разступилась съ уваженіемъ передъ торжественнымъ шествіемъ отважныхъ бойцовъ. Народы выходили къ нимъ на поклонъ; цари сторонились и отворачивались, чтобы дать имъ пройти, не замѣчая ихъ. Европа проснулась на минуту отъ ихъ шаговъ, нашла слезы и участіе, нашла деньги и силу ихъ дать²⁾

1) Превосходная статуя Велы въ саду Чіани. Пусть русскіе, особенно женщины, сходятъ взглянуть на нее. *А. И. Г.*

2) Д-ръ П. Дарашъ³⁾ разсказывалъ мнѣ случай, бывший съ нимъ самимъ. Онъ студентомъ медицины участвовалъ въ возстаніи 1831. Послѣ взятія Варшавы отрядъ, въ которомъ онъ былъ, перешелъ границу и небольшими кучками сталъ пробираться во Францію. Вездѣ по городамъ и деревнямъ мужчины и женщины выходили на дорогу звать изгнанниковъ къ себѣ, предлагая свои комнаты, часто—свои кровати. Въ одномъ небольшомъ городкѣ хозяйка замѣтила, что у него изорванъ, помнитса, кисетъ, и взяла его починить. На другой день на пути Дарашъ, оцупавъ въ кисетѣ что-то постороннее, нашель въ немъ тщательно зашитыми два золотыхъ Дарашъ, у котораго не было ни гроша, бросилса назадъ, чтобы отдать деньги. Хозяйка сначала отказывалась, говорила, что она ничего не знаетъ, потомъ принялась плакать и умолять Дараша деньги взять. Тутъ надобно вспомнить, что въ маленькомъ нѣмецкомъ городкѣ для небогатой женщины значать *два золотыхъ*; они составляли, вѣроятно, плодъ откладыванія въ Sparbüchse⁴⁾ разноразныхъ крейцеровъ, пфенниговъ, *хорошихъ и дурныхъ* грошей въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ.. Прощай всѣ мечты объ шелковомъ платьѣ, о цвѣтной мантильи, о яркой шали. Передъ такими подвигами я на колѣняхъ!

А. И. Г.

³⁾ Павелъ, старшій.

⁴⁾ Копилка.

Печальный образъ польскаго выходца, этого рыцаря народной независимости, остался въ памяти народной. Въ двадцать лѣтъ на чужбинѣ вѣра его не ослабла и на всякой роковой перекличкѣ въ дни опасности и борьбы за волю поляки первые отвѣчали «здесь!» — какъ сказала Ворцель или старшій Дарашъ временному правительству въ 1848 году.

Но правительство, въ которомъ сидѣлъ Ламартинъ, въ нихъ не нуждалось и вовсе объ нихъ не думало. Самые истые республиканцы вспомнили Поньшу для того, чтобы ее употребить не откровеннымъ крикомъ возстанія и войны 15 мая 1848. Ложь поняли, но на Польшу французская буржуазія (у которой Польша была кнпризомъ, какъ у англійской—Италія) стала съ тѣхъ поръ дуться. Въ Парижѣ не говорили больше съ прежней риторикой о Varsovie échevelée ⁴⁾ и только въ народѣ ставалась, рядомъ со всякими бонапартовскими воспоминаніями, легенда о *Понятуски*, поддерживаемая лубочной картинкой, на которой Понятовскій тонетъ верхомъ въ своей *chapska*.

Съ 1849 начинается для польской эмиграціи самое удручительное время. Томно длится оно до Крымской войны и смерти Николая. Ни одной истинной надежды, ни одной капли живой воды. Апокалипсическое время, пророческое Красин кимъ, казалось, наступало. Отрѣзанная отъ страны, эмиграція осталась на другомъ берегу и, какъ дерево безъ новыхъ соковъ, вяла, сохла, дѣлалась чужой для родины, не переставая быть чужой для странъ, въ которыхъ жила. Онѣ до нѣкоторой степени ей сочувствовали, но ихъ несчастье продолжалось слишкомъ долго, а въ душѣ человека нѣтъ добраго чувства, которое бы не изнашивалось. Къ тому же вопросъ польскій рѣже всего былъ вопросъ національный и только формально революціонный, т. е. по отношенію къ чужеземному игу.

Эмиграція смотрѣла столько же назадъ, сколько впередъ; она стремилась возстановить, какъ будто, въ прошедшемъ что нибудь достойно возстановленія, кромѣ независимости, а одна независимость ничего не говоритъ: это—пнтіе отрицательное. Развѣ можно быть независимѣ Россіи? Въ слѣдную, туго вырабагынающуюся формулу будущаго общественаго уст. оиства Польша внесла не новую идею, а свое историческое право и свою готовность помогать другимъ въ справедливой надеждѣ на взаимность. Борьба за независимость всегда вызываетъ горячее сочувствіе, но она не можетъ стать *своимъ* дѣломъ для чужихъ. Только тѣ интересы принадлежать всѣмъ, которые по сущности своей *не національны*, какъ,

⁴⁾ Неистойой Варшавѣ.

напр., интересы католицизма и протестантизма, революции и реакции, экономизма и социализма.

... Въ 1847 году познакомился я съ польской демократической Централизацией ¹⁾. Тогда она жила въ Версалѣ и, сколько мнѣ казалось, самый дѣятельный членъ ея былъ Высоцкій. Особеннаго сближенія не могло быть. Эмигрантамъ хотѣлось слышать отъ меня подтвержденіе своимъ желаніямъ, своимъ предположеніямъ, а не то, что я зналъ. Они желали имѣть свѣдѣнія о какомъ-то заговорѣ, подкапывающемъ все государственное зданіе въ Россіи, и спрашивали, участуетъ ли въ немъ Ермоловъ ²⁾. А я имъ могъ рассказывать о радикальномъ направленіи тогдашней молодежи; о пропагандѣ Грачовскаго, объ огромномъ вліяніи Бѣлинскаго, о социальномъ оттѣнкѣ въ обѣихъ партіяхъ, бывшихъ тогда въ литературѣ и въ обществѣ, у западниковъ и славянофиловъ. Имъ казалось это не важнымъ.

У нихъ было богатое прошедшее, у насъ—большая надежда; у нихъ грудь была покрыта рубцами, у насъ только крѣпли для нихъ мышцы. Мы казались ополченцами передъ ними, ветеранами. Поляки—мистики, мы—реалисты. Ихъ влечетъ въ таинственный полусвѣтъ, въ которомъ стираются очертанія, носятся образы, въ которомъ можно предполагать страшную даль, страшную высь, потому что ничего не видать ясно. Они могутъ жить въ этомъ полуснѣ безъ анализа, безъ *холоднаго* изслѣдованія, безъ соущаго сомнѣнія. Въ глубинѣ ихъ души, какъ человѣка въ военномъ станѣ, есть чуждый намъ отблескъ среднихъ вѣковъ и распятіе, передъ которымъ въ минуты тяжести и усталости они могутъ молиться. Въ поэзіи Красинскаго «Stabat Mater» ³⁾ заглушаетъ народныя гимны и влечетъ насъ не къ торжеству жизни, а къ торжеству смерти, ко дню великаго суда... Мы или *глупѣе* вѣримъ или *умнѣе* сомнѣваемся.

Мистическое направленіе развернулось во всей силѣ послѣ наполеоновской эпохи. Мицкевичъ, Товянскій, даже математикъ Вронскій,—всѣ способствовали мессіанизму. Прежде были католики и энциклопедисты, но не было мистиковъ. Старики, получившіе образованіе еще въ XVIII вѣкѣ, были свободны отъ теософическихъ фантазій. Классическій закалъ, который давалъ людямъ ве-

¹⁾ Centralizacya стояла во главѣ Демократическаго общества (Towarzystwo demokratyczne) и была представительницей наиболѣе вліятельной польской организаціи.

²⁾ Алексѣй Петровичъ, извѣстный генераль.

³⁾ «Мать (Господа) стояла (у креста)»—католическій гимнъ XIII ст.

ликій вѣкъ, какъ дамаскъ, не стирался. Мнѣ еще удалось видѣть два-три типа старыхъ пановъ-энциклопедистовъ.

Въ Парижѣ, и притомъ въ Rue de la Chaussée d'Antin, жилъ съ 1831 года графъ Алоизій Бернацкій, нунцій польской діэты ¹⁾, министръ финансовъ во время революціи, маршалъ дворянства какой-то губерніи, представлявшій свое сословіе императору Александрѣ I, когда онъ либеральничалъ, въ 1814 г.

Совершенно разоренный конфискаціей, онъ поселился съ 1831 года въ Парижѣ, и притомъ на той маленькой квартирѣ въ Шоссе d'Antin, которую я упомянулъ; оттуда-то онъ выходилъ всякое утро въ темно-коричневомъ сюртукѣ на прогулку и чтеніе журналовъ и всякій вечеръ, — въ синемъ фракѣ съ золотыми пуговицами, къ кому-нибудь провести вечеръ; тамъ въ 1847 году я познакомился съ нимъ. Домъ состарился, хозяйка хотѣла его перестроить. Бернацкій написалъ къ ней письмо, которое до того тронуло французенку (что очень не легкая вещь, когда замѣшаны финансы), что она пустилась съ нимъ въ переговоры и просила его только на время переѣхать. Отдѣлавъ квартиру, она снова отдала ее Бернацкому за ту же цѣну. Съ горестью увидѣлъ онъ новую красивую лѣстницу, новые обои, рамы, мебель, но покорился своей судьбѣ.

Во всемъ умѣренный, безусловно чистый и благородный, старикъ былъ поклонникъ Вашингтона и пріятель О'Коннеля. Настоящій энциклопедистъ, онъ проповѣдывалъ эгоизмъ *bien entendu* ²⁾ и провелъ всю жизнь въ самоотверженіи и пожертвовалъ всѣмъ, отъ семьи и богатства до родины и общественнаго положенія, никогда не показывая особеннаго сожалѣнія и никогда не падая до ропота.

Французская полиція оставляла его въ покоѣ и даже уважала его, зная, что онъ былъ министръ и *нунцій*; префектура пресерьезно думала, что нунцій польской діэты былъ что-то въ родѣ панскаго нунція. Въ эмиграціи это знали, и потому товариши и соотечественники безпрестанно посылали его объ нихъ хлопотать. Бернацкій шелъ безпрекословно и до тѣхъ поръ говорилъ правильные комплименты и надоѣдалъ, что префектура часто дѣлала уступки, чтобы отвязаться отъ него. Послѣ совершеннаго покоренія февральской революціи тоиъ перемѣнился; ни улыбкой, ни слезой, ни комплиментами, ни сѣдой головой ничего нельзя было взять, а тутъ, какъ назло, пріѣхала въ Парижъ жена польскаго генерала, участвовавшаго въ венгерской войнѣ, въ большой крайности. Бернацкій просилъ помощи для нея у префектуры; префектура, несмотря на громкій

¹⁾ Сеймъ.

²⁾ Мудрый.

адресъ «à son excellence monsieur le Nonce»¹⁾), отказала наотрѣвъ. Старикъ отправился самъ къ Карлье; Карлье, чтобъ отвязаться отъ него и съ тѣмъ вмѣстѣ унижить, замѣтилъ ему, что пособія только даютъ выходцамъ 1831 года. «Вотъ,—прибавилъ онъ,—если вы принимаете такое участіе въ этой дамѣ, подайте просьбу, чтобъ намъ по бѣдности назначили пособіе; мы вамъ положимъ франковъ двадцать въ мѣсяць, а вы ихъ отдавайте, кому хотите».

Карлье былъ пойманъ. Бернацкій самымъ простодушнымъ образомъ принялъ предложеніе префекта и тотчасъ согласился, рассылаясь въ благодарности. Съ тѣхъ поръ всякій мѣсяць старикъ являлся въ префектуру, ждалъ въ передней часть другой, получалъ двадцать франковъ и относилъ ихъ къ вдовѣ.

Бернацкому было далеко за семьдесятъ лѣтъ, но онъ удивительно сохранился, любилъ обѣдать съ друзьями, посидѣть вечеромъ часовъ до двухъ иногда выпить бокаль другой вина. Разъ какъ-то, поздно, часа въ три, возвращались мы съ нимъ домой; дорога наша шла по улицѣ Лепелетье. Опера горѣла въ огнѣ; шерро и дебардеры, едва прикрытыя шалями, драгуны и полицейскіе тлѣлись въ сѣняхъ. Шутя и увѣренный, что онъ откажется, я сказалъ Бернацкому:

— Quelle chance²⁾, не зайти ли?

— Съ величайшимъ удовольствіемъ,—отвѣчалъ онъ;—я лѣтъ пятнадцать не видалъ маскарада.

— Бернацкій,—сказалъ я ему, шутя и входя въ сѣни,—когда же вы начнете старѣть?

— Un homme comme il faut,—отвѣчалъ онъ, смѣясь,—acquiert des années, mais ne vieillit jamais!³⁾

Онъ выдержалъ характеръ до конца и, какъ благовоспитанный человѣкъ, разстался съ жизнью тихо и въ хорошихъ отношеніяхъ: утромъ ему не дровилось, къ вечеру онъ умеръ⁴⁾.

Во время смерти Бернацкаго я былъ уже въ Лондонѣ. Тамъ вскорѣ послѣ моего пріѣзда сблизился я съ человѣкомъ, котораго память мнѣ дорога и котораго гробъ я помогъ снести на Гайгетское кладбище, я говорю о Ворцелѣ. Изъ всѣхъ поляковъ, съ которыми я сблизился тогда, онъ былъ наиболѣе симпатичный и, можетъ, наименѣе исключительный въ своей нелюбви къ намъ. Онъ не то, чтобъ любилъ русскихъ, но онъ понималъ вещи гуманно и потому далекъ былъ отъ гуловыхъ проклятій и ограниченной ненависти.

¹⁾ Его превосходительству господину нунцію.

²⁾ Какая удача.

³⁾ Благовоспитанный человѣкъ становится старше, но никогда не старѣетъ.

⁴⁾ Въ 1854 г. 7

Съ нимъ съ первымъ говорилъ я объ устройствѣ русской типографіи. «Выслушавъ меня, больной востепенулся, схватилъ бумагу и карандашъ, началъ дѣлать расчеты, вычислять, сколько нужно буквъ и пр. Онъ сдѣлалъ главные заказы, онъ познакомилъ меня съ Чернецкимъ, съ которымъ мы столько работали потомъ.⁸ — «Боже мой, Боже мой,—говорилъ онъ держа въ рукѣ первый корректурный листъ,—Вольная русская типографія въ Лондонѣ!.. Сколько дурныхъ воспоминаній стираетъ съ моей души этотъ клочокъ бумаги, замаранный голландской сажей!»¹⁾

— Намъ надобно итти вмѣстѣ, — повторялъ онъ часто потомъ,—намъ одна дорога и одно дѣло...—и онъ клалъ исхудалую руку свою на мое плечо.

На польской годовщинѣ 29 ноября 1853 года я сказалъ рѣчь въ ГанOVERь-Румѣ; Ворцель предсѣдательствовалъ. Когда я кончилъ, Ворцель, при громѣ рукоплесканій, обнялъ меня и со слезами на глазахъ поцѣловалъ. «Ворцель и вы,—замѣтилъ мнѣ, выходя, одинъ итальянецъ (графъ Нани),—вы меня поразили давеча на платформѣ; мнѣ казалось, что этотъ увядающій, благородный, покрытый сѣдинами старецъ, обнимающій вашу здоровую, плотную фигуру, представляли типически Польшу и Россію».

— Добавьте только, — прибавилъ я ему:—Ворцель, подавая мнѣ руку и заключая въ свои объятія, *именемъ Польши прощаль Россію*. Дѣйствительно, мы могли итти вмѣстѣ... Это не удалось. Ворцель былъ *не одинъ*. Но прежде объ немъ одномъ.

Когда родился Ворцель, его отецъ, одинъ изъ богатыхъ польскихъ аристократовъ въ Литвѣ, родственникъ Эстергази, Потоцкимъ и не знаю кому, выписалъ изъ пяти помѣстій старость и съ ними молодыхъ женщинъ, чтобъ они присутствовали при крещеніи графа Станислава и помнили бы до конца жизни объ панскомъ угощеніи по поводу такой радости. Это было въ 1800²⁾ году. Графъ далъ своему сыну самое блестящее, самое многостороннее воспитаніе; Ворцель былъ математикъ, лингвистъ, знакомый съ пятью-шестью литературами; съ раннихъ лѣтъ пріобрѣлъ онъ огромную эрудицію и притомъ былъ свѣтскимъ челоукомъ и принадлежалъ къ высшему польскому обществу въ одну изъ самыхъ блестящихъ эпохъ его заката, между 1815—1830 годами; Ворцель рано женился и только-что началъ «практическую» жизнь какъ вспыхнуло возстаніе 1831 года. Ворцель бросилъ все и присталъ

¹⁾ «Десятилѣтіе Вольной русской типографіи въ Лондонѣ», сборникъ Я. Чернецкаго, стр. VIII. А. И. Г.

²⁾ 26 марта 1799.

душой и тѣломъ къ движенію. Возстаніе было подавлено, Варшава взята. Графъ Станиславъ перешелъ, какъ и другіе, границу, оставляя за собой семью и состояніе.

Жена его не только не поѣхала за нимъ, но прервала съ нимъ всѣ сношенія и за то получила обратно какую-то часть имѣнія. У нихъ были двое дѣтей, сынъ и дочь; какъ она ихъ воспитала, мы увидимъ; на первый случай она ихъ выучила забыть отца.

Ворцель, между тѣмъ, пробрался черезъ Австрію въ Парижъ, и тутъ сразу очутился въ вѣчной ссылкѣ и безъ малѣйшихъ средствъ. Ни то, ни другое его нисколько не поколебало. Онъ, какъ Бернацкій, свелъ свою жизнь на какой-то монашескій постъ и ревностно началъ свое апостольство, которое прекратилось черезъ двадцать пять лѣтъ съ его послѣднимъ дыханіемъ, въ сыромъ углу нижняго этажа убогой квартиры, въ темной Huntley street ¹⁾.

Реорганизовать польскую партію движенія, усилить пропаганду, сосредоточить эмиграціонныя силы, приготовить новое возстаніе и для этого проповѣдывать съ утра до ночи, для этого жить, — такова была тема всей жизни Ворцеля, отъ которой онъ не отступалъ ни на шагъ и которой подчинилъ все. Съ этой цѣлью онъ сблизился со всѣми людьми движенія во Франціи отъ Годфруа Кавеньяка до Ледрю-Роллена; съ этѣй цѣлью былъ масономъ, былъ въ близкихъ сношеніяхъ съ сторонниками Маццини и съ самимъ Маццини впоследствии. Ворцель твердо и открыто поставилъ революціонное знамя Польши противъ партіи Чарторижскихъ. Онъ была увѣренъ, что аристократія погубила возстаніе; онъ въ старыхъ панахъ видѣлъ враговъ своему дѣлу и собиралъ новую Польшу, исто демократическую.

Ворцель былъ правъ.

Аристократическая Польша, искренно преданная своему дѣлу, шла во многомъ въ разрѣзъ съ стремленіями нашего времени; передъ ея глазами постоянно носился образъ прежней Польши, не новой, а возстановленной, ея идеалъ былъ столько же въ воспоминаніи, сколько въ упованіяхъ. Польшѣ достаточно было и одного католическаго ядра на ногахъ, чтобъ отставать, — рыцарскіе доспѣхи совсѣмъ остановили бы ее. Соединяясь съ Маццини, Ворцель хотѣлъ привѣнчать польское дѣло къ обще-европейскому, республиканскому и демократическому движенію. Ясно, что онъ долженъ былъ искать почвы въ незнатной шляхтѣ, въ городскихъ жителяхъ и въ работникахъ. Начаться возстаніе могло только въ этой средѣ.

¹⁾ Улица въ Лондонѣ.

Аристократія пристала бы къ движенію, крестьянъ можно было бы увлечь, инициативы они никогда бы сами не взяли.

Можно обвинять Ворцеля за то, что онъ вступилъ въ ту же колею, въ которой уже вязла и грузла западная революція, что онъ въ этомъ пути видѣлъ единственный путь спасенія; но, однажды принявъ его, онъ былъ послѣдователемъ.

Обстоятельства его вполне оправдали. Гдѣ же въ Польшѣ была дѣйствительно революціонная среда, какъ не въ томъ слѣдѣ, къ которому постоянно обращался Ворцель, и который сложился, выросъ и окрѣпъ между 1831 годомъ и шестидесятыми годами?

Какъ бы мы разное ни смотрѣли на революцію и ея средства, но нельзя отвергнуть, что все приобрѣтенное революціей, приобрѣтено среднимъ слоемъ общества и городскими работниками. Что сдѣлалъ бы Маццини, что Гарибальди безъ *городского* патріотизма, а, вѣдь, польскій вопросъ былъ вопросъ чисто патріотическій; у самого Ворцеля интересъ національной независимости, все же, былъ ближе къ сердцу, чѣмъ соціальныя перевороты.

Года за полтора до февральской революціи по дремавшей Европѣ пробѣжала какая то дрожь пробужденія: краковское дѣло ¹⁾, процессъ Мѣрославскаго, потомъ война зондербунда и итальянское *risorgimento*. Австрія отвѣчала возстанію имперской пугачевщиной, Николай подарилъ ей не принадлежавшій ему Краковъ, но тишина не возвратилась. Людовикъ-Филиппъ палъ въ февралѣ 1848 года, полякъ возилъ его тронъ на сожженіе. Ворцель во главѣ польской демократіи явился наомнить временному правительству о Польшѣ. Ламартинъ принялъ его холодной риторикой. Республика была больше миръ, чѣмъ имперія.

Былъ мигъ, въ который можно было надѣяться; этотъ мигъ пропустила Польша, пропустила вся западная Европа, и Паскевичъ донесъ Николаю, *что Венгрія у его ногъ*.

Съ паденіемъ Венгріи ждаль было нечего, и Ворцель, вынужденный оставить Парижъ, переселился въ Лондонъ.

Въ Лондонѣ я его засталъ въ концѣ 1852 членомъ Европейскаго комитета ²⁾. Онъ стучался во всѣ двери, писалъ письма, статьи въ журналахъ, онъ работалъ и надѣялся, убѣждалъ и просилъ, — а такъ какъ при всемъ остальномъ надо было ѣсть, то Ворцель принялся давать уроки математики, черченія и даже фран-

¹⁾ Народное возстаніе въ 1846 г., послѣ котораго Краковъ былъ присоединенъ къ Австріи.

²⁾ Маццини, Кошутъ, Ледрю-Ролленъ, Арнольдъ Руге, Братіано и Ворцель. А. И. Г.

шведскаго языка; кашляя и задыхаясь отъ астмы, ходилъ онъ, съ конца Лондона на другой, чтобъ заработать два шиллинга, много полкроны. И тутъ онъ еще долю выработаннаго отдавалъ своимъ товарищамъ.

Духъ его не унывалъ, но тѣло отстало. Лондонскій воздухъ сырой, копченый, не согрѣтый солнцемъ, былъ не по слабой груди. Ворцель таялъ, но держался. Такъ онъ дожилъ до Крымской войны; ея онъ не могъ, я готовъ сказать, не долженъ былъ пережить. «Если Польша *теперь* ничего не сдѣлаетъ, все пропало, надолго, очень надолго, если не навсегда, и мнѣ лучше закрыть глаза»,— говорилъ Ворцель мнѣ, отправляясь по Англiи съ Кошутомъ. Во всѣхъ главныхъ городахъ собирали они митинги. Кошута и Ворцеля встрѣчали громомъ рукоплесканiй, дѣлали небольшiе денежные сборы—*и только*. Парламентъ и правитель тво очень хорошо знаютъ, когда народная волна просто шумить, и когда она въ самомъ дѣлѣ напираетъ. Твердо стоявшее министерство, предложившее *conspiracy bill*, пало *въ ожиданiи* народнаго схода въ Гайдъ-паркѣ. Въ митингахъ, собираемыхъ Кошутомъ и Ворцелемъ для того, чтобъ вызвать со стороны парламента и правительства признанiе польскихъ правъ, заявленiе симпатiи къ польскому дѣлу, ничего не было опредѣленнаго, не было силы. Страшный отвѣтъ консерваторовъ былъ неотразимъ: «въ Польшѣ все покойно». Правительству приходилось не признать совершившiйся фактъ, а вызвать его, взять революционную инициативу, разбудить Польшу. Такъ далеко, въ Англiи общественное мнѣнiе не идетъ. Къ тому же *in petto* ¹⁾ всѣ желали окончанiя войны, только-что начавшейся, дорогой и, въ сущности, бесполезной.

Между большими митингами Ворцель возвращался въ Лондонъ. Онъ былъ слишкомъ уменъ, чтобъ не понять неудачу; онъ старился наглазно, былъ угрюмъ и раздражителенъ, и съ той лихорадочной дѣятельностью, съ которой умирающiе принимаютъ тревожно за всякое лѣченiе, съ злобщей боязнью въ груди и съ упорной надеждой, вѣдиль онъ опять въ Бирмингамъ или Ливерпуль съ трибуны поднимать свой плачъ о Польшѣ. Я смотрѣлъ на него съ глубокой горестью. Но какъ же онъ могъ думать, что Англiя подниметъ Польшу, что Францiя Наполеона вызоветъ революцiю? Какъ онъ могъ надѣяться на ту Европу, которая допустила Россiю въ Венгрiю, французовъ въ Римъ? Развѣ самое присутствiе Маццини и Кошута въ Лондонѣ не громко ему напоминало о ея паденiи?

¹⁾ Въ душѣ.

И около того же времени давно накипавшее неудовольствие противъ Централизаціи въ молодой части демократической эмиграціи подняло голосъ,—голосъ, обвиняющій Ворцеля. Онъ обомлѣлъ: этой раны онъ не ждалъ, а она пришла совершенно естественно. Былъ ли онъ виноватъ и насколько, мы сейчасъ увидимъ.

Небольшая кучка людей, близко окружавшихъ Ворцеля и изъ числа которыхъ были избраны почти всѣ члены Централизаціи, далеко не имѣла одного уровня съ нимъ. Ворцель понималъ это и постоянно находился подъ ихъ влияніемъ. Этому странному явленію способствовало многое: снисхожденіе чловѣка сильнаго къ слабымъ, но благонамѣреннымъ людемъ; желаніе сохранить около себя цѣлую партію цѣною, повидимому, не важныхъ уступокъ; наконецъ, физическая слабость и его астма: говорить ему было трудно поднимать голосъ онъ не могъ; а тѣ не привыкли его понижать и, въ случаѣ возраженій, такъ кричали, что Вормель отказывался отъ своего мнѣнія, чтобъ опомниться отъ крика. Привыкнувъ къ своему жиденькому хору, онъ воображалъ, что ведетъ его, въ то время, какъ хоръ, стоя сзади, направлялъ его, куда хотѣлъ. Только старикъ подымался на ту высь, въ которой ему было свободно дышать, въ которой ему было естественно,—хоръ, исполняя должность мѣщанской родни, какъ гиря, стягивалъ его въ низменную сферу эмиграционныхъ дрызгъ и мелочныхъ разсчетовъ; бѣдный Ворцель задыхался въ этой средѣ столько же отъ духовной астмы, сколько отъ физической.

Люди, окружавшіе Ворцеля, не пон ли серьезнаго смысла того союза, который я предлагалъ. Они въ немъ видѣли средство придать новый колоритъ дѣлу; вѣчная тавтологія общихъ мѣстъ, патриотическія фразы, казенныя воспоминанія—все это пріѣлось, не-скучило. Соединеніе съ русскимъ давало ночій интересъ. Къ тому же они думали поправить свои дѣла, очень разстроенныя; на счетъ русской пропаганды.

Съ самаго начала между мной и членами Централизаціи не было настоящаго пониманія. Недовѣрчивые ко всему русскому, они хотѣли, чтобъ я написалъ и напечаталъ нѣчто въ родѣ *profession de foi*. Я написалъ «Поляки прощаютъ насъ». Они просили измѣнить кой-какія выраженія. Я это сдѣлалъ, хотя далеко не былъ согласенъ съ ними. Въ отвѣтъ на мою статью Л. Зенковичъ ¹⁾ написалъ воззваніе къ русскимъ и прислалъ мнѣ его въ

¹⁾ Леонъ, польскій публицистъ, писавшій подъ псевдонимомъ «Lache x Lachów»; кончилъ варшавскій университетъ, потомъ служилъ въ польскихъ войскахъ; послѣ 1831 г. эмигрировалъ; въ 1835 г. былъ въ Краковѣ, занимаясь литературой, затѣмъ выѣхалъ въ Англію.

рукописи. Ни тѣни новой мысли; тѣ же фразы, тѣ же воспоминанія и притомъ католическія выходки. Прежде, чѣмъ перевести на русскій языкъ, я показалъ Ворцелю нелѣпости редакціи. Ворцель былъ согласенъ и пригласилъ меня вечеромъ объяснить дѣло членамъ Централизаціи.

Тутъ произошла вѣчная сцена Трисотина и Вадіуса ¹⁾: именно тѣ мѣста, на которыя я указывалъ, они-то и были *необходимы* для того, чтобъ Польша не сгинела. Насчетъ католическихъ фразъ они сказали, что, каковы бы ни были ихъ личныя вѣрованія, но что они хотятъ быть съ народомъ, а народъ горячо любитъ свою гонимую мать; латинскую церковь...

Ворцель поддерживалъ меня. Но, какъ только онъ начиналъ говорить, его товарищи принимались кричать. Ворцель кашлялъ отъ табачнаго дыма и ничего не могъ сдѣлать. Онъ обѣщаль мнѣ переговорить съ ними потомъ и настоять на главныхъ поправкахъ. Черезъ недѣлю вышелъ «Польскій Демократъ». ⁹ Въ воззваніи не было перемѣнено *ни одной іоты*; я отказался отъ перевода. Ворцель говорилъ мнѣ, что и онъ былъ удивленъ этой продѣлкой. «Этого мало, что вы удивились: зачѣмъ вы не остановили?»—замѣтилъ я ему.

Для меня было очевидно, что, рано или поздно, вопросъ станетъ для Ворцеля такъ: разорвать съ тогдашними членами Централизаціи и остаться въ близкомъ отношеніи со мной, или разорвать со мной и остаться попрежнему со своими революціонными недорослями. Ворцель выбралъ послѣднее; я былъ огорченъ этимъ, но никогда не сѣтовалъ на него и не сердился.

Здѣсь я долженъ буду взойти въ печальныя подробности. Когда я завелъ типографію, у насъ было рѣшено такъ: всѣ расходы книгопечатанія (бумага, наборъ, наемъ мѣста, работа и проч.) падали на мой счетъ. Централизація брала на свой счетъ пересылку русскихъ листовъ и брошюръ тѣми путями, которыми они пересылали польскія брошюры. Все, что они брали для пересылки, я имъ давалъ безденежно. Казалось, что моя львиная часть была хороша; но вышло, что и она была мала.

Для своихъ дѣлъ, и преимущественно для собранія денегъ, Централизація рѣшила послать въ Польшу эмиссара. Хотѣли даже, чтобъ онъ пробрался въ Кіевъ, а если можно—въ Москву, для русской пропаганды, и просили отъ меня писемъ. Я отказалъ,

¹⁾ Персонажи изъ комедіи Мольера «Ученія женщины».

боясь надѣлать бѣдъ. Дня за три до его отправленія, вечеромъ встрѣтилъ я на улицѣ Зенковича, который тотчасъ меня спросилъ:

— Вы сколько даете на посылку эмиссара, съ своей стороны?

Вопросъ показался мнѣ страннымъ; но, зная ихъ стѣсненное положеніе, я сказалъ, что, пожалуй, дамъ фунтовъ десять (250 фр.).

— Да что вы, шутите, чтоли?—спросилъ, морщась, Зенковичъ.— Ему надобно по меньшей мѣрѣ шестьдесятъ фунтовъ, а у насъ *лировъ сорокъ* недостаетъ. Этого такъ оставить нельзя, я поговорю съ нашими и приду къ вамъ.

Дѣйствительно, на другой день онъ пришелъ съ Ворцелемъ и двумя членами Централизаціи. На этотъ разъ Зенковичъ меня просто обвинилъ въ томъ, что я не хочу дать достаточно денегъ на посылку эмиссара, а согласенъ ему дать русскіе печатные листы.

— Помилуйте.—отвѣчалъ я,—вы рѣшились послать эмиссара, вы находите это необходимымъ,—трата падаетъ на васъ. Ворцель налицо, пусть онъ вамъ напомнитъ условія.

— Что тутъ толковать о *вздорѣ*! Развѣ вы не знали, что у насъ теперь гроша нѣтъ!?

Тонъ этотъ мнѣ, наконецъ, надоѣлъ.

— Вы,—сказалъ я,—кажется, не читали «Мертвыхъ душъ», а то бы я вамъ напомнилъ Ноздрева, который, показывая Чичикову границу своего имѣнія, замѣтилъ, что и съ той и съ другой стороны земля его. Это очень сбиваетъ на нашъ дѣлежъ: мы дѣлили работу нашу и тягу пополамъ на томъ условіи, чтѣбъ обѣ половины лежали на моихъ плечахъ.

Маленькій желчный литвинъ началъ выходить изъ себя, кричать о гонорѣ и заключилъ нелѣпую и невѣжливую рѣчь въ просомъ:

— Чего же вы хотите?

— Того, чтѣбъ вы меня не принимали ни за *bailleur de fonds* ¹⁾, ни за демократическаго банкира, какъ меня называлъ одинъ нѣмецъ въ своей брошюрѣ. Вы слишкомъ оцѣнили мои средства, и, кажется, слишкомъ мало меня; вы ошиблись...

— Да позвольте, позвольте...—горячился блѣдный отъ ярости литвинъ.

— Я не могу дозволить продолженіе этого разговора!—сказалъ, наконецъ, Ворцель, мрачно сѣдѣвшій въ углу и вставая,—или продолжайте его безъ меня. *Cher Herzen*, вы правы, но по-

¹⁾ Человѣкъ, у котораго можно перехватить деньги

думайте объ нашемъ положеніи: эмиссара послать необходимо, а средствъ нѣтъ.

Я остановилъ его.

— Въ такомъ случаѣ можно было меня спросить, могу ли я что-нибудь сдѣлать, но нельзя было требовать; а требовать въ этой грубой формѣ просто гадко. Деньги я дамъ; дѣлаю это единственно для васъ и, даю вамъ честное слово, господа, въ полбѣдній разъ.

Я вручилъ Ворцелю деньги, и всѣ мрачно разошлись

Какъ, вообще, дѣлались финансовыя операціи въ нашемъ мірѣ, я покажу еще въ одномъ примрѣ

Послѣ моего пріѣзда въ Лондонъ въ 1852. говоря о плохомъ состояніи итальянской кассы съ Маццини, я сообщилъ ему, что въ Генуѣ я предлагалъ его друзьямъ завести свою income tax.⁴⁾ и платить безсемеинымъ процентовъ десять, семейнымъ меньше.

— Примутъ всѣ,—замѣтилъ Маццини,—а заплатятъ весьма немногіе.

— Стыдно будетъ, заплатятъ. Я давно хотѣлъ внести свою лепту въ итальянское дѣло; мнѣ оно близко, какъ родное, я дамъ десять процентовъ съ дохода еиноновременно. Это составитъ около двухсотъ фунтовъ. Вотъ сто сорокъ фунговъ, а шестьде ятъ останутся за мной.

Въ началѣ 1853 Маццини исчезъ. Вскорѣ послѣ его отъѣзда явились ко мнѣ два породистыхъ рефюжье; одинъ въ шинели съ мѣховымъ воротникомъ, потому что онъ десять лѣтъ тому назадъ былъ въ Петербургѣ, другой безъ воротника, но съ сѣдыми усами и военной бородкой. Они пришли съ порученіемъ отъ Ледрю-Роллена: онъ хотѣлъ знать, не намѣренъ ли я прислать какую нибудь сумму денегъ въ Европейскій комитетъ. Я призналъ, что *не думаю*.

Нѣсколько дней спустя тотъ же вопросъ былъ мнѣ сдѣланъ Ворцелемъ.

— Съ чего это взялъ Ледрю-Ролленъ?

— Да, вѣдь, дали же вы Маццини.

— Это скорѣе—резонъ не давать никому другому.

— Кажется, за нами остались шестьдесятъ фунтовъ?

— Обѣщанные Маццини.

— Это все равно.

— Я не думаю.

Прошла недѣля; я получилъ письмо отъ Маццолени, въ

⁴⁾ Подоходный налогъ.

которомъ онъ увѣдомлялъ мя, что до его свѣдѣнія дошло, что я не знаю, кому доставить шестьдесятъ фунтовъ, оставшіеся за мной, въ силу чего онъ проситъ переслать ихъ ему, какъ представителю Маццини въ Лондонѣ.

Маццолени эготъ, дѣйствительно, былъ секретаремъ Маццини. Чиновникъ, бюрократъ по натурѣ, онъ насъ смѣшилъ своей министерской важностью и дипломатическими манерами.

Когда телеграмма о возстаніи въ Миланѣ 3 февраля 1853 была напечатана въ журналахъ, я поѣхалъ къ Маццолени узнать, не имѣетъ ли онъ какихъ вѣстей. Маццолени просилъ меня подождать; потомъ вышелъ озабоченный, доблесный, съ какими-то бумагами и съ Братіано, съ которымъ былъ въ важномъ разговорѣ.

— Я къ вамъ пріѣхалъ узнать, нѣтъ ли какихъ вѣстей.

— Нѣтъ, я самъ узналъ изъ «Таймса»; жду съ часу на часъ депешу.

Подошли еще человѣка два. Маццолени былъ доволенъ и потому морщился и жаловался на недосугъ. Разговорившись, онъ началъ полусловами добавлять новости и пояснять.

— Откуда же вы знаете? — спросилъ я его.

— Эго... эго, разумѣется, мои соображенія — замѣтилъ, нѣсколько смѣивавшись, Маццолени.

— Завтра утромъ я къ вамъ пріѣду...

— А если сегодня будетъ что-нибудь, я извѣщу васъ.

— Вы меня одолжите; отъ 7 до 9 я буду у Вери.

Маццолени не забылъ. Часу въ восьмомъ я обѣдалъ у Вери; взошелъ итальянецъ, котораго я раза два видалъ; онъ подошелъ ко мнѣ, осмотрѣлся, выждалъ, когда гарсонъ пошелъ за чѣмъ-то, и, сказавъ мнѣ, что Маццолени поручилъ ему передать, что никакой телеграммы не было, ушелъ.

Получивъ письмо отъ этого статсъ-секретаря по революціи, я ему отвѣчалъ шутя, что онъ напрасно меня представляетъ въ какомъ-то безпомощномъ состояніи, стоящаго середь Лондона, затрудняясь, кому отдать шестьдесятъ ливровъ; что я безъ письма Маццини вовсе не намѣренъ ихъ кому бы то ни было отдавать.

Маццолени написалъ мнѣ длинную и нѣсколько гнѣвную ноту, которая должна была, не унижая достоинства писавшаго, быть колкой для получающаго, не выходя, впрочемъ, изъ предѣловъ парламентской вѣжливости.

Не прошло недѣли послѣ этихъ искушеній, какъ утромъ, рано пріѣхала ко мнѣ Эмилия Г. ¹⁾, одна изъ преданнѣйшихъ жен-

¹⁾ Emille Hawkes, родная сестра Каролины Станфильдъ.

щинъ Маццини и близкій его другъ. Она мнѣ сообщила о томъ, что возстаніе въ Ломбардіи не удалось, и что Маццини еще скрывается тамъ и проситъ немедленно выслать денегъ, а денегъ нѣтъ.

— Вотъ вамъ,—сказалъ я ей.—знаменитые шестьдесятъ фунтовъ; не забудьте только сказать тайному совѣтнику Маццолени да и Ледрю-Роллену, если случится, что я не такъ-то дурно сдѣлалъ, не бросивъ въ омутъ Европейскаго комитета эти полторы тысячи франковъ.

Предупреждая нашъ русскій національный выводъ изъ моего разсказа, я долженъ сказать, что деньгами, такъ собираемыми, никогда никто не пользовался¹⁾; у насъ ихъ кто-нибудь укралъ бы,—здѣсь онѣ исчезали въ томъ родѣ, если бы кто-нибудь, не записывая нумеровъ, жегъ бы на свѣчкѣ ассигнаціи.

Эмиссаръ поѣхалъ и пріѣхалъ назадъ, ничего не сдѣлавши.

Война приближалась, началась Эмиграція была недовольна; молодые эмигранты винили товарищей Ворцеля въ неспособности, лѣни, въ желаніи устроить свои дѣлишки, вмѣсто польскихъ дѣлъ, въ апатіи. Неудовольствіе ихъ дошло до явнаго ропота; они поговаривали объ отчетѣ, который хотѣли требовать отъ членовъ Централизаціи, объ открытомъ заявленіи недовѣрія. Ихъ останавливало и удерживало одно—уваженіе и любовь къ Ворцелю. Сколько могъ, я, черезъ Чернецаго, поддерживалъ это; но ошибка за ошибкой Централизаціи должны были, наконецъ, вывести изъ терпѣнія хоть кого.

¹⁾ Итальянская эмиграція выше всякаго подозрѣнія. Во французской былъ одинъ забавный случай. Баронэ, о которомъ была рѣчь въ разсказѣ о дуэли Бартеlemi, собралъ, по порученію Ледрю-Роллена, какія-то деньги и прожилъ ихъ. Послѣ этого желаніе возвратиться въ Лондонъ сильно уменьшилось, и онъ сталъ проситъ разрѣшенія остаться въ Марсели. Бильо отвѣчалъ, что Баронэ, какъ политическій человѣкъ, такъ безопасенъ, что могъ бы остаться, но что безчестный поступокъ его со своей собственной партией показываетъ, что онъ не надежный человѣкъ, въ силу чего о.тъ ему отказывается.

Своего рода пальма и тутъ принадлежитъ нѣмцамъ. Они сколотили сборами въ Америкѣ и Манчестерѣ, помнитса, тысячу двадцать франковъ. Деньги эти, назначенныя для агитаціи, пропаганды, поддержанія процессовъ и пр., они положили въ одинъ изъ лондонскихъ банковъ и избрали распорядителями: Кинкеля, Руге и графа Оскара Рейхенбаха, — трехъ непримиримыхъ враговъ. Тѣ тотчасъ догадались, какой богатый источникъ неприятностей другъ другу имъ данъ въ руки, а потому и поспѣшили написать въ устныхъ взносахъ, чтобы банкъ не выдавалъ никакой суммы безъ всѣхъ трехъ подписей. Стоило одному или двумъ даже подписаться, — третій не соглашался. Что ни дѣлало нѣмецкое эмиграціонное общество,—одной подписи не доставало. Такъ и лежитъ сумма нетронутая и поднесъ въ банкъ,—вѣроятно, приданнымъ будущей тевтонской республики. А. И. Г.

Въ ноябрѣ 1854 былъ снова польскій митингъ, но уже совсѣмъ въ другомъ духѣ, чѣмъ въ прошломъ году. Предсѣдателемъ былъ избранъ членъ парламента Жозуа Вольмслей: поляки ставили свое дѣло подъ англійскій патронажъ. Въ предупрежденіе слишкомъ красныхъ рѣчей, Ворцель написалъ кой къ кому записки въ родѣ полученной мною: «Вы знаете, что 29 у насъ митингъ; не можемъ пригласить васъ и въ этотъ годъ, какъ въ прошлый, сказать намъ нѣсколько сочувствующихъ словъ: война и необходимость сближенія съ англичанами заставляетъ насъ дать митингу иной цвѣтъ. Не Герценъ, не Ледрю-Ролленъ и Піанчани будутъ говорить, а большей частью англичане; изъ нашихъ же одинъ Кошутъ возьметъ рѣчь, чтобъ изложить положеніе дѣлъ и пр.». Я отвѣчалъ, что «приглашеніе *не говорить* на митингѣ я получилъ, и съ тѣмъ большей охотой его принимаю, что оно очень легко».

Сближеніе съ англичанами не состоялось; уступки были сдѣланы напрасно; даже подписка шла плохо. Ж. Вольмслей сказалъ, что онъ готовъ дать денегъ, но не хочетъ подписать своего имени, не желая, какъ членъ парламента, офиціально участвовать въ сборѣ, цѣль котораго не признана правительствомъ.

Все это и, между прочимъ, мое отдѣленіе отъ митинга, довело раздраженіе молодыхъ людей до крайней степени; у нихъ уже ходилъ по рукамъ обвинительный актъ. Какъ нарочно, въ то же время я долженъ былъ перевести русскую типографію въ другое мѣсто. Зенковичъ, нанимавшій на свое имя домъ, въ которомъ помещалась она вмѣстѣ съ польской типографіей, былъ кругомъ въ долгахъ; два раза уже являлись брокеры; всякій день можно было ждать, что типографію захватятъ вмѣстѣ съ другой мебелью. Я поручилъ Чернецкому ее перевести; Зенковичъ упирался, не хотѣлъ выдать буквъ и принадлежностей; я написалъ ему холодную записку.

Въ отвѣтъ на нее на другой день пріѣхалъ больной и разстроенный Ворцель ко мнѣ въ Твикнэмъ.

— Вы намъ наносите *le coup de grâse*¹⁾; въ то самое время, какъ у насъ идетъ такая усобица, вы переводите типографію.

— Гг., увѣряю васъ, что тутъ никакихъ нѣтъ политическихъ причинъ, ни ссоръ, ни демонстрацій, а очень просто: я боюсь, что опишутъ все у Зенковича. Отвѣчаете ли вы мнѣ, что этого не будетъ? Я на *ваше* честное слово положусь и типографію оставлю.

— Дѣла его очень запутаны, это правда.

— Какъ же вы хотите, чтобъ я рисковалъ моимъ единствен-

¹⁾ Последній ударъ, которымъ избавляютъ отъ предсмертныхъ мученій.

нмъ орудіемъ? Если даже я потомъ и выкуплю, чего будетъ стоить одна потеря времени? Вы знаете, какъ это здѣсь дѣлается.

Ворцель молчалъ.

— Вотъ что я могу сдѣлать для васъ; я напишу письмо, въ которомъ скажу, что хозяйственныя распоряженія заставляютъ меня перевести типографію, но что это не только не значить, что мы расходимся, но, напротивъ, что у насъ, вмѣсто одной, будутъ двѣ типографіи; письмо это вы можете напечатать, если желаете, или показать кому угодно.

Дѣйствительно, я въ этомъ смыслѣ и написалъ письмо на имя Жабицкаго, забитаго члена Централизаціи, завѣдывавшаго ея матеріальной частью.¹⁰

Ворцель остался обѣдать; послѣ обѣда я уговорилъ его переочевать въ Твикнэмъ; вечеромъ мы сидѣли съ нимъ вдвоёмъ передъ каминомъ. Онъ былъ очень печаленъ, ясно понимая, какихъ ошибокъ онъ надѣлалъ, какъ всѣ уступки не повели ни къ чему, кромѣ къ внутреннему распаденію; наконецъ, какъ агитація, которую онъ дѣлалъ съ Кошутомъ, пропала безслѣдно; а фономъ всей черной картины—убійственный покой Польши.

П. Тэйлоръ велѣлъ хозяйкѣ дома всякую недѣлю посылать къ нему счетъ за квартиру, столъ и прачку: этотъ счетъ онъ платилъ, но «на-руки» ему не давалъ ни одного фунта.¹¹

Осенью 1856 Ворцелю совѣтовали ѣхать въ Ниццу и сначала пожить на теплыхъ закраинахъ Женевского озера. Услышавъ это, я ему предложилъ деньги, нужныя на путь. Онъ принялъ, и это насъ снова сблизило; мы опять стали чаще видаться. Но собирался онъ въ путь тихо; лондонская зима, сырая, съ продымленнымъ, давящимъ туманомъ, вѣчной сыростью и страшными сѣверо-восточными вѣтрами, начиналась. Я торопилъ его, но у него уже развивался какой-то инстинктивный страхъ отъ переменъ, отъ движенія. Онъ боялся одиночества. Я ему предлагалъ взять съ собою кого-нибудь до Женевы; тамъ я его передалъ бы Карлу Фогту. Онъ все принималъ, со всѣмъ соглашался, но ничего не дѣлалъ. Жилъ онъ *лиже rez-de-chaussée*¹⁾; у него въ комнатѣ почти никогда не было свѣтло. Тамъ-то, въ астмѣ, безъ воздуха, дыша каменнымъ углемъ, онъ потухалъ.

Ѣхать онъ рѣшительно опоздалъ; я ему предложилъ нанять для него хорошую комнату въ Brompton consumption hospital.

— Да, это было бы хорошо, но нельзя. Помилуйте, это страшная даль отсюда.

1) Нижний этажъ, на уровнѣ съ мостовой.

— Ну, такъ что же?

— Жабицкій живеть здѣсь, и всѣ дѣла наши здѣсь, а онъ *долженъ каждое утро приходитъ ко мнѣ съ дневнымъ отчетомъ!*

Тутъ самоотверженіе гранило съ сумасшествіемъ.

— Вы, вѣрно, слышали, — спросилъ меня Ворцель, — что противъ васъ готовится обвинительный актъ?

— Слышалъ.

— Вотъ что я заслужилъ подъ старость... вотъ до чего дожилъ... — и онъ грустно качалъ сѣдой головой своей.

— Врядъ вы правы ли, Ворцель. Васъ такъ привыкли любить и уважать, что если этому дѣлу не давали хода, то это только изъ боязни васъ огорчить. Вы знаете — зубъ не на васъ, пусть ваши товарищи идутъ своей дорогой.

— Никогда, никогда! мы все дѣлали вмѣстѣ, на насъ лежитъ общая отвѣтственность.

— Вы ихъ не спасете...

— А что вы говорили полчаса тому назадъ по поводу того, что Россель предалъ своихъ товарищей?

Это было вечеромъ. Я стоялъ поодаль отъ камина, Ворцель сидѣлъ у самаго огня, обернувшись лицомъ къ камину; его болѣзненное лицо, на котромъ дрожалъ красный отсвѣтъ, показалось мнѣ еще больше истомленнымъ и страдальческимъ... Слеза, старая слеза скатывалась по исхудалой щекѣ его... Прошли нѣсколько минутъ невыносимо тяжелаго молчанія... Онъ всталъ, я проводилъ его въ его спальню; большія деревья шумѣли въ саду... Ворцель отъорилъ окно и сказалъ:

— Я здѣсь съ моей несчастной грудью прожилъ бы вдвое. Я схватилъ его за обѣ руки.

— Ворцель, — говорилъ я ему, — останьтесь у меня; я вамъ дамъ еще комнату, вамъ никто мѣшать не будетъ, дѣлайте, что хотите, завтракайте одни, обѣдайте одни, если хотите; вы отдохнете мѣсяца два... васъ не будутъ безпрерывно тормошить, вы освѣжитесь. Я васъ прошу, какъ друга, какъ вашъ меньшей братъ!

— Благодарю, благодарю васъ отъ всего сердца; я сейчасъ бы принялъ ваше предложеніе, но при теперешнихъ обстоятельствахъ это просто невозможно. Съ одной стороны, война, съ другой, — наши это примутъ за то, что я ихъ оставилъ. Нѣтъ, каждый долженъ нести крестъ свой до конца.

— Ну, такъ усните, по крайней мѣрѣ, спокойно, — сказалъ я ему, стараясь улыбнуться. Его нельзя было спасти!

Война оканчивалась; умеръ Николай; началась новая Россія. Дожили мы до Парижскаго мира и до того, что «Полярная Звѣзда»

и все напечатанное нами въ Лондонѣ покупалось *на корню*. Мы стали издавать «Колоколь», и онъ пошелъ... Мы съ Ворцелемъ видались рѣдко; онъ радовался нашимъ успѣхамъ съ той внутренней, подавляемой, но жгучей болью, съ которой мать, потерявшая сына, слѣдитъ за развитіемъ чужого отрока... Время роковой альтернативы, поставленной Ворцелемъ въ его *oggi o mai*¹⁾, наступало, и онъ га-
снулъ...

За три дня до его кончины Чернецкій прислалъ за мною. Ворцель меня спрашивалъ,—онъ былъ очень плохъ, ждали его кончины. Когда я прѣхалъ къ нему, онъ былъ въ забытьи, близкомъ къ обмороку; блѣдный, восковой лежалъ онъ на диванѣ... щеки его совершенно ввалились. Такіе припадки съ нимъ повторялись въ послѣдніе дни, онъ привыкалъ быть мертвымъ. Черезъ четверть часа Ворцель сталъ приходить въ себя, слабо говорить, потомъ узналъ меня, привсталъ и легъ полусидя на диванѣ.

— Читали вы газеты?—спросилъ онъ меня.

— Читалъ.

— Расскажите, какъ идетъ невшательскій вопросъ, я не могу ничего читать.

Я ему рассказалъ; онъ все слышалъ и все понялъ.

— Ахъ, какъ спать хочется. Оставьте меня теперь; я не усну при васъ, а мнѣ отъ сна будетъ легче.

На другой день ему было получше. Ему хотѣлось мнѣ что-то сказать... Онъ раза два начиналъ и останавливался... и, только оставшись со мной наединѣ, умирающей подозвалъ меня къ себѣ и, слабо взявъ меня за руку, сказалъ:

— Какъ вы были правы... Вы не знаете, какъ вы были правы... У меня лежало это на душѣ вамъ сказать.

— Не будемъ больше говорить объ нихъ.

— Идите вашей дорогой...—онъ поднялъ на меня свой умирающей, но свѣтлый, лучезарный взглядъ. Больше онъ говорить не могъ. Я поцѣловалъ его въ губы—и хорошо сдѣлалъ: мы простились надолго. Вечеромъ онъ всталъ, вышелъ въ другую комнату, хлебнулъ теплой воды съ вжиномомъ у хозяйки дома, простой, превосходной женщины, религиозно уважавшей въ Ворцелѣ какое-то высшее явленіе, взршелъ опять къ себѣ и уснулъ. На другой день, утромъ Жабицкій и хозяйка спросили, не надобно ли ему чего больше. Онъ просилъ сдѣлать огонь и дать ему еще уснуть. Огонь сдѣлали. Ворцель не просыпался...

Я уже не засталъ его. Худое, худое лицо его и тѣло было

¹⁾ Теперь или никогда.

покрыто бѣлой простыней; я посмотрѣлъ на него, простился и пошелъ за работникомъ скульптора, чтобъ снять маску.

Его послѣднее свиданіе, его величественную агонію я рассказывалъ въ другомъ мѣстѣ ¹⁾). Прибавлю къ ней одну страшную черту.

Ворцель никогда не говорилъ о своей семьѣ. Разъ какъ-то онъ искалъ для меня какое-то письмо; порывшись на столѣ, онъ открылъ ящикъ. Тамъ лежала фотографія какого-то сытаго молодого человѣка съ офицерскими усами.

— Навѣрное, полякъ и патриотъ?—сказалъ я, больше шутя, чѣмъ спрашивая.

— Это—сказалъ Ворцель, глядя въ сторону и послѣшно взявъ у меня изъ рукъ портретъ, —это... мой сынъ.

Я узналъ впослѣдствіи, что онъ былъ русскимъ чиновникомъ въ Варшавѣ.

Дочь его вышла замужъ за какого-то графа и жила богато; отца она не знала.

Дня за два до своей кончины онъ диктовалъ Маццини свое завѣщаніе—совѣтъ. Польшѣ, поклонъ ей, привѣтъ друзьямъ...

— Теперь все,—сказалъ умирающій. Маццини не покидалъ пера.

— Подумайте,—говорилъ онъ,—не хотите ли вы въ эту минуту...

Ворцель молчалъ.

— Нѣтъ ли еще лицъ, которымъ бы вы имѣли что-нибудь сказать?

Ворцель понялъ; лицо его подернулось тучей, и онъ отвѣтилъ:

— *Мнѣ имъ нечего сказать.*

Я не знаю проклятія, которое ужаснѣе звучало бы и тяжелѣе ложилось этихъ простыхъ словъ. ¹²

Со смертью Ворцеля демократическая партія польской эмиграціи въ Лондонѣ смельчала. Имъ, его изящной, его почтенной личностью она держалась. Вообще, радикальная партія распалась на мелкія партіи, почти враждебныя. Годичные митинги въ разбивку стали бѣдны числомъ и интересомъ: вѣчная панихида, перечень воскресенія мертвыхъ и жизни будущаго вѣка, чаяніе во второе пришествіе Бонапарта и въ преображеніе Рѣчи Посполитой.

Два-три благодарныхъ старца остались величественными и скорбными памятниками; какъ тѣ длиннородые, сѣдые израиль-

¹⁾ «Сборникъ типогр.», стр. 163—164. А. И. Г.

тяне, которые плачутъ у стѣнъ іерусалимскихъ, они, не какъ вожди, указываютъ путь впередъ, а, какъ иноки, — могилу; они останавливаютъ насъ своимъ *Sta, viator! herois sepulcrum...* ¹⁾).

Между ними—лучшій изъ лучшихъ, сохранившій въ дряхломъ тѣлѣ молодое сердце и юный, кроткій, дѣтски чистый, голубой взглядъ,—одна нога его уже въ гробу. — скоро уйдетъ онъ, скоро и противникъ его Адамъ Чарторижскій.

Ужъ не, въ самомъ ли дѣлѣ, это *finis Poloniae* ²⁾?

.....Прежде, чѣмъ мы совсѣмъ оставимъ трогательную и симпатичную личность Ворцеля на холодномъ Гайгетскомъ кладбищѣ, я хочу рассказать нѣсколько мелочей о немъ. Такъ люди, идущіе съ похоронъ, приостанавливая скорбь, рассказываютъ рѣзныя подробности о покойномъ.

Ворцель былъ очень разсѣянъ въ маленькихъ житейскихъ дѣлахъ; послѣ него всегда оставались очки, ихъ чехоль, платокъ, табакерка; зато, если близко него лежалъ не его платокъ, онъ его клалъ въ карманъ; онъ приходилъ иногда съ тремя перчатками, иногда съ одной.

Прежде, чѣмъ онъ переѣхалъ въ *Huntley street*, онъ жилъ возлѣ, въ полукругѣ небольшихъ домовъ *Burton crescent*, 43, недалеко отъ Нью-Рода. На англійскій манеръ, всѣ дома полукруга были одинакіе. Домъ, въ которомъ жилъ Ворцель, былъ пятый съ края, и онъ всякій разъ, зная свою разсѣянность, считалъ двери. Возвращаясь какъ-то съ противоположной стороны полулунія, Ворцель постучалъ и, когда ему отперли, взошелъ въ свою комнату. Изъ нея вышла какая-то дѣвушка, вѣроятно, хозяйская дочь. Ворцель сѣлъ отдохнуть къ потухавшему камину. За нимъ кто-то разъ два кашлянулъ: на креслахъ сидѣлъ незнакомый человѣкъ.

— Извините,—сказалъ Ворцель,—вы, вѣрно, меня ждали?

— Позвольте,—замѣтилъ англичанинъ,—прежде, чѣмъ я отвѣчу, узнать, съ кѣмъ я имѣю честь говорить?

— Я—Ворцель.

— Не имѣю удовольствія знать; что же вамъ угодно?

Тутъ вдругъ Ворцеля поразила мысль, что онъ не туда попалъ; оглядѣвшись, онъ увидѣлъ, что мебель и все прочее не его. Онъ рассказалъ англичанину свою бѣду и, извиняясь, отправился въ пятый домъ съ другой стороны. По счастью, англичанинъ былъ очень учтивый человѣкъ, что — не очень обыкновенный плодъ въ Лондонѣ.

¹⁾ Стой путникъ! могилу героя...

²⁾ «Конецъ Польшѣ!» слова Костюшка.

Мѣсяца черезъ три та же исторія. На этотъ разъ, когда онъ жостучаль, горничная, отворившая дверь, видя почтеннаго старика, просила его взойти прямо въ парлоръ; тамъ англичанинъ ужиналъ съ своей женой. Увидя входящаго Ворцеля, онъ весело протянулъ ему руку и сказалъ:

— Это не здѣсь, вы живете въ 43 №.

При этой разсѣянности, Ворцель сохранилъ до конца жизни необыкновенную память; я въ немъ справлялся, какъ въ лексиконѣ или энциклопедіи. Онъ читалъ все на свѣтѣ, занимался всѣмъ: механикой и астрономіей, естественными науками и исторіей. Не имѣя никакихъ католическихъ предразсудковъ, онъ, по странному ріи польскаго ума, вѣрилъ въ какой-то духовный міръ, неопредѣленный, ненужный, невозможный, но отдѣльный отъ міра матеріальнаго. Это не религія Моисея, Авраама и Исаака, а религія Жанъ-Жака, Жоржа Санда, Пьера Леру, Маццини и пр. Но Ворцель имѣлъ меньше ихъ всѣхъ правъ на нее.

Когда его астма не очень мучила и на душѣ было не очень темно, Ворцель былъ очень любезенъ въ обществѣ. Онъ превосходно рассказывалъ, и особенно воспоминанія изъ стараго панскаго быта; этихъ разсказовъ я заслушивался. Міръ «Пана Тадеуша», міръ «Мурделию»¹⁾ проходилъ передъ глазами,—міръ, о концѣ котораго не жалѣешь, напротивъ, радуешься, но которому невозможно отказать въ какой-то яркой, необузданной поэзіи, вовсе недостающей нашему барскому быту. Намъ, въ сущности, такъ не свойственна западная аристократія, что всѣ разсказы о нашихъ тузахъ сводятъся на дикую роскошь, на пиры на цѣлый городъ, на безчисленныя дворни, на тиранство крестьянъ и мелкихъ сосѣдей, съ рабскимъ подобострастіемъ передъ императоромъ и дворомъ. Шереметевы и Голицыны, со всѣми ихъ дворцами и помѣстьями, ничѣмъ не отличались отъ своихъ крестьянъ, кромѣ нѣмецкаго кафтана, французской грамоты, царской милости и богатства. Всѣ они безпрерывно подтверждали изреченіе Павла, что у него только и есть высокопоставленные люди, это тѣ, съ которыми онъ говоритъ, и пока говоритъ. Все это очень хорошо, но надобно это знать. Что можетъ быть жалче *et moins aristocratique*²⁾, какъ послѣдній представитель русскаго барства и вельможничества, видѣнный мною, князь Сергій Михайловичъ Голыцынъ, и что отвратительнѣе—какого-нибудь Измайлова.

Замашки польскихъ пановъ были скверны, дики, почти не-

¹⁾ Повѣсть Сигизмунда Качковскаго.

²⁾ И менѣе аристократично.

понятны теперь; но діаметръ другой, но другой закалъ личности, и ни тѣни холопства.

— Знаете вы, — спросилъ меня разъ Вѣрецъ, — отчего называется Passage Radzivilл въ Пале-Рояль?

— Нѣтъ.

— Вы помните знаменитаго Радзивилла, пріятеля регента, который проѣхалъ на своихъ изъ Варшавы въ Парижъ и для всякаго ночлега покупалъ домъ? Регентъ былъ безъ ума отъ него; количество вина, которое выпивалъ Радзивиллъ, покорило ему разслабленнаго хозяина; герцогъ такъ привыкъ къ нему, что, видясь всякій день, посылалъ еще по утрамъ къ нему записки. Замадобилось какъ-то Радзивиллу что-то сообщить регенту. Онъ послалъ хлопа къ нему съ письмомъ. Хлопецъ искалъ, искалъ, не нашелъ и принесть повинную голову. «Дуракъ, — сказалъ ему панъ, — поди сюда. Смотри въ окно: видишь этотъ большой домъ?» (Пале-Рояль). — Вижу. — «Ну, тамъ живетъ первый здѣшній панъ, каждый тебѣ укажетъ». Пошелъ хлопецъ, искалъ, искалъ, — не можетъ найти. Дѣло было въ томъ, что дома отгораживали дворецъ и надобно было сдѣлать обходъ по St.-Honoré.

— Фу, какая скука! — сказалъ панъ. — Велите моему повѣренному скупить дома между моимъ дворцомъ и Пале-Роялемъ, да и сдѣлайте улицу, чтобъ дуракъ этотъ не плуталъ, когда я опять его пошлю къ регенту.

ГЛАВА VII.

НѢМЦЫ ВЪ ЭМИГРАЦИИ.

Руге, Кинкель; нечистота.—Schwefelbände.—Американскій объѣдъ.—«The Leader» ¹⁾.—Митингъ въ St-Martins Hall.—D-r Müller.

Нѣмецкая эмиграція отличалась отъ другихъ своимъ тяжелымъ, скучнымъ и сварливымъ характеромъ. Въ ней не было энтузіастовъ, какъ въ итальянской, не было ни горячихъ головъ, ни горячихъ языковъ, какъ между французами.

Другія эмиграціи мало сближались съ нею. Разница въ манерѣ, въ habitus'ѣ ²⁾ удерживала ихъ на нѣкоторомъ разстояніи; французская дерзость не имѣетъ ничего общаго съ нѣмецкой грубостью. Отсутствие общепринятой свѣтскости, тяжелый школьный доктринаризмъ, излишняя фамиллярность, излишнее простодушіе нѣмцевъ затрудняли съ ними сношенія не привыкшихъ людей. Они и сами не очень сближались, считая себя, съ одной стороны, гораздо выше прочихъ по научному развитію, и съ другой,—чувствуя передъ другими непріятную неловкость провинціала въ столичномъ салонѣ и чиновника въ аристократическомъ кругу.

Внутри нѣмецкая эмиграція представляла такую же разсыпчатость, какъ и ея родина. Общаго плана у нѣмцевъ не было: единство ихъ поддерживалось взаимной ненавистью и злымъ преслѣдованіемъ другъ друга. Лучшіе изъ нѣмецкихъ изгнанниковъ чувствовали это. Люди энергическіе, люди чистые, люди умные,

¹⁾ Если это не относилось къ вырванымъ изъ тетради страницамъ, то очевидная ошибка вмѣсто «The Morning Advertiser».

²⁾ Во внѣшности.

какъ К. Шурцъ, какъ А. Виллихъ, какъ Рейхенбахъ, уѣзжали въ Америку. Люди кроткіе по нраву прятались за дѣлами, за лондонской далью, какъ Фрейлигратъ ¹⁾. Остальные, исключая двухъ-трехъ вожаковъ, раздирали другъ друга на части съ неутолимымъ остервенѣніемъ, не щадя ни семейныхъ тайнъ, ни самыхъ уголовныхъ обвиненій.

Вскорѣ послѣ моего пріѣзда въ Лондонъ, поѣхалъ я въ Брайтонъ къ Арнольду Руге. Руге былъ коротко знакомъ московскому университетскому кругу сороковыхъ годовъ: онъ издавалъ знаменитые «Hallische Jahrbücher»; мы въ нихъ черпали философскій радикализмъ. Встрѣтился я съ нимъ въ 1849 въ Парижѣ, на оставшей еще вулканической почвѣ. Въ тѣ времена было не до изученія личностей. Онъ пріѣзжалъ однимъ изъ повѣренныхъ баденскаго инсуррекціоннаго правительства звать Мѣрославскаго, не умѣвшаго по-нѣмецки, начальствовать арміей фрейшерлеровъ и переговаривать съ французскимъ правительствомъ, которое вовсе не хотѣло признавать революціонный Бадень. Съ нимъ былъ К. Блиндъ. Послѣ 13 іюня ему и мнѣ пришлось бѣжать изъ Франціи. К. Блиндъ опоздалъ нѣсколькими часами и былъ посаженъ въ Консьержери. Съ тѣхъ поръ я не видалъ Руге до осени 1852.

Въ Брайтонѣ я нашель его брюзгливымъ старикомъ, озлобленнымъ и злорѣчивымъ. Оставленный прежними друзьями, забытый въ Германіи, безъ вліянія на дѣла и перессорившись съ эмиграціей, Руге былъ поглощенъ сплетнями и пересудами. Въ постоянной связи съ нимъ были два-три бездарнѣйшихъ газетныхъ корреспондента, грошовые фельетонисты, эти мелкіе мародеры гласности, которыхъ никогда не видать во время сраженія и всегда—послѣ, майскіе жуки политическаго и литературнаго міра, каждый вечеръ съ наслажденіемъ и усердіемъ копающіеся въ выброшенныхъ остаткахъ дня. Съ ними Руге составлялъ статейки, подзадоривалъ ихъ, давалъ имъ матеріалъ и сплетничалъ на нѣсколько журналовъ въ Германіи и Америкѣ.

Я обѣдалъ у него и провелъ весь вечеръ. Въ продолженіе всего времени онъ жаловался на эмигрантовъ и сплетничалъ на нихъ.

— Вы не слыхали,—говорилъ онъ,—какъ идутъ дѣла нашего сорокапятилѣтняго Вертера съ баронессой ²⁾. Говорятъ, что, открываясь ей въ любви, онъ хотѣлъ ее увлечь химической перспективой гениальнаго ребенка, который долженъ родиться отъ аристо-

¹⁾ Фердинандъ, нѣмецкій поэтъ; эмигрировалъ въ Англію въ 1848 г.

²⁾ Брюнингъ.

кратки и коммуниста? Баронъ, не охотникъ до физиологическихъ опытовъ, говорятъ, прогналъ его въ три шеи. Правда это?

— Какъ же вы можете вѣрить такимъ нелѣпостямъ?

— Да я и въ самомъ дѣлѣ не очень вѣрю. Живу здѣсь въ захолустьи и слышу только о томъ, что дѣлается въ Лондонѣ, отъ нѣмцевъ; всѣ они, а особенно эмигранты, врутъ богъ знаетъ что; всѣ между собой въ ссорѣ, клеветуютъ другъ на друга. Я думаю, это К. ¹⁾ распустилъ такой слухъ въ знакъ благодарности за то, что баронесса его выкупила изъ тюрьмы. Вѣдь, онъ бы и самъ за ней поволочился, да воли-то нѣтъ: жена не даетъ ему баловаться. «Ты, говоритъ, меня отъ перваго мужа отбилъ, такъ ужъ теперя довольно...»

Вотъ образчикъ философской бесѣды Арнольда Руге.

Одинъ разъ онъ измѣнилъ своему діапазону и сталъ съ дружескимъ участіемъ говорить о Бакунинѣ, но на полдорогѣ спохватился и добавилъ: «А, впрочемъ, въ послѣднее время онъ какъ-то сталъ опускаться, бредилъ какимъ-то революціоннымъ царизмомъ, панславизмомъ».

Я ухалъ отъ него съ тяжелымъ сердцемъ и съ твердымъ намѣреніемъ никогда не возвращаться.

Черезъ годъ онъ читалъ въ Лондонѣ нѣсколько лекцій о философскомъ движеніи въ Германіи. Лекціи были плохи, берлинско-англійскій акцентъ непріятно поражалъ ухо; къ тому же онъ всѣ греческія и римскія имена произносилъ на нѣмецкій манеръ, такъ что англичане не могли догадаться, кто это Юфисъ, Юно ²⁾... На вторую лекцію пришли десять человѣкъ; на третью—человѣкъ пять да я съ Ворцелемъ. Руге, проходя по пустой залѣ мимо насъ, сильно сжалъ мнѣ руку и прибавилъ: «Польша и Россія пришли, а Италіи нѣтъ; этого я ни Маццини, ни Саффи не забуду при новомъ возстаніи народовъ». Когда онъ ушелъ, разгнѣванный и грозящій, я посмотрѣлъ на сардоническую улыбку Ворцеля и сказалъ ему: «Россія зоветъ Польшу къ себѣ отобѣдать».—«C'en est fait de l'Italie» ³⁾,—замѣтилъ Ворцель, качая головой, и мы пошли.

Кинкель былъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ нѣмецкихъ эмигрантовъ въ Лондонѣ. Человѣкъ безукоризненнаго поведения, работавшій въ потѣ лица своего, что, какъ ни странно можетъ это показаться, почти вовсе не встрѣчалось въ эмиграціи, Кинкель былъ заклятый врагъ Руге. Почему? Это такъ же трудно объяснить,

¹⁾ I.-F. Кинкель.

²⁾ Jovis—родит. п. отъ Jupiter (Юпитеръ), Juno (Юнона).

³⁾ Покончено съ Италіей.

какъ то, что проповѣдникъ атеизма Руге былъ другомъ нео-католика Ронге.

Готфридъ Кинкель былъ одинъ изъ главъ сорока сороковъ лондонскихъ нѣмецкихъ расколовъ. Глядя на него, я всегда дивился, какъ величественная зевсовская голова попала на плечи нѣмецкаго профессора, и какъ нѣмецкій профессоръ попалъ сначала на поле сраженія, потомъ, раненый,—въ прусскую тюрьму; а, можетъ, мудренѣе всего этого то, что все это *плюсъ* Лондонъ его нисколько не измѣнило, и онъ остался нѣмецкимъ профессоромъ. Высокій ростомъ, съ сѣдыми волосами и бородой съ просѣдью, онъ самъ по себѣ имѣлъ величавый и внушающій уваженіе видъ; но онъ къ нему прибавлялъ какое-то официальное помазаніе, *Salbung*, что-то судейское и архіерейское, торжественное, натянутое и скромно-самодовольное. Оттѣнокъ этотъ въ разныхъ варіаціяхъ встрѣчается у модныхъ пасторовъ, у дамскихъ врачей, особенно у магнетизеровъ, адвокатовъ, специально защищающихъ нравственность, и у главныхъ waiter'овъ ¹⁾ аристократическихъ отелей въ Англии. Кинкель въ молодости много занимался богословіемъ; освободившись отъ него, онъ остался священникомъ въ пріемахъ. Это не удивительно: самъ Ламеннэ, подрывая такъ глубоко корни католицизма, сохранилъ до старости видъ аббата. Обдуманная и плавная рѣчь Кинкеля, правильная и избѣгающая крайностей, шла какой-то назидательной бесѣдой; онъ съ изученнымъ снисхожденіемъ выслушивалъ другого и съ искреннимъ удовольствіемъ—самого себя.

Онъ былъ профессоромъ въ Сомерсетъ-Гоуэзъ и въ нѣсколькихъ высшихъ заведеніяхъ, читалъ публичныя лекціи объ эстетикѣ въ Лондонѣ и Манчестерѣ; этого ему не могли простить голодные и праздношатающіеся въ Лондонѣ освободители тридцати четырехъ нѣмецкихъ отечествъ. Кинкель былъ постоянно обругиваемъ въ американскихъ газетахъ, сдѣлавшихся главнымъ стокомъ нѣмецкихъ сплетенъ, и на тощихъ митингахъ, ежегодно держимыхъ въ память Роберта Блюма ²⁾, перваго баденскаго *Schilderhebung'a* ³⁾, перваго австрійскаго *Schwertfahrt'a* ⁴⁾ и пр. Ругали его всѣ его соотечественники: не имѣвшіе никогда уроковъ, всегда просящіе денегъ взаймы, никогда не отдающіе занятаго и постоянно готовые выдать человѣка за шпіона и вора, въ случаѣ отказа. Кинкель не отвѣчалъ. Писаки лаяли, лаяли и стали, по-крыловски,

¹⁾ Кельнеровъ.

²⁾ Нѣмецкій демократъ, разстрѣлянъ въ 1848 г.

³⁾ Апрельское возстаніе 1848 г.

⁴⁾ Мартовскіе дни 1848 г. въ Вѣнѣ.

отставать; только еще изрѣдка какая-нибудь нечесанная и шершавая шавка выбѣжить изъ нижняго этажа германской демократіи. куда-нибудь въ фельетонъ никѣмъ не читаемаго журнала и зальется элѣйшимъ лаемъ, который такъ и напомнитъ счастливыя времена братскихъ возстаній въ разныхъ Тюбингенахъ, Дармштадтахъ и Брауншвейгъ-Вольфенбюттеляхъ.

Въ домѣ Кинкеля, на его лекціяхъ, въ его разговорѣ все было хорошо и умно; но недоставало какого-то масла въ колесахъ, и оттого все вертѣлось туго, безъ крыла, но тяжело. Онъ говорилъ всегда интересныя вещи; жена его, извѣстная піанистка, играла прекрасныя вещи, а скука была смертная. Одни дѣти, прыгая, вносили какой-то больше свѣтлый элементъ; ихъ свѣтленькіе глазенки и звонкіе голоса обѣщали меньше достоинства, но больше масла въ колесахъ.

«Ich bin ein Mensch der Möglichkeit»¹⁾,—говорилъ мнѣ Кинкель не разъ, чтобъ характеризовать свое положеніе между крайними партіями; онъ думаетъ, что онъ возможенъ, какъ будущій министръ въ будущей Германіи, я не думаю этого, зато Іоганна, его супруга, не сомнѣвается.

Кстати, слово объ ихъ отношеніяхъ. Кинкель постоянно хранилъ достоинство, она постоянно удивлялась ему. Между собой они объ самыхъ будничныхъ вещахъ говорятъ слогомъ благонравныхъ комедій (свѣтской *haute comédie* въ Германіи!) и нравственныхъ романовъ. «Beste Johanna,—говоритъ онъ звучно и не торопясь,—*du bist, mein Engel, so gut, schenke mir noch eine Tasse von dem vortrefflichen Thee, den du so gut machst—ein!*»—«*Es ist zu himmlisch, liebster Gottfried, dass er dir geschmeckt hat. Tue, mein liebster, für mich—einige Tropfen Schmand hinein!*»²⁾ И онъ каплетъ сливки, глядя на нее съ умиленіемъ, и она глядитъ на него съ благодарностью.

Johanna ожесточенно преслѣдовала своего мужа безпрерывными, неумолимыми попеченіями о немъ: давала ему револьверъ во время тумана, въ какомъ-то особомъ поясѣ умоляла беречь себя отъ вѣтра, отъ злыхъ людей, отъ вредныхъ кушаній и *ia petto*³⁾ отъ жещскихъ глазъ—вреднѣе всѣхъ вѣтровъ и *pâté de foie gras*⁴⁾... Словомъ, она отравляла его жизнь острой ревностью и неумолимой,

1) Я—человѣкъ возможности.

2) Дражайшая Іоганна, ты, ангелъ мой, такъ добра; налей мнѣ еще одну чашку того превосходнаго чая, который ты такъ хорошо приготавлиешь. — Это даже слишкомъ божественно, дорогой Готфридъ, что чай пришелъ тебѣ по вкусу. Налей мнѣ, милый, нѣсколько капель сливокъ.

3) Про себя.

4) Паштетъ.

нѣчно возбужденной любовью. Въ замѣну она поддерживала его въ мысли, что онъ гений, по крайней мѣрѣ, не хуже Лессинга, что Германіи въ немъ готовится будущій Штейнъ; Кинкель зналъ, что это—правда, и кротко останавливалъ Іоганну при постороннихъ, когда похвалы хватили слишкомъ черезъ край.

— Іоганна, слышали ли вы объ Гейне?—спрашиваетъ ее разъ разстроено взбѣжавшая Шарлотта.

— Нѣтъ,—отвѣчаетъ Іоганна.

— Умеръ... вчера въ ночь...

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Zu wahr! ¹⁾

— Ахъ, какъ я рада: я все боялась, что онъ напишетъ какую-нибудь ѣдкую эпиграмму на Готфрида: у него былъ такой ядовитый языкъ. Вы меня такъ удивили — прибавила она, спохватившись,—какая потеря для Германіи ²⁾!

Смѣшно національное фанфаронство и у французовъ, но, все же, они могутъ сказать, что «нѣкоторымъ образомъ, за челоѣчество кровь проливали» въ то время, какъ ученые германцы проливали одни чернила. Притязаніе на какое-то огромное національное значеніе, идущее рядомъ съ доктринерскимъ космополитизмомъ, тѣмъ смѣшнѣе, что оно не предъявляетъ другого права, кромѣ неуѣренности въ уваженіи другихъ, желанія *sich geltend machen* ³⁾.

— За что насъ поляки не любятъ? — говорилъ серьезно въ обществѣ геллертеровъ одинъ нѣмецъ. Тутъ случился журналистъ, умный челоѣкъ, давно поселившійся въ Англии.

— Ну, это еще не такъ мудрено понять,—отвѣчалъ онъ:—вы лучше скажите, кто насъ любитъ, или за что насъ всѣ ненавидятъ?

— Какъ всѣ ненавидятъ?—спросилъ удивленный профессоръ.

— По крайней мѣрѣ, всѣ пограничные: итальянцы, датчане, шведы, русскіе, славяне.

¹⁾ Слишкомъ вѣрно.

²⁾ Въ свою очередь, и мнѣ жаль, что я написалъ эти строки. Вскорѣ потомъ бѣдная женщина бросилась изъ окна четвертаго этажа на каменный ярдъ; ревность и болѣзнь въ сердцѣ довели ее до этой страшной смерти.

Д. И. Г. ⁴⁾

³⁾ Заставить себя цѣнить.

⁴⁾ Слѣдующая, 10-я страница въ рукописи зачеркнута, а 11, 12, 13 и 14-ой нѣтъ вовсе, такъ что дальнѣйшій текстъ начинается на стр. 15, съ середины фразы: «отвращенія, является горькое чувство зависти. Источникъ этихъ ненавистей долею лежитъ въ сознании политической второстепенности *германскаю отечества* и въ притязаніи играть первую роль». Дальше слѣдуетъ приводимый текстъ.

— Позвольте, Herr Doktor, есть же исключенія,—возразилъ обезпокоенный и нѣсколько сконфуженный гелертеръ.

— Безъ малѣйшаго сомнѣнія, и какое исключеніе: Франція и Англія.

Ученый началъ расцвѣтать.

— И знаете отчего? Франція насъ не боится, а Англія презираетъ.

Положеніе нѣмца, дѣйствительно, печальное, но печаль его не интересна. Всѣ знаютъ, что они справиться могутъ съ внутреннимъ и внѣшнимъ врагомъ, но не умѣютъ. Отчего, напримѣръ, единоплеменные ей народы: Англія, Голландія, Швеція свободны, а нѣмцы нѣтъ? Неспособность тоже обязываетъ, какъ дворянство, кой къ чему и всего больше къ скромности. Нѣмцы чувствуютъ это и прибѣгаютъ къ отчаяннымъ средствамъ, чтобъ имѣть верхъ: выдаютъ Англію и Сѣверо-Американскіе Штаты за представителей германизма въ сферѣ государственной Praxis ¹⁾. Руге, разгнѣвавшись на Эдгара Бауэра за его пустую брошюру о Россіи (кажется, подъ заглавіемъ «Kirchè und Stàat» ²⁾ и подозрѣвая, что я Э. Бауэра ввелъ въ искушеніе, писалъ мнѣ (а потомъ то же самое напечаталъ въ «Джерсейскомъ альманахѣ»), что Россія — одинъ грубый матеріалъ, дикій и неустроенный, котораго сила, слава и красота только отъ того и происходятъ, что германскій геній ей придалъ свой образъ и подобіе. ¹⁸

Каждый русскій, являющійся на сцену, встрѣчаетъ то озлобленное удивленіе нѣмцевъ, которое не такъ давно находили отъ нихъ же наши ученые, желавшіе сдѣлаться профессорами русскихъ университетовъ и русской академіи. Выписнымъ «коллегамъ» казалось это какой-то дерзостью, неблагодарностью и захватомъ чужого мѣста.

Марксъ ³⁾, очень хорошо знавшій Бакунина, который чуть не сложилъ голову за нѣмцевъ подъ топоромъ саксонскаго палача, *выдалъ его за русскаго шпіона*. Онъ рассказалъ въ своей газетѣ цѣлую исторію, какъ Ж. Сандъ слышала отъ Ледрю-Роллена, что когда онъ былъ министромъ внут. дѣлъ, видѣлъ какую-то его компрометирующую переписку. Бакунинъ тогда сидѣлъ, ожидая приговора, въ тюрьмѣ и ничего не подозрѣвалъ. Клевета толкала его на эшафотъ и порывала послѣднее общеніе любви между мученикомъ и сочувствующей втиши массой.—Другъ Бакунина А. Рей-

¹⁾ Практики.

²⁾ Церковь и государство.

³⁾ Карль.

хель написалъ въ Nqnant къ Ж. Сандъ и спросилъ ее, въ чемъ дѣло? Она тотчасъ отвѣчала Рейхелю и прислала письмо въ редакцію Маркова журнала, отзываясь съ величайшей дружбой о Бакунинѣ; она прибавляла, что, вообще, *никогда не говорила съ Ледрю-Роллею о Бакунинѣ, въ силу чего не могла повторить и сказаннаго въ газетѣ. Марксъ нашелся ловко и помѣстилъ письмо Ж. Сандъ съ примѣчаніемъ, что статья о Бакунинѣ была помѣщена «во время его отсутствія».*

Финаль совершенно нѣмецкій: онъ невозможенъ не только во Франціи, гдѣ point d'honneur ¹⁾ такъ щепетилень, и гдѣ издатель зарылъ бы всю нечистоту дѣла подъ кучей фразъ, словъ, околичностей, нравственныхъ сентенцій, покрылъ бы ее отчаяніемъ qu'on avait surpris sa religion ²⁾, но даже англійскій издатель, несравненно менѣе церемонный, не смѣлъ бы свалить дѣла на сотрудниковъ ³⁾.

Черезъ годъ послѣ моего приѣзда въ Лондонъ, Маркова шайка

¹⁾ Вопросъ чести.

²⁾ Что обманули его довѣріе.

³⁾ Несмотря на то, что они себѣ позволяютъ ужасно много, для ихъ характеристики расскажу одинъ случай, бывшій съ Луи Бланомъ. «Таймсъ» напечаталъ, что Луи Бланъ, бывши членомъ временнаго правительства, истратилъ «милліона полтора фр. казенныхъ денегъ» на составленіе себѣ партіи между работниками. Луи Бланъ отвѣчалъ редакціи, что она имѣетъ невѣрныя свѣдѣнія о немъ, что, при пущемъ желаніи, онъ не могъ ни украсть, ни истратить полтора милліона фр., потому что во все время его завѣдыванія люксембургской комиссіей у него не было въ распоряженіи болѣе 30,000 фр. «Таймсъ» не помѣстилъ его отвѣта. Луи Бланъ отправился въ редакцію самъ и потребовалъ свиданія съ главнымъ издателемъ. Ему отвѣчали, что главнаго издателя *вовсе нѣтъ*, что «Таймсъ» издается какъ-то артелью. Луи Бланъ требовалъ отвѣтственнаго артельщика; ему отвѣчали, что никто лично ни за что не отвѣчаетъ.

— Къ кому же, наконецъ, я долженъ обратиться, у кого требовать отчетъ въ томъ, что мое письмо въ дѣлѣ, касающемся до моего добраго имени, не было помѣщено?

— Здѣсь,—сказалъ ему одинъ изъ чиновниковъ при «Таймсѣ»,— не такъ, какъ во Франціи; у насъ нѣтъ ни *gérant responsable* ^{*)}, ни законнаго обязательства помѣщать отвѣты.

— Рѣшительно нѣтъ отвѣтственнаго редактора?—спросилъ Луи Бланъ.

— Нѣтъ.

— Очень, очень жаль,—замѣтилъ Луи Бланъ, зло улыбаясь,—что нѣтъ главнаго редактора, а то я непремѣнно надавалъ бы ему пощечинъ. Прощайте, господа.

— Good day, Sir, good day. God bless you! ^{**)}—повторилъ чиновникъ при «Таймсѣ», учтиво и спокойно отворяя двери. А. И. Г.

^{*)} Отвѣтственнаго руководителя.

^{**)} Добрый день, сударь, добрый день. Да благословитъ васъ Господь!

еще разъ возвратилась на гнусную клевету противъ Бакунина, погребеннаго тогда въ Алексѣевскомъ равелинѣ.

Въ Англии, въ этомъ стародавнемъ отечествѣ поврежденныхъ, одно изъ самыхъ оригинальныхъ мѣстъ между ними занимаетъ *Давидъ Уркхартъ*, человѣкъ съ талантомъ и энергіей, эксцентрической радикаль изъ консерватизма. Онъ помѣшался на двухъ идеяхъ: во-первыхъ, что Турція — превосходная страна, имѣющая большую будущность, въ силу чего онъ завелъ себѣ турецкую кухню, турецкую баню, турецкіе диваны; во-вторыхъ, что русская дипломатія, самая хитрая и ловкая во всей Европѣ, подкупаетъ и надуваетъ всѣхъ государственныхъ людей во всѣхъ государствахъ міра сего, и преимущественно въ Англии. Уркхартъ работалъ годы, чтобъ отыскать доказательства того, что Пальмерстонъ на откупъ кетербургскаго кабинета. Онъ объ этомъ печаталъ статьи и брошюры, дѣлалъ предложенія въ парламентѣ, проповѣдывалъ на митингахъ. Сначала на него сердились, отвѣчали ему, бранили его потомъ привыкли. Обвиняемые и слушавшіе стали улыбаться, не обращали вниманія, наконецъ, разразились общимъ хохотомъ.

На одномъ митингѣ, въ одномъ изъ большихъ центровъ, Уркхартъ до того увлекся своей *idée fixe*, что, представляя Кошута человѣкомъ невѣрнымъ, онъ прибавилъ, что, если Кошутъ и не подкупленъ Россіей, то находится подъ вліяніемъ человѣка, явнымъ образомъ работающаго въ пользу Россіи, и *этотъ человекъ—Маццини!* Уркхартъ, какъ дантовская Франческа, не продолжалъ больше своего чтенія въ этотъ день: при имени Маццини жоднялся такой гомерической смѣхъ, что самъ Давидъ замѣтилъ что итальянскаго Голіаѳа онъ не сбиль своей пращей, а себѣ свинулъ руку.

Человѣкъ, думавшій и открыто говорившій, что отъ Гизо и Дерби ¹⁾ до Эспартеро ²⁾, Кобдена и Маццини, все—русскіе агенты, былъ кладъ для шайки непризнанныхъ нѣмецкихъ государственныхъ людей, окружавшихъ неузнаннаго генія первой величины Маркса. Они изъ своего неудачнаго патріотизма и страшныхъ притязаній сдѣлали какую-то Hochschule ³⁾ клеветы и заподозрваній: всѣхъ людей, выступавшихъ на сцену съ большимъ успѣхомъ, чѣмъ они сами. Имъ недоставало честнаго имени. Уркхартъ его далъ. Д. Уркхартъ имѣлъ тогда большое вліяніе на «Morning Advertiser» — одинъ изъ журналовъ, самымъ страннымъ образомъ поставленныхъ.

¹⁾ Лордъ Эдвардъ-Джоффрей, противникъ расширенія избирательнаго права.

²⁾ Герцогъ Бальдомеро, былъ дважды испанскимъ регентомъ.

³⁾ Высшую школу.

Журнала этого нѣтъ ни въ клубахъ, ни у большихъ стешіонеровъ ¹⁾, ни на столѣ у порядочныхъ людей; а онъ имѣеть большую циркуляцію, чѣмъ «Daily News», и только въ послѣднее время дешевые листы въ родѣ «Daily Telegraph», «Morning Star» и «Evening Star» отодвинули «M. Advertiser» на второй планъ. Явленіе чисто англійское. «M. Advertiser»—журналъ питейныхъ домовъ, и нѣтъ кабака, въ которомъ бы его не было.

Съ Уркхартомъ и публикой питейныхъ домовъ взошли въ «Morning Advertiser» марксиды и ихъ друзья. «Гдѣ пиво, тамъ и нѣмцы».

Однимъ добрымъ утромъ «Morning Advertiser» вдругъ поднялъ вопросъ: «Былъ ли Бакунинъ русскій агентъ или нѣтъ?». Само собою разумѣется, отвѣчалъ на него положительно. Поступокъ этотъ былъ до того гнусенъ, что возмутилъ даже такихъ людей, которые не принимали особеннаго участія въ Бакунинѣ.

Оставить это дѣло такъ было невозможно. Какъ ни досадно было, что приходилось подписать коллективную протестацію съ Головинымъ (объ этомъ субъектѣ будетъ особая глава), но выбора не было. Я пригласилъ Ворцеля и Маццини присоединиться къ нашему протесту: они тотчасъ согласились. Казалось бы, послѣ свидѣтельства предсѣдателя польской демократической Централизаціи и такого человѣка, какъ Маццини, все кончено. Но нѣмцы не остановились на этомъ.

Они затянули скучнѣйшую полемику съ Головинымъ, котѣрый, съ своей стороны, поддерживалъ ее для того, чтобъ собою занимать публику лондонскихъ кабаковъ.

Мой протестъ, то, что я писалъ къ Маццини и Ворцелю, должны были обратить на меня гнѣвъ Маркса. Вообще, это было время, въ которое нѣмцы спохватились и стали меня окружать такою же грубой неприязнью, какъ окружали прежде грубымъ ухаживаніемъ; они уже не писали мнѣ панегириковъ, какъ во время выхода «V. andern Ufer» и «Писемъ изъ Италіи», а отзывались обо мнѣ, «какъ о дерзкомъ варварѣ, осмѣливающемся смотрѣть на Германію сверху внизъ» ²⁾. Одинъ изъ марксовскихъ гезеллей ³⁾ на-

¹⁾ Stationer—писчебумажный торговецъ.

²⁾ Это печаталъ нѣкто *Колачекъ* въ одномъ американскомъ журналѣ, по поводу второго французскаго изданія «Du développement des idées révolutionnaires en Russie». *Пикантное* этого состоитъ въ томъ, что *весь текстъ* этой книги былъ прежде напечатанъ по-нѣмецки въ «Deutsche Jahrbücher», издаваемыхъ тѣмъ же самымъ *Колачекомъ!* ³⁾ А. И. Г.

³⁾ Geselle—подмастерье, ученикъ.

⁴⁾ См. комментарий къ № 513. 14

писалъ цѣлую книжку противъ меня и отослалъ Гофману и Кампе, которые отказались ее печатать. Тогда онъ напечаталъ (что я узналъ гораздо позже) ту статейку въ «Лидеръ», о которой шла рѣчь. Имя его я не припомню.

Къ марксистамъ присоединился вскорѣ рыцарь съ опущеннымъ забраломъ *Карлъ Блиндъ*, тогда *famulus* ¹⁾ Маркса, теперь его врагъ. Въ его корреспонденціи въ нью-йоркскіе журналы было сказано по поводу обѣда, который давалъ намъ американскій консулъ въ Лондонѣ: «На этомъ обѣдѣ былъ русскій, именно А. Г., выдающій себя за социалиста и республиканца. Г. живетъ въ близкихъ отношеніяхъ съ Маццини, Кошутомъ и Саффи... Со стороны людей, стоящихъ во главѣ движенія, чрезвычайно неосторожно, что они допускаютъ русскаго въ свою близость. Желаемъ, чтобъ имъ не пришлось слишкомъ поздно раскаяться въ этомъ».

Самъ ли Блиндъ это писалъ, или кто изъ его помощниковъ, я не знаю; текста у меня передъ глазами нѣтъ, но за смыслъ я отвѣчаю.

При этомъ надобно замѣтить, что, какъ со стороны К. Блинда, такъ и со стороны Маркса, котораго я совѣмъ не зналъ, вся эта ненависть была чисто платоническая, такъ сказать, безличная: меня приносили въ жертву фатерланду изъ патріотизма. Въ американскомъ обѣдѣ, между прочимъ, ихъ бѣсило отсутствіе нѣмца,—за это они наказали русскаго ²⁾.

Обѣдъ этотъ, надѣлавшій много шума по ту и другую сторону Атлантики, случился такимъ образомъ. Президентъ Пирсъ ³⁾ будировалъ старыя европейскія правительства и дѣлалъ всякія школьничества долею для того, чтобъ пріобрѣсти больше популярности дома, долею, чтобъ отвести глаза всѣхъ радикальныхъ партій въ

¹⁾ Рабъ.

²⁾ Отсутствіе нѣмца на обѣдѣ напоминаетъ мнѣ похороны матери Гарибальди. Она умерла въ Шидцѣ въ 1851 году. Друзья ея сына пригласили изгнанниковъ разныхъ странъ нести покойницу; въ томъ числѣ былъ приглашенъ и я. Когда мы собрались у сѣней дома, оказалось, что приглашенные были: два римлянина (одинъ изъ нихъ былъ Орсини), два ломбардца, два неаполитанца, два француза, Хоецкій—полякъ и я—русскій. «Господа,—сказалъ Хоецкій,—замѣьте, L'Europe entière est représentée; même il y manque un Allemand!» ³⁾ А. И. Г.

³⁾ Франклинъ, 14-й привидентъ Сѣв.-Амер. Соед. Штатовъ; избранный, какъ кандидатъ демократической партіи, вдругъ сталъ орудіемъ въ рукахъ Юга, отстаивая интересы рабовладѣльцевъ.

⁴⁾ Европа представлена полностью, нѣтъ даже ни одного нѣмца! Въ «The Leader», выгѣсто Пульскаго (пропущеннаго здѣсь Герценомъ), ошибочно указанъ А. Руве (см. стр. 60, т. VIII). Тѣхъ же лицъ указываетъ и Орсини («Mémoires politiques», 93).

Европѣ отъ главнаго алмаза, на которомъ ходила вся его политика: отъ незамѣтнаго упроченія и распространенія невольничества.

Это было время посольства Суле ¹⁾ въ Испанію и сына Р. Оуэна ²⁾ въ Неаполь, вскорѣ послѣ дуэли Суле съ Тюрго ³⁾ и его настоятельнаго требованія проѣхать, вопреки приказу Наполеона, черезъ Францію въ Брюссель, въ которомъ императоръ французовъ отказать не рѣшился. «Мы посылаемъ пословъ»,—говорили американцы— «не къ царямъ, а къ народамъ». Отсюда—идея дать дипломатическій обѣдъ врагамъ всѣхъ существующихъ правительствъ.

Я не имѣлъ понятія о готовящемся обѣдѣ; получаю вдругъ приглашеніе отъ Сондерса, американскаго консула. Въ приглашеніи лежала небольшая записочка отъ Маццини: онъ просилъ меня, чтобъ я не отказывался, что обѣдъ этотъ дѣлается съ цѣлю кой-кого подразнить и показать симпатію кой-кому другому.

На обѣдѣ были: Маццини, Кошутъ, Ледрю-Ролленъ, Гарибальди, Орсини, Ворцель, Пульскій и я, и изъ англичанъ—одинъ радикальный членъ парламента, Жозуа Вольмслей, потомъ посолъ Бьюкененъ ⁴⁾ и всѣ посольскіе чиновники.

Надобно замѣтить, что одна изъ цѣлей *красною* обѣда, даннаго защитникомъ *черною* рабства, состояла въ сближеніи Кошута съ Ледрю-Ролленомъ. Дѣло было не въ томъ, чтобъ ихъ примирить: они никогда не ссорились, а чтобъ ихъ официально познакомить. Ихъ незнакомство случилось такъ. Ледрю-Ролленъ былъ уже въ Лондонѣ, когда Кошутъ пріѣхалъ изъ Турціи. Возникъ вопросъ, кому первому ѣхать съ визитомъ: Ледрю-Роллену къ Кошуту или Кошуту къ Ледрю-Роллену? Вопросъ этотъ сильно занималъ ихъ друзей, сподвижниковъ, ихъ дворъ, гвардію и чернь. Про и contra были значительныя. Одинъ былъ диктаторомъ Венгріи; другой не былъ диктаторомъ, но зато *французъ*. Одинъ былъ почетный гость Англии, левъ первой величины, на вершинѣ своей сающейся славы; другой былъ въ Англии, какъ дома, а визиты дѣлаются вновь пріѣзжающими. Словомъ, вопросъ этотъ, какъ квадратура круга, *regretum mobile*, былъ найденъ обоими дворами неразрѣшимымъ... А потому и рѣшили тѣмъ, чтобъ не ѣздить ни тому, ни другому, предоставляя дѣло встрѣчи волѣ божіей и случаю. Года три или

¹⁾ Pierre Soulé, американскій посланникъ въ Мадридѣ; былъ тяжело раненъ на дуэли.

²⁾ Робертъ-Дель, старшій сынъ Роберта Оуэна, министр-резидентъ Соед. Штатовъ въ Неаполѣ.

³⁾ Луи-Феликсъ, франц. посланникъ въ Мадридѣ.

⁴⁾ Джемсъ; въ 1856—1860 гг. былъ президентомъ Соед. Штатовъ.

четыре Ледрю-Ролленъ и Кошутъ, живя въ одномъ городѣ, имѣя общихъ друзей, общіе интересы и одно дѣло, должны были игнорировать другъ друга, а случая никакого не было. Маццини рѣшился помочь судьбѣ.

Передъ обѣдомъ, послѣ того, какъ Бюкененъ уже пережалъ намъ всѣмъ руки, изъявляя каждому свое полное удовольствіе, что познакомился лично, Маццини взялъ Ледрю-Роллена подъ руку, и въ то же самое время Бюкененъ сдѣлалъ такой же маневръ съ Кошутомъ, и, кротко подвигая виновниковъ, привели ихъ почти къ столкновенію и назвали ихъ другъ другу. Новые знакомые не остались въ долгу и осыпали другъ друга комплиментами—съ восточнымъ, цвѣтистымъ оттѣнкомъ со стороны великаго мадьяра и съ сильнымъ колоритомъ рѣчей конвента со стороны великаго галла...

Я стоялъ во время всей этой сцены у окна съ Орсини; взглянувъ на него, я былъ до смерти радъ, видя легкую улыбку, больше въ его глазахъ, чѣмъ на губахъ. «Послушайте,—сказалъ я ему,—какой мнѣ вздоръ пришелъ въ голову: въ 1847 году я видѣлъ въ Парижѣ, въ историческомъ театрѣ какую-то глупѣйшую военную пьесу, въ которой главную роль играли дымъ и стрѣльба, а вторую—лошади, пушки и барабаны. Въ одномъ изъ дѣйствій полководцы обѣихъ армій выходятъ для переговоровъ съ противоположныхъ сторонъ сцены, храбро идутъ противъ другъ друга, и, подойдя, одинъ снимаетъ шляпу и говорить:

«Souvaroff—Masséna!»,

на что другой ему отвѣчаетъ, тоже безъ шляпы:

«Masséna—Souvaroff!».

— Я самъ едва удержался отъ смѣха,—сказалъ мнѣ Орсини съ совершенно серьезнымъ лицомъ.

Хитрый старикъ Бюкененъ, мечтавшій тогда уже, несмотря на семидесятилѣтній возрастъ, о президентствѣ и потому говорившій постоянно о счастіи покоя, объ идиллической жизни и о своей дряхлости, любезничалъ съ нами такъ, какъ любезничалъ въ Зимнемъ дворцѣ съ Орловымъ и Бенкендорфомъ, когда былъ посломъ при Николаѣ. Съ Кошутомъ и Маццини онъ былъ прежде знакомъ; другимъ онъ говорилъ очень хорошо отдѣланные комплименты, напоминавшіе гораздо больше тертаго дипломата, чѣмъ суроваго гражданина демократической республики. Мнѣ онъ ничего не сказалъ, кромѣ того, что онъ долго былъ въ Россіи и вывезъ убѣжденіе, что она имѣетъ великую будущность. Я ему на это, разумѣется, ничего не сказалъ, а замѣтилъ, что помню его со временъ

коронаціи Николая. «Я былъ мальчикомъ, но вы были такъ замѣтны въ вашемъ простомъ черномъ фракѣ и въ круглой шляпѣ въ толпѣ шидой, золоченой, ливрейной знати»¹⁾.

Гарibaldi онъ замѣтилъ: «У васъ такая же слава въ Америкѣ, какъ въ Европѣ, только что въ Америкѣ еще прибавляется новый титулъ: тамъ васъ знаютъ — тамъ васъ знаютъ за отличнаго моряка».

За десертомъ, когда *the Saunders* уже вышла и намъ подали сигары съ еще большимъ количествомъ вина, Бьюкенень, сидѣвшій противъ Ледрю-Роллена, сказалъ ему, что «у него былъ знакомый въ Нью-Йоркѣ, говорившій, что онъ готовъ бы былъ съѣздить изъ Америки во Францію только для того, чтобъ познакомиться съ нимъ».

По несчастію, Бьюкенень какъ-то шамшилъ, а Ледрю-Ролленъ плохо понималъ по-англійски, въ силу чего вышло презабавное *qui pro quo*. Ледрю-Ролленъ думалъ, что Бьюкенень говоритъ это отъ себя, и съ французскимъ *effusion de reconnaissance*²⁾ сталъ его благодарить, и протянулъ ему черезъ столъ свою огромную руку. Бьюкенень принялъ благодарность и руку и съ тѣмъ невозможнымъ спокойствіемъ въ трудныхъ обстоятельствахъ, съ которымъ англичане и американцы тонуть съ кораблемъ или теряютъ полсостоянія, — замѣтилъ ему: «I think—it is a mistake»³⁾—это не я такъ думалъ, это одинъ изъ моихъ хорошихъ пріятелей въ New-York'ѣ».

Праздникъ кончился тѣмъ, что вечеромъ поздно, когда Бьюкенень уѣхалъ, а вслѣдъ за нимъ не счелъ болѣе возможнымъ остаться и Кошутъ и отправился съ своимъ министромъ безъ портфеля, — Сондерсъ сталъ умолять насъ снова сойти въ столовую, и онъ хотѣлъ самъ приготовить какой-то американскій пуншъ изъ стараго кентуккійскаго виски. Къ тому же Сондерсу тамъ хотѣлось вознаградить себя за отсутствіе сильныхъ гостей за будущую всемірную (бѣлую) республику и т. д., которыхъ, должно быть, осторожный Бьюкенень не допускалъ. За обѣдомъ пили тосты двухъ-трехъ гостей и его, безъ рѣчей.

Пока онъ жегъ какой-то алкоголь и приправлялъ его всякой всячиной, онъ предложилъ хоромъ *отслужить* марсельезу. Оказалось, что музыку ея порядкомъ зналъ одинъ Ворцель, зато у него было *extinction* голоса⁴⁾, да кое-какъ Маццини, — и пришлось

¹⁾ Я ни слова тогда не говорилъ по-англійски. Бьюкенень плохо понималъ по-французски. Ворцель ему переводилъ мои слова. А. И. Г.

²⁾ Порывомъ благодарности.

³⁾ Я думаю, это—ошибка.

⁴⁾ Голосъ пресѣкался.

звать американку Сондерсъ, которая сыграла марсельезу на гитарѣ.

Между тѣмъ, ея супругъ, окончивъ свою стряпню, попробовалъ, остался доволенъ и разлилъ намъ въ большія чайныя чашки. Не опасаясь ничего, я сильно хлебнулъ и въ первую минуту не могъ перевести духа. Когда я пришелъ въ себя и увидѣлъ, что Ледрю-Ролленъ собирался также усердно хлебнуть, я остановилъ его словами:

— Если вамъ дорога жизнь, то вы осторожнѣе обращайтесь съ кентуккійскимъ прохладительнымъ; я, русскій, да и то опалилъ себѣ небо, горло и весь пищевапріемный каналъ,—что же будетъ съ вами? Должно быть, у нихъ въ Кентукки пуншъ дѣлается изъ краснаго перца, настоеннаго на купоросномъ маслѣ.

Американецъ радовался, иронически улыбаясь, слабости европейцевъ. Подражатель Митридата ¹⁾ съ молодыхъ лѣтъ, я одинъ подавъ пустую чашку и попросилъ еще. Это химическое сродство съ алкоголемъ ужасно подняло меня въ глазахъ консула.

— Да, да,—говорилъ онъ,—только въ Америкѣ и въ Россіи люди и умѣютъ пить.

Да, есть и еще больше ястное сходство, подумалъ я: только въ Америкѣ и въ Россіи умѣютъ крѣпостныхъ засѣкать до смерти.

Пуншемъ 70° окончился этотъ обѣдъ, испортившій больше иррови нѣмецкимъ фолликуляріямъ ²⁾, чѣмъ желудокъ обѣдавшимъ.

За трансатлантическимъ обѣдомъ слѣдовала попытка *международнаго комитета*—послѣднее усиліе чартистовъ и изгнанниковъ соединенными силами заявить свою жизнь и свой союзъ. Мысль этого комитета принадлежала Эрнсту Джонсу. Онъ хотѣлъ оживить дряхлѣвшій не по лѣтамъ чартизмъ, сблизить англійскихъ работниковъ съ французскими социалистами. Общественнымъ актомъ этой *entente cordiale* ³⁾ назначенъ былъ митингъ въ воспоминаніе 24 февраля 1848.

Международный комитетъ избралъ между десятками другихъ и меня своимъ членомъ, прося меня сказать рѣчь о Россіи; я поблагодарилъ ихъ письмомъ, рѣчи говорить не хотѣлъ; тѣмъ бы и заключилъ, если-бъ Марксъ и Головинъ не вынудили меня явиться наздо имъ на трибунѣ St.-Martins Hall.

Сначала Джонсъ получилъ письмо отъ какого-то нѣмца, протестовавшаго противъ моего избранія. Онъ писалъ, что я—извѣст-

¹⁾ Митридатъ обезпечивалъ себя отъ дѣйствія ядовъ частыми приемами противоядій.

²⁾ Folliculaire—газетный пасквилянтъ.

³⁾ Сердечное согласіе.

ный панславистъ; что я писалъ о необходимости завоеванія Вѣны, которую назвалъ славянскою столицей; что я проповѣдую русское крѣпостное состояніе, какъ идеаль для земледѣльческаго населенія. Во всемъ этомъ онъ ссылаясь на мои письма къ Линтону («La Russie et le vieux monde»). Джонсъ бросилъ безъ вниманія патриотическую клевету.

Но это письмо было только авангарднымъ рекогносцированіемъ. Въ слѣдующее засѣданіе комитета Марксъ объявилъ, что онъ считаетъ мой выборъ несомвѣстнымъ съ цѣлью комитета, и предлагалъ выборъ уничтожить. Джонсъ замѣтилъ, что это не такъ легко, какъ онъ думаетъ; что комитетъ, избравши лицо, которое вовсе не заявляло желанія быть членомъ, и сообщивши ему официально избраніе, не можетъ измѣнить рѣшенія по желанію одного члена; что пусть Марксъ формулируетъ свои обвиненія, и онъ ихъ предложитъ теперь же на обсужденіе комитета.

На это Марксъ сказалъ, что онъ меня лично не знаетъ; что онъ не имѣетъ никакого частнаго обвиненія, но находитъ достаточнымъ, что я русскій, и притомъ *русскій, который во всемъ, что писалъ, поддерживаетъ Россію*; что, наконецъ, если комитетъ не исключитъ меня, то онъ, Марксъ, со всѣми своими будетъ принужденъ выйти.

Эрнстъ Джонсъ, французы, поляки, итальянцы, челоуѣка два-три нѣмцевъ и англичане вотировали за меня. Марксъ остался въ страшномъ меньшинствѣ. Онъ всталъ и съ своими присными оставилъ комитетъ и не возвращался болѣе.

Побитые въ комитетѣ, марксисты отретировались въ свою твердыню—въ «Morning Advertiser». Герстъ и Блекетъ издали англійскій переводъ одного тома «Былого и думъ», включивъ въ него «Тюрьму и ссылку»; чтобъ товаръ продать лицомъ, они, не обинуясь, поставили: «My exile in Siberia» на заглавномъ листѣ. «Express» первый замѣтилъ это фанфаронство. Я написалъ къ издателю письмо, и другое—въ «Express». Герстъ и Блекетъ объявили, что заглавіе было сдѣлано ими, что въ оригиналѣ его нѣтъ, но что Гофманъ и Кампе поставили въ нѣмецкомъ переводѣ тоже «въ Сибирь». «Express» все это напечаталъ. Казалось, дѣло было кончено. Но «Morning Advertiser» началъ меня шпиговать въ недѣлю раза два-три. Онъ говорилъ, что я слово «Сибирь» употребилъ для лучшаго сбыта книги, что я протестовалъ *черезъ пять дней* послѣ выхода книги, т.-е. давши время сбыть изданіе. Я отвѣчалъ; они сдѣлали рубрику: «Case of M. Н» ¹⁾, какъ помѣщаютъ дополненія къ убійствамъ или

¹⁾ «Дѣло г. Г.».

уголовнымъ процессамъ. Адвертейзеровскіе нѣмцы не только сомнѣвались въ Сибири, приписанной книгопродавцемъ, но и въ самой ссылкѣ. «Въ Вяткѣ и Новгородѣ г. Г. былъ на *императорской* службѣ; гдѣ же и когда онъ былъ въ ссылкѣ?»

Наконецъ, интересъ изсякъ, и «Morning Advertiser» забылъ меня.

Прошло четыре года. Началась итальянская война ¹⁾. Красный Маркъ избралъ самый черно-желтый журналъ въ Германіи, «Аугсбургскую Газету», и въ ней сталъ выдавать (анонимно) Карла Фогта за агента принца Наполеона, Кошута, С. Телеки, Пульскаго и пр.,—какъ продавшихся Бонапарту. Вслѣдъ затѣмъ онъ напечаталъ: «Г., по самымъ вѣрнымъ источникамъ, получаетъ большія деньги отъ Наполеона. Его близкія сношенія съ Palais-Royal'емъ были и прежде не тайной».

Я не отвѣчалъ, но зато былъ почти обрадованъ, когда тощій лондонскій журналъ «Herald» помѣстилъ статейку, въ которой говорилъ, несмотря на то, что я десять разъ отвѣчалъ, что этого никогда не писалъ, что «я рекомендую Россіи завоевать Вѣну и считать ее столицей славянскаго міра». ¹⁶

Мы сидѣли за обѣдомъ,—человѣкъ десять; кто-то рассказывалъ изъ газетъ о злодѣйствахъ, сдѣланныхъ Урбаномъ ²⁾ со своими пандурами возлѣ Комо. Кавуръ обнародовалъ ихъ. Что касается до Урбана, въ немъ сомнѣваться было грѣшно. Кондотьеръ безъ роду и племени, онъ родился гдѣ-то на бивакахъ и выросъ въ какихъ-то казармахъ; *filie du régiment* мужского пола и по всему, *par droit de conquête et par droit de naissance* ³⁾, свирѣпый солдатъ, пандуръ и грабитель. Дѣло было какъ-то около Мадженты и Сольферино ⁴⁾ Нѣмецкій патріотизмъ былъ тогда въ періодѣ злѣйшей ярости; классическая любовь къ Италіи, патріотическая ненависть къ Австріи,—все исчезло передъ *патосомъ* ⁵⁾ національной гордости, хотѣвшей, во что бы то ни стало, удержать чужой «кладрилатеръ» ⁶⁾. Баварцы собирались итти, несмотря на то, что ихъ никто не по-

¹⁾ Между Пиемонтомъ и Франціей съ Австріей, 1859 г.

²⁾ Карлъ, австрійскій фельдмаршалъ; дѣйствовалъ противъ Гарибальди, котораго окружилъ при Варезе, но послѣ сраженія при Маджентѣ долженъ былъ отступить; окончилъ жизнь самоубійствомъ.

³⁾ Дочь полка; по праву завоеванія и по праву рожденія.

⁴⁾ Два сраженія, рѣшившія итальянскую войну 1859 г. въ пользу Пиемонта и Франціи.

⁵⁾ Phathos—паоось.

⁶⁾ Четвероугольникъ изъ крѣпостей: Мантуя, Верона, Пескьера и Леньяно, на границѣ Венеціанской области и Ломбардіи.

сылали, никто не звалъ, никто не пускали. Гремя ржавыми саблями бейфрейюнгс-крига ¹⁾, они запаивали пивомъ и засыпали цвѣтами всякижъ кроатовъ и далматовъ, шедшихъ битъ итальянцевъ за Австрію и за свое собственное рабство. Либеральный изгнанникъ Бухеръ ²⁾ и какой-то, должно быть, (побочный потомокъ Барбароссы, Родбертусъ ³⁾) протестовали противъ всякаго притязанія иностранцевъ (т.-е. итальянцевъ) на Венецію.

При этихъ неблагоприятныхъ обстоятельствахъ и былъ, между супомъ и рыбой, поднятъ несчастный вопросъ о злодѣйствахъ Урбана.

— Ну, а если это неправда?—замѣтилъ нѣсколько побѣднѣвшій D-г. Мюллеръ-Стрюбингъ изъ Мекленбурга по тѣлесному и Берлина по духовному рожденію.

— Однакожъ, нота Кавура...

— Ничего не доказываетъ.

— Въ такомъ случаѣ,—замѣтилъ я,—можетъ, подъ Маджентой австрійцы разбили наголову французовъ: вѣдь, никто изъ насъ не былъ тамъ.

— Это другое дѣло: тамъ тысячи свидѣтелей, а тутъ какіе-то итальянскіе мужики.

— Да что за охота защищать австрійскихъ генераловъ?... Развѣ мы ихъ и прусскихъ генераловъ и офицеровъ не знаемъ до 1848 г.? Эти проклятые юнкера, съ дерзкимъ лицомъ и надменнымъ видомъ...

— Господа, — замѣтилъ Мюллеръ — прусскихъ офицеровъ не ослѣдуетъ оскорблять и ставить на ряду съ австрійскими.

— Такихъ тонкостей мы не знаемъ, всё они несносны, противны. Мнѣ кажется, что всё они, да и вдобавокъ наши лейбъ-гвардейцы, такіе же...

— Кто обижаетъ прусскихъ офицеровъ, обижаетъ прусскій народъ: они съ нимъ неразрывны, — и Мюллеръ, совсѣмъ блѣдный, отставилъ въ первый разъ отроду дрожащей рукой стаканъ налидаго пива.

— Нашъ другъ Мюллеръ—величайшій патриотъ Германіи,—сказалъ я, всё еще полушутя; — онъ на алтарь отечества приноситъ больше, чѣмъ жизнь, больше, чѣмъ обожженную руку: онъ жертвуетъ здравымъ смысломъ.

¹⁾ Befreiungskrieg—освободительная война.

²⁾ Лотаръ, членъ прусскаго парламента, въ 1850 г. эмигрировалъ въ Лондонъ.

³⁾ Карлъ, извѣстный нѣм. экономистъ и политич. дѣятель.

— И нога его не будетъ въ домѣ, гдѣ обижаютъ германскій народъ! — съ этими словами мой докторъ философіи всталъ, бросилъ на столъ салфетку, какъ матеріальный знакъ разрыва, и мрачно вышелъ... Съ тѣхъ поръ мы не видались.

А, вѣдь, мы съ нимъ пили на «Du»¹⁾ у Стеели, Gendarmen-Platz, въ Берлинѣ, въ 1847 году, и онъ былъ самый лучший и самый счастливый нѣмецкій Bummelg²⁾ изъ всѣхъ, видѣнныхъ мною. Не вѣзжая въ Россію, онъ какъ-то всю жизнь прожилъ съ русскими, и біографія его не лишена для насъ интереса.

Какъ всѣ нѣмцы, не работающіе руками, Мюллеръ училъ древнимъ языкамъ очень долго и подробно, зналъ ихъ очень хорошо и много. Его образованіе было до того упорно классическое, что не имѣлъ времени никогда заглянуть ни въ какую книгу объ естествовѣдѣніи, хотя естественныя науки уважалъ, зная, что Гумбольдтъ ими занимался всю жизнь. Мюллеръ, какъ всѣ филологи, умеръ бы отъ стыда, если-бъ онъ не зналъ какую-нибудь книжонку—средневѣковую или классическую дрянъ, и не обинуясь признавался, напр., въ совершенномъ невѣдѣніи физики, химіи и пр. Страстный музыкантъ безъ Anschlag'a³⁾ и голоса, платоническій эстетикъ, неумѣвшій карандаша въ руки взять и изучавшій картины и статуи въ Берлинѣ, Мюллеръ началъ свою карьеру глубокомысленными статьями объ игрѣ талантливыхъ, но все неизвѣстныхъ берлинскихъ актеровъ въ «Шпенеровой Газетѣ»⁴⁾, и былъ страстнымъ любителемъ спектакля. Театръ, впрочемъ, не мѣшалъ ему любить, вообще, всѣ зрѣлища, отъ звѣринцевъ съ пожилыми львами и умывающимися бѣлыми мѣдвѣдами и фокусниковъ до панорамъ, космограмъ, акробатовъ, телятъ съ двумя головами, восковыхъ фигуръ, ученыхъ собакъ и пр. Въ жизнь мою я не видывалъ такого *дьявольскаго лѣнтяя*, такого вѣчно занятаго празношатающагося. Утомленный, въ поту, въ пыли, измятый, затасканный, приходилъ онъ въ одиннадцатомъ часу вечера и бросался на диванъ... Вы думаете, у себя въ комнатѣ? совсѣмъ нѣтъ,—въ учено-литературной бирь-кнейпѣ⁵⁾, у Стеели, и принимался за пиво. Выпивалъ онъ его нечеловѣческое количество, безпрестанно стучалъ крышкой кружки, и Jungfer уже знала безъ словъ и просьбы, что слѣдуетъ нести другую. Здѣсь, окруженный отставными актерами и еще непринятными въ литературу писателями, проповѣдывалъ Мюллеръ часы с.

¹⁾ На «ты».

²⁾ Кутила.

³⁾ Туше.

⁴⁾ «Spencersche Zeitung», выходила въ Берлинѣ въ 1740—1874 гг.

⁵⁾ Bier-Kneipe—пивная.

Каульбахъ ¹⁾ и Корнелиусъ ²⁾, о томъ, какъ пѣлъ въ этотъ вечеръ Лабочета (!) въ королевской оперѣ, о томъ, какъ мысль губить стихотвореніе и портить картину, убивая ея непосредственность, и вдругъ вскакивалъ, вспомнивъ, что онъ долженъ завтра, въ восемь часовъ утра бѣжать къ Пассаланьи, въ египетскій музей смотрѣть новую мумію; и это непременно въ восемь часовъ, потому что въ половинѣ десятаго одинъ пріятель обѣщалъ ему сводить его въ конюшню англійскаго посланника показать, какъ англичане отлично содержатъ лошадей. Схваченный такимъ воспоминаніемъ, Мюллеръ, извиняясь, наскоро выпивалъ кружку, забывая то очки, то платокъ, то крошечную табакерку, бѣжалъ въ какой-то переулокъ за Шпре, подымался въ четвертый этажъ и торопился выспаться, чтобъ не заставить дожидаться мумію, три-четыре тысячи лѣтъ покоившуюся, не нуждаясь ни въ Пассаланьи, ни въ D-г Мюллерѣ.

Безъ гроша денегъ и тратя послѣднія на cerealia и circenses ³⁾, Мюллеръ жилъ на Антоніевой пицѣ, храня внутри сердца непреодолимую любовь къ кухоннымъ рѣдкостямъ и столовымъ лакомствамъ. Зато, когда фортуна ему улыбалась, и его несчастная любовь могла перейти въ реальную, онъ торжественно доказывалъ, что онъ не только уважалъ категорію качества, но столько же отдавалъ справедливости категоріи количества.

Судьба, рѣдко балующая нѣмцевъ, особенно идущихъ по филологической части, сильно баловала Мюллера. Онъ случайно попалъ въ пассатное русское общество, и притомъ молодыхъ и образованныхъ русскихъ. Оно завертѣло его, закармило, запоило. Это было лучшее, поэтическое время его жизни, Genussjahre ⁴⁾! Лица мѣнялись, пиръ продолжался, безсмѣннымъ былъ одинъ Мюллеръ. Кого и кого, съ 1840 года, не водилъ онъ по музеямъ, кому не объяснялъ Каульбаха, кого не водилъ въ университетъ? Тогда была эпоха поклоненія Германіи въ пущемъ разгарѣ; русскій оставивался съ почтеніемъ въ Берлинѣ и, тронутый, что попираетъ философскую землю, которую Гегель попиралъ, поминалъ его и учениковъ его съ Мюллеромъ языческими возліянiями и страсбургскими пирогами.

Эти событія могли разстроить все міросозерцаніе какого угодно нѣмца. Нѣмецъ не можетъ однимъ синтезисомъ обнять страсбургскіе пироги и шампанское съ изученіемъ Гегеля, идущимъ даже до

¹⁾ Вильгельмъ, знаменитый живописецъ.

²⁾ Петръ, тоже.

³⁾ Празднества въ честь Цереры и зрѣлища; намекъ на пристрастіе Мюллера къ пиву.

⁴⁾ Годы наслажденія.

брошюръ Маргейнеке, Бадера, Вердера, Шиллера, Розенкранца и всѣхъ въ жизни успѣвшихъ знаменитостей сороковыхъ годовъ. У нихъ все еще, если страбургскій пирогъ—то банкиръ, если Шап-пагер—то юнкеръ.

Мюллеръ, довольный, что нашелъ такое вкусное сочетаніе науки съ жизнью, сбился съ ногъ; покоя ему не было ни одного дня. Русская семья, усаживаясь въ почтовую карету (или потомъ въ вагонъ), чтобъ ѣхать въ Парижъ, перебрасывала его, какъ ракета волакъ, къ русской семьѣ, подъѣзжавшей изъ Кенигсберга или Штетина. Съ проводовъ онъ торопился на встрѣчу, и горькое пиво разлуки было нагоняемо сладкимъ пивомъ новаго знакомства. Виргилій философскаго чистилища, онъ вводилъ сѣверныхъ неофитовъ въ берлинскую жизнь и разомъ открывалъ имъ двери въ святилище *des reinen Denkens und des deutschen Kneipens* ¹⁾. Чистые душою соотечественники наши оставляли съ увлеченіемъ и порядочное вино, и прибранныя комнаты отелей, чтобы бѣжать съ Мюллеромъ въ душную полпивную. Они всѣ были внѣ себя отъ буршикозной ²⁾ жизни, и скверный табачный дымъ Германіи имъ сладокъ и приятенъ былъ.

Въ 1847 году и я дѣлилъ эти увлеченія, и мнѣ казалось, что я какъ-то выше станѣлюсь въ общественномъ значеніи отъ того, что по вечерамъ встрѣчалъ въ полпивной Ауэрбаха, читавшаго карикатурно Шиллерову «*Bürgschaft*» и рассказывавшаго смѣшные анекдоты, въ родѣ того, какъ русскій генералъ покупалъ для двора какія-то картины въ Дюссельдорфѣ. Генералъ былъ не совсѣмъ доволенъ величиной картины и думалъ, что живописецъ хочетъ его обмѣрить.

«*Гутъ*, — говоритъ онъ, — *аберъ кляйнъ. Кейзеръ liebt grosse Bilder, Кейзеръ sehr klug; Gott klüger, aber Кейзеръ noch jung* ³⁾» и т. п. Сверхъ Ауэрбаха, тамъ бывали два-три *берлинскихъ* (что было въ этомъ звукѣ для русскаго уха сороковыхъ годовъ!) профессора, одинъ изъ нихъ въ какомъ-то сюртукѣ на *военный манеръ*, и какой-то спившійся актеръ, который былъ недоволенъ современнымъ сценическимъ искусствомъ и считалъ себя неузнаннымъ гениемъ. Этого неоцѣннаго Тальму заставляли всякій вечеръ пѣть куплеты «о покушеніи Фіеско на Людовика-Филиппа» и, немного потише, о выстрѣлѣ чеха въ прусскаго коррля.

¹⁾ Чистаго мышленія и нѣмецкаго пьянства.

²⁾ *Burschikos*—студенческой.

³⁾ Хороши, но малы. Государь любитъ большія картины, государь очень уменъ; Богъ умнѣе, но государь еще молодъ.

Hatte Keiner je so Pech
Wie der Bürgermeister Tschech,
Denn er schoss der Landesmutter
Durch den Rock ins Unterfutter ¹⁾.

Вотъ она свободная-то Европа!.. вотъ онѣ Аѳины на Шпрее!
И какъ мнѣ было жаль друзей на Тверскомъ бульварѣ и на Невскомъ проспектѣ.

Зачѣмъ износились всѣ эти чувства непочатости, сѣверной свѣжести и невѣдѣнія, удивленія, поклоненія? Все это—оптический обманъ. Что же за бѣда? развѣ мы въ театрѣ ходимъ не изъ-за оптического обмана? только тутъ мы сами въ заговорѣ съ обманщикомъ, а тамъ обманъ, если и есть, то нѣтъ обманщика. Потому всякій увидитъ свои ошибки, улыбнется, немного посовѣстится, солжетъ, что этого никогда не было. А веселія-то минуты *были-таки*.

Зачѣмъ видѣть сразу всю подноготную? Мнѣ просто хотѣлось бы воротиться къ прежнимъ демократіямъ и взглянуть на нихъ съ лицевой стороны: «Луиза, обмани меня... солги, Луиза! ²⁾»

Но Луиза (тоже Мюллеръ), отворачиваясь отъ старика, говоритъ, надувши губки: «Ach, um Himmelsgnaden, lassen Sie doch ihre Torheiten und gehen Sie, mir Ihren Weg» ³⁾—и бреди себѣ по мостовой изъ бульжника, въ пыли, шумѣ, трескѣ, въ безотраднѣхъ, ненужныхъ мелькающихъ встрѣчахъ, ничѣмъ не наслаждаясь, ничему не удивляясь и торопясь къ выходу—зачѣмъ? Затѣмъ, что его миновать нельзя.

Возвращаясь къ Мюллеру, я долженъ сказать, что не все же онъ жилъ бабочкой, перелетая отъ Кронгартена Подъ-Липы ⁴⁾. Нѣтъ, и его молодость имѣла свою героическую главу. Онъ высидѣлъ цѣлыхъ *пять лѣтъ* въ тюрьмѣ и никогда порядкомъ не зналъ, за что, такъ же, какъ и философское правительство, которое его засадило; тогда послѣдовали отголоски гамбахскаго праздника ⁵⁾, студенческихъ рѣчей, брудершафтскихъ тостовъ, буршентумскихъ идей у тугендбундскихъ воспоминаній. Вѣроятно, и Мюллеръ что-нибудь вспомнилъ,—его и посадили. Конечно, во всѣхъ Пруссіяхъ, съ Вест-

¹⁾ Никто никогда не терпѣлъ такой неудачи.
Какъ бургомистръ Чехъ,
Вѣдь, онъ прострѣлялъ модкладку
Въ юбокѣ матери страны.

²⁾ Слова Фердинанда въ «Коварствѣ и любви» Шиллера.

³⁾ Ахъ, ради бога, оставьте свои глупости и ступайте своей дорогою!

⁴⁾ Улицы Берлина.

⁵⁾ 27 мая 1832 г. надъ замкомъ Гамбахъ, въ Баваріи, сторонники германскаго объединенія устроили громадное собраніе для протеста противъ германскаго рейхстага.

фаліей и Рейнскими провинціями, не было субъекта меньше опаснаго для правительства, какъ Мюллеръ: Мюллеръ родился зрителемъ, шаферомъ, публикой. Во время берлинской революціи 1848 онъ отнесся къ ней точно такъ же; онъ бѣгалъ съ улицы на улицу, подвергаясь то пулѣ, то аресту, для того, чтобъ посмотрѣть, что тамъ дѣлается и что тутъ.

Послѣ революціи отеческое управление короля-богослова и философа стало тяжело, и Мюллеръ, походивши еще съ полгода къ Стеели и Пассаланьѣ, началъ скучать. Звѣзда его стояла высоко: спасеніе было возлѣ. Полина Гарсія-Віардо пригласила его къ себѣ въ Парижъ. Она была такъ покрыта нашими подсиѣжными вѣнками, такъ окружена сѣверной любовью нашей, что сама состояла на правахъ русской и имѣла, стало-быть, въ свою очередь, неотъемлемое право на чичеронство Мюллера въ Берлинѣ. Віардо звала его погостить у нихъ. Быть въ домѣ у умной, блестящей, образованной Віардо значило разомъ перешагнуть пропасть, которая дѣлитъ всякаго туриста отъ парижскаго и лондонскаго общества, всякаго нѣмца безъ *особенныхъ примѣтъ* отъ французовъ. Быть у нея въ домѣ значило быть въ кругу артистовъ и либераловъ маррастовскаго цвѣта, литераторовъ, Ж. Сандъ и пр. Кто не позавидовалъ бы Мюллеру и его дебютамъ въ Парижѣ?..

На другой день послѣ своего пріѣзда онъ приближалъ ко мнѣ, совершенно запаленный отъ усталости и суеты, и, не имѣя времени сказать двухъ словъ, выпилъ бутылку вина, разбилъ стаканъ, взял мою трубочку и побѣжалъ въ театръ. Въ театрѣ онъ трубочку потерялъ и, проведя цѣлую ночь по разнымъ полицейскимъ домамъ, явился ко мнѣ съ повинной головой. Я отпустилъ ему грѣхъ бинокля за удовольствіе, которое мнѣ онъ доставлялъ своимъ медовымъ мѣсяцемъ въ Парижѣ. Тутъ только онъ показалъ всю ширь своихъ способностей; онъ выросъ ненасытностью всего на свѣтѣ: картинъ, дворцовъ, звуковъ, видовъ, потрясеній, ѣды и питья. Проглотивъ три-четыре дюжины устрицъ, онъ принимался за три друшихъ, потомъ за омара, потомъ за цѣлый обѣдъ; окончивъ бутылку шампанскаго, онъ наливалъ съ такимъ же наслажденіемъ стаканъ пива; сходя съ лѣстницы Вандрмской колонны, онъ шелъ на куполь Пантеона, и тамъ и тутъ удивляясь громкимъ и наивнымъ удивленіемъ нѣмца, этого провинціала по натурѣ. Между волкомъ и собакой ¹⁾ забѣгалъ онъ ко мнѣ, выпивалъ галонъ пива, ѣлъ, что попало, и когда волкъ бралъ верхъ надъ собакой, Мюллеръ ужъ

¹⁾ Entre loup et chien—въ сумерки.

сидѣлъ въ райкѣ какого-нибудь театра, заливаясь громкимъ гутуральнымъ хохотомъ и потомъ, струившимся со всего лица его.

Не успѣлъ еще Мюллеръ досмотрѣть Парижъ и догадаться, что онъ становится невыносимо противенъ, какъ Ж. Сандъ увезла его къ себѣ въ Nohant. Для элегантной Віардо Мюллеръ à la longue былъ слишкомъ грузенъ; съ нимъ случались въ ея гостиной разныя несчастья. Разъ какъ-то онъ съ неосторожной скоростью уничтожилъ цѣлую корзиночку какихъ-то особенныхъ чудесъ, приготовленныхъ къ чаю для десяти человѣкъ, такъ что, когда Віардо ихъ предложила, въ корзинкѣ были однѣ крошки, и не въ одной корзинкѣ, а и на усахъ Мюллера ¹⁾).

Віардо передала его Ж. Сандъ. Ж. Сандъ, наскучивъ Парижемъ, ѣхала на покойное помѣщичье житье. Ж. Сандъ сдѣлала съ Мюллеромъ чудеса. Она какъ-то вычистила, прибрала, привела его въ порядокъ; исчезъ темный табакъ, покрывавшій верхнюю часть его бѣлокурыхъ усовъ, и доля нѣмецкихъ кнейповыхъ пѣсенъ замѣнилась французскими, въ родѣ: «Pricadier, répontit Pantore» ²⁾). Зачѣмъ онъ не утонулъ, купаясь въ Nohant? зачѣмъ не зашибла его гдѣ-нибудь желѣзная дорога? Жизнь его окончилась бы, не зная горя, веселой прогулкой по кунсткамерѣ съ буфетами, плошками и музыкой. Мюллеръ вставилъ въ Nohant двойную рамку лорнета въ глазъ и помолодѣлъ; когда онъ пріѣхалъ въ Парижъ въ отпускъ, я его едва узналъ. Послѣ 13 июня 1849 я уѣхалъ изъ Парижа; геройство Мюллера, кричавшаго «Au armes!» ³⁾ на Chaussée d'Antin, я рассказалъ въ другомъ мѣстѣ ⁴⁾). Возвратившись въ 1850 году въ Парижъ, я Мюллера не видѣлъ: онъ былъ у Ж. Сандъ. Меня выслали изъ Франціи. Года черезъ два я былъ въ Лондонѣ и шелъ по Трафальгарской площади. Какой-то господинъ пристально смотрѣлъ въ вставленный лорнетъ на Нельсона; досмотрѣвши его съ лицевой стороны, онъ занялся правой. «Да, это онъ! кажется, онъ».

Между тѣмъ, господинъ занялся спиной адмирала.—«Мюллеръ!»—закричалъ я ему. Онъ не тотчасъ пришелъ въ себя: такъ

¹⁾ И. Тургеневъ говорилъ о Мюллерѣ, что, садясь за закуску, онъ съ опытностью искуснаго полководца осматривалъ позицію и, если находилъ слабое мѣсто, что недостаетъ вина или мяса, онъ тотчасъ нападалъ на него и бралъ себѣ двойную порцію. *А. И. Г.*

²⁾ Подражаніе нѣмецкому произношенію; собственно: Brigadier, répondit Pandore, т.-е.: Бригадиръ, отвѣтилъ Пандоръ — слова очень популярной во Франціи и теперь шансонетки. Pandore — уличное прозвище жандарма, въ родѣ нашего «фараонъ».

³⁾ Къ оружію!

⁴⁾ Т. XIII, стр. 322.

его заняла плохая статуя сквернаго человѣка; но потомъ, съ крикомъ «Potz Tausend!»¹⁾, бросился ко мнѣ. Онъ переѣхалъ на житье въ Лондонъ,—счастливая звѣзда его померкла. Да и трудно сказать, зачѣмъ онъ пріѣхалъ именно въ Лондонъ. Буммлеру, когда у него есть деньги, нельзя не побывать въ Лондонѣ: въ немъ будеть пробѣлъ, раскаяніе, неудовлетворенное желаніе; но жить въ Лондонѣ ему нельзя и съ деньгами, а безъ денегъ и думать нечего.

Въ Лондонѣ надобно работать въ *самомъ дѣлѣ*, работать безостановочно, какъ локомотивъ, правильно, какъ машина. Если человѣкъ отошелъ на день, на его мѣстѣ стоятъ двое другихъ; если человѣкъ занемогъ, его считаютъ мертвымъ всѣ, отъ кого ему надобно получать работу, и здоровымъ всѣ, кому надобно получать отъ него деньги.

Мюллеръ, Мюллеръ!... Куда ты попалъ изъ должности Виргилія въ Берлинѣ, изъ салоновъ Віардо, изъ помѣщичьей нѣги Ж. Сандъ! Прощай, ноганскіе пресале²⁾ и пулярдки; прощай, русскіе завтраки, продолжающіеся до вечера, и русскіе обѣды, оканчивающіеся на другой день; да прощай и русскіе: въ Лондонъ русскіе ѣздили на скорую руку, сконфуженные, потерянные; имъ было не до Мюллера. Да, кстати, прощай и солнце, которое такъ хорошо грѣетъ и весело свѣтитъ, когда нѣтъ денегъ на внутреннее топливо... Туманъ, дымъ и вѣчная борьба работы, бой изъ-за работы!

Года черезъ три Мюллеръ сталъ замѣтно старѣть; морщины прорѣзывались глубже и глубже,—онъ опускался. Уроки не шли (несмотря на то, что онъ на нѣмецкій ладъ былъ очень основательно ученъ). Зачѣмъ онъ не ѣхалъ въ Германію? Трудно сказать, но, вообще, у нѣмцевъ, даже у такихъ неистовыхъ патріотовъ, какъ Мюллеръ, дѣлается, проживши нѣсколько лѣтъ внѣ Германіи, непреодолимое отвращеніе отъ родины, что-то въ родѣ обратнаго Heimweh³⁾. Въ Лондонѣ онъ не могъ свести концовъ. Длинная масленица, длившаяся около десяти лѣтъ, кончилась, и суровый постъ захватилъ добродушнаго буммлера; потерянный, вѣчно ищущій захватить денегъ, кругомъ въ маленькихъ долгахъ, онъ былъ жалокъ и становился диккенсовскимъ лицомъ, все еще доканчивалъ «Эрика», все еще мечталъ, что продастъ его и заслужитъ разомъ талеры и лавры,—но «Эрикъ» былъ упоренъ и не оканчивался, и Мюллеръ, чтобъ освѣжиться, позволялъ себѣ, сверхъ пива, одну роскошь—

¹⁾ Тыфу, пропасть!

²⁾ Pré-salé—баранина (овець приморскихъ луговъ).

³⁾ Тоска по родинѣ.

plaisir-train въ воскресенье. Онъ платилъ очень дешево за большія пространства и ничего не видалъ.

«Я ѣду на Isle of Wight, назадъ и впередъ (помнится, 4 шилл.) и завтра утромъ рано буду опять въ Лондонѣ». Что же ты увидишь тамъ? «Да, но зато четыре шиллинга!» Бѣдный Мюллеръ, бѣдный буммлеръ!

А впрочемъ, пусть онъ съѣздитъ въ Рейдъ, не выдавши его; лишь бы также не видалъ будущаго: въ его гороскопѣ не осталось ни одной свѣтлой точки, ни одного шанса. Онъ, бѣдняга, безотрадно и безслѣдно исчезнетъ въ лондонскомъ туманѣ. ¹⁶

ГЛАВА VIII.

ЛОНДОНСКАЯ ВОЛЬНИЦА ПЯТИДЕСЯТЫХЪ ГОДОВЪ ¹⁾.

Простыя несчастія и несчастія политическія.—Учителя и комиссіонеры.—
Ходебчики и хожалые.—Ораторы и эпистоляторы.—Ничего не дѣлающіе фак-
тотумы и вѣчно занятые трутни.—Русскіе.—Шпіоны.

Отрывокъ этотъ идетъ *за* описаніемъ «горныхъ вершинъ» эмиграціи, отъ ихъ вѣчно красныхъ утесовъ до низменныхъ болотъ и «сѣрныхъ копей» ²⁾. Я прошу читателя не забывать, что въ этой главѣ мы опускаемся съ нимъ ниже уровня моря и занимаемся исключительно илистымъ дномъ его, такъ, какъ оно было послѣ февральскаго шквала.

Почти все описанное здѣсь измѣнилось, исчезло; политическіе подонки пятидесятыхъ годовъ занесло новыми песками и новыми грязями. Истощился, притихъ, вымеръ этотъ низменный міръ волненій и гоненій; отстой его успокоился и занялъ свое мѣсто въ слойкѣ. Оставшіяся личности становятся рѣдкостью, и я ужъ люблю ъ ними встрѣчаться.

Печально уродливы, печально смѣшны нѣкоторые изъ образовъ, которые я хочу вывести, но они всѣ писаны съ натуры, — безслѣдно исчезнуть и они не должны.

¹⁾ Изъ V тома «Былого и думъ». А. И. Г.

²⁾ Die Schwefelbande. А. И. Г. ³⁾

³⁾ Въ своей полемикѣ съ Марксомъ и др. въ 1859 г. К. Фогтъ, говоря о лондонской нѣмецкой эмиграціи 1849—51 гг., сказалъ, что въ ней образовались группы, называвшіеся швейцарцами «Bürstenheimer» и «Schwefelbande».

... Отъ *стрной шайки*, какъ сами нѣмцы называютъ марксидовъ, естественно и не далеко перейти къ послѣднимъ подонкамъ, къ мутной гушѣ, которая осѣдаетъ отъ континентальныхъ толчковъ и потрясеній на британскихъ берегахъ и пуще всего въ Лондонѣ.

Можно себѣ представить, сколько противоположнаго снадобья захватываютъ съ собой съ материка и оставляютъ въ Англии приливы и отливы революцій и реакцій, истощающихъ, какъ перемежающаяся лихорадка, европейскій организмъ, и что за удивительные слои людей низвергаются этими волнами и бродятъ по сырому, топкому лондонскому дну. Каковъ долженъ быть хаосъ понятій, воззрѣній у этихъ образцовъ всѣхъ нравственныхъ формацій и реформацій, всѣхъ протестовъ, всѣхъ утопій, всѣхъ отчаяннй, всѣхъ надеждъ, встрѣчающихся въ закоулкахъ, харчевняхъ и питейныхъ домахъ Лестеръ-сквера и его *проселочныхъ* переулковъ. «Тамъ, гдѣ, по выраженію «Таймса», обитаетъ жалкое населеніе чужеземцевъ, носящихъ шляпы, какихъ никто не носитъ, и волосы тамъ, гдѣ ихъ ненадобно, населеніе несчастное, убогое, загнанное и котораго трепещутъ всѣ сильные монархи Европы, кромѣ англійской королевы». Да, тамъ, дѣйствительно, по public hous'амъ ¹⁾ и харчевнямъ сидятъ эти чужіе, эти гости, за джиномъ съ горячей водой, съ холодной водой и совсѣмъ безъ воды, горькимъ портеромъ въ кружкѣ и съ еще больше горькими словами на губахъ, поджидая революціи, къ которой они больше неспособны, и денегъ отъ родныхъ, которыхъ никогда не получаютъ.

Какихъ оригиналовъ, какихъ чудачковъ я не наглядѣлся между ними! Тутъ рядомъ съ коммунистомъ стараго толка, ненавидящимъ всякаго собственника во имя общаго братства, старый карлистъ, пристрѣливавшій своихъ родныхъ братьевъ во имя любви къ отечеству, изъ преданности къ Монтемолино ²⁾ или Донъ-Хуану ³⁾, о которыхъ ничего не зналъ и не знаетъ. Тамъ рядомъ съ венгерцемъ, рассказывающимъ, какъ онъ съ пятью гонведами опрокинулъ эскадронъ австрійской кавалеріи, и застегивающимъ венгерку до самаго горла, чтобы имѣть еще больше военный видъ,—венгерку, размѣры которой показываютъ, что ея юность принадлежала другому,—нѣмецъ, дающій уроки музыки, латыни, всѣхъ литературъ и всѣхъ искусствъ изъ насущнаго пива, атеистъ, космополитъ, презирающій всѣ націи, кромѣ Куръ-Гессена или Гессенъ-Касселя,

¹⁾ Кабакъ.

²⁾ Такъ звали внука испанскаго короля Карла IV, принца астурійскаго Людовика-Фердинанда, послѣ отреченія его отъ правъ на престолъ.

³⁾ Братъ предыдущаго; оба были претендентами на испанскую корону.

смотря по тому, въ которомъ изъ Гессеновъ родился; полякъ, прежняго покроя, католически любящій независимость, и итальянецъ, полагающій независимость въ ненависти къ католицизму.

Возлѣ эмигрантовъ-революціонеровъ эмигранты-консерваторы. Какой-нибудь негоціантъ или нотаріусъ, *sans adieu* ¹⁾ удалившійся отъ родины, кредиторовъ и довѣрителей, считающій себя тоже *несправедливо юнымъ*, какой-нибудь *честный* банкротъ, увѣренный, что онъ скоро очистится, пріобрѣтетъ кредитъ и капиталъ, такъ, какъ его сосѣдъ справа достовѣрно знаетъ, что на дняхъ, *la gouge* ²⁾ будетъ провозглашена лично самой «Маріанной» ³⁾, а сосѣдъ слѣва,—что орлеанская фамилія укладывается въ Клермонъ ⁴⁾, и принцессы шьютъ отличныя платья для торжественнаго въѣзда въ Парижъ.

Къ *консервативной* средѣ «виноватыхъ, но не осужденныхъ окончательно *за отсутствіемъ* подсудимаго», принадлежатъ и больше радикальныя лица, чѣмъ банкроты и нотаріусы съ горячимъ воображеніемъ; это—люди, имѣвшіе на родинѣ *большія несчастія* и желающіе всѣми силами выдать *свои простыя несчастія* за несчастія *политическія*. Эта особая номенклатура требуетъ поясненія.

Одинъ нашъ пріятель явился, шутя, въ агентство сватовства. Съ него взяли десять франковъ и принялись разспрашивать, какую ему нужно невѣсту, въ сколько приданаго, бѣлокурую или смуглую и пр.; затѣмъ записывавшій гладенькій старичокъ, оговорившись и извиняясь, сталъ спрашивать о его происхожденіи, очень обрадовался, узнавъ, что оно дворянское, потомъ, усугубивъ извиненія, спросилъ его, замѣтивъ притомъ, что молчаніе гроба—ихъ законъ и сила:

— Не имѣли ли вы *несчастій*?

— Я полякъ и въ изгнаніи, т.-е. безъ родины, безъ правъ, безъ состоянія.

— Послѣднее плохо, но позвольте, по какой причинѣ оставили вы вашу *belle patrie* ⁵⁾?

— По причинѣ послѣдняго возстанія (дѣло было въ 1848 г.).

— Это ничего не значить, *политическія несчастія мы не*

¹⁾ Не простившись.

²⁾ Республика.

³⁾ Прозвище, данное французскими реакціонерами республикѣ, а также названіе тайнаго общества во Франціи.

⁴⁾ Тамъ жила семья короля Людовика-Филиппа послѣ изгнанія его въ 1848 г. изъ Франціи.

⁵⁾ Прекрасное отечество.

считаемъ; оно скорѣе выгодно, c'est une attraction ¹⁾). Но позвольте, вы меня завѣряете, что у васъ не было *другихъ несчастій*?

— Мало ли было... Ну, отецъ съ матерью у меня умерли.

— О, нѣтъ, нѣтъ...

— Что же вы разумѣете подь словомъ *другую несчастія*?

— Видите, если-бъ вы оставили ваше прекрасное отечество по *частнымъ* причинамъ, а не по политическимъ. Иногда въ молодости неосторожность, дурные примѣры, искушеніе большихъ городовъ, знаете, эдакъ... необдуманно данный вексель, не совершенно правильная растрата непринадлежащей суммы, подпись какъ-нибудь...

— Понимаю, понимаю,—сказалъ, расхохотавшись, X. ²⁾);— нѣтъ, увѣряю васъ, я не былъ судимъ ни за кражу, ни за подлогъ.

Въ 1855 году одинъ французъ *exilé de sa patrie* ³⁾ ходилъ по товарищамъ несчастія съ предложеніемъ помочь ему въ изданіи его поэмы, въ родѣ Бальзаковой «Comédie du diable», писанной стихами и прозой, съ новой орѳографіей и вновь изобрѣтеннымъ синтаксисомъ. Тутъ были дѣйствующими лицами: Людовикъ-Филиппъ, Иисусъ Христосъ, Робеспьеръ, маршалъ Бюжо и самъ богъ.

Между прочимъ, явился онъ съ той же просьбой къ Ш. ⁴⁾, честнѣйшему и чопорнѣйшему изъ смертныхъ.

— Вы давно ли въ эмиграціи?—спросилъ его защитникъ черныхъ.

— Съ 1847 года.

— Съ 1847 года? и вы пріѣхали сюда?

— Изъ Бреста, изъ каторжной работы.

— Какое же это было дѣло? Я совсѣмъ не помню.

— О, какъ же, тогда это дѣло было очень извѣстно! Конечно, это дѣло больше частное.

— Однакожь?..—спросилъ нѣсколько обезпокоенный Ш.

— Ah bas, si vous y tenez, я по-своему протестовалъ противъ права собственности, j'ai protesté à ma manière ⁵⁾.

— И вы... вы были въ Брестѣ?

— Parbleu, oui ⁶⁾, семь лѣтъ каторжной работы за *воровство со вломомъ* (vol avec effraction).

И Ш. голосомъ цѣломудренной Сусанны, гнавшей нескромныхъ стариковъ, просилъ самобытнаго протестанта выйти вонъ.

¹⁾ Это—то, что притягиваетъ.

²⁾ Хоецкій.

³⁾ Изгнанный изъ своего отечества.

⁴⁾ Шельхеръ. А. И. Г.

⁵⁾ А, если вы настаиваете, я протестовалъ по-своему.

⁶⁾ Да, чортъ возьми!

Люди, которыхъ несчастія, по счастью, были *общія* и протесты коллективные, оставленные нами въ закопченныхъ public house'ахъ и черныхъ тавернахъ, за некрашеными столами съ джинъ-ватеромъ и портеромъ, настрадались вдоволь и, что всего больнѣе, не зная совсѣмъ, за что.

Время шло съ ужасной медленностью, но шло; революціи нигдѣ не было въ виду, кромѣ въ ихъ воображеніи, а нужда дѣйствительная, беспощадная подкашивала все ближе и ближе подножный кормъ, и вся эта масса людей, большею частью хорошихъ, голодала больше и больше. Привычки у нихъ не было къ работѣ; умъ, обращенный на политическую арену, не могъ сосредоточиться на дѣлѣ. Они хватались за все, но съ озлобленіемъ, съ досадой, съ нетерпѣніемъ, безъ выдержки, и все падало у нихъ изъ рукъ. Тѣ, у которыхъ была сила и мужество труда, тѣ незамѣтно выдѣлялись и выплывали изъ тины, а остальные?

И какая бездна была этихъ остальныхъ. Съ тѣхъ поръ многихъ унесла французская амнистія и амнистія смерти, но въ началѣ пятидесятихъ годовъ я засталъ еще the great tide ¹⁾.

Нѣмецкіе изгнанники, особенно не работники, много бѣдствовали, не меньше французовъ. Удачъ имъ было мало. Доктора медицины, хорошо учившіеся и, во всякомъ случаѣ, во сто разъ лучше знавшіе дѣло, чѣмъ англійскіе цырюльники, называемые surgeon ²⁾, не могли пробиться до самой скудной практики. Живописцы, ваятели съ чистыми и платоническими мечтами объ искусствѣ и священнодѣйственномъ служеніи ему, но безъ производительнаго таланта, безъ ожесточенія, настойчивости работы, безъ мѣткого чутья, гибли въ толпѣ соревнующихъ соперниковъ. Въ простой жизни своего маленькаго городка, на дешевомъ нѣмецкомъ корму они могли бы прожить мирно и долго, сохраняя свое дѣвственное поклоненіе идеаламъ и вѣру въ свое жреческое призваніе. Тамъ они остались бы и умерли въ подозрѣніи таланта. Вырванные французской бурей изъ родныхъ палисадниковъ, они потерялись въ Блѣвѣжской пущѣ лондонской жизни.

Въ Лондонѣ, чтобъ не быть затертымъ, задавленнымъ, надобно работать много, рѣзко, сейчасъ и что попало, что потребовали. Надобно остановить разсѣянное вниманіе ко всему приглядышейся толпы силой, наглостью, множествомъ, всякой всячиной. Орнаменты, узоры для шитья, арабески, модели, снимки, слѣпки, портреты, рамки, акварели, кронштейны, цвѣты,—лишь бы скорѣе, лишь бы кстатѣ и въ большомъ количествѣ. Жюльенъ, le grand

¹⁾ Великую волну прилива.

²⁾ Хирургъ.

Julien, *черезъ сутки* послѣ полученія вѣсти объ индѣйской побѣдѣ Гевлока ¹⁾ написалъ концертъ съ крикомъ африканскихъ птицъ и топотомъ слоновъ, съ индѣйскими напѣвами и пушечной пальбой, такъ что Лондонъ разомъ читалъ въ газетахъ и слушалъ въ концертѣ реляцію. За этотъ концертъ онъ выручилъ громадныя суммы, повторяя его мѣсяцъ. А зарейнскіе мечтатели падали середь дороги на этой безчеловѣчной скачкѣ за деньгами и успѣхами; изнеможенные, съ отчаяніемъ складывали они руки или, хуже, пѣдымали ихъ на себя, чтобы окончить неравный и оскорбительный бой.

Кстати къ концертамъ, — музыкантамъ изъ нѣмцевъ, вообще, было легче; количество ихъ, потребляемое ежедневно Лондономъ съ его субурбами ²⁾, колоссально. Театры и частныя уроки, скромныя балы у мѣщанъ и нескромныя въ Argyl'румъ ³⁾, въ Креморнѣ, въ Casino, cafés chantants съ танцами, cafés chantants съ трико въ античныхъ позахъ, Her Majesty's ⁴⁾ Ковень-Гарденъ, Эксетеръ-Галль, Кристалль-Палась, С. Джемсъ наверху и углы всѣхъ большихъ улицъ внизу занимаютъ и содержатъ цѣлое народонаселеніе двухъ-трехъ нѣмецкихъ герцогствъ. Мечтай себѣ о музыкѣ будущаго и о Россини, колѣнопреклоненномъ передъ Вагнеромъ, читай себѣ дома à livre ouvert безъ инструмента «Тангейзера» и исполняй за штатскимъ тамбурмажоромъ и гаеромъ съ слоновой палкой часа четыре къ ряду какую-нибудь Mary-Ann польку или Flower and butterfly's gedowa ⁵⁾, — и дадутъ бѣдняку отъ двухъ до четырехъ съ половиной шиллинговъ за вечеръ, и пойдетъ онъ въ темную ночь по дождю въ полпивную, въ которую преимущественно ходятъ нѣмцы, и застанетъ тамъ моихъ бывшихъ друзей Краута и Мюллера, — Краута, шестой! годъ работающаго надъ бюстомъ, который становится все хуже; Мюллера, двадцать шестой годъ дописывающаго трагедію «Эрикъ», которую онъ мнѣ читалъ десять лѣтъ тому назадъ, пять лѣтъ тому назадъ и теперь бы еще читалъ, если-бъ мы не поссорились съ нимъ.

А поссорились мы съ нимъ за генерала Урбана, но объ этомъ въ другой разъ... ⁶⁾

...И чего не дѣлали нѣмцы, чтобъ заслужить благосклонное вниманіе англичанъ, — все безуспѣшно.

¹⁾ Генри, англійскій генераль, прославился въ возстаніе сипаевъ въ Остъ-Индіи.

²⁾ Suburb — пригородъ.

³⁾ Argyl's rooms — извѣстное въ Лондонѣ увеселительное заведеніе, названное такъ въ честь герцога Аргайльскаго.

⁴⁾ Ея величества.

⁵⁾ Танецъ цвѣтка и бабочки.

⁶⁾ Конецъ предыдущей главы еще не былъ написанъ.

Люди, всю жизнь курившіе во всѣхъ углахъ своего жилья, за обѣдомъ и чаемъ, въ постели и за работою, не курятъ въ Лондонѣ, въ своемъ закопченномъ, продымленномъ отъ угля drawing room'ѣ ¹⁾ и не дозволяютъ курить гостю. Люди, всю жизнь ходившіе въ биркнейпы своей родины выпить «шопъ» ²⁾, посидѣтъ тамъ за трубкой въ хорошемъ обществѣ, идутъ, не глядя, мимо public houses'овъ и посылаютъ туда за пивомъ горничную съ кружкой или молочникомъ.

Мнѣ случилось въ присутствіи одного нѣмецкаго выходца отправлять къ англичанкѣ письмо. «Что вы дѣлаете?!»—вскрикнулъ онъ въ какомъ-то азартѣ. Я вздрогнулъ и невольно бросилъ пакетъ, полагая, по крайней мѣрѣ, что въ немъ скорпіонъ... «Въ Англии, — сказалъ онъ, — письмо складываютъ вообще *второе*, а не *четвертое*, а вы еще пишете къ дамѣ, и къ какой!»

Сначала моего приѣзда въ Лондонъ я пошелъ отыскивать одного знакомаго нѣмецкаго доктора. Я не засталъ его дома и написалъ на бумагѣ, лежавшей на столѣ, что-то въ родѣ: «Cher docteur, я въ Лондонѣ и очень желалъ бы васъ видѣть; не придете ли вечеромъ въ такую-то таверну выпить по-старому бутылку вина и потолковать о всякой всячинѣ?». Докторъ не пришелъ, а на другой день я получилъ отъ него записку въ такомъ родѣ: «Monsieur H., мнѣ очень жаль, что я не могъ воспользоваться вашимъ любезнымъ приглашеніемъ: мои занятія не оставляютъ мнѣ столько свободнаго времени. Постараюсь, впрочемъ, на-дняхъ посѣтить васъ» и пр.

— А что, у доктора, видно, практика, того?... — спросилъ я освободителя Германіи, которому былъ обязанъ знаніемъ, что англичане письма складываютъ второе.

— Никакой нѣтъ, der Kerl hat Pech gehabt in London, es geht ihm zu ominös ³⁾.

— Такъ что же онъ дѣлаетъ? — и я передалъ ему записку.

Онъ улыбнулся, однако, замѣтилъ, что и мнѣ врядъ слѣдовало ли оставлять на столѣ доктора медицины открытую записку, въ которой я его приглашаю выпить бутылку вина.

— Да и зачѣмъ же въ такой тавернѣ, гдѣ всегда народъ? здѣсь пьютъ дома.

— Жаль,—замѣтилъ я,—наука всегда приходитъ поздно; теперь я знаю, какъ доктора звать и куда, но навѣрное не позову.

¹⁾ Гостиная.

²⁾ Schoppen—кружка.

³⁾ Малому невезло въ Лондонѣ, съ нимъ происходитъ что-то слишкомъ недоброе.

Затѣмъ воротимся къ нашимъ чающимъ движенія народнаго, присылки денегъ отъ родныхъ и работы безъ труда.

Не-работнику начать работу не такъ легко, какъ кажется; многіе думаютъ: пришла нужда, есть работа, есть молотъ и долотъ — и работникъ готовъ. Работа требуетъ не только своего рода воспитанія, навыка, но и самоотверженія. Изгнанники большей частью изъ мелкой литературной и «паркетной» среды, журнальные поденщики, начинавшіе адвокаты, отъ своего труда въ Англіи они жить не могли, другой имъ былъ дикъ, да и не стоило начинать его: они все прислушивались, не раздастся ли набатъ. Прошло десять лѣтъ, прошло пятнадцать лѣтъ, — нѣтъ набата.

Въ отчаяніи, въ досадѣ, безъ платя, безъ обезпеченія на завтрашній день, окруженные возрастающими семьями, они бросаются, закрывъ глаза, на аферы, выдумываютъ спекуляціи. Аферы не удаются, спекуляціи лопаются, и потому, что они выдумываютъ вздоръ, и потому, что они вносятъ, вмѣсто капитала, какую-то безпомощную неловкость въ дѣлѣ, чрезвычайную раздражительность, неумѣнье найтись въ самомъ простомъ положеніи и опять-таки неспособность къ выдержанному труду и усѣянному терніями началу. При неудачѣ они утѣшаются недостаткомъ денегъ: «Будь сто-двѣсти фунтовъ, и все пошло бы какъ по маслу!». Дѣйствительно, недостатокъ капитала мѣшаетъ, но это — общая судьба работниковъ. Чего и чего не выдумывалось, отъ общества на акціяхъ для выписыванія изъ Гавра куриныхъ яицъ до изобрѣтенія особыхъ чернилъ для фабричныхъ марокъ и какихъ-то эссенцій, которыми можно было превращать сквернѣйшія водки въ превосходнѣйшіе ликеры, но пока собирались товарищества и капиталы на всѣ эти чудеса, надобно было ѣсть и нѣсколько прикрываться отъ сѣверо-восточнаго вѣтра и отъ застѣнчивыхъ взоровъ дочерей Альбіона.

Для этого предпринимались два палліативныя средства: одно очень скучное и очень невыгодное, другое также невыгодное, но съ большими развлеченіями. Люди мирные, съ Sitzfleisch'емъ ¹⁾, принимались за уроки, несмотря на то, что они не только прежде не давали уроковъ, да и сомнительно, чтобы когда-нибудь ихъ брали. Конкуренція страшно понизила цѣны.

Вотъ образчикъ объявленій одного семидесятилѣтняго старика, который, мнѣ кажется, принадлежалъ скорѣе къ числу *самобытныхъ протестантовъ*, чѣмъ коллективныхъ:

) Усидчивостью.

MONSIEUR N. N.
TEACHES THE FRENCH LANGUAGE

on a new and easy system of rapid proficiency,
has attended members of the british parliament and many other
persons of respectability, as vouchers certify,
translates and interprets that universal continental
language, and english,
IN A MASTERLY MANNER.

TERMS MODERATE:

Namely, Three Lessons per Week for Six Shillings ¹⁾.

Давать уроки у англичанъ не составляетъ особеннаго удовольствія: кому англичанинъ платить, съ тѣмъ онъ не церемонится.

Одинъ изъ моихъ старыхъ пріятелей получаетъ письмо отъ какого-то англичанина, предлагающаго ему давать уроки французскаго языка его дочери. Онъ отправился къ нему въ назначенное время для переговоровъ. Отецъ спалъ послѣ обѣда, его встрѣтила дочь, и довольно учтиво, потомъ вышелъ старикъ, осмотрѣлъ съ головы до ногъ Б. ²⁾ и спросилъ: «Vous être le french teacher?» ³⁾ Б. подтвердилъ. «Vous pas convenir à moi» ⁴⁾. При этомъ британскій осель указалъ на усы и бороду.

— Что же вы ему не дали тумака?—спрашивалъ я Б.

— Я, право, думалъ объ этомъ, но когда быкъ повернулся, дочь со слезами на глазахъ, молча, просила у меня прощенья.

Другое средство проще и не такъ скучно; оно состоитъ въ судорожномъ и артистическомъ комиссіонерствѣ, въ предложеніи разныхъ разностей безъ вниманія на запросъ. Французы по большей части *работали* въ винахъ и водкахъ. Одинъ легистъ предлагалъ своимъ знакомымъ и *корелижіонерамъ* коньякъ, доставлялся ему чрезвычайнымъ образомъ, по связямъ, о которыхъ въ теперешнемъ положеніи Франціи онъ не могъ и не долженъ былъ рассказывать, и притомъ черезъ капитана корабля, котораго компрометировать было бы *calamité publique* ⁵⁾. Коньякъ былъ такъ себѣ

¹⁾ Господинъ N. N. учить французскому языку по новой и легкой методѣ быстро усвоенія, занимался съ членами британскаго парламента и со многими уважаемыми лицами, какъ удостовѣряютъ свидѣтельства, переводятъ и объясняютъ этотъ всемірный языкъ (и по-английски) удивительнымъ образомъ. Цѣны умеренныя: три урока въ недѣлю—6 шилл.

²⁾ Ж.-Б. Бокъ.

³⁾ Вы—учитель французскаго языка?

⁴⁾ Вы мнѣ неподходите. Обѣ фразы совершенно безграмотныя.

⁵⁾ Общественнымъ бѣдствіемъ.

и стоилъ шесть пенсовъ дороже, чѣмъ въ лавкѣ. Легистъ, привыкнувшій «пледировать» съ декламацией, прибавлялъ къ насилію оскорбленіе: онъ бралъ рюмку двумя пальцами за донышко, описывалъ ея медленные круги, плескалъ нѣсколько капель, нюхалъ ихъ на воздухъ и всякій разъ былъ изумленъ замѣчательно превосходнымъ запахомъ коньяка.

Другой товарищъ изгнанія, нѣкогда провинціальный профессоръ словесности, увлекалъ виномъ. Вино онъ получалъ *прямо* изъ Котъ д'Оръ, Бургонь, отъ прежнихъ учениковъ и съ необыкновеннымъ выборомъ.

«Гражданинъ,—писалъ онъ ко мнѣ,—спросите ваше братское сердце (votre coeur fraternel), и оно вамъ скажетъ, что вы должны мнѣ уступить пріятное преимущество снабжать васъ французскимъ виномъ. И тутъ сердце ваше будетъ заодно со вкусомъ и экономіей: употребляя превосходное вино по самой дешевой цѣнѣ, вы будете имѣть наслажденіе въ мысли, что, покупая его, вы облегчаете судьбу чело­вѣка, который дѣлу родины и свободы пожертвовалъ все.

Salut et fraternité! ¹⁾).

«P. S. Я взялъ на себя смѣлость вмѣстѣ съ тѣмъ отправить къ вамъ нѣсколько пробъ».

Образчики эти были въ полубутылкахъ, на которыхъ онъ собственноручно надписывалъ не только имя вина, но и разныя обстоятельства изъ его біографіи: «Chambertin (Gr. vin et très rare!), Côte rôtie (Comète). Pommard (1823!). Nuits (provision Aguado!)»... ²⁾

Недѣли черезъ двѣ-три профессоръ словесности снова присылалъ образчики. Обыкновенно черезъ день или два послѣ присылки, онъ являлся самъ и сидѣлъ часъ, два, три, до тѣхъ поръ, пока я оставлялъ почти всѣ пробы и платилъ за нихъ. Такъ какъ онъ былъ неумолимъ, и это повторялось нѣсколько разъ, то въ послѣдствіи, только что онъ отворялъ дверь, я хвалилъ часть образчиковъ, отдавалъ деньги и остальное вино. «Я не хочу, гражданинъ, у васъ красть ваше драгоценное время», говорилъ онъ мнѣ и освобождалъ меня недѣли на двѣ отъ кислаго бургонскаго, рожденнаго подъ кометой, и прянаго Котъ-роти изъ подваловъ Aguado. ¹⁷

Нѣмцы, венгерцы работали въ другихъ отрасляхъ.

Какъ-то въ Ричмондѣ я лежалъ въ одномъ изъ страшныхъ припадковъ головной боли. Взошелъ Франсуа съ визитной карточ-

¹⁾ Привѣтъ и братство!

²⁾ «Шамбертенъ (Graves, очень рѣдко!). Котъ-роти (Комета). Помаръ 1823!). Нью (изъ погребовъ Агвадо!). Агвадо—богатый испанскій банкиръ.

кой, говоря, что какой-то господинъ имѣеть крайность меня видѣть, что онъ—венгерець, *aggiutante del generale* (*астъ* венгерцы изгнанники, не имѣющіе никакого занятія, никакой честной профессіи, называли себя *адвюгантами Кошута*). Я взглянулъ на карточку—совершенно незнакомая фамилія, украшенная капитанскимъ чиномъ.

— Зачѣмъ вы его пустили? Сколько тысячъ разъ я вамъ говорилъ?!

— Онъ приходитъ сегодня въ третій разъ.

— Ну, зовите въ залу.—Я вышелъ разъяреннымъ львомъ, вооружившись склянкой распалевой седативной воды.

— Позвольте рекомендоваться, капитанъ такой-то. Я долгое время находился у русскихъ въ плѣну, у Ридигера послѣ Виллагоша. Съ нами русскіе превосходно обращались. Я былъ особенно обласканъ генераломъ Глазенапомъ и полковникомъ... какъ, бишь, его... русскія фамиліи очень мудрены... *ичъ... ичъ...*

— Пожалуйста, не безпокойтесь, я ни одного полковника не знаю... Очень радъ, что вамъ было хорошо. Не угодно ли сѣсть?

— Очень, очень хорошо... мы съ офицерами всякій день эдакъ, штось, банкъ... прекрасные люди и австрійцевъ терпѣть не могутъ. Я даже помню нѣсколько словъ по-русски: «глѣба», «шевердакъ»—*une piéce de 25 sous* ¹⁾.

— Позвольте васъ спросить, что мнѣ доставляетъ...

— Вы меня должны извинить, *баронъ*... Я гулялъ въ Ричмондѣ... прекрасная погода, жаль только, что дождь идетъ... я столько наслышался объ васъ отъ *самою старика* ²⁾ и отъ графа Сандора—Сандора Телеки, также отъ графини Терезы Пульской... Какая женщина графиня Тереза!

— И говорить нечего, *hors ligne* ³⁾.—Молчаніе.

— Да-съ, и Сандоръ... Мы съ нимъ вмѣстѣ были въ гонведахъ... Я, собственно, желалъ бы показать вамъ...—и онъ вытащилъ откуда-то изъ-за стула портфель, развязалъ его и вынулъ портреты безрукаго Раглана ⁴⁾, отвратительную рожу С.-Арно ⁵⁾, Омеръ-паши въ фескѣ.—Сходство, баронъ, удивительное. Я самъ былъ въ Турціи, въ Кутаисѣ, въ 1849 году,—прибавилъ онъ, какъ будто, въ удостовѣреніе сходства, несмотря на то, что въ 1849 году

¹⁾ Монета въ 25 су.

²⁾ Л. Кошутъ.

³⁾ Выдающаяся.

⁴⁾ Лордъ Джемсъ-Генри, главнокомандующій англійской арміей въ Крыму.

⁵⁾ Жанъ-Леруа, главнокоманд. французской арміей въ Крыму.

ни Раглана, ни С.-Арно тамъ не было. — Вы прежде видѣли эту коллекцію?

— Какъ не видать,—отвѣчаю я, смачивая голову распалевой водой.—Эти портреты вывѣшены вездѣ, на Чипсайдѣ, по Странду, въ Вестъ-Эндѣ.

— Да-съ, вы правы, но у меня вся коллекція, и тѣ не на китайской бумагѣ. Въ лавкахъ вы заплатите гинею, а я могу вамъ уступить за пятнадцать шиллинговъ.

— Я, право, очень благодаренъ, но скажите, капитанъ, на что же мнѣ портреты С.-Арно и всей этой сволочи?

— Баронъ, я буду откровененъ, я—солдатъ, а нѣ меттерниховскій дипломатъ. Потерявъ мои владѣнія близъ Темешвара, я нахожусь во временно стѣсненномъ положеніи, а потому беру на комиссію артистическія вещи (а также сигары, гаванскія сигары и турецкій табакъ—ужь въ немъ-то русскіе и мы знаемъ толкъ!); это доставляетъ мнѣ скудную копѣйку, на которую я покупаю «горькій хлѣбъ изгнанья», wie der Schiller sagt ¹⁾.

— Капитанъ, будьте вполне откровенны и скажите, что вамъ придется съ каждой тетради?—спрашиваю я (хотя и сомнѣваюсь, что Шиллеръ сказалъ этотъ дантовскій стихъ).

— Полкроны.

— Позвольте намъ вотъ какъ покончить дѣло: я вамъ предложу *цѣлую крону*, но съ тѣмъ, чтобъ не покупать портретовъ.

— Право, баронъ, мнѣ совѣстно, но мое положеніе... впрочемъ, вы все знаете, чувствуете... я васъ такъ давно привыкъ уважать... графиня Польская и графъ Сандоръ... Сандоръ Телеки.

— Вы меня извините, капитанъ, я едва сажу отъ головной боли.

— У нашего губернатора (т.-е. у Кошута), у старика тоже часто болитъ голова,—замѣчаетъ мнѣ гонведъ, какъ бы въ ободреніе и утѣшеніе, потомъ наскоро завязываетъ портфель и беретъ вмѣстѣ съ удивительно похожими портретами Раглана и к-и довольно сходное изображеніе королевы Викторіи на монетѣ.

Между этими *ходебщиками* эмиграціи, предлагающими выгодныя покупки, и эмигрантами, останавливающими всѣхъ небреющихъ бороду на улицахъ и скверахъ, требуя *десятый годъ* недостающихъ двухъ шиллинговъ для отъѣзда въ Америку и шести пенсовъ для покупки гробика ребенку, умершему отъ скарлатины,—находятся эмигранты, пишущіе письма, иногда пользуясь знакомствомъ, иногда пользуясь незнакомствомъ, о всякаго рода чрезвычайныхъ нуждахъ

¹⁾ Какъ говоритъ Шиллеръ.

и единовременныхъ денежныхъ затрудненійхъ, часто представляя въ дальней перспективѣ обогащеніе, и всегда съ оригинальнымъ эпистолярнымъ искусствомъ.

Такихъ писемъ у меня тетрадь; сообщу два-три особенно характеристическихъ.

«*Herr Graf!* Я былъ австрійскимъ лейтенантомъ, но дрался за свободу мадьяровъ; долженъ былъ бѣжать и совершенно обносился. Если у васъ найдутся поношенные панталоны, вы неизрѣченно меня обяжете.

«*P. S.* Завтра, въ 9 часовъ я навѣдаюсь у вашего *курьера*».

Это родъ наивный, но есть письма классическія по языку и лапидарности, напр.:

«*Domine, ego sum Gallus, ex patria mea profugus pro causa libertatis populi. Nihil habeo ad manducandum, si, aliquid pro me facere potes, gaudeo, gaudebit cor meum.*

«*Mercuris dies 1859*» ¹⁾.

Другія письма, не имѣя ни лаконизма, ни античной формы отличаются особеннымъ счетоводствомъ:

«Гражданинъ, вы были такъ добры, что прислали мнѣ прошлаго февраля (вы, можетъ, не помните, но я помню) *три* ливра. Давно хотѣлъ я вамъ ихъ отдать, но не получалъ вовсе денегъ отъ родныхъ; на-дняхъ я получу довольно значительную сумму. Если-бъ мнѣ не было совѣстно, я бы попросилъ васъ прислать еще два ливра, и отдалъ бы вамъ *круилыма* *счетомъ пять* ливровъ».

Я предпочелъ остаться при треугольномъ. Охотникъ до круглыхъ счетовъ началъ поговаривать, что я въ связяхъ съ русскимъ посольствомъ.

Затѣмъ идутъ письма дѣловыя и письма ораторскія; и тѣ и другія очень много теряютъ въ русскомъ переводѣ.

«*Mon cher Monsieur!* Вы, *вѣрно*, знаете мое открытіе; оно доставило бы нашему вѣку честь, а мнѣ кусокъ хлѣба. И открытіе это останется неизвѣстнымъ, оттого что у меня нѣтъ кредита на какихъ-нибудь 200 фунтовъ, и вмѣсто того, чтобъ заниматься моимъ дѣломъ, мнѣ приходится за вздорную плату *couvrir le cachet* ²⁾».

«Всякій разъ, когда мнѣ представляется работа продо жительная и выгодная, насмѣшливая судьба *дуетъ* на нее (*я перевожу слово въ слово*), она летитъ прочь, — я за ней, настойчивая дер-

¹⁾ Господинъ, я—галлъ, изгнанный изъ своего отечества за дѣло свободы народа. Мнѣ нечего ѣсть; если можешь что-нибудь для меня сдѣлать, возрадуешь меня; сердце мое будетъ радоваться. День Меркурія (15 мая) 1859.

²⁾ Бѣгать по уркамъ.

зость ея беретъ верхъ (son opiniâtre insolence baffoue mes projets), вновь стегаютъ мои надежды, и я бѣгу туда-туда. Бѣгу и теперь. Поймаю ли? Почти увѣренъ, если вы, имѣя довѣріе къ моему таланту, захотите пустить въ волны ваше довѣріе съ моими надеждами, по капризному вѣтру моей судьбы (embarquer votre confiance en compagnie de mon esprit et la livrer au souffle peu aventureux de mon destin)». Далѣе объясняется, что 80 фунт. есть въ виду, даже 85; остальные 115 изобрѣтатель ищетъ занять, обѣщая 13, almeno 11, процентовъ въ случаѣ удачи. «Можно ли лучше, вѣрнѣе помѣстить капиталъ въ наше время, когда фонды всего міра колеблются, и государства такъ не твердо стоятъ, опираясь на штыки нашихъ враговъ?»

Я ста пятнадцати не даю. Изобрѣтатель начинаетъ соглашаться, что въ моемъ поведеніи не все ясно, il y a du louche ¹⁾, и что не мѣшаетъ со мною быть осторожнымъ.

Въ заключеніе, вотъ письмо чисто ораторское:

«Великодушный согражданинъ будущей всемірной республики! Сколько разъ вы помогали мнѣ и вашъ знаменитый другъ Луи Бланъ, и опять-таки я пишу къ вамъ и пишу къ гражданину Блану, чтобъ попросить нѣсколько шиллинговъ. Удручающее положеніе мое не улучшается вдали отъ Ларъ и Пенатъ, на негостеприимномъ островѣ эгоизма и корысти. Глубоко сказали вы въ одномъ изъ сочиненій вашихъ (я постоянно ихъ перечитываю), «что талантъ гаснетъ безъ денегъ, какъ лампа безъ масла» и пр.

Само собой разумѣется, что я этой пошлости никогда не писалъ, и что согражданинъ по будущей республикѣ, future et universelle ²⁾, ни разу не развѣтывалъ моихъ сочиненій.

За ораторами на письмѣ идутъ ораторы на словахъ, «дѣлающіе тротуаръ и переулочъ». Большею частію они только прикидываются изгнанниками, а въ сущности—спившіеся съ круга не англійскіе мастеровые или дюдю, имѣвшіе дома *несчастія*. Пользуясь необъятной величиной Лондона, они продѣлываютъ одну часть за другой и потомъ снова возвращаются на Via sacra, т.-е. на Реджентъ-стритъ съ Геймаркетомъ и Лестеръ-скверомъ.

Лѣтъ пять тому назадъ, молодой человекъ, довольно чисто одѣтый и съ сентиментальной наружностью, нѣсколько разъ ходилъ ко мнѣ въ сумеркахъ съ вопросомъ на французскомъ языкѣ съ нѣмецкимъ акцентомъ: «Не можете ли вы мнѣ сказать, гдѣ такая-то часть города?»—и онъ подавалъ какой-то адресъ

¹⁾ Есть что-то подозрительное.

²⁾ Будущей и всемірной.

версть за десять отъ Вестъ-Энда, гдѣ-нибудь въ Головеѣ, Гекнеѣ ¹⁾. Каждый такъ, какъ и я, принимался ему толковать. Его обдавалъ ужасъ. «Теперь 9 часовъ вечера, я еще не ѣлъ... когда же я приду? Ни гроша на omnibusъ... этого я не ждалъ. Не смѣю просить васъ, но если-бъ вы меня выручили... Мнѣ одного шиллинга заглаза довольно».

Я его встрѣчалъ еще раза два, наконецъ, онъ исчезъ, и я не безъ удовольствія его встрѣтилъ, нѣсколько мѣсяцевъ спустя, на старомъ мѣстѣ, съ измѣненной бородой и въ другой фуражкѣ: Съ чувствомъ приподымая ее, спросилъ онъ меня:

— Вы, вѣрно, знаете по-французски?

— Знаю,—отвѣчалъ я,—да, сверхъ того, знаю, что у васъ есть адресъ, вамъ придется итти далеко, а время позднее, вы еще ничего не ѣли, на omnibusъ денегъ нѣтъ, вамъ нуженъ шиллингъ... но на этотъ разъ я вамъ дамъ сикспенсъ, потому что не вы мнѣ, а я вамъ рассказалъ все это.

— Что дѣлать,—отвѣчалъ онъ мнѣ улыбаясь, безъ малѣйшей злобы,—вѣдь, вотъ вы опять не повѣрите, а я ѣду въ Америку, прибавьте на дорогу.

Я не выдержалъ и додалъ сикспенсъ.

Въ числѣ этихъ господъ были и русскіе, напр., бывшій кавказскій офицеръ Стремоуховъ, просившій на бѣдность въ Парижѣ еще въ 1847 году, рассказывая очень плавно исторію какой-то дуэли, бѣгства и пр. и забирая, къ сильному озлобленію прислуги, все на свѣтъ: старыя платья и туфли, фуфайки лѣтомъ и зимой, панталоны изъ парусины, дѣтскія платья, дамскія ненужности. Русскіе собрали для него денегъ и отправили въ Алжиръ въ иностранный легіонъ. Онъ выслужилъ пять лѣтъ, привезъ аттестатъ и снова отправился изъ дома въ домъ рассказывать о дуэли и побѣгѣ, прибавляя къ нимъ разныя арабскія похождения. Стремоуховъ становился старъ—и жаль его было и надоѣдалъ онъ страшно. Русскій священникъ при лондонской миссіи ²⁾ сдѣлалъ для него коллекту, чтобъ отправить его въ Австралію. Ему дали въ Мельбурнѣ рекомендацію и поручили капитану его самого и, главное, деньги за проѣздъ. Стремоуховъ приходилъ къ намъ прощаться. Мы его со-всѣмъ снарядили: я ему далъ теплое пальто, Г. ³⁾—рубашекъ и пр. Стремоуховъ, прощаясь, заплакалъ и сказалъ: «Какъ хотите, господя, а ѣхать въ такую даль не легкая вещь. Вдругъ разорваться

¹⁾ Holloway road, Hackney road.

²⁾ Евгеній Ивановичъ Поповъ.

³⁾ Гаугъ.

со всѣми цѣ вычками, но это надобно...» И онъ цѣловаль насть и благодарилъ съ горячностью.

Я думаль, что Стремоуховъ давнымъ-давно гдѣ-нибудь на берегахъ Викторин-Риверъ ¹⁾, какъ вдругъ читаю въ «Таймсѣ», что какой-то russian officer Stremouchoff за буйство, драку въ кабацкѣ, вълѣдствіе какихъ-то взаимныхъ обвиненій въ воровствѣ и пр. присуждается на три мѣсяца тюрьмы. Мѣсяца черезъ четыре послѣ этого я шель по Оксфордъ-стритъ; пошелъ сильный дождь, со мной не было зонтика,—я подъ ворота. Въ то самое время, какъ я оставилъ, какая-то длинная фигура, закрываясь дряхлымъ зонтикомъ, торопливо шмыгнула подъ другія ворота. Я узналъ Стремоухова.

— Какъ, вы воротились изъ Австраліи?—спросилъ я его, прямо глядя ему въ глаза.

— Ахъ, это вы, а я и не призналъ васъ,—отвѣчалъ онъ слабымъ и умирающимъ голосомъ.—Нѣтъ-съ, не изъ Австраліи, а изъ больницы, гдѣ пролежалъ мѣсяца три между жизнью и смертью... и не знаю, зачѣмъ выздоровѣлъ.

— Въ какой же вы были больницѣ, въ St. George's Hospital?

— Нѣтъ, не здѣсь, въ Соутгамтонѣ.

— Какъ же вы это занемогли и никому не дали знать? Да и какъ же вы не уѣхали?

— Опоздалъ на первый train, пріѣзжаю со вторымъ,—пароходъ-съ ушелъ. Я постоялъ на берегу, постоялъ и чуть не бросился въ пучину морскую. Иду къ reverend'u ²⁾, къ которому нашъ батюшка меня рекомендовалъ; «капитанъ, говоритъ, уѣхалъ, часу ждать не хотѣлъ».

— А деньги?

— Деньги онъ оставилъ у Reverend'a.

— Вы, разумѣется, ихъ взяли?

— Взять-съ, но проку не вышло, во время болѣзни все утащили изъ-подъ подушки, такой народъ! Если можете чѣмъ помочь...

— А вотъ здѣсь, во время вашего отсутствія, какого-то другого Стремоухова запекли въ тюрьму и тоже на три мѣсяца, за драку съ курьеромъ. Вы не слыхали?

— Гдѣ же слышать между жизнью и смертью. Кажется, дождь перестаетъ. Желая счастливо оставаться.

— Берегитесь выходить въ сырую погоду, а то опять попадетесь въ больницу.

Послѣ Крымской войны нѣсколько плѣнныхъ матросовъ и солдатъ остались, сами не зная зачѣмъ, въ Лондонѣ. Люди большей

¹⁾ Рѣка въ сѣверной Австраліи.

²⁾ Его преподобію.

частью пьяные, они спохватились поздно. Нѣкоторые изъ нихъ просили посольство заступиться за нихъ, исходатайствовать прощенье, aber was macht es denn dem Herrn Baron von Brunnov! ¹⁾).

Они представляли чрезвычайно печальное зрѣлище. Испитые, оборванные, они, то унижаясь, то съ дерзостью (довольно неприятною въ узкихъ улицахъ послѣ десяти часовъ вечера), требовали денегъ.

Въ 1853 г. бѣжало нѣсколько матросовъ съ военного корабля въ Портсмутъ; часть ихъ была возвращена, въ силу нелѣпаго закона, подъ который подходятъ исключительно одни матросы. Нѣсколько человѣкъ спаслись и пришли пѣшкомъ изъ *Порчмы* ²⁾ въ Лондонъ. Одинъ изъ нихъ, молодой человѣкъ лѣтъ двадцати двухъ, съ добрымъ и открытымъ лицомъ, былъ башмачникомъ, умѣлъ тачать, какъ онъ называлъ, «шлиперы». Я купилъ ему инструментъ и далъ денегъ, но работа не пошла.

Въ это время Гарибальди отплывалъ съ своимъ «*Соттонъ Wealth*» въ Геную; я попросилъ его взять съ собой молодого человѣка. Гарибальди принялъ его съ жалованьемъ *фунта* въ мѣсяцъ и съ общаньемъ, если будетъ хорошо себя вести, давать черезъ годъ два фунта. Матросъ, разумѣется, согласился, взялъ у Гарибальди два фунта впередъ и принесъ свои пожитки на корабль.

На другой день послѣ отъѣзда Гарибальди, матросъ пришелъ ко мнѣ красный, заспанный, вспухнувшій.

— Что случилось?—спрашиваю я его.

— Несчастье, ваше благородіе, опоздалъ на корабль.

— Какъ опоздалъ?

Матросъ бросился на колѣни и неестественно хныкалъ. Дѣло было исправимо. Корабль пошелъ за углемъ въ Newcastle-upon-Tyne.

— Я тебя пошлю по желѣзной дорогѣ туда,—сказалъ я ему,—но если ты и на эготъ разъ опоздаешь, помни, что я ничего для тебя не сдѣлаю, хоть умри съ голоду. А такъ какъ дорога въ Newcastle стоитъ больше фунта, а я тебѣ не довѣрю шиллинга, то я пошлю за знакомымъ и ему поручу продержатъ тебя всю ночь и посадить въ вагонъ.

— Всю жизнь буду молить Бога за в. в.!

Знакомый, взявшійся за отправку, пришелъ ко мнѣ съ рапортомъ, что матроса выпроводилъ.

Представьте же мое удивленіе, когда дня черезъ три матросъ явился съ какимъ-то полякомъ.

— Что это значитъ?—закричалъ я на него, въ самомъ дѣлѣ дрожа отъ бѣшенства.

¹⁾ Но какое дѣло до этого барону фонъ-Бруннову!

²⁾ Portsmouth.

Но прежде, чѣмъ матросъ открылъ ротъ, его товарищъ принялся его защищать на ломаномъ русскомъ языкѣ, окружая слова какой-то атмосферой табука, водки и вина.

— Кто вы такой?

— Польскій дворянинъ.

— Въ Польшѣ всѣ дворяне. Почему вы пришли ко мнѣ съ этимъ мошенникомъ?

Дворянинъ расхорохорился. Я сухо замѣтилъ ему, что я съ нимъ не знакомъ, и что его присутствіе въ моей комнатѣ до того странно, что я могу его велѣть вывести, позвавъ полисмена.

Я посмотрѣлъ на матроса. Три дня аристократическаго общества съ дворяниномъ его много воспитали: онъ не плакалъ и пьяно-дерзко смотрѣлъ на меня.

— Очень занемогъ, в. б. Думалъ богу душу отдать; полегчало, когда машина ушла.

— Гдѣ же это тебя схватило?

— На самой, т.-е. желѣзной, дорогѣ.

— Что жъ не поѣхалъ со слѣдующей машиной?

— Не въ домекъ-съ, да и такъ какъ языку не способенъ...

— Гдѣ билетъ?

— Да билета нѣтъ.

— Какъ нѣтъ?

— Уступилъ тутъ одному человѣчку.

— Ну, теперъ ищи себѣ другихъ человѣчковъ, только въ одномъ будь увѣренъ: я тебѣ не помогу ни въ какомъ случаѣ.

— Однако, позвольте...—вступилъ вѣрѣчь «вольный шляхтичъ».

— М. г., я не имѣю ничего вамъ сказать и не желаю ничего слушать.

Ругая меня сквозь зубы, отправился онъ съ своимъ Телемакомъ, вѣроятно, до перваго кабака.

Еще ступеньку внизъ...

Можетъ, многіе съ недоумѣніемъ спросятъ, какая же это еще ступенька внизъ?... *А есть*, и довольно *большая*—только тутъ ужъ темно, идите осторожно. Я не имѣю pruderie ¹⁾ Ш—ра ²⁾, и мнѣ авторъ поэмы, въ которой Христосъ разговариваетъ съ маршаломъ Бюжо, показался еще забавнѣе послѣ геройскаго *pour un vol avec effraction* ³⁾. Если онъ и укралъ что-нибудь изъ-подъ замка, зато подвергался богъ знаетъ чему и потомъ работалъ нѣсколько лѣтъ, мо-

¹⁾ Ложной стыдливости.

²⁾ Шельхеръ.

³⁾ За воровство со взломомъ.

жетъ, съ ядромъ на ногахъ. Онъ имѣлъ противъ себя не только того, котораго обокралъ, но все государство и общество, церковь, войско, полицію, судъ, всѣхъ честныхъ людей, которымъ красть ненужно, и всѣхъ безчестныхъ, но не уличенныхъ по суду. Есть воры другого рода: награждаемые правительствомъ, отогрѣваемые начальствомъ, благословляемые церковью, защищаемые войскомъ и не преслѣдуемые полиціей, потому что они сами къ ней принадлежатъ. Это—люди, ворующіе не платки, но разговоры, письма, взгляды. Эмигранты-шпіоны—шпіоны въ квадратѣ... Ими оканчивается порокъ и развратъ; дальше, какъ за Люциферомъ у Данте, ничего нѣтъ,—тамъ ужъ опять пойдетъ вверхъ.

Французы—большіе артисты этого дѣла. Они умѣютъ ловко сочетать образованныя формы, горячія фразы, аріотъ человѣка, котораго совѣсть чиста и *point d'honneur* раздражителенъ, съ должностью шпіона. Заподозрите его,—онъ вызоветъ васъ на дуэль, онъ будетъ драться, и *храбро* драться.

«Записки» Де-Ла-Года, Шеню, ¹⁸ Шнепфа—кладъ для изученія грязи, въ которую цивилизація завела своихъ блудныхъ дѣтей. Де-Ла-Годъ наивно печатаетъ, что онъ, предавая своихъ друзей, долженъ былъ съ ними хитрить такъ, «какъ хитритъ охотникъ съ дичью».

Де-Ла-Годъ, это—Алкивиадъ шпіонства.

Молодой человѣкъ съ литературнымъ образованіемъ и радикальнымъ образомъ мыслей, онъ изъ провинціи явился въ Парижъ, бѣдный какъ, Ирѣ, и просилъ работы въ редакціи «Реформы». Ему дали какую-то работу, онъ ее сдѣлалъ хорошо; мало-по-малу съ нимъ сблизились. Онъ вступилъ въ политическіе круги, зналъ многое изъ того, что дѣлалось въ республиканской партіи, и продолжалъ работать, *нѣсколько лѣтъ* оставаясь въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ къ сотрудникамъ.

Когда, послѣ февральской революціи, Коссидьеръ разобралъ бумаги въ префектурѣ, онъ нашелъ, что Де-Ла-Годъ все время правильно доносилъ полиціи о томъ, что дѣлалось въ редакціи «Реформы». Коссидьеръ позвалъ Де-Ла-Года къ Альберу,—тамъ ждали свидѣтели. Де-Ла-Годъ явился, ничего не подозрѣвая, попробовалъ запирается, но потомъ, видя невозможность, признался, что письма къ префекту писалъ онъ. Возникъ вопросъ: что съ нимъ дѣлать? Одни думали, и были совершенно правы, застрѣлить его тутъ же, какъ собаку. Альберъ возсталъ пуще всѣхъ и не хотѣлъ, чтобы въ *его квартиру* убили человѣка. Коссидьеръ предложилъ ему заряженный пистолетъ съ тѣмъ, чтобы онъ застрѣлился. Де-Ла-Годъ отказался. Кто-то спросилъ его, не хочетъ ли онъ яду? Онъ и

отъ яду отказался, а, отправляясь въ тюрьму, какъ благоразумный человекъ; спросилъ кружку пива, это—фактъ, переданный мнѣ сопровождавшимъ его помощникомъ мэра XII округа.

Когда реакція стала брать верхъ, Де-Ла-Года выпустили изъ тюрьмы, онъ уѣхалъ въ Англію, но когда реакція еще окончательно восторжествовала, онъ возвратился въ Парижъ и совался впередъ въ театрахъ и другихъ публичныхъ собраніяхъ, какъ левъ особой породы; вслѣдъ затѣмъ издалъ онъ свои «Записки».

Шпіоны постоянно трутся во всѣхъ эмиграціяхъ; ихъ узнаютъ, открываютъ, колотятъ, а они свое дѣло дѣлаютъ съ полнѣйшимъ успѣхомъ. Въ Парижѣ полиція знаетъ всѣ лондонскія тайны. День тайнаго пріѣзда Делеклюза ¹⁾, потомъ Буашо ²⁾ во Францію были такъ хорошо извѣстны, что они были схвачены въ Калэ, лишь только вышли изъ корабля. Въ коммунистическомъ процессѣ въ Кельнѣ читали документы и письма, «купленные въ Лондонѣ», какъ наивно признался въ судѣ прусскій комиссаръ полиціи.

Въ 1849 году я познакомился съ изгнаннымъ австрійскимъ журналистомъ Энглендеромъ. Онъ былъ очень уменъ, очень колокъ и впоследствии помѣщалъ въ колачековскихъ ярбухахъ ³⁾ рядъ живыхъ статей объ историческомъ развитіи социализма. Энглендеръ этотъ попался въ тюрьму въ Парижѣ по дѣлу, названному «дѣломъ корреспондентовъ». Ходили разные слухи объ немъ; наконецъ, онъ самъ явился въ Лондонъ. Здѣсь другой австрійскій изгнанникъ, докторъ Гефнеръ, очень уважаемый своими, говорилъ, что Энглендеръ въ Парижѣ былъ на жалованьи у префекта и что его сажали въ тюрьму за измѣну брачной вѣрности французской полиціи, приревновавшей его къ австрійскому посольству, у котораго онъ тоже былъ на жалованьи. Энглендеръ жилъ разгульно, на это надобно много денегъ, — одного префекта, видно, не хватало.

Нѣмецкая эмиграція потолковала, потюжковала и позвала Энглендера къ отвѣту. Энглендеръ хотѣлъ отшутиться, но Гефнеръ былъ беспощаденъ! Тогда мужъ двухъ полицій вдругъ вскочилъ съ раскраснѣвшимся лицомъ, со слезами на глазахъ и сказалъ: «Ну, да, я во многомъ виноватъ, но не ему меня обвинять», и онъ бросилъ на столъ письмо префекта, изъ котораго ясно было, что Гефнеръ получалъ отъ него деньги.

¹⁾ Луи-Шарль, франц. революціонеръ и писатель.

²⁾ Жанъ-Батистъ, франц. революціонеръ, въ 1849 г. эмигрировалъ въ Лондонъ.

³⁾ «Deutsche Monatschrift» etc.

Въ Парижѣ проживаль нѣкій Нидергуберъ, тоже австрійскій рефюжъе; я познакомился съ нимъ въ концѣ 1848 года. Товарищи его рассказывали объ немъ необыкновенно храбрый поступокъ во время революціи въ Вѣнѣ. У инсургентовъ недоставало пороха, Нидергуберъ вызвался привезти по *желъзной дорогѣ* и привезъ. Женатый и съ дѣтьми, онъ бѣдствовалъ въ Парижѣ. Въ 1853 г. я его нашель въ Лондонѣ въ большой крайности; онъ занималь съ семьею двѣ небольшія комнатки въ одномъ изъ самыхъ бѣдныхъ переулковъ Соо. Все не спорилось въ его рукахъ. Завель онъ, было, прачешную, въ которой его жена и еще одинъ эмигрантъ стирали бѣлье, а Нидергуберъ развозилъ его, но товарищъ уѣхаль въ Америку, и прачешная остановилась.

Ему хотѣлось помѣститься въ купеческую контору; очень не глупый человекъ и съ образованіемъ, онъ могъ заработать хорошія деньги, но—reference ¹⁾, reference, безъ reference въ Англии ни шагу. Я ему далъ свою; по поводу этой рекомендаціи одинъ нѣмецкій рефюжъе, Оппенгеймъ, замѣтилъ мнѣ, что напрасно я хлопочу; что человекъ этотъ не пользуется хорошей репутацией; что онъ, будто бы, въ связяхъ съ французской полиціей.

Въ это время Рейхель привезъ въ Лондонъ моихъ дѣтей. Онъ принималь въ Нидергуберѣ большое участіе. Я сообщилъ ему, что объ немъ говорятъ.

Рейхель расхохотался: онъ ручался за Нидергубера, какъ за самого себя, и указываль на его бѣдность, какъ на лучшее опроверженіе. Послѣднее убѣждало отчасти и меня. Вечеромъ Рейхель ушелъ гулять, возвратился поздно, встревоженный и блѣдный. Онъ взошелъ на минуту ко мнѣ и, жалуясь на сильную мигрень, собирался лечь спать. Я посмотрѣлъ на него и сказалъ:

— У васъ есть что-то на душѣ, heraus damit! ²⁾

— Да, вы отгадали... но дайте прежде честное слово, что вы никому не скажете.

— Пожалуй, но что за шалости? предоставьте моей совѣсти.

— Я не могъ успокоиться, услышавши отъ васъ объ Нидергуберѣ, и, несмотря на обѣщаніе, данное вамъ, я рѣшилъ его спросить и былъ у него. Жена его на-дняхъ родить, нужда страшная... Чего мнѣ стоило начать разговоръ! Я вызваль его на улицу и, наконецъ, собравъ всѣ силы, сказалъ ему: знаете ли, что Г. предупреджали въ томъ-то и томъ-то; я увѣренъ, что это—клевета, поручите мнѣ разъяснить дѣло. «Благодарю васъ,—отвѣчалъ онъ мнѣ

¹⁾ Рекомендация.

²⁾ Выскажитесь.

мрачно,—но это ненужно; я знаю, откуда это идетъ. Въ минуту отчаянія, умирая съ голода, я предложилъ префекту въ Парижѣ мои услуги, чтобы держать его au courant эмиграціонныхъ новостей. Онъ мнѣ прислалъ 300 франковъ, и я никогда ему не писалъ потомъ».

Рейхель чуть не плакалъ.

— Послушайте, пока жена его не родитъ и не оправится, даю вамъ слово молчать; пусть идетъ въ конторщики и оставитъ политическіе круги. Но, если я услышу новыя доказательства, и онъ, все-таки, будетъ въ сношеніяхъ съ эмиграціей, я его выдамъ. Чортъ съ нимъ!

Рейхель уѣхалъ. Дней черезъ десять, во время обѣда, взошелъ ко мнѣ Нидергуберъ, блѣдный, разстроенный. «Вы можете понять,—говорилъ онъ,—чего мнѣ стоитъ этотъ шагъ; но, куда ни смотрю, кромѣ вась, спасенія нѣтъ. Жена родитъ черезъ нѣсколько часовъ, въ домѣ ни угля, ни чая, ни чашки молока, денегъ ни гроша, ни одной женщины, которая бы помогла, не на что послать за акушеромъ». И онъ, дѣйствительно, изнеможенный бросился на стулъ и, покрывъ лицо руками, сказалъ: «Остается пулю въ лобъ, по крайней мѣрѣ, не увижу этого ужаса».

Я тотчасъ послалъ за добрымъ Павломъ Дарашемъ, далъ денегъ Нидергуберу и, сколько могъ, успокоилъ его. На другой день Дарашъ заѣхалъ сказать, что роды сошли съ рукъ хорошо.

Между тѣмъ, вѣсть, пущенная, вѣроятно, по личной враждѣ, о связяхъ съ французской полиціей Нидергубера ходила больше и больше и, наконецъ, Таузенау, извѣстный вѣнскій клубистъ и агитаторъ, послѣ рѣчи котораго народъ повѣсилъ Латура ¹⁾, увѣрялъ направо и налево, что онъ самъ читалъ письмо отъ префекта, писанное при присылкѣ денегъ. Обвиненіе Нидергубера, видно, было дорого для Таузенау: онъ самъ зашелъ ко мнѣ, чтобы подтвердить его.

Положеніе мое становилось трудно. Гаугъ жилъ у меня; до того я ему не говорилъ ни слова, но теперь это становилось неделикатно и опасно. Я рассказалъ ему, не упоминая о Рейхелѣ, котораго не хотѣлъ путать въ драму, имѣвшую всѣ шансы на то, что V актъ ея будетъ представляться въ полицейскомъ судѣ или въ Ольдъ-Бели. Чего я прежде боялся, то и случилось: «вскипѣлъ бульонъ»; я едва могъ усмирить Гауга и удержать его отъ нашествия на чердакъ Нидергубера. Я зналъ, что Нидергуберъ долженъ

¹⁾ Графъ Теодоръ, австрійскій генералъ, военный министръ, повѣшенъ 6 октября 1848 г.

быль прийти къ намъ съ переписанными тетрадами, и совѣтоваль подождать его. Гаугъ согласился и какъ-то утромъ вбѣжалъ ко мнѣ, блѣдный отъ ярости, и объявилъ, что Нидергуберъ внизу. Я бросилъ поскорѣе бумаги въ столъ и сошелъ. Перестрѣлка шла ужъ сильная. Гаугъ кричалъ, и Нидергуберъ кричалъ. Калибръ крѣпкихъ словъ становился все крупнѣе. Выраженіе лица Нидергубера, искаженного злобой и стыдомъ, было дурно. Гаугъ былъ въ азартѣ и пугался. Этимъ путемъ можно было скорѣе дойти до раскрытія черепа, чѣмъ дѣла.

— Господа,—сказаль я вдругъ. середь рѣчи,—позвольте васъ остановить на минуту.

Они остановились.

— Мнѣ кажется, что вы портите дѣло горячностью; прежде, чѣмъ браниться, надобно поставить совершенно ясно вопросъ...

— Что я *шпіонъ или нѣтъ?*—кричалъ, Нидергуберъ.—Я ни одному человѣку не позволю ставить такой вопросъ.

— Нѣтъ, не въ этомъ вопросъ, который я хотѣлъ предложить; васъ обвиняетъ *одинъ человѣкъ*, да и не онъ одинъ, что вы получали деньги отъ парижскаго префекта полиціи.

— Кто этотъ человѣкъ?

— Таузенау.

— Мерзавецъ!

— Это къ дѣлу не идетъ; вы деньги получали или нѣтъ?

— *Получалъ*,—сказаль Нидергуберъ съ натянутымъ спокойствіемъ, глядя мнѣ и Гаугу въ глаза. Гаугъ судорожно кривлялся и какъ-то стоналъ отъ нетерпѣнія снова обругать Нидергубера; я взялъ Гауга за руку и сказалъ:

— Ну, только намъ и надобно.

— *Нѣтъ, не только*,—отвѣчалъ Нидергуберъ.—Вы должны знать, что никогда ни одной строкой я не компрометировалъ никого.

— Дѣло это можетъ рѣшить только вашъ корреспондентъ Пьетри ¹⁾, а мы съ нимъ не знакомы.

— Да что я у васъ подсудимый, что ли?! Почему вы воображаете, что я долженъ передъ вами оправдываться? Я слишкомъ высоко цѣню свое достоинство, чтобы зависѣть отъ мнѣнія какогонибудь Гауга или вашего. Нога моя не будетъ въ этомъ домѣ!—прибавилъ Нидергуберъ, гордо надѣлъ шляпу и отворилъ дверь.

— Въ этомъ вы можете быть увѣрены,—сказаль я ему вслѣдъ.

Онъ хлопнулъ дверью и ушелъ. Гаугъ порывался за нимъ, но я, смѣясь, остановилъ его, перефразируя слова Сізіяса:

¹⁾ Пьеръ-Мари, префектъ парижской полиціи.

— Nous sommes aujourd'hui ce que nous avons été hier—désormais! ¹⁾

Нидергуберъ отправился прямо къ Таузенау. Тучный, лоснящійся Силенъ, о которомъ Мащини какъ-то сказалъ: «мнѣ все кажется, что его поджарили на оливковомъ маслѣ и не обтерли», еще не покидалъ своего ложа. Дверь отворилась, и передъ его просыпающимися и опухлыми глазами явилась фигура Нидергубера.

— Ты сказалъ Г., что я получалъ деньги отъ префекта?

— Я.

— Зачѣмъ?

— Затѣмъ, что ты получалъ.

— Хотя и зналъ, что я не доносилъ?! Вотъ же тебѣ за это!— При этихъ словахъ Нидергуберъ плюнулъ Таузенау въ лицо и пошелъ вонъ... Разъяренный Силенъ не хотѣлъ остаться въ долгу; онъ вскочилъ съ постели, схватилъ горшокъ и, пользуясь тѣмъ, что Нидергуберъ спускался по лѣстницѣ, вылилъ ему весь запасъ на голову, приговаривая:

— А это ты возьми себѣ...

Эпилогъ этотъ утѣшилъ меня несказанно.

— Видите, какъ хорошо я сдѣлалъ,—говорилъ я Гаугу,—что васъ остановилъ. Ну, что бы подобнаго вы могли сдѣлать надъ головой несчастнаго корреспондента Пиэтри? Вѣдь, онъ до второго пришествія не просохнетъ.

Казалось бы, дѣло должно было окончиться этой нѣмецкой вендеттой, но у эпилога есть еще небольшой финалъ. Какой-то господинъ, говорятъ, добрый и честный, старикъ Винтергальтеръ, сталъ защищать Нидергубера. Онъ созвалъ комитетъ нѣмцевъ и пригласилъ меня, *какъ одною изъ обвинителей*. Я написалъ ему, что въ комитетъ не пойду, что все мнѣ извѣстное ограничивается тѣмъ, что Нидергуберъ въ моемъ присутствіи сознался Гаугу, что онъ деньги *отъ префекта получалъ*. Винтергальтеру это не понравилось; онъ написалъ мнѣ, что Нидергуберъ *фактически* виноватъ, но *морально* чистъ, и приложилъ письмо Нидергубера къ нему. Нидергуберъ обращалъ, между прочимъ, вниманіе его на *странность* моего поведения. «Г.,—говорилъ онъ,—гораздо прежде зналъ отъ г. Рейхеля объ этихъ деньгахъ и не только молчалъ до обвиненія Таузенау, но послѣ того еще далъ мнѣ два фунта и присылалъ на свой счетъ доктора во время болѣзни жены!»

Sehr gut!

¹⁾ Сегодня мы—тѣ же, что были вчера,—пойдемъ завтракать!

ГЛАВА ІХ.

И. ГОЛОВИНЪ.

Нѣсколько дней послѣ обыска у меня и захвата моихъ бумагъ, во время Іюньской битвы ¹⁾, явился ко мнѣ въ первый разъ И. Головинъ, до того извѣстный мнѣ по бездарнымъ сочиненіямъ своимъ и по чрезвычайно дурной репутаціи сварливаго и дерзкаго человѣка, которую онъ себѣ сдѣлалъ. Онъ былъ у Ламорисіера, хлопоталъ, безъ малѣйшей просьбы съ моей стороны, о моихъ бумагахъ, ничего не сдѣлалъ и пришелъ ко мнѣ пожать скромные лавры благодарности и, пользуясь тѣмъ, втѣснить мнѣ свое знакомство ²⁾.

— «Я сказалъ Ламорисіеру: генераль, стыдно надоѣдать русскимъ республиканцамъ и оставлять въ покоѣ агентовъ русскаго правительства.

— «А вы знаете ихъ?—спросилъ меня Ламорисіерь.

— «Кто ихъ не знаетъ!

— «Nommez les, nommez les ³⁾».

— «Ну, да Яковъ Толстой и генераль Жомини ⁴⁾».

— «Завтра же велю у нихъ сдѣлать обыскъ».

— Да будто Жомини—русскій агентъ?—спросилъ я.

¹⁾ Въ 1849 г.

²⁾ Головинъ въ своихъ «Запискахъ» категорически утверждаетъ, что отправился къ Ламорисіеру *по просьбѣ Герцена*.

³⁾ Назовите ихъ, назовите ихъ.

⁴⁾ Бар. Антонъ-Генрихъ Веніамновичъ, генераль-отъ-инфантеріи, удаленъ за границу въ началѣ 1840-хъ годовъ, гдѣ и жилъ до Восточной войны 1853—55 гг., а затѣмъ явился въ СПб.

— Ха, ха, ха! Это мы увидимъ теперь.

Вотъ вамъ человѣкъ.

Рубиконъ былъ перейденъ, и, что я ни дѣлалъ, чтобы поддержать дружбу Головина, а, главное, его посѣщенія,—все было тщетно. Онъ раза два въ недѣлю приходилъ къ намъ; и нравственный уровень нашего уголка тотчасъ понижался,—начинались ссоры, сплетни, личности. Лѣтъ пять спустя, когда Головинъ хотѣлъ додразнить мѣня до драки, онъ говорилъ, что *я его боюсь*; говоря это, онъ, конечно, не подозрѣвалъ, какъ давно я его боялся—до лондонской ссоры.

Еще въ Россіи я слышалъ объ его безтактности, о нецеремонности въ денежныхъ отношеніяхъ. Шевыревъ, возвратившись изъ Парижа, рассказывалъ о процессѣ Головина съ лакеемъ, съ которымъ онъ подрался, и ставилъ это на счетъ насъ, западниковъ, къ числу которыхъ причислялъ Головина. Я Шевыреву замѣтилъ, что Западъ слѣдуетъ винить только въ томъ, что они *дрались*, потому что на *Востокъ* Головинъ просто бы *поколотилъ* слугу, и никто не говорилъ бы объ этомъ.

Забытое теперь содержаніе его сочиненій о Россіи еще менѣе располагало къ знакомству съ нимъ. Французская риторика, либерализмъ Роттековой школы ¹⁾, *pêle-mêle* ²⁾ разбросанные анекдоты, сентенціи, постоянныя личности, никакой логики, никакого взгляда, никакой связи. Погодинъ писалъ рубленой прозой, а Головинъ думалъ рублеными мѣсями.

Я миновалъ его знакомство допельзя. Ссора его съ Бакунинымъ помогла мнѣ. Головинъ помѣстилъ въ какомъ-то журналѣ дворянски-либеральную статейку, въ которой помянулъ его. Бакунинъ объявилъ, что ни съ русскимъ дворянствомъ, ни съ Головинымъ ничего общаго не имѣеть. ¹⁹

Мы видѣли, что далѣе іюньскихъ дней я не пролавиrowалъ въ моемъ почетномъ незнакомствѣ.

Каждый день доказывалъ мнѣ, какъ я былъ правъ. Въ Головинѣ соединилось все ненавистное намъ въ русскомъ офицерѣ, въ русскомъ помѣщикѣ, съ бездною мелкихъ западныхъ недостатковъ, и это безъ всякаго примиренія, смягченія, безъ выкупа, безъ какой-нибудь эксцентричности, какихъ-нибудь талантовъ или комизмовъ. Его наружность vulgar, провокантная и оскорбительная, принадлежитъ, какъ чеканъ, цѣлому слою людей, кочующихъ съ картами и безъ картъ по минеральнымъ водамъ и большимъ столи-

¹⁾ Карлъ Роттекъ, нѣмецк. историкъ; основалъ газету «Der Freisinnige» («Свободомыслящій»).

²⁾ Какъ попало.

цамъ, вѣчно хорошо обѣдающихъ, которыхъ всѣ знаютъ, о которыхъ все знаютъ, кромѣ двухъ вещей: чѣмъ они живутъ, и зачѣмъ они живутъ. Головинъ—русскій офицеръ, французскій *grandeur* ¹⁾, *hâbleur* ²⁾, англійскій свиндлеръ ³⁾, нѣмецкій юнкеръ и нашъ отечественный Ноздревъ, Хлестаковъ (*in partibus infidelium* ⁴⁾). ²⁰

Зачѣмъ онъ покинулъ Россію, что онъ дѣлалъ на Западѣ,— *онъ*, такъ хорошо шедшій въ офицерское общество своихъ братій, имъ же самимъ описанныхъ? Сорвавшись съ родныхъ полей, онъ не нашель центра тяжести. Кончивъ курсъ въ дерптскомъ университетѣ, Головинъ былъ записанъ въ канцелярію Нессельроде. Нессельроде ему замѣтилъ, что у него почеркъ плохъ, Головинъ обидѣлся и уѣхалъ въ Парижъ. Когда его потребовали оттуда, онъ отвѣчалъ, что не можетъ еще возвратиться, потому что не кончилъ своего «каллиграфическаго образованія». Потомъ онъ издалъ свою компиляцію «*La Russie sous Nicolas*», въ которой обидѣлъ пуще всего Николая тѣмъ, что сказалъ, что онъ *нѣтъ* пишетъ съ *e*. Ему велѣли ѣхать въ Россію.—онъ не поѣхалъ. Братья ⁵⁾ его воспользовались этимъ, чтобы посадить его на Антоніеву пищу: они посылали ему гораздо меньше денегъ, чѣмъ слѣдовало. Вотъ и вся драма. ²¹

У этого человѣка не было ни тѣни художественнаго такта, ни тѣни эстетической потребности, никакого научнаго запроса, никакого серьезнаго занятія. Его поэзія была обращена на него самого, онъ любилъ позировать, хранить *apparences* ⁶⁾; привычки дурно воспитаннаго барича средней руки остались въ немъ на всю жизнь. спокойно сжились съ кочевымъ фуражированіемъ полуизгнанника и полубогемы.

Разъ въ Туринѣ я засталъ его въ воротахъ *Hôtel Feder* съ хлыстикомъ въ рукѣ... Передъ нимъ стоялъ савояръ, полунагой и босой мальчикъ ~~лѣтъ~~ двѣнадцати. Головинъ бросалъ ему гроши и за каждый грошъ стегалъ его по ногамъ; савояръ подпрыгивалъ,

¹⁾ Фрондеръ.

²⁾ Бахвалъ.

³⁾ *Schwindler*—мошенникъ.

⁴⁾ Въ странѣ невѣрныхъ.

⁵⁾ А ргосъ его братій. Одинъ изъ нихъ, кавалерійскій генераль, бывшій въ особой милости Николая, потому что *отличился* 14 декабря офицеромъ, пріѣхалъ къ Дубельту со слѣдующимъ вопросомъ: «Умирающая мать,—говорилъ онъ,—написала нѣсколько словъ на прощанье сыну Ивану... тому... несчастному. Вотъ письмо... Я, право, не знаю, что мнѣ дѣлать?»—*Снеси на почту*...—сказалъ, любезно улыбаясь, Дубельтъ. А. И. Г.

⁶⁾ Внѣшность.

показывая, что очень больно, и просилъ еще. Головинъ хохоталъ и бросалъ грошъ. Я не думаю, чтобъ онъ больно стегалъ, но, все же, стегалъ, и это могло его забавлять! ²²

Послѣ Парижа мы встрѣтились сначала въ Женевѣ, потомъ въ Ниццѣ. Онъ былъ тоже высланъ изъ Франціи и находился въ очень незвѣдномъ положеніи ¹⁾). Ему рѣшительно нечѣмъ было жить, несмотря на тогдашнюю баснословную дешевизну въ Ниццѣ. Какъ часто и горячо я желалъ, чтобы Головинъ получилъ наслѣдство или женился бы на богатой... Это бы мнѣ развязало руки.

Изъ Ниццы онъ уѣхалъ въ Бельгію; оттуда его прогнали; онъ отправился въ Лондонъ и тамъ натурализовался, смѣло прибавивъ къ своей фамиліи титулъ князя *Ховри*, на который не имѣлъ права. Англійскимъ подданнымъ онъ возвратился въ Туринъ и сталъ издавать какой-то журналъ. Въ немъ онъ додразнилъ министровъ до того, что они выслали его. Головинъ сталъ подъ покровительство англійскаго посольства. Посолъ отказалъ ему, и онъ снова поплылъ въ Лондонъ. Здѣсь въ роли *рыцаря индустри*, члѣна общества по революціи, онъ безъ успѣха старался примкнуть къ разнымъ политическимъ кругамъ, знакомился со всѣми на свѣтѣ и печаталъ невообразимый вздоръ. ²³

Въ концѣ ноября 1853 Ворцель зашелъ ко мнѣ съ приглашеніемъ сказать что-нибудь на польской годовщинѣ. Взошелъ Головинъ и, смѣкнувъ въ чемъ дѣло, тотчасъ атаковалъ Ворцеля вопросомъ, можетъ ли онъ сказать рѣчь.

Ворцелю было неприятно, мнѣ вдвое, но тѣмъ не меньше онъ ему отвѣтилъ: «Мы приглашаемъ всѣхъ и будемъ очень рады; но чтобъ митингъ имѣлъ единство, надобно намъ знать à peu près ²⁾), кто что хочетъ сказать. Мы собираемся тогда-то, приходите къ намъ потолковать». Головинъ, разумѣется, принялъ предложеніе, а Ворцель, уходя, сказалъ мнѣ, качая головой, въ передней: «что за нелегкая принесла его!».

¹⁾ Французская полиція не могла ему простить одну продѣлку. Въ началѣ 1849 была небольшая демонстрація. Президентъ, т.-е. Наполеонъ III, обѣзжалъ верхомъ бульвары. Вдругъ Головинъ пробрался къ нему и закричалъ: «Vive la République!» и «A bas les Ministres!». — «Vive la République!» — пробормotalъ Наполеонъ «Et les ministres?» — «On les changera!» ³⁾). Головинъ протянулъ ему руку. Прошло дней пять, министры остались, и Головинъ напечаталъ въ «Réformѣ» свою встрѣчу, съ прибавленіемъ, что, такъ какъ президентъ не исполнилъ обѣщанія, то онъ беретъ назадъ свое рукожатье (il retire sa poignée de main). Полиція промолчала и выслала его, нѣсколько мѣсяцевъ спустя, придравшись къ 13 юля. А. И. Г. ²⁴

²⁾ Приблизительно.

³⁾ Ихъ смѣнять.

Съ тяжелымъ сердцемъ пошелъ я на приготовительное собраніе: я предчувствовалъ, что дѣло не обойдется безъ скандала. Мы не были тамъ пяти минутъ, какъ мое предчувствіе оправдалось. Послѣ двухъ-трехъ отрывистыхъ генеральскихъ словъ, Головинъ вдругъ обратился къ Ледрю-Роллену; сначала напомнилъ, что они гдѣ-то встрѣчались, чего Ледрю-Ролленъ, все-таки, не вспомнилъ, потомъ ни къ селу, ни къ городу сталъ ему доказывать, что постоянно раздражать Наполеона— ошибка, что политичнѣе было бы его щадить для польскаго дѣла. Ледрю-Ролленъ измѣнился въ лицѣ, но Головинъ продолжалъ, что Наполеонъ одинъ можетъ выручить Польшу, и пр. «Это,—добавилъ онъ— не только мое личное мнѣніе; теперь Маццини и Кошутъ это поняли и всѣми силами стараются сблизиться съ Наполеономъ».

— Какъ же вы можете вѣрить такимъ нелѣпостямъ?!—спросилъ его Ледрю-Ролленъ внѣ себя отъ водненія.

— Я слышалъ...

— Отъ кого? Отъ какихъ-нибудь шпионовъ! Честный человекъ не могъ вамъ этого говорить. Господа, я Кошута лично не знаю, но все же увѣренъ, что это не такъ; что же касается до моего друга Маццини, я смѣло беру на себя отвѣчать за него, что онъ никогда не думалъ о такой уступкѣ, которая была бы страшнымъ обдѣвствомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ измѣною всей религіи его.

— Да, да, само собой разумѣется!—говорили съ разныхъ сторонъ. Ясно было, что слова Головина разсердили всѣхъ. Ледрю-Ролленъ вдругъ повернулся къ Ворцелю и сказалъ ему: «Вотъ видите, мои опасенія были не напрасны; составъ вашего митинга слишкомъ разнообразенъ, чтобъ въ немъ не заявили мнѣнія, которыя я не могу ни принять, ни даже слушать. Позвольте мнѣ удалиться и отказаться отъ чести говорить 29 числа рѣчь».

Онъ всталъ. Но Ворцель, останавливая его, замѣтилъ, что комитетъ, предпринявшій дѣло митинга, избралъ его своимъ председателемъ, и что въ этомъ качествѣ онъ долженъ просить Ледрю-Роллена остаться, пока онъ спроситъ своихъ товарищей, хотя бы ли они послѣ сказаннаго допустить рѣчь Головина и потерять содѣйствіе Ледрю-Роллена, или наоборотъ.

Затѣмъ Ворцель обратился къ членамъ Централизаціи. Результатъ былъ несомнѣненъ. Головинъ его очень хорошо предвидѣлъ и потому, не дожидаясь отвѣта, всталъ и высокомерно бросилъ Ледрю-Роллену: «Я уступаю вамъ честь и мѣсто, и самъ отказываюсь отъ своего намѣренія сказать рѣчь 29 ноября»,— послѣ чего онъ доблестно и, тяжело ступая, вышелъ вонъ.

Чтобь разомъ кончить дѣло, Ворцель предложилъ мнѣ прочесть или сказать, въ чемъ будетъ состоять моя рѣчь.

На другой день былъ митингъ—одинъ изъ послѣднихъ блестящихъ польскихъ митинговъ. Онъ удался, народу была бездна. Я пришелъ часовъ въ 8, — все уже было занято, и я съ трудомъ пробирався на эстраду, приготовленную для бюро.

— Я васъ вездѣ ищу, — сказалъ мнѣ d-g Дарашъ. — Васъ ждетъ въ боковой комнатѣ Ледрю-Ролленъ и непременно хочетъ съ вами поговорить до митинга.

— Что случилось?

— Да все этотъ шалопай Головинъ.

Я пошелъ къ Ледрю-Роллену. Онъ былъ разсерженъ, и былъ правъ.

— Посмотрите, — сказалъ онъ мнѣ, — что этотъ негодяй прислалъ мнѣ за записку четверть часа до того, какъ мнѣ ѣхать сюда!

— Я за него не отвѣчаю, — сказалъ я, развертывая записку.

— Безъ сомнѣнія, но я хочу, чтобы вы знали, кто онъ такой.

Записка была груба, глупа. Онъ тутъ фанфаронствовалъ, хотѣлъ покрыть fiasco. Онъ писалъ Ледрю-Роллену, что, если у него нѣтъ французской учтивости, то пусть онъ покажетъ, что не лишень французской храбрости.

— Я его всегда зналъ за безпокойнаго и дерзкаго человѣка, но этого я не ожидалъ, — сказалъ я, отдавая записку. — Что же вы намѣрены дѣлать?

— Дать ему такой урокъ, котораго онъ долго не забудеть. Я здѣсь всенародно на митингѣ сорву маску съ этого *aventurier*, я расскажу о нашемъ разговорѣ, сошлюсь на васъ, какъ на свидѣтеля, и притомъ *русскаю*, и прочту его записку. А потомъ, увидимъ, — я не привыкъ глотать такія конфеты.

Дѣло скверное, подумалъ я; Головинъ со своей весьма подозрительной репутаціей окончательно погибнетъ. Ему одинъ путь спасенія будетъ—дуэль. Этой дуэли нельзя допустить, потому что Ледрю-Ролленъ совершенно правъ и ничего обиднаго не сдѣлалъ. Въ его положеніи нельзя же было драться со всякимъ встрѣчнымъ. И что же за безобразіе: на польскомъ митингѣ одного русскаго эмигранта затопчутъ въ грязь, а другой поможетъ.

— Да нельзя ли отложить?

— Чтобъ потерять такой случай?

Я еще разъ постарался остановить дѣло, ввернувши предложеніе суда, *jury d'honneur*, — все удавалось плохо.

...Затѣмъ мы вышли на эстраду и были встрѣчены френетическимъ ¹⁾ рукоплесканіемъ. Рукоплесканія и шумъ толпы, какъ

¹⁾ *Frénétique*—бѣшенный, неистовый.

известно, пьянать,—я забылъ о Головинѣ и думалъ о своей рѣчи. Объ рѣчи я говорилъ въ другомъ мѣстѣ. Самое появленіе мое на трибунѣ было встрѣчено съ величайшимъ сочувствіемъ поляками, французами и итальянцами. Когда я кончилъ, Ворцель, предсѣдатель митинга, подошелъ ко мнѣ и, обнимая меня, повторилъ, глубоко тронутый: «О, благодарю, благодарю!». Рукоплесканія, шумъ удесyтерились, и я подъ ихъ громомъ отправился на свое мѣсто... Тутъ мнѣ пришелъ въ голову Гол., и я испугался близости той минуты, когда трибунъ 1848 года сомнетъ въ своихъ рукахъ этого шута. Я вынулъ карандашъ и написалъ на клочкѣ бумаги: «Бога ради, устройте, чтобъ гнусное дѣло Гол. не испортило вашего митинга». Эстрада была амфитеатромъ; я записочку отдалъ сидѣвшему передо мной Пiанчiани, чтобъ онъ ее передалъ Ворцелю. Ворцель прочиталъ, черкнулъ что-то карандашомъ и отдалъ въ другую сторону, т.-е. отправилъ къ Ледрю-Роллену, который сидѣлъ выше. Ледрю-Ролленъ досталъ меня рукой за плечо и, весело кивая, сказалъ: «За вашу рѣчь и для васъ я оставляю дѣло до завтра»,— и я, довольный, какъ нельзя больше, отправился ужинать съ Руге и Копингаомъ въ American Store.

Не успѣлъ я на другой день встать, какъ комната моя наполнилась поляками. Они пришли меня благодарить, но, вѣроятно, благодарность они принесли бы и позже,—главное, имъ не терпѣлось закончить споръ—голови-ское дѣло. Бѣшенство на него распахнулось во всей силѣ. Они составили актъ, въ которомъ Головинъ былъ обруганъ: адресъ Ледрю-Роллену, которому объявили, что рѣшительно не допустятъ его до дуэли. Десять человекъ готовы были драться съ нимъ. Требовали, чтобы я подписалъ и актъ, и адресъ.

Я видѣлъ, что изъ одной исторіи выйдутъ пять, и, пользуясь вчерашнимъ успѣхомъ, т.-е. авторитетомъ, который онъ мнѣ далъ, сказалъ имъ:

— Въ чемъ цѣль? Кончить ли это дѣло такъ, чтобъ Ледрю-Ролленъ былъ удовлетворенъ, и несчастный инцидентъ, чуть не испортившій нашъ митингъ, былъ стертъ, или наказать Головина, во что бы ни стало? Въ послѣднемъ случаѣ, господа, я не участвую и дѣлайте, какъ знаете.

— Конечно, главная цѣль—кончить дѣло.

— Хорошо. Имѣете вы ко мнѣ довѣріе?...

— Да, да .. еще бы...

— Я поѣду *сдинъ* къ Головину и, если улажу дѣло такъ, что Ледрю-Ролленъ будетъ доволенъ, то и конецъ.

— Хорошо, а если не уладите?

— Тогда я подпишу вашъ протестъ и адресъ.

— Ладно.

Головина я засталъ мрачнымъ и сконфуженнымъ; онъ явно ждалъ грозы и врядъ былъ ли доволенъ, что вызвалъ ее.

Объясненіе наше было недолго. Я сказалъ ему, что спасъ его отъ двухъ неприятностей, и предложилъ мои услуги устранить третью, а именно, примирить его съ Ледрю-Ролленомъ. Ему хотѣлось окончить дѣло, но надменная натура его не допускала до сознанія своей вины, а еще больше—до признанія ея.

— Я соглашаюсь только для васъ,—пробормоталъ онъ, наконецъ. Для меня или для кого другого,—дѣло пошло наладъ. Я поѣхалъ къ Ледрю-Роллену, прождалъ его часа два въ холодной комнатѣ и простудился; наконецъ, онъ пріѣхалъ очень любезенъ и веселъ. Я рассказалъ ему всю исторію отъ появленія повсехнаго ¹⁾ вооруженія Посполитой Рѣчи до ломаній нашего матамора ²⁾, и Ледрю-Ролленъ со смѣхомъ согласился предать дѣло забвенію и принять раскаявшагося грѣшника. Я отправился за нимъ.

Головинъ ждалъ въ сильномъ волненіи. Узнавъ, что все обстоятъ благополучно, онъ покраснѣлъ и, набивши всѣ карманы пальто жакими-то бумагами, поѣхалъ со мной.

Ледрю-Ролленъ принялъ настоящимъ gentleman'омъ и тотчасъ сталъ говорить о постороннихъ дѣлахъ. «Я пріѣхалъ къ вамъ,—сказалъ Головинъ,—сказать, что мнѣ очень жаль»... Ледрю-Ролленъ его перебилъ словами:—«N'en parlons plus ³⁾»... Вотъ ваша записка, бросьте ее въ огонь»... и безъ запятой сталъ продолжать начатый разговоръ. Когда мы встали, чтобъ ѣхать, Головинъ выгрузилъ изъ кармановъ киду брошюры и, подавая ихъ Ледрю-Роллену, прибавилъ, что это — его послѣднія брошюры, и что онъ проситъ его принять ихъ въ знакъ его особеннаго уваженія. Ледрю-Ролленъ, разсыпаясь въ благодарности, съ почтеніемъ уложилъ кипу, до которой, вѣроятно, никогда не дотрогивался.

— Вотъ нашъ литературный вѣкъ,—сказалъ я Головину, садясь въ карету.—Слыхалъ я, что умные люди берутъ съ собой на дуэли штопоръ, но чтобъ вооружались брошюрами—это ново!

Зачѣмъ я спасъ этого человѣка отъ позора? Право, не знаю и просто раскаиваюсь. Всѣ эти пощады, великодушія, закрашиванія, спасенія падаютъ на нашу голову по тому великому правилу, постановленному Бѣлинскимъ, что «мошеники тѣмъ сильны, что»

¹⁾ Powszechny—всеобщій.

²⁾ Matamore—храбрецъ, въ ироническомъ смыслѣ.

³⁾ Не будемъ объ этомъ больше говорить.

они съ честными людьми поступаютъ, какъ съ мошенниками, а честные люди съ мошенниками,—какъ съ честными людьми». Бандиты журнальнаго и политическаго міра опасны и неприятны по своему двусмысленному и затруднительному положенію. Терять имъ нечего, выиграть они могутъ все. Спасая такихъ людей, вы ихъ только снова приводите въ прежній impasse ¹⁾).

Въ разсказѣ моемъ нѣтъ слова преувеличеннаго. Подумайте же, каково было мое удивленіе, когда Головинъ начечталь въ Германіи черезъ *десять лѣтъ*, что Ледрю-Ролленъ *извинился передъ мнѣмъ*... зная, что и онъ, и я, слава богу, живы и здоровы... Развѣ это не гениально! ²⁵

Митингъ былъ 29 ноября 1853 года. Въ мартѣ 1854 я напечаталъ небольшое воззваніе къ русскимъ солдатамъ въ Польшѣ отъ имени «Русской вольной общины въ Лондонѣ». Головина это оскорбило, и онъ принесъ мнѣ для напечатанія слѣдующій протестъ:

«Я прочелъ вашу «благовѣсть», писанную въ день благовѣщенія.

«Она подписана: «Вольная русская община въ Лондонѣ», а между тѣмъ встрѣчаются слова: «Не помню, въ какой губерніи».

«Слѣдовательно для меня загадка состоитъ ли эта община изъ васъ и Енгельсона, или изъ васъ одного?

«Здѣсь не мѣсто разбирать содержаніе мнѣ не бывшее показанное въ рукописи. Чтобы упомянуть только о тонѣ, я бы не подписалъ обѣщаніе не оставить безъ совѣта людей которые меня не просятъ объ этомъ. Ни скромность ни совѣсть не позволяютъ мнѣ сказать что я примирилъ имя народа русскаго съ народами Запада.

«По сему я почитаю должнымъ просить васъ объявить при слѣдующемъ и наискорѣйшемъ случаѣ, что я до сихъ поръ не участвовалъ ни въ какихъ воззваніяхъ печатанныхъ вашею типографіей по Русски.

«Надѣясь что вы не заставите меня прибѣгнуть къ другому рода гласности,

Я пребываю вамъ покорный

Иванъ Головинъ.

Лондонъ 25 марта 1854.

(Г. Герцену—Искендеру).

«Р. С. Поставляю на ваше усмотрѣніе напечатать мое письмо въ настоящемъ его видѣ или объявить содержаніе онаго въ краткѣ».

¹⁾ Тупикъ.

Протесту я несказанно обрадовался: въ немъ я видѣлъ начало разрыва съ этимъ невыносимо тяжелымъ человѣкомъ и публичное заявленіе нашего разногласія. Европа и сами поляки такъ поверженно смотрятъ на Россію, особенно въ промежутки, когда она не бьетъ сосѣдей или не присоединяетъ цѣлыя государства въ Азію, что я долженъ былъ работать десять лѣтъ, чтобъ меня не смѣшывали съ пресловутымъ Ivan Golovine.²⁶

Вслѣдъ за протестомъ Головинъ прислалъ письмо, длинное, безсвязное, которое заключилъ словами: «можетъ быть отдѣльно мы еще будемъ полезны общему дѣлу, если не станемъ тратить наши силы на борьбу другъ съ другомъ».

На это я отвѣчалъ ему:

30 марта. Четвергъ.

«Я считаю себя обязаннымъ поблагодарить васъ за письмо ваше, полученное вчера и котораго добрую цѣль—смягчить печатное объявленіе, я вполне оцѣнилъ.

«Я совершенно согласенъ, что отдѣльно мы принесемъ больше пользы. Насчетъ борьбы, о которой вы пишете, — она не входила въ мою голову. Я не возьму никакой инициативы, не имѣя ничего противъ васъ, особенно, когда каждый пойдетъ своей дорогой

«Вспомните, какъ давно и сколько разъ я говорилъ вамъ кейденно то, что вы сказали теперь публично. Наши нравы, мнѣнія, симпатіи и антипатіи,—все разное. Позвольте мнѣ остаться съ уваженіемъ къ вамъ, но принять нашу раздѣльность за *fait accompli* 1), — и вы, и я, мы будемъ отъ этого свободны».

«Письмо мое—отвѣтъ; вопросовъ въ немъ нѣтъ; я васъ прошу не дѣлать этой переписки и полагаюсь на Вашу деликатность, что окончательное разставаніе наше не будетъ сопровождено ни жесткимъ словомъ, ни враждебнымъ дѣйствіемъ.

«Желаю вамъ всего лучшаго».

Что Головину вовсе не хотѣлось разорвать сношенія со мной,—это было очевидно; ему хотѣлось сорвать сердце за то, что мы печатали воззваніе безъ него, и потомъ примириться, но я ужъ не хотѣлъ упустить изъ рукъ этого горячо желаннаго случая.

Недѣли двѣ-три послѣ моего письма, я получилъ отъ него пакетъ. Раскрываю—бумага съ траурнымъ ободкомъ... Смотрю—это половина погребальнаго приглашенія, разосланнаго 2 мая 1852 года. 2) Въ отвѣтъ на его письмо изъ Турина я ему его послалъ и написалъ: «Письмо ваше тронуло меня, я никогда ни сомнѣвался

1) Совершившійся фактъ.

2) На погребеніе Н. А.—ны.

въ добромъ сердцѣ вашемъ...» На этомъ-то листѣ онъ написалъ, что просить у меня свиданія, и давалъ новый адресъ и прибавилъ: «Il ne s'agit pas d'argent ¹⁾).

Я отвѣчалъ, что итти къ нему не могу, потому что не я имѣю къ нему дѣло, а онъ ко мнѣ, потому что онъ началъ разрывъ, а не я, наконецъ, потому, что онъ довелъ о томъ до постороннихъ, но что я готовъ его принять у себя, когда ему угодно.

Онъ явился на другое утро, смиренный и шелковый. Я увѣрялъ его еще и еще, что никакого враждебнаго шага съ моей стороны сдѣлано не будетъ, но что наши мнѣнія, нравы до такой степени не сходны, что видаться намъ не зачѣмъ.

— Да какъ же вы это только теперь замѣтили?..

Я промолчалъ.

Мы разстались холодно, но учтиво.

Казалось бы, чего же еще? Нѣтъ!—на другой же день Головинъ наградилъ меня слѣдующимъ письмомъ:

«(Ad usum proprium ²⁾).

«Послѣ сегодняшняго разговора, не могу я вамъ отказать въ сатисфакціи имѣть общинку, имѣйте! Полемики же вести я никакой менамѣренъ, слѣдовательно избѣгайте все что можетъ дать поводъ къ ней.

«Когда ваши новые друзья передъ вами согрѣшаютъ, вы найдете во мнѣ вамъ всегда преданнаго.

«Мой совѣтъ написать въ «M. Adv.», что вы процесса не заводите съ ними потому только, что презираете невѣжество, которое не знаетъ отличить патріота и друга свободы отъ агента, жалить Брунова и клеветать на Бакунина ³⁾).

«Я къ вамъ ходить не буду, покуда буду занятъ дѣлами болѣе важными нежели снисковать симпатіи.

«Когда же меня захотите посѣтить, всегда обрадуйте тѣмъ болѣе что имѣя кое-что общее имѣется также кое-что и пересказать.

26 апрѣля 54 г.

И. Г.»

¹⁾ Дѣло идетъ не о деньгахъ.

²⁾ Для собственнаго употребленія.

³⁾ «Morning Advertiser», тогда именно попавшійся въ руки К. Блинда и ибмѣцкихъ демократовъ марксовскаго толка, помѣстилъ глупѣйшую статью, въ которой доказывалъ единство видовъ моей пропаганды съ русскимъ правительствомъ. Головинъ, дающій такіе хорошіе совѣты, самъ впоследствии прибѣгнуть къ тѣмъ же средствамъ и въ томъ же «Morning Advertiser».

А. И. Г.

Къ лѣту я уѣхалъ въ Ричмондъ и нѣкоторое время ничего не слыхалъ о Головинѣ. Вдругъ отъ него письмо. Онъ, не называя никого, говорилъ, что до него дошло, что я «смѣялся надъ нимъ» у себя дома... и требовалъ (какъ у любовницы), чтобъ я возвратилъ ему портретъ его, подаренный въ Ниццѣ. Какъ я ни хлопоталъ, какъ ни рылся въ бумагахъ, портрета найти не могъ.

Досадно было, но пришлось передать ему, что портретъ пропалъ. Я просилъ нашего общаго знакомаго, Савича ¹⁾, сказать ему, какъ я искалъ, и повторить, что я ни малѣйшаго зла ему не желаю и прошу его оставить меня въ покоѣ.

Въ отвѣтъ на это—слѣдующее письмо:

«Почтенный Александръ Ивановичъ.

«Вы говорили Савичу, что если я вамъ напишу письмо, то вы мнѣ возвратите 10 Liv. Мое распоряженіе было дать вамъ 20 Liv. изъ послѣднихъ денегъ, да и вы сами писали, что вы изъ 100 возьмете только 20. Я надѣялся вывернуться скоро, вышло иначе. Но черезъ недѣлю, много двѣ, я бы могъ вамъ возвратить эти 10 liv. Вы говорите, что вы мнѣ не врагъ, и я прошу объ этомъ, не какъ объ одолженіи отъ пріятели, а какъ объ справедливости. Если вамъ это кажется иначе, то откажите, не барабана объ этомъ вашимъ поклонникамъ;

И. Г.»

Августъ 16.

На это письмо я ничего не отвѣчалъ. Не нужно и говорить, что я Савичу никакихъ денежныхъ порученій не давалъ. Онъ нарочно спуталъ два дѣла, чтобъ придать видъ какой-то *сдѣлки* простой просьбѣ. О самомъ Савичѣ, одномъ изъ забавнѣйшихъ полевыхъ цвѣтковъ нашей родины, занесенныхъ на чужбину, мы поговоримъ еще когда-нибудь.

Вслѣдъ затѣмъ второе письмо. Онъ догадался, что отсутствіе отвѣта—отказъ, и, разумѣется, вымѣрилъ всю неосторожность своего поступка.

Испугавшись, онъ рѣшился взять дѣло приступомъ; онъ мнѣ писалъ, что я—«нѣмецъ или жидъ», отослалъ назадъ мое письмо С, написавъ на немъ: «вы трусите» ²⁾. Затѣмъ два письма съ под-

¹⁾ Иванъ Ивановичъ.

²⁾ Здѣсь между листами рукописи Герценъ вклеилъ копіи двухъ своихъ писемъ къ Головину:

22 августа 1854.

Ричмондъ.

В.

«Милостивый Государь,

«Вы писали мнѣ, что хотите прекратить всякое воспоминаніе нашего знакомства. Черезъ нѣсколько дней вы просили взаимы 10 ливровъ.

дѣльной надписью и съ бранью внутри въ родѣ *D.* ¹⁾). Жалѣю, что часть ихъ утратилась,—впрочемъ, тонъ одинъ во всѣхъ.

Онъ ждалъ, что вслѣдъ за его письмомъ, въ которомъ онъ говоритъ о трусости, я пришлю секундантовъ. Мои понятія о чести были, дѣйствительно, странны и не совпадали съ его понятіями. Что за милость убить кандидата въ Бисетръ ²⁾, въ смиренный домъ или быть имъ убитымъ, искалѣченнымъ и навѣрное попасть подъ судъ, бросить свои занятія, — и все это для того, чтобы доказать, что я его не боюсь... Какъ будто, однѣ бѣшенныя собаки имѣютъ привилегію вселять ужасъ, не лишая чести боявшагося?

Опять пауза. Головинъ не показывается въ нашихъ паражахъ ³⁾, кутитъ на чей-то *другой* счетъ, говоритъ дерзости кому-то *другому*, у кого-то другого беретъ деньги взаймы. Между тѣмъ, послѣднія свѣтлыя точки репутаціи тускнутъ, старые знакомые отрываются

«На первое письмо я вамъ отвѣчалъ искренно и вѣжливо, не обращая вниманія на тонъ вашего письма.

«На второе я ничего не отвѣчалъ.

«Переписка между нами невозможна. Я возвращаю вамъ письмо и не приму слѣдующихъ. Въ полномъ сознаніи моей правоты въ отношеніи къ вамъ я буду упорно молчать, пока это возможно, надѣясь на здравый смыслъ всякаго безпристрастнаго человѣка.

А. Герценъ».

С.

23 августа 1854.

«Вы хотите меня заставить съ вами драться, такъ, какъ заставляютъ мальчиговъ. Мнѣ совершенно все равно, считаете ли вы меня трусомъ или храбрымъ, воромъ или фальшивымъ монетчикомъ.

«Почему вы хотите драться теперь? потому что вамъ совѣстно, что спросили десять ливровъ у человѣка, съ которымъ грубо прервали всѣ сношенія? Если бы я вамъ ихъ далъ, у васъ не было бы *reconnaissance* ⁴⁾.

«Я не буду съ вами драться, потому что это глупо, потому что я ничего не сдѣлалъ, за что обязанъ вамъ репарацией, и потому, наконецъ, что стою самобытно на своихъ ногахъ и не покоряюсь чужой волѣ или ругательнымъ словамъ, диктованнымъ какимъ-то помѣшательствомъ.

«Не думайте, что я изъ этого письма дѣлаю тайну — вы можете его читать, не читать. Вообще, дѣлайте, что хотите, только не пишите ко мнѣ.

«Я, съ своей стороны, и говорить не буду, не только писать,—такъ мнѣ это надоѣло.

А. Герценъ».

¹⁾ Вклеено: В.

«Отослать письмо, не читая есть дерзость, достойная храбрыхъ. Отослать письмо, полагая, что оно содержитъ запросъ денежный, между тѣмъ, какъ ничего такого нѣту, надо быть жидомъ. Отослать письмо, не зная, нѣтъ ли въ немъ чего, касающагося для чести, надо имѣть объ ней странныя понятія.

12 августа 1854».

¹⁾ Больница для душевнобольныхъ близъ Парижа.

²⁾ Признательности.

³⁾ *Parage*—страна, край.

отъ него, новые бѣгутъ. Луи Бланъ извиняется передъ друзьями, встрѣтившими его съ Головинымъ на Regent street; домъ Мильнеръ-Гибсона окончательно запираютъ для него, и только вдали англійскіе «симплетоны» ¹⁾, глупѣйшіе изъ всего міра, догадываются, что онъ—не князь и не политическій человѣкъ, и вообще не человѣкъ; одни нѣмцы, знающіе людей по книгопродавческимъ каталогамъ, считаютъ его чѣмъ-то, «бернгаутомъ» ²⁾.

Въ февралѣ 1855 приготовлялся народный сходъ С.-Мартинсъ-Галля, — торжественный, но неудавшійся опытъ соединенія социалистовъ всѣхъ эмиграцій съ чартистами. Подробности и схода и марксовскихъ интригъ противъ моего избранія я рассказалъ въ другомъ мѣстѣ. Здѣсь о Головинѣ.

Я не хотѣлъ произносить рѣчи и пошелъ въ засѣданіе комитета, чтобы поблагодарить за честь и отказаться. Дѣло было вечеромъ, и когда я выходилъ, я встрѣтилъ одного чартиста на лѣстницѣ, который меня спросилъ, читалъ ли я письмо Головина въ «Morning Advertiser'ѣ»? Я не читалъ. Внизу былъ кафэ и public-house; «Morning Advertiser» есть во всѣхъ кабакахъ; мы взошли, и Финлейнъ показалъ мнѣ письмо Головина, въ которомъ онъ писалъ, что до его свѣдѣнія дошло, что международный комитетъ меня избралъ членомъ, и просилъ, какъ русскаго, произнести рѣчь на митингѣ, а потому, *побуждаемый одной любовью къ истинѣ*, предупреждаетъ, что я—не русскій, а нѣмецкій жидъ, родившійся въ Россіи,—«раса находящаяся подъ особымъ покровительствомъ Николая».

Прочитавъ эту шалость, я возвратился въ комитетъ и сказалъ предсѣдателю (Э. Джонсу), что беру назадъ мой отказъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ я показалъ ему и членамъ «Morning Adv.» и прибавилъ, что Головинъ очень хорошо знаетъ мое происхожденіе и «лжетъ изъ любви къ истинѣ». «Да и къ тому же еврейское происхожденіе врядъ могло ли бы служить препятствіемъ, прибавилъ я, взявъ во вниманіе, что первые изгнанники послѣ сотворенія міра были евреи, именно Адамъ и Ева».

Комитетъ расхохотался и, съ предсѣдателя начиная, принялъ мое новое рѣшеніе съ рукоплесканіемъ. «Что касается до вашего выбора меня въ члены, я обязанъ васъ благодарить, но защищать вашъ выборъ—ваше дѣло».

— Да! да!—закричали со всѣхъ сторонъ.

Джонсъ на другой день напечаталъ нѣсколько строкъ въ

¹⁾ Простаки.

²⁾ Лѣнтякъ.

своимъ «The People» и послалъ письмо въ «Daily News». ²⁷ Головинъ умолкъ и уѣхалъ въ Америку.

Alexander Herzen, the Russian exile.

«Some sham democrat has written in the *Morning Advertiser* a libel with reference to M. Herzen, with a view to damage, if possible, the approaching demonstration in St. Martin's Hall. The effort is puerile, because that demonstration is one of *peoples* and *principles*, and does not in any way depend on the personality of any individuals. But in justice to M. Herzen, we are bound to say that the ridiculous statement about his not being a Russian and an exile is a downright falsehood, and that the statement that he belongs to the same race as *Joshua* and *Josephus* is utterly without foundation; not that it is not just as honourable to belong to that once mighty and ever consistent people, as to any other. He was five years a captive in the Ural mountains, and liberated thence only to be banished from Russia, his native clime.

«M. Herzen is at the head of Russian democratic literature, and the most distinguished exile of his country; as such, the representative of its proletarian millions. He will be at the demonstration in St. Martin's Hall, and will, we trust, receive a welcome, that will show the world that the English can sympathise with the Russian people, while they desire to strike at the Russian tyrant» ¹⁾.

M. HERZEN.

To the editor of «the Daily News».

Sir,—A letter inserted in one of your contemporaries denies M. Herzen, the well known Russian exile, the right of representing, in the International Committee, Russian democracy, and even the Russian birthright.

M. Herzen already has disposed of the second allegation. Allow us on behalf of the International Committee, to add to M. Herzen's reply a few facts respecting the first one, which very likely his modesty has prevented him alluding to.

At twenty years of age, condemned for a conspiracy against the despotism of the Czar, he was sent to the frontier of Siberia, where he remained, an exile, for a period of seven years.

Pardoned a first time, he knew very soon how to deserve a second condemnation.

¹⁾ Переводъ этой замѣтки Джонса на стр. 139—140 т. VIII.

In the meantime, political pamphlets, philosophical writings, and novels secured him one of the most distinguished places in Russian literature.

However, for the literary and political part played by M. Herzen in his own country, we can do no better than to refer to an article published on the 6th inst. in the *Athenaeum*, of which nobody will suspect the impartiality.

Arrived in Europe in 1847, M. Herzen occupied an important rank amongst the distinguished men who attached their names to the great revolutionary movement of 1848. Since that time he has started in London the first Russian free press, wherein he prosecutes against the Czar Nicolas and Russian despotism a deadly and most useful war.

In consequence of these facts, anxious as we were to unite the whole democracy in a common manifestation, we neither hoped nor wished to find in England or in Europe a nobler and truer representative of the revolutionary party in Russia. Yours, &c.

(Signed on behalf of the International Committee).

The President Ernest Jones.

Secretaries { *Robert Chapman*
Conrad Dombrowski.
Alfred Talandier 1).

1)

Г. ГЕРЦЕНЪ.

Издателю «The Daily News».

М. Г.! Въ одномъ изъ нумеровъ Вашего изданія помѣщено письмо, отрицающее за извѣстнымъ русскимъ изгнанникомъ г. Герценомъ не только право на представительство русской демократіи въ Международномъ Комитетѣ, но даже право на принадлежность къ русской національности.

Г. Герценъ уже отвѣчалъ на второе обвиненіе. Позвольте намъ отъ имени Международнаго Комитета просоединить къ отвѣту г. Герцена нѣсколько фактовъ касательно перваго обвиненія,—фактовъ, сослаться на которые г. Герцену, по всей вѣроятности, не позволила лишь его скромность.

Осужденный, имѣя отроду 30 лѣтъ, за заговоръ противъ царскаго деспотизма, г. Герценъ былъ сосланъ на границу Сибири, гдѣ и проживалъ въ качествѣ ссыльнаго въ теченіе 7 лѣтъ.

Амнистированный въ первый разъ, онъ очень скоро сумѣлъ заслужить и вторую ссылку.

Въ то же самое время его политическіе памфлеты, философскія статьи и беллетристическія произведенія доставили ему одно изъ самыхъ выдающихся мѣстъ въ русской литературѣ.

Чтобъ показать, какое мѣсто принадлежитъ г. Герцену въ политической и литературной жизни его родины, мы не можемъ сдѣлать ничего

Наконецъ, думаль я, мы освободились отъ него. Онъ пропадетъ въ этомъ океанѣ всякихъ свиндлеровъ ¹⁾ и искателей богатствъ и приключеній, сдѣлается тамъ пионеромъ или диггеромъ ²⁾, шулеромъ или слевгольдеромъ ³⁾; разбогатѣеть ли онъ тамъ, или будетъ повѣшенъ по Lynch law ⁴⁾—все равно, лишь бы не возвратился ²⁸ Ничуть не бывало—всплылъ мой Головинъ черезъ годъ въ томъ же Лондонѣ и встрѣтилъ на улицѣ Огарева, который ему не кланялся; подошелъ и спросилъ его: «А что это вамъ не велѣли, что ли, кланяться?» и ушелъ. Огаревъ нагналъ его и, сказавъ: «Нѣтъ, я по собственному желанію не кланяюсь съ вами»,—пошелъ своей дорогой. Само собою разумѣется, это тотчасъ вызвало слѣдующую ноту (письмо къ Огареву):

«12 янв. 1857.

«Приступая къ изданію *Кнута*, я не ищу быть въ ладу съ моими врагами, но я не хочу, чтобы они думали обо мнѣ всякой вздоръ.

«Въ двухъ словахъ я вамъ скажу, что было у меня съ Герценомъ. Я былъ у него на квартирѣ и просилъ не сориться. «Не могу, говорить,—не симпатизирую съ вами, давайте полемику вести». Я ее не велъ, но когда онъ отослалъ мнѣ письмо не распечатанное, тогда я его назвалъ нѣмцемъ. Это—Брискорнъ, называвшій Долгорукаго нѣмцемъ на смѣхъ солдатамъ. Но Герцену угодно было

другого, какъ сослаться на статью, напечатанную въ «Athenaeum», журналѣ, который никто не заподозритъ въ пристрастій.

Прибывши въ Европу въ 1847 г., г. Герценъ занялъ видное мѣсто въ ряду тѣхъ выдающихся людей, имена которыхъ тѣсно связаны съ революціоннымъ движеніемъ 1848 г. Затѣмъ онъ основалъ въ Лондонѣ первое свободное русское изданіе, цѣлью котораго стала смертельная, самая полезная война противъ царя Николая и русскаго деспотизма.

Въ виду всѣхъ этихъ фактовъ, задавшіея цѣлью объединенія всей демократіи въ общемъ проявленіи ея дѣятельности, мы и не надѣялись, да и не желали, найти ни въ Англіи, ни во всей Европѣ болѣе достойнаго и болѣе истиннаго представителя революціонной партіи въ Россіи, чѣмъ г. Герцена.

Съ почтеніемъ

(Подписи по уполномочію Международнаго Комитета)

Предсѣд. Междун. К-та Эрнстъ Джонсъ.

Секретаріатъ

Робертъ Чапмэнъ.
Конрадъ Домбровскій.
Альфредъ Таландые.

(Въ № отъ 20 февраля).

¹⁾ Schwindler—мошенникъ.

²⁾ Digger—рудокопъ.

³⁾ Slaveholder—рабовладѣлецъ.

⁴⁾ Законъ Линча.

отвѣчать и рассказать свою исторію, а потомъ разгнѣваться не на себя, а на меня. Но и въ исторіи въ этой ничего не было обиднаго. Допустимъ, что мое поведеніе съ нимъ было дурно, а ваше со мной хорошо, хотя вы и не близнецы, все еще не за что становиться на дыбы, не лезя въ драку.

Головинъ». 29

Мы рѣшились безусловно молчать. Нѣтъ досаднѣе наказанія крикунамъ и *hâbleur'*амъ ¹⁾, какъ молчаніе, какъ нѣмое, холодное пренебреженіе. Головинъ еще раза два сдѣлалъ опытъ написать къ Огареву колкія и остроумныя записки, въ родѣ приложенной второй миссивы ²⁾, уже совершенно лишеной смысла и смахивающей на дѣйствительное сумасшествіе:

«Берлинъ, 20 августа.

«Я видѣлъ
Бога Цензуры Русской
и не смолчалъ ему.

«Съ Будбергомъ мы грызлись два часа; онъ рыдалъ, какъ теленокъ.

«*Vous voulez la guerre, vous l'aurez* ³⁾).

«Мы были врагами съ Герценомъ два-три года. Что изъ этого произошло? Пользы никому! Хочетъ онъ стрѣляться? У меня *Стрѣла* ⁴⁾ готова! Но для пользы общей гораздо лучше подать руку!

Victoria Hôtel

«Вы издаете ваши полныя сочиненія. Пахнетъ ли въ нихъ мертвымъ, какъ въ Даніи?»

Ни слова отвѣта.

А, впрочемъ, съ ума сойти было отъ чего. Мало-по-малу всѣ матеріальныя и моральныя средства изсякли, литературныя аферы, поддерживавшія его, кредиту — нигдѣ; онъ предпринималъ всякаго рода полу-свѣтлыя и полу-темныя дѣла, — все падало на его голову или валилось изъ его рукъ. На средства онъ не былъ разборчивъ.

Однимъ добрымъ утромъ, вѣроятно, не зная, гдѣ бы на чужой счетъ хорошенько пообѣдать, — а хорошо обѣдать онъ очень любилъ — Головинъ написалъ Пальмерстону письмо и предложилъ себя, — это было въ концѣ Крымской войны, — тайнымъ агентомъ англій-

¹⁾ Бахваламъ.

²⁾ *Missive* — посланіе.

³⁾ Вы желаете войны, — вы ее будете имѣть.

⁴⁾ Въ 1859 г. Головинъ напечаталъ нѣсколько номеровъ такого журнала.

скому правительству, обѣщая быть очень полезнымъ по прежнимъ связямъ своимъ въ Петербургѣ и по отличному значію Россіи. Пальмерстону стало гадко, и онъ велѣлъ отвѣчать секретарю, что вискоунтъ благодаритъ г. Головина за предложеніе, но въ настоящую минуту его услугами не нуждается. Это письмо въ пакетѣ съ печатью Пальмерстона Головинъ долго носилъ въ карманѣ, и *самъ показывалъ* его.

Послѣ смерти Николая онъ помѣстилъ въ какомъ-то журналѣ ругательную статью противъ новой императрицы, подписавъ ее псевдонимомъ, и черезъ день помѣстилъ въ томъ журналѣ возраженіе за своей подписью. Нашъ пріятель Кауфманъ, редакторъ «Литографированной Корреспонденціи», обличилъ эту продѣлку, и объ ней прокричали десятки журналовъ. Затѣмъ онъ предложилъ русскому посольству въ Лондонѣ издавать *правительственную* газету. Но и Брунновъ, какъ Пальмерстонъ, еще не чувствовалъ настоятельной потребности въ его услугахъ.

Тогда онъ просто попросилъ амністію и тотчасъ получилъ ее съ условіемъ поступить на службу. Онъ испугался, сталъ торговаться о мѣстѣ служенія, просилъ, чтобъ его взялъ къ себѣ Суворовъ, бывший тогда генераль-губернаторомъ остзейскихъ провинцій. Суворовъ согласился, Головинъ не поѣхалъ, а написалъ князю Горчакову письмо о своемъ сновидѣніи: онъ видѣлъ — государь призываетъ его въ свой совѣтъ, и что онъ съ рвеніемъ ему благія дѣла совѣтуетъ. ³⁰

Сны не всегда сбываются, и, вмѣсто мѣста въ царской думѣ, нашъ поѣдѣвшій шалунъ чуть не попалъ въ исправительный домъ. Встрѣтившись съ какимъ-то коммерческимъ фактотумомъ Стерномъ, Головинъ, безъ гроша денегъ, поднялся на всякія спекуляціи, забывая, что еще въ 1846 имя его было выставлено въ Парижѣ на биржѣ, какъ челоуѣка, нечисто играющаго. Онъ хотѣлъ надуть Стерна, Стернъ надулъ его; Головинъ прибѣгнулъ къ своей методѣ: онъ помѣстилъ въ журналахъ статью о Стернѣ, въ которой конулся его семейной жизни. Стернъ взбѣсился и потребовалъ его къ суду. Головинъ явился растерянный, испуганный къ солиситору; онъ боялся тюрьмы, сильнаго штрафа, огласки. Солиситоръ предложилъ ему подписать какой-то документъ на мировую, полное отреченіе отъ сказаннаго. Солиситоръ скрѣпилъ, а Стернъ, вылитографировавши документъ и снабдивши facsimil'емъ, разослалъ ко всѣмъ своимъ и головинскимъ знакомымъ. Одинъ экземпляръ получилъ и я.

4 Egremont Place. London

29 May 1857.

«Dear Sir.

Your having commenced an action for libel against me in respect of certain statements I have made both verbally and in writing reflecting upon your character and you having through the intervention of mutual friends consented to foresaid ¹⁾ further proceedings therein upon my paying the costs thereof and retracting such statements and also expressing my regret at having made use of them, I thus gladly avail myself of those terms and beg to assure you that if anything that I may have written or said has tended in the most remote degree to injure you I can only say that such was not my intention and that I am very sorry for having adopted the course I did which shall never be repeated by

your's truly

I. Golovin.

E. Stern Esq.

Witness: H. Empson, Solicitor. 61, Moorgate street, London» ²⁾.

Затѣмъ Лондонъ оказался рѣшительно невозможнымъ... Головинъ оставилъ его, увозя съ собой цѣлый портфель незаплаченныхъ счетовъ портныхъ, сапожниковъ, трактирщиковъ, домохозяевъ... Онъ уѣхалъ въ Германію и вдругъ какъ-то скоропостижно женился. Замѣчательное событіе это онъ телеграфировалъ въ тотъ же день императору Александру II.

Года черезъ два, пропивши приданое жены, онъ напечаталъ въ фельетонѣ какой-то газеты о несчастіи гениальнаго чело­вѣка, женатаго на простой женщинѣ ³⁾, которая не можетъ его понимать.

Затѣмъ я не слыхалъ объ немъ больше пяти лѣтъ.

Въ началѣ польскаго возстанія—новый опытъ примириться: «Польскіе и русскіе друзья этого требуютъ, ждуть!»—Я промолчалъ. ⁴⁾

...Въ началѣ 1865 я встрѣтилъ въ Парижѣ какого-то спор-

¹⁾ ?

²⁾ «Милостивый Государь! Такъ какъ Вы возбудили противъ меня дѣло о клеветѣ по поводу нѣкоторыхъ моихъ устныхъ и письменныхъ заявленій, бросающихъ тѣнь на Вашъ характеръ, и такъ какъ Вы при посредничествѣ общихъ друзей согласились прекратить это дѣло въ томъ случаѣ, если я заплачу судебныя издержки и откажусь отъ упомянутыхъ заявленій, а также выражу сожалѣніе, что сдѣлалъ ихъ,— то я съ радостью принимаю эти условія и прошу Васъ вѣрить, что если что-либо изъ сказаннаго или написаннаго мною хотя бы въ малѣйшей степени повредило Вамъ, я не имѣлъ такого намѣренія и крайне сожалѣю о томъ, что сдѣлалъ и чего болѣе никогда не повторить Вашъ покорный слуга *И. Головинъ*».

Г-ну Е. Стернъ. Свидѣтель: Г. Эмпсонъ, солиситоръ.

³⁾ Дочь кievскаго губернатора Гессе.

бывшагося старика, съ осунувшимся лицомъ, въ поношенной шляпѣ, въ поношенномъ пальто... Было вѣтрено и очень холодно... Я шелъ на чтеніе къ А. Дюма... которое тоже было вѣтрено и вяло. Старикъ прятался въ воротникъ; проходя, онъ, не глядя на меня, пробормоталъ: «Отзвонилъ!»—и пошелъ далѣе. Я приостановился... Головицу шелъ прежней тяжелой ступней, не оборачивался,—пошелъ и я. Остановился я за тѣмъ, что раза два онъ встрѣчался со мной на лондонскихъ улицахъ; разъ онъ пробормоталъ: «Экой злой!», другой—сказалъ себѣ что-то подъ носъ, вѣроятно, обругалъ, но я не слышалъ, и ко мнѣ онъ не обращался, а начинать съ нимъ уличную исторію мнѣ не хотѣлось. Онъ разсказалъ въ послѣдствіи Савичу и Савашкевичу, что, встрѣтившись, обругалъ меня, а я промолчалъ.

— Что же Головинъ здѣсь дѣлаетъ?—спросилъ я того же Гомынского, о которомъ упомянулъ.

— Плохо ему; онъ сдѣлался брокантеромъ, мѣнялой, покупаетъ скверныя картины, надуваетъ ими дураковъ, а большей частью самъ бываетъ надутъ... Старѣеть, брюзжить, пишетъ иногда статьи, которыя никто не печатаетъ, не можетъ вамъ простить ваши успѣхи... и ругаетъ васъ на чемъ свѣтъ стоитъ.

...Сношеній между нами не было съ тѣхъ поръ. Но черезъ годы, когда всего менѣе ждешь, получается письмо... то съ предложеніемъ примириться, по просьбѣ какихъ-то поляковъ, то съ какой-нибудь бранью. Съ нашей—ни слова отвѣта.

Я вздумалъ, какъ ни скучно, записать наши похождения и для этого развернулъ уцѣлѣвшія письма его. Въ то время, какъ я взялся за перо и написалъ первыя строки, мнѣ подали письмо руки Головина. Вотъ оно, какъ достойный эпилогъ:

«Александръ Ивановичъ!

«Напоминаю я Вамъ о себѣ рѣдко, но разнесся слухъ, что вы «умываете себѣ руки» и сходите съ колокольні.

«По моему не берись за лушъ, а взявшись за лушъ, не говори, что дюжъ.

«Ваши средства вамъ позволяютъ издавать «Колоколъ» и при потерѣ. Если можно, помѣстите письмо, при семъ приложенное.

Головинъ».

«Г-ну Каткову, Редактору «Московскихъ Вѣдомостей».

«Мидостивый Государы!

«Извините меня если я не знаю васъ ни по имени, ни по отчеству, знаю васъ только за вашу слѣпую ненависть къ По-

лякамъ, въ которыхъ вы не признаете ни людей, ни Славянъ, знаю также за ваше незнаніе Европейскихъ вопросовъ.

«Мнѣ говорятъ, что въ вашемъ журналѣ была фраза: «Державское перо сожалѣетъ объ Россіи и утопаетъ въ ничтожествѣ», или нѣчто подобное. Я жалѣю Россію, жалѣю *опричничество* и неурядицу ея, жалѣю дворянство, которое принуждено дѣлать фальшивыя ассигнаціи и фальшивыя билеты лотерейныя, такъ что въ настоящую минуту представлено три билета выигравшихъ 100 т. руб. и никто не можетъ отличить, который настоящій, жалѣю упивающихся крестьянъ, ворующихъ чиновниковъ и священниковъ врущихъ вдоръ; но я знаю, что *на Руси не красно жить*,

«Угодно было Его Величеству не велѣть мнѣ прописать въ паспортъ глупый чинъ, добытый мною въ Университетѣ, и я записалъ въ Его формулярный списокъ титулъ *Благодѣтельную*, который ему и остается, такъ что написанное перомъ не вырубается и топоромъ.

«Украли у меня отечество за политическую экономію; я вспомнилъ, что я человекъ прежде нежели Русскій и служу человечеству — поприще гораздо большее, нежели служба Государственная, которую мнѣ возлагали въ обязанность.

«Въ моихъ глазахъ я не упалъ, а поднялся. Слышалъ я, что, еслибъ пріѣхалъ, то заперли бы меня въ домъ умалишенныхъ; надо было бы выпустить много крови, чтобъ ослабѣлъ мой мозгъ, — операція извѣстная подъ 53° градусомъ сѣверной широты противъ людей, которымъ есть съ чего сходить.

Имѣю честь быть вашъ покорнѣйшій

Ив. Головинъ. 82

Парижъ, февр. 1/66.

ГЛАВА X.

АПОГЕЙ И ПЕРИГЕЙ ¹⁾.

I.

(1858—1862).

... Часовъ въ десять утра я слышалъ снизу густой и недовольный голосъ:

— *Me ditte комса колонель рюсв вѣ вуарв.*

— *Monsieur ne reçoit jamais le matin et...*

— *Же парв демень.*

— *Et votre nom, monsieur..*

— *Mais au dire колонель рюсв ²⁾,*—и полковникъ прибавилъ голосу.

Жюль былъ въ великомъ затрудненіи. Я спросилъ сверху, подошедши къ лѣстницѣ:

— *Que se qu'il y a?*

— *Се ву?*—спросилъ полковникъ.

— *Oui, c'est moi ³⁾.*

— Велите, батюшка, пустить. Вашъ слуга не пускаетъ.

— Сдѣлайте одолженіе, взойдите.

Нѣсколько разсерженный видъ полковника прояснился, и онъ, вступая вмѣстѣ со мной въ кабинетъ, вдругъ какъ-то пріосанился и сказалъ: «Полковникъ такой то; находясь проѣздомъ въ Лондонѣ, поставилъ за обязанность явиться».

¹⁾ Высшая и низшая точки удаленія лунной орбиты отъ земли.

²⁾ Скажите просто: русскій полковникъ желаетъ видѣть. — Баринъ никогда не принимаетъ по утрамъ. Но я завтра ѣду.—Ваше имя, сударь?— Да вы скажите: русскій полковникъ.

³⁾ Въ чемъ дѣло.—Это вы?—Да, это я. (Все, что говорилось полковникомъ, было неправильно и произносилось невѣрно).

Я тотчас почувствовалъ себя генераломъ и, указывая на стулъ, прибавилъ: «Садитесь».

Полковникъ сѣлъ.

— На долго здѣсь?

— До завтрашняго числа-съ.

— И давно пріѣхали?

— Трое сутокъ-съ.

— Что же такъ мало погостили?

— Видите, здѣсь безъ языка-съ, оно дико, точно въ лѣсу.

Душевно желалъ васъ лично увидѣть, благодарить отъ себя и отъ многихъ товарищей. Публикаціи ваши очень полезны: и правды много, и иногда животы надорвешь.

— Чрезвычайно вамъ благодаренъ, это—единственная награда на чужбинѣ. И много получаютъ у васъ нашихъ изданій?

— Много-съ... Да, вѣдь, сколько и листь-то каждый читають: до дыръ-съ, до ключевъ читають и зачитываютъ; есть охотники— даже переписываютъ. Соберемся, такъ, иногда читать, ну, и критикуемъ-съ... Вы надѣюсь, позволите съ откровенностью военнаго и искренно уважающаго человѣка?

— Сдѣлайте одолженіе, намъ-то ужъ не приходится возставать противъ свободы слова.

— Мы такъ между собою часто говоримъ: польза большая въ вашихъ обличеніяхъ; сами знаете, что скажешь у насъ о Сухозанетѣ, примѣрно,—держи языкъ за зубами; или вотъ объ Адлербергѣ? Но, видите, вы давно оставили Россію, вы *слишкомъ* ее забыли, и намъ все кажется, что больно много напираете на крестьянскій вопросъ... не созрѣлъ...

— Будто?

— Ей, ей-съ... Я совершенно согласенъ съ вами; помиуйте, та же душа, образъ, подобіе божіе... и все это, повѣрьте, теперь видятъ многіе; но торопиться нельзя, *преждевременно*.

— Вы думаете?

— Полагаю-съ... Вѣдь, нашъ мужикъ—страшный лѣнтяй.. Онъ, пожалуй, и добрый малый, но пьяница и лѣнтяй. Освободи его сразу—работать перестанетъ, полей не засѣетъ, просто-съ голоду умретъ.

— Да вамъ-то что же за забота? Вѣдь, вамъ, полковникъ, никто не поручалъ продовольствіе народа русскаго...

Изъ всѣхъ возможныхъ и невозможныхъ возраженій полковникъ наименьше ждалъ того, которое я ему сдѣлалъ.

— Оно, конечно-съ, съ одной стороны...

— Да вы не бойтесь *св друюй*; вѣдь, не въ самомъ дѣлѣ онъ

умреть съ голоду оттого, что хлѣбъ сѣять будетъ не для барина а для себя?

— Вы меня извините, я счелъ долгомъ сказать... Мнѣ кажется, впрочемъ, я слишкомъ много отнимаю у васъ вашего драгоцѣннаго времени... Позвольте откланяться.

— Покорнѣйше благодарю за посѣщеніе.

— Помилуйте, не безпокойтесь. *Уе монв кабъ?* ¹⁾ Далеконько живете-съ.

— Не близко.

Я хотѣлъ этой великолѣпной сценой начать эпоху нашего свѣтленія и преуспѣянія. Такія и подобныя сцены повторялись безпрерывно; ни страшная даль, въ которой я жилъ отъ Вестъ-Энда— въ Путнеѣ, Фуламѣ, ни постоянно запертыя двери по утрамъ, — ничего не помогало... Мы были въ модѣ.

Кого и кого мы не видали тогда!... Какъ многіе дорого заплатили бы теперь, чтобы стереть изъ памяти, если не своей, то людской, свой визитъ... Но тогда, повторяю, *мы были въ модѣ* и въ какомъ-то гидѣ туристовъ я былъ отмѣченъ между достопримѣчательностями Путнея.

Такъ было отъ 1857 до 1863, но прежде было не такъ. По шѣрѣ того, какъ росла послѣ 1848 и утверждалась реакція въ Европѣ, а Николай свирѣпѣлъ не по днямъ, а по часамъ, русскіе начали избѣгать меня и побаиваться... Къ тому же въ 1851 стало извѣстно, что я офиціально отказался ѣхать въ Россію. Путешественниковъ тогда было очень мало. Изрѣдка являлся кто-нибудь изъ старыхъ знакомыхъ, рассказывалъ страшныя, уму непостижимыя вещи, съ ужасомъ говорилъ о возвращеніи и исчезалъ, осматриваясь, нѣтъ ли соотечественника. Когда въ Ниццѣ ко мнѣ заѣхалъ въ каретѣ и съ лонъ-лакеемъ А. И. Сабуровъ ²⁾, я самъ смотрѣлъ на это, какъ на геройскій подвигъ. Пробѣзжая тайкомъ Францію въ 1852, я въ Парижѣ встрѣтилъ кой-кого изъ русскихъ, — это были послѣдніе. Въ Лондонѣ не было никого. Проходили недѣли, мѣсяцы...

Ни звука русскаго, ни русскаго лица ³⁾.

Писемъ ко мнѣ никто не писалъ. М. С. Щепкинъ былъ первый сколько-нибудь близкій чловѣкъ, *изв дома*, съ которымъ я увидался въ Лондонѣ. О свиданіи съ нимъ я рассказывалъ въ другомъ мѣстѣ ⁴⁾. Его пріѣздъ былъ для меня чѣмъ-то въ родѣ роди-

¹⁾ Гдѣ мой кабъ?

²⁾ Андрей Ивановичъ, церемоніймейстеръ.

³⁾ Я, разумѣется, не говорю о двухъ-трехъ эмигрантахъ. А. И. Г.

⁴⁾ «Колоколь» 1863 г. А. И. Г.

тельской субботы; мы справляли съ нимъ поминки всему московскому, и самое настроеніе обоихъ было какое-то похоронное. Настоящимъ голубемъ ковчега съ маслиной во рту былъ не онъ, а докторъ В—нскій ¹⁾.

Онъ былъ первый русскій, пріѣхавшій къ намъ послѣ смерти Николая въ Чомле-Лоджъ въ Ричмондѣ, постоянно удивляясь, что она называется такъ, а пишется Cholmondeley Lodge. ²⁾ Вѣсти, привезенныя Щепкинымъ, были мрачны; онъ самъ былъ въ печальномъ настроеніи. В—скій смѣялся съ утра до вечера, показывая свои бѣлѣйшіе зубы; вѣсти его были полны той надежды, того «сангвинизма», какъ говорятъ англичане, который овладѣлъ Россіей послѣ смерти Николая и сдѣлалъ свѣтлую полосу на суровомъ фонѣ петербургскаго императорства. Правда, онъ же привезъ плохія новости о здоровьѣ Грановскаго и Огарева, но и это терялось въ яркой картинѣ проснувшагося общества, котораго онъ самъ былъ образчикомъ.

Съ какой жадностью слушалъ я его рассказы, переспрашивалъ, добивался подробностей... Я не знаю, зналъ ли онъ тогда или оцѣнилъ ли послѣ то безмѣрное добро, которое онъ мнѣ сдѣлалъ.

Три года лондонской жизни утомили меня. Работать, не видя близкаго плода, тяжело; къ тому же я слишкомъ разобщенно стоялъ со всякой родственной средой. Печатавъ съ Чернецкимъ листъ за листомъ и ссылая груды отпечатанныхъ брошюръ и книгъ въ подвалы Трюбнера, я почти не имѣлъ возможности переслать что-нибудь за русскую границу. Не продолжать я не могъ: русскій станокъ былъ для меня дѣломъ жизни, доской изъ отчуждающаго дома, которую переносили съ собой древніе германцы; съ нимъ я жилъ въ русской атмосферѣ, съ нимъ былъ готовъ и вооруженъ. Но при всемъ томъ глухо пропадавшій трудъ утомлялъ, руки опускались. Вѣра слабѣла минутами и искала знаменій, и не только ихъ не было, но не было *ни одного* слова сочувствія изъ дома.

Съ Крымской войной, со смертью Николая настаетъ другое время; изъ-за сплошнаго мрака выступали новыя массы, новые горизонты; чуждось какое-то движеніе; разглядѣть издали было трудно,—очевидецъ былъ необходимъ. Онъ-то и явился въ лицѣ В—скаго,

¹⁾ «Вѣнскій», т.-е. П. Л. Пикулинъ.

²⁾ Милый В—скій попадалъ въ удивительные просаки съ англійскимъ язькомъ. «Откуда, — говорилъ онъ моему сыну, — судя по картѣ, недалеко «Кевъ»? — Я не слыхалъ такого мѣста — Помилуйте, такой огромный ботанической садъ и первая оранжерея въ Европѣ». — Спросимъ у садовника. Спросили, и онъ не знаетъ. В—нскій развернулъ планъ. «Да вотъ онъ возлѣ самага Ричмонда! — Это былъ *Кью* ³⁾. А. И. Г.

³⁾ По-англійски «Kew».

подтверждавшего, что эти горизонты—не миражъ, а былъ, что барка тронулась, что она на ходу. Стоило взглянуть на свѣтлое лицо его, чтобъ ему повѣрить... Такихъ лицъ вовсе не было въ послѣднее время въ Россіи...

Удрученный непривычнымъ для русскаго чувствомъ, я вспомнилъ Канта, снявшаго бархатную шапочку при вѣсти о провозглашеніи республики 1792 года и повторявшаго «нынѣ отпускаеши» Симеона-богопримца. Да, хорошо уснуть на зарѣ... послѣ длинной ненастной ночи, съ полной вѣрой, что настаетъ чудесный день!..

Такъ умеръ Грановскій...

...Дѣйствительно, наставало *утро* того дня, къ которому стремился я съ тринадцати лѣтъ—мальчикомъ въ камлотовой курткѣ, сидя съ такимъ же «злоумышленникомъ» (только годомъ моложе) въ маленькой комнатѣ «старого дома»; въ университетской аудиторіи,—окруженный горячимъ братствомъ; въ тюрьмѣ и «сылкѣ», на чужбинѣ, проходя разгромомъ революцій и реакцій, наверху семейнаго счастья и разбитый, потерянный на англійскомъ берегу съ моимъ печатнымъ *монологомъ*. Солнце, садившееся, освѣщая Москву подъ Воробьевыми горами ¹⁾, и уносившее съ собой отроческую клятву, выходило послѣ двадцатилѣтней ночи...

Какой же тутъ покой и сонъ... *За дѣло!* И за дѣло я принялся съ удвоенными силами. Работа не пропадала больше, не исчезала въ глухомъ пространствѣ: громкія рукоплесканія и горячія сочувствія неслись изъ Россіи. «Полярная Звѣзда» читалась нарасхватъ. Непривычное ухо русское примирялось съ свободной рѣчью, съ жадностью искало ея мужественную твердость, ея безстрашную откровенность.

Весной 1856 пріѣхалъ Огаревъ; годъ спустя (1 июля 1857) вышелъ первый листъ «Колокола». Безъ довольно близкой періодичности нѣтъ настоящей связи между органомъ и средой. Книга остается, журналъ исчезаетъ, но книга остается въ библіотекѣ, а журналъ исчезаетъ въ мозгу читателя и до того усваивается имъ повтореніями, что кажется ему его собственной мыслью. Если же читатель начнетъ забывать ее, новый листъ журнала, никогда не боящійся повтореній, подскажетъ и подновитъ ее.

Дѣйствительно, влияніе «Колокола» въ одинъ годъ далеко оперосло «Полярную Звѣзду». «Колоколъ» въ Россіи былъ принятъ отвѣтомъ на потребность органа, неискаженнаго цензурой. Горячо шривѣтствовало насъ молодое поколѣніе; были письма, отъ кото-

¹⁾ «Былое и думы», часть I. А. И. Г.

рыхъ слезы навертывались на глазахъ... Но и не одно молодое поколѣніе поддержало насъ...

«Колоколь» — власть», говорилъ мнѣ въ Лондонѣ, *hottibile dictu* ¹⁾, Каткова и прибавилъ, что онъ у Ростовцова лежитъ на столѣ для справокъ по крестьянскому вопросу... И прежде него повторяли то же и Т. ²⁾, и А. ³⁾, и С. ⁴⁾, и К. ⁵⁾, генералы изъ либераловъ, либералы изъ статскихъ совѣтниковъ, придворныя дамы съ жаждой прогресса и флигель-адъютанты съ литературой; самъ В. П. ⁶⁾, постоянный, какъ подсолнечникъ, въ своемъ поклоненіи всякой силѣ, умильно смотрѣлъ на «Колоколь», какъ будто, онъ былъ начиненъ трюфелями... Недоставало только для полного торжества искренняго врага. Мы были въ вѣмъ и долго ждать его не пришлось. Не прошелъ 1858 годъ, какъ явилось «обвинительное письмо» Ч. ⁷⁾. Съ высокоумнымъ холодомъ несгибающагося доктринера, съ *goideur* ⁸⁾ судьи неумытнаго позвалъ онъ меня къ отвѣту и, какъ Бироуъ, вылилъ мнѣ въ декабрѣ мѣсяцѣ ушатъ холодной воды на голову. Приемы этого Сенъ-Жюста бюрократизма удивили меня. А теперь... черезъ семь лѣтъ ⁹⁾ письмо Ч. мнѣ кажется цвѣтомъ учтивости послѣ крѣпкихъ словъ и крѣпкаго патріотизма *михайловскаго* ¹⁰⁾ времени. Да, общество было тогда иначе настроено; «обвинительный актъ» возбудилъ взрывъ негодованія, намъ пришлось унимать раздраженныхъ друзей. Мы получали десятками письма, статьи, протесты. Самому обвинителю писали его прежніе пріятели по одиночкѣ и коллективно письма, полныя упрековъ; одно изъ нихъ было подписано общими друзьями нашими (изъ нихъ три четверти ближе теперь къ Ч., чѣмъ къ намъ); онъ самъ съ античной доблестью прислалъ это письмо для храненія въ нашей оружейной палатѣ.

Во дворцѣ «Колоколь» получилъ свое гражданство еще прежде. По статьямъ его государь велѣлъ пересмотрѣть дѣло «стрѣлка» Кочубея, подстрѣлившаго своего управляющаго. Императрица плакала надъ письмомъ къ ней о воспитаніи ея дѣтей и, говорятъ,

¹⁾ Страшно вымолвить.

²⁾ И. С. Тургеневъ.

³⁾ П. В. Анненковъ (или И. С. Аксаковъ?)

⁴⁾ А. В. Станкевичъ (или Ю. Ф. Самаринъ?)

⁵⁾ Е. Ф. Коршъ (или Кавелинъ?)

⁶⁾ Боткинъ.

⁷⁾ Б. Н. Чичеринъ.

⁸⁾ Непреклонностью.

⁹⁾ Писано въ 1864. А. И. Г.

¹⁰⁾ Эпоха торжества Михаила Каткова и Михаила Муравьева.

что самъ отважный статсъ-секретарь Б—въ ¹⁾, въ припадкѣ заносчивой самостоятельности, повторялъ, что онъ ничего не боится; «жалуйте государю, дѣлайте, что хотите, пожалуй, пишите себѣ въ «Колоколъ», мнѣ все равно». Какой-то офицеръ, обойденный въ повышеніи, серьезно просилъ насъ напечатать объ этомъ съ особеннымъ внушеніемъ государю. Анекдотъ Щепкина съ Гедеоновымъ переданъ мною въ другомъ мѣстѣ,—такихъ анекдотовъ могъ бы я рассказать десятокъ ²⁾...

...Горчаковъ съ удивленіемъ показывалъ напечатанный въ «Колоколѣ» отчетъ о тайномъ засѣданіи государственнаго совѣта по крестьянскому дѣлу. «Кто же, говорилъ онъ, могъ сообщить имъ такъ вѣрно подробности, какъ не кто-нибудь изъ присутствовавшихъ?»

Совѣтъ обезпокоился и какъ-то между «Бутковымъ и государемъ» келейно потолковалъ, какъ бы унять «Колоколъ». *Безкорыстный* Муравьевъ совѣтовалъ подкупить меня; жирафъ въ андреевской лентѣ, Шанинъ, предпочиталъ сманить на службу. Горчаковъ, игравшій между этими «мертвыми душами» роль Мижуева, усомнился въ моей продажности и спросилъ Панина: «Какое же мѣсто вы предложите ему?».—Помощника статсъ-секретаря.—«Ну, въ помощники статсъ-секретаря онъ не пойдетъ», отвѣчалъ, Горчаковъ, и судьба «Колокола» была предоставлена волѣ божіей.

А воля божія ясно обнаружилась въ ливнѣ писемъ и корреспонденцій изъ всѣхъ частей Россіи. Всякій писалъ, что попало: одинъ, чтобы сорвать сердце, другой, чтобы себя увѣрить, что онъ опасный человѣкъ... но были письма, писанныя въ порывѣ негодованія, страстные крики въ обличеніе ежедневныхъ мерзостей. Такія письма выкупали десятки «упражнений», такъ, какъ иное посѣщеніе платило за всѣхъ «колонель рюсъ».

Вообще, *баластъ* писемъ можно было раздѣлить на письма безъ фактовъ, но съ большимъ обиліемъ души и краснорѣчія, на письма съ начальническимъ одобреніемъ или съ начальническими выговорами и, наконецъ, на письма съ важными сообщеніями изъ провинціи.

Важныя сообщенія, обыкновенно писанныя изящнымъ канцелярскимъ почеркомъ, имѣли почти всегда еще болѣе изящное предисловіе, исполненное возвышенныхъ чувствъ и неотразимой лести. «Вы открыли новую Ору російскаго слова и, такъ сказать, мысли; вы первый съ высоты лондонскаго амвона стали гласно клеймить

¹⁾ Бутковъ.

²⁾ Оставляются до полнаго изданія. А. И. Г. *).

^{*)} Въ рукописяхъ не найдено.

людей, тиранствующихъ надъ нашимъ добрымъ народомъ, ибо народъ нашъ *добрый*, вы не даромъ его любите. Вы не знаете, сколько сердець бьются любовью и благодарностью къ вамъ въ дальней дали нашего отечества»...¹⁾

«Отъ знойныя Колхиды до льдовъ скромной Оки, Клязьмы или *такой-то* губерніи. Мы на васъ смотримъ, какъ на единственнаго защитника. Кто можетъ, кромѣ васъ, обличить изверга, по званію и мѣсту стоящаго выше закона,—изверга въ родѣ нашего предсѣдателя (казенной, уголовной, удѣльной палаты... имя, отчество, фамилія, чинъ)? Человѣкъ, не получившій образованія, до ползшій изъ низменныхъ сферъ канцелярскаго служенія до почестей, онъ сохранилъ всю грубость стариннаго крючкотвора, не отказываясь вовсе отъ благодарности, подписанной княземъ Хованскимъ (какъ говорятъ у насъ старики). Грубость этого сатрапа извѣстна во всѣхъ околныхъ губерніяхъ; чиновники бѣгутъ казенной палаты, какъ окаяннаго мѣста; онъ дерзокъ не только *с нами*, но и со столоначальниками. Жену свою онъ оставилъ и держитъ на содержаніи къ общему соблазну вдову (имя, отчество, фамилія, чинъ покойнаго супруга), которую мы прозвали губернской Миной Ивановной, потому что ея руками все дѣлается въ палатѣ. Пусть же звучный голосъ «Колокола» разбудитъ и испугаетъ этого пашу среди оргій его, въ преступныхъ объятіяхъ сорокалѣтней Иродіады. Если вы напечатаете объ немъ, мы готовы вамъ доставлять обильныя свѣдѣнія: у насъ довольно «свиней въ ермолкахъ», какъ выразился безсмертный авторъ геніальнаго «Ревизора».

«Р. С. Съ тѣмъ неподражаемымъ рѣзцомъ, которымъ вы умѣете писать ваши ѣдкія сатиры, не забудьте черкнуть, что подполковникъ внутренней стражи 6 декабря, на балу у дворянскаго предводителя, куда пріѣхалъ отъ градскаго головы подшафе, къ концу ужина такъ нализался, что при сановитыхъ дамахъ и ихъ дочеряхъ началъ произносить слова, болѣе свойственныя торговой банѣ и площади, чѣмъ салону предводителя образованнѣйшаго сомявія въ обществѣ».

Рядомъ съ письмами, сообщавшими тайны поведенія предсѣдателя и предсѣдательской жены и явное пьянство подполковника, приходили письма чисто поэтическія, безкорыстныя и бессмысленныя. Многія изъ нихъ я уничтожилъ и раздарилъ друзьямъ, но нѣкоторыя остались; я ими непремѣнно подѣлюсь съ читателями въ концѣ этой части ¹⁾.

¹⁾ Намѣреніе это тоже не было исполнено.

Одно изъ лучшихъ было (повидимому) отъ молодого офицера, въ самой первой эманциповкѣ; оно начиналось съ общихъ мѣстъ и со словъ: «Милостивый Государь», очень скромно и лестно. Мало-помалу пульсъ подымался; пошли совѣты, потомъ увѣщанія... Жаръ возрастаетъ... На четвертой страницѣ (большого формата) дружба наша дошла до того, что незнакомецъ говорилъ мнѣ: «Милый мой и монъ шеръ». «Оттого,—заключалъ храбрый офицеръ—я и пишу *тебѣ* такъ откровенно, что люблю тебя отъ души». Читая это письмо, я такъ и вижу молодого челоуѣка, сядящагося, поужинавши, за письмо и за бутылку чего-нибудь очень неслабаго... По мѣрѣ того, какъ бутылка пустѣетъ, сердце наполняется, дружба растетъ, и съ послѣднимъ глоткомъ добрый офицеръ меня любитъ и исправляетъ, любитъ и хочетъ меня поцѣловать... Офицеръ, офицеръ, оботрите только губы, и я не буду имѣть ничего противъ нашей быстрой дружбы *in contumaciám* ¹⁾.

Впрочемъ, говоря объ офицерахъ, я долженъ сказать, что самые симпатичные и здоровые духомъ люди изъ посѣщавшихъ насъ—*офицеры*. Молодые люди изъ невоенныхъ были по большей части непросты, нервны, очень поглощены дѣлами своихъ литературныхъ кружковъ и не выходили изъ нихъ. Военные были скромнѣе и проще; они чувствовали за собой недостаточное воспитаніе кадетскихъ корпусовъ и, какъ бы зная свою дурную репутацію, рвались впередъ и старались чему-нибудь научиться. Въ сущности, они вовсе не были хуже приготовлены, чѣмъ другіе, и, по великому закону нравственныхъ противодѣйствій, подъ гнетомъ деспотизма корпусовъ воспитали въ себѣ сильную любовь къ независимости. Въ офицерскомъ мѣрѣ послѣ Крымской войны начиналось серьезное движеніе; оно равно доказывается и казненными, какъ Сливницкій, Арнгольдтъ... и убитыми, какъ Потенбня, и сосланными на каторгу, какъ Красовскій, Обручевъ и пр.

Конечно, многіе и многіе поворотили съ тѣхъ поръ оглобли и взошли въ разумъ и въ военный артикуль, все это — дѣло обыкновенное...

Кстати, къ ренегатамъ. Одинъ молодой энтузіастъ изъ офицеровъ, бывшій у меня въ одно время съ благороднѣйшимъ и чиcтѣйшимъ Сѣраковскимъ и двумя другими товарищами, прощаясь, вывелъ меня въ садъ и, крѣпко обнимая, сказалъ: «Если вамъ понадобится когда-нибудь зачѣмъ-нибудь челоуѣкъ, преданный вамъ безусловно, вспомните обо мнѣ»...

— Сохраните себя и въ своей груди тѣ чувства, которыми

¹⁾ Заочной.

вы полны, и пусть никогда васъ не будетъ въ рядахъ идущихъ противъ народа.

Онъ выпрямился. «Это невозможно!.. но... если вы услышите когда-нибудь что-нибудь такое обо мнѣ, не щадите меня, пишите ко мнѣ, пишите открыто и напомните этотъ вечеръ...»

Сѣраковскій былъ уже раненый, вздернуть на висѣлицу; часть молодыхъ людей, бывшихъ въ то же время въ Лондонѣ, вышла въ отставку, разсѣялась. Одно имя встрѣчалось мнѣ только *своими ловышеніями*—имя моего энтузіаста. Недавно онъ *на водахъ* встрѣтилъ одного стараго знакомаго—бранилъ Польшу, хвалилъ правительство и, видя, что разговоръ не вяжется, *генералъ*, спохватившимся сказалъ:

«А вы, кажется, еще не забыли нашихъ глупыхъ фантазій въ Лондонѣ... Помните Фесѣды въ Alpha road? Что за ребячество и что за безуміе!...»

Я не писалъ ему,—зачѣмъ?

II.

Между моряками были тоже отличные люди, особенно между молодыми штурманами и гардемаринами. Ф. Каппъ мнѣ писалъ въ 1864 году, что въ Нью-Йоркѣ на одномъ изъ пировъ, данныхъ американскими моряками русскимъ, одинъ молодой гардемаринъ вынулъ нашъ портретъ (мой съ Огаревымъ) и предложилъ при всѣхъ выпить за русскихъ «революціонеровъ». Печальное дѣло Трувеллера показало, какъ смѣлы бываютъ они ¹⁾.

¹⁾ Исторію Трувеллера изложить стоитъ. Въ 1861 явился къ намъ молодой морякъ; лѣтъ за десять передъ тѣмъ я зналъ его мать въ Ниццѣ и помнилъ его мальчикомъ. Какъ его воспитывали, можно судить по тому, что лѣтъ восьми или девяти онъ говорилъ, что послѣ бога и отца съ матерью онъ никого не любитъ больше Николая Павловича. «За что же вы его такъ любите?»—спрашивалъ я его шутя.—Онъ мой законный государь». Духъ такой въ воспитаніи, можетъ, развили послѣ 1848,—прежде ничего подобнаго у насъ не было, и дѣти воспитывались равно безъ православія и самодержавія.

Жизнь излѣчила молодого чловѣка. Онъ пріѣхалъ къ намъ очень грустнымъ и озабоченнымъ. У него умеръ отецъ, и умеръ подъ судомъ, обвиняемый въ разныхъ злоупотребленіяхъ по дѣлу московской желѣзной дороги. Онъ былъ новгородскій помѣщикъ и взялъ какіе-то подряды. Сынъ былъ увѣренъ въ невинности отца и рѣшился, во что бы то ни стало, возстановить доброе имя его. Все, что онъ пробовалъ въ Россіи, не удалось ему, и онъ явился къ намъ съ портфелемъ бумагъ, контрактовъ, сенатскихъ запи-

...У меня съ *морскими въдолствами* было замѣчательное столкновеніе. Одинъ капитанъ парохода бывалъ у меня съ своимъ капитаномъ - лейтенантомъ и другими офицерами и даже звалъ на свой пароходъ пировать какіе-то именины. Дня за два до этого я узналъ я, что на его пароходѣ дали какому-то матросу сто линьковъ за тайкомъ выпитое вино, другого матроса они приготавлились истязать за побѣгъ. Я написалъ капитану слѣдующее письмо и послалъ его по почтѣ на бортъ парохода:

«Милостивый Государь,

«Вы были у меня, и я посѣщеніе ваше принялъ за знакъ сочувствія вашего къ нашему труду, къ нашимъ началамъ; я и

сокъ, экстрактовъ. Разобрать ихъ и составить изъ нихъ записку для «Колокола» было дѣло не шуточное. По счастью, оказалось, что Трувеллеръ—товарищъ по университету Кельсѣева, ему-то и поручили мы ея составленіе.

Въ Трувеллерѣ поражало что-то твердое, печальное и дѣтское вмѣстѣ. Сильно работало въ его груди, буравило его; въ «законнаго государя» онъ не вѣрилъ больше и съ глубокимъ негодованіемъ говорилъ о скверномъ обращеніи съ матросами. Въ самое то время у насъ шла забавная переписка съ частью офицеровъ «Великаго Адмирала» ¹⁾. Командиръ его, помнится—Андреевъ, beau parleur, константиновскій либераль и тогда въ фаворѣ у великаго князя, тоже мучилъ людей и бранилъ офицеровъ, какъ и не либераль. Помнится, у него былъ лейтенантъ Штофрегень, который не только звѣрски наказывалъ, но защищалъ въ теоріи (какъ впоследствии князь Витгенштейнъ) военное палачество.

Мы помѣстили какъ-то въ «Колоколѣ» нѣсколько словъ объ этомъ. Вдругъ получаемъ изъ Пирея отвѣтъ отъ *имени большинства офицеровъ*, что это неправда... отъ имени, *но безъ имени*. И какъ писанное письмо было безъ подписи, оттого мы и не помѣстили десятой доли того, что въ немъ было, помѣщенную же нами часть мы знали отъ десяти другихъ офицеровъ. Поэтому мы коллективнаго письма не напечатали. Спустя нѣсколько мѣсяцевъ прѣхалъ Трувеллеръ во второй разъ; я ему показалъ письмо офицеровъ, защищавшихъ, не поднимая забрала, своего командира. Трувеллеръ вспыхнулъ,—онъ былъ увѣренъ, что это—интрига, и въ доказательство привелъ нѣсколько фактовъ. Я записалъ ихъ на всякій случай и прочелъ Трувеллеру въ другое посѣщеніе. Онъ нахмурился... Ну, думаю я, испугался. «Позвольте вашу записку». — Извольте. Онъ ее прочиталъ, взялъ перо и подписалъ.—Что вы дѣдаете?—спросилъ я.—А то, чтобы мои показанія не были также безыменны».

Уплывая изъ Лондона, онъ закупилъ дѣлую кипу «Что нужно народу?». «Колокола» и другихъ вещей. Я рѣлъ этомъ ничего не зная,—онъ простился и отправился въ Россію. Въ Портсмутѣ онъ имѣлъ неосторожность раздать экземпляры, накупленные имъ, матросамъ. Кто-то донесъ, и началось дѣло, которое сгубило его. Вотъ его отвѣты и письмо къ матери. Это была героическая натура, и онъ, конечно, не скажетъ, что мы погубили его, какъ насъ винятъ многіе ⁹⁾.

¹⁾ «Олегъ».

⁹⁾ Ни отвѣты, ни письмо не приведены.

теперь не пересталъ такъ думать, а потому рѣшился съ вами откровенно объяснить насчетъ одного обстоятельства, сильно огорчившаго насъ и заставившаго сомнѣваться въ томъ, что мы понимали другъ друга.

«На-дняхъ, говоря съ г. Тхоржевскимъ, я узналъ отъ него, что на пароходѣ, находящемся подъ вашимъ начальствомъ, матросы сильно наказываются линьками, причемъ я слышалъ исторію несчастнаго матроса, хотѣвшаго бѣжать и схваченнаго англійской полиціей (по гнусному закону, дѣлающему изъ матроса раба).

«Здѣсь невольно возникаетъ вопросъ, неужели законъ обязываетъ васъ къ исполненію свирѣпыхъ его распоряженій, и какая отвѣтственность лежала бы на васъ, если-бъ вы не исполнили требованій, естественно, противныхъ всякому человѣческому чувству? При всей дикой нелѣпости нашихъ военныхъ и морскихъ постановленій я не помню, чтобъ они подъ строгой отвѣтственностью вмѣняли въ обязанность тѣлесно наказывать *безъ суда*; напротивъ, они стараются *ограничить* произволь начальническихъ наказаній, ограничивая число ударовъ. Остается предположить что вы дѣлаете эти истязанія *по убѣжденію, что они справедливы*; но тогда подумайте, что же общаго между нами, открытыми врагами всякаго деспотизма, насилія и на первомъ планѣ тѣлесныхъ наказаній, и вами?

«Если это такъ, какъ я долженъ объяснить ваше посѣщеніе?

«Вамъ можетъ показаться страннымъ мое письмо,—та нравственная сила, которую мы представляемъ, мало извѣстна въ Россіи, но къ ней надобно приучиться. *Гласность* будетъ стоять возлѣ всѣхъ злоупотребляющихъ властью, и если ихъ совѣсть долго не проснется, нашъ «Колоколъ» будетъ служить будильникомъ.

«Дайте намъ право надѣяться, что вы не приведете насъ къ жестокой необходимости повторить нашъ совѣтъ печатно, и примите увѣреніе, что Огаревъ и я, мы душевно были бы рады снова протянуть вамъ руку, но не можемъ этого сдѣлать, пока она не броситъ линька.

Park House, Fulham».

На это письмо капитанъ парохода отвѣчалъ:

«М. Г. Ал. Ив.,

«Я получилъ ваше письмо и сознаюсь, что оно было для меня неприятно, не потому, чтобъ я боялся встрѣтить свое имя въ «Колоколѣ», а собственно потому, что человѣкъ, котораго я вполне почитаю, могъ быть обо мнѣ дурнаго мнѣнія, котораго я нисколько не заслуживаю.

«Если-бъ вы знали сущность дѣла, о которомъ вы такъ горячо пишете, то, вѣрно, не написали бы мнѣ столько упрековъ. Я объясню вамъ все и представлю доказательства, которымъ вы повѣрите, если назначите мнѣ время, когда и гдѣ могу васъ увидѣть.

«Примите и пр.

Green Grey Dock, Блаквольдъ.

Вотъ мой отвѣтъ:

«М. Г.,

«Повѣрите, что мнѣ очень больно, что я долженъ былъ писать къ вамъ о предметѣ непріятномъ для васъ, но вспомните, что вопросъ объ уничтоженіи тѣлесныхъ наказаній для насъ имѣетъ чрезвычайную важность.

«Русскій солдатъ, русскій мужикъ только тогда вздохнуть свободно и разовьются во всю ширь своей силы, когда ихъ перестанутъ бить. Тѣлесное наказаніе равно растлѣваетъ наказуемаго и наказывающаго, отнимая у одного чувства человѣческаго достоинства, у другого чувство человѣческаго сожалѣнія. Посмотрите на результатъ помѣщичьяго права и полицейски военныхъ экзекуцій. У насъ образовалась цѣлая каста палачей, цѣлая семья палачей — женщины, дѣти, дѣвушки розгами и палками, кулаками и башмаками бьютъ дворовыхъ людей.

«Великіе дѣятели 14 декабря такъ поняли важность этого, что члены общества обязывались не терпѣть дома тѣлесныхъ наказаній и вывели ихъ въ полкахъ, которыми начальствовали. Фонъ-Визинъ писалъ полковому командиру, подъ вліяніемъ Пестеля, приказъ о постепенномъ выводѣ тѣлесныхъ наказаній.

«Зло это такъ вкоренилось у насъ, что его послѣдовательно не выведешь, его надобно разомъ уничтожить, какъ крѣпостное состояніе. Надобно, чтобы люди, поставленные, какъ вы, отдѣльными начальниками, взяли благородную инициативу. Это, можетъ, будетъ трудно, что же изъ этого? тѣмъ больше славы. Если-бъ я могъ надѣяться, что наша переписка приведетъ къ этому результату, я благословилъ бы ее, это была бы для меня одна изъ высшихъ наградъ, моя андреевская лента.

«Еще слово. Вы говорите, что могли бы исказить обстоятельства дѣла, т.-е. доказать, что наказаніе было справедливо. Это все равно. Мы не имѣемъ права сомнѣваться въ вашей справедливости. Да и что же было бы писать къ вамъ, если бы у васъ матросы наказывались *несправедливо*? Тѣлесныя наказанія и тогда надобно уничтожить, когда они по смыслу татарски-нѣмецкаго законодательства, совершенно справедливы.

«Позвольте мнѣ быть увѣреннымъ, что вы видите всю чистоту моихъ намѣреній, и почему я адресовался къ вамъ. Мнѣ кажется, что вы можете сдѣлать эту перемѣну у васъ, другіе послѣдуютъ,—это будетъ великое дѣло. Вы покажете русскимъ, что древне-славянская кровь больше сочувствуетъ народнымъ страданіямъ, чѣмъ Петербургъ.

«Я сказалъ все, что было на сердцѣ; дайте мнѣ надежду, что слова мои сколько-нибудь западутъ въ душу, и примите увѣреніе въ желаніи всего благого».

...На праздникъ я не поѣхалъ. Многіе находили, что я очень хорошо сдѣлалъ и что, несмотря на всѣ доблести капитана и его лейтенанта, не надобно было класть пальца въ ротъ.. Я этому не вѣрю и никогда не вѣрилъ. Послѣ 1862, конечно, я не поставилъ бы ноги на палубу русскаго корабля, но тогда еще не настаивалъ періодъ Муравьево-Катковскій.

Праздникъ не удался,—переписка наша все испортила. Говорятъ, что капитанъ не былъ главнымъ виновникомъ наказаній, а—капитанъ-лейтенантъ. Поздней ночью, послѣ попойки онъ мрачно сказалъ: «такая судьба; другіе и не такъ дерутъ матросовъ, да все съ рукъ сходитъ, а я въ кои-то вѣки употребилъ мѣру построжѣ *да тотчасъ и попалъ въ бѣду*»...

...Такъ дошли мы до конца 1862 года.

Въ дальнихъ горизонтахъ стали показываться дурныя знаменія и черныя тучи... Да и вблизи совершилось великое несчастіе, чуть ли не единственное политическое несчастіе во всей нашей жизни.

III.

1862.

...Бьетъ тоже десять часовъ утра, и я также слышу посторонній голосъ, уже не воинственный, густой и строгій, а женскій, раздраженный, нервный и немного со слезами: «Мнѣ непременно, непременно нужно его видѣть... Я не уйду, пока не увижу».

И затѣмъ входитъ молодая русская дѣвушка или барышня, которую я прежде видѣлъ раза два.

Она останавливается передо мной, пристально смотритъ мнѣ въ глаза; черты ея печальны, щеки горятъ; она наскоро извиняется и потомъ:

— Я только-что воротилась изъ Россіи, изъ Москвы; ваши друзья, люди, любящіе васъ, поручили мнѣ сказать вамъ, спросить васъ...—она пріостанавливается, голосъ ей измѣняется.

Я ничего не понимаю.

— Неужели вы, — вы, котораго мы любили такъ горячо, вы?...

— Да въ чемъ же дѣло?

— Скажите, бога ради, да или нѣтъ: вы участвовали въ петербургскомъ пожарѣ?

— Я?

— Да, да, вы; васъ обвиняють, по крайней мѣрѣ; говорятъ, что вы знали объ этомъ злодѣйскомъ намѣреніи.

— Что за безуміе! И вы это можете принимать такъ серьезно?

— Всѣ говорятъ!

— Кто это всѣ? Какой-нибудь Николай Филипповичъ Павловъ? (Мое воображеніе въ тѣ времена дальше не шло!).

— Нѣтъ, люди близкіе вамъ, люди, страстно любящіе васъ, — для нихъ должны оправдаться; они страдаютъ, они ждуть...

— А вы сами вѣрите?

— *Не знаю.* Я затѣмъ и пришла, что не знаю; я хочу отъ насъ объясненія...

— Начните съ того, что успокойтесь, сядьте и выслушайте меня. Если я тайно участвовалъ въ поджогахъ, почѣму же вы думаете, что я бы вамъ сказалъ это такъ, по первому спросу? Вы же имѣете права, основанія мнѣ повѣрить... Лучше скажите, гдѣ во всемъ писанномъ мною есть что-нибудь, одно слово, которое бы могло оправдать такое нелѣпое обвиненіе? Вѣдь, мы не сумасшедшіе, чтобъ рекомендоваться русскому народу поджогомъ Толкучаго рынка!

— Зачѣмъ же вы молчите, зачѣмъ не оправдываетесь публично? — замѣтила она, и въ глазахъ ея было видно раздуміе и сомнѣніе. — Заклейте печатно этихъ злодѣевъ, скажите, что вы ужасаетесь ихъ, что вы не съ ними, или...

— Или что? Ну, полноте, — сказалъ я ей, улыбаясь, — играть роль Шарлотты Кордэ; у васъ нѣтъ кинжала, и я сижу не въ ваннѣ. Вамъ стыдно, и нашимъ друзьямъ вдвое, вѣрить такому вздору, а вамъ стыдно въ немъ оправдываться, да еще по дорогѣ стараясь утопить и разобидѣть какихъ-то намъ незнакомыхъ людей, которые теперь въ рукахъ тайной полиціи и которые, очень можетъ быть, столько же участвовали въ пожарахъ, сколько и мы съ вами.

— Такъ вы рѣшительно не будете оправдываться?

— Нѣтъ.

— Что же я напишу туда?

— Да вотъ то, что мы съ вами говорили. — Она вынула изъ шарманѣ послѣдній «Колоколь» и прочла: «Что за огненная чаша отраданій идетъ мимо насъ? Огонь ли это безумнаго разрушенія,

кара ли, очищающая пламенемъ? Что довело людей до этого средства и что эти люди? Какія тяжелыя минуты для отсутствующаго, когда, обращаясь туда, гдѣ вся любовь его, все, чѣмъ живетъ члѣвъкъ, онъ видитъ одно нѣмое зарево?»

— Страшныя, темныя строки, ничего не говорящія противъ васъ и ничего за васъ. Вѣрьте мнѣ, оправдывайтесь—или вспомните мои слова: *друзья ваши и сторонники ваши васъ оставляютъ.*

Такъ, какъ колонель рюсъ былъ тамбуръ-мажоромъ нашего успѣха, такъ мирная Шарлотта Кордэ явилась провозвѣстницей нашего распадѣнія съ общественнымъ мнѣніемъ, и пригомъ въ обѣ стороны. Въ то время, какъ приподнявшіе голову реакціанеры называли насъ извергами и зажигателями, часть молодежи прощалась съ нами, какъ съ отсталыми на дорогѣ. Первыхъ мы презирали, вторыхъ жалѣли и печально ждали, какъ суровыя волны жизни сгубятъ уплывшихъ далеко, и только часть причалить назадъ къ берегамъ.

Клевета росла, и вскорѣ, подхваченная печатью, разошлась во всей Россіи. Тогда только-что начинался фискальный періодъ нашей журналистики. Я живо помню удивленіе людей простыхъ, честныхъ, вовсе не революціонеровъ передъ печатными доносами,—это было совершенно ново для нихъ. Обличительная литература круто повернула оружіе и сразу перегнулась въ литературу полицейскихъ обысковъ и шпіонскихъ наушничаній.

Въ самомъ обществѣ произошелъ переворотъ. Освобожденіе крестьянъ отрезвило однихъ, другіе просто устали отъ политической агитации; имъ захотѣлось прежняго покоя: сытность одолѣла ими передъ обѣдомъ, который доставался съ такими хлопотами.

Нечего сказать, коротко у насъ дыханіе и длинна выносливость!

Семь лѣтъ либерализма истожили весь запасъ радикальныхъ стремленій. Все накопившееся и сжатое въ умѣ съ 1825 года, потратилось на восторги и радости, на предвкушеніе будущихъ благъ. Послѣ усѣченнаго освобожденія крестьянъ слабымъ нервамъ казалось, что Россія далеко зашла, что она идетъ слишкомъ быстро.

Въ то же время *радикальная* партія, юная и по тому самому теоретическая, начинала рѣзче и рѣзче высказываться, пугая безъ того испуганное общество. Она показывала казовымъ концомъ своимъ такія крайнія послѣдствія, отъ которыхъ либералы и люди постепеннаго развитія, крестьяне и отплевываясь, бѣжали, зажимая уши, и прятались подъ старое, грязное, но привычное одеяло полиціи. Студентская опрометчивость и помѣшечья непривычка выслушивать другіхъ не могли не довести ихъ до драки.

Едва призванная къ жизни, сила общественнаго мнѣнія обличилась въ дикомъ консерватизмѣ; она заявила свое участіе въ общемъ дѣлѣ, толкая правительство во всѣ тижкія террора и преслѣдованія.

Наше положеніе становилось труднѣе и труднѣе. Стоять на грязи реакціи мы не могли, внѣ ея у насъ пропадала почва. Точно потерянные витязи въ сказкахъ, мы ждали на перепутьи. Пойдешь направо—потеряешь коня, но самъ цѣль будешь; пойдешь налево—конь будетъ цѣль, но самъ погибнешь; пойдешь впередъ—всѣ тебя оставятъ; пойдешь назадъ—...этого ужъ нельзя, туда для насъ дорога травой заросла. Хотъ бы явился какой-нибудь колдунъ или пустыльникъ, который бы снялъ съ насъ тяжесть раздумья...

По воскресеньямъ вечеромъ собирались у насъ знакомые, и преимущественно русскіе. Въ 1862 число послѣднихъ очень увеличилось: на выставку прїѣзжали купцы и туристы, журналисты и чиновники всѣхъ, вообще, отдѣленій, и Третьяго въ особенности. Дѣлать строгій выборъ было невозможно; короткихъ знакомыхъ мы предупреждали, чтобъ они приходили въ другой день. Благочестивая скука лондонскаго воскресенья побѣждала осторожность. Отчасти эти воскресенья и привели къ бѣдѣ. Но прежде, чѣмъ я ее передамъ, я долженъ познакомить съ двумя-тремя экземплярами родной фауны нашей, являвшимися въ скромномъ залѣ Orsett House'a. Наша галерея живыхъ рѣдкостей изъ Россіи была, безъ всякаго сомнѣнія, замѣчательнѣе и занимательнѣе русскаго отдѣла на Great Exhibition ¹⁾.

Въ 1860 получаю я изъ одного отеля на Геймаркетѣ русское письмо, въ которомъ какіе-то люди извѣщали меня, что они, русскіе, находятся въ услуженіи князя Юрія Николаевича Голицына, тайно оставившаго Россію: «самъ князь поѣхалъ на Константинополь, а насъ отправилъ по другой дорогѣ. Князь велѣлъ дожидаться его и далъ намъ денегъ на нѣсколько дней. Прошло больше двухъ недѣль—о князѣ ни слуха; деньги вышли, хозяинъ гостиницы сердится. Мы не знаемъ, что дѣлать; по-ангдїйски никто не говоритъ». Находясь въ такомъ безпомощномъ состояніи, они просили, чтобъ я ихъ выручилъ. Я поѣхалъ къ нимъ и уладилъ дѣло. Хозяинъ отеля зналъ меня и согласился подождать еще недѣлю.

Дней черезъ пять послѣ моей поѣздки подѣхала къ крыльцу богатая коляска, запряженная парой сѣрыхъ лошадей въ яблокахъ.

¹⁾ Всемирной выставкѣ.

Сколько я ни объяснял моей прислугѣ, что, какъ бы человекъ ни прїѣзжалъ, хоть цугомъ, и какъ бы ни назывался, хоть дюкомъ, все же, утромъ не принимать, — уваженія къ аристократическому экипажу и титулу я не могъ побѣдить.

На этотъ разъ встрѣтились оба искусительныя условія, и потому черезъ минуту огромный мужчина, толстый, съ красивымъ лицомъ ассирійскаго бога-вола, обнялъ меня, благодаря за мое посѣщеніе къ его людямъ.

Это былъ князь Юрій Николаевичъ Голицынъ. Такого крупнаго, характеристическаго обломка всея Россіи, такого specimen'a ¹⁾ нашей родины я давно не видалъ.

Онъ мнѣ сразу разсказалъ какую-то неправдоподобную исторію, которая вся оказалась справедливой: какъ онъ давалъ кантонисту переписывать статью въ «Колоколъ», и какъ онъ разошелся со своей женой; какъ кантонистъ донесъ на него, а жена не присылаетъ денегъ; какъ государь его услалъ на безвыѣздное житье въ Козловъ, вслѣдствіе чего онъ рѣшился бѣжать за границу и поэтому увезъ съ собой какую-то барышню, гувернантку, управляющаго, регента, горничную черезъ молдавскую границу. Въ Галацѣ онъ захватилъ еще какого-то лакея, говорившаго ломанымъ языкомъ на пяти языкахъ и показавшагося ему шпиономъ. Тутъ же объявилъ онъ мнѣ, что онъ страстный музыкантъ и будетъ давать концерты въ Лондонѣ, а потѣму хочетъ познакомиться съ Огаревымъ.

— Дорого у васъ здѣсь въ Англіи б-беруть на таможенѣ,— сказалъ онъ, слегка заикаясь, окончивъ курсъ своей всеобщей исторіи.

— За товары, можетъ,—замѣтилъ я,—а къ путешественникамъ custom-house ²⁾ очень снисходителенъ.

— Не скажу; я заплатилъ шиллинговъ 15 за крокодила.

— Да это что такое?

— Какъ что? Да просто крокодилъ.

Я сдѣлалъ большіе глаза и спросилъ его:

— Да вы, князь, что же это: возите съ собой крокодила, вмѣсто паспорта, стращать жандармовъ на границахъ?

— Такой случай. Я въ Александріи гулялъ; а тутъ какой-то арабченокъ продаетъ крокодила. Понравился, я и купилъ.

— Ну, а арабченка купили?

— Ха, ха! нѣтъ.

¹⁾ Образчика.

²⁾ Таможня.

Черезъ недѣлю князь былъ уже инсталлированъ ¹⁾ въ Rochester terrace, т.-е. въ очень дорогой части города, въ большомъ домѣ. Онъ началъ съ того, что велѣдъ на вѣки-вѣчные, вопреки англійскому обычаю, открыть настежь ворота и поставилъ въ вѣчномъ ожиданіи у подъѣзда пару сѣрыхъ лошадей въ яблокахъ. Онъ зажилъ въ Лондонѣ, какъ въ Козловѣ, какъ въ Тамбовѣ.

Денегъ у него, разумѣется, не было, т.-е. были нѣсколько тысячъ франковъ на афишу и заглавный листъ лондонской жизни; ихъ онъ тотчасъ истратилъ, но пыль въ глаза бросилъ и успѣлъ на нѣсколько мѣсяцевъ обезпечиться, благодаря англійской тупоумной довѣрчивости, отъ которой иностранцы всего континента не могутъ еще поднесъ отучить ихъ.

Но князь шелъ на всѣхъ парахъ. Начались концерты. Лондонъ былъ удивленъ княжескимъ титуломъ на афишѣ, и во второй концертъ зала была полна (St. James's Hall, Piccadilly). Концертъ былъ великолѣпный. Какъ Голицынъ успѣлъ такъ подготовить хоръ и оркестръ, это—его тайна, но концертъ былъ совершенно изъ ряду вонъ. Русскія пѣсни и молитвы, «Камаринская» и обѣдня, отрывки изъ оперы Глинки и изъ Евангелія («Отче нашъ»),— все шло прекрасно. Дамы не могли надюбоваться колоссальными мясами красиваго ассирійскаго бога, величественно и граціозно поднимавшаго и опускавшаго свой скипетръ изъ слоновой кости. Старушки вспоминали атлетическія формы императора Николая, побѣдившаго лондонскихъ дамъ всего больше своими обтянутыми лосинами—бѣлыми, какъ русскій снѣгъ, кавалергардскими collants.

Голицынъ нашель средство и изъ этого успѣха сдѣлать себѣ убытокъ. Упоенный рукоплесканіями, онъ послалъ въ концѣ первой части концерта за корзиной букетовъ (не забывайте лондонскія цѣны) и передъ началомъ второй части явился на сцену: два ливрейныхъ лакея несли корзину, князь, благодаря пѣвицъ и хористокъ, каждой поднесъ по букету. Публика приняла и эту галантерейность аристократа-капельмейстера громомъ рукоплесканій. Выросъ, расцвѣлъ мой князь и, какъ только окончился концертъ, пригласилъ *всѣхъ* музыкантовъ на ужинъ.

Тутъ, сверхъ лондонскихъ цѣнъ, надобно знать и лондонскіе обычаи: въ одиннадцать часовъ вечера, не предупредивши съ утра, нигдѣ нельзя найти ужинъ челоуѣкъ на пятьдесятъ.

Ассирійскій вождь храбро пошелъ по Regent street съ музыкальнымъ войскомъ своимъ, стучась въ двери разныхъ рестора-

¹⁾ Installer—устраивать, помѣщать.

новъ, и достучался, наконецъ: смекнувшій дѣло хозяинъ выѣхалъ на холодныхъ мясахъ и на горячихъ винахъ.

Затѣмъ начались концерты его со всевозможными штуками, даже съ политическими тенденціями. Всякій разъ гремѣлъ Herzen's Walzer, гремѣла Ogareff's Quadrille и потомъ «Emancipation Symphonie»..... пьесы, которыми и теперь, можетъ, чаруетъ князь москвичей, и которыя, вѣроятно, ничего не потеряли при переѣздѣ изъ Альбіона, кромѣ собственныхъ именъ; онѣ могли легко перейти на Potapoff's ¹⁾ Walzer, Mina ²⁾ Walzer и Komissaroff's ³⁾ Partitur.

При всемъ этомъ шумѣ денегъ не было; платить было нечѣмъ. Поставщики начали роптать, и дома начиналось исподволь спартаковское возстаніе рабовъ. Однимъ утромъ явился ко мнѣ factotum князя, его управляющій, переименовавшій себя въ секретари, съ «регентомъ», т.-е. не съ отцомъ Филиппа Орлеанскаго, а съ бѣлокуримъ и кудрявымъ русскимъ, малымъ лѣтъ двадцати двухъ, управлявшимъ пѣвцами.

— Мы, А. И., къ вамъ-съ.

— Что случилось?

— Да ужъ Юрій Николаевичъ очень обижаютъ; хотимъ ѣхать въ Россію и требуемъ расчета; не оставьте вашей милостью, вступитесь.

Такъ меня и обдало отечественнымъ паромъ,—словно, на каменку поддали.

— Почему же вы обращаетесь съ этой просьбой ко мнѣ? Если вы имѣете серьезныя причины жаловаться на князя, на это есть здѣсь для всякаго судъ, и судъ, который не покривитъ ни въ пользу князя, ни въ пользу графа.

— Мы, точно, слышали объ этомъ, *да что жъ ходитъ до суда*. Вы ужъ лучше разберите.

— Какая же польза будетъ вамъ отъ моего разбора? Князь скажетъ мнѣ, что я мѣшаюсь въ чужія дѣла, я и поѣду съ носомъ. Не хотите въ судъ,—пойдите къ послу; не мнѣ, а ему препоручены русскіе въ Лондонѣ..

— Это ужъ гдѣ же-съ? коль скоро русскіе господа сидятъ, какой же можетъ быть разборъ съ княземъ; а вы, вѣдь, за народъ: такъ мы такъ и пришли къ вамъ. Ужъ разберите дѣло, сдѣлайте милость.

¹⁾ Потаповъ, начальникъ III Отдѣленія.

²⁾ Мина Буркова, фаворитка гр. Ф. В. Адлерберга.

³⁾ Осипъ Комиссаровъ, спасшій жизнь царя въ 1866 г.

— Экіе, вѣдь, какіе; да князь не приметъ моего разбора; что же вы выиграете?

— Позвольте доложить-сь,—съ живостью возразилъ секретарь,—этого они не посмѣютъ-сь, такъ какъ они очень уважаютъ васъ, да и боятся сверхъ того: въ «Колоколь»-то попасть имъ не весело,—амбиція-сь.

— Ну, слушайте, чтобъ не терять намъ попусту время, вотъ мое рѣшеніе: если князь согласенъ принять мое посредничество, я разберу ваше дѣло, если нѣтъ,—идите въ судъ; а такъ какъ вы не знаете ни языка, ни здѣшняго хожденія по дѣламъ, то я, если васъ, въ самомъ дѣлѣ, князь обижаетъ, дамъ человѣка, который знаетъ то и другое и по-русски говорить.

— Позвольте...—замѣтилъ секретарь.

— Нѣтъ, не позволяю, любезнѣйшій. Прощайте.

Пока они ходятъ къ князю, скажу и объ нихъ слово. Регентъ ничѣмъ не отличался, кромѣ музыкальныхъ способностей; это былъ откормленный, крупчатый, туповато-красивый, румяный малый изъ дворовыхъ; его манера говорить прикартавливая, нѣсколько заспанные глаза напоминали мнѣ цѣлый рядъ,—какъ въ зеркалѣ, когда гадаешь,—Сашекъ, Сенекъ, Алешекъ, Мирошекъ. Секретарь былъ тоже чисто русскій продуктъ, но больше рѣзкій представитель своего типа: человѣкъ лѣтъ за сорокъ, съ небритымъ подбородкомъ, испытанъ лицомъ, въ засаленномъ сюртукѣ, весь, снаружи и внутри, нечистый и замаранный, съ небольшими плутовскими глазами и съ тѣмъ особеннымъ запахомъ русскихъ пьяницъ, составленнымъ изъ вѣчно поддерживаемого перегорѣлаго сивушнаго букета съ отѣнкомъ лука и, для прикрасы, гвоздики. Всѣ черты его лица ободряли, внушали довѣріе всякому скверному предложенію: въ его сердцѣ оно нашло бы, навѣрное, отголосокъ и оцѣнку, а если выгодно,—и помощь. Это былъ первообразъ русскаго чиновника, міроѣда, подьячаго, коштана. Когда я его спросилъ, доволенъ ли онъ готовившимся освобожденіемъ крестьянъ, онъ отвѣчалъ мнѣ:

— Какъ же-сь, безъ сомнѣнія,—и, вздохнувши, прибавилъ:—Господи, что тяжебъ-то будетъ-сь, разбирательствъ! а князь заведъ меня сюда, какъ на смѣхъ, именно въ такое время.

До пріѣзда Голицына онъ мнѣ съ видомъ задушевности говорилъ: «Вы не вѣрьте, что вамъ о князѣ будутъ говорить насчетъ притѣсненія крестьянъ или какъ онъ хотѣлъ ихъ безъ земли на волю выпустить за большой выкупъ. Все это враги распускаютъ. Ну, правда, лютъ онъ и щеголь, но зато сердце доброе, и для крестьянъ отецъ былъ».

Какъ только онъ поссорился, онъ, жалуясь на него, проклиналъ свою судьбу, что «довѣрился такому прощелыгѣ: вѣдь, онъ всю жизнь безпутничалъ и крестьянъ разорилъ; вѣдь, это онъ теперь прикидывается при васъ такимъ, а то, вѣдь, звѣрь, грабитель.....»

— Когда же вы говорили неправду: теперь или тогда, когда вы его хвалили?—спросилъ я его, улыбаясь.

Секретарь сконфузился, я повернулся и ушелъ. Родись этотъ человѣкъ не въ людской князей Голицыныхъ, не сыномъ какого-нибудь земскаго, давно былъ бы, при его способностяхъ, министромъ Валуевымъ, не знаю чѣмъ.

Черезъ часъ явился регентъ и его менторъ съ запиской Голицына; онъ, извиняясь, просилъ меня, если могу, пріѣхать къ нему, чтобъ покончить эти дрязги. Князь впередъ обѣщалъ принять безъ спора мое рѣшеніе.

Дѣлать было нечего, я отправился. Все въ домѣ показывало необыкновенное волненіе. Французъ слуга, Пико, поспѣшно мнѣ отворилъ дверь и съ той торжественной суетливостью, съ которой провожаютъ доктора на консультацію къ умирающему, провель въ залу. Тамъ была вторая жена Голицына, встревоженная и раздраженная; самъ Голицынъ ходилъ огромными шагами по комнатѣ, безъ галстука, богатырская грудь наголо. Онъ былъ взбѣшенъ и оттого вдвое заикался; на всемъ лицѣ его было видно страданіе отъ внутри взошедшихъ, т.-е. не вышедшихъ въ дѣйствительный міръ, зуботычинъ, пинковъ, треуховъ, которыми бы онъ отвѣчалъ инсургентамъ въ Тамбовской губерніи.

— Вы б-б-бога ради простите меня, что я в-васъ беспокою изъ-за этихъ м-м-мошенниковъ.

— Въ чемъ дѣло?

— Вы ужъ, п-пожалуйста, сами спросите: я только буду слушать.

Онъ позвалъ регента, и у насъ пошелъ слѣдующій разговоръ:

— Вы недовольны чѣмъ-то?

— Очень недоволенъ и оттого именно безпремѣнно хочу ѣхать въ Россію.

Князь, у котораго голосъ лаблашевской силы, испустилъ львиный стонъ—еще пять зуботычинъ возвращались къ сердцу.

— Князь васъ удержать не можетъ, такъ вы скажите, чѣмъ недовольны-то вы?

— Всѣмъ-съ, А. И.

— Да вы ужъ говорите потолковитѣе.

— Какъ же чѣмъ-съ? Я съ тѣхъ поръ, какъ изъ Россіи прі-

ѣхалъ, съ ногъ сбить работой, а жалованья получилъ только два фунта да третій разъ вечеромъ князь дали больше въ подарокъ.

— А вы сколько должны получать?

— Этого я не могу сказать-съ...

— Есть же у васъ опредѣленный окладъ?

— Никакъ нѣтъ-съ. Князь, когда *изволили бѣжать* за границу (это безъ злого умысла), сказали мнѣ: вотъ хочешь ѣхать со мной, я, молъ, устрою твою судьбу и, если мнѣ повезетъ, дамъ большое жалованье, а не то и малымъ довольствуйся; ну, я такъ и поѣхалъ.

Это онъ изъ Тамбова-то въ Лондонъ поѣхалъ на такомъ условіи..... О, Русь!

— Ну, а какъ, по-вашему, *везетъ* князю или нѣтъ?

— Какой везетъ-съ! оно, конечно, можно бы все...

— Это другой вопросъ. Если ему не везетъ, стало, вы должны довольствоваться малымъ жалованьемъ.

— Да князь сами говаривали, что по моей службѣ, т.-е. и способности, по здѣшнимъ деньгамъ меньше нельзя, какъ фунта четыре въ мѣсяць.

— Князь, вы желаете заплатить ему по четыре фунта въ мѣсяць?

— Съ о-о-хотой-съ...

— Дѣло идетъ прекрасно, что же дальше?

— Князь-съ обѣщаль, что, если я захочу возвратиться, то пожалеетъ мнѣ на обратный путь до Петербурга.

Князь кивнулъ головой и прибавилъ:

— Да, но въ томъ случаѣ, если я имъ буду доволенъ!

— Чѣмъ же вы недовольны имъ?

Теперь плотину прорвало. Князь вскочилъ; трагическимъ басомъ, которому еще больше придавали вѣса дребезжаніе нѣкоторыхъ буквъ и маленькія паузы между согласными, произнесъ онъ слѣдующую рѣчь:

— Мнѣ имъ быть д-довольнымъ, этимъ м-м-молокососомъ, этимъ щ-щенкомъ?! Меня бѣситъ гнусная неблагодарность этого разбойника! Я его взялъ къ себѣ во дворъ изъ самобѣднѣйшаго семейства крестьянъ, вшами заѣденнаго, босого; я его самъ училъ, негодяя! Я изъ него сдѣлалъ ч-человѣка, музыканта, регента; годось каналѣ выработалъ такой, что въ Россіи въ сезонъ возьметъ рублей сто въ мѣсяць жалованья.

— Все это такъ, Юрій Николаевичъ, но я не могу раздѣлять вашего взгляда. Ни онъ, ни его семья васъ не просили дѣлать изъ

него Ронкони ¹⁾); стало, и особой благодарности съ его стороны вы не можете требовать. Вы его обучили, какъ учать соловьевъ, и хорошо сдѣлали, но тѣмъ и конецъ; къ тому же это и къ дѣлу не идетъ.

— Вы правы, но я хотѣлъ сказать: каково мнѣ выносить это? вѣдь, я его к-каналью.....

— Такъ вы согласны ему дать на дорогу?

— Чортъ съ нимъ! для васъ, только для васъ даю.

— Ну, вотъ дѣло и слажено; а вы знаете, сколько на дорогу надобно?

— Говорятъ, фунтовъ двадцать.

— Нѣтъ, этого много. Отсюда до Петербурга сто цѣлковыхъ заглаза довольно. Вы даете?

— Даю.

Я расчелъ на бумажкѣ и передалъ Голицыну; тотъ взглянулъ на итогъ... выходило, помнится, съ чѣмъ-то 30 фунтовъ. Онъ тутъ же мнѣ ихъ и вручилъ.

— Вы, разумѣется, грамотъ знаете?—спросилъ я регента.

— Какъ же-съ.

Я написалъ ему расписку въ такомъ родѣ: «Я получилъ съ кн. Ю. Н. Голицына должные мнѣ за жалованье и на проѣздъ изъ Лондона въ Петербургъ тридцать съ чѣмъ-то ф. (на русскія деньги только-то). Затѣмъ остаюсь доволенъ и никакихъ другихъ требованій на него не имѣю».

— Прочтите сами и подпишитесь.

Регентъ прочелъ, но не дѣлалъ никакихъ приготовленій, чтобъ подписаться.

— За чѣмъ дѣло?

— Не могу-съ.

— Какъ не можете?

— Я недоволенъ.

Львиный сдержанный ревъ,—да ужъ и я самъ готовъ былъ прикрикнуть:

— Что за дьявольщина! Вы сами сказали, въ чемъ ваше требованіе. Князь заплатилъ все до копѣйки; чѣмъ же вы недовольны?

— Помилуйте-съ; а сколько нужды натерпѣлся съ тѣхъ поръ, какъ здѣсь.

Ясно было, что легкость, съ которой онъ получилъ деньги, разлакомила его.

— Напримѣръ-съ, мнѣ слѣдуетъ еще за переписку нотъ.

¹⁾ Феликсъ, итальян. пѣвецъ-баритонъ и музыкантъ.

— Врешь!!—закричалъ Голицынъ такъ, какъ и Лаблашъ никогда не кричалъ; робко отвѣтили ему своимъ эхо рояли, и блѣдная голова Пико показалась въ щель и исчезла съ быстротой испуганной ящерицы.—Развѣ переписываніе нотъ не входило въ прямую твою обязанность? Да и что же бы ты дѣлалъ все время, когда концертовъ не было?

Князь былъ правъ, хотя и ненужно было пугать Пико глазомъ контрбомбардоснымъ.

Регентъ, привыкнувшій ко всякимъ звукамъ, не сдался и, оставя въ сторонѣ переписываніе нотъ, обратился ко мнѣ со слѣдующей нелѣпостью:

— Да вотъ и еще и насчетъ одежды: я совсѣмъ обносился.

— Да неужели, давая вамъ въ годъ около 50 фун. жалованія, Юр. Ник. еще обязался одѣвать васъ?

— Нѣтъ-съ, но прежде князь, все, иногда давали, а теперь, стыдно сказать, до того дошелъ, что безъ носковъ хожу.

— Я самъ хожу безъ н-н-носоквъ!...—прогремѣлъ князь и, сложа на груди руки, гордо и съ презрѣніемъ смотрѣлъ на регента. Этой выходки я никакъ не ожидалъ и съ удивленіемъ смотрѣлъ ему въ глаза. Но, видя, что онъ продолжать не собирается, а что регентъ непремѣнно будетъ продолжать, я очень серьезно соколу-пѣвцу сказалъ:

— Вы приходили ко мнѣ сегодня утромъ просить меня въ посредники, стало, вы вѣрили мнѣ?

— Мы васъ очень довольно знаемъ, въ васъ мы, нисколько не сомнѣваемся, вы ужъ въ обиду не дадите.

— Прекрасно, ну, такъ я вотъ какъ рѣшаю дѣло: подписывайте сейчасъ бумагу или отдайте деньги; я ихъ передамъ князю и съ тѣмъ вмѣстѣ отказываюсь отъ всякаго вмѣшательства.

Регентъ не захотѣлъ вручить бумажки князю, подписался и поблагодарилъ меня. Избавляю отъ разсказа, какъ онъ переводилъ счетъ на цѣлковые; я ему никакъ не могъ вдолбить, что по курсу цѣлковый стоитъ теперь не то, что стоилъ тогда, когда онъ выѣзжалъ изъ Россіи.

— Если вы думаете, что я васъ хочу надуть фунта на полтора, такъ вы вотъ что сдѣлайте: сходите къ нашему попу да и попросите вамъ сдѣлать расчетъ. Онъ согласился.

Казалось, все кончено, и грудь Голицына не такъ грозно и бурно вздымалась; но судьба хотѣла, чтобъ и финалъ такъ же бы напомнилъ родину, какъ начало.

Регентъ помялся, помялся, и вдругъ, какъ будто между ними ничего не было, обратился къ Голицыну со словами:

— Ваше сіятельство, такъ какъ пароходъ изъ Гулля-съ идетъ только черезъ пять дней, явите милость—позвольте остаться покамѣстъ у васъ.

Задастъ ему, подумаль я, мой Лаблашъ, самоотверженно приготавлиаясь къ боли отъ крика.

— Куда ты къ чорту пойдешь. Разумѣется, оставайся.

Регентъ разблагодарилъ князя и ушелъ. Голицынъ въ видѣ поясненія сказалъ мнѣ:

— Вѣдь, онъ предобрый малый; это его этотъ мошенникъ, этотъ в-воръ, этотъ поганый юсъ подбилъ.

Поди тутъ Савиньи и Миттермайеръ ¹⁾, пусть схватятъ формулами и обобщатъ въ нормы юридическія понятія, разившіяся въ православномъ отечествѣ нашемъ между конюшной, въ которой драли дворовыхъ, и бариновымъ кабинетомъ, въ которомъ обирали мужиковъ.

Вторая cause céleste ²⁾, именно съ «юсомъ», не удалась. Голицынъ вышелъ и вдругъ такъ закричалъ, и секретарь такъ закричалъ, что оставалось затѣмъ катать другъ друга «подъ микитки», причемъ князь, конечно, зашибъ бы гуняваго подьячаго. Но какъ все въ этомъ домѣ совершалось по законамъ особой логики, то подрались не князь съ секретаремъ, а секретарь съ дверью. Набравшись злобы и освѣжившись еще шкаликомъ джину, онъ, выходя, треснулъ кулакомъ въ большое стекло, вставленное въ дверь, и *расшибъ его*. Стекла эти бывають въ палецъ толщины.

— Полицію!—кричалъ Голицынъ.—Разбой! Полицію!—и, взошедши въ залу, бросился изнеможенный на диванъ. Когда онъ немного отошелъ, онъ пояснилъ мнѣ, между прочимъ, въ чемъ состоитъ *неблагодарность* секретаря. Человѣкъ тотъ былъ повѣреннымъ у его брата и, не помню, смошенничалъ что-то и долженъ былъ непремѣнно итти подъ судъ. Голицыну стало жаль его; онъ до того взошелъ въ его положеніе, что заложилъ послѣдніе часы, чтобъ выкупить его изъ бѣды. И потомъ, имѣя полная доказательства, что онъ плутъ, взялъ его къ себѣ управляющимъ!

Что онъ на всякомъ шагу надувалъ Голицына, въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія.

Я уѣхалъ: человѣкъ, который могъ кулакомъ пробить зеркальное стекло, можетъ самъ себѣ найти судъ и расправу. Къ тому же онъ мнѣ рассказывалъ потомъ, прося меня достать ему

¹⁾ Карль-Юсифъ, извѣстный нѣм. юристъ.

²⁾ Благочестивая операція.

пѣспортъ, чтобъ ѣхать въ Россію, что онъ гордо предложилъ Голицыну pistolеть и жеребей, кому стрѣлять.

Если это было, то pistolеть, навѣрное, не былъ заряженъ.

Послѣднія деньги князя пошли на усмиреніе спартаковскаго возстанія, и онъ, все-таки, наконецъ, попалъ, какъ и слѣдовало ожидать, въ тюрьму за долги. Другого посадили бы — и дѣло въ шляпѣ, — съ Голицынымъ и это не могло сойти просто съ рукъ.

Полисмень привозилъ его ежедневно въ Cremorne gardens, часу въ восьмомъ; тамъ онъ дирижировалъ, для удовольствія лоретокъ всего Лондона, концертъ, и съ послѣднимъ взмахомъ skipетра изъ слоновой кости незамѣтный полицейскій вырасталъ изъ-подъ земли и не покидалъ князя до кэба, который везъ узника въ черномъ фракѣ и бѣлыхъ перчаткахъ въ тюрьму. Прощаясь со мной въ саду, у него были слезы на глазахъ. Бѣдный князь! Другой смѣялся бы надъ этимъ, но онъ бралъ къ сердцу свое въ неволю заключеніе. Родные какъ-то выкупили его; потомъ правительство позволило ему возвратиться въ Россію и отправило его сначала на житье въ Ярославль, гдѣ онъ могъ дирижировать духовные концерты вмѣстѣ съ Фелинскимъ, варшавскимъ архіереемъ. Правительство для него было добрѣе его отца: тертый калачъ не меньше сына, онъ ему совѣтовалъ *итти въ монастырь*. Хорошо зналъ сына отецъ; а, вѣдь, самъ былъ до того музыкантъ, что Бетховенъ ¹⁾ посвятилъ ему одну изъ симфоній. ³³

За пышной фигурой ассирійскаго бога, тучнаго Аполлона-вола, не должно забывать рядъ другихъ русскихъ странностей.

Я не говорю о мелькающихъ тѣняхъ, какъ «колонель рюсъ», но о тѣхъ, которые, причаленные разными превратностями судьбы, пріостанавливались надолго въ Лондонѣ, въ родѣ того чиновника военнаго интендантства, который, запутавшись въ дѣлахъ и долгахъ, бросился въ Неву; утонулъ... и всплылъ въ Лондонѣ *изнанникомъ*, въ шубѣ и мѣховомъ картузѣ, которые не покидалъ, несмотря на сырую теплоту лондонской зимы; въ родѣ моего друга Ивана Ивановича Савича, который весь, цѣликомъ, съ своими antecedентами и будущностью, съ какой-то мездрой, вмѣсто волосъ, на головѣ, такъ и просится въ мою галерею русскихъ рѣдкостей.

Лейбъ-гвардіи Павловскаго полка офицеръ въ отставку, онъ жилъ себѣ да жилъ въ странахъ заморскихъ и дожилъ до февральской революціи; тутъ онъ испугался и сталъ на себя смотрѣть, какъ на преступника; не то, чтобъ его мучила совѣсть, но мучила мысль о жандармахъ, которые его встрѣтятъ на границѣ, казема-

¹⁾ Былъ друженъ съ кн. Н. Голицынымъ.

тахъ, тройкѣ, снѣгѣ, — и рѣшился отложить возвращеніе. Вдругъ — вѣсть о томъ, что его брата взяли по дѣлу Шевенка ¹⁾. Сдѣлалось, въ самомъ дѣлѣ, что-то опасно, и онъ тотчасъ рѣшился ѣхать. Въ это время я съ нимъ познакомился въ Ниццѣ. Отправился Савичъ, купивши на дорогу крошечную скляночку яду, которую, переѣзжая границу, хотѣлъ какъ-то укрѣпить въ дуплѣ пустого зуба и раскусить въ случаѣ ареста.

По мѣрѣ приближенія къ родинѣ, страхъ все возрасталъ и въ Берлинѣ дошелъ до удушающей боли; однако, Савичъ переломилъ себя и сѣлъ въ вагонъ Станцій на пять его стало; далѣе онъ не могъ. Машина брала воду; онъ подъ совершенно другимъ предлогомъ вышелъ изъ вагона. Машина свистнула, поѣздъ двинулся безъ Савича; того-то ему и было надо. Оставивъ чемоданъ свой на произволь судьбы, онъ съ первымъ обратнымъ поѣздомъ возвратился въ Берлинъ, оттуда телеграфировалъ о чемоданѣ и пошелъ визировать свой пассъ въ Гамбургъ. «Вчера ѣхали въ Россію, сегодня въ Гамбургъ», замѣтилъ полицейскій, вовсе не отказывая въ визѣ. Перепуганный Савичъ сказалъ ему: «Письма, я получилъ письма», и, вѣроятъ, о, у него былъ такой видъ, что со стороны прусскаго чиновника просто упущеніе по службѣ, что онъ его не арестовалъ. Затѣмъ Савичъ, спасаясь, никѣмъ не преслѣдуемый, какъ Людовикъ-Филиппъ, пріѣхалъ въ Лондонъ. Въ Лондонѣ для него началась, какъ для тысячи и тысячи другихъ, тяжелая жизнь; онъ годы честно и твердо боролся съ нуждой. Но и ему судьба опредѣлила комическій бортикъ ко всѣмъ трагическимъ событіямъ. Онъ рѣшился давать уроки математики, черченія и даже французскаго языка (*это для англичанъ*). Посовѣтовавшись съ тѣмъ и другимъ, онъ увидѣлъ, что безъ объявленія или карточекъ не обойдется. «Но вотъ бѣда: какъ взглянуть на это русское правительство... Думалъ я, думалъ да и напечаталъ *анонимныя* карточки».

Долго я не могъ нарадоваться на это великое изобрѣтеніе: мнѣ въ голову не приходила возможность визитной карточки безъ имени.

Со своими анонимными карточками, съ большой настойчивостью труда и страшной бережливостью (онъ живалъ дни цѣлые картофелемъ и хлѣбомъ) онъ сдвинулъ-таки свою барку съ мели, сталъ заниматься торговымъ комиссіонерствомъ, и дѣла его пошли успешно.

И это именно въ то время, когда дѣла другого лейбъ-гвардіи

¹⁾ Николай Ивановичъ Савичъ, былъ однимъ изъ дѣятельныхъ членовъ «Кирилло-Меѳодіевскаго Общества» (см. «Голосъ Минув.» 1918, № 10—12).

павловскаго офицера пошли отвратительно. Разбитый, обкраденный, обманутый, одураченный, шефъ Павловскаго полка ¹⁾ отошелъ въ вѣчность. Пошли льготы, амнистіи; захотѣлось и Савичу воспользоваться царскими милостями, и вотъ онъ пишетъ къ Бруннову ²⁾ письмо и спрашиваетъ, подходитъ ли онъ подъ амнистію? Черезъ мѣсяць времени приглашаютъ Савича въ посольство. Дѣло-то,—думалъ онъ,—не такъ просто; мѣсяць думали.

— Мы получили отвѣтъ,—говоритъ ему старшій секретарь.— Вы нехотя поставили министерство въ затрудненіе: ничего объ васъ нѣтъ. Оно сносилось съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, и у него не могутъ найти никакого дѣла объ васъ. Скажите намъ просто, что съ вами было, не можетъ же быть ничего важнаго.

— Да въ 49 году мой братъ былъ арестованъ и потомъ сосланъ.

— Ну?

— Больше ничего.

Нѣтъ,—подумалъ Николаи ³⁾,—шалить, и сказалъ Савичу, что, если такъ, министерство снова наведетъ справки. Прошли мѣсяца два. Я воображаю, что было въ эти два мѣсяца въ Петербургѣ: отношенія, сообщенія, конфиденціальныя справки, секретныя запросы изъ министерства въ III Отдѣленіе, изъ III Отдѣленія въ министерство, справки у харьковскаго генераль-губернатора... выговоры, замѣчанія... а дѣла о Савичѣ найти не могли. Такъ министерство и сообщило въ Лондонъ.

Посылаетъ за Савичемъ самъ Брунновъ.

— Вотъ,—говоритъ,—смотрите отвѣтъ: нигдѣ ничего объ васъ. Скажите, по какому вы дѣлу замѣшаны?

— Мой братъ...

— Все это я слышалъ, да вы-то сами по какому дѣлу?

— Больше ничего не было.

Брунновъ, отъ рожденія ничему не удивлявшійся, удивился.

— Такъ отчего же вы просите прощенія, когда вы ничего не сдѣлали?

— Я думалъ, что, все же, лучше...

— Стало, просто напросто, вамъ не амнистія нужна, а паспортъ.

И Брунновъ велѣлъ выдать пассъ.

На радостяхъ Савичъ прискакалъ къ намъ.

¹⁾ Николай I, шефомъ полка не былъ.

²⁾ Тогда посломъ былъ гр. Хрептовичъ.

³⁾ Бар. Николай Павловичъ, совѣтникъ посольства въ Лондонѣ.

Разказавъ подробно всю исторію о томъ, какъ онъ добился амнистіи, онъ взялъ Огар. подъ руку и увелъ въ садъ.

— Дайте мнѣ, бога ради, совѣтъ,—сказаль онъ ему.—А. И. все смѣется надо мной, такой ужъ нравъ у него; но у васъ сердце доброе. Скажите мнѣ откровенно: думаете вы, что я могу безопасно ѣхать Вѣной?

Огаревъ не поддержаль добраго мнѣнія и расхохотался. Да что Огар,—я воображаю, какъ Брунновъ и Николаи минуты на двѣ расправили морщины отъ тяжелыхъ государственныхъ заботъ и осклабились, когда амнистированный Савичъ вышелъ изъ кабинета. ³⁴

Но при всѣхъ своихъ оригинальностяхъ, Савичъ былъ честный человекъ. Другіе русскіе, неизвѣстно откуда всплывавшіе, бродившіе мѣсяцъ, другой по Лондону, являвшіеся къ намъ съ собственными рекомендательными письмами и исчезавшіе неизвѣстно куда, были далеко не такъ безопасны.

Печальное дѣлу, о которомъ я хочу разсказать, было лѣтомъ 1862. Реакція была тогда въ инкубаціи и изъ внутренняго, скрытаго гніенія еще не вылазила наружу. Никто не боялся къ намъ ѣздить; никто не боялся брать съ собой «Колоколь» и другія наши изданія; многіе хвастались, какъ они мастерски провозятъ. Когда мы совѣтовали быть осторожными, надъ нами смѣялись. Писемъ мы почти никогда не писали въ Россію: старымъ знакомымъ намъ нечего было сказать,—мы съ ними стояли все дальше и дальше, съ новыми незнакомцами мы переписывались черезъ «Колоколь».

Весной возвратился изъ Москвы и Петербурга Кельсіевъ. Его поѣздка, безъ сомнѣнія, принадлежитъ къ самымъ замѣчательнымъ эпизодамъ того времени. Человекъ, ходившій мимо носа полиціи, едва скрывавшійся, бывавшій на раскольничьихъ бесѣдахъ и товарищескихъ попойкахъ, съ глупѣйшимъ турецкимъ пассомъ въ карманѣ, и возвратившійся *sain et sauf* ¹⁾ въ Лондонъ, немного закусилъ удила. Онъ вздумалъ сдѣлать пирушку въ нашу честь въ день пятнадцатаго «Колокола» по подпискѣ, въ ресторанѣ Кюна. Я просилъ его отложить праздникъ до другого, больше веселаго времени. Онъ не хотѣлъ. Праздникъ не удался: не было *entrain* ²⁾ и не могло быть:—въ числѣ участниковъ были люди слишкомъ посторонніе.

Говоря о томъ и семъ, между тостами и анекдотами, гово-

¹⁾ Здравымъ и невредимымъ.

²⁾ Увлеченіе.

рили, какъ о самопростѣйшей вещи, что пріятель Кельсіева Ветошниковъ ¹⁾ ѣдетъ въ Петербургъ и готовъ съ собою кое-что взять. Разошлись поздно. Многіе сказали, что будутъ въ воскресенье у насъ. Собралась, дѣйствительно, цѣлая толпа, въ числѣ которой были очень мало знакомые намъ люди и, по несчастію, самъ Ветошниковъ; онъ подошелъ ко мнѣ и сказалъ, что завтра утромъ ѣдетъ, спрашивая меня, нѣтъ ли писемъ, порученій. Бакунинъ ему уже далъ два-три письма. Огаревъ пошелъ къ себѣ внизъ и написалъ нѣсколько словъ дружескаго привѣта Н. Серно-Соловьевичу; къ нимъ я приписалъ поклонъ и просилъ его обратить вниманіе Чернышевскаго (къ которому я никогда не писалъ) на наше предложеніе въ «Колоколѣ» «печатать на свой счетъ «Современникъ» въ Лондонѣ». Гости стали расходиться часовъ около 12; двое-трое оставались. Ветошниковъ вошелъ въ мой кабинетъ и взялъ письмо. Очень можетъ быть, что и это осталось бы незамѣченнымъ, но вотъ что случилось. Чтобъ отблагодарить участниковъ обѣда, я просилъ ихъ принять въ память отъ меня по выбору что-нибудь изъ нашихъ изданій или большую фотографію мою Левицкаго. Ветошниковъ взялъ фотографію; я ему совѣтовалъ обрѣзать края и свернуть въ трубочку; онъ не хотѣлъ и говорилъ, что положить ее на дно чемодана, и потому завернулъ ее въ листъ «Таймса» и такъ отправился. Этого нельзя было не замѣтить.

Прощаясь съ нимъ съ послѣднимъ, я спокойно отправился спать,—такъ иногда сильно бываетъ ослѣпленіе—и, ужъ, конечно, не думалъ, какъ дорого обойдется эта минута, и, сколько ночей безъ сна она принесетъ мнѣ.

Все вмѣстѣ было глупо и неосмотрительно до высочайшей степени. Можно было остановить Ветошникова до вторника, отправить въ субботу. Зачѣмъ онъ не приходилъ утромъ?... да и, вообще, зачѣмъ онъ приходилъ самъ?... да и зачѣмъ мы писали?...

Говорятъ, что одинъ изъ гостей телеграфировалъ тотчасъ въ Петербургъ.

Ветошникова схватили на пароходѣ; остальное извѣстно. ³⁶

Въ заключеніе этого печальнаго сказанія скажу о человѣкѣ, вскользь упомянутомъ мною и котораго пройти мимо не слѣдуетъ. Я говорю о Кельсіевѣ. Въ 1859 году получилъ я первое письмо отъ него.

¹⁾ Павелъ Александровичъ.

ГЛАВА XI.

В. И. КЕЛЬСІЕВЪ.

Имя В. Кельсіева пріобрѣло въ послѣднее время печальную извѣстность: быстрота внутренней и скорость внѣшней перемѣны, удачность раскаянія, неотлагаемая потребность всенародной исповѣди и ея странная усѣченность, безтактность разсказа, неумѣстная смѣшливость рядомъ съ неприличной въ кающемся и прощенномъ развязностью,—все это, при непривычкѣ нашего общества къ крутымъ и гласнымъ превращеніямъ, вооружило противъ него лучшую часть нашей журналистики. Кельсіеву хотѣлось, во что бы то ни стало, занимать собою публику; онъ и накопился на видное мѣсто мишенью, въ которую каждый бросаетъ камень, не жалѣя. Я далекъ отъ того, чтобъ порицать нетерпимость, которую показала въ этомъ случаѣ наша дремлющая литература. Негодованіе это свидѣльствуетъ о томъ, что много свѣжихъ, неиспорченныхъ силъ уцѣлѣло у насъ, несмотря на черную полосу нравственной неурядицы и безнравственнаго слова. Негодованіе, опрокинувшееся на Кельсіева,—то самое, которое нѣкогда не пощадило Пушкина за одно или два стихотворенія и отвернулось отъ Гоголя за его «Переписку съ друзьями».

Бросать въ Кельсіева камнемъ лишнее: въ него и такъ брошена цѣлая мостовая. Я хочу передать другимъ и напомнить ему, какимъ онъ явился къ намъ въ Лондонъ и какимъ уѣхалъ во второй разъ въ Турцію.

Пусть онъ сравнитъ самыя тяжелыя минуты тогдашней жизни съ лучшими своей теперешней карьеры.

Страницы эти писаны прежде раскаянія и покаянія, прежде метемпсихозы и метаморфозы. Я въ нихъ ничего не перемѣнилъ и добавилъ только отрывки изъ писемъ. Въ моемъ бѣгломъ очеркѣ Кельсіевъ представленъ такъ, какъ онъ остался въ памяти до его появленія на лодкѣ въ Скулянскую таможеню въ качествѣ запрещеннаго товара, просящаго конфискаціи и поступленія съ нимъ по законамъ.

Письмо отъ Кельсіева было изъ Плимута. Онъ туда приплылъ на пароходѣ Сѣверо Американской компаніи и отправлялся куда-то, въ Ситку или Уналашку, на службу. Поживши въ Плимутѣ, ему расхотѣлось ѣхать на Алеутскіе острова и онъ писалъ ко мнѣ, спрашивая можно ли ему найти пропитаніе въ Лондонѣ. Онъ успѣлъ уже въ Плимутѣ познакомиться съ какими-то теологами и сообщалъ мнѣ, что они обратили его вниманіе на замѣчательныя истолкованія пророчествъ. Я предостерегъ его отъ клержименовъ и звалъ въ Лондонѣ, «если онъ, дѣйствительно, хочеть работать».

Недѣли черезъ двѣ онъ явился. Молодой, довольно высокой, худой, болѣзненный, съ четвероугольнымъ черепомъ, съ шапкой волосъ на головѣ, онъ мнѣ напоминалъ не волосами (тотъ былъ плѣшивъ), а всѣмъ существомъ своимъ Энгельсона,—и, дѣйствительно, онъ очень многимъ былъ похожъ на него. Съ пераго взгляда можно было замѣтить много неустроеннаго и неустояващагося, но ничего пошлаго. Видно было, что онъ вышелъ на волю изъ всѣхъ оpekъ и крѣпостей, но еще не приписался ни къ какому дѣлу и обществу: цѣли не имѣлъ. Онъ былъ гораздо моложе Энгельсона, но, все же, принадлежалъ къ позднѣйшей ш. ренгъ петрашевцевъ и имѣлъ часть ихъ достоинствъ и всѣ недостатки: учился всему на свѣтѣ и ничему не научился до тла, читалъ всякую всячину и надо всѣмъ ломалъ довольно безплодно голову. Отъ постоянной критики всего общепринятаго Кельсіевъ раскачалъ въ себѣ всѣ нравственныя понятія и не приобрѣлъ никакой нити поведенія¹⁾.

Особенно оригинально было то, что въ скептическомъ оцупываніи Кельсіева сохранилась какая-то примѣсь мистическихъ фантазій: онъ былъ нигилистъ съ религіозными приемами, нигилистъ въ дьяконовскомъ стихарѣ, Церковный отъбнокъ, нарѣчіе и образность остались у него въ формѣ, въ языкѣ, въ слогѣ и придавали всей его жизни особый характеръ и особое единство, основанное на спайкѣ противоположныхъ металловъ.

¹⁾ Петрашевцами заключается у насъ фаланга сильно занимавшихся юношей; ихъ можно назвать послѣднимъ классомъ нашего учебно-историческаго развитія. А. И. Г.

У Кельсіева шель тотъ знакомый намъ переборъ, который дѣлаеть почти всегда въ самомъ дѣлѣ проснувшійся русскій внутри себя, и о которомъ вовсе не думаетъ за недосугомъ и заботами западный человекъ. Втянутые своими специальностями въ другія дѣла, *старшіе братья* наши не провѣряютъ задовъ, и оттого у нихъ смѣняются поколѣнія, строя и разрушая, награждая и наказуя, надѣвая вѣнки и кандалы,—твердо увѣренныя, что такъ и надобно, что они дѣлають дѣло. Кельсіевъ, напротивъ, сомнѣвался во всемъ и не принималъ на слово ни добро добра, ни зло зла. Кобенищійся духъ этотъ, отрѣшающійся отъ впередъ идущей нравственности и готовыхъ истинъ, накупѣлъ всего больше въ *mi-sage*me ¹⁾ нашего николаевского поста и рѣзко сталъ высказываться, когда гиря, давившая нашъ мозгъ, приподнялась на одну линію. На этотъ-то полный жизни и отваги анализъ и накинута была богъ вѣсть что хранящая консервативная литература, а за ней и правительство.

Во время нашего пробужденія, подъ звуки севастопольскихъ пушекъ, съ чужихъ словъ, многіе изъ нашихъ умниковъ пошли повторять, что западный консерватизмъ у насъ—фактъ правильный, что насъ наскоро подогнали къ европейскому образованію не для того, чтобъ дѣлиться съ нимъ наслѣдственными болѣзнями и застарѣлыми предрасудками, а для «сравненія со старшими», для того, чтобъ была возможность съ ними итти ровнымъ шагомъ впередъ. Но какъ только мы видимъ на самомъ дѣлѣ, что у проснувшейся мысли, что у возмужалого слова нѣтъ ничего твердаго, «ничего святого», а есть вопросы и задачи, что мысль ищетъ, что слово отрицаетъ, что дурное раскачивается вмѣстѣ съ «завѣдомо» хорошимъ, и что духъ пытання и сомнѣнія влечетъ все—все безъ разбора—въ пропасть... лишенную перилъ,—тогда крикъ ужаса и изступленія вырывается изъ груди, и пассажиры первыхъ классовъ закрываютъ глаза, чтобъ не видать, какъ вагоны сорвутся съ рельсъ, а кондуктора тормозятъ и останавливаютъ всякое движеніе.

Разумѣется, бояться причины нѣтъ: возникающая *сила* слишкомъ слаба матеріально, чтобъ сдвинуть шестидесяти-милліонный поѣздъ съ рельсъ. Но въ ней была программа, можетъ быть, пророчество.

Кельсіевъ развился подъ первымъ вліяніемъ времени, о которомъ мы говорили. Онъ далеко не ослѣлся, не дошелъ ни до какого центра тяжести, но онъ былъ въ полной ликвидаціи всего нравственнаго имущества. Отъ стараго онъ отрѣшился, твердое распустилъ, берегъ оттолкнулъ и, очертя голову, пустился въ широкое

¹⁾ Страстной четвергъ.

море. Равно подозрительно и съ недоувѣріемъ относился онъ къ вѣрѣ и къ невѣрію, къ русскимъ порядкамъ и къ порядкамъ западнымъ. Одно, что пустило корни въ его грудь, было сознаніе страстное и глубокое экономической неправды современнаго государственнаго строя и, въ силу этого, ненависть къ нему и темное стремленіе къ социальнымъ теоріямъ, въ которыхъ онъ видѣлъ выходъ.

На это сознаніе неправды и на эту ненависть, сверхъ пониманія, онъ имѣлъ неотъемлемое право.

Въ Лондонѣ онъ поселился въ одной изъ отдаленнѣйшихъ частей города, въ глухомъ переулкѣ Фулама, населенномъ матовыми, подернутыми чѣмъ-то пепельнымъ, ирландцами и всякими исхудалыми работниками. Въ этихъ сырыхъ каменныхъ коридорахъ безъ крыши, страшно тихо, звуковъ почти нѣтъ никакихъ, ни свѣта, ни цвѣта: люди, плошки, дома, — все полиняло и осунулось, дымъ и сажа обвели всѣ линіи траурнымъ ободкомъ. По нимъ не трещать телѣжки лавочниковъ, развозящихъ съѣстные припасы, не ѣздятъ извозчицы кареты, не кричатъ разносчики, не лаютъ собаки—последнимъ рѣшительно нечѣмъ питаться; изрѣдка только выходитъ какая-нибудь худая взъерошенная и покрытая углемъ кошка, проберется по крышѣ и подойдетъ къ трубѣ погрѣться, выгибая спину и обличая видомъ, что внутри дома она передрогла.

Когда я въ первый разъ посѣтилъ Кельсіева, его не было дома. Очень молодая, очень некрасивая женщина ¹⁾, худая, лимфатическая, съ заплаканными глазами, сидѣла у тюфика, посланнаго на полу, на которомъ, весь въ лихорадкѣ и жарѣ, метался, страдалъ, умиралъ ребенокъ, года или полтора. Я посмотрѣлъ на его лицо и вспомнилъ предсмертныя черты другого ребенка: это было *то же* выраженіе... Черезъ нѣсколько дней онъ умеръ, — другой родился.

Бѣдность была всесовершеннѣйшая. Молодая тщедушная женщина или, лучше, замужня дѣвочка, выносила ее геройски и съ необычайной простотой. Думать нельзя было, глядя на ея болѣзненную, золотушную, слабую наружность, что за мощь, что за сила преданности обитала въ этомъ хиломъ тѣлѣ. Она могла служить горькимъ урокомъ нашимъ заплечнымъ романистамъ. Она была, хотѣла быть тѣмъ, что впоследствии называли *нигилисткой*: странно чесала волосы, небрежно одѣвалась, много курила, не боялась ни смѣлыхъ мыслей, ни смѣлыхъ словъ; она не умилялась передъ семейными добродѣтелями, не говорила о священномъ долгѣ, о сладости жертвы, которую совершаетъ ежедневно, и о легкости

¹⁾ Жена Кельсіева, Варвара Тимофеевна.

креста, давившаго ея молодыя плечи. Она не кокетничала своей борьбой съ нуждой, а дѣлала *все*: шила и мыла, кормила ребенка, варила мясо и чистила комнату. Твердымъ товарищемъ была она мужу и великой страдальцей сложила голову свою на дальнемъ Востокѣ, слѣдуя за блуждающимъ, безпокойнымъ бѣгомъ своего мужа и потерявъ разомъ двухъ послѣднихъ малютокъ.

Поборолся я сначала съ Кельсіевымъ, стараясь его убѣдить, чтобъ онъ не отрѣзывалъ себя съ самаго начала, не извѣдавши жизни изгнанника, пути къ возвращенію. Я ему говорилъ, что надобно прежде узнать нужду на чужбинѣ, нужду въ Англіи, особенно въ Лондонѣ; я ему говорилъ, что въ Россіи теперь дорога всякая сила.

— Что вы будете здѣсь дѣлать? — спрашивалъ я его. Кельсіевъ собирался всему учиться и обо всемъ писать; пуще всего хотѣлъ онъ писать о женскомъ вопросѣ, о семейномъ устройствѣ.

— Пишите прежде, — говорилъ я ему, — объ освобожденіи крестьянъ съ землей. Это — первый вопросъ, стоящій на дорогѣ. — Но симпатіи Кельсіева были не туда обращены. Онъ, дѣйствительно, принесъ мнѣ статью о женскомъ вопросѣ. Она была безмѣрно плоха. Кельсіевъ посердился, что я ее не напечаталъ, и самъ благодарилъ меня за это, года два спустя.

Возвращаться онъ не хотѣлъ. Но что бы ни стало, надобно было найти ему работу. За это мы и принялись. Теологическія эксцентричности его намъ помогли. Мы доставили ему корректуру св. Писанія, издаваемого по-русски Лондонскимъ библейскимъ обществомъ; затѣмъ передали ему кипу бумагъ, полученныхъ нами въ разное время по части старообрядцевъ. За изданіе ихъ и приведеніе въ порядокъ Кельсіевъ принялся со страстью. То, о чемъ онъ догадывался и мечталъ, то раскрывалось передъ нимъ фактически: грубо-наивный социализмъ въ евангельской ризѣ сквозилъ ему въ расколѣ. Это было лучшее время въ жизни Кельсіева; онъ съ увлеченіемъ работалъ и прибѣгалъ иногда вечеромъ ко мнѣ указать какую-нибудь социальную мысль духоборцевъ, молоканъ, какое-нибудь коммунистическое ученіе вѣдосѣвцевъ; онъ былъ въ восторгѣ отъ ихъ скитанія по лѣсамъ, ставилъ идеаломъ своей жизни скитаться между ними и сдѣлаться учителемъ социально-христіанскаго раскола въ Бѣлой-Криницѣ или Россіи.

И, дѣйствительно, Кельсіевъ былъ въ душѣ «объгнуомъ», бѣгнуомъ нравственнымъ и практическимъ: его мучила тоска, неустоявшіяся мысли. На одномъ мѣстѣ онъ оставаться не могъ. Онъ нашель работу, занятіе, безбѣдное пропитаніе, но не нашель *души*, которое бы поглотило совсѣмъ его безпокойный темпераментъ;

онъ былъ готовъ покинуть все, чтобъ искать его, готовъ былъ не только итти на край свѣта, но постричься въ монахи, принявъ священство безъ вѣры.

Настоящій русскій человѣкъ, Кельсіевъ всякій мѣсяцъ дѣлалъ новую программу занятій, придумывалъ проекты и брался за новую работу, не кончивъ старой. Работалъ онъ запоемъ и запоемъ ничего не дѣлалъ. Онъ схватывалъ вещи легко, но тотчасъ удовлетворялся до пресыщенія, изъ всего тянулъ онъ сразу жилы до послѣдняго вывода, а иногда и подальше.

«Сборникъ о раскольникахъ» шелъ успѣшно; онъ издалъ *шесть* частей, быстро расходившихся ¹⁾. Правительство, видя это, позволило обнародованіе свѣдѣній о старообрядцахъ. То же случилось съ переводомъ библии. Переводъ съ еврейскаго не удался. Кельсіевъ попробовалъ сдѣлать *un tour de force* ²⁾ и перевести «слово въ слово», несмотря на то, что грамматическія формы семитическихъ языковъ вовсе не совпадаютъ со славянскими. Тѣмъ не меньше, выпущенные ливрезоны разошлись мгновенно, и святѣйшій синодъ, испугавшись заграничнаго изданія, *благословилъ* печатаніе стараго завѣта на русскомъ языкѣ. Эти обратныя побѣды никогда никѣмъ не были поставлены въ *crédit* ³⁾ нашего станка.

Въ началѣ 1862 Кельсіевъ отправился въ Москву съ цѣлью завести прочныя связи съ раскольниками. Поѣздку эту онъ когда-нибудь долженъ самъ рассказать. Она невѣроятна, невозможна, а на дѣлѣ, дѣйствительно, была. Въ этой поѣздкѣ отвага граничитъ съ безуміемъ; въ ней опрометчивость почти преступная, но ужъ, конечно, не я буду его винить въ ней. Неосторожная болтовня за границей могла сдѣлать много бѣдъ. Но къ дѣлу и оцѣнкѣ самой поѣздки это не идетъ ⁴⁾.

Возвратясь въ Лондонъ, онъ принялся, по требованію Трюбнера, за составленіе русской грамматики для англичанъ и за переводъ какой-то финансовой книги. Ни того, ни другого онъ не кончилъ: путешествіе сгубило его дослѣдній *Sitzfleisch* ⁵⁾. Онъ тяготился работой, впадалъ въ ипохондрію, унывалъ; а работа была

¹⁾ «Сборникъ правительственныхъ свѣдѣній о раскольникахъ», 4 вып. Лондонъ, 1861—1862 г (4-й вып. вышелъ въ свѣтъ, когда Кельсіевъ былъ уже въ Константинополь, а потому корректура его очень небрежна) и «Сборникъ постановлений по части раскола», 2 книги, Лондонъ, 1863 г.

²⁾ Подвигъ.

³⁾ Въ заслугу.

⁴⁾ Объ этой поѣздкѣ см. мою книгу «Очерки освободительнаго движенія шестидесятыхъ годовъ».

⁵⁾ Усидчивость.

нужна: денегъ опять не было ни гроша. Къ тому же и новый червь начиналъ точить его. Успѣхъ поѣздки, безспорно доказанная отвага, таинственные переговоры, побѣда надъ опасностями раздули въ его груди безъ того сильную струю самолюбія; обратно Цезарю, Донъ Карлосу и Вадиму Пассеку, Кельсіевъ, запуская руки въ свои густые волосы, говорилъ, покачивая грустно головой:

— Еще нѣтъ тридцати лѣтъ, и уже такая отвѣтственность взята мною на плечи.

Изъ всего этого легко можно было понять, что грамматики онъ не кончить, а уйдесть. Онъ и ушелъ. Ушелъ онъ въ Турцію, съ твердымъ намѣреніемъ еще больше сблизиться съ раскольниками, составить новыя связи и, если возможно, остаться тамъ и начать проповѣдь вольной церкви и общиннаго житья. Я писалъ ему длинное письмо, убѣждая его не ѣздить, а продолжать работу. Но страсть къ скитанію, желаніе подвига и великой судьбы, мерещившейся ему, были сильнѣе, и онъ уѣхалъ. Онъ и Мартыяновъ ¹⁾ исчезаютъ почти въ одно время: одинъ, чтобъ, послѣ ряда несчастій и испытаній, хоронить своихъ и потеряться между Яссами и Галацомъ; другой, чтобъ схоронить себя на каторжной работѣ, куда его сослала неслыханная тупость царя и неслыханная злоба мстящихъ помѣщиковъ сенаторовъ. ²⁶

Послѣ нихъ являются на сцену люди другого чекана. Наша общественная метаморфоза, не имѣя большой глубины и захватывая очень тонкій слой, быстро измѣняетъ и изнашиваетъ формы и цвѣта.

Между Энгельсономъ и Кельсіевымъ уже цѣлая формація, какъ между нами и Энгельсономъ. Энгельсонъ былъ человекъ сломленный, оскорбленный; зло, сдѣланное ему всей средой, миазмы, которыми онъ дышалъ съ дѣтства, изуродовали его. Лучъ свѣта скользнулъ по немъ и отогрѣлъ его года за три до его смерти; тогда уже неостанавливаемый недугъ грызъ его грудь. Кельсіевъ, тоже помятый и попорченный средой, явился, однако, безъ отчаянія и усталости; оставаясь за границей, онъ не просто шелъ на покой, не просто бѣжалъ безъ оглядки отъ тяжести: онъ шелъ куда-то. Куда?—этого онъ не зналъ (и тутъ всего ярче выразился видовой оттънокъ его пласта), опредѣленной цѣли онъ не имѣлъ; онъ ее искалъ и покамѣстъ осматривался и приводилъ въ порядокъ, а, пожалуй, и въ безпорядокъ, всю массу идей, захваченныхъ въ школахъ, книгахъ и жизни. Внутри у него шла ломка, о которой

¹⁾ Петръ Алексѣевичъ. О немъ см. въ моей книгѣ «Очерки освободительнаго движенія шестидесятыхъ годовъ».

мы говорили, и она для него была существеннымъ вопросомъ, которымъ онъ жилъ, выжидая или такого дѣла, которое поглотило бы его, или такую мысль, которой бы онъ отдался.

Потаскавшись въ Турціи, Кельсіевъ рѣшилъ поселиться въ Тульчѣ; тамъ онъ хотѣлъ учредить средоточіе своей пропаганды между раскольниками; школу для казацкихъ дѣтей и сдѣлать опытъ общинной жизни, въ которой прибыль и убыль должна была падать на всѣхъ, чистая и нечистая, легкая и трудная работа—обдѣлываться всѣми. Дешевизна помещенія и сѣстныхъ припасовъ дѣлали опытъ возможнымъ. Онъ сблизился съ старымъ атаманомъ некрасовцевъ, Гончаромъ, и въ началѣ превозносилъ его до небесъ. Лѣтомъ 1863 подѣхалъ къ нему его меньшей братъ Иванъ, прекрасный, даровитый юноша. Онъ былъ по студенческому дѣлу высланъ изъ Москвы въ Пермь; тамъ попался къ негодяю губернатору, который его тѣснилъ. Потомъ его опять вызвали въ Москву для какихъ-то показаній ¹⁾: ему грозила ссылка далѣе Перми. Онъ бѣжалъ изъ частнаго дома и пробрался черезъ Константинополь въ Тульчу. Старшій братъ былъ чрезвычайно радъ ему; онъ искалъ товарищей и, наконецъ, звалъ жену, которая рвалась къ нему и жила на нашемъ попеченіи въ Теддингтонѣ. ²⁾ Пока мы ее снаряжали, явился въ Лондонъ и самъ Гончаръ.

Хитрый старикъ, почуявшій смуту и войны, вышелъ изъ своей берлоги понюхать воздухъ и посмотреть, чего откуда можно ждать, т.-е. съ кѣмъ итти и противъ кого. Не зная ни одного слова, кромѣ по-русски и по-турецки, онъ отправился въ Марсѣль и оттуда въ Парижъ. Въ Парижѣ онъ видѣлся съ Чарторижскимъ и Замоискимъ ³⁾, говорятъ даже, что его возили къ Наполеону; отъ него я этого не слыхалъ. Переговоры ни къ чему не привели, и сѣдой казакъ, качая головой и шуря лукавыми глазами, написалъ каракульками семнадцатаго столѣтія ко мнѣ письмо, въ которомъ, называя меня «графомъ», спрашивалъ, можетъ ли пріѣхать къ намъ и какъ насъ найти.

Мы жили тогда въ Теддингтонѣ; безъ языка не легко было обратиться до насъ, и я поѣхалъ въ Лондонъ на желѣзную дорогу встрѣтить его. Выходитъ изъ вагона старый русскій мужикъ, изъ зажиточныхъ, въ сѣромъ кафтанѣ, съ русской бородой, скорѣе худощавый, но крѣпкій, мускулистый, довольно высокій и загорѣлый, несетъ узелокъ въ цвѣтномъ платкѣ.

¹⁾ По дѣлу о распространеніи возмутительныхъ воззваній (см. комментарий къ 1862—63 гг.).

²⁾ Гр. Андрей, польскій полит. дѣятель.

— Вы Осипъ Семеновичъ?—спрашиваю я.

— Я, батюшка, я.—Онъ подалъ мнѣ руку. Кафтаны распахнулись, и я увидѣлъ на поддевкѣ большую звѣзду, разумѣется, турецкую: *русскихъ* звѣздъ мужикамъ не даютъ. Поддевка была синяя и оторочена широкой пестрой тесьмой,—этого я въ Россіи не видалъ.

— Я—такой-то, пріѣхалъ васъ встрѣтить да проводить къ намъ.

— Что же ты это, ваше сіятельство, самъ безпокоился?.. того... ты бы того, кого-нибудь...

— Это ужъ оттого, видно, что я не сіятельство. Съ чего же, Осипъ Семеновичъ, вы выдумали меня называть графомъ?

— А Христосъ тебя знаетъ, какъ величать; ты, небось, въ своемъ дѣлѣ во главѣ стоишь. Ну, а я—того, челоуѣкъ темный ну, и говорю: графъ, т.-е. сіятельный, т.-е. голова.

Не только оборотъ рѣчи, но и произношеніе у Гончара было великорусское, крестьянское. Какъ у нихъ въ захолустыи, окруженномъ иноплеменными, такъ слѣвно сохранился языкъ,—трудно было бы понять безъ старообрядческаго міршенія. Расколъ ихъ видѣлилъ такъ строго, что никакое чужое вліяніе не переходило за ихъ частоколь.

Гончаръ прожилъ у насъ три дня. Первые дни онъ ничего не ѣлъ, кромѣ сухого хлѣба, который привезъ съ собой, и пилъ одну воду. На третій день было воскресенье; онъ разрѣшилъ себѣ стаканъ молока, рыбу, вареную въ водѣ, и, если не ошибаюсь, рюмку хереса.

Русское себѣ-на-умѣ, восточная хитрость, осмотрительность охотника, сдержанность челоуѣка, привыкшаго съ дѣтскихъ лѣтъ къ полному безправію и къ сосѣдству сильныхъ враговъ, долгая жизнь, проведенная въ борьбѣ, въ настойчивомъ трудѣ, въ опасностяхъ,—все это такъ и сквозило изъ-за мнимо простыхъ чертъ и простыхъ словъ сѣдого казака. Онъ постоянно огаваривался, употреблялъ уклончивыя фразы, тексты изъ священнаго писанія, дѣлалъ скромный видъ, очень сознательно рассказывая о своихъ успѣхахъ, и если иногда увлекался въ разсказахъ о прошломъ и говорилъ много, то, навѣрное, никогда не проговорился о томъ, о чемъ хотѣлъ молчать.

Этотъ закалъ людей на Западѣ почти не существуетъ. Онъ ненуженъ, какъ ненужна дамасская сталь для лезвія... Въ Европѣ все дѣлается гуртомъ, массою; челоуѣку одиночно ненужно столько силы и осторожности.

Въ успѣхъ польскаго дѣла онъ уже не вѣрилъ и говорилъ о своихъ парижскихъ переговорахъ, покачивая головой. — «Намъ,

конечно, гдѣ же сообразить: люди маленькіе, темные, а они вонъ поди какъ,—ну, вельможи, какъ слѣдуетъ; только эдакъ нравъ-то легкой. Ты, молъ, Гончаръ, не сумлевайся: вотъ какъ справимся, мы то и то сдѣлаемъ для тебя, напимѣрь. Понимаешь?.. Ну, все будетъ въ удовольствіе. Оно точно, люди добрые, да поди вотъ, *когда справятся...* съ такой Палестиной». Ему хотѣлось разузнать, какія у насъ связи съ раскольниками и какія опоры въ краѣ; ему хотѣлось осязаты, можетъ ли быть практическая польза въ связи старообрядцевъ съ нами. Въ сущности для него было все равно: онъ пошелъ бы равно съ Польшей и Австріей, съ нами и съ греками, съ Россіей и съ Турціей, лишь бы это было выгодно для его некрасовцевъ. Онъ и отъ насъ ухалъ, качая головой; написалъ потомъ два-три письма, въ которыхъ, между прочимъ, жаловался на Кельсіева, и подалъ, вопреки нашего мнѣнія, адресъ государю. ³⁸

Въ началѣ 1864 поѣхали въ Тульчу два русскихъ офицера, оба эмигранты, Краснопѣвцевъ ¹⁾ и В. ²⁾. Маленькая колонія сначала дружно принялась за работу. Они учили дѣтей и солили огурцы, чинили свой платья и копались въ огородѣ. Жена Кельсіева варила обѣдъ и обшивала ихъ. Кельсіевъ былъ доволенъ началомъ, доволенъ казаками и раскольниками, товарищами и турками ³⁾.

Кельсіевъ писалъ еще намъ свои юмористическіе рассказы о ихъ водвореніи, а уже черная рука судьбы была занесена надъ маленькой кучкой тульчинскихъ общинниковъ. Въ юнѣ мѣсяцѣ 1864, ровно черезъ годъ послѣ своего пріѣзда, умеръ двадцати трехъ лѣтъ отроду, на рукахъ свѣего брата, въ злѣйшемъ тифѣ, Иванъ Кельсіевъ. Смерть его была для брата страшнымъ ударомъ; онъ самъ занемогъ, но какъ-то отходилъся. Письма его того времени ужасны. Духъ, поддерживавшій отшельниковъ, упалъ, угрюмая скука овладѣвала ими; начались препинанія и ссоры. Гончаръ писалъ, что Кельсіевъ сильно пьетъ; Краснопѣвцевъ застрѣлился ⁴⁾; В. ушелъ.

¹⁾ Петръ Ивановичъ, артиллеристъ, членъ комитета русскихъ офицеровъ въ Царствѣ Польскомъ.

²⁾ Михаилъ Васильевъ, эмигрировавшій послѣ польскаго возстанія 1863 г.

³⁾ И вотъ эта ужасная «Тульчинская агенція», имѣвшая сношенія съ всемірною революціей, поджигавшая русскія деревни на деньги изъ мацініевскихъ кассъ, грозно дѣйствовавшая года черезъ два послѣ того, какъ перестала существовать... и теперь еще поминаемая въ литературѣ смичковъ и въ «Полицейскихъ Вѣдомостяхъ» Кяткова. А. И. Г.

⁴⁾ Повѣсился.

Дальше не могъ вытерпѣть Кельсіевъ; онъ взялъ свою жену и своихъ дѣтей (у него еще родился ребенокъ) и безъ средствъ, безъ цѣли отправился сначала въ Константинополь, потомъ въ Дунайскія княжества. Совершенно отрѣзанный отъ всѣхъ, отрѣзанный на время даже отъ насъ; онъ въ это время разошелся съ польской эмиграціей въ Турціи. Напрасно искалъ онъ заработать кусокъ хлѣба, съ отчаяніемъ смотрѣлъ онъ на изнуреніе бѣдной женщины и дѣтей. Деньги, которыя мы посылали иногда, не могли быть достаточны. «Случалось, что у насъ вовсе не было хлѣба», — писала незадолго до своей смерти его жена. Наконецъ, послѣ долгихъ усилій Кельсіевъ нашелъ въ Галацѣ мѣсто «надзирателя за шоссевыми работами». Скука томила, грызла его... Онъ не могъ не винить себя въ положеніи семьи. Невѣжество дико-восточнаго міра оскорбляло его; онъ въ немъ чахнулъ и рвался вонъ. Вѣру въ раскольниковъ онъ утратилъ; вѣру въ поляковъ утратилъ... вѣра въ людей, въ науку, въ революцію колебалась сильнѣй и сильнѣй, и можно было легко предсказать, когда и она рухнетъ... Онъ только и мечталъ, чтобъ, во что бы то ни стало, вырваться опять на свѣтъ, пріѣхать къ намъ, и съ ужасомъ видѣлъ, что ему покинуть семью нельзя. «Если-бъ я былъ одинъ, писалъ онъ нѣсколько разъ, я съ дагерротипомъ или органомъ ушелъ бы, куда глаза глядятъ, и, потаскавшись по міру, пѣшкомъ явился бы въ Женеву».

Помощь была близка.

«Милуша» (такъ звали старшую дочь) легла здоровая спать, проснулась ночью больная; къ утру умерла холерой. Черезъ нѣсколько дней умерла вторая дочь; мать свезли въ больницу. У ней открылась острая чахотка.

— Помнишь ли, ты когда-то мнѣ обѣщала сказать, когда я буду умирать, что это смерть? Смерть ли это?

— Смерть, другъ мой, смерть...

И она еще разъ улыбнулась, впала въ забытіе и умерла. 20

ГЛАВА XII.

Едва Кельсіевъ ушелъ за порогъ, новые люди, вытѣсненные суровымъ холодомъ 1863, стучались у нашихъ дверей. Они шли не изъ готоваленъ наступающаго переворота, а съ обрушившейся сцены, на которой уже выступали актерами. Они укрывались отъ внѣшней бури и ничего не искали внутри; имъ нуженъ былъ временный пріютъ, пока погода уляжется, пока снова представится возможность итти на бой. Люди эти очень молодые покончили съ идеями, съ образованіемъ; теоретическіе вопросы ихъ не занимали, отчасти оттого, что они у нихъ еще не возникали, отчасти оттого, что у нихъ дѣло шло о приложеніи. Они были побиты матеріально, но дали доказательства своей отваги! Свернувши знамя, имъ приходилось хранить его честь. Отсюда сухой тонъ, *cassant* ¹⁾, *raide* ²⁾, рѣзкій и нѣсколько поднятый, отсюда военное, нетерпѣливое отвращеніе отъ долгаго обсуживанія, критики, нѣсколько изысканное пренебреженіе ко всѣмъ умственнымъ роскошамъ, въ числѣ которыхъ ставилось на первомъ планѣ искусство. Какая тутъ музыка, какая поэзія! «Отечество въ опасности, аих armes, citoyens!» Въ нѣкоторыхъ случаяхъ они были отвлеченно правы, но сложнаго и запутаннаго процесса уравновѣшенія идеала съ существующимъ они не брали въ расчетъ и, само собой разумѣется, свои мнѣнія и воззрѣнія принимали за воззрѣнія и мнѣнія цѣлой Россіи. Винить за это нашихъ молодыхъ штурмановъ будущей бури было бы несправедливо. Это—общеклассическая черта; годъ тому назадъ одинъ французъ, поклонникъ Конта ³⁾, увѣрялъ меня, что католицизмъ

¹⁾ Надменный.

²⁾ Непреклонный.

³⁾ Г. Н. Вырубовъ, чистый русскій.

во Франціи *не существует* и complètement perdu le terrain ¹⁾, между прочимъ, ссылаясь на медицинскій факультетъ, на профессоровъ и студентовъ, которые не только не католики, но и не деисты.

— Ну, а та часть Франціи, — замѣтилъ я, — которая не читаетъ и не слушаетъ медицинскихъ лекцій?

— Она, конечно, держится за религію и обряды, но больше по привычкѣ и по невѣжеству.

— Очень вѣрю, но что же вы сдѣлаете съ нею?

— А что сдѣлалъ 1792 годъ?

— Немного: революція мирно сначала заперла церкви, а потомъ всё отперла. Вы помните отвѣтъ Ожеро Наполеону, когда праздновали конкордаты: «Нравится ли тебѣ церемонія?» — спросилъ консуль, выходя изъ Нотр-Дамъ, якобинца-генерала ²⁾. «Очень, отвѣчалъ онъ; жаль только, что недостаетъ тѣхъ двухсотъ тысячъ человѣкъ, которые легли костями, чтобъ уничтожить подобныя церемоніи».

— Ah bah! мы стали умнѣе и не отопремъ церковныхъ дверей или, лучше, не запремъ ихъ вовсе и отдадимъ капища [сுவѣрія] подъ школы.

— L'infâme sera écrasé ³⁾, — докончилъ я, смѣясь.

— Да, безъ сомнѣнія; это вѣрно!

— Но мы-то съ вами не увидимъ этого; это еще вѣриѣе.

Въ этомъ взглядѣ на окружающій міръ сквозь подкрашенную личнымъ сочувствіемъ призму лежитъ половина всѣхъ революціонныхъ неусдѣховъ. Жизнь молодыхъ людей, вообще, идущая въ своего рода шумномъ и замкнутомъ затворничествѣ, вдали отъ будничной и валовой борьбы изъ за личныхъ интересовъ, рѣзко схватывая общія истины, почти всегда срѣзывается на ложномъ пониманіи ихъ приложенія къ нуждамъ дня. ⁴⁾

...Сначала новые гости оживили насъ разсказами о петербургскомъ движеніи, о дикихъ выходкахъ оперившейся реакціи, о процессахъ и преслѣдованіяхъ, объ университетскихъ и литературныхъ партіяхъ; потомъ, когда все это было передано съ той скоростью, съ которой въ этихъ случаяхъ торопятся все сообщить, наступили паузы, тишины ⁴⁾, бесѣды наши сдѣлались скучны, однообразны...

¹⁾ Совершенно потерялъ почву.

²⁾ Пьеръ-Франсуа, маршалъ.

³⁾ Нечестивецъ будетъ раздавленъ!

⁴⁾ Hiatus — остановка въ чтеніи, вызываемая нахожденіемъ рядомъ двухъ одинаковыхъ гласныхъ, изъ коихъ первая кончается, а вторая начинается слѣдующее слово.

Неужели, думалъ я, это—въ самомъ дѣлѣ старость, разводящая два поколѣнія? холодъ, вносимый лѣтами, усталю, испытаніями?

Какъ бы то ни было, я чувствовалъ, что съ появленіемъ новыхъ людей горизонтъ нашъ не расширился... а сузился, діаметръ разговоровъ сталъ короче; намъ иной разъ нечего было другъ другу сказать. Ихъ занимали подробности ихъ круговъ, за границей которыхъ ихъ ничто не занимало. Однажды передавши все интересное объ нихъ, приходилось повторять, и они повторяли. Наукой или дѣлами они занимались мало, даже мало читали и не слѣдили правильно за газетами. Поглощенные воспоминаніями и ожиданіями, они не любили выходить въ другія области; а намъ недоставало воздуха въ этой спертой атмосферѣ. Мы, избаловавшись другими размѣрами, задыхались!

Къ тому же, если они и знали извѣстный слой Петербурга, то Россіи вовсе не знали и, искренно желая сблизиться съ народомъ, сближались съ нимъ книжно и теоретически.

Общее между нами было слишкомъ *обще*. вмѣстѣ итти, *служить*, по французскому выраженію, вмѣстѣ что-нибудь дѣлать мы могли, но вмѣстѣ стоять и жить, сложа руки, было трудно. О серьезномъ вліяніи и думать было нечего. Болѣзненное и очень безцеремонное самолюбіе давно закусило удила ¹⁾. Иногда, правда, они требовали программы, руководства, но, при всей искренности, это было не въ самомъ дѣлѣ. Они ждали, чтобы мы формулировали ихъ собственное мнѣніе, и только въ томъ случаѣ соглашались, когда высказанное нами нисколько не противорѣчило ему. На насъ они смотрѣли, какъ на почтенныхъ инвалидовъ, какъ на прошедшее, и наивно дивились, что мы еще не очень отстали отъ нихъ.

Я всегда и во всемъ боялся «пуще всѣхъ печалей» *междовянсовъ*, всегда ихъ допускалъ долею по гуманности, долею по небрежности и всегда страдалъ отъ нихъ.

Предвидѣть было немудрено, что новыя связи долго не продержатся, что рано или поздно онѣ разорвутся, и что этотъ разрывъ, взявъ въ расчетъ шершавый характеръ новыхъ пріятелей, не обойдется безъ дурныхъ послѣдствій.

Вопросъ, на которомъ покачнулись шаткія отношенія, былъ

¹⁾ Самолюбіе ихъ было такъ велико, какъ задорно и раздражительно, а, главное—невоздержано на слова. Они не могли скрыть ни зависти, ни своего рода щепетильнаго требованія чинопочитанія по рангу, ими присвоенному. При этомъ сами они смотрѣли на все свысока и постоянно трунили другъ надъ другомъ, отчего ихъ дружбы никогда не продолжались дольше мѣсяца. А. И. Г.

именно тотъ старый вопросъ, на которомъ обыкновенно разрываются знакомства, шитыя гнилыми нитками. Я говорю о деньгахъ. Не зная вовсе ни моихъ средствъ, ни моихъ жертвъ, они дѣлали на меня требованія, которыя удовлетворять я не считалъ справедливымъ. Если я могъ черезъ всѣ невзгоды, безъ малѣйшей поддержки, провести лѣтъ пятнадцать русскую пропаганду, то я могъ это сдѣлать, налагая мѣру и границу на другія траты. Новые знакомые находили, что все, дѣлаемое мною, мало, и съ негодованіемъ смотрѣли на человѣка, прикидывающагося социалистомъ и не раздающаго своего достоянія на дуванъ людямъ, не работающимъ, но желающимъ денегъ. Очевидно, они стояли еще на непрактической точкѣ зрѣнія христіанской милостыни и добровольной нищеты, принимая ее за практической социализмъ.

Опыты собранія «Общаго фонда» не дали важныхъ результатовъ. Русскіе не любятъ давать денегъ на общее дѣло, если при немъ нѣтъ сооруженія церкви, обѣда, попойки и высшаго одобряющаго начальства.

Въ самый разгаръ эмигрантскаго безденежья разнесся слухъ, что у меня есть какая-то сумма денегъ, врученная мнѣ для пропаганды.

Молодымъ людямъ казалось справедливымъ ее у меня отобрать.

Для того, чтобы понять это, слѣдуетъ разсказать объ одномъ странномъ случаѣ, бывшемъ въ 1858 году. Однимъ утромъ я получилъ записку, очень короткую, отъ какого-то незнакомаго русскаго; онъ писалъ мнѣ, что имѣетъ «необходимость меня видѣть», и просилъ назначить время.

Я въ это время шелъ въ Лондонъ, а потому, вмѣсто всякаго отвѣта, зашелъ самъ въ Саблоньеръ-отель и спросилъ его. Онъ былъ дома. Молодой человѣкъ съ видомъ кадета, застѣнчивый, очень не веселый и съ особой наружностью, довольно топорно одѣланной, седьмыхъ-восьмыхъ сыновей степныхъ помѣщиковъ. Очень не разговорчивый, онъ почти все молчалъ; видно было, что у него что-то на душѣ, но онъ не дошелъ до возможности высказать это.

Я ушелъ, пригласивши его дня черезъ два-три обѣдать. Прежде этого я его встрѣтилъ на улицѣ.

— Можно съ вами итти?—спросилъ онъ.

— Конечно,—не мнѣ съ вами опасно, а вамъ со мной. Но Лондонъ великъ...

— Я не боюсь,—и тутъ вдругъ, закусивши удила, онъ быстро проговорилъ:—я никогда не возвращусь въ Россію, нѣтъ, нѣтъ, и рѣшительно не возвращусь въ Россію...

— Помилуйте, вы такъ молоды?

— Я Россію люблю, очень люблю; но тамъ люди... тамъ мнѣ не житье. Я хочу завести колонію на совершенно социальныхъ основаніяхъ; это все я обдумалъ и теперь ѣду прямо туда.

— То-есть куда?

— На Маркизовы острова.

Я смотрѣлъ на него съ нѣмымъ удивленіемъ.

— Да, да; это—дѣло рѣшенное. Я плыву съ первымъ пароходомъ и потому очень радъ, что васъ встрѣтилъ сегодня. Могу я вамъ сдѣлать нескромный вопросъ?

— Сколько хотите.

— Имѣете вы выгоду отъ вашихъ публикацій?

— Какая же выгода? Хорошо, что теперь печать окупается.

— Ну, а если не будетъ окупаться?

— Буду приплачивать.

— Стало, въ вашу пропаганду не входятъ никакія торговля цѣли?

Я расхохотался.

— Ну, да какъ же вы будете одни приплачивать? А пропаганда ваша необходима... Вы меня простите, я не изъ любопытства спрашиваю; у меня была мысль, оставляя Россію навсегда, сдѣлать что-нибудь полезное для нея, я и рѣшился... да только прежде хотѣлъ знать отъ васъ самихъ насчетъ дѣла... Да-съ, такъ я и рѣшился оставить у васъ немного денегъ. На случай, если вашей типографіи нужно или для русской пропаганды вообще, такъ вы бы и распорядились.

Мнѣ опять пришлось посмотрѣть на него съ удивленіемъ.

— Ни типографія, ни пропаганда, ни я, въ деньгахъ мы не нуждаемся; напротивъ, дѣло идетъ въ гору; зачѣмъ же я возьму ваши деньги? Но, отказываясь отъ нихъ, позвольте мнѣ отъ души поблагодарить за доброе намѣреніе.

— Нѣтъ-съ, это—дѣло рѣшенное. У меня пятьдесятъ тысячъ франковъ; тридцать я беру съ собой на острова, двадцать отдаю вамъ на пропаганду.

— Куда же я ихъ дѣну?

— Ну, не будетъ нужно, вы отдадите мнѣ, если я возвращусь; а не возвращусь лѣтъ десять или умру, употребите ихъ на усиленіе вашей пропаганды. Только,—добавилъ онъ, подумавши,—дѣлайте, что хотите, но... но не отдавайте ничего моимъ наследникамъ. Вы завтра утромъ свободны?

— Пожалуй.

— Сводите меня, сдѣлайте одолженіе, въ банкъ и къ Рот-

шильд; я ничего не знаю и говорить не умѣю по-англійски и по-французски очень плохо. Я хочу скорѣе отдѣлаться отъ двадцати тысячъ и ѣхать.

— Извольте, я деньги принимаю, но вотъ на какиѣ основанія: я вамъ дамъ расписку...

— Никакой расписки мнѣ ненужно...

— Да, но мнѣ нужно дать, я безъ этого вашихъ денегъ не возьму. Слушайте же. Во-первыѣ, въ распискѣ будетъ сказано, что деньги ваши вѣряются не мнѣ одному, а мнѣ и Огареву. Во-вторыхъ, такъ какъ вы, Можеть, соскучитесь на Маркизскихъ островахъ, и у васъ явится тоска по родинѣ (онъ покачалъ головой)... почему знаешь, чего не знаешь... то писать о цѣли, съ которой вы даете капиталъ, не слѣдуетъ, а мы скажемъ, что деньги эти отдаются въ полное распоряженіе мое и Огарева; буде же мы много распоряженія не сдѣлаемъ, то купимъ для васъ на всю сумму какихъ-нибудь бумагъ, гарантированныхъ англійскимъ правительствомъ, въ 5% или около. Затѣмъ, даю вамъ слово, что безъ явной крайности для пропаганды мы денегъ вашихъ не тронемъ; вы на нихъ можете считать во всѣхъ случаяхъ, кромѣ банкротства въ Англии.

— Коли хотите непремѣнно дѣлать столько затрудненій, дѣлайте ихъ. А завтра ѣдемъ за деньгами!

Слѣдующій день былъ необыкновенно смѣшонъ и суетливъ. Началось съ банка и Ротшильда. Деньги выдали ассигнаціями. Б. ¹⁾ возмѣлъ сначала благое намѣреніе размѣнить ихъ на *испанское* золото или серебро. Конторщики Ротшильда смотрѣли на него съ изумленіемъ, но когда вдругъ, какъ спросонья, онъ сказалъ совершенно ломанымъ франко-русскимъ языкомъ: «ну, такъ летръ креди иль Маркизь» ²⁾, тогда Кестнеръ, директоръ бюро, обернулъ на меня испуганный и тоскливый взглядъ, который лучше словъ говорилъ: «Онъ не опасенъ ли?». Къ тому же никто еще никогда въ домѣ у Ротшильда не требовалъ кредитива на Маркизскіе острова.

Рѣшились тридцать тысячъ взять золотомъ и ѣхать домой; на дорогѣ заѣхали въ кафэ,—я написалъ расписку; Б., съ своей стороны, написалъ мнѣ, что отдаетъ въ полное распоряженіе мое и Огарева восемьсотъ фунтовъ; потомъ онъ ушелъ зачѣмъ-то домой, а я отправился его ждать въ книжную лавку; черезъ чет-

¹⁾ Бахметевъ. 41

²⁾ Lettre-crédit ils Marquis—аккредитивное письмо на Маркизскіе острова.

верть часа онъ пришелъ блѣдный, какъ полотно, и объявилъ, что у него изъ 30.000 недостаетъ 250 франковъ, т.-е. 10 liv.

Онъ былъ совершенно сконфуженъ. Какъ потеря 250 франковъ могла такъ перевернуть человѣка, отдавашаго безъ всякой прочной гарантіи 20.000,—опять психологическая загадка природы, человѣческой.—Нѣтъ ли лишней бумажки у васъ?—Со мной денегъ нѣтъ, я отдалъ Rothschild'у, и вотъ расписка: ровно 800 фунтовъ получено. Б., размѣнявшій безъ всякой нужды на фунты свои ассигнаціи, разсыпалъ на конторкѣ Тхоржевскаго 30.000; считалъ, пересчитывалъ,—нѣту 10 фунтовъ, да и только. Видя его отчаяніе, я сказалъ Тхоржевскому: «я какъ-нибудь на себя возьму эти проклятые 10 фунтовъ, а то онъ же сдѣлалъ доброе дѣло, да онъ же и наказанъ».

— Горевать и толковать тутъ не поможетъ,—прибавилъ я ему:—я предлагаю ѣхать сейчасъ къ Ротшильду.

Мы поѣхали. Было уже позже четырехъ, и касса заперта. Я взошелъ съ сконфуженнымъ Б. Кестнеръ посмотрѣлъ на него и, улыбаясь, взялъ со стола 10-фунтовую ассигнацію и подаль ее мнѣ.

— Это какимъ образомъ?

— Вашъ другъ, мѣняя деньги, далъ, вмѣсто двухъ 5 фунт., двѣ десятифунт. ассигнаціи, а я сначала не замѣтилъ.

Б. смотрѣлъ, смотрѣлъ и прибавилъ:

— Какъ глупо: одного цвѣта и 10 фунтовъ и 5 фунтовъ; кто же догадается? Видите, какъ хорошо, что я размѣнялъ деньги на золото.

Успокоившись, онъ поѣхалъ ко мнѣ обѣдать, а на другой день я обѣщался прійти къ нему проститься. Онъ былъ совсѣмъ готовъ. Маленькій кадетскій или студентскій, вытертый, распертый чемоданчикъ, шинель, перевязанная ремнемъ, и... и... *тридцать тысячъ франковъ золотомъ, завязанные въ толстомъ фулярѣ такъ, какъ завязываютъ фунтъ крыжовнику или орѣховъ.*

Такъ ѣхалъ этотъ человѣкъ на Маркизскіе острова.

— Помилуйте,—говорилъ я ему,—да васъ убьютъ и ограбятъ прежде, чѣмъ вы отчалите отъ берега. Положите лучше въ чемоданчикъ деньги.

— Онъ полонъ.

— Я вамъ сакъ достану.

— Ни подъ какимъ видомъ.

Такъ и уѣхалъ. Я первые дни думалъ, чего добраго, его укошатъ, а на меня падетъ подозрѣніе, что я подослалъ его убить.

Съ тѣхъ поръ объ немъ не было ни слуху, ни духу... Деньги его я положилъ въ фонды, съ твердымъ намѣреніемъ не касаться до нихъ безъ крайней нужды типографіи или пропаганды.

Въ Россіи долгое время никто не зналъ объ этомъ; потому ходили смутные слухи,—чему обязаны мы двумъ-тремъ нашимъ пріятелямъ, давшимъ слово не говорить объ этомъ. Наконецъ, узнали, что деньги, дѣйствительно, есть и хранятся у меня.

Вѣсть эта пала какимъ-то яблокомъ искушенія, какимъ-то хроническимъ возбужденіемъ и ферментомъ. Оказалось, что деньги эти нужны всѣмъ, а я ихъ не давалъ. Мнѣ не могли простить, что я не потерялъ всего своего состоянія, а тутъ у меня депо, данное для пропаганды; а кто же пропаганда, какъ не они? Сумма вскорѣ выросла изъ скромныхъ франковъ *въ рубли серебра* и дразнила еще больше желавшихъ сгубить ее *частно* на общее дѣло. Негодовали на Б., что онъ мнѣ деньги ввѣрилъ, а не кому-нибудь другому; самые смѣлые утверждали, что это — съ его стороны ошибка, что онъ, *дѣйствительно, хотѣлъ* отдать ихъ не мнѣ, а одному петѣбургскому кругу. и что, не зная, какъ это сдѣлать, отдалъ въ Лондонѣ мнѣ. Отважность въ этихъ сужденіяхъ была тѣмъ замѣчательнѣе, что о фамиліи Б. такъ же никто не зналъ, какъ и о его существованіи, и что онъ о своемъ предположеніи ни съ кѣмъ не говорилъ до своего отъѣзда, а послѣ его отъѣзда съ нимъ никто не говорилъ.

Однимъ деньги эти нужны были для посылки эмиссаровъ, другимъ для образованія центровъ на Волгѣ, третьимъ для изданія журнала. «Колосоломъ» они были недовольны и на наше приглашеніе работать въ немъ что-то подавались туго.

Я рѣшительно денегъ не давалъ, и пусть требовавшіе ихъ сами скажутъ, гдѣ онъ были бы, если-бъ я далъ.

— Б.,—говорилъ я,—можетъ воротиться безъ гроша; трудно сдѣлать аферу, заводя социалистическую колонію на Маркизскихъ островахъ.

— Онъ, навѣрное, умеръ.

— А, какъ на-зло вамъ, живъ?

— Да, вѣдь, онъ деньги далъ на пропаганду.

— Пока мнѣ на нее ненужно.

— Да намъ нужно.

— На что именно?

— Надобно послать кого-нибудь на Волгу, кого-нибудь въ Олессу...

— Не думаю, чтобъ очень нужно было.

— Такъ вы не вѣрите въ необходимость послать?

— Не вѣрю.

«Старѣетъ и становится скупъ»,—говорили обо мнѣ на разные тона самые рѣшительные и свирѣпые. «Да что на него смо-

рѣчь; взять у него эти деньги, да и баста»,—прибавляли еще больше рѣшительные и свирѣпые. «А будетъ упираться, мы его такъ продернемъ въ журналахъ, что будетъ помнить, какъ задерживать чужія деньги».

Денегъ я не далъ.

Въ журналахъ они не продергивали. Ругательства въ печати являются гораздо позже, но тоже изъ-за денегъ.⁴²

...Эти *болѣе свирѣпые*, о которыхъ я сказалъ, были тѣ ультра, тѣ угловатые и шершавые представители «новаго поколѣнія», которыхъ можно назвать *Собакевичами и Новдревыми нигилизма*.

Какъ ни излишне дѣлать оговорку, но я ее сдѣлаю, зная логику и манеру нашихъ противниковъ. Въ моихъ словахъ нѣтъ ни малѣйшаго желанія бросить камень ни въ молодое поколѣнiе, ни въ нигилизмъ. О послѣднемъ я писалъ много разъ. Наши Собакевичи нигилизма не составляютъ сильнѣйшаго выраженія ихъ, а представляютъ ихъ черезчурную крайность¹⁾.

Кто же станетъ христіанство судить по Оригеновымъ хлыстамъ и революцію по сентябрьскимъ мясникамъ и робеспьеровскимъ чулочницамъ?

Заносчивые юноши, о которыхъ идетъ рѣчь, заслуживаютъ изученія, потому что и они выражаютъ временный *типъ*, очень опредѣленно вышедшій, очень часто повторявшійся, переходную форму болѣзни нашего развитія изъ прежняго застоя.

Большею частью они не имѣли той выправки, которую даетъ воспитаніе, и той выдержки, которая пріобрѣтается научными занятіями. Они торопились въ первомъ задорѣ освобожденія сбросить съ себя всѣ условныя формы и оттолкнуть всѣ каучуковыя подушки, мѣшающія жесткимъ столкновениямъ. Это затруднило всѣ простѣйшія отношенія съ ними.

Снимая все до послѣдняго клочка, наши *enfants terribles* гордо являлись, какъ *мать родила*, а родила-то она ихъ плохо, вовсе не простыми дебелыми парнями, а наслѣдниками дурной и нездоровой жизни низшихъ петербургскихъ слоевъ. вмѣсто атлетическихъ мышцъ и юной наготы, обнаружались печальные слѣды наслѣдственного худосочія, слѣды застарѣлыхъ язвъ и разнаго рода колодокъ и ошейниковъ. Изъ народа было мало выходцевъ между

¹⁾ Въ то самое время въ Петербургѣ и Москвѣ, даже въ Казани и Харьковѣ образовывались между университетской молодежью круги, серьезно посвящавшіе себя изученію науки, особенно между медиками. Честно и добросовѣстно трудились они, но, устраненные отъ бойкаго участія въ вопросахъ дня, они не были вынуждены покидать Россіи, и мы ихъ почти вовсе не знали. А. И. Г.

ними. Передняя, казарма, семинарія, мелкопомѣтная господская усадьба, перегнувшись въ противоположное, сохранились въ крови и мозгу, не теряя отличительныхъ чертъ своихъ. На это, сколько мнѣ извѣстно, не обращали должнаго вниманія.

Съ одной стороны, реакція противъ стараго, узкаго, давившаго міра должна была бросить молодое поколѣніе въ антагонизмъ и всяческое отрицаніе враждебной среды; тутъ нечего искать ни мѣры, ни справедливости. Напротивъ, тутъ дѣлается назло, тутъ дѣлается въ отместку. «Вы лицемѣры,—мы будемъ циниками; вы были нравственны на словахъ,—мы будемъ на словахъ злодѣями; вы были учтивы съ высшими и грубы съ низшими,—мы будемъ грубы со всѣми; вы кланяетесь, не уважая,—мы будемъ толкаться, не извиняясь; у васъ чувство достоинства было въ одномъ приличіи и внѣшней чести,—мы за честь себѣ поставимъ попросту всѣхъ приличій и презрѣніе всѣхъ *points d'honneur* овъ»¹⁾.

Но, съ другой стороны, эта отрѣшенная отъ обыкновенныхъ формъ общежителства личность была полна своихъ наслѣдственныхъ недуговъ и уродствъ. Сбрасывая съ себя, какъ мы сказали, всѣ покровы, самые отчаянные стали щеголять въ костюмѣ гоголевскаго Пѣтуха, и притомъ не сохраняя позы Венеры Медицеской. Нагота не скрыла, а раскрыла, кто они. Она раскрыла, что ихъ систематическая неотесанность, ихъ грубая и дерзкая рѣчь не имѣетъ ничего общаго съ неоскорбительной и простодушной грубостью крестьянина, и очень много съ приемами подъяческаго круга, торговаго прилавка и лакейской помѣщичьяго дома. Народъ ихъ такъ же мало счелъ за своихъ, какъ славянофиловъ въ мурмолкахъ. Для него они остались чужими, низшимъ слоемъ враждебнаго стана, исхудалыми баричами, строкулистами безъ мѣста, нѣмцами изъ русскихъ.

Для полной свободы имъ надобно забыть свое освобожденіе и то, изъ чего освободились, бросить привычки среды, изъ которой выросли. Пока этого не сдѣлано, мы невольно узнаемъ переднюю, казарму, канцелярію и семинарію по каждому ихъ движенію и по каждому слову.

Бить въ рожу по первому возраженію, если не кулакомъ, то ругательнымъ словомъ, называть Ст. Милля *ракальей*, забывая всю службу его,—развѣ это не барская замашка, которая «стараго Гаврилу за измятое жабо хлещетъ въ усь да въ рыло»? Развѣ въ этой и подобныхъ выходкахъ вы не узнаете квартальнаго, исправника, становаго, таскающаго за сѣдую бороду бурмистра?

¹⁾ Вопросовъ чести.

Развѣ въ нахальной дерзости манеръ и отвѣтовъ вы не ясно видите дерзость офицерщины, и въ людяхъ, говорящихъ свысока и съ пренебреженіемъ о Шекспирѣ и Пушкинѣ, — внучать Скалозуба, получившихъ воспитаніе въ домѣ дѣдушки, хотѣвшаго «дать фельдфебеля въ Вольтеры»?

Самая проказа взятокъ уцѣлѣла въ домогательствѣ денегъ нахрапомъ, съ пристрастіемъ и угрозами, подъ предлогомъ общихъ дѣлъ, въ поползновеніи кормиться на счетъ службы и мстить клеветами и клеветами за отказъ.

Все это перерабатывается и перемелется; но нельзя не сознаться, — странную почву приготовили царская опека и императорская цивилизація въ нашемъ «темномъ царствѣ», — почву на которой многообѣщающіе всходы проросли, съ одной стороны, поклонниками Муравьевыхъ и Катковыхъ, съ другой, — *дантистами* нигилизма и базаровской безпардонной вольницы.

Много дренажа требуютъ наши черноземы! ⁴³

ГЛАВА XIII.

М. БАКУНИНЪ И ПОЛЬСКОЕ ДѢЛО.

Въ концѣ ноября мы получили отъ Бакунина слѣдующее письмо:

«15/3 октября 1861. С.-Франциско. Друзья, мнѣ удалось бѣжать изъ Сибири и, послѣ долгаго странствованія по Амуру, по берегамъ Татарскаго пролива и черезъ Японію, сегодня прибылъ я въ Санъ-Франциско.

«Друзья, всѣмъ существомъ стремлюсь я къ вамъ и, лишь только приѣду, примусь за дѣло: буду у васъ служить по *польско-славянскому* вопросу, который былъ моей *idée fixe* съ 1846 и моей *практической спеціальностью* въ 48 и 49 годахъ. Разрушеніе, полное разрушеніе Австрійской имперіи будетъ моимъ послѣднимъ словомъ; не говорю—дѣломъ: это было бы слишкомъ честолюбиво; для служенія ему я готовъ итти въ барабанчики или даже въ прохвосты ¹⁾ и, если мнѣ удастся хоть на волосъ подвинуть его впередъ, я буду доволенъ. А за нимъ является *славная вольная славянская* федерація, единственный исходъ для Россіи, Украйны, Польши и вообще для славянскихъ народовъ» ²⁾.

О его намѣреніи уѣхать изъ Сибири мы знали нѣсколько мѣсяцевъ прежде.

Къ новому году явилась и собственная пышная фигура Бакунина въ нашихъ объятіяхъ.

Въ нашу работу, въ нашъ замкнутый двойной союзъ взо-

¹⁾ Profoss—особая полицейская должность въ старыхъ германскихъ войскахъ.

²⁾ Письмо это молиѣе приведено на стр. 280—282 т. XI.

шелъ новый элементъ или, пожалуй, элементъ старый, воскресшая тѣнь сороковыхъ годовъ и всего больше 1848 года. Бакунинъ былъ тотъ же, онъ состарился только тѣломъ, духъ его былъ молодъ и восторженъ какъ въ Москвѣ во время «всенощныхъ» споровъ съ Хомяковымъ; онъ былъ такъ же преданъ одной идеѣ, такъ же способенъ увлекаться, видѣть во всемъ исполненіе своихъ желаній и идеаловъ, и еще больше готовъ на всякій опытъ, на всякую жертву, чувствуя, что жизни впередъ остается не такъ много и что, слѣдственно, надобно торопиться и не пропускать ни одного случая. Онъ тяготился долгимъ изученіемъ, взвѣшиваніемъ pro и contra¹⁾ и рвался, доврчивый и отвлеченный, какъ прежде, къ дѣлу, лишь бы оно было среди бурь революціи, среди разгрома и грозной обстановки²⁾. Онъ и теперь, какъ въ статьяхъ Жюля Элизара, повгорялъ: «Die Lust der Zerstoerung ist eine schaffende Lust»³⁾. Фантазіи и идеалы, съ которыми его заперли въ Кеннштейнѣ въ 1849, онъ сберегъ и привезъ ихъ черезъ Японію и Калифорнію въ 1861 году во всей цѣлости. Даже языкъ его напоминалъ лучшія статьи «Реформы» и «*Vraie République*», рѣзкія рѣчи de la Constituante⁴⁾ и клуба Бланки. Тогдашній духъ партій, ихъ исключительность, ихъ симпатіи и антипатіи къ лицамъ, пуце всего ихъ вѣра въ близость второго пришествія революціи,—все было налицо.

Тюрьма и ссылка необыкновенно сохраняютъ сильныхъ людей, если не тотчасъ ихъ губятъ; они выходятъ изъ нея, какъ изъ обморока, продолжая то, на чемъ лишились сознанія. Декабристы возвратились изъ-подъ сибирскаго снѣга моложе потоптанной на корню молодежи, которая ихъ встрѣтила. Въ то время, какъ два поколѣнія французовъ нѣсколько разъ мѣнялись, краснѣли и блѣднѣли, поднимаемая приливами и уносимая назадъ отливами, Барбесъ и Бланки остались безсмѣнными маяками, напоминавшими изъ-за тюремныхъ рѣшетокъ, изъ-за чужой дали прежніе идеалы во всей чистотѣ.

«Польско-славянскій вопросъ... разрушеніе Австрійской имперіи... вольная славянская и славная федерація»... И все это сейчасъ, какъ только онъ пріѣдетъ въ Лондонъ, и пишетъ изъ С.-Франциско,—одна нога на кораблѣ!

Европейская реакція не существовала для Бакунина, не существовали и тяжелые годы отъ 1848 до 1858; они ему были извѣстны

¹⁾ За и противъ.

²⁾ О Бакунинѣ въ IV т. «Быль и думъ», въ главѣ «Сазоновъ». А. И. I.

³⁾ Страсть къ разрушенію есть созидаящая страсть.

⁴⁾ Учредительнаго собранія.

вкратцѣ, издалека, слѣгка. Онъ ихъ прочелъ въ Сибири такъ, какъ читалъ въ Кайдановѣ о Пуническихъ войнахъ и о паденіи римской имперіи. Какъ человекъ, возвратившійся послѣ мора, онъ слышалъ, кто умеръ, и вздохнулъ объ нихъ обо всѣхъ; но онъ не сидѣлъ у изголовья умирающихъ, не надѣялся на ихъ спасеніе, не шелъ за ихъ гробомъ. Совсѣмъ напротивъ, событія 1848 были возлѣ, близки къ сердцу, подробные и живые разговоры съ Коссидьеромъ, рѣчи славянъ на Пражскомъ съѣздѣ, споры съ Араго или Руге,—все это было для Бакунина вчера, звенѣло въ ушахъ, мелькало передъ глазами.

Впрочемъ, оно и, сверхъ тюрьмы, немудрено.

Первые дни послѣ февральской революціи были лучшими днями жизни Бакунина. Возвратившись изъ Бельгіи, куда его вытурилъ Гизо за его рѣчь на польской годовщинѣ 29 ноября 1847, онъ съ головой нырнулъ во всѣ тяжкія революціоннаго моря. Онъ не выходилъ изъ казармъ монтаньяровъ, ночевалъ у нихъ, ѣлъ съ ними и проповѣдывалъ, все проповѣдывалъ: коммунизмъ et l'égalité du salaire ¹⁾, нивелированіе во имя равенства, освобожденіе всѣхъ славянъ, уничтоженіе всѣхъ Австрій, революцію en permanence ²⁾, войну до избіенія послѣдняго врага. Префектъ съ баррикадъ, дѣлавшій «порядокъ изъ безпорядка», Коссидьеръ не зналъ, какъ выжить дорогого проповѣдника, и придумалъ съ Флокономъ отправить его въ самомъ дѣлѣ къ славянамъ съ братской акколадой ³⁾ и увѣренностью, что онъ тамъ себѣ сломитъ шею и мѣшать не будетъ. «*Quel homme! Quel homme!* ⁴⁾» говорилъ Коссидьеръ о Бакунинѣ: «въ первый день революціи это—просто кладъ, а на другой день его надобно разстрѣлять» ⁵⁾.

Когда я пріѣхалъ въ Парижъ изъ Рима, въ началѣ мая 1848, Бакунинъ уже витійствовалъ въ Богеміи, окруженный старовѣрческими монахами, чехами, кроатами, демократами, и витійствовалъ до тѣхъ поръ, пока князь Виндишгрець ⁶⁾ не подожилъ пушками

¹⁾ Равенство заработной платы.

²⁾ Непрерывную.

³⁾ Accolade—лобзаніе.

⁴⁾ Что за человекъ! Что за человекъ!

⁵⁾ Скажите Коссидьеру,—говорилъ я, шутя, его пріятелямъ,—что тѣмъ-то Бакунинъ и отличается отъ него, что и Коссидьеръ славный человекъ, но что его лучше бы разстрѣлять наканунѣ революціи. Впослѣдствіи, въ Лондонѣ въ 1854 году, я ему помянулъ объ этомъ. Префектъ въ изгнаніи только ударялъ огромнымъ кулакомъ своимъ въ молодецкую грудь съ той силой, съ которой вбиваютъ сваи въ землю, и говорилъ: «Здѣсь ношу Бакунина, здѣсь!» А. И. Г.

⁶⁾ Альфредъ-Фердинандъ, австрійскій фельдмаршалъ, въ 1848 г. подавилъ возстаніе чеховъ.

предѣль краснорѣчію (и не воспользовался хорошимъ случаемъ, чтобы при сей вѣрной оказіи не подстрѣлить невзначай своей жены). Исчезнувъ изъ Праги, Бакунинъ является военнымъ начальникомъ Дрездена; бывшій артиллерійскій офицеръ учитъ военному дѣлу поднявшихъ оружіе профессоровъ, музыкантовъ и фармацевтовъ... совѣтуетъ имъ «Мадонну» Рафаэля и картины Мурильо поставить на городскія стѣны и ими защищаться отъ пруссаковъ, которые zu klassisch gebildet ¹⁾, чтобъ осмѣлились стрѣлять по Рафаэлю.

Артиллерія ему, вообще, помогала. По дорогѣ изъ Парижа въ Прагу онъ наткнулся гдѣ-то въ Германіи на возмущеніе крестьянъ; они шумѣли и кричали передъ залпомъ, не умѣя ничего сдѣлать. Бакунинъ вышелъ изъ повозки и, не имѣя времени узнать, въ чемъ дѣло, построилъ крестьянъ и такъ ловко научилъ ихъ, что, когда пошелъ садиться въ повозку, чтобъ продолжать путь, замокъ пылалъ съ четырехъ сторонъ.

Бакунинъ когда-нибудь переломитъ свою лѣнь и сдержитъ обѣщаніе: онъ когда-нибудь расскажетъ длинный мартирологъ, начавшійся для него послѣ взятія Дрездена. Напомню здѣсь главныя черты. Бакунинъ былъ приговоренъ къ эшафоту. Король саксонскій замѣнилъ топоръ вѣчной тюрьмой, потомъ, безъ всякаго основанія, передалъ его въ Австрію. Австрійская полиція думала отъ него узнать что-нибудь о славянскихъ замыслахъ. Бакунина посадили въ Градчинъ и, ничего не добившись, отослали его въ Ольмюць. Бакунина скованнаго везли подъ сильнымъ конвоемъ драгунъ; офицеръ, который сѣлъ съ нимъ въ повозку, зарядилъ при немъ пистолеть.

— Это для чего же?—спросилъ Бакунинъ.—Неужели вы думаете, что я могу бѣжать при этихъ условіяхъ?

— Нѣтъ, но васъ могутъ отбить ваши друзья; правительство имѣло насчетъ этого слухи, и въ такомъ случаѣ...

— Что же?

— Мнѣ приказано посадить вамъ пулю въ лобъ.

И товарищи поскакали.

Въ Ольмюць Бакунина *приковали къ стѣнѣ* и въ этомъ положеніи онъ пробылъ *полгода*. Австріи, наконецъ, наскучило даромъ кормить чужого преступника; она предложила Россіи его выдать; Николаю вовсе ненужно было Бакунина, но отказаться онъ не имѣлъ силъ. На русской границѣ съ Бакунина сняли цѣпи. Объ этомъ актѣ милосердія я слышалъ много разъ; дѣйствительно,

¹⁾ Получили слишкомъ классическое образованіе.

цѣпи съ него сняли, но рассказчикъ забылъ прибавить, что зато надѣли другія, гораздо тяжеле. Офицеръ австрійскій, сдавши арестанта, потребовалъ цѣпи, какъ казенную к.-к. 1) собственность.

Николай похвалилъ храброе поведеніе Бакунина въ Дрезденѣ и посадилъ его въ Алексѣевскій рavelинъ. Туда онъ прислалъ къ нему Орлова и велѣлъ ему сказать, что онъ желаетъ отъ него записку о нѣмецкомъ и славянскомъ движеніи (монархъ не зналъ, что всѣ подробности его были напечатаны въ газетахъ). Записку эту онъ «требовалъ не какъ царь, а какъ духовникъ». Бакунинъ спросилъ Орлова, какъ понимаетъ государь слово «духовникъ»: въ томъ ли смыслѣ, что все сказанное на духу должно быть святой тайной? Орловъ не зналъ, что сказать, — эти люди, вообще, больше привыкали спрашивать, чѣмъ отвѣчать... Бакунинъ написалъ журнальный leading article 2). Николай этимъ былъ доволенъ. «Онъ — умный и хорошій малый, но опасный человекъ, его надобно держать назаперти», и *три цѣлыхъ года* послѣ этого высочайшаго одобренія Бакунинъ былъ схороненъ въ Алексѣевскомъ рavelинѣ. Содержаніе, должно быть, было хорошо, когда и этотъ гигантъ изнемогалъ до того, что хотѣлъ лишиться себя жизни. Въ 1854 Бакунина перевезли въ Шлиссельбургъ. Николай боялся, что Чарльзъ Непиръ его освободитъ, но Чарльзъ Непиръ и С.піе освободили не Бакунина отъ рavelина, а Россію отъ Николая. Александръ II, несмотря на припадокъ милостей и великодушія, оставилъ Бакунина въ крѣпости до 1857, потомъ послалъ его на житье въ Восточную Сибирь. Въ Иркутскѣ онъ очутился на волѣ послѣ девятилѣтняго заключенія. Начальникомъ края былъ тамъ, на его счастье, оригинальный человекъ, демократъ и татаринъ, либераль и деспотъ, родственникъ Михайлы Бакунина... и Михайлы Муравьева, и самъ Муравьевъ 3), тогда еще не Амурскій. Онъ далъ Бакунину вздохнуть, возможность человѣчески жить, читать журналы и газеты, и самъ мечталъ съ нимъ о будущихъ переворотахъ и войнахъ. Въ благодарность Муравьеву Бакунинъ въ головѣ назначалъ его главнокомандующимъ будущей земской арміей, назначаемой имъ, въ свою очередь, на уничтоженіе Австріи и учрежденіе славянскаго союзничества.

Въ 1860 году мать Бакунина просила государя о возвращеніи

1) Т.-е. kaiserliche-königliche—императорско-королевскую.

2) «Исповѣдь» Бакунина не была мнѣ, какъ и другимъ, выдана въ Историко-революціонномъ архивѣ—впервые ее будетъ печатать само правительство. Жаль, что это произойдетъ не скоро.

3) Николай Николаевичъ.

сына въ Россію; государь сказалъ, что «при жизни его Бакунина изъ Сибири не переведуть»; но, чтобы и она не осталась безъ утѣшенія и царской милости, онъ разрѣшилъ ему *вступить въ службу писцомъ*. ⁴⁴

Тогда Бакунинъ, взявъ въ расчетъ красныя щеки и сорокалѣтній возрастъ императора, рѣшился бѣжать; я его въ этомъ совершенно оправдываю. Послѣдніе годы лучше всего доказываютъ, что ему нечего въ Сибири было ждать. Девяти лѣтъ каземата и нѣсколькихъ лѣтъ ссылки было за глаза довольно. Не отъ его побѣга, какъ говорили, стало хуже политическимъ сосланнымъ, а отъ того, что времена стали хуже, люди стали хуже. Какое вліяніе имѣлъ побѣгъ Бакунина на гнусное преслѣдованіе, добиваніе Михайлова? А что какой-нибудь Корсаковъ получилъ выговоръ, объ этомъ не стоитъ и говорить: жаль, что не два.

Бѣгство Бакунина замѣчательно пространствомъ; это—самое длинное бѣгство въ географическомъ смыслѣ. Пробравшись на Амуръ подъ предлогомъ торговыхъ дѣлъ, онъ уговорилъ какого-то американскаго шкипера взять его съ собой къ японскому берегу. Въ Хакодате другіи американскій капитанъ взялся его довести до С.-Франциско. Бакунинъ отправился къ нему на корабль и засталъ шоряка, сильно хлопотавшаго объ обѣдѣ; онъ ждалъ какого-то почетнаго гостя и пригласилъ Бакунина. Бакунинъ принялъ приглашеніе и только, когда гость пріѣхалъ, узналъ, что это—генеральный русскій консулъ.

Скрываться было поздно, опасно, смѣшно; онъ прямо вступилъ съ нимъ въ разговоръ, сказалъ, что выпросился сдѣлать прогулку. Небольшая русская эскадра, помнится, адмирала Попова, стояла въ морѣ и собиралась плыть къ Николаевску.

— Вы не съ нашими ли возвращаетесь?—спросилъ консулъ.

— Я только-что пріѣхалъ,—отвѣчалъ Бакунинъ,—и хочу еще посмотреть край.

Виѣстѣ покушавши, они разошлись en bons amis ¹⁾. Черезъ день онъ проплылъ на американскомъ пароходѣ мимо русской эскадры... Кромѣ океана, опасности больше не было. ⁴⁵

Какъ только Бакунинъ оглядѣлся и учредился въ Лондонѣ, т.-е. перезнакомился со всѣми поляками и русскими, которые были налицо, онъ принялся за дѣло. Съ страстью проповѣдыванія, агитаціи, пожалуй, демагогіи, съ безпрерывными усиліями учреждать, устраивать комплоты, переговоры, заводить сношенія и придавать имъ огромное значеніе у Бакунина прибавляется готовность пер-

¹⁾ Добрыми друзьями.

вону итти на исполненіе, готовность погнбнуть, отвага принять всѣ послѣдствія. Это—натура героическая, оставленная исторіей не у дѣль. Онъ тратилъ свои силы иногда на вздоръ такъ, какъ левъ тратитъ шаги въ клѣткѣ, все думая, что выйдетъ изъ нея. Но онъ—не риторъ, боящійся исполненія своихъ словъ или уклоняющійся отъ осуществленія своихъ общихъ теорій...

Бакунинъ имѣлъ много недостатковъ, но недостатки его были мелки, а сильныя качества крупны. Развѣ это одно не великое дѣло, что, брошенный судьбою куда бы то ни было и схвативъ двѣ-три черты окружающей среды, онъ отдѣлялъ революціонную струю и тотчасъ принимался вести ее далѣе, раздувать, дѣлать изъ нея страстный вопросъ жизни?

Говорятъ, будто И. Тургеневъ хотѣлъ нарисовать портретъ Бакунина въ Рудинѣ, но Рудинъ едва напоминаетъ нѣкоторыя черты Бакунина. Тургеневъ, увлекаясь библейской привычкой бога, создалъ Рудина по своему образу и подобию; Рудинъ—Тургеневъ 2-й, наслушавшійся философскаго жаргона молодого Бакунина. ⁴⁶

Въ Лондонѣ онъ, во-первыхъ, сталъ *революціонировать* «Колоколь» и говорилъ въ 1862 противъ насъ почти то, что говорилъ въ 1847 про Бѣлинскаго. Мало было пропаганды, надобно было неминуемое приложеніе, надобно было устроить центры, комитеты; мало было близкихъ и дальнихъ людей, надобны были «посвященные и полупосвященные братья», организація въ краѣ,—славянская организація, польская организація. Бакунинъ находилъ насъ умѣренными, не умѣющими пользоваться тогдашнимъ положеніемъ, недостаточно любящими рѣшительныя средства. Онъ, впрочемъ, не унывалъ и вѣрилъ, что въ скоромъ времени поставитъ насъ на путь истинный. Въ ожиданіи нашего обращенія Бакунинъ сгруппировалъ около себя цѣлый кругъ славянъ. Тутъ были чехи; отъ литератора Фрича ¹⁾ до музыканта, называвшагося Наперсткомъ ²⁾, сербы, которые просто величались по батюшкѣ—Ивановичъ, Даниловичъ, Петровичъ; были валахи, состоявшіе въ должности славянъ, съ своимъ вѣчнымъ *еско* на концѣ; наконецъ, былъ болгаръ, лѣкарь въ турецкой арміи, и поляки всѣхъ епархій: бонапартовской, мѣрославской, чарторижской; демократы безъ социальныхъ идей, но съ офицерскимъ оттѣнкомъ; социалисты, католики, анархисты, аристократы и просто солдаты, хотѣвшіе гдѣ-нибудь

¹⁾ Fris, Жозефъ-Вацлавъ, писатель и политическій дѣятель; писалъ подъ псевдонимомъ «Бродскаго».

²⁾ «Naprstek», прозвище заслуженнаго чешскаго рода, передѣланное нѣмцами простымъ переводомъ въ Fingerhut.

подражаться, въ Сѣверной или Южной Америкѣ, и преимущественно въ Польшѣ.

Отдохнуль съ ними Бакунинъ за девятилѣтнее молчаніе и одиночество. Онъ спорилъ, проповѣдывалъ, распоряжался, кричалъ, рѣшалъ, направлялъ, организовалъ, ободрялъ цѣлый день, цѣлую ночь, цѣлыя сутки. Въ короткія минуты, оставшіяся у него свободными, онъ бросался за свой письменный столъ, расчищалъ небольшое мѣсто отъ золы и принимался писать пять, десять, пятнадцать писемъ въ Семипалатинскъ и Арадъ, въ Бѣлградъ и Царьградъ, въ Бессарабію, Молдавію и Бѣлую-Креницу. Середь письма онъ бросалъ перо и приводилъ въ порядокъ какого-нибудь отсталого далмата и, не кончивши своей рѣчи, схватывалъ перо и продолжалъ писать; это, впрочемъ, для него было облегчено тѣмъ, что онъ писалъ и говорилъ объ одномъ и томъ же. Дѣятельность его, праздность, аппетитъ и все остальное, какъ гигантскій ростъ и вѣчный потъ,—все было не по человѣческимъ размѣрамъ, какъ онъ самъ; а самъ онъ—исполинъ съ львиной головой, съ включенной гривой.

Въ пятьдесятъ лѣтъ онъ былъ рѣшительно тотъ же кочующій студентъ съ Маросейки, тотъ же бездомный *bohème* съ Rue de Bourgogne, безъ заботы о завтрашнемъ днѣ, пренебрегая деньгами, бросая ихъ, когда есть, занимая ихъ безъ разбора направо и налево, когда ихъ нѣтъ, съ той простотой, съ которой дѣти берутъ у родителей—безъ заботы объ уплатѣ, съ той простотой, съ которой онъ самъ готовъ отдать всякому послѣднія деньги, отдѣливъ отъ нихъ, что слѣдуетъ на сигареты и чай. Его этотъ образъ жизни не тѣснилъ; онъ родился быть великимъ бродягой, великимъ бездомникомъ. Если-бъ его кто-нибудь спросилъ окончательно, что онъ думаетъ о правѣ собственности, онъ могъ бы сказать то, что отвѣчалъ Лаландъ Наполеону о Богѣ: «Sire, въ моихъ занятіяхъ я не встрѣчалъ никакой необходимости въ этомъ правѣ!».

Въ немъ было что-то дѣтское, беззлобное и простое, и это придавало ему необычайную прелесть и влекло къ нему слабыхъ и сильныхъ, отталкивая однихъ чопорныхъ мѣщанъ ¹⁾).

Какъ онъ дошелъ до женитьбы, я могу только объяснить сибирской скукой. Онъ свято сохранилъ всѣ привычки и обычаи ро-

¹⁾ Когда въ спорѣ Бакунинъ, увлекаясь, съ громомъ и трескомъ обрушивалъ на голову противника облаву брани, которой бы никому не простили, Бакудину прощали, и я первый. Мартвяновъ, бывало, говаривалъ: «Это, Олександръ Ивановичъ,—большая Лиза, какъ же на нее сердиться,—дитя!». А. И. Г.

динь, т.-е. студентской жизни въ Москвѣ: груды табаку лежали на столѣ въ родѣ приготовленнаго фуража, зола сигаръ надъ бумагами съ недопитыми стаканами чая... съ утра дымъ столбомъ ходилъ по комнатѣ отъ цѣлаго хора курильщиковъ, курившихъ точно взапуски, торопясь, задыхаясь, затягиваясь, словомъ, такъ, какъ курятъ одни русскіе и славяне. Много разъ наслаждался я удивленіемъ, сопровождавшимся нѣкоторымъ ужасомъ и замѣшательствомъ хозяйской горничной Грессъ, когда она глубокой ночью приносила горячую воду и пятую сахарницу сахара въ эту готельню славянскаго освобожденія.

Долго послѣ отъѣзда Бакунина изъ Лондона, въ № 10 Paddington green рассказывали объ его житьѣ-бытьѣ, ниспровергнувшемъ всѣ упроченныя англійскими мѣщанами понятія и религіозно принятые ими размѣры и формы. Забѣйте при этомъ, что горничная и хозяйка безъ ума любили его.

— Вчера,—говоритъ Бакунину одинъ изъ его друзей,—приѣхалъ такой-то изъ Россіи; прекраснѣйшій человѣкъ, бывший офицеръ....

— Я слыхалъ объ немъ, его очень хвалили.

— Можно его привести?

— Непремѣнно, да что привести,—гдѣ онъ? Сейчас!

— Онъ, кажется, нѣсколько конституціоналистъ.

— Можетъ быть, но... но я знаю, рыцарски отважный и благородный человѣкъ. И вѣрный?

— Его очень уважають въ Orsett House¹⁾.

— Идемъ.

— Куда же? Вѣдь, онъ хотѣлъ къ вамъ прійти,—мы такъ сговорились; я его приведу.

Бакунинъ бросается писать; пишетъ, кой-что перемарываетъ, переписываетъ и подписываетъ въ Яссы, запечатываетъ пакетъ и въ безпокойствѣ ожиданія начинаетъ ходить по комнатѣ ступней, отъ которой и весь домъ 10 № Paddington green ходитъ ходуномъ съ нимъ вмѣстѣ.

Является офицеръ скромно и тихо. Бакунинъ le met à l'aise²⁾, говоритъ, какъ товарищъ, какъ молодой человѣкъ, увлекаетъ, журитъ за конституціонализмъ и вдругъ спрашиваетъ:

—/Вы, навѣрное, не откажетесь сдѣлать что-нибудь для общаго дѣла?

— Безъ сомнѣнія...

¹⁾ У Герцена.

²⁾ Усаживаетъ его поудобнѣе.

— Васъ злѣсь ничего не удерживаетъ?

— Ничего; я только-что прїѣхаль... я...

— Можете вы ѣхать завтра, послѣзавтра съ этимъ письмомъ въ Яссы?

Этого не случилось съ офицеромъ ни въ дѣйствующей арміи во время войны, ни въ генеральномъ штабѣ во время міра, однако, привыкнувшій къ военному послушанію, онъ, помолчавши, говоритъ не совсѣмъ своимъ голосомъ:

— О, да!

— Я такъ и зналъ. Вотъ письмо совсѣмъ готовое.

— Да я хоть сейчасъ... только... (офицеръ конфузится) я никакъ не рассчитывалъ на эту поѣздку.

— Что? денегъ нѣтъ? Ну, такъ и говорите. Это ничего не значить. Я возьму для васъ у Герцена; вы ему потомъ отдадите. Что тутъ.. всего... всего какіе-нибудь 20 liv. Я сейчасъ напишу ему. Въ Яссахъ вы деньги найдете. Оттуда проберитесь на Кавказъ. Тамъ намъ особенно нуженъ вѣрный человѣкъ...

Пораженный, удивленный офицеръ и его спутникъ, пораженный и удивленный, какъ и онъ, уходятъ. Маленькая дѣвочка, бывшая у Бакунина на большихъ дипломатическихъ посылкахъ; летитъ ко мнѣ по дождю и слякоти съ запиской. Я для нея нарочно завелъ шоколадъ en losange ¹⁾, чтобъ чѣмъ-нибудь утѣшить ее въ климатѣ и отечествѣ, а потому даю ей большую горсть и прибавляю:

— Скажите высокому gentleman'у, что я лично съ нимъ переговоровъ.

Дѣйствительно, переписка оказывается излишней: къ обѣду, т.-е. черезъ часъ, является Бакунинъ.

— Зачѣмъ 20 фунтовъ для **?

— Не для него, для *дѣла*; а что, братъ, **—прекраснѣйшій человѣкъ!

— Я его знаю нѣсколько лѣтъ; онъ бывалъ прежде въ Лондонѣ.

— Это такой случай!—пропустить его грѣшно; я его посылаю въ Яссы, да потомъ онъ осмотритъ Кавказъ!

— Въ Яссы? И оттуда на Кавказъ?

— Ты пойдешь сейчасъ острить. Каламбурами ничего не докажешь...

— Да, вѣдь, тебѣ ничего ненужно въ Яссахъ?

— Ты почему знаешь?

— Знаю потому, во-первыхъ, что никому ничего ненужно

¹⁾ Ромбовидный.

въ Яссахъ, а во-вторыхъ, если-бъ нужно было, ты недѣлю бы постоянно мнѣ говорилъ объ этомъ. Тебѣ попался человѣкъ молодой, застѣнчивый, хотящій доказать свою преданность,—ты и придумалъ послать его въ Яссы. Онъ хочетъ видѣть выставку, а ты ему покажешь Молдовалахию. Ну, скажи-ка зачѣмъ?

— Какой любопытный. Ты въ эти дѣла со мной не входишь, какое же ты имѣешь право спрашивать?

— Это правда; я тоже думаю, что этотъ секретъ ты скроешь ото всѣхъ... ну, а только денегъ давать на гонцовъ въ Яссы и Бухарестъ я нисколько не намѣренъ.

— Вѣдь, онъ отдастъ, у него деньги будутъ.

— Такъ пусть умнѣе употребить ихъ; полно, полно; письмо пошлешь съ какимъ-нибудь Петреско-Манонъ-Леско, а теперь пойдемъ ѣсть.

И Бакунинъ, самъ смѣясь и качая головой, которая его, все-таки, перетягивала, внимательно и усердно принимался за трудъ обѣда, послѣ котораго всякій разъ говорилъ: «Теперь настала счастливая минута», и закуривалъ папироску.

Бакунинъ принималъ всѣхъ, всегда, во всякое время. Часто онъ еще, какъ Онѣгинъ, спалъ или ворочался на постели, которая хрустѣла, а ужъ два-три славянина съ отчаянной торопливостью курили въ его комнатѣ; онъ тяжело вставалъ, обливался водой и въ ту же минуту принимался ихъ поучать; никогда не скучалъ онъ, не тяготился ими; онъ могъ, не уставая, говорить со свѣжей головой съ самымъ умнымъ и самымъ глупымъ человѣкомъ.

Отъ этой неразборчивости выходили иногда пресмѣшныя вещи.

Бакунинъ вставалъ поздно: нельзя было иначе и сдѣлать, употребляя ночь на бесѣду и чай.

Разъ, часу въ одиннадцатомъ, слышитъ онъ, кто-то копошится въ его комнатѣ. Постель его стояла въ большомъ альковѣ, задернутомъ занавѣсью.

— Кто тамъ?—кричитъ Бакунинъ, просыпаясь.

— Русскій.

— Ваша фамилія?

— Такой-то.

— Очень радъ.

— Что вы это такъ поздно встаете? а еще демократъ.

...Молчаніе... слышенъ плескъ воды, каскада.

— Михаилъ Александровичъ!

— Что?

— Я васъ хотѣлъ спросить: вы вѣнчались въ церкви?

— Да.

— Не хорошо сдѣлали. Что за образецъ непослѣдовательности; вотъ и Тургеневъ свою дочь прочить замужъ. Вы, старики, должны насъ учить примѣромъ.

— Что вы за вздоръ несете!

— Да вы скажите, по любви женились?

— Вамъ что за дѣло?

— У насъ былъ слухъ, что вы женились оттого, что невѣста ваша была богата ¹⁾.

— Что вы это допрашивать меня пришли? Ступайте къ чорту!

— Ну, вотъ вы и разсердились, а я, право, отъ чистой души. Прощайте. А я, все-таки, зайду.

— Хорошо, хорошо, только будьте умнѣе.

...Между тѣмъ, польская гроза приближалась больше и больше. Осенью 1862 явился на нѣсколько дней въ Лондонъ Потенбня ²⁾. Грустный, чистый, беззавѣтно отдавшійся урагану, онъ прїѣзжалъ поговорить съ нами отъ себя и отъ товарищей и, все-таки, итти своей дорогой. Чаше и чаще являлись поляки изъ края; ихъ языкъ былъ опредѣленнѣе и рѣзче, они шли къ взрыву прямо и сознательно. Мнѣ съ ужасомъ мерещилось, что они идутъ на неминуемую гибель.

— Смертельно жаль Потенбню и его товарищей,—говорилъ я Бакунину,—и тѣмъ больше, что врядъ по дорогѣ ли имъ съ поляками.

— По дорогѣ, по дорогѣ!—возражалъ Бакунинъ.— Не сидѣтъ же намъ вѣчно сложа руки и рефлектируя.— Исторію надобно принимать, какъ представляется, не то всякій разъ будешь заурядъ то позади, то впереди.

Бакунинъ помолодѣлъ: онъ былъ въ своемъ элементѣ. Онъ любилъ не только ревъ возстанія и шумъ клуба, площадь и баррикады, онъ любилъ также и приготовительную агитацію, эту возбужденную и вмѣстѣ съ тѣмъ задержанную жизнь конспирацій, консультацій, неспанныхъ ночей, переговоровъ, договоровъ, ректификацій, шифровъ, химическихъ чернилъ и условныхъ знаковъ. Кто изъ участниковъ не знаетъ, что репетиціи къ домашнему спектаклю и приготовленіе елки составляютъ одну изъ лучшихъ и изящныхъ частей. Но какъ онъ ни увлекался приготовленіями елки, у меня на сердцѣ скребли кошки; я постоянно сперилъ съ нимъ и, нехотя дѣлалъ не то, что хотѣлъ.

¹⁾ Бакунинъ ничего не взялъ за невѣстой. А И. Г.

²⁾ Русскій офицеръ, примкнувшій къ польскому возстанію. О немъ въ XV и XVI гг.

Здѣсь я останавливаюсь на грустномъ вопросѣ. Какимъ образомъ, откуда взялась во мнѣ эта уступчивость съ ропотомъ, эта слабость съ мятежомъ и протестомъ? Съ одной стороны, достовѣрность, что поступать надо такъ; съ другой,—готовность поступать совсѣмъ иначе. Эта шаткость, эта неспѣтность, dieses Zögernde ¹⁾ надѣлали въ моей жизни бездну вреда и не оставили даже слабой угѣхи въ сознаниі ошибки невольной, несознанной; я дѣлалъ промахи à contre-sens ²⁾; вся отрицательная сторона была у меня передъ глазами. Я рассказывалъ въ одной изъ предыдущихъ частей мое участіе въ 13 іюня 1849. Это—типъ того, о чемъ я говорю. Ни на одну минуту я не вѣрилъ въ успѣхъ 13 іюня; я видѣлъ нелѣпость движенія и его безсиліе, народное равнодушіе, осwirѣплѣность реакціи и мелкій уровень революціонеровъ; я писалъ объ этомъ... и, все же, пошелъ на площадь, смѣясь надъ людьми, которые шли.

Сколькими несчастіями было бы меньше въ моей жизни... сколькими ударами, если-бъ я имѣлъ во всѣхъ важныхъ случаяхъ силу слушаться самого себя... Меня упрекали въ увлекающемся характерѣ... Увлекался и я; но это не составляетъ главнаго. Отдаваясь по удобъ впечатливости, я тотчасъ останавливался—мысль, рефлексія и наблюдательность всегда почти брали верхъ въ теоріи, но не въ практикѣ. Тутъ и лежитъ вся трудность задачи, почему я дѣлалъ себя вести polens-voiens... Причиною быстрой сговорчивости былъ ложный стыдъ, а иногда и лучшія побужденія—любви, дружбы, снисхожденія... но почему же все это побуждало логику?..

...Послѣ похоронъ Ворцеля, 5 февраля 1857, когда всѣ провожавшіе разбрелись по домамъ, и я, воротившись въ свою комнату, сѣлъ грустно за письменный столъ, мнѣ пришелъ въ голову печальный вопросъ: не опустили ли мы въ землю вмѣстѣ съ этимъ праведникомъ и не схоронили ли съ нимъ всѣ наши отношенія съ польской эмиграціей?

Кроткая личность старика, являвшаяся примиряющимъ началомъ при непрерывно возникавшихъ недоразумѣніяхъ, исчезла, а недоразумѣнія остались. Частно, лично мы могли любить того, другаго изъ поляковъ, быть съ ними близкими; но; вообще, одинаковаго пониманія между нами было мало, и оттого отношенія наши были натянуты, добросовѣстно неоткровенны; мы дѣлали другъ другу уступки, т. е. ослабляли сами себя, уменьшали другъ въ другъ чуть ли не лучшія силы. Договориться до одинаковаго пониманія

¹⁾ Эта нерѣшительность.

²⁾ Противъ желанія.

было невозможно. Мы шли съ разныхъ точекъ—и пути наши только пересѣкались въ общей ненависти къ петербургскому самовластью. Идеаль поляковъ былъ *за ними*: они шли къ своему прошедшему, насильственно срѣзанному; и только оттуда могли продолжать свой путь. У нихъ была бездна мщѣй, а у насъ—пустыя колыбели. Во всѣхъ ихъ дѣйствіяхъ и во всей поэзіи столько же отчаянія, сколько яркой вѣры. Они ищутъ воскресенія мертвыхъ, мы хотимъ поскорѣе схоронить своихъ. Формы нашего мышленія; упованія не тѣ; весь геній нашъ, весь складъ не имѣетъ ничего сходнаго. Наше соединеніе съ ними казалось имъ то *mésalliance*'омъ, то разсудочнымъ бракомъ. Съ нашей стороны было больше искренности, но не больше глубины: мы создавали свою косвенную вину, мы любили ихъ отвагу и уважали ихъ несокрушимый протестъ. Что они могли въ насъ любить? что уважать? Они переламывали себя, сближаясь съ нами; они дѣлали для нѣсколькихъ русскихъ почетное исключеніе.

Въ осторожной темнотѣ николаевскаго царствованія, сидя назаперти тюремными товарищами, мы больше сочувствовали другъ другу, чѣмъ знали. Но когда окно немного пріотворилось, мы догадались, что насъ привели по разнымъ дорогамъ, и что мы разойдемся по разнымъ. Послѣ Крымской кампаніи мы радостно вздохнули, а ихъ наша радость оскорбила: новый воздухъ въ Россіи имъ напомнилъ ихъ утраты, а не надежды. У насъ новое время началось съ заносчивыхъ требованій, мы рвались впередъ, готовые все ломать; у нихъ—съ панихидъ и упокойныхъ молитвъ.

Но правительство второй разъ насъ спаяло съ ними. Передъ выстрѣлами по попамъ и дѣтямъ, по распятіямъ и дѣтямъ, передъ выстрѣлами по гимназъ и молитвамъ замолкли всѣ вопросы, стерлись всѣ разницы... Со слезами и плачемъ написалъ я тогда рядъ статей, глубоко тронувшихъ поляковъ.

Старикъ Адамъ Чарторижскій со смертнаго одра прислалъ мнѣ съ сыномъ теплое слово; въ Парижѣ депутація поляковъ поднесла мнѣ адресъ, подписанный четырьмястами изгнанниковъ, къ которому присылались подписи отовсюду,—даже отъ польскихъ выходцевъ, жившихъ въ Алжирѣ и Америкѣ... Казалось, во многомъ мы были близки, но шагъ глубже—и рознь, рѣзкая рознь бросалась въ глаза.

...Разъ у меня сидѣли Ксаверій Браницкій, Хоецкій и еще кто-то изъ поляковъ; всѣ они были проездомъ въ Лондонѣ и заѣхали позвать мнѣ руку за статьи, Зашла рѣчь о выстрѣлѣ въ Константина ¹⁾.

¹⁾ Николаевича.

— Выстрѣль этотъ,—сказаль я,—страшно повредить вамъ. Можетъ правительство и уступило бы кое-что, теперь оно ничего не уступить и сдѣлается вдвое свирѣпѣе.

— Да мы только этого и хотимъ!—замѣтилъ съ жаромъ Ш.-Э. 1)—Для насъ нѣтъ хуже несчастія, какъ уступки... Мы хотимъ разрыва, открытой борьбы!

— Желаю отъ души, чтобъ вы не раскаялись.

Ш.-Э. иронически улыбнулся, и никто не прибавилъ ни слова. Это было лѣтомъ 1862. А черезъ полгода говорилъ то же Падлевскій 2), отправляясь *черезъ Петербургъ* въ Польшу.

Кости были брошены..

Бакунинъ вѣрилъ въ возможность военно-крестьянскаго возстанія въ Россіи, вѣрили отчасти и мы, *да втрѣло и само правительство*, какъ оказалось впоследствии рядомъ мѣръ, статей по казенному заказу и казней по казенному приказу. Напряженіе умовъ, броженіе умовъ было неоспоримо, и никто не предвидѣлъ тогда, что его свернуть на свирѣпый патріотизмъ.

Бакунинъ, не слишкомъ останавливаясь на взвѣшиваніи всѣхъ обстоятельствъ, смотрѣлъ на одну дальнюю цѣль и принялъ второй мѣсяць беременности за девятый. Онъ увлекалъ не доводами, а желаніемъ. Онъ *хотѣлъ* вѣрить и вѣрилъ, что Жмудь и Волга, Донъ и Украина возстанутъ, какъ одинъ человѣкъ, услышавъ о Варшавѣ; онъ вѣрилъ, что нашъ старовѣръ воспользуется католическимъ движеніемъ, чтобъ узаконить расколъ.

Въ томъ, что между офицерами войскъ, расположенныхъ въ Польшѣ и Москвѣ, общество, къ которому принадлежалъ Потебня, росло и крѣпло, въ этомъ сомнѣнія не могло быть, но оно далеко не имѣло той силы, которую ему преднамѣренно придавали поляки и наивно Бакунинъ...

Какъ-то, въ концѣ сентября, пришелъ ко мнѣ Бакунинъ особенно озабоченный и нѣсколько торжественный.

— Варшавскій Центральный комитетъ,—сказаль онъ,—прислалъ двухъ членовъ, чтобъ переговорить съ нами. Одного изъ нихъ ты знаешь: это—Падлевскій; другой Гиллеръ 3), закаленный боецъ; онъ изъ Польши прогулялся въ кандалахъ до рудниковъ и, только-что возвратился, снова принялся за дѣло. Сегодня вечеромъ я ихъ приведу къ вамъ, а завтра соберемся у меня: надобно *окончательно опредѣлить наши отношенія*.

1) Шарль-Эдмондъ Хоецкій.

2) Сигизмундъ.

3) Агатонъ.

Тогда набирался мой отвѣтъ офицерамъ ¹⁾.

— Моя программа готова; я имъ прочту мое письмо.

— Я согласенъ съ твоимъ письмомъ, ты это знаешь; но не знаю, все ли понравится имъ; во всякомъ случаѣ, я думаю, что этого имъ будетъ мало.

Вечеромъ Бакунинъ пришелъ съ тремя гостями, вмѣсто двухъ ²⁾. Я прочелъ мое письмо. Во время разговора и чтенія Бакунинъ сидѣлъ встревоженный, какъ бываетъ съ родственниками на экзаменѣ или съ адвокатами, трепещущими, чтобъ ихъ кліентъ не проврался и не испортилъ всей *иры защиты*, хорошо налаженной, если не по всей правдѣ, то къ успѣшному концу.

Я видѣлъ по лицамъ, что Бакунинъ угадалъ, и что чтеніе не то, чтобъ особенно понравилось.

— Прежде всего,—замѣтилъ Гиллеръ,—мы прочтемъ письмо къ вамъ отъ Центрального комитета.

Читалъ М.; документъ этотъ, извѣстный читателямъ «Колокола», *былъ написанъ по-русски*, не совсѣмъ правильнымъ языкомъ, но ясно. Говорили, что я его перевелъ съ французскаго и переименовалъ: *это—неправда*. Всѣ трое говорили хорошо по-русски.

Смыслъ акта состоялъ въ томъ, чтобъ черезъ насъ сказать русскимъ, что слагающееся польское правительство согласно съ нами и кладетъ въ основаніе своихъ дѣйствій: *«Признаніе права крестьянъ на землю, обрабатываемую ими, и полную самоуправность всякаго народа располагать своей судьбой»*. Это заявленіе, говорилъ М., обязывало меня смягчить вопросительную и «сомнѣвающуюся» форму въ моемъ письмѣ. Я согласился на нѣкоторыя перемѣны и предложилъ имъ, съ своей стороны, послышье отънѣнить и яснѣе высказать мысль о самозаконности провинцій; они согласались. Этотъ споръ изъ-за словъ показывалъ, что сочувствіе наше къ однимъ и тѣмъ же вопросамъ не было *одинаково*.

На другой день утромъ Бакунинъ уже сидѣлъ у меня. Онъ былъ недоволенъ мной, находилъ, что я слишкомъ холоденъ, какъ будто не довѣряю.

— Чего же ты больше хочешь? Поляки никогда не дѣлали такихъ уступокъ.

— Они выражаются другими словами, принятыми у нихъ, какъ катехизисъ; нельзя же имъ, подымая національное знамя, на первомъ шагѣ оскорбить раздражительное народное чувство.

¹⁾ «Колоколь» 1862, № 147, «Русскимъ офицерамъ въ Польшѣ». А. И. Г.

²⁾ Третій—Миловичъ.

— Мнѣ все кажется, что имъ до крестьянской земли, въ сущности, мало дѣла, а до провинцій слишкомъ много.

— Любезный другъ, у тебя въ рукахъ будетъ документъ, направленный тобой, подписанный при всѣхъ насъ, чего же тебѣ еще?

— Есть-таки кое-что.

— Какъ для тебя труденъ каждый шагъ. Ты вовсе не практической человѣкъ.

— Это уже прежде тебя говорилъ Сазоновъ.

Бакунинъ махнулъ рукой и пошелъ въ комнату къ Огареву. Я печально смотрѣлъ ему вслѣдъ; я видѣлъ, что онъ запилъ свой революціонный запой и что съ нимъ не столкнешь теперь. Онъ шагаль семимильными сапогами черезъ горы и моря, черезъ годы и поколѣнія. За возстаніемъ въ Варшавѣ онъ уже видѣлъ свою «славную и славянскую» федерацію, о которой поляки говорили не то съ ужасомъ, не то съ отвращеніемъ... онъ уже видѣлъ красное знамя «Земли и Воли» развѣвающимся на Уралѣ и Волгѣ, на Украинѣ и Кавказѣ, пожалуй, на Зимнемъ дворцѣ и Петропавловской крѣпости,—и *торопился* сгладить какъ-нибудь затрудненія, затушевать противорѣчія, не выполнить овраги, а бросить черезъ нихъ *чортовъ мостъ*.

— Ты точно дипломатъ на Вѣнскомъ конгрессѣ,—повторялъ мнѣ съ досадой Бакунинъ, когда мы потомъ толковали у него съ представителями ржонда—придираешься къ словамъ и выраженіямъ. Это—не журнальная статья, не литература.

— Съ моей стороны,—замѣтилъ Гиллеръ,—я изъ-за словъ спорить не стану; мѣняйте, какъ хотите, лишь бы главный смыслъ остался тотъ же.

— Bravo, Гиллеръ!—радостно воскликнулъ Бакунинъ.

Ну, *этотъ*,—подумалъ я,—*прѣхалъ подкованный и по-лѣт-нему и на шипы*; онъ ничего не уступитъ на дѣлѣ и оттого такъ легко уступаетъ все на словахъ.

Актъ поправили, члены ржонда подписались; я его послалъ въ типографію.

Гиллеръ и его товарищи были убѣждены, что мы представляли заграничное средоточіе цѣлой организаціи, зависящей отъ насъ, и которая по нашему приказу примкнетъ къ нимъ или нѣтъ. Для нихъ, дѣйствительно, дѣло было *не въ словахъ* и не въ теоретическомъ согласіи; свое profession de foi они всегда могли отъ-нестъ толкованіями такъ, что его яркіе цвѣта пропали бы, полиняли и измѣнились.

Что въ Россіи клались первыя ячейки *организаціи*, въ этомъ не было сомнѣнія: первыя волокна, нити были замѣтны простому

глазу; изъ этихъ нитей, узловъ *могла* образоваться при тишинѣ и времени обширная ткань,—все это такъ, *но ея не было*... и каждый сильный ударъ грозилъ сгубить работу на цѣлое поколѣніе и разорвать начальныя кружева паутины.

Вотъ это-то я и сказалъ, отправивъ печатать письмо Комитета, Гиллеру и его товарищамъ, говоря имъ о несвоевременности ихъ возстанія. Падлевскій слишкомъ хорошо зналъ Петербургъ, чтобъ удивиться моимъ словамъ, хотя и *утверялъ меня*, что сила и развѣтвленія общества «Земли и Воли» идутъ гораздо дальше, чѣмъ мы думаемъ; но Гиллеръ призадумался.

— Вы думали,—сказалъ я ему улыбаясь,—что мы сильнѣе... Да, Гиллеръ, вы не ошиблись: сила у насъ есть большая и дѣятельная, но сила эта вся утверждаетъ на общественномъ мнѣніи, т. е. она можетъ сейчасъ улетучиться; мы сильны *сочувствіемъ* къ намъ, унисономъ съ своими. Организациі, которой бы мы сказали: «иди направо или налево»—*нѣтъ*.

— Да, любезный другъ... однакоже,—началъ Бакунинъ, хохлившій въ волненіи по комнатѣ...

— Что же, развѣ *есть*?—спросилъ я его и остановился.

— Ну, это какъ ты хочешь назвать; конечно, если взять внѣшнюю форму... это совсѣмъ не въ русскомъ характерѣ... Да видишь...

— Позволь же мнѣ кончить; я хочу пояснить Гиллеру, почему я такъ настаивалъ на словахъ. Если въ Россіи на нашемъ знамени не увидятъ *надѣлъ земли и волю провинціямъ*, то наше сочувствіе *вамъ не принесетъ никакой пользы, а насъ поубьетъ*, потому что вся наша сила въ одинаковомъ біеніи сердца; у насъ оно, можетъ, бьется посильнѣе и потому ушло секундой впередъ, чѣмъ у друзей нашихъ; но они связаны съ нами сочувствіемъ, а не службой!

— Вы будете нами довольны,—говорили Гиллеръ и Падлевскій. Черезъ день двое изъ нихъ отправились въ Варшаву, третій уѣхалъ въ Парижъ.

Наступило затишье передъ грозой. Время томное, тяжелое; въ которое все казалось, что туча пройдетъ, а она все приближалась; тутъ явился указъ о «подтасованномъ» наборѣ; это была послѣдняя капля; люди, еще останавливавшіеся передъ рѣшительнымъ и невозвратнымъ шагомъ, рвались на бой. Теперь и *бѣглецы* стали переходить на сторону движенія.

Пріѣхалъ опять Падлевскій. Подождали дня два. Наборъ не отиѣнялся. Падлевскій уѣхалъ въ Польшу.

Бакунинъ сѣбирался въ Стокгольмъ совершенно независимо отъ экспедиціи Лапинскаго, о которой тогда никто не думалъ. Мелькомъ явился Потебня и исчезъ вслѣдъ за Бакунинимъ.

Въ то же время, какъ Потебня, пріѣхаль черезъ Варшаву изъ Петербурга уполномоченный отъ «Земли и Воли» ¹⁾... Онъ съ негодованіемъ разсказывалъ, какъ поляки, пригласившіе его въ Варшаву, ничего не сдѣлали. Онъ былъ первый русскій, видѣвшій начало возстанія. Онъ разсказалъ объ убійствѣ солдатъ, о раненомъ офицерѣ, который былъ членомъ общества. Солдаты думали, что это предательство, и начали съ ожесточеніемъ бить поляковъ. Падлевскій, главный начальникъ въ Ковно, рвалъ волосы, но боялся ясно выступить противъ своихъ.

Уполномоченный былъ полонъ важности своей миссіи и пригласилъ насъ сдѣлаться *агентами* общества «Земли и Воли». Я отклонилъ это, къ крайнему удивленію не только Бакунина, но и Огарева... Я сказалъ, что мнѣ не нравится это битое французское названіе. Уполномоченный трактовалъ насъ такъ, какъ комиссары конвента 1793 г. трактовали генераловъ въ дальнихъ арміяхъ. Мнѣ и это не понравилось.

— А много васъ?—спросилъ я.

— Это трудно сказать... нѣсколько сотъ человѣкъ въ Петербургѣ и *тысячи три* въ провинціяхъ.

— Ты вѣришь?—спросилъ я потомъ Огарева.

Онъ промолчалъ.

— Ты вѣришь?—спросилъ я Бакунина.

— Конечно, *онъ* прибавилъ; ну, *нѣтъ теперь столько, какъ будутъ потомъ!*—и онъ расхохотался.

— Это другое дѣло.

— Въ томъ-то все и состоитъ, чтобъ поддержать слабыя начинанія; если-бъ они были крѣпки, они и не нуждались бы въ насъ,—замѣтилъ Огаревъ, въ этихъ случаяхъ всегда недовольный моимъ скептицизмомъ.

— Они такъ и должны бы были явиться передъ нами, откровенно слабыми, жаждущими дружеской помощи, а не предлагать глупое агентство.

— Это молодость,—прибавилъ Бакунинъ и уѣхалъ въ Швецію.

А вслѣдъ за нимъ уѣхалъ и Потебня. Удручительно горестно я простился съ нимъ; я ни одной секунды не сомнѣвался, что онъ прямо идетъ на гибель.

¹⁾ А. А. Слѣпцовъ. 47

...За нѣсколько дней до отъѣзда Бакунина пришелъ Мартьяновъ, блѣднѣе обыкновеннаго, печальнѣе обыкновеннаго; онъ сѣлъ въ углу и молчалъ. Онъ страдалъ по Россіи и носился съ мыслью о возвращеніи домой. Шелъ споръ о возстаніи. Мартьяновъ слушалъ молча, потомъ всталъ, собрался итти и вдругъ, остановившись передо мной, мрачно сказалъ мнѣ:

— Вы не сердитесь на меня, Александръ Ивановичъ: такъ ли, иначе ли, а «Колоколъ»-то вы порѣшили. Что вамъ за дѣло мѣшаться въ польскія дѣла? Поляки, можетъ, и правы, но ихъ дѣло шляхетное, не ваше. Не пожалѣли вы насъ, Богъ съ вами, Александръ Ивановичъ. Попомните, что я говорилъ. Я-то самъ не увижу,—я ворочусь домой. Здѣсь мнѣ нечего дѣлать.

— Ни вы не поѣдете въ Россію, ни «Колоколъ» не погибъ,— отвѣтилъ я ему.

Онъ молча ушелъ, оставляя меня подъ тяжелымъ гнетомъ второго пророчества и какого-то темнаго сознанія, что что-то ошибочное сдѣлано.

Мартьяновъ, какъ сказалъ, такъ и сдѣлалъ: онъ воротился весной 1863 и пошелъ умирать на каторгу, сосланный своимъ «земскимъ царемъ» за любовь къ Россіи, за вѣру въ него.

Къ концу 1863 года расходъ «Колокола» съ 2500—2000 сошелъ на 500 и ни разу не подымался далѣе 1000 экземпляровъ.

Шарлотта Кордэ ¹⁾ изъ Орля и Даніиль изъ крестьянъ ²⁾ были правы!

Писано въ концѣ 1865 въ Montreux и Лозаннѣ.

¹⁾ См. гл. X ч. VI.

²⁾ Мартьяновъ.

ГЛАВА XIV.

ПАРОХОДЪ «WARD JACKSON». R. WEATHERLEY & Co.

I.

Вотъ что случилось мѣсяца за два до польскаго возстанія. Одинъ полякъ, прїѣзжавшій не надолго изъ Парижа въ Лондонъ, Юсифъ Цверцякевичъ ¹⁾, по прїѣздѣ въ Парижъ былъ схваченъ и арестованъ вмѣстѣ съ Хмѣлинскимъ ²⁾ и Миловичемъ, о которомъ я упомянулъ при свиданіи съ членами ржонда.

Во всей арестаціи было много страннаго.

Хмѣлинскій прїѣхалъ въ десятомъ часу вечера; онъ никого не зналъ въ Парижѣ и прямо отправился на квартиру Миловича. Около одиннадцати явилась полиція.

— Вашъ пассъ,—спросилъ комиссаръ Хмѣлинскаго.

— Вотъ онъ,—и Хмѣлинскій подалъ исправно визированный пассъ на другое имя.

— Такъ, такъ,—сказалъ комиссаръ,—я зналъ, что вы подъ этимъ именемъ. Теперь вашъ портфель,—спросилъ онъ Цверцякевича.

Онъ лежалъ на столѣ. Онъ вынулъ бумаги, посмотрѣлъ и, передавая своему товарищу небольшое письмо съ надписью Э. А., прибавилъ:

— Вотъ оно!

¹⁾ Въ 1863 г. уполномоченный представитель въ Лондонѣ польскаго Временнаго Народнаго Правительства.

²⁾ Игнатій.

Всѣхъ трехъ арестовали, забрали у нихъ бумаги, потомъ выпустили. Дольше другихъ задержали Хмѣлинскаго. Для полицейскаго извѣстна имъ хотѣлось, чтобъ онъ назвался своимъ именемъ. Онъ имъ не сдѣлалъ этого удовольствія;—выпустили и его черезъ недѣлю.

Когда, годъ или больше спустя, прусское правительство дѣлало нелѣпѣйшій познанскій процессъ, прокуроръ въ числѣ обвинительныхъ документовъ представилъ бумаги, присланныя изъ русской полиціи и принадлежавшія Цверцякевичу. На возникшій вопросъ, какимъ образомъ бумаги эти очутились въ Россіи, прокуроръ спокойно объяснилъ, что, когда Цверцякевичъ былъ подъ арестомъ, нѣкоторыя изъ его бумагъ были сообщены французской полиціей русскому посольству.

Выпущеннымъ полякамъ велѣно было оставить Францію; они поѣхали въ Лондонъ. Въ Лондонѣ онъ самъ рассказывалъ мнѣ подробности ареста и, по справедливости, всего больше дивился тому, что комиссаръ зналъ, что у него есть письмо съ надписью Э. А. Письмо это изъ рукъ въ руки ему далъ Маццини и просилъ его вручить Этьенну Аристо.

— Говорили ли вы кому-нибудь о письмѣ?—спросилъ я.

— Никому, рѣшительно никому,—отвѣчалъ Цверцякевичъ.

— Это какое-то колдовство; не можетъ же пасть подозрѣніе ни на вась, ни на Маццини. Подумайте-ка хорошенько.

Цверцякевичъ подумалъ.

— Одно знаю я,—замѣтилъ онъ,—что я выходилъ на короткое время со двора и, помнится, портфель оставилъ въ незапертомъ ящикѣ.

— Clew, Clew! ¹⁾ Теперь позвольте, гдѣ вы жили?

— Тамъ-то, въ furnished apartments ²⁾.

— Хозяинъ англичанинъ?

— Нѣтъ, полякъ.

— Еще лучше. А имя его?

— Туръ; онъ занимается агрономіей.

— И многимъ другимъ, коли отдаетъ меблированныя квартиры. Тура этого я немного знаю. Слышали ли вы когда-нибудь исторію о нѣкоемъ Михаловскомъ?

— Такъ, мелькомъ.

— Ну, я вамъ расскажу ее. Осенью 57 года я получилъ черезъ Брюссель письмо изъ Петербурга. Незнакомая особа извѣ-

¹⁾ Нить, указаніе.

²⁾ Въ меблированныхъ комнатахъ.

шала меня со всѣми подробностями о томъ, что одинъ изъ сидѣльцевъ у Трюбнера, Михаловскій, предложилъ свои услуги III Отдѣленію шпионить за нами, требуя за трудъ 200 фунтовъ; что въ доказательство того, что онъ достоинъ и способенъ, онъ представлялъ списокъ лицъ, бывшихъ у насъ въ послѣднее время, и обѣщаль доставить образчики рукописей изъ типографіи. Прежде, чѣмъ я хорошенько обдумаль, что дѣлать, я получилъ *второе письмо* того же содержания черезъ домъ Ротшильда. Въ истинѣ свѣдѣнія я не имѣлъ ни малѣйшаго сомнѣнія. Михаловскій, полякъ изъ Галиціи, низкопоклонный, безобразный, пьяный, расторопный и говорившій на четырехъ языкахъ, имѣлъ всѣ права на званіе шпиона и ждалъ только случая pour se faire valoir ¹⁾. Я рѣшился ѣхать съ Огаревымъ къ Трюбнеру и уличить Михаловскаго, сбить на словахъ и, во всякомъ случаѣ, прогнать отъ Трюбнера. Для большей торжественности я пригласилъ съ собой Пянціани и двухъ поляковъ. Михаловскій былъ наглъ, гадокъ, запирался, говорилъ, что шпионъ—Наполеонъ Шестаковскій, *который жилъ съ нимъ* на одной квартирѣ... Вполовину я готовъ былъ ему вѣрить, т.-е., что и пріятель его шпионъ. Трюбнеру я сказалъ, что требую немедленной высылки его изъ книжной лавки Негодяй путался и не умѣлъ ничего серьезнаго привести въ свое оправданіе.

— Это все зависть, — говорилъ онъ;—у кого изъ нашихъ заведется хорошее пальто, сейчасъ другіе кричатъ: шпионъ!

— Отчего же, — спросилъ его Зено Свентославскій, — у тебя никогда не было хорошаго пальто, а тебя всегда считали шпиономъ? Всѣ захохотали.

— Да обидьтесь же, наконецъ, — сказалъ Чернецкій.

— Не первый, — сказалъ философъ, — имѣю дѣло съ такими безумными.

— Привыкли, — замѣтилъ Чернецкій.

— Мошенникъ вышелъ вонъ. Всѣ порядочные поляки оставили его, за исключеніемъ совсѣмъ спившихся игроковъ и совсѣмъ проигравшихся пьяницъ. Съ этимъ Михаловскимъ въ дружескихъ отношеніяхъ остался одинъ порядочный человѣкъ, и этотъ человѣкъ—вашъ хозяинъ Туръ.

— Да, это подозрительно. Я сейчасъ...

— Что сейчасъ? Дѣла теперь не поправите, а имѣйте этого человѣка въ виду. Какія у васъ доказательства?

Вскорѣ послѣ этого Цверцякевичъ былъ назначенъ ржондомъ въ свои дипломатическіе агенты въ Лондонъ. Пріѣздъ въ Парижъ

¹⁾ Чтобы заставить себя оцѣнить.

ему быть позволенъ; въ это время Наполеонъ чувствовалъ то пламенное участіе къ судьбамъ Польши, которое ей стоило цѣлаго поколѣнія и можетъ стоять всего будущаго.

Бакунинъ былъ уже въ Швеціи, знакомясь со всѣми, открывая пути въ «Землю и Волгу» черезъ Финляндію, слаживая посылку «Колокола» и книгъ и выдаясь съ представителями всѣхъ польскихъ партій. Принятый министрами и братомъ короля ¹⁾, онъ всѣхъ увѣрилъ въ неминуемомъ возстаніи крестьянъ и въ сильномъ волненіи умовъ въ Россіи; увѣрилъ тѣмъ больше, что самъ искренно *вѣрилъ*, если не въ такихъ размѣрахъ, то вѣрилъ въ растущую силу... Объ экспедиціи Лапинскаго тогда никто не думалъ. Цѣль Бакунина состояла въ томъ, чтобъ, устроивши все въ Швеціи, пробраться въ Польшу и Литву и стать во главѣ крестьянъ.

Цверцякевичъ возвратился изъ Парижа съ Демонтовичемъ ²⁾. Въ Парижѣ они и ихъ друзья придумали снарядить экспедицію на балтійскіе берега. Они искали парохода, искали дѣльнаго начальника и за тѣмъ пріѣхали въ Лондонъ. Вотъ какъ шла тайная негодіація дѣла.

Какъ-то получаю я записочку отъ Цверцякевича: онъ просилъ меня зайти къ нему на минуту, говорилъ, что очень нужно, и что самъ онъ распростудился и лежитъ въ злой мигрени. Я пошелъ. Дѣйствительно, засталъ его больнымъ и въ постели. Въ другой комнатѣ сидѣлъ Тхоржевскій. Зная, что Цверцякевичъ писалъ ко мнѣ и что у него есть дѣло, Тхоржевскій хотѣлъ выйти, но Цверцякевичъ остановилъ его, и я очень радъ, что есть живой свидѣтель нашего разговора.

Цверцякевичъ просилъ меня, оставя всѣ личныя отношенія и консидераціи, сказать ему по чистой совѣсти и, само собой разумѣется, въ глубочайшей тайнѣ объ одномъ польскомъ эмигрантѣ, рекомендованномъ ему Маццини и Бакунинимъ, но къ которому онъ полной вѣры не имѣеть.

— Вы его не очень любите, я это знаю, но теперь, когда дѣло идетъ первой важности, жду отъ васъ истины, всей истины...

— Вы говорите о Б. ³⁾?—спросилъ я.

— Да.

Я призадумался. Я чувствовалъ, что могу повредить чело-
вѣку, о которомъ, все-таки, не знаю ничего особенно дурного, и

¹⁾ Оскаръ-Фредерикъ.

²⁾ Иосифъ, сначала уполномочен. польскаго Центр. Комитета въ Познани, потомъ комиссаръ Литвы.

³⁾ Булевскій.

съ другой стороны, понималъ, какой вредъ принесу общему дѣлу, споря противъ совершенно вѣрной антипатіи Цверцякевича.

— Извольте, я вамъ скажу откровенно и все. Что касается до рекомендаціи Мащини и Бакунина, я ее совершенно отвожу. Вы знаете, какъ я люблю Мащини; но онъ такъ привыкъ изъ всякаго дерева рубить и изъ всякой глины лѣпить агентовъ и такъ умѣть ихъ въ итальянскомъ дѣлѣ ловко держать въ рукахъ, что на его мнѣніе трудно положиться. Къ тому же, употребляя все, что попало, Мащини знаетъ, до *какой степени* и что прѣручить. Рекомендація Бакунина еще хуже: это—большой ребенокъ, «большая Лиза», какъ его называлъ Мартыяновъ; ему всѣ нравятся. «Ловець челоувѣковъ», онъ такъ радуется, когда ему попадется «красный» да притомъ славянинъ, что онъ далѣе не идетъ. Вы помянули о моихъ личныхъ отношеніяхъ къ Бул.; слѣдуетъ же сказать и объ этомъ. Л. З. ¹⁾ и Б. хотѣли меня эксплуатировать; инициатива дѣла принадлежала не ему, а З. Имъ не удалось, они разсердились, и я все это давно бы забылъ, но они стали между Ворцелемъ и мной, и этого я имъ не прощаю. Ворцеля я очень любилъ, но, слабый здоровьемъ, онъ подчинился имъ и только спохватился (или признался, что спохватился) за день до кончины. Умирающей рукой сжимая мою руку, онъ шепталъ мнѣ на ухо: «Да, вы были правы» (но свидѣтелей не было, а на мертвыхъ ссылаться легко). Затѣмъ, вотъ вамъ мое мнѣніе: перебирая все, я не нахожу *ни одною поступка, ни одною слова даже*, который бы заставлялъ подозрѣвать политическую честность Б.; но я бы не замѣшалъ его ни въ какую серьезную тайну. Въ моихъ глазахъ онъ — избалованный фразеръ, наполненный, безмѣрно высокомерный, желающій, во что бы то ни стало, играть роль, если же она ему не выпадетъ, онъ все сдѣлаетъ, чтобъ испортить нѣсу Цверцякевичъ привсталъ. Онъ былъ блѣденъ и озабоченъ.

— Да, вы у меня сняли камень съ груди; *если не поздно* теперь, я все сдѣлаю.—Взволнованный Цверцякевичъ сталъ ходить по комнатѣ. Я ушелъ вскорѣ съ Тхоржевскимъ.

— Слышали вы весь разговоръ? — спросилъ я у него, идучи.

— Слышалъ.

— Я очень радъ; не забывайте его; можетъ, придетъ время, когда я сошлюсь на васъ... А знаете что? мнѣ кажется, онъ ему *все сказалъ* да потомъ и догадался повѣрить свою антипатію.

— Безъ всякаго сомнѣнія.—И мы чуть не расхохотались, не смотря на то, что на душѣ было во все не смѣшно.

¹⁾ Леонъ Земковичъ.

1-ое нравоученіе.

...Недѣли черезъ двѣ Цверцякевичъ вступилъ въ переговоры съ Блевкудъ-компаніей пароходства о наймѣ парохода для экспедиціи на Балтику.

— Зачѣмъ же, — спрашивали мы, — вы адресовались именно къ той компаніи, которая десятки лѣтъ исполняетъ всѣ комиссіи по части судоходства для петербургскаго адмиралтейства?

— Это мнѣ самому не такъ нравится, но компанія такъ хорошо знаетъ Балтійское море; къ тому же она слишкомъ заинтересована, чтобъ выдать насъ, да и это не въ англійскихъ нравахъ.

— Все такъ, да какъ вамъ въ голову пришло обратиться именно къ ней?

— Это сдѣлалъ нашъ комиссіонеръ.

— То-есть?

— Туръ.

— Какъ? тотъ Туръ?..

— О, насчетъ его можно быть покойнымъ. Его самымъ лучшимъ образомъ намъ рекомендовалъ Б.

У меня на минуту вся кровь бросилась въ голову. Я смѣшался отъ чувства негодованія, обшества, оскорбленія, да, да, личного оскорбленія.. А делегатъ Рѣчи Посполитой, ничего не замѣчавшій, продолжалъ:

— Онъ превосходно знаетъ по-англійски, — и языкъ, и законодательство.

— Въ этомъ я не сомнѣваюсь. Туръ какъ-то сидѣлъ въ тюрьмѣ въ Лондонѣ за какія-то не совсѣмъ ясныя дѣла и употреблялся присяжнымъ переводчикомъ въ судѣ.

— Какъ такъ?

— Вы спрѣсите у Б. или у Михаловскаго. Вы не знакомы съ нимъ?

— Нѣтъ.

— Каковъ Туръ! Занимался земледѣліемъ, а теперь занимается вододѣліемъ.

Но общее вниманіе обратилъ на себя взошедшій начальникъ экспедиціи полковникъ Лапинскій.

II.

Lapinski-colonel.—Poles-aide de camp. ¹⁾

Въ началѣ 1863 года я получилъ письмо, написанное мелко, необыкновенно каллиграфически и начинавшееся текстомъ «*Sinite venire parvulus*» ²⁾. Въ самыхъ изысканно льстивыхъ, стелящихся выраженіяхъ просилъ у меня *parvulus*, называвшійся Poles, позволенія пріѣхать ко мнѣ. Письмо мнѣ очень не понравилось. Онъ самъ — еще меньше. Низкопоклонный, тихій, вкрадчивый, бритый, напомаженный, онъ мнѣ разсказалъ, что былъ въ Петербургѣ въ театральной школѣ и получилъ какой-то пансіонъ, прикидывался сильно полякомъ и, просидѣвши четверть часа, сообщилъ мнѣ, что онъ изъ Франціи, что въ Парижѣ тоска и что тамъ узелъ всѣмъ бѣдамъ, а узелъ узловъ—Наполеонъ.

— Знаете ли, что мнѣ приходило часто въ голову, и я больше и больше убѣждаюсь въ вѣрности этой мысли? Надобно рѣшиться убить Наполеона.

— За чѣмъ же дѣло стало?

— Да вы какъ объ этомъ думаете?—спросилъ *parvulus*, нѣсколько смутившись.

Я никакъ. Вѣдь, это вы думаете...

И тотчасъ разсказалъ ему исторію, которую я всегда употребляю въ случаяхъ кровавыхъ бредней и совѣщаній о нихъ.

— Вы, вѣрно, знаете, что Карла V водилъ въ Римѣ по Пантеону пажъ. Пришедши домой, онъ сказалъ отцу, что ему пришла въ голову мысль столкнуть императора съ верхней галлерей внизъ. Отецъ взбѣсился. «Вотъ... (тутъ я варьирую крѣпкое слово, соображаясь съ характеромъ цареубійцы *in spe... неюдяй, мошенникъ, дуракъ...*) такой ты, сякой! Какъ могутъ такія преступныя мысли приходиться въ голову!? И если могутъ, то ихъ иногда *исполняютъ*, но никогда объ этомъ *не говорятъ!*» ³⁾

¹⁾ Лапинскій-полковникъ. Полесь-адъютантъ.

²⁾ Пустите дѣтей и не препятствуйте имъ приходиться ко мнѣ (Ев. отъ Матвея, 19, 14)

³⁾—Я къ вамъ пришелъ спросить совѣта,—сказалъ мнѣ одинъ юный грузинъ, похожій на молодого тигра... снаружи ⁶⁾. Я хочу поколотить Скаргина ⁰⁰⁾...

— Вы, вѣрно, знаете, что Карла V...

— Знаю, знаю! Бога ради не разсказывайте — и тигръ съ млекоомъ въ жилахъ ушелъ.—А. И. Г.

⁶⁾ Вѣроятно, Н. Я. Николадзе.

⁰⁰⁾ Редакторъ-издатель реакціонной «Вѣсти».

Когда Полесь ушелъ, я рѣшилъ его не пускать больше. Черезъ недѣлю онъ встрѣтился со мной близъ моего дома, говорилъ, что два раза былъ и не засталъ, потолковалъ какой-то вздоръ и прибавилъ:

— Я, между прочимъ, заходилъ къ вамъ, чтобъ сообщить, какое я сдѣлалъ изобрѣтеніе, чтобъ по почтѣ сообщить что-нибудь тайное. напр., въ Россію. Вамъ, вѣрно, случается часто необходимость что-нибудь сообщать?

— Совсѣмъ напротивъ, никогда. Я, во обще, ни къ тому тайно не пишу. Будьте здоровы.

— Прощайте. Помните, когда вамъ или Огареву захочется послушать кой-какой музыки: я и моя виолончель къ вашимъ услугамъ.

— Очень благодаренъ.

И я потерялъ его изъ виду съ полной увѣренностью, что это — шпионъ, — русскій ли, французскій ли, я не зналъ, можетъ, интернаціональный, какъ «Nord» — журналъ международный.

Въ польскомъ обществѣ онъ никогда не являлся, и его никто не зналъ.

Послѣ долгихъ исканій, Демонтовичъ и парижскіе друзья его остановились на полковникѣ Лапинскомъ ¹⁾, какъ на способнѣйшемъ военномъ начальникѣ экспедиціи. Онъ былъ долго на Кавказѣ со стороны черкесовъ и такъ хорошо зналъ войну въ горахъ, что о морѣ и говорить было нечего. Дурнымъ выбора назвать нельзя.

Лапинскій былъ въ полномъ словѣ кондотьеръ. Твердыхъ политическихъ убѣжденій у него не было никакихъ. Онъ могъ идти съ «бѣлыми» и «красными», съ чистыми и грязными; принадлежа по рожденію къ галиційской шляхтѣ, по воспитанію — къ австрійской арміи, онъ сильно тянулъ къ Вѣнѣ. Россію и все русское онъ ненавидѣлъ дико, безумно, неисправимо. Ремесло свое, вѣроятно, онъ зналъ, велъ долго войну и написалъ замѣчательную книгу о Кавказѣ ²⁾.

— Какой случай разъ былъ со мной на Кавказѣ, — рассказывалъ Лапинскій. — Русскій майоръ, поселившійся съ цѣлою усадьбой своей недалеко отъ насъ, не знаю, какъ и за что, захватилъ нашихъ людей. Узнаю я объ этомъ и говорю своимъ: что же это? стыдъ и срамъ; васъ, какъ бабъ, крадутъ! Ступайте въ усадьбу и

¹⁾ Теофиль.

²⁾ Theoph. Lapinski «Die Bergvölker des Kaukasus und ihr Freiheitskampf gegen die Russen», Hamburg, 1863.

берите что попало и тащите сюда. Горцы, знаете, — имъ ненужно много толковать. На другой или третій день привели мнѣ всю семью: и слугъ, и жену, и дѣтей, самого маіора дома не было. Я послалъ повѣстить, что, если нашихъ людей отпустятъ да такой-то выкупъ, то мы сейчас доставимъ плѣнныхъ. Разумѣется, нашихъ прислали, разсчитались, и мы отпустили московскихъ гостей. На другой день приходитъ ко мнѣ черкесь. «Вотъ, говоритъ, что случилось; мы, говоритъ, вчера, какъ отпускали русскихъ, забыли мальчика лѣтъ четырехъ: онъ спалъ, такъ и забыли. Какъ же быть?» — Ахъ вы, собаки, не умѣете ничего сдѣлать въ порядкѣ. Гдѣ ребенокъ? — У меня; кричалъ, кричалъ, ну, я сжалился и взялъ его». — Видно, тебѣ Аллахъ счастье послалъ; мѣшать не хочу. Дай туда знать, что они ребенка забыли, а ты его нашель; ну, и спрашивай выкупа. — У моего черкеса такъ глаза и разгорѣлись. Разумѣется, мать, отецъ въ тревогѣ дали все, что хотѣлъ черкесь. Пресмѣшной случай.

— Очень.

Вотъ черта для характеристики будущаго героя въ Самогитіи.

Передъ своимъ отправленіемъ Лапинскій заѣхалъ ко мнѣ. Онъ взошелъ не одинъ и, нѣсколько озадаченный выраженіемъ моего лица, поспѣшилъ сказать:

— Позвольте вамъ представить моего адъютанта.

— Я уже имѣлъ удовольствіе съ нимъ встрѣчаться.

Это былъ Полесь.

— Вы его хорошо знаете? — спросилъ Огаревъ у Лапинскаго наединѣ.

— Я его встрѣтилъ въ томъ же Boarding House'ѣ, гдѣ теперь живу; онъ, кажется, славный малый и расторопный.

— Да вы увѣрены ли въ немъ?

— Конечно. Къ тому же онъ отлично играетъ на віолончели и будетъ насъ тѣшить во время плаванья...

Онъ, говорятъ, тѣшилъ полковника и кой-чѣмъ другимъ...

Мы впоследствии сказали Демонтовичу, что для насъ Полесь очень подозрительное лицо.

Демонтовичъ замѣтилъ:

— Да я *или обоимъ* не очень вѣрю, но шалить они не будутъ. И онъ вынулъ револьверъ изъ кармана.

Приготовленія шли тихо; слухъ объ экспедиціи все больше и больше распространялся. Компания дала сначала пароходъ, оказавшійся негоднымъ по осмотру хорошаго моряка, графа Сапѣги. Надобно было начать перегрузку. Когда все было готово, и часть Лондона знала обо всемъ, случилось слѣдующее. Цверцякевичъ и Демон-

товичъ повѣстили всѣхъ участниковъ экспедиціи, чтобъ они собирались къ десяти часамъ на такомъ-то амбаркадерѣ желѣзной дороги, чтобъ ѣхать до Гулля въ особомъ train, который давала имъ компанія. И вотъ, къ десяти часамъ стали собираться будущіе воины. Въ ихъ числѣ были итальянцы и нѣсколько французовъ; бѣдные, отважные люди... люди, которымъ надоѣла ихъ доля въ бездомномъ скитаніи, и люди, истинно любившіе Польшу. И 10 и 11 часовъ проходятъ, но train'a нѣтъ, какъ нѣтъ. По домамъ, изъ которыхъ таинственно вышли наши герои, мало-по-малу стали распространяться слухи о дальнемъ пути... и часовъ въ 12 къ будущимъ бойцамъ въ сѣняхъ амбаркадера присоединилась стая женщинъ, неутѣшныхъ Дидонъ, оставленныхъ свирѣпыми поклонниками, и свирѣпыхъ хозяекъ домовъ, которымъ они не заплатили, вѣроятно, чтобъ не дѣлать огласки. Растрепанныя и нечистыя, онѣ кричали, хотѣли жаловаться въ полицію; у нѣкоторыхъ были дѣти; всѣ они кричали, и всѣ матери кричали. Англичане стояли кругомъ и съ удивленіемъ смотрѣли на картину «исхода». Напрасно старшіе изъ ѣхавшихъ спрашивали, скоро ли пойдетъ особый train, показывали свои билеты: служителя желѣзной дороги не слышали ни о какомъ train'ѣ. Сцена становилась шумнѣе и шумнѣе... Какъ вдругъ прискакалъ гонецъ отъ шефовъ сказать ожидавшимъ, что они всѣ съ ума сошли, что отъѣздъ вечеромъ въ 10, а не утромъ, и что это до того понятно, что они и не написали. Пошли съ узелками и котомочками къ своимъ оставленнымъ Дидонамъ и смягченнымъ хозяйкамъ бѣдные воины...

Въ 10 часовъ вечера они уѣхали. Англичане имъ даже прокричали три раза «ура» ¹⁾).

На другой день утромъ, рано пріѣхалъ ко мнѣ знакомый морской офицеръ съ одного изъ русскихъ пароходовъ. Пароходъ получилъ вечеромъ приказъ утромъ выступить на всѣхъ парахъ и слѣдить за «Ward Jackson'омъ».

Между тѣмъ «Ward Jackson» остановился въ Копенгагенѣ за водой, прождалъ нѣсколько часовъ въ Мальмэ Бакунина, собиравшагося съ ними для поднятія крестьянъ въ Литвѣ, и былъ захваченъ, по приказанію шведскаго правительства.

Подробности дѣла и второй попытки Лапинскаго рассказаны были имъ самимъ въ журналахъ. Я прибавлю только то, что капитанъ уже въ Копенгагенѣ сказалъ, что онъ пароходъ къ русскому берегу не поведетъ, не желая его и себя подвергнуть опасности; что еще до Мальмэ доходило до того, что Демонтовичъ

¹⁾ Отношеніе Герцена къ проводамъ выражено въ № 2080.

пригрозилъ своимъ револьверомъ не Лапинскому, а капитану. Съ Лапинскимъ Демонтовичъ, все-таки, поссорился, и они заклятыми врагами поѣхали въ Стокгольмъ, оставляя несчастную команду въ Мальмэ.

— Знаете ли вы,—сказалъ мнѣ Цаерцякевичъ или кто-то изъ близкихъ ему,—что во всемъ этомъ дѣлѣ остановки въ Мальмэ станбится всего подозрительнѣе лицо Тугендгольда?

— Я его вовсе не знаю. Кто это?

— Ну, какъ не знаете. Вы его видѣли у насъ: молодой малый безъ бороды. Лапинскій былъ разъ у насъ съ нимъ.

— Вы говорите, стало, о Полесѣ?

— Это—его псевдонимъ; настоящее имя его Тугендгольдъ.

— Что вы говорите?!—и я бросился къ моему столу.

Между отложенными письмами особенной важности я нашель одно, присланное мнѣ мѣсяца два передъ тѣмъ. Письмо это было изъ Петербурга; оно предупреждало меня, что нѣкій докторъ Тугендгольдъ состоитъ въ связи съ III Отдѣленіемъ; что онъ возвратился, но оставилъ своимъ агентомъ меньшого брата; что меньшой братъ долженъ ѣхать въ Лондонъ.

Что Полесъ и онъ былъ одно лицо, въ этомъ сомнѣнія не могло быть. У меня опустились руки.

— Знали вы передъ отъѣздомъ экспедиціи, что Полесъ былъ Тугендгольдъ?

— Зналъ. Говорили, что онъ перемѣнилъ свою фамилію, потому что въ краѣ его брата знали за шпиона.

— Что же вы мнѣ не сказали ни слова?

— Да такъ, не пришлось.

И Селифанъ Чичикова зналъ, что брѣвко сломана, а сказать не сказалъ...

Пришлось телеграфировать послѣ захвата въ Мальмэ. И тутъ ни Демонтовичъ, ни Бакунинъ ¹⁾ не умѣли ничего порядкомъ сдѣлать,—перессорились. Полеса сажали въ тюрьму за какіе-то брильянты, собранные у шведскихъ дамъ для поляковъ и употребленные на купежъ. ⁴⁸

Въ то самое время, какъ толпа вооруженныхъ поляковъ, бездна дорого купленного оружія и «Ward Jackson» оставались почетными плѣнниками на берегу Швеціи, собиравась другая экс-

¹⁾ Демонтовичъ, послѣ долгихъ споровъ съ Бакунинимъ, говорилъ: «а, вѣдь, это, госнода, какъ ни тяжело съ русскимъ правительствомъ, а, все же, наше положеніе при немъ лучше, чѣмъ то, которое намъ приготовитъ эти фанатики-соціалисты». А. И. Г.

педиція, снаряженная *большими*; она должна была идти через Гибралтарскій проливъ. Ее велъ графъ Сбышевскій, братъ того, который писалъ замѣчательную брошюру «La Pologne et la cause de l'ordre». Отличный морской офицеръ, бывший въ русской службѣ, онъ ее бросилъ, когда началось возстаніе, и теперь велъ тайно снаряженный пароходъ въ Черное море. Для переговоровъ онъ ѣздилъ въ Туринъ, чтобъ тамъ секретно видѣться съ начальниками тогдашней оппозиціи и, между прочимъ, съ Мордини.

«На другой день послѣ моего свиданія съ Сбышевскимъ,—разсказывалъ мнѣ самъ *Мордини*,—вечеромъ, въ палатѣ министръ внутреннихъ дѣлъ отвелъ меня въ сторону и сказалъ: «Пожалуйста, будьте осторожнѣе; у васъ вчера былъ польскій эmissаръ, который хочетъ провести пароходъ черезъ Гибралтарскій проливъ; какъ бы дѣло ни было, да зачѣмъ же они прежде болтаютъ?».

Пароходъ, впрочемъ, и не дошелъ до береговъ Италіи: онъ былъ захваченъ въ Кадиксѣ испанскимъ правительствомъ. По минованіи надобности, оба правительства дозволили полякамъ продать оружіе и отпустили пароходы.

Огорченный и раздосадованный пріѣхалъ Лапинскій въ Лондонъ. «Остается одно,—говорилъ онъ,—составить общество убійцъ и перебить большую часть всѣхъ царей и ихъ совѣтниковъ... или ѣхать опять на Востокъ, въ Турцію»...

Огорченный и раздосадованный пріѣхалъ Сбышевскій.

— Что же, и вы битъ королей, какъ Лапинскій?

— Нѣтъ, поѣду въ Америку... буду драться за республику.

Кстаги,—спросилъ онъ Тхоржевскаго,—гдѣ здѣсь можно завербоваться? со мной нѣсколько товарищей и всѣ безъ куска насущнаго хлѣба.

— Просто ѣ консула.

— Да нѣтъ, мы хотѣли на югъ: у нихъ теперь недостатокъ въ людяхъ, и они предлагаютъ болѣе выгодныя условія.

— Не можетъ быть, вы не пойдете на югъ?!)

По счастью, Тхоржевскій отгадалъ: на югъ они не пошли! ⁴³

2) Южные штаты отстаивали рабство черныхъ.

ГЛАВА XV.

PATER V. PETCHERINE.

— Вчера я видѣлъ Печерина.

Я вздрогнулъ при этомъ имени.

— Какъ,—спросилъ я,—*того* Печерина? онъ здѣсь?

— Кто, reverend ¹⁾ Petcherine? Да, онъ здѣсь?

— Гдѣ же онъ?

— Въ фезуитскомъ монастырѣ С. Мэри Чепель въ Клапамѣ.

Reverend Petcherine!.. И этотъ грѣхъ лежитъ на Николаѣ. Я Печерина лично не зналъ, но слышалъ объ немъ очень много отъ Рѣдкина, Крюкова, Грановскаго. Молодымъ доцентомъ возвратился онъ изъ-за границы на кафедру греческаго языка въ московскомъ университетѣ; это было въ одну изъ самыхъ томныхъ эпохъ, между 1835 и 1840. Мы были въ ссылкѣ, молодые профессора еще не приѣзжали, «Телеграфъ» былъ запрещенъ, «Европеецъ» былъ запрещенъ, «Телескопъ» запрещенъ, Чаадаевъ объявленъ сумасшедшимъ:

Только послѣ 1848 года терроръ въ Россіи пошелъ еще дальше.

Но угорѣлое самовластіе послѣднихъ лѣтъ николаевскаго царствованія явнымъ образомъ было *пятью двѣнадцатью*. Тутъ уже становилось замѣтно, что не только что-то ломить и губить, но что-то само ломится и гибнетъ; слышно было, какъ полъ трещить,—но подъ разсѣдающимся сводомъ.

Въ тридцатыхъ годахъ, совсѣмъ напротивъ, опьяненіе власти шло обычнымъ порядкомъ, будничнымъ шагомъ; кругомъ глушь, молчаніе, все было безотвѣтно, безчеловѣчно, безнадежно и при-

¹⁾ Его преподобіе.

томъ чрезвычайно плоско, глупо и мелко. Взоръ, искавшій сочувствія, встрѣчалъ лакейскую угрозу или испугъ, отъ него отворачивались или оскорбляли его.

Печеринъ задыхался въ этомъ неаполитанскомъ гротѣ рабства; имъ овладѣлъ ужасъ, тоска; надобно было бѣжать, бѣжать, во что бы то ни стало, изъ этой проклятой страны. Для того, чтобы уѣхать, надобны деньги. Печеринъ сталъ давать уроки, свелъ свою жизнь на одно крайне необходимое, мало выходилъ, миновалъ товарищескія сходки и, накопивши немного денегъ, уѣхалъ ¹⁾).

Черезъ нѣкоторое время онъ написалъ гр. С. Строганову письмо; онъ увѣдомлялъ его о томъ, что онъ не воротится больше. Благодаря его, прощаясь съ нимъ, Печеринъ говорилъ о невыносимой духотѣ, отъ которой онъ бѣжалъ, и заклиналъ его *беречь* молодыхъ профессоровъ, обреченныхъ своимъ развитіемъ на тѣ же страданія, быть ихъ щитомъ отъ ударовъ грубой силы.

Строгановъ показывалъ это письмо многимъ изъ профессоровъ.

Москва на нѣкоторое время замолкла объ немъ, и вдругъ ²⁾ мы услышали, съ какимъ-то безконечно тяжелымъ чувствомъ, что Печеринъ сдѣлался іезуитомъ ³⁾, что онъ на искусь въ монастырѣ. Бѣдность, безучастіе, одиночество сломили его, я перечитывалъ его «Торжество смерти» и спрашивалъ себя, неужели этотъ человекъ можетъ быть католикомъ, іезуитомъ? Вѣдь, онъ уже ушелъ изъ царства, въ которомъ *исторія дѣлается* подъ палкой квартальнаго и подъ надзоромъ жандарма. Зачѣмъ же ему такъ скоро зандобилась другая власть, другое указаніе?

Разобщеннымъ показался себѣ, сирымъ русскій человекъ въ сортированномъ и по горло занятомъ Западѣ; ему было слишкомъ безродно. Когда веревка, на которой онъ былъ привязанъ, порвалась, и судьба его, вдругъ отрѣшенная отъ всякаго внѣшняго направленія, попала въ его собственныя руки, онъ не зналъ, что дѣлать, не умѣлъ съ ней управляться и, сорвавшись съ орбиты, безъ цѣли и границъ, упалъ въ іезуитскій монастырь!

На другой день, часа въ два, я отправился въ St. Mary Chapel. Тяжелая, дубовая дверь заперта.—Я стукнулъ три раза кольцомъ; дверь отворилась, и явился тощій молодой человекъ лѣтъ восемнадцати, въ монашескомъ подрясникѣ; въ рукахъ у него былъ молитвенникъ.

¹⁾ Въ іюнѣ 1836 года.

²⁾ Въ концѣ 1840 года.

³⁾ Редemptористомъ; дѣятельность ордена носить характеръ практической и демократической, что его и отличаетъ отъ іезуитовъ, мастеровъ научнаго богословія и пропаганды среди вліятельныхъ слоевъ общества.

— Кого вамъ?—спросилъ братъ-привратникъ по-англійски.

— Reverend Father Petcherine ¹⁾).

— Позвольте ваше имя.

— Вотъ карточка и письмо.

Въ письмѣ я вложилъ объявленіе о Русской типографіи.

— Взойдите,—сказалъ молодой человѣкъ, запирая снова за мною дверь.—Подождите здѣсь,—и онъ указалъ въ обширныхъ сѣняхъ на два-три фольшихъ стула со старинной рѣзбой.

Минуть черезъ пять братъ-привратникъ возвратился и сказалъ мнѣ съ небольшимъ акцентомъ по-французски, что *le père Petcherine sera enchanté de me recevoir dans un instant* ²⁾).

Послѣ этого онъ повелъ меня черезъ какой-то рефекторій въ высокую, небольшую комнату, слабо освѣщенную, и снова просилъ сѣсть. На стѣнѣ было высѣченное изъ камня распятіе и, если не ошибаюсь, съ другой стороны также Богородица. Кругомъ тяжелаго массивнаго стола стояли большіе деревянные кресла и стулья. Противоположная дверь вела сѣнями въ обширный садъ; его свѣтская зелень и шумъ листьевъ были какъ-то не на мѣстѣ.

Братъ-привратникъ показалъ мнѣ на стѣнѣ надпись; въ ней было сказано, что *reverend fathers* принимаютъ имѣющихъ въ нихъ нужду отъ 4 до 6 часовъ. Еще не было четырехъ.

— Вы, кажется, не англичанинъ и не французъ?—спросилъ я его, вслушиваясь въ его акценты.

— Нѣтъ.

— *Sind sie ein Deutscher?* ³⁾

— О, nein, mein Herr, — отвѣчалъ онъ, улыбаясь, — *ich bin beinah Ihr Landsmann, ich bin ein Pole* ⁴⁾).

Ну, брата-привратника выбрали не дурно: онъ говорилъ на четырехъ языкахъ. Я сѣлъ, онъ ушелъ; странно мнѣ было видѣть себя въ этой обстановкѣ. Черныя фигуры прохаживались въ саду, человѣка два въ полумонашескомъ платьѣ прошли мимо меня; они серьезно, но учтиво, кланялись, глядя въ землю, я всякій разъ вставалъ и также серьезно откланивался имъ. Наконецъ, вышелъ, небольшой ростомъ, очень пожилой, священникъ въ граненой шапкѣ и во всемъ одѣяніи, въ которомъ священники ходятъ въ монастыряхъ. Онъ шелъ прямо ко мнѣ, шурстя своей сутаной, и спросилъ меня чистѣйшимъ французскимъ языкомъ:

¹⁾ Досточтимаго отца Печерина.

²⁾ Отецъ Печеринъ будетъ въ восторгѣ принять меня черезъ минуту.

³⁾ Вы нѣмецъ?

⁴⁾ О, нѣтъ, сударь, я—почти вашъ землякъ; я—полякъ.

— Вы желали видѣть Печерина?

Я отвѣчалъ, что я.

— Чрезвычайно радъ вашему посѣщенію,—сказалъ онъ, протягивая руку,—сдѣлайте одолженіе, присядьте.

— Извините,—сказалъ я, нѣсколько смѣшавшись, что не узналъ его; мнѣ въ голову не приходило, что встрѣчу его костюмированнаго,—ваше платье...

Онъ слегка улынулся и тотчасъ продолжалъ:

— Давно не слыхалъ я никакой вѣсти о родномъ краѣ, объ нашихъ, объ университетѣ; вы, вѣроятно, знали Рѣдкина и Крюкова.

Я смотрѣлъ на него. Лицо его было старо, старше лѣтъ; видно было, что подъ этими морщинами много прошло, и прошло (tout de bon ¹⁾), т.-е. умерло, оставивъ только свои надгробные слѣды въ чертахъ. Искусственный клерикальный покой, которымъ особенно монахи, какъ сулемой, заморяютъ цѣлые сердца и умы, былъ уже и въ его рѣчи и во всѣхъ движеніяхъ. Католическій священникъ всегда сбивается на вдову: онъ такъ же въ траурѣ и въ одиночествѣ, онъ такъ же вѣренъ чему-то, чего нѣтъ, и утоляетъ настоящія страсти раздраженіемъ фантазіи.

Когда я ему рассказалъ объ общихъ знакомыхъ и о кончинѣ Крюкова, при которой я былъ, о томъ, какъ его студенты несли черезъ весь городъ на кладбище, потомъ объ успѣхахъ Грановскаго, объ его публичныхъ лекціяхъ,—мы оба какъ-то призадумались. Что происходило въ черепѣ подъ граненой шапкой, не знаю, но Печеринъ снялъ ее, какъ будто, она ему тяжела была на эту минуту, и поставилъ на столъ. Разговоръ не шелъ.

— Sortons un peu au jardin,—сказалъ Печеринъ,—le temps est si beau, et c'est si rare à Londres ²⁾.

— Avec le plus grand plaisir ³⁾. Да скажите, пожалуйста, для чего же мы съ вами говоримъ по-французски?

— И то! Будемте говорить по-русски; я думаю, что уже совсѣмъ разучился.

Мы вышли въ садъ. Разговоръ снова перешелъ къ университету и Москвѣ.

— О,—сказалъ Печеринъ,—что это было за время, когда я оставилъ Россію,—безъ содроганія не могу вспомнить.

— Подумайте же, что теперь дѣлается; нашъ Саулъ совсѣмъ

¹⁾ Не на шутку.

²⁾ Выйдемъ на минутку въ садъ, погода такъ прекрасна, а это такъ рѣдко бываетъ въ Лондонѣ.

³⁾ Съ величайшимъ удовольствіемъ.

сошелъ съ ума послѣ 1848.—И я ему передалъ нѣсколько гнуснѣйшихъ фактовъ.

— Бѣдная страна, особенно для меньшинства, получившаго несчастный даръ образованія. А, вѣдь, какой добрый народъ; я часто вспоминаю нашихъ мужиковъ, когда бываю въ Ирландіи: они чрезвычайно похожи; кельтійскій землепашецъ — такой же ребенокъ, какъ нашъ. Побывайте въ Ирландіи, вы сами убѣдитесь въ этомъ.

Такъ длился разговоръ съ полчаса; наконецъ, собираясь оставить его, я сказалъ ему:

— У меня есть просьба къ вамъ.

— Что такое? Сдѣлайте одолженіе.

— У меня были въ рукахъ въ Петербургѣ нѣсколько вашихъ стихотвореній; въ числѣ ихъ есть трилогія «*Паликратъ Самосскій*», «*Торжество смерти*» и еще что-то; нѣтъ ли у васъ ихъ, или не можете ли вы мнѣ ихъ дать?

— Какъ это вы вспомнили такой вздоръ. Это — незрѣлыя, ребяческія произведенія иного времени и иного настроенія.

— Можетъ, — замѣтилъ я, улыбаясь, — *поэтому-то* они мнѣ и нравятся. Да есть они у васъ или нѣтъ?

— Нѣтъ, гдѣ же!.

— И продиктовать не можете?

— Нѣтъ, нѣтъ, совсѣмъ нѣтъ.

— А если я ихъ найду гдѣ-нибудь въ Россіи, печатать позволите?

— Я, право, на эти ничтожныя произведенія смотрю, точно будто другой писалъ; мнѣ до нихъ дѣла нѣтъ, какъ больному до бреда послѣ выздоровленія.

— Коли вамъ дѣла нѣтъ, стало, я могу печатать ихъ, положимъ, безъ имени?

— Неужели эти стихи вамъ нравятся до сихъ поръ?

— Это мое дѣло; вы мнѣ скажите, позволяете мнѣ ихъ печатать или нѣтъ?

Прямого отвѣта онъ и тутъ не далъ; я пересталъ приставать.

— А что же, — спросилъ Печеринъ, когда я прощался, — вы мнѣ не привезли ничего изъ вашихъ публикацій? Я помню, въ журналахъ говорили, года три тому назадъ, объ одной книгѣ, изданной вами, кажется, на нѣмецкомъ языкѣ.

— Ваше платье, — отвѣчалъ я, — скажетъ вамъ, по какимъ соображеніямъ я не долженъ былъ привезти ее; примите это съ моей стороны за знакъ уваженія и деликатности.

— Мало вы знаете нашу терпимость и нашу любовь: мы мо-

жемъ скорбѣть о заблужденіи, молиться объ исправленіи, желать его и во всякомъ случаѣ любить человѣка.

Мы разстались.

Онъ не забылъ ни книги, ни моего отвѣта и дня черезъ три написалъ, ко мнѣ слѣдующее письмо по-французски:

J. M. J. A. ¹⁾.

St. Mary's, Clapham, 11 апрѣля 1853 г.

«Я не могу скрыть отъ васъ той симпатіи, которую возбуждаетъ въ моемъ сердцѣ слово свободы, — свободы для моей несчастной родины! Не сомнѣвайтесь ни на минуту въ искренности моего желанія возрожденія Россіи. При всемъ этомъ я далеко не во всемъ согласенъ съ вашей программой. Но это ничего не значитъ. Любовь католическаго священника обнимаетъ всѣ мнѣнія и всѣ партіи. Когда ваши драгоценнѣйшія упованія обманутъ васъ, когда силы міра сего поднимутся на васъ, вамъ еще останется вѣрное убожище въ сердцѣ католическаго священника: въ немъ вы найдете дружбу безъ притворства, сладкія слезы и миръ, который свѣтъ не можетъ вамъ дать. Пріѣзжайте ко мнѣ, любезный соотечественникъ. Я былъ бы очень радъ васъ видѣть еще разъ до моего отъѣзда въ Гернсей. Не забудьте, пожалуйста, привезти вашу брошюру мнѣ.

В. Печеринъ».

Я свезъ ему книги и черезъ четыре дня получилъ слѣдующее письмо:

J. M. J. A.

St. Pierre Islands of Guernsey.
Chapelle Catholique, 15 апрѣля 1853 г.

«Я прочелъ объ ваши книги съ большимъ вниманіемъ, Одна вещь особенно поразила меня: мнѣ кажется, что вы и ваши друзья, вы опираетесь исключительно на философію и на изящную словесность (*belle littérature*). Неужели вы думаете, что онѣ призваны обновить настоящее общество? Извините меня, но свидѣтельство исторіи совершенно противъ васъ. Нѣтъ примѣра, чтобы общества основывались или пересоздавались бы философіей и словесностью. Скажу просто (*tranchons le mot* ²⁾), одна религія служила всегда основой государствъ; философія и словесность, это — увя! уже послѣдній цвѣтокъ общественнаго древа. Когда философія и лите-

¹⁾ Вѣроятно: *Jesus Misericors, Jesus Almus*—Иисусъ жалостливый, Иисусъ благодатный.

²⁾ Будемте откровенны.

ратура достигают своего апогея, когда философы, ораторы и поэты господствуют и разрѣшаютъ всѣ общественные вопросы, тогда конецъ, паденіе, тогда смерть общества. Это доказываютъ Греція и Римъ, это доказываетъ, такъ называемая, александринская эпоха; никогда философія не была больше изощрена, никогда литература—цвѣтуще, а между тѣмъ, это была эпоха глубокаго паденія! Когда философія бралась за пересозданіе общественнаго порядка, она постоянно доходила до жестокаго деспотизма, напримѣръ, въ Фридрихъ II, Екатеринѣ II, Иосифѣ II и во всѣхъ неудавшихся революціяхъ. У васъ вырвалась фраза, счастливая или несчастная, какъ хотите: вы говорите, что «фаланстеръ—не что иное, какъ преобразованная казарма, и коммунистъ можетъ быть только видоизмѣненіе самовластія». Я, вообще, вижу какой-то меланхолическій отблескъ на васъ и на вашихъ московскихъ друзьяхъ. Вы даже сами сознаетесь, что вы всѣ Онѣгины, т.-е., что вы и ваши въ отрицаніи, въ сомнѣніи, въ отчаяніи. Можно ли перерождать общество на такихъ основаніяхъ?

«Можетъ, я высказалъ вещь избитую, и которую вы знаете лучше меня. Я это пишу не для спора, не для того, чтобъ начать контроверзу, но я считалъ себя обязаннымъ сдѣлать это замѣчаніе, потому что иногда лучшіе умы и благороднѣйшія сердца ошибаются въ основѣ, сами не замѣчая того. Для того я это пишу вамъ, чтобъ доказать, какъ внимательно читалъ я вашу книгу, и дать новый знакъ того уваженія и любви, съ которыми»...

В. Печеринъ.

На это я отвѣчалъ ему по-русски:

25, Euston square, 21 апрѣля 1853 г.

«Почтеннѣйшій соотечественникъ,

«Душевно благодарю васъ за ваше письмо и прошу позволеніе сказать нѣсколько словъ à la hâte ¹⁾ о главныхъ пунктахъ.

«Я совершенно согласенъ съ вами, что литература, какъ осенніе цвѣты, является во всемъ блескѣ передъ смертью государства. Древній Римъ не могъ быть спасенъ щегольскими фразами Цицерона, ни его жиденькой моралью, ни вольтеріанизмомъ Лукіана, ни нѣмецкой философіей Прокла. Но замѣтите, что онъ равно не могъ быть спасенъ ни элевзинскими таинствами, ни Аполлономъ Тіанскимъ, ни всѣми опытами продолжить и воскресить язычество.

«Это было не только невозможно, но и ненужно. Древній міръ вовсе не надобно было спасать: онъ дожилъ свой вѣкъ, и новый

¹⁾ Наскоро.

міръ шель ему на смѣну. Европа совершенно въ томъ же положеніи; литература и философія не сохраняютъ дряхлыхъ формъ, а толкнутъ ихъ въ могилу, разобьютъ ихъ, освободятъ отъ нихъ.

«Новый міръ» точно такъ же приближается, какъ тогда. Не думайте, что я обмолвился, назвавъ фаланстеръ казармой; нѣтъ, всѣ доселѣ явившіяся ученія и школы социалистовъ, отъ С.-Симона до Прудона, который представляетъ одно отрицаніе,—бѣдны, это—первый лепетъ, это—чтеніе по складамъ, это—терапевты и эссеіане древняго Востока. Но кто же не видитъ, не чувствуетъ сердцемъ огромнаго содержанія, просвѣчивающаго черезъ одностороннія попытки, или кто же казнитъ дѣтей за то, что у нихъ трудно рѣжутся зубы или выходятъ вкось?

«Тоска современной жизни—тоска сумерекъ, тоска перехода, предчувствія. Звѣри беспокоятся передъ землетрясеніемъ.

«Къ тому же все остановилось. Одни хотятъ насильственно раскрыть дверь будущему, другіе насильственно не выпускаютъ прошедшаго; у однихъ впереди пророчества, у другихъ—воспоминанія. Ихъ работа состоитъ въ томъ, чтобъ мѣшать другъ другу, и вотъ тѣ и другіе стоятъ въ болотѣ.

«Рядомъ другой міръ—Русь. Въ основѣ его—коммунистической народъ, еще дремлющій, покрытый поверхностной пленкой образованныхъ людей, дошедшихъ до состоянія Онѣгина, до отчаянія, до эмиграціи, до нашей, до моей судьбы. Для насъ это горько. Мы—жертвы того, что не вовремя родились; для *дѣла* это безразлично, по крайней мѣрѣ, не имѣетъ того смысла.

«Говоря о революціонномъ движеніи въ новой Россіи я впередъ сказалъ, что съ Петра I русская исторія—исторія дворянства и правительства. Въ дворянствѣ находится революціонный ферментъ; онъ не имѣлъ въ Россіи другого поприща, яркаго, кроваваго, на площади, кромѣ поприща литературнаго, тамъ я его и прослѣдилъ.

«Я имѣлъ смѣлость сказать (въ письмѣ къ Мишле), что образованные русскіе—*самые свободные* люди; мы несравненно дальше пошли въ отрицаніи, чѣмъ, напр., французы. Въ отрицаніи чего? Разумѣется, стараго міра.

«Онѣгинъ рядомъ съ празднымъ отчаяніемъ доходитъ теперь до положительныхъ надеждъ. Вы ихъ, кажется, не замѣтили. Отвергая Европу въ ея изжитой формѣ, отвергая Петербургъ, т.-е. оняты такъ Европу, но переложенную на наши нравы, слабыя и оторванные отъ народа, мы гибли. Но мало-по-малу развивалось нѣчто новое,—уродливо у Гоголя, преувеличенно у панславистовъ. Этотъ новый элементъ—элементъ вѣры въ силу народа, элементъ проникнутый любовью. Мы съ нимъ только начали понимать народъ.

Но мы далеки от него. Я и не говорю, чтобы *намъ* досталась участь пересоздать Россію; и то хорошо, что мы привѣтствовали русскій народъ и догадались, что онъ принадлежитъ къ грядущему міру.

«Еще одно слово. Я не смѣшиваю науки съ литературно-философскимъ развитіемъ. Наука, если и не пересоздаетъ государства, то и не падаетъ въ самомъ дѣлѣ съ нимъ. Она—средство, память рода человѣческаго, она—побѣда надъ природой, освобожденіе. Невѣжество, *одно невѣжество*—причина пауперизма и рабства. Массы были оставлены *своими воспитателями* въ животномъ состояніи. Наука, одна наука можетъ теперь поправить это и дать имъ кусокъ хлѣба и кровъ. Не пропагандой, а химіей, а механикой, технологіей, желѣзными дорогами она можетъ поправить мозгъ, который вѣками сжимали физически и нравственно.

«Я буду сердечно радъ...»

Черезъ двѣ недѣли я получилъ отъ о. Печерина слѣдующее письмо.

J. M. J. A.

St. Mary's, Clapham, 3 мая 1853.

«Я вамъ отвѣчаю по-французски по причинамъ, которыя вы знаете. Не могъ писать я къ вамъ прежде, потому что былъ обремененъ занятіями въ Гернсеѣ. Мало остается времени на философскія теоріи, когда живешь въ самой серединѣ животрепещущей дѣйствительности; нѣтъ досуга разрѣшать спекулятивные вопросы о будущихъ судьбахъ человѣчества, когда человѣчество съ костями и плотью приходитъ изливаться въ вашу грудь свои скорби и требуетъ совѣта и помощи.

«Признаюсь вамъ откровенно, ваше послѣднее письмо навело на меня ужасъ, и ужасъ очень эгоистическій, признаюсь и въ этомъ.

«Что будетъ съ нами, когда *ваше* образованіе (*votre civilisation à vous*) одержитъ побѣду? Для васъ *наука*—все, альфа и омега. Не та обширная наука, которая обнимаетъ всѣ способности человѣка, видимое и невидимое, наука такъ, какъ ее понималъ міръ до сихъ поръ; но наука ограниченная, узкая, наука матеріальная, которая разбираетъ и разсѣкаетъ вещество и ничего не знаетъ, кромѣ его. Химія, механика, технологія, паръ, электричество, великая наука пить и ѣсть, поклоненіе личности (*le culte de la personne*), какъ бы сказалъ Мишель Шевалье. Если *эта* наука восторжествуетъ, горе намъ! Во времена гоненій римскихъ императоровъ христіане имѣли, по крайней мѣрѣ, возможность бѣгства въ степи Египта; мечъ тирановъ останавливался у этого непреходимаго для нихъ предѣла. А куда бѣжать отъ тиранства *вашей* матеріальной цивилизаціи? Она сглаживаетъ горы, вырываетъ каналы,

прокладываетъ желѣзныя дороги, посылаетъ пароходы, журналы ея проникають до каленыхъ пустынь Африки, до непроходимыхъ лѣсовъ Америки. Какъ нѣкогда христіанъ влекли на амфитеатры, чтобъ ихъ отдать на посмѣяніе толпы, жадной до зрѣлищъ, такъ повлекутъ теперь насъ, людей молчанія и молитвы, на публичныя торжища и тамъ спросятъ: «Зачѣмъ вы бѣжите отъ нашего общества? Вы должны участвовать въ нашей матеріальной жизни, въ нашей торговлѣ, въ нашей удивительной индустріи. Идите витійствовать на площади, идите проповѣдывать политическую экономію, обсуживать паденіе и возвышеніе курса, идите работать на наши фабрики, направлять паръ и электричество. Идите предсѣдательствовать на нашихъ пирахъ: рай здѣсь на землѣ,—будемъ ѣсть и пить, вѣдь, мы завтра умремъ!». Вотъ что меня приводитъ въ ужасъ, ибо гдѣ же найти убѣжище отъ тиранства матери, которая больше и больше овладѣваетъ всѣмъ.

«Простите, если я сколько-нибудь преувеличилъ темныя краски. Мнѣ кажется, что я только довелъ до законныхъ послѣдствій основанія, положенныя вами.

«Стоило ли покидать Россію изъ-за умственнаго каприза (*sarce de spiritualité*)? Россія именно начала съ науки такъ, какъ вы ее понимаете, она продолжаетъ наукой. Она въ рукахъ своихъ держитъ гигантскій рычагъ матеріальной мощи, она призываетъ всѣ таланты на служеніе себѣ и на пиръ своего матеріальнаго благосостоянія, она сдѣлается самая образованная страна въ мірѣ; Провидѣніе ей дало въ удѣлъ матеріальный міръ,—она сдѣлаетъ рай изъ негѣ для своихъ избранныхъ. Она понимаетъ цивилизацію именно такъ, какъ вы ее понимаете. Матеріальная наука составляла всегда ея силу. Но мы, вѣрующіе въ безсмертную душу и въ будущій міръ, какое намъ дѣло въ этой цивилизаціи настоящей минуты? Россія никогда не будетъ меня имѣть своимъ подданнымъ.

«Я изложилъ мои идеи съ прѣстотою для того, чтобы уяснить намъ другъ друга. Извините, если я внесъ въ слова мои излишнюю горячность. Такъ какъ я ѣду снова въ Ирландію въ пятницу утромъ, мнѣ будетъ невозможно зайти къ вамъ. Но я буду очень радъ, если вамъ будетъ удобно посѣтить меня въ среду или въ четвергъ послѣ обѣда.

«Примите и проч.

В. Печерина».

Я ему отвѣчалъ на другой день:

25, Euston square, 4 мая 1853.

«Почтеннѣйшій соотечественникъ,

«Я былъ у васъ для того, чтобы пожать руку русскому, котораго имя мнѣ было знакомо, котораго положеніе такъ сходно съ

моимъ... Несмотря на то, что судьба и убѣжденія васъ поставили въ торжествующіе ряды побѣдителей, меня—въ печальный станъ побѣжденныхъ, я не думалъ коснуться разницы нашихъ мнѣній. Мнѣ хотѣлось видѣть русскаго, мнѣ хотѣлось принести вамъ живую вѣсть о родинѣ. Изъ чувства глубокой деликатности я не предложилъ вамъ моихъ брошюръ, вы сами желали ихъ видѣть. Отсюда ваше письмо, мой отвѣтъ и второе письмо ваше отъ 3 мая. Вы нападаете на меня, на мои мнѣнія (преувеличенныя и не вполне раздѣляемая мною),—нельзя же мнѣ не защищаться. Я не давалъ того значенія слову *наука*, которое вы предполагаете. Я вамъ только писалъ, что я совокупность всѣхъ побѣдъ надъ природой и всего развитія, разумѣется, ставлю внѣ беллетристики и отвлеченной философіи.

«Но это—предметъ длинный и безъ особаго вызова не хочется повторять все, такъ много разъ сказанное объ немъ. Позвольте мнѣ лучше успокоить васъ насчетъ вашего страха о будущности людей, любящихъ созерцательную жизнь. Наука не есть ученіе или доктрина, и потому она не можетъ сдѣлаться ни правительствомъ, ни указомъ, ни гоненіемъ. Вы, вѣрно, хотѣли сказать о торжествѣ социальныхъ идей, свободы. Въ такомъ случаѣ возьмите страну самую «матеріальную» и самую свободную, Англію. Люди созерцательные, такъ, какъ утописты, находятъ въ ней уголь для тихой думы и трибуну для проповѣди. А еще Англія, монархическая и протестантская, далека отъ полной терпимости.

«И чего же бояться? Неужели шума колесъ, подвозящихъ хлѣбъ насущный толпѣ голодной и полуодѣтой? Не запрещаютъ же у насъ, для того, чтобы не беспокоить лирическую нѣгу, молотить хлѣбъ.

«Созерцательныя натуры будутъ всегда, вездѣ; имъ будетъ привольнѣе въ думахъ и тиши, пусть ищутъ онѣ себѣ тогда тихаго мѣста; кто ихъ будетъ беспокоить, кто звать. кто преслѣдовать? ихъ ни гнать, ни *поддерживать* цикто не будетъ. Я полагаю, что несправедливо бояться улучшенія жизни массъ, потому что производство этого улучшенія *можетъ* обезпечить слухъ лицъ, не желающихъ слышать ничего внѣшняго. Тутъ даже самоотверженія никто не проситъ, ни милости, ни жертвы. Если на торгу шумно, не торгъ перенесетъ слѣдуетъ, а отойти отъ него. Но журналы всюду идутъ слѣдомъ,—кто же изъ *созерцательныхъ* натуръ зависитъ отъ *premier-Paris* или *premier-Londres?* ¹⁾»

¹⁾ Пере́довыя статьи парижской или лондонской прессы.

«Вот видите, если, вмѣсто свободы, восторжествуетъ анти-матеріальное начало, тогда укажите *намъ* мѣсто, гдѣ насъ не то что не будутъ беспокоитъ, а гдѣ насъ не будутъ вѣшать, жечь, сажать на колъ, какъ это теперь отчасти дѣлается въ Римѣ, Миланѣ, во Франціи и Россіи.

«Кому же слѣдуетъ бояться? Оно, конечно, смерть не важна *sub specie aeternitatis* ¹⁾, да, вѣдь, съ этой точки зрѣнія и все остальное не важно.

«Простите мнѣ, В. С., откровенное противорѣчіе *вашимъ* словамъ и подумайте, что мнѣ было невозможно иначе отвѣчать.

«Душевно желаю, чтобы вы хорошо совершили *ваше* путешествіе въ Ирландію».

Этимъ и окончилась наша переписка.

Прошло два года. Сѣрая мгла европейскаго горизонта *кардѣ-*лась заревомъ Крымской войны, мгла отъ него стала еще чернѣй, и вдругъ, среди кровавыхъ вѣстей походовъ и осадъ, читаю я въ газетахъ, что тамъ-то, въ Ирландіи отдавъ подъ судъ *rever. father Vladimir Petcherin, native a Russian* ²⁾ за публичное сожженіе на площади протестантской библіи. Гордый британскій судья, взявъ въ расчетъ безумный поступокъ и то, что виноватый—русскій, а Англія съ Россіей въ войнѣ, ограничился отеческимъ наставленіемъ вести себя впредь на улицахъ благопристойно... ⁶⁰

Неужели ему легки эти вериги?... Или онъ часто снимаетъ граненую шапку и ставитъ ее устало на столъ?

¹⁾ Съ точки зрѣнія вѣчности.

²⁾ Досточтимый отецъ Владиміръ Печеринъ, родомъ русскій.

ГЛАВА XVI.

РОБЕРТЪ ОУЭНЪ.

Посвящено К—у ¹⁾.

Ты все поймешь, ты все оцѣнишь!

Shut up the world at large, let Bedlam out
And you will be perhaps surprised to find
All things pursue exactly the same route,
As now with those of «soi-disant» sound mind,
This I *could prove* beyond a single doubt.
Were there a jot of sense among mankind,
But till that point d'appui is found, alas!
Like Archimedes, I leave earth as't was.

Byron, «Don Juan», C. XIV—84 ²⁾.

I.

...Вскорѣ послѣ моего приѣзда въ Лондонъ, въ 1852 г., я получилъ приглашеніе отъ одной дамы ³⁾, она звала меня на нѣсколько дней къ себѣ на дачу въ Sevenoaks. Я съ ней познако-

¹⁾ К. Д. Кавелину.

²⁾ Запри весь міръ, но дай свободу тѣмъ,
Которые въ Бедламѣ. Будь увѣренъ,
Что все пойдетъ постарому затѣмъ,—
Давно людьми ужъ здравый смыслъ потерянь.
Будь свѣтъ уменъ, то ясно было бъ всѣмъ,
Съ глупцами жъ въ споръ вступать я не намѣренъ.
И, такъ какъ у меня опоры нѣтъ,
Я поступлю, какъ мудрый Архимедъ.

(«Донъ Жуанъ», пер. П. Козлова).

³⁾ Бигсъ.

мидся въ Ниццѣ въ 50 году, черезъ Маццини. Она еще застала домъ мой свѣтлымъ и такъ оставила его. Мнѣ захотѣлось ее видѣть; я поѣхалъ.

Встрѣча наша была неловка. Слишкомъ много чернаго было со мною съ тѣхъ поръ, какъ мы не видались. Если человѣкъ не хвастаетъ своими обѣдствиями, то онъ ихъ стыдится, и это чувство стыда всплываетъ при всякой встрѣчѣ съ прежними знакомыми.

Не легко было и ей. Она подала мнѣ руку и повела меня въ паркъ. Это былъ первый старинный англійскій паркъ, который я видѣлъ, и одинъ изъ великолѣпнѣйшихъ. До него со временъ Елизаветы не дотрогивалась рука человѣческая; тѣнистый, мрачный, онъ росъ безъ помѣхи и разрастался въ своемъ аристократически-монастырскомъ удаленіи отъ міра. Старинный и чисто елизаветинской архитектуры дворецъ былъ нуть; несмотря на то, чтѣ въ немъ жила одинокая старуха, барыня, никого не было видно: только сѣдой привратникъ, сидѣвшій у воротъ, съ нѣкоторой важностью замѣчалъ входящимъ въ паркъ, чтобъ въ обѣденное время не ходить мимо замка. Въ паркѣ было такъ тихо, что лани гурьбой перебѣгали большія аллеи, спокойно приостанавливались и безмолвно нюхали воздухъ, приподнявши морду. Нигдѣ не раздавался никакой посторонній звукъ, и вороны каркали, точно какъ въ старомъ саду у насъ, въ Васильевскомъ. Такъ бы, кажется, легъ гдѣ-нибудь подъ дерево и представилъ бы себѣ тринадцатилѣтній возрастъ... Мы вчера только-что изъ Москвы, тутъ гдѣ-нибудь недалеко старикъ садовникъ троеить мятную воду... На насъ, дурачныхъ жителей, лѣса и деревья роднѣе дѣйствуютъ моря и горы.

Мы говорили объ Италіи, о поѣздкѣ въ Ментону; говорили о Медичи, съ которыми она была коротко знакома, объ Орсини и не говорили о томъ, что тогда меня и ее, вѣроятно, занимало больше всего.

Ея искреннее участіе я видѣлъ въ ея глазахъ и молча благодарилъ ее... Что я могъ ей сказать новаго?

Сталь перепадать дождь; онъ могъ сдѣлаться сильнымъ и продолжительнымъ,—мы воротились домой.

Въ гостиной былъ маленькій, тщедушный старичокъ, сѣдой, какъ лунь, съ необычайно добродушнымъ лицомъ, съ чистымъ, свѣтлымъ, кроткимъ взглядомъ,—съ тѣмъ голубымъ дѣтскимъ взглядомъ, который остается у людей до глубокой старости, какъ отсвѣтъ великой доброты ¹⁾.

¹⁾ При этомъ не могу не вспомнить тотъ же голубой взглядъ дѣтства подъ сѣдыми бровями Лелевеля. А. И. Г

Дочери хозяйки дома бросились къ сѣдому дѣдушкѣ; видно было, что они пріятели.

Я остановился въ дверяхъ сада.

— Вотъ къстати, какъ нельзя больше,—сказала, ихъ мать, протягивая старику руку,—сегодня у меня есть, чѣмъ васъ угостить. Позвольте вамъ представить нашего русскаго друга. Я думаю,—прибавила она, обращаясь ко мнѣ,—вамъ пріятно будетъ познакомиться съ однимъ изъ *вашихъ патріарховъ*.

— Robert Owen,—сказалъ, добродушно улыбаясь, старикъ,—очень, очень радъ.

Я сжалъ его руку съ чувствомъ сыновняго уваженія; если бы я былъ моложе, я бы сталъ, можетъ, на колѣни и просилъ бы старика возложить на меня руки.

Такъ вотъ отчего у него добрый, свѣтлый взглядъ, вотъ отчего его любятъ дѣти... Это тотъ, *одинъ* трезвый и мужественный присяжный «между пьяными» (какъ нѣкогда выразился Аристотель объ Анаксагорѣ), который осмѣлился произнести *not guilty* ¹⁾ чelовѣчеству, *not guilty* преступнику; Это тотъ второй чудакъ, который скорбѣлъ о мытарѣ и жалѣлъ о падшемъ, и который, не потонувши, прошелъ, если не по морю, то по мѣщанскимъ болотамъ англійской жизни, не только не потонувши, но и не загрязнившись!

...Обращеніе Оуэна было очень просто; но и въ немъ, какъ въ Гарибальди, середь добродушія просвѣчивала сила и сознаніе, что онъ—власть имущій. Въ его снисходительности было чувство собственнаго превосходства; оно, можетъ, было слѣдствіемъ постоянныхъ сношеній съ жалкой средой; вообще, онъ скорѣе походилъ на разорившагося аристократа, на меньшого брата большой фамилии, чѣмъ на шлебея и социалиста.

Я тогда совсѣмъ не говорилъ по-англійски; Оуэнъ не зналъ по-французски и былъ замѣтно глухъ. Старшая дочь хозяйки предложила намъ себя въ драгоманы; Оуэнъ привыкъ такъ говорить съ иностранцами.

— Я жду великаго отъ вашей родины,—сказалъ мнѣ Оуэнъ;—у васъ поле чище, у васъ попы не такъ сильны, предрасудки не такъ закоснѣли... а силъ-то... а силъ-то! Если бы императоръ хотѣлъ вникнуть, понять новыя требованія возникающаго гармоническаго міра, какъ ему легко было бы сдѣлаться однимъ изъ величайшихъ людей.

¹⁾ Не виновенъ.

Улыбаясь, просилъ я моего драгомана сказать Оуэну, что я очень мало имѣю надеждъ, ч.объ Николай сдѣлался его послѣдователемъ.

— А, вѣдь, онъ былъ у меня въ Ланаркѣ ¹⁾.

— И, вѣрно, ничего не понялъ?

— Онъ былъ тогда молодъ, и—Оуэнъ засмѣялся—очень жалѣлъ, что мой старшій сынъ такого *высокаю роста и не идетъ въ военную службу*. А, впрочемъ, онъ меня приглашалъ въ Россію.

— Теперь онъ старъ, но такъ же ничего не понимаетъ и, на-вѣрное, ещё больше жалѣетъ, что не всѣ люди большого роста идутъ въ солдаты. Я видѣлъ письмо, которое вы адресовали къ нему, и, скажу откровенно, не понимаю, зачѣмъ вы его писали. Неужели вы, въ самомъ дѣлѣ, надѣетесь?

— Пока человѣкъ живъ, не надобно въ немъ отчаиваться. Мало ли какое событіе можетъ раскрыть душу! Ну, а письмо мое не подѣйствуетъ, и онъ броситъ его,—что жъ за бѣда, я сдѣлалъ своё. Онъ не виноватъ, что его воспитаніе и среда, въ которой живетъ, сдѣлали его неспособнымъ понимать истину. Тутъ надобно не сердиться, а жалѣть.

Итакъ, этотъ старецъ свое всеотпущеніе грѣховъ распространялъ не только на воровъ и преступниковъ, а даже на Николая! Мнѣ на минуту сдѣлалось стыдно.

Не потому ли люди ничего не простили Оуэну, ни даже предсмертное забытье его и полуболѣзненный бредъ о духахъ?

Когда я встрѣтилъ Оуэна, ему былъ восемьдесятъ второй годъ (род. 1771). Онъ *шестьдесятъ лѣтъ* не сходилъ съ арены.

Года три спустя послѣ Sevenoaks'a, я еще разъ мелькомъ видѣлъ Оуэна. Тѣло отжило, умъ тускъ и иногда бродилъ, разнуждавшись, по мистическимъ областямъ призраковъ и тѣней. А энергія была та же и тотъ же голубой взглядъ дѣтской доброты, и то же упованье на людей! У него не было памяти на зло, онъ старые счеты забылъ, онъ былъ тотъ же молодой энтузіастъ, учредитель New Lanark'a, худо слышавшій, сѣдой, слабый, но такъ же проповѣдывавшій уничтоженіе казней и стройную жизнь общаго труда. Нельзя было безъ глубокаго благоговѣнія видѣть этого старца, идушаго медленно и невѣрной стопой на трибуну, на которой *нѣкогда* его встрѣчали горячія рукоплесканія блестящей аудиторіи, и на которой пожелтѣлыя сѣдины его вызывали теперь шопотъ равнодушія и ироническій смѣхъ. Безумный старикъ съ печатью смерти на лицѣ стоялъ, не сердясь, и просилъ кротко, съ

¹⁾ Мѣсто, гдѣ Оуэнъ примѣнялъ свои социалистическіе планы.

любовью часть времени. Казалось, можно бы было дать ему эту часть за шестидесятипятилѣтнюю безпорочную службу; но ему въ немъ отказывали, онъ надоѣлъ, онъ повторялъ одно и то же, а, главное, онъ глубоко обидѣлъ толпу: онъ хотѣлъ отнять у нея право оолтаться на висѣлицѣ и смотрѣть, какъ другіе на ней божатются; онъ хотѣлъ у нихъ отнять подлое колесо, которое сзади подгоняетъ, и отворить целлюлярную клѣтку, эту безчеловѣчную mater dolorosa для духа, которой свѣтская инквизиція замѣняетъ монашескіе ящики съ ножами. За это святотатство толпа готова была побить Оуэна камнями, но и она сдѣлалась *человѣколюбивѣе*: камни вышли изъ моды; имъ предпочитаютъ грязь, свистъ и журнальныя статейки.

Другой старикъ ¹⁾, такой же фанатикъ, былъ счастливѣе Оуэна, когда слабыми, столѣтними руками благословлялъ малаго и большаго на Патмосѣ и только лепеталъ: «Дѣти! любите другъ друга!». Простые люди и нишіе не хохотали надъ нимъ, не говорили, что его заповѣдь—нелѣпость; между этими плебеями не было золотой посредственности мѣщанскаго міра—больше лицемѣрнаго, чѣмъ невѣжественнаго, больше *ограниченнаго*, чѣмъ глупаго. Принужденный оставить свой New Lanark въ Англіи, Оуэнь десять разъ переплывалъ океанъ, думая, что сѣмена его ученія лучше взойдутъ на *новомъ грунтѣ*, забывая, что его расчистили квакеры и пуритане, и, навѣрное, не предвидя, что пять лѣтъ послѣ его смерти джефферсоновская республика, первая провозгласившая права челоуѣка, распадется во имя права сѣчь негровъ. Не успѣвъ и тамъ, Оуэнь снова является на старой почвѣ, стучится ста руками во всѣ двери, у дворцовъ и хижинъ, заводитъ базары, которые послужатъ типомъ рочдельскаго общества и кооперативныхъ ассоціацій, издаетъ книги, издаетъ журналы, пишетъ посланія, собираетъ митинги, произноситъ рѣчи, пользуется всякимъ случаемъ. Правительства посылаютъ со всего міра делегатовъ на «всемирную выставку»,— Оуэнь уже между ними, проситъ ихъ взять съ собой оливковую вѣтку, вѣсть призыва къ разумной жизни и согласію, а тѣ не слушаютъ его, думаютъ о будущихъ крестахъ и табакеркахъ. Оуэнь не унываетъ.

²⁾ Однимъ туманнымъ октябрьскимъ днемъ 1858 лордъ Брумъ ²⁾ очень хорошо знающій, что въ ветхой общественной баркѣ течетъ все сильнѣе, но чающій еще, что ее можно такъ проконопатить,

¹⁾ Іоаннъ Богословъ.

²⁾ Генри, англ. политич. дѣятель.

что на нашъ вѣкъ хватить, совѣщался о *пакль и смоль* въ Ливерпуль на второмъ сходѣ Social science association ¹⁾).

Вдругъ дѣлается какое-то движеніе: тихо несутъ на носилкахъ блѣднаго больного Оуэна на платформу. Онъ черезъ силу нарочно пріѣхалъ изъ Лондона, чтобъ повторить свою благую вѣсть о возможности сытаго и одѣтаго общества, о возможности общества безъ палача. Съ уваженіемъ принялъ лордъ Брумъ старца, — они когда-то были близки; тихо поднялся Оуэнъ и слабымъ голосомъ сказалъ о приближеніи другого времени... новаго согласія, *new harmony* ²⁾, и рѣчь его остановилась, силы оставили... Брумъ докончилъ фразу и подалъ знакъ: тѣло старца склонилось, — онъ былъ безъ чувствъ; тихо положили его на носилки и въ мертвой тишинѣ пронесли толпой, пораженной на этотъ разъ какимъ-то благоговѣніемъ; она, будто, чувствовала, что тутъ начинаются какія-то не совѣмъ обыкновенныя похороны, и тухнетъ что-то великое, святое и оскорбленное.

Прошло нѣсколько дней, Оуэнъ немного оправился и однимъ утромъ сказалъ своему другу и помощнику Ригби, чтобъ онъ укладывался, что онъ хочетъ ѣхать.

— Опять въ Лондонъ?—спросилъ Ригби.

— Нѣтъ, свезите меня теперь на мѣсто моего рожденія, я тамъ сложу мои кости.

И Ригби повезъ старца въ Монгомериширъ, въ Ньютонъ, гдѣ за восемьдесятъ восемь лѣтъ тому назадъ родился этотъ странный человекъ, апостолъ между фабрикантами...

«Дыханіе его прекратилось такъ тихо,—пишетъ его старшій сынъ, одинъ, успѣвшій еще пріѣхать въ Ньютонъ до кончины Оуэна,—что я, державшій его руку, едва замѣтилъ: не было ни малѣйшей борьбы, ни одного судорожнаго движенія». Ни Англія, ни весь міръ точно такъ же не замѣтили, какъ этотъ свидѣтель *à décharge* ³⁾ въ уголовномъ процессѣ человечества пересталъ дышать.

Англійскій попъ втѣснилъ его праху отпѣваніе, вопреки желанію небольшой кучки друзей, пріѣхавшихъ похоронить его; друзья разошлись, Томасъ Альсопъ ⁴⁾ протестовалъ смѣло, благородно—and all was over ⁵⁾).

¹⁾ Ассоціаціи общественныхъ наукъ.

²⁾ Новой гармоніи.

³⁾ Со стороны защиты.

⁴⁾ Извѣстный по дѣлу Орсини. А. И. Г.

⁵⁾ И все было кончено.

Хотѣлось мнѣ сказать нѣсколько словъ объ немъ, но, унесенный общимъ Wirbelwind'омъ ¹⁾, я ничего не сдѣлалъ; трагическая тѣнь его отступала дальше и дальше, терялась за головами, за рѣзкими событіями и ежедневной пылью; вдругъ на-дняхъ я вспомнилъ Оуэна и мое намѣреніе написать о немъ что-нибудь.

Перелистывая книжку «Westminster Review», я нашелъ статью о немъ и прочиталъ ее всю внимательно. Статью эту писалъ не врагъ Оуэна, человѣкъ солидный, разсудительный, умѣющій отдавать должное заслугамъ и заслуженное недостаткамъ, а; между тѣмъ, я положилъ книгу съ страннымъ чувствомъ боли, оскорбленія, чего-то душнаго, съ чувствомъ близкимъ къ ненависти за вышесенное.

Можетъ, я былъ боленъ, въ дурномъ расположеніи, не пошьялъ?... Я взялъ опять книжку, перечиталъ тамъ-сямъ,—все то же дѣйствіе.

«Больше, чѣмъ двадцать послѣднихъ лѣтъ жизни Оуэна не живутъ никакого интереса для публики.

Ein unnütz Leben ist ein früher Tod ²⁾).

«Онъ сзывалъ митинги, но почти никто не шелъ на нихъ, потому что онъ повторялъ свои старыя начала, давно всѣми забытыя. Тѣ, которые хотѣли узнать отъ него *что-нибудь полезное для себя*, должны были опять слушать о томъ, что весь общественный бытъ зиждется на ложныхъ основаніяхъ... Вскорѣ къ этому помѣшательству (dotage) присовокупилась вѣра въ постукивающіе духи... Старикъ толковалъ о своихъ бесѣдахъ съ герцогомъ Кентомъ, Байрономъ, Шелли и проч....

«Нѣтъ ни малѣйшей опасности, чтобъ ученіе Оуэна было практически принято. Это—такія *слабыя* цѣпи, которыя не могутъ *держатъ* цѣлаго народа. Задолго до его смерти начала его уже были *опровергнуты*, забыты, а онъ все еще воображалъ себя благодѣтелемъ рода человѣческаго, какимъ-то *атеистическимъ мессіей*.

«Его обращеніе къ постукивающимъ духамъ нисколько не удивительно. Люди, *не получившіе воспитанія*, постоянно переходятъ съ чрезвычайной легкостью отъ крайняго скептицизма къ крайнему суевѣрію. Они хотятъ опредѣлить каждый вопросъ однимъ *природнымъ* свѣтомъ. Изученіе, разсужденіе и осторожность въ сужденіяхъ имъ неизвѣстны.

«Мы въ предшествующихъ страницахъ», прибавляетъ авторъ въ концѣ статьи, «больше занимались жизнью Оуэна, чѣмъ его

¹⁾ Вихремъ.

²⁾ Жизнь бесполезная подобна ранней смерти (Гете).

ученіями; мы хотѣли *выразить наше сочувствіе* къ практическому добру, сдѣланному имъ, и съ тѣмъ вмѣстѣ заявить наше совершенное несогласіе съ его теоріями. Его біографія интереснѣе его сочиненій. Въ то время, какъ первая можетъ быть полезна и занимательна (amuse), вторья могутъ только сбить съ толку и надоесть читателю. Но и тутъ мы чувствуемъ, что онъ *слишкомъ долго жилъ*: слишкомъ долго для себя, слишкомъ долго для своихъ друзей и еще дольше для своихъ біографовъ!»

Тѣнь кроткаго старца носилась передо мной; на глазахъ его были горькія слезы, и онъ, грустно качая своей старой, старой головой, какъ будто хотѣлъ сказать: «неужели я заслужилъ это?»—и не могъ, а рыдая упалъ на колѣни, и, будто, лордъ Брумъ торопился опять покрыть его и дѣлалъ знакъ Ригби, чтобъ его снесли какъ можно скорѣе назадъ на кладбище, пока испуганная толпа не успѣетъ образумиться и упрекнуть его за все, за все, что ему было такъ дорого и свято, и даже за то, что онъ такъ долго жилъ, задалъ чужую жизнь, занималъ лишнее мѣсто у очага. Въ самомъ дѣлѣ, Оуэнъ, чай, былъ ровесникомъ Веллингтона, этой величественнѣйшей *неспособности* во время мира.

«Несмотря на его ошибки, его гордость, его паденіе, Оуэнъ *заслуживаетъ наше признаніе*». — Чего же ему больше?

Только отчего ругательства какогонибудь оксфордскаго, винчестерскаго или чичестерскаго архіерея, проклинающаго Оуэна, легче для насъ, чѣмъ это воздаяніе по заслугамъ? Оттого, что тамъ страсть, обиженная вѣра, а тутъ узенькое *безпристрастіе*,—безпристрастіе не просто человѣка, а судьи низшей инстанціи. Въ управѣ благочинія очень хорошо могутъ обсудить поступки какого-нибудь гуляки вообще, но не такого, какъ Мирабо или Фоксъ. Складнымъ футомъ легко мѣрять съ большой точностью холстъ, но очень неудобно прикидывать на него сидеральныя пространства.

Можетъ, для вѣрности сужденія о дѣлахъ, не подлежащихъ ни полицейскому суду, ни ариѳметической повѣркѣ, *пристрастіе* нужнѣе справедливости. Страсть можетъ не только ослѣплять, но и проникать глубже въ предметъ, обхватывать его своимъ огнемъ.

Дайте школьному педанту, если онъ только не надѣленъ отъ природы эстетическимъ пониманіемъ,—дайте ему на разборъ, что хотите: «Фауста», «Гамлета», и вы увидите, какъ исхудааетъ «жирный датскій принцъ», помятый какимъ-нибудь гимназистомъ-доктринеромъ. Съ цинизмомъ Ноеза сына покажетъ онъ наготу и недостатки драмъ, которыми восхищается поколѣніе за поколѣніемъ.

Въ мірѣ ничего нѣтъ великаго, поэтическаго, что бы могло выдержать *не слупый, да и не умный* взглядъ,—взглядъ обыденной,

жизненной мудрости. Это-то французы и выразили такъ мѣтко пословицей, что «для камердинера нѣтъ великаго человѣка».

«Попадись нищему лошадь», какъ говоритъ народъ и повтѣряетъ критикъ «Вестминстерскаго Обозрѣнія», «онъ на ней и ускачетъ къ чорту... An ex linen-draper ¹⁾ (это выраженіе употреблено нѣсколько разъ) ²⁾, который вдругъ сдѣлался (замѣтитъ, послѣ двадцати лѣтъ неусыпнаго труда и-колоссальныхъ успѣховъ) важнымъ лицомъ, на дружеской ногѣ съ герцогами и министрами, натурально, долженъ былъ зазнаться и сдѣлаться *смѣшнымъ, не имѣя ни большой умѣренности, ни большою благоразуміемъ*. Ex linen-draper зазнался до того, что деревня его стала ему узка, ему захотѣлось перестроить свѣтъ; съ этими притязаніями онъ разорился, ни въ чемъ не успѣлъ и покрылъ себя *смѣхомъ*».

И это не все. Если-бъ Оуэнъ только проповѣдывалъ свой экономическій переворотъ, это бѣзуміе простили бы ему на первый случай въ *классической* странѣ сумасшествія. Доказательствомъ этому служить то, что министры и архіереи, парламентскіе комитеты и съѣзды фабрикантовъ совѣщались съ нимъ. Успѣхъ New Lanark'a увлекъ всѣхъ: ни одинъ государственный человѣкъ, ни одинъ ученый не уѣзжалъ изъ Англии, не сдѣлавши поѣздки къ Оуэну; даже (какъ мы видѣли) самъ Николай Павловичъ былъ у него и хотѣлъ сманить его въ Россію, а сына его въ военную службу. Толпы народа наполняли коридоры и сѣни залъ, гдѣ Оуэнъ читалъ свои рѣчи. Но Оуэнъ своей дерзостью разомъ, въ четверть часа уничтожилъ эту колоссальную популярность, основанную на колоссальномъ непониманіи того, что онъ говорилъ; видя это, онъ поставилъ точку на *i*, притомъ на самое опасное *i*.

Это случилось 21-го августа 1817 года. Протестантскіе святоши, самые неотвязчивые и клейко-скучные, давно надоѣли ему. Оуэнъ, сколько могъ, отклонялъ пренія съ ними, но они не давали ему покоя. Какой-то инквизиторъ и бумажныхъ дѣлъ фабрикантъ Филипсъ дошелъ въ своемъ церковбѣси до того, что въ комитетѣ парламента вдругъ, ни къ селу, ни къ городу, середь дѣльныхъ преній, присталъ къ Оуэну съ допросомъ, во что онъ вѣритъ и во что не вѣритъ.

Вмѣсто того, чтобъ отвѣчать бумажныхъ дѣлъ фабриканту какими-нибудь тонкостями, какъ Фаустъ отвѣчаетъ Гретхенъ, *ex*

¹⁾ Эксъ-торговецъ холстомъ.

²⁾ Фурье началъ съ того, что былъ сидѣльцемъ въ суконной лавкѣ своего отца; Прудонъ—сынъ безансонскаго крестьянина. Какое *подлое* начало социализма! Отъ такихъ ли полубоговъ и полуразбойниковъ ведутъ начало династій? А. И. Г.

Иппо-драгер Оуэнъ предпочелъ отвѣчать съ высоты трибуны, передъ огромнѣйшимъ стеченіемъ народа, на публичномъ митингѣ въ Англии, въ Лондонѣ, въ Сити, въ London Tavern! Онъ по эту сторону Темплъ-Бара, возлѣ кафедральнаго зонтика, подъ которымъ лѣпится старый городъ, въ сосѣдствѣ Гога и Магога, въ виду Вайтголлъ и свѣтской кафедральной синагоги банка,—объявилъ прямо и ясно, громко и чрезвычайно просто, что главное препятствіе къ гармоническому развитію новаго общежитія людей—*Религія*. «Нелѣпости и изувѣрства сдѣлали изъ человѣка слабого, одурѣлаго звѣря, безумнаго фанатика, ханжу или лицемеръ. Съ существующими религіозными понятіями, заключилъ Оуэнъ, не только не устроишь предполагаемыхъ имъ общинныхъ деревень, но съ ними рай не долго устоялъ бы раемъ».

Оуэнъ былъ до того увѣренъ, что этотъ актъ «безумія» былъ актомъ *честности и апостольства*, необходимымъ послѣдствіемъ его ученія, что обнародовать свое мнѣніе заставляли его чистота и откровенность, вся его жизнь, что черезъ *тридцать пять лѣтъ* онъ писалъ: «это—величайшій день въ моей жизни, я исполнилъ свой долгъ!».

Нераскаянный грѣшникъ былъ этотъ Оуэнъ! зато ему и досталось!

«Оуэна, говоритъ «Westminster Review», не разорвали на части за это; время физической мести въ дѣлахъ религіи прошло. Но никто, даже и нынѣ *не можетъ безнаказанно оскорблять друзей намъ предразсудки!*»

Англійскіе попы, въ самомъ дѣлѣ, не употребляютъ больше хирургическихъ средствъ, хотя другими, болѣе духовными, не брезгаютъ. «Съ этой минуты, говоритъ авторъ статьи, Оуэнъ опрокинулъ на себя страшную ненависть духовенства, и съ этого митинга начинается *длинный перечень его неудачъ, сдѣлавшій смѣшными сорокъ послѣднихъ лѣтъ его жизни*. He was not a martyr, but he was an outlaw!»¹⁾).

Я думаю, довольно. «Westminster Review» можно положить на мѣсто; я ему очень благодаренъ; онъ мнѣ такъ живо напомнилъ не только святого старца, но и среду, въ которой онъ жилъ. Обратимся къ дѣлу, т.-е. къ самому Оуэну и его ученію.

Одно прибавлю я, прощаясь съ неумытнымъ критикомъ и съ другимъ біографомъ Оуэна, тоже неумытнымъ, менѣе строгимъ, но не менѣе солиднымъ, что, не будучи вовсе завистливымъ человекомъ, я завидую имъ отъ всей души. Я далъ бы дорого за ихъ

¹⁾ Онъ не былъ мученикомъ, но отверженцемъ.

невозмущаемое сознание своего превосходства, за успокоившееся довольство собою и своимъ пониманиемъ, за ихъ иногда уступчивую, всегда справедливую, а подчасъ слѣгка проироненную снисходительность. Какой покой должна приносить эта полная увѣренность и въ своемъ знаніи, и въ томъ, что они и умнѣе, и практичнѣе Оуэна, что будь у нихъ его энергія и его деньги, они бы не надѣлали такихъ глупостей, а были бы богаты, какъ Ротшильдъ, и министры, какъ Пальмерстонъ!

II.

Р. Оуэнъ назвалъ одну изъ статей, въ которыхъ онъ излагалъ свою систему, «An attempt to change this *lunatic asylum into a rational world*»¹⁾.

Одинъ изъ біографовъ Оуэна по этому случаю рассказываетъ, какъ какой-то безумный, содержащийся въ больницѣ, говорилъ: «Весь свѣтъ меня считаетъ поврежденнымъ, а я весь свѣтъ считаю такимъ же; обѣда моя въ томъ, что *большинство* со стороны всего свѣта».

Это пополняетъ заглавіе Оуэна и бросаетъ яркій свѣтъ на все. Мы увѣрены, что біографъ не разсудилъ, *насколько беретъ и какъ далеко бьетъ* его сравненіе. Онъ только хотѣлъ намекнуть на то, что Оуэнъ былъ сумасшедшій, и мы спорить объ этомъ не станемъ... но съ чего же онъ *весь свѣтъ-то считаетъ умнымъ*, этого мы не понимаемъ.

Оуэнъ, если былъ сумасшедшимъ, то вовсе не потому, что его свѣтъ считалъ такимъ, и онъ ему платилъ той же монетой, а потому, что, зная очень хорошо, что живетъ въ домѣ ума ишенныхъ и окруженъ больными, онъ *шестьдесятъ лѣтъ* говорилъ съ ними, какъ со здоровыми.

Число больныхъ тутъ ничего не значитъ, умъ имѣетъ свое оправданіе не въ большинствѣ голосовъ, а въ своей логической самозаконности. И если вся Англія будетъ убѣждена, что такой-то *medium* призываетъ души умершихъ, а одинъ Фарадей скажетъ, что это—вздоръ, то истина и умъ будутъ съ его стороны, а не со стороны всего англійскаго населенія. Еще больше, если и Фарадей не будетъ этого говорить, тогда истина объ этомъ предметѣ *совсѣмъ* существовать не будетъ, какъ сознанныя, но, тѣмъ не меньше,

¹⁾ «Опытъ измѣнить сумасшедшій домъ общественнаго устройства въ рациональный». А. И. Г.

единогласно принятая цѣлымъ народомъ нелѣпость все же будетъ нелѣпость.

Большинство, на которое жаловался больной, не потому страшно, что оно умно или глупо, право или неправо, во лжи или въ истинѣ, а потому, что оно сильно, и потому, что ключи отъ Бедлама у него въ рукахъ.

Сила не заключаетъ въ своемъ понятіи сознательности, какъ необходимаго условія; напротивъ, она тѣмъ непреодолимѣе, чѣмъ безумнѣе, тѣмъ страшнѣе, чѣмъ безсознательнѣе. Отъ поврежденнаго человѣка можно спастись, отъ стада бѣшеныхъ волковъ труднѣе, а передъ бессмысленной стихіей человѣку остается сложить руки и погибнуть.

Поступокъ Оуэна, поразившій ужасомъ Англію 1817 года, не удивилъ бы въ 1617 родину Ванини ¹⁾ и Джордано Бруно, не скандализировалъ бы въ 1717 ни Германію, ни Францію, а Англія не можетъ черезъ полвѣка вспомнить объ немъ безъ раздраженія. Можетъ быть, гдѣ-нибудь въ Испаніи монахи взбунтовали бы противъ него дикую чернь, или инквизиціонныя алгвазилы посадили бы его въ тюрьму, сожгли бы на кострѣ, но очеловѣченная часть общества была бы за него...

Развѣ Гете и Фихте, Кантъ и Шиллеръ, наконецъ, Гумбольдтъ въ наше время и Лессингъ сто лѣтъ тому назадъ скрывали свой образъ мыслей или имѣли безсовѣстность проповѣдывать шесть дней въ недѣлю въ академіяхъ и книгахъ свою философію, а на седьмой фарисейски слушать предику и морочить толпу, la plèbe, своимъ благочестивымъ христіанствомъ?

Во Франціи то же самое: ни Вольтеръ, ни Руссо, ни Дидро, ни всѣ энциклопедисты, ни школа Биша ²⁾ и Кабаниса ³⁾, ни Лапласъ, ни Контъ не прикидывались ультрамонтанами, не преклонялись благоговѣнно передъ «дорогими предрасудками», и это ни на одну юту не унизило, не умалило ихъ значенія.

Политически поработенный материкъ нравственно свободнѣе Англіи: масса идей и сомнѣній, находящихся въ оборотѣ, гораздо обширнѣе: къ ней привыкли, общество не трепещетъ ни страхомъ, ни негодованіемъ передъ свободнымъ человѣкомъ,

Wenn er die Kette bricht ⁴⁾.

¹⁾ Лючилю, итальян. философъ, сожженъ за критику религи.

²⁾ Франсуа, извѣстный физіологъ.

³⁾ Пьеръ-Жачъ, философъ-материалистъ.

⁴⁾ Когда онъ разбиваетъ цѣпь («Die Worte des Glaubens»).

Люди материка безпомощны передъ властью, выносятъ цѣпи, но не уважаютъ ихъ. Свобода англичанина больше въ учрежденіяхъ, чѣмъ въ немъ, чѣмъ въ его совѣсти; его свобода въ common law ¹⁾, въ habeas corpus, а не въ нравахъ, не въ образѣ мыслей. Передъ общественнымъ предразсудкомъ гордый бриттъ склоняется безъ ропота, съ видомъ уваженія. Само собою разумѣется, что вездѣ, гдѣ есть люди, тамъ лгутъ и притворяются, но не считаютъ откровенности порокомъ, не смѣшиваютъ смѣло высказанное убѣжденіе мыслителя съ неблагопристойностью развратной женщины, хвастающей своимъ паденіемъ, но не поднимаютъ лицемѣрія на степень общественной, и притомъ обязательной, добродѣтели ²⁾.

Конечно, ни Давидъ Юмъ, ни Гиббонъ не лгали на себя мистическихъ вѣрованій. Но Англія, слушавшая Оуэна въ 1817 г., была не та, во времени и *въ глубинѣ*. Цензъ пониманія расширился и не былъ больше ограниченъ отборнымъ вѣнкомъ образованныхъ аристократовъ и литераторовъ. Съ другой стороны, она лѣтъ пятнадцать просидѣла въ целлюлярной тюрьмѣ, запертая въ нее Наполеономъ, и, съ одной стороны, выдвинулась изъ потока идей, а съ другой,—жизнь вдвинула впередъ огромное большинство мѣщанства, эту conglomerated mediocrity ³⁾ Стюарта Милля. Въ новой Англіи люди, какъ Байронъ и Шелли, бродятъ иностранцами; одинъ проситъ у вѣтра нести его куда-нибудь, только не на родину; у другого судьи, съ помощью обезумѣвшей отъ изувѣрства семьи, отбираютъ дѣтей, потому что онъ не вѣритъ въ бога.

Итакъ, нетерпимость противъ Оуэна не даетъ никакого права заключать ни о ложности, ни объ истинности его ученія; она только даетъ мѣру безумія, т. е. нравственной несвободы Англіи, и въ особенностях того слоя, который ходитъ по митингамъ и пишетъ журнальныя статьи.

Умъ количественно всегда долженъ будетъ уступить, онъ на

¹⁾ Обычномъ правѣ.

²⁾ Въ нынѣшнемъ году мировой судья Темплъ не принялъ показанія одной женщины изъ Рочделя, потому что она отказалась присягать по данной формѣ, говоря, что не вѣритъ въ наказанія на томъ свѣтѣ. Трелонэ (сынъ извѣстнаго пріятеля Байрона и Шелли) спрашивалъ 12 февраля въ парламентѣ министра внутреннихъ дѣлъ, какія мѣры онъ предполагаетъ взять въ отстраненіе такихъ отводовъ. Министръ отвѣчалъ, что *никакихъ*. Подобные случаи повторялись много разъ, напр., съ извѣстнымъ публицистомъ Голюкомъ ⁴⁾. Лгать присягой дѣлается необходимостью. А. И. Г

³⁾ Сборная посредственность.

⁴⁾ (Нолуоакъ) Джоржъ-Якобъ, англійскій социалистъ; сужденный много разъ за свой атеизмъ, онъ обвинялся и въ томъ, что всегда подъ разными предлогами отказывался отъ присяги.

~~оно~~ всегда окажется слабѣйшимъ; онъ, какъ сѣверное сіяніе, свѣтитъ далеко, но едва существуетъ. Умъ—последнее усиліе, вершина, до которой развитіе не часто доходитъ; оттого-то онъ мощенъ, но не устоитъ противъ кулака. Умъ, какъ сознание, можетъ вовсе не быть на земномъ шарѣ; онъ едва родился въ сравненіи съ маститыми альпійскими старцами, свидѣтелями и участниками геологическихъ революцій. Въ до-человѣческой, въ около-человѣческой природѣ нѣтъ ни ума, ни глупости, а—необходимость условий, отношеній и послѣдствій. Умъ мутно глядитъ въ первый разъ молочнымъ взглядомъ животнаго, онъ медленно мужаетъ, вырастаетъ изъ своего ребячества, проходя стадной и семейной жизнью рода человѣческаго. Стремленіе пробиться къ уму изъ инстинкта постоянно является вслѣдъ за сытостью и безопасностью, такъ что въ какую бы минуту мы ни остановили людское сожитіе, мы поймемъ его на этихъ усиліяхъ достигнуть ума изъ-подъ власти безумія. Пути впередъ не назначено, его надобно прокладывать; исторія, какъ поэма Аріоста, несется зря, двадцатью эпизодами, бросаясь туда, сюда, съ тѣмъ тревожнымъ безпокойствомъ, которое уже безцѣльно волнуетъ обезьяну и котораго почти совсѣмъ нѣтъ у низшихъ звѣрей, этихъ довольныхъ животнаго царства.

Слово *lunatic asylum* ¹⁾ Оуэнъ, само собою разумѣется, употребилъ *comme une manière de dire* ²⁾. Государства—не дома сошедшихъ съ ума, а дома не *взошедшихъ въ умъ*. Практически, впрочемъ, онъ могъ употребить это выраженіе... не дѣлая ошибки. Ядъ или огонь въ рукахъ трехлѣтняго ребенка такъ же страшенъ, какъ въ рукахъ тридцатилѣтняго сумасшедшаго. Разница въ томъ, что безуміе одного—состояніе патологическое, другого—степень развитія, состояніе эмбриогеническое. Устрица представляетъ ту степень развитія организма, на которой животное *еще не имѣетъ* ногъ, она фактически *безногая*, но вовсе не такъ, какъ звѣрь, у котораго ноги отняты. Мы знаемъ (но устрица этого не знаетъ), что при хорошихъ обстоятельствахъ органическія попытки дойдутъ до ногъ и до крыльевъ, и смотримъ на неразвитыя формы моллюска, какъ на одну изъ растущихъ, прибывающихъ волнъ прилива, въ то время, какъ форма искаженная возвращается съ отливомъ въ стихійный океанъ и составляетъ частный случай смерти или агоніи.

Оуэнъ, убѣдившись, что организму въ тысячу разъ удобнѣе имѣть ноги, руки, крылья, чѣмъ постоянно дремать въ раковинѣ,

¹⁾ Домъ для умалишенныхъ.

²⁾ Для краснаго слова.

понимая, что изъ тѣхъ же самыхъ бѣдныхъ, но уже *существующихъ* частей организма есть возможность развить эти оконечности,—до того увлекся, что вдругъ сталъ проповѣдывать устрицамъ, чтобъ онѣ взяли свои раковины и пошли за нимъ. Устрицы обидѣлись и сочли его *анти-молюскою*, т. е. безнравственнымъ въ смыслѣ раковинной жизни, и прокляли его.

...«Характеръ человѣка существенно опредѣляется обстоятельствами, окружающими его. Но эти обстоятельства *общество можетъ легко* такъ устроить, чтобъ они способствовали наилучшему развитію умственныхъ и практическихъ способностей, сохраняя притомъ все безконечное разнообразіе личностей и соображаясь съ многообразіемъ физической и умственной натуры».

Все это понятно и надобно имѣть рѣдкую степень тупоумія, чтобъ возражать на этотъ тезисъ Оуэна. Да на него, замѣтите, никто и не возражаетъ. Возраженіе большинствомъ — не отвѣтъ, а насиліе; возраженіе, что это безнравственно или несогласно съ такой-то традиціонной религіей или съ иной,—тоже не опроверженіе. Въ худшемъ случаѣ такіе отвѣты могутъ только доказать *двойство между истиной и нравственностью, пользу лжи и вредъ правды*. Истина не подлежитъ этому суду, ея критеріумъ не тутъ.

Ахиллова пята Оуэна не въ ясныхъ и простыхъ основаніяхъ его ученія, а въ томъ, что онъ думалъ, что обществу легко понять его *простую* истину. Думая такъ, онъ впалъ въ святую ошибку любви и нетерпѣнія, въ которую впадали всѣ преобразователи и предтечи переворотовъ отъ Иисуса Христа до Томаса Мюнстера, Сень-Симона и Фурье.

Хроническое *недоуміе* въ томъ и состоитъ, что люди, подъ влияніемъ историческаго преломленія лучей и разныхъ нравственныхъ параллаксовъ, всего меньше понимаютъ *простое*, а готовы вѣрить, и еще больше *вѣрять, что понимаютъ* вещи очень сложныя и совершенно непонятныя, но традиціонныя, привычныя и соотвѣтствующія дѣтской фантазіи... Просто! Легко! Да всегда ли простое легко? Воздухомъ положительно проще дышать, чѣмъ водою, но для этого надобно имѣть легкія; а гдѣ же имъ развиться у рыбъ, которымъ нуженъ сложный дыхательный снарядъ, чтобъ достать немного кислорода изъ воды. Среда имъ не позволяетъ, ихъ не вызываетъ на развитіе легкія; она слишкомъ густа и иначе составлена, чѣмъ воздухъ. Нравственная густота и составъ, въ которомъ выросли слушатели Оуэна, обусловила у нихъ *свои духовныя жабры*, дышать болѣе чистой и рѣдкой средой должно было произзести боль и отвращеніе.

Не думайте, что тутъ только внѣшнее сравненіе, — тутъ истин-

ная аналогія одинакихъ явленій въ разныхъ возрастахъ и разныхъ сдюахъ.

Легко понять... легко исправить!— Помилуйте, кому? Той толпѣ, которая наполняетъ до давки колоссальный трансептъ ¹⁾ Кристальной дворца, слушаая съ жадностью и рукоплесканіемъ проповѣди какого-то плоскаго средневѣковаго бакалавра, попавшаго, не знаю какъ, въ нашъ вѣкъ и объщающаго толпѣ кары небесныя и бѣдствія земныя на вульгарномъ языкѣ шиллеровскаго капуцина въ «Walpenstein's Lager».

Для нихъ не легко!

Люди отдають долю своего достоянія и своей воли, подчиняются всякаго рода властямъ и требованіямъ, вооружаютъ цѣлыя толпы тунеядцевъ, строятъ суды, тюрьмы и страшатъ висѣлицей, строятъ церкви и страшатъ адомъ. Словомъ, дѣлають все такъ, чтобы куда человекъ ни обернулся, передъ его глазами былъ бы или палачъ земной, или палачъ небесный,—одинъ съ веревкой, готовый все кончить, другой съ огнемъ, готовый жечь всю вѣчность. Цѣль всего этого сохранить общественную безопасность отъ дикихъ страстей и преступныхъ покушеній, какъ-нибудь удержать въ руслѣ общественной жизни необузданныя покушенія вырвагся изъ него.

А тутъ является чудакъ, который прямо и просто говоритъ, да еще съ какой-то обидной наивностью, *что все это—вздоръ*, что человекъ вовсе не преступникъ *par le droit de naissance* ²⁾, что онъ такъ же мало отвѣчаетъ за себя, какъ и другіе звѣри, и, какъ они, суду не подлежитъ, а *воспитанію—очень*. И это не все: онъ передъ лицомъ судей и поповъ, имѣющихъ единственнымъ основаніемъ, единственной достаточной причиной своего существованія грѣхопаденіе, наказаніе и отпущеніе, всенародно объявляетъ, что человекъ не самъ творить свой характеръ, что стоитъ его поставить со дня рожденія въ такія обстоятельства, чтобы онъ могъ быть не мошенникомъ, такъ онъ и будетъ такъ себѣ, хорошій человекъ. А теперь общество рядомъ нелѣпостей наводитъ его на преступленіе, а люди наказываютъ не общественное устройство, а *лицо*.

И Оуэнъ воображалъ, что это *легко* понять?!

Развѣ онъ не зналъ, что намъ легче себѣ вообразить кошку, повѣшенную за мышегубство, и собаку, награжденную почетнымъ ошейникомъ за оказанное усердіе при поимкѣ укравшагося зайца, чѣмъ ребенка, не наказаннаго за дѣтскую шалость, не говоря уже о преступникѣ. Примириться съ тѣмъ, что мстить всѣмъ обще-

¹⁾ Поперечный проходъ.

²⁾ По праву рожденія.

ствомъ преступнику мерзко и глупо, что цѣлымъ соборомъ дѣлать безопасно и хладнокровно столько же злодѣйства надъ преступникомъ, сколько онъ сдѣлалъ, подвергаясь опасности и подѣ влияніемъ страсти, отвратительно и бесполезно, ужасно трудно, не по нашимъ жабрамъ! Рѣзко!

Въ боязливомъ упорствѣ массы, въ тупомъ отстаиваніи стараго, въ консервативной цѣпкости ея есть своего рода темное воспоминаніе, что висѣлица и покаяніе, смертная казнь и безсмертіе души, страхъ божій и страхъ власти, уголовная палата и страшный судъ, царь и жрецъ, — что все это были нѣкогда огромные шаги впередъ, огромныя ступени вверхъ, великіе Ergungenschaften ¹⁾, подмостки, по которымъ люди, выбиваясь изъ силъ, взбирались къ покойной жизни, комяги, на которыхъ подплывали, сами не зная дороги, къ гавани, гдѣ бы можно было отдохнуть отъ тяжелой борьбы со стихіями, отъ земляной и кровавой работы, можно было бы найти безтревожный досугъ и святую праздность, — этихъ первыхъ условій прогресса, свободы, искусства и сознанія!

Чтобъ сбѣречь этотъ дорого доставшійся покой, люди обставили свои гавани всякаго рода пугалами и дали своему царю въ руки палку, чтобъ погонять и защищать, а жрецу—власть проклинать и благословлять.

Одолѣвшее племя, естественно, кабалило себѣ племя покоренное, и на его рабствѣ основывало свой досугъ, т.-е. свое развитіе. Рабствомъ, собственно, началось государство, образованіе, человѣческая свобода. Инстинктъ самосохраненія навелъ на свирѣпыя законы, необузданная фантазія додѣлала остальное. Преданія, переходя изъ рода въ родъ, покрывали больше и больше цвѣтными туманами начала, и подавляющій владыка, такъ же, какъ подавленный рабъ, склонялся съ ужасомъ передъ заповѣдями и вѣрилъ, что при блескѣ молніи и трескѣ грома ихъ диктовалъ Іегова на Синаѣ или что они были внушены человѣку, избранному какимъ-нибудь паразитнымъ духомъ, живущимъ въ его мозгу.

Если свести всѣ разнообразныя основы этихъ краеугольныхъ камней, на которыхъ выводились государства, на главныя начала, освобождая ихъ отъ фантастическаго, дѣтскаго, принадлежащаго къ возрасту, то мы увидимъ, что они постоянно одни и тѣ же, соприсносущи всякой церкви и всякому государству; декораціи и формы мѣняются, но начала тѣ же.

Дикая расправа царя-звѣролова въ Африкѣ, который собственноручно прирѣзываетъ преступника, совсѣмъ не такъ далека

¹⁾ Завоеванія.

отъ расправы судьи, довѣряющаго другому убійство. Дѣло въ томъ, что ни судья въ шубѣ, въ бѣломъ парикѣ, съ перомъ за ухомъ, ни голый африканскій царь, съ перомъ въ носу и совершенно черный, не сомнѣваются, что они это дѣлаютъ для спасенія общества и не только имѣютъ право въ иныхъ случаяхъ убивать, но и священный долгъ.

Нескладная бессмыслица, произносимая какимъ-нибудь лѣснымъ заклинателемъ, и складный вздоръ, произносимый какимъ-нибудь архіереемъ или первосвященникомъ, также похожи другъ на друга. Существенное не въ томъ, какъ кто ворожить и какихъ духовъ призываетъ, а въ томъ, допускаютъ ли они или нѣтъ какой-то заграничный міръ, котораго никто не видѣлъ,—міръ, дѣйствующій безъ тѣла, разсуждающій безъ мозга, чувствующій безъ нервъ и имѣющій вліяніе на насъ не только послѣ нашего перехода въ эфирное состояніе, но и при теперешнемъ податномъ состояніи. Если допускаютъ,—остальное—оттѣнки и подробности: египетскіе боги съ собачьей мордой и греческіе съ очень красивымъ лицомъ, богъ Авраама, богъ Іакова, богъ Іосифа Маццини, богъ Пьера Леру, это—все тотъ же богъ, такъ ясно опредѣленный въ алкоранѣ: «богъ есть богъ».

Чѣмъ развитѣе народъ, тѣмъ развитѣе его религія, но съ тѣмъ вмѣстѣ, чѣмъ религія дальше отъ фетишизма, тѣмъ она глубже и тоньше проникаетъ въ душу людей. Грубый католицизмъ и позолоченный византизмъ не такъ суживаютъ умъ, какъ тощій протестантизмъ; а религія безъ откровенія, безъ церкви и съ притязаніемъ на логику почти неискоренима изъ головы поверхностныхъ умовъ, равно не имѣющихъ ни довольно сердца, чтобъ вѣрить, ни довольно мозга, чтобъ разсуждать ¹⁾).

¹⁾ Нѣтъ той логической абстракціи, нѣтъ того собирательнаго имени, нѣтъ того неизвѣстнаго начала или неизслѣдованной причины, которая не побывала бы, хоть на короткое время, божествомъ или святыней. Иконоборцы рационализма, сильно ратующіе противъ кумировъ, съ удивленіемъ видятъ, что по мѣрѣ того, какъ они сбрасываютъ однихъ съ пьедесталовъ, на нихъ являютея другіе. А по большей части они и не удивляются, потому ли, что вовсе не замѣчаютъ, или сами ихъ принимаютъ за истинныхъ боговъ.

Естествоиспытатели, хвастающіеся своимъ матеріализмомъ, толкуютъ о какихъ-то впередъ задуманныхъ планахъ природы, о ея цѣляхъ и ловкомъ избраніи средствъ; ничего не поймешь, какъ будто, *natura sic voluit* *) яснѣе *fiat lux?* **) Это—фатализмъ въ *третьей* степени, въ кубѣ: на первой кипитъ кровь

*) Такъ пожелала природа.

**) Да будетъ свѣтъ.

То же самое и въ юридической церкви. Царь-звѣролововъ, исполняющій бердышомъ или топоромъ свой приговоръ, близокъ къ тому, что виновный или подсудимый, если у него бердышъ длиннѣе, предупредить его. Сверхъ того, юристъ съ перомъ въ носу, вѣроятно, будетъ казнить зря, по пристрастію, толпа будетъ роптать и, наконецъ, взбунтуется открыто или подчинится суду страдательно и безъ вѣры, какъ подчиняется человекъ чумѣ или наводненію. Но тамъ, гдѣ нѣтъ лицепріятія, гдѣ судъ честенъ, т.-е. вѣренъ своимъ началамъ, что вовсе не мѣшаетъ началамъ быть невѣрными, тамъ онъ становится вдвое незыблемѣе, и никто не сомнѣвается въ немъ, не исключая самого паціента, который печально отправляется на висѣлицу, увѣренный, что такъ и надобно, что они дѣло дѣлаютъ, вѣшая его.

Сверхъ страха воли,—того страха, который дѣти чувствуютъ, начиная ходить безъ помочей, сверхъ привычки къ этимъ порученіямъ, облитымъ потомъ и кровью, къ этимъ ладьямъ, сдѣлавшимся ковчегами спасенія, въ которыхъ народы пережили не одинъ черный день,—есть еще сильные контрфорсы, поддерживающіе ветхое зданіе. Незрелость массъ, не умѣющихъ понимать, съ одной стороны, и корыстный страхъ, съ другой,—мѣшающій, понимать меньшинству, долго продержатъ на ногахъ старый порядокъ. Образованныя сословія, противно своимъ убѣжденіямъ, готовы сами ходить на веревкѣ, лишь бы не спускали съ нея толпу.

Оно и, въ самомъ дѣлѣ, не совсѣмъ безопасно.

Внизу и вверху разные календари. Наверху XIX вѣкъ, а внизу, развѣ, XV, да и то не въ самомъ низу,—тамъ уже готтентоты и кафры различныхъ цвѣтовъ, породъ и климатовъ.

Если, въ самомъ дѣлѣ, подумать объ этой цивилизаціи, которая осѣдаетъ лаццаронами и лондонской чернью, людьми, свернувшими съ подороги и возвращающимися къ состоянію лемуровъ

Януарія, на второй—орошаются поля дождемъ по молитвѣ, на третьей открываются тайные замыслы химическаго процесса, хвалятся экономической способности жизненной силы, заготовляющей желтки для зародышей, и т. п. Какъ ни смѣшны *протестантскія* статьи, издѣвающіяся надъ кипѣніемъ крови св. Януарія, помѣщаемыя рядомъ съ молитвами архіереевъ о снабженіи такой-то страны дождемъ или засухой,—какъ будто, кипятить кровь въ католической склянкѣ труднѣе для бога, чѣмъ мочить и сушить по надобности протестантскія поля,—но тутъ иной разъ проглядываетъ наивная глупость, и потому онъ ничего не значатъ въ сравненіи съ благочестивой риторикой, которую мы безпрестанно находимъ въ фізіологическихъ или геологическихъ лекціяхъ и трактатахъ, въ которыхъ естествоиспытатель съ умиленіемъ толкуетъ о благодати провидѣнія, снабдившаго птицъ крыльями, безъ которыхъ бѣдняжки бы попадали и расшиблись въ прахъ, и пр. А. И. Г.

и обезьянъ, въ то время, какъ на вершинахъ ея цвѣтутъ бездарные Меровинги всѣхъ династій и тщедушные ацтеки всѣхъ аристократій,—дѣйствительно, голова закружится. Вообразите себѣ этотъ элѣрицацъ на волѣ, безъ церкви, безъ инквизиціи и суда, безъ попа, царя и палача!

Оуэнь считалъ ложью, т.-е. отжившей правдой, вѣковыя твердыни теологіи и юриспруденціи, и это понятно; но когда онъ подъ этимъ предлогомъ требовалъ, чтобъ онъ сдались, онъ забылъ храбрый гарнизонъ, защищающій крѣпость. Ничего въ мірѣ нѣтъ упорнѣе труппа: его можно убить, разбить на части, но убѣдить нельзя. Къ тому же, на нашемъ Олимпѣ сидятъ уже не стоворчивые, не разгульные боги Греціи, которымъ, по словамъ Дукіана, пока они придумывали мѣры противъ атеизма, пришли доложить, что дѣло ихъ проиграно и что въ Афинахъ доказали, что *ихъ* нѣтъ, а они поблѣднѣли, улетучились и исчезли. Греки, люди и боги, были проще. Греки вѣриди вздору, играли въ мраморныя куклы изъ дѣтской артистической потребности, а мы изъ *процентова*, изъ барышей поддерживаемъ иезуитовъ и old shop ¹⁾ въ обузданіе народа и обезпеченіе эксплуатаціи его. Какая же логика тутъ возьметъ?

Это приведетъ насъ къ вопросу не о томъ, правъ или не правъ Р. Оуэнь, а о томъ, *совмѣстны ли, вообще, разумное сознаніе и нравственная независимость съ государственными бытомъ?*

Исторія свидѣтельствуетъ, что общества постоянно достигаютъ разумной автономіи, но свидѣтельствуетъ также, что они остаются въ нравственной неволѣ. Разрѣшима эти вопросы или нѣтъ, сказать трудно; ихъ не рѣшишь съ плеча, особенно одной любовью къ людямъ и другими теплыми и благородными чувствами.

Во всѣхъ сферахъ жизни мы наталкиваемся на неразрѣшимыя антиноміи, на эти асимптоны, вѣчно стремящіяся къ своимъ гиперболамъ, никогда не совпадая съ ними. Это—крайнія грани, между которыми колеблется жизнь, движется и утекаетъ, касаясь то того берега, то другого.

Появленіе людей, протестующихъ противъ общественной неволи и неволи совѣсти,—не новость; они являлись обличителями и пророками во всѣхъ сколько-нибудь назрѣвшихъ цивилизаціяхъ, особенно, когда онъ старѣли. Это—высшій предѣлъ, *перехватывающая личность*, явленіе исключительное и рѣдкое, какъ гений, какъ красота, какъ необыкновенный голосъ. Опытъ не доказываетъ, чтобъ ихъ утопіи были осуществяемы.

¹⁾ Старую лавку; такъ англичане фамильярно называютъ церковь.

У насъ передъ глазами страшный примѣръ. Съ тѣхъ поръ, какъ родъ человѣческой запомнить себя, не встрѣчалось никогда такого стеченія счастливыхъ обстоятельствъ для разумнаго и свободнаго развитія государственнаго, какъ въ Сѣверной Америкѣ; все мѣшающее на истощенной, исторической почвѣ или на почвѣ, вообще невоздѣланной, отсутствовало. Ученіе великихъ мыслителей и революціонеровъ XVIII вѣка безъ французской военщины, англійской common law безъ кастъ легли въ основу ихъ государственнаго быта. Чего же больше? Все, о чемъ мечтала старая Европа: республика, демократія, федерація, самозаконность каждаго клочка и едва связывающій общій правительственный поясъ съ слабымъ узломъ въ серединѣ.

Что же вышло изъ всего этого?

Общество, большинство захватило диктаторскую и полицейскую власть; самъ народъ исполняетъ должность Николая Павловича, III-го Отдѣленія и палача; народъ, объявившій восемьдесятъ лѣтъ тому назадъ «права человѣка», распадается изъ-за «права сѣчь». Преслѣдованія и гоненія въ Южныхъ Штатахъ, поставившихъ на своемъ знамени слово *Рабство*, такъ, какъ нѣкогда Николай ставилъ на своемъ слово *Самодержавіе*, за образъ мыслей и слова, не уступаютъ въ гнусности тому, что дѣлалъ неаполитанскій король и вѣнскій императоръ.

Въ Сѣверныхъ Штатахъ «рабство» не возведено въ догматъ религіи; но каковъ уровень образованія и свободы совѣсти въ странѣ, бросающей счетную книгу только для того, чтобъ заниматься вертящимися столами, постукивающими духами,—въ странѣ, хранящей всю нетерпимость пуританъ и квакеровъ!

Въ формахъ болѣе мягкихъ мы то же встрѣчаемъ въ Англии и въ Швеціи. Чѣмъ страна свободнѣе отъ правительственнаго вмѣшательства, чѣмъ больше признаны ея права на слово, на независимость совѣсти, тѣмъ нетерпимѣе дѣлается толпа, общественное мнѣніе становится застѣнкомъ; вашъ сосѣдъ, вашъ мясникъ, вашъ портной, семья, клубъ, приходъ держатъ васъ подъ надзоромъ и исправляютъ должность квартальнаго. Неужели только народъ, не способный къ *внутренней* свободѣ, можетъ достигнуть свободныхъ учреждений? или не значитъ ли это, наконецъ, что государство развиваетъ постоянно потребности и идеалы, достиженіе которыхъ исполняетъ дѣятельностью лучшіе умы, но которыхъ осуществленіе несовмѣстимо съ государственной жизнью?

Мы не знаемъ рѣшенія этого вопроса, но считать его рѣшеннымъ не имѣемъ права. Исторія до сихъ поръ чѣмъ его рѣшаетъ однимъ образомъ, нѣкоторые мыслители, и въ томъ числѣ Р. Оуэнъ—иначе.

Оуэнъ *върнѣтъ* несокрушимой вѣрой мыслителей XVIII-го столѣтія (прозваннаго вѣкомъ безвѣрія), что человѣчество наканунѣ своего торжественнаго облеченія въ вирильную тогу ¹⁾. А намъ кажется, что всѣ опекуны и пастухи, дядьки и мамки могутъ спокойно ѣсть и спать на счетъ недоросля. Какой бы вздоръ народы ни потребовали, *на нашею отьку* они не потребуютъ права совершеннolѣтія. Человѣчество еще долго проходить съ отложными воротничками à l'enfant.

Причинъ на это бездна. Для того, чтобы человѣку образумиться и прійти въ себя, надобно быть гигантомъ; да, наконецъ, и никакія колоссальныя силы не помогутъ пробиться, если быть общественный такъ хорошо и прочно сложился, какъ въ Японіи или Китаѣ. Съ той минуты, когда младенецъ, улыбаясь, открываетъ глаза у груди своей матери, до тѣхъ поръ, пока, примирившись съ совѣстью и богомъ, онъ такъ же спокойно закрываетъ глаза, увѣренный, что, пока онъ соснетъ, его перевезутъ въ обитель, гдѣ нѣтъ ни плача, ни воздыханія,—все такъ улажено, чтобы онъ не развилъ ни одного простого понятія, не натолкнулся бы ни на одну простую, ясную мысль. Онъ съ молокомъ матери сосетъ дурманъ; никакое чувство не остается не искаженнымъ, не сбитымъ съ естественнаго пути. Школьное воспитаніе продолжаетъ то, что сдѣлано дома, оно обобщаетъ оптической обманъ, книжно упрочиваетъ его, теоретически узакониваетъ традиціонный хламъ и приучаетъ дѣтей къ тому, чтобы они *знали, не понимая*, и принимали бы *названія за опредѣленія*.

Сбитый въ понятіяхъ, запутанный словами, человѣкъ теряетъ чутье истины, вкусъ природы. Какую же надобно имѣть силу мышленія, чтобы заподозрить этотъ нравственный чадъ и уже съ круженіемъ головы броситься изъ него на чистый воздухъ, которымъ вдравокъ страшатъ всѣ вокругъ! На это Оуэнъ отвѣчалъ бы, что онъ именно потому и начиналъ свое социальное перерожденіе людей не съ фаланстера, не съ Икаріи, а со школы,—со школы, въ которую онъ бралъ дѣтей съ двухлѣтняго возраста и меньше.

Оуэнъ былъ правъ, и еще больше—онъ практически доказалъ, что *онъ былъ правъ*: передъ New Lanark'омъ противники Оуэна молчатъ. Этотъ проклятый New Lanark, вообще, костью стоитъ въ горлѣ людей, постоянно обвиняющихъ социализмъ въ утопіяхъ и въ неспособности что-нибудь осуществить на практикѣ. «Что сдѣлалъ Консидеранъ съ Брейсбеномъ, что монастырь Сито, что портные въ Клиши и Vanque du peuple Прудона?» Но противъ блестящаго успѣха New Lanark'a сказать нечего. Ученые и послы, министры и герцоги, купцы и лорды,—все выходило съ удивленіемъ и благого-

¹⁾ Мужская тога, которую римляне одѣвали по достиженіи 17 лѣтъ.

вѣніемъ изъ школы. Докторъ герцога Кентскаго, скептикъ, говорилъ о Lanark'ѣ съ улыбкой. Герцогъ, другъ Оуэна, совѣтовалъ ему съѣздить самому въ New Lanark. Вечеромъ докторъ пишетъ герцогу: «Отчетъ я оставляю до завтра; я такъ взволнованъ и тронутъ тѣмъ, что видѣлъ, что не могу еще писать; у меня нѣсколько разъ наворачивались слезы на глазахъ». На этомъ торжественномъ признаніи я и жду моего старика. Итакъ, онъ доказалъ свою мысль на дѣлѣ, — онъ былъ правъ. Пойдемте далѣе.

New Lanark былъ на вершинѣ своего благосостоянія. Неутѣмимый Оуэнъ, несмотря ни на лондонскія поѣздки, ни на митинги, ни на безпрерывныя посѣщенія всѣхъ знаменитостей Европы, даже, какъ мы сказали, самого Николая Павловича, съ той же дѣятельной любовью занимался школой-фабрикой и благосостояніемъ работниковъ, между которыми развивалъ общинную жизнь. И все лопнуло!

Что же, вы думаете, онъ обанкротился? Учителя перессорились, дѣти избаловались, родители спились? Помилуйте, фабрика шла превосходно, доходы росли, работники богатѣли, школа процвѣтала. Но однимъ добрымъ утромъ въ эту школу взошли какіе-то два черныхъ шута, въ низенькихъ шляпахъ, въ намѣренно дурно сшитыхъ сюртукахъ: это были двое квакеровъ, такіе же собственники New Lanark'a, какъ и самъ Оуэнъ. Насупили они брови, видя веселыхъ дѣтей, нисколько не горюющихъ о грѣхопаденіи; ужаснулись, что маленькіе мальчики безъ панталонъ, и потребовали преподаваніе какого-то своего катехизиса. Оуэнъ сначала отвѣчалъ гениально: цифрой приращенія доходовъ. Ревность о Господѣ успокоилась на время: такъ грѣховная цифра была велика. Но совѣсть квакеровъ проснулась опять, и они еще настоятельнѣе стали требовать, чтобы дѣтей не учили ни танцевать, ни *святую* му пѣнію, а раскольничьему катехизису — непременно.

Оуэнъ, у котораго хоры, правильныя эволюціи и танцы играли важную роль въ воспитаніи, не согласился. Были долги пренія; квакеры рѣшились на этотъ разъ упрочить свои мѣста въ раю и требовали введенія псалмовъ и какихъ-то штанишекъ дѣтямъ, ходившимъ по-шотландски. Оуэнъ понялъ, что крестовый походъ квакеровъ на этомъ не остановится. «Въ такомъ случаѣ», сказалъ онъ имъ, «управляйте сами; я отказываюсь». Онъ не могъ иначе поступить.

«Квакеры», говоритъ біографъ Оуэна, «вступивъ въ управленіе New Lanark'омъ, начали съ того, что *уменьшили плату и увеличили число часовъ работы*».

New Lanark палъ

Не надобно забывать, что успѣхъ Оуэна раскрываетъ еще одну великую историческую *новость*, именно ту, что бѣдный и подавленный работникъ, лишенный образованія, съ дѣтства приученный къ пьянству и обману, къ войнѣ съ обществомъ, только сначала противодѣйствуетъ нововведеніямъ, и то изъ недовѣрія, но какъ только онъ убѣждается въ томъ, что перемѣна не во вредъ ему, что при ней и онъ не забудетъ, онъ слѣдуетъ съ покорностью, потомъ съ довѣрчивой любовью.

Среда, служащая тормазомъ,—не тутъ.

Гейнцъ, литературный холопъ Меттерниха; за обѣдомъ во Франкфуртѣ сказалъ Роберту Оуэну: «Положимъ, что вы бы успѣли,—что же бы изъ этого вышло?»

— Очень просто,—отвѣчала Оуэнъ:—вышло бы то, что каждый былъ бы сытъ, хорошо одѣтъ и получилъ бы дѣльное воспитаніе.

— Да, вѣдь, этого-то именно мы не хотимъ,—замѣтилъ Цицеронъ Вѣнскаго конгресса. Гейнцъ, чего нѣтъ другого, былъ откровененъ.

Съ той минуты, какъ попы, лавочники догадались, что *потышица* роты работниковъ и учениковъ—дѣло очень серьезное, гибель New Lanark'a была неминуема.

И вотъ отчего паденіе небольшой шотландской деревушки съ фабрикой и школой имѣетъ значеніе историческаго несчастія. Развалины оуэнскаго New Lanark'a наводятъ на нашу душу не меньше грустныхъ думъ, какъ нѣкогда другія развалины ¹⁾ наводили на душу Марія,—съ той разницей, что римскій изгнанникъ сидѣлъ на гробѣ старца и думалъ о суетѣ суетствій, а мы то же думаемъ, сидя у свѣжей могилы младенца, много обѣщавшаго и убитаго дурнымъ уходомъ и страхомъ, *что онъ потребуеть наслѣдства!*

III.

Итакъ, Р. Оуэнъ былъ правъ передъ разумомъ; выводы его были логичны и, еще больше, были практически оправданы; имъ только недоставало *пониманія* со стороны слушавшихъ его.

— Это—дѣло времени, когда-нибудь люди поймутъ.

— Я не знаю.

— Нельзя же думать, чтобъ люди никогда не дошли до пониманія своихъ собственныхъ выгодъ.

— Однако, до сихъ поръ было такъ; этотъ недостатокъ пониманія восполнялся церковью и государствомъ, т.-е. двумя гла-

¹⁾ Т.-е. Кароагена.

внѣйшими препятствіями къ дальнѣйшему развитію. Это — логическій кругъ, изъ котораго очень трудно выйти. Оуэнъ воображалъ, что достаточно людямъ указать на отжившую нелѣпость ихъ, чтобъ люди освободились, — и ошибся. Нелѣпость ихъ, особенно церкви, очевидна; но это имъ нисколько не мѣшаетъ. Несокрушимая твердость ихъ основана не на разумъ, а на недостаткъ его, и дотому они почти такъ же мало зависятъ отъ критики, какъ горы, лѣса, скалы. Исторія развивалась нелѣпостями; люди постоянно стремились за бреднями, а дѣстигали очень дѣйствительныхъ послѣдствій. Наяву сонные, они шли за радугой, искали то рай на небѣ, то небо на землѣ, а по дорогѣ пѣли свои вѣчныя пѣсни, украшали храмы своими вѣчными изваяніями, построили Римъ и Аѳины, Парижъ и Лондонъ. Одно сновидѣніе уступаетъ другому; сонъ становится *иногда* тоньше, но никогда не проходитъ. Люди принимаютъ все, вѣрятъ во все, покоряются всему и многимъ готовы жертвовать; но они съ ужасомъ отпрядываютъ, когда между двумя религіями въ раскрытую щель, въ которую проходитъ дневной свѣтъ, дунетъ на нихъ свѣжій вѣтеръ разума и критики. Если-бъ, напр., Р. Оуэнъ хотѣлъ исправить англиканскую церковь, ему такъ же бы удалось, какъ унитаріямъ, квакерамъ и не знаю кому. Перестраивать церковь, ставить алтарь за перегородку или безъ перегородки, вынести образа или принести ихъ еще больше, — это все можно, и тысячи пойдутъ за реформаторомъ; но Оуэнъ хотѣлъ вести *вонъ* изъ церкви, — тутъ *sta, viator!* ¹⁾, тутъ рубежъ. До границы легко итти; труднѣйшее во всякой странѣ — это перейти ее, особенно, когда самъ народъ со стороны таможи.

Во всю тысячу и одну ночь исторіи, какъ только накапливалось немного образованія, попытки эти были; нѣсколько чловѣкъ просыпались, протестовали противъ спящихъ, заявляли, что они наяву, но другихъ добудитъ не могли. Появленіе ихъ доказываетъ, безъ малѣйшаго сомнѣнія, возможность чловѣка развиваться до разумнаго пониманія. Но этимъ не разрѣшается нашъ вопросъ: можетъ ли это исключительное развитіе сдѣлаться общимъ? Наведеніе, которое намъ даетъ прошедшее, не въ пользу положительнаго рѣшенія. Развѣ, будущее войдетъ иначе, приведетъ иныя силы, иныя элементы, которыхъ мы не знаемъ, и которые перевернутъ, по плюсу или минусу, судьбы чловѣчества или значительной части его. Открытіе Америки равняется геологическому перевороту; желѣзныя дороги, электрической телеграфъ измѣнили всѣ чловѣческія отношенія. То, чего мы не знаемъ, мы не имѣемъ права вво-

¹⁾ Стой, путникъ!

дить въ нашъ разсчетъ; но, принимая всѣ лучшіе шансы, мы, все же, не предвидимъ, чтобъ люди скоро почувствовали потребность *здраваго смысла*. Развитие мозга требуетъ своего времени. Въ природѣ нѣтъ торопливости; она могла тысячи и тысячи лѣтъ лежать въ каменномъ обморокѣ и другія тысячи чирикать птицами, рыскать звѣрями по лѣсу или плавать рыбой по морю. Историческаго бреда ей станетъ надолго: имъ же превосходно продолжается пластичность природы, истощенной въ другихъ сферахъ.

Люди, котрые поняли, что это — сонъ, воображаютъ, что проснуться легко, сердятся на спящихъ, не соображая, что весь міръ, ихъ окружающій, не позволяетъ имъ проснуться. Жизнь проходитъ рядомъ оптическихъ обмановъ, искусственныхъ потребностей и мнимыхъ удовлетвореній.

Случайно, не выбирая, возьмите любую газету, взгляните на любую семью. Какой же тутъ Робертъ Оуэнъ поможетъ? Изъ вздора люди страдаютъ съ самоотверженіемъ, изъ вздора идутъ на смерть, изъ вздора убиваютъ другихъ. Въ вѣчной заботѣ, суетѣ, нуждѣ, тревогѣ, въ потѣ лица, въ трудѣ безъ отдыха и конца человѣкъ даже и не наслаждается. Если ему досугъ отъ работы, онъ торопится свить семейныя сѣти, вьетъ ихъ совершенно случайно, самъ попадаетъ въ нихъ, стягиваетъ другихъ и, если не долженъ спастись отъ голодной смерти каторжной, нескончаемой работой, то начинаетъ ожесточенное преслѣдованіе жены, дѣтей, родныхъ, или самъ преслѣдуется ими. Такъ люди гонятъ другъ друга во имя родительской любви, во имя ревности, во имя брака, дѣлая ненавистными священнѣйшія связи. Когда же тутъ образумиться? Развѣ, по другую сторону семьи, за ея гробомъ, когда человѣкъ все потерялъ, — и энергію, и свѣжесть мысли, — когда онъ ищетъ одного покоя.

Посмотрите на хлопоты и заботы цѣлаго муравейника или одного муравья отдѣльно; вникните въ его домогательства и цѣли, въ его радости и горе, въ его понятія о добрѣ и злѣ, о *чести и позорѣ*, — во все, что онъ дѣлаетъ въ продолженіе всей жизни съ утра до ночи; взгляните, на что онъ посвящаетъ послѣдніе дни и чему жертвуетъ лучшими мгновеніями своей жизни, — вась обдасть дѣтской, съ ея лошадами на колесахъ, съ блестящими и фольгой, съ куклами, поставленными въ уголь, и съ розгами, поставленными — въ другой. Въ ребячьемъ лепетѣ слышится иной разъ проблискъ дѣла, но онъ теряется въ дѣтской разсѣянности. Остановиться, обдуматься нельзя, — дѣла разстроишь, отстанешь, будешь затергъ; всѣ слишкомъ компрометировались, и всѣ слишкомъ быстро несутся, чтобъ можно было остановиться, особенно передъ горстью

людей безъ пушекъ, безъ денегъ, безъ власти, *протестующихъ во имя разума*, не подтверждая даже своей истины чудесами.

Ротшильду или Монтефиоре ¹⁾ *надобно* съ утра въ бюро, чтобъ начать капитализацію сотаго милліона; въ Бразиліи моръ, въ Италиі война, Америка распадается, — все идетъ прекрасно; а тутъ, ему говорятъ о безотвѣтственности челоуѣка и *объ иномъ* распредѣленіи богатствъ, — разумѣется, онъ не слушаетъ. Макъ-Магонъ дни, ночи обдумывалъ, какъ вѣрнѣе въ самое короткое время истребить наибольшее количество людей, одѣтыхъ въ *бѣлые* мундиры, людьми, одѣтыми въ красные штаны; истребилъ ихъ больше, чѣмъ думалъ; всѣ его поздравляютъ, даже ирландцы, которые, въ качествѣ папистовъ, побиты имъ, — а ему говорятъ, что война — не только отвратительная нелѣпость, но и преступленіе. Разумѣется, вмѣсто того, чтобъ слушать, онъ станеть любоваться мечомъ, поднесеннымъ Ирландіей.

Въ Италиі я былъ знакомъ съ однимъ старикомъ, главою богатаго банкирскаго дома. Разъ, поздно ночью, мнѣ не спалось, я пошелъ гулять и возвращался, часу въ пятомъ утра, мимо его дома. Работники выкатывали изъ подваловъ боченки съ оливковымъ масломъ для отправки моремъ. Старикъ банкирь, въ тепломъ сюртукѣ, стоялъ съ бумагой въ рукѣ, отмѣчая каждый боченокъ. Утро было свѣжо, онъ зябнулъ.

— Вы уже встали? — сказалъ я ему.

— Я здѣсь больше часа, — ~~с~~вѣчалъ онъ, улыбаясь и протягивая руку.

— Да вы замерзли, какъ въ Россіи.

— Что дѣлать, старъ становлюсь, силы отказываютъ. Пріятели-то ваши (т. е. его сыновья) спятъ еще, небось, — и пусть поспятъ, пока старикъ еще живъ. А безъ собственнаго надзора нельзя. Я — прежняго покроя челоуѣкъ, много наглядѣлся; пять революцій, *amisio mio*, видѣлъ, возлѣ прошли; а я за своей работой все такъ же: отпущу масло, пойду въ контору. Я и кофей тамъ пью, — прибавилъ онъ.

— И такъ до самаго обѣда?

— До самаго обѣда.

— Вы не балуете себя.

— А, впрочемъ, скажу вамъ откровенно, тутъ много дѣлаетъ привычка. *Мнѣ скучно безъ дѣла*.

Не нынче — завтра онъ умретъ. Кто же будетъ масло отпускать, какъ пойдетъ } домъ? — думалъ я, оставивъ его. Развѣ, къ тѣмъ

¹⁾ Мозесъ, банкирь и филантропъ.

поражъ старшій сынъ тоже сдѣлается человѣкомъ прежняго покроя и тоже будетъ скучать безъ дѣла и вставать въ четыре часа. Такъ и пойдетъ одна тысяча золотыхъ къ другой до тѣхъ поръ, пока кто-нибудь изъ династовъ, и, навѣрное, самый лучший, проиграетъ все въ карты или поднесетъ лореткѣ.—«Родители-то какіе были! — скажутъ добрые люди, — они отказывали во всемъ себѣ и другимъ тоже и все копили про дѣтей. А вотъ блудный сыгы...»

Ну, гдѣ же тутъ скоро добраться сквозь эту толщу, нелѣпости до живого мяса?

Этимъ людямъ, занятымъ службой, ажіотажемъ, семейными ссорами, картами, орденами, лошадьми, Р. Оуэнъ проповѣдывалъ другое употребленіе силъ и указывалъ имъ на нелѣпость ихъ жизни. Убѣдить ихъ онъ не могъ, а озлобилъ ихъ и опрокинулъ на себя всю нетерпимость непониманія. Одинъ разумъ долготерпѣливъ и милосердъ, потому что онъ понимаетъ.

Биографъ Р. Оуэна очень вѣрно судилъ, говоря, что онъ разрушилъ свое вліяніе, отрекаясь отъ религіи. Дѣйствительно, стукнувшись о церковную ограду, ему слѣдовало остановиться, а онъ перелѣзъ на другую сторону и остался тамъ одинъ одиноконекъ, провожаемый благочестивымъ ругательствомъ. Но намъ кажется, что рано или поздно, онъ точно такъ же остался бы и за *другими черепками* раковины—одинъ и outlaw ¹⁾!

Толпа только потому не освирипѣла на него съ самаго начала, что государство и судъ не такъ популярны, какъ церковь и алтарь. Но за право наказанія вступились бы, à la longue ²⁾, люди получше подкованные, чѣмъ богобѣснующіеся квакеры и фельетонные святоши.

О церковномъ ученіи и истинахъ катехизиса никто, уважающій себя, не споритъ, зная впередъ, что они не могутъ выдержать никакой критики. Нельзя же серьезно доказывать *постное* зачатіе дѣвы Маріи или увѣрять, что геологическія изслѣдованія Моисея сходны съ изслѣдованіями Мурчисона. Свѣтскія церкви *гражданскаго и уголовнаго суда* и догматы юридическаго катехизиса стоятъ гораздо тверже и пользуются *впередъ до разсмотрѣнія* правами доказанныхъ истинъ и незыблемыхъ аксіомъ.

Люди, опрокинувшіе алтари, не дерзали коснуться до зеркала. Анахарсисъ Клоотсъ, гебертисты, назвавшіе бога по имени—Разумомъ, были такъ же увѣрены во всѣхъ *salus populi* ³⁾ и другихъ

¹⁾ Отверженный.

²⁾ Наконецъ.

³⁾ Общественное благополучіе.

гражданскихъ заповѣдяхъ, какъ средневѣковые попы въ каноническомъ правѣ и въ необходимости жечь колдуновъ.

Давно ли одинъ изъ сильнѣйшихъ, изъ самыхъ смѣлыхъ мыслителей нашего вѣка ¹⁾, для того, чтобъ нанести церкви послѣдній ударъ, секуляризоваль ее въ трибуналь и, вырывая изъ рукъ жрецовъ Исаака, приготовляемаго на закланіе богу, отдалъ его подъ судъ, т.-е. на закланіе справедливости?

Вѣковой споръ,—споръ тысячелѣтній о *воль и предопредѣленіи* не конченъ. Не одинъ Оуэнъ въ наше время сомнѣвался въ отвѣтственности человѣка за его поступки; слѣды того сомнѣнія мы найдемъ у Бентама и у Фурье, у Канта и у Шопенгауэра, у натуралистовъ и у врачей и, что всего важнѣе, у всѣхъ занимающихся статистикой преступленій. Во всякомъ случаѣ споръ не рѣшенъ, но о томъ, что преступника наказывать справедливо, и притомъ по мѣрѣ преступленія, объ этомъ и спору нѣтъ, это всякій самъ знаетъ!

Съ которой же стороны *lunatic asylum* ²⁾?

«Наказаніе есть неотъемлемое право преступника», сказалъ самъ Платонъ.

Жаль, что онъ самъ сказалъ этотъ каламбуръ, но, впрочемъ, мы не обязаны съ Аддисоновымъ ³⁾ «Катонѣмъ» приговаривать ко всему: «ты правъ, Платонъ, ты правъ», даже и тогда, когда онъ говоритъ, что «нашъ духъ не умираетъ».

Если быть выпоротому или повѣшенному составляетъ *право* преступника, пусть же онъ самъ и предъявляетъ его, если оно нарушено. Права втѣснять не надобно.

Бентамъ называетъ преступника дурнымъ счетчикомъ; понятно, что кто обчелся, тотъ долженъ нести послѣдствія ошибки, но, вѣдь, это—не право его. Никто не говоритъ, что, если вы стукнулись лбомъ, то вы имѣете право на синее пятно, и нѣтъ особаго чиновника, который бы послалъ фельдшера сдѣлать это пятно, если его нѣтъ. Спиноза еще проще говоритъ о могущей быть необходимости убить человѣка, мѣшающаго жить другимъ: «такъ, какъ убиваютъ бѣшеную собаку». Это понятно. Но юристы или такъ неоткровенны, или такъ забили свой умъ, что они казнь вовсе не хотятъ признать обороной или местию, а какимъ-то нравственнымъ вознагражденіемъ, «возстановленіемъ равновѣсія». На войнѣ дѣла идутъ прямѣе: убивая непріятеля, солдатъ не ищетъ *ею* вины,

¹⁾ Прудонъ.

²⁾ Домъ для умалишенныхъ.

³⁾ Джозефъ Аддисонъ, авторъ трагедіи «Катонъ».

не говорить даже, что это справедливо, а кто кого сможет, тотъ того и повалить.

— Но съ этими понятіями придется затворить всё суды.

— Зачѣмъ? Дѣлали же изъ базиликъ приходскія церкви; не попробоватъ ли теперь ихъ отдать подъ приходскія школы...

— Съ этими понятіями о безнаказанности не устоитъ ни одно правительство.

— Оуэнъ могъ бы, какъ первый *историческій* братъ, на это отвѣчать: развѣ мнѣ было поручено упрочивать правительства?

— Онъ въ отношеніи правительствъ былъ очень уклончивъ и умѣлъ ладить съ коронованными головами, съ министрами-тори и съ президентомъ американской республики.

— А развѣ онъ былъ дурень съ католиками или протестантами?

— Что жъ, вы думаете, Оуэнъ былъ республиканецъ?

— Я думаю, что Р. Оуэнъ предпочиталъ ту *форму правительства*, которая наиболее соотвѣтствуетъ принимаемой имъ церкви.

— Помилуйте, у него никакой нѣтъ церкви.

— Ну, вотъ видите.

— Однако, нельзя быть безъ правительства.

— Безъ сомнѣнія, хоть какое-нибудь дрянное, да надобно. Гегель рассказываетъ о доброй старухѣ, говорившей: «Ну, что жъ, что дурная погода? все лучше, чтобъ была дурная, чѣмъ если-бъ совсѣмъ погоды не было!».

— Хорошо, смѣйтееъ, да, вѣдь, государство погибнетъ безъ правительства!

— А мнѣ что за дѣло!

IV.

Во время революціи былъ сдѣланъ опытъ коренного измѣненія гражданскаго быта съ сохраненіемъ *сильной правительственной власти*.

Декреты приготовлявшагося правительства уцѣлѣли съ своимъ заголовкомъ:

Egalité

Liberté

Bonheur Commun ¹⁾,

къ которому иногда прибавляется въ видѣ поясненія: «ou la mort!» ²⁾.

¹⁾ Равенство. Свѣбода. Всеобщее счастье.

²⁾ Или смерть!

Декреты, какъ и слѣдуетъ ожидать, начинаются съ *декрета полиціи*.

§ 1. Лица, ничего не дѣлающія *для отечества*, не имѣютъ никакихъ политическихъ правъ, это — *иностранцы*, которымъ *республика* даетъ гостепріимство.

§ 2. Ничего не дѣлаютъ *для отечества* тѣ, которые не *служатъ* ему полезнымъ трудомъ.

§ 3. *Законъ* считаетъ полезнымъ трудомъ:

Земледѣліе, скотоводство, рыбную ловлю, мореплаваніе.

Механическія и ручныя работы.

Мелкую торговлю (*la vente en détail*).

Извозъ и ямщичество.

Военное ремесло.

Науки и преподаваніе.

§ 4. Впрочемъ, *науки и преподаваніе* не будутъ считаться полезными, если *лица*, занимающія ими, не представляютъ въ данное время свидѣтельство цивилизма, *написанное по опредѣленной формѣ*.

§ 6. *Иностранцамъ* воспрещается входъ въ публичныя собранія.

§ 7. Иностранцы находятся подъ прямымъ надзоромъ высшей администраціи, которой предоставляется право высылать ихъ съ мѣста жительства и отправлять въ исправительныя мѣста.

Въ декретѣ о «работахъ» все расписано и распределено: въ какое время, когда что дѣлать, сколько часовъ работать; старшины даютъ «примѣръ усердія и дѣятельности», другіе доносятъ обо всемъ, дѣлающемся въ мастерскихъ, начальству. Работниковъ *посылаютъ* изъ одного мѣста въ другое (такъ, какъ гоняютъ мужиковъ на шоссе на работу у насъ), по мѣрѣ надобности рукъ и труда.

§ 11. Высшая администрація посылаетъ на каторжную работу (*travaux forcés*), подъ надзоръ ея назначенныхъ общинъ, лицъ обоюго пола, которыхъ *инцивизмъ* (*incivisme*), лѣнь, роскошь и *дурное поведеніе* даютъ обществу дурной примѣръ. Ихъ имущество будетъ конфисковано.

§ 14. Особенности чиновники заботятся о содержаніи и приплодѣ скота, объ одеждѣ, переѣздахъ и облегченіяхъ работающихъ гражданъ.

Декретъ о распределеніи имущества:

§ 1. Ни одинъ членъ общины не можетъ пользоваться ничѣмъ, кромѣ того, что ему опредѣляется закономъ и дано посредствомъ облеченнаго властью чиновника (*magistrat*).

§ 2. Народная община съ самаго начала даетъ своимъ членамъ квартиру, платье, стирку, освѣщеніе, отопленіе, достаточное количество хлѣба, мяса, куръ, рыбы, яицъ, масла, вина и другихъ напитковъ.

§ 3. Въ каждой коммунѣ, въ опредѣленные эпохи, будутъ общія трапезы, на которыхъ члены общины *обязаны* присутствовать.

§ 5. Всякій членъ, взявшій плату за работу или хранящій у себя деньги, *наказывается*.

Декретъ о торговлѣ:

§ 1. Заграничная торговля частнымъ лицамъ *запрещена*. Товаръ будетъ конфискованъ, преступникъ наказанъ.

Торговля будетъ производиться чиновниками. Затѣмъ деньги уничтожаются. Золото и серебро не вѣльно ввозить. Республика не выдаетъ денегъ; внутренніе частные долги уничтожаются, внѣшніе уплачиваются; а если кто обманетъ или сдѣлаетъ подлогъ, то наказывается *вѣчными рабствомъ* (esclavage perpetuel).

За этимъ такъ и ждешь «*Питеръ* въ Сарскомъ Селѣ» или «*гр. Аракчеевъ* въ Грузинѣ»; а подписалъ не Петръ I, а первый социалистъ французскій *Гракхъ Бабефъ*!

Жаловаться трудно, чтобъ въ этомъ проектѣ не доставало правительства; обо всемъ попеченіе, за всѣмъ надзоръ, надъ всѣмъ опека, все устроено, все приведено въ порядокъ. Даже воспроизведеніе животныхъ не предоставляется ихъ собственнымъ слабостямъ и кокетству, а регламентировано высшимъ начальствомъ.

И для чего вы думаете все это? Для чего кормятъ «курами и рыбой, обмываютъ, одѣваютъ и *утѣшаютъ*»¹⁾ этихъ *крѣпостныхъ* благосостоянія, этихъ приписанныхъ къ равенству арестантовъ? Не просто для нихъ: декретъ именно говоритъ, что все это будетъ дѣлаться *médiocrement*²⁾. «Одна Республика должна быть богата, великолѣпна и всемогуща».

Это сильно напоминаетъ нашу Иверскію Божію мать: *she hat Perlen und Diamanten*³⁾. карету и лошадей, іеромонаховъ для прислуги, кучеровъ съ не замерзаемой головой, словомъ, у нея все есть, да ея только нѣтъ, она владѣетъ всѣмъ добромъ *in effigie*⁴⁾.

¹⁾ «Каждый гражданинъ будетъ отъ администраціи *logé, nourri, habillé et amusé*»). *А. И. I.*

²⁾ Съ другой цѣлью.

³⁾ Она имѣетъ жемчугъ и алмазы.—Передѣлка перваго стиха Гейне «*Du hast Diamanten und Perlen*» («Ты вся въ жемчугахъ и алмазахъ»).

⁴⁾ Въ воображеніи

⁵⁾ Укрытъ, накормленъ, одѣтъ и распотѣшенъ.

Противоположность Роберта Оуэна съ Гракхомъ Бабефомъ очень замѣчательна. Черезъ вѣка, когда все измѣнится на земномъ шарѣ, по этимъ *двумъ кореннымъ зубамъ* можно будетъ возстановить ископаемые остовы Англии и Франціи до послѣдней косточки,—тѣмъ больше, что, въ сущности, эти мастодонты социализма принадлежать одной семьѣ, идутъ къ одной цѣли и изъ тѣхъ же побужденій,—тѣмъ ярче ихъ различіе.

Одинъ видѣлъ, что, несмотря на казнь короля, на провозглашеніе республики, на уничтоженіе *федералистовъ* и демократическій терроръ, народъ остался не при чемъ; другой—что, несмотря на огромное развитіе промышленности, капиталовъ, машинъ и усиленной производительности, «веселая Англія» дѣлается все больше Англіей скучной, и Англія обжорливая—все больше Англіей голодной. Это привело обоихъ къ необходимости измѣненія основныхъ условій государственнаго и экономическаго быта. Почему они (и многіе другіе) почти въ одно и то же время попали на этотъ порядокъ идей, понятно. Противорѣчія общественнаго быта становились не больше и не хуже, чѣмъ прежде, но они выступали рѣзче къ концу XVIII вѣка. Элементы общественной жизни, развиваясь разнo, разрушили ту гармонію, которая была прежде между ними при меньше благопріятныхъ обстоятельствахъ.

Встрѣтившись такъ близко въ точкѣ исхода, оба идутъ въ противоположныя стороны.

Оуэнъ видитъ въ томъ, что общественное зло приходитъ къ сознанію, послѣднее *достиженіе*, послѣднюю побѣду тяжелаго, сложнаго историческаго похода; онъ привѣтствуетъ зарю *новаго* дня, никогда не бывалаго и невозможнаго въ прошедшемъ, и уговариваетъ дѣтей какъ можно скорѣе покинуть пеленки, помочи и стать на свои ноги. Онъ заглянулъ въ двери будущаго и, какъ путешественникъ, добѣхавшій до мѣста, не сердится больше на дорогу, не бранитъ ни станціонныхъ смотрителей, ни клячь.

Но конституція 1793 года думала не такъ, а съ ней не такъ думалъ и Гракхъ Бабефъ. Она декретировала *возстановленіе естественныхъ правъ человека, забытыхъ и утраченныхъ*. Государственный бытъ—преступный плодъ узурпаціи, послѣдствіе злодѣйскаго заговора тирановъ и ихъ сообщниковъ, поповъ и аристократовъ. Ихъ слѣдуетъ казнить, какъ враговъ отечества, достояніе ихъ возвратитъ законному *государю*, которому теперь ѣсть нечего и который называется поэтому *санкюлотомъ*. Пора возстановить его старыя *неоптгемлемыя* права... Гдѣ они были? Почему пролетарій государь? Почему ему принадлежитъ все состояніе, награбленное другими?.. А! вы сомнѣваетесь,—вы подозрительный че-

ловѣкъ, ближній государь сведеть васъ къ гражданину-судѣ, а тотъ пошлетъ къ гражданину-палачу, и вы больше сомнѣваться не будете!

Практика *хирургіа* Бабефа не могла мѣшать практикѣ *акушера* Оуэна.

Бабефъ хотѣлъ силой, т.-е. властью, разрушить созданное силой, разгромить неправое стяжаніе. Для этого онъ сдѣлалъ заговоръ; если-бъ ему удалось овладѣть Парижемъ, комитетъ *insurgecteur* ¹⁾ *приказалъ бы* Франціи новое устройство, точно такъ, какъ Византіи его приказалъ побѣдоносный Османлисъ; онъ втѣснилъ бы французамъ свое *рабство общаю блаюсостоянія* и, разумѣется, съ такимъ насиліемъ, что вызвалъ бы страшнѣйшую реакцію, въ борьбѣ съ которой Бабефъ и его комитетъ погибли бы, бросивъ міру *великую мысль въ нелѣпой формѣ*,—мысль, которая и теперъ ѣлѣветъ подъ пепломъ и мутитъ довольство *довольныхъ*.

Оуэнъ, видя, что люди образованныхъ странъ подрастаютъ къ переходу въ новый періодъ, не думалъ вовсе о насиліи, а хотѣлъ только облегчить развитіе. Съ своей стороны, онъ такъ же послѣдовательно, какъ Бабефъ съ своей, принялся за изученіе зародыша, за развитіе ячейки. Онъ началъ, какъ всѣ естествоиспытатели, съ частнаго случая; его микроскопъ, его лабораторія былъ *New Lanark*; его ученіе росло и мужало вмѣстѣ съ ячейкой, и оно-то довело его до заключенія, что главный путь водворенія новаго порядка—*воспитаніе*.

Заговоръ для Оуэна былъ ненуженъ, возстаніе могло только повредить ему. Онъ не только могъ ужиться съ лучшимъ въ мірѣ правительствомъ, съ англійскимъ, но со всякимъ другимъ. Онъ въ правительствѣ видѣлъ устарѣлый историческій фактъ, поддерживаемый людьми отсталыми и неразвитыми, а не шайку разбойниковъ, которую надобно неожиданно накрыть. Не домогаясь ниспровергнуть правительство, онъ не домогался нисколько и *поправлять* его. Если-бъ святые лавочники не мѣшали ему, въ Англии и Америкѣ были бы теперь сотни *New Lanark* и *New Harmony* ²⁾, въ нихъ втекали бы свѣжія силы рабочаго народонаселенія, они исподволь отвели бы лучшіе жизненные соки отъ отжившихъ государственныхъ цистернъ. Что же ему было бороться съ умирающими? онъ

¹⁾ Комитетъ возстанія.

²⁾ Съ легкой руки Оуэна начали въ Англии развиваться *кооперативныя работничьи ассоціаціи*; ихъ считается до 200. Рочдельское общество, начавшееся скромно и бѣдно 15 лѣтъ тому назадъ съ капиталомъ

могъ ихъ предоставить естественной смерти, зная, что каждый младенецъ, котораго приносятъ въ его школы, c'est autant de gris ¹⁾ надъ церковью и правительствомъ!

Бабефъ былъ казненъ. Во время процесса онъ вырастаетъ въ одну изъ тѣхъ великихъ личностей, мучениковъ и побитыхъ пророковъ, передъ которыми невольно склоняется человѣкъ. Онъ угасъ, а на его могилѣ росло больше и больше всепоглощающее чудовище *централизаціи*. Передъ нею особность стерлась, завянула, поблѣднѣла личность и исчезла. Никогда на европейской почвѣ, со времени тридцати тирановъ афинскихъ до Тридцатилѣтней войны и отъ нея до исхода французской революціи, человѣкъ не былъ такъ пойманъ правительственной паутиной, такъ опутанъ сбѣями администраціи, какъ въ новѣйшее время въ Франціи.

Оузна исподволь затянуло иломъ. Онъ двигался, пока могъ; говорилъ, пока его голосъ доходилъ. Илъ пожималъ плечами, качалъ головой; неотразимая волна мѣщанства росла, Оуэнъ старился и все глубже уходилъ въ трясины; мало-по-малу его усилія, его слова, его ученіе,—все исчезло въ болотѣ. Иногда будто попрыгиваютъ фіолетовые огоньки, пугающіе робкія души либераловъ,—только *либераловъ*: аристократы ихъ презираютъ, попы ненавидятъ, народъ не знаетъ.

— Зато будущее ихъ!..

— Какъ случится...

— Помилуйте, къ чему же послѣ этого вся исторія?

— Да и все-то на свѣтѣ къ чему? Что касается до исторіи, я не дѣлаю ея и потому за нее не отвѣчаю. Я, какъ «сестра Анна» въ «Синей Бородѣ», смотрю для васъ на дорогу и говорю, что вижу: одна пыль на столбовой, больше ничего не видать... Вотъ ѣдутъ... ѣдутъ, кажется, они; нѣтъ, это не братья наши, это бараны, много барановъ! Наконецъ-то, приближаются два гиганта разными дорогами. Ну, ужъ не тотъ, такъ другой потреплетъ Рауля за синюю бороду. Не тутъ-то было! грозныхъ указовъ Бабефа Рауль не слушается, въ школу Р. Оузна не идетъ: одного послалъ на гильотину, другого утопилъ въ болотѣ. Я этого вовсе не хвалю, мнѣ Рауль не родной; я только констатирую фактъ *и больше ничего!*

28 ливровъ, строить теперь на общественныя деньги фабрику съ двумя машинами, каждая въ 60 силъ, и которая имъ стоитъ за 30,000 фунтовъ. Кооперативныя общества печатаютъ журналъ «The Cooperator», который издается исключительно работниками. А. И. Г.

¹⁾ Есть новое завоеваніе.

V.

...Около того времени, когда въ Вандомѣ упали въ роковой мѣшокъ головы Бабефа и Дортэ, Оуэнъ жилъ на одной квартирѣ съ другимъ непризнаннымъ гениемъ и бѣднякомъ, Фультономъ, и отдавалъ ему послѣдніе свои шиллинги, чтобъ тотъ дѣлалъ модели машинъ, которыми онъ обогатилъ и облагодѣтельствовалъ родъ человѣческой. Случилось, что одинъ молодой офицеръ ¹⁾ показывалъ дамамъ свою батарею. Чтобъ быть вполне любезнымъ, онъ безъ всякой нужды пустилъ нѣсколько ядеръ (это рассказываетъ онъ самъ); непріятель отвѣчалъ тѣмъ же; нѣсколько человѣкъ пали, другіе были изранены; дамы остались очень довольны нервнымъ потрясеніемъ. Офицера немножко угрызала совѣсть: «люди эти, говоритъ, погибли совершенно бесполезно»... но—дѣло военное, это скоро прошло. Cela prometait ²⁾, и впослѣдствіи молодой человѣкъ пролилъ крови больше, чѣмъ всѣ революціи вмѣстѣ, потребилъ одной конскрипціей больше солдатъ, чѣмъ надобно было Оуэну учениковъ, чтобъ пересоздать весь свѣтъ.

Системы у него не было никакой, добра людямъ онъ не желалъ и не общалъ. Онъ добра желалъ себѣ одному, а подъ добромъ разумѣлъ власть. Теперь и посмотрите, какъ слабы передъ нимъ Бабефъ и Оуэнъ! Его имя тридцать лѣтъ послѣ его смерти было достаточно, чтобъ его племянника признали императоромъ.

Какой же у него былъ секретъ?

Бабефъ хотѣлъ людямъ *приказать блаюсостояніе* и коммунистическую республику.

Оуэнъ хотѣлъ ихъ *воспитать* въ другой экономической бытъ, несравненно больше выгодный для нихъ.

Наполеонъ не хотѣлъ ни того, ни другого; онъ понималъ, что французы не въ самомъ дѣлѣ желаютъ питаться спартанской похлебкой и возвратиться къ нравамъ Брута Старшаго, что они не очень удовлетворятся тѣмъ, что по большимъ праздникамъ «граждане будутъ сходиться разсуждать о законахъ» ³⁾ и обучать дѣтей цивическимъ добродѣтелямъ». Вотъ, дѣло другое — подрагаться и похвастаться храбростью они, точно, любятъ.

¹⁾ Наполеонъ I.

²⁾ Этотъ поступокъ общалъ много.

³⁾ Не изъ нашихъ ли законовъ взялъ Гракхъ Бабефъ это развлечение?
Когда въ коллегіи нѣтъ дѣла, члены должны *читать законы!* А. И. Г.

Вмѣсто того, чтобъ имъ мѣшать и дразнить, проповѣдуя вѣчный миръ, лакедемонскій столъ, римскія добродѣтели и миртовые вѣнки, Наполеонъ, видя, какъ они страстно любятъ кровавую славу, сталъ ихъ натравливать на другіе народы и самъ ходить съ ними на охоту. Его винить не за что: французы и безъ него были бы такіе же. Но эта одинаковость вкусовъ совершенно объясняетъ любовь къ нему народа: для толпы онъ не былъ упрекомъ, онъ ея не оскорблялъ ни своей чистотой, ни своими добродѣтелями, онъ не представлялъ ей возвышенный, преображенный идеаль; онъ не являлся ни карающимъ пророкомъ, ни поучающимъ геніемъ, *онъ самъ принадлежалъ толпѣ* и показалъ ей *ее самое*, съ ея недостатками и симпатіями, съ ея страстями и влеченіями, возведенную въ *гения* и покрытую лучами славы. Вотъ отгадка ея силы и вліянія; вотъ отчего толпа плакала объ немъ, переносила его гробъ съ любовью и вездѣ повѣсила его портретъ.

Если и онъ палъ, то вовсе не отъ того, чтобъ толпа его оставила, что она разглядѣла пустоту его замысловъ, что она устала отдавать послѣдняго сына и безъ причины лить кровь человѣческую. Онъ додразнилъ другіе народы до дикаго отпора, и они стали отчаянно драться за свои рабства и за своихъ господъ. Христіанская нравственность была удовлетворена,—нельзя было съ большимъ остервененіемъ защищать своихъ враговъ!

На этотъ разъ *военный* деспотизмъ былъ побѣжденъ *феодалъ-нымъ*.

Я не могу равнодушно пройти мимо гравюры, представляющей встрѣчу Веллингтона съ Блюхеромъ въ минуту побѣды подъ Ватерлоо; я долго смотрю на нее всякій разъ, и всякій разъ внутри груди дѣлается холодно и страшно... Эта спокойная, британская, не общающаяся ничего свѣтлаго фигура, и этотъ сѣдой, свирѣподобродушный нѣмецкій кондотьеръ. Ирландецъ на англійской службѣ, человѣкъ безъ отечества и пруссакъ, у котораго отечество въ казармахъ, привѣтствуютъ радостно другъ друга; и какъ имъ не радоваться? они только-что своротили исторію съ большой дороги по ступицу въ грязь, въ такую грязь, изъ которой ее въ полвѣка не вытащать... Дѣло на разсвѣтѣ... Европа еще спала въ это время и не знала, что судьбы ея перемѣнились. И отчего? Оттого, что Блюхеръ поторопился, а Груши ¹⁾ опоздалъ! Сколько несчастій и слезъ стоила народамъ эта побѣда! А сколько несчастій и крови стоила бы народамъ побѣда противной стороны?

¹⁾ Эммануэль, маркизь, генераль, опоздалъ на помощь Наполеону I при Ватерлоо.

Да какой же выводъ изъ всего этого?

— Что вы называете выводъ? Нравоученіе въ родѣ *fais ce que dois, advienne ce qui pourra* ¹⁾ или сентенцію въ родѣ

И прежде кровь лилась рѣкою,
И прежде плакаль человѣкъ?

Пониманіе дѣла — вотъ и выводъ, освобожденіе отъ лжи — вотъ и нравоученіе.

— А какая польза?

— Что за корыстолюбіе, и особенно теперь, когда всѣ кричатъ о безнравственности взятокъ? «Истина—религія», толкуеть старикъ Оуэнъ, «не требуйте отъ нея ничего больше, какъ ее самое».

За все вынесенное, за поломанныя кости, за помятую душу, за потери, за ошибки, за заблужденія, по крайней мѣрѣ, разобрать нѣсколько буквъ таинственной грамоты, понять общій смыслъ того, что дѣлается около насъ... Это страшно много! Дѣтскій хламъ, который мы утрачиваемъ, не занимаетъ больше, онъ намъ дорогъ только по привычкѣ. Чего тутъ жалѣть? Бабу-ягу или жизненную силу, сказку о золотомъ вѣкѣ сзаци или о безконечномъ прогрессѣ впереди, чудотворную склянку св. Януарія или метеорологическую молитву о дождѣ, тайный умыселъ химическихъ заговорщиковъ или *natura sic voluit* ²⁾?

Первую минуту страшно, но только одну минуту. Вокругъ все колеблется, несется; стой или ступай, куда хочешь; ни заставы, ни дороги, никакого начальства... Вѣроятно, и море пугало сначала безпорядкомъ, но, какъ только человѣкъ понялъ его безцѣльную суету, онъ взялъ дорогу съ собой и въ какой-то скорлупѣ переплылъ океаны.

Ни природа, ни исторія *никуда не идутъ* и потому готовы итти *всюду*; куда имъ укажутъ, *если это возможно*, т.-е. если ничего не мѣшаетъ. Онѣ слагаются *au fur et à mesure* ³⁾ бездной другъ на друга дѣйствующихъ, другъ съ другомъ встрѣчающихся, другъ друга останавливающихъ и увлекающихъ частныхъ; но человѣкъ вовсе не теряется отъ этого, какъ песчинка въ горѣ, не больше подчиняется стихіямъ, не круче связывается необходимостью, а вырастаетъ тѣмъ, что понялъ свое положеніе, въ рулевого, который гордо разсѣкаетъ волны своей лодкой, заставляя бездонную пропасть служить себѣ путемъ сообщенія.

¹⁾ Ты дѣлай свое, а тамъ будь, что будетъ.

²⁾ Природа такъ пожелала.

³⁾ Постепенно.

Не имѣя ни программы, ни заданной темы, ни неминуемой развязки, растрепанная импровизація исторіи готова итти съ каждымъ, каждый можетъ вставить въ нее свой стихъ, и, если онъ звученъ, онъ останется *его* стихомъ, пока поэма не оборвется, пока прошедшее будетъ бродить въ ея крови и памяти. Возможностей, эпизодовъ, открытій въ ней и въ природѣ дремлетъ бездна на всякомъ шагу. Стоитъ тронуть наукой скалу, чтобъ изъ нея текла вода,—да что вода! Подумайте о томъ, что сдѣлалъ сгнетенный паръ, что дѣлаетъ электричество съ тѣхъ поръ, какъ человѣкъ, а не Юпитеръ взялъ ихъ въ руки. Человѣческое участіе велико и полно поэзіи, это—своего рода творчество. Стихіямъ, веществу все равно, они могутъ дремать тысячелѣтія и вовсе не просыпаться, но человѣкъ шлетъ ихъ на свою работу, и они идутъ. Солнце давно ходитъ по небу; вдругъ человѣкъ перехватилъ его лучъ, задержалъ его слѣдъ, и солнце стало ему дѣлать портреты.

Природа никогда не борется съ человѣкомъ, это—пошлый религиозный поклепъ на нее; она не настолько умна, чтобъ бороться, ей все равно; «по той мѣрѣ, по которой человѣкъ ее знаетъ, по той мѣрѣ онъ можетъ ею управлять», сказалъ Бэконъ и былъ совершенно правъ. Природа не можетъ перечить человѣку, если человѣкъ не перечить ея законамъ; она, продолжая свое дѣло, безсознательно будетъ дѣлать его дѣло. Люди это знаютъ и на этомъ основаніи владѣютъ морями и сушами. Но передъ объективностью историческаго міра человѣкъ не имѣетъ того же уваженія,—тутъ онъ дома и не стѣсняется; въ исторіи ему легче страдательно уноситься потокомъ событій или врываться въ него съ ножомъ и крикомъ: «общее благосостояніе—или смерти!», чѣмъ вглядываться въ приливы и отливы волнъ, его несущихъ, изучать ритмъ ихъ колебаній и тѣмъ самымъ открыть себѣ безконечные фарватеры.

Конечно, положеніе человѣка въ исторіи сложнѣе; тутъ онъ разомъ—*лодка, волна и кормчій*. Хоть бы карта была!

— А будь карта у Колумба, не онъ открылъ бы Америку.

— Отчего?

— Оттого, что она должна была быть открыта... чтобъ попасть на карту. Только отнимая у исторіи всякій предназначенный путь, человѣкъ и исторія дѣлаются чѣмъ-то серьезнымъ, дѣйствительнымъ и исполненнымъ глубокаго интереса. Если событія подтасованы, если вся исторія—развитіе какого-то доисторическаго *заговора*, и она сводится на одно выполненіе, на одну его *mise en scène* ¹⁾, возьмете, по крайней мѣрѣ, и мы деревянные мечи и

¹⁾ Сценическую постановку.

щиты изъ латуни. Неужели намъ лить настоящую кровь и настоящія слезы для представленія провиденціальной шарады? Съ предопредѣленнымъ планомъ исторія сводится на вставку чиселъ въ алгебраическую формулу, будущее отдано въ кабалу до рожденія.

Люди, съ ужасомъ говорящіе о томъ, что Р. Оуэнъ лишаетъ человѣка воли и нравственной доблести, мирятъ предопредѣленіе не только съ свободой, но и съ палачомъ. Развѣ, только на основаніи текста, что «Сынъ человѣческой *долженъ быть* преданъ, на горе тому, кто его предастъ!» ¹⁾.

Въ мистическомъ воззрѣніи все это на мѣстѣ, и тамъ это имѣетъ свою художественную сторону, которой въ доктринаризмѣ нѣтъ. Въ религіи развертывается цѣлая драма; тутъ борьба, возмущеніе и его усмиреніе; вѣчная Мессіада, Титаны, Люциферъ, Аббадона, изгоняемый Адамъ, прикованный Прометей, караемые богомъ и искупаемые Спасителемъ. Это—романъ, потрясающій душу, но его-то и отбросила метафизическая наука. Фатализмъ, переходя изъ церкви въ школу, утратилъ весь свой смыслъ, даже тотъ смыслъ правдоподобія, который мы требуемъ въ сказкѣ. Изъ яркаго, пахучаго, опьяняющаго азіатскаго цвѣтка доктринеры высушили блѣдное сѣно для гербаріума. Отталкивая фантастическіе образы, они остались при голой логической ошибкѣ, при нелѣпости предъ исторической *aggrèe pensèe* ²⁾, воплощающейся, во что бы ни стало, и достигающей людьми и царствами, войнами и переворотами своихъ

¹⁾ Теологи отважнѣе доктринеровъ вообще; они прямо говорятъ, что безъ воли божіей не падеть волосъ съ головы, а отвѣтственность за каждое дѣйствіе, даже за помысль оставляютъ на человѣкѣ. Ученый фатализмъ утверждаетъ, что у нихъ и рѣчи нѣтъ о личностяхъ, о *случайныхъ* носителяхъ идеи... (т.-е. рѣчи нѣтъ о нашемъ братѣ, обыкновенномъ человѣкѣ, а что касается до такихъ личностей, какъ Александръ Македонскій или Петръ I,—насъ уши прожужжали ихъ всемірно историческимъ призваніемъ). Доктринеры, видите, какъ большіе господа: хозяйствомъ исторіи распоряжаются *en gros*, гуртомъ... но гдѣ граница стада и личностей, гдѣ нѣсколько зеренъ-то, какъ спрашивали мои милые авинскіе софисты, становятся кучей?

Само собою разумѣется, что мы никогда не смѣшивали предопредѣленій съ теоріей вѣроятностей; мы въ правѣ наведеніемъ дѣлать послылки отъ прошедшаго къ будущему. Дѣлая индукцію, мы знаемъ, что дѣлаемъ, основываясь на постоянствѣ нѣкоторыхъ законовъ и явленій, но допуская также и нарушенія. Мы видимъ человѣка тридцати лѣтъ и имѣемъ полное право предполагать, что черезъ другія тридцать лѣтъ онъ будетъ сѣдъ или плѣшивъ, нѣсколько сгорбится и пр. Это не значитъ, что его назначеніе сѣдѣть, плѣшивѣть, сгорбиться, что ему это на роду написано. Умри онъ тридцати пяти лѣтъ, онъ не будетъ сѣдѣть, а пойдетъ «на замазку», какъ говоритъ Гамлетъ, или на салатъ. А. И. Г.

²⁾ Задней мыслью.

цѣлей. Зачѣмъ, если она существуетъ, она еще разъ осуществляется? Если же ея нѣтъ и она только *становится и отстаивается* событіями, то что же за новый immacулатный процессъ зачатія зародилъ во временномъ преждедущую идею, которая, выходя изъ чрева исторіи, возвѣщаетъ тотчасъ, что она была прежде и будетъ послѣ? Это новое свободное безсмертіе души, идущее въ обѣ стороны, не личное, не чье-нибудь, а родовое... *Безсмертная душа* всего человѣчества... Это стоитъ мертвыхъ душъ! Нѣтъ ли безсмертной березы всѣхъ березъ?

Мудрено ли, что съ такимъ освѣщеніемъ самыя простѣйшіе, обыденныя предметы сдѣлались при схоластическомъ объясненіи совершенно непонятными. Можетъ ли, напримѣръ, быть фактъ доступнѣе всякому, какъ наблюденіе, что чѣмъ чловѣкъ больше живетъ, тѣмъ имѣетъ больше случая нажитья; чѣмъ дольше глядитъ на одинъ предметъ, тѣмъ больше разглядываетъ его, если ничего не помѣшаетъ или онъ не ослѣпнетъ? И изъ этого факта ухитрились сдѣлать кумирь *прогресса*, какого-то непрерывно растущаго и общающаго расти въ безконечность золотого тельца.

Не проще ли понять, что чловѣкъ живетъ не для *совершенія судьбы*, не для воплощенія идеи, не для прогресса, а единственно потому, что родился, и родился *для* (какъ ни дурно это слово) настоящаго, что вовсе не мѣшаетъ ему ни получать наслѣдство отъ прошедшаго, ни оставлять кое-что по завѣщанію. Это кажется идеалистамъ унижительно и грубо; они никакъ не хотятъ обратить вниманіе на то, что все великое значеніе наше, при нашей ничтожности, при едва уловимомъ мельканіи личной жизни, въ томъ-то и состоитъ, что пока мы живы, пока не развязался на стихіи задержанный нами узелъ, *мы, все-таки, сами*, а не куклы, назначенныя выстрадать прогрессъ или воплотить какую-то бездомную идею. Гордиться должны мы тѣмъ, что мы не нитки и не иголки въ рукахъ фатума, шьющаго пеструю ткань исторіи... Мы знаемъ, что ткань эта не безъ насъ шьется, но это—не цѣль наша, не назначеніе, не заданный урокъ, а послѣдствіе той сложной круговой поруки, которая связываетъ все сущее концами и началами, причинами и дѣйствіями.

И это не все: мы можемъ *перемѣнить узоръ ковра*. Хозяина нѣтъ, рисунокъ нѣтъ, одна основа да мы одни одиныхоньки. Прежніе ткачи судьбы, всѣ эти Вулканы и Нептуны, приказали долго жить. Душеприказчики скрываютъ отъ насъ ихъ завѣщаніе, а покойники намъ завѣщали свою власть.

— Но если, съ одной стороны, вы отдаете судьбу чловѣка на его произволь, а, съ другой,—снимаете съ него отвѣтствен-

ность, то съ вашимъ ученіемъ онъ сложитъ руки и просто ничего не будетъ дѣлать.

— Ужь не перестануть ли люди ѣсть и пить, любить и производить дѣтей, восхищаться музыкой и женской красотой, когда узнаютъ, что ѣдятъ и слушаютъ, любятъ и наслаждаются для себя, а не для совершенія высшихъ предначертаній и не для *шкортьюшаго* достиженія *безконечнаго* развитія совершенства?

Если религія съ своимъ подавляющимъ фатализмомъ и доктринаризмомъ, съ своимъ безотраднымъ и холоднымъ не заставили людей сложить руки, то нечего бояться, чтобъ это сдѣлало воззрѣніе, освобождающее его отъ этихъ плитъ. Одного чутья жизни и непослѣдовательности было достаточно, чтобъ спасти европейскіе народы отъ религіозныхъ проказъ въ родѣ аскетизма, квіетизма, которыя постоянно были только на словахъ и никогда на дѣлѣ? неужели разумъ и сознаніе окажутся слабѣе?

Къ тому же, въ реальномъ воззрѣніи есть свой секретъ; тотъ, кто отъ него сложитъ руки, тотъ не пойметъ его и не приметъ; онъ еще принадлежитъ къ иному возрасту мозга, ему еще нужны шпоры: съ одной стороны, дьяволъ съ чернымъ хвостомъ, съ другой—ангелъ съ бѣлой лиліей.

Стремленіе людей къ болѣе гармоническому быту совершенно естественно, его нельзя ничѣмъ остановить, такъ, какъ нельзя остановить ни голода, ни жажды. Вотъ почему мы вовсе не боимся, чтобы люди сложили руки отъ какого бы ученія ни было. Найдутся ли лучшія условія жизни, совладеетъ ли съ ними человекъ, или въ иномъ мѣстѣ собьется съ дороги, а въ другомъ надѣлаетъ вздору, это—другой вопросъ. Говоря, что у человека никогда не пропадаетъ голодъ, мы не говоримъ, будутъ ли всегда и для каждаго съѣстные припасы, и притомъ здоровые.

Есть люди, удовлетворяющіеся малымъ, съ бѣдными потребностями, съ узкимъ взглядомъ и ограниченными желаніями. Есть и народы съ небольшимъ горизонтомъ, съ страннымъ воззрѣніемъ, удовлетворяющіеся бѣдно, ложно, а иногда даже пошло. Китайцы и японцы, безъ сомнѣнія,—два народа, нашедшіе наиболѣе соответствующую гражданскую форму для своего быта. Оттого они такъ неизмѣнно одни и тѣ же.

Европа, кажется намъ, тоже близка къ «насыщенію» и стремится, усталая, осѣсть, скристаллизоваться, найдя свое прочное общественное положеніе *въ мѣщанскомъ устройствѣ*. Ей мѣшаютъ покойно сложиться монархически-феодалные остатки и завоевательное начало. Мѣщанское устройство представляетъ огромный успѣхъ въ сравненіи съ олигархически-военнымъ,—въ этомъ нѣтъ

сомнѣнія, но для Европы, и въ особенности для англо-германской, оно представляетъ не только огромный успѣхъ, но и успѣхъ достаточный. Голландія опередила, она первая успокоилась до прекращенія исторіи. Прекращеніе роста — начало совершеннолѣтія. Жизнь студента полнѣе событій и идетъ гораздо бурнѣе, чѣмъ трезвая и работающая жизнь отца семейства. Если-бъ надъ Англіей не тяготѣлъ свинцовый щитъ феодальнаго-землевладѣнія, и она, какъ Уголино ¹⁾, не ступала бы постоянно на своихъ дѣтей, умирающихъ съ голоду; если-бъ она, какъ Голландія, могла достигнуть для всѣхъ благосостоянія мелкихъ лавочниковъ и небогатыхъ хозяевъ средней руки, она успокоилась бы на мѣщанствѣ. А съ тѣмъ вмѣстѣ уровень ума, ширь взгляда, эстетичность вкуса еще бы понизились, и жизнь безъ событій, развлекаемая иногда внѣшними толчками, свелась бы на однообразный круговоротъ, на слегка видоизмѣняющійся *semper idem* ²⁾). Собирался бы парламентъ, представлялся бы бюджетъ, говорились бы дѣльные рѣчи, улучшались бы формы... и на будущей годъ то же, и черезъ десять лѣтъ то же; это была бы покойная колея взрослога человѣка, его дѣловые будни. Мы и въ естественныхъ явленіяхъ видимъ, какъ начала эксцентричны, а устоявшееся продолженіе идетъ потихоньку: не буйной кометой, описывающей съ распушенной косой свои невѣдомые пути, а тихой планетой, плывущей съ своими сателлитами въ родѣ фонариковъ битымъ и перебитымъ путемъ; небольшія отступленія выставляютъ еще больше общій порядокъ... Весна помокрѣе, весна посуше, но послѣ всякой—лѣто, но передъ всякой—зима.

— Такъ это, пожалуй, все человѣчество дойдетъ до мѣщанства да на немъ и застрянетъ?

— Не думаю, чтобы все, а нѣкоторыя части навѣрное. Слово «человѣчество» препротивное; оно не выражаетъ ничего опредѣленнаго, а только къ смутности всѣхъ остальныхъ понятій подбавляетъ еще какого-то пѣгаго полубога. Какое единство разумѣется подъ словомъ «человѣчество»? Развѣ, то, которое мы понимаемъ подъ всякимъ суммовымъ названіемъ, въ родѣ икры и т. п. Кто въ мірѣ осмѣлится сказать, что есть какое-нибудь устройство, которое удовлетворило бы одинакимъ образомъ ирокезовъ и ирландцевъ, арабовъ и мадьяръ, кафровъ и славянъ? Мы можемъ сказать одно, что нѣкоторымъ народамъ мѣщанское устройство противно, а другіе въ немъ, какъ рыба въ водѣ. Испанцы, поляки, отчасти

¹⁾ Гр. Герардеско, въ концѣ XIII ст. былъ посаженъ въ тюрьму семьей за жестокое управленіе Низой; тамъ они всѣ умерли отъ голода.

²⁾ Всегда одно и то же.

итальянцы и русскіе имѣютъ въ себѣ очень мало мѣщанскихъ элементовъ; общественное устройство, въ которомъ имъ было бы привольно, выше того, которое можетъ имъ дать мѣщанство. Но изъ этого никакъ не слѣдуетъ, что они *достигнутъ* этого высшаго состоянія или что они не свернуть на буржуазную дорогу. Одно стремленіе ничего не обезпечиваетъ; на разницу возможнаго и неминуемаго мы ужасно напирасемъ. Недостаточно знать, что такое-то устройство намъ противно, а надобно знать, какого мы хотимъ и возможно ли его осуществленіе. Возможностей много впереди: народы буржуазные могутъ взять совсѣмъ иной полетъ, народы самыя поэтическіе—сдѣлаться лавочниками. Мало ли возможностей гибнетъ, стремленіе и авортируетъ, развитіе отклоняется. Что можетъ быть очевиднѣе, осязаемѣе тѣхъ, не только возможностей, а началъ личной жизни, мысли, энергіи, которыя умираютъ въ каждомъ ребенкѣ? Замѣтьте, что и эта ранняя смерть дѣтей тоже не имѣетъ въ себѣ ничего неминуемаго; жизнь девяти десятыхъ, навѣрное, могла бы сохраниться, если-бъ доктора знали медицину, и медицина была бы въ самомъ дѣлѣ наукой. На это *вліяніе чловѣка и науки* мы обращаемъ особенное вниманіе, оно чрезвычайно важно.

Замѣтьте еще посягательство обезьянъ (напр., шимпанзе) на дальнѣйшее умственной развитіе. Оно видно въ ихъ спокойно озабоченномъ взглядѣ, въ тоскливо грустномъ присматриваніи ко всему, что дѣлается, въ недовѣрчивой и суетливой тревожности и любопытствѣ, которое, съ другой стороны, не даетъ мысли сосредоточиться и постоянно ее разсѣиваетъ. Ряды и ряды поколѣній вновь и вновь стремятся къ какому-то разумнѣю, замѣняются новыми, и эти стремятся, не достигая его, умираютъ, — и такъ прошли десятки тысячъ лѣтъ, и пройдутъ еще десятки.

Люди имѣютъ большой шагъ передъ обезьянами; ихъ стремленія не пропадаютъ безслѣдно, они облекаются словомъ, воплощаются въ образъ, остаются въ преданіи и передаются изъ вѣка въ вѣкъ. Каждый чловѣкъ опирается на страшное генеалогическое дерево, котораго корни чуть ли не идутъ до Адамова рая; за нами, какъ за прибрежной волной, чувствуется напоръ цѣлаго океана всемірной исторіи; мысль всѣхъ вѣковъ на сію минуту въ нашемъ мозгу и нѣтъ ея, «развѣ него», а съ нею мы можемъ быть властью.

Крайности ни въ комъ нѣтъ, но всякій можетъ быть незамыслимой дѣйствительностью; передъ каждымъ открытыя двери. *Есть что* сказать чловѣку—пусть говоритъ, слушать его будътъ; мучить его душу убѣжденіе -- пусть проповѣдуетъ. Люди не такъ покорны, какъ стихіи, но мы всегда имѣемъ дѣло съ современной

массой,—ни она не самобытна, ни мы не независимы отъ общаго фона картины, отъ одинакихъ предшествовавшихъ вліяній; связь общая есть. Теперь вы понимаете, отъ кого и кого зависитъ будущность людей, народовъ?

— Отъ кого?

— *Какъ отъ кого?... да отъ НАСЪ СЪ ВАМИ, напримѣръ. Какъ же послѣ этого намъ сложить руки!*

ГЛАВА XVII.

CAMICIA ROSSA ¹⁾.

BRÉVIAIRE ²⁾.

Introduction.

Шекспировъ день ³⁾ превратился въ день Гарибальди. Сближеніе это вытянуто за волосы исторіей; такія натяжки удаются ей одной.

Народъ, собравшись на Примрозъ Гилль, чтобъ посадить дерево въ память threecentenary ⁴⁾, остался тамъ, чтобъ поговорить о *скоропостижнома* отъѣздѣ Гарибальди. Полиція разогнала народъ. Пятьдесятъ тысячъ человѣкъ (по полицейскому рапорту) послушались тридцати полицейскихъ и, изъ глубокаго уваженія къ законности, вполнину сгубили великое право сходовъ подъ чистымъ небомъ и, во всякомъ случаѣ, поддержали незаконное вмѣшательство власти.

...Дѣйствительно, какая-то шекспировская фантазія пронеслась передъ нашими глазами на сѣромъ фонѣ Англій, съ чисто шекспировской близостью великаго и отвратительнаго, раздирающаго душу и скрипящаго по тарелжѣ,—святая простота человѣка, наивная простота массъ и тайные скопы за стѣной, интриги, ложь.

¹⁾ Статя эта назначена была для «Полярной Звѣзды», но «Полярная Звѣзда» не выйдетъ въ нынѣшнемъ году, а въ «Колоколѣ», благодаря террору, наложившему печать молчанія на большую часть нашихъ корреспондентовъ, довольно мѣста для нея и еще для двухъ-трехъ статей. А. И. Г.

²⁾ Требникъ у католиковъ.

³⁾ 23 апрѣля; по тогдашнему преданію, это --и день рожденія и день смерти великаго драматурга.

⁴⁾ Трехсотлѣтіе.

Знакомыя тѣни мелькають въ другихъ образахъ: отъ Гамлета до короля Лира, отъ Гонериль и Корделій до *честнаго* Яго. Яго — все крошечные, но зато какое количество и какая у нихъ честность!

Прологъ.

Трубы. Является идолъ массъ, единственная великая народная личность нашего вѣка, выработавшаяся съ 1848 года, является во всѣхъ лучахъ славы. Все склоняется передъ ней, все ее празднуетъ, это—воочію совершающееся hero-worship ¹⁾ Карлейля. Пущечные выстрѣлы, колокольный звонъ, вымпела на корабляхъ и только потому нѣтъ музыки, что *гость Анліи* пріѣхалъ въ воскресенье, а воскресенье здѣсь—постный день... Лондонъ ждетъ пріѣзжаго часовъ семь на ногахъ; оваціи растутъ съ каждымъ днемъ; появленіе челоуѣка въ *красной рубашкѣ* ²⁾ на улицѣ дѣлаеть взрывъ восторга, толпы провожаютъ его ночью, въ часъ изъ оперы, толпы встрѣчаютъ его утромъ, въ семь часовъ передъ Стаффордъ Гоузомъ ³⁾. Работники и дюки ⁴⁾, швеи и лорды, банкиры и high church ⁵⁾, феодальная развалина Дерби и осколокъ февральской революціи, республиканецъ 1848 года, старшій сынъ королевы Виктори и босой sweeper ⁶⁾, родившійся безъ родителей, ищутъ наперерывъ его руки, взгляда, слова. Шотландія, Ньюкестль-он-Тайнъ ⁷⁾, Глазговъ, Манчестеръ трепещуть отъ ожиданія, а онъ исчезаетъ въ непроницаемомъ туманѣ, въ синевѣ океана.

Какъ тѣнь Гамлетова отца, гость попалъ на какую-то министерскую дощечку и исчезъ. Гдѣ онъ? Сейчасъ былъ тутъ и тутъ, а теперь нѣтъ... Остается одна точка, какой-то парусъ, готовый отплыть.

Народъ англійскій одураченъ. «Великій глупый народъ»,—какъ сказалъ о немъ, поэтъ. Добрый, сильный, упорный, но тяжелый, неповоротливый, нерасторопный Джонъ-буль,—и жаль его, и смѣшно!

¹⁾ Поклоненіе героямъ.

²⁾ Camicia rossa.

³⁾ Домъ герцога сутерлэндскаго.

⁴⁾ Я прошу позволеніе дюковъ называть дюками, а не герцогами. Впервые, оно правильное, а во-вторыхъ, однимъ нѣмецкимъ словомъ меньше въ русскомъ языкѣ. Autant de pris sur le Deutschtum ⁵⁾. А. И. Г.

⁵⁾ Высокая церковь, то-есть господствующая въ Англій.

⁶⁾ Метельщикъ.

⁷⁾ Newcastle-upon-Tyne.

⁸⁾ Еще одна побѣда надъ нѣмцемъ... тухомъ.

Быкъ съ лъвиними замашками телько-что, было, тряхнулъ гривой и порасправился, чтобъ встрѣтить гостя такъ, какъ онъ никогда не встрѣчалъ ни одного ни на службѣ состоящаго, ни отрѣшеннаго отъ должности монарха,—а у него его и отняли. Левъ-быкъ бьетъ двойнымъ копытомъ; царапаетъ землю, сердится... но сторожа знаютъ хитрости замковъ и засововъ *свободы*, которыми онъ запертъ, болтаютъ ему какой-то вздоръ и держатъ ключъ въ карманѣ... а точка исчезаетъ въ океанѣ.

Бѣдный левъ-быкъ, ступай на свой hard labour ¹⁾, тащи плугъ, подымай молотъ. Развѣ три министра, одинъ не-министръ, одинъ дюкъ, одинъ профессоръ хирургіи и одинъ лордъ піэтизма не засвидѣтельствовали всенародно въ камерѣ пэрровъ и въ низшей камерѣ, въ журналахъ и гостиныхъ, что здоровый человекъ, котораго ты видѣлъ вчера, *болень*, и болень такъ, что его надобно послать на яхтѣ вдоль Атлантическаго океана и поперегъ Средиземнаго моря?.. «Кому же ты больше вѣришь: моему ослу или мнѣ?»—говорилъ обиженный мельникъ въ старой баснѣ скептическому другу своему, который сомнѣвался, слыша ревъ, что осла нѣтъ дома...

Или развѣ *они*—не друзья народа?.. Больше, чѣмъ друзья: они—его опекуны, его отцы съ матерью...

...Газеты подробно рассказали о пирахъ и яствахъ, рѣчахъ и мечаяхъ, адресахъ и кантатахъ, Чизвикѣ ²⁾ и Гильдголлѣ ³⁾. Балетъ и декорации, пантомимы и арлекины этого «свидѣнія въ весеннюю ночь» описаны довольно. Я не намѣренъ вступать съ ними въ соревнованіе, а просто хочу передать изъ моего небольшого фотографическаго снаряда нѣсколько картинокъ, взятыхъ съ того скромнаго угла, изъ котораго я смотрѣлъ. Въ нихъ, какъ всегда бываетъ въ фотографіяхъ, захватилось и осталось много случайнаго, неловкія складки, неловкія позы, слишкомъ выступившія мелочи рядомъ съ нерукотворенными чертами событій и неподслащенными чертами лицъ...

Разсказъ этотъ дарю я вамъ, отсутствующія дѣти (отчасти онъ для васъ и писанъ), и еще разъ очень, очень жалѣю, что васъ здѣсь не было съ нами 17 апрѣля.

¹⁾ Каторжный трудъ.

²⁾ Chiswick — расположенное среди обширныхъ парковъ предмѣстье Лондона съ знаменитой виллой герцога девонширскаго, славящейся картинной галлереей.

³⁾ Guildhall — ратуша.

I.

Въ Брукъ Гоуэѣ.

Третьяго апрѣля, къ вечеру Гарибальди приѣхаль въ Соутгамптонъ. Мнѣ хотѣлось видѣть его прежде, чѣмъ его завертять, опутаютъ, утомятъ.

Хотѣлось мнѣ этого по многому. Во-первыхъ, просто потому, что я его люблю и не видалъ около десяти лѣтъ. Съ 1848 я слѣдилъ шагъ за шагомъ за его великой карьерой; онъ уже былъ для меня въ 1854 г. лицо, взятое цѣликомъ изъ Корнелія Непота или Плутарха... Съ тѣхъ поръ онъ переросъ половину ихъ, сдѣлался «не вѣнчаннымъ царемъ» народовъ, ихъ уповаемъ, ихъ живой легендой, ихъ святымъ челоуѣкомъ, и это отъ Украйны и Сербіи до Андалузійи и Шотландіи, отъ Южной Америки до Сѣверныхъ Штатовъ. Съ тѣхъ поръ онъ съ горстью людей побѣдилъ армію, освободилъ цѣлую страну и былъ отпущенъ изъ нея, какъ отпускаютъ ямщика, когда онъ доведетъ до станціи. Съ тѣхъ поръ онъ былъ обманутъ и побитъ и такъ, какъ ничего не выигралъ побѣдой, не только ничего не проигралъ поражениемъ, но удвоилъ ею свою народную силу. Рана, нанесенная ему *своими*, кровью спаяла его съ народомъ. Къ величію героя прибавился вѣнецъ мученика. Мнѣ хотѣлось видѣть, тотъ ли же это добродушный морякъ, приведшій «Common Wealth» изъ Бостона въ Indian Docks, мечтавшій о пловучей эмиграціи, носящейся по океану, и угощавшій меня ниццскимъ белетомъ, привезеннымъ изъ Америки.

Хотѣлось мнѣ, во-вторыхъ, поговорить съ нимъ о здѣшнихъ интригахъ и нелѣпостяхъ, о добрыхъ людяхъ, строившихъ одной рукой пьедесталь ему и другой привязывавшихъ Маццини къ позорному столбу. Хотѣлось ему рассказать объ охотѣ по Стансфильду ¹⁾ и о тѣхъ нищихъ разумомъ либералахъ, которые вторили лаю готическихъ своръ, не понимая, что тѣ имѣли, по крайней мѣрѣ, цѣль—сковырнуть на Стансфильдѣ пѣгое и безхарактерное министерство и замѣнить его своей подагрой, своей ветошью и своимъ лянцямъ тряпьемъ съ гербами ²⁾.

...Въ Соутгамптонѣ я Гарибальди не засталъ. Онъ только-что уѣхаль на островъ Вайтъ. На улицахъ были видны остатки торжества, знамена, группы народа, бездна иностранцевъ...

¹⁾ Джемсъ, лордъ адмиралтейства въ кабинетѣ Пальмерстона съ 1863 г. близкій къ Маццини.

²⁾ Объ этомъ въ XVII томѣ.

Не останавливаясь въ Соутгамптонѣ, я отправился въ Коусъ ¹⁾. На пароходѣ, въ отеляхъ все говорило о Гарибальди, о его приѣмѣ. Рассказывали отдѣльные анекдоты, какъ онъ вышелъ на палубу, опираясь на дюка сутерлэндскаго, какъ, сходя въ Коусъ съ парохода, когда матросы выстроились, чтобъ проводить его, Гарибальди пошелъ, было, поклонившись, но вдругъ остановился, подошелъ къ матросамъ и каждому подаль руку, вмѣсто того, чтобъ подать на водку.

Въ Коусъ я приѣхалъ часовъ въ 9 вечера, узналъ, что Брукъ Гоузъ очень не близокъ, заказалъ на другое утро коляску и пошелъ по взморью. Это былъ первый теплый вечеръ 1864. Море совершенно покойное, лѣниво шая, колыhalось; кой-гдѣ сверкалъ, исчезая, фосфорическій свѣтъ; я съ наслажденіемъ вдыхалъ влажно-іодистый запахъ морскихъ испареній, который люблю, какъ запахъ сѣна; издали раздавалась баянная музыка изъ какого-то клуба или казино; все было свѣтло и празднично.

Зато на другой день, когда я часовъ въ шесть утра отворилъ окно, Англія напомнила о себѣ: вмѣсто моря и неба, земли и дали, была одна сплошная масса неровнаго сѣраго цвѣта, изъ которой лился частый, мелкій дождь, съ той британской настойчивостью, которая впередъ говорить: «если ты думаешь, что я перестану, ты ошибаешься, я не перестану». Въ семь часовъ поѣхалъ я подъ этимъ душемъ въ Брукъ Гоузъ.

Не желая долго толковать съ тугой на пониманіе и скупой на учтивость англійской прислугой, я послалъ записку къ секретарю Гарибальди Гверцони ²⁾. Гверцони провелъ меня въ свою комнату и пошелъ сказать Гарибальди. Вслѣдъ затѣмъ я услышалъ постукиваніе трости и голосъ: «Гдѣ онъ, гдѣ онъ?». Я вышелъ въ коридоръ. Гарибальди стоялъ передо мной и прямо, ясно, кротко смотрѣлъ мнѣ въ глаза, потомъ протянулъ обѣ руки и, сказавъ: «Очень, очень радъ! вы полны силы и здоровья, вы еще работаете!», обнялъ меня. «Куда вы хотите? Это комната Гверцони; хотите ко мнѣ, хотите остаться здѣсь?»—спросилъ онъ и сѣлъ.

Теперь была моя очередь смотрѣть на него.

Одѣтъ онъ былъ такъ, какъ вы знаете по безчисленнымъ фотографіямъ, картинкамъ, статуэткамъ: на немъ была красная шерстяная рубашка и сверху плащъ, особымъ образомъ застегнутый на груди; не на шеѣ, а на плечахъ былъ платокъ, такъ, какъ его носятъ матросы: узломъ-завязанный на груди. Все это къ нему необыкновенно шло, особенно его плащъ.

¹⁾ Cowes.

²⁾ Джузеппе.

Онъ гораздо меньше измѣнился въ эти десять лѣтъ, чѣмъ я ожидалъ. Всѣ портреты, всѣ фотографіи его никуда не годятся: на всѣхъ онъ старше, чернѣе, и, главное, выраженіе лица нигдѣ не схвачено. А *въ немъ-то* и высказывается *весь секретъ* не только его лица, но его самого, его силы,—той притягательной и отдающей силы, которой онъ постоянно покорялъ все окружавшее его... какое бы оно ни было, безъ различія діаметра: кучку рыбаковъ въ Ниццѣ, экипажъ матросовъ на океанѣ, *garripello*¹⁾ гверильясовъ въ Монтевидео, войско ополченцевъ въ Италіи, народныя массы всѣхъ странъ, цѣлыя части земного шара.

Каждая черта его лица, вовсе неправильнаго и скорѣе напоминающаго славянскій типъ, чѣмъ итальянскій, оживлена, проникнута безпредѣльной добротой, любовью и тѣмъ, что называется *bienveillance* (я употребляю французское слово, потому что наше «благоволеніе» затаскалось до того, что его смыслъ исказился и оподлѣлъ). То же въ его взглядѣ, то же въ его голосѣ, и все это такъ просто, такъ отъ души, что если чловѣкъ не имѣетъ задней мысли, жалованія отъ какого-нибудь правительства и, вообще, не остережется, то онъ непременно его полюбитъ.

Но одной добротой не исчерпывается ни его характеръ, ни выраженіе его лица; рядомъ съ его добродушіемъ и увлекаемостью чувствуется несокрушимая нравственная твердость и какой-то возвратъ на себя, задумчивый и страшно грустный. Этой черты, меланхолической, печальной, я прежде не замѣчалъ въ немъ.

Минутами разговоръ обрывается; по его лицу, какъ тучи по морю, пробѣгаютъ какія-то мысли. Ужасъ ли то передъ судьбами, лежащими на его плечахъ, передъ тѣмъ народнымъ *помазаніемъ*, отъ котораго онъ уже не можетъ отказаться? Сомнѣніе ли послѣ того, какъ онъ видѣлъ столько измѣнъ, столько паденій, столько слабыхъ людей? Искушеніе ли величія? Послѣдняго не думаю—его личность давно исчезла въ его дѣлѣ...

Я увѣренъ, что подобная черта страданія передъ призваніемъ, была и на лицѣ дѣвы Орлеанской, и на лицѣ Іоанна Лейденскаго²⁾,—они принадлежали народу: стихійныя чувства или, лучше, предчувствія, заморенныя въ насъ, сильнѣе въ народѣ. Въ ихъ вѣрѣ былъ фатализмъ, а фатализмъ самъ по себѣ безконечно грустенъ. «Да совершится воля твоя», говоритъ всѣми чертами лица Сикстинская Мадонна. «Да совершится воля твоя», говоритъ ея сынъ-плебей и Спаситель, грустно молясь на Масличной горѣ.

¹⁾ Отрядъ.

²⁾ Іоаннъ Бокольдъ, портной, глава анабаптистовъ, основатель въ Мюнстерѣ демократическаго «Королевства Сіона».

...Гарибальди вспомнилъ разныя подробности о 1854 годѣ, когда онъ былъ въ Лондонѣ, какъ онъ ночевалъ у меня, опсѣдавши въ Indian Docks; я напомнилъ ему, какъ онъ въ этотъ день пошелъ гулять съ моимъ сыномъ и сдѣлалъ для меня его фотографію у Кальдези, объ обѣдѣ у американскаго консула съ Бьюкененомъ, который нѣкогда надѣлалъ бездну шума и, въ сущности, не имѣлъ смысла ¹⁾).

— Я долженъ вамъ покаяться, что я поторопился къ вамъ пріѣхать не безъ цѣли, — сказалъ я, наконецъ, ему: — я боялся, что атмосфера, которой вы окружены, слишкомъ англійская, т.-е. туманная, для того, чтобъ ясно видѣть закулисную механику одной пьесы, которая съ успѣхомъ разыгрывается теперь въ парламентѣ... Чѣмъ вы дальше поѣдете, тѣмъ гуще будетъ туманъ. Хотите вы меня выслушать?

— Говорите, говорите, мы — старые друзья.

Я рассказалъ ему дебаты, журнадный вопль, недѣльность выходокъ противъ Маццини, пытку, которой подвергали Стансфильда.

— Замѣтите, — добавилъ я, — что въ Стансфильдѣ тори и ихъ сообщники преслѣдуютъ не только революцію, которую они смѣшиваютъ съ Маццини, не только министерство Пальмерстона, но, сверхъ того, челоуѣка, своимъ личнымъ достоинствомъ, своимъ трудомъ, умомъ достигнувшаго въ довольно молодыхъ лѣтахъ мѣста лорда въ адмиралтействѣ, челоуѣка безъ рода и связей въ аристократіи. На васъ прямо они не смѣютъ нападать на сію минуту, но посмотрите, какъ они безцеремонно васъ трактуютъ. Вчера въ Коусѣ я купилъ послѣдній листъ «Standart'a»; ѣхавши къ вамъ, я его прочиталъ, посмотрите. «Мы увѣрены, что Гарибальди пойметъ настолькоъ обязанности, возлагаемая на него гостеприимствомъ Англій, что не будетъ имѣть сношеній съ прежнимъ товарищемъ своимъ, и найдетъ настолькоъ такта, чтобъ не ѣздить въ 35, Thurloe square ²⁾». Затѣмъ выговоръ *par anticipation* ³⁾, если вы этого не исполните.

— Я слышалъ кое-что, — сказалъ Гарибальди, — объ этой интригѣ. *Разумѣется, — одинъ изъ первыхъ визитовъ моихъ будетъ къ Стансфильду.*

— Вы знаете лучше меня, что вамъ дѣлать; я хотѣлъ вамъ только показать безъ тумана безобразныя линіи этой интриги.

¹⁾ Въ напечатанной части «Былого и думъ» обѣдъ этотъ разсказанъ ⁴⁾.
А. И. Г.

²⁾ Квартира Стансфильда. А. И. Г.

³⁾ Авансомъ.

⁴⁾ Въ гл. VII ч. VI.

Гарибальди всталъ; я думалъ, что онъ хочетъ окончить свиданіе, и сталъ прощаться.

— Нѣтъ, нѣтъ, пойдѣте теперь ко мнѣ, — сказалъ онъ, и мы пошли.

Прихрамываетъ онъ сильно, но, вообще, его организмъ вышелъ торжественно изъ всякаго рода моральныхъ и хирургическихъ зондированій, операций и пр.

Костюмъ его, скажу еще разъ, необыкновенно идетъ къ нему и необыкновенно изященъ; въ немъ нѣтъ ничего профессионально-солдатскаго и ничего буржуазнаго, онъ очень простъ и очень удобенъ. Непринужденность, отсутствіе всякой аффектаціи въ томъ, какъ онъ носитъ его, остановили салонные пересуды и тонкія насмѣшки. Врядъ существуетъ ли европеецъ, которому бы сошла съ рукъ *красная рубашка* во дворцахъ и палатахъ Англіи.

Притомъ костюмъ его чрезвычайно важенъ: *въ красной рубашкѣ* народъ узнаетъ себя и своего. Аристократія думаетъ, что, схвативши его коня подъ уздцы, она его поведетъ, куда хочетъ, и, главное, отведетъ отъ народа; но народъ смотритъ на *красную рубашку* и радъ, что дюки, маркизы и лорды пошли въ конюха и офиціанты къ революціонному вождю, взяли на себя должности мажордомовъ, пажей и скороходовъ при великомъ плебеѣ въ плебейскомъ платьѣ.

Консервативныя газеты замѣтили бѣду и, чтобъ смягчить безнравственность и безчиніе гарибальдѣевскаго костюма, выдумали, что онъ носитъ *мундиръ* монтевидейскаго волонтера. Да, вѣдь, Гарибальди съ тѣхъ поръ былъ пожалованъ генераломъ королемъ, которому онъ пожаловалъ два королевства; отчего же онъ носитъ мундиръ монтевидейскаго волонтера?

Да и почему то, что онъ носитъ, — мундиръ?

Къ мундиру принадлежитъ какое-нибудь смертоносное оружіе, какой-нибудь знакъ власти или кровавыхъ воспоминаній. Гарибальди ходитъ безъ оружія, онъ не боится никого и никого не страшаетъ; въ Гарибальди такъ же мало военнаго, какъ мало аристократическаго и мѣщанскаго. «Я не солдатъ, — говорилъ онъ въ Кристалль-паласѣ итальянцамъ, подносившимъ ему мечъ, — и не люблю солдатскаго ремесла. Я видѣлъ мой отчій домъ, наполненный разбойниками, и схватился за оружіе, чтобъ ихъ выгнать». «Я — работникъ, происхожу отъ работниковъ и горжусь этимъ», сказалъ онъ въ другомъ мѣстѣ.

При этомъ нельзя не замѣтить, что у Гарибальди нѣтъ также ни на юту плебейской грубости, ни изученнаго демократизма. Его обращеніе мягко до женственности. Итальянецъ и человѣкъ, онъ

на вершинѣ общественнаго міра представляетъ не только плебея, вѣрнаго своему началу, но итальянца, вѣрнаго эстетичности своей расы.

Его мантия, застегнутая на груди,—не столько военный плащъ, сколько риза воина-первосвященника, profeta-ge ¹⁾. Когда онъ поднимаетъ руку, отъ него ждуть благословенія и привѣта, а не военнаго приказа.

Гарибальди заговорилъ о польскихъ дѣлахъ, онъ дивился отвагѣ поляковъ.

— Безъ организаціи, безъ оружія, безъ людей, безъ открытой границы, безъ всякой опоры выступить противъ сильной военной державы и продержаться слишкомъ годъ,—такого примѣра нѣтъ въ исторіи... Хорошо, если-бъ другіе народы переняли. Столько геройства не должно, не можетъ погибнуть; я полагаю, что Галиція готова къ возстанію?

Я промолчалъ.

— Такъ же, какъ и Венгрія; вы не вѣрите?

— Нѣтъ, я просто не знаю.

— Ну, а можно ли ждать какого-нибудь движенія въ Россіи?

— Никакого. Съ тѣхъ поръ, какъ я вамъ писалъ письмо въ ноябрѣ мѣсяцѣ, ничего не перемѣнилось. Правительство, чувствующее поддержку во всѣхъ злодѣйствахъ въ Польшѣ, идетъ очертя голову, ни въ грошъ не ставитъ Европу, общество падаетъ глубже и глубже. Народъ молчитъ,—польское дѣло—не его дѣло, у насъ врагъ одинъ, общій, но вопросъ разно поставленъ. Къ тому же у насъ много времени впереди, а у нихъ его нѣтъ.

Такъ продолжался разговоръ еще нѣсколько минутъ; начали въ дверяхъ показываться архи-англійскія фізіономіи, шурстѣтъ дамскія платья... Я всталъ.

— Куда вы торопитесь?—сказалъ Гарибальди.

— Я не хочу васъ больше красть у Англій.

— До свиданія въ Лондонѣ, не правда ли?

— Я непременно буду. Правда, что вы останавливаетесь у дюка сутерлэндскаго?

— Да,—сказалъ Гарибальди и прибавилъ, будто извиняясь:—не могъ отказаться.

— Такъ я явлюсь къ вамъ, напудрившись, для того, чтобъ лакеи въ Стаффордъ Гоузѣ подумали, что у меня пудренный слуга. Въ это время явился поэтъ *лауреатъ* ²⁾ Теннисонъ ³⁾ съ же-

¹⁾ Пророка-царя.

²⁾ Искаженное «лауреатъ».

³⁾ Альфредъ, лордъ; съ 1850 г. поэтъ-лауреатъ.

ной,—это было слишкомъ много лавровъ, и я по тому же безпрерывному дождю отправился въ Коусъ.

Переменная декорация, но продолженіе той же пьесы. Пароходъ изъ Коуса въ Соутгамптонъ только-что ушелъ, а другой отправлялся черезъ три часа, въ силу чего я пошелъ въ ближайшій ресторанъ, заказалъ себѣ обѣдъ и принялся читать «Таймсъ». Съ первыхъ строкъ я былъ ошеломленъ. Семидесятипятилѣтній Авраамъ ¹⁾, судившійся мѣсяца два тому назадъ за какія-то шашни съ новой Агарью ²⁾, принесъ окончательно на жертву своего галифакскаго Исаака ³⁾. Отставка Станфильда была принята. И это въ самое то время, когда Гарибальди начиналъ свое торжественное шествіе въ Англии. Говоря съ Гарибальди, я этого даже не предполагалъ.

Что Станфильдъ подалъ во второй разъ въ отставку, видя, что травля продолжается, совершенно естественно. Ему съ самаго начала слѣдовало стать во весь ростъ и бросить свое лордшипство. Станфильдъ сдѣлалъ свое дѣло. Но что сдѣлалъ Пальмерстонъ съ товарищами? И что онъ лепеталъ потомъ въ своей рѣчи?... Съ какой подобострастной лестью отзывался онъ о великодушномъ союзникѣ, о претрепетномъ желаніи ему долговѣчія и всякаго блага навѣки нерушимаго. Какъ будто, кто-нибудь бралъ au sérieux этотъ полицейскій фарсъ Greco, Trabucco et Co.

Это была *Маджента* ⁴⁾.

Я спросилъ бумаги и написалъ письмо къ Гверцони; написалъ я его со всей свѣжестью досады и просилъ его прочесть «Таймсъ» Гарибальди; я ему писалъ о безобразіи этого апофеоза Гарибальди рядомъ съ оскорбленіями Маццини. «Мнѣ 52 года, говорилъ я, но признаюсь, что слезы негодованія навертываются на глазахъ при мысли объ этой несправедливости», и проч.

За нѣсколько дней до моей поѣздки я былъ у Маццини. Человѣкъ этотъ многое вынесъ, многое умѣетъ выносить, это—старый боецъ, котораго ни утомить, ни низложить нельзя; но тутъ я его засталъ сильно огорченнымъ именно тѣмъ, что его выбрали средствомъ для того, чтобъ выбить изъ стремянъ его друга. Когда я писалъ письмо къ Гверцони, образъ исхудалаго, благороднаго старца съ сверкающими глазами носился предо мной. **61**

Когда я кончилъ, и человѣкъ подалъ обѣдъ, я замѣтилъ,

¹⁾ Пальмерстонъ.

²⁾ Наполеонъ III.

³⁾ Станфильдъ; Галифаксъ—первый лордъ адмиралтейства.

⁴⁾ Мѣсто пораженія австрійскихъ войскъ Макъ-Магономъ въ 1859 г.

что я не одинъ: небольшого роста бѣлокурый молодой человѣкъ съ усиками и въ синей пальто-курткѣ, которую носятъ моряки, сидѣлъ у камина, à l'américaine ¹⁾, хитро утвердивши ноги въ уровень съ ушами. Манера говорить скороговоркой, совершенно провинціальный акцентъ, дѣлавшій для меня его рѣчь непонятной, убѣдили меня еще больше, что это — какой-нибудь пирующій на берегу мичманъ, и я пересталъ имъ заниматься, — говорилъ онъ не со мной, а со слугой. Знакомство окончилось, было, тѣмъ, что я ему подвинулъ соль, а онъ зато тряхнулъ головой.

Вскорѣ къ нему присоединился пожилыхъ лѣтъ черноватенькій господинъ, весь въ черномъ и весь до невозможности застегнутый, съ тѣмъ особеннымъ видомъ помѣшательства, которое даетъ людямъ натянутая религіозная экзальтація, дѣлающаяся натуральной отъ долгаго употребленія.

Казалось, что онъ хорошо зналъ мичмана и пришелъ, чтобъ съ нимъ повидаться. Послѣ трехъ-четыреухъ словъ, онъ пересталъ *говорить* и началъ *проповѣдывать*. «Видѣлъ я, говорилъ онъ, Макавея, Гедеона... орудіе въ рукахъ промысла, его мечъ, его пращъ, и чѣмъ болѣе я смотрѣлъ на него, тѣмъ сильнѣе былъ тронуть, и со слезами твердилъ: мечъ Господень! мечъ Господень! Слабаго Давида избралъ онъ побить Голиаѳа. Оттого-то народъ англійскій, народъ избранный, идетъ ему на срѣтеніе, какъ къ невѣстѣ ливанской... Сердце народа въ рукахъ божіихъ; оно сказало ему, что это мечъ Господень, орудіе промысла, Гедеонъ!».

...Отворились настежь двери, и вошла не невѣста ливанская; а разомъ человѣкъ десять важныхъ бриттовъ, и въ ихъ числѣ лордъ Шэфтсбюри ²⁾, Линдсей ³⁾. Всѣ они усѣлись за столъ и потребовали что-нибудь перекусить, объявляя, что сейчасъ ѣдутъ въ Brook House. Это была официальная депутація отъ Лондона съ приглашеніемъ къ Гарибальди. Проповѣдникъ умолкъ; но мичманъ поднялся въ моихъ глазахъ: онъ съ такимъ недвусмысленнымъ чувствомъ отвращенія смотрѣлъ на взошедшую депутацію, что мнѣ пришло въ голову, вспоминая проповѣдь его пріятеля, что онъ принимаетъ этихъ людей, если не за мечи и кортики сатаны, то хоть за его перочинные ножики и ланцеты.

Я спросилъ его, какъ слѣдуетъ надписать письмо въ Brook House: достаточно ли назватъ домъ, или надобно прибавить ближній городъ. Онъ сказалъ, что ненужно ничего прибавлять.

¹⁾ По-американски.

²⁾ Антони-Ашлей, англ. политическій дѣятель и филантропъ.

³⁾ Александръ-Вильямъ, лордъ, англ. писатель.

Одинъ изъ депутаціи, сѣдой, толстый старикъ спросилъ меня, къ кому я посылаю письмо въ Brook House.

— Къ Гверцони.

— Онъ, кажется, секретаремъ при Гарибальди?

— Да.

— Чего же вамъ хлопотать? Мы сейчасъ ѣдемъ, я охотно свезу письмо.

Я вынулъ мою карточку и отдалъ ее съ письмомъ. Можетъ ли что-нибудь подобное случиться на континентѣ? Представьте себѣ, если-бъ во Франціи кто-нибудь спросилъ бы васъ въ гостиницѣ, къ кому вы пишете, и, узнавши, что это къ секретарю Гарибальди, взялся бы доставить письмо?

Письмо было отдано, и я на другой день имѣлъ отвѣтъ въ Лондонѣ.

Редакторъ иностранной части «Morning Star'a» узналъ меня. Начались вопросы о томъ, какъ я нашелъ Гарибальди, о его здоровьѣ. Поговоривши нѣсколько минутъ съ нимъ, я ушелъ въ smoking room ¹⁾. Тамъ сидѣли за пель-элемя и трубками мой бѣлокурый морякъ и его черномазый теологъ.

— Что,—сказалъ онъ мнѣ,—наглядѣлись вы на эти лица?... А, вѣдь, это неподражаемо хорошо: лордъ Шэфтсбюри, Линдсей ѣдутъ депутатами приглашать Гарибальди! Что за комедія! Знаютъ ли они, кто такой Гарибальди?

— Орудіе промысла, мечъ въ рукахъ Господнихъ, его пращъ... потому-то онъ и вознесъ его и оставилъ его въ святой простотѣ его...

— Это все очень хорошо, да зачѣмъ ѣдутъ эти господа? Спросилъ бы я кой у кого изъ нихъ, сколько у нихъ денегъ въ Алабамѣ?... Дайте-ка Гарибальди пріѣхать въ Ньюкестль-он-Тайнъ да въ Глазговъ,—тамъ онъ увидитъ поближе, тамъ ему не будутъ мѣшать лорды и дюжи.

Это былъ не мичманъ, а корабельный постройщикъ. Онъ долго жилъ въ Америкѣ, зналъ хорошо дѣла Юга и Сѣвера, говорилъ о безвыходности тамошней войны, на что утѣшительный теологъ замѣтилъ:

— Если Господь раздвоилъ народъ этотъ и направилъ брата на брата, Онъ имѣетъ свои виды, и если мы ихъ не понимаемъ, то должны покоряться Провидѣнію даже тогда, когда оно караетъ.

Вотъ гдѣ и въ какой формѣ мнѣ пришлось слышать въ по-

¹⁾ Курительную комнату.

слѣдній разъ комментарий на знаменитый гегелевскій motto ¹⁾: «все, что дѣйствительно, то разумно».

Дружески пожавъ руку моряку и его капеллану, я отправился въ Соутгамптонъ.

На пароходѣ я встрѣтилъ радикальнаго публициста Голіока; онъ видѣлся съ Гарибальди позже меня; Гарибальди черезъ него приглашалъ Маццини; онъ ему уже телеграфировалъ, чтобъ онъ ѣхалъ въ Соутгамптонъ, гдѣ Голіокъ намѣренъ былъ его ждать съ Менотти Гарибальди ²⁾ и его братомъ ³⁾. Голіоку очень хотѣлось доставить еще въ тотъ же вечеръ два письма въ Лондонъ (по почтѣ они прійти не могли до утра). Я предложилъ мои услуги.

Въ 11 часовъ вечера пріѣхалъ я въ Лондонъ, заказалъ въ York Hotel'ѣ, возлѣ Ватерлооской станціи, комнату и поѣхалъ съ письмами, удивляясь тому, что дождь все еще не успѣлъ перестать. Въ часъ или въ началѣ второго пріѣхалъ я въ гостиницу, — заперто. Я стучался, стучался... Какой-то пьяный, оканчивавшій свой вечеръ возлѣ рѣшетки кабака, сказалъ: «не тутъ стучите, въ переулкѣ есть night-bell ⁴⁾». Пошелъ я искать night-bell, нашелъ и сталъ звонить. Не отворяя дверей, изъ какого-то подземелья высунулась заспанная голова, грубо спрашивая, чего мнѣ? — Комнату. — «Ни одной нѣтъ». — Я въ 11 часовъ самъ заказалъ. — «Говорятъ, что нѣтъ ни одной!» — и онъ захлопнулъ дверь преисподней, не дождавшись даже, чтобъ я его обругалъ, что я и сдѣлалъ платонически, потому что онъ слышать не могъ.

Дѣло было непріятное: найти въ Лондонѣ въ два часа ночи комнату, особенно въ такой части города, не легко. Я вспомнилъ объ небольшомъ французскомъ ресторанѣ и отправился туда. — «Есть комната?» — спросилъ я хозяина. — «Есть, да не очень хороша». — «Показывайте». Дѣйствительно, онъ сказалъ правду: комната была не только не очень хороша, но прескверная. Выбора не было; я отворилъ окно и сошелъ на минуту въ залу. Тамъ все еще пили, кричали, играли въ карты и домино какіе-то французы. Нѣмецъ колоссальнаго роста, котораго я видалъ, подошелъ ко мнѣ и спросилъ, имѣю ли я время съ нимъ поговорить наединѣ, что ему нужно мнѣ сообщить что-то особенно важное.

— Разумѣется, имѣю; пойдете въ другую залу, тамъ никого нѣтъ.

¹⁾ Изреченіе.

²⁾ Сынъ генерала.

³⁾ Манліо.

⁴⁾ Ночной звонокъ.

Нѣмецъ сѣлъ противъ меня и трагически началъ мнѣ разсказывать, какъ его патронъ французъ надулъ, какъ онъ три года эксплуатировалъ его, заставляя втрое больше работать, лаская надеждой, что онъ его приметъ въ товарищи, и вдругъ, не говоря худого слова, уѣхалъ въ Парижъ и тамъ нашель товарища. Въ силу этого, нѣмецъ сказалъ ему, что онъ оставляетъ мѣсто, а патронъ не возвращается...

— Да зачѣмъ же вы вѣрили ему безъ всякаго условія?

— Weil ich ein dummer Deutscher bin ¹⁾).

— Ну, это—другое дѣло.

— Я хочу запечатать заведеніе и уйти.

— Смотрите, онъ вамъ сдѣлаетъ процессъ; знаете ли вы здѣшніе законы?

Нѣмецъ покачалъ головой.

— Хотѣлось бы мнѣ насолить ему... А вы, вѣрно, были у Гарибальди?

— Былъ.

— Ну, что онъ? Ein famoser Kerl ²⁾)... Да, вѣдь, если-бъ онъ мнѣ не общалъ цѣлые три года, я бы иначе вель дѣла... Этого нельзя было ждать, нельзя... А что его рана?

— Кажется, ничего.

— Эдакая бестія, все скрылъ и въ послѣдній день говорить: у меня ужъ есть товарищъ-associé... Я вамъ, кажется, надоѣлъ?

— Совсѣмъ нѣтъ, только я немного усталъ, хочу спать: я всталъ въ 6 часовъ, а теперь два съ хвостикомъ.

— Да что же мнѣ дѣлать? Я ужасно обрадовался, когда вы зошли; ich habe so bei mir gedacht, der wird Rat schaffen ³⁾). Такъ не запечатывать заведенія?

— Нѣтъ, а такъ какъ ему полюбили въ Парижѣ, такъ вы ему завтра же напишите: «Заведеніе запечатано, когда вамъ угодно принимать его?». Вы увидите эффектъ; онъ броситъ жену и игру на биржѣ, прискачетъ сюда и... и увидитъ, что заведеніе не заперто.

— Sapperlot! das ist eine Idee — ausgezeichnet ⁴⁾); я пойду писать письмо.

— А я—спать. Gute Nacht.

— Schlafen sie wohl ⁵⁾).

¹⁾ Потому что я—глупый нѣмецъ.

²⁾ Великолѣпный малый.

³⁾ Я думаю, этотъ что-нибудь посоветуетъ.

⁴⁾ Чортъ возьми! Вотъ такъ идея—прямо великолѣпно.

⁵⁾ Доброй ночи.—Спите спокойно!

Я спрашиваю свѣчку. Хозяинъ подаетъ ее собственноручно и объясняетъ, что ему нужно переговорить со мной,—словно, я сдѣлался духовникомъ.

— Что вамъ надобно? Оно немного поздно, но я готовъ.

— Нѣсколько словъ. Я васъ хотѣлъ спросить, какъ вы думаете, если я завтра выставлю бюстъ Гарибальди, знаете, съ цвѣтами, съ лавровымъ вѣнкомъ, вѣдь, это будетъ очень хорошо? Я ужъ и о надписи думалъ... трехцвѣтными буквами: «Garibaldi—libérateur! ¹⁾».

— Отчего же, можно! Только французское посольство запретить ходить въ вашъ ресторанъ французамъ, а они у васъ съ утра до ночи.

— Оно такъ... Но знаете, сколько денегъ зашибешь, выставивши бюстъ... а потомъ забудуть...

— Смотрите,—замѣтилъ я, рѣшительно вставая, чтобъ итти,— не говорите никому: у васъ украдутъ эту оригинальную мысль.

— Никому, никому ни слова. Что мы говорили, останется, я надѣюсь, я прошу, между нами двумя.

— Не сомнѣвайтесь,—и я отправился въ нечистую спальню его.

Симъ оканчивается мое первое свиданіе съ Гарибальди въ 1864 году.

II.

Въ Стаффордъ Гоузъ ²⁾.

Въ день пріѣзда Гарибальди въ Лондонъ, я его не видалъ, а видѣлъ море народа, рѣки народа, запруженныя имъ улицы въ нѣсколько верстъ, наводненныя площади; вездѣ, гдѣ былъ карнизъ, балконъ, окно, выступили люди, и все это ждало въ иныхъ мѣстахъ *шесть часовъ*... Гарибальди пріѣхалъ въ половинѣ третьяго на станцію Найнъ-Эльмсъ и только въ половинѣ девятаго подъѣхалъ къ Стаффордъ Гоузу, у подъѣзда котораго ждалъ его дюкъ Сутерлэндъ съ женой.

Англійская толпа груба, многочисленныя сборища ея не обходятся безъ дракъ, безъ пьяныхъ, безъ всякаго рода отвратительныхъ сценъ и, главное, безъ организованнаго на огромную скаду воровства. На этотъ разъ порядокъ былъ удивительный; народъ

¹⁾ Освободитель.

²⁾ Stafford House или Sutherland House—одинъ изъ роскошнѣйшихъ домовъ Лондона, принадлежащій герцогу сутерлэндскому.

понялъ, что это—*ею* праздникъ, что онъ чувствуетъ одного изъ *своихъ*, что онъ—больше, чѣмъ свидѣтель. И посмотрите въ подицейскомъ отдѣлѣ газетъ, сколько было покражъ въ день въѣзда невѣсты Уэльскаго и сколько ¹⁾ при проѣздѣ Гарибальди, а полиціи было несравненно меньше. Куда же дѣвались пикпocketы ²⁾?

У Вестминстерскаго моста, близъ парламента, народъ такъ плотно сжался, что коляска, ѣхавшая шагомъ, остановилась, и процессія, тянувшаяся на версту, ушла впередъ со своими знаменами, музыкой и пр. Съ криками *ура* народъ облѣпилъ коляску; все, что могло продратъся, жало руку, цѣловало края плаща Гарибальди, кричало «Welcome!» ³⁾. Съ какимъ-то упоеніемъ любуясь на великаго плебея, народъ хотѣлъ отложить лошадей и везти на себѣ, но его уговорили. Дюковъ и лордовъ, окружавшихъ его, никто не замѣчалъ—они сошли на скромное мѣсто гайдуковъ и офиціантовъ. Эта овація продолжалась около часа; одна народная волна передавала гостя другой, причемъ коляска двигалась нѣсколько шаговъ и снова останавливалась.

Злоба и остервенѣніе континентальныхъ консерваторовъ совершенно понятны. Приѣмъ Гарибальди не только обиденъ для табели о рангахъ, для ливреи, но онъ чрезвычайно опасенъ, какъ примѣръ. Зато бѣшенство листовъ, состоящихъ на службѣ трехъ императоровъ и одного «imperial»-торизма, вышло изъ всѣхъ границъ, начиная съ границъ учтивости. У нихъ помутилось въ глазахъ, зашумѣло въ ушахъ... Англія дворцовъ, Англія сундуковъ, забывъ всякое приличіе, идетъ вмѣстѣ съ Англіей мастерскихъ на срѣтеніе какого-то «aventurier», мятежника, который былъ бы повѣшенъ, если-бъ ему не удалось освободить Сициліи. «Отчего,—говоритъ опростоволосившаяся «La France»,—отчего Лондонъ никогда такъ не встрѣчалъ маршала Пелисье ⁴⁾, котораго слава такъ чиста?» и даже, несмотря на то, забыла она прибавить, что онъ выжигалъ сотнями арабовъ съ дѣтьми и женами такъ, какъ у насъ выжигаютъ таракановъ.

Жаль, что Гарибальди принялъ гостепріимство дюка сутерлэндскаго. Неважное значеніе и политическая стертость «пожарнаго» дюка до нѣкоторой степени дѣлали Стаффордъ Гоузъ гостиницей Гарибальди... Но, все же, обстановка не шла, и интрига, затѣянная *до въѣзда* его въ Лондонъ, расцвѣла удобно на двор-

¹⁾ Я помню одинъ процессъ кражи часовъ и двѣ-три драки съ ирландцами. А. И. Г.

²⁾ Pickpocket—карманный воришка.

³⁾ Добро пожаловать!

⁴⁾ Жанъ-Жакъ, главнокомандующій въ Крымскую войну.

цовомъ грунтѣ. Цѣль ея состояла въ томъ, чтобъ удалить Гарибальди отъ народа, т.-е. отъ работниковъ, и отрѣзать его отъ тѣхъ изъ друзей и знакомыхъ, которые остались вѣрными прежнему знамени и, разумѣется,—пуще всего отъ Маццини. Благородство и простота Гарибальди сдула большую половину этихъ ширмъ, но другая половина осталась,—именно, невозможность говорить съ нимъ безъ свидѣтелей. Если-бъ Гарибальди не вставалъ въ 5 часовъ утра и не принималъ въ 6, она удалась бы совсѣмъ; по счастью, усердіе интриги раньше половины девятого не шло; только въ день его отъѣзда дамы начали вторженіе въ его спальню часомъ раньше. Разъ какъ-то Мордини, не успѣвъ сказать ни слова съ Гарибальди въ продолженіе часа, смѣясь, замѣтилъ мнѣ: «Въ мірѣ нѣтъ человѣка, котораго бы было легче видѣть, какъ Гарибальди, но зато нѣтъ человѣка, съ которымъ бы было труднѣе говорить».

Гостепримство дюка было далеко лишено того широкаго характера, которое нѣкогда мирило съ аристократической роскошью. Онъ далъ только комнату для Гарибальди и для молодого человѣка, который перевязывалъ его ногу, а другимъ, т.-е. сыновьямъ Гарибальди, Гверцони и Базиліо ¹⁾, хотѣлъ нанять комнаты. Они, разумѣется, отказались и помѣстились на свой счетъ въ Bath Hotel. Чтобъ оцѣнить эту странность, надо знать, что такое Стаффордъ Гоузъ: въ немъ можно помѣстить, не стѣсня хозяевъ, всѣ семьи крестьянъ, пущенныхъ по міру отцомъ дюка, а ихъ очень много.

Англичане—дурные актеры, и это имъ дѣлаетъ величайшую честь. Въ первый разъ, какъ я былъ у Гарибальди въ Стаффордъ Гоузѣ, придворная интрига около него бросилась мнѣ въ глаза. Разные Фигаро и фактотумы, служителя и наблюдатели сновали непрерывно. Какой-то итальянецъ сдѣлался полицмейстеромъ, церемоніймейстеромъ, экзекуторомъ, дворецкимъ, бутафоромъ, суфлеромъ. Да и какъ не сдѣлаться за честь засѣдать съ дюками и лордами, вмѣстѣ съ ними предпринимать мѣры для предупрежденія и пресѣченія всѣхъ сближеній между народомъ и Гарибальди, и вмѣстѣ съ дюкесами плести паутину, которая должна поймать итальянскаго вождя, и которую хромой генералъ рвалъ ежедневно, не замѣчая ея.

Гарибальди, напимѣръ, ѣдетъ къ Маццини. Что дѣлать? Какъ скрыть? Сейчасъ на сцену бутафоры, фактотумы,—средство найдено. На другое утро весь Лондонъ читаетъ: «Вчера, въ такомъ»

¹⁾ Врачъ.

то часу Гарибальди посѣтилъ въ Онсло террасъ ¹⁾ *Джона Френса*. Вы думаете, что это вымышленное имя? нѣтъ, это—имя хозяина, содержащаго квартиру.

Гарибальди не думалъ отречься отъ Маццини; но онъ могъ ухватъ изъ этого водоворота, не встрѣчаясь съ нимъ при людяхъ и не заявивъ этого публично. Маццини отказался отъ посѣщеній къ Гарибальди, пока онъ будетъ въ Стаффордъ Гоузъ. Они могли бы легкѣ встрѣтиться при небольшомъ числѣ, но никто не бралъ инициативы. Подумавъ объ этомъ, я написалъ къ Маццини записку и спросилъ его, приметъ ли Гарибальди приглашеніе въ такую даль, какъ Теддингтонъ; если нѣтъ, то я его не буду звать, тѣмъ дѣло и кончится, если же поѣдетъ, то я очень желалъ бы ихъ обоихъ пригласить. Маццини написалъ мнѣ на другой день, что Гарибальди очень радъ, и что если ему ничего не помѣшаетъ, то они пріѣдутъ въ воскресенье, въ часъ. Маццини въ заключеніе прибавилъ, что Гарибальди очень бы желалъ видѣть у меня Ледрю-Роллена.

Въ субботу утромъ я поѣхалъ къ Гарибальди и, не заставъ его дома, остался съ Саффи, Гверцони и др. его ждать. Когда онъ возвратился, толпа посѣтителей, ожидавшихъ въ сѣняхъ и коридорѣ, бросилась на него; одинъ храбрый бриттъ вырвалъ у него палку, всунулъ ему въ руку другую и съ какимъ-то азартомъ повторялъ: «Генералъ, эта лучше, вы примите, вы позвольте, эта лучше». — «Да зачѣмъ же?» — спросилъ Гарибальди, улыбаясь, — я къ моей палкѣ привыкъ». Но, видя, что англичанинъ безъ боя палки не отдастъ, пожалъ слегка плечами и пошелъ дальше.

Въ залѣ, за мною шелъ крупный разговоръ. Я не обратилъ бы на него никакого вниманія, если-бъ не услышалъ громко повторенныя слова:

— Carite ²⁾, Теддингтонъ въ двухъ шагахъ отъ Гамптонъ Корта ³⁾. Помилуйте, да это невозможно, матеріально невозможно... въ двухъ шагахъ отъ Гамптонъ Корта, это 16—18 миль.

Я обернулся и, видя совершенно мнѣ незнакомаго человѣка, принимавшаго такъ къ сердцу разстояніе отъ Лондона до Теддингтона, я ему сказалъ:

— Двѣнадцать или тринадцать миль.

Спорившій тотчасъ обратился ко мнѣ:

— И тринадцать миль—страшное дѣло. Генералъ долженъ

¹⁾ Onslow terrace.

²⁾ Поймите.

³⁾ Hampton court.

быть въ три часа въ Лондонъ... Во всякомъ случаѣ Теддингтонъ надо отложить.

Гверцони повторялъ ему, что Гарибальди хочетъ ѣхать и поѣдетъ.

Къ итальянскому опекуну прибавился англійскій, находившій, что принять приглашеніе въ такую даль сдѣлаетъ гибельный antecedentъ... Желая имъ напомнить неделикатность дебатировать этотъ вопросъ при мнѣ, я замѣтилъ имъ:

— Господа, позвольте мнѣ покончить вашъ споръ,—и тутъ же, подойдя къ Гарибальди, сказалъ ему:— Мнѣ ваше посѣщеніе безконечно дорого, и теперь больше, чѣмъ когда-нибудь; въ эту черную полосу для Россіи ваше посѣщеніе будетъ имѣть особое значеніе: вы посѣтите не одного меня, но друзей нашихъ, заточенныхъ въ тюрьмы, сосланныхъ на каторгу. Зная, какъ вы заняты, я боялся васъ звать. По одному слову общаго друга, вы велѣли мнѣ передать, что пріѣдете. Это вдвое дороже для меня. Я вѣрю, что вы хотите пріѣхать, но я не настаиваю (*je n'insiste pas*), если это сопряжено съ такими непреоборимыми препятствіями, какъ говоритъ этотъ господинъ, котораго я не знаю,— я указалъ его пальцемъ.

— Въ чемъ же препятствія?—спросилъ Гарибальди.

Impressario подбѣжалъ и скороговоркой представилъ ему всѣ резоны, что ѣхать завтра, въ 11 часовъ въ Теддингтонъ и пріѣхать къ тремъ невозможно.

— Это очень просто, — сказалъ Гарибальди;—значить, надо ѣхать не въ 11, а въ 10; кажется, ясно?

Импредсаріо исчезъ.

— Въ такомъ случаѣ, чтобъ не было ни потери времени, ни исканія, ни новыхъ затрудненій,—сказалъ я,—позвольте мнѣ пріѣхать къ вамъ въ десятомъ часу и поѣдемте вмѣстѣ.

— Очень радъ, я васъ буду ждать.

Отъ Гарибальди я отправился къ Ледрю-Роллену. Въ послѣдніе два года я его не видалъ,—не потому, чтобъ между нами были какіе-нибудь счеты, но потому, что между нами мало было общаго. Къ тому же лондонская жизнь, и въ особенности въ его предмѣстьяхъ, разводитъ людей какъ-то незамѣтно. Онъ держалъ себя въ послѣднее время одиноко и тихо, хотя и вѣрилъ съ тѣмъ же ожесточеніемъ, съ которымъ вѣрилъ 14 іюня 1849, въ близкую революцію во Франціи. Я не вѣрилъ въ нее почти такъ же долго и тоже оставался при моемъ невѣріи.

Ледрю-Ролленъ, съ большой вѣжливостью ко мнѣ, отказался отъ приглашенія. Онъ говорилъ, что душевно былъ бы радъ опять

встрѣтиться съ Гарибальди и, разумѣется, готовъ бы былъ ѣхать ко мнѣ, но что онъ, какъ представитель французской республики, какъ пострадавшій за Римъ (13 июня 1849 года), не можетъ Гарибальди видѣть въ первый разъ иначе, какъ у себя.

— Если,—говорилъ онъ,—политическіе виды Гарибальди не позволяютъ ему официально показать свою симпатію французской республикѣ въ моемъ ли лицѣ, въ лицѣ Луи Блана или кого-нибудь изъ насъ, все равно, я не буду сѣтовать. Но отклоню свиданіе съ нимъ, гдѣ бы оно ни было. Какъ частный человѣкъ, я желаю его видѣть, но мнѣ нѣтъ особеннаго дѣла до него; французская республика—не куртизанка, чтобъ ей назначать свиданіе полутайкомъ. Забудьте на минуту, что вы меня приглашаете къ себѣ, и скажите откровенно, согласны вы съ моимъ разсужденіемъ или нѣтъ?

— Я полагаю, что вы правы, и надѣюсь, что вы не имѣете ничего противъ того, чтобъ я передалъ нашъ разговоръ Гарибальди?

— Совсѣмъ напротивъ.

Затѣмъ разговоръ перемѣнился. Февральская революція и 1848 годъ вышли изъ могилы и снова стали передо мной въ томъ же образѣ тогдашняго трибуна, съ нѣсколькими морщинами и сѣдинами больше. Тотъ же слогъ, тѣ же мысли, тѣ же обороты, а, главное, та же надежда.

— Дѣла идутъ превосходно. Имперія не знаетъ, что дѣлать. Elle est débordée ¹⁾. Сегодня еще я имѣлъ вѣсти: невѣроятный успѣхъ въ общественномъ мнѣніи. Да и довольно; кто могъ думать, что такая нелѣпость продержится до 1864.

Я не противорѣчилъ, и мы разстались довольные другъ другомъ.

На другой день ²⁾, пріѣхавши въ Лондонъ, я началъ съ того, что взялъ карету съ парой сильныхъ лошадей и отправился въ Стаффордъ Гоузъ.

Когда я взошелъ въ комнату Гарибальди, его въ ней не было, а ярый итальянецъ уже съ отчаяніемъ проповѣдывалъ о совершенной невозможности ѣхать въ Теддингтонъ.

— Неужели вы думаете,—говорилъ онъ Гверцони,—что лошади вынесутъ 12 или 13 миль взадъ и впередъ? Да ихъ просто не дадутъ на такую поѣздку.

— Ихъ ненужно, у меня есть карета.

— Да какія же лошади повезутъ назадъ, все тѣ же?

— Не заботьтесь: если лошади устанутъ, впрягутъ другихъ.

¹⁾ Ее захлестнуло волной.

²⁾ 17 апрѣля 1864 г.

Гверцони съ бѣшенствомъ сказалъ мнѣ:

— Когда это кончится эта каторга! Всякая дрянь распоряжается, интригуетъ...

— Да вы не обо мнѣ ли говорите?!—кричалъ блѣдный отъ злобы итальянецъ.—Я, м. г., не позволю съ собой обращаться, какъ съ какимъ-нибудь лаксемъ!—и онъ схватилъ на столѣ карандашъ, сломалъ его и бросилъ.—Да если такъ, я все брошу, я сейчасъ уйду!

— Объ этомъ-то васъ просятъ.

Ярый итальянецъ направился быстрымъ шагомъ къ двери, но въ дверяхъ показался Гарибальди. Покойно посмотрѣлъ онъ на нихъ, на меня и потомъ сказалъ:

— Не пора ли? Я въ вашихъ распоряженіяхъ, только доставьте меня, пожалуйста, въ Лондонъ къ 2¹/₂ или 3 часамъ, а теперь позвольте мнѣ принять стараго друга, который только-что пріѣхалъ; да вы, можетъ, его знаете,—Мордини.

— Больше, чѣмъ знаю, мы съ нимъ пріятели. Если вы не имѣете ничего противъ, я его приглашу.

— Возьмемъ его съ собой.

Взошелъ Мордини; я отошелъ съ Саффи къ окну. Вдругъ фактотумъ, измѣнившій свое намѣреніе, подбѣжалъ ко мнѣ и храбро спросилъ меня:

— Позвольте, я ничего не понимаю. У васъ карета, а ѣдете,— вы сосчитайте: генераль, вы, Менотти, Гверцони, Саффи и Мордини... Гдѣ вы сядете?

— Если нужно, будетъ еще карета, двѣ...

— А время-то ихъ достать...

Я посмотрѣлъ на него и, обращаясь къ Мордини, сказалъ ему:

— Мордини, я къ вамъ и къ Саффи съ просьбой: возьмите энсомъ ¹⁾ и поѣзжайте сейчасъ на Ватерлооскую станцію; вы станете train ²⁾, а то вотъ этотъ господинъ заботится, что намъ негдѣ сѣсть и нѣтъ времени послать за другой каретой. Если-бъ я вчера зналъ, что будутъ такія затрудненія, я пригласилъ бы Гарибальди ѣхать по желѣзной дорогѣ; теперь это потому нельзя, что я не отвѣчаю, найдемъ ли мы карету или коляску у теддингтонской станціи, а пѣшкомъ итти до моего дома я не хочу его заставить.

— Очень рады, мы ѣдемъ сейчасъ!—отвѣчали Саффи и Мордини.

¹⁾ Hansom—кабриолетъ.

²⁾ Поѣздъ.

— Поѣдемте и мы,—сказалъ Гарибальди, вставая.

Мы вышли; толпа уже густо покрывала мѣсто передъ Стаффордъ Гоузомъ. Громкое, продолжительное ура встрѣтило и проводило нашу карету.

Менотти не могъ уѣхать съ нами: онъ съ братомъ отправился въ Виндзоръ. Говорятъ, что королева, которой хотѣлось видѣть Гарибальди, но которая одна во всей Великобританіи не имѣла на то права, желала *нечаянно* встрѣтиться съ его сыновьями. Въ этомъ дѣлѣжъ львиная часть досталась не королевѣ...

III.

У насъ.

День этотъ удался необыкновенно и былъ однимъ изъ самыхъ свѣтлыхъ, безоблачныхъ и прекрасныхъ дней послѣднихъ пятнадцати лѣтъ. Въ немъ была удивительная ясность и полнота, въ немъ была эстетическая мѣра и законченность, очень рѣдко случающіяся. *Однимъ* днемъ позже,—и праздникъ нашъ не имѣлъ бы того характера. Однимъ не-итальянцемъ больше,—и тонъ былъ бы другой, по крайней мѣрѣ, была бы боязнь, что онъ исказится. Такіе дни представляютъ вершины... Дальше, выше, въ сторону—ничего, какъ въ пропѣтыхъ звукахъ, какъ въ распутившихся цвѣтахъ.

Съ той минуты, какъ исчезъ подъѣздъ Стаффордъ Гоуза съ фактотумами, лакеями и швейцаромъ сутерлэндскаго дюка, и толпа приняла Гарибальди своимъ ура, на душѣ стало легко, все настроилось на свободный человѣческой діапазонъ и такъ осталось до той минуты, когда Гарибальди, снова тѣснимый, сжимаемый народомъ, цѣлуемый въ плечо и въ полы, сѣлъ въ карету и уѣхалъ въ Лондонъ.

На дорогѣ говорили объ разныхъ разностяхъ. Гарибальди дивился, что нѣмцы не понимаютъ, что въ Даніи побѣждаетъ не ихъ свобода, не ихъ единство, а двѣ арміи двухъ деспотическихъ государствъ, съ которыми они послѣ не сладятъ ¹⁾).

— Если-бъ Данія была поддержана въ ея борьбѣ,—говорилъ онъ,—силы Австріи и Пруссіи были бы отвлечены, намъ открылась бы линія дѣйствій на противоположномъ берегу.

¹⁾ Не странно ли, что Гарибальди въ оцѣнкѣ своей Шлезвигъ-Голштинскаго вопроса встрѣтился съ К. Фогтомъ? А. И. Г

Я замѣтилъ ему, что нѣмцы—страшные націоналисты, что на нихъ наклепали космополитизмъ, потому что ихъ знали по книгамъ. Они патріоты не меньше французовъ, но французы спокойнѣе, зная, что ихъ боятся. Нѣмцы знаютъ невыгодное мнѣніе о себѣ другихъ народовъ и выходятъ изъ себя, чтобъ поддержать свою репутацію.

— Неужели вы думаете,—прибавилъ я,—что есть нѣмцы, которые хотятъ отдасть Венецію и квадрилатеръ? Можетъ, еще Венецію,—вопросъ этотъ слишкомъ на виду, неправда этого дѣла очевидна, аристократическое имя дѣйствуетъ на нихъ; а вы поговорите о Триестѣ, который имъ нуженъ для торговли, и о Галиціи или Познани, которыя имъ нужны для того, чтобъ ихъ *цивилизовать*.

Между прочимъ, я передалъ Гарибальди нашъ рязговоръ съ Ледрю-Ролленомъ и прибавилъ, что, по моему мнѣнію, Ледрю-Ролленъ правъ.

— Безъ сомнѣнія,—сказалъ Гарибальди,—совершенно правъ. Я не подумалъ объ этомъ. Завтра поѣду къ нему и къ Луи Блану. Да нельзя ли захватить теперь?—прибавилъ онъ.

Мы были на Вондсвортскомъ шоссе, а Ледрю-Ролленъ живетъ въ Сенъ Джонсъ Вудъ паркѣ, т. е. за восемь миль. Пришлось и мнѣ à l'impressario сказать, что это матеріально невозможно.

И опять минутами Гарибальди задумывался и молчалъ, и опять черты его лица выражали ту великую скорбь, о которой я упоминалъ. Онъ глядѣлъ вдаль, словно искалъ чего-то на горизонтѣ. Я не прерывалъ его, а смотрѣлъ и думалъ: «мечъ ли онъ въ рукахъ Провидѣнія», или нѣтъ, но, навѣрное, не полководецъ по ремеслу, не *генералъ*. Онъ сказалъ святую истину, говоря, что онъ не солдатъ, а просто человѣкъ, вооружившійся, чтобъ защитить поруганный очагъ свой, апостоль-воинъ, готовый проповѣдывать крестовый походъ и итти во главѣ его, готовый отдать за свой народъ свою душу, своихъ дѣтей, нанести и вынести страшные удары, вырвать душу врага, разсѣять его прахъ... и, позавывши потомъ побѣду, бросить окровавленный мечъ свой вмѣстѣ съ ножами въ глубину морскую...

Все это и *именно это* поняли народы, поняли массы, поняла чернь тѣмъ яснovidѣніемъ, тѣмъ откровеніемъ, которымъ нѣкогда римскіе рабы поняли непонятную тайну пришествія Христова, и толпы страждущихъ и обремененныхъ, женщинъ и старцевъ молились кресту казненнаго. Понять значитъ для нихъ увѣровать, увѣровать значитъ чтить, молиться.

Оттого-то весь плебейскій Теддингтонъ и толпился у рѣшетки нашего дома, съ утра поджидая Гарибальди. Когда мы подѣхали,

толпа въ какомъ-то изступленіи бросилась его привѣтствовать, жала ему руки, кричала: «God bless you, Garibaldi!»¹⁾; женщины хватили руку его и цѣловали, цѣловали край его плаща—я это видѣлъ своими глазами—подымали дѣтей своихъ къ нему, плакали... Онъ, какъ въ своей семьѣ, улыбаясь, жалъ имъ руки, кланялся и едва могъ пройти до сѣней. Когда онъ взошелъ, крикъ удвоился; Гарибальди вышелъ опять и, положиа обѣ руки на грудь, кланялся во всѣ стороны. Народъ затихъ, но остался и простоялъ все время, пока Гарибальди уѣхалъ.

Трудно людямъ, не видавшимъ ничего подобнаго,—людямъ, выросшимъ въ канцеляріяхъ, казармахъ и передней, понять подобныя явленія: «флибустьерь», сынъ моряка изъ Ниццы, матросъ, *ловтанецъ*... и этотъ царскій пріемъ! Что онъ сдѣлалъ для англійскаго народа?... И добрые люди ищутъ, ищутъ въ головѣ объясненія, ищутъ тайную пружину: «въ Англии удивительно съ какимъ плутовствомъ умѣеть *начальство* устраивать демонстраціи... Насъ не проведешь—Wir wissen, was wir wissen²⁾—мы сами Гнейста читали!».

Чего добраго; можетъ, и лодочникъ въ Неаполѣ, который разсказывалъ³⁾, что медальонъ Гарибальди и медальонъ Богородицы предохраняютъ во время бури, былъ подкупленъ партіей Сиккарди и министерствомъ Веносты⁴⁾!

Хотя оно и сомнительно, чтобъ журнальные Видоки, особенно наши москворѣцкіе, такъ ужъ ясно могли отгадывать игру такихъ мастеровъ, какъ Пальмерстонъ, Гладстонъ и К^о, но, все же, иной разъ они ее скорѣе поймутъ, по сочувствію крошечнаго паука съ огромнымъ тарантуломъ, чѣмъ секретъ гарибальдѣвскаго пріема. И это превосходно для нихъ,—пойми они *эту тайну*, имъ придется повѣситься на ближней осинѣ. Клопы на томъ только основаніи и могутъ жить счастливо, что они не догадываются о своемъ запахѣ. Горе клопу, у котораго раскроется *человѣческое* обоняніе...

...Мащини пріѣхалъ тотчасъ послѣ Гарибальди; мы всѣ вышли его встрѣчать къ воротамъ. Народъ, услышавъ, кто это, громко привѣтствовалъ; народъ, вообще, ничего не имѣетъ противъ него. Старушечій страхъ передъ агитаторомъ начинается съ лавочниковъ, мелкихъ собственниковъ и проч.

¹⁾ Господь да благословитъ васъ, Гарибальди!

²⁾ Мы знаемъ, что мы знаемъ,—намекъ на «Московскія Вѣдомости» Каткова.

³⁾ «Колоколъ», № 177 (1864). А. И. Г.

⁴⁾ Эмилио Висконти-Веноста, итал. дипломатъ.

Нѣсколько словъ, которыя сказали Маццини и Гарибальди, извѣстны читателямъ «Колокола», мы не считаемъ нужнымъ ихъ повторять.

...Всѣ были до того потрясены словами Гарибальди о Маццини ¹⁾, тѣмъ искреннимъ голосомъ, которымъ они были сказаны, той полнотой чувства, которое звучало въ нихъ, той торжественностью, которую они пріобрѣтали отъ ряда предшествовавшихъ событій, что никто не отвѣчалъ, одинъ Маццини протянулъ руку и два раза повторилъ: «это слишкомъ». Я не видалъ ни одного лица, не исключая прислуги, которое не приняло бы вида *geueilli* ²⁾ и не было бы взволновано сознаниемъ, что тутъ пали великія слова, что эта минута вносилась въ исторію. Я подошелъ къ Гарибальди съ бокаломъ, когда онъ говорилъ о Россіи, и сказалъ, что его тостъ дойдетъ до друзей нашихъ въ казематахъ и рудникахъ, что я благодарю его за нихъ.

Мы перешли въ другую комнату. Въ коридоръ понабрались разныя лица; вдругъ продирается старикъ итальянецъ, стародавній эмигрантъ, бѣднякъ, дѣлавшій мороженое; онъ схватилъ Гарибальди за полу, остановилъ его и, заливаясь слезами, сказалъ:

— Ну, теперь я могу умереть; я его видѣлъ, я его видѣлъ!

Гарибальди обнялъ и поцѣловалъ старика. Тогда старикъ, перебиваясь и путаясь, съ страшной быстротой народнаго итальянскаго языка, началъ рассказывать Гарибальди свои похожденія и заключилъ свою рѣчь удивительнымъ цвѣткомъ южнаго краснорѣчія:

— Я теперь умру покойно, а вы — да благословить васъ Богъ—живите долго, живите для нашей родины, живите для насъ, живите, пока я воскресну изъ мертвыхъ!

Онъ схватилъ его руку, покрылъ ее поцѣлуями и, рыдая, ушелъ вонъ.

Какъ ни привыкъ Гарибальди ко всему этому, но, явнымъ образомъ взволнованный, онъ сѣлъ на небольшой диванъ; дамы окружили его, я сталъ возлѣ дивана,—и на него налетѣло облако тяжелыхъ думъ; но на этотъ разъ онъ не вытерпѣлъ и сказалъ:

— Мнѣ иногда бываетъ страшно и до того тяжело, что я боюсь потерять голову... слишкомъ много хорошаго. Я помню, когда изгнанникомъ я возвращался изъ Америки въ Ниццу, когда я опять увидалъ родительскій домъ, нашѣлъ свою семью, родныхъ, знакомыя мѣста, знакомыхъ людей, я былъ удрученъ счастьемъ...

¹⁾ См. «17 апрѣля 1864».

²⁾ Сосредоточеннаго.

Вы знаете,—прибавилъ онъ, обращаясь ко мнѣ,—что и что было потомъ, какой рядъ бѣдствій. Приемъ народа англійскаго превзошелъ мои ожиданія... Что же дальше? Что впереди?

Я не имѣлъ ни одного слова успокоенія, я внутренно дрожалъ передъ вопросомъ: *что дальше? что впереди?*

...Пора было ѣхать. Гарибальди всталъ, крѣпко обнялъ меня, дружески простился со всѣми; снова крики, снова ура, снова два толстыхъ полицейскихъ, и мы, улыбаясь и прося, шли на брешь; снова «God bless you, Garibaldi, for ever»¹⁾... и карета умчалась.

Всѣ остались въ какомъ-то поднятомъ, тихо торжественномъ настроеніи, точно послѣ праздничнаго богослуженія, послѣ крестинъ или отъѣзда невѣсты; у всѣхъ было полно на душѣ, всѣ перебирали подробности и примыкали къ грозному, безотвѣтному «а что дальше?».

Князь П. В. Долгоруковъ первый догадался взять листъ бумаги и записать оба тоста. Онъ записалъ вѣрно, другіе пополнили. Мы показали Маццини и другимъ и составили тотъ текстъ (съ легкими и несущественными перемѣнами), который, какъ электрическая искра, облетѣлъ Европу, вызывая крикъ восторга и ревъ негодованія.

Потомъ уѣхалъ Маццини, уѣхали гости. Мы остались одни съ двумя-тремя близкими, и тихо настали сумерки.

Какъ искренно и глубоко жадѣлъ я, дѣти, что васъ не было съ нами въ этотъ день: такіе дни хорошо помнить долгіе годы, отъ нихъ свѣжѣетъ душа и примиряется съ изнанкой жизни. Ихъ очень мало...⁵²

IV.

26, Prince's gate.

«Что-то будетъ?»... Ближайшее будущее не заставило себя ждать...

Какъ въ старыхъ эпопеяхъ, въ то время, какъ герой спокойно отдыхаетъ на лаврахъ, пируетъ или спитъ,—Раздоръ, Мечь, Зависть въ своемъ парадномъ костюмѣ съѣзжаются въ какихъ-нибудь тучахъ; Мечь съ Завистью варятъ ядъ, куютъ кинжалы, а Раздоръ раздуваетъ мѣха и оттачиваетъ острія,—такъ случилось и теперь, въ приличномъ переложеніи на наши мирно-кроткіе нравы. Въ нашъ вѣкъ все это дѣлается просто людьми, а не аллегоріями; они собираются въ свѣтлыхъ залахъ, а не во «тмѣ ночной», безъ растрепанныхъ фурій, а съ пудренными лакеями; декораціи и ужасы

¹⁾ Богъ да благословитъ васъ, Гарибальди, навсегда.

классическихъ поэмъ и дѣтскихъ пантомимъ замѣнены простой мирной *игрой* — въ крапленныя карты, колдовство — обыденными коммерческими продѣлками, въ которыхъ *честный* лавочникъ клянется, продавая какую-то смородинную ваксу съ водкой, что это «портъ» и притомъ «ольдпортъ ххх», зная, что ему никто не вѣрять, но и процесса не сдѣлаетъ, а, если сдѣлаетъ, то самъ же будетъ въ дуракахъ.

Въ то самое время, какъ Гарибальди называлъ Маццини своимъ «другомъ и учителемъ», называлъ его тѣмъ раннимъ, бдящимъ сѣятелемъ, который одиноко стоялъ на полѣ, когда все спало около него, и, указывая просыпавшимся путь, указалъ его тому ~~равше-~~муся на бой за родину молодому воину, изъ котораго вышелъ вождь народа итальянскаго; въ то время, какъ, окруженный друзьями, онъ смотрѣлъ на плакавшаго бѣдняка-изгнанника, повторявшаго свое «нынѣ отпускаеши», и самъ чуть не плакалъ; въ то время, когда онъ повѣрялъ намъ свой тайный ужасъ передъ будущимъ, — какіе-то *заговорщики* рѣшили отдѣлаться, во что бъ ни стало, отъ неловкаго гостя и, несмотря на то, что въ *заговоръ* участвовали люди, состарившіеся въ дипломатіяхъ и интригахъ, посѣдѣвши и павшіе на ноги въ каверзахъ и лицемѣри, они сыграли свою игру вовсе не хуже честнаго лавочника, продающаго на свое *честное* слово смородинную ваксу за Old Port ххх.

Англійское правительство никогда не приглашало и не выписывало Гарибальди; это — все вздоръ, выдуманный глубокомысленными журналистами на континентѣ. Англичане, приглашавшіе Гарибальди, не имѣютъ ничего общаго съ министерствомъ. Предположеніе правительственнаго плана такъ же нелѣпо, какъ тонкое замѣчаніе нашихъ кретиновъ ¹⁾ о томъ, что Пальмерстонъ далъ Стансфильду мѣсто въ адмиралтействѣ *именно потому*, что онъ — другъ Маццини. Замѣтите, что въ самыхъ яростныхъ нападкахъ на Стансфильда и Пальмерстона объ этомъ не было рѣчи ни въ парламентѣ, ни въ англійскихъ журналахъ; подобная пошлость возбудила бы такой же смѣхъ, какъ обвиненіе Уркхарта, что Пальмерстонъ беретъ деньги съ Россіи. Чемберсъ и другіе спрашивали Пальмерстона, не будетъ ли пріѣздъ Гарибальди неприятенъ правительству. Онъ отвѣчалъ то, что ему слѣдовало отвѣчать: правительству не можетъ быть неприятно, чтобъ генераль Гарибальди пріѣхалъ въ Англію; оно, съ своей стороны, не отклоняетъ его пріѣзда и не приглашаетъ его.

Гарибальди согласился пріѣхать съ цѣлью снова выдвинуть

¹⁾ Катковъ.

въ Англии итальянскій вопросъ, собрать настолько денегъ, чтобы начать походъ въ Адриатикѣ, и совершившимся фактомъ увлечь Виктора-Эммануила.

Вотъ и все.

Что Гарибальди будутъ оваціи,—знали очень хорошо приглашавшіе его и всѣ желавшіе его прїѣзда. Но оборотъ, который приняло дѣло, они не ждали.

Английскій народъ при вѣсти, что человекъ «красной рубашки», что *раненый итальянской пулей* ѣдетъ къ нему въ гости, вострепнулся и взмахнулъ своими крыльями, отвыкнувшими отъ полета и потерявшими гибкость отъ тяжелой и непрерывной работы. Въ этомъ взмахѣ была не одна радость и не одна любовь—въ немъ была жалоба, былъ ропотъ, былъ стонъ: въ апопеезѣ одного было порицаніе другимъ.

Вспомните мою встрѣчу съ корабельщикомъ изъ Ньюкестля. Вспомните, что лондонскіе работники были первые, которые въ своемъ адресѣ преднамѣренно поставили имя Маццини рядомъ съ Гарибальди.

Английская аристократія на сію минуту отъ своего могучаго и забитаго недоросля ничего не боится; сверхъ того, ея Ахилловы пяты вовсе не со стороны европейской революціи. Но, все же, ей былъ крайне непріятенъ характеръ, который принимало дѣло. Главное, что коробило народныхъ пастырей въ мирной агитаціи работниковъ, это то, что она выводила ихъ изъ достодолжнаго строя, отвлекала ихъ отъ доброй, нравственной и притомъ безвыходной заботы о хлѣбѣ насущномъ, отъ пожизненнаго hard labor ¹⁾, на который не они его приговорили, а нашъ общій фабрикантъ, our Maker ²⁾, богъ Шэфтсбюри, богъ Дерби, богъ Сутерлендовъ и Девоншировъ—въ неисповѣдимой премудрости своей и нескончаемой благодати.

Настоящей английской аристократіи, разумѣется, и въ голову не приходило изгонять Гарибальди; напротивъ, она хотѣла утянуть его въ себя, закрыть его отъ народа золотымъ облакомъ, какъ закрывалась волоокая Гера, забавляясь съ Зевсомъ. Она фобиралась залазкать его, закормить, напоить его, не дать ему прїйти въ себя, опомниться, остаться минуте одному. Гарибальди хочетъ денегъ,—много ли могутъ ему собрать осужденные благодію нашего «фабриканта» фабриканты Шэфтсбюри, Дерби, Девоншира на тихую и благословенную бѣдность? Мы ему набросаемъ пол-

1) Каторжнаго труда.

2) Нашъ Создатель.

милліона, милліонъ франковъ, полпари за лошадь на Эпсомской скачкѣ, мы ему купимъ—

Деревню, дачу, домъ,
Сто тысячъ чистымъ серебромъ.

Мы ему купимъ остальную часть Капреры, мы ему купимъ удивительную яхту,—онъ такъ любитъ кататься по морю; а чтобъ онъ не бросилъ на вздоръ деньги (подъ вздоромъ разумѣется освобожденіе Италіи), мы сдѣлаемъ майоратъ, мы предоставимъ ему пользоваться рентой ¹⁾.

Всѣ эти планы приводились въ исполненіе съ самой блестящей постановкой на сцену, но удавались мало. Гарибальди, точно мѣсяцъ въ ненастную ночь: какъ облака ни надвигались, ни торопились, ни чередовались, выходилъ свѣтлый, ясный и свѣтилъ къ намъ внизъ.

Аристократія начала нѣсколько конфузиться. На выручку ей явились *дольцы*. Ихъ интересы слишкомъ скоротечны, чтобъ думать о нравственныхъ послѣдствіяхъ агитаціи, имъ надобно владѣть минутой,—какъ бы этимъ не воспользовались тори... и то Станфильдова исторія вотъ гдѣ сидитъ.

По счастью, въ самое это время Кларендону занудилось попилигримствовать въ Тюльери. Нужда была небольшая, онъ тотчасъ возвратился. Наполеонъ говорилъ съ нимъ о Гарибальди и изъясилъ свое удовольствіе, что англійскій народъ чтитъ великихъ людей. Дрюэнъ-де-Люисъ ²⁾ говорилъ, т.-е. онъ ничего не говорилъ, а если-бъ онъ заикнулся—

Я близъ Кавказа рождена,
Civis romanus sum! ³⁾

Австрійскій посолъ даже и не радовался приему — *умвельцунис* генерала ⁴⁾. Все обстояло благополучно. А на душѣ-то кошки... кошки.

Не спится министерству; шепчется «первый» со вторымъ, «второй» — съ другомъ Гарибальди, другъ Гарибальди — съ родствен-

¹⁾ Какъ будто Гарибальди просилъ денегъ для себя. Разумѣется, онъ отказался отъ приданого англійской аристократіи, даннаго на такихъ нелѣпыхъ условіяхъ, къ крайнему огорченію полицейскихъ журналовъ, разсчитавшихъ грошъ въ грошъ, сколько онъ увезетъ на Капреру. А. И. Г.

²⁾ Эдуардъ, франц. дипломатъ.

³⁾ Я — римскій гражданинъ! — Первая строка изъ «Бахчисарайскаго фонтана» Пушкина.

⁴⁾ *Umvälzung* — переворотъ, т.-е. генерала переворота.

никомъ Пальмерстона, съ лордомъ Шэфтсбюри и съ еще большимъ его другомъ Сили ¹⁾, Сили шепчется съ операторомъ Фергюссонномъ ²⁾... Испугался Фергюссонъ, ничего не боявшійся, за ближняго, и пишетъ письмо за письмомъ о болѣзни Гарибальди. Прочитавши ихъ, еще больше хирурга испугался Гладстонъ. Кто могъ думать, какая пропасть любви и состраданія лежитъ иной разъ подъ портфелемъ министра финансовъ?..

...На другой день послѣ нашего праздника поѣхалъ я въ Лондонъ. Беру на желѣзной дорогѣ вечернюю газету и читаю большими буквами: «Болѣзнъ генерала Гарибальди», потомъ вѣсть, что онъ на-дняхъ ѣдетъ въ Капреру, *не заѣзжая ни въ одинъ городъ*. Не будучи ни такъ нервно чувствителенъ, какъ Шэфтсбюри, ни такъ тревожливъ за здоровье друзей, какъ Гладстонъ, я несколько не обезпокоился газетной вѣстью о болѣзни человѣка, котораго вчера видѣлъ совершенно здоровымъ,—конечно, бываютъ болѣзни очень быстрыя; императоръ Павелъ, напр., хирѣлъ недолго,—но отъ *апоплектической* удара Гарибальди былъ далекъ, а если-бъ съ нимъ что и случилось, кто-нибудь изъ общихъ друзей далъ бы знать. А потому не трудно было догадаться, что это выкинута какая-то штука, *un coup monté* ³⁾.

Ѣхать къ Гарибальди было поздно. Я отправился къ Маццини и не засталъ его, потомъ — къ одной дамѣ, отъ которой узналъ главные черты министерскаго состраданія къ болѣзни великаго человѣка. Туда пришелъ и Маццини. Такимъ я его еще не видалъ: въ его чертахъ, въ его голосѣ были слезы.

Изъ рѣчи, сказанной на второмъ митингѣ на Примрозѣ Гиллѣ Шеномъ, можно знать *en gros*, какъ было дѣло. «Заговорщики» были имъ названы, и обстоятельства описаны довольно вѣрно. Шэфтсбюри пріѣзжалъ совѣтоваться съ Сили; Сили, какъ дѣловой человѣкъ, тотчасъ сказалъ, что необходимо письмо Фергюссона; Фергюссонъ—слишкомъ учтивый человѣкъ, чтобъ отказать въ письмѣ. Съ нимъ-то въ воскресенье вечеромъ, 17 апрѣля, явидись заговорщики въ Стаффордѣ Гоузѣ и возлѣ комнаты, гдѣ Гарибальди покойно сидѣлъ, не зная ни того, что онъ такъ боленъ, ни того, что онъ ѣдетъ, ѣль виноградъ,—сговаривались, что дѣлать. Наконецъ, храбрый Гладстонъ взялъ на себя трудную роль и пошелъ въ сопровожденіи Шэфтсбюри и Сили въ комнату Гарибальди. Гладстонъ заговаривалъ цѣлые парламенты, университеты, корпораціи, депутаціи, — мудрено ли было заговорить Гарибальди, къ тому же

¹⁾ Джонъ-Робертъ, профессоръ Кембриджскаго унив.

²⁾ Сэръ Вильямъ, англ. хирургъ.

³⁾ Заранѣ подготовленная продѣлка

онъ рѣчь велъ на итальянскомъ языкѣ, — и хорошо сдѣлалъ, потому что вчетверомъ говорилъ безъ свидѣтелей. Гарибальди ему отвѣчалъ сначала, что онъ здоровъ; но министръ финансовъ не могъ принять случайный фактъ его здоровья за оправданіе и доказывалъ по Фергюссону, что онъ боленъ, и это съ документомъ въ рукѣ. Наконецъ, Гарибальди, дегадавшись, что нѣжное участіе прикрываетъ что-то другое, спросилъ Гладстона, значить ли все это, что они желаютъ, чтобъ онъ ѣхалъ?

Гладстонъ не скрылъ отъ него, что присутствіе Гарибальди во многомъ усложняетъ трудное безъ того положеніе.

— Въ такомъ случаѣ я ѣду.

Смягченный Гладстонъ испугался слишкомъ *замѣтную* успѣха и предложилъ ему ѣхать въ два-три города и потомъ отправиться въ Капреру.

— Выбирать между городами я не умѣю, — отвѣчалъ оскорбленный Гарибальди, — и даю слово, что черезъ два дня уѣду.

..Въ понедѣльникъ была интерпелляція въ парламентѣ. Вѣтреный старичокъ Пальмерстонъ въ одной и быстрой пилигримъ Кларендонъ въ другой палатѣ все объясняли по чистой совѣсти. Кларендонъ удостовѣрилъ пэровъ, что Наполеонъ вовсе не требовалъ высылки Гарибальди. Пальмерстонъ, съ своей стороны, вовсе не желалъ его удаленія, онъ только безпокоился о его здоровьѣ... и тутъ онъ вступилъ во всѣ подробности, въ которыя вступаетъ любящая жена или врачъ, присланный отъ страхового общества, — о часахъ сна и обѣда, о послѣдствіяхъ раны, о дѣтѣ, о волненіи, о лѣтахъ. Засѣданіе парламента сдѣлалось консультаціей лѣкарей. Министръ ссылался не на Чатама и Кэмпбеля, а на лѣчебники и Фергюссона, помогавшаго ему въ этой трудной операціи.

Законодательное собраніе рѣшило, что Гарибальди боленъ. Города и села, графства и банки управляются въ Англіи по собственному крайнему разумѣнію. Правительство, ревниво отталкивающее отъ себя всякое подозрѣніе во вмѣшательствѣ, позволяющее ежедневно умирать людямъ съ голоду, боясь ограничить самоуправленіе рабочихъ домовъ, позволяющее морить на работѣ и крестинизировать цѣлыя населенія, вдругъ дѣлается больной сидѣлкой, дядькой. Государственные люди бросаютъ кормило великаго корабля и шушукуются о здоровьи челоуѣка, не просящаго ихъ о томъ, прописываютъ ему безъ его спроса Атлантической океанъ и сутерлэндскую «Ундину»; министръ финансовъ забываетъ балансъ, income-tax, debet и credit ¹⁾ и ѣдетъ на консиліумъ. Министръ

¹⁾ Подходяный налогъ, дебетъ и кредитъ.

министровъ докладываетъ этотъ патологическій казусъ парламенту. Да неужели самоуправленіе желудкомъ и ногами меньше свято, чѣмъ произволъ богоугодныхъ заведеній, служащихъ введеніемъ къ кладбищу?

Давно ли Стансфильдъ пострадалъ за то, что, служа королевѣ, не счелъ обязанностью поссориться съ Маццини? А теперь самые *мѣстные* министры пишутъ не адреса, а рецепты и хлопочуть изъ всѣхъ силъ о сохраненіи дней такого же революціонера, какъ Маццини?

Гарибальди *долженъ былъ* усомниться въ желаніи правительства, изъявленномъ ему слишкомъ горячими друзьями его, и остаться; развѣ кто-нибудь могъ сомнѣваться въ истинѣ словъ перваго министра, сказанныхъ представителямъ Англіи,—ему это совѣтовали всѣ друзья.

— Слова Пальмерстона не могутъ развязать моего честнаго слова,—отрѣчалъ Гарибальди и велѣлъ укладываться.

Это—*Сольферино* ¹⁾!

Бѣлинскій давно замѣтилъ, что секретъ успѣха дипломатовъ состоитъ въ томъ, что они съ нами поступаютъ, какъ съ дипломатами, а мы—съ *дипломатами*, какъ съ людьми.

Теперь вы понимаете, *что однимъ днемъ позже*—и нашъ праздникъ и рѣчь Гарибальди, его слова о Маццини не имѣли бы того значенія.

...На другой день я поѣхалъ въ Стаффордъ Гоузъ и узналъ, что Гарибальди переѣхалъ къ Сили, 26, Prince's gate, возлѣ Кензингтонскаго сада. Я отправился въ Prince's gate; говорить съ Гарибальди не было никакой возможности, его не спускали съ глазъ, человѣкъ двадцать гостей ходило, сидѣло, молчало, говорило въ задѣ, въ кабинетѣ.

— Вы ѣдете?—сказалъ я и взялъ его за руку.

Гарибальди пожалъ мою руку и отвѣчалъ печальнымъ голосомъ:

— Я покоряюсь необходимостямъ (je plie aux nécessités).

Онъ куда-то ѣхалъ; я оставилъ его и пошелъ внизъ; тамъ засталъ я Саффи, Гверцони, Мордини, Ричардсона; всѣ были внѣ себя отъ отъѣзда Гарибальди. Взошла m-me Сили и за ней пожилая, худенькая, подвижная француженка, которая адресовалась съ чрезвычайнымъ краснорѣчіемъ къ хозяйкѣ дома, говоря о счастіи познакомиться съ такой *personne distinguée* ²⁾. M-me Сили

¹⁾ Мѣсто пораженія австрійской арміи французами подъ командой Наполеона III и сардинцами подъ командой Виктора-Эммануила.

²⁾ Тонко воспитанной особой.

обратилась къ Стансфильду, прося его перевести, въ чемъ дѣло. Француженка продолжала:

— Ахъ, боже мой, какъ я рада! это, вѣрно, вашъ сынъ? позвольте мнѣ ему представиться.

Стансфильдъ разувѣрилъ француженку, не замѣтившую, что *м-те* Сили однихъ съ нимъ лѣтъ, и просилъ ее сказать, что ей угодно. Она бросила взглядъ на меня (Саффи и другіе ушли) и сказала:

— Мы не одни.

Стансфильдъ назвалъ меня. Она тотчасъ обратилась съ *любовью* ко мнѣ и просила остаться, но я предпочелъ ее оставить въ *tête à tête* со Стансфильдомъ и опять ушелъ наверхъ. Черезъ минуту пришелъ Стансфильдъ съ какимъ-то крюкомъ или рванью. Мужъ француженки изобрѣлъ его, и она хотѣла одобренія Гарибальди.

Послѣдніе два дня были смутны и печальны. Гарибальди избѣгалъ говорить о своемъ отъѣздѣ и ничего не говорилъ о своемъ здоровьи... во всѣхъ близкихъ онъ встрѣчалъ печальный упрекъ. Дурно было у него на душѣ, но онъ молчалъ.

Наканунъ отъѣзда, часа въ два, я сидѣлъ у него, когда пришли сказать, что въ пріемной уже тѣсно. Въ этотъ день представлялись ему члены парламента съ семействами и разная nobility и gentry ¹⁾, всего, по «Таймсу», до двухъ тысячъ человекъ, — это было *grande levée* ²⁾, царскій выходъ да еще такой, что не только король вюртембергскій, но и прусскій врядъ натянетъ ли безъ профессоровъ и унтеръ-офицеровъ.

Гарибальди всталъ и спросилъ:

— Неужели пора?

Стансфильдъ, который случился тутъ, посмотрѣлъ на часы и сказалъ:

— Еще минутъ пять есть до назначеннаго времени.

Гарибальди вдохнулъ и весело сѣлъ на свое мѣсто. Но тутъ прибѣжалъ фактотумъ и сталъ распоряжаться, гдѣ поставить диванъ, въ какую дверь входить, въ какую выходить.

— Я уйду,—сказалъ я Гарибальди.

— Зачѣмъ? оставайтесь.

— Что же я буду дѣлать?

— Могу же я,—сказалъ онъ улыбаясь,—оставить одного знакомаго, когда принимаю столько незнакомыхъ.

¹⁾ Знать и дворянство.

²⁾ Большой пріемъ.

Отворились двери; въ дверяхъ сталъ импровизированный церемоніймейстеръ съ листомъ бумаги и началъ громко читать какой-то адресъ-календарь: *The right honorable so and so—honorable—esquire—lady—esquire—lordship—misses—esquire—m. p.—m. p.—m. p.* ¹⁾, безъ конца. При каждомъ имени врывались въ дверь и потомъ покойноплыли старые и молодые кринолины, аэростаты, сѣдые головы и головы безъ волосъ, крошечные и толстенькіе старички-крѣпыши и какія-то худыя жираффы безъ заднихъ ногъ, которыя до того вытянулись и постарались вытянуться еще, что какъ-то подпирали верхнюю часть головы на огромные желтые зубы... Каждый имѣлъ три, четыре, пять дамъ, и это было очень хорошо, потому что онѣ занимали мѣсто пятидесяти человѣкъ и такимъ образомъ спасали отъ давки. Всѣ подходили по очереди къ Гарибальди; мужчины трясли ему руку съ той силой, съ которой это дѣлаетъ человѣкъ, полавши пальцемъ въ кипятокъ; иные при этомъ что-то говорили; большая часть мычала, молчала и откланивалась. Дамы тоже молчали, но смотрѣли такъ страстно и долго на Гарибальди, что въ нынѣшнемъ году, навѣрное, въ Лондонѣ будетъ урожай дѣтей съ его чертами, а такъ какъ дѣтей и теперь ужъ водятъ въ такихъ же красныхъ рубашкахъ, какъ у него, то дѣло станетъ только за плащомъ.

Откланявшіесяплыли въ противоположную дверь, открывавшуюся въ залу, и спускались по лѣстницѣ; болѣе смѣлые не торопились, а старались побыть въ комнатѣ.

Гарибальди сначала стоялъ, потомъ сѣлся и вставалъ, наконецъ, просто сѣлъ. Нога не позволяла ему долго стоять, конца приѣма нельзя было и ожидать... кареты все подъѣзжали... церемоніймейстеръ все читалъ памятку...

Грянула музыка *horse guards'овъ* ²⁾, я постоялъ, постоялъ и вышелъ сначала въ залу, а потомъ вмѣстѣ съ потокомъ кринолиновыхъ волнъ достигъ до каскада и съ нимъ очутился у дверей комнаты, гдѣ обыкновенно сидѣли Саффи и Мордини. Въ ней никого не было; на душѣ было смутно и гадко; что все это за фарсъ, эта высылка съ позолотой и рядомъ эта комедія царскаго приѣма? Усталый бросился я на диванъ; музыка играла изъ «*Лукреція*» ³⁾, и очень хорошо; я сталъ слушать.—Да, да, «*Non siamo l'incerto domani*» ⁴⁾.

¹⁾ Достопочтенный такой-то и такой-то... почтенный... эсквайръ... лэди... эсквайръ... его милость... миссесъ... эсквайръ... членъ парл... чл. парл... чл. парл.

²⁾ Конно-гвардейцевъ.

³⁾ «*Лукреція Борджія*», популярная въ свое время опера. Доницетти.

⁴⁾ Мы не заботимся о невѣрномъ завтрашнемъ днѣ.

Въ окно былъ виденъ рядъ каретъ; эти еще не подъѣхали; вотъ двинулась одна и за ней вторая, третья; опять остановка... И мнѣ представилось, какъ Гарибальди, съ раненой *рукой*, усталый, печальный, сидитъ, у него по лицу идетъ туча, этого никто не замѣчаетъ, и все плывутъ кринолины, и все идутъ right honorable's¹⁾.— сѣдые, плѣшивые, скулы, жираффы...

...Музыка гремитъ, кареты подъѣзжаютъ... Не знаю, какъ это случилось, но я заснулъ; кто-то отворилъ дверь и разбудилъ меня... Музыка гремитъ, кареты подъѣзжаютъ, конца не видать... Они, въ самомъ дѣлѣ, его убьютъ!

Я пошелъ домой.

На другой день, т.-е. въ день отъѣзда, я отправился къ Гарибальди въ семь часовъ утра и нарочно для этого ночевалъ въ Лондонѣ. Онъ былъ мраченъ, отрывистъ; тутъ только можно было догадаться, что онъ привыкъ къ начальству, что онъ былъ желѣзнымъ вождемъ на полѣ битвы и на морѣ.

Его поймалъ какой-то господинъ, который привелъ сапожника, изобрѣтателя обуви съ желѣзнымъ снарядомъ для Гарибальди. Гарибальди сѣлъ самоотверженно на кресло,—сапожникъ въ потѣ лица надѣлъ на него свою колодку, потомъ заставилъ его потопать и походить; все оказалось хорошо.

— Что ему надобно заплатить?—спросилъ Гарибальди.

— Помилуйте,—отвѣчалъ господинъ,—вы его осчастливите, принявши.

Они отретировались.

— На-дняхъ это будетъ на вывѣскѣ,—замѣтилъ кто-то, а Гарибальди съ умоляющимъ видомъ сказалъ молодому человѣку, который ходилъ за нимъ:

— Бога ради, избавьте меня отъ этого снаряда, мочи нѣтъ больно.

Это было ужасно смѣшно.

Затѣмъ явились аристократическія дамы; менѣ важная толпой ожидали въ залѣ.

Я и Огаревъ, мы подошли къ нему.

— Прощайте,—сказалъ я. Прощайте и до свиданія въ Капрерѣ.

Онъ обнялъ меня, сѣлъ, протянулъ намъ обѣ руки и голосомъ, который такъ и рѣзнулъ по сердцу, сказалъ:

— Простите меня, простите меня; у меня голова кругомъ идетъ, пріѣзжайте въ Капреру.

И онъ еще разъ обнялъ насъ.

¹⁾ Достопочтенные.

Гарибальди послѣ пріема соби́рался ѣхать на свиданіе съ дюкомъ Уэльскимъ въ Стаффордъ Гоузь.

Мы вышли изъ воротъ и разошлись. Огаревъ пошелъ къ Маццини, я—къ Ротшильду. У Ротшильда въ конторѣ еще не было никого. Я взошелъ въ таверну св. Павла и тамъ не было никого... Я спросилъ себѣ ромстѣкъ и, сидя совершенно одинъ, перебиралъ подробности этого «сновидѣнія въ весеннюю ночь»...

Ступай, великое дитя, великая сила, великій юродивый и великая *простота!* Ступай на свою скалу, плебей въ красной рубашкѣ и король Лиръ!—Гонерилья тебя гонить, оставь ее, у тебя есть бѣдная Корделія ¹⁾, она не разлюбитъ тебя и не умретъ!

Четвертое дѣйствіе кончилось...

Что-то будетъ въ пятомъ? ⁵³

15 мая 1864 г.

◆◆ 1. Луи Бланъ бывалъ у Герцена часто и совсѣмъ запросто. Надъ нимъ тамъ не рѣдко потѣшались. «Меньшая дочь Герцена,—разсказываетъ М. Мейзенбургъ,—смотрѣла на него, какъ на товарища, благодаря его маленькому росту. Она оказывала ему замѣтное вниманіе; онъ былъ такъ польщенъ этимъ, что, приходя къ Герцену, сейчасъ же спрашивалъ о здоровьи малютки и цѣлыми часами игралъ съ ней въ воланъ или какую-нибудь другую игру. Онъ такъ гордился этой побѣдой надъ трехлѣтней дѣвочкой, что разсердился, когда кто-то изъ французовъ сказалъ ему однажды со смѣхомъ: «Боже мой, Луи Бланъ, не воображаете ли вы, что этотъ ребенокъ васъ любитъ? Она любитъ вашъ голубой фракъ и желтыя пуговицы». Онъ, дѣйствительно, носилъ голубой фракъ съ желтыми пуговицами. Этотъ анекдотъ характеренъ для Луи Блана; онъ былъ очень тщеславенъ и считалъ себя великимъ человѣкомъ. Во время споровъ съ Герценомъ, часто весьма горячихъ, онъ оставался неизмѣнно вѣжливымъ, несмотря на свое упрямство, и, какъ бы ни былъ рѣзокъ и упоренъ въ борьбѣ, умѣлъ сейчасъ же по прекращеніи спора овладѣвать собою и становился любезнымъ попрежнему; иногда онъ восхитительно разсказывалъ самые забавные анекдоты».

Кстати приведу здѣсь письма Луи Блана и Маццини, не нашедшія мѣста въ предыдущихъ томахъ.

Письмо Луи Блана отъ 1 іюля 1858 г.:

«Дорогой Герценъ, итакъ, это будетъ послѣзавтра, въ пят-

¹⁾ Имена дочерей Лира.

ницу, если день этотъ удобенъ для васъ. Будьте добры, черкните словечко въ отвѣтъ. Въ шесть или въ семь часовъ? Весь вашъ, Луи Бланъ».

Письмо Маццини отъ 20 іюля:

«Дорогой Герценъ, можете ли вы присоединить ваше имя къ моему на подписномъ листѣ, который вамъ вручить Сантини? Вы меня этимъ очень обяжете. Первый и послѣдній разъ посылаю вамъ подписку; у васъ достаточно заботъ, чтобы васъ оставили въ покоѣ. Вашъ другъ, *Іосифъ Маццини*» (Подлинники въ Россійской Публичной библиотекѣ).

2. Эмманюэль Бартелеми былъ президентомъ «Club des Barricades du 24 février», основаннаго въ мартѣ 1848 г., и пользовался репутаціей одного изъ наиболѣе извѣстныхъ членовъ демократической и соціальной партіи. Въ 1836 г. за убійство полицейскаго онъ былъ осужденъ на нѣсколько лѣтъ тюремнаго заключенія; послѣ провозглашенія республики былъ очень обласканъ нѣкоторыми членами временнаго правительства и исполнительной комиссіи; принималъ участіе въ іюньскихъ событіяхъ и былъ арестованъ на баррикадѣ, съ оружіемъ въ рукахъ; бѣжалъ изъ военной тюрьмы, въ которой содержался въ ожиданіи военнаго суда. Въ 1851 г. находился въ Лондонѣ, гдѣ вмѣстѣ съ другими эмигрантами-соотечественниками основалъ «Клубъ изгнанниковъ». О «Клубѣ баррикады 24 февраля» извѣстно, что, организуя новую армію, революція создала особый баталіонъ баррикады, которому было поручено изученіе устройства баррикады, ихъ военнаго расположенія, наклона, стратегическихъ пунктовъ, гдѣ именно слѣдовало ихъ соорудить и гдѣ онѣ должны сообщаться между собою, на всѣхъ улицахъ, на всѣхъ площадяхъ и на всѣхъ заставахъ. Этотъ отрядъ, состоявшій почти цѣликомъ изъ людей, прошедшихъ огненное крещеніе, изучалъ карту фортовъ, воздвигнутыхъ въ центрѣ Парижа, причемъ матеріаломъ для постройки служила мостовая. Когда опасность миновала, отрядъ былъ распущенъ; но, вмѣсто того, чтобы разойтись, онъ остался организованнымъ и весь полностью вошелъ въ инсurreкціонную партію, образовавъ свой клубъ (A. Lucas, «Les clubs et les clubistes», 47—48).

М. Мейзенбургъ рассказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ: «Однажды Герценъ сказалъ мнѣ: «Приготовьтесь къ знакомству съ необыкновеннымъ человѣкомъ, только-что заходившимъ ко мнѣ, и котораго я пригласилъ на сегодняшній вечеръ». Я уже слышала объ этомъ человѣкѣ... Мнѣ было очень любопытно увидѣть человѣка, ведшаго съ самой ранней юности такую тревожную жизнь. Въ то же время я не могла не ужасаться при мысли о томъ, что

его рука не одинъ разъ наносила смертельный ударъ. Каково же было мое удивленіе, когда вечеромъ Герценъ представилъ мнѣ человѣка покойнаго, корректнаго, ничѣмъ не отличавшагося отъ остальныхъ людей «изъ общества» и заговорившаго со мной благозвучнымъ и симпатичнымъ голосомъ! Это опасное существо отличалось сдержанностью, скромностью, почти робостью, но и благородною манерою держать себя. Только темные глаза его сверкали порою грознымъ блескомъ подъ задумчивымъ лбомъ, на меланхолическомъ лицѣ, точно молніи, предвѣщающія грозу, которая можетъ разразиться съ минуты на минуту. Онъ никогда не выходилъ изъ себя во время спора, какъ то случалось съ другими французами; онъ не предавался декламации, какъ они, и ни въ чемъ не напоминалъ ратора; впрочемъ, и говорилъ-то онъ немного. Но когда ему случалось заговорить, остальные умолкали, одинъ за другимъ. Его звучный и мелодическій голосъ господствовалъ надо всѣмъ остальнымъ, а ясность и точность, съ которыми онъ формулировалъ свои мнѣнія, придавали имъ необычайную силу... Впечатлѣніе, которое произвелъ на меня этотъ человѣкъ, было такъ сильно, что Герценъ посмѣялся надъ моимъ восторгомъ, хотя и самъ сильно имъ заинтересовался».

Французскіе словари—единственные, изъ которыхъ можно почерпнуть свѣдѣнія о Бартелеми, но они почти всѣ тенденціозно противъ него. Наиболѣе пространный матеріалъ данъ въ «Grand dictionnaire universel» P. Larousse. Привожу самое существенное. «Бартелеми, французскій авантюристъ, родился около 1820 г., казненъ въ Лондонѣ въ 1855. Судьба этого загадочнаго человѣка представляется одною изъ самыхъ исключительныхъ и трагическихъ. Семнадцати лѣтъ, во время одного изъ частныхъ волненій, которыми ознаменовалось начало царствованія Людовика-Филиппа, онъ подвергся оскорбленію со стороны городского сержанта. Онъ хорошо запомнилъ наружность своего врага, подстерегъ его и поразилъ внезапнымъ ударомъ ножа. Судъ присяжныхъ приговорилъ его къ десятилѣтнимъ каторжнымъ работамъ. Вышедши изъ тюрьмы въ 1848, онъ былъ схваченъ въ іюнѣ на баррикадахъ предмѣстья Темплъ и предсталъ передъ военнымъ совѣтомъ, который приговорилъ его къ ссылкѣ. Ему удалось, однако, вырваться и бѣжать въ Лондонъ, гдѣ онъ примкнулъ къ революціонному обществу, основанному Ледрю-Ролленомъ. Преувеличенность его демократическихъ убѣжденій, которыя онъ неистово защищалъ во всѣхъ собраніяхъ; сдѣланное имъ предложеніе замѣнить красное знамя, какъ скомпрометированное реакціей, чернымъ, такъ же, какъ и разныя другія обстоятельства, создали ему дурную репутацію среди изгнанниковъ. Справедливо

или нѣтъ, но его начали считать шпиономъ, агентомъ-провокаторомъ. Жизнь его, о которой не имѣлось никакихъ свѣдѣній, стала казаться темной, и онъ принужденъ былъ держаться изолированно,—что его оскорбляло. Это былъ человекъ скрытный, сосредоточенный; съ физиономіей, внушавшей подозрѣніе. Первое столкновение, которое возникло у него съ однимъ изъ его соотечественниковъ, была дуэль съ Курнэ. Послѣдній, незадолго до декабрьскихъ событій, вернулся въ Лондонъ, гдѣ, по порученію, долженъ былъ передать Бартелеми какія-то бумаги. Подъ впечатлѣніемъ слуховъ, которые о немъ циркулировали, Курнэ воздержался отъ личной передачи. Бартелеми, зная о подозрѣніяхъ, которыя существовали на его счетъ, почувалъ оскорбленіе тамъ, гдѣ была только нѣсколько холодная сдержанность, и письменно потребовалъ у Курнэ извиненій или обмѣна оружіемъ. Курнэ не далъ себѣ даже труда отвѣтить и вернулся во Францію. Съ этого момента ненависть, которую Бартелеми чувствовалъ къ Курнэ, не покидала его уже во всю его жизнь. Декабрьскія событія заставили Курнэ покинуть отечество, и онъ прибылъ въ Лондонъ. Бартелеми покинулъ Англію и переѣхалъ въ Швейцарію, гдѣ въ теченіе трехъ лѣтъ занимался фехтованіемъ и упражненіемъ въ стрѣльбѣ изъ пистолета. Онъ зналъ, что тотъ, котораго онъ собирался вызвать, прекрасно владѣлъ любымъ оружіемъ, и хотѣлъ уравнять шансы. Когда онъ рѣшилъ, что достигъ большаго, чѣмъ противникъ, совершенства, онъ вернулся въ Англію и вызвалъ Курнэ, который забылъ о его существованіи, но предпочелъ разомъ покончить съ этимъ дѣломъ, чѣмъ подвергаться періодическимъ вызовамъ. Дуэль произошла въ Итонѣ, близъ Виндзора. Противники должны были обмѣняться четырьмя выстрѣлами, и, если бы пистолеты не дали никакого эффекта, продолжать на шпагахъ. Курнэ, бывшій прекраснымъ стрѣлкомъ, первый выстрѣлилъ и промахнулся. Бартелеми прицѣлился, но пистолетъ далъ осѣчку. Оружіе вновь было заряжено. Во второй разъ Курнэ не былъ счастливѣе; его пуля прострѣлила шляпу Бартелеми. Послѣдній опять прицѣлился, и опять пистолетъ далъ осѣчку. Тогда Бартелеми великодушно предложилъ окончить дуэль на шпагахъ, отказываясь отъ своего права выстрѣлить въ противника, по крайней мѣрѣ, еще одинъ разъ. Курнэ, оскорбленный великодушіемъ человека, котораго онъ презиралъ, бросилъ ему въ лицо пистолетъ съ крикомъ: «Чортъ возьми, милостивый государь, вы, кажется, смѣтаете надо мною! Вы испробовали мой огонь и думаете, что я побоюсь вашего? Разъ вашъ пистолетъ даетъ осѣчки, вотъ мой». Съ понятной и, принимая во вниманіе все изложенное, простительной яростью Бартелеми зарядилъ оружіе. На этотъ разъ Курнэ упалъ, раненый пулею въ грудь

навылетъ. Бартелеми былъ приговоренъ англійскимъ судомъ къ двумъ мѣсяцамъ тюремнаго заключенія.

3. Въ «Grand dictionnaire universel» P. Larousse статья о Курнэ исполнѣ въ его пользу. Приведу самое существенное.

«Курнэ, морской офицеръ, родился въ Лоріанѣ въ 1808 г., умеръ въ Лондонѣ въ 1852. Въ 1831, подъ предводительствомъ адмирала Руссэна, принималъ участіе въ походѣ противъ Португаліи, былъ раненъ подъ стѣнами Лиссабона и удостоенъ ордена Почетнаго легіона. Несмотря на свои замѣчательные таланты и непоколебимое мужество, Курнэ не могъ добиться чина лейтенанта, чему виною были отчасти его непонятныя увлеченія, но, главнымъ образомъ, упорное и ничѣмъ неослабляемое враждебное отношеніе къ нему одного изъ высшихъ офицеровъ. Кромѣ того, ему были поставлены на видъ его революціонныя убѣжденія, и королевскимъ приказомъ 1847 г. онъ былъ уволенъ въ отставку. Послѣ революціи 1848 г. Курнэ принялъ дѣятельное участіе въ политикѣ. Послѣ 2 декабря 1851 г. онъ былъ арестованъ, но ему удалось ускользнуть изъ рукъ полицейскихъ, которые сопровождали его въ тюрьму, и онъ бѣжалъ въ Лондонъ. Тамъ у него было столкновеніе съ Бартелеми, политическимъ изгнанникомъ весьма подозрительнаго характера, который впоследствии, въ 1854 г., былъ повѣшенъ въ Лондонѣ же за двойное убійство. Бартелеми вызвалъ Курнэ на дуэль. Было рѣшено обмѣняться двумя выстрѣлами и продолжать поединокъ на шпагахъ, въ случаѣ, если выстрѣлы не дадутъ ожидаемаго эффекта. Пистолеты были получены въ публичномъ тирѣ, находящемся въ Лестеръ-скверѣ. На слѣдующій день противники и ихъ секунданты встрѣтились въ Виндзорскомъ паркѣ. Секунданты каждой изъ сторонъ зарядили оружіе, каждый для того именно изъ дуэлянтовъ, секундантомъ котораго онъ являлся. Въ этотъ моментъ Бартелеми крикнулъ своимъ свидѣтелямъ: «Слѣдуйте моимъ инструкціямъ!». Противники были разставлены на разстояніи сорока шаговъ другъ отъ друга, съ правомъ каждому приблизиться на десять шаговъ и стрѣлять послѣ этого по желанію. Бартелеми не трогался съ мѣста. Курнэ тщетно звалъ его и, видя, что онъ остается неподвиженъ, приблизился на десять шаговъ, выстрѣлил и промахнулся. Тогда противникъ его приблизился на десять шаговъ и спустил курокъ. Его пистолетъ далъ осѣчку. Вопреки правилу, всегда соблюдаемому при поединкахъ на пистолетахъ, а именно, что осѣчка считается, какъ произведенный выстрѣлъ, пистолетъ Бартелеми былъ опять заряженъ, но снова далъ осѣчку. Тогда Бартелеми бросилъ его съ крикомъ: «Это оружіе никуда не годится». Курнэ выразилъ пожеланіе, чтобы противнику было передано его оружіе. Секун-

данты зарядили, и Бартеlemi, выстрѣливъ въ третій разъ, ранилъ Курнэ въ правый бокъ. Пуля прошла насквозь. Онъ опрокинулся, сѣлъ и, доставленный въ ближайшую гостиницу, умеръ спустя три часа. Пистолеты были возвращены въ тирь, и въ томъ изъ нихъ, которымъ первоначально пользовался Бартеlemi, нашли кусокъ полотна. Кто сунулъ его туда? Нельзя было ни заподозрить секундантовъ Курнэ, ни понять намѣреній секундантовъ Бартеlemi, если бы имъ можно было приписать это мошенничество. Секунданты Курнэ, Бартеlemi и одинъ изъ его секундантовъ были арестованы и предстали передъ судомъ присяжныхъ, которые ихъ оправдали. По этому дѣлу въ англійскихъ газетахъ возникла оживленная полемика между друзьями Курнэ и Бартеlemi. Курнэ былъ похороненъ на кладбищѣ въ Виндзорѣ, гдѣ друзья его поставили ему очень скромный памятникъ съ надписью: «Французская демократія Фредерику Курнэ».

Помимо недостатковъ редакціи, допустившей неполное совпаденіе перекрещивающихся въ двухъ приведенныхъ статьяхъ свѣдѣній, нельзя не обратить вниманіе на мелкіе нюансы, которые словарь старается подчеркнуть въ пользу Курнэ и противъ Бартеlemi.

4. О Станиславѣ Тхоржевскомъ говорилось много, будетъ еще больше. Добавлю, что онъ—уроженецъ Плоцка; въ 1845 г. эмигрировалъ въ Пруссію, гдѣ былъ арестованъ по подозрѣнію въ политическихъ проискахъ и предназначенъ къ передачѣ Россіи, но бѣжалъ. Въ 1848 г. былъ комиссаромъ революціонной пропаганды въ Познани, за что и признанъ вѣчнымъ изгнанникомъ (Архивъ III Отд. С. Е. И. В. канц. 1 эксп. 1857 г., дѣло № 255).

5. Привожу письмо Бартеlemi, хранящееся въ архивѣ семьи Герцена:

«Cher citoyen, j'ai perdu l'adresse de Willich et je vous prie de la donner à la bonne qui vous remettra mon billet.

«Recevez l'assurance de tout : ma considération et de mon amitié sincère.

E. Barthélémy».

15 m. 54.

(Дорогой гражданинъ, я потерялъ адресъ Виллиха; я очень прошу васъ передать его горничной, которая снесетъ вамъ мою записку. Примите увѣреніе въ моемъ совершенномъ уваженіи и въ искренней дружбѣ. Э. Бартеlemi).

6. Привожу выдержки изъ «Воспоминаній» М. Мейзенбугъ.

«Изъ всѣхъ слуховъ и предположеній ясно вытекало, что поѣздка Бартеlemi имѣла цѣлью освободить Францію отъ ея тирана. Говорили, что англичанинъ обѣщаль ему денегъ для исполненія задуманнаго плана и вдругъ отказаль въ ту минуту, когда

Бартелеми пришелъ за получениемъ обѣщанной суммы; что произошло между ними ссора, и что затѣмъ вышедшій изъ себя Бартелеми убилъ англичанина. Провѣрить этотъ рассказъ было невозможно, какъ невозможно было узнать, по какимъ мотивамъ англичанинъ отказалъ въ выдачѣ обѣщанной суммы. Женщина, бывшая свидѣтельницей убійства, исчезла какимъ-то непонятнымъ образомъ. Ея участіе въ этомъ дѣлѣ, причины, заставившія ее оставаться при Бартелеми ради такого рискованнаго плана,—все это вначалѣ казалось трудно объяснимымъ, но мало-по-малу стали доходить странныя извѣстія, давшія, наконецъ, возможность установить, что это была шпіонка, подосланная французскимъ правительствомъ, чтобы погубить энергичнѣйшаго изъ эмигрантовъ. Это удалось ей исполнѣ. Болѣе, чѣмъ вѣроятно, что завладѣвъ вѣрнѣйшими изъ бумагъ Бартелеми, мѣсто хранения которыхъ было извѣстно ей одной, она передала ихъ французскому правительству и сама бѣжала во Францію. Во время обыска, произведеннаго въ квартирѣ Бартелеми, его комнату нашли въ безпорядкѣ, даже паркетъ былъ поднятъ; не нашли ни одной подозрительной бумаги и напрасно разыскивали въ Англии эту женщину, показанія которой были бы такъ цѣнны.

«Заклученный понялъ, къ какой страшной ошибкѣ привела его страсть; такъ, по крайней мѣрѣ, мнѣ показалось по прочтеніи его письма изъ тюрьмы къ одному другу; Герценъ далъ мнѣ прочесть его. Бартелеми въ этомъ письмѣ, между прочимъ, писалъ: «я такъ глубоко несчастенъ, что не желалъ бы быть спасеннымъ, даже если бы могъ».

«Дѣло Бартелеми еще не было кончено; и мы продолжали тревожиться. Процессъ его затягивался, хотя онъ и не старался оправдываться. Клеветы, распространяемыя на его счетъ соотечественниками, политическими противниками, злорадство, съ которыми они усаживались въ первомъ ряду въ залѣ суда,—все это возмущало его. Доказательствомъ тому служитъ прилагаемое письмо.

«Ньюгетская тюрьма, 8 янв. 1855 г.

«Я прошу друга моего Б... передать это письмо M-lle R..., которая доставить его тому, кому оно предназначается.

«Если бы я не зналъ, что вы не раздѣляете мелочныхъ соображеній людей, для которыхъ соціальныя предразсѣдки—добродѣтель, я не рискнулъ бы назвать васъ другомъ. Но я знаю, что вы не изъ тѣхъ, кто бьетъ лежачаго, и что въ вашихъ глазахъ и былъ не достойнымъ презрѣнія негодяемъ, а чѣмъ-то другимъ. Изъ того, что я узналъ, ничто не удивляетъ меня; я достаточно

знаю тѣхъ господъ, чтобы придавать имъ какое-нибудь значеніе. Если бы я былъ на свободѣ, я смутилъ бы моихъ враговъ, хотя видимость противъ меня. Но къ чему все это? Я умеръ и, если это можетъ быть полезно для нашего дѣла, пусть волочатъ по грязи мое имя. Можетъ быть, ни на что другое они и неспособны. Я бы хотѣлъ, чтобы мое паденіе возвысило ихъ, но ничего этого не будетъ. Посредственность будетъ ихъ судьбою до конца. Прощайте.

Э. Бартелеми.

«Наконецъ, послѣдовалъ и приговоръ. Приговорили къ смерти, несмотря на то, что обвиненіе въ первомъ преступленіи было отклонено, а за второе полагалась ссылка. Мы всѣ, и Бартелеми вмѣстѣ съ нами, не ожидали такого рѣшенія. Благомыслящіе французскіе эмигранты обращались съ просьбой въ пользу подсудимаго къ лорду Пальмерстону, бывшему въ ту пору министромъ, и онъ обѣщаль благопріятный отвѣтъ; тѣмъ болѣе жестоко поразилъ насъ приговоръ.

«...Я хотѣла выразить негодованіе, возбужденное во мнѣ угодливіостью британскаго правительства, такъ какъ не подлежало сомнѣнію, что смертный приговоръ былъ утвержденъ, вслѣдствіе настоятельной просьбы французскаго правительства, присяжные же подписали просьбу о помилованіи. Я предложила Герцену и Доманже просить для насъ троихъ разрѣшенія сопровождать несчастнаго на мѣсто казни.

«...Герценъ и Доманже не раздѣляли моего желанія, но тѣмъ не менѣе просили о разрѣшеніи. Они узнали, что оно совершенно невозможно, что намъ его не дадутъ, какъ противное всѣмъ традиціямъ; наше присутствіе могло бы нарушить ходъ событій.

«...Въ Англій казнятъ всегда въ понедѣльникъ, рано утромъ. Я проснулась задолго до разсвѣта... Когда часы били шесть, я спрятала голову въ подушку и горько заплакала. Нѣсколько часовъ спустя, Герценъ прислалъ просить меня къ себѣ; онъ вышелъ ко мнѣ разстроенный и молча подаль мнѣ газету. Это былъ номеръ «Times'a» съ отчетомъ о послѣднихъ часахъ Бартелеми и его казни. Я не могла читать, залилась слезами; Герценъ прочелъ намъ вслухъ, своему сыну и мнѣ.

«...Когда спросили, не имѣетъ ли онъ послѣдней просьбы, Бар. просилъ, чтобы ему разрѣшили до послѣдней минуты держать въ рукѣ полученное имъ накануне письмо. Оно было съ юга Франціи, изъ его родного города; это была коротенькая и трогательная записка, переполненная орфографическими ошибками и подписанная женскимъ именемъ. Она содержала въ себѣ увѣреніе въ неизмѣнно

вѣрной любви, не боявшейся ни преступленія, ни смерти. Заключенный былъ глубоко растроганъ этимъ письмомъ.

«...Мы молчали долго, но слезы наши были краснорѣчивѣе словъ. Я съ трудомъ овладѣла собою.

«Я написала аббату Ру, рассказала ему, какое живое участіе, въ былое время, внушили мнѣ умъ и искренность Бартелеми; потомъ я потеряла его изъ вида, а теперь, взволнованная глубокимъ сожалѣніемъ по поводу его несчастнаго конца, я горячо желаю узнать что-нибудь о его душевномъ состояніи въ послѣднія минуты. Я настоятельно просила его сообщить мнѣ все, что ему извѣстно.

«Нѣсколько дней спустя, я получила слѣдующее письмо:

«Весьма сожалѣю, что не могу исполнить вашего желанія и передать вамъ подробности о послѣднихъ дняхъ несчастнаго Бартелеми: я принужденъ былъ отказать въ этомъ и газетамъ и членамъ моего семейства. Сообщенія, сдѣланныя имъ мнѣ, имѣли такой интимный характеръ, что они, какъ мнѣ кажется, принадлежатъ къ области профессиональной тайны, одной изъ главнѣйшихъ обязанностей моего званія. Признаю вмѣстѣ съ вами высокій умъ, твердость характера и великодушіе Бартелеми. Но сильныя страсти привели его къ позорной смерти. Нельзя сомнѣваться въ томъ, что убійство Джорджа Мура было совершено безъ заранѣе обдуманнаго намѣренія; однако, нельзя было доказать, что оно было неизбежно, а потому являлось бы случаемъ необходимой обороны. Трудно было оправдать подсудимаго, но истинное правосудіе не должно было приговаривать его къ смерти. Я сдѣлалъ все, что могъ, чтобы спасти ему жизнь; мнѣ это обѣщали и до воскресенья, кануна его смерти, я не терялъ надежды. Обстоятельства, чуждыя убійству, заставили опуститься чашку вѣсовъ въ сторону суровости... Онъ умеръ съ великимъ мужествомъ, но много страдалъ передъ смертью. Онъ ощущалъ потребность въ религіозныхъ утѣшеніяхъ, но боялся принимать ихъ передъ наблюдавшими за нимъ друзьями, которые, однако, всѣ ниже его. Въ его душѣ происходила страшная борьба,—борьба, которая сломала бы менѣе здоровый организмъ, но я вѣрю, что мое присутствіе и мои слова сдѣлали менѣе горькой чашу, которую ему пришлось выпить до дна. Признаюсь вамъ, что я плакалъ по немъ,—онъ сталъ мнѣ почти другомъ. Кто знаетъ, что бы случилось, если бы я познакомился съ нимъ въ то время, когда вы знавали его? «Ваше ученіе прекрасно», сказалъ онъ мнѣ въ послѣдній день; «если бы я могъ остаться въ живыхъ, я сталъ бы проповѣдывать его, не вѣря въ него самъ и, можетъ быти, кончилъ бы тѣмъ, что увѣро-

валъ». На память онъ подарилъ мнѣ книжечку—единственную вещь, которую имѣлъ.

«Вотъ тѣ подробности, которыя могу прибавить къ тому, что вы могли прочитать въ газетахъ. Потрудитесь извинить меня и принять увѣреніе въ моемъ полномъ почтеніи. *Л. Ру*».

Въ томъ же большомъ словарѣ Ларусса второе дѣло Бартелеми изложено такъ: «8 декабря 1854 Бартелеми, въ сопровожденіи молодой дамы, явился въ Лондонѣ къ богатому фабриканту шипучихъ водъ Джорджу Муру. Горничная впустила его и, нѣсколько минутъ спустя, услышала выстрѣлъ, сопровождавшійся паденіемъ тѣла наполь. Она высунулась въ окно и позвала на помощь. Нѣкто Колларъ, имѣвшій по сосѣдству бакалейную торговлю, выбѣжалъ изъ своей лавочки и, замѣтивъ челоуѣка, который пытался перескочить черезъ ограду сада, принадлежавшаго дому Мура, бросился, чтобы его задержать. Это былъ Бартелеми, у котораго въ рукѣ оказался еще одинъ пистолетъ; онъ въ упоръ выстрѣлилъ въ несчастнаго бакалейщика. Тотъ скончался на слѣдующій день, жена же его съ отчаянія сошла съ ума. Прохожіе бросились на убійцу и задержали его. Проникли въ домъ, гдѣ нашли Мура плавающимъ въ собственной крови. Онъ былъ убитъ наповаль выстрѣломъ изъ пистолета. Что касается молодой дамы, то она исчезла. Раньше, чѣмъ это замѣтили, Бартелеми помогъ ей перелѣзть черезъ садовую ограду и, несмотря на всѣ розыски полиціи, не оказалось возможнымъ установить ея личность. При убійцѣ нашли два пистолета, которыми онъ совершилъ это двойное убійство, и двадцать четыре патрона. Затѣмъ узнали, что онъ оставилъ за собою мѣсто на пароходѣ, и что все было готово для быстрого отбѣзда. Разслѣдованіемъ, произведеннымъ у него на квартирѣ, удалось установить потайной ходъ, который велъ въ подвальный этажъ, откуда можно было ускользнуть черезъ сточную трубу. Слѣдствіе, какъ и самъ процессъ въ центральномъ уголовномъ судѣ подъ предсѣдательствомъ лорда Кэмпбеля, не пролило свѣта на это таинственное дѣло. Бартелеми замкнулся въ молчаніи и просилъ только о томъ, чтобы судъ состоялъ наполовину изъ англичанъ и наполовину изъ иностранцевъ; вынужденный къ объясненіямъ, онъ ограничился только тѣмъ, что сказалъ: «Тотъ послѣдній, который только одинъ знаетъ тайну, расскажетъ ее, если пожелаетъ». Онъ былъ приговоренъ къ смертной казни и повѣшенъ 22 января 1855, противъ тюрьмы Old Bailey. Восемь дней спустя, въ Лондонѣ появилась брошюра подъ заглавіемъ «Признаніе Бартелеми». Этотъ апокрифическій документъ (ибо Бартелеми не сдѣлалъ никакого признанія) очень

просто излагаетъ всѣ фазы дѣла и заставляетъ предполагать, что въ послѣднее замѣшана ревность, что, конечно, весьма правдоподобно».

7. Указанный во II томѣ «Encyklopedja Powszechna» Orgelbranda (стр. 443, изд. 1898 г.)—не-графъ, врядь ли тотъ, о которомъ говоритъ Герценъ, хотя нѣкоторыя данныя совпадаютъ, напр., смерть въ Парижѣ въ 1854 г.; данныя «Русскаго Некрополя въ чужихъ краяхъ», вып. I, взяты, повидимому, у Герцена же, кромѣ даты смерти; возможно, что въ братской могилѣ погребенъ тотъ Бернацкій, о которомъ сказано выше, а могила графа не найдена.

Бернацкій былъ предсѣдателемъ совѣта «Szkoła Narodowa Polska» (L'Ecole nationale polonaise), находившейся въ Парижѣ, въ предмѣстьѣ Батиньоль; эту обязанность онъ исполнялъ, навѣрное, въ 1849—53 гг., что видно изъ печатныхъ отчетовъ, а, можетъ быть, и раньше; школа была основана въ 1842 г. Въ нѣкоторыхъ проспектахъ школы его называли «ancien ministre du Royaume de Pologne» (бывшій министръ Польскаго Королевства). Первоначальныя средства на это патріотическое дѣло были даны Ледоховскимъ, ген. Дверницкимъ, Бернацкимъ и др. Гр. Малаховская оставила школѣ послѣ своей смерти 200,000 фр.; затѣмъ кто-то изъ польскихъ эмигрантовъ пожертвовалъ 50,000 флориновъ; позже, съ 1851 г. ее субсидировало французское правительство, благодаря содѣйствію дяди императора, Иеронима Бонапарта. Наше правительство было очень этимъ недовольно; побуждаемое Яковомъ Толстымъ, оно входило въ сношенія съ Франціей, доказывая весь вредъ такой школы, но начавшаяся вскорѣ Крымская война прервала всякіе переговоры.

Цѣль школы—дать дѣтямъ польскихъ изгнанниковъ образованіе и средства къ жизни, сберечь въ нихъ на чужой землѣ польскую народность, сохранить языкъ, воспитать любовь къ отечеству, «влиять въ сердце ихъ глубокую къ его врагамъ ненависть» и поддерживать среди молодого поколѣнія надежду на освобожденіе Польши и ея будущую самостоятельность (Архивъ III Отд. С. Е. И. В. канц. 1 эксп. 1852., дѣло №346).

8. Никакихъ точныхъ біографическихъ данныхъ о Чернецкомъ получить не удалось. Личность его не была совершенно освѣщена и въ данныхъ, которыми располагало III Отдѣленіе С. Е. И. В. канцеляріи, какъ это ни кажется маловѣроятнымъ. Свѣдѣнія, сообщаемыя о немъ Огаревой, до того ничтожны, что приводить ихъ не представляется надобности: читатель получитъ гораздо больше въ настоящемъ изданіи, если справится въ алфавитномъ указателѣ личныхъ именъ.

9. По даннымъ III Отдѣленія, «Democrata Polski» издавался въ 1851 г. въ Брюсселѣ Михаиломъ-Фаддеемъ Дембинскимъ и Иосифомъ Моравскимъ; официальный издатель Delhase, видя, что правительство Бельгіи хочетъ запретить журналъ, употребилъ хитрость, которой и парировалъ возможный ударъ: по соглашенію съ типографомъ, онъ поставилъ на журналъ рабочихъ изъ брюссельскихъ гражданъ, а въ этомъ случаѣ законъ не позволялъ прекращать изданій административной властью. Статьи присылались изъ Лондона отъ Подолецкаго и Ворцеля, они же читали и корректуру (Архивъ III Отд. С. Е. И. В. канц. 1 эксп. 1851 г., дѣло № 73).

10. Польскій историкъ Лимановскій, біографъ С. Ворцеля, говоритъ, что, несмотря на бывшія осложненія въ отношеніяхъ нѣкоторыхъ поляковъ къ Герцену, онъ всегда считается однимъ изъ крупнѣйшихъ жертвователей на типографію польской Централизаціи («Stanislaw Worcell», 274).

11. По словамъ Н. А. Огаревой, друзья помѣстили Ворцеля на квартиру къ Тэйлору, «который весьма симпатизировалъ уже сильно больному вождю польской демократіи. Тэйлоръ окружилъ Ворцеля возможнымъ комфортомъ и доставилъ ему медицинскую помощь. Получая на всѣ нужныя для больного издержки деньги отъ его англійскихъ друзей, а иногда и отъ Герцена, онъ старался скрыть отъ Ворцеля, что послѣдній живетъ на чужой счетъ. Быть можетъ, старикъ и догадывался, но ему нечего было дѣлать: болѣзнь не позволяла ему зарабатывать, какъ прежде» (стр. 132).

12. Въ іюнѣ 1846 г. графиня Саломея Станиславовна Ворцель, 16 лѣтъ, просилась для лѣченія къ зельтерскимъ минеральнымъ водамъ на 6 мѣсяцевъ. Паспортъ былъ ей выданъ въ іюлѣ (Архивъ мин. вн. дѣлъ, дѣло деп. полиціи исполн. 1846 г. № 478). Это была дочь Ворцеля. Видѣлась ли она съ отцомъ, уѣхавъ на время отъ матери и брата, неизвѣстно. Отецъ Ворцеля, помѣщикъ Волинской губ., тайный совѣтникъ графъ Станиславъ-Григорій, умеръ въ 1837 г.

8 октября 1839 г. какой-то анонимъ сообщилъ, что гр. Ворцель получилъ паспортъ на имя живописца Юліана Astley отъ швейцарской миссіи въ Лондонѣ, засвидѣтельствованный 28 іюля французскимъ посольствомъ. III Отдѣленіе предписало кievскому ген.-губернатору слѣдить, не появится ли этотъ эмиссаръ въ предѣлахъ Юго-Зап. края (Архивъ III Отд. С. Е. И. В. канц. 1 эксп. 1839 г., дѣло № 2, ч. 4).

Въ январѣ 1854 г. какой-то Шредеръ прислалъ III Отдѣленію доносъ, изъ котораго 3 февраля оно составило слѣдующую записку: «Въ послѣднее время польскій комитетъ выходцевъ

въ Лондонѣ и отрасль онаго на Джерсеѣ вмѣстѣ съ русскимъ революціонеромъ Герценомъ направили пропагандистовъ въ славянскія провинціи Австріи и Пруссіи для подготовленія сихъ провинцій къ возстанію на случай благопріятныхъ для революціи обстоятельствъ на Востокѣ. Общество носить названіе «Славянскаго союза», цѣль котораго, судя по статуту онаго, состоитъ въ распространеніи славянской національности безъ различія славянскихъ народовъ, въ политическомъ и нравственномъ отношеніяхъ, также и въ приготовленіи всѣхъ славянъ къ возстанію противъ ихъ притѣснителей. Послѣ же приготовленія ихъ къ тому, генеральному конгрессу всѣхъ отраслей общества принадлежить опредѣленіе времени возстанія.

«Агентами лондонскаго революціонернаго центрального комитета называются:

Іосифъ Лурти, (Lodrtie) въ Гвильгельмѣ, близъ Брюсселя,
Содержатель гостиницы Августъ Киммельъ въ Дейтчѣ,
Францъ Морицъ, другъ извѣстнаго Мораса.

«Агенты Европейскаго центрального комитета:

въ Италіи—Маццини, Саффи, Феликсъ Орсини,
въ Польшѣ—Е. Станевичъ, А. С. Клечинскій, Цульвевскій,
во Франціи—Ледрю-Ролленъ, Викторъ Гюго, Шельхеръ,
въ Венгріи—Кошуть, Ворцель, Ф. фонъ Букези (подъ именемъ Борозъ) живеть вмѣстѣ съ Зонтагомъ и графомъ Карацци, зятемъ бар. Вольфа Вехелина;

въ Германіи—Руге, Бюхеръ, докторъ Таузену,
въ Россіи—Александръ Герценъ,
въ Англии—Линтонъ.

«Въ комиссіи редакціи для печатанія: Саффи, А. Герценъ, Ледрю-Ролленъ, докторъ Роней и Бюхеръ. Редакторъ Александръ Герценъ».

При этомъ любопытномъ апокрифѣ въ нѣмецкомъ доносѣ были приведены и адреса; у Герцена указано: «4, Spring Gardens».

Немедленно были сдѣланы сношенія съ министромъ иностр. дѣлъ и намѣстникомъ Ц. Польскаго,—на этомъ дѣло и кончается (Архивъ III Отд. С. Е. И. В. канц. 1 эксп. 1854 г., дѣло № 55).

По донесеніи тайнаго агента въ Лондонѣ отъ 24 іюня 1855 г., типографія на ост. Джерси (Jersey) устроена на средства Герцена, Браницкаго и Зено Свентославскаго; послѣдній—«глава печатанія». Герценъ—комиссіонеръ типографіи для Россіи и Польши. По предложенію Герцена и Ворцеля, въ Нью-Йоркѣ производится, подъ управленіемъ Мессароша и Катона, изготовленіе русскихъ фальшивыхъ бумажныхъ денегъ. «Кромѣ того, фабрикація эта, подъ управленіемъ Герцена, проникла въ Константинополь къ Чайков-

скому и Билинскому для распространения въ придунайскихъ княжествахъ». «Свентославскій, Герценъ, Ворцель и проживающій въ Парижѣ Браницкій считаются дѣятельнѣйшими членами Славянскаго комитета». «Когда Герценъ прїѣзжаетъ въ Пруссію, то обыкновенно подъ именемъ музыкальнаго учителя Рейжеля изъ Данцига» (Архивъ III Отд. С. Е. И. В. канц. 1 эксп. 1855 г., дѣло № 147).

Привожу оба документа исключительно для пополненія официальной полуапокрифической «литературы» о Герценѣ.

13. Повидимому, Герценъ опять смѣшалъ двухъ братьевъ Бауэръ. Эдгаръ, дѣйствительно, написалъ «Der Streit der Kritik mit Kirche und Staat», но въ 1842—43 гг., когда Герценъ былъ еще въ Россіи; Бруно же Бауэръ въ 1855 г. выпустилъ книгу «Die russische Kirche», къ которой и можетъ относиться все сказанное.

14. Рихардъ Вагнеръ такъ характеризуетъ Адольфа Колачека: «довольно элегантный съ буржуазной точки зрѣнія, но въ достаточной мѣрѣ скучный... Этотъ человѣкъ навсегда остался въ моей памяти, какъ образецъ тактичнаго редактора». Въ его же квартирѣ Вагнеръ познакомился въ 1851 г. съ Г. Гервегомъ («Моя жизнь», III, 15).

15. До сихъ поръ отношенія Маркса и Герцена все еще никѣмъ въ литературѣ не освѣщены, а, между тѣмъ, антагонизмъ ихъ заслуживалъ бы самаго подробнаго изученія. Двѣ такія видныя фигуры, два такіе мыслителя и публициста, конечно, должны привлечь вниманіе иностранныхъ и русскихъ историковъ общественности и литературы. Я не имѣлъ возможности заняться этимъ экскурсомъ, требующимъ прежде всего продолжительнаго изученія европейской журналистики 1849—69 гг. и притомъ на мѣстѣ, въ Англіи, Швейцаріи, Германіи, Австріи, Италіи и Франціи.

Какъ относился Герценъ къ Марксу, видно будетъ изъ разныхъ мѣстъ настоящаго «собранія»; все, что мнѣ удалось собрать въ этомъ направленіи, все будетъ дано полностью, но такихъ матеріаловъ очень немного.

Такъ же кратко мнѣ остается характеризовать отношенія Маркса къ Герцену, пользуясь лишь нѣкоторыми источниками и преимущественно работой, болѣе или менѣе объективной въ отношеніи обоихъ писателей; таковой мнѣ представляется статья г. Таганскаго въ сборникѣ «Карлъ Марксъ (1818—1883)», изданномъ въ Спб., 1908 г.

Была надежда на нѣсколько писемъ разныхъ лицъ къ Марксу и его собственныхъ, но къ моменту печатанія настоящаго листа мнѣ не удалось ихъ получить, и я не увѣренъ, что это именно то, о чемъ мнѣ было сообщено изъ-за границы.

Въ 1868 г. Марксъ писалъ своему другу Кугельману: «Нѣ-

сколько дней тому назад какой-то петербургский книгоиздатель поразил меня известием о томъ, что «Капиталъ» печатается въ настоящее время въ русскомъ переводѣ. Онъ просилъ мою фотографическую карточку для его обложки, и въ такомъ пустякѣ я не могъ отказать «моимъ хорошимъ друзьямъ», русскимъ. Иронія судьбы заключается въ томъ, что русскіе, противъ которыхъ я вотъ уже 25 лѣтъ выступалъ не только на нѣмецкомъ, но и на французскомъ и англійскомъ языкѣ, всегда были моими «доброжелателями». Въ 1843—44 г. въ Парижѣ тамошніе русскіе аристократы меня на рукахъ носили. Мое сочиненіе противъ Прудона (1847 г.), а также вышедшее у Дункера (1859 г.) нигдѣ не нашли большого сбыта, чѣмъ въ Россіи. И первая чужая нація, переведшая «Капиталъ», это—русская. Но все это нельзя очень высоко цѣнить. Русская аристократія въ юности своей воспитывается въ нѣмецкихъ университетахъ и въ Парижѣ. Она всегда гонится за самымъ крайнимъ изъ того, что даетъ Западъ. Это—чистая гастрономія, какой занималась часть французской аристократіи въ XVIII вѣкѣ... Это не мѣшаетъ тѣмъ же самымъ русскимъ, какъ только они поступаютъ на государственную службу, становиться негодьями» («Письма К. Маркса къ Кугельману», Спб., 1907, 51—52). По поводу этого очень характернаго письма г. Таганскій говоритъ: «Въ этомъ сужденіи много несправедливаго и невѣрнаго. Въ 60-хъ годахъ интересовалась Марксомъ и серьезно его изучала, конечно, вовсе не русская аристократія, а полный ея антиподъ—разночинная интеллигенція, предшественница современной демократіи. Изученіе Маркса отнюдь не было для нея чистой гастрономіей; она искала въ его сочиненіяхъ разрѣшенія волновавшихъ вопросовъ о путяхъ общественнаго развитія, готовясь двинуться въ народъ съ проповѣдью социализма. Процессъ разслоенія русскаго общества, совершившійся въ промежутокъ этихъ 20 лѣтъ и породившій демократическую интеллигенцію, оставался еще внѣ поля зрѣнія Маркса» (стр. 390—391).

Но внѣ поля зрѣнія знаменитаго социолога остался не только процессъ 60-хъ годовъ, но и стремленія русскаго общества и его лучшихъ представителей въ болѣе раннія эпохи. Реальный политикъ, Марксъ, «вслѣдствіе недостаточнаго знакомства съ русскими общественными отношеніями, распространялъ иногда свою антипатію къ Россіи далеко за предѣлы русскихъ официальныхъ сферъ, до нѣкоторой степени взваливая отвѣтственность за ихъ реакціонную политику и за ихъ историческія прегрѣшенія передъ Западомъ на русскій народъ, который, какъ ему казалось, инстинктивно одобрялъ эту политику и какъ бы санкціонировалъ ее своимъ сочув-

ствіємъ» (391—392). «Въ 40—50 гг. Марксъ, дѣйствительно, много писалъ противъ Россіи, но ядовитыя стрѣлы этой полемики никоимъ образомъ не могли уколоть его русскихъ «доброжелателей», хорошо понимавшихъ, что онѣ были направлены, собственно, противъ абсолютизма, который былъ имъ не менѣе ненавистенъ, чѣмъ самому Марксу. Русское правительство было въ тоѣ время оплотомъ европейской реакціи. Его вмѣшательство въ ходъ событій 1848—49 гг. показало, какую страшную опасность представляло оно для освободительнаго движенія Запада. И поскольку европейская демократія, разбитая и обезсиленная реакціей 50-хъ гг., мечтала о новомъ подъемѣ общественнаго движенія, беспощадная война съ Россіей казалась ей призваніемъ будущей революціи... Въ годы реакціи ненависть къ Россіи стала еще болѣе острой у нѣмцевъ, оскорбляемыхъ въ своемъ чувствѣ національной чести раболѣпиемъ нѣмецкихъ правительствъ передъ русскимъ самодержцемъ» (391). Замѣчу, кстати, что если бы Марксъ серьезно считался съ Сазоновымъ, а послѣдній былъ бы въ состояніи основательно объяснить ему группировку русскихъ общественныхъ теченій и складъ нашей политической жизни, то, разумѣется, Марксъ не впалъ бы въ ошибку, которую сдѣлалъ не только онъ, но и цѣлыя націи, напр., поляки, поставивъ за однѣ скобки наше правительство, общество и народъ. Идея панславизма, казалось Марксу, превалировала въ міросозерцаніи каждаго русскаго, потому что ея держалось наше правительство, проводившее это ученіе съ наглостью и глупостью нашей дипломатіи; мало того, самъ свидѣтельствуя въ 1848 г., что «въ Прагѣ, наполовину нѣмецкомъ городѣ, толпы славянскихъ фанатиковъ съ ликованиемъ подхватили и повторяли возгласъ: «лучше русскій кнутъ, чѣмъ нѣмецкая свобода!» («Собраніе историч. работъ», Спб., 1906, 365),—Марксъ не видѣлъ, что «у южныхъ славянъ, искавшихъ покровительства Россіи въ своей борьбѣ противъ турецкаго ига, и у западныхъ славянъ, тѣснимыхъ нѣмцами и венграми и пытавшихся отвоевать себѣ право національнаго самоопредѣленія въ бурные революціонные годы, тяготѣніе къ Россіи было несомнѣнно», на что и опирался панславизмъ нашего правительства.

Понятно, что Марксъ впередъ подозрѣвалъ каждаго русскаго публициста въ ненавистномъ ему панславизмѣ, если тотъ, вообще, высказывался по этому вопросу съ точки зрѣнія тогдашняго прогрессивнаго русскаго пониманія. Какъ же должна была казаться ненавистна ему основная нота сочиненій Герцена, въ которыхъ онъ высказывался именно по этому вопросу (хотя бы №№ 513 и 537). Я увѣрѣнъ, что именно о немъ говорилъ нѣмецкій публицистъ, когда писалъ въ «Daily Tribune» 25 марта 1852 г.: «Въ кабине-

тахъ нѣкоторыхъ дилетантовъ исторической науки возникло то нелѣпое антиисторическое движеніе, которое ставило своей цѣлью ни много, ни мало, какъ подчиненіе цивилизованнаго Запада варварскому Востоку, города деревнѣ, торговли, промышленности, знанія примитивной агрикультурѣ славянъ-крѣпостныхъ. Но за нелѣпой теоріей стояла ужасающая дѣйствительность русскаго царства,—того царства, которое всякимъ своимъ движеніемъ обнаруживаетъ притязаніе всю Европу разсматривать, какъ область славянской расы и въ особенности единственно сильной части этой расы, именно русскихъ; того царства, которое въ двухъ главныхъ городахъ, въ Петербургѣ и Москвѣ, все еще не можетъ найти своего центра тяжести, пока *городъ царя* (Константинополь называется по-русски Царьградъ, городъ царя), который всякій русскій крестьянинъ считаетъ истиннымъ центромъ своей религіи и своей націи, пока онъ не сдѣлался фактически резиденціей русскаго императора; того царства, которое за послѣднія 150 лѣтъ, благодаря всѣмъ войнамъ, какія только начинало оно, ни разу не теряло, но всегда приобрѣтало землю» («Собраніе историч. работъ», 330—331). Г. Таганскій указываетъ, что Марксъ взвелъ на русскаго крестьянина «сущую напраслину, введенный въ заблужденіе, повидимому, тѣмъ, что русскіе дипломаты и офиціозные публицисты выдавали политическую доктрину правящихъ круговъ за такую, которая, будто бы, искони присуща народному самознанію, придавая ей такимъ образомъ характеръ традиціонной національной идеи. Ослѣпленный ненавистью къ панславизму и вслѣдствіе своей неосвѣдомленности о русскихъ отношеніяхъ, Марксъ не дѣлалъ различія между панславизмомъ и славянофильствомъ, какъ ученіемъ о самобытности историческаго развитія Россіи, совершенно игнорируя то обстоятельство, что славянофилы были исполнены сочувствія къ поработенному классу своей родины и стремились къ упраздненію политическаго строя, основаннаго на такомъ поработеніи. Сочиненія славянофиловъ Марксу остались, повидимому, неизвѣстны, но поскольку славянофильскія идеи входили въ міросозерцаніе западниковъ и отражались въ произведеніяхъ виднѣйшаго ихъ представителя, Герцена, хорошо знакомаго европейцамъ, Марксъ ополчался на эти идеи со свойственной ему страстностью» (393).

Надо еще добавить, что «хорошо знакомый европейцамъ», Герценъ почти вовсе не былъ ими понимаемъ; читая его, русскій умъ и русское сердце слышали такіе нюансы, которые были совершенно невѣдомы западному уму и сердцу, даже и не предубѣжденному, не настороженному, какимъ былъ Марксъ. И

чѣмъ больше былъ успѣхъ Герцена, чѣмъ шире имъ интересовались, больше читали и чаще цитировали, тѣмъ съ большею ѣдкостью и горячностью ополчались враги панславизма, въ числѣ которыхъ въ отношеніи Герцена судьба поставила рядомъ съ Марксомъ и Карла Блинда. «Марксъ возмущался до глубины души противопоставленіемъ дряхлаго Запада могучему Востоку и считалъ величайшей неаппетитностью предположеніе о томъ, что славяне, и въ частности русскіе, имѣютъ въ своихъ первобытныхъ учрежденіяхъ, артели и общинѣ, зародышъ высшей общественной формы, могущей развиться до того идеала, къ которому стремился западный міръ. Несмотря на то, что Герценъ, защищавшій правомѣрность такого предположенія передъ общественнымъ мнѣніемъ Европы, настойчиво подчеркивалъ при этомъ «естественное безотчетное сочувствіе славянъ съ социализмомъ», Марксъ считалъ всѣ подобныя теоріи отголоскомъ ненавистнаго ему панславизма, а самого Герцена панславистскимъ агентомъ» (стр. 393). И разъ это такъ, Марксъ уже не могъ не вѣрить слухамъ, которые сформулировалъ въ письмѣ къ Кугельману 1870 г.: «Герценъ, несмотря на то, что онъ самъ былъ богатымъ человѣкомъ, получалъ ежегодно 25,000 рублей на пропаганду отъ дружественной ему псевдо-соціалистической панславистской партіи въ Россіи» (стр. 82). «Марксъ, неоднократно выражавшій свои симпатіи отнюдь не соціалистической тогда Польшѣ и несомнѣнно націоналистической Венгріи, гордившійся дружбой Г. Гейне, оказался неспособнымъ взглянуть на Герцена съ точки зрѣнія тогдашнихъ русскихъ условій и безпристрастно оцѣнить его значеніе, какъ передового борца русскаго освободительнаго движенія. Оправданіемъ для него можетъ служить его заклятая ненависть къ панславизму. Въ этомъ случаѣ съ нимъ произошло то, что часто бываетъ съ людьми, находящимися подъ исключительной властью одной великой идеи и отдавшими ей на служеніе всю свою жизнь» (стр. 394).

Понятно, что именно при такомъ остромъ идейномъ антагонизмѣ не могло не быть антагонизма и личнаго, особенно, если принять во вниманіе нападки нѣмцевъ на Бакунина до 1862 г., пока онъ былъ лишенъ возможности защищаться.

«Во время моего знакомства съ Марксомъ,— говоритъ Максимъ Ковалевскій,— я не разъ наводилъ разговоръ на ту тему, какія причины заставили его сторониться отъ всякаго общенія съ нашимъ великимъ агитаторомъ-мыслителемъ. Марксъ указывалъ мнѣ на то, что Герценъ всего болѣе дружилъ съ такими націоналистами-патріотами, какъ Маццини, къ которымъ авторъ «Капитала» не чувствовалъ ни малѣйшаго влеченія. ...Въ разговорѣ со

мною Марксъ отмѣчалъ также и другія причины нерасположенія его къ Герцену, а именно доброе отношеніе послѣдняго къ Руге, нѣмецкому патріоту-эмигранту, съ которымъ когда-то Марксъ былъ близокъ и разошелся впослѣдствіи, а также общій Герцену съ Прудономъ тонъ пренебрежительнаго и нѣсколько насмѣшливаго отношенія къ утопическому социализму и коммунизму, къ Фурье и фурьеристамъ, которыхъ Марксъ ставилъ весьма высоко, говоря мнѣ, напримѣръ, что въ одномъ мизинцѣ Фурье скрыто для чело- вѣчества больше залоговъ счастливаго будущаго, чѣмъ въ надерганной отовсюду энциклопедической освѣдомленности его суроваго критика Дюринга, не разъ величавшаго творца фаланстеровъ «главою социалистовъ-идіотовъ» («В. Европы» 1912, VI, 231—232).

Гр. Рязановъ находитъ, что «Герценъ остается во всѣхъ случаяхъ, гдѣ онъ пишетъ о ненавистныхъ ему нѣмцахъ въ изгнаніи, строгимъ историкомъ. Онъ органически неспособенъ принимать партійныя распри, которыя разбиваютъ нѣмецкую эмиграцію 50-хъ годовъ. Такъ трагически кончившійся романъ его жены съ Гервегомъ, игравшимъ въ немъ далеко не завидную роль, опредѣлили отношеніе Герцена къ тѣмъ, которыхъ онъ считалъ солидарными съ Гервегомъ, т. е. къ «марксидамъ». При томъ личныя отношенія съ семьей Фогта укрѣпили его антипатію къ Марксу. Нечего удивляться поэтому, что перепечатанная наслѣдниками Герцена глава изъ «Былого и думъ», касающаяся конфликта между Марксомъ и Фогтомъ (въ серединѣ 60-хъ годовъ), не говоря о совершенной несправедливости къ нѣмцамъ, полна многочисленныхъ ошибокъ» («Die Neue Zeit» 1910, № 8).

Интересующіеся подробностями столкновенія Маркса съ Фогтомъ на почвѣ выступленій второго въ эпоху итальянской войны найдутъ ихъ на стр. 293—313 русскаго изданія «Писемъ Ф. Лас- саля къ К. Марксу и Ф. Энгельсу, съ примѣчаніями и предисловіемъ Ф. Меринга», изд. «Литерат. Дѣла», 1905, а также въ недавно изданныхъ «Статьяхъ 1871—75 гг.» Ф. Энгельса (Спб., 1919).

16. Одновременно съ своимъ сближеніемъ съ Гервегомъ Р. Вагнеръ сошелся въ 1851 г. съ Мюллеромъ-Стрюбингомъ. «Въ немъ я обрѣлъ то, чего не могъ найти въ Гервегѣ. Мюллеръ служилъ раньше лейтенантомъ въ саксонской гвардіи, но затѣмъ вынужденъ былъ подать въ отставку и, не имѣя никакихъ шансовъ устроиться въ Германіи, уѣхалъ въ Швейцарію, чтобы тамъ, на свободѣ и досугѣ, обдумать планъ своей будущей жизни и занятій. Не будучи, собственно говоря, политическимъ эмигрантомъ, онъ, все же, въ качествѣ опальнаго патріота, пользовался въ Цюрихѣ извѣстнымъ уваженіемъ. Во время моего пребыванія въ Дрезденѣ Мюл-

перъ поддерживалъ со мной оживленныя отношенія, а затѣмъ, очутившись въ Швейцаріи, сталъ часто бывать у насъ въ домѣ, пользуясь особеннымъ расположеніемъ со стороны моей жены, какъ другъ всей нашей семьи» («Моя жизнь», III, 27).

17. Повидимому, именно этого эмигранта рекомендовалъ Герцену Ледрю-Ролленъ, иначе чѣмъ объяснить такое его терпѣніе и снисходительность? Привожу письмо Ледрю-Роллена, единственное, кстати, въ архивѣ семьи Герцена:

«Cher citoyen, un proscrit de nos amis, excellent patriote, me demande un mot pour vous, que je m'empresse de lui donner, connaissant toute votre obligeance.

Voici de quoi il s'agit: il est chargé de placer d'excellent vin de Bourgogne. Je ne sais si vous en buvez, mais, en tout cas, répandu comme vous l'êtes ici, peut-être connaissez vous quelques personnes pour desquelles vous pourriez le recommander.

En le faisant, vous lui rendrez grand service A vous sincèrement *Ledru-Rollin*».

(Дорогой гражданинъ, одинъ изъ нашихъ друзей, изгнанникъ, превосходный патриотъ, проситъ меня замолвить за него словечко, что я и спѣшу сдѣлать, зная вашу любезность.

Вотъ въ чемъ дѣло: ему поручили продать партію превосходнаго бургонскаго вина. Не знаю, сами-то вы пьете ли бургонское, но, во всякомъ случаѣ, благодаря вашему обширному здѣсь знакомству, вы знаете, можетъ быть, кое-кого, кому могли бы его рекомендовать. Этимъ вы оказали бы ему громадную услугу. Искренно преданный вамъ *Ледрю-Ролленъ*).

18. Въ юнѣ 1862 г. Э. Фортенъ (E. Fortin) изъ Парижа предложилъ III Отдѣленію свои услуги къ обнаруженію зловредныхъ для нашего правительства дѣйствій за границею. Я. Толстому было приказано переговорить подробнѣе и навести о немъ справки. Оказалось, что это былъ содержатель небольшой лавки, торговавшій лампами, особенно съ польской эмиграціей, но не пользовавшійся довѣріемъ ея «главныхъ коноводовъ». «Освѣщавшій» Фортена агентъ Толстого Шеню получалъ отъ него ежемѣсячно 200 фр. и былъ недоволенъ этимъ вознагражденіемъ, а потому Толстой просилъ выдать ему единовременное вознагражденіе въ 1.000 фр., что и было исполнено. Фортенъ обѣщалъ указать транспортъ оружія въ Польшу, но требовалъ по 25 фр. за ружье, что власть нашла непомѣрнымъ. Кстати, самъ Толстой получалъ въ годъ 3.800 р. жалованія и 1.150 р. на газеты и журналы (Архивъ III Отд. С. Е. И. В. канц. 1 эксп. 1862 г., дѣло № 311)!.

19. Бакунинъ просто третироваль Головина при всякой возможности и тѣмъ съ начала знакомства навелъ на него страхъ. Въ 1845 г. между ними произошло столкновение, описаніе котораго оставилъ только Головинъ.

«Впервые я увидѣлъ Бакунина у Огарева, въ Парижѣ. Насъ обоихъ присудили къ лишенію всѣхъ правъ. Русское посольство, во главѣ котораго стоялъ Киселевъ младшій, напечатало въ «Gazette des Tribunaux» статью, гдѣ говорилось, что мы осуждены за наши революціонныя сочиненія и отказъ вернуться на родину. Я тотчасъ же отвѣтилъ, что мои сочиненія, напечатанныя за границей: «Духъ политической экономіи» и «Политика, какъ наука», не носятъ того характера, который старается приписать имъ русское правительство; что въ своемъ письмѣ къ графу Нессельроде, въ которомъ я говорилъ: «надѣюсь, что два нѣмца не могутъ воспрепятствовать русскому вернуться въ Россію», вовсе не было отказа сдѣлать это, и что, впрочемъ, хартія Михаила Романова разрѣшаетъ всякому дворянину остаться за границей и поступить тамъ на службу.

«Бакунинъ нашель нужнымъ написать въ «Судебную Газету», что никакой хартіи Михаила Романова не существовало. Она, дѣйствительно, была уничтожена въ Россіи, но нѣсколько экземпляровъ ея были найдены въ Сибири. Русское дворянство призвало Романовыхъ на престолъ вовсе не безъ всякихъ условій. Уже до ихъ воцаренія существовали двѣ палаты (Земская и Боярская думы), и на законахъ того времени писалось вовсе не «божьей милостью», но «царь повелѣлъ и бояре одобрили». Когда я послѣ этого встрѣтилъ Бакунина у Николая Тургенева, я ему сказалъ: «Два французскихъ священника, эмигрировавшихъ въ Бельгію, никогда не умѣли жить въ мирѣ другъ съ другомъ». «Не будемъ этими священниками», перебилъ онъ меня, предвосхищая мою мысль («Der russische Nihilismus»).

20. По словамъ самого Головина, въ началѣ знакомства съ Герценомъ онъ всячески шелъ на близость, Герценъ всячески ее отклонялъ. «У Гервега я вижу Герцена и прошу у него 200 фр. взаймы. Онъ вышелъ въ комнату, гдѣ были гости, чтобы дать мнѣ ихъ при свидѣтеляхъ... «Когда пріѣхалъ Гервегъ, онъ предпочелъ его мнѣ, и я поѣхалъ въ Брюссель». Близостью объяснялъ Головинъ и свое записываніе подъ диктовку Герцена его «Du développement des idées révolutionnaires en Russie», что, однако, было сдѣлано за гонораръ, которымъ Герценъ хотѣлъ избавиться отъ необходимости давать просто въ долгъ. Послѣ смерти Герцена Головинъ вернулся къ его деньгамъ. «Герценъ получалъ 60.000 франк.

годового дохода, что для коммуниста (?!) было недурно, но съ другими дѣлился деньгами неохотно и писалъ даже, что очень любить деньги. Однако, онъ далъ 35.000 фр. Прудону на его газету, съ настоятельнымъ требованіемъ ассигновать на штрафы не болѣе 6.000 фр. У насъ былъ одинъ и тотъ же врачъ, одинъ и тотъ же портной. Трюбнеръ былъ моимъ издателемъ прежде, чѣмъ сдѣлался издателемъ Герцена» («Der russische Nihilismus»). Разумѣется, въ этомъ свидѣтельствѣ правда не вполне соответствуетъ написанному.

21. По даннымъ архивовъ III Отдѣленія и министерства народного просвѣщенія мною для «Былого» была написана статья о Головинѣ, лишь частью вошедшая въ книгу «Николаевскіе жандармы etc». Привожу изъ нея наиболѣе существенное.

Головинъ родился въ 1816 году. На второмъ мѣсяцѣ онъ остался безъ отца, съ матерью и шестью братьями. Онъ самъ сознается, что «росъ однимъ и потому вышелъ какимъ-то медвѣдемъ». Семи лѣтъ его отдали въ петербургскій частный пансіонъ, гдѣ уже учился братъ Михаилъ. Оттуда Головина вскорѣ перевели въ другой пансіонъ, гдѣ онъ пробылъ пять лѣтъ. Затѣмъ надо было рѣшить, что дѣлать съ юношей дальше. Братья не нашли для этого лучшаго совѣтника, какъ пресловутаго Н. И. Греча, а этотъ послѣдній направилъ ихъ къ Ѳ. В. Булгарину... Тотъ посоветовалъ отправить юношу въ свой собственный пансіонъ въ Дерптѣ... Вскорѣ, по неизвѣстной причинѣ, Головинъ перешелъ въ пансіонъ Эриксона. Затѣмъ 16 лѣтъ онъ поступилъ на дипломатическое отдѣленіе дерптскаго университета; сдѣлался тамъ типичнымъ буршемъ, дрался на дуэляхъ, пьянствовалъ, развратничалъ и ничѣмъ серьезнымъ не занимался. Въ 1835 г. онъ взялъ заграничный паспортъ и поѣхалъ въ Германію, чтобы записаться въ Берлинѣ на лекціи Ранке, Риттера, Ганса, Раумера и другихъ извѣстныхъ ученыхъ. Въ мартѣ 1837 г. онъ вернулся въ Петербургъ кандидатомъ, получивъ эту степень въ Дерптѣ, а лѣтомъ 1838 г. отправился въ Швецію; путешествіе это было описано имъ въ книгѣ «Поѣздка въ Швецію въ 1839 году», изданной въ СПб. въ 1840 г. Книжка, всего въ 100 страницъ, написана очень блѣдно, не даетъ ровно ничего для знакомства со страной, въ которой авторъ, не понимая языка, пробылъ три мѣсяца. Издавъ «Поѣздку», Головинъ отправился въ Дерптъ, чтобы получить тамъ магистерскій дипломъ. Онъ написалъ диссертацию по политической экономіи, напечатанную спустя два года въ Лейпцигѣ подъ заглавіемъ «Vom Wesen des Geldes» подъ псевдонимомъ «Russischer Schriftsteller», но желаемой степени не получилъ. Вернувшись въ СПб., Головинъ рѣшилъ поступить на

государственную службу, представился министру иностранныхъ дѣлъ Нессельроде и былъ опредѣленъ во французское отдѣленіе. На службѣ его подвелъ плохой почеркъ. Когда онъ сталъ хлопотать о повышеніи, Нессельроде отвѣтилъ: «я согласеңъ дать Головину лучшее мѣсто, но съ условіемъ, чтобы онъ бралъ уроки каллиграфіи въ теченіе шести недѣль». Головинъ рѣшилъ подать въ отставку. Съ чиномъ коллежскаго секретаря онъ остался безъ всякихъ занятій и снова отправился путешествовать по Европѣ.

Осенью 1842 г. Головинъ рѣшилъ напечатать по-французски свою книгу «Der Geist der politischen Oekonomie», придавая ей очень большое научное значеніе, котораго она не имѣла. Для личной безопасности онъ обратился къ Якову Толстому, который состоялъ заграничными глазами и ушами III Отдѣленія. Отвѣтъ его Головинъ передаетъ въ такихъ выраженіяхъ: «Мнѣ во время оно было препоручено снести съ Демидовымъ по случаю статей, которыя онъ писалъ въ «Journal des Débats», и пригласить его прекратить такого рода публикаціи. Если ваша книга будетъ противъ Россіи, васъ стануть преслѣдовать; коли ни то, ни се—будутъ смотрѣть сквозь пальцы, а если она будетъ въ пользу Россіи, то васъ могутъ и наградить». На вопросъ Головина, можетъ ли онъ считать этотъ отвѣтъ достаточно официальнымъ, Толстой отвѣтилъ утвердительно. Видя, что Глинка издалъ въ Парижѣ «Философію права» и не только не былъ подвергнутъ репрессіямъ, но даже пользовался вниманіемъ, и придавая значеніе словамъ Толстого, Головинъ принялся за печатаніе своей книги. Между тѣмъ, въ Петербургъ уже летѣлъ доносъ.

22 января 1843 г. Толстой писалъ Бенкендорфу: «Однѣ русскій, Головинъ, готовится издать книгу по политической экономіи. Отрывки изъ нея онъ читалъ уже нѣсколькимъ лицамъ, въ томъ числѣ одному литератору, лично мнѣ извѣстному, и тотъ увѣрялъ меня, что это произведеніе заключаетъ въ себѣ доктрины, подрывающія наши государственные устои. Онъ даже привелъ мнѣ одну фразу приблизительно такого содержанія: «государи неспособны сдѣлать никакой уступки въ интересахъ своихъ подданныхъ, если она стоитъ имъ хоть малѣйшей жертвы, и, наоборотъ, охотно жертвуютъ благосостояніемъ тысячъ своихъ подданныхъ ради удовлетворенія своихъ страстей и капризовъ». Этотъ отрывокъ доказываетъ, что трудъ, который собирается издать Головинъ, въ надлежащемъ духѣ»... Шефъ жандармовъ немедленно доложилъ объ этомъ государю и получилъ повелѣніе поручить повѣренному въ дѣлахъ въ Парижѣ объявить лично Головину, чтобъ немедленно возвратился въ Россію, иначе съ нимъ будетъ поступлено по всей

строгости законовъ. Головинъ заявилъ, что радъ бы исполнить волю царя, но не можетъ сдѣлать этого по нездоровью. На другой день онъ сообщилъ то же самое письменно, прибавивъ, что какъ только можно будетъ двинуться, вмѣсто вредной ему кареты, на пароходѣ, такъ онъ сейчасъ же вернется.

Рѣшено было ограничиться этимъ обѣщаніемъ и ждать. Головинъ, однако, зондировалъ обстоятельства и съ этой цѣлью въ августѣ (1843 г.) написалъ Бенкендорфу, что мѣсяца два тому назадъ послалъ въ Петербургъ брату Федору два экземпляра своего послѣдняго сочиненія, прося одинъ вручить ему, а другой поднести государю; видитъ неисполненіе своего порученія, проситъ Бенкендорфа затребовать книги и очень сожалѣетъ, что, благодаря затянувшейся болѣзни, все еще не можетъ воспользоваться навигаціей. Дубельтъ запросилъ конногвардейца-ротмистра Федора Головина, почему онъ не представилъ книгу по назначенію. Тотъ отвѣтилъ, что ничего не получалъ, а что касается брата Ивана, то можетъ сообщить, что онъ въ настоящее время пользуется минеральными водами въ Пиренейскихъ горахъ и по выздоровленіи вернется.

Сочиненіе, два экземпляра котораго Головинъ послалъ для передачи Бенкендорфу и государю, было написано наспѣхъ, съ цѣлью задобрить русское правительство; озаглавленное «Discours sur Pierre le Grand. Réfutation du livre de M. de Custine: «La Russie en 1839» (Paris, 1843), оно было разсчитано на смягченіе Николая, который очень высоко ставилъ Петра I;—разумѣется, не за его реформаторскую дѣятельность, а за тѣ неудержные деспотизмъ и произволь, съ которыми проводились всѣ реформы. Что книга отвѣчала на сочиненіе Кюстина, должно было, по мнѣнію Головина, достигъ еще большихъ результатовъ. 1 сентября было написано министру иностранныхъ дѣлъ, чтобы онъ немедленно узналъ о мѣстѣ жительства Головина въ Пиренеяхъ и передалъ ему прилагаемый пакетъ. Въ послѣднемъ заключалось предписаніе вернуться въ Россію въ самомъ непродолжительномъ времени.

Пока шла вся эта переписка, Головину было сообщено разными путями нѣсколько фактовъ, побудившихъ его собраться и ѣхать въ Россію. Такъ, ему разсказали, что государь, увидавъ брата Федора, сказалъ ему: «Я все знаю; напиши брату, что ему бояться нечего, но что воротиться надо». На самомъ же дѣлѣ государь, проходя мимо Ф. Головина, спросилъ его только: «Что у тебя за братъ въ Парижѣ?». Но истина стала извѣстна лишь спустя нѣкоторое время. Въ бесѣдѣ съ конногвардейцемъ Бенкендорфъ, будто бы, сказалъ ему: «Коли вашъ братъ добръ, то напишите ему, что я его буду защищать, и что послушаніе будетъ ему зачтено».

Вернувшись из Петербурга племянникъ Бенкендорфа сказалъ Головину въ Парижѣ, что говорилъ о немъ съ Дубельтомъ и на вопросъ, можетъ ли онъ дать ему честное слово, что онъ не подвергнется въ Россіи непріятностямъ, получилъ отвѣтъ, что разборъ его книги не далъ противъ него никакихъ обвиненій. Онъ же увѣрилъ Головина, что его карьера въ Россіи уже обезпечена, особенно благодаря Гумбольдту, писавшему Николаю I, что книга молодого экономиста хороша и не заслуживаетъ преслѣдованія...

Толовинъ узналъ, однако, отъ книгопродавцевъ, что на родинѣ она запрещена. Еще черезъ нѣсколько дней Яковъ Толстой, желая прикинуться его защитникомъ, сообщилъ, что получилъ отъ Бенкендорфа выговоръ за «защиту» его второй книги... Головинъ рѣшаетъ не исполнить высочайшаго повелѣнія и 24 ноября (1843 г.) пишетъ Бенкендорфу французское письмо:

«Графъ, что мнѣ отвѣтитъ вамъ на письмо, которое вы сдѣлали честь адресовать ко мнѣ отъ 1 сентября и переданное мнѣ только третьяго дня? Если я стану говорить о своей нуждѣ и долгахъ, которые удерживаютъ меня здѣсь, и которые я не могу заплатить, то заранѣе предвижу вашъ отвѣтъ: вы не хотите слышать никакихъ возраженій. Моя болѣзнь, мое лѣченіе вызываютъ въ васъ только неудовольствіе, которое, конечно, не успокаиваетъ меня относительно будущаго, ожидающаго меня по возвращеніи. Могу ли я говорить о невинности, благодаря которой ко мнѣ адресованъ вызовъ на родину? Вы убѣждены въ ней не меньше меня. И развѣ я не могу видѣть въ вашихъ словахъ, что противъ меня нѣтъ уликъ, и дѣло кончится безъ послѣдствій разрѣшенія вѣхать куда вздумается? Надо ли мнѣ заявлять о преданности своему государю? Исторія налицо: она скажетъ, что мы служимъ трону, какъ никто, и не я первый составлю исключеніе изъ этого правила. Свободой печати я пользовался только для того, чтобы упрочить славу нашего повелителя. Легко служить ему въ благоденствіи, но въ бѣдѣ труднѣе. Если бы я попросилъ субсидіи, вы истолковали бы это въ дурную сторону, а между тѣмъ, у меня нѣтъ другаго достоянія, кромѣ моего пера. Мои преступленія суть мой умъ, мои болѣзни и моя нищета. А вы въ возмѣщеніе не хотите предоставить мнѣ право свободнаго передвиженія, которымъ пользуется послѣдній изъ подданныхъ. Поэтому, графъ, мнѣ остается только завѣрить васъ въ моемъ почтеніи и положиться на милосердіе и справедливость моего государя».

За болѣзью Бенкендорфа письмо прочелъ Дубельтъ. Очень любопытна резолюція, положенная имъ для канцеляріи, которой предстояло написать отвѣтъ: «Останавливаюсь еще докладомъ, но»

государь спросить—и тогда худо. Теперь самъ сдѣляется виновать, что не хочетъ отв., ибо онъ дѣляется виновать. Никто не говоритъ, что мы виноваты, а теперь по добротѣ души подождемъ въ Россіи; что касается до вашего ума, то правительство знаетъ, кому давать деньги»... Официальный отвѣтъ, однако, не содержалъ всего этого. Было просто написано, что правительство и не обвиняло Головина въ какомъ бы то ни было преступленіи, но что, не исполняя его волю, онъ уже дѣляется виновенъ; что по добротѣ души Бенкендорфъ удерживался и все еще удерживается отъ всеподданнѣйшаго доклада, а если государь спросить, то, разумѣется, расскажетъ все подробно; поэтому предлагалось, но уже въ *полсладній* разъ, немедленно вернуться, несмотря ни на какія личныя обстоятельства.

Головинъ отвѣчалъ Бенкендорфу 3 января 1844 г.: «Ваше сіятельство! Въ письмѣ Вашемъ отъ 25 ноября Вы сознаетесь въ моей невинности и говорите о добротѣ души вашей. Я никогда не сомнѣвался въ первой, вторую же не могу усмотрѣть изъ письма вашего. Доброта души и справедливость требуютъ вознагражденія невинно преслѣдованныхъ, а не продолженія преслѣдованій. Въ дополненіе Вы изволите мнѣ объявлять, что за замедленіе мое въ возвратъ будетъ поступлено со мною, какъ за преступленіе, со всею строгостью законовъ. Трудно, графъ, приказывать и отнимать вмѣстѣ возможность къ послушанію, лучше этого.

«Въ чувствѣ правоты моего дѣла я возлагаю мои надежды на правосудіе государя императора и прошу в. с. не замедлить дояѣ докладомъ вашимъ о причинахъ, лишающихъ меня средствъ къ скорому возвращенію, изложенныхъ мною въ письмахъ отъ 15—(3) августа изъ Парижа и отъ 24—(12) ноября изъ Парижа, и состоящихъ въ разстроенномъ положеніи моего здоровья и моего состоянія.

«Съ чувствомъ искренней преданности имѣю честь быть Ваше Сіятельство! покорный слуга, *Иванъ Головинъ.*»

Бенкендорфъ вновь просилъ министра иностранныхъ дѣлъ сдѣлать напоминаніе Головину о немедленномъ возвращеніи въ Россію. Одновременно Дубельтъ написалъ самому Головину, что шефъ жандармовъ откладываетъ свой докладъ еще на четыре недѣли... Получивъ предписаніе изъ посольствѣ, Головинъ отвѣтилъ французскимъ письмомъ на имя Нессельроде (22 февраля 1844 г.): «Графъ, я думалъ, что въ своихъ письмахъ отъ 15 августа и 24 ноября 1843 г. и 3 января 1844 г. высказался достаточно категорически насчетъ моего возвращенія въ Россію. Но такъ какъ ваше сіятельство удаиваете вмѣшаться въ эту мѣру высшей полиціи,

то я считаю долгомъ признаться вамъ, что покинулъ службу и родину, чтобы брать уроки каллиграфіи, согласно вашему предписанію. Протекціи у меня не было и вамъ, конечно, незачѣмъ было помнить, что первый русскій министръ иностранныхъ дѣлъ носилъ одинаковое со мною имя. Надѣюсь, что вы не воспользуетесь всей вашей властью, чтобы заставить заговорить, что Бенкендорфы и Нессельроде довели Головина до роли изгнанника».

Одновременно Головинъ писалъ и Дубельту: «Ваше превосходительство, милостивый государь, Леонтій Васильевич! Предписание г. генераль-адъютанта графа Бенкендорфа отъ 8 января ст. стилия имѣлъ я честь получить изъ рукъ посольства 8 февраля того же стилия, ровно по истеченіи мѣсячнаго срока, назначеннаго мнѣ на возвращеніе. Наканунѣ же сообщено мнѣ было предписание гр. Нессельроде совершенно другого содержанія, на которое я имѣлъ честь ему отвѣтить. А по сему предлагаю вашему превосходительству испросить у г. вице-канцлера сообщеніе моего къ нему письма». Возмущенный Нессельроде отправилъ это письмо Бенкендорфу, тотъ доложилъ государю и получилъ приказаніе: «объявить Головину, что объ его поступкѣ сдѣлано законное распоряженіе, о послѣдствіяхъ коего онъ своевременно узнаеть»... Кроме такой загадочной резолюціи, Бенкендорфъ сообщилъ министру юстиціи, чтобы съ Головинымъ было поступлено по всей строгости законовъ.

Между тѣмъ, увидавъ Ф. Головина, Бенкендорфъ сказалъ ему: «Напишите вашему брату, что государь привыкъ, чтобы его слушались, и не любитъ, чтобы съ нимъ шутили; что достаточно одного его слова, чтобы онъ получилъ приказаніе отъ Луи-Филиппа выѣхать изъ Франціи въ 24 часа». Получивъ такое извѣщеніе, Головинъ отправился во французское министерство внутреннихъ дѣлъ и спросилъ, можетъ ли онъ считать себя подъ защитой правительства? Его увѣрили, что одного слова Николая I еще далеко недостаточно, и что они не склонны заниматься пустяками.

Въ концѣ октября 1844 г. въ иностранной прессѣ сообщалось, что въ скоромъ времени въ Парижѣ появится новый журналъ, который будетъ заниматься исключительно внѣшней политикой Европы и Россіи. Въ числѣ редакторовъ называли Головина, Гервега и Д. Фази; гервѣй долженъ былъ редактировать русскій отдѣлъ, второй—германскій, третій—швейцарскій.

Въ іюлѣ 1844 г. Орловъ просилъ Панина ускорить дѣло, тотъ принялъ мѣры, и 21 іюля оно уже было въ сенатѣ, 26-го докладывалось, а потомъ сразу взялись за составленіе опредѣленія. Последнее было передано въ государственный совѣтъ и мнѣніемъ его

положено: «лишивъ Головина чиновъ и дворянства, сослать его, въ случаѣ явки въ Россію, въ Сибирь въ каторжную работу, а имѣніе его, ежели какое окажется гдѣ-либо собственно ему принадлежащимъ, взять, на основаніи законовъ, въ секвестръ». 12 декабря опредѣленіе это было утверждено Николаемъ I.

Головинъ жаждалъ мщенія и написалъ книжонку «La Russie sous Nicolas I» (Paris, 1845). Работа эта до того незначительна по своему содержанію, до того блѣдна по языку и краскамъ, что, когда услужливый Яковъ Толстой предложилъ Бенкендорфу написать немедленно возраженіе, какъ онъ это дѣлалъ въ подобныхъ случаяхъ, Бенкендорфъ не счелъ нужнымъ тратить деньги на изданіе и приказалъ пренебречь...

Курьезно, какъ описываетъ самъ Головинъ встрѣчу своей книги. «Въ маѣ 1845 г. вышла «Россія подъ Николаемъ». Кюстинъ побѣждалъ съ нею въ «Débats», говоря: «Вотъ русскій, который меня оправдываетъ во всемъ». Женудъ писалъ: «Вы не любите жужжаніе мухи — вотъ вамъ кулакъ по лбу». «Journal de Commerce» говорилъ: «Мы любимъ стрѣлка, который надписалъ на своей стрѣлѣ: въ правый глазъ короля Филиппа. Книга передъ нами бьетъ Николая въ сердце». «Revue Indépendante» писала: «Мы не скроемъ нашей симпатіи къ автору». «Corsaire - Satan» говорилъ: «Надо, чтобъ авторъ много перенесъ въ Россіи, чтобы адресовать противъ нея такой протестъ Европѣ». Г...ий сказалъ: «Черезъ пятьдесятъ лѣтъ русскіе оцѣнятъ эту книгу». Грець сказалъ: «Что не выдуманно, то переврано», а Шатобрианъ:—«Cette préface est touchée de main de maître ¹⁾». Киселевъ пробовалъ распустить слухъ, что я у него просилъ мѣсто, — вѣрно, швейцара посольства. Книгу мою перевели на шведскій и на испанскій, на венгерскій и на греческій языки».

Дальше Головинъ рассказываетъ, какъ Николай I, будучи въ Прагѣ, послалъ своего адъютанта купить его книгу и, запершись въ вагонѣ, четыре часа, до Вѣны, читалъ ее не отрываясь... Можно утверждать, что царь не сдѣлалъ Головину этого удовольствія, потому что былъ въ Прагѣ ровно за годъ до выхода книги въ свѣтъ.

Въ это время Головинъ получилъ отъ братьевъ въ окончательный раздѣлъ ихъ наслѣдства около 40,000 фр. Аферистъ по натурѣ, онъ не могъ удержаться отъ покупки ненадежныхъ акцій и въ теченіе нѣсколькихъ дней потерялъ половину присланнаго капитала, а такъ какъ изъ другой половины вынужденъ былъ подѣ

¹⁾ Это предисловіе написано мастерски.

всякими угрозами заплатить свои долги, то и остался снова почти ни съ чѣмъ. Надобно было добывать на пропитаніе. Къ услугамъ его оказалась газета «Corsaire-Satan», предложившая Головину вести русскій отдѣлъ.

22. Характерно поведеніе Головина во время парижской революціи 1848 года. Передамъ его собственный разсказъ.

«Когда я взошелъ въ Тюльери, огонь еще горѣлъ въ каминѣ голубой гостиной, и я зажегъ у него сигаретку. Люди съ пиками и ружьями сидѣли на шелковыхъ креслахъ и ничего не портили. Луи-Филиппъ бѣжалъ постыдно, а Гизо и Дюшатель бѣжали переодрѣтыми въ лакеи. Если бы герцогъ д'Омальской воротился изъ Африки, его бы еще приняли въ короли. Мнѣ подали во дворцѣ книгу, говоря, что это реестръ королевскихъ милостей; но это была опись дома королевскаго. Я написалъ: «Народъ парижскій видѣлъ списокъ лакеевъ и объявляетъ, что онъ никогда не будетъ къ нему принадлежать». Эти слова подписали многія тысячи, но куда дѣвалась книга, до сихъ поръ не знаю. Я вынесъ съ собою бутылку дурного Макона, чтобъ выпить ее на здоровье народа.

«Я оставался зрителемъ событій и видѣлъ, что, кромѣ глу-постей, ничего не происходило до того дня, когда Ламартина потрепали въ отель де Виллѣ за воротникъ. Онъ послалъ за мною.

«— Вы намъ можете оказать,—сказалъ онъ,—большія услуги въ настоящемъ положеніи дѣлъ. Угодно вамъ?

«— Французскіе эмигранты служили противъ Франціи не за свободу, я могу вамъ служить за свободу.

«— Давайте мнѣ меморіи о Польшѣ и Россіи. Вотъ вамъ пропускъ, а такъ какъ время автора—его состояніе, то вы позволите мнѣ платить за вашъ трудъ потоварищески.

«Я ему подаль ноту о состояніи русской арміи; она была грозна на бумагѣ. Онъ сейчасъ съ этой нотой побѣжалъ въ Люксембургъ и увѣрилъ провизуарное правительство, что объ войнѣ и думать нельзя. Ламорисьеръ еще болѣе укрѣпилъ это мнѣніе, объявивъ, что Франція не можетъ поставить болѣе 30,000 человекъ.

«Я на это представилъ серію нотъ, говорившихъ: «Вы не хотите войну за границу, вы будете имѣть войну дома», «одной дивизіи съ трехцѣтнымъ знаменемъ довольно, чтобъ сдѣлать много великихъ дѣлъ» и пр. У Ламартина я видалъ и Моле, и Ротшильда, и Хонскаго, и Островскаго; ихъ роли были совершенно различны.

«Манифестаціи, депутаціи не переставали. Образовались многіе клубы. Я участвовалъ при составленіи клуба литераторовъ, при разогнаніи клуба Cité d'Antin, гдѣ мы основали клубъ «братства

народовъ». Бюро состояло изъ девяти президентовъ девяти комитетовъ различныхъ народовъ. Меня выбрали президентомъ клуба. Когда я извѣстилъ о составленіи его въ клубѣ Барбеса, рукоплексканія были громки и долги.

«15 мая я былъ въ трибунѣ журналистовъ въ народномъ собраніи. Когда пришла національная гвардія, я стоялъ на террасѣ и дюкъ де-Гиши, бывший офицеромъ въ первомъ легіонѣ, сталъ со мной говорить, какъ вдругъ два офицера подходятъ меня арестовать за то, что я бунтую ихъ солдатъ, но я имъ показалъ билетъ, и они меня оставили въ покоѣ». И такъ далѣе безъ конца...

23. Головинъ рѣшилъ натурализоваться въ Англіи и лѣтомъ 1846 г. отправился туда съ Н. И. Сазоновымъ. Тамъ онъ обратился къ лорду Стюарту, тори, совершившему въ 1837 г. путешествіе по Россіи и Востоку. Лордъ устроилъ все въ шесть недѣль. Головинъ рассказываетъ, что «Le Siècle» воспользовался этимъ для упрека правительству, и гр. Нессельроде, прочитавъ его статью, отмѣтилъ ее для государя, приказавшаго сдать выговоръ англійскому правительству. Все это—вздоръ: о натурализаціи Головина наше правительство узнало гораздо позже, и притомъ отъ него самого. Затѣмъ онъ вернулся въ Парижъ и продолжалъ тамъ жизнь игрока, кутили на чужой счетъ и бульварнаго «публициста».

Въ октябрѣ 1850 г. Головинъ переѣхалъ въ Ниццу, гдѣ основалъ на лѣтній сезонъ еженедѣльный журнальчикъ «Le Carillon», помѣщая въ немъ фельетоны подъ общимъ заглавіемъ «Les prussiens, les russiens et les autres chiens à Nice» ¹⁾. Журналъ имѣлъ успѣхъ среди пріѣзжихъ, насколько, вообще, имѣетъ его всякая сплетня... Въ концѣ концовъ Головина выслали изъ Ниццы, онъ перебрался въ Туринъ, основалъ тамъ «Journal de Tourin», въ которомъ печаталъ фельетоны подъ общимъ заглавіемъ «Portraits et esquisses russes» ²⁾. Но и здѣсь ему не пришлось пожить: онъ перевелъ на французскій языкъ статью Массимо Азеліо «Честь Италіи и Австріи», написанную тѣмъ еще до вступленія на постъ сардинскаго министра внутреннихъ дѣлъ, напечаталъ ее въ своемъ журналѣ и былъ привлеченъ къ отвѣтственности, такъ какъ статья не понравилась австрійскому министру въ Туринѣ графу Апони, на стоявшему на высылкѣ Головина.

Головинъ снова пріѣхалъ въ Лондонъ. Здѣсь у него обнаружился особенный приступъ графоманіи. По этому поводу любопытно привести его собственное признаніе.

¹⁾ «Пруссаки, русаки и другія собаки въ Ниццѣ».

²⁾ Русскіе портреты и наброски.

«Надо имѣть познанія, чтобы васъ читать,—говорилъ мнѣ Гауманъ,—вы не пишете для толпы».—«На одной строкѣ у васъ нѣсколько мыслей»,—говорилъ мнѣ Піори въ Парижѣ.—«Головинъ пишетъ не перомъ, а шпагой»,—говорилъ при мнѣ женевецъ, который платилъ 300 фр. за мой автографъ, не зная, что я его слушалъ, изъ чего я заключилъ, что мой слогъ слишкомъ рубленъ. Одна изъ моихъ книгъ вытекала изъ другой, одна была послѣдствіемъ другой, и послѣдующая дополняла предыдущую. Надо искать автора во всѣхъ его сочиненіяхъ, а не судить его по отрывкамъ. Я не писалъ для того, чтобы писать, а всегда поставлялъ себѣ какую-нибудь цѣль блага общаго, которой я хотѣлъ достигнуть. Популярнымъ авторомъ можно только быть на родинѣ, а посему на чужбинѣ я адресовался къ извѣстному только классу просвѣщенныхъ читателей. Но писать была большая потребность; такъ что за неимѣніемъ бумаги и печатни, я писалъ бы на древесной корѣ или на камнѣ. Слѣдовательно, прѣхавъ этотъ разъ въ Лондонъ, я рѣшился сдѣлаться англійскимъ писателемъ, едва зная довольно, чтобы спросить свою дорогу на улицѣ».

Передъ глазами Головина было новое громадное литературное явленіе, имѣвшее совершенно до тѣхъ поръ неслышанный въ Европѣ успѣхъ: романъ Бичеръ-Стоу «Хижина дяди Тома». Головинъ рѣшилъ написать своего Тома и, дѣйствительно, написалъ. Отъ срама его спасъ Нельсонъ, заплатившій графоману за рукопись 80 ф. стерлинговъ и никогда не издавшій романъ въ свѣтъ... Головинъ былъ доволенъ: въ его положеніи это были огромныя деньги... Но, все-таки, хотѣлось внѣшняго успѣха, въ которомъ онъ былъ увѣренъ, и потому онъ обратился къ Кобдену съ просьбой разрѣшить ему организовать нѣсколько митинговъ въ пользу освобожденія русскаго народа, но получилъ отказъ...

Въ Лондонѣ Головинъ сразу попалъ въ соотвѣтствовавшій ему кругъ всевозможныхъ шантажистовъ-репортеровъ и пр., работалъ въ грязномъ въ то время листкѣ «Morning Advertiser», потомъ въ виду Крымской войны, выпускалъ анонимно «Письма русскаго дипломата». Какъ разъ въ это время умираетъ завѣдывавшій дѣлами его братъ Михаилъ, и Головинъ остается безъ всякихъ средствъ, принужденный заложить все до послѣдней нитки. Потомъ онъ получилъ изъ Россіи 9000 рублей, но, какъ и раньше, не утерпѣлъ, чтобы не пуститься въ аферы, и опять потерялъ все присланное. Нищета въ родствѣ съ графоманіей дали романъ «Выходецъ» («Der Flüchtling»), купленный лейпцигскимъ издателемъ за 26 фунтовъ стерлинговъ и изданный подъ псевдонимомъ «Годвинъ», что было сдѣлано по совѣту людей, дорожившихъ успѣхомъ литературы рус-

скихъ эмигрантовъ и понимавшихъ, какъ нежелательно смѣшеніе ихъ именъ съ именемъ Головина.

24. 28 января 1849 г. Наполеонъ объѣзжалъ верхомъ съ небольшой свитой парижскіе бульвары. Головинъ пробрался къ нему и крикнулъ: «Да здравствуетъ демократическая республика!». Возлѣ президента ѣхали два гусарскіе офицера и мужчина во фракѣ съ красной ленточкой въ петлицѣ; послѣдній отвѣтилъ ему: «Гражданинъ, этого-то и хочетъ президентъ, онъ уже уволилъ министерство». «Это дѣло другое, — воскликнулъ Головинъ и, обратясь къ Наполеону, сказалъ: «Гражданинъ Бонапартъ, подайте мнѣ руку». Наполеонъ подаль руку... Головинъ почтительно ее пожалъ... Неожиданно эта его выходка стала извѣстна знакомымъ и вовсе не одобрялась. Надо было поправиться, чтобы не потерять и послѣдней доли довѣрія. Кстати, въ официальныхъ газетахъ не было объявлено объ исполненномъ, якобы, увольненіи кабинета. Тогда Головинъ въ торжественной позѣ опубликовалъ въ «Réforme» и въ прудоновскомъ «La Voix du Peuple», что онъ беретъ назадъ пожатіе руки президента...

25. Разсказъ Герцена о митингѣ 1853 года совершенно справедливъ и подтверждается другими, а вотъ какъ разсказываетъ о немъ самъ Головинъ:

«Въ 1853 г. былъ въ Лондонѣ митингъ за Польшу отъ «Централизациі». Было подготовительное засѣданіе, чтобы условиться, какъ говорить. Ледрю-Ролленъ важно сидѣлъ въ креслахъ; я подошелъ пречтливо спросить объ его здоровьи, зная, что онъ недавно былъ передъ тѣмъ боленъ. Онъ что-то проворчалъ сквозь зубы.

«Завязались споры. Я сдѣлалъ предложеніе, чтобы Наполеона оставить въ покоѣ, и спрашиваю Ледрю-Роллена объ его мнѣніи.

— Какъ вы можете меня объ этомъ спрашивать? Развѣ я могу пактизировать съ Наполеономъ?»

— Да, говорятъ, что онъ дѣлаетъ уступки.

— Это говорятъ французскіе агенты. Господа, я отказываюсь отъ рѣчи.

— Господа, я не останусь въ долгу, и я не буду говорить.

«Я взялъ шляпу и ушелъ. Въ тотъ же день написалъ я Ледрю-Роллену записку, говоря, что мнѣ было бы очень интересно знать, исправляетъ ли онъ обиды съ тою же легкостью, съ которою онъ ихъ наноситъ.

«Приходитъ ко мнѣ Герценъ, говоритъ, что Ледрю-Ролленъ предлагаетъ повторить передо всѣми, что онъ сказалъ, а слова его объ агентахъ ко мнѣ не относились.

«Въ такомъ случаѣ, если хотите, мы поѣдемъ къ нему сами.

Ледрю-Ролленъ насъ принялъ какъ нельзя лучше, и былъ вѣжливъ, какъ порядочному французу слѣдуетъ быть» («Записки», 144—146).

Въ позднѣйшемъ разсказѣ, уже послѣ смерти Герцена, Головинъ представилъ дѣло иначе: «Герценъ такъ поддружился со мной въ Лондонѣ, что мы приняли участіе въ приготовленіяхъ къ годовому празднику организаціи польской Централизаціи, въ которой находился Ледрю-Ролленъ. Французскій эксъ-министръ держалъ себя такъ вызывающе, что я вступилъ съ нимъ въ споръ и, придя домой, написалъ ему письмо, которое носило характеръ вызова. Герценъ пришелъ ко мнѣ съ предложеніемъ сходить къ Ледрю-Роллену, и дѣло кончилось къ взаимному удовольствію» («Meine Beziehungen zu Herzen und Wokunin»).

26. Герценъ напечаталъ письмо Головина отдѣльнымъ листкомъ, написавъ сверху: «По желанію г. Головина, я печатаю немедленно письмо его, полученное мною 26 марта. А. Герцено. 27 марта 1854 г.», а внизу подъ чертой: «Лондонъ, Вольная Русская Книгопечатня, 38, Regent Square».

Герценъ еще раньше далъ Головину понять его непринадлежность къ лондонской вольной русской общинѣ, когда тотъ вручилъ ему какую-то статейку и просилъ ее напечатать. Герценъ отвѣтилъ, что не считаетъ это возможнымъ, и предложилъ обратиться въ какую-нибудь другую типографію.

Инцидентъ съ своимъ протестомъ Головинъ разсказываетъ тоже невѣрно. Вотъ его показаніе:

«Откуда ни возьмись, вдругъ Русская печатня отъ русскаго вольнаго общества въ Лондонѣ издаетъ воззваніе къ русскимъ войскамъ въ Польшѣ не драться. Меня не спрашивали, а полку нашего прибылъ только одинъ Энгельсонъ, который уже и въ мертвыхъ. Я почелъ долгомъ протестовать, и Герценъ издалъ мой протестъ».

«Что же, спрашиваетъ онъ меня,—надо быть полковникомъ, чтобы относиться къ войскамъ?»

«— Надо проливать не одни чернила, надо не бояться пороха».

«Ссора была неминуема, но я таки попробовалъ ее отклонить, пошелъ къ Герцену и говорю, что ссора, мнѣ кажется, не нужна для общаго дѣла».

«— Я къ вамъ не чувствую симпатіи,—возражаетъ онъ».

«— Тогда бы я чувствовалъ къ вамъ антипатію, которой не ощущаю».

«— Я не могу позволить, чтобъ иногда меня волили, а иногда не жаловали».

«— Вамъ никто не позволитъ выдавать себя за представителя Россіи. Этого не дѣлалъ и Бакуницъ.

«— Будемте вести полемику, вѣдь мы же другъ друга звать агентами не будемъ» («Записки», 146—147).

27. Объ этомъ митингѣ Головинъ рассказываетъ:

«Полемики я съ нимъ (Герценомъ—М. Л.) не вель, но когда мнѣ случилось отписать къ нему объ чемъ-то, а онъ воротилъ письмо мое нераспечатанное, тогда я написалъ въ «Морнингъ Адвертейзерѣ» по случаю митинга, на которомъ нѣкто г. Таландые имѣлъ представлять Францію, а Герценъ—Россію, что желательно было бы, чтобы нѣмцы не представляли Россію въ эмиграціи. На это Герценъ отвѣтилъ, что онъ родился въ Москвѣ и былъ воспитанъ въ Москвѣ; но развѣ у насъ мало остзейцевъ въ томъ же самомъ положеніи? *A la guerre comme à la guerre*, и съ моей стороны, разумѣется, было это придирка, и Герценъ оказалъ мало тактики, рассказавъ свою генеалогію; никто его въ ней упрекать не думалъ. Но замѣсто того, чтобы разсердиться на себя, онъ еще пуще разсердился на меня. «Зачѣмъ, говорилъ я ему,—не начинаете вы революціи съ себя и не назоветесь Сердцевымъ или Яковлевымъ?».

28. 18 марта 1855 г. Головинъ написалъ государю лакейское письмо, которое приведено на стр. 163 т. VIII. Отвѣта не было. Головинъ ждалъ его терпѣливо. Въ это время онъ подвергся обвиненію въ шпионствѣ. Въ «Morning Advertiser» появилась статья, обвинявшая Александра II въ несочувствіи освобожденію Россіи отъ прежняго режима. Головинъ отвѣтилъ очень рѣзко, что время докажетъ, насколько былъ правъ Жуковскій, предсказавшій государю великое будущее; что государь вовсе не сочувствовалъ политикѣ отца и т. п. Черезъ нѣкоторое время Головинъ написалъ, что, если Россія стрѣмится въ Индію, то путь туда долженъ итти черезъ Персію. На него и посыпались оскорбительныя обвиненія. Головинъ рѣшилъ поѣхать въ Америку, гдѣ рассчитывалъ найти себѣ какое-нибудь занятіе и тогда совершенно уже покинуть Англію. Но, кромѣ неудачнаго открытія виннаго погреба, съ которымъ онъ прогорѣлъ, благодаря своему компаньону, Америка ничего не дала. Правда, онъ работалъ въ уличныхъ листкахъ Нью-Йорка и Вашингтона, но и для американцевъ не показался подходящимъ журналомъ. Въ началѣ 1856 г., наживъ себѣ горячку, Головинъ отправился лѣчить ее въ Гавану, тамъ тоже не нашелъ ничего и, вынужденъ былъ вернуться въ Лондонъ. Здѣсь онъ принялся за изданіе журнала «Россія» на трехъ языкахъ (французскомъ, нѣмецкомъ и англійскомъ), но на пятнадцатомъ номерѣ вынужденъ былъ

прекратить его за полнымъ отсутствіемъ какого бы то ни было успѣха, котораго странно было и ожидать въ то время, даже безотносительно къ личности редактора.

29. О встрѣчѣ съ Огаревымъ въ «Запискахъ» Головина слѣдующій рассказъ: «По возвращеніи моемъ въ Лондонъ я встрѣтилъ г. Огарева, съ которымъ я нѣкоторое время былъ на пріятельской ногѣ въ Парижѣ и который пріѣхалъ къ шапошному разбору эмиграціи. Онъ притворился, какъ будто меня не знаетъ. Я подошелъ къ нему и сказалъ: «Когда я повздорилъ съ Николаемъ Павловичемъ, то его адъютанты перестали мнѣ кланяться, и это казалось странно; но когда я поссорился съ Герценомъ, то учителя его дѣтей также перестали мнѣ кланяться; но что всего кажется страннѣе это то, что онъ самъ вамъ, видно, приказалъ меня не узнавать и со мной не говорить». Повернувшись къ нему, я было продолжалъ свой путь, но онъ подбѣжалъ ко мнѣ и сказалъ:

—«Головинъ, это не изъ-за того, а за то, что вы поступили дурно съ Герценомъ.

— «Онъ вамъ такъ рассказалъ, а такъ какъ вы ему должны сто тысячъ, то вы и повѣрили.

«Поэтъ нашъ остолбенѣлъ передъ такимъ фактомъ, точно онъ крѣпостной Герцена и долженъ дуться на кого баринъ гнѣвается».

30. Не получая отвѣта отъ государя на свое первое письмо, Головинъ адресовался къ кн. А. М. Горчакову, послѣдствіемъ чего было полученное имъ всемилостивѣйшее прощеніе (см. стр. 343—344 т. VIII). Но Головину вдругъ пришла мысль не ѣхать въ Россію, а пристроиться какъ-нибудь на русскую службу за границей. Для этого, съ одной стороны, онъ поспѣшилъ просить кн. Суворова разрѣшить остаться въ Лондонѣ до приведенія въ порядокъ своихъ домашнихъ дѣлъ, съ другой—написалъ министру народнаго просвѣщенія Норову о своемъ желаніи быть корреспондентомъ его министерства, т.-е. фактически III Отдѣленія, какъ было и съ Яковымъ Толстымъ... А чтобы заручиться его расположеніемъ, Головинъ передъ этимъ (16 декабря 1856 г.) послалъ Норову еще особое посланіе, весьма любопытное для его характеристики:

«Ваше Высокопревосходительство! Наука френологіи сдѣлала такіе успѣхи въ послѣднее время, что ея примѣненіе къ государственнымъ предметамъ необходимо. Мы съ точностью можемъ сказать, изслѣдуя черепъ человѣка, военный ли онъ или не военный, будетъ ли онъ хорошимъ солдатомъ или нѣтъ. При рекрутскихъ наборахъ, слѣдовательно, желательно, чтобы медикъ изслѣдовалъ черепъ прежде другихъ частей тѣла. Съ такою же точностью говоримъ мы «вотъ черепъ убійцы», или «вотъ черепъ человѣка,

который убилъ только случайно», и заключаемъ, что отъ перваго надо оборонить общество навсегда, а что втораго надо было поставить въ другую среду жизни. Уголовное право было бы преступно, не обращая вниманія на эти законы природы. Но болѣе всѣхъ другихъ частей народное просвѣщеніе должно извлечь пользу изъ этихъ данныхъ. Напрасно опредѣлимъ мы земледѣльческой черепъ въ торговую школу, изъ него никогда не будетъ хорошаго купца. Не дай Богъ, чтобъ дѣлали священниковъ съ черепами, у которыхъ любострастіе развито болѣе благоговѣнія. Родители, понимая недостатки устройства своихъ дѣтей, могутъ противодействовать имъ умнымъ направленіемъ ихъ образованія. Уже начали смѣяться надъ тѣми, которые смѣются надъ френологіей, и время близко, когда будутъ удивляться легкомысленному недовѣрію, съ которымъ встрѣчали эту науку. На свѣтѣ учатъ такъ много наукъ безъ примѣненія, что хорошо было бы ввести преподаваніе столь богатой отрасли новыхъ изысканій. Снимки замѣчательныхъ череповъ необходимы, и одна изъ самыхъ великихъ реформъ непременно истечетъ изъ этого предмета, до сихъ поръ столь пренебреженнаго. Познаніе людей составляетъ главное достоинство тѣхъ, которые призваны употреблять ихъ по ихъ способностямъ. Творецъ, въ неизмѣримой своей мудрости, сотворяетъ людей для всѣхъ возможныхъ занятій. Горе тѣмъ, которые нарушаютъ Его законы. Тамъ, гдѣ много различныхъ народовъ, френологія озаряетъ этнологію, подавая руку антропологіи и сравнительной анатоміи. Я встрѣчалъ черепа негровъ съ удивительнымъ ораторскимъ расположеніемъ, между тѣмъ, какъ отвращеніе отъ всякой работы замѣчательная черта индѣйскихъ череповъ.

«Я почту себя счастливымъ, если В. В. приметъ сіи мои наброски съ сроднымъ себѣ благорасположеніемъ, и имѣю честь быть вашъ покорный слуга,

Иванъ Головинъ.

Норовъ отвѣтилъ Долгорукову, что «не имѣетъ никакихъ побужденій желать, чтобы г. Головинъ былъ наименованъ корреспондентомъ высочайше ввѣреннаго ему министерства», т.-е. III-му Отдѣленію предоставлялось увѣнчать Головина званіемъ корреспондента другаго министерства. Оно, однако, тоже воздержалось отъ дальнѣйшихъ шаговъ въ этомъ направленіи, разсудивъ, что перо и знанія Головина врядъ ли могутъ быть полезны правительству. Наоборотъ, было предписано по министерству внутреннихъ дѣлъ, гдѣ уже числился Головинъ, вытребовать его немедленно въ Россію безъ какихъ бы то ни было отсрочекъ...

Головинъ отвѣчалъ гр. Хрептовичу (17 марта 1857 г. по-

французски): «Въ отвѣтъ на сдѣланное мнѣ сообщеніе императорскимъ посольствомъ, имѣю честь съ сожалѣніемъ объявить, что 16 лѣтъ изгнаннической жизни за границей сдѣлали меня неспособнымъ для такой же изгнаннической жизни въ Россіи, и потому я предлагаю императорскому правительству взять назадъ милость, которая такъ великодушно была мнѣ предложена. Я утѣшаю себя мыслью, что услуги мои при моихъ званіи и лѣтахъ принесли бы весьма мало пользы его величеству, такъ какъ г. Норовъ находить, что мои познанія не имѣютъ никакой цѣны для его министерства. При самыхъ искреннихъ желаніяхъ счастья царствованію императора Александра я окончу дни свои на чужой землѣ. Не всѣмъ дано жертвовать жизнь за своего монарха, но мнѣ это было дано. Да не пройдетъ незамѣченнымъ то обстоятельство, что я испортилъ свою репутацію, разрушилъ будущность свою въ Англіи, открыто принявъ защиту того, кому Богъ ввѣрилъ судьбы Россіи. Я знаю, что его величество, будучи во всемъ отцомъ отечества, есть въ то же время самый нѣжный и послушный сынъ: его величество не можетъ, слѣдовательно, забыть того, что сдѣлалъ; но я желаю, чтобы его величество убѣдился, что я не пожертвовалъ бы собою для борьбы съ простымъ человѣкомъ. Мнѣ остается предложить императорскому правительству взять назадъ свою щедрую милость, а васъ, графъ, просить извиненія за причиненныя мною безпокойства. Но всякій заблудшійся смертный питаетъ надежду увидѣть землю, на которой онъ родился, и какой бы я ни былъ дурной дипломатъ, я хотѣлъ употребить всѣ средства, чтобы сдѣлать свою амнистію полною прежде, чѣмъ я отказался отъ нея».

10 марта 1857 г. кн. Долгоруковъ извѣстилъ товарища министра иностранныхъ дѣлъ о высочайшей резолюціи, послѣдовавшей на рапортѣ лондонскаго посла: «не предоставляя Головину правъ, всемилостивѣйше предназначенныхъ ему въ день священнаго коронованія, оставить его въ прежнемъ положеніи. Пусть посольство паспортовъ въ Россію ему не выдаетъ».

На Головина это сильно подѣйствовало. 7 апрѣля 1857 г. онъ пишетъ кн. Долгорукову по-французски:

«Ваше сіятельство. Предокъ вашъ, обнаживъ свою грудь, сказалъ Петру Великому: «будь Александромъ, я буду Клитомъ!». Это было въ сенатѣ, когда начальникъ адмиралтейства Иванъ Головинъ разорвалъ указъ его величества и замѣнилъ его другимъ рѣшеніемъ. Князь Юрій Долгоруковъ былъ нашимъ лучшимъ министромъ правосудія. Мельнику въ Сень-Суси дозволено же было сказать, безъ опасенія возбудить гнѣвъ великаго Фридриха: «есть

судьи въ Берлинѣ». Дозволено ли мнѣ будетъ сказать, что петербургскіе юрисконсульты подрываютъ монархическія начала, думая, что его величество можетъ взять обратно то, что имъ уже дано. Полагать, что милость можетъ быть безъ суда взята обратно, значитъ ошибочно истолковывать самое лучшее преимущество царской власти: право оказывать милость. Впрочемъ, я не думаю, чтобъ судъ осудилъ меня за то, что я ходатайствовалъ о полномъ всепрощеніи. Правда, что я самъ предложилъ отнять его обратно у себя, но не думаю, чтобы отсѣкли голову или посадили въ тюрьму того, кто самъ бы просилъ объ этомъ. Я прошу позволенія въ рѣшеніи его величества сослаться на самого его величество. Я того мнѣнія, что даже и народное бѣдствіе не можетъ допустить отнятія милости, дарованной въ такой день всеобщей радости, какимъ былъ день священнаго коронованія. Недавно Наполеонъ III даровалъ прощеніе Барбье, и всѣ настоянія сего послѣдняго о переводѣ его въ тюрьму были тщетны.

«Между тѣмъ, я отказался отъ англійскаго подданства. Оставьте мнѣ, по крайней мѣрѣ, надежду, что когда будетъ приготовляться сводъ законовъ императора Александра, я уже не буду больше въ числѣ изгнанниковъ».

Письмо это было доложено Александру II,

28 августа 1857 г. Головинъ пишетъ кн. Долгорукову: «Ваше Сіятельство! Высочайшимъ предписаніемъ повелѣно мнѣ оставаться въ прежнемъ положеніи, между тѣмъ, какъ обстоятельства совершенно измѣнились. Прежде были два министра нѣмца, а нынѣ стали русскіе; прежде былъ царь Грозный, а нынѣ государь милосердный. Россія тронулась: изъ военнаго диктаторства она становится чистою монархією; пространства исчезаютъ при возникаемыхъ удобныхъ средствахъ сообщенія; храмъ Януса запертъ, торговля расцвѣтаетъ и литература пробудится скоро тоже. Уваженіе къ Аристотелю, Пиндару, Гомеру составили славу Александра Македонскаго, болѣе нежели побѣда его при Арбелахъ. Какъ ни ничтожны мои достоинства, казалось, лучше было бы мнѣ быть авторомъ русскимъ, нежели англійскимъ, и я надѣюсь, князь, что вы прекратите мою опалу, которая ненужна для славы новаго царствованія».

Письмо это тоже было доложено государю и оставлено безъ послѣдствій. Головинъ узналъ объ этомъ и рѣшилъ просить надъ собою формальнаго суда. Для этого онъ адресовался къ министру юстиціи и одновременно въ министерство иностранныхъ дѣлъ съ просьбой выдать ему, какъ подсудимому, паспортъ для вѣзда въ Россію. Панинъ отвѣчалъ, что онъ не имѣетъ никакого права на судебную реабилитацію.

Еще не дождавшись панинского отвѣта, Головинъ обратился къ Долгорукову по-французски: «Моя мать имѣла пятерыхъ сыновей, служившихъ въ гвардіи. Неужели она можетъ быть лишена права видѣть меня и неужели мнѣ не будетъ дозволено закрыть ей глаза? Генрихъ IV говорилъ, что удовлетвореніе мщенія продолжается не долѣе минуты, а удовлетвореніе милосердія вѣчно. Полагая границы милосердію нашего монарха, стѣсняють наилучшее украшеніе императорской власти. Вы такъ великодушны къ врагамъ отечества, что, вѣроятно, захотите быть таковымъ же и къ своимъ друзьямъ. Ваше милостивое предстательство уже открыло разъ предо мною входъ въ Россію, кромѣ Петербурга и Москвы. Можетъ быть, на этотъ разъ вы можете снять ограниченіе хотя бы съ Москвы. Въ Россіи столько хорошихъ головъ, что одну дурную, какова моя, вы стерпите»...

Долгоруковъ готовъ былъ, повидимому, познакомиться съ головинскимъ дѣломъ и приказалъ доложить себѣ его со справкой.

Одновременно, пользуясь пребываніемъ императрицы въ Дармштадтѣ, Головинъ написалъ и ей. Указавъ на свою половинчатую амнистію, онъ говорилъ, что, навѣрное, государыня знаетъ изъ отечественной исторіи, что мать патріарха Филарета была изъ рода Головиныхъ, что въ царствованіе Петра Великаго Головины засѣдали въ сенатѣ, что при Іоаннѣ Грозномъ они проливали кровь на эшафотѣ, а при Годуновѣ были изгнаны, и спрашивалъ, неужели и онъ будетъ изгнанникомъ? Кромѣ того, какъ англійскій подданный, Головинъ обратился къ лорду Кларендону, чтобы тотъ далъ ему возможность съѣздить въ Россію въ качествѣ англичанина, для свиданія съ родными и съ правомъ возврата въ Англію. Министерство иностранныхъ дѣлъ отказало въ хлопотахъ англійскаго посла въ Петербургѣ.

Тогда Головинъ пробуетъ втереться въ русскую журналистику и 24 ноября обращается къ Краевскому съ просьбой дать ему работу въ «Отечественныхъ Запискахъ» или «СПБургскихъ Вѣдомостяхъ», а чтобы гарантировать себѣ право печататься въ Россіи, пишетъ Тимашеву:

«Ваше превосходительство! Князь Долгоруковъ говорилъ Петру Великому, что молодые люди, которыхъ посылають воспитываться за границу, принимаютъ направленіе чужестранное. «Мы его исправимъ», возразилъ царь, и опять, проведя по бумагѣ знакъ ногтемъ, сказалъ: «какъ ни слабъ этотъ знакъ, а со всѣмъ вашимъ могуществомъ вы его не изгладите». Великій монархъ не полагалъ, что надо лишать живота, имущества или правъ піонеровъ русскаго просвѣщенія.

«Карамзину, званієму государя Александра Павловича «аркадскимъ пастухомъ», давали пенсіи, а меня, называвшаго государя Александра Николаевича «ангеломъ на престолѣ», лишили правъ моихъ. Не моя вина, что 1000 лѣтъ разстояніе въ просвѣщеніи между Россіей и Европой. Я васъ прошу, генераль, не запрещать моимъ роднымъ переписываться со мною и дозволить мнѣ писать въ русскихъ журналахъ, соображаясь съ цензурными установленіями».

Отвѣта дано не было.

Хрептовичъ писалъ Горчакову, что Головину «все мерещится систематическое преслѣдованіе со стороны мин. ин. дѣлъ, и если онъ занялся френологіей, то, по его мнѣнію, съ цѣлью доказать, что всѣмъ намъ недостаетъ шишекъ доброты, а я все боьше и больше убѣждаюсь, что самому Головину недостаетъ шишки здраваго смысла»; онъ полагалъ, что выгоднѣе было пустить Головина въ Россію, гдѣ за нимъ былъ бы постоянный надзоръ, чѣмъ оставлять его влачить жалкое существованіе за границей, гдѣ онъ дѣлаетъ массу всевозможныхъ хлопотъ и непріятностей посольству и правительству.

15 ноября Головинъ обратился къ Хрептовичу съ просьбой выдать ему паспортъ для вѣзда въ Россію со всѣми ограниченіями, положенными коронаціоннымъ манифестомъ, такъ какъ онъ не можетъ оставаться празднымъ зрителемъ новой эры, которую вводитъ въ Россіи государь императоръ рядомъ такихъ мѣръ, какъ возстановленіе Польши, предстоящее освобожденіе крѣпостныхъ и т. п.

Черезъ десять дней Головинъ написалъ Александру II французское письмо: «Я не зналъ, что письмо, адресованное мною 7 марта 1857 г. графу Хрептовичу, должно было попасть на глаза вашему величеству. Если бы я зналъ это, я привелъ бы слѣдующую выдержку изъ завѣщанія вашего августѣйшаго батюшки: «благодарю всѣхъ, кто любилъ меня и служилъ мнѣ, прощаю всѣхъ, кто ненавидѣлъ меня, и прошу всѣхъ тѣхъ, кого я оскорбилъ безъ намѣренія, простить меня». Я позволилъ бы себѣ прибавить, что, наслѣдовавъ дружбу, вы не наслѣдовали ненависти, которую могли питать къ вашему предшественнику. Прощеніе не должно быть случайно; въ такомъ сердцѣ, какъ ваше, источники милости не должны иссякать. Къ тому же прощеніе не дается здѣсь на 15 дней, тамъ на годъ, а навсегда. Тѣмъ хуже или тѣмъ лучше для тѣхъ, кто имъ не пользуется или кто хочетъ воспользоваться».

«Благодаря этому власть не имѣетъ возможности отнять разъ данное, подданные не имѣютъ искушенія отказаться отъ разложеннаго. Государь, вашъ отецъ вамъ все далъ, у меня все отнялъ. Поэтому вы не можете быть ко мнѣ слишкомъ снисходительны. Имперія, которую вы наслѣдовали, достаточна обширна, чтобы въ

ней не нашлось мѣста для свободныхъ яудей, не подчиняя ихъ надзору, не запирая ихъ въ изгнаніе. Недовѣріе вызываетъ недо-
вѣріе. Всѣхъ народныхъ дарованій не будетъ слишкомъ много,
чтобы! помочь вамъ въ славномъ дѣлѣ реформъ. Но самолюбіе и
даровитость неразлучны. Унижать одно значитъ давать ложное
направленіе другому. Служба, это—такая милость, которую никогда
нельзя налагать, какъ наказаніе. Но отечество—благо, котораго
не слѣдуетъ лишать тѣхъ, кто вѣритъ въ васъ, какъ я всегда
вѣрилъ. Вотъ, государь, что я сказалъ бы вамъ, и, если мои рѣчи
заслуживаютъ наказанія, ваше величество останетесь при своемъ
рѣшеніи и не раскроете руку щедротъ своихъ для того, кто бу-
детъ вѣчно преданъ вамъ».

Управляющій III Отдѣленіемъ Тимашевъ написалъ свое заклю-
ченіе: «Мнѣніе графа Хрептовича я, признаюсь, вовсе не раздѣляю.
Въ чемъ опасность оставить Головина за границую? Онъ всюду
презираемъ и какъ человѣкъ, и какъ писатель. Если по возвра-
щеніи въ Россію онъ впадетъ въ новые проступки, что очень вѣ-
роятнѣе, и будетъ подвергнутъ законной отвѣтственности, то враги
наши неминуемо назовутъ помилованіе его коварствомъ, оставить
же его безнаказаннымъ было бы несправедливо въ отношеніи ко
всѣмъ преслѣдуемымъ закономъ, и, наконецъ, съ пріѣзда его въ
Россію какое будетъ его положеніе? Если въ обществѣ ему будетъ
выражено вполне заслуженное презрѣніе, то онъ снова уѣдетъ за
границу, болѣе чѣмъ когда-нибудь озлобленный, если же, напро-
тивъ того, онъ найдетъ сочувствіе, то можетъ за собой увлечь
нѣсколько несчастныхъ жертвъ. Опасеніе это, по мнѣ, тѣмъ осно-
вательнѣе, что изъ его писемъ видно намѣреніе быть *длительнымъ*
на поприщѣ реформъ. Считаю долгомъ совѣсти представить все
это на благоусмотрѣніе Вашего Сіятельства».

Долгоруковъ совершенно не согласился съ Тимашевымъ и
самъ написалъ бумагу (датированную декабремъ 1857 г.), назвавъ
ее «соображеніемъ».

«Мнѣніе гр. Хрептовича, что опаснѣе оставлять бывшаго кол.
секр. Головина за границую, нежели дозволить ему возвратиться
въ Россію, вполне справедливо: ибо здѣсь въ случаѣ новыхъ про-
ступковъ всегда можно удержать его или подвергнуть законной
отвѣтственности, тогда какъ, если за границую отъ ожесточенія
онъ вовлечется въ новыя, еще болѣе вредныя для насъ дѣйствія,
то къ остановленію его правительство наше не будетъ имѣть ни-
какихъ средствъ. Поэтому, чтобы, съ одной стороны, предотвра-
тить означенныя послѣдствія, а съ другой—лишить Головина пово-
довъ непрерывно просить и жаловаться на ожидаемыя имъ въ

Россіи стѣсненія и принужденіе къ службѣ, было бы можно дозволить ему возвратиться въ отечество и жить гдѣ пожелаетъ, не йсключая столицъ, предоставивъ ему на волю, вступить или не вступить на службу, но съ учрежденіемъ за нимъ секретнаго надзора.

«Если это удостоится утвержденія, то не будетъ ли признано нужнымъ объявить Головину, что распоряженіе объ оставленіи его въ прежнемъ положеніи сдѣлано было вслѣдствіе собственнаго его отъѣзда о нежеланіи возвратиться въ Россію, что, въ день св. коронованія высочайшая воля о дарованіи ему прежнихъ правъ объявлена была въ той силѣ, что ему дозволено будетъ пользоваться имъ по возвращеніи въ отечество; что и нынѣ распоряженіе о предоставленіи ему означенныхъ правъ, безъ права однакоже, на прежнее имущество, сдѣлано будетъ не прежде, какъ по прибытіи его въ Россію. Само собою разумѣется, что о предполагаемомъ секретномъ надзорѣ ему объявлять не слѣдуетъ».

Это «соображеніе» было доложено государю одновременно съ письмами Головина къ парижскому послу гр. П. Д. Киселеву и къ кн. А. Е. Орлову. Въ первомъ Головинъ писалъ, что, строго соблюдая повелѣніе государя служить правительству, онъ не считаетъ возможнымъ молчать при видѣ унижительной политики Россіи въ отношеніи Франціи. Орлову онъ высказалъ, между прочимъ, свою готовность «представлять о предметахъ общаго интереса» докладныя записки, но только не черезъ III Отдѣленіе.

Александръ II разрѣшилъ дозволить Головину возвратиться въ Россію безъ всякихъ ограниченій, но, видя изъ его писемъ, что онъ хочетъ быть здѣсь въ дѣлахъ государственныхъ, приказалъ: «дабы Головину предварительно объявлено было, что правительство наше ни мало не нуждается въ его участіи, и что пріѣздъ разрѣшается ему вовсе не въ тѣхъ видахъ, а единственно по снисхожденію къ его раскаянію, и чтобы все это объявлено ему было обстоятельно, дабы онъ впослѣдствіи не имѣлъ повода жаловаться на неисполненіе надеждъ его, которыя не могутъ осуществиться». Кроме того, Долгоруковъ просилъ министра иностр. дѣлъ объявить Головину, что правительство не будетъ платить ему ничего, а братъ общаетъ самое большее—1000 рублей сер. въ годъ.

За отсутствіемъ графа Хрептовича баронъ Николаи объявилъ Головину царскую милость, на что услышалъ цѣлый панегирикъ императору. Поинтересовавшись, чѣмъ будетъ заниматься онъ въ Россіи и на какія средства жить, баронъ получилъ въ отвѣтъ, что Головинъ намѣренъ заняться приготовленіемъ матеріаловъ для исторіи крѣпостнаго права, а жить будетъ на литературный за

работокъ, въ которомъ совершенно увѣренъ. Николаи сообщилъ объ этомъ министру иностранныхъ дѣлъ и прибавилъ отъ себя, что возвращеніе въ Россію Головина «благопріятно подѣйствуетъ на его натуру, которая теперь находится въ аномальномъ состояніи. Съ нимъ надо обходиться, какъ съ больнымъ, и всѣ его письма, даже слова и писанія, достаточно указываютъ, что у него родъ моральнаго безпокойства, лихорадочнаго возбужденія, которыя происходятъ отъ нѣсколько разстроеннаго разсудка»...

17 марта 1858 г. Головину, наконецъ, былъ выданъ паспортъ для проѣзда до русской границы. Въ Берлинѣ его слѣдовало обмѣнять на другой, для вѣзда уже въ Россію. Затѣмъ ему былъ переданъ посольствомъ денежный переводъ отъ брата и сообщено вмѣстѣ съ тѣмъ, что послѣ значительныхъ жертвъ, уже сдѣланныхъ семействомъ, оно не въ состояніи давать ему что бы то ни было. Головина не смутило это обстоятельство, и онъ отвѣтилъ, что выѣдетъ въ началѣ апрѣля.

Однако, и на этотъ разъ отъѣздъ все откладывался. Головинъ рассчитывалъ быть въ официальной Россіи болѣе желаннымъ гостемъ и даже питалъ отдаленную надежду на субсидію для расплаты съ лондонскими кредиторами. Съ цѣлью осуществленія этихъ надеждъ онъ и сдѣлалъ нѣсколько шаговъ.

Прежде всего это—рядъ писемъ или «записокъ» къ товарищу министра иностранныхъ дѣлъ Ивану Матвѣевичу Толстому, которыя Головинъ направлялъ ему въ качествѣ мудрыхъ политическихъ совѣтовъ, надѣясь блеснуть передъ правительствомъ своей осмѣленностью и пониманіемъ положенія дѣлъ на Западѣ и въ Россіи.

Первая «записка» относится къ срединѣ ноября 1857 г., т.-е. ко времени, когда его возвращеніе въ Россію находилось въ положеніи еще нерѣшеннаго вопроса.

Вотъ ея буквальный текстъ.

«Общественное мнѣніе приняло здѣсь очень хорошо извѣстіе о ссорѣ Россіи съ Китаемъ. «Вы видите, говорятъ доки, что ни одна держава европейская не можетъ ужиться съ китайцами. Едва наше вниманіе было отвлечено къ Индіи, какъ китайцы зазнались, они преслѣдуютъ миссіонеровъ». Обстоятельства благопріятны для занятія Амура, надо бить желѣзо пока, когда и гдѣ горячо. Общественное мнѣніе, а оно здѣсь царь, приняло бы очень хорошо подписку тысячи-двухъ фунтовъ въ пользу христіанъ, пострадавшихъ въ Индіи. Съ англичанами деньги все значатъ. Король неаполитанскій затѣваетъ здѣсь журналъ. Нѣтъ толку посылать статьи въ «Chronicle» безъ официальнаго вида, а отъ такого журнала онъ никакой важности не получаютъ. Кларендонъ подсылалъ въ Кис-

сингенъ французскую графиню М. Кто остался въ барышахъ? Открылись обоюдослабыя струны. Для дезертировъ надѣ было бы придумать что-нибудь поумнѣе сквозь строевъ. Если есть злоумышленные, то есть оставшіеся по глупости. Они христарадничаютъ, позорятъ имя русское. Тутъ есть люди раненые, залежавшіеся въ госпиталяхъ долѣе сроку амнистіи. Поляковъ, служившихъ тому назадъ 25 лѣтъ въ полкахъ литовскихъ, волынскихъ и русскихъ, какъ дезертировъ, не почли никакою милостью. Это старая исторія: наказывать такъ наказывать, миловать такъ миловать. Русская поговорка: кто старое вспомнить, тому глазъ вонъ. Я говорилъ на дняхъ съ матросомъ, который 16 лѣтъ служилъ въ черноморскомъ флотѣ и 2 года въ англійскомъ, и говоритъ, что узналъ болѣе въ 2 года, нежели въ 16, а мы драться, пожалуй, полѣземъ. За отсутствіемъ графа Михаила Илларионовича служить вамъ службу сверхкомплектный».

Послѣдняя фраза обозначала: такъ какъ въ посольствѣ не было совѣтника графа М. И. Васильчикова, то Головинъ обращается прямо къ Толстому.

Потомъ онъ прислалъ еще двѣ записки по иностранной политикѣ, поражающія своей вздорностью и сумбуромъ. Видя, что Толстой ничего не отвѣчаетъ, Головинъ написалъ ему по-французски 10 мая 1858 г.:

«Ваше превосходительство не поддерживаете нашей переписки, не хотите, чтобы я вмѣстѣ съ вами радѣлъ о славѣ этого царствованія, хотите оставить это для одного себя. Молю Бога благословить начинанія его величества относительно освобожденія крѣпостныхъ. Вижу, какъ трудно дѣлать добро, и что въ этомъ гнусномъ мірѣ не только не слѣдуетъ ждать благодарности, но, напротивъ, надо ожидать неблагодарности. Когда Вашингтонъ добился свободы Соединенныхъ Штатовъ, въ Массачузетсѣ вспыхнуло возстаніе, и онъ воскликнулъ: «Что же, наконецъ, за странное существо человѣкъ?». Развитіе образованія одно можетъ предупредить несчастія, проистекающія отъ невѣжества, но все это уже понято просвѣщенной частью нашего общества. Видя, что вы начинаете войну противъ Австріи, боюсь, какъ бы школа Меттерниха не оказалась правой въ своемъ разчетѣ, что ваша дружба будетъ недолговѣчна.

«Жертва моего брата, которую вы были такъ добры переслать мнѣ, не дала мнѣ возможности выплыть, а холодность, съ которою мои родственники встрѣчаютъ мое возвращеніе, заставляетъ просить васъ быть столь добрымъ, причислить меня къ мадридскому посольству. Я пишу въ настоящее время исторію Ферди-

нанда VII и, если мнѣ будетъ предоставленъ доступъ въ русскія газеты, я могъ бы употребить немногіе остающіеся мнѣ годы на жизнь въ мѣру своихъ дарованій и, такимъ образомъ, отплатить за вашу доброту ко мнѣ».

Толстой молчалъ. Головинъ не обращалъ на это вниманія, надѣясь еще на III Отдѣленіе, которому посылались всѣ его «записки» для доклада государю,—и писалъ, и писалъ...

Такъ, 11 іюня онъ отправилъ Толстому еще слѣдующую записку:

«Насколько часовъ хватить у Наполеона вести войну съ Англіей? На 24 часа хватить, но на три дня не достанетъ. Сколько банкротствъ объявится во Франціи съ минуты объявленія войны? Мѣры взяты, чтобъ банкъ англійскій перевести въ Эдинбургъ при первой опасности. У Франціи не было достаточно кораблей, чтобъ перевезти солдатъ въ Крымъ, а перевезти 100,000 въ Англію скоро сказывается да не скоро дѣлается. Въ 1808 г. мы были въ союзѣ съ Франціей, потеряли нашъ флотъ въ Лиссабонѣ и принуждены были жечь Москву въ 1812 г.

«Веллингтонъ имѣлъ правиломъ никакое письмо не оставлять безъ отвѣта, а Гумбольдтъ не оставлялъ никакой визитъ не уплаченнымъ. Изъ уваженія къ вамъ я сдѣлалъ визитъ къ г. Толстому, но карточки его не получилъ. Въ Парижѣ пришелъ къ нему флотскій офицеръ во фракѣ, онъ его принимаетъ въ халатѣ и тотъ посылаетъ его одѣться. Погень Поль не стерпѣлъ не взять взятку въ французскаго правительства, не зная что журналъ подкупленный умираетъ. Жалко! Mlle Viollette поступила на содержаніе... но вы на меня разгнѣваетесь! Мы продали часть Калифорніи мексиканцамъ за 30,000 піастревъ, не зная, что тамъ найдется золото. Лузіана, Флорида были куплены также за золото. Этого рода титулы болѣе другихъ уважаются. Добыть портъ въ Тихомъ океанѣ для Россіи въ Центральной Америкѣ было бы славное дѣло. По случаю землетрясенія Сенъ-Сальвадора президентъ ѣздилъ въ Европу занять милліонъ... Но вамъ не угодно служить отечеству со мной, который васъ всегда такъ любилъ и уважалъ и который имѣетъ честь вамъ бить челомъ».

Помимо «записокъ» для Толстого, Головинъ писалъ ихъ еще и для вел. кн. Константина Николаевича. Такъ, передъ выѣздомъ изъ Лондона онъ послалъ ему слѣдующее письмо:

«Ваше императорское высочество! Съ трепетомъ приступаю къ военному авторитету вашей учености, но являясь не съ пустыми руками, надѣюсь, что вы дадите мнѣ минуту аудіенціи. Изобрѣтеніе желѣзныхъ канонерскихъ лодокъ принадлежитъ американ-

цямъ и въ бытность мою въ Соед. Штатахъ говорилось о приложеніи той же системы къ крѣпостямъ, такъ что часть амбразуръ будетъ подвижная. Какъ ни велики издержки такого нововведенія, народная безопасность еще важнѣе и война совершенно измѣнится съ этимъ новымъ средствомъ нападеній и защиты.

«Мнѣ кажется, что можно приложить съ выгодою телескопы къ пушкамъ. Я хоть посредственный стрѣлокъ, могъ съ телескопомъ стрѣлять изъ карабина на дальнемъ разстояніи такъ хорошо, какъ лучшіе стрѣлки. Движеніе артиллериста, огниающаго телескопъ, должно быть сигналомъ другому приложить фитиль или раздавить капсюлю.

«Есть инженеръ, который изобрѣлъ замѣну нитокъ телескопа такъ, чтобы онѣ не ломались при сотрясеніи. Это важно и для землемѣровъ, но мои средства не позволили мнѣ приобрѣсти это изобрѣтеніе. Въ Кубѣ я былъ знакомъ съ бывшимъ партизаномъ, который сообщилъ мнѣ проектъ карабина между пушками и штуцерами на стойкахъ, которыя возятъ лошади: пули двойныя, цѣльныя и зажигающія; этими послѣдними стрѣляли бы въ фургоны непріятели, а первыми можно перебить офицеровъ, такъ что у изобрѣтателя назывались эти штуцера—«бойни офицерскія». Ручныя гранаты, недавно изобрѣтенныя въ Бирмингамѣ, также дѣйствительны начиненныя порохомъ, какъ и пламенѣющимъ меркуриемъ и сдѣланныя изъ чугуна, какъ изъ стекла. Имѣя форму грушъ, онѣ должны падать на капсюлю, а потому одной капсюли довольно. Не только онѣ страшны при защитѣ баррикадъ, но могутъ быть съ выгодою розданы жителямъ города, при атакѣ непріятели.

«Повергая мой арсеналь къ стопамъ вашего высочества, прошу. выбрать что угодно, ибо для меня не надо другого оружія, какъ мое уваженіе къ государю императору. Ваше высочество рѣзумѣется получаете американскіе и англійскіе журналы по части военной механики, но можетъ быть не изволите знать, что англійскіе журналы изъ патріотизма говорятъ о принятыхъ изобрѣтеніяхъ, что проба не удалась и что они отброшены».

Константинъ Николаевичъ также ничего не отвѣтилъ.

Черезъ нѣсколько недѣль Головинъ пишетъ ему еще разъ:

«Тому назадъ нѣсколько мѣсяцевъ я имѣлъ честь писать вамъ о непрострѣливаемыхъ канонерскихъ лодкахъ, а нынѣ англійскій адмиралъ Сарториусъ представляетъ, какъ свое изобрѣтеніе, парходные щиты. Такъ какъ меня не зовутъ ни Браунъ, ни Джемсомъ, то я не ожидалъ извѣщенія о полученіи моего письма. Осмѣливаюсь нынѣ обратить Ваше вниманіе на пользу, которая бы произошла отъ чѣго-нибудь похожего на актъ мореплаванія. Мнѣ

кажется, что еслибъ иностранные корабли платили болѣе русскихъ при входѣ въ наши порты, то сами иностранцы выстроили бы для Россіи торговый флотъ».

Великій князь молчалъ. Головинъ рѣшилъ писать Александру II (по-французски):

«Ваше величество, только-что получилъ письмо отъ моего брата, удивляющагося, что я еще не вернулся и не выразилъ письменно вашему величеству благодарности за свое помилованіе. По истинѣ, неблагодарность—такая скверная вещь, что германцы наказывали за нее вольноотпущенныхъ, снова лишая ихъ свободы. Но когда я слышу цѣлый хоръ, восхваляющій «нашего добраго императора», то чувствую, что мой голосъ слишкомъ слабъ, чтобъ подняться до васъ, государь. Выразить надежду, что въ отплату за доброту вашего величества я сдѣлаюсь однимъ изъ наиболѣе славныхъ людей вашего царствованія, значить слишкомъ льстить мнѣ, ибо, хотя одинъ русскій критикъ и назвалъ меня русскимъ Шатэбрианомъ¹⁾, краски на моей палитрѣ далеко не могутъ сравняться съ тѣми, которыя имѣлъ на своей знаменитый паломникъ. Разъ столько русскихъ закладываютъ свои «души», чтобъ съѣздить за границу, то, по справедливости, долженъ найтись хоть одинъ, который, подобно мнѣ, закладываетъ свои вещи, чтобъ вернуться въ Россію. Поэты и философы нерѣдко бывали бѣдняками и бродягами и только Карамзину дано было отдыхать въ Александровскомъ дворцѣ. Прошу ваше величество удостоить принять выраженіе законной гордости, съ которою я имѣю честь именоваться вашего величества покорнѣйшимъ подданнымъ, *Иванъ Головинъ*».

Прошеніе это было доложено государю 2 іюля 1858 г. и, разумѣется, не имѣло никакихъ послѣдствій...

Теперь о второмъ источникѣ надеждъ Головина. Это была небольшая книжка—«History of Alexander the First», напечатанная по-англійски въ Лондонѣ въ серединѣ 1858 года. Историкъ въ ней искать нечего; не обладая ни знаніемъ, ни документами, ни способностью къ обобщеніямъ, Головинъ не могъ дать что-нибудь заслуживающее вниманія. Брошюра была обыкновеннѣйшимъ панегирикомъ, поднесеннымъ императору черезъ министра двора. Въ русскомъ изданіи, которое Головинъ намѣревался сдѣлать уже въ Россіи, должно было быть помѣщено и особое посвященіе—«высокостойному августѣйшему наслѣднику».

Но неудачи преслѣдовали Головина... Въ началѣ января 1858 г. какой-то профессоръ дерптскаго университета прислалъ въ мини-

¹⁾ Этимъ «критикомъ» былъ Булгаринъ...

стерство народнаго просвѣщенія полученную изъ Лондона въ закрытомъ конвертѣ тоненькую брошюру — «Clémence et justice de l'empereur Alexandre II» ¹⁾, подписанную: Charles de St. Ange. Норовъ препроводилъ брошюру въ III Отдѣленіе. Въ ней находимъ сокращенное изложеніе всей той переписки и переговоровъ, которые велись по поводу возвращенія Головина въ Россію до конца декабря 1857 года. Расположеніе автора къ личности Головина совершенно ясно; порицаніе правительственныхъ лицъ болѣе или менѣе сдержанно, но во всякомъ случаѣ переходило границы дозволеннаго... Головину приказано было объявить, что появленіе этой брошюры ставится ему въ пассивъ.

Въ Германіи ему представляется возможность кое-что заработать. Въ іюль 1858 года онъ печатаетъ драму въ трехъ дѣйствіяхъ — «Ровира», посвятивъ ее Александру Гумбольдту. Безталанная пьеса пыжится изобразить жизнь невольниковъ на о. Кубѣ, но производитъ ужасное впечатлѣніе своею дѣланностью, сухую нескладностью.

28 іюля въ «Kreuz-Zeitung» была помѣщена корреспонденція изъ Лейпцига съ сообщеніемъ, что вскорѣ тамъ должна появиться подъ редакціей Головина газета «Стрѣла», какъ органъ умѣренно-либеральной русской партіи. Бар. Будбергъ, сообщая объ этомъ Горчакову, прибавилъ, что, по его мнѣнію, это — козни маленькаго кружка, «преслѣдующаго задачу облагодѣтельствованія Россіи путемъ ея униженія въ глазахъ Европы». Горчаковъ высказался, что едва ли совмѣстимо съ достоинствомъ Россіи дать Головину полномочія, которыя онъ испрашиваетъ, и позволить ему ставить какія бы то ни было условія раньше, чѣмъ онъ вернется въ Россію. Долгоруковъ согласился съ этимъ и просилъ Горчакова объявить Головину, чтобы выѣзжалъ въ Россію и не принималъ на себя редактированіе «Стрѣлы». Головинъ, однако, не послушался приказанія и издалъ два нумера своей газеты: одинъ въ декабрѣ 1858 г., другой въ январѣ 1859 г.

Для какихъ-то литературныхъ дѣлъ Головину понадобилось отдалиться отъ западной границы Россіи внутрь Европы. На такое отступленіе отъ маршрута въ Россію необходимо было разрѣшеніе. Онъ обратился къ берлинскому посланнику. Будбергъ запросилъ Петербургъ. Пришелъ отвѣтъ: выдать паспортъ только для вѣзда въ Россію.

Головинъ этого никакъ не ожидалъ... 23 октября 1858 г. онъ написалъ Будбергу по-французски: «Ваше превосходительство, я

¹⁾ Милосердіе и правосудіе императора Александра II.

не былъ бы достоинъ доброты его величества и снисхожденія г. товарища министра иностранныхъ дѣлъ, если бы послѣ переданнаго мнѣ вами повелѣнія скрылъ отъ васъ свою мысль. Послѣ моего дрізда въ Берлинъ Миклашевскій, вернувшійся въ Петербургъ, былъ сданъ въ солдаты и отправленъ на Кавказъ. Эта мѣра принята, конечно, для того, чтобы внушить страхъ, но она можетъ испугать тѣхъ, кто, подобно ему, издавалъ что-нибудь за-границей. Я тоже думалъ воспользоваться милостью государя и просить паспортъ, а чтобы не ходить далеко за примѣрами, назову своего двоюроднаго брата издателя «Le Nord», который получилъ его по ходатайству великаго кн. Константина Николаевича».

Приказано было произвести по этому поводу разслѣдованіе.

А въ то же время берлинская полиція не давала покоя Головину за два его паспорта: англійскій и русскій. Когда Головинъ просилъ Будберга защитить его отъ выходовъ нѣмецкой полиціи, Будбергъ отвѣтилъ, что сдѣлать это проще всего ему самому: стойтъ лишь поѣхать въ Россію. Головинъ на оборотѣ этой записки написалъ: «Г. Бутурлинъ говоритъ, что сочиненіе, которое сдѣлало карьеру г. Будберга, написано не имъ. Довести берлинскую полицію до того, что она меня высылаетъ и потомъ отказывается защитить меня—значитъ бросить меня въ руки Англіи! О, дипломаты!»—и отправилъ ее въ посольство. Документъ этотъ попалъ въ III Отдѣленіе и былъ представленъ государю. Послѣдній написалъ на немъ: «il doit être fou!»¹⁾...

Кромѣ того, Головинъ особо отвѣтилъ Будбергу, что паспортъ ему выданъ на годъ, въ теченіе котораго онъ въ правѣ быть, гдѣ ему угодно, и что онъ снова вынужденъ перейти подъ покровительство Англіи въ лицѣ лорда Блумфильда, англійскаго посланника въ Берлинѣ. Но это была только угроза. Головинъ все еще не терялъ надежду получить «милостивое прощеніе» непосредственно изъ рукъ монарха, для чего и выпустилъ книжку «Молодая Россія», вышедшую въ свѣтъ осенью 1858 года въ Лейпцигѣ.

Книжка посвящена «студентамъ русскихъ университетовъ», къ которымъ Головинъ обращается, между прочимъ, со слѣдующими словами: «Господа! меня бранятъ студентомъ. Вѣкъ живи, вѣкъ учись—мой девизъ. Меня любятъ дѣти, а ненавидятъ большіе. Заступитесь! На васъ надежда Россіи, запрягитесь за матушку и вытащите ее изъ грязи невѣжества и крѣпостного состоянія!».. Самое содержаніе книжки очень безцвѣтное и сумбурное. Въ ней

¹⁾ Онъ, должно быть, сошелъ съ ума.

было очень много пріятнаго по адресу государя и не мало непріятнаго для окружавшихъ его вельможъ, отнесшихся, впрочемъ, къ книжкѣ довольно равнодушно, потому что имъ было извѣстно полное отсутствіе какого бы то ни было вліянія автора. А хлестаковщины въ ней было довольно. Напримѣръ, Головинъ совѣршенно не постѣснялся написать: «Мы совѣтовали въ 1843 г. въ руководствѣ политической экономіи уничтожить слово «души», и оно исчезло изъ употребленія. Если это сдѣлано по нашему совѣту, мы не просимъ за это ни гроша, ни креста, а только желаемъ, чтобы наши мысли служили и дальше». Между тѣмъ «души» долго еще оставались опредѣленнымъ, всѣмъ употреблявшимся выраженіемъ. Или, напримѣръ, такое смѣлое утвержденіе: «Мнѣ кричали во время оно: не выноси сора изъ избы! Я таки вынесъ его не мало, пожалуй, скоро и не останется»... Вся книжка состоитъ изъ очень небольшихъ главъ, въ которыхъ безъ всякой связи сказано по нѣскольку строкъ о государѣ, арміи, просвѣщеніи, цензурѣ, откупахъ, духовенствѣ, земледѣліи и промышленности, взяткахъ и пр., и пр. Книга не имѣла никакого успѣха и въ Россіи была почти никому неизвѣстна. Была особая глава «Ле Норъ и Колоколь», въ которой есть строки, поражающія своею наглостью, особенно, если принять во вниманіе, что брюссельскій «Le Nord» былъ русскимъ полуофиціозомъ.

«Ле Норъ» занимается серьезными вопросами промышленности и политики, въ которыхъ онъ иногда достигаетъ не малаго достоинства; «Колоколь» ругаетъ болѣе, нежели совѣтуетъ, или, какъ говорятъ иные, кусается, какъ бѣшенная собака. «Ле Норъ» миритъ Россію съ Европой; «Колоколь» ссоритъ русскихъ съ русскими и называетъ русскихъ «a nation of flunkkeys»... «Первый показываетъ удивительную тактику въ своемъ журналѣ, другой продолжаетъ изливать желчь, набранную имъ въ тюрьмѣ и въ ссылкѣ». Въ письмѣ министру народнаго просвѣщенія отъ 16 августа 1858 г. Головинъ сказалъ: «Если-бъ сочиненія Герцена были позволены, то объ нихъ бы не заботились, ибо литературнаго достоинства въ нихъ мало; но такъ какъ они запрещены, то ихъ и пожираютъ съ жадностью».

25 ноября Головинъ пишетъ по-французски императрицѣ: «Madame, глупость, коварство и зависть собираютъ новую бурю надъ моей головой, но я обязанъ Россіи и, если вашему величеству угодно, побѣда останется на сторонѣ добрыхъ намѣреній. Моя честь требовала опубликованія моихъ мемуаровъ до отъѣзда. Я желалъ бы, чтобы государь императоръ прочиталъ мою «Молодую Россію» и убѣдился бы, что есть люди, которые изъ любви къ

славѣ не нуждаются ни въ чинахъ, ни въ орденахъ, ни въ жалованьи. Моему паспорту не истекъ еще годовой срокъ и, если не котятъ замѣнить его другимъ, для окончанія нѣкоторыхъ моихъ работъ, которыя я считаю полезными, то, по крайней мѣрѣ, пусть имѣютъ терпѣніе дождаться мая. Иногда легче преодолѣть большія опасности, чѣмъ побѣдить малыя препятствія. Я ходатайствую передъ вашимъ величествомъ объ одномъ словѣ въ мою пользу передъ вашимъ августѣйшимъ супругомъ, который, повѣрьте мнѣ, не имѣетъ много друзей по убѣжденіямъ, и прошу васъ принять увѣреніе и т. п.»

Письмо это повелѣно было государемъ оставить безъ послѣдствій, а Долгоруковъ приказалъ немедленно достать «Молодую Россію».

20 января 1859 г. Головинъ пишетъ (по-французски) государю: «Мнѣ не надо было переѣзжать черезъ русскую границу, чтобы убѣдиться, что дарованная вами неограниченная амністія имѣетъ ограниченія. Мнѣ не только не хотѣли дать паспорта на пребываніе извѣстное время за границей, къ чему меня вынуждаютъ личныя обстоятельства, но даже отказали упомянуть въ немъ о чинѣ, коимъ я обязанъ своему образованію, и о правахъ, принадлежащихъ мнѣ по рожденію. Ваши слуги, заходя въ своемъ чрезмѣрномъ усердіи дальше вашихъ намѣреній, хотятъ сравнять колыбель съ могилой. Когда вашему величеству угодно будетъ уважить свое императорское слово, ваша милость найдетъ меня уже въ новомъ изгнаніи, навязанномъ мнѣ моими врагами, и я слишкомъ высокаго мнѣнія о вашемъ чувствѣ справедливости, чтобы думать, что эта милость заставитъ себя долго ждать. Мнѣ не первый разъ свидѣтельствовать свое преклоненіе передъ вами. Продолжайте, государь, благодѣтельствовать вашъ народъ. Мое собственное несчастье никогда не заставитъ забыть общественное благо и не помянуть васъ въ своихъ молитвахъ».

16 января Александръ II прочелъ это письмо и... тодько.

Съ начала 1859 г. Головинъ сталъ издавать въ Берлинѣ, на русскомъ языкѣ, журналъ «Благонамѣренный». Въ редакціонномъ заявленіи, онъ сказалъ: «Титулъ нашъ скромнень. Мы не имѣемъ претензіи быть путеводною звѣздой¹⁾, и если намѣренія не составляютъ исполненія, то мы не Атласъ, не можемъ вынести свѣтъ на нашихъ плечахъ. Мы приносимъ только нашъ камень къ общему зданію; на другихъ лежитъ обязанность насъ поддержать. По мѣрѣ ихъ сочувствія и содѣйствія разовьется

¹⁾ Намекъ на «Пол. Звѣзду» Герцена.

успѣхъ нашего предпріятія... «Благонамѣренный» не для всѣхъ писанъ; но что касается до тѣхъ, которые хотѣли бы провести черту по нашей дѣятельности, то они невольнo намъ напоминаютъ стихи Беранже:

«Les insensés se disent. le ciel est beau;
«Soufflons sur sa gloire, comme au grand jour
«On éteint un flambeau ¹⁾».

Впослѣдствіи, въ десятомъ номерѣ, вышедшемъ уже въ 1861 г., Головинъ помѣстилъ еще одно свое profession de foi «*Благонамѣренный*» желаетъ общее благо, а не частное, свободу въ порядкѣ и порядокъ въ свободѣ, что и составляетъ гармонію государственную. Если имя его приняло другое значеніе, то было время не одной Греціи, гдѣ слова добродѣтель и порокъ²⁾ перемѣнили свое значеніе. *Благонамѣренный* не пессимистъ и не оптимистъ, онъ не смотритъ въ увеличительное стекло ни на добро, ни на зло, не увлекается несбыточными надеждами и не предается бесплодному отчаянію. Еще менѣе трезвонитъ онъ поношеніе и ругательство ²⁾). Онъ знакомитъ Россію съ иностранными порядками и проповѣдуетъ не хвастовство національное, а начало общечеловѣческое. У насъ двѣ цѣли или, лучше сказать, одна: благо общее. Но благо общее одни поставляютъ въ социализмъ, другіе въ радикализмъ, третьи въ самоволіи. Слѣдовательно, сказавъ, съ кѣмъ мы не идемъ, мы опредѣлимъ, кто можетъ итти съ нами. Мы не идемъ ни съ кн. Паскевичемъ, ни съ гр. Шуваловымъ, мы не хотимъ англійской аристократіи, она основана на майоратахъ, а майоратъ основанъ на предположеніи, что старшій сынъ способнѣе младшихъ, потому что ихъ родители были при ихъ зачатіи въ большей силѣ тѣлесной и умственной, не взирая на то, что отцу могло быть 18 или 20 лѣтъ, когда у него родился старшій, а 40, когда родился младшій сынъ. Мы станемъ скорѣе за стремленіе награждать болѣе младшаго сына, какъ слабѣйшаго. Мы не идемъ съ Кошелевымъ, утверждающимъ, что вся Россія убѣждена, что одно самодержавіе можетъ упрочить порядокъ и благосостояніе. Мы за народную представительность, но противъ заговоровъ и насилій. Мы желаемъ, чтобъ самъ государь убѣдился, что намъ нуженъ коренной законъ и что мнѣнія должны быть уважены, такъ чтобы никто не могъ пострадать за свои убѣжденія. Мы допу-

¹⁾ Безумцы говорятъ: небо прекрасно, погасимъ его славу, какъ среди дня гасятъ факель.

²⁾ Намекъ на «Колоколь» Герцена.

скаемъ, что республика была бы у насъ какою-то политическою распутницею, а потому мы не за одно съ ея проповѣдниками. Мы откормленныхъ волковъ предпочитаемъ голоднымъ. Прибавьте, если хотите слово *прогрессистъ* къ нашему титулу и продлите намъ вашу благосклонность въ арифметической или въ геометрической прогрессіи».

«Благонамѣренный» выходилъ въ очень неопредѣленные сроки и свои двѣнадцать книжекъ растянулъ на четыре года, начавшись въ 1859 г. и окончившись въ 1862 г.

Всѣ книжки состояли изъ сочиненій самого Головина, самозванно подписывавшагося иногда «Князь Ховра». Каждая поражаетъ своею хлестаковскою болтовней и поразительной безсодержательностью. Это—типичный результатъ самой болѣзненной графоманіи; не мудрено, что издателя на журналъ не нашлось и Головину пришлось вести его на свои деньги въ убѣжденіи, что онъ создаетъ большое дѣло. Подписка шла изъ рукъ вонъ плохо, настолько, что въ восьмомъ номерѣ Головинъ вдругъ рѣшилъ покаяться. Сначала онъ напечаталъ такое письмо, полученное, якобы, отъ какого-то *В. П.*: «Милостивый Государы! Васъ не оцѣняютъ въ Россіи; но оцѣнили ли васъ въ двадцать лѣтъ вашего пребыванія за границею? Когда вы издали *Духъ политической экономіи* въ Парижѣ, вамъ говорили: «у насъ довольно своихъ экономистовъ» (Россія итальянецъ). Когда вы издали *Науку политики*, журналы писали: «послѣ Руссо ничего въ этомъ родѣ не можетъ быть новаго». (Я это читалъ въ «*Revue Indépendante*»). Когда же вы написали «*La Russie sous Nicolas*» васъ перепечатали и перевели нѣмцы, ибо тогда еще не было международнаго договора запрещающаго поддѣлку. Въ Англіи васъ хвалили, покуда вы не становились въ рядъ англійскихъ писателей; а когда вы въ Америкѣ задумали издавать журналъ «*Europeau Mail*», какой то колбасникъ написалъ, что это будетъ русскій паштетъ съ юфтовымъ соусомъ. Вы посвятили *Руководство къ торювалъ* Кокореву, а онъ такъ запуганъ, что и не посмѣлъ обратить на него вниманіе, и мы глотаемъ желчь Искандера, думая, что онъ такъ богатъ, что пишетъ изъ убѣжденія, а не изъ за денегъ, но *tout vient à point à qui sait attendre* ¹⁾ и вашихъ читателей не надо считать, а вѣсить. Итакъ, не переставайте!».

Затѣмъ шель отвѣтъ Головина: «Благодарю за участіе, но не составляю себѣ иллюзіи насчетъ моей популярности. Откуда могла она произойти? Я двадцать лѣтъ бранилъ все въ Россіи, не

¹⁾ Все приходитъ во-время къ тому, кто умѣетъ ждать.

однихъ взяточниковъ, но и барынь и литераторовъ, а за истину благодарности ждать нельзя. Если я и перенесъ кое что за общее дѣло, за прогрессъ, то все таки мѣня не *оттаскали*, не сломили и даже не успѣли оклеветать, а жизнь за границей, немного репутаціи, приобрѣтенной въ кругу французскихъ или итальянскихъ или польскихъ мыслителей сдѣлали мнѣ болѣе завистниковъ, нежели друзей. Спаси, Господи, отъ друзей, а отъ враговъ я самъ спасусь. Лѣтъ черезъ тридцать, можетъ быть, отдадутъ и мнѣ справедливость, а покуда популярность принадлежитъ тѣмъ, которымъ мнѣ завидовать нельзя, ни по происхожденію, ни по стремленію. *Гдѣ намъ св нилми!*

Ясно, какъ страдалъ Головинъ, видя свой полный неуспѣхъ, какъ мало понималъ онъ истинную его причину и какъ негодовалъ на Герцена и его друзей, бывшихъ какъ разъ въ апогеѣ своей популярности.

30 января (н. ст.) 1859 г. онъ писалъ И. М. Толстому: «Весьма странно, что бар. Будбергъ заставилъ меня съ моею амнистіею приѣхать подъ покровительство посольствъ англійскаго и американскаго. Онъ хотѣлъ сдѣлать изъ этого дѣло личное и уничтожить такимъ образомъ то, что повелѣлъ государь императоръ. Развѣ только поведеніе г. Фонтонна въ гамбургскомъ банкѣ скандалезнѣе этого. Вамъ угодно было меня спросить, какимъ образомъ я понималъ, что мнѣ слѣдовало покориться? Я вамъ скажу на это, что я приѣхалъ въ Берлинъ съ 30 франками и что братъ мой оставилъ меня съ 40 франками. Это не касается правительства. Равнымъ образомъ въ томъ, что я просидѣлъ паспортъ; дѣло касалось меня и, когда я былъ въ состояніи возвратиться въ Россію, баронъ Будбергъ объявилъ берлинской полиціи, что у мѣня два паспорта, какъ будто бы это былъ случай двоеженства. Какъ бы не была мала моя дѣятельность, я не могу и не долженъ мѣнять ее на еще малѣйшую. Я не игрокъ и не могу предоставить случаю вопросъ о томъ, въ качествѣ кого я долженъ возвратиться въ Россію, да и это качество должно быть прописано въ паспортѣ. Я бы желалъ, чтобы другіе имѣли столько искренности, сколько ее у меня всегда было. Мой Севастополь держался долго и испыталъ двадцать лѣтъ осады и какую славу извлекли изъ этого мои противники?»

«Никто не вѣрится въ реформы, тогда какъ тѣ, которые ихъ требовали первыми, послѣдними вызываются изъ изгнанія. Въ одномъ письмѣ сообщенномъ мною г. Балабину, императорское правительство выразилось, что прошедшее забыто. Мнѣ нелегко забыть мои страданія, но тогда мнѣ слѣдовало-бы дать паспортъ дворянина, а не галерника. Я не зналъ, что нѣтъ *ни одною чело-*

отка въ Россіи, который не долженъ отдавать отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ III Отдѣленію, но на основаніи вашихъ словъ я оставилъ Англію и только тогда возвращусь туда, когда вы мнѣ скажете, что вамъ не позволяютъ сдержать своего слова».

30 января (ст. ст.) и это письмо было доложено Александру II кн. Долгоруковымъ.

Головинъ долго ждалъ исхода своего дѣла и, наконецъ, думая, что всему мѣшаетъ баронъ Будбергъ, обрушился на него письмомъ по адресу Долгорукова отъ 8 мая:

«Изъ исторіи Лифляндіи видно, что Будберги измѣняли и Швеціи, и своимъ друзьямъ. Баронъ Будбергъ, нынѣ посолъ въ Берлинѣ, не кончилъ курса въ Domschule въ Ревелѣ, а посему и не имѣетъ элементарныхъ познаній. Товарищи его замѣчали, что онъ не одаренъ мужествомъ, а потому онъ всегда боится, чтобъ кто-нибудь его ударилъ. Будучи секретаремъ посольства, онъ отказываетъ, въ паспортѣ въ Россію политическому выходцу, которому посолъ велѣлъ дать паспортъ, и тѣмъ обращаетъ на себя вниманіе правительства. Потомъ издаетъ онъ за свой трудъ, писанный другимъ. Украшаясь такъ павлиными перьями, онъ вводитъ въ заблужденіе начальство о своемъ достоинствѣ. Баронъ Мейендорфъ снискиваетъ любовь всѣхъ въ Берлинѣ, баронъ Будбергъ заслуживаетъ ненависть всѣхъ. Въ Вѣнѣ пріѣзжаетъ къ нему съ рекомендательнымъ письмомъ гр. Адлерберга соотечественникъ нумизматикъ, служащій при герольдіи. Будбергъ ему говоритъ, что Россія слишкомъ велика, чтобы заниматься такими пустяками (Künpstelein). Съ барономъ Симони онъ говоритъ объ Шлезвигѣ, и спрашиваетъ его гдѣ онъ набрался столько учености. Такъ какъ это было сказано съ колкостью, то Симони и отвѣтилъ ему колко, а баронъ Будбергъ представилъ графу Орлову отдать его подъ надзоръ полиціи въ то самое время, когда король прусскій назначилъ его своимъ камергеромъ. Съ врожденною ненавистью ко всякому прогрессу, баронъ Будбергъ долженъ былъ имѣть непріятное столкновеніе съ Головинымъ. Недолго передъ тѣмъ онъ требовалъ, чтобы комедія Вольсфона «Душа» была запрещена, и только князь Лобановъ помогъ сочинителю. Имѣя непріятное сообщеніе для Головина, онъ не могъ его сдѣлать письменно, а кланяться палкою на улицѣ и высылать его изъ Берлина было верхъ неистовства».

Черезъ пять дней Головинъ пишетъ Толстому изъ Висбадена, что назначеніе гр. Строганова новороссійскимъ генераль-губернаторомъ наполняетъ радостью всѣхъ, проситъ визировать его англійскій паспортъ и непременно отвѣтить. И это письмо было доложено государю.

Не прошло мимо послѣдняго и письмо Головина къ Суворову, въ которомъ, жалуясь на произволъ остзейцевъ, онъ просилъ заступничества. Его приказано было оставить безъ послѣдствій. Такая же участь постигла и обращеніе за помощью къ одному изъ вліятельныхъ чиновниковъ III Отдѣленія, Кранцу. Когда же Головинъ обратился къ гр. Строганову съ просьбой опредѣлить его на службу, подъ его начальствомъ, новороссійскій и бессарабскій сатрапъ просилъ Долгорукова не дѣлать этого, такъ какъ онъ не хотѣлъ имѣть у себя такого подчиненнаго... Видя неудачу по всѣмъ фронтамъ, Головинъ 26 сентября снова написалъ самому государю очень льстивое посланіе, въ концѣ котораго умолялъ дать ему паспортъ съ прописаніемъ чина и званія. Александръ II приказалъ «оставить безъ послѣдствій».

Въ концѣ 1859 г. Головинъ рѣшилъ жениться. Его невѣста, дочь генераль-лейтенанта Александра Гессе, 7 ноября 1859 г. обратилась къ государю съ такой телеграммой: «Имѣю честь просить васъ разрѣшить мнѣ выйти замужъ за Ивана Головина. Въ виду приближенія поста, беру на себя смѣлость просить объ этомъ по телеграфу». Государь приказалъ сообщить ей, что выборъ мужа вполнѣ зависитъ отъ нея, но и объяснить ей истинное положеніе эмигранта. При этомъ въ дѣлѣ имѣется такая записка Долгорукова: «Не извѣстно ли у насъ, кто дѣвица Гессе, о которой прилагаемую записку отправить неотлагательно. Если неизвѣстно, въ такомъ случаѣ спросить о ней посланника Северина по почтѣ». Вскорѣ стало извѣстно, что жена генерала Гессе, отправилась въ 1855 г. за границу съ тремя дочерьми, изъ нихъ одну звать Александрой. По всей вѣроятности, это—семья начальника рижскаго таможеннаго округа. Этого было мало. Северинъ сообщилъ: «Иванъ Головинъ, натурализованный британскій подданный, прибылъ сюда съ англійскимъ паспортомъ и съ удостовѣреніемъ императорскаго посольства во Франкфуртѣ-на-Майнѣ о переходѣ Гессе въ православіе; сначала этотъ изгнанникъ-памфлетистъ явился къ архимандриту греческой церкви въ Мюнхенѣ, прося обвинять его съ названной дѣвицей. Привыкнувъ обращаться ко мнѣ во всѣхъ дѣлахъ, достойный пастырь послѣшилъ подѣлиться со мной своими сомнѣніями и нежеланіемъ исполнить просьбу. Съ другой стороны, онъ сознавалъ, что религіозный долгъ не позволяетъ ему отказать, разъ соблюдены всѣ требованія закона. Я не колебался укрѣпилъ его въ этомъ послѣднемъ мнѣніи. Въ промежуткѣ времени, получивъ депешу отъ вашего сіятельства, я исполнилъ ее, какъ мнѣ было велѣно. Несмотря на предупрежденіе, которое я счелъ долгомъ сдѣлать, истолковавъ въ этомъ смыслѣ ваше замѣчаніе о

положеніи жениха, бракъ состоялся. Новобрачная не замедлила прислать мнѣ прилагаемое письмо, которое я считаю долгомъ пре-проводить вамъ. Онѣ ѣдутъ въ Штутгартъ. Надѣюсь, что тамъ и распутается вопросъ *о русскомъ паспортѣ и безусловномъ возвра-щеніи на родину*, о чемъ мнѣ говорилъ самъ Головинъ съ полной увѣренностью. Самъ я не счелъ возможнымъ дать ходъ этому за отсутствіемъ приказаній и болѣе основательныхъ свѣдѣній».

Бумага эта была доложена государю.

Александра Головина просила Северина благодарить черезъ Долгорукова государя за разрѣшеніе брака и сообщила, что мужъ ждетъ только паспорта съ указаніемъ чина и знанія.

Черезъ два дня III Отдѣленію сообщили, что въ № 277 «Neue Preussische Zeitung» была напечатана корреспонденція изъ Мюнхена съ рассказомъ о свадьбѣ Головина и съ приведеніемъ телеграммы государя: «Мое императорское родительское благословіе; все забыто и прощено». Долгоруковъ взволновался и предписалъ Северину немедленно навести справки, кто авторъ лживой корреспонденціи. Взволнованный Северинъ отвѣчалъ, что телеграмма съ отвѣтомъ государя не выходила изъ его собственныхъ рукъ, была прочтена брату невѣсты и спрятана, семья же Гессе живетъ въ Мюнхенѣ.

Женившись, Головинъ, новидимому, уже не думалъ о возвратѣ въ Россію. По крайней мѣрѣ, онъ пересталъ вступать по этому поводу къ кѣмъ бы то ни было въ переписку и пререканія.

Свои сношенія съ русскимъ правительствомъ Головинъ возобновилъ 20 января 1861 г.; онъ писалъ государю по-французски:

«Ваше императорское величество. Сегодня богъ даровалъ мнѣ ребенка, и я спрашиваю себя, захочетъ ли ваше величество, чтобы и онъ несъ мою кару? Кару — за какое же преступленіе? За то, что я издалъ политическую экономію, когда ваше правительство само до извѣстной степени поощряетъ печатаніе такихъ сочиненій за границей? Или за то, что я боялся вернуться въ Россію при Вашемъ августѣйшемъ отцѣ да и въ ваше царствованіе, когда передатчикомъ вашей милости явился Будбергъ, натравлявшій на меня полицію того государства, при которомъ онъ былъ аккредитованъ? Отказываюсь вѣрить, чтобы отъ этого должна была страдать и моя жена, которая знала мои чувства къ вамъ и вѣрила въ вашу доброту. Поэтому прошу ваше величество обезпечить право невиныхъ, которые будутъ чтить васъ, несмотря ни на что, но которыхъ легче будетъ воспитать въ чувствахъ благоговѣнія и преданности къ вамъ, ежели они будутъ имѣть передъ собою касающійся ихъ лично актъ справедливости. Если я говорю «справедливость»;

государь, то это потому, что слишком васъ уважаю, чтобъ называть милосердіемъ прощеніе невинныхъ».

Но и это письмо Александръ II приказаль оставить безъ послѣдствій...

Головинъ пробоваль привлечь симпатію со стороны П. А. Валуева, только-что назначеннаго министромъ внутреннихъ дѣлъ и еще никогда не получавшаго его писемъ.

«Ваше Превосходительство! Пожалуйте мнѣ медаль за освобожденіе мужиковъ. Я двадцать лѣтъ трудился надъ этимъ вопросомъ и не моя вина, если крестьянамъ дали столько земли, что они господскую обрабатывать не хотятъ. Вы зачительно облегчите положеніе, дозволивъ, чтобъ свидѣтельства за землю продавались и не дворянамъ. Во дни общественнаго испытанія въ Англіи предписывается народный постъ. Я всегда замѣчалъ, что эта мѣра ведетъ за собой благословеніе Господне. Зачѣмъ не прибѣгать къ ней и у насъ? Въ настоящее время она смягчила бы сердца и навела бы умы на средства спасенія. «На Бога уповай, а самъ не плошай». Если мы перестанемъ платить контрибуцію Франціи, то Англія намъ въ этомъ поможетъ. Нужда солому ломитъ, не только тайные договоры.

«Двору нужны деньги. Прикажете продать Эрмитажъ да перестаньте брать милліоны то изъ одной, то изъ другой казны. Уменьшите число праздниковъ. День празднѣній стоитъ государству столько четвертаковъ, сколько жителей.

«Покровительствуйте эмиграціи. Нѣмцы идутъ въ Балтійскія провинціи, эсты въ Россію, русскіе на Востокъ, татары въ Турцію, да та бѣда, что возвращаются. У насъ недостаетъ рукъ для новаго порядка вещей. Когда увеличится соревнованіе, тогда люди возьмутся за умъ. Въ сорокъ дней ничего не сдѣлаешь съ мужиками, которые въ триста дѣлали мало.

«Пожалуйте другія юстицію и полицію. Воспользуйтесь этимъ случаемъ, чтобы образовать третій классъ народа. Дайте ходъ всѣмъ и всему! Уменьшите армию, она насъ не спасла отъ позорнаго Парижскаго договора, она пожираетъ всѣ доходы, устройте внутреннюю защиту и сохраните одни кадры! Непросвѣщенное войско и числомъ своимъ не побѣдитъ.

«Я давно принялъ на себя роль мирового посредника между государемъ и народомъ, я и долженъ сказать, что неудовольствіе растеть по мѣрѣ неисполненія ожиданій. Безъ радикальныхъ измѣненій вы не остановите начавшейся кризисъ. Чѣмъ долѣе отсрочать банкротство, тѣмъ оно будетъ страшнѣе. Царь не послушалъ дворянство, а теперь и крестьяне его не слушаютъ. На краю бездны паденіе.

«Примите изъявленіе моего глубочайшаго почтенія, *Иванъ Головинъ*».

Черезъ годъ, 1 марта 1862 г., жена Головина обратилась къ посланнику въ Дармштадтѣ Лабенскому со слѣдующимъ французскимъ письмомъ: «Ваше превосходительство, мой мужъ Иванъ Головинъ имѣлъ несчастіе потерять на разныхъ спекуляціяхъ наше маленькое состояніе. Въ настоящее время я и ребенокъ мой лишены всякихъ средствъ. У меня есть родственники въ Россіи, и я хотѣла бы пожить у нихъ, пока мужъ не найдетъ возможность содержать насъ попрежнему. Онъ также желалъ бы вернуться на родину, но я боюсь, что пока ему дадутъ позволеніе, пройдетъ слишкомъ много времени, мнѣ же совсѣмъ нечѣмъ жить за границей. Поэтому будьте такъ добры и любезны пришлите мнѣ русскій паспортъ».

Лабенскій снесся съ Петербургомъ. Государь разрѣшилъ удовлетворить просьбу Головиной. Тогда Головинъ написалъ князю Суворову, не можетъ ли онъ устроить и ему вѣздъ въ Россію. Суворовъ переслалъ прошеніе въ III Отдѣленіе. На немъ рукой Долгорукова: «Высочайше разрѣшено оставить это письмо безъ послѣдствій. Я уже сообщилъ кн. Суворову, что письмо это не заслуживаетъ отвѣта, такъ какъ Головину весьма хорошо извѣстны условія, на коихъ онъ можетъ возвращаться».

20 апрѣля 1862 г. Головинъ пишетъ государю по-французски:

«Государь, я слишкомъ много занимался дѣлами нашей родины, чтобы не знать, сколько добра вы ей сдѣлали. Мнѣ легко благословлять васъ. Поэтому, если, критикуя дѣйствія императорскаго правительства, я въ своихъ нападкахъ когда-либо коснулся особы вашего императорскаго величества, заявляю, что перо мое пошло дальше моей мысли. Если я-позволилъ себѣ личные нападки, выходящія изъ области общественныхъ интересовъ, прошу прошенія у тѣхъ, кого обидѣлъ. У всѣхъ насъ слишкомъ много серьезнаго дѣла для того, чтобы теряться въ мелочахъ. Я охотно внесъ бы мой личный опытъ въ составленіе законовъ о русской печати и въ реформы нашихъ университетовъ. Я такъ много пользовался и злоупотреблялъ одной и такъ много времени потерялъ въ другихъ, что долженъ былъ изучить и сильныя и слабыя ихъ стороны. Не въ моей власти было, государь, стать полезнымъ нашей родинѣ иначе, какъ путемъ гласности. Такъ, по возвращеніи изъ Соединенныхъ Штатовъ я обратилъ вниманіе его императорскаго высочества великаго князя Константина Николаевича на бронированныя суда и форты и послѣднія событія въ Америкѣ доказали, сколько времени можно было бы выиграть, оставивъ деревянные корабли для торговли и давъ этой послѣдней дѣйствительную защиту въ видѣ бронированнаго

флота. Если я въ свое время не воспользовался амнистіей, то это только потому, что къ вашей милости примѣшано было униженіе. Я и теперь былъ бы счастливъ посвятить остатокъ своихъ дней благу нашей родины. Удостойте же, государь, указать мнѣ мѣсто, гдѣ я могу быть наиболѣе полезнымъ, и вѣрьте въ глубину моей искренней преданности».

Резолюція по этому письму уже нѣсколько иная, чѣмъ всѣ прежнія: «принять къ свѣдѣнію»...

18 января 1864 г. Головинъ писалъ изъ Парижа князю Суворову:

«Еще много предстоитъ невинныхъ и ненужныхъ жертвъ по польскому вопросу съ обѣихъ сторонъ.

«Правительство вызываетъ изъ-за границы всѣхъ уроженцевъ западныхъ губерній и они поневолѣ возвращаются, чтобъ увеличить число повстанцевъ. Всѣ повинуются предписаніямъ народнаго жонда; можно сказать по правдѣ, что одни негодяи внѣ всеобщаго движенія. Всѣ чувствуютъ себя глубоко обиженными поведеніемъ защитниковъ порядка. Самые знатные дворяне получаютъ оплеухи отъ русскихъ офицеровъ, разыгрывающихъ роль охотныхъ жандармовъ. Признанные консерваторы готовы принести жизнь въ жертву отечеству.

«Графъ Андрей Замоискій, такой консерваторъ, что при словѣ «революціонеръ» приходилъ въ содроганіе, потерялъ жену, сына и лежитъ при смерти. Половина жестокостей, въ которыхъ укоряютъ поляковъ, выдуманы и не имѣютъ никакого основанія. Большинство не питаетъ никакой вражды къ русскимъ, не вѣритъ, что Россія захочетъ задушить Польшу подъ бременемъ штыковъ, и оставляютъ не только Кіевъ въ покоѣ, но довольствовались бы однимъ королевствомъ, еслибъ могли дать ему права балтійскихъ губерній. Другіе же объясняютъ, что Россія сама обозначила границы Польши, гдѣ только объявила осадное положеніе. Изъ одной Могилевской губерніи послано въ ссылку 8000 человекъ. Всѣ говорятъ, что покойный государь имѣлъ къ смертной казни отвращенія болѣе настоящаго и обращалъ болѣе вниманія на мнѣніе Западной Европы.

«Нѣтъ, герой не бываетъ палачемъ, никогда бы вашъ дѣдъ не одобрилъ Муравьева. Вотъ настоящее положеніе дѣлъ. Всѣ люди долговидные говорятъ, что сильному надо уступить, слабые же пойдутъ всѣ на смерть съ весною. Россія и безъ Польши останется европейскою державою, а теряетъ ее, губя ея народонаселеніе. Вотъ голосъ истины, который не услышите отъ наемныхъ слугъ.

Имѣйте духъ довести его до государя и потомство васъ благословить».

Суворовъ исполнилъ просьбу Головина. Александръ II оставилъ эти совѣты безъ вниманія. 20 декабря Головинъ снова просилъ царя о возвращеніи въ Россію, на что послѣдовала резолюція: «оставить безъ послѣдствій»...

Прошло еще полгода, и Головинъ пишетъ Суворову:

«Князь Александръ Аркадьевичъ, говорятъ, что Пожарскій спасъ Россію отъ поляковъ, кто то спасетъ ее отъ пожаровъ. Ищешь людей, а встрѣчаешь гулякъ пламенныхъ. Съ монаршимъ милосердіемъ я дальше Берлина ѣхать не могъ и опять у вашихъ ногъ.

«Жена и дочь въ Россіи. А еслибъ я пріѣхалъ, куда вы меня посадите: въ крѣпость или на гауптвахту? Отъ комиссіи прошеній отвѣта не дождешься. Дайте точку опоры и я поворочу чѣмъ нибудь. Aux grands meux les grands remèdes ¹⁾. Но если посулятъ и миллионъ за открытіе заговора поджигателей, то безъ средствъ на это не сдѣлаешь. Его надо искать между раскольниками и поляками; въ Могилевской губерніи должны быть данныя. Что Муравьевъ не потушилъ пожара, а зажегъ его—для меня ясно. Прикажите!

«Наполеонъ выстроилъ римскую машину метать камни. Что бы помѣшать льду на огонь. Вся моя энергія издерживается ни на что. Съ галуномъ на воротникъ я бы мало принесъ вамъ пользы въ нѣмецкой странѣ.

«Да не затрогиваютъ они народъ въ Польшѣ, да не крестятъ оци его силой, да не понуждаютъ говорить по-русски, а не то вспыхнетъ пламя, которое не потушишь. Какой политической опытности ожидать отъ издателей «Московскихъ Вѣдомостей» и «Русскаго Инвалида»! Il faut savoir vivre avec ses ennemis ²⁾. Польша—болячка Россіи, а не гнилой зубъ, который можно вырвать. Мы съ каждымъ днемъ лечимся отъ нашего большого недостатка, юности, но какъ бы намъ не потерять избытка нашихъ силъ и не впасть въ преждевременную хилость. Приказчикомъ быть легко, указчикомъ труднѣе. Баронъ Будбергъ такъ привыкъ врать, что у насъ съ нимъ разговоровъ быть не можетъ.

«Если мое время еще не пришло, то я буду знать, жертвовать жизнью и ждать, но если я могу быть полезенъ, то я хочу вамъ однимъ быть обязанъ примиреніемъ моимъ съ родиной».

¹⁾ Большеція страданія излѣчиваются сильными средствами.

²⁾ Нужно умѣть ладить со своими врагами.

На этомъ письмѣ, посланномъ Суворовымъ въ III Отдѣленіе, снова резолюція: «принять къ свѣдѣнію»...

Одновременно Головинъ писалъ наслѣднику и просилъ привести въ ясность его отношенія къ правительству.

Но все было тщетно... Время шло... Головины жили врознь...

32. 10 марта 1866 г. Головинъ пишетъ государю: «Ваше императорское Величество, Государь Всемиловѣйшій! Комиссія прошеній всегда отвѣчаетъ на письма къ Вашему Величеству наперекоръ и все видитъ просьбы объ изыятіи, когда требуютъ только приложенія закона. Два нѣмецкіе барона: Будбергъ да Фелькерзамъ засѣдаютъ въ Парижѣ, два другіе: Бергъ и Брунновъ въ Лондонѣ, въ Вѣнѣ хотъ графъ Штакельбергъ. Всѣхъ нѣмцевъ не перечесть. Чувство русскаго страдаетъ отъ систематическаго предпочтенія нѣмцевъ русскимъ, точно Ваше Величество не Романовъ, а Голштейнъ-Готорпъ. Вѣрно, и Горчаковъ и Долгоруковъ нѣмцы, коли ихъ терпятъ Адлерберги. Кореннымъ русскимъ подобаеъ быть въ изгнаніи. Съ чувствомъ глубокаго прискорбія имѣю честь быть, Государь, вашъ рабъ *Иванъ Головинъ*».

Когда Шуваловъ вслѣдъ за каракозовскимъ покушеніемъ (4 апр. 1866 г.) принялъ мѣсто Долгорукова, Головинъ просилъ его помочь вернуться въ Россію, но не получилъ никакого отвѣта. Черезъ мѣсяць, въ іюнѣ 1866 г., Головинъ пользуется присутствіемъ въ Парижѣ Горчакова вмѣстѣ съ Александромъ II и обращается къ нему съ письмомъ, въ которомъ проситъ опредѣлить его на службу по министерству иностранныхъ дѣлъ, что дасть ему матеріальную возможность жить какъ слѣдуетъ, прибавляя, что въ такомъ случаѣ легче будетъ вернуться и въ Россію. Почти одновременно имъ была подана особая «записка», въ родѣ уже писавшихся раньше его товарищу, Толстому. Привожу ее:

«У поляковъ шесть журналовъ за границей, у русскихъ одинъ: Ле Норъ, да и у того столько же связей съ Франціей, сколько съ Россіей. «Отголоски Русской Печати», какъ всѣ полиглотные журналы, почти не имѣютъ читателей. Нѣтъ событія, котораго бы поляки не истолковали въ свою пользу, сношенія ихъ въ Константинополь, въ Лондонѣ, въ Парижѣ, въ Вѣнѣ съ правительствами или съ людьми съ вліяніемъ многочисленны; у нихъ своя дипломатія, которая вредитъ русской. Поляки, преданные Россіи, или идутъ слишкомъ далеко, или не пользуются никакимъ уваженіемъ, или вовсе неспособны.

«Закрытіе «Колокола» удобный случай для основанія журнала въ Швейцаріи, если не во Франціи. Онъ поставилъ бы себѣ цѣлью сближеніе славянъ съ русскими, распространеніе русскаго вліянія

на Западѣ, и такъ какъ Франція слишкомъ сильна, то онъ умѣрялъ бы это вліяніе. Касательно же русскихъ вопросовъ онъ поддерживалъ бы кредитъ въ Россіи, рекомендуя мѣры, которыя развиваютъ его. Онъ указывалъ бы на удобныя средства просвѣтить Россію какъ можно скорѣе. Трудями учеными онъ поднялъ бы славу русскаго ума. Такой журналъ могъ бы называться «Le Monde Slave» и не представилъ бы жалкую участь «La Nation». Во Франціи такое предпріятіе требовало бы 100.000 рублей, а въ Женевѣ 100.000 франковъ и окупалось бы на второмъ году. Король Ганноверскій и тотъ за умъ взялся, основавъ «La Literation». Бисмаркъ отъ него рвется во всѣ стороны.

«Повели Владыко!

«Еще легче и дешевле было бы воскресить «L'Orient» въ Брюсселѣ и сдѣлать Востокъ вамъ подвластнымъ. Съ малыми средствами можно достигнуть великихъ цѣлей и съ точкою опоры перевернуть свѣтъ».

Но, на возвращеніе Головина въ Россію разрѣшенія не послѣдовало и послу приказано было никакого паспорта ему не выдавать...

Въ теченіе 1867 и 1868 гг. Головинъ довольно дѣятельно корреспондируетъ въ казенный «Варшавскій Дневникъ». Сначала ему платили по 100 руб. въ мѣсяцъ, затѣмъ по 75, потомъ по 50 и, наконецъ, по 20... Денежныя недоразумѣнія съ редакторомъ «Дневника» генераломъ Павлищевымъ Головинъ просилъ разрѣшить главноуправляющаго III Отдѣленіемъ. Послѣднее запросило редактора. Павлищевъ написалъ Головину, что думаетъ повысить его гонораръ и пришлетъ задержанные 20 рублей...

6 февраля 1869 г. Головинъ чуть ли не въ десятый разъ обращается къ милосердію монарха:

«Ваше Императорское Величество, Государь Всемилоствѣйшій! Въ Васъ жалости немного. Я у Васъ прошу не чиновъ и не крестовъ, а позволенія сложить мои кости на родной сторонѣ. Примите въ разсмотрѣніе, что въ моемъ родѣ 160 человекъ положили животъ свой за родину. Знаменитый родъ Романовыхъ не представляетъ такого числа. Вашъ предшественникъ въ преобразованіи Россіи, Петръ, когда миловалъ, такъ миловалъ. Повели, Владыко! *Иванъ Головинъ*».

На этомъ письмѣ, какъ и на послѣдующихъ восьми, была все одна и та же резолюція: «оставить безъ послѣдствій».

Головина это не обезкураживало. 4 юля 1877 г. онъ даетъ царю телеграмму: «Sire, permettez moi d'aller finir mes jours en Russie» (Государь, дозвоьте мнѣ ухъать умирать въ Россію), но и ее поведѣно было оставить безъ отвѣта...

Послѣдній разъ Головинъ просилъ о помилованіи уже Лориса-Меликова, который и представилъ докладъ 18 сентября 1880 г., но, попрежнему, ничего не вышло, и Головинъ такъ и умеръ въ Парижѣ въ 1890 г.

15 апрѣля 1872 г. нашъ ниццскій консулъ донесъ парижскому послу кн. Н. А. Орлову, что наканунѣ къ нему явился извѣстный эмигрантъ Иванъ Головинъ и «вызвался за нѣкоторую сумму денегъ сообщить мнѣ извѣстіе, имѣющее, какъ говоритъ онъ, государственную важность. Хотя личность г. Головина и не внушаетъ особеннаго довѣрія, но какъ требуемая имъ сумма не превышала моихъ средствъ, то я рѣшился удовлетворить этому требованію и получилъ отъ Головина, въ видѣ проекта, для моего в. с.—ву донесенія записку, въ подлинникѣ при семъ представляемую». Консулъ спрашивалъ дальнѣйшихъ указаній.

Собственноручная французская записка Головина гласила: «Получивъ конфиденціальное сообщеніе о томъ, что Нечаевъ имѣетъ намѣреніе покуситься на жизнь нашего государя (начиная съ пребыванія въ Эмсѣ), я полагаю, что, если онъ до сихъ поръ не былъ арестованъ, то это произошло благодаря негодности агентовъ и его собственнымъ хитростямъ. Я думалъ, что никто не можетъ въ большей мѣрѣ успокоить его величество, чѣмъ №...., который въ курсѣ дѣлъ интернаціонала, покровительствующаго Нечаеву, полякамъ, а также русской эмиграціи, и который въ дѣлѣ подобной важности склоненъ проявить необходимую преданность. Будьте любезны отвѣтить мнѣ по телеграфу: долженъ ли я просить его выхъать въ Швейцарію, снабдивъ необходимыми средствами».

Орловъ просилъ распоряженій шефа жандармовъ. Гр. П. А. Шуваловъ помѣтилъ: «это—вздоръ, отклонить, присовокупивъ, что мы готовы заплатить за всякое полезное указаніе, если оно подтвердится. и тогда только, когда оно нами будетъ провѣрено».

Консулъ просилъ о возвратѣ выданныхъ имъ Головину 200 фр., что и было исполнено III Отдѣленіемъ.

Въ ноябрѣ 1874 г. в. кн. Николай Николаевичъ старшій препроводилъ III Отдѣленію письмо Головина, въ которомъ тотъ убѣждалъ остерегаться войны и назначить гр. Шувалова министромъ иностр. дѣлъ.

29 іюля 1875 г. Головинъ писалъ Мезенцову о своихъ проектахъ по тушенію пожаровъ; оставлено безъ послѣдствій и отвѣта (Архивъ III Отд. С. Е. И. В. канц. 3 эксп. 1872 г., дѣло № 57).

31 декабря 1875 г. лейпцигскій издатель Э. Л. Каспровичъ предложилъ шефу жандармовъ субсидировать проектированный имъ

журналъ «Оборона» «подъ редакціей знакомаго всѣмъ и заслуженнаго русскаго писателя». III Отдѣленіе отказалось.

Въ январѣ 1876 г. дворянскимъ предводителемъ былъ разосланъ печатный проспектъ объ этомъ журналѣ, который, въ виду его библиографической рѣдкости, воспроизвожу буквально:

«ОБОРОНА».

Еженедѣльный антинигилистическій органъ.

Редакторъ

Иванъ Головинъ.

«Не посрамимъ земли русской. Станемъ твердо, станемъ крѣпко» за себя и Русь святую. Не заплатимъ черную неблагодарностію за величайшее благо сего міра—свободу—покажемъ себя ей достойными. Ветеранъ эмансипаціи Н. И. Шургеневъ мнѣ говорилъ: «За освобожденіе мужиковъ я прошу все Государю». Если вышла кабала и кабала, то Россія не сошлась клиномъ и найдетъ земли для вознагражденія пострадавшихъ *меньшихъ* братьевъ, а сколько дворянъ вышли изъ великаго дѣла съ сумою? Пушкинъ приковалъ къ столбу позора убійцъ Павла I; Поляки хвалились тѣмъ, что никогда не наложили руки на своихъ царей, а у насъ носились проповѣдники цареубійства. Объ насъ говорятъ что мы ни въ чемъ не знаемъ мѣры, ни въ униженіи, ни въ гордости. У Испанцевъ же пословица: «Плюй въ небо, въ лицо тебѣ упадетъ». Мы не выходимъ поборниками за бога ¹⁾ но мы чистосердечно не любимъ коммунизмъ, позитивизмъ, нигилизмъ и будемъ опровергать эти ученія по силамъ. Да помогутъ намъ друзья отечества, которые не упали изъ одной крайности въ другую, изъ рабства въ нелѣпость!

Цѣна за нумеръ 20 коп. сер.=50 фениговъ.

Подписка принимается въ книжномъ магазинѣ Э. Л. Каспрояча въ Лейпцигѣ. Этотъ-же адресъ для писемъ и посылокъ. (Архивъ III Отд. С. Е. И. В. канц. 3 эксп. 1875 г., дѣло № 321).

Въ заключеніе приведу нѣсколько цитатъ изъ головинской книги о русскомъ нигилизмѣ.

«Я въ теченіе многихъ лѣтъ противостоялъ всѣмъ предложеніямъ написать что либо подобное этой книгѣ. Не успѣлъ я лѣтъ

¹⁾ См. «Philosophie-Religion» сочиненіе 13-лѣтняго ребенка (Paris, A. Ghio). *Голов.*

двадцять назадъ написать нѣсколько строкъ о Герценѣ, какъ онъ ужъ поднялъ крикъ 'о «моей болтливости». Поэтому мнѣ понадобилось время, чтобы разобраться въ этомъ вопросѣ и прийти къ убѣжденію, что все, рѣшительно все должно быть предано гласности, ибо человѣкъ, посвятившій себя общественной дѣятельности, не принадлежитъ болѣе себѣ, но своимъ соотечественникамъ и согражданамъ. Конечно, у каждого есть свои недостатки, но, вѣдь, «человѣку свойственно ошибаться», и надо лишь стараться поступать такъ, чтобы совѣсть наша не упрекала насъ. Во время моей близости съ Герценомъ, продолжавшейся много лѣтъ, мы обмѣнивались съ нимъ многими мыслями, и именно благодаря тому, что мы не всегда бывали согласны между собою, мнѣнія эти приобрѣтають особенную цѣнность. Мы не сдѣлались ни Шиллеромъ или Гете, ни Вольтеромъ или Руссо, но остались самими собою, и, благодаря именно этому сохраненію своей индивидуальности, мы и представляемъ собой нѣкоторый интересъ»...

...«Относительно Бога, провидѣнія, дворянства и коммунизма мы съ Герценомъ придерживались различныхъ мнѣній, такъ какъ исходили изъ различныхъ точекъ».

...«Я считаю своимъ долгомъ изложить все, что возбуждаетъ сомнѣнія, въ особенности теперь, когда Россія стоитъ наканунѣ великихъ событій. Я не всегда бывалъ правъ, но искреннимъ былъ всегда, и буду также и теперь, принимая порицаніе Герцена, точно такъ же какъ и его одобреніе».

«У Герцена было горячее сердце, и скоро стали говорить, что голова (мое имя по-русски значитъ «голова») и Герценъ представляютъ сердце (Herzen), если не всѣхъ русскихъ, то по крайней мѣрѣ русскихъ эмигрантовъ»...

33. Фигура Голицына набросана Герценомъ ярко, но не полно, а въ литературѣ о немъ разбросано не мало разнообразныхъ штриховъ, которые дорисовываютъ эту своеобразную личность и даютъ многое для ея пониманія. Разумѣется, я не буду долго останавливаться уже на напечатанномъ, но дополню свѣдѣнія о князѣ совершенно новыми матеріалами, однако, не вездѣ считая возможнымъ ограничиться простой ссылкой на литературные источники.

Дочь Голицына откровенно указала, что дѣдъ ея «мало или, лучше сказать, совсѣмъ не заботился о своемъ сынѣ» («Рус. Стар.» 1897, III, 520). Потерявъ обожаемую мать очень рано, мальчикъ былъ воспитываемъ самыми безобразными способами, закончивъ свое образованіе, послѣ многихъ частныхъ пансіоновъ, въ пажескомъ корпусѣ (1841 г.) 17 лѣтъ; 18-ти онъ уже женился, въ чемъ потомъ видѣлъ свое несчастіе, потому что «погубилъ ту, которую

судьбѣ угодно было назначить ему въ подруги («Прошедшее и настоящее», 96). Неудержная жизнь, непомятые расходы и карточная игра привели къ громаднымъ долгамъ.

19 декабря 1844 г. кн. Александръ Голицынъ препроводилъ министру вн. дѣлъ всепод. прошеніе колл. сов. кн. Николая Голицына о наложеніи опеки на имѣніе сына его Юрія до совершеннаго погашенія всѣхъ его долговъ. Министръ сообщилъ, что можетъ ограничиться только доведеніемъ объ этомъ до свѣдѣнія дворянскаго собранія. 8 апрѣля 1845 г. тамбовскій губернаторъ донесъ, что дѣло передано имъ губернскому предводителю. Изъ собранныхъ губернаторомъ свѣдѣній оказывалось, что тестъ кн. Юрія Н. Голицына Н. Бахметевъ, подтвердивъ показаніе князя-отца о расточительной жизни Юрія, дополнилъ, что учрежденіе опеки необходимо, а попечитель его Потемкинъ ничего противъ не имѣетъ. При вступленіи Юрія Голицына въ бракъ попечитель допустилъ его до займа 60,000 руб. асс. «для полнаго обзаведенія» и поручился въ исправномъ ихъ платежѣ, уплативъ, по просрочкѣ, свои деньги; ставъ же кредиторомъ молодого князя, Потемкинъ «устраняетъ себя отъ всякаго по сему дѣлу вліянія». Имѣніе молодого князя въ Усманскомъ у., заключавшееся въ 1432 душахъ, заложено въ Спб. опекунскомъ совѣтѣ всего за 79,767 р. 41 к. сер.; въ гражданской палатѣ на имѣніи значится множество запрещеній; частныхъ долговъ за княземъ около 50,000 руб., а арендные за имѣніе деньги получены за много лѣтъ впередъ и уже прожиты. Служить Юрій Голицынъ въ канцеляріи тамбовскаго губернатора, и послѣдній не получалъ жалобъ на него ни отъ отца, ни отъ кого другого. Опекунами его состояли сначала кн. Салтыковъ, потомъ оберъ-камергеръ гр. Головкинъ, оберъ-гофмаршалъ Нарышкинъ и избранный ими обоими сенаторъ Болгарскій. Опекуны представили въ 1832 году, что кн. Н. Голицынъ, «несмотря на высочайшую волю, не только отрекся отъ сдачи имъ сыновняго имущества, но, домогаясь участія въ опекѣ, явился самъ въ его имѣніе и, съ помощью повѣреннаго своего Попова, произвольно забравъ къ себѣ, всѣ безъ изъятія, съ онаго доходы, распродалъ всѣ хозяйственныя заведенія и оныя отдалъ на нѣсколько лѣтъ въ аренду и взялъ впередъ за оныя деньги, даже продалъ солому, необходимую для продовольствія скота; за деньги отпустилъ нѣкоторыхъ крестьянъ на волю, а другихъ освободилъ отъ рекрутства и разстроилъ имѣніе до того, что они не предвидятъ возможности уплачивать изъ доходовъ отцовскіе долги и воспитывать малолѣтняго сына, и что таковыя дѣйствія кн. Голицына къ разоренію имѣнія продолжаются и по сіе,—прибавлялъ губернаторъ,—время; усманскій у. судъ не-

имовѣрно потворствовалъ ему, а у. предводитель дворянства, при всѣхъ со стороны ихъ, опекуновъ, настоянїяхъ не принималъ участїа въ малолѣтнемъ. Дѣло было доводимо до государя, посылался на слѣдствїе штабъ-офицеръ корпуса жандармовъ съ чиновникомъ отъ губернатора. Слѣдствїе выяснило «непорядочное управленїе кн. Голицына имѣнїемъ, принадлежавшимъ его сыну Юрію, и потому, по выс. повелѣнїю, князь-отецъ былъ отправленъ въ Спб. съ адъютантомъ корпуса жандармовъ поруч. Ашенбреннеромъ, а самое слѣдствїе отъ 23 мая 1834 года препровождено въ Спб. губерн. правленїе съ донесенїемъ прав. сенату.

3 іюля 1845 г. напуганный отецъ писалъ министру, что дворянское собранїе въ іюнѣ «не почло себя въ правѣ наложить опеку такую, какую я желаю, т.-е. съ приличнымъ содержанїемъ моему сыну, ибо здѣсь можетъ быть примѣненъ только законъ о расточительствѣ, который, кромѣ того, что налагаетъ пятно на осужденнаго, не позволяетъ отдѣлїть въ его пользу малѣйшую часть доходовъ, покуда всѣ долги не уплачены. Но такъ какъ я никогда не желалъ того, чтобы сынъ мой былъ лишень средствъ къ содержанїю своего семейства, а еще менѣе желалъ его опозорить, то рѣшилъ я не представлять никакихъ документовъ, ни доказательствъ, на которыхъ я основывалъ необходимость опекунскаго управленїа, и просилъ г. губ. предводителя дворянства склонить гг. дворянъ, чтобы они только внушили сыну моему, чтобы онъ впередъ былъ бы осторожнѣе и заботился болѣе объ уплатѣ своихъ долговъ. Тѣмъ болѣе былъ побужденъ къ этому, что и обстоятельства тому способствовали, ибо недоимка, по высоч. соизволенїю, причислена къ капитальному долгу, да и самъ сынъ мой возвратился совершенно къ добрымъ чувствамъ, явилъ живѣйшее раскаянїе прежнимъ заблужденїямъ, которыя болѣе можно отнести къ неопытности, и я остался имъ чрезвычайно доволенъ при семъ случаѣ; дѣло же приняло то направленїе, которое я желалъ и которое подѣйствовало сильно на чувствительное и доброе сердце моего возлюбленнаго сына». На «внушенїи» дѣло и кончилось (Архивъ мин. вн. дѣлъ, дѣло деп. полицїи исполн. 1844 г. № 471).

Между тѣмъ, молодой человекъ, несомнѣнно, нуждался въ правильности и твердости направленїа, чтобы выявить, можетъ быть, громадный музыкальный талантъ; еще въ корпусѣ онъ дирижировалъ кадетскимъ хоромъ, а потомъ, держа свой хоръ изъ крѣпостныхъ, привлекалъ къ нему общее вниманїе, но жизнь была сложена, искажена, настоящаго пути съ твердою по немъ поступью Голицынъ такъ никогда и не имѣлъ. Объ его концертахъ до бѣгства за границу (см. «Библ. для Читенїа» 1854 г. т. 126, 105—106;

«Рус. Стар.» 1905, V, 442—444; «Рус. Стар.» 1897, I V, 176 и т. д.) писалось, говорилось; онъ ѣздилъ въ 1858 г. за границу, былъ у Листа, въ Америкѣ, искалъ музыкальнаго дѣла, но при своемъ положеніи и тогдашней эпохѣ не могъ его найти («Р. С.» 1888, III, 349). За нѣсколько лѣтъ до Крымской войны онъ былъ избранъ тамбовскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства, и, конечно, съ своимъ честнымъ и прямымъ характеромъ не умѣлъ ладить съ властью и съ нѣкоторыми помѣщиками. По свидѣтельству объективнаго современника, въ письмѣ къ своему другу, «Голицынъ съ жаромъ принялся за свою должность и—чего, можетъ быть, трудно было ожидать отъ него,—серьезно взялся за нее; конечно, онъ видѣлъ въ этомъ и свою собственную выгоду. Имѣя только чинъ губернскаго секретаря, ему необходимо было выслужиться путемъ выборовъ въ продолженіе нѣсколькихъ трехлѣтій; стремленіе къ собственной и общей пользѣ сдѣлало изъ него прекраснаго предводителя; учрежденіе на свой счетъ особаго стола при дворянской канцеляріи для ходатайства по частнымъ дѣламъ дворянъ, разъѣзды по губерніи для знакомства и узнанія нуждъ дворянъ, заботливость объ исправномъ содержаніи больницы приказа и проч.,—все это приобрѣло ему искреннюю любовь большаго числа помѣщиковъ и не мало способствовало перемѣнѣ прежней славы о немъ. Съ такимъ направленіемъ, соединеннымъ съ усиленнымъ чувствомъ собственного достоинства, несмотря на прорывавшіяся еще школьническія проказы, онъ скоро долженъ былъ наткнуться на губернатора Булгакова, свыкшагося уже съ своимъ продолжительнымъ единовластіемъ». Голицынъ нѣсколько разъ давалъ губернатору понять, что считаетъ волю дворянства выше его приказовъ, и т. п. Булгаковъ отвѣчалъ приказомъ, запрещающимъ въ уѣздахъ и городахъ встрѣчать губ. предводителя въ мундирахъ. «Голицынъ вспомнилъ Пажескій корпусъ и прибилъ этотъ приказъ къ своей двери. Всѣ хотали, а губернаторъ послалъ объ этомъ чуть ли не эстафету министру вн. дѣлъ, но очень неудачно, потому что Голицынъ былъ уже въ СПб. и успѣлъ сдѣлать изъ этого забавный анекдотъ, которому никто бы не повѣрилъ, если бы не пришло донесеніе Булгакова». Въ концѣ концовъ, власть приняла сторону губернатора. Голицына не спасло и появленіе его въ СПб. съ 500 лошадьми, принесенными въ даръ тамбовскимъ дворянствомъ при самомъ объявленіи войны, и то, что государь былъ очень радъ показать это пожертвованіе иностраннымъ дипломатамъ (Архивъ III Отд. С. Е. И. В. канц. 1 эксп. 1855 г., дѣло № 269), а въ 1854 г. былъ причисленъ къ мин. вн. дѣлъ на все время производства слѣдствія по обвиненіямъ его со стороны управляющаго его имѣніемъ Сычева въ же-

стокомъ обращеніи съ крестьянами, оскорбленіи постороннихъ и особенно своихъ заимодавцевъ. Доносъ не подтвердился и въ 1856 г. было приказано дѣло прекратить. За это время, въ 1855 г., Голицынъ былъ зачисленъ въ 45 дружину государственнаго ополченія Курской губ. штабсъ-капитаномъ съ оставленіемъ въ званіи камергера и съ назначеніемъ состоять при ген.-ад. кн. Горчаковѣ; въ октябрѣ 1856 г., за расформированіемъ ополченія, причисленъ къ мин. вн. дѣлъ.

Въ ополченіе князь отправился, благодаря своимъ душевнымъ переживаніямъ, очень подробно рассказаннымъ имъ самимъ въ «Запискахъ». Жена отошла на задній планъ—любовь одной, потомъ другой дѣвушки заронила въ его душу новыя переживанія. Чтобы остаться человѣкомъ съ внутреннимъ содержаніемъ, надо было ставить свою жизнь на-ново. Дочь знакомаго и управляющаго его имѣніемъ Юлія Михайловна Колемина дала ему на это силы, приняла на себя трудъ такой перестройки, но все это давалось не сразу и нелегко.

Въ февралѣ 1857 г. тетка Голицына Т. Б. Потемкина, пользовавшая особымъ влияніемъ при дворѣ и въ III Отдѣленіи, просила государя уберечь имѣніе кн. Юрія Черкутино отъ продажи за долги, такъ какъ цѣнность имѣнія (1000 душъ и 8000 десятинъ) значительно превышала задолженность (150,000 р., изъ нихъ половина казнѣ).

Въ апрѣлѣ 1858 г. Голицынъ былъ уволенъ «по болѣзни» за границу на 6 мѣсяцевъ, а въ ноябрѣ перемѣщенъ въ вѣдомство учрежденій имп. Маріи съ назначеніемъ почетнымъ членомъ Спб. совѣта дѣтскихъ пріютовъ. Въ Европѣ онъ дѣлалъ развѣдку для устройства новой будущей жизни. Тогда же познакомился съ Герценомъ. 19 ноября 1858 г. директоръ канцеляріи военнаго министерства увѣдомилъ Тимашева, что писарь канцеляріи Григорьевъ переписывалъ для Голицына статьи изъ «Колокола» и для этого журнала. Послѣ розыска оказалось, что князь отправилъ Герцену нѣсколько статей: а) о рекрутскихъ квитанціяхъ; б) о помѣщикахъ Пензенск. губ. Катковѣ; в) о сохраненіи лѣсовъ въ Пензенской губерніи; г) о винокуренномъ заводѣ въ имѣніи Обрескова; д) о взяткахъ, платимыхъ «Москов. Вѣд.» почтамту, и е) о состояніи губернскихъ комитетовъ, преимущественно тамбовскаго, а также довольно горячее письмо въ защиту государя отъ нападокъ «Колокола», особенно послѣ статьи о «топорахъ», очень взволновавшей и не только князя. Статьи а, б, в и е напечатаны въ «Смѣсли» лл. 32—33 «Колокола». 24 ноября Долгоруковъ доложилъ все царю и написалъ на бумагѣ военнаго министерства: «Высочайше пове-

лѣно кн. Юрія Голицына обязать подпискою, чтобы онъ выѣхалъ отсюда Тамбовской губ. въ г. Козловъ и тамъ находился на жительствѣ впредь до особаго разрѣшенія его величества, а также, чтобы онъ прекратилъ свои сношенія съ Герценомъ и представлялъ мнѣ всѣ письма, которыя будетъ отъ него получать. Милостивое это рѣшеніе послѣдовало единственно во вниманіе къ чувствамъ, выраженнымъ кн. Голицынымъ во второмъ его письмѣ къ Герцену». Разумѣется, отъ службы въ вѣд. учр. имп. Маріи князь былъ уволенъ и лишенъ званія камергера. Въ январѣ 1859 г. шефъ жандармовъ предложилъ тамбовскому губернатору установить негласное наблюденіе за Голицынымъ и прибывшими въ его имѣніе тремя иностранными музыкантами. Долгоруковъ просилъ притомъ «заботиться, чтобы вышеозначенная мѣра не получила огласки», и «извѣстить о ней секретно только тѣхъ лицъ, которыя должны будутъ имѣть непосредственный надзоръ за исполненіемъ оной». Зная, что по дѣламъ имѣнія въ Усманскомъ у. Голицыну нужно бывать въ Тамбовѣ, губернаторъ, съ вѣдома III Отдѣленія, разрѣшалъ ему эти непродолжительныя поѣздки.

Когда въ № 47 «Колокола» (отъ 1 іюля 1859 г.) была помѣщена статья «Эмансипаторъ князь Ю. Н. Голицынъ», князь написалъ очень пространное возраженіе и просилъ тамбовскаго губернатора исходатайствовать ему право напечатать его въ одномъ изъ русскихъ «внутреннихъ» журналовъ. III Отдѣленіе взглянуло на дѣло иначе и просило губернатора «узнать осторожнымъ образомъ и безъ огласки», какимъ способомъ князь получаетъ возможность читать «Колоколъ»; одновременно былъ сообщенъ отказъ въ помѣщеніи статьи гдѣ бы то ни было, а тѣмъ болѣе въ самомъ «Колоколѣ», и дано приказаніе провѣрить слухи о вообще неблагонадежномъ поведеніи Голицына. Губернаторъ сообщилъ, что князь ведетъ себя хорошо, а откуда беретъ «Колоколъ», узнать никакъ нельзя.

Въ ноябрѣ 1859 г. Голицынъ просилъ Долгорукова перевести его въ Пензенскую губ., въ имѣніе жены, такъ какъ жить безъ семьи онъ не хотѣлъ, а найти въ Козловѣ семейную квартиру не могъ; государь отказалъ. Князь рѣшительно порываетъ съ прошлымъ, сходится съ Колеминою и собирается бѣжать изъ Россіи. Вызвана жена, съ нею обо всемъ переговорено, все выяснено. Составленный планъ бѣгства, конечно, очень курьезный, приводится въ исполненіе.

Въ концѣ января 1860 г. онъ пріѣхалъ въ Тамбовъ, пробылъ тамъ нѣсколько дней, видѣлся съ губернаторомъ и сказалъ, что возвращается въ Козловъ; однако, черезъ нѣсколько дней обна-

ружилось, что, князь отправился по одесскому тракту... Заѣхавъ въ Воронежъ, Голицынъ «похитилъ» тамъ бывшую на богомольѣ съ матерью Ю. М. Колемину и затѣмъ скрылся, поѣхавъ на Харьковъ подъ именемъ купца Родіонова съ дорожною полученной черезъ жену въ Пензѣ. Затѣмъ, проѣхавъ черезъ Кишиневъ, Голицынъ съ Колеминою отправился черезъ Бессарабію (с. Карпиненахъ) за границу въ сопровожденіи служителя и горничной, предъявивъ тамъ 16 февраля паспорта: свой на имя тульскаго купца Григорія Арефьевича Малькова и Ю. М.—дочери тит. сов. Аполлинаріи Осиповой.

Вслѣдъ за ними выѣхали изъ Козлова въ Тамбовъ жившіе у Голицына иностранцы-музыканты, а оттуда направились въ СПб., чему власти не мѣшали, не имѣя на то никакихъ основаній.

Потемкина просила объ учрежденіи опеки надъ имѣніемъ, чтобы оградить интересы жены и дѣтей князя.

Опекуншей (вовсе безъ желанія князя) была назначена княгиня, соопекуномъ отъ опеки—Александръ Васильевичъ Ханьковъ.

16 мая 1860 г. Брунновъ донесъ товарищу министра иностр. дѣлъ, что, согласно приказанія, онъ объявилъ кн. Голицыну, прибывшему въ Лондонъ, требованіе правительства о немедленномъ возвращеніи въ Россію, «но, не имѣя возможности побудить представить на сдѣланный запросъ отвѣтъ почтительный и пристойный и не желая входить въ дальнѣйшія бесполезныя объясненія, я считаю наилучшимъ прекратить всякое съ нимъ сношеніе и довольствоваться препровожденіемъ прилагаемаго у сего письма, столь неприличнаго, что я никакъ не рѣшился бы оное представить по начальству, если бы я могъ надѣяться убѣдить его дать мнѣ хотя простую расписку въ полученіи приказанія». Читатель ждетъ чего-нибудь особеннаго, что привело въ ужасъ нѣмца-посланника отъ грубости русскаго самодура, а, между тѣмъ, письмо Голицына ничего подобнаго въ себѣ не заключаетъ: «М. Г., Баронъ Филиппъ Ивановичъ, отношеніе мин. ин. д. отъ 7 апрѣля за № 52 къ вашему в—ву я читалъ. Содержаніе этого отношенія обязываетъ меня покорнѣйше просить Васъ довести до свѣдѣнія русскаго правительства, что я тогда только объясню причины, заставившія меня искать убѣжище въ Англии, какъ равно и удовлетворю любопытство III Отд. о томъ, *«что я намеренъ предпринять»*, когда оное Отдѣленіе увѣдомитъ меня, *какъ поступитъ русское правительство съ моею личностью*, если бы я вздумалъ возвратиться на родину. Что же касается до выѣзда моего изъ Козлова на Воронежъ съ дѣвѣцею Ю. Колеминою—это неправда. Примите увѣреніе въ совершенномъ моемъ къ Вамъ почтеніи. *Юрій Голицынъ*. Лондонъ, мая 9, 1860 г.».

15 мая объ этомъ было доложено государю; 19-го шефъ жандармовъ увѣдомилъ министра вн. дѣлъ, что, по сообщенію нашего посланника, Голицынъ находится въ Англии, почему государь приказалъ поступить съ нимъ по всей строгости законовъ.

Въ № 111 «Москов. Вѣдомостей», отъ 21 мая 1860 г., напечатано: «По случаю побѣга за границу над. сов. кн. Ю. Н. Голицына, находившагося въ г. Козловѣ подъ секретнымъ надзоромъ полиціи, губернское правленіе 23 марта 1860 г. опредѣлило: на основаніи прил. къ 1850 ст. X т. 2 ч. и прил. къ этой статьѣ, всѣ имѣнія кн. Голицына, находящіяся въ Тамбовской губ., подвергнуть опекунскому управленію. Кромѣ того, на случай могущихъ оказаться принадлежащими ему въ другихъ губерніяхъ имѣній сообщить во всѣ губернскія и областныя правленія. Независимо отъ сего публиковать о семъ въ Вѣдомостяхъ, издаваемыхъ въ Одессѣ, Вильнѣ, и Нѣмецкихъ въ СПБ. и Ригѣ съ тою же цѣлію» (Архивъ III Отд. С. Е. И. В. канц. 2 эксп. 1857 г., дѣло № 105). 6 іюня прав. сенатъ предписалъ тамбовскому губернскому правленію исполнить высоч. волю. 13 декабря усманскій уѣздный судъ приступилъ къ разсмотрѣнію двухъ дѣлъ: объ отъѣздѣ Голицына и о сборѣ имъ съ своихъ крестьянъ суммы подъ предлогомъ отпуска ихъ на волю. Но неожиданно было приказано пріостановить это разсмотрѣніе до особаго высоч. распоряженія; въ январѣ 1862 г. было повелѣно разсмотрѣніе продолжать, въ виду того, что Голицынъ не воспользовался всемилостивѣйшимъ разрѣшеніемъ возвратиться въ Россію.

Что касается второго дѣла, то оно служило предметомъ довольно большой переписки и, по выясненіи слѣдствіемъ, 18 февр. 1860 г. тамбовскимъ губернаторомъ представлено министру. Такъ какъ о несправедливости Голицына писалось много (не только въ «Колоколѣ»), считаю нужнымъ остановиться на этомъ дѣлѣ, чтобы возстановить истину. Послѣ слѣдствія, направленнаго, конечно, скорѣе не въ пользу «бѣглеца», губернаторъ подробно донесъ о его результатахъ.

Кн. Голицынъ объяснялъ, что «имѣніе его по разстроеннымъ его обстоятельствамъ должно было неминуемо подвергнуться аукціонной продажѣ. Желая сохранить свое родовое имѣніе отъ продажи въ постороннія руки, а вмѣстѣ съ тѣмъ и улучшить бытъ своихъ крестьянъ, онъ, по неимѣнію на то собственныхъ, своихъ средствъ, объяснивъ своимъ крестьянамъ положеніе имѣнія, предложилъ имъ внести за себя 100,000 руб. сер., предоставивъ имъ въ вѣчное и потомственное владѣніе, кромѣ занимаемыхъ ими усадебъ, количество земли, соразмѣрное суммѣ». Крестьяне, обдумавъ, объ-

яснили ему, что откупать себя съ землею они не въ состояніи по значительности суммы и краткости времени, но просили отпустить ихъ на волю съ платежомъ по 60 р. сер. за душу. Голицынъ согласился, но, желая сдѣлать отпускъ ихъ на болѣе выгодныхъ условіяхъ, обезпечивающихъ ихъ благосостояніе, предоставилъ имъ право ѡставаться на своихъ усадьбахъ безвозмездно въ продолженіе 10 лѣтъ, кромѣ того, давалъ въ арендное содержаніе выгонъ 500 дес., въ число же откупной суммы назначилъ не 60, а 50 р. сер., — сумму, причитающуюся за одно арендное содержаніе земли, а личную свободу какъ крестьянамъ, такъ и дворовымъ и мастеровымъ, желалъ дать безвозмездно; по приведеніи же дѣлъ своихъ въ порядокъ обѣщалъ имъ продать отъ 1000 до 2000 дес. земли. Всѣ крестьяне единодушно изъявили на это согласіе, кромѣ одного Козьмы Романцева, а какъ князь и за возраженіемъ одного не рѣшился дать своего согласія, то крестьяне начали того уговаривать, и онъ, по совѣту всего общества, тоже согласился; тогда князь, послѣ троекратнаго опроса, есть ли общее и единодушное желаніе и надѣются ли они въ скоромъ времени собрать означенную сумму, по утвердительномъ отвѣтѣ изъявилъ свое согласіе, посовѣтовалъ имъ отправиться въ храмъ божій и, по совершеніи молебствія, предложилъ избрать довѣренныхъ для составленія раскладки, принимая въ основаніе неравенство состоянія каждаго крестьянина, строго приказавъ при нихъ своей конторѣ не вмѣшиваться въ раскладку, что и было сдѣлано: раскладка о сборѣ денегъ дѣлалась ими безъ всякаго вліянія конторы и въ его отсутствіе, ибо тотчасъ послѣ заключенія съ крестьянами условія Гол. выѣхалъ въ СПб. и до 1 ноября, т.-е. до окончательнаго взноса всей отпускной суммы крестьянами, не былъ въ имѣніи, и всякій судъ и расправа при сборѣ ими денегъ были чинимы самимъ міромъ. Собранныя деньги тотчасъ же вносились въ опекунскій совѣтъ, для погашенія же частныхъ долговъ князь продалъ купцу Шанину 3.000 дес. земли. Устроивъ такимъ образомъ свои дѣла, Голицынъ вошелъ съ прошеніемъ къ министру вн. д. о желаніи даровать крестьянамъ свободу на означенныхъ условіяхъ, и, хотя за уплатою частныхъ долговъ недостало незначительной суммы для уплаты опекунскому совѣту, но долгъ при отпускѣ крестьянъ онъ принималъ на себя. Министръ увѣдомилъ, что безъ всякой осѣдлости, предоставленной крестьянамъ, и безъ пахотной земли для нихъ условіе утверждено быть не можетъ, тѣмъ болѣе, что въ это время последовалъ рескриптъ объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ. Собралъ своихъ крестьянъ, князь объявилъ имъ отвѣтъ министра и предложилъ приобрести себѣ покупкою пустошь въ количествѣ 500 дес., наз-

начая самую умѣренную сумму и разсрочивая платежъ на 10 лѣтъ безъ процентовъ, такъ что, отдавъ эту землю въ арендное содержаніе, крестьяне въ теченіе 10 лѣтъ приобрѣтали ее въ полное владѣніе даромъ. «Несмотря на всѣ его лубѣжденія, они не понимая или, скорѣе, не желая понять прямой выгоды такого приобретенія, отозвались тѣмъ, что, уплативъ въ недавнее время 50,000 руб., они затрудняются входить въ какія-либо новыя обязательства. Голицынъ же, имѣя въ виду скорый его отъѣздъ за границу и желая какимъ бы то ни было образомъ рѣшить этотъ вопросъ по чистой совѣсти, съ пользою для крестьянъ, предложилъ имъ еще болѣе выгодныя условія: дать имъ безвозмездно 300 дес. подъ поселеніе въ вѣчное владѣніе, что при торговомъ с. Салтыки стоитъ не менѣе 25 т. руб. сер., оставить ихъ на прежнихъ усадьбахъ на 10 лѣтъ и оставить въ ихъ арендное содержаніе 500 дес. выгону до окончанія срока, что, полагая за каждую дес. по 5 руб. сер., составитъ сумму въ 4 т. руб. сер. въ годъ, а въ десятилѣтнюю сложность — 40 т. руб. сер. Кромѣ того, давалъ имъ 2700 дес. пахотной земли въ 3-хъ клинахъ по 4 и по 5 руб. сер., тогда какъ въ настоящее время они отдаются по 7 и 8 руб. сер., а паровой клинъ безвозмездно. Слѣдовательно, кромѣ безвозмезднаго парового клина, уступалъ на каждую десятину по 3 р. сер., что составляло 5400 р. сер. въ годъ, а въ 10 лѣтъ—54 т. р. сер.; значить, получивъ съ крестьянъ 50 т. р. сер., онъ предоставилъ въ ихъ пользу 110 т. руб., т.-е. на 60 т. р. болѣе полученныхъ съ нихъ [имъ, кн. Голицынымъ; кромѣ того, при отпускѣ на волю онъ простилъ своимъ крестьянамъ недоимочную сумму 65 т. р. сер. на значительную сумму хлѣба, взятаго крестьянами въ заимообразъ да и по сіе время, несмотря на двусмысленное къ нему крестьянъ отношеніе, они пользуются довѣріемъ конторы, ибо за ними состоитъ денегъ 12 т. р.».»

Это положеніе князь предложилъ крестьянамъ въ день своихъ именинъ, когда у него было много постороннихъ, за что они его единодушно благодарили, но на другой день снова обсуждали его предложеніе; безвозмездныя пожертвованія удивили ихъ и дали поводъ подозревать, что пожертвованіе дѣлается не вслѣдствіе собственной воли, а изъ опасенія, чтобы при общемъ положеніи комитетовъ не дать имъ вдвое болѣе. Поэтому крестьяне начали дѣлиться на партіи, а затѣмъ явились къ нему и объявили, что желакъ тѣ дожидаться общаго положенія высочайше утвержденныхъ комитетовъ съ тѣмъ, чтобы взятая съ нихъ сумма зачтена была въ уплату за усадебныя мѣста на общихъ правилахъ. Не могли убѣдить ихъ, онъ составилъ въ присутствіи ихъ актъ отреченія отъ предложеній и уничтоженія всякихъ между ними полюбовныхъ сдѣлокъ до общаго положенія

комитетовъ, что и подписано бывшими здѣсь священниками и бурмистромъ, а такъ какъ онъ уже предположилъ освободить ихъ на волю тѣмъ или другимъ образомъ, то они избавлены имъ отъ всякаго обязательнаго труда. Уѣздный предводитель дворянства, еще до назначенія слѣдствія, увѣдомилъ губернатора, что всѣ крестьяне Голицына совершенно освобождены владѣльцемъ отъ барщины и, снимая у него и другихъ сосѣдственныхъ землевладѣльцевъ землю, по добровольному въ цѣнѣ соглашенію, занимаются промыслами, которымъ способствуютъ значительные базары с. Салтыковъ. Что касается до вопроса, не обременительны ли для крестьянъ условія, состоявшіяся между ими и кн. Голицынымъ, то предположенный надѣлъ совершенно удовлетворителенъ, и плата за землю противъ существующихъ въ Усманскомъ уѣздѣ цѣнъ чрезвычайно умѣренна. Перенесеніе крестьянами усадебъ на другія мѣста, для которыхъ кн. дарилъ 300 дес., безъ сомнѣнія, не должно вызывать ихъ добровольнаго согласія. Но онъ, предводитель, положительно сказать не можетъ, что если кн. Голицыну, по видамъ будущаго хозяйства, необходимо это переселеніе, то крестьянамъ выгодно было принять въ подарокъ 300 дес. земли и переселиться на оную въ томъ уваженіи, что нѣкоторыя изъ настоящихъ усадебъ с. Салтыковъ приносятъ кн. Голицыну дохода болѣе 600 руб. Купить такихъ усадебныхъ мѣстъ въ полную собственность крестьяне никогда не будутъ въ состояніи. Многіе изъ крестьянъ владѣютъ значительными капиталами и вообще не бѣдны, но есть и такіе, которые знакомы съ нуждою. Эти-то послѣдніе преимущественно и выразили ему свою готовность перейти на барщину. Крестьянинъ Егоръ Романцевъ показалъ, что онъ въ декабрѣ 1858 г. никакой просьбы министру не подавалъ и отъ своего имени подавать и писать ее и прикладывать за него руку не просилъ, но полагаетъ, что просьбу объ отпускѣ кн. Голицынымъ крестьянъ его на волю, по невыдачѣ отпускныхъ по полученіи съ каждой ревизской души 50 р. сер., составлялъ липецкій мѣщанинъ Иванъ Ивановъ, который жилъ у него, Романцева, въ домѣ, и ѣздилъ за нимъ сынъ его, Козьма, но почему въ просьбѣ этой означено, что оная его, Романцева, онъ не знаетъ. Избранные отъ общества старшины начали собирать деньги, употребляя при этомъ строгія мѣры съ неплательщиками, заставляя продавать разное имущество для уплаты за какую бы ни было цѣну, иногда даже и жилия строенія, и поэтому нѣкоторые остались безъ домовъ и пришли въ бѣдное положеніе, и такимъ образомъ собрана была вся откупная сумма въ теченіе трехъ мѣсяцевъ. Въ уплатѣ денегъ каждому крестьянину выдавались печатныя квитанціи съ обозначеніемъ, что деньги взяты за отпускѣ на волю, между

тѣмъ, отпускнуи никто изъ крестьянъ не получилъ: впрочемъ, слышалъ, что, будто бы, правительство не разрѣшило отпустить безъ земли. Прочіе крестьяне утверждаютъ показаніе Романцева съ до-
бавленіемъ, что они участвовали на сходѣ, бывшемъ по возвращеніи князя изъ Спб., и что они, хотя изъявили согласіе на подачу про-
шенія министру, но написать оное отъ имени крестьянина Егора Романцева никого не просили. Показаніе крестьянина Романцева, въ, якобы, писанномъ имъ прошеніи, что большая часть крестьянъ кн. Голицына до изъявленнаго ими согласія на выкупъ, находилась въ бѣдственномъ положеніи, совершенно ложно. Крестьяне были всегда на счету не только зажиточныхъ, но богатыхъ, хотя и не въ одинаковой степени. «При взносѣ въ 1857 г. выкупа, дѣйствительно, были такіе, которые выручали деньги чрезъ продажу скота и части на-
дворныхъ строеній, но съ увольненіемъ ихъ послѣ того отъ бар-
щины они вознаграждали себя остаткомъ времени на свободный трудъ, для выгодъ котораго, кромѣ хлѣбопашества, торговое с. Салтыки доставило предпримчивости ихъ всѣ средства. До того или до подобнаго тому крайняго положенія, которое объясняетъ Ро-
манцевъ, крестьяне, безъ собственной воли и дойти не могли, по-
тому что на еженедѣльные базары с. Салтыковъ выѣзжаютъ не-
рѣдко тысячи подводъ и одними ночлегами по дворамъ крестьянъ доставляютъ имъ значительныя выгоды». Ложно и другое показаніе Романцева, что вотчинное начальство при взысканіи выкупной суммы употребляло самыя жестокия наказанія, тогда какъ оно во взысканіи этомъ не принимало никакого участія. Распредѣленіе суммы на крестьянъ, какъ объясняетъ и самъ Романцевъ, пред-
ставлено было обществу, которое чрезъ избранныхъ изъ среды его крестьянъ дѣйствовало совершенно независимо отъ вліянія Го-
лицына и вотчинной его конторы, принимавшей лишь предста-
вляемая деньги и выдававшей въ томъ удостовѣренія.

На томъ второе дѣло и кончилось, а по первому приказано было считать Голицына изгнаннымъ изъ предѣловъ отечества навсегда (Архивъ мин. вн. дѣлъ, дѣло деп. полиціи исполн. II отд. 1 стола 1858 г. № 1765).

29 сентября 1861 г. Голицынъ писалъ шефу жандармовъ, что послѣ своего заявленія Бруннову, онъ его уже не видалъ; между тѣмъ, въ маѣ къ нему пріѣзжалъ братъ Борисъ Николаевичъ, и теперь, при его отъѣздѣ, желаніе возвратиться на родину усилилось. Указывая на причины, побудившія оставить Россію, Голицынъ говорилъ, что его «семейныя отношенія нисколько не составляли одной изъ этихъ причинъ». Съ женой онъ разошелся въ 1856 г., зная, что она женщина «во всѣхъ отношеніяхъ безукоризненная»,

но несходство характеровъ ихъ совершенно исключаетъ совмѣстную жизнь. Главная причина эмиграціи изложена такъ: «Находя всегда (и впоследствии убѣдившись), что я не былъ рожденъ помѣщикомъ и если, однако, долгое время исполнялъ эту обязанность, то неудачно и постоянно à contre-coeur! Къ тому же еще, по общедворянскимъ наклонностямъ, проживая всегда болѣе получаемаго, и оставаясь въ Россіи, я бы не могъ отвыкнуть отъ потомственныхъ замашекъ, чѣмъ, вѣроятно, окончательно бы разорилъ мои родовыя имѣнія!... И конечно, въ чужихъ ли краяхъ буду или на родинѣ, однажды принятаго мною рѣшенія я никогда не измѣню и останусь твердъ въ намѣреніи моемъ—жить собственнымъ трудомъ». Дальше говорится о постоянныхъ преградахъ въ Россіи его артистическому служенію; онъ долженъ былъ видѣть уничтоженіе своего хора, съ которымъ сроднился за 17 лѣтъ,—и все это, несмотря на постоянное покровительство кн. В. А. Долгорукова, у брата котораго, Ильи А., Голицынъ провелъ часть дѣтства. «Вслѣдствіе всѣхъ этихъ неудачъ, я въ 1858 вторично задумалъ переѣхать въ Германію на нѣсколько лѣтъ», вмѣсто чего пришлось ѣхать въ Козловъ... «Присмотръ, подъ которымъ я въ Козловѣ находился, постепенно становился стѣснительнѣе, и до меня постоянно доходили слухи, что вслѣдствіе разныхъ на меня наговоровъ, положеніе мое могло ухудшиться, а оправдываться официально я не имѣлъ возможности, и потому я могъ ожидать, что за какое-нибудь пустое слово, переданное въ превратномъ видѣ, переведутъ меня изъ Козлова въ гораздо болѣе отдаленную ссылку. При такомъ положеніи дѣлъ жизнь моя въ Россіи была невыносима: какъ отецъ, я обстоятельствами былъ разлученъ съ своими дочерьми; какъ гражданинъ, я лишенъ былъ возможности дѣйствовать на общую пользу; какъ помѣщикъ, я уже доказалъ свою неспособность, и, наконецъ, какъ артистъ, я не могъ же удовлетвориться козловской или какой-нибудь иной провинціальной публикой, не могущей сочувствовать ни широкимъ артистическимъ потребностямъ, ни доставить матеріальныхъ выгодъ. Итакъ, положеніе мое было безвыходно, на возвращеніе мнѣ свободы я пересталъ надѣяться, а потому, во что бы то ни стало, задумалъ перемѣнить образъ жизни и вырваться на волю!!

«Не скрою отъ васъ, князь Василій Андреевичъ, что при выѣздѣ изъ Россіи, *не позаботившись обезпечить себя*, я въ мое почти двухлѣтнее пребываніе въ Лондонѣ, съ матеріальной стороны, прошелъ *весьма жесткую школу* и узналъ на дѣлѣ, что значить трудиться для того, чтобы зарабатывать себѣ *à la lettre насущный хлѣбъ!* Не думайте, однако, чтобы я жалѣлъ о тѣхъ испытаніяхъ,

которыя послала мнѣ судьба,—если я и жалѣю, такъ это единственно о томъ только, что они въ молодости не выпали на мою долю: я чувствую, что, случись такъ, я бы былъ совсѣмъ другой, и не пришлось бы мнѣ упрекать себя во многомъ за мою прошлую жизнь! Не жалуюсь я еще и потому, что пребываніе въ Лондонѣ такъ меня закалило и такъ приучило къ труду, что другого образа жизни я теперь себѣ и вообразить не могу, и если мнѣ представится возможность возвратиться въ Россію съ полученіемъ свободы настолько, чтобы трудъ мой могъ доставить мнѣ средства къ существованію, то я почту себя совершенно счастливымъ трудиться посреди моихъ соотечественниковъ». Въ заключеніе Голицынъ надѣялся, что Долгоруковъ сдѣлаетъ все для предоставленія ему именно этой возможности.

Письмо было доложено царю; резолюція: «Такъ какъ онъ приносить повинную голову, то пускай возвращается, съ тѣмъ, однако, чтобы пока онъ поведеніемъ своимъ не докажетъ свою благонадежность, пребываніе въ столицахъ было ему воспрещено. Для жительства можно назначить ему Ярославъ».

Послѣ сношеній съ министромъ юстиціи и Бутковымъ, сообщившимъ, что сенатъ и госуд. совѣтъ еще не вынесли приговора по дѣлу Голицына за неокончаніемъ срока публикаціи о вызовѣ его въ судъ, 7 ноября Долгоруковъ просилъ государя, нельзя ли приостановить о немъ дѣло впредь до отвѣта, но предварить князя, что имѣніе будетъ подъ опекой. 10 ноября Александръ II согласился и на это. Брунновъ сообщилъ, однако, что, не видя возможности заработать въ Ярославлѣ музыкой достаточно средствъ, Голицынъ считаетъ невозможнымъ воспользоваться разрѣшеніемъ. 24 декабря повелѣно было продолжать приостановленныя судебныя дѣла. 14 января 1862 г. кн. Горчаковъ увѣдомилъ шефа жандармовъ, что Голицынъ перемѣнилъ свое рѣшеніе и приѣдетъ въ Россію. Въ іюнѣ ему былъ выданъ паспортъ, въ который былъ вписанъ еще и малолѣтній сынъ Николай (отъ Колеминой). 29 августа князь прибылъ въ СПб. и просилъ дать ему въ ссуду на дорогу до Ярославля 200 р. сер. Получивъ эту сумму, Голицынъ 5 сентября отправился по назначенію, куда и прибылъ 11 числа. 8 октября министръ вн. дѣлъ сообщилъ шефу жандармовъ, что князь проситъ губернатора увѣдомить его, отъ кого онъ долженъ получить содержаніе,—въ настоящее время «онъ не имѣетъ чѣмъ платить за обѣдъ и, кромѣ того, нуждается въ теплой одеждѣ». III Отдѣленіе отвѣтило, что содержаніе князя должно быть назначено изъ доходовъ по его имѣніямъ. Жена согласилась выдавать ему по 250 р. ежемѣсячно. Одновременно отецъ князя, выполняя

просьбу сына, просилъ Потапова ходатайствовать о разрѣшеніи сыну отправиться на годъ или на два въ Парижъ, гдѣ ему дѣлаются очень выгодныя предложенія по музыкальной части. Разрѣшеніе дано не было; также отклонены были просьбы Голицына о кратковременныхъ приѣздахъ въ Спб. Въ декабрѣ же 1861 г. проживавшей въ Лондонѣ Ю. М. Колеминой дано было знать, что и ей разрѣшено выдать паспортъ на возвращеніе въ Россію, но по приѣздѣ въ Спб. ей будетъ предложено вернуться къ родителямъ и жить въ Тамбовской губерніи. Миссію эту исполнилъ посольскій священникъ Поповъ. Въ январѣ 1862 г. Колемина писала шефу жандармовъ, что, если пребываніе у родителей будетъ обязательно, то она вынуждена остаться въ чужой странѣ. Рѣшено было не стѣснять ее, особенно, имѣя въ виду ея ребенка. Она прибыла въ Спб. 29 августа 1862 г. безъ ребенка, который, какъ уже указано, былъ записанъ въ паспортъ Голицына. Временно Колемина осталась въ Спб. и потому была подвергнута полицейскому надзору; въ декабрѣ 1862 г. выѣхала въ Ярославль, гдѣ надзоръ былъ сохраненъ. Въ январѣ 1864 г., по случаю смерти отца, Колемина была отпущена въ Тамбовскую губ. для свиданія съ матерью. Въ маѣ 1865 г. надзоръ съ нея былъ снятъ.

Въ мартѣ 1863 г. Голицынъ просилъ разрѣшить ему поѣздки по Россіи съ возвращеніемъ въ Ярославль, гдѣ онъ рѣшилъ обосноваться, чтобы такимъ образомъ давать концерты въ разныхъ городахъ и заняться торговлей музыкальными инструментами и нотами,—опять отказъ. Тогда Голицынъ сталъ увѣрять III Отдѣленіе, что пущенный его родственниками слухъ о принадлежности его «къ какому-то центральному революціонному комитету»—клевета, отъ которой онъ проситъ его очистить и предоставить право передвиженія по Россіи. Дѣйствительно, агентъ Спб. оберъ-полицейстера Волгинъ сообщилъ, что открытый Голицынымъ въ Ярославлѣ музыкальный магазинъ созданъ для устройства въ немъ съ преступной цѣлью музыкальнаго общества или клуба...

Въ ноябрѣ 1863 г. Голицынъ просилъ разрѣшенія съѣздить на три дня въ Москву, чтобы поправить искусственные зубы, причемъ соглашался не выходить изъ номера гостиницы и т. п. Поѣздка была позволена «съ требующимися въ подобныхъ случаяхъ предосторожностями». 23 декабря Голицынъ просилъ Потапова устроить опредѣленіе его на службу въ Ярославль. «Понятно, что въ мои года не надежда поправить испорченную карьеру меня заманиваетъ поступить на службу въ губер, городъ, а просто, тоска меня одолѣла, и это тяжкое положеніе имѣетъ даже вліяніе на

мое здоровье; съ августа мѣсяца я уже имѣлъ два удара и, право, эта бездѣятельная жизнь окончательно меня уходитъ». Губернаторъ И. С. Унковскій конфиденціально сообщилъ, что поступленіе князя на какую-либо должность «не могло бы принести никакой пользы службѣ»... а на словахъ обѣщаль ему всякую поддержку.

3 января 1864 г. ярославскій вице-губернаторъ донесъ, что 30 декабря на генеральной репетиціи любительскаго спектакля Голицынъ нанесъ личную обиду словами отст. капитану Дорошкевичу и вызвалъ его на дуэль за распространеніе слуховъ о неблаговидныхъ, будто бы, поступкахъ князя въ отношеніи имущества жены бывшаго ярославскаго жандармскаго штабъ-офицера Лобановскаго, у которой онъ арендуетъ подгородную дачу. Жандармъ былъ на сторонѣ Голицына и сообщалъ, что, за уклоненіемъ Дорошкевича, дуэль не состоится.

Въ маѣ Голицынъ просилъ изъ Москвы отпустить его на шесть недѣль въ Курскую губернію для свиданія со своими дочерьми и отцомъ, боявшимся умереть, не простившись съ сыномъ. Съѣздить въ Москву раньше онъ не могъ, такъ какъ перенесъ третій ударъ. Государь разрѣшилъ. Голицынъ поѣхалъ черезъ Тамбовъ, потомъ изъ Курска отправился съ отцомъ въ Славянскъ Харьковской губ. къ дочерямъ; отпускъ былъ просроченъ. III Отдѣленіе предписало немедленно вернуться въ Ярославль. 1 октября князю было разрѣшено приѣхать на три дня въ СПб. для совѣта о здоровьѣ съ С. П. Боткинымъ. Послѣдній 24 февраля 1865 г. далъ ему такое свидѣтельство: «Страдаетъ припадками удушья, находящагося въ связи съ расширеніемъ сердца. Припадки эти развились подъ вліяніемъ нравственныхъ причинъ, почему я и совѣтую князю перемѣнить мѣсто его жительства на городъ, представляющій болѣе средствъ для врачеванія, а также и болѣе развлеченія, необходимаго для разстроенной нервной системы князя. На лѣтнее время, вѣроятно, понадобится лѣченіе виноградомъ и морскими купаньями». 27 февраля было разрѣшено отлучаться изъ Ярославля, не испрашивая каждый разъ дозволенія, но безъ права приѣзда въ СПб. и выѣзда за границу.

Въ мартѣ—апрѣлѣ 1865 г. въ Москвѣ, въ залѣ благороднаго собранія уже были даны два «голицынскіе концерта» русской музыки; до III Отдѣленія дошли слухи, что сборъ щель въ пользу недостаточныхъ неправославныхъ студентовъ. Мезенцовъ приказалъ провѣрить этотъ слухъ и воспретить концерты, ссылаясь на общее положеніе поднадзорнаго концертанта. Московская власть вступилась за Голицына; Долгоруковъ вошелъ со всепод. докладомъ, прося разрѣшить князю концерттировать и дальше, на что и получилъ

одобреніе. Это не мѣшало отказать ему въ январѣ 1866 г. въ желаніи пріѣхать оячь въ СПб. для совѣта съ Боткинымъ. Послѣ каракозовскаго покушенія Голицынъ просилъ разрѣшить ему дать въ СПб. «русскій концертъ», сборъ съ котораго онъ обратитъ въ фондъ на поупку дома царскому избавителю Комиссарову. Отвѣтъ: «подобный концертъ можетъ быть данъ съ не меньшимъ успѣхомъ въ Москвѣ»... Затѣмъ Голицынъ переѣхалъ въ свое имѣніе Салтыки, гдѣ не мало поработалъ для приведенія его въ порядокъ. Въ августѣ, по проискамъ жены, земская полиція потребовала выѣзда больного князя. Тогда онъ просилъ III Отдѣленіе о снятіи съ него надзора и объ отмѣнѣ ограниченій въ имущественныхъ правахъ. Первое было разрѣшено, а по второму вопросу ему было предложено обратиться въ подлежащія учрежденія, жить же въ имѣніи было, однако, воспрещено.

Князь письменно заявилъ, что жена знала объ его отъѣздѣ за границу, что онъ выдалъ ей въ обезпеченіе различные долговые документы, подарилъ два дома (въ Тамбовѣ и Козловѣ) и, вообще, совершенно обезпечилъ семью, что и засвидѣтельствовано ея письмами къ мужу. Все дальнѣйшее ея и опеки управленіе его имѣніями полно самыхъ разнообразныхъ злоупотребленій.

Только въ 1868 г. было разрѣшено дать нѣсколько концертовъ въ СПб.; хоръ князя состоялъ изъ 47 человекъ. Въ эти годы онъ усердно концертировалъ во многихъ городахъ, а родня его не менѣе усердно интриговала, чтобы избавить его отъ доходовъ съ имѣній и отъ владѣнія послѣдними. Изнемогая въ этой борьбѣ, которую трудно было вести, особенно противъ покровительствовавшей его женѣ Потемкиной, Голицынъ, наконецъ, отступился отъ всего и весною 1869 г. поѣхалъ за границу серьезно заняться своимъ издерганнымъ здоровьемъ (Архивъ III Отд. С. Е. И. В. канц. 2 эксп. 1857 г., дѣло № 105, продолженіе II).

2 сентября 1872 г. Голицынъ умеръ, успѣвъ выпустить въ 1870 г. тоненькую книжку извлеченій изъ своихъ «Записокъ» — «Прошедшее и настоящее», такъ полностью и пропавшихъ для литературы. Обращаю вниманіе на послѣднюю главу «Возвращеніе на родину»; подъ видомъ разсказа его пріятели William S*** о своей жизни, Голицынъ сдѣлалъ интимныя признанія о своей собственной жизни; надо только помнить это все время чтенія, чтобы получить о князѣ довольно полное представленіе, добрисованное въ предыдущихъ главахъ. Въ этой послѣдней главѣ сказано и объ отношеніяхъ къ нему Герцена, конечно, опять-таки не названнаго. Приведу это мѣсто, предваривъ, что рѣчь идетъ о весьма трудномъ матеріальномъ положеніи Голицына и его второй

жены въ Лондонѣ, доводившемъ буквально до голоданія и очень остро ощущавшемся въ моментъ рожденія ихъ первенца Николая. Общій знакомый часовой мастеръ сообщилъ Герцену о критическомъ положеніи семьи и родильницы. «Можетъ быть покажется страннымъ, что въ эту трудную минуту я не подумалъ прибѣгнуть за помощью къ этому семейству, но такъ какъ эти соотечественники съ перваго же нашего знакомства завѣряли насъ, что они ничего хорошаго въ будущемъ не предвидѣли для насъ на чужой сторонѣ, то мы, понятно, когда предсказанія ихъ мало-по-малу стали сбываться, старались, со своей стороны, скрывать отъ нихъ горькую истину. Кромѣ того, эмигранты всѣхъ націй уже до того эксплуатировали этихъ сначала тароватыхъ нашихъ соотечественниковъ, что и при двухъ годичныхъ моихъ испытаніяхъ (въ Лондонѣ) ни разу не прибѣгали къ ихъ помощи, дабы въ понятіи ихъ обо мнѣ рѣзкою чертою отдѣлать себя отъ этихъ эксплуататоровъ. И за всѣмъ тѣмъ, они, узнавъ истину отъ часового мастера, приняли самое горячее и живѣйшее участіе; именно, въ каретѣ пріѣхала Н. А. О., жена одного изъ этихъ соотечественниковъ, и привезла съ собою все необходимое для ожидаемаго ребенка; кромѣ того, она пригласила почтеннаго и достойнаго акушера и трое сутокъ днемъ и ночью не отходила отъ кровати моей бѣдной Люси» (стр. 125).

Кромѣ «Записокъ» князя, немало матеріала, конечно, иногда невѣрно освѣщеннаго, для его біографіи находится въ запискахъ старшей дочери, Е. Ю. Хвощинской («Рус. Стар.» 1897—98 гг.). Для большей полноты укажу еще на фельетонъ «А—въ» № 135 «Вѣстника Московской Политехнической Выставки» 1872 г., гдѣ цитируется Герценъ, конечно, безъ указанія на его имя. Разумѣется, въ «Новомъ энциклопедическомъ словарѣ» Ефрона помѣщено лишь нѣсколько строкъ, обнаруживающихъ присущія этому изданію неосвѣдомленность и поверхностность. Рачкавъ Н. Колмакова («Рус. Стар.» 1885, IX, 478) о Голицынѣ совершенно невѣренъ: ничего подобнаго съ нимъ не было.

34. 9 іюля 1851 г. Иванъ Ивановичъ Савичъ писалъ изъ Лондона гр. Орлову: «Дворянинъ Полтав. губ., уволенный отъ службы гв. поручикъ, имѣю честь писать къ Вамъ, покорнѣйше прося В. С. удостоить милостивымъ вниманіемъ мои строки. Отправляясь за границу для излѣченія болѣзни іюня 12-го 1844 г., потомъ увлеченный желаніемъ индивидуальнаго развитія, я оставался тамъ до истеченія пятилѣтняго срока; подъ конецъ его, увидя свое состояніе разстроеннымъ, я ухватился за бывшее тогда средство къ скорому обогащенію — поѣздку въ Калифорнію, и отправился въ

Америку. Но незаконное отдаленіе отъ предметовъ и обязанностей священныхъ и драгоценныхъ моему сердцу, лишало меня крѣпости духа: я обратилъ свое предпріятіе въ путешествіе и въ прошедшемъ году возвратился въ Европу съ разстроеннымъ здоровьемъ и душою. Между тѣмъ, время проходило, и теперь просрочка моя такъ велика, что я не смѣю уже съ своимъ паспортомъ явиться въ посольство; тѣмъ болѣе не смѣю показать глазъ въ свое отечество, безъ милости того, кому ввѣрена провидѣніемъ судьба его. Искренно раскаяваясь въ своей ошибкѣ, осмѣливаюсь обратиться къ В. С., прося въ особѣ Вашей милостивое правительство подать мнѣ руку помощи и испросить у Е. И. В. отеческое прощеніе».

Ровно ничего не зная о Савичѣ, шефъ жандармовъ запросилъ министра вн. дѣлъ. Послѣдній сообщилъ, что въ 1844 г. тотъ отправился къ германскимъ минеральнымъ водамъ на шесть мѣсяцевъ; въ октябрѣ 1844 г. просилъ отсрочить паспортъ на годъ, что и было разрѣшено, — больше ничего неизвѣстно. 16 августа 1851 г. шефъ жандармовъ просилъ министра иностр. дѣлъ приказать лондонскому послу объявить Савичу, что о помилованіи онъ можетъ просить уже въ Россіи, когда предварительно исполнитъ свой долгъ немедленнымъ возвращеніемъ въ отечество. 26 октября министерство увѣдомило, что Савичъ отправился въ СПб. съ паспортомъ, засвидѣтельствованнымъ нашимъ консуломъ въ Лондонѣ.

16 ноября Савичъ писалъ гр. Орлову изъ Брюсселя, что заболѣлъ на пути и по болѣзни и недостатку средствъ долженъ тамъ остановиться. «Извѣщая о семъ почтеннѣйше В. С., осмѣливаюсь приложить здѣсь нѣкоторыя идеи — лучшую часть человѣческой дѣятельности, которыя, по чистой совѣсти и убѣжденію, полагаю полезными для моего отечества, и которыя потому я долженъ вѣдати, иже отъ Бога. Ежели изъ нихъ В. С. изволите усмотрѣть, что я могу еще достаточно и съ пользою трудиться въ моемъ отечествѣ, то помогите мнѣ великодушно, какъ я просилъ васъ; если же того не признаете, если я достоинъ понести только стыдъ, то лучше оставьте меня въ моей печальной ссылкѣ сожалѣть объ ошибкахъ, свойственныхъ человѣческой природѣ, сдѣланныхъ не изъ дурныхъ побужденій и которыхъ поправить не имѣю возможности, къ великому моему несчастію».

Чтобы читатель видѣлъ «идеи» Савича, приведу изъ восьми двѣ.

1. «Внутри Россіи есть много произведеній, которыя даже и при трудности въ сообщеніяхъ, могли бы быть предметомъ выгодной внѣшней торговли, чего до сихъ поръ еще не дѣлается».

2. «Въ государствахъ, гдѣ мѣдная монета крупнѣе, тамъ болѣе благосостоянія, гдѣ она мельче—тамъ его менѣе. Въ странахъ, гдѣ вовсе нѣтъ мѣдной монеты и самый меньшій представитель труда или услуги — серебряная въ 6 или 7 коп. сер., тамъ благосостоянія наиболѣе и рѣшительно почти нѣтъ бѣдности. Эта идея никогда не была ни развита, ни примѣнена въ Европѣ, а въ нѣкоторыхъ странахъ новаго свѣта она есть одна изъ главныхъ причинъ быстрого и настойчиваго развитія народнаго богатства. Великое благо было бы для Россіи, еслибы монеты и счету менѣе одной копѣйки сер. вовсе не было, а впоследствии—монеты менѣе трехъ и пяти коп. сер.»

28 января 1852 г. Савичъ писалъ гр. Орлову, что ради заработка вернулся въ Англію и нашелъ въ Маргетѣ мѣсто учителя иностр. языковъ и рисованія, которое дастъ ему возможность черезъ 3—4 мѣсяца заплатить небольшой долгъ и выѣхать въ Россію. 2 августа снова письмо: въ іюнѣ онъ уже возвращался въ свое отечество, но въ Бреславлѣ съ нимъ сдѣлался ударъ и лишилъ его употребленія ноги и руки; это заставило вернуться въ Англію, «дабы найти скорѣйшую помощь». «Я упалъ духомъ и не вижу конца своему несчастію, если в. с. неблагоугодно будетъ исходатайствовать о милосердіи монаршемъ. Царь—Провидѣніе для всѣхъ русскихъ, потому осмѣливаюсь просить васъ о томъ и вѣруя, что отцу отечества дорогъ и послѣдній изъ сыновъ его». Орловъ просилъ мин. иностр. дѣлъ повторить ему прежнее условіе. 2 октября Савичъ писалъ, что въ ноябрѣ во всякомъ случаѣ выѣдетъ въ Россію. 6 ноября нашъ посоль визировалъ ему паспортъ на поѣздку въ Россію, а 8 января 1853 г. сообщилъ, что недавно къ нему явился Савичъ и предъявилъ этотъ паспортъ, объявивъ, что въ Пруссіи онъ опять заболѣлъ и снова долженъ былъ вернуться въ Лондонъ. Посоль напомнилъ ему условіе гр. Орлова. «Это, по видимому, сильно встревожило Савича, который, проникнутой мыслью, что онъ — преступникъ, впалъ въ отчаяніе, подѣйствовавшее, какъ должно полагать, и на разсудокъ его. Изъ Англіи онъ отправился въ Россію, но, вмѣсто того, чтобы ѣхать прямымъ путемъ, заѣхалъ въ Парижъ, самъ не зная почему и не будучи въ состояніи дать никакого правильнаго отчета въ своихъ мысляхъ и дѣйствіяхъ... Прибывъ въ Парижъ, онъ объявилъ твердое желаніе ѣхать въ Россію, но вдругъ заболѣлъ и вслѣдъ затѣмъ впалъ въ жестокое уныніе, доходящее до отчаянія, и обнаруживалъ уже признаки неяснаго разсужденія. Онъ твердитъ лишь одно: «я не могу теперь ѣхать сухимъ путемъ, ибо не доѣду; болѣзнь моя отняла у меня всякую энергію; я часто самъ не знаю, что дѣлаю; не ру-

чаюсь, что, доѣхавъ до русской границы, опять вернусь, а потому всего лучше для меня дожидаться весны; я сяду на пароходъ и волею или неволею онъ меня довезетъ. Я не хочу и не могу отказаться отъ своей родины; если мнѣ запретятъ возвратиться въ нее, то я умру отъ отчаянія, и вотъ почему я долженъ ѣхать»... «По удостовѣренію видѣвшихъ Савича, настоящее его физическое и нравственное положеніе такого рода, что едва ли можно было бы надѣяться, что онъ въ состояніи доѣхать теперь до Россіи».

31 августа 1855 г. мин. вн. дѣлъ Ланской запросилъ шефа жандармовъ, можетъ ли Савичъ остаться за границей до лѣта 1857 года, — вернуться онъ имѣетъ право въ силу манифеста 27 марта 1855 г. III Отдѣленіе не препятствовало (Архивъ III Отд. С. Е. И. В. канц. 1 эксп. 1851 г., дѣло № 268).

35. Арестъ П. А. Ветошника, прѣѣхавшаго въ Спб. на пароходѣ, послѣдовавшіе за нимъ аресты Чернышевскаго, Николая А. Серно-Соловьевича и многихъ другихъ, а также выросшіе отсюда политическіе процессы изслѣдованы мною по архиву сената и изложены въ двухъ моихъ книгахъ: «Очерки освободительнаго движенія шестидесятыхъ годовъ», и «Политическіе процессы М. И. Михайлова, Д. И. Писарева и Н. Г. Чернышевскаго». Дополнительные свѣдѣнія см. въ комментаріяхъ къ 1862 году.

36. Въ Константинополѣ Кельсіевъ познакомился со многими польскими эмигрантами; отношенія съ ними произвели на него глубокое впечатлѣніе; онъ началъ колебаться въ своей безусловной вѣрѣ въ приложимость къ жизни тѣхъ принциповъ, въ которые прежде слѣпо вѣрилъ, и, кромѣ того, онъ почувствовалъ себя русскимъ и отрекся отъ прежняго отрицанія національности. Не отказавшись еще вполне отъ вѣры въ плодотворность революціи, Кельсіевъ, однако, почувствовалъ непреодолимое стремленіе быть среди русскихъ людей и потому вмѣстѣ съ извѣстнымъ Садыкъ-пашею (Чайковскимъ) переселился на нижнее теченіе Дуная, г. Тульчу, въ среду казаковъ-некрасовцевъ и скопцовъ.

37. По словамъ Н. А. Огаревой, Кельсіевъ рѣшилъ ѣхать въ Тульчу сначала одинъ, а потомъ намѣренъ былъ вызвать жену свою, безмолвную и преданную спутницу, которую пока оставилъ съ маленькой дочкой Марусей на нашемъ попеченіи. Герценъ не могъ убѣдить Кельсіева подождать и узнать пообстоятельнѣе о Тульчѣ. Кельсіевъ былъ горячій и упрямый. Разъ рѣшившись на что-нибудь, онъ не допускалъ никакихъ возраженій. Жена его, кроткая и восхищенная его умомъ, никогда не опровергала его фантазій. Итакъ, онъ уѣхалъ въ Тульчу». «Кельсіева много разспрашивала Гончара о своемъ мужѣ, Гончаръ хвалилъ его, но говорилъ, что онъ не на-

шелъ себѣ еще дѣла и принимается то за ту, то за другую работу. «Возьмите меня съ Марусей,—сказала Варвара Тимофеевна,—вѣдь, это было бы для насъ такое необыкновенное счастье; гдѣ мнѣ одной доѣхать до него». Гончаръ, добродушный и жалостливый, тотчасъ согласился взять ихъ съ собой. Помню, что Герценъ гладилъ Марусю по головѣ и говорилъ ей ласковыя рѣчи, а въ голосѣ его слышны были слезы. Ему жаль было этого бѣднаго, слабаго ребенка, котораго судьба уносила далеко отъ насъ, не знаю зачѣмъ. Обыкновенно Герценъ помогалъ всѣмъ; онъ далъ В. Т. нужныя деньги на дорогу, и она уѣхала съ Марусей подъ покровительство Гончара» («Воспоминанія», 209, 213).

38 Въ жизнеописаніи Гончара (называвшагося Ганчаромъ, Гончаровымъ, Ганчаровымъ и подписывавшагося «Ганъчеровъ»), составленномъ хорошо его знавшимъ и вполне къ нему расположеннымъ лицомъ, находимъ слѣдующія строки, дополняющія разсказъ Герцена.

«Когда Россія вступила въ Туречину въ 1854 году, тогда Гончаровъ въ Царьградъ ушелъ, ибо было на него много кляузъ Россіи донесено. И когда былъ онъ въ Царьградѣ, пріѣзжали къ нему съ Франціи Мицкевичъ и князь Чарторижскій, меньшій сынъ, Владиславъ, и Наполеоновъ адъютантъ.

«А по возвращеніи въ домъ начали къ нему ѣздить въ слободу французскій консулъ изъ Тульчи и командиръ парохода въ гости; а онъ всякаго принимаетъ и чѣмъ можетъ, тѣмъ и угощаетъ, и всякому дѣлаетъ уваженіе по силѣ своей.

«Потомъ Гончаровъ вознамѣрился побывать во Франціи для коммерческихъ дѣловъ: консулъ и комендантъ парохода ударили въ Марсель депешу, чтобъ его принялъ графъ Замоискій въ Марсели. Онъ его встрѣтилъ и ударилъ депешу Чарторижскому въ Парижъ и въ Парижѣ его встрѣтили, какъ слѣдуетъ, дали ему квартиру и переводчика. Вдругъ прибыли къ нему князь Гагаринъ и Мартыновъ, потомъ пріѣхалъ къ нему Петръ Владиміровичъ Долгоруковъ, послѣди пріѣхалъ Браницкой.

«А потомъ присылаетъ письмо Чарторижскимъ иностраннымъ дѣлъ министръ Бертеми съ великою непремѣнною просьбою, чтобы прислалъ къ нему Гончарова въ первомъ часу.

«Онъ, дождавшись часа, явился къ нему, разговаривали съ нимъ; потомъ этотъ министръ Тувенель доложилъ императору Наполеону; онъ его потребовалъ на лицо.

«И Гончаровъ явился къ нему немедленно, гдѣ былъ принять ласково, и вопрошалъ его императоръ: «какъ живете въ Турціи?» и о прочемъ спрашивалъ. Потомъ приказалъ Наполеонъ, чтобы Гончарову всѣ древности показали. И по его приказанію, все ему

было открыто. Потомъ отправился Гончаровъ второй разъ въ Марсель, и кто-то далъ знать въ Лондонъ Герцену, Огареву и Долгорукову, ибо онъ въ Лондонъ переѣхалъ. И они бьютъ ему депешу, чтобы онъ прибылъ въ Лондонъ; онъ имъ отвѣчаетъ: не поѣду. И они вторую бьютъ; онъ паки отвѣчаетъ: не поѣду. Они и третью ударили—итакъ, Гончаровъ принужденъ былъ выѣхать въ Лондонъ желѣзною дорогою черезъ Парижъ въ Булонь, а потомъ сѣлъ на водяной пароходъ и отправился на англичанскую землю. И прибылъ онъ въ Лондонъ на квартиру къ Герцену и Огареву, гдѣ былъ принятъ, какъ слѣдовало, и былъ онъ у Долгорукова, и Долгоруковъ—у него:

«И говорилъ Гончаровъ: «разсмотрѣлъ я ихъ умъ высокій да и пустой, потому что Бога не исповѣдаютъ, воскресенія мертвымъ не вѣруютъ быти; вотъ мой умъ съ ними не сходенъ, и я отъ нихъ выѣхалъ».

«Потомъ Кельсіевъ завелъ матерію, сдѣлалъ очеркъ, подалъ въ турецкое правительство, что Гончаровъ и епископъ Аркадій хотятъ въ Россію весь народъ вывезть. Турецкое правительство и сдѣлало замѣчаніе, чтобы ихъ двоихъ сослать въ дальнюю Азію на заточеніе. Но Гончаровъ поспѣлъ въ Царьградъ и сдѣлалъ выправку противъ начальства и окончилъ кляузы своего врага Кельсіева. А потомъ Гончаровъ и сдѣлалъ чрезъ Али-пашу министра иностранныхъ дѣлъ, что Кельсіева выгнали изъ Тульчи» («Рус. Старина» 1883, IV, 187—189).

Упомянутый епископъ славскій Аркадій писалъ въ 1865 г.: «Кельсіевъ, какъ слышно, сочиняетъ какую-то книжку для единомысленниковъ русскихъ и хвалится, что обѣщано ему большое награжденіе, съ намѣреніемъ передать ее въ Россію и черезъ посредство типографическое пустить ее въ свѣтъ; хвалится своимъ друзьямъ, что старообрядцевъ хотятъ очернить за адресы и прочія сочиненія, въ которыхъ мимоходомъ старообрядцы лондонскую ихъ лжу описали черными красками. Тульчанскій паша, или каймаканъ, прислалъ Кельсіеву одинъ возъ дубовыхъ дровъ, изъ человѣколюбій, узнавъ, что его жена родила ему дѣтище, а горница холодная, а о пищѣ и одеждѣ взираетъ на птицы небесныя. Онъ хвалится, что скоро будетъ у тульчанскаго паши какимъ-то совѣтникомъ о дѣлахъ гражданскихъ» (тамъ же, 189).

Въ 1828 г. Гончаровъ перевезъ Николая I черезъ Дунай. Съ 1848 г. онъ игралъ уже выдающуюся роль среди некрасовцевъ.

14 мая 1857 г. нашъ консулъ въ Галацѣ сообщалъ, что «общій надсмотръ за наборомъ рекрутъ по всѣмъ городамъ обоихъ береговъ низовья Дуная возложенъ на 70-лѣтняго бѣлаго казака Гон-

чарова, человека простого, неграмотного, но пользующагося, однако, большимъ довѣріемъ Порты и Садыкъ-паши (Чайковскаго). За годъ до начала Восточной войны этотъ самый казакъ посылаемъ былъ Чайковскимъ съ порученіемъ на Донъ, въ поселенія наши на Бугъ, въ Чугуевъ и даже въ Москву съ цѣлью развѣдать нѣкоторыя мѣстности и расположеніе умовъ тѣхъ мѣстъ. Нынѣ для успѣшнѣйшаго развитія начатой вербовки, Гончаровъ, какъ пріобрѣтшій нѣкоторое вліяніе и популярность между жителями низовья Дуная, назначенъ старшиною казацкихъ поселеній въ Добруджѣ».

Справка III Отдѣленія за 1857 г.: «Гончаровъ, раскольникъ, проживаетъ въ Турціи, былъ атаманомъ некрасовцевъ, состоитъ въ связи съ иностранцами, дѣйствуетъ во всѣхъ дѣлахъ, касающихся раскола, чрезъ константинопольскаго банкира француза Аліона, и вслѣдствіе этой связи онъ имѣетъ большое значеніе не только между раскольниками, но и у турецкаго правительства; въ 1846 г. Гончаровъ получилъ отъ польской пропаганды за усердную службу знакъ отличія, и польскіе эмиссары (какъ доходили свѣдѣнія до мин. внутр. дѣлъ) старались сдѣлать его атаманомъ казачества, которое предполагали организовать изъ задунайскихъ раскольниковъ; въ 1854 г., во время войны Россіи съ Турціею Гончаровъ находился при Омеръ-пашѣ и его употребляли для раззнанія направленія умовъ въ болгарскихъ селеніяхъ, для чего онъ, дабы сблизиться съ болгарамі, одѣвался въ мундиръ русскаго офицера, а находясь въ томъ же году въ Тульчѣ, онъ (по показанію раскольническаго попа Федора Семенова) съ поляками участвовалъ въ наборѣ вольныхъ казаковъ изъ русскихъ».

22 мая 1873 г. нашъ константинопольскій посолъ гр. Игнатьевъ телеграфировалъ министру иностр. дѣлъ о желаніи атамана некрасовскихъ казаковъ Гончарова прибыть въ Россію на поклоненіе святынямъ въ Кіевѣ и Москвѣ. Въ посланной затѣмъ бумагѣ Игнатьевъ добавилъ, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ на такую же просьбу Гончарова согласіе не послѣдовало: «Нынѣ престарѣлый атаманъ, удрученный лѣтами и болѣзнями, вполне искренно раскаявшійся въ своихъ заблужденіяхъ, рѣшилъ сдѣлать еще разъ попытку, въ надеждѣ, что просьба его не встрѣтитъ отказа и императорское правительство дозволитъ ему передъ смертію поклониться святынямъ нашимъ... Гончаровъ, а равно вообще добруджинскіе некрасовцы находятся въ эти послѣдніе годы въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ съ агентами нашими въ Тульчѣ и Измаилѣ и при всякомъ удобномъ случаѣ выказываютъ намъ преданность и расположеніе свое». Въ іюлѣ Гончаровъ былъ въ СПБ., чтобы по рекомендаціи в. кн. Николая Николаевича быть представленнымъ

государю, находясь все время подъ наблюдениемъ. 24 іюля онъ отправился обратно въ Турцію. Въ январѣ 1878 г. онъ снова ѣздилъ въ Россію, но былъ подъ особымъ наблюдениемъ, не для сношеній ли съ плѣнными предпринялъ свою поѣздку. Въ 1879 г. 86-лѣтній Гончаровъ просилъ допустить его на постоянное жительство въ Россію. Послѣ сношеній властей ему хотѣли назначить Черниговъ, какъ пунктъ малорусскій, но лишенный раскольникяго населенія; въ той же губерніи съ начала 1870-хъ годовъ поселился и Чайковскій, въ купленномъ себѣ имѣніи; однако, министръ вн. дѣлъ протестовалъ, указавъ на Миргородъ Полтавской губ. Въ январѣ 1880 г., ѣдучи туда зачѣмъ-то черезъ Саратовскую губ., Гончаровъ умеръ въ Хвалынскѣ (Архивъ III Отд. С. Е. И. В. канц. 1 эксп. 1854 г., дѣло № 41 ч. 6, 1857 г. дѣло № 5 ч. 8 и 3 эксп. 1869 г. дѣло № 50).

39. Послѣ своего текста Герценъ подклеилъ вырѣзку изъ «Московскихъ Вѣдомостей», но ничѣмъ не связалъ ее съ текстомъ:

«Намъ пишутъ изъ Петербурга, что на-дняхъ начальникъ Скулянской таможни получилъ за подписью «В. Кельсіевъ» письмо, предварявшее его, что пассажиръ, имѣющій прибыть на эту таможню съ правильнымъ турецкимъ паспортомъ на имя Ивана Желудкова, есть не кто иной, какъ онъ, г. Кельсіевъ, и что онъ, желая предать себя въ руки русскаго правительства, проситъ арестовать себя и препроводить въ Петербургъ».

Приведу нѣсколько подробностей изъ жизни Кельсіева, преимущественно съ его собственныхъ словъ.

«Ходъ польскаго возстанія и паденіе нашихъ, такъ называемыхъ, нигилистовъ сильно потрясли во мнѣ вѣру въ осуществимость нашихъ идеаловъ, а близкое столкновеніе съ политическими дѣятелями и съ народомъ раскрыло мнѣ съ безпощадной ясностью невѣжество однихъ и неподготовленность другихъ. Ложь стала такъ ясна, что всякая практическая дѣятельность подъ прежнимъ знаменемъ оказалась для меня невозможной» («Пережитое и передуманное», 4—5).

«Я проклялъ міръ, родъ человѣческой, мысль, чувство, свои воспоминанія и свои надежды и нѣсколько мѣсяцевъ въ буквальномъ смыслѣ слова велъ жизнь Діогена, не по нуждѣ, не въ силу какихъ-либо внѣшнихъ обстоятельствъ, но изъ боязни имѣть что-нибудь свое, хотъ бы свой уголь, лишній носовой платокъ; я хотѣлъ довести себя до возможности ничѣмъ не дорожить, ничего не жалѣть, ни къ чему не привязываться, а составлять только публику при переворотѣ стихій и при катастрофахъ рода человѣческаго» (стр. 6—7). «Другое, что меня дѣлало чужимъ въ средѣ славянъ,

было мое *невѣжество*, которое разъ ужъ сдѣлало изъ меня эмигранта и агитатора, даже помимо согласія Герцена и Огарева» (стр. 13).

Въ ноябрѣ 1866 г. Кельсіевъ прибылъ въ Яссы съ твердымъ намѣреніемъ вести начатую литературную работу и основательно изучить Молдавію и Валахію, гдѣ и жилъ въ качествѣ турецкаго подданнаго Василія Петровича Иванова-Желудкова. Въ маѣ 1867 г. онъ совершенно неожиданно для самого себя явился къ нашему яскому консулу.

Въ іюлѣ 1866 г. Кельсіевъ пріѣхалъ въ Вѣну. «Переписку съ Герценомъ и Огаревымъ я вынужденъ былъ прекратить, потому что, вращаясь въ Вѣнѣ между славянами, я могъ бы погубить себя; если бы имъ какъ-нибудь попало въ руки невиннѣйшее письмо издателя «Колокола», я могъ бы потерять ихъ довѣріе: все, что противъ русскаго правительства—врагъ ихъ. Надо было выбирать: или сохраненіе старыхъ дружескихъ сношеній съ вождями нашей эмиграціи, или отказаться отъ пристальнаго изученія славянства. Я, разумѣется, выбралъ первое, собираясь возобновить эту переписку, когда буду въ безопасности, т. е. внѣ Австріи. Но въ Яссы я попалъ ужъ, сильно поколебавшимся въ своихъ отрицаніяхъ всего существующаго и всего затѣваемаго людьми, не говоря уже, что идеи нашего лондонскаго кружка давно-таки стали мнѣ чужды. Нуждаясь въ сосредоточеніи и въ провѣркѣ наединѣ результатовъ, къ которымъ я пришелъ въ послѣднее время, я опять-таки не возобновилъ этой переписки, потому что зналъ впередъ, что они могутъ мнѣ сказать. Вражды къ нимъ у меня, разумѣется, не было да и быть не могло; разставаясь съ ними въ 1862 г., я унесъ объ нихъ самое свѣтлое воспоминаніе, отъ котораго не имѣлъ повода до сихъ поръ отказаться. Если они ошибались и до сихъ поръ ошибаются, какъ политическіе дѣятели, все же, я лично не имѣю повода считать ихъ нечестными или недобросовѣстными. Сообщать имъ о моемъ намѣреніи сдать я не сталъ; это испугало бы ихъ за меня, и они навѣрное стали бы меня уговаривать и урезонивать, я бы ихъ не послушался и сталъ бы къ нимъ въ то фальшивое положеніе, котораго мнѣ именно не хотѣлось. Да наконецъ, какъ было сказано, сутки тому назадъ я самъ не думалъ сдаваться» (89—91).

Прибывъ на лодкѣ въ Скуляны, Кельсіевъ написалъ управляющему таможей С. Г. Соколову: «М. Г., неосужденный государственный преступникъ, изгнанный на вѣчныя времена изъ предѣловъ государства, Василій Ивановъ Кельсіевъ, желая сдать себя условно въ руки правительства, покорнѣйше проситъ васъ принять

надлежація мѣры къ его немедленному арестованію. *Кельсіевъ*» (стр. 101).

Въ началѣ іюня 1867 г. онъ былъ доставленъ въ С. Пб., про- сидѣлъ въ Петропавловской крѣпости, а 11 сентября освобожденъ.

Васильевъ выведенъ Кельсіевымъ подъ именемъ С. М. Мудрова, Краснопѣвцевъ, какъ тогда уже умершей,—подъ своимъ собственнымъ. Васильевъ прибылъ въ Тульчу въ іюлѣ 1864 г. съ письмомъ отъ Герцена; онъ думалъ, что тамъ существовало организованное Кельсіевымъ тайное общество. «Но, увы, никакого ни тайнаго, ни явнаго въ Тульчѣ общества мною, къ прискорбію С. М., заведено не было» (стр. 327).

«Не съ кѣмъ мнѣ было въ Тульчѣ говорить. Единственное развитое существо, которое тамъ было, братъ мой Иванъ, было уже на томъ свѣтѣ. Потеря была такъ страшна, что, развѣ, только человѣкъ терявшій пойметъ, почему я бросился на шею С. М., когда тотъ явился въ Тульчу» (стр. 349—350). П. И. Краснопѣвцевъ покушался отравиться угаромъ, а послѣ неудачи, въ февралѣ 1865 г. повѣсился.

Книга Кельсіева была раньше проведена фельетонами въ «Голосѣ», а издана отдѣльно уже послѣ отпечатанія статьи Герцена въ «Колоколѣ».

Припеду еще извлеченія изъ рапорта нашего тульчинскаго вице-консула А. Кудрявцева отъ 1865 г.

«Въ послѣднее трехлѣтіе въ столицѣ Нижней Добруджи проживали пять русскихъ эмигрантовъ: два брата Кельсіевы,—Василій съ женою и двумя дѣтьми, и Иванъ,—Петръ Краснопѣвцевъ, Михаилъ Васильевъ и Владиміръ Эберманъ. Послѣдняго для незнающихъ его не слѣдовало бы, можетъ быть, причислить къ разряду чисто-русскихъ, но для знающихъ его онъ—иностранецъ только по фамиліи. Бывшій нижегородскій гимназистъ, онъ говоритъ только по-русски и исповѣдуетъ православную вѣру.

«Исторія бр. Кельсіевыхъ извѣстна. Старшій жилъ сначала въ Лондонѣ, потомъ очутился въ Тульчѣ. Младшій выпилилъ окно въ московской тюрьмѣ и бѣжалъ съ фальшивымъ паспортомъ въ Таганрогъ. Мысль его была пробраться въ Лондонъ къ брату, но, встрѣтившись съ нимъ въ Константинополь, они остались тамъ съ цѣлью работать о возбужденіи въ Россіи движенія въ пользу поляковъ и противъ императорскаго правительства. Это было лѣтомъ 1863 г., т. е. въ то время, когда революціонная агитація была уже подавлена, безсиліе и бесплодность повстанія обнаружилась, когда сочувствіе къ эмигрантамъ обратилось въ ненависть. Средства существованія ихъ прекратились. Герценъ и

Огаревъ болѣе не посылали имъ денегъ, а своихъ собственныхъ давно уже не было. «Мы жили, рассказывалъ мнѣ Кельсіевъ, однѣми надеждами на скорое возвращеніе въ Россію путемъ переворота, но роковой 1863 годъ разрушилъ всѣ эти надежды. Стало ясно, что надо было приниматься за какое-нибудь дѣло для добыванія куска насущнаго хлѣба». Дѣло, впрочемъ, было готово. Давно заграничная старообрядческая пропаганда звала Кельсіева на работу. Для нея старшій предпринималъ путешествіе изъ Лондона въ СПб. и Москву. Ему обѣщано было многое. Прибывъ сначала въ Константинополь, куда явился и братъ его Иванъ, они оба отправились въ Тульчу для заведенія типографіи, исключительное назначеніе которой предполагалось въ печатаніи сектантскихъ книгъ, запрещенныхъ въ Россіи. Мысль была вынудить императорское правительство къ предоставленію безусловной свободы всѣмъ вѣрамъ въ Россіи.

«Капиталь на заведеніе типографіи былъ обѣщанъ старообрядцами. Оставалось получить его. Въ сентябрѣ 1863 г. младшій Кельсіевъ пріѣхалъ въ Тульчу, вооруженный кипкою прокламацій и писемъ. Старшій же съ семействомъ своимъ остался въ Константинополѣ. Въ Тульчѣ пріѣзжаго приняли весьма холодно и уклончиво. Заведеніе типографіи очень одобрили, но не сдѣлали ни шагу къ ея осуществленію, отговариваясь и отгораживаясь всякими благовидными предлогами. Дѣло лопнуло. Вліяніе партіи потеряно. Партія Кельсіевыхъ, т.-е. лондонская, скомпрометирована безсиліемъ, бѣдностью, недостаткомъ людей и денегъ. Настало время испытать весь ужасъ нищеты. Пишущій эти строки передаетъ рассказъ въ точныхъ его выраженіяхъ, сдѣланный ему въ прошедшемъ году Василиемъ Кельсіевымъ.

«Возвратиться въ Константинополь младшему было не на что. Онъ погибалъ съ голоду и холоду, занимаясь писаніемъ писемъ для безграмотныхъ старообрядцевъ, веденіемъ ихъ счетовъ и т. п. вздоромъ.

«Между тѣмъ онъ разсылалъ въ Россію письма и прокламаціи слѣдующаго содержанія: «Господи Іисусе Христе, сынъ Божій, помилуй насъ грѣшныхъ etc» (прокламація дана на стр. 105 т. XVI).

«Въ это самое время онъ познакомился съ руснаками, т.-е. съ малороссіянами, и предложилъ имъ завести руснацкую школу. Предложеніе было принято. Школа открылась гдѣ-то во дворѣ, въ крохотной мазанкѣ. Цѣна за преподаваніе положена была 10 піастровъ (60 коп. сер.) съ мальчика въ мѣсяць. Громада, т.-е. общество, обѣщало поддержать шѣолу посылкою дѣтей, но, по своей испоконной апатіи, рѣшительно ничего не сдѣлала. Мальчиковъ

болѣ 10 никогда не бывало, работа была каторжная да притомъ и школа была устроена на крайне дикихъ основаніяхъ. Руснаки, приводя къ Ивану Кельсіеву дѣтей, говорили: «Ты его, бестію, до всего не доводи, а то онъ, бестія, меня почитать не будетъ, а я ему отецъ. Пусть грамотѣ знаетъ да цифирь, псалтирь пусть разбираетъ и писать умѣетъ,—вотъ ему и вся наука. А то тоже, какъ бы ты его обучилъ пѣть на клиросѣ; было бы хорошо, чтобъ этотъ мой сынъ на клиросѣ дьяку бы подтягиваль. Учи хорошо. Я тебѣ за это 10 піастровъ каждый мѣсяць стану давать. Въ мериканской (методистская американская школа Флокена) даромъ учать, да туда не пошлю его, потому что тамъ его въ мериканы передѣлають. Учатъ тамъ, какія моря гдѣ есть, а ты его въ пучины морскія не заводи,—мы народъ земляной. Мериканамъ нужно моря знать, оттого что они все по морямъ ѣздять, а я не хочу, чтобъ онъ по морямъ ѣздилъ. А колоти его крѣпче»... и т. д.

«Учить должно было непремѣнно по киевской грамматыки съ раннего утра до позднего вечера. Учитель побился мѣсяца три, махнулъ, наконецъ, рукою и перешель въ американскую школу за 7 червонцевъ въ мѣсяць. Онъ не жилъ долго. Изъ Константинополя приѣхаль братъ его Василій съ семействомъ. Голодъ и холодъ сдѣлались чувствительнѣе. Иванъ умеръ 9 іюня 1864 г. и похороненъ въ оградѣ тульчинской Преображенской церкви.

«По смерти брата Василій Кельсіевъ занялъ его каведру у Флокена. Я приѣхаль сюда, говоритъ онъ, съ намѣреніемъ поселиться здѣсь навсегда. Во-первыхъ, Россія для меня на вѣки утрачена, тамъ меня ожидаетъ либо казематъ, либо каторга. Искать отечества на Западѣ, такъ ненавидимомъ русской революціонной партіей, мнѣ противно. Востокъ для меня роднѣе, и на всемъ Востокѣ не могло даже и быть стороны удобнѣйшей Добруджи для русскаго выходца. Почти вся Добруджа говоритъ по-русски, живеть по-русски, знаетъ Россію, помнитъ свое происхожденіе. Добруджа—Русская Америка или Австралія, Россія подъ царемъ-султаномъ, Задунайская Русь. Здѣсь могу я стать гражданиномъ, участвовать въ ея мѣстныхъ интересахъ, приложить къ дѣлу свое знаніе, свой опытъ. Въ Добруджѣ я могу собрать русскихъ эмигрантовъ, составляю изъ нихъ артель, съ помощью ихъ заведу гимназію, бібліотеку, познакомлю дикарей съ агрономією,—словомъ, разовью ихъ. Зная ихъ языкъ, живя одною съ ними кровью, понимаю и потому щады ихъ слабости, я могу ужиться съ ними и стать имъ полезнымъ. Я могъ бы предохранить ихъ отъ всякаго рода иностранныхъ вліяній. На русское дѣло я смотрѣлъ бы, какъ на совершенно домашнюю ссору, которую изъ избы выносить не

слѣдуетъ, а потому я поставилъ бы себѣ задачею оберегать народность нашу отъ иностранныхъ вліяній, гибельные примѣры которыхъ мнѣ много разъ доводилось видѣть въ моихъ походе-ніяхъ».

«Такъ говорилъ со мною русскій государственный преступникъ! Надобно ли мнѣ говорить, что его программа ни въ одномъ пунктѣ не могла выполниться, ибо въ каждомъ словѣ его, въ каждомъ понятіи отражался человѣкъ, упавшій нравственно и навсегда, съ нескрываемою ненавистью къ Божеству и ко всему человѣчеству вообще и съ непритворнымъ мщеніемъ и желчью къ Россіи и ко всему русскому въ особенности. Въ каждомъ шагѣ его, въ каждомъ его планѣ виднѣлись *настояціе* отпрыски мозговыхъ и и сердечныхъ его чувствованій къ императорскому правительству.

«Изъ донесеній моихъ видно, какую долю принимало ввѣренное управленію моему вице-консульство въ разрушеніи всѣхъ дѣйствій, плановъ и предположеній Василя Кельсіева. Обезсиленный борьбою, побѣжденный, ненавидимый всѣми безъ исключенія, онъ оставилъ Тульчу 27 апрѣля 1865 г. и поѣхалъ вмѣстѣ съ семействомъ своимъ въ Галацъ, а оттуда, какъ кажется, въ Прагу или въ другую часть Европы.

«Въ сентябрѣ 1864 г. прибылъ въ Тульчу бывшій русскій артиллерійскій офицеръ Петръ Ивановичъ Краснопѣвцевъ. Біографическія свѣдѣнія о немъ заключались въ журналѣ Василя Кельсіева. Онъ также поступилъ учителемъ въ американскую школу, но былъ въ ней недолго. Раскаяніе въ преступленіи и тоска по родинѣ, угрызеніе совѣсти и потеря надежды на проложеніе себѣ какой-либо карьеры подали ему мысль къ самоубійству. Отъ мысли онъ скоро перешелъ къ дѣлу. Въ ночь съ 7 на 8 февраля 1865 г. Краснопѣвцевъ былъ найденъ висѣвшимъ на крылѣ одной изъ мельницъ, покрывающихъ высоты Тульчи.

«Въ іюнѣ 1864 г. явился сюда Михаилъ Васильевъ съ рекомендаціею отъ Герцена къ старообрядцамъ. Пошлѣе и ничтожнѣе сей личности трудно себѣ представить. Его видно съ утра до вечера по улицамъ. Вчера выдѣлывалъ онъ хомутину, сегодня торгуетъ гнилымъ лещемъ, завтра будетъ пасти свиней. Человѣкъ грубый, необразованный, неуживчивый, со всѣми ссорящійся и никому не дающій покоя. Недѣлю тому назадъ вошелъ онъ въ шинокъ и среди толпы малороссіянь сталъ торжественно проповѣдывать, что Бога нѣтъ, что І. Христосъ проживаетъ въ Вологодской губ., что онъ съ нимъ знакомъ, что со всѣми 12-тью апостолами онъ закадычный пріятель и съ ними вмѣстѣ кутилъ и веселился въ Россіи. По окончаніи сей рѣчи одинъ изъ малороссіянь нанесъ

ему ударъ по головѣ. Васильевъ упалъ, но, вскочивъ, схватилъ стаканъ и бросилъ въ малоросса. Лобъ сего послѣдняго былъ разбитъ почти что пополамъ. Эмигранта связали, привели въ конакъ, посадили на 24 часа въ тюрьму и присудили заплатить раненому 4 турецкихъ лиръ. Подобнаго факта достаточно, чтобы имѣть понятіе объ этомъ гнусномъ человѣкѣ.

«Остается еще Владиміръ Эберманъ, просящій нынѣ дозволенія возвратиться въ Россію. Мальчикъ онъ не глупый, но совершенно потерянный, ибо, очутившись почти что ребенкомъ на широкомъ полѣ, онъ, кромѣ необузданной воли и самоуправленія, ничего не знаетъ. Обладаетъ неспокойнымъ и нетерпѣливымъ характеромъ и не можетъ, по моему мнѣнію, быть покойнымъ, пока не надѣнутъ на него крѣпкую уздечку. Онъ открылъ здѣсь молканскую школу, которая существовала недолго. Два раза собирався онъ ѣхать въ Россію, два раза его родные присылали ему на путешествіе деньги, но всякій разъ онъ отдалялъ минуту выѣзда, пока не проѣдалъ послѣднюю копѣйку, послѣ сего, конечно, ему рѣшительно невозможно было пускаться въ путь. Погрязши въ долгахъ, ничѣмъ не занимаясь, умирая съ голоду и показывая ежедневно улицамъ и проходящему по нимъ народу свою грязную фигуру, онъ явился ко мнѣ съ просьбою объ исходатайствованіи ему дозволенія возвратиться на казенный счетъ въ Россію, предполагая, вѣроятно, что и долги его будутъ здѣсь нами выплачены» (Архивъ III Отд. С. Е. И. В. канц. 1 эксп. 1864 г., дѣло № 8 ч. 4).

40. «Этотъ нашъ разговоръ, — пишетъ Вырубовъ, — я, дѣйствительно, вспоминаю; онъ происходилъ по поводу произвольнаго закрытія каедры Ренана. Такое торжество теократіи поразило Герцена, какъ оскорбленіе всякой свободы мысли, какъ несомнѣнное доказательство безграничнаго вліянія религиозныхъ идей». «Такихъ примѣровъ сентиментальности въ вопросахъ, въ которыхъ настоящій политическій дѣятель прилагаетъ исключительно разсудокъ, можно привести сколько угодно. Они ясно показываютъ, что Герценъ съ самаго начала сбился съ пути, и что не правы были тѣ, которые требовали отъ него программы практическихъ дѣйствій, совѣтовъ, точныхъ наставленій. Не въ его натурѣ было составлять политическія программы и направлять молодое поколѣніе; онъ, какъ истый художникъ, былъ слишкомъ своеобразенъ, слишкомъ выдѣлялся изъ толпы тогдашнихъ дѣятелей, чтобы имѣть на нихъ непосредственное вліяніе» (Вырубовъ, «В. Е.» 1913, I, 61).

41. При всемъ желаніи установить личность Бахметева, мнѣ этого не удалось. По нѣкоторымъ даннымъ, можно предполагать, что это былъ Николай Федоровичъ, тверской помѣщикъ, пере-

ведшій въ 1856 г. своихъ 44 д. крестьянъ въ государственные и выѣхавшій изъ Россіи въ 1857 г., но я не могу утверждать, что это былъ именно описанный жертвователь. Былъ еще Бахметевъ, пензенскій помѣщикъ, родственникъ Огарева, но сказанное Герценомъ этому противорѣчить.

2 ноября 1872 г. Бакунинъ писалъ Огареву:

«Теперь, старый другъ, вотъ тебѣ просьба: ты знаешь, что Марксъ, Утинъ и вся ихъ германо-жидовская компанія затѣяли противъ меня грозный клеветливый процессъ. Мнѣ нужно доказывать, что я не воръ. Поэтому посылаю тебѣ проектъ заявленія, которое прошу тебя подписать. Такъ какъ ты классикъ, стилистъ, то можетъ быть слогъ тебѣ не понравится. За слогъ я не стою, измѣняй его сколько хочешь, сообразуясь съ своимъ требовательнымъ вкусомъ. Но не думаю, чтобъ ты захотѣлъ и нашелъ нужнымъ что измѣнить въ самомъ содержаніи предлагаемаго мною тебѣ заявленія, потому что это содержаніе, какъ ты самъ знаешь, строго сообразно самой чистой истинѣ, а истина измѣнена быть не можетъ. Я не считаю нужнымъ прибѣгать къ старой дружбѣ, чтобы ты написалъ и подписалъ такое заявленіе. Для этого достаточно будетъ твоей справедливости, а дружбу припасемъ на другія болѣе пріятныя вещи».

Приложенный Бакунинымъ текстъ заявленія:

«Объявляю симъ, что самъ лично и прямо передалъ такъ называемый бахметевскій фондъ Нечаеву, для передачи Русскому Комитету, который, по увѣренію Нечаева, существовалъ въ Россіи и котораго Нечаевъ, по его собственнымъ словамъ и въ силу бумагъ, имъ мнѣ показанныхъ, былъ только заграничнымъ довѣреннымъ лицомъ.

«Бакунинъ не имѣлъ ни малѣйшаго права на распоряженіе бахметевскимъ фондомъ. Это право принадлежало исключительно Герцену и мнѣ, а, по смерти Герцена, только мнѣ. Поэтому Бакунинъ и не присутствовалъ при передачѣ фонда Нечаеву совершенной мною однимъ, въ присутствіи Наталіи Александровны Герценъ. При этомъ я сдѣлалъ большую ошибку: вѣря почти безусловно въ революціонную честность Нечаева, я не взялъ съ него расписки. Потомъ, когда, вслѣдствіе фактовъ, потрясшихъ мое доброе мнѣніе о Нечаевѣ, я требовалъ отъ него расписки, въ присутствіи Бакунина, Озерова, Р—са и Семена Серебренникова, Нечаевъ, признавая вполне, что получилъ отъ меня бахметевскій фондъ, отказался однако дать мнѣ расписку въ полученіи его, подъ тѣмъ предлогомъ, что Русскій Комитетъ не имѣетъ обычая давать расписки. Это было со стороры Нечаева крайне недобрросовѣстно и окончательно убѣдило меня въ его нравственной несостоятельности.

«Участіе Бакунина въ этомъ дѣлѣ было такое: по смерти Герцена, онъ уговаривалъ меня передать весь бахметевскій фондъ Нечаеву, какъ довѣренному Русскаго Комитета, единственнаго представителя русскаго революціоннаго дѣла. Уговорить меня было, впрочемъ, не трудно, потому что и я, и Бакунинъ равно вѣрили въ существованіе и въ серьезный характеръ этого комитета и оба смотрѣли на Нечаева, какъ на главнаго представителя его за границей.

«Сіе показаніе, вполне сообразное истинѣ, подписываю своимъ именемъ, *Николай Огаревъ*» («Письма», 341—343).

42. Въ № 46 драгомаковскаго «Вольнаго Слова» 1882 г. напечатана слѣдующая очень важная замѣтка:

«Въ прошломъ № мы общали нашимъ читателямъ дать изъ вполне компетентнаго источника разъясненіе ходячаго слуха объ оставшемся по смерти Александра Ивановича Герцена «фондѣ на пропаганду въ Россіи». Этотъ источникъ мы имѣли прежде всего въ лицѣ стариннаго друга издателя «Колокола», г-на Станислава Тхоржевскаго, который разсказалъ намъ слѣдующее:

«Въ 1858 г. пріѣхалъ изъ Россіи въ Лондонъ молодой помѣщикъ Бахметевъ. Зайдя въ книжную лавку Станислава Тхоржевскаго Frith street, онъ спросилъ адресъ А. И. Герцена, объяснивъ, что желаетъ съ нимъ познакомиться. Такъ какъ Герценъ жилъ въ то время за городомъ, то Тхоржевскій предложилъ новопрїѣзжему его проводить, и они пріѣхали къ Герцену вмѣстѣ. Изъ разговоровъ оказалось вскорѣ, что Б—евъ политикой не занимался и, будучи натуралистомъ, специально изучалъ физиологію. Пробывъ непродолжительное время въ Лондонѣ, онъ собрался ѣхать на Панаму и далѣе для изслѣдованія по своей специальности и передъ отъѣздомъ просилъ Герцена принять отъ него на храненіе что-то около 1.000 фунтовъ стерлинговъ ¹⁾ на условіи, что, если черезъ 6 лѣтъ онъ не возвратится и не потребуетъ этихъ денегъ обратно, то чтобы онѣ были обращены *на пропаганду въ Россіи*, по усмотрѣнію Герцена и Огарева. Деньги эти, въ англійскихъ фунтахъ, были вручены Б—вымъ Герцену въ лавкѣ Тхоржевскаго и затѣмъ немедленно отвезены и положены Герценомъ въ банкъ Ротшильда на имя Б—ева, à disposition de M. Herzen по прошествіи 6-ти лѣтъ. Въ теченіе всего 6-тилѣтняго срока Герценъ никогда не скрывалъ, что имѣлъ въ своемъ распоряженіи означенную сумму и особенно

¹⁾ Въ разсказѣ объ этомъ случаѣ, помѣщенномъ въ «Посмертныхъ сочиненіяхъ» А. И. Г—на; нѣсколько разъ упоминается сумма въ 30.000 фр., какъ бывшая въ рукахъ Б—ва. (*Вол. Сл.*)

не скрывалъ этого отъ Михаила Бакунина, когда тотъ возвратился изъ Сибири. Когда наступилъ 1864 г., т.-е. минулъ назначенный Б—евымъ срокъ, то нѣкоторые эмигранты, и въ особенности Бакунинъ, стали требовать выдачи имъ на руки «бахметевскаго фонда». Но Герценъ не соглашался удовлетворить этому требованію въ теченіе всего 64-го года, единственно въ виду возможности возвращенія Бахметева. Въ слѣдующемъ, 1865 г., Герценъ и Бакунинъ переѣхали въ Швейцарію, гдѣ вскорѣ затѣмъ появился и Нечаевъ. Отношенія Герцена къ послѣднему съ перваго же свиданія стали натянуты, что объяснялось несимпатичными Герцену личными особенностями новоприѣзжаго революціонера, котораго онъ принялъ у себя всего одинъ разъ; Огаревъ же, по болѣзненности своего состоянія и сердечной добротѣ, относился къ Нечаеву всегда снисходительно, а Бакунинъ не только съ нимъ сошелся, но и принялъ его подъ свое особое покровительство. Онъ же посовѣтовалъ Нечаеву требовать отъ Герцена и Огарева выдачи «бахметевскаго фонда» на зачинавшееся тогда въ Россіи революціонное дѣло; но на всѣ требованія Нечаева и Бакунина (которому Герценъ неоднократно передавалъ деньги, лично для Бакунина собираемыя и пересылаемыя), несмотря на желаніе присоединившагося къ ихъ требованію Огарева, Герценъ постоянно отвѣчалъ рѣшительнымъ отказомъ. Лишь будучи уже на смертномъ одрѣ въ Парижѣ и получивъ отъ Огарева письмо, въ которомъ онъ высказывалъ увѣреніе, что отъ передачи денегъ Нечаеву зависитъ успѣхъ «великаго дѣла» для Россіи, Герценъ согласился предоставить Огареву распорядиться *половиною* «бахметевскаго фонда», сказавъ: «когда умру, Огаревъ самъ распорядится всей суммой», и желая только, чтобы изъ упомянутаго фонда 10.000 фр. были удѣлены Чернецкому, какъ нѣкоторое обезпеченіе старости этого почтеннаго сотрудника издателей «Колокола». Послѣ похоронъ Александра Ивановича и раздѣла оставшагося послѣ него наслѣдства, Герценъ-сынъ взялъ у Ротшильда числившуюся у него сумму «фонда» 25.000 фр. и отправился къ Чернецкому въ Женеву предложить ему, по волѣ покойнаго отца, 10.000 франковъ; но Чернецкій наотрѣзъ отказался отъ полученія какой бы то ни было суммы, заявивъ, что считаетъ себя не въ правѣ воспользоваться деньгами, предназначенными «для русской пропаганды». Тогда Герценъ-сынъ вмѣстѣ съ Чернецкимъ поѣхалъ къ Огареву, гдѣ засталъ Нечаева. Тутъ же въ присутствіи Чернецкаго и англичанки *gagde-malade*, онъ отдалъ всѣ деньги Огареву, а послѣдній, даже не считая, изъ рукъ въ руки передалъ ихъ Нечаеву. Дальнѣйшая

удьба этихъ денегъ неизвѣстна, такъ какъ Нечаевъ никому не отдавалъ въ нихъ отчета».

«Записавъ этотъ разсказъ почти дословно, мы препроводили его къ сыну покойнаго издателя «Колокола», Александру Александровичу Герцену. Въ отвѣтъ на наше письмо Александръ Александровичъ говоритъ: «Насколько я помню, разсказъ Тхоржевскаго совершенно вѣренъ», и утверждаетъ, что онъ «получилъ отъ отца только 1.000 фунтовъ, которые и передалъ Огареву». Прибавимъ къ этому, что въ хранящейся у А. А. Герцена собственноручной распискѣ Огарева сказано, что онъ, Огаревъ, получилъ отъ А. А. —на «всѣ *остальныя* деньги бахметевскаго капитала», изъ чегои Гслѣдуетъ, что извѣстная часть денегъ и, вѣроятно, проценты был прежде получены Огаревымъ, или, по крайней мѣрѣ, что послѣднему извѣстно было ихъ употребленіе,—и скорѣе первое, чѣмъ второе. По всей вѣроятности, и прежняя часть денегъ была передана туда же, куда пошли и *остальныя* деньги.

«Такова возможно точная исторія того «русскаго революціоннаго фонда», о которомъ такъ часто сообщались мнѣшескія свѣдѣнія въ разныхъ журналахъ и книгахъ. Возстановляя здѣсь эту исторію по показаніямъ ближайшихъ къ ней лицъ, мы надѣемся на прекращеніе хода всякихъ фантастическихъ ея варіацій и тѣхъ заключеній, какія изъ нихъ дѣлаются».

Позже А. А. Герценъ писалъ М. П. Драгоманову: «Еще до смерти отца я видѣлъ, съ какою настойчивостью Бакунинъ требовалъ выдачи бахметевскаго фонда «революціонному комитету», существовавшему только въ словахъ Нечаева. Отецъ не хотѣлъ давать; Бакунинъ воспользовался своимъ вліяніемъ на Огарева, тогда находившагося почти въ ребяческомъ состояніи отъ болѣзней и привычки, и бѣдный Огаревъ сталъ тоже требовать выдачи фонда; мой отецъ отдалъ ему половину, которая тотчасъ же и была израсходована Бакунинымъ и Нечаевымъ. Послѣ смерти отца, Бакунинъ сталъ снова настаивать, чтобы «комитету» выдана была и другая половина фонда, да еще вздумалъ продолжать «Колоколъ». Я не хотѣлъ ни того, ни другого, зная, что деньги пропадутъ безъ малѣйшей пользы, и отлично зная, что ни Огаревъ, ни Бакунинъ—уже про Нечаева и говорить нечего,—совершенно неспособны продолжать «Колоколъ», это личное твореніе отца. Отказать въ деньгахъ, не моихъ, я, конечно, не имѣлъ права, да и запретить изданіе «Колокола» не могъ; поэтому уступилъ, наконецъ, прямому требованію Огарева и привезъ ему деньги. У него ждали меня Бакунинъ и Нечаевъ и, въ моемъ присутствіи, тотчасъ же Огаревъ, взявъ отъ меня деньги и давъ расписку, пере-

далъ ихъ Бакунину, а Бакунинъ—Нечаеву» («Письма М. А. Бакунина къ А. И. Г. и Н. П. О.», 535—536).

Кромѣ мелкихъ подробностей и самаго конца, свидѣтельства Тхоржевскаго и А. А. Герцена вполне совпадаютъ; не противорѣчитъ имъ и рассказанное Н. А. Огаревой въ ея «Воспоминаніяхъ» (стр. 127—130 и 264—266).

Когда А. А. Герценъ писалъ Драгоманову въ 1894—95 гг., онъ забылъ: 1) что деньги были переданы Нечаеву безъ Бакунина и 2) что Огаревъ составилъ объ этомъ особую расписку, которая хранится въ архивѣ семьи Герцена и приводится мною ниже. Очевидно, въ присутствіи и при посредствѣ Бакунина были переданы какія-нибудь другія деньги, не имѣвшія отношенія къ бахметевскимъ.

Вотъ текстъ расписки:

«Мы, т.-е. покойный Герценъ и я нижеподписавшійся, получили въ Лондонѣ фондъ для русскаго дѣла, и я передалъ его (и до сихъ поръ расписки я не получилъ), куда слѣдуетъ, черезъ посредство Нечаева. Бакунинъ въ передачѣ и полученіи денегъ не участвовалъ.

«Въ моемъ распоряженіи остаются тысяча четыреста десять (1.410) франковъ и пятьдесятъ сантимовъ, изъ которыхъ я ни сантима никому не выдамъ до полученія отвѣта объ изданіи «Колокола».

Николай Огаревъ.

20 Іюня 1870 года.
Женева.

«Что это свидѣтельство дѣйствительно сдѣлано и подписано Г. Николаемъ Платоновичемъ Огаревымъ, утверждаютъ:

*Наталія Герценъ,
Наталія Герценъ (Н. А. Огарева),
Семеновъ Серебренниковъ».*

Въ заключеніе приведу еще одинъ документъ,—письмо П. Л. Лаврова въ редакцію «La Justice»:

«Я попросилъ бы васъ удѣлить мнѣ нѣсколько строчекъ въ вашей уважаемой газетѣ, которая по отношенію къ намъ была всегда такъ любезна. Мнѣ необходимо внести маленькую поправку. Въ только-что появившемся II томѣ работы Leroy-Beaulieu «L'Empire des tsars et les Russes» сообщенъ «слухъ», который касается меня.

«Дѣло идетъ о легендѣ о «капиталахъ», переданныхъ Герцену для изданія «Колокола» и переданныхъ имъ въ качествѣ фонда

революційної пропаганди нинішнімъ продолжателямъ Герцена, а именно полковнику Лаврову.

«Трудъ Leroy-Beaulieu, несмотря на нѣкоторыя ошибки, имѣеть достаточную цѣнность и обнаруживаетъ значительное знакомство и тѣмъ легче можетъ упрочить ошибочныя мнѣнія. И тѣмъ огорчительнѣе, что авторъ даетъ мѣсто въ немъ розказнямъ, лишеннымъ какого бы то ни было основанія. Легенда, о которой идетъ рѣчь, давняго происхожденія. Мнѣ помнится, что одинъ изъ членовъ сѣмьи Герцена (кажется, М-г Monod) уже давно отрицалъ эти факты. Мнѣ думается, что я могу утверждать, что «Колоколъ» былъ издаваемъ на личныя средства Герцена безъ помощи какихъ бы то ни было «капиталовъ», явившихся извнѣ. Но что я могу засвидѣтельствовать, это, что ни Герценъ, ни его друзья, ни родные не передавали ни одного су фонда революційной пропаганды издателямъ журнала «Впередъ», который я имѣлъ честь вести въ теченіе 3 лѣтъ, съ 1873 по 1876 г. Съ такой же увѣренностью я отрицаю всякую другую передачу «фонда» этого рода кому бы то ни было на протяженіи этого промежутка времени.

Петръ Лавровъ».

2 сентября 1882 г.

Разумѣется, проф. Ив. Ив. Ивановъ воспользовался этой главой и счелъ «научнымъ» говорить о томъ, что Герцена «обвиняли въ скупости, въ барствѣ, въ безнадежной отсталости и даже въ утайкѣ чужихъ денегъ, врученныхъ ему однимъ русскимъ чудачкомъ—по его описанію—на его пропаганду» (стр. 385)...

Въ маѣ или іюнѣ 1863 г. изъ Мензелинска бѣжалъ за границу Евгеній Гижицкій, сосланный туда въ 1861 г. по дѣлу о студенческихъ беспорядкахъ (Архивъ III Отд. С. Е. И. В. канц. 1 эксп. 1862 г., дѣло № 230, ч. 10 лит. А.). Черезъ нѣсколько лѣтъ онъ сблизился изъ-за границы съ катковскими «Московскими Вѣдомостями» и помѣстилъ тамъ анонимно обширную статью «Русскіе эмигранты» (1873 г. №№ 12—14),—типичную для ренегата кучу сплетенъ и грязнаго бѣлья, кромѣ которыхъ, онъ, повидимому, ничего изъ своей эмиграціи не вынесъ. Я еще буду имѣть случай въ послѣдствіи не разъ останавливаться на этомъ «достоверномъ свидѣтелѣ», а теперь укажу только на касающееся: «общаго фонда». Гижицкій утверждалъ, что «Герценъ открылъ ему (Баксту—*М. Л.*) неопредѣленный кредитъ въ кассѣ «общаго фонда» русской революційной пропаганды, дѣла котораго находились въ то время (въ Лондонѣ—*М. Л.*) въ самомъ цвѣтущемъ состояніи; «покойный издатель «Колокола» никогда не церемонился съ деньгами «общаго

фонда», который составлялся изъ пожертвованій нашихъ доморощенныхъ революціонныхъ самодуровъ и въ который самъ Герценъ только въ послѣдніе дни своей жизни рѣшился вносить самую скромную лепту». Въ другомъ мѣстѣ сотрудникъ III Отдѣленія (которое за это и выдало его въ своей «Исторіи соціально-революціоннаго движенія въ Россіи», Спб., 1887 г.) разсказалъ басню о 20,000 серебряныхъ рублей, данныхъ Бахметевымъ, и другую — о передачѣ Герценомъ-отцомъ Нечаеву изъ рукъ въ руки 18,000 фр. и заключилъ ихъ, какъ и слѣдовало: «Вообще, Герценъ съ удовольствіемъ принималъ деньги отъ русскихъ революціонеровъ, которыя потомъ, подъ предлогомъ пользы общему дѣлу, горстями раздавалъ своимъ пріятелямъ». Очень естественно, что такіе розказни департаментъ полиціи рекомендовалъ въ своей «Исторіи», какъ цѣнныя и достовѣрныя свѣдѣнія о русской эмиграціи.

Разумѣется, Гижицкій, какъ и другіе, упустилъ изъ вида еще одно существенное обстоятельство: такъ называемый, «общій фондъ» былъ составляемъ исключительно изъ разныхъ пожертвованій, которыя и поступали на публичный учетъ, ведшійся въ «Колоколѣ», а Бахметевъ далъ деньги лично Герцену и Огареву, и эта сумма никогда въ «общій фондъ» не зачислялась.

43. Т. П. Пассекъ разсказываетъ, что когда «руководители революціонной партіи» узнали о намѣреніи дѣтей Герцена включить эту главу въ готовившееся ими собраніе его сочиненій, то «отправили къ его сыну письмо на бланкѣ «Народной расправы» съ угрозами. Письмо было безъ подписи. Въ «Народную расправу» былъ посланъ слѣдующій отвѣтъ: «Дѣти Александра Ивановича Герцена не боятся народной расправы». Статья была напечатана» (т. III, стр. 133).

Какъ сказано въ библиографическомъ комментарий, глава была напечатана впервые въ 1870 г., слѣдовательно, все это должно относиться не къ собранію сочиненій, а къ «Сборнику посмертныхъ статей».

Николай А. Герценъ, со словъ своего отца, А. А. Герцена, въ общемъ подтверждаетъ этотъ разсказъ: «Въ 1870 г. нѣсколько русскихъ революціонеровъ узнали о намѣреніи наслѣдниковъ дѣда опубликовать, въ числѣ другихъ матеріаловъ, также и разсказъ о бахметевскомъ фондѣ. Мой отецъ получилъ анонимное письмо со штемпелемъ Народной расправы (топоры и пр.), въ которомъ содержались угрозы смертью въ случаѣ, если онъ приведетъ свое намѣреніе въ исполненіе. Отецъ ничего не отвѣтилъ».

44. 5 октября 1843 г. Нессельроде прислалъ шефу жандармовъ копію депеши нашего повѣреннаго въ Швейцаріи о Бакунинѣ

и его сношеніяхъ въ Цюрихъ съ коммунистомъ Вейтлингомъ, Гервегомъ, проф. Фолленомъ, д-ромъ Фребелемъ и др.

11 ноября шефъ жандармовъ увѣдомилъ объ этомъ министра вн. дѣлъ, прибавивъ, что находившійся въ Цюрихъ отставной офицеръ Михаилъ Бакунинъ, сынъ помѣщика Тверской губерніи, «былъ въ сношеніяхъ съ обществомъ коммунистовъ и, по принятіи тамошнимъ правительствомъ мѣръ къ обнаруженію замысловъ сего общества, скрылся изъ Цюриха и переѣзжаетъ изъ мѣста въ мѣсто по Швейцаріи, намѣреваясь, однако же, возвратиться черезъ Берлинъ въ Россію». Тверской губернаторъ увѣдомилъ Бенкендорфа, что отецъ Бакунина, «престарѣлый и слѣпой коллежскій совѣтникъ Александръ Бакунинъ жительствоуетъ въ Новоторжскомъ у.; что самъ онъ и супруга его чистотою правилъ и нравственностью заслужили отъ всѣхъ уваженіе, но сыновья и дочери ихъ по общимъ отзывамъ, странны образомъ мыслей, обращеніемъ и мечтательностью; любя все отвлеченное, они исключительно занимаются изученіемъ системъ новѣйшихъ философовъ и тѣмъ выводятъ себя изъ круга обыкновенныхъ людей; что болѣе всѣхъ отличался возмуженностью старшій сынъ, вышеупомянутый Михаилъ Бакунинъ, и его внушеніямъ приписываютъ нынѣшнее положеніе его братьевъ и сестеръ, которые, находясь при родителяхъ, умствованіями своими, совершенно противными ихъ правиламъ, не рѣдко нарушаютъ семейное спокойствіе; что, впрочемъ, нѣтъ поводовъ предполагать, чтобы дѣти Бакунина принаровляли свои философскія системы къ нашему правительству и нашихъ узаконеніямъ». Бенкендорфъ вновь просилъ министра приказать тверскому губернатору сообщить помѣщику Александру Бакунину, чтобы «онъ немедленно истребовалъ старшаго сына своего Михаила изъ-за границы и съ сего времени совершенно прекратилъ бы посылку къ нему денегъ на содержаніе тамъ; по возвращеніи же Михаила Бакунина въ Россію полагалъ необходимымъ учредить надзоръ за его поведеніемъ». Докладчикъ этой бумаги Перовскому надписалъ на ней: «Его высокопревосходительство изволилъ обратить особенное вниманіе на сіе отношеніе». 30 ноября министръ далъ губернатору соотвѣтствующее распоряженіе. 11 декабря губернаторъ донесъ ему, что послѣднее исполнено, и приложилъ копію письма отца Бакунина къ новоторжскому уѣздному предводителю дворянства, пославъ подлинникъ Бенкендорфу.

Вотъ что писалъ старикъ-отецъ 23 ноября: «Съ прошедшаго мая мѣсяца я болѣе никакихъ денегъ къ сыну моему не посылалъ, а въ маѣ мѣсяцѣ, пославъ къ нему въ Дрезденъ 1000 р. асс., тогда же писалъ къ нему, что я, по разстроеннымъ моимъ дѣламъ,

давать ему впредь денежныхъ пособій не могу и долговъ его, если наживетъ онъ, платить не стану, что долговременная и бесполезная его отлучка много меня оскорбляетъ и что потому, какъ отецъ, требую и, какъ другъ, совѣтую, чтобы онъ немедленно и безъ опасенія возвратился въ Россію, потому что мы, благодаря бога, живемъ подъ управленіемъ государя правосуднаго. На письмо сіе отвѣта я не получилъ, но знаю, что сынъ мой изъ Дрездена уѣхалъ въ Швейцарію, а гдѣ теперь находится, чѣмъ занимается и какими пособиями себя содержитъ, мнѣ неизвѣстно, а потому никакого распоряженія сдѣлать не могу, хотя душевно желаю, чтобы сынъ мой опомнился и поскорѣе въ Россію возвратился».

На запросы III Отдѣленія отецъ Бакунина писалъ 28 декабря 1843 г.: «Сынъ мой Михаилъ, котораго безразсудство много меня оскорбляетъ, воспитанъ былъ не дома, а въ артиллерійскомъ училищѣ, худо служилъ и не являсь въ срокъ къ своему начальству, отставленъ только тѣмъ же чиномъ прапорщика и то по милости Е. И. В. в. кн. Михаила Павловича; въ отставкѣ жилъ онъ со мною не долго и хотѣлъ содержать себя въ Москвѣ преподаваніемъ математическихъ уроковъ, потомъ опять возвратился ко мнѣ и началъ было заниматься хозяйствомъ, но это продолжалось не долго чувствуя, что самъ утратилъ путь свой по артиллерійской службѣ, и увлекаясь страстью къ наукамъ, просилъ онъ, наконецъ, меня позволить ему ѣхать въ Берлинъ, чтобы тамъ довершивъ свое ученіе подъ руководствомъ знаменитѣйшихъ профессоровъ, возвратиться въ Россію и съ пользою вступить въ государственную службу; я не могъ на это не согласиться, но вскорѣ въ согласіи моемъ сталъ каяться, замѣтивъ, что мнимая премудрость германскихъ мудрецовъ увлекла его отъ полезной цѣли, и тщетно совѣтовалъ ему возвратиться въ Россію. Гибельная фантазмагорія увлекла, къ крайнему прискорбію моему, молодого и пылкаго человѣка, но никакъ не могу повѣрить, чтобы онъ, измѣнивъ долгу своему и присягѣ, дѣйствительно питалъ какіе либо вредные отечеству своему замыслы и если завлеченъ былъ какимъ то мнимымъ либерализмомъ за предѣлы своихъ обязанностей, то непременно поздно или рано возвратится на истинный путь».

Нашъ повѣренный въ Швейцаріи Струве призывалъ Бакунина 6 февраля 1844 г. и былъ убѣжденъ, что уговорилъ его исполнить требованіе правительства, но оказалось, что Бакунинъ на другой же день выѣхалъ изъерна въ Германію.

13 января 1845 г. департаментъ полиціи исполнительной потребовалъ отъ тверскаго губернатора скорѣйшаго доставленія свѣдѣній на предписаніе отъ 30 ноября 1843 г., очевидно, допуская мысль

что Михаилъ Бакунинъ живеть уже въ Россіи. 19 февраля 1845 г. губернаторъ писалъ «по дѣлу объ отставномъ прапорщикѣ Бакунинѣ, судимомъ за невозвращеніе въ Россію»: «Губернское правленіе, вслѣдствіе сообщенія петербургской уголовной палаты о приведеніи въ исполненіе рѣшенія прав. сената, высоч. утвержденного, надъ отстав. прапорщикомъ Михайло Бакунинымъ, заключающемся въ слѣдующемъ: «подсудимаго Бакунина, виновнаго въ преступныхъ за границею сношеніяхъ съ обществомъ злонамѣренныхъ людей и въ ослушаніи вызову правительства по высоч. волѣ о возвращеніи въ Россію, лишивъ чина и дворянства, сослать, въ случаѣ явки въ Россію, въ Сибирь въ каторжную работу, а принадлежащее ему имѣніе, какое окажется можетъ, взять въ секвестръ»,—вмѣстѣ съ симъ предписало градскимъ и земскимъ полиціямъ, чтобы онѣ за появленіемъ того Бакунина имѣли неослабное наблюденіе подъ собственною своею отвѣтственности и коль скоро онъ явится, то прислать его въ губернское правленіе за подлежащимъ карауломъ для исполненія надъ нимъ рѣшенія прав. сената высоч. утвержденного, сдѣлавъ между тѣмъ вѣрнѣйшее дознаніе объ имѣніи, принадлежащемъ Бакунину и, если таковое окажется, тотчасъ взять въ секвестръ».

11 декабря 1847 г. гр. Киселевъ извѣстилъ, что Бакунинъ изгнанъ изъ Парижа послѣ рѣчи своей 29 ноября въ собраніи польскихъ эмигрантовъ. Въ апрѣлѣ 1848 г. Бакунинъ былъ въ Берлинѣ, и прежде всего посѣтилъ купца Sigmund, тестя Гервега. Какъ разъ въ это время его звала въ Парижъ явно тогда влюбленная въ него сестра Сазонова, Марія Ивановна Полуденская, уже овдовѣвшая и жившая во Франціи съ сыномъ своимъ Николаемъ.

Въ сентябрѣ нашъ берлинскій посланникъ увѣдомилъ, что прусское правительство намѣрено выслать Бакунина изъ Пруссіи. Дубельтъ написалъ на копіи депеши: «Еслибы прусское правительство дѣйствовало твердо, то оно выдало бы намъ этого мошенника».

Въ 1848 г. въ Лейпцигѣ была напечатана брошюра Бакунина «Aufruf an die Slaven» von einem russischen Patrioten Michael Bakunin, Mitglied des Slavenkongresses in Prag», выпущенная въ Cöthen'ѣ. Ознакомившись съ нею, Дубельтъ написалъ Орлову 12 января 1849 г.: «Я съ ужасомъ читалъ ядовитые возгласы Бакунина и простите меня, ваше Сіятельство, ежели осмѣлюсь сказать, что грѣшно будетъ нашимъ посольствамъ не употребить тайныхъ стараній, задержать его и доставить въ Россію.—Оскорбленіе Величества этимъ изувѣдомъ, его желаніе увѣрить нѣмцевъ въ нечистотѣ намѣреній и дѣйствій Государя, возбудить въ нашихъ вольнодумцахъ неповиновеніе

и развить въ нихъ разрушительный духъ запада, можетъ, рано или поздно, принести горькіе плоды,—а потому было бы необходимо послать даже отъ сюда вѣрныхъ людей, чтобы схватить этаго злодѣя». Помѣтка Орлова: «Объ этомъ лично я докладывалъ Г. Императору и сказалъ Его величеству, что у меня не только духу не достало представить ему сихъ скверностей, но самъ едва могъ оныя прочитатъ съ омерзѣніемъ».

И. д. коменданта Кракова майоръ Могилевскаго пѣх. полка Ридигеръ 13 іюня 1849 г. донесъ дежурному генералу дѣйств. арміи Викинскому, что главный начальникъ австрійскихъ войскъ Кракова Лешдичъ сообщилъ ему словесно о нахожденіи Бакунина, пойманнаго въ Дрезденѣ, на пути къ Кракову для передачи его русскому правительству, и спрашивалъ указаній, какъ быть дальше. Дубельтъ помѣтилъ: «А, какъ я радъ». Шефъ жандармовъ, находившійся въ Варшавѣ, 15 іюня приказалъ поручику жандарм. полка Жидикову отправиться въ Краковъ, въ сопровожденіи трехъ солдатъ, принять отъ генерала Соболева закованнаго Бакунина и доставить въ Александровскую цитадель въ Варшавѣ.

Нашъ вѣнскій посланникъ гр. Медемъ, узнавъ о передачѣ Бакунина австрійскому правительству, поспѣшилъ переговорить съ кн. Шварценбергомъ, сказавшимъ ему, что правительство Богеміи приняло мѣры, чтобы препроводить Бакунина въ Прагу для допроса по принятому имъ тамъ въ 1848 г. участію въ мятежѣ, и обѣщавшимъ увѣдомить о днѣ выдачи Бакунина нашему правительству. Дрезденскій посланникъ Шредеръ донесъ, что 13 іюля 1850 г. Бакунинъ переданъ австрійскому правительству въ Петерсвальденѣ (на границѣ Богеміи) изъ Кенигштейнской крѣпости, откуда его сопровождалъ приставъ Штамеръ при военномъ конвоѣ.

7 марта 1851 г. Нессельроде далъ знать Орлову, что, по сообщенію австрійскаго министра-президента нашему посланнику въ Вѣнѣ, Бакунинъ, въ концѣ нынѣшняго марта, «по всей вѣроятности», будетъ приговоренъ уголовнымъ судомъ къ смертной казни и тогда же будетъ отправленъ въ Краковъ. 21 марта Нессельроде увѣдомилъ, что Бакунинъ отправленъ изъ Праги въ Ольмиуцъ, гдѣ подвергнуть еще строжайшему надзору.

28 марта н. ст. намѣстникъ въ Ц. П. сообщилъ Орлову, что нашъ вѣнскій посланникъ увѣдомилъ его о предстоящей въ концѣ марта выдачѣ Бакунина; вслѣдствіе этого онъ приказалъ отправить въ Краковъ жандармскаго полков. Распопова съ жандармами, чтобы тотъ, «согласно извѣстной в. с. высоч. воли, объявленной мнѣ лично государемъ императоромъ въ маѣ прошлаго года, при передачѣ ему Бакунина надѣлъ на него ручные и ножные кандалы и безостано-

вочно везь его въ СПБ., гдѣ имѣеть доставить сего преступника В. С—ву». Помѣтка Орлова: «высочайше повелѣно везти преступника прямо въ Петропавловскую крѣпость и посадить въ Алексѣевскій равелинъ, взять къ сему надлежащія мѣры, не объявляя впередъ секретное высочайшее повелѣніе».

30 марта жандармскому поручику А. Эку было предписано, встрѣтивъ Распопова «съ извѣстнымъ вамъ арестантомъ», приказать ему, ежели Нева уже вскрыется и не будетъ переѣзда въ крѣпость черезъ мостъ, чтобы его не перевозилъ на лодкѣ, а представилъ бы прямо въ III Отдѣленіе.

29 апрѣля н. ст. Паскевичъ доложилъ государю, что Распоповъ уже блѣе трехъ недѣль ожидаетъ Бакунина въ Михаловицахъ и доносить, что въ Краковѣ носятся слухи, будто бы саксонское правительство настоятельно требуетъ преступника обратно; что медленность въ передачѣ его намъ происходитъ оттого, что австрійцы вовсе не намѣрены его выдавать и только подъ предлогомъ разъясненія нѣсколькихъ обстоятельствъ, относящихся до прежняго бунта, перевозятъ его изъ Ольмюца въ Прагу; наконецъ, что соучастники Бакунина, боясь его откровенности при допросахъ, рѣшили его освободить.

5 мая Бакунинъ былъ доставленъ изъ Ольмюца въ Краковъ, а 11-го -- въ Петропавловскую крѣпость, въ камеру Алексѣевского равелина № 5. Дубельтъ «поспѣшялъ донести» объ этомъ Николаю, указавъ, что «въ $\frac{1}{2}$ 4-го часа пополудни» Бакунинъ провезенъ черезъ Красное-Село въ крѣпость. Царь съ удовольствіемъ написалъ: «Наконецъ!»... 25 іюня на докладѣ Дубельта, по просьбѣ гр. Паскевича, о награжденіи Распопова орденомъ Анны 2 ст.. Николай написалъ: «Согласенъ; пора приступить къ допросу Бакунина».

Австрійскій министръ кн. Шварценбергъ прислалъ Нессельроде въ копіяхъ донесеніе аудитора маіора Франца военному суду, два письма Бакунина «къ его сообщникамъ», протоколъ военного суда и приговоръ, послѣдовавшій въ Ольмюцѣ 15 мая 1851 г.

Изъ донесенія Франца, основаннаго на показаніяхъ Бакунина, видно, что, поселившись въ 1844 г. во Франціи, М. А. твердо рѣшилъ уже не возвращаться въ Россію; въ концѣ 1847 г., вслѣдствіе рѣчи въ собраніи поляковъ, его выслали изъ Франціи, и онъ уѣхалъ въ Брюссель, гдѣ былъ до революціи 1848 г., когда снова вернулся въ Парижъ; въ концѣ марта 1848 г. поѣхалъ съ поляками въ Познань, но прусское правительство предложило ему отправиться изъ Берлина въ Бреславль. Въ маѣ 1848 г. уѣхалъ оттуда въ Прагу на славянскій конгрессъ; вернулся въ Бреславль и проживалъ тамъ, а частью въ Берлинѣ до осени 1848 г., т.-е. до изгнанія его изъ

прусских владѣній. Отправясь въ Кетенъ, онъ написалъ тамъ брошюру «Воззваніе къ славянамъ», гдѣ, какъ и во второмъ своемъ воззваніи, написанномъ при вступленіи въ 1849 г. русскихъ войскъ въ Австрію, вполне изложилъ свой политическій образъ мыслей. Кетенъ онъ оставилъ въ концѣ декабря 1848 г. и поѣхалъ въ Лейпцигъ, гдѣ скрывался до марта 1849 г., затѣмъ выѣхалъ въ Дрезденъ. Арестованный въ Хемницѣ, въ апрѣлѣ 1850 г. приговоренъ былъ къ смерти, замѣненной королею пожизненнымъ заключеніемъ по 2-му классу, т.-е. въ смиренномъ домѣ. Затѣмъ, по соглашенію саксонскаго и австрійскаго правительствъ, былъ переданъ послѣднему. Приговоромъ ольмюцскаго военного суда Бакунинъ присужденъ къ смертной казни черезъ повѣшеніе и «къ уплатѣ судебныхъ издержекъ», въ видахъ же милости, казнь замѣнена пожизненнымъ строгимъ тюремнымъ заключеніемъ.

Бакунинъ написалъ свою «Исповѣдь» до 15 сентября 1851 г.; послѣ Николая I она была дана на прочтеніе наслѣднику и потомъ послана Паскевичу.

Бакунинъ просилъ разрѣшить ему видѣться и проститься, если не со всѣмъ семействомъ, то съ отцомъ, матерью и съ особенно любимю имъ сестрой Татьяною. Николай разрѣшилъ. 80-лѣтній старикъ Бакунинъ сообщилъ, что онъ не въ силахъ двинуться въ СПб., и жена его не оставитъ, а потому просилъ допустить къ сыну при сестрѣ Татьянѣ ея брата Николая, за котораго старикъ ручался, «какъ за себя». Это свиданіе было разрѣшено въ присутствіи коменданта крѣпости И. А. Набокова. Въ декабрѣ мать послала сыну письмо, переданное ему черезъ III Отдѣленіе; въ январѣ 1852 г. Бакунинъ написалъ отвѣтъ, который былъ прочтенъ царемъ и разрѣшенъ къ отправкѣ. Отвѣты изъ дома были также доставлены заключенному. Второе письмо его самого, длинное и уже по-французски, было задержано; «нельзя, и чтобы писалъ только о здоровьѣ» — помѣтилъ Дубельтъ. Вообще же переписка продолжалась. Въ іюнѣ 1852 г. Татьянѣ А. снова было разрѣшено свиданіе съ братомъ въ присутствіи Набокова. Когда же, по видавшихъ, она просила допустить ее еще нѣсколько разъ, и притомъ съ братомъ Алексѣемъ, Орловъ, отказавъ лично, даже не докладывая объ этомъ государю. Къ зимѣ 1852—53 гг. изъ дома были присланы шлафрокъ на бѣличьемъ мѣху, панталоны и сапоги; все это было разрѣшено передать тщательнаго осмотра. Въ декабрѣ 1852 г. Бакунину были посланы №№ 1 и 2 «Отеч. Записокъ», №№ 1—4 «Москвитянина» и №№ 1 и 2 «Библиотеки для Чтенія» за 1852 г., съ приказаніемъ возвратити по прочтеніи въ III Отдѣленіе.

Переписка шла довольно оживленно, особенно изъ дома; въ апрѣлѣ 1853 г. Бакунину и семьѣ было сообщено, чтобы писали «меньше и четче». Въ январѣ 1854 г. было разрѣшено третье свиданіе съ сестрой и на этотъ разъ съ братомъ Павломъ.

По докладу плацъ-маіора крѣпости полк. Новоселаго, было приказано перевести Бакунина въ Шлиссельбургскую крѣпость; коменданту послѣдней приказано было приготовиться къ принятію «двухъ лицъ», приготовивъ для нихъ, «въ особенности для одного, приличное помѣщеніе въ секретномъ замкѣ». 8 марта 1854 г. комендантъ донесъ, что онъ предполагаетъ использовать №№ 1-й и 7-й, «закрывающіе въ себѣ по одной комнатѣ, каждая въ два окна, принадлежность въ нихъ: кровать, столъ и стулъ по положенію». Въ Шлиссельбургѣ Бакунинъ былъ доставленъ 12 марта 1854 г., въ сопровожденіи жандармскаго подполк. Тизенгаузена. Коменданту было предписано помѣстить его въ «лучшемъ и самомъ надежнѣйшемъ изъ двухъ номеровъ» и, «какъ Бакунинъ есть одинъ изъ важнѣйшихъ арестантовъ, то не угодно ли будетъ соблюдать въ отношеніи къ нему всевозможную осторожность; имѣть за нимъ бдительнѣйшее и строжайшее наблюденіе, содержать его совершенно отдѣльно, не допускать къ нему никого изъ постороннихъ и удалять отъ него извѣстія обо всемъ, что происходитъ внѣ его помѣщенія, такъ, чтобы самая бытность его въ замкѣ была сохраняема въ величайшей тайнѣ». Тизенгаузену же были даны два «самые благонадежныя унтеръ-офицера и двое рядовыхъ». Онъ долженъ былъ сѣсть съ Бакунинымъ въ крытый венокъ, посадить съ ямщикомомъ одного рядового, а остальные должны были ѣхать вслѣдъ; при перемѣнѣ лошадей никто не долженъ былъ видѣть Бакунина. Въ квитанціи, выданной комендантомъ въ принятіи Бакунина, имя его вписано рукой послѣдняго лично, слѣд., предполагалось, что писарь, писавшій ея текстъ, не долженъ былъ знать фамиліи заключеннаго.

Вторымъ заключеннымъ былъ архимандритъ Бѣлокриницкаго монастыря Геронтій Леоновъ, просидѣвшій въ Алексѣевскомъ равелинѣ съ 29 іюля 1847 г. Въ 1868 г. послѣ вынужденнаго отреченія отъ старообрядства, подъ своимъ первоначальнымъ именемъ Герасима Колпакова, онъ былъ отправленъ изъ Шлиссельбурга въ Гуслицкій Спасо-Преображенскій монастырь Богородскаго у. Москов. губ. (Арх. III Отд. С. Е. И. В. канц. 1 эксп. 1847 г., дѣло № 389, ч. I)

Въ Алексѣевскомъ равелинѣ на Бакунина отпусалось 18 коп. сер. въ сутки; въ Шлиссельбургѣ приказано было отпускать по 30 коп.

Въ равелинѣ давались французскіе и нѣмецкіе романы, математическія, физическія и геологическія книги и газета «Русскій Инвалидъ»; то же было предоставляемо и въ Шлиссельбургѣ.

22 марта 1854 г. комендантъ довелъ до свѣдѣнія III Отдѣленія о шести просьбахъ Бакунина: 1) свиданіе съ братомъ—резолуція «нѣтъ», 2) полученіе отъ него нѣкоторыхъ съѣстныхъ припасовъ—«можно», 3) полученіе отъ него книгъ—«можно», 4) «передъ обѣдомъ пить рюмку водки»—«можно», 5) прогуливаться—«можно», 6) ходить въ баню—«нѣтъ», такъ какъ баня была удалена отъ его номера, 7) имѣть чернила и бумагу въ видѣ пронумерованной и прошнурованной тетради—«можно». Писать письма домой было разрѣшено. Оттуда присылали табакъ, чай, гильзы и деньги, а также книги, напр., «Revue Etrangère», «Revue des Deux Mondes», «Готскій альманахъ» на 1856 г. Въ октябрѣ 1854 г. изъ равелина переслали Бакунину клѣтку съ двумя его канарейками... Въ январѣ 1855 г. было разрѣшено свиданіе съ матерью (отецъ незадолго до того умеръ) и братомъ Алексѣемъ, но въ присутствіи коменданта и въ его квартирѣ. 21 марта 1855 г. мать просила Александра II о дозволеніи Бакунину «стать съ братьями въ переднихъ рядахъ храбраго воинства и встрѣтить тамъ честную смерть или кровью заслужить право называться моимъ сыномъ». Согласія не послѣдовало. Въ январѣ 1856 г. снова было дано свиданіе съ матерью и братомъ Алексѣемъ. Мать хотѣла дать сыну «медицинскій препаратъ» (спринцовку), что не было разрѣшено. Состояніе здоровья сына она нашла «замѣтно пошатнувшимся, чему главная причина недостатокъ движенія». Она просила дать ему токарный станокъ, но обратилась сначала къ Дубельту, прося его дать просьбѣ движеніе, если онъ признаетъ возможнымъ. Дубельтъ, получивъ всякія формальныя справки изъ законовъ и инструкцій, запросилъ мнѣніе коменданта. Послѣдній не нашель возраженій. 24 февраля просьба о станкѣ была доложена государю и имъ отклонена.

30 мая 1856 г. управл. мин. иностр. дѣлъ увѣдомилъ шефа жандармовъ, что иностранныя газеты распространяютъ слухъ о прощеніи Бакунина, что «причиняетъ безпокойство всѣмъ приверженцамъ порядка». III Отдѣленіе ихъ успокоило... Въ августѣ 1856 г. было разрѣшено свиданіе съ матерью и братомъ Алексѣемъ. 31 августа мать просила кн. Долгорукова, чтобы «дозволено было сыну жить и умереть при мнѣ, чтобы домъ мой служилъ ему не менѣе настоящаго тѣснымъ и по крайней возможности тайнымъ заключеніемъ, смягченнымъ единственно семейною любовью», за ея и пяти сыновей поручительствомъ. Долгоруковъ въ

ходатайствѣ передъ государемъ отказаль. 3 октября Дубельтъ написалъ записку къ князю: «Мнѣ дали знать, что г-жа Бакунина все еще намѣрена утруждать государя императора о своемъ сынѣ. Сестра ея была начальницею сестеръ милосердія въ Севастополѣ и теперь живетъ во дворцѣ у вел. кн. Елены Павловны; она упрасиваетъ ея высочество просить объ узникѣ госуд. импер. Марію Александровну».

Указанная Бакунина—двоюродная сестра М. А. Екатерина и братъ Алексѣй просили о свиданіи въ ноябрѣ 1856 г.; было разрѣшено. 24 декабря 1856 г. мать просила кн. А. М. Горчакова о томъ же, о чемъ и шефа жандармовъ; 4 января государь опять отказаль.

Въ январѣ 1857 г. было разрѣшено доставлять Бакунину апельсины.

3 февраля онъ обратился къ шефу жандармовъ съ письмомъ (получивъ предварительно разрѣшеніе), въ которомъ просилъ исходатайствовать позволеніе писать государю. Согласіе кн. Долгоруковымъ было дано съ указаніемъ коменданту доставить письмо въ III Отдѣленіе. 16 февраля письмо было представлено Александру II. Онъ «удостоилъ съ благоволеніемъ прочесть это письмо и, надѣясь на искренность чувствъ, въ немъ выраженныхъ, изволилъ всемилостивѣйше изъявить готовность облегчить участь Бакунина освобожденіемъ его изъ крѣпости, но съ тѣмъ, чтобы онъ былъ отправленъ въ Сибирь на поселеніе». Бакунину былъ предоставленъ выборъ: или воспользоваться «даруемою милостью» или остаться въ крѣпости. 22 февраля М. А. письменно благодарилъ Долгорукова и просилъ разрѣшенія провести одинъ день въ Твери или въ Торжкѣ съ семействомъ, а также повидаться съ братьями, которые будутъ находиться въ СПБ. 23 февраля братъ Алексѣй просилъ свиданія передъ отъѣздомъ Михаила въ Сибирь.

Коменданту крѣпости было предписано отправить Бакунина съ командированнымъ отъ III Отдѣленія жандармскимъ поручикомъ Медвѣдевымъ, но, если, въ виду цынготной болѣзни, лучше обождать болѣе теплаго времени, то увѣдомить объ этомъ немедленно. Медвѣдеву было указано везти М. А. съ всѣми предосторожностями и доставить въ III Отдѣленіе вечеромъ или ночью, «но отнюдь не днемъ». Такъ и было исполнено. Бакунинъ былъ доставленъ въ III Отдѣленіе вечеромъ 5 марта и заключенъ тамъ въ камеру № 6. 6 марта было дано свиданіе съ братомъ и сестрой. Изъ СПБ. Бакунина отправили 8-го съ поѣздомъ изъ порожнихъ вагоновъ, въ вагонѣ III класса, передѣланномъ изъ товарнаго. Въ Осташковѣ была сдѣлана пересадка въ почтовую подводу, отправленную въ

Прямухино, гдѣ дозволено было пробывать сутки, а затѣмъ приказано безостановочно слѣдовать прямо въ Омскъ на почтовыхъ. Въ помощь Медвѣдеву были даны два жандарма. Въ Омскъ они прибыли 28 марта.

Тамъ Бакунинъ былъ назначенъ въ Нелюбинскую волость, Томскаго округа, но по болѣзни оставленъ въ Томскѣ. 29 марта онъ благодарилъ Долгорукова за все сдѣланное и особенно за своего провожатаго, очень трогавшаго его «добродушнымъ и внимательнымъ обхожденіемъ». 23 сентября начальникъ 8 округа корпуса жандармовъ донесъ, что въ проѣздъ его черезъ Томскъ Бакунинъ изложилъ ему о своемъ стѣсненномъ матеріальномъ положеніи и просилъ исходатайствовать право «дѣлать поѣздки по Сибири», безъ чего онъ не можетъ ни поступить на частную службу, ни заняться никакимъ торговымъ или промышленнымъ дѣломъ. «Сдѣлавъ справку о его поведеніи и образѣ жизни, я узналъ, что онъ, чистосердечно и глубоко раскаиваясь въ прежнемъ преступленіи, чувствуетъ все милосердіе надъ собою Г. И. и поведеніемъ своимъ заслужилъ общую похвалу въ городѣ». Резолюція Долгорукова: «Увѣдомить Казимирскаго, что занятія Бакунинъ можетъ найти и въ самомъ Томскѣ, разрѣшать же ему разѣзды по Сибири признается неудобнымъ. Что касается до содержанія, которое онъ получаетъ отъ своихъ родныхъ, то оно разстроить ихъ не можетъ».

28 марта 1858 г. Бакунинъ просилъ мать благословить его на бракъ. «Благословите меня безъ страха: мое желаніе вступить въ бракъ да служитъ вамъ новымъ доказательствомъ моего обращенія къ истиннымъ началамъ положительной жизни и несомнѣннымъ залогомъ моей твердой рѣшимости отбросить все, что въ прошедшей моей жизни такъ сильно тревожило и возмущало ваше спокойствіе. За будущее я не боюсь — у меня есть голова, воля, достанетъ и умъныя». 16 апрѣля ген.-губернаторъ Западн. Сибири Гасфордъ увѣдомилъ министра вн. дѣлъ, что «во все время пребыванія въ Сибири Бакунинъ велъ себя вполне безукоризненно, обнаруживая постоянно самый скромный образъ мыслей и искреннее раскаяніе въ своихъ заблужденіяхъ. Признавая его заслуживающимъ облегченія участи и желая дать ему возможность употребить дарованія свои на пользу отечества», онъ просилъ объ исходатайствованіи всемилостивѣйшаго разрѣшенія на опредѣленіе поселенца Бакунина въ гражданскую службу по Зап. Сибири канцелярскимъ служителемъ безъ возвращенія ему дворянства и съ оставленіемъ подъ секретнымъ надзоромъ. Министръ запросилъ III Отдѣленіе. Шефъ жандармовъ увѣдомилъ его 24 мая, что государь раз-

рѣшилъ Бакунину вступити въ гражд. службу въ Сибири, по примѣру другихъ политическихъ преступниковъ, канцел. служителемъ 4 разряда, съ продолженіемъ учрежденнаго надъ нимъ надзора. 6 августа Гасфордъ сообщилъ, что высоч. повелѣніе приведено въ исполненіе томскимъ губернскимъ правленіемъ.

18 мая 1858 г. гр. Муравьевъ просилъ шефа жандармовъ, по случаю заключенія имъ договора съ Китаемъ о возвращеніи Амура, ходатайствовать передъ государемъ, «въ личную и лучшую награду», о прощеніи съ возвращеніемъ прежнихъ правъ состоянія Спѣшнева, Дьвова, Буташевича-Петрашевскаго и «родственника моего» Бакунина. Надпись Долгорукова: «Собственноручно отвѣчалъ изъ Минска, что лица, о коихъ ходатайствуетъ графъ М., забытыми не останутся, но что теперь участь ихъ измѣнена еще быть не можетъ».

5 сентября 1859 г. мать просила шефа жандармовъ ходатайства о совершенномъ прощеніи М. А. 21 сентября «высоч. повелѣно просьбу ея оставить безъ послѣдствій» и даже безъ отвѣта, какъ видно изъ надписи Долгорукова: «отвѣта дѣлать не нужно». 10 октября 1860 г. Муравьевъ-Амурскій опять просилъ Долгорукова: «я такъ много уже говорилъ лично В. С. объ немъ, что повторяю о причинахъ моей просьбы не буду, но скажу только къ прежнему и то, что Бакунинъ одинъ можетъ быть не пишетъ никому ложныхъ доносовъ или дерзкихъ просьбъ». Помѣтка Долгорукова: «высочайше повелѣно насчетъ Бакунина повременить».

20 апрѣля 1861 г. мать Бакунина «въ послѣдній разъ» просила государя о прощеніи сына. «По моему невозможно», написалъ Александръ II (Архивъ мин. вн. дѣлъ, дѣла департ. полиціи исполн. 1843 г. № 697 и 1858 г. № 104; архивъ III Отд. С. Е. И. В. канц. 1 эксп. 1843 г., дѣло № 116, ч.ч. 1—4).

45. Бѣгство Бакунина описано на стр. 276—283 т. XI. Правительство знало, что жена его осталась въ Россіи.

27 сентября 1862 г. III Отдѣленіе запросило подполковника Симановскаго, пріѣхала ли жена Бакунина въ Тверскую губ. и каковы о ней свѣдѣнія. 12 ноября Бакунина выѣхала изъ Иркутска, а черезъ мѣсяцъ была въ Прямухинѣ. 20 октября шефъ жандармовъ просилъ министра вн. дѣлъ о невыдачѣ ей заграничнаго паспорта.

Братъ Бакунина Николай пріѣхалъ въ январѣ 1863 г. узнать, будетъ ли выданъ ей таковой. Надпись Долгорукова на справкѣ 22 января: «Высочайше разрѣшено дать паспортъ г-жѣ Бакуниной здѣсь; но отсюда выпроводить ее за границу подъ надзоромъ жандармскаго офицера съ тѣмъ, чтобы она болѣе сюда не возвращалась, и тщательно осматрѣть ее при выѣздѣ изъ Россіи». 17 фе-

вряля Бакунина выѣхала изъ С.П.Б. въ сопровожденіи поручика Медвѣдева, отвозившаго ея мужа въ Сибирь. Любопытна записка Долго-рукова къ Потапову отъ 16 февраля: «Если я буду дома тогда, когда къ намъ пріѣдетъ г-жа Бакунина, въ такомъ случаѣ пред-варите меня, что она здѣсь. Въ противномъ случаѣ потрудитесь отъ нея узнать: 1) куда она направляетъ свой путь, съ кѣмъ она будетъ ѣхать за границей, и гдѣ по послѣднимъ извѣстіямъ, по-лученнымъ ею отъ своего мужа, полагаетъ она его найти? 2) Ка-кого она происхожденія? 3) Кто былъ ея отецъ? 4) Гдѣ онъ теперь и, если въ Сибири, то по какому случаю? 5) Изъ кого состоитъ ея семейство и гдѣ оно?». Отвѣты Бакунина дала 17 февраля: ѣдетъ одна къ мужу въ Лондонъ, отецъ занимается дѣлами Бенардаки, а въ Сибирь прибылъ по дѣламъ Асташева; дѣтей не имѣетъ. На-канунъ она дала подписку: «По объявленіи мнѣ высочайше даннаго мнѣ разрѣшенія выѣхать за границу къ мужу, съ условіемъ, чтобы я болѣе не возвращалась въ Россію, даю сію подписку въ томъ, что выѣзжая на основаніи сего разрѣшенія за границу, я лишаю себя навсегда права возвращенія въ Россію и обязуюсь при этомъ, отъѣзжая отсюда не брать съ собою ни отъ кого и ни къ кому писемъ или записокъ и не имѣть также никакихъ бумагъ. Февраля 16 дня 1863 года. *Антонія Бакунина*»¹⁾). Въ день отъѣзда у нея въ номерѣ гостиницы Демуть былъ произведенъ обыскъ, но ничего, кромѣ носильнаго платья, не найдено. 19 февраля въ Вержболовѣ обыскъ также ничего не обнаружилъ.

Въ декабрѣ 1871 г. А. К. Бакунина просила разрѣшить ей съ двумя малолѣтними дѣтьми (Карлъ 5 и Софія 3 лѣтъ) пріѣхать на годъ или на два въ Красноярскъ къ родителямъ, потерявшимъ двухъ сыновей. Въ январѣ 1872 г. было разрѣшено на два года, но съ учрежденіемъ за ней полицейскаго надзора. Она прибыла въ Вержболово 24 іюня, а выѣхала изъ Красноярска въ маѣ 1874 г. (архивныя дѣла, указанная выше, и архивъ мин. вн. дѣлъ 1862 г., дѣло канц. № 114).

46. «Въ Рудинѣ, говорилъ Тургеневъ, я, дѣйствительно, хотѣлъ изобразить Бакунина; только мнѣ не удалось; Рудинъ вышелъ вмѣстѣ и выше, и ниже его. Бакунинъ былъ выше по способно-стямъ, по таланту, но ниже по характеру. Рудинъ, все-таки, хотъ погибъ на баррикадѣ, а Бакунинъ и на это былъ не способенъ», («Тургеневскій сборникъ», 1916, стр. 95).

¹⁾ Показанія подписаны «Антоимна Бакунина», а актъ обыска: «Антоиія Бакунинъ».

47. Г. Батури́нскій очень рѣшительно заявилъ, что этимъ прѣхавшимъ землевольцемъ былъ М. И. Михайловъ (стр. 150), забывъ, что въ февралѣ 1863 г. поэтъ былъ въ далекой Сибири, куда выѣхалъ изъ СПБ. 15 декабря 1861 года... И сколько подобныхъ «авторитетныхъ» указаній въ этой слабой, чисто копмиллятивной книгѣ, считающейся, по невѣжеству, однимъ изъ «источниковъ» для изученія Герцена...

48. Въ моемъ распоряженіи находится довольно полный подборъ всей дипломатической переписки, своевременно собранной друзьями Герцена въ нашемъ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ. Вотъ какъ представляется по этимъ документамъ вся эпопея морской экспедиціи.

19 марта 1863 г. Брунновъ сообщилъ англійскому министру иностр. дѣлъ лорду Д. Росселю, что на слѣдующій день на Темзѣ ожидался пароходъ, зафрахтованный въ West Hartlepool'ѣ, близъ Newcastle-upon-Tyne, съ цѣлью принятія на бортъ 200 поляковъ съ военнымъ грузомъ и доставленія ихъ въ Балтійское море. Брунновъ ошибся только въ названіи судна «Gipsy Queen» вмѣсто «Ward Jackson», исправивъ свою ошибку 20 марта. Россель передалъ эти свѣдѣнія королевскому казначейству и министру внутрен. дѣлъ. Дѣйствительно, 20-го прибылъ «Ward Jackson» и бросилъ якорь на внѣшнемъ рейдѣ у Gravesend, чтобы принять тамъ грузъ пороха, который нельзя было взять въ другомъ мѣстѣ вверхъ во Темзѣ. 21-го грузъ подъ наименованіемъ ящиковъ съ желѣзомъ и мѣдью прибылъ на двухъ плашкоутахъ, буксируемыхъ особымъ пароходомъ. Кромѣ пороха, въ бочкахъ разной величины были обнаружены ружья, пистолеты, снаряды и предметы военного снаряженія. Во время погрузки на «Ward Jackson» явились таможенные комиссары. Они признали, что грузъ необходимо было конфисковать, свезти на берегъ и хранить тамъ впредь до особаго распоряженія. Мало того, они—пришли къ заключенію, что самый пароходъ вовсе не приспособленъ къ перевозкѣ пассажировъ, но приготовленъ къ перевозкѣ войска, котораго, однако, не было налицо. Комиссары не рѣшились, однако, на основаніи закона, требовавшего наличія еще кое-какихъ формальностей, ими не найденныхъ, задержать пароходъ, но пришли къ заключенію, что «Ward Jackson» не слѣдуетъ выдавать разрѣшеніе на отплытіе изъ англійскихъ водъ. 22 марта Россель согласился съ этимъ мнѣніемъ, прося Бруннова доставить ему свидѣтельскія показанія объ истинной цѣли, для которой былъ подготовляемъ пароходъ. Вечеромъ 22-го Брунновъ доставилъ Росселю свѣдѣнія, полученныя отъ нашего генеральнаго консула; министръ отдалъ распоряженіе

о задержаніи парохода, прося, однако, еще болѣе убѣдительныхъ обвиненій пароходной компаніи.

Но было уже поздно: «Ward Jackson» отплылъ въ море въ 8 ч. вечера того же дня... Произошло это, благодаря догадливости капитана. Онъ рѣшилъ, что было бы неблагоприятно ожидать результатовъ начатаго слѣдствія, и прибѣгъ къ мѣрѣ, поразившей и Росселя и Бруннова: онъ захватилъ врасплохъ таможенныхъ комиссаровъ, находившихся на суднѣ въ ожиданіи выгрузки заарестованнаго груза, завезъ ихъ изъ Gravesend'a на берегъ въ Southend, затѣмъ принялъ на судно людей, собранныхъ предварительно въ Woolwich и уже носившихъ наименованіе «польскаго легіона», о которомъ за нѣсколько дней писалъ «The Globe», на что Брунновъ обратилъ вниманіе Росселя еще 19 марта. Около 12 ч. ночи экстренный поѣздъ доставилъ въ Southend 200—250 легіонеровъ, перешедшихъ на «Ward Jackson». Разумѣется, рѣшившись на такой шагъ, капитанъ и не пытался получить никакихъ разрѣшеній на отплытіе. Можно себѣ представить, какъ былъ возмущенъ своей неудачей даже уравновѣшенный Брунновъ. «Человѣкъ, бросающій такимъ образомъ вызовъ законамъ своей страны,—писалъ онъ Росселю 25 марта,—навѣрное, не постѣснится нарушить законы тѣхъ странъ, куда онъ направляется. Исходя изъ этого убѣжденія, я предполагаю, что экспедиція «Ward Jackson'a», открывшаяся актами насилія и беззаконія, можетъ привести только къ такимъ результатамъ, о которыхъ придется глубоко сожалѣть. Чтобы возложить всю отвѣтственность на зачинщиковъ или соучастниковъ этого покушенія, посягающаго на общественный порядокъ, я призналъ необходимымъ поставить васъ, графъ, въ извѣстность обо всѣхъ обстоятельствахъ. Мѣстныя власти лучше меня сумѣютъ освѣдомить васъ о значеніи фактовъ, на которые я обращаю ваше серьезнѣйшее вниманіе».

О пунктѣ назначенія парохода свѣдѣнія Бруннова не были устойчивы: онъ называлъ то Данцигъ, то Либаву, предполагая, однако, что высадка состоится въ Полангенѣ, гдѣ берегъ низокъ, а сосѣдство лѣсовъ дастъ возможность немедленно скрыться и такъ добраться до Самогитіи (приморскій край Балтійскаго моря, Жмудь). 23 марта Брунновъ въ письмѣ къ кн. Горчакову высказалъ увѣренность, что «нашъ генераль-губернаторъ (кн. Ливенъ), такъ хорошо знаетъ положеніе вещей, что, безъ сомнѣнія, приметъ всѣ возможныя мѣры, чтобы воспрепятствовать передвиженіямъ шайки послѣ ея высадки, если только время позволить ему перебросить на мѣсто военныя силы, потребныя для уничтоженія этого сброда поджигателей, раньше, чѣмъ имъ удастся раздуть пожаръ у насъ. Очень важно было бы

завладѣть военными запасами этихъ негодяевъ». Дальше посольство излагалъ ходъ своихъ неудавшихся стараній: «Всѣ субботу 21-го грузили пароходъ. Я постарался собрать показанія свидѣтелей по этому поводу и сдѣлалъ все, что было въ моей власти, для констатированія матеріальнаго факта преступленія. Къ несчастію, по законамъ страны, въ которой вошло въ традицію злоупотребленіе формальностями, дѣло подобнаго рода разсматривается, не какъ политическій вопросъ, а какъ простое уголовное преступленіе. Нужно формальное обвиненіе, свидѣтели и матеріальныя улики въ преступленіи. Мои шаги не могли, конечно, внушить мнѣ никакой вѣры въ окончательный успѣхъ моихъ усилій. Слѣдовало быстрыми полицейскими мѣрами арестовать судно, чтобы прибыть во-время, раньше его отплытія; все остальное—дѣло рутинны и канцелярны, практически безполезное. Но, тѣмъ не менѣе, я обязанъ былъ *требовать*, во что бы то ни стало, хотя бы и безъ надежды на успѣхъ. Въ особенности я долженъ былъ принять мѣры предосторожности на тотъ случай, если бы эта наглая экспедиція вызвала какую-нибудь коллизію, въ которой оказались бы замѣшанными лично или имущественно британскіе подданные, будь они организаторами или участниками этого покушенія. Въ виду этого я обратился къ лорду Росселю съ нотой, въ которой формально объявилъ ему, что, въ случаѣ надобности, если наши власти подавятъ силу силою, англійскіе подданные, принимающіе участіе въ этой преступной экспедиціи, понесутъ полную отвѣтственность, такъ какъ экспедиція эта предпринята на ихъ собственной рискъ и страхъ».

Россель призналъ нужнымъ утѣшить нашего посла, что и сдѣлалъ 24 марта: «Внезапный уходъ изъ Темзы судна «Ward Jackson» дѣлаетъ излишними какіе-либо дальнѣйшіе шаги какъ со стороны в. пр.—ва для полученія свѣдѣній, могущихъ подтвердить сложившіяся у васъ и сообщенныя мнѣ подозрѣнія по поводу назначенія упомянутаго судна, такъ и со стороны правительства ея величества для предупрежденія участія его въ какомъ-либо противозаконномъ предпріятіи. Тѣмъ не менѣе, я считаю умѣстнымъ указать, что вы были неправильно освѣдомлены какъ относительно времени, когда состоялся уходъ этого судна изъ Gravesend'a, такъ и касательно поведенія чиновниковъ таможи ея величества.

«Что касается 1-го пункта, то означенное судно оставило мѣсто своей стоянки передъ Gravesend'омъ не только, какъ вы предполагаете, въ 6 час. утра вчерашняго дня, но около 11 час. веч. 21-го с. м. и, слѣдовательно, за нѣсколько часовъ до того, какъ въ мои руки попало письмо в. пр.—ва, содержащее докладъ русск. генеральнаго консула, которое, хотя и было помѣчено тѣмъ же днемъ,

но было доставлено по назначенію лишь послѣ полудня слѣдующаго дня; что же касается 2-го пункта, то таможенные чиновники, обязанностію которыхъ являлось заставить выгрузить на сушу ящики съ оружіемъ (что не могло быть сдѣлано съ достаточною безопасностію въ теченіе ночи), дѣйствительно, находились на бортѣ судна, но такъ какъ капитанъ ни за что не хотѣлъ уйти, имѣя ихъ на борту, то они принудительнымъ образомъ были увезены и высажены на берегъ у Southend'a, откуда судно окончательно ушло и направилось въ море, не получивъ надлежащаго удостовѣренія отъ таможни.

24 марта гамбургской генеральный консулъ Кудрявскій донесъ, что имъ предупреждены о грозившей опасности ген.-губ. Прибалтійскаго края гр. Ливенъ и нашъ берлинскій посланникъ Убри. «Мало этого: я наскоро, съ помощью нашего консула въ Килѣ, организовалъ наблюдательный постъ въ Большомъ. Белѣтѣ, чтобы быть въ состояніи, если это возможно, сигнализировать, хоть минутою раньше, о приближеніи интересующаго насъ парохода. Но можно предположить, что онъ предпочтетъ держаться береговъ Швеціи, въ виду существующихъ тамъ симпатій дѣлу, которому ему предназначено служить. Впрочемъ, мнѣ представляется настолько дерзкимъ предпріятіе высадки 300 чел. со стороны Литвы, что я готовъ искать другое назначеніе пароходу «Ward Jackson». Одновременно съ поѣздкою въ Стокгольмъ кн. Чарторижскаго отсюда былъ отправленъ въ Швецію транспортъ съ оружіемъ. Возможно, что посылка парохода находится въ связи съ этой доставкой оружія, и что миссія кн. Чарторижскаго состоитъ въ томъ, чтобы, при помощи энтузіазма шведовъ, вызвать диверсію со стороны Финляндіи».

Убри писалъ Горчакову 26 марта: «Сегодня утромъ я бесѣдовалъ съ Бисмаркомъ, увѣрившимъ меня, что отданъ приказъ о бдительномъ надзорѣ за балтійскими берегами; онъ поручилъ мнѣ передать вамъ это. Присемъ я ему объяснилъ, насколько, по моему мнѣнію, надзоръ этотъ необходимъ какъ въ интересахъ Пруссіи, такъ и для облегченія задачи нашего правительства въ Польшѣ. И въ самомъ дѣлѣ: въ великомъ герцогствѣ познанскомъ широко организована революція, и достаточно какихъ-нибудь непредвидѣнныхъ осложненій, чтобы она вспыхнула. Поэтому въ интересахъ прусскаго правительства избѣгать всею цѣною, что можетъ развиваться и питать такое серьезное положеніе вещей. Посылка оружія очень способствовала бы этому. Я воспользовался этимъ удобнымъ случаемъ, чтобы обратить вниманіе Бисмарка на характеръ послѣднихъ столкновеній на прусскихъ границахъ, въ которыхъ кн. Витгенштейну пришло въ голову сдѣлать дѣло съ инсургентами, принад-

лежавшими къ познанскому ландверу. Онъ призналъ необходимымъ принять мѣры противъ повторенія подобныхъ фактовъ и объявилъ мнѣ о намѣреніи вызвать эти мѣры, обративши вниманіе генерала Вердера на это обстоятельство».

Бакунинъ еще 21 февраля выѣхалъ изъ Лондона въ Швецію. Только 22 марта онъ былъ извѣщенъ Кардомъ о готовившейся экспедиціи и 26-го былъ уже на «Ward Jackson,» прибывшемъ наканунѣ въ Гельсингборгъ. Среди пассажировъ возникли разногласія; нѣкоторые намѣревались взорвать судно, если бы ему пришлось попасть въ руки русскихъ. Узнавъ объ этомъ, капитанъ, не желая рисковать своей жизнью, потребовалъ высадки себя на берегъ, что имъ и было исполнено немедленно вслѣдъ за причаломъ къ гавани.

27 марта разсѣялся слухъ объ участіи кн. Чарторижскаго въ морской экспедиціи, такъ какъ въ этотъ день его видѣли на балу въ Стокгольмѣ; такимъ образомъ было ясно, что экспедиція не была для встрѣчи его и сопровожденія въ Гетеборгъ.

28-го, боясь попасть въ руки русскаго крейсера, было рѣшено направиться въ Мальмэ. Пароходъ отплылъ и вечеромъ сталъ въ копенгагенскомъ рейдѣ. 2-го апрѣля Николай донесъ, что въ Гельсингборгѣ произошли кровавыя сцены на палубѣ, потому что часть экипажа отказалась плыть дальше. Капитанъ Robert Weatherly, машинистъ и судовая команда, за исключеніемъ подшкипера и двухъ матросовъ, оставила судно въ Копенгагенѣ. Агентъ владѣльцевъ парохода, боясь неприяностей, поспѣшилъ собрать нѣсколько датскихъ и шведскихъ матросовъ и отправить ихъ на корабль, довѣривъ временное командованіе судномъ капитану одного изъ буксирныхъ пароходовъ, Гренбэку, и приказавъ ему отправиться въ Мальмэ, постараться освободиться тамъ отъ подозрительнаго груза и вернуться въ Копенгагенъ.

«Здѣсь поляки не подавали признаковъ жизни—доносилъ Николай; никого не допускали на бортъ корабля; портовые служащіе, предупрежденные шкиперами о томъ, чтѣ находилось на суднѣ, и объ его назначеніи, наблюдали за всѣми его движеніями съ недоувѣріемъ и испытали живѣйшее удовлетвореніе, когда увидѣли, что оно отплыло. Очень замѣтенъ контрастъ въ настроеніи умовъ на обоихъ берегахъ пролива».

Бакунинъ, прибывъ съ пароходомъ, немедленно отправился къ разнымъ лицамъ, въ томъ числѣ и къ англійскому поеланнику Б. Паге.

30 марта «Ward Jackson» прибылъ сначала въ рейдъ, а потомъ и въ самый портъ Мальмэ, населеніе котораго встрѣтило его съ энтузіазмомъ. Былъ устроенъ праздникъ съ музыкой. Экспедиція

намѣрена была отказаться отъ своего предпріятія, а предводитель ея на другой день отправился сухимъ путемъ въ Стокгольмъ; четверо вмѣстѣ съ «старымъ генераломъ» вернулись 31-го въ Копенгагенъ, чтобы оттуда слѣдовать въ Гетеборгъ. Относительно выгрузки былъ запрошенъ Стокгольмъ. Агентъ нашего копенгагенскаго посланника барона Н. П. Николаи донесъ ему, что «съ судна сошло на берегъ болѣе 200 чел., между тѣмъ, какъ часть ихъ уже была размѣщена въ отелѣ, и около 50 человекъ еще оставались на борту. Большая часть ихъ—люди крѣпкіе, нѣкоторые уже съ сѣдою головой, но попадаетса много и молодыхъ, почти дѣтей. Среди нихъ находятся представители всѣхъ національностей и, какъ кажется, больше французовъ, чѣмъ поляковъ, нѣсколько нѣмцевъ и, какъ они сами говорятъ, двое русскихъ. Большинство изъ нихъ одѣто à la zouave: ботфорты, красные шаровары, красный жакетъ или такая же рубашка и сѣрая солдатская шинель. На головахъ у всѣхъ конфедератки, но оружія не носятъ, за исключеніемъ одного молодого человекъ, большого роста и бѣлокураго, который вооруженъ саблею. Многіе изъ нихъ жалуются, что они были обмануты, и заявляютъ, что никогда не приняли бы участія въ такомъ безумномъ предпріятіи, если бы знали, что не существуетъ порта, въ которомъ можно было бы ихъ высадить. У нихъ достаточно денегъ, и они проводятъ время во всѣхъ кабакахъ за бутылкою. Всѣ живутъ въ городѣ; нѣкоторые сняли даже квартиры и заявляютъ, что желаютъ прожить на мѣстѣ 4 мѣсяца. Между всѣмъ этимъ людомъ есть много такихъ, которые по внѣшности и приемамъ производятъ впечатлѣніе вполне приличныхъ людей; есть также достаточно и такихъ, которые, повидимому, принадлежатъ къ категоріи авантюристовъ самаго низкаго пошиба. Они шатаются по улицамъ въ состояніи полного опьяненія и сами рассказываютъ, что два судна, снаряженныхъ въ одинаковыхъ условіяхъ, должны были немедленно отплыть изъ Англій».

По донесенію Николаи 2 апрѣля, въ моментъ прибытія парохода въ Мальмэ «всѣ поляки поспѣшили съѣхать на берегъ, за исключеніемъ человекъ около 50. Шведы приняли ихъ съ скандальнымъ энтузіазмомъ. Пароходъ долженъ былъ, въ ожиданіи распоряженія о разгрузкѣ, оставаться у входа въ портъ. Это разрѣшеніе, кажется, еще не дано ему. Желая имѣть свѣдѣнія и на мѣстѣ слѣдить за передвиженіемъ поляковъ, я командировалъ въ Мальмэ надежнаго человекъ, оставивъ его такими условіями, что онъ не возбудитъ подозрѣній».

29 марта Кудрявскій доносилъ изъ Гамбурга: «Гибельныя намѣренія польскаго Комитета, засѣдающаго въ Англій, принимаютъ,

кажется, каждый день все болѣе значительные размѣры, и англійская компанія транспортныхъ пароходовъ, крейсирующихъ между West Hartlepool и Гамбургомъ, кажется, привлечена къ доставкѣ средствъ, нужныхъ для выполнения этихъ намѣреній. Предназначеніе одного изъ этихъ пакетботовъ, «Ward Jackson'a», заставило меня поближе присмотрѣться къ операціямъ названной компаніи. Я узналъ, что пароходъ «Gipsy Queen» былъ отозванъ изъ Гамбурга для той же цѣли, что и «Ward Jackson»; затѣмъ, что пароходъ «Двина» (капитанъ R. O. Leighton), далеко превосходящій оба выше названныхъ судна и могущій вмѣстить 1000 чел., третьяго дня получилъ приказъ отправиться тоже въ Лондонъ. Меня увѣряютъ даже, что компанія ведетъ переговоры съ польскимъ Комитетомъ въ Англии о томъ, чтобы предоставить Комитету *всѣ восемь пароходовъ*, составляющихъ все достояніе линій West Hartlepool — Hamburg. Эти суда будутъ вооружены, чтобы они могли оказывать нѣкоторое сопротивление, и снабжены шлюпками для высадки. Капитаны, при отъѣздѣ изъ Лондона, получаютъ приказъ въ запечатанномъ конвертѣ, а завербованные рекруты—премію въ 5 ф. стерлинговъ. Завербовано, будто бы, уже два полка».

Въ тотъ же день для выслѣживанія «Ward Jackson» и другихъ судовъ компаніи изъ Англии былъ посланъ «Алмазъ», а 2 апрѣля отправился и «Жемчугъ». Для Бруннова было ясно, что отправленіе пароходовъ шло одновременно съ вербовкой людей, но, все-таки, ему не удавалось заручиться энергичнымъ содѣйствіемъ Англии. «Главная трудность, — доносилъ онъ 31 марта, — заключается въ *своевременной* доставкѣ *прямыхъ уликъ* преступленія, чтобы дать властямъ *возможность законнаго вмѣшательства*. Законодательство здѣсь, поистинѣ, можетъ привести въ отчаяніе своимъ безсиліемъ. Можно подумать, что нарочно придуманы разныя затрудненія, чтобы все служило на пользу виновному! Тѣмъ не менѣе я не падаю духомъ. Если наши адвокаты не помогутъ мнѣ, не обнаружатъ достаточно энергіи и дѣятельности, я найду другихъ. Въ этомъ смыслѣ я далъ полную свободу нашему генеральному консульству. Разъ непріятель извѣстенъ, является возможность сразиться съ нимъ и обезвредить его. По моему мнѣнію, слишкомъ преувеличены надежды, возлагаемая польской партіей на эти предпріятія на морѣ въ смыслѣ вреда, который они могутъ намъ причинить. Обратимся къ картѣ. Какимъ путемъ они предполагаютъ проникнуть къ намъ? Черезъ прусское побережье? Но это значило бы предположить со стороны таможенныхъ властей сообщничество, которое не можетъ существовать. Невозможно провести цѣлый грузъ оружія и военнаго снаряженія; невозможно высадить на берегъ

сотни пиратовъ и прослѣдовать черезъ дружескую страну, не вызвавши противодѣйствія со стороны военныхъ и гражданскихъ властей. Мнѣ кажется, что со стороны прусскаго побережья приняты всѣ мѣры, необходимыя для предупрежденія какого бы то ни было сюрприза. Я довелъ охрану такъ далеко, что не забылъ обратить вниманіе на Вислу! Попытаются ли они проникнуть въ Самогитію черезъ Курляндію? Я знаю на побережьи уязвимое мѣсто, это— между Мемелемъ и Полангеномъ, но, если заблаговременно принять военныя мѣры, то этого достаточно, чтобы неожиданное нападеніе сдѣлать невозможнымъ. Нельзя организовать десантъ силами торговаго флота, какъ это дѣлаютъ при посредствѣ эскадры. Допустимъ, что у нихъ имѣются три парохода силы «Ward Jackson»; все-таки, они не въ состояніи будутъ высадить въ одинъ пріемъ 1000 человекъ, скажемъ, 1500,— скажемъ, 2000. Мы всегда будемъ имѣть въ своемъ распоряженіи вдвое больше, чтобы раздавить ихъ. Остается только побережье Финляндіи. Но прежде всего, тамъ еще не установилась навигація, а пока она установится, наши военныя власти успѣютъ подготовиться: врасплохъ ихъ не захватишь! Итакъ, думаю, что я правъ, утверждая, что панъ полякъ питается иллюзіями о элѣ, которое собирается причинить намъ. Конечно, онъ можетъ вызвать неприятности, можетъ быть, и затрудненія, вслѣдствіе распри, въ которую мы будемъ втянуты, если англійскій пароходъ будетъ скомпрометированъ въ этой передрѣяѣ, но я совершенно ясно предвидѣлъ этотъ случай, о чемъ вы могли судить при чтеніи моей переписки съ Росселемъ».

1 апрѣля въ Копенгагенъ прибылъ нашъ клиперъ «Алмазъ», задержанный бурями въ Сѣверномъ морѣ. Капитанъ Зеленой немедленно былъ снабженъ инструкціями, благодаря которымъ клиперъ на другой день отправился въ Либаву.

Стараніями нашего стокгольмскаго посланника Я. А. Дашкова, 2 апрѣля въ официальномъ шведскомъ органѣ «Post-Tidning» было опубликовано кое-что изъ рассказаннаго мною (весьма кратко) со слѣдующимъ прибавленіемъ: «На пароходѣ находилось 180 ч. венгерцевъ и французовъ и, сверхъ того, 26 офицеровъ. Начальникъ ихъ, какъ говорятъ, полковникъ Лапинскій. Судно, на которомъ развѣвалось красное знамя, везшее оружіе, было помѣщено въ Мальмэ для безопасности, посреди порта, такъ какъ на немъ хранился порохъ. Въ виду тяжелаго перехода, большинство пассажировъ были больны, а запасъ провизіи значительно истощенъ. Большая часть размѣстилась въ гостиницѣ; всѣ оставили свое оружіе на борту. Въ Мальмэ имъ поторопились доставить все нужное. 31-го марта судну было предложено удалиться изъ порта, какъ

только оно получить нужные продукты; но въ моментъ составленія настоящаго сообщенія еще не было извѣстно, исполнить ли оно это предложеніе. На «Ward Jackson» находились три пушки и 2500 ружей со всѣмъ необходимымъ боевымъ снаряженіемъ; капитанъ—англичанинъ, покидая судно, взялъ съ собою всѣ корабельные документы. Вслѣдствіе этого, такъ какъ власти въ Мальмэ донесли о прибытіи вооруженнаго парохода, на борту котораго имѣется многочисленный персоналъ, снаряженный ружьями и амуницией и лишенный корабельныхъ документовъ, и такъ какъ, между прочимъ, есть всѣ основанія предполагать, что это судно есть то самое, которое, по полученнымъ свѣдѣніямъ, не получило разрѣшенія на отплытіе изъ Англии, ея в. предписало всякому, имѣющему на это право, задержать вышеназванное судно со всѣмъ его грузомъ впредь до отмѣны предписанія, предоставивъ пассажирамъ и экипажу полную свободу распорядиться собою по собственному усмотрѣнію».

Дашковъ разъяснилъ Горчакову, какъ въ описываемыхъ подробностяхъ старательно избѣгнуто слово «поляки», чтобы не раздражать сторонниковъ Польши; избѣгали также упомянуть и о «Россіи», указывая только на то, что британскія власти хотѣли помѣшать отплытію изъ Англии подозрительнаго судна.

3 апрѣля Дашковъ встрѣтился съ министромъ иностр. дѣлъ гр. Мандерстремомъ, который сказалъ ему, что такъ какъ губернаторъ Мальмэ засѣдаетъ въ настоящее время въ сеймѣ, слѣдуетъ обращаться къ генералу графу д'Эссену, живущему постоянно въ Гельсингборгѣ, но которому было предписано немедленно отправиться въ Мальмэ для наблюденій за многочисленными укрывающимися тамъ въ настоящее время авантюристами, причемъ ему рекомендовано постараться избавиться какъ можно скорѣе отъ непрошенныхъ гостей. Онъ прибавилъ: «Я только-что получилъ отвѣтъ на свѣдѣнія, отправленныя мною въ Петербургъ по поводу «Ward Jackson'a»; благодаря меня за доставленное сообщеніе, кн. Горчаковъ обращаетъ мое вниманіе на присутствіе среди новоприбывшихъ опасныхъ революціонеровъ. «Вы понимаете», продолжалъ графъ, «что, какъ бы мы ни желали быть вамъ пріятными, мы лишены возможности поступать съ этими субъектами иначе, чѣмъ намъ позволяетъ законъ». Дашковъ указалъ также, что раньше, чѣмъ отправить распоряженіе въ Мальмэ, былъ совѣтъ министровъ. Большое количество пороха, найденнаго на «Ward Jackson'ѣ», перевезено на другое судно и содержится подъ карауломъ на извѣстномъ разстояніи отъ города, чтобы избѣжать несчастія взрыва.

6 апрѣля Дашковъ донесъ, что Бакунинъ намѣренъ провести

въ Стокгольмѣ три-четыре мѣсяца и ждетъ свою жену. Лапинскій поддерживаетъ дисциплину среди своихъ сообщниковъ, которымъ намѣрены предложить поселиться въ Швеціи подѣ тѣмъ предлогомъ, что у нихъ нѣтъ средствъ вернуться обратно. Шведское правительство врядъ ли это одобритъ. Графъ Мандерстремъ повторилъ, что онъ сдѣлаетъ все отъ него зависящее, чтобы избавиться отъ присутствія столь извѣстнаго революціонера, какъ Бакунинъ. Оставаясь здѣсь, онъ, несомнѣнно, имѣетъ цѣлью расположить умы въ Финляндіи въ пользу своего дѣла. Бакунинъ вмѣстѣ съ капитаномъ-англичаниномъ представился въ Копенгагенѣ британскому посланнику, будто бы, посовѣтовавшему послѣднему удалиться.

Когда неудача экспедиціи была уже неоспоримымъ фактомъ, всѣ усилія дипломатовъ были направлены на удаленіе изъ Швеціи внушавшаго правительствамъ страхъ Бакунина. Начали прежде всего съ выясненія, что онъ дѣлалъ со дня выѣзда изъ Лондона. Бар. Николаи пришелъ къ заключенію, что подѣ именемъ Henri Saule Бакунинъ прожилъ конецъ февраля и начало марта въ Копенгагенѣ, потомъ вернулся туда 31 марта и въ тотъ же день уѣхалъ въ Гетеборгъ. Тогда же съ нимъ прибылъ Лапинскій подѣ именемъ Штюрмера. 3 апрѣля ст. ст. шефъ жандармовъ сообщилъ эти свѣдѣнія о Бакунинѣ ген.-губ. С.-З. края Назимову (Миловидовъ, «Архивные матеріалы etc.», 350). 15 апрѣля Дашковъ доносилъ: «Послѣ моего послѣдняго свиданія съ министромъ иностр. дѣлъ я убѣдился, посовѣтовавшись съ другими членами совѣта о высылкѣ Бакунина, что мѣра эта почти не выполнима въ настоящее время, такъ какъ она навлекла бы порицаніе правительства всѣми газетами въ такой моментъ, когда общественное мнѣніе усиленно занято польскими дѣлами. Нѣкоторыя изъ газетъ были бы, пожалуй, способны даже оклеветать министровъ въ томъ, что они продались Россіи. Къ несчастію, почти не подлежитъ сомнѣнію, что демократическая партія въ Швеціи находится подѣ сильнымъ вліяніемъ иностранной демагогіи, и что она, въ свою очередь, вліяетъ на высшія административныя сферы боязнью заслужить непопулярность. Партія эта, сравнительно немногочисленная, обладаетъ, тѣмъ не менѣе, реальной силой въ виду того, что въ ея рукахъ находится ежедневная пресса, и что дѣло идетъ о вопросѣ, въ которомъ противной стороной является Россія. Этого послѣдняго обстоятельства вполне достаточно, чтобы обезпечить всеобщія симпатіи за какую угодно демонстраціей противъ насъ. Со времени пребыванія здѣсь поляковъ можно наблюдать, какъ шведскія газеты, почти всегда несправедливыя, удвоили свой вызовъ и враждебныя выходки; это ясно обнаруживаетъ иностранное сотрудничество, что

явствуетъ какъ изъ передаваемыхъ ими фактовъ, такъ и изъ утонченности клеветъ по нашему адресу. Одна газета настаивала даже на томъ, что, такъ какъ Швеція упустила, во время Восточной войны, случай отмстить Россіи, то слѣдуетъ воспользоваться теперь вторымъ и, можетъ быть, послѣднимъ для этого случаемъ. Но врядь ли патриотизмъ пойдетъ такъ далеко въ такой моментъ, когда страна вовлечена въ грандіозное предпріятіе постройки желѣзныхъ дорогъ, и когда народъ чувствуетъ потребность посвятить всю свою дѣятельность увеличенію своихъ матеріальныхъ благъ. Къ Бакунину дрібхала его жена, и онъ, повидимому, хочетъ провести здѣсь часть лѣта. Можетъ быть, за это время представится благоприятный случай добиться его высылки изъ Швеціи, потому что я нисколько не сомнѣваюсь въ желаніи графа Мандерстрема, если только у властей хватить на это мужества. По закону, для высылки иностранца достаточно, если онъ напечатаетъ что-нибудь враждебное дружеской державѣ. Мнѣ рассказали, что Бакунинъ хотѣлъ занять денегъ у редактора «Aftonbladet», но послѣдній, несмотря на сильное желаніе ему покровительствовать, все-таки, не простеръ своего довѣрія такъ далеко. Прибавляютъ еще, что Бакунинъ просилъ редактора, чтобы тотъ свелъ его съ мѣстнымъ революціоннымъ комитетомъ, но, къ величайшему своему удивленію, получилъ отвѣтъ, что подобное учрежденіе совершенно неизвѣстно въ Швеціи».

Второй рапортъ Дашкова отъ того же числа: «Полякъ Демонтовичъ, сопровождавшій экспедицію полковника Лапинскаго въ качествѣ гражданскаго комиссара Временнаго Правительства, нѣсколько дней тому назадъ прибылъ въ Мальмэ; онъ серьезно заболѣлъ и въ настоящее время находится въ госпиталѣ. «Aftonbladet» помѣстилъ въ № отъ 13 апрѣля переводъ письма Демонтовича, уже напечатаннаго во французскихъ газетахъ. Статья эта, навѣрное, уже извѣстная вамъ, даетъ обстоятельныя подробности объ экспедиціи «Ward Jackson'a», дополняя данныя, которыми мы уже обладаемъ относительно участія въ экспедиціи Бакунина. Это письмо, которое, какъ кажется, ничего скрывать не желаетъ, было мотивировано идеей возбужденія общественнаго мнѣнія Европы въ пользу обратнаго требованія платы за наемъ корабля, внесенной Hartlepool'ской компаніи, измѣнѣ которой желали бы приписать крушеніе столь хорошо налаженной экспедиціи. Протестъ, переданный Демонтовичемъ и Лапинскимъ англійскому вице-консулу въ Мальмэ,—уже начало юридическаго преслѣдованія капитана «Ward Jackson'a». На митингѣ въ Христианіи присутствовало около 4000 человекъ. Считаю нелишнимъ приложить вырѣзку изъ «Afton-

bladet», передающую принятыя тамъ и посланныя въ Парижъ кн. Владиславу Чарторижскому резолюции. Названная газета оповѣщаетъ, что впредь она будетъ помѣщать, одинъ разъ въ недѣлю, статью на французскомъ языкѣ для иностранныхъ подписчиковъ».

24 апрѣля Дашковъ сообщилъ, что Бакунинъ не собирается агитировать въ Швеци, направляя все свое вниманіе на Финляндію, для чего распространяетъ тамъ литературу черезъ окружающихъ его финновъ. Что касается экспедиціи Лапинскаго, то Дашковъ привелъ бесѣду Бакунина съ неназваннымъ лицомъ; изъ которой ясно, что онъ не готовился входить въ ея составъ, что она финансирована отнюдь не англійскими, какъ думали, дамами и не Франціей; послѣдняя обѣщала, но ничего не дала, а Англія даетъ больше, чѣмъ обѣщала. Въ Стокгольмѣ Бакунинъ получилъ телеграмму, вызвавшую его въ Гельсингборгъ для улаженія тамъ серьезныхъ затрудненій въ польскомъ вопросѣ. Проваль экспедиціи Бакунинъ объяснялъ непослѣдовательностью поляковъ; ихъ здѣсь трое, но они раздражаютъ другъ друга. Вліяніе Чарторижскаго незначительно, потому что ему не довѣряютъ, но оказанныя имъ экспедиціи услуги несомнѣнны. Калинка—способный, ловкій, хитрый человекъ, но до мозга костей іезуитъ; его роль главная. Демонтовичъ не глупъ; онъ продалъ свои имѣнія и на этотъ капиталъ поддержалъ экспедицію. Лапинскій, по словамъ Бакунина, «способенъ на все».

17 іюня Дашковъ телеграфировалъ Горчакову: «По полученнымъ сейчасъ свѣдѣніямъ, банда Лапинскаго одиннадцать дней назадъ покинула Копенгагенъ. 11 іюня, она была застигнута бурей на шкунѣ «Emilie», во время попытки высадки отряда на берегъ въ 30 верстахъ отъ Мемеля; шлюпка опрокинулась, и 24 человекъ, въ томъ числѣ 16 французовъ, утонуло. Восемь человекъ были спасены другою шлюпкою, спущенною на воду Лапинскимъ. Скверная погода, недостатокъ продуктовъ и болѣзни, начавшія развиваться на шкунѣ, какъ послѣдствіе тѣсноты помѣщенія, заставили его искать убѣжища въ какомъ-либо порту. Тотчасъ же послѣ ихъ прибытія, островныя власти, уже предупрежденные о возможности подобныхъ посѣщеній, потребовали присылки вооруженной силы для поддержанія порядка въ дер. Klintehnen. Между тѣмъ, больныхъ высадили, и Лапинскій самъ пріѣхалъ въ Висби, чтобы выхлопотать себѣ и своему войску разрѣшеніе на переѣздъ въ Англію двумя отрядами: черезъ Стокгольмъ и Гетеборгъ. Поляки были подъ надзоромъ въ дер. Klintehnen. «Emilie» уже отплыла.

«Официальная газета напечатала вчера текстъ телеграммы, адресованной губернатору Готланда: «Полковнику Лапинскому и

его отряду было оказано содѣйствіе со стороны государства для облегченія имъ отъѣзда изъ Мальмэ, при условіи, что всѣ они покинутъ Швецію; но они вернулись, заявляя, что хотятъ направиться въ Англію. Вслѣдствіе этого, королевское правительство, не могущее допустить ихъ проѣзда черезъ Стокгольмъ и Гетеборгъ, рѣшило, чтобы военное судно, состоящее въ распоряженіи властей въ Карлс-кронъ, отправилось въ Klintehnen и отвезло Лапинскаго и весь его отрядъ въ какой-нибудь англійскій портъ. Одновременно съ этимъ королевское правительство приказываетъ, если понадобится, заставить ихъ сдать оружіе и ожидать въ Klintehnen прибытія паровой шкуны «Öradd», которая должна будетъ ихъ транспортировать. Доносятъ, что датское судно «Emilie» приняло на бортъ въ самомъ Зундѣ отрядъ Лапинскаго, на высотѣ Ландскроны, куда отрядъ былъ привезенъ другимъ судномъ. Въ одной изъ газетъ была помѣщена телеграмма, въ которой передается, что нѣсколько обитателей Висби поспѣшили предложить Лапинскому ужинъ, какъ только онъ прибылъ въ этотъ городъ.

«Немедленно послѣ того, какъ «Emilie» остановилась вблизи Полангена, Лапинскій высадился на берегъ, въ сопровожденіи четырехъ человѣкъ, для рекогносцировки. Не найдя никого, онъ вернулся на судно, чтобы распорядиться высадкой своей банды. По разсказу капитана «Emilie», экспедиція оставалась въ виду Полангена около семи часовъ. Послѣ катастрофы, поглотившей цвѣтъ отряда, оставшіеся поляки не пожелали высаживаться и, такъ какъ буря усилилась, то имъ пришлось вернуться вспять. На импровизированномъ въ честь Лапинскаго ужинѣ онъ объявилъ, что намѣренъ въ третій разъ попытаться провести экспедицію хотя бы съ 20—30 участниками. Двое изъ участниковъ, желавшіе отплыть въ Стокгольмъ, были удержаны отъ этого по приказанію генерала Гюлленрама. По прибытіи экспедиціи въ Готландъ Лапинскій тотчасъ же разослалъ телеграммы въ Парижъ и въ Стокгольмъ. Передаютъ, что во время пребыванія въ Копенгагенѣ онъ получилъ по телеграфу свѣдѣнія о движеніи русскаго крейсерскаго отряда.

«Молодой Герценъ возвратился въ Англію, но я знаю, что скоро приступятъ къ печатанію въ Швеціи революціонныхъ прокламцій, предназначенныхъ для Финляндіи».

Наконецъ, 29 апрѣля Александру II было доложено, что гр. Мандерстремъ, какъ видно изъ депеши Дашкова, имѣетъ намѣреніе напечатать біографію Бакунина, «чтобы раскрыть его прошедшее и тѣмъ заставить выѣхать изъ Швеціи». Шефъ жандармовъ «полагалъ необходимымъ составить краткій очеркъ преступныхъ дѣйствій Бакунина, включивъ въ оный исповѣдь, писанную имъ въ

бозѣ почившему государю императору Николаю I и препроводить къ тайн. сов. Дашкову». «Князь Горчаковъ полагаетъ это полезнымъ и находитъ, что чѣмъ скорѣе осуществится предположеніе, тѣмъ оно будетъ лучше». Надпись Долгорукова: «Высочайше разрѣшено»; «объ исполненіи переговоримъ». Въ маѣ въ III Отдѣленіе былъ доставленъ переводъ первой статьи; помѣщенной Бакунинымъ въ стокгольмской газетѣ «Nya Dagligt Allehanda» отъ 12 мая, № 108; копія съ нея была послана Краевскому; Долгоруковъ написалъ: «весьма любопытно видѣть продолженіе».

На французскомъ переводѣ рѣчи Бакунина, сказанной имъ 28 мая въ Стокгольмѣ на банкетѣ, данномъ ему 150 гражданами города, Александръ II 29 мая написалъ: «C'est tout-à-fait digne du personnage!» (Вполнѣ достойно этого субъекта). Самый банкетъ въ отелѣ «Фениксъ» съ участіемъ молодого Герцена описанъ въ «Neue Preussische Zeitung» (см. «Голосъ» 1863 г. № 132).

Тогда же о Бакунинѣ писали статьи Мандерстремъ и Даламанъ, помѣщая ихъ въ «Dagblad».

8 октября Бакунинъ съ женою выѣхалъ изъ Стокгольма въ Англию.

Другимъ источникомъ исторіи экспедиціи является собственный рассказъ Полеса, сдѣланный имъ въ отдѣльно изданной осенью 1863 г. въ Мальмѣ шведской брошюрѣ «Polska expeditionen och Stephan Poles» («Польская экспедиція и Стефанъ Полесъ»), поднесенной авторомъ королю Оскару. Источникъ этотъ, разумѣется, не очень надеженъ, но написанъ достаточно развязно и храбро: очевидно, Тугендгольдъ зналъ, что *документовъ* противъ него у Герцена нѣтъ, а все остальное было не такъ страшно, какъ грозившая ему за шпіонство смерть въ разгаръ возстанія. Брошюрой онъ въ глазахъ многихъ реабилитировалъ себя, самымъ фактомъ ея выпуска какъ бы доказывая, что готовъ открыто обсуждать вопросъ о своей виновности. Поэтѣму я буду пользоваться его показаніями съ большою осторожностью.

Въ самомъ началѣ Полесъ утвердительно заявилъ, что своими средствами экспедиція была обязана Демонтовичу и его неутомимому самопожертвованію и усердію; гр. Браницкій и польское правительство дали остальное. Численность отряда—160 чел. Отплытіе было отсрочено на восемь дней, главнымъ образомъ благодаря задержкѣ парохода. За эти дни часть отряда открыто занималась военными упражненіями въ Woolwich'ѣ; «Morning Post» сообщила, такимъ образомъ, о польскомъ легіонѣ, а «La Cloche» 25 марта—объ отплытіи экспедиціи подъ начальствомъ Лапинскаго. Говоря объ этомъ, Полесъ связываетъ брюссельскую газету съ «Ко-

локоломъ» Герцена, «какъ особое его изданіе» (стр. 2), что ему было нужно для контръ-обвиненія Герцена въ предупрежденіи такимъ образомъ русскаго правительства... Цѣль экспедиціи—берега Самогитіи въ Балтійскомъ морѣ, откуда надлежало проникнуть въ Литву, раздавъ по пути оружіе, которое везъ «Ward Jackson». Если бы не «болтливость» Герцена, все и было бы исполнено. Правда, часть вины Полесь возлагаетъ на Бакунина: если бы пароходъ не задержался въ Гельсингборгѣ, то экспедиція была бы на мѣстѣ 27-го, самое позднее—28, а, между тѣмъ, полкъ гренадеръ двинуть былъ изъ Царскаго-Села только 29-го.

По прибытіи въ Гельсингборгъ Лапинскій, Мазуркевичъ, «еще одинъ полякъ», «русскій офицеръ, который долженъ былъ командовать въ Польшѣ русскимъ легиономъ» и Полесь съѣхали на берегъ; въ отелѣ они получили депешу о прибытіи Бакунина на слѣдующій день. Чтобы отклонить отъ себя нелѣпое подозрѣніе о связи съ кн. Чарторижскимъ, съѣхавшіе назвались французами. Бакунинъ прибылъ въ сопровожденіи извѣстнаго польскаго историка Валеріана Калинки, «не особенно обходительнаго и мало любезнаго человѣка», бывшаго секретаремъ Адама Чарторижскаго. Лапинскій и Калинка были во враждѣ. Въ тотъ же день устроили совѣтъ о дальнѣйшемъ назначеніи экспедиціи; былъ приглашенъ и англійскій капитанъ парохода. Рѣшено было отправиться въ Готландъ, откуда нѣкоторые экспедиціонеры должны были добраться въ рыбацкихъ лодкахъ до польскаго берега, а «Ward Jackson»—слѣдовать на разстояніи; по изслѣдованіи берега нужно было произвести высадку, если ей не помѣшаютъ русскіе крейсера; въ противномъ случаѣ—вернуться въ Готландъ. Но приведенію этого плана въ исполненіе сразу же помѣшалъ штормъ; несмотря на требованіе Лапинскаго, вернуться на пароходъ совѣтъ не могъ. Калинка собирался сухимъ путемъ въ Гетеборгъ; Лапинскій его отговаривалъ и уговаривалъ, хотъ на одинъ день захватъ на пароходъ, рѣшивъ задержать его тамъ, какъ плѣнника и измѣнника родинѣ, взявшаго на себя дипломатическую миссію, не порученную ему краснымъ правительствомъ Польши. Къ Бакунину Лапинскій тоже не питалъ довѣрія, связывая его съ Чарторижскимъ. Однако, онъ рѣшилъ проэксплоатировать его связь съ гр. Ксаверіемъ Браницкимъ и уговорилъ написать послѣднему о приобрѣтеніи собственного бронированнаго судна. Бакунинъ согласился и просилъ графа купить пароходъ, вооруженный четырьмя пушками самага крупнаго калибра, не смущаясь расходомъ около 2,000,000 франковъ, который окупится пользой отечеству. Судно подобнаго устройства, признаваемое и принимаемое во всѣхъ нейтральныхъ портахъ, внушитъ уваженіе

къ себѣ со стороны русскаго флота. «Наступилъ моментъ, когда каждый долженъ отдать все, что имѣеть. Я отдаю свою жизнь. Отдайте вы свои милліоны»,—закончилъ Бакунинъ.

Наконецъ, въ Гельсингборгъ явились съ парохода штурманъ и четыре матроса съ извѣстіемъ о вспыхнувшемъ на суднѣ бунтѣ, вызванномъ слухомъ о бѣгствѣ Лапинскаго. Полесь просилъ командировать его на «Ward Jackson», поѣхалъ туда, сообщилъ Демонтовичу о полученныхъ извѣстіяхъ и узналъ, что никакого бунта не было. Демонтовичъ находилъ, что, благодаря потеряннымъ изъ-за шторма днямъ, продолженіе экспедиціи невозможно и лучше было бы вернуться обратно. На слѣдующій день Полесь вернулся на берегъ; наконецъ, Лапинскій, Бакунинъ и другіе прибыли на судно. Капитанъ и экипажъ, опасаясь встрѣчи съ русскимъ крейсеромъ, отказались вести пароходъ дальше. Въ концѣ концовъ, послѣдній пошелъ въ Мальмэ съ датской командой.

Тамъ надо было отвѣчать восторженно привѣтствовавшей толпѣ. Для этого былъ избранъ Бакунинъ. «Голосомъ, соотвѣтствующимъ его физической мощи, началъ Бакунинъ свою рѣчь. «Спасибо вамъ, благодарю васъ, друзья мои, за вашъ пріемъ и выраженные симпатіи. Мы рассчитывали на васъ, потому что знали, что свободная Швеція равнодушна къ судьбѣ Польши, потому что оба эти народа всегда питали любовь къ свободѣ и большія симпатіи другъ къ другу. Особенно теперь, въ минуту нужды и опасности, мы рассчитывали на васъ, и вы не обманули нашихъ надеждъ. Но вы не удовольствуетесь прекрасными словами состраданія и прежними воспоминаніями. Вы будете помогать намъ, чѣмъ только можете. Сердечное наше спасибо за это! Поляки борются не только за свою свободу, но за свободу всѣхъ народовъ, страдающихъ подъ гнетомъ московскаго царя. Эти народы должны были бы заключить союзъ для уничтоженія своего смертельнаго врага. Вы—наши первые и естественные союзники, и мы рассчитываемъ на васъ, шведовъ, потому что знаемъ, что при видѣ страданій, несчастій и крайняго напряженія всѣхъ силъ Польши ничто не остановитъ голоса вашего сердца; знаемъ также, что ваши дѣйствія не отстанутъ отъ вашихъ словъ. Да здравствуетъ Швеція!» (стр. 24—25).

Шведское правительство наложило арестъ на все находившееся на пароходѣ оружіе и снаряженіе.

Въ Мальмэ Полесь узналъ о подозрѣніяхъ на свой счетъ, но не придавалъ имъ пока серьезнаго значенія.

1 апрѣля Демонтовичъ и Бакунинъ поѣхали въ Стокгольмъ. Зная, что первый слегъ въ больницу, а второй занимается другими дѣлами, Лапинскій рѣшилъ ѣхать туда самъ съ Полесомъ. Тамъ

ихъ никто не встрѣтилъ; они всячески хлопотали объ ускореніи отплытія, имъ общали на словахъ, но ничего не дѣлали. Поѣхали въ Копенгагенъ, но и тамъ безуспѣшно, несмотря на банкеты, рѣчи и тосты.

Въ это время обращеніе съ нимъ Лапинскаго мѣняется; Полесь начинаетъ серьезнѣе подумывать объ обвиненіяхъ въ шпіонствѣ. Источникомъ ихъ онъ считалъ Герцена, написавшаго Бакунину о своихъ подозрѣніяхъ насчетъ его брата, врача, повидимому, поручившаго какую-нибудь политическую миссію и Стефану. Полесь хотѣлъ немедленно выѣхать въ Лондонъ, но Лапинскій не отпустилъ его, уговаривая не обращать вниманія на эту «клевету». «Что касается насъ, то мы отлично понимаемъ, особенно я, что означаетъ обвиненіе со стороны русскаго. Герценъ — мой врагъ, онъ врагъ намъ всѣмъ, какъ и Бакунинъ, и если они могутъ причинить мнѣ какое-нибудь зло, то, конечно, они это сдѣлаютъ», — сказалъ ему, будто бы, Лапинскій... Вражду Герцена и Бакунина къ начальнику морской экспедиціи дальновидный Полесь объяснялъ такъ: «Лапинскій горячо защищалъ то положеніе, что русскіе не европейскаго, а монголо-китайскаго происхожденія и не имѣютъ ничего общаго со славянами. Онъ высказалъ это въ одномъ своемъ печатномъ трудѣ, и это — одно изъ тѣхъ главныхъ положеній, которе онъ всегда оживленно защищалъ въ бесѣдахъ. При своихъ встрѣчахъ въ Лондонѣ съ Герценомъ и Бакунинымъ онъ часто касался этой темы и видѣлъ, что и Герценъ, и Бакунинъ, оба враждебно стали относиться къ нему, такъ какъ чувствовали себя задѣтыми взглядомъ, высказываемымъ Лапинскимъ. Часто бывалъ я свидѣтелемъ подобныхъ споровъ и, такъ какъ зналъ, какъ легко Л. — раздражался, то боялся, какъ бы эти диспуты не имѣли печальнаго конца... «Они хотятъ нашими руками таскать каштаны изъ огня», говаривалъ Лапинскій, и въ этомъ я былъ съ нимъ вполне согласенъ» (стр. 48—51). Дальше мы узнаемъ, что какъ было трогательно ихъ единомысліе, такъ скоро стала единодушна ненависть одного къ другому. Дѣло дошло до того, что Лапинскій приказалъ арестовать Полеса и посадить на пароходъ, но тотъ бѣжалъ въ Копенгагенъ, ища поддержки у Демонтовича. Изъ этого ничего не вышло, и арестъ, все-таки, былъ произведенъ. Черезъ нѣсколько дней послѣ обыска его вещей, Полесь былъ освобожденъ и снова отправился къ Демонтовичу. Послѣдній общалъ, какъ только экспедиція достигнетъ мѣста своего назначенія, напечатать не только въ шведскихъ, но и въ другихъ иностранныхъ газетахъ, отъ имени польскаго правительства, реабилитацію Полеса и «вмѣстѣ съ тѣмъ открыто выступить противъ Герцена» (59 — 70). Полесь самъ напечаталъ письмо въ

газетѣ «Snäll-Post», въ которомъ протестовалъ противъ обвиненій въ шпіонствѣ, не назвавъ ни одного лица изъ своихъ враговъ...

Послѣ цѣлаго ряда мелочей, которыя Полесь нанизалъ дальше для построенія своего оправданія, онъ сдѣлалъ резюме: «1) Герценъ въ Лондонѣ, основываясь на недоказанномъ подозрѣніи противъ моего брата, подозрѣвалъ и меня, равнымъ образомъ не приведя ни одного факта, который подтвердилъ бы подозрѣніе; 2) подозрѣніе даже на мѣстѣ было признано неправильнымъ и Бакунину рекомендовано было молчать о немъ; 3) Лапинскій отказалъ мнѣ въ созывѣ комиссіи изъ членовъ экспедиціи для разслѣдованія взведенныхъ на меня обвиненій» и т. д.. Однако, гораздо важнѣе собственное свидѣтельство Полеса, что, когда, послѣ роспуска экспедиціи, онъ въ третій разъ отправился къ Демонтовичу за защитой—понимая, что защита только отъ него; какъ отъ комиссара народнаго правительства, могла быть дѣйствительно сильной,—тотъ, все-таки, не выдалъ ему никакого реабилитирующаго документа, сказавъ, что еще не имѣетъ официальныхъ свѣдѣній... Наконецъ, въ четвертый пріѣздъ Полеса Демонтовичъ отказалъ по неимѣнію извѣстій изъ Польши, не происходило ли тамъ на границахъ особаго передвиженія войскъ въ періодъ съ 4 по 10 июня... «Я удивился этому въ высшей степени бессмысленному отвѣту, но быстро собрался съ мыслями и сказалъ ему: «Хорошо, значитъ, я поѣду въ Польшу и тамъ подожду отвѣта; скажите только, къ кому вы тамъ питаете довѣріе, чтобы это лицо могло собрать точныя справки о бывшихъ въ Ц. Польскомъ передвиженіяхъ войскъ». На это Демонтовичъ ничего не отвѣтил». Заканчивается брошюра красивымъ и довольно обыкновеннымъ въ такихъ случаяхъ жестомъ: «я намѣренъ обратиться къ народному правительству, передавъ мое дѣло въ его руки, чтобы такимъ образомъ получить требуемое мною удовлетвореніе». Прибавлю, что намѣреніе это не было приведено въ исполненіе, а въ списокѣ шпіоновъ, опубликованномъ народнымъ правительствомъ въ маѣ 1863 г., значились и Полесь и Тугендгольдъ... Да иначе Герценъ и не написалъ бы такъ смѣло своей главы.

Возвращаясь къ обвиненію Герцена въ болтливости, приведу замѣтку изъ «La Cloche» отъ 25 марта, полученную редакціей, конечно, не отъ Герцена, порицавшаго, какъ мы видѣли, недостаточную конспиративность организаторовъ экспедиціи.

«Польская экспедиція, о предстоящемъ отплытіи которой изъ Англій писали нѣкоторыя газеты, дѣйствительно, отправилась вечеромъ 21 марта. Во главѣ ея стоитъ извѣстный Теофіль Лапинскій, очень популярный на Востокѣ, особенно на Кавказѣ, гдѣ онъ долгое время командовалъ войсками противъ русскихъ. Мы сча-

стливы возможностью сообщить, что въ его штабѣ находится русскій офицеръ, товарищъ по военной службѣ Сливицкаго, Арнгольда, Ростковскаго и др., погибшихъ за свои убѣждения».

Въ заключеніе приведу протестъ Демонтовича и Лапинскаго отъ 30 марта, напечатанный въ «La Cloche» 10 апрѣля и обращенный къ англійскому консулу въ Мальмэ:

«М. Г. По причинамъ, которыя мы угадываемъ, но не имѣемъ намѣренія излагать въ данный моментъ, Робертъ Уефзби, капитанъ англійскаго парохода «Ward Jackson», нарушилъ опредѣленные и ясныя условія, заключенныя между делегатомъ временнаго правительства въ Польшѣ и компаніей, которой пароходъ принадлежитъ. По этимъ условіямъ, капитанъ обязывался высадить насъ на территоріи, указанной въ контрактѣ. Со времени же нашего прибытія въ Гельсингборгъ, капитанъ доказываетъ полное и явное нежеланіе вести насъ дальше и прибѣгаетъ къ разнымъ уловкамъ, чтобы затруднить наше плаваніе. Въ Копенгагенѣ, гдѣ капитанъ, по его словамъ, могъ остановиться только на 2 часа, чтобы запастись питьевой водой, что онъ забылъ сдѣлать во время нашей вынужденной стоянки въ Гельсингборгѣ, онъ покинулъ насъ со всѣмъ своимъ экипажемъ, за исключеніемъ трехъ человекъ, и заявилъ намъ, что дальше не поѣдетъ, такъ что мы были принуждены, вопреки нашимъ интересамъ, высадиться въ ближайшемъ шведскомъ порту. Пароходная компанія въ Копенгагенѣ объявила его конечной цѣлью рейса. Датскій капитанъ и его экипажъ, которымъ агенты пароходнаго общества довѣрили судно, довели насъ до Мальмэ. Мы заявляемъ протестъ, г. консулъ, противъ недобросовѣстности капитана и сохраняемъ за собою право привлечь впослѣдствіи къ отвѣтственности за понесенные нами убытки тѣхъ лицъ, которыя по закону за нихъ отвѣчаютъ».

Таковы данныя имѣющіяся у меня литографированныхъ копій дипломатическихъ нотъ, донесеній и писемъ и т. п. Я не думаю, чтобы эти документы были безусловно вѣрны, но нѣтъ основанія предполагать въ нихъ большія фактическія неточности.

Утвержденіе Герцена о сношеніяхъ Бакунина съ шведскими министрами и даже съ братомъ шведскаго короля (стр. 267) мнѣ представляется мало основательнымъ; изъ цитированныхъ документовъ ясно, что его остерегались и держали на отдаленіи; біографы Бакунина должны выяснитъ это обстоятельство.

49. Въ своихъ «Запискахъ» Лапинскій приписываетъ Герцену гораздо болѣе дѣятельное участіе въ балтійской авантюрѣ. Такъ, по его словамъ, прежде всего, наканунѣ его отъѣзда въ Польшу, въ мартѣ 1863 г. явились къ нему Герценъ и Цверцяковичъ и,

сообщивъ о рѣшеніи Ржонда Народоваго организовать морскую экспедицію въ Полангенъ (отрядъ которой и влить въ составъ литовской арміи, приближавшейся къ тому времени изъ центра Литвы подъ предводительствомъ Сѣраковскаго и Колышка)—пригласили его принять на себя начальство надъ уже подготовлявшейся экспедиціей. Лапинскій долго не соглашался, но, въ концѣ концовъ, заявилъ, что, «если ужъ всѣ съ ума сошли, то какое же онъ имѣетъ право быть исключеніемъ». Тогда же было рѣшено собраться вечеромъ въ тотъ день у Герцена и обсудить всѣ практическія и дѣловыя подробности. Совѣщаніе состоялось въ составѣ: Маццини, Ледрю-Роллена, Маркса, Лапинскаго, Цверцякевича, Герцена и Огарева. Прежде всего обсуждали новости польскаго возстанія, приче́мъ Герценъ настаивалъ, что поляки должны итти рука объ руку со всѣми, кто сочувствуетъ имъ въ Россіи, — кстати, и въ послѣдней можно ожидать революціонной вспышки. Марксъ (надо полагать, что рѣчь идетъ о Карлѣ Марксѣ) очень недовѣрчиво отнесся къ возможности сколько-нибудь серьезнаго движенія въ Россіи, на что Герценъ, Огаревъ, Ледрю-Ролленъ и Цверцякевичъ горячо возражали. Послѣ совѣщанія поѣхали по домамъ—Лапинскій вмѣстѣ съ Марксомъ. Послѣдній указалъ, что вѣрный союзникъ поляковъ—нѣмцы; была даже обсуждена и мысль объ образованіи особаго нѣмецкаго легіона.

Затѣмъ Герценъ явился къ Лапинскому съ I. Демонтовичемъ для дальнѣйшихъ дѣловыхъ переговоровъ (за невозможностью прочесть разсказъ самого Лапинскаго въ одной изъ польскихъ газетъ, я вынужденъ цитировать по передачѣ, сдѣланной Н. Бергомъ въ I кн. «Историч. Вѣстника» 1881 г., оставляя на немъ и всю отвѣтственность за точность передачи).

Роль, приписанная Лапинскимъ Герцену, не соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Прежде всего надо принять во вниманіе, что «Сборникъ посмертныхъ статей», куда вошла и вся настоящая глава «Былого и думъ», былъ изданъ при жизни Лапинскаго (1870 г.), молчавшаго восемь лѣтъ, до смерти Огарева; и во-вторыхъ, «Сборникъ» изданъ подъ наблюденіемъ А. А. Герцена, который, конечно, не опубликовалъ бы эту главу, какъ она есть, если бы зналъ, что его отецъ изложилъ дѣло такъ субъективно невѣрно, — а не знать этого онъ не могъ, потому что именно все начало 1863 г. провелъ съ отцомъ въ Лондонѣ, принимая близкое участіе въ событіяхъ того времени.

Не говорю уже о самомъ главномъ: изъ писемъ Герцена къ Огареву за 1863 годъ, ясно, что онъ никоимъ образомъ не могъ принимать *дѣятельную* участія въ томъ, во что самъ не вѣрилъ

и что изобразилъ, какъ рядъ ошибокъ и опрометчивостей при самомъ началѣ организаціи.

Мы знаемъ Герцена за искренняго человѣка, который умѣлъ каяться и не въ такихъ своихъ заблужденіяхъ и ошибкахъ и никогда не писалъ сознательной лжи.

Кстати, въ составѣ экспедиціи, по словамъ Лапинскаго, вошли: 86 поляковъ, 22 француза, 16 итальянцевъ, 3 англичанина, 3 нѣмца, 3 швейцарца, 2 русскихъ, 2 бельгійца, 2 венгерца, 1 голландецъ и 1 кроатъ. Драгомановъ, а за нимъ и др. привели невѣрную цифру поляковъ и, вообще, отнеслись къ показаніямъ Лапинскаго безъ какой-либо критики. Интересующихся подробностями экспедиціи отсылаю къ статьѣ Берга,—не всегда точной, не полной и излишне фельетонной, и къ «Письмамъ» Бакунина къ Герцену и Огареву, въ которыхъ, кстати, среди многихъ ошибокъ и опечатокъ должна быть исправлена одна очень существенная: вмѣсто Гельсингфорса нужно читать Гельсингборгъ (стр. 119—121).

Сначала обвинялъ въ неудачѣ Бакунинъ не только Цверцякевича, но и Герцена съ Огаревымъ (письмо отъ 31 марта дано въ комментаріяхъ за 1863 г.), но потомъ просилъ извиненія у нихъ. «Какъ бы я ни спорилъ съ вами и противъ васъ, вы оба — мои окончательные совѣтъ и крѣпость, и когда вы довольны мною, я самъ собою доволенъ, и ничто въ мірѣ не въ силахъ меня обезпокоить» (письмо 3 апрѣля).

Л. Мечниковъ рассказываетъ, что, когда экспедиція Лапинскаго не удалась, а для признанія польскихъ повстанцевъ за воюющую сторону, по крайней мѣрѣ со стороны иностранныхъ державъ, требовалось, чтобы польскій флотъ появился въ одномъ изъ морей, открытыхъ для французскихъ и англійскихъ судовъ,—былъ составленъ еще болѣе обширный планъ на Средиземномъ и Черномъ моряхъ; во главѣ его сталъ графъ Сбышевскій, принявшій въ эмиграціи кличку Карпъ; это былъ русскій морской офицеръ, бѣжавшій съ одного изъ нашихъ судовъ, совершавшихъ кругосвѣтное плаваніе («Истор. Вѣстникъ» 1897, III).

50. Непонятно, какъ Герценъ могъ до такой степени невѣрно передать все это дѣло. Въ половинѣ октября 1855 г. редemptористы съ Печеринымъ во главѣ открыли миссію въ католической церкви въ Кингстоунѣ, близъ Дублина. Печеринъ сильно нападалъ на безнравственность плодившихся тогда бульварныхъ рѣмановъ и печатавшихъ ихъ журналовъ и, чтобы подѣйствовать на своихъ слушателей, 5 ноября сжегъ на церковномъ дворѣ большой костеръ подобной литературы. Кто-то сказалъ, что видѣлъ тамъ, между прочимъ, протестантскую библію... Быстро разнеслась молва, ее подхватила пе-

чать, страсти разгорались, общественное мнѣніе было возмущено. Черезъ мѣсяць въ Дублинѣ былъ судъ, масса народа интересовалась исходомъ дѣла. Оказалось, что никто не могъ подтвердить раздутаго протестантами противъ католиковъ обвиненія, и въ результатѣ присяжные, несмотря на стараніе предсѣдателя суда, признали Печерина невиновнымъ, а публика устроила ему шумную овацію (М. Гершензонъ, «В. С. Печеринъ», 168—179). Интересующіеся личностью этого оригинально сложившагося и прожившаго человѣка найдутъ въ указанной книгѣ большой фактической матеріалъ и продуманно изложенную психологію.

51. Для пониманія всего этого мѣста нужно знать нѣкоторыя обстоятельства тогдашней политической жизни Запада.

Въ 1863 г. при содѣйствіи Маццини былъ организованъ заговоръ на жизнь Наполеона III. Участвовали въ немъ профессоръ музыки Пасквале Греко (Флорети), проф. игры на горнѣ Рафаэль Трабукко, переплетчикъ Натале-Аготино Императори и студентъ Анджело Скальйони (Масполи). Когда парижская полиція открыла заговоръ и дѣлу было дано обычное направленіе, сенатскій судъ приговорилъ первыхъ двухъ къ ссылкѣ, вторыхъ—къ 12-лѣтнему тюремному заключенію. Тогда же генеральный прокуроръ заявилъ о прикосновенности къ заговору члена палаты депутатовъ и второго лорда адмиралтейства Джемса Стансфильда, такъ какъ онъ жилъ въ одномъ домѣ съ лицомъ, которому писалъ Греко, и, занимая позицію защиты Маццини, былъ съ нимъ въ близкихъ отношеніяхъ.

28 февраля объ этомъ дѣлѣ, особенно въ связи съ ролью Стансфильда, много говорилось въ англійскомъ парламентѣ.

Чтобы лучше понять травлю по его адресу, надо вспомнить, что тори очень хотѣли вырвать власть изъ рукъ Пальмерстона, а онъ-то и ввелъ Стансфильда въ министерство. До 1859 г. послѣдній былъ лондонскимъ пивоваромъ, демократомъ и республиканцемъ по убѣжденіямъ; естественно, что онъ былъ близокъ съ эмигрантами разныхъ странъ, и Маццини въ томъ числѣ. Нахожденіе въ составѣ кабинета не измѣнило его отношеній. Во время отсутствія Маццини изъ Лондона Стансфильдъ исполнялъ его, преимущественно денежныя, порученія, выдавая разнымъ лицамъ оставленныя для нихъ суммы, и т. п. Такимъ образомъ черезъ него прошла и перепіска между Маццини и Греко по поводу готовившагося покушенія... Тори воспользовались этимъ обстоятельствомъ и подняли въ парламентѣ и печати травлю одновременно противъ Стансфильда и Пальмерстона.

Не желая быть въ такомъ положеніи, первый заявилъ вто-

рому о своемъ желаніи выйти изъ кабинета, что, однако, тотъ ему отсовѣтовалъ. Черезъ нѣкоторое время Стансфильдъ подалъ прошеніе объ отставкѣ уже въ рѣшительной формѣ; 4 апрѣля онъ давалъ палатѣ объясненія уже не какъ членъ министерства. Брайтъ и Кобденъ, а также другіе менѣе видные члены выступали въ его защиту.

52. О посѣщеніи Гарибальди рассказываетъ Н. А. Огарева. «Получивъ обѣщаніе Гарибальди быть непременно въ Теддингтонѣ въ условленный день, Герценъ отправился къ трактирщику Кюну и заказалъ ему обѣдъ къ назначенному дню. Этотъ заказъ потребовалъ много времени, потому что Герценъ желалъ выбрать самъ нѣсколько итальянскихъ блюдъ; а Кюнъ необыкновенно польщенный, что выборъ Герцена палъ именно на него, предлагалъ и то, и другое, былъ многорѣчивъ и вмѣстѣ такъ весель и забавень, что Герценъ съ трудомъ удержался отъ смѣха и вырвался, наконецъ, отъ Кюна, говоря, что вполне довѣряетъ ему во всемъ... Приглашенные были большею частью итальянцы, англичанки-маццинистки и нѣсколько поляковъ. Русскихъ, кажется не было, потому что въ то время не было пріѣзжихъ изъ Россіи въ Лондонъ. Какой-то итальянскій патріотъ, кондитеръ или поваръ, уже очень старый, просилъ, какъ милости, у Герцена позволенія приготовить десертъ. Онъ сдѣлалъ мороженое: на красной скалѣ былъ представленъ шоколадный кѣнъ и на немъ всадникъ, у котораго, вмѣсто знамени, было въ рукѣ (ліонской работы) изображеніе Гарибальди, тисненное сѣрымъ и краснымъ шелкомъ. Вечеромъ, когда мы усталые расходились по своимъ комнатамъ, Герценъ снялъ съ мороженого изображеніе Гарибальди и сказалъ мнѣ: «Спрячь его въ воспоминаніе нашего праздника; мнѣ грустно только, что старшихъ дѣтей не было тутъ въ этотъ день!»... Въ шестомъ часу парная карета подѣхала къ садовой калиткѣ. Толпа народа, вѣроятно, изъ Теддингтона и окрестныхъ мѣстъ, узнавъ, что ждутъ къ намъ Гарибальди, спѣшила за своимъ любимцемъ и со всѣхъ сторонъ окружила экипажъ. Герценъ вышелъ первый; ему жали руки; одна дама даже поцѣловала его въ плечо... Когда Гарибальди въ сопровожденіи Герцена вошелъ въ домъ, Маццини вышелъ ему навстрѣчу, и они дружески пожали другъ другу руки. Начались представленія нѣкоторыхъ лицъ, неизвѣстныхъ еще Гарибальди; потомъ обмѣнъ привѣтствій со всѣми... За обѣдомъ Гарибальди казался очень доволенъ, даже весель. «Какъ мнѣ хорошо у васъ, Герценъ,—говорилъ онъ;—тутъ нѣтъ ни этикета, ни стѣсненія; кругомъ друзья, итальянцы. Даже въ выборѣ блюдъ и винъ я узнаю вниманіе друга-Герцена; онъ хотѣлъ напомнить мнѣ мою

родину» («Воспоминанія», 222—225). Читатель самъ замѣтитъ ошибки Огаревой.

Т. П. Пассекъ списала у Герцена десятокъ страницъ (см. т. III, 29—33, 38—42), а чтобы придать своей книгѣ больше «оригинальности», не просто списала, какъ дѣлала въ большинствѣ случаевъ, а дала въ качествѣ, якобы, записаннаго разсказа Огарева, причемъ отъ его лица, поневолѣ, исходятъ мысли и слова, принадлежавшія Герцену. —

Значительная часть лондонской прессы прошла молчаніемъ поѣздки Гарибальди къ Герцену, не желая подчеркнуть, ради сохраненія отношеній съ правительствомъ Наполеона III, его сношеній съ иностранными эмигрантскими кругами, и потому ограничилась лишь указаніемъ, что тогда-то онъ ѣздилъ «въ Теддингтонъ» (напр., «The Standard» отъ 18 апрѣля). Немногія газеты нарушили эту солидарность молчанія и кратко описали визитъ, назвавъ имя Герцена (напр., «The Daily News», 20 апрѣля).

53. Въ виду неоднократныхъ намековъ Герцена, отмѣчу отношеніе къ пріѣзду Гарибальди въ Англію со стороны всесильнаго тогда русскаго публициста, Каткова. «Московскія Вѣдомости» возвращались къ этому большому вопросу текущей иностранной политики много разъ. Прежде всего Катковъ очень откровенно заявилъ, что «пріемъ, дѣлаемый въ Лондонѣ генералу Гарибальди, не можетъ быть пріятенъ ни тремъ сѣвернымъ дворамъ, ни императору Наполеону III, который считаетъ Гарибальди въ числѣ своихъ личныхъ враговъ. Позволительно сомнѣваться, чтобы политическіе люди Англии сочли удобнымъ раздражать разомъ всѣ четыре великія державы и доводить до экзальтаціи европейскую партію дѣйствія, если бы не имѣли въ виду какого-нибудь близкаго полезнаго для своей страны результата» («М. В.», № 80). «Какое огорченіе для русскиихъ выходцевъ, которыхъ герцогиня Сутерлэндская не сочла нужнымъ пригласить на свой банкетъ», шипѣлъ московскій аборигенъ 11/23 апрѣля (№ 83). «Гарибальди принимали съ такимъ почетомъ, съ какимъ не принимаютъ коронованныхъ особъ; этотъ почетъ собиралъ вокругъ него толпы зрителей, и эти толпы были соразмѣрны громадности Лондона и популярности, которую пріобрѣло себѣ имя Гарибальди, но собственно народнаго энтузіазма не было. А между тѣмъ, Гарибальди являлся, какъ человекъ изъ народа, какъ вождь народныхъ движеній, какъ герой революціи. Если бы къ нему было неподдѣльное сочувствіе въ Англии, то оно сосредоточивалось бы не столько въ высшихъ или среднихъ, сколько въ низшихъ классахъ. Гарибальди отзывался съ

почтениемъ объ англійской монархіи, но онъ отнюдь не скрывалъ своихъ связей съ революціей. Еще до прїѣзда въ Лондонъ онъ видѣлся съ Маццини; въ Лондонѣ онъ имѣлъ нѣсколько разъ свиданія съ нимъ; онъ слонялся по всѣмъ революціонерамъ и эмигрантамъ; говорятъ, заѣзжалъ даже на блины къ г-ну Герцену; наконецъ, онъ прямо заявлялъ, что онъ не только другъ, но и ученикъ Маццини. Что во всемъ этомъ нашлось сочувственнаго англійской аристократіи? Что побудило королевскую фамилію почитать генерала Гарибальди визитомъ наслѣдника англійскаго престола? Да не подумаютъ читатели, чтобъ эти оваціи, шедшія съ высоты трона, были должною данью генію. Если кто-нибудь считалъ еще Гарибальди геніальнымъ человѣкомъ, тотъ долженъ былъ отложить это мнѣніе послѣ лондонскихъ рѣчей его, въ которыхъ не было ни одного живого слова и ни тѣни не только геніальности, но даже простой даровитости. Умственная репутація Гарибальди не могла ни отъ чего такъ сильно пострадать, какъ отъ этой поѣздки... Это было конгрессъ своего рода, хотя, можетъ быть, на немъ и не было ничего постановлено, — конгрессъ двухъ державъ: Англій и всесвѣтной революціи. «Honny soit qui mal y pense» (Да будетъ стыдно тому, кто дурно думаетъ объ этомъ) и т. д. («М. В.», № 89).

Дѣйствительно, торжественность встрѣчи Гарибальди превосходила даже великолѣпіе встрѣчи за годъ до того принцессы Уэльской, будущей королевы Великобританіи. Боясь, чтобы манифестаціи въ пользу Гарибальди не приняли слишкомъ демократическаго характера, ихъ нарочно аристократизировали. Еще по прїѣзда гостя, «Таймсъ» подсказалъ этотъ ловкій ходъ среднимъ и въ особенности высшимъ классамъ общества. Немудрено, что когда, при такъ хорошо разыгранной программѣ, къ Гарибальди явилась депутація отъ лондонскихъ рабочихъ съ приглашеніемъ на вечеръ, на которомъ должны были присутствовать итальянскіе эмигранты, онъ поблагодарилъ ее, но объявилъ, что не можетъ принять приглашенія «за недостаткомъ времени». Обезвредивъ до извѣстной степени пребываніе генерала въ Лондонѣ, надо было принять мѣры къ тому же въ массѣ англійскихъ городовъ, куда его звали и ждали. Рѣшили заявить, что онъ утомленъ пребываніемъ въ Лондонѣ и, по совѣту врача Фергюссона, во избѣжаніе вредныхъ для здоровья послѣдствій, отказывается отъ какихъ бы то ни было другихъ поѣздокъ, кромѣ прямого слѣдованія къ себѣ на Капреру. И хотя другъ и постоянный его докторъ Базиліо объявилъ въ лондонскихъ газетахъ, что здоровье генерала какъ нельзя болѣе удовлетворительно, но Гарибальди, понявшій грубую хитрость министерства Пальмерстона,

не счелъ, однако, нужнымъ протестовать. Народъ былъ возмущенъ; на улицахъ появились плакаты: «Гарибальди выгоняютъ изъ Англїи по желанію Людовика-Напѳлеона. Англичане! неужели мы это потерпимъ?!». На митингахъ говорились очень рѳзкія рѳчи, нѳкоторые кончились даже вмѳшательствомъ полицїи. И, все-таки, 22 апрѳля Гарибальди уѳхалъ.

ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ

(ОТРЫВКИ)

(1865—1868)

ГЛАВА I.

БЕЗЪ СВЯЗИ.

I.

Швейцарскіе виды ¹⁾.

Лѣтъ десять тому назадъ, идучи позднимъ зимнимъ, холоднымъ, сырымъ вечеромъ по Геймаркету, я натолкнулся на негра, лѣтъ семнадцати; онъ былъ босъ, безъ рубашки и, вообще, больше раздѣтъ тропически, чѣмъ одѣтъ по-лондонски. Стуча зубами и дрожа всѣмъ тѣломъ, онъ попросилъ у меня милостыни. Дня черезъ два я опять его встрѣтилъ, а потомъ—еще и еще. Наконецъ, я вступилъ съ нимъ въ разговоръ. Онъ говорилъ ломанымъ англо-испанскимъ языкомъ, но понять смыслъ его словъ было нетрудно.

— Вы молоды,—сказалъ я ему,—крѣпки, что же вы не ищите работы?

— Никто не даетъ.

— Отчего?

— Нѣтъ никого знакомаго, кто бы поручился.

— Да вы откуда?

— Съ корабля.

— Съ какого?

— Съ испанскаго. Меня капитанъ очень билъ, я и ушелъ.

— Что вы дѣлали на кораблѣ?

¹⁾ Небольшіе отрывки изъ этого отдѣла были напечатаны въ «Колоколѣ». А. И. Г.

— Все: платье чистиль, посуду мыль, каюты прибираль.

— Что же вы намѣрены дѣлать?

— Не знаю.

— Да, вѣдь, вы умрете съ холода и голода, по крайней мѣрѣ, навѣрное, схватите лихорадку.

— Что же мнѣ дѣлать?—говориль негръ съ отчаяніемъ, глядя на меня и дрожа всѣмъ тѣломъ отъ холода.

Ну, подумаль я, была не была,—не первая глупость въ жизни.

— Идите со мной; я вамъ дамъ уголь и платье, вы будете чистить у меня комнаты, топчть каминны и останетесь, сколько хотите, если будете вести себя порядкомъ и тихо. Се по — по ¹⁾

Негръ запрыгалъ отъ радости.

Въ недѣлю онъ потолстѣль и весело работаль за четырехъ. Такъ прожилъ онъ съ полгода; потомъ, какъ-то вечеромъ, явился передъ моей дверью, постояль молча и потомъ сказаль мнѣ:

— Я къ вамъ пришелъ проститься.

— Какъ такъ?

— *Теперь довольно*, я пойду.

— Васъ кто-нибудь обидѣль?

— Помилуйте, я всѣми доволенъ.

— Такъ куда же вы?

— На какой-нибудь корабль.

— Зачѣмъ?

— Очень соскучился, не могу; я сдѣлаю бѣду, если останусь; мнѣ надобно море. Я поѣзжу и опять приѣду, а *теперь довольно*.

Я сдѣлаль опытъ остановить его, дня три онъ подождаль и во второй разъ объявилъ, что это сверхъ силъ его, что онъ долженъ уйти, что *теперь довольно*.

Это было весной. Осенью онъ явился ко мнѣ снова тропически раздѣтый; я опять его одѣль; но онъ вскорѣ надѣлаль разныхъ пакостей, даже грозиль меня убить, и я былъ вынужденъ его прогнать ²⁾.

Послѣднее къ дѣлу не идетъ, а идетъ къ дѣлу то, что я совершенно раздѣляю воззрѣніе негра. Долго живши на одномъ мѣстѣ и въ одной колѣѣ, я чувствую, что на нѣкоторое время *довольно*, что надобно освѣжиться другими горизонтами и фізіономіями... и съ тѣмъ вмѣстѣ взойти въ себя, какъ бы это ни казалось страннымъ. Поверхностная разсѣянность дороги не мѣшаеть.

Есть люди, предпочитающіе отъѣзжать *внутренно*: кто при

¹⁾ Если нѣтъ, такъ нѣтъ.

²⁾ Губеръ, см. т. IX 337 и др. страницы.

помощи сильной фантазии и *отвлекаемости* отъ окружающаго — на это надобно особое помазаніе, близкое къ гениальности и безумію,—кто при помощи опиума или алкоголя. Русскіе, напримѣръ, пьютъ запоемъ недѣлю-другую, потомъ возвращаются ко дворамъ и дѣламъ. Я предпочитаю передвиженіе всего тѣла передвиженію мозга, и круженіе по свѣту круженію головы.

Можетъ, оттого, что у меня похмелье тяжело.

Такъ разсуждалъ я 4 октября 1866 въ небольшой комнатѣ дрянной гостиницы на берегу Невшательскаго озера, въ которой чувствовалъ себя, какъ дома, какъ будто въ ней жилъ всю жизнь.

Съ лѣтами странно развивается потребность одиночества и, главное, тишины... На дворѣ было довольно тепло, я отворилъ окно... Все спало глубокимъ сномъ: и городъ, и озеро, и причаленная барка, едва-едва дышавшая, что было слышно по небольшому скрипу и видно по легкому уклоненію мачты, никакъ не попадавшей въ линію равновѣсія и переходившей ее то направо, то налево...

...Знать, что никто васъ не ждетъ, никто къ вамъ не взойдетъ, что вы можете дѣлать, что хотите, умереть, пожалуй, и никто не помѣшаетъ, никому нѣтъ дѣла... разомъ страшно и хорошо. Я рѣшительно начинаю дичать и иногда жалѣю, что не нахожу силъ принять свѣтскую схиму.

Только въ одиночествѣ человекъ можетъ работать во всю силу своей могучи. Воля располагать временемъ и отсутствіе неминуемыхъ перерывовъ — великое дѣло. Сдѣлалось скучно, усталъ человекъ, — онъ беретъ шляпу и самъ ищетъ людей и отдыхаетъ съ ними. Стоитъ ему выйти на улицу—вѣчный каскадъ лицъ несется нескончаемый, мѣняющійся, неизмѣнный, съ своей искрящейся радугой и сѣдой пѣной, шумомъ и гуломъ. На этотъ водопадъ вы смотрите, какъ художникъ, смотрите на него, какъ на выставку, именно потому, что не имѣете практическаго отношенія. Все вамъ постороннее, и ни отъ кого ничего ненадобно.

На другой день я всталъ ранехонько и уже въ 11 часовъ до того проголодался, что отправился завтракать въ большой отель, куда меня съ вечера не пустили за неимѣніемъ мѣста. Въ столовой сидѣли англичанинъ со своей женой, закрывшись отъ нея листомъ «Таймса», и французъ лѣтъ тридцати, изъ новыхъ, теперь слагающихся типовъ, толстый, рыхлый, бѣлый, бѣлокурый, мягко-жирный; онъ, казалось, готовъ былъ расплыться, какъ желе въ теплой комнатѣ, если-бъ широкое пальто и панталоны изъ упругой матеріи не удерживали его мясовъ,—навѣрное, сынъ каго-нибудь князя биржи или аристократъ демократической имперіи.

Вяло, съ недовѣріемъ и пытливымъ духомъ продолжалъ онъ свой завтракъ; видно было, что онъ давно занимается и усталъ.

Типъ этотъ, почти не существовавшій прежде во Франціи, началъ слагаться при Людовикѣ-Филиппѣ и окончательно расцвѣлъ въ послѣдніе пятнадцать лѣтъ. Онъ очень противенъ, и это, можетъ, — комплиментъ французамъ. Жизнь кухоннаго и виннаго эпикуреизма не такъ искажаетъ англичанина и русскаго, какъ француза. Фоксы ¹⁾ и Шериданы ²⁾ пили и ѣли за глаза довольно, однако, остались Фоксами и Шериданами. Французъ безнаказанно предается одной *литературной* гастрономіи, состоящей въ утонченномъ *знаніи* яствъ и витійствѣ при заказѣ блюдъ. Ни одна нація не *говоритъ* столько объ обѣдѣ, о приправахъ, тонкостяхъ, какъ французы; но это—все фіоритура, риторика. Настоящее обжорство и пьянство француза заѣдаетъ, поглощаетъ... оно ему не по нервамъ. Французъ остается цѣлъ и невредимъ только при самомъ многостороннемъ волокитствѣ, это—его національная страсть и любимая слабость, въ ней онъ силенъ.

— Прикажете десертъ?—спросилъ гарсонъ, видимо, уважавшій француза больше насъ.

Молодой господинъ варилъ въ это время пищу въ себѣ и потому медленно, поднимая на гарсона тусклый и томный взглядъ, сказалъ ему:

— Я еще не знаю; — потомъ подумалъ и прибавилъ: — *une poire* ³⁾!

Англичанинъ, который въ продолженіе всего времени молчалъ за ширмами газеты, встрепенулся и сказалъ:

— *Et à moi aussi!* ⁴⁾

Гарсонъ принесъ двѣ груши, на двухъ тарелкахъ, и одну подалъ англичанину; но тотъ съ энергіей и азартомъ протестовалъ:

— *No, no! aucune chose pour poire!* ⁵⁾

Ему просто хотѣлось пить. Онъ напился и всталъ; я тутъ только замѣтилъ, что на немъ была дѣтская курточка, или спенсеръ, свѣтло-коричневаго цвѣта и свѣтлые панталоны въ обтяжку, страшно сморщившіеся возлѣ ботинокъ. Встала и леди; она подымалась все выше, выше и, сдѣлавшись очень высокой, оперлась на руку приземистаго своего мужа и вышла.

Я ихъ проводилъ улыбкой невольной, но совершенно без-

¹⁾ Чарльзъ-Джемсъ, знаменитый англ. государств. дѣятель.

²⁾ Ричардъ, знаменитый англ. драматургъ и политическій дѣятель.

³⁾ Грушу.

⁴⁾ *Et à moi aussi!*—и мнѣ тоже.

⁵⁾ *Non, non, quelque chose pour boire!*—Нѣтъ, нѣтъ! Чего-нибудь выпить!

злой; они, все же, мнѣ казались вдесятеро больше люди, чѣмъ мой сосѣдъ, разстегивавшій, по случаю удаленія дамы, третью пуговицу жилета.

Базель.

Рейн—естественная граница, ничего не отдѣляющая, но раздѣляющая на двѣ части Базель, что не мѣшаетъ нисколько невыразимой скукѣ обѣихъ сторонъ. Тройная скука налегла здѣсь на все: нѣмецкая, купеческая и швейцарская. Ничего нѣтъ удивительнаго, что единственное художественное произведеніе, выдуманное въ Базелѣ, представляетъ пляску умирающихъ со смертью; кромѣ мертвыхъ, здѣсь никто не веселится, хотя нѣмецкое общество сильно любитъ музыку, но тоже очень серьезную и высшую.

Городъ транзитный: всѣ проѣзжаютъ по немъ, и никто не останавливается, кромѣ комиссіонеровъ и ломовыхъ извозчиковъ высшаго порядка.

Жить въ Базелѣ безъ особой любви къ деньгамъ нельзя. Впрочемъ, вообще, въ швейцарскихъ городахъ жить скучно, да и не въ однихъ швейцарскихъ, а во всѣхъ небольшихъ городахъ. «Чудесный городъ Флоренція, — говоритъ Бакунинъ, — точно прекрасная конфета... ѣшь, не нарадуешься, а черезъ недѣлю намъ все сладкое смертельно надѣдаетъ». Это совершенно вѣрно; что же и говорить послѣ этого о швейцарскихъ городахъ? Прежде было покойно и хорошо по берегу Лемана; но съ тѣхъ поръ, какъ отъ Вевэ до Вейто все застроили подмосковными и въ нихъ выселились изъ Россіи цѣлыя дворянскія семьи, исхудалыя отъ несчастія 19 февраля 1861, нашему брату тамъ не рука.

Лозанна.

Я въ Лозаннѣ проѣздомъ. Въ Лозаннѣ всѣ проѣздомъ, кромѣ абригеновъ.

Въ Лозаннѣ посторонніе не живутъ; несмотря ни на ея удивительныя окрестности, ни на то, что англичане ее открывали три раза: разъ послѣ смерти Кромвеля, разъ при жизни Гиббона, и теперь, строя въ ней дома и виллы. Живутъ туристы только въ Женевѣ.

Мысль о ней для меня неразрывна съ мыслью о самомъ холодномъ и сухомъ великомъ челоуѣкѣ и о самомъ холодномъ и сухомъ вѣтрѣ: о Кальвинѣ и о бизѣ. Я обѣихъ терпѣть не могу.

И, вѣдь, въ каждомъ женеуѣ осталось что-то отъ бизы и отъ Кальвина, которые дули на него духовно и тѣлесно со дня рожденія, со дня зачатія и даже прежде,—одинъ изъ горъ, другой изъ молитвенниковъ.

Дѣйствительно, слѣдъ этихъ *двухъ простудъ*, съ разными пограничными и черезполосными оттѣнками: савойскими, валійскими, и еще всего французскими, составляетъ основной характеръ жевца,—хорошій, но не то, чтобъ особенно пріятный.

Впрочемъ, я теперь описываю путевыя впечатлѣнія, а въ Женевѣ я живу. Объ ней я буду писать, отойдя на артистическое разстояніе.

..Въ Фрейбургъ я пріѣхалъ часовъ въ десять вечера... прямо къ Zähringerhof'у. Тотъ же хозяинъ, въ черной бархатной скуфьѣ, который встрѣчалъ меня въ 1851 году, съ тѣмъ же правильнымъ и высокомѣрно-учтивымъ лицомъ русскаго оберъ-церемоніймейстера или англійскаго швейцара, подошелъ къ омнибусу и поздравилъ насъ съ пріѣздомъ.

... И столовая та же, тѣ же складные четырехугольные диванчики, обитые краснымъ бархатомъ.

Четырнадцать лѣтъ прошли передъ Фрейбургомъ, какъ четырнадцать дней! Та же гордость кафедральнымъ органомъ, та же гордость цѣпнымъ мостомъ.

Вѣяніе новаго духа, безпокойнаго, мѣняющаго стѣны, разбирающагося, поднятаго эквinoxіальными ¹⁾ бурями 1848 года, мало коснулось городовъ, стоящихъ въ нравственной и физической стонѣ, въ родѣ іезуитскаго Фрейбурга и піэтистическаго Невшателя. Города эти тоже двигались, но черепашимъ шагомъ, стали лучше, но намъ кажутся отсталыми въ своей каменной одеждѣ, сшитой не по модѣ... А, вѣдь, многое въ прежней жизни было недурно, прочнѣе, удобнѣе: она была лучше разочтена для *малаю* числа избранныхъ и именно поэтому не соотвѣтствуетъ огромному числу вновь приглашенныхъ, далеко не такъ избалованныхъ и не такъ трудныхъ во вкусѣ.

Конечно, при современномъ состояніи техники, при ежедневныхъ открытіяхъ, при облегченіи средствъ можно было устроить привольно и просторно новую жизнь. Но западный человекъ, владѣющій мѣстомъ, довольствуется малымъ. Вообще, на него наклепали и, главное, наклепалъ онъ самъ то пристрастіе къ комфорту и ту избалованность, о которой говорятъ. Все это у него риторика и фраза, какъ и все прочее; были же у него свободныя учрежденія безъ свободы, отчего же не имѣтъ блестящей обстановки для жизни узкой и неуклюжей. Есть исключенія. Мало ли что можно найти у англійскихъ аристократовъ, у французскихъ камелій, у іудейскихъ князей міра сего... Все это личное и временное: лорды и банкиры

¹⁾ Equinoxial—равноденственный.

не имѣють будущности, а камелии—наслѣдниковъ. Мы говоримъ о *asse-mb s'atit*, о золотой посредственности, о хорѣ и кордебалетѣ, который теперь на сценѣ и жуируетъ, оставляя въ сторонѣ отца лорда Станлей, имѣющаго тысячь двадцать франковъ дохода въ день, и отца того двѣнадцатилѣтняго ребенка, который на-дняхъ бросился въ Темзу, чтобъ облегчить родителямъ пропитанье.

Старый разбогатѣвшій мѣщанинъ любитъ толковать объ удобствахъ жизни; для него все это еще ново: *что онъ баринъ*, *qu'il a ses aises* ¹⁾, «что его средства ему позволяютъ», «что это его не разорить». Онъ дивится деньгамъ и знаетъ ихъ цѣну и летучесть въ то время, какъ его предшественники по богатству не вѣрили ни въ ихъ истощаемость, ни въ ихъ достоинство и потому разорялись. Но разорялись они со вкусомъ. У «буржуа» мало смысла широко воспользоваться накопленными капиталами. Привычка прежней узкой, наслѣдственной, скупой жизни осталась. Онъ, пожалуй, и тратитъ большія деньги, но не на то, что надобно. Поколѣніе, прошедшее прилавкомъ, усвоило себѣ не тѣ размѣры, не тѣ планы, въ которыхъ привольно, и не можетъ отъ нихъ отстать. У нихъ все дѣлается, будто на продажу, и они, естественно, имѣють въ виду какъ можно большую выгоду, барышъ и казовый конецъ. «Проприетеръ» инстинктивно уменьшаетъ размѣръ комнатъ и увеличиваетъ ихъ число, не зная, почему дѣлаетъ меньшія окна, низкіе потолки; онъ пользуется каждымъ угломъ, чтобъ вырвать его у жильца или у своей семьи. Уголь этотъ ему не нуженъ, но на всякій случай онъ его отнимаетъ у кого-нибудь. Онъ съ особеннымъ удовольствіемъ устраиваетъ двѣ неудобныхъ кухни вмѣсто одной порядочной, устраиваетъ мансардъ для горничной, въ которой нельзя ни работать, ни повернуться, но зато сыро. За эту экономію свѣта и пространства онъ украшаетъ фасадъ, грузитъ мебелью гостиную и устраиваетъ передъ домомъ цвѣтникъ съ фонтаномъ,—наказаніе дѣтямъ, нянькамъ, собакамъ и наемщикамъ.

Чего не испортило скряжничество, то додѣлываетъ нерасторопность ума. Наука, прорѣзывающая мутный прудъ обыденной жизни, не мѣшаясь съ ней, бросаетъ направо и налево свои богатства, но ихъ не умѣють удить мелкіе лодочки. Вся польза идетъ гуртовщикамъ и цѣдится каплями для другихъ; гуртовщики мѣняють шаръ земной, а частная жизнь тащится возлѣ ихъ паровозовъ въ старой колымагѣ, на своихъ клячахъ... Каминъ, который бы не дымился,—мечта; мнѣ одинъ женевскій хозяинъ успокоительно говорилъ: «каминъ этотъ *только* дымитъ въ бизу», т. е. именно

¹⁾ Что онъ живетъ въ свое удовольствіе.

тогда, когда всего больше надобно топить, и эта биза — какъ будто, случайность или новое изобрѣтеніе, какъ будто, она не дула до рожденія Кальвина и не будетъ дуть послѣ смерти Фази. Во всей Европѣ, не исключая ни Испаніи, ни Италіи, надобно, вступая въ зиму, писать свое завѣщаніе, какъ писали его прежде, отправляясь изъ Парижа въ Марсель, и въ половинѣ апрѣля служить молебень Иверской божіей матери.

Скажи эти люди, что они не занимаются суетой суетствій, что у нихъ другого дѣла много, я имъ прошу и дымящіяся каминны, и замки, которые разомъ отворяютъ дверь и кровь, и вонь въ сѣняхъ и проч., но спрошу, въ чемъ ихъ дѣло, въ чемъ ихъ высшіе интересы? *Ихъ нѣтъ*... они только выставляютъ ихъ для скрытія невообразимой пустоты и безсмыслія...

Въ средніе вѣка люди жили наисквернѣйшимъ образомъ, и тратились на совершенно ненужныя и не идущія къ удобствамъ постройки. Но средніе вѣка не толковали о страсти къ удобствамъ; напротивъ, чѣмъ неудобнѣ шла ихъ жизнь, тѣмъ она ближе была къ ихъ идеалу; ихъ роскошь была въ благолѣпіи дома божія и дома общиннаго, и тамъ они ужъ не скупились, не жались. Рыцарь строилъ тогда крѣпость, а не дворець и выбиралъ не наиудобнѣйшую дорогу для нея, а неприступную скалу. Теперь защищаться не отъ кого, въ спасеніе души отъ украшенія церквей никто не вѣрится; отъ форума и ратуши, отъ оппозиціи и клуба мирный гражданинъ порядка отсталъ; страсти и фанатизмы, религіи и героизмы, — все это уступило мѣсто матеріальному благосостоянію, *а оно-то и не устроилось*.

Для меня во всемъ этомъ есть что-то печальное, трагическое, точно этотъ міръ живетъ кой-какъ въ ожиданіи, что земля разступится подъ ногами, и ищетъ не устроиться, а забыться. Я это вижу не только въ озабоченныхъ морщинахъ, но и въ боязни передъ серьезной мыслью, въ отвращеніи отъ всякаго разбора своего положенія, въ судорожной жаждѣ недосуга, внѣшней разсѣянности. Старики готовы играть въ игрушки, «лишь бы дѣло не шло на умъ».

Модный оттягивающій пластырь—всемирныя выставки; пластырь и болѣзнь вмѣстѣ, какая-то перемежающаяся лихорадка съ перемѣнными центрами. Все несется, плыветъ, идетъ, летитъ, тратится, домогается, глядитъ, устаетъ, живетъ еще неудобнѣ, чтобъ слѣдить за *успѣхомъ*... чего? Ну, такъ, за успѣхами. Какъ-будто, въ три-четыре года можетъ быть такой прогрессъ во всемъ, какъ-будто, при желѣзныхъ дорогахъ такая крайность возить изъ угла въ уголъ дома, машины, конюшни, пушки, чуть не сады и огороды...

...Ну, а выставки надоѣдятъ — примутся за войну, начнутъ разсѣиваться горами труповъ, лишь бы не видѣть какихъ-то *черныхъ точекъ* на небосклонѣ...

II.

Болтовня съ дороги и родина въ буфетѣ.

— Есть мѣсто въ Андерматтѣ?

— Вѣроятно, будетъ.

— Въ кабриолетѣ?

— Можеть быть; вы заходите въ половинѣ одиннадцатаго...

Я смотрю на часы, — три безъ четверти, и я съ чувствомъ какого-то бѣшенства сажусь на лавочку передъ кафэ... Шумъ, крикъ, таскаютъ чемоданы, воятъ лошадей; лошади стучать безъ нужды по камнямъ; трактирные гарсоны завоевываютъ путешественниковъ; дамы роются между саками... Щелкъ, щелкъ...—одинъ дилижансъ поскакалъ... щелкъ, щелкъ,—другой поскакалъ за нимъ... Площадь пустѣеть, все разошлось... Жаръ смертельный, свѣтло до безобразія, камни поблѣднѣли собака; легла, было, середь площади, но вдругъ вскочила съ негодованіемъ и побѣжала въ тѣнь. Передъ кафэ сидитъ толстый хозяинъ въ рубашкѣ; онъ постоянно дремлетъ. Идетъ баба съ рыбой. «Почемъ рыба?»—спрашиваетъ съ видомъ страшной злобы хозяинъ. Женщина говоритъ цѣну. — «Сагогна» ¹⁾, кричитъ хозяинъ. — «Ladro» ²⁾, кричитъ женщина. — «Иди мимо, старая чертовка». — «Берешь что ли, разбойникъ?» — «Ну, отдавай за *три венты* фунтъ». — «Чтобъ тебѣ умереть безъ исповѣди!» Хозяинъ беретъ рыбу, женщина—деньги, и дружески расстаются. Всѣ эти ругательства—одна принятая форма, въ родѣ вѣжливостей, употребляемыхъ нами.

Собака продолжаетъ спать, хозяинъ отдалъ рыбу и опять дремлетъ; солнце печетъ,—сидѣть дольше невозможно. Иду въ кафэ, беру бумагу и начинаю писать, не зная вовсе, что напишу... Описаніе горъ и пропастей, цвѣтущихъ луговъ и голыхъ гранитовъ,— все это есть въ гидѣ ³⁾... Лучше посплетничать. Сплетни—отдыхъ разговора, его десертъ, его соя; одни идеалисты и абстрактные люди не любятъ сплетень... Но о комъ сплетничать?... Разумѣется,

¹⁾ Стерва.

²⁾ Разбойникъ.

³⁾ Путеводитель.

о предметѣ самомъ близкомъ нашему патриотическому сердцу,— о нашихъ милыхъ соотечественникахъ. Ихъ вездѣ много, особенно въ хорошихъ отеляхъ.

Узнавать русскихъ все еще такъ же легко, какъ и прежде. Давно отмѣченные зоологическіе признаки не совсѣмъ стерлись при сильномъ увеличеніи путешественниковъ. Русскіе говорятъ громко тамъ, гдѣ другіе говорятъ тихо, и совсѣмъ не говорятъ тамъ, гдѣ другіе говорятъ громко. Они смѣются вслухъ и рассказываютъ шопотомъ смѣшныя вещи; они скоро знакомятся съ гарсонами и туго—съ сосѣдями; они бдятъ съ ножа; военные похожи на нѣмцевъ, но отличаются отъ нихъ особенно дерзкимъ затылкомъ, съ оригинальной щетинкой; дамы поражаютъ костюмомъ на желѣзныхъ дорогахъ и пароходахъ такъ, какъ англичанки за *table d'hôte*’омъ, и пр.

Тунское озеро сдѣлалось цистерной, около которой насѣли наши туристы высшаго подета. *Fremden-Liste* ¹⁾, словно, выписанъ изъ «Памятной книжки» ²⁾: министры и тузы, генералы всѣхъ оружій и даже тайной полиціи отмѣчены въ немъ. Въ садахъ отелей наслаждаются сановники, *mit Weib und Kind* ³⁾, природой и въ ихъ столовой—ея дарами.—«Вы черезъ Гемми или Гримзель?» спрашиваетъ англичанка англичанку.—«Вы въ «*Jungfraublick*’ѣ» или въ «Викторіи» остановились?» спрашиваетъ русская русскую.—«Вотъ и «*Jungfrau*» говоритъ англичанка.—«Вотъ и Рейтернъ» (министръ финансовъ)» говоритъ русская...

Intcinq minutes d'arrêt...

Intcinq minutes d'arrêt... 4)

—и все, что было въ вагонахъ, высыпалось въ залу ресторана и бросилось за столъ, торопясь съѣсть обѣдъ въ какія-нибудь двадцать минутъ, изъ которыхъ дорожное начальство непременно украдетъ пять-шесть да еще прежде испугаетъ аппетитъ страшнымъ звонкомъ и крикомъ: «*En voiture!*» ⁵⁾.

Взошла высокая барыня въ темномъ и ея мужъ въ свѣтломъ, съ ними двое дѣтей... Взошла съ застѣнчивымъ, неловкимъ видомъ бѣдно одѣтая дѣвушка, у которой на рукахъ были какіе-то мѣшечки и баульчики. Она постояла, потомъ пошла въ уголь и сѣла

¹⁾ Списокъ пріѣзжихъ.

²⁾ Такъ назывался (до 1917 г.) ежегодникъ Главнаго штаба.

³⁾ Съ женами и дѣтьми.

⁴⁾ Скороговорка вмѣсто: *Vingt cinq minutes d'arrêt*—двадцать пять минутъ остановки.

⁵⁾ Садитесь!

почти возлѣ меня. Зоркій взглядъ гарсона ее замѣтилъ; прорѣвлясь тарелкой, на которой лежалъ кусокъ ростбифа, онъ спустился, какъ коршунъ, на бѣдную дѣвушку и спросилъ ее, что она желаетъ заказать.—«Ничего», отвѣчала она, и гарсонъ, котораго кликалъ англійскій клержимэнъ, побѣжалъ къ нему... Но черезъ минуту онъ опять подлетѣлъ къ ней и, махая салфеткой, спросилъ ее: «Что, бишь, вы заказали?».

Дѣвушка что-то прошептала, покраснѣла и встала. Меня такъ и кольнуло. Мнѣ захотѣлось предложить ей чего-нибудь, но я не смѣлъ.

Прежде, чѣмъ я рѣшился, черная дама повела черными глазами по залѣ и, увидя дѣвушку, подозвала ее пальцемъ. Она подошла; дама указала ей на недоѣденный дѣтми супъ, и та, *стоя* среди ряда сидящихъ и удивленныхъ путешественниковъ, смущенная и потерянная, съѣла ложки двѣ и поставила тарелку.

— *Essieurs les voyageurs pour Ucinnungen, Onction et Tontuux— en voiture!* ¹⁾.

Всѣ бросились съ ненужной поспѣшностью къ вагонамъ.

Молчать я не могъ и сказалъ гарсону (не коршуну, другому):

— Вы видѣли?

— Какъ же не видать, это—*русские*.

III.

За Альпами.

Архитектуральный, монументальный характеръ итальянскихъ городовъ рядомъ съ ихъ запущенностью подконецъ надѣдаетъ. Современный человѣкъ въ нихъ не дома, а въ неудобной ложѣ театра, на сценѣ котораго поставлены величественныя декорации.

Жизнь въ нихъ не уравновѣсилась, не проста и не удобна. Тонъ поднять, во всемъ декламация, и декламация итальянская (кто слыжалъ чтеніе Данте, тотъ знаетъ ее). Во всемъ та натянутость, которая бывала въ ходу у московскихъ философовъ и нѣмецкихъ *ученыхъ* художниковъ; все съ высшей точки, vom höhern Standpunkt. Взвинченность эта исключаетъ abandon ²⁾, вѣчно готова

¹⁾ Господа пассажиры на Uttingen, Mont-Sion и Tondu,—садитесь! (все—скороговорка).

²⁾ Непринужденность.

на отпоръ и проповѣдь съ сентенціями. Хроническая восторженность утомляетъ, сердить.

Человѣку не всегда хочется удивляться, возвышаться душой, имѣть *туенды* ¹⁾, быть тронутымъ и носиться мыслію далеко въ быломъ, а Италия не спускаетъ съ извѣстнаго діапазона и безпрестанно напоминаетъ, что ея улица—не просто улица, а что она—памятникъ, что по ея площадямъ не только надобно ходить, но должно ихъ изучать.

Вмѣстѣ съ тѣмъ все особенно изящное и великое въ Италіи (а, можетъ, и вездѣ) граничитъ съ безуміемъ и нелѣпостью, по крайней мѣрѣ, напоминаетъ малолѣтство... Piazza della Signoria, это—дѣтская флорентинскаго народа; дѣдушка Буонарроти и дядюшка Челлини надарили ему мраморныхъ и бронзовыхъ игрушекъ, а онъ ихъ разставилъ зря на площади, гдѣ столько разъ лилась кровь и рѣшалась его судьба, безъ малѣйшаго отношенія къ Давиду или Персею... Городъ въ водѣ, такъ что по улицамъ могутъ гулять ерши и окуни. Городъ изъ каменныхъ щелей, такъ что надобно быть мокрицей или ящерицей, чтобъ ползать и бѣгать по узенькому дну, между утесами, составленными изъ дворцовъ... А тутъ Бѣловѣжская пуща изъ мрамора. Какая голова смѣла создать чертежъ этого каменнаго лѣса, называемаго Миланскимъ соборомъ, эту гору сталактитовъ? Какая голова имѣла дерзость привести въ исполненіе сонъ безумнаго зодчаго?.. И кто далъ деньги, огромныя, невѣроятныя деньги?!

Люди только жертвуютъ на ненужное. Имъ всего дороже ихъ фантастическія цѣли, дороже насущнаго хлѣба, дороже своей корысти. Въ эгоизмъ надобно воспитаться такъ же, какъ въ гуманность. А фантазія уносить безъ воспитанія, увлекаетъ безъ разсужденій. Вѣка вѣры были вѣками чудесь.

Городъ поновѣе, но менѣе историческій и декоративный—Туринъ.

Такъ и обдаетъ своей прозой.

Да и жить въ немъ легче, именно потому, что онъ—просто городъ, городъ не въ собственное свое воспоминаніе, а для обыденной жизни, для настоящаго; въ немъ улицы не представляютъ археологическаго музея, не напоминаютъ на каждомъ шагѣ *mento mori*, а взгляните на его работничье населеніе, на ихъ рѣзкій, какъ альпійскій воздухъ, видъ,—и вы увидите, что это—кряжъ людей бодрѣе флорентинцевъ, венеціанъ, а, можетъ, и постойчѣе генуэзцевъ.

¹⁾ Tugend—добродѣтель.

Послѣднихъ, впрочемъ, я не знаю. Къ нимъ присмотрѣться очень трудно: они все мелькаютъ передъ глазами, бѣгутъ, суетятся, спуютъ, торопятся. Въ переулкахъ къ морю народъ кипитъ, но тѣ, которые стоятъ,—не генуэзцы, это—матросы всѣхъ морей и океановъ, шкипера, капитаны. Звонокъ тамъ, звонокъ тутъ—Partenzal—Partenzal ¹⁾—и часть муравейника засуетилась: одни нагружаютъ, другіе разгружаютъ.

IV.

Zu deutsch ²⁾).

...Три дня льетъ проливной дождь, выйти невозможно, работать не хочется... Въ окнѣ книжной лавки выставлена «Переписка Гейне», два тома. Вотъ спасеніе,—я взялъ ихъ и принялся читать впрядь до расчищенія неба.

Много воды утекло съ тѣхъ поръ, какъ Гейне писалъ Мозеру ³⁾, Иммерману ⁴⁾ и Варнгагену ⁵⁾.

Странное дѣло: съ 1848 года мы все пятились да отступали, все бросали за бортъ да ежились, а кой-что сдѣлалось и все исподволь измѣнилось. Мы ближе къ землѣ, мы ниже стоимъ, т.-е. тверже, плугъ глубже врѣзывается, работа не такъ казиста, чернѣе—можетъ, оттого, что это—въ самомъ дѣлѣ работа. Донъ Кихоты реакціи пропороли много нашихъ воздушныхъ шаровъ, дымные газы улетучились, аэростаты опустили, и мы не носимся больше, какъ духъ божій, надъ водами съ цѣвницей и пророческимъ пѣснопѣніемъ, а цѣпляемся за деревья, крыши и за мать сыру-землю.

Гдѣ эти времена, когда «Юная Германія», въ своемъ «прекрасномъ высоко», теоретически освобождала отечество и въ сферахъ чистаго разума и искусства поканчивала съ міромъ преданій и предразсудковъ? Гейне было противно на ярко освѣщенной морозной высотѣ, на которой величественно дремалъ подъ старость Гете, грезя не совсѣмъ складные, но умные сны второй части «Фауста», однако, и онъ ниже книжнаго магазина не опустился,—это все еще академическая aula ⁶⁾, литературные кружки, жур-

¹⁾ Отплытіе! Отплытіе!

²⁾ Слишкомъ по-нѣмецки.

³⁾ Мозесъ, одинъ изъ интимнѣйшихъ его друзей.

⁴⁾ Карлъ, нѣм. поэтъ.

⁵⁾ Карлъ-Августъ, нѣм. писатель романтич. школы и критикъ.

⁶⁾ Залъ, аудиторія.

нальные приходы, съ ихъ сплетнями и дрязiami, съ ихъ книжными Шейлоками въ видѣ Готы или Гофмана и Кампе, съ ихъ геттингенскими архіереями филологіи и епископами юриспруденціи въ Галле или Боннѣ. Ни Гейне, ни его кругъ народа не знали, и народъ ихъ не зналъ. Ни скорбь, ни радость низменныхъ полей не подымалась на эти вершины; для того, чтобъ понять стонъ современныхъ человѣческихъ трясинъ, имъ надобно было переложить его на латинскіе нравы и черезъ Гракховъ и пролетаріевъ добраться до ихъ мысли.

Баккалавры міра *сублимированной* ¹⁾, они выходили иногда жизнь, начиная, какъ Фаустъ, съ полпивной и всегда, какъ онъ, съ какимъ-нибудь духомъ школьнаго отрицанія, который имъ, какъ Фаусту, мѣшалъ своей рефлексіей просто глядѣть и видѣть. Оттого-то они тотчасъ возвращались отъ живыхъ источниковъ къ источникамъ историческимъ,—тутъ они чувствовали себя больше дома. Занятія ихъ, это особенно замѣчательно, не только не были *дългомъ*, но и не были *наукой*, а, такъ сказать, ученостью и литературой пуще всего.

Гейне подчасъ бунтовалъ противъ архивнаго воздуха и аналитическаго наслажденія, хотѣлъ чего-то другого, а письма его—совершенно *нѣмецкія письма* того нѣмецкаго періода, на первой страницѣ котораго Беттина-дитя, а на послѣдней Рахиль-еврейка ²⁾. Мы свѣжѣе дышимъ, встрѣчая въ его письмахъ страстные порывы юдаизма; тутъ Гейне въ самомъ дѣлѣ увлекающійся человѣкъ, но онъ тотчасъ стынетъ, холодѣетъ къ юдаизму и сердится на него за свою собственную, далеко не безкорыстную измѣну.

Революція 1830 и потомъ переѣздъ Гейне въ Парижъ сильно двинули его. *Der Pan ist gestorben!* ³⁾—говоритъ онъ съ восторгомъ, и торопится *туда-туда*, куда и я нѣкогда торопился такъ болѣзненно-страстно,—въ Парижъ; онъ хочетъ видѣть «великій народъ» и «сѣдого Лафайета, разѣѣжающаго на сѣрой лошади». Но литература вскорѣ беретъ верхъ; наружно и внутренно письма наполняются литературными сплетнями, личностями впересыпочку съ жалобами на судьбу, на здоровье, на нервы, на худое расположение духа, сквозь которое просвѣчиваетъ безмѣрное, оскорбительное самолюбіе. И тутъ же Гейне беретъ фальшивую ноту. Холодно-вздутый риторическій бонапартизмъ его становится такъ же про-

¹⁾ Возвышеннаго, приподнятаго.

²⁾ Беттина фонъ Арнимъ, нѣмец. писательница, прославилась перепискою съ Гете. Рахиль Варнгагенъ фонъ Энзе, дочь еврея-банкира, оставила замѣчательную переписку со своимъ мужемъ, извѣстнымъ писателемъ.

³⁾ Панъ умеръ!

тивень, какъ брезгливый ужасъ гамбургскаго хорошо вымытаго жида передъ народными трибунами не въ книгахъ, а на самомъ дѣлѣ. Онъ не могъ переварить, что рабочія сходки не представлялись въ чопорной обстановкѣ кабинета и салона Варнгагена, «фарфороваго» Варнгагена-фонъ-Энзе, какъ онъ его самъ называлъ.

Чистотой рукъ и отсутствіемъ табачнаго запаха, впрочемъ, и ограничивается чувство его собственнаго достоинства. За это винить его трудно. Чувство это не нѣмецкое, не еврейское и, по несчастью, тоже не русское.

Гейне кокетничаетъ съ прусскимъ правительствомъ, заискиваетъ въ немъ черезъ посла, черезъ Варнгагена и ругаетъ его ¹⁾. Кокетничаетъ съ баварскимъ королемъ и осypаетъ его сарказмами; больше, чѣмъ кокетничаетъ, съ «высокой» германской діэтой и покупаетъ свое дрянное поведеніе передъ ней ѣдкими насмѣшками.

Все это не объясняетъ ли, отчего учено-революціонная вспышка въ Германіи такъ быстро лопнула въ 1848 году? Она тоже принадлежала литературѣ и исчезла, какъ ракета, пущенная въ Крольгарденѣ; она имѣла своихъ вождей-профессоровъ и своихъ генераловъ-отъ филологіи, она имѣла свой народъ въ ботфортахъ и беретахъ, народъ студентовъ, измѣнившихъ революціонному дѣлу, какъ только оно перешло изъ метафизической отваги и литературной удали на площадь.

Кромѣ нѣсколько забѣжавшихъ или завлеченныхъ работниковъ, народъ не шель за этими блѣдными *фюрерами* ²⁾, они ему такъ и остались посторонними.

— Какъ вы можете выносить всѣ обиды Бисмарка?—спросилъ я за годъ до войны у одного лѣваго депутата изъ Берлина, въ самое то время, когда графъ набивалъ себѣ руку для того, чтобы повышибать зубы покрѣпче Грабова ³⁾ и К^о.

— Мы все сдѣлали, что могли, innerhalb ⁴⁾ конституціи.

— Ну, такъ вы бы, по примѣру правительства, попробовали ausserhalb ⁵⁾.

¹⁾ Не то же ли дѣлалъ и геній *на содержаніи* прусскаго короля? Его двупостасность навлекла на него колкое слово. Послѣ 1848 король ганноверскій, ультра-консерваторъ и феодалъ, пріѣхалъ въ Потсдамъ. На лѣстницѣ дворца его встрѣтили разные придворные и Гумбольдтъ въ ливрейномъ фракѣ. Злой король остановился и, улыбаясь, сказалъ ему: «Immer derselbe immer Republikaner und immer im Vorzimmer des Palastes» ⁶⁾. А. И. Г.

²⁾ Führer-вождь.

³⁾ Вильгельмъ, либеральный прусскій государственный дѣятель.

⁴⁾ Внутри (путемъ парламентской борьбы).

⁵⁾ Внѣ (минуя парламентъ).

⁶⁾ Все тотъ же: республиканецъ и—въ прихожей дворца.

— То-есть, что же? сдѣлать воззваніе къ народу, остановить платежи налоговъ?.. Это—мечта: *ни одинъ человекъ не двинулся бы за насъ*, не поддержалъ бы насъ, и мы дали бы новое торжество Бисмарку, свидѣтельствуя сами нашу слабость.

— Ну, такъ и я скажу, какъ вашъ президентъ при всякомъ заушеніи: «Воскликните троекратно «Es lebe der König!»¹⁾ и разо-йдите съ миромъ!»

V.

Съ того и этого свѣта.

I.

Съ того.

... Villa Adolphina... Адольфина?.. что, бишь, такое?.. «Villa Adolphina, grands et petits appartements, jardin, vue sur la mer»²⁾...

Вхожу; все чисто, хорошо, деревья, цвѣты, англійскія дѣти на дворѣ, толстыя, мягкія, румяныя, которымъ отъ души желаю никогда не встрѣчаться съ антропофагами... Выходитъ старушка и, спросивъ о причинѣ прихода, начинаетъ разговоръ съ того, что она—не *служанка*, «а больше по дружбѣ»; что *m-me Adolphine* поѣхала въ больницу или въ богадѣльню, въ которой она патронесса. Потомъ ведетъ меня показывать «необыкновенно удобную квартиру», которая первый разъ еще не занята во время сезона, и которую сегодня утромъ приходили осматривать два американца и одна русская княгиня, въ силу чего служащая «больше по дружбѣ» старушка искренно совѣтовала мнѣ не терять времени. Поблагодаривъ ее за такое внезапное сочувствіе и предпочтеніе, я обратился къ ней съ вопросомъ:

— Sie sind eine Deutsche?

— Zu Diensten, und der gnädige Herr?

— Ein Russe.

— Das freut mich zu sehr. Ich wohnte so lange, so lange in Petersburg³⁾. Признаться сказать, такого города, кажется, нѣтъ и не будетъ.

— Очень пріятно слышать. Вы давно оставили Петербургъ?

¹⁾ Да здравствуетъ король!

²⁾ Вилла Адольфина, большія и малыя комнаты, садъ, видъ на море.

³⁾ Вы нѣвика?—Къ вашимъ услугамъ. А гослдинъ?—Русскій.—Очень, очень пріятно. Я такъ долго, такъ долго жила въ Петербургѣ.

— Да, не вчера-таки; мы вотъ ужъ здѣсь живемъ, на худой конецъ, лѣтъ двадцать. Я съ дѣтства была подругой съ m-me Adolphe и потомъ никогда не хотѣла ее покинуть. Она мало хозяйствомъ занимается, все у нея идетъ такъ, некому присмотрѣть. Когда meine Gönnerin ¹⁾ купила этотъ маленькій *paradies*, она меня тотчасъ выписала изъ Брауншвейга...

— А гдѣ вы жили въ Петербургѣ? — спросилъ я вдругъ.

— О, мы жили въ самой лучшей части города, гдѣ *lauter Herrschaften und Generale* ²⁾ живутъ. Сколько разъ я видѣла покойнаго государя, какъ онъ въ коляскѣ и въ саняхъ на одной лошади проѣзжалъ *so ernst* ³⁾... можно сказать, настоящий потентатъ былъ.

— Вы жили на Невскомъ, на Морской?

— Да, т.-е. не совсѣмъ на Нефскомъ, а тутъ возлѣ, у Полицей-
брюке ⁴⁾.

Довольно... довольно,—какъ не знать, думаю я, и прошу старушку, чтобъ она сказала, что я приду къ самой m-me Adolphe переговорить о квартирѣ.

Я никогда не могъ безъ особаго умиленія, встрѣчаться съ развалинами давнишняго времени, съ полуразрушенными памятниками храма ли Весты или другого бога, все равно... Старушка «по дружбѣ» пошла меня провожать черезъ садъ къ воротамъ.

— Вотъ нашъ сосѣдъ тоже долго жилъ въ Петербургѣ...—она указала мнѣ большой кокетливо убранный домъ, на этотъ разъ съ англійской надписью: «Large and small ap. (furnished or unfurnished)» ⁵⁾... Вы, вѣрно, помните Флоріани? *Coiffeur de la cour* ⁶⁾ былъ, возлѣ Милліонной; онъ имѣлъ одну неприятную исторію... былъ преслѣдованъ, чуть не попалъ въ Сибирь... знаете, за излишнее снисхожденіе,—тогда были такія строгости.

Ну, думаю, она непременно произведетъ Флоріани въ мои «товарищи несчастія».

— Да, да, теперь я смутно вспоминаю эту исторію; въ ней были замѣшаны синодскій оберъ-прокуроръ и другіе богословы и гвардейцы...

— Вотъ онъ самъ.

..Высохшій, беззубый старичишка, въ маленькой соломенной шляпѣ; морской или дѣтской, съ голубой лентой около талии, въ коро-

¹⁾ Моя покровительница.

²⁾ Исключительно знатные господа и генералы.

³⁾ Такъ важно.

⁴⁾ *Polizei-Brücke*—Полицейскій мостъ.

⁵⁾ Большія и малыя комнаты (съ мебелью и безъ мебели).

⁶⁾ Придворный парикмахеръ.

тенькомъ свѣтло-гороховомъ полупальто и въ полосатыхъ штанишкахъ... вышелъ за ворота. Онъ поднялъ скупосухіе, безжизненные глаза и, пожевывая тонкими губами, кивнулъ головой старушкѣ «по дружбѣ».

— Хотите, я его позову?

— Нѣтъ, покорно благодарю... *я не по этой части*—видите, бороду не брею... Прощайте. Да скажите, пожалуйста, ошибся я или нѣтъ: у monsieur Floriani красная ленточка?

— Да, да, онъ очень много жертвовалъ!

— Прекрасное сердце.

Въ классическія времена писатели любили сводить на томъ свѣтѣ давно и недавно умершихъ зѣтѣмъ, чтобъ они покалякали о томъ и о семъ. Въ нашъ реальный вѣкъ все на землѣ и даже часть *того свѣта на этомъ свѣтѣ*. Елисейскія поля растянулись въ Елисейскіе берега. Елисейскія взморья и разсыпались тамъ-самъ по сѣрнымъ и теплымъ водамъ, у подножія горъ, на рамкахъ озеръ; они продаются акрами, обрабатываются подъ виноградъ... Часть умершаго въ тревожной жизни отправляетъ здѣсь первый курсъ переселенія душъ и гимназическій классъ чистилища.

Всякій человекъ, прожившій лѣтъ пятьдесятъ, схоронилъ цѣлый міръ, даже два; съ его исчезновеніемъ онъ свыкъ и привыкъ къ новымъ декораціямъ другого акта; вдругъ имена и лица давно умершаго времени являются чаще и чаще на его дорогѣ, вызывая ряды тѣней и картинъ, гдѣ-то хранившихся, на всякій случай, въ безконечныхъ катакомбахъ памяти, заставляя то улыбнуться, то вздохнуть, иной разъ чуть не расплакаться...

Желающимъ, какъ Фаустъ, повидаться «съ матерями» и даже «съ отцами», ненужно никакихъ Мефистофелей, достаточно взять билетъ на желѣзной дорогѣ и ѣхать къ югу. Съ Канна и Грасса начиная, бродятъ грѣющія тѣни данно утекшаго времени; прижатая къ морю, онѣ, покойно скорбившись, ждуть Харона и свой чередъ.

На дорогѣ этой Citta, не то чтобъ очень dolente ¹⁾, стоитъ привратникомъ высокая, скорбленная и величавая фигура лорда Брума. Послѣ долгой, честной и исполненной бесплоднаго труда жизни, онъ всѣмъ существомъ и одной сѣдой бровью ниже другой выражаетъ часть дантовской надписи: «*Voi ch'entrate* ²⁾), *съ мыслью домашними средствами поправитъ застарѣлое, историческое зло,*

¹⁾ Citta dolente—градъ скорбей (дантовскій эпитетъ ада).

²⁾ Первая часть надписи на преддверіи ада у Данте: «Вы, что входите сюда—останьте всякую надежду».

lasciate ogni speranza ¹⁾). Старикъ Брумъ, лучший изъ ветхихъ деньми защитникъ несчастной королевы Каролины, другъ Роберта Оуэна, современникъ Каннинга и Байрона, послѣдній, неаписанный томъ Маколея, поставилъ свою виллу между Грассомъ и Канномъ, и очень хорошо сдѣлалъ. Кого было бы, какъ не его, поставить примиряющей вывѣской въ преддвердіи временнаго чистилища, чтобы не отстрашать живыхъ?

Затѣмъ мы en plein ²⁾ въ мірѣ умолкшихъ теноровъ, потрясавшихъ наши восемнадцатилѣтнія груди лѣтъ *тридцать* тому назадъ, ножекъ, отъ которыхъ таяло и замирало наше сердце вмѣстѣ съ сердцемъ цѣлаго партера,—ножекъ, оканчивающихъ теперь свою карьеру въ стоптанныхъ, собственноручно вязанныхъ изъ шерсти туфляхъ, пошлепывающихъ за горничной изъ безцѣльной ревности и по хозяйству—изъ очень цѣлесообразной скудости...

.. И все-то это съ разными промежутками продолжается до самой Адриатики, до береговъ Комскаго озера и даже нѣкоторыхъ нѣмецкихъ водяныхъ *пятенъ* (Flecken) ³⁾. Здѣсь villa Tagliani, тамъ Palazzo Rubini, тутъ Campagna Fanny Elsner и другихъ *лицъ*... du prétérit défini et du plus que-parfait ⁴⁾.

Возлѣ актеровъ, сошедшихъ со сцены маленькаго театра, актеры самыхъ большихъ подмостковъ въ мірѣ, давно исключенные изъ афишъ и забытые,—они втиши доживаютъ вѣкъ Цинцинатами и философами противъ воли. Рядомъ съ артистами, нѣкогда отлично представлявшими царей, встрѣчаются цари, скверно разыгравшіе свою роль. Цари эти захватили съ собой, какъ индійскіе покойники, берушіе на тотъ свѣтъ своихъ женъ, двухъ-трехъ преданныхъ министровъ, которые такъ усердно помогли имъ пасть и сами свалились съ ними. Въ ихъ числѣ есть вѣнценосцы, освітанные при дебютѣ и все еще ожидающіе, что публика придетъ къ больше справедливой оцѣнкѣ и опять позоветъ ихъ. Есть и такіе, которымъ Impresario историческаго театра не позволилъ и дебютировать,—мертворожденные, имѣющіе *вчера*, но не имѣющіе *сегодня*; ихъ біографія оканчивается до ихъ появленія на свѣтъ; ацтеки давно ниспровергнутаго закона престолонаслѣдія, они остаются шевелящимися памятниками угасшихъ династій.

Далѣе идутъ генералы, знаменитые побѣдами, одержанными

1) «Оставьте всякую надежду».

2) Всецѣло.

3) Flecken—пятно, мѣстечко.

4) Прошедшаго и давно-прошедшаго.

надъ ними, тонкіе дипломаты, погубившіе свои страны, игроки, погубившіе свое состояніе, и сморщенные сѣдыя старухи, погубившія во время оно сердца этихъ дипломатовъ и этихъ игроковъ. Государственные фоссили ¹⁾, все еще понюхивающіе табакъ такъ, какъ его нюхали у Поццо ди Борго, лорда Абердина и князя Эстергази, вспоминаютъ съ «ископаемыми» красавицами время т-me Récamier залу Ливенши, юность Лаблаша, дебюты Малибранъ и дивятся, что Патти смѣетъ послѣ этого пѣть... И въ то же время люди зеленого сукна, прихрамывая и кряхтя, полурасшибленные параличомъ, полузатопленные водною, толкуютъ съ другими старушками о другихъ салонахъ и другихъ знаменитостяхъ, о смѣлыхъ ставкахъ, о графинѣ Киселевой, о гамбургской и баденской рулеткѣ, объ игрѣ покойнаго Сухозанета, о тѣхъ патриархальныхъ временахъ, когда владѣтельные принцы нѣмецкихъ водъ были въ долѣ съ содержателями игръ и опасный, средневѣковый грабежъ путешественниковъ перекладывали на мирное поприще банка и *rouge ou noir* ²⁾...

...И все это еще дышитъ, еще движется: кто не на ногахъ, въ перамбулаторѣ, въ коляскѣ, укрытой мѣхомъ, кто опираясь, вмѣсто клюки, на слугу, а иногда опираясь на клюку за неимѣніемъ слуги «Списки иностранцевъ» похожи на старинные адресъ-календари, на ключья изорванныхъ газетъ «время наваринскихъ и покоренія Алжира».

Возлѣ гаснущихъ звѣздъ трехъ первыхъ классовъ сохраняются другія кометы и свѣтила, занимавшія собою лѣтъ тридцать тому назадъ праздное и жадное любопытство, по особому кровавому сладострастію, съ которымъ люди слѣдятъ за процессами, ведущими отъ труповъ къ гильотинѣ и отъ кучъ золота на каторгу. Въ ихъ числѣ разные освобожденные отъ суда за «неимѣніемъ доказательствъ» отравители, фальшивые монетчики, люди, кончившіе курсъ нравственнаго лѣченія гдѣ-нибудь въ центральной тюрьмѣ или колоніяхъ, «контюмасы» ³⁾ и пр.

Всего меньше встрѣчаются въ этихъ теплыхъ чистилищахъ тѣни людей, всплывшихъ середь революціонныхъ бурь и неудавшихся народныхъ движеній. Мрачные и озлобленные горцы *якобинскихъ* вершинъ предпочитаютъ суровую бизу; угрюмые лакедемоняне, они скрываются за лондонскими туманами...

¹⁾ Fossil—ископаемое.

²⁾ Рулетка.

³⁾ Т.-е. осужденные заочно.

II.

Съ этого.

1.

Живые цветы. — Последняя мошканка.

— Поѣдемте на bal de l'Oréga, — теперь самая пора: половина второго, — сказалъ я, вставая изъ-за стола въ небольшомъ кабинетѣ Café Anglais, одному русскому художнику, всегда кашлявшему и никогда вполнѣ не тротрезвлявшемуся. Мнѣ хотѣлось на воздухъ, на шумъ и къ тому же я побаивался длиннаго tête à tête съ моимъ невскимъ Клодъ Лорреномъ ¹⁾.

— Поѣдемте, — сказалъ онъ и налилъ себѣ еще рюмку коньяку.

Это было въ началѣ 1849 года, въ минуту ложнаго выздоровленія между двухъ болѣзней, когда еще хотѣлось или казалось, что хотѣлось, иногда дурачества и веселья.

...Побродивши по оперной залѣ, мы остановились передъ особенно красивой кадрилию напудренныхъ дебардеровъ съ намазанными мѣломъ Пьерро. Всѣ четыре дѣвушки очень молодыя, лѣтъ 18—19, были милы и граціозны, плясали и тѣшились отъ всей души, незамѣтно переходя отъ кадрили въ канканъ. Не успѣли мы довольно налюбоваться, какъ вдругъ кадрилию разстроился «по обстоятельствамъ, не зависѣвшимъ отъ танцовавшихъ», какъ выражались у насъ журналисты въ счастливыя времена цензуры. Одна изъ танцовщицъ, и, увы, самая красивая, такъ ловко или такъ неловко опустила плечо, что рубашка спустилась, открывая половину груди и часть спины, немного больше того, какъ дѣлаютъ англичанки, особенно пожилыя, которымъ нечѣмъ взять, кромѣ плечъ, на самыхъ чопорныхъ раутахъ и въ самыхъ видныхъ ложахъ Ковенгардена (вслѣдствіе чего во второмъ ярусѣ рѣшительно нѣтъ возможности съ достоинствомъ цѣломудрѣемъ слушать «Casta diva» или «Sub salice» ²⁾).

Едва я успѣлъ сказать простуженному художнику: «Давайте сюда Буонарроти, Тиціана, берите вашу кисть, а то она поправится», какъ огромная черная рука, не Буонарроти и не Тиціана, а gardien de Paris ³⁾ схватила ее за воротъ, рванула вонъ изъ

¹⁾ Знаменитый французскій художникъ.

²⁾ «Непорочная дѣва» и «Подъ ивою» — въ свое время популярныя сентиментальныя романсы.

³⁾ Полицейскаго.

кадрили и потащила съ собой. Дѣвушка упиралась, не шла, какъ дѣлають дѣти, когда ихъ собираются мыть въ холодной водѣ, но человѣческая справедливость и порядокъ взяли верхъ и были удовлетворены. Другія танцовщицы и ихъ Пьерро переглянулись, нашли свѣжаго дебардера и снова начали поднимать ноги выше головы и отпрядывать другъ отъ друга для того, чтобъ еще яростнѣе наступать, не обративъ почти никакого вниманія на похищеніе Прозерпины.

— Пойдемте посмотрѣть, что полицейскій сдѣлаеть съ ней,— сказалъ я моему товарищу.—Я замѣтилъ дверь, въ которую онъ ее повелъ.

Мы спустились по боковой лѣстницѣ внизъ. Кто видѣлъ и помнитъ бронзовую собаку, внимательно и съ нѣкоторымъ волненіемъ смотрящую на черепаху, тотъ легко представитъ себѣ сцену, которую мы нашли. Несчастливая дѣвушка въ своемъ легкомъ костюмѣ сидѣла на каменной ступенькѣ и на сквозномъ вѣтру, заливаясь слезами; передъ ней — сухопарый, высокій муниципаль, съ хищнымъ и серьезно глупымъ видомъ, съ запятой изъ волосъ на подбородкѣ, съ полусѣдыми усами и во всей формѣ. Онъ съ достоинствомъ стоялъ, сложивъ руки, и пристально смотрѣлъ, чѣмъ кончится этотъ плачь, приговаривая:

— Allons, allons!

Для довершенія удара, дѣвушка сквозь слезы и хныканье говорила:

— ...Et... et on dit... on dit que... que... nous sommes en République... et... on ne peut danser comme l'on veut!.. 1)

Всѣ это было такъ смѣшно и такъ въ самомъ дѣлѣ, жалко, что я рѣшился итти на выручку военноплѣнной и на спасеніе въ ея глазахъ чести республиканской формы правленія.

— Mon brave 2),—сказалъ я съ разсчитанной учтивостью и вкрадчивостью полицейскому, — что вы сдѣлаете съ mademoiselle?

— Посажу au violon 3) до завтрашняго дня, — отвѣчалъ онъ сурово.

Стенанія увеличиваются.

— Научится, какъ рубашку скидывать, — прибавилъ блюститель порядка и общественной нравственности.

— Это было несчастье, brigadier, вы бы ее простили...

— Нельзя—la consigne 4).

1) И.. еще говорятъ... еще говорятъ... что... у насъ республика... а.. нельзя танцовать такъ, какъ хочешь.

2) Мой другъ.

3) Подъ арестъ.

4) Инструкція.

— Дѣло праздничное...

— Да вамъ что за забота? Etes-vous son réciproque? ¹⁾

— Первый разъ отроду вижу, parole d'honneur! Имени не знаю, спросите ее сами. Мы—иностранцы и насъ удивило, что въ Парижѣ такъ строго поступаютъ съ слабой дѣвушкой, avec un être frêle ²⁾. У насъ думаютъ, что здѣсь полиція такая добрая... И зачѣмъ позволяютъ вообще канканировать, а если позволяютъ, г. бригадиръ, тутъ иной разъ поневолѣ или нога поднимется слишкомъ высоко, или воротъ опустится слишкомъ низко.

— Это-то, пожалуй, и такъ,—замѣтилъ пораженный моимъ краснорѣчіемъ муниципалъ, а, главное, задѣтый моимъ замѣчаніемъ, что иностранцы имѣютъ такое лестное мнѣніе о парижской полиціи.

— Къ тому же, — сказалъ я, — посмотрите, что вы дѣлаете. Вы ее простудите,—какъ же изъ душевной залы полуголое дитя посадить на сквозной вѣтеръ?

— Она сама не идетъ. Ну, да вотъ что: если вы дадите мнѣ честное слово, что она въ залу сегодня не взойдетъ, я ее отпущу.

— Bravo! Впрочемъ, я меньше и не ожидалъ отъ г. бригадира; я васъ благодарю отъ всей души.

Пришлось пуститься въ переговоры съ освобожденной жертвой.

— Извините, что, не имѣя удовольствія быть съ вами знакомымъ лично, вступился за васъ.

Она протянула мнѣ горячую, мокрую ручонку и смотрѣла на меня еще больше мокрыми и горячими глазами.

— Вы слышали, въ чемъ дѣло? Я не могу за васъ поручиться, если вы мнѣ не дадите слова или, лучше, если вы не уѣдете сейчасъ. Въ сущности, жертва не велика; я полагаю, теперь часа три съ половиной.

— Я готова, я пойду за мантилей.

— Нѣтъ,—сказалъ неумолимый блюститель порядка,—откуда ни шагу!

— Гдѣ ваша мантилья и шляпка?

— Въ ложѣ такой-то N^o, въ такомъ-то ряду.

Артистъ бросился, было, но остановился съ вопросомъ: «да какъ же мнѣ отгадуть?».

— Скажите только, что было, и то, что вы отъ *Леонтины-маленькой*... Вотъ и балы! — прибавила она съ тѣмъ видомъ, съ котдрымъ на кладбищѣ говорятъ: «Спи спокойно».

— Хотите, чтобъ я привелъ фіакръ?

¹⁾ Вы ее другъ?

²⁾ Съ хрупкимъ созданиемъ.

— Я не одна.

— Съ кѣмъ же?

— Съ однимъ другомъ.

Артистъ возвратился окончательно распростуженный со шляпой, мантилей и какимъ-то молодымъ лавочникомъ или commis-voyageur.

— Очень обязанъ,—сказалъ онъ мнѣ, потрогивая шляпу, потому ей: — Всегда надѣлаешь исторій!—Онъ почти такъ же грубо схватилъ ее подъ руку, какъ полицейскій за воротъ, и исчезъ въ большихъ сѣняхъ Оперы... Бѣдная... достанется ей... И что за вкусъ... она... и онъ!

Даже досадно стало. Я предложилъ художнику выпить, онъ не отказался.

Прошелъ мѣсяцъ. Мы сговорились человѣкъ пять: вѣнскій агитаторъ Таузенау, генераль Г¹⁾, Мюллеръ-С. и еще одинъ господинъ, ѣхать другой разъ на балъ. Ни Г., ни Мюллеръ ни разу не были. Мы стояли въ кучкѣ. Вдругъ какая-то маска продирается, продирается и—прямо ко мнѣ, чуть не бросается на шею и говоритъ:

— Я васъ не успѣла тогда поблагодарить...

— Ah, mademoiselle Léontine... очень, очень радъ, что васъ встрѣтилъ; я такъ и вижу передъ собой ваше заплаканное личико, ваши надутыя губки; вы были ужасно милы; это не значить, что вы теперь не милы.

Плѣтовка, улыбаясь, смотрѣла на меня, зная, что это—правда.

— Неужели вы не простудились тогда?

— Ни мало.

— Въ воспоминаніе вашего плѣна вы должны бы были... если бы вы были очень, очень любезны...

— Ну что же? Soyez bref²⁾.

— Должны бы отужинать съ нами.

— Съ удовольствіемъ, ma parole, но только не теперь.

— Гдѣ же я васъ сыщу?

— Не безпокойтесь, я васъ сама сыщу ровно въ четыре. Да вотъ что, я здѣсь не одна...

— Опять съ вашимъ другомъ?—и мурашки пробѣжали у меня по спинѣ.

Она расхохоталась.

— Онъ не очень опасенъ,—и она подвела ко мнѣ дѣвочку лѣтъ семнадцати, свѣтло-бѣлокурую, съ голубыми глазами.

¹⁾ Гаугъ.

²⁾ Покороче!

— Вотъ мой другъ.

Я пригласилъ и ее.

Въ четыре Леонтина подбѣжала ко мнѣ, подала руку, и мы отправились въ Café Riche. Какъ ни близко это отъ Оперы, но по дорогѣ Г. успѣлъ влюбиться въ «Мадонну» Андреа Del Sarto ¹⁾, то есть въ блондинку. И за первымъ блюдомъ, послѣ длинныхъ и курьезныхъ фразъ о тинтореттовской прелести ея волосъ и глазъ, Г., только-что мы усѣлись за столъ, началъ проповѣдь о томъ, какъ съ лицомъ Мадонны и выраженіемъ чистаго ангела не эстетично танцовать канканъ.

— *Armes, holdes Kind!* ²⁾—добавилъ онъ, обращаясь ко всѣмъ.

— Зачѣмъ вашъ другъ, — сказала мнѣ Леонтина на ухо, — говоритъ такой скучный *fatras* ³⁾? Да и зачѣмъ, вообще, онъ ѣздитъ на оперные балы, — ему бы ходить въ Мадлену.

— Онъ — *нѣмецъ*, у нихъ ужъ такая болѣзнь, — шепнулъ я ей.

— *Mais c'est qu'il est ennuyeux votre ami avec son mal de sermont.* Mon petit saint, finiras-tu donc bientôt ⁴⁾?

И въ ожиданіи конца проповѣди усталая Леонтина бросилась на кушетку. Противъ нея было большое зеркало, она безпрестанно смотрѣлась и не выдержала; она указала мнѣ пальцемъ на себя въ зеркалѣ и сказала:

— А что, въ этой растрепавшейся прическѣ, въ этомъ смятомъ костюмѣ, въ этой позѣ я и, въ самомъ дѣлѣ, будто не дурна?!

Сказавши это, она вдругъ опустила глаза и покраснѣла, покраснѣла откровенно, до ушей. Чтобъ скрыть, оно запѣла извѣстную пѣсню, которую Гейне изуродовалъ въ своемъ переводѣ, и которая страшна въ своей безыскусственной простотѣ:

Et je mourrai dans mon hôtel,
Ou à l'Hôtel-Dieu ⁵⁾.

Странное существо, неуловимое, живое, «Лацерта» ⁶⁾ гетевскихъ элегій, дитя въ какомъ-то безсознательномъ чаду, она, дѣйствительно, какъ ящерица, не могла ни одной минуты спокойно сидѣть, да и молчать не могла. Когда нечего было сказать, она пѣла, дѣлала гримасы передъ зеркаломъ, и все съ непринужден-

¹⁾ Итальянск. художникъ, ученикъ Рафаэля.

²⁾ Бѣдное, милое дитя!

³⁾ Вздоръ.

⁴⁾ Однако, вашъ другъ порядочно надоѣдливъ со своею *страстью къ проповѣдямъ*. Скоро ли ты кончишь, святоша?

⁵⁾ И я умру въ собственномъ отелѣ или въ больницѣ.

⁶⁾ *Lacerta*—ящерица.

ностью ребенка и съ граціей женщины. Ея frivolité была наивна. Случайно завертѣвшись, она еще кружилась... неслась... Того толчка, который бы остановилъ на краю или окончательно толкнулъ ее въ пропасть, еще не было. Она довольно сдѣлала дороги, но воротиться могла. Ее въ силахъ были спасти свѣтлый умъ и врожденная грація.

Этотъ типъ, этотъ кругъ, эта среда не существуютъ больше. Это—la petite femme ¹⁾ студента былыхъ временъ, гризетка, переѣхавшая изъ Латинскаго квартала по сю сторону Сены, равно не *дѣлающая* несчастнаго *тротуара* и не имѣющая прочнаго общественнаго положенія камели. Этотъ типъ не существуетъ, такъ, какъ не существуетъ конверсацій ²⁾ около камина, чтеній за круглымъ столомъ, болтанья за чаемъ. Другія формы, другіе звуки, другіе люди, другія слова... Тутъ своя скála, свое crescendo. Шаловливый, нѣсколько распушенный элементъ тридцатыхъ годовъ — du leste, de l'espièglerie ³⁾ — перешель въ *шикъ*, въ немъ былъ кайеннскій перецъ, но еще оставалась кипучая, растрепанная грація, оставались остроты и умъ. Съ увеличеніемъ дѣлъ коммерція отбросила все излишнее и всѣмъ внутреннимъ пожертвовала выставкѣ, эталажу. Типъ Леонтины, разбитной парижской gamine ⁴⁾, подвижной, умной, избалованной, искрящейся, вольной и, въ случаѣ надобности, гордой, не требуется,—и *шикъ* перешель въ *собаку*. Для бульварнаго Ловласа нужна женщина-собака и пуще всего собака, имѣющая своего хозяина. Оно экономнѣе и безкорыстнѣе,—съ ней онъ можетъ охотиться на чужой счетъ, уплачивая одни extra. «Parbleu,—говорилъ мнѣ старикъ, котораго лучшіе годы совпадали съ началомъ царствованія Людовика-Филиппа,—je ne me retrouve plus—où est le fion, le chique, où est l'esprit?... Tout cela, monsieur... ne parle pas, monsieur,—c'est bon, c'est beau welbredet, mais... c'est de la charcuterie... c'est du Rubens» ⁵⁾.

Это мнѣ напоминаетъ, какъ въ пятидесятыхъ годахъ добрый, милый Таландые, съ досадой влюбленнаго въ свою Францію, объяснялъ мнѣ съ музыкальной иллюстраціей ея паденіе. «Когда, гово-

¹⁾ «Подруга».

²⁾ Бесѣда.

³⁾ Вольной шутки, шалости.

⁴⁾ Уличной дѣвицы.

⁵⁾ Я ничего больше не узнаю... Чортъ возьми.. Гдѣ изящество, шикъ, умъ?... Все это, милостивый государь, ничего не гоноритъ сердцу... Это красиво... но это... отдаетъ мяснымъ прилавкомъ... отдаетъ Рубенсомъ. («Welbredet»—испеннчоее мѣсто; ближе всего къ этому подходит нѣмецкое selbstredend—само собою разумѣтся).

рилъ онъ, мы были велики, въ первые дни послѣ февральской революціи, гремѣла одна марсельеза—въ кафѣ, на улицахъ, въ процессіяхъ,—все марсельеза. Во всякомъ театрѣ была своя марселъеза, гдѣ съ пушками, гдѣ съ Рашелью. Когда пошло плоше и тише... монотонные звуки «Mourir pour la patrie» замѣнили ее. Это еще ничего, мы падали глубже... «Un sous-lieutenant accablé de besogne... drin, drin, din, din, din»... ¹⁾—эту дрянъ пѣлъ весь городъ, столица міра, вся Франція. Это—не конецъ: вслѣдъ затѣмъ мы заиграли и запѣли «Partant pour la Syrie» ²⁾—вверху и «Qu'aime donc Margot... Margot» ³⁾—внизу, т.-е. бессмыслицу и непристойность. Дальше итти нельзя».

Можно! Таланды не предвидѣлъ ни «Je suis la femme à barbe» ⁴⁾, ни «Сапера»,—онъ еще остался въ *шиктъ* и до *собаки* не доходилъ.

Недосужій, мясной развратъ взялъ верхъ надъ всѣми фіюритурами. Тѣло побѣдило духъ и, какъ я сказалъ еще десять лѣтъ тому назадъ, Марго, la fille de marbre ⁵⁾, вытѣснила Лизетту Беранже и всѣхъ Леонтинъ въ мірѣ. У нихъ была своя гуманность, своя поэзія, свои понятія чести. Онѣ любили шумъ и зрѣлища больше вина и ужина и ужинъ любили больше изъ-за постановки, свѣчей, конфетъ, цвѣтовъ. Безъ танца и бала, безъ хохота и болтовни онѣ не могли существовать. Въ самомъ пышномъ гаремѣ онѣ заглохли бы, завяли бы въ годъ. Ихъ высшая представительница была Дежазе—на большой сценѣ свѣта и на маленькой théâtre des Variétés: живая пѣсня Беранже, притча Вольтера, молодая въ сорокъ лѣтъ, Дежазе, мѣнявшая поклонниковъ, какъ почетный караулъ, капризно отвергающая свержки золота и отдававшаяся встрѣчному, чтобъ выручить свою пріятельницу изъ бѣды.

Нынче все опрощено, сокращено, все *ближе къ цѣли*, какъ говорили встарь помѣщики, предпочитавшіе водку вину. Женщина съ *фіономъ* ⁶⁾ интриговала, занимала; женщина съ *шикомъ* жалила, смѣшила, и обѣ, сверхъ денегъ, брали время. *Собака* сразу бросила свою жертву, кусаетъ своей красотой и тащитъ за полуслова. Тутъ нѣтъ предисловія, тутъ въ началѣ эпилогъ. Даже, благодаря попечительному начальству и факультету, нѣтъ двухъ

¹⁾ Псдпоручикъ, изнемогавшій отъ работы... дринь, дринь, динь, динь, динь.

²⁾ Уѣзжая въ Сирію.

³⁾ Кто же, наконецъ, любитъ Марго.

⁴⁾ «Я женщина съ бороною».

⁵⁾ Дѣвушка, бѣлая, какъ мраморъ.

⁶⁾ Le fiom—изящество.

прежнихъ опасностей. Полиція и медицина сдѣлали большіе успѣхи въ послѣднее время...

...А что будетъ послѣ *собаки*? Pleuvre ¹⁾ Гюго рѣшительно не удалась, можетъ, оттого, что слишкомъ похожа на pleutre ²⁾,—не остановиться же на собакѣ? Впрочемъ, оставимъ пророчества. Судьбы провидѣнія неисповѣдимы.

Меня занимаетъ другое.

Которое-то изъ двухъ будущихъ касандриной пѣсни исполнилось надъ Леонтиной? Что, ея нѣкогда граціозная головка покоится ли на подушкѣ, обшитой кружевами, въ *своемъ* отелѣ, или она склонилась на жесткій больничный валекъ, для того, чтобъ уснуть навѣки или проснуться на горе и бѣдность? А, можетъ, не случилось ни того, ни другого, и она хлопочетъ, чтобъ дочь выдать замужъ, копить деньги, чтобъ купить подставного сыну... Вѣдь, она ужъ не молода теперь и, небось, давно перегнула за тридцать.

2.

Михровыя цвѣты.

Въ *нашей Европѣ* повторялось въ уменьшенномъ по количеству и въ увеличенномъ или искаженномъ по качеству видѣ все, что дѣлалось въ Европѣ *европейской*. У насъ были ультра-католики изъ православныхъ, либеральные буржуа изъ графовъ, императорскіе роялисты, канцелярскіе демократы и лейбъ-гвардіи преображенскіе или конно-гвардейскіе бонапартисты. Мудрено ли, что и по дамской части не обошлось безъ своихъ *chique* и *chien*, съ той разницей, что нашъ *demi-monde* ³⁾ былъ *одинъ съ четвертью*.

Наши Травіаты и камелии большей частью титулярныя, т. е., почетныя, растутъ совсѣмъ на другой почвѣ и цвѣтутъ въ другихъ сферахъ, чѣмъ ихъ парижскіе первообразы. Ихъ надобно искать не внизу, не долу, а на вершинахъ. Онѣ не поднимаются, какъ туманъ, а опускаются, какъ роса. Княгиня-камелия и Травіата съ тамбовскимъ или воронежскимъ имѣніемъ—явленіе чисто русское, и я не прочь его похвалить.

Что касается до нашей не-Европы, ея нравы много были спасены крѣпостнымъ правомъ, на которое теперь такъ много клеветуютъ. Любовь была печальна въ деревнѣ, она своего кровнаго

¹⁾ Спруть, въ переносномъ смыслѣ — ненасытное существо, «півяка».

²⁾ Ничтожество, «мяжкотѣлое».

³⁾ Полусвѣтъ.

называла «болѣзнымъ», словно, чувствуя за собой, что она краденая у барина и онъ можетъ всегда хватиться своего добра и отобрать его. Деревня ставила на господскій дворъ дрова, сѣно, барановъ и своихъ дочерей по обязанности. Это былъ священный долгъ, коронная служба, отъ которой отказываться нельзя было, не дѣлая преступленія противъ нравственности и религіи и не навлекая на себя розогъ псмѣщика и кнута всей имперіи. Тутъ было не до *шику*, а иногда до топора, чаще до рѣки, въ которой гибла никѣмъ не замѣченная Палашка или Лушка.

Что сталося послѣ освобожденія, мы мало знаемъ и потому больше держимся барынь. Онѣ, дѣйствительно, за границей мастерски усваиваютъ себѣ, и съ чрезвычайной быстротой и ловкостью, всѣ ухватки, весь *habitus* ¹⁾ лоретокъ. Только при тщательномъ разсматриваніи замѣчается, что чего-то недостаетъ. А недостаетъ самой простой вещи—*быть лореткой*. Это все—Петръ I, работающій молотомъ и долотомъ въ Саардамѣ, воображая, что дѣлаетъ дѣло. Наши барыни изъ ума и праздности, отъ избытка и скуки *шутятъ въ ремесло* такъ, какъ ихъ мужья играютъ въ токарный станокъ.

Этотъ характеръ ненужности, махровости мѣняетъ дѣло. Съ русской стороны чувствуется превосходная декорация, съ французской— правда и необходимость. Отсюда громадная разницы. Травіату (*tout de bon* ²⁾) бываетъ часто душевно жаль, «*dame aux perles*» ³⁾— почти никогда; надъ одной подчасъ хочется плакать, надъ другой—всегда смѣяться. Имѣя наслѣдственныхъ двѣ-три тысячи душъ, сперва вѣчно, нынѣ временно разоряемыхъ крестьянъ, многое можно: интриговать на игорныхъ водахъ, эксцентрически одѣваться, лежа сидѣть въ коляскѣ, свистать, шумѣть, дѣлать скандалы въ ресторанахъ, заставлять краснѣть мужчинъ, мѣнять любовниковъ, ѣздить съ ними на *parties fines* ⁴⁾, на разныя «калдистеническія упражненія и конверсаціи» ⁵⁾, пить шампанское, курить гаванскія сигары и ставить пригоршни золота на «черное или красное»... можно быть Мессалиной ⁶⁾ и Екатериной—но, какъ мы

¹⁾ Привычки.

²⁾ Искренно.

³⁾ «Даму съ жемчугами»,—перефразъ заглавія романа А. Дюма «*La dame aux camélias*»—«Дама съ камеліями», на сюжетъ котораго написана опера «Травіата».

⁴⁾ Интимныя прогулки, кончающіяся отдѣльнымъ кабинетомъ въ ресторанѣ или подобномъ мѣстѣ.

⁵⁾ *Kallisthenie*—гимнастика для молодыхъ дѣвушекъ; *conversation criminelle*—адюльтерь.

⁶⁾ Жена императора Клавдія, прославившаяся развратомъ.

сказали, лореткой быть нельзя, несмотря на то, что лоретки не рождаются, какъ поэты, а дѣлаются. У каждой лоретки своя исторія, свое посвященіе, втѣсненное обстоятельствами. Обыкновенно бѣдная дѣвушка идетъ, не зная куда, и наталкивается на грубый обманъ, на грубую обиду. Отъ сломленной любви, отъ сломленного стыда у нея являются *dépit* ¹⁾, досада, своего рода жажда мести и съ тѣмъ вмѣстѣ жажда опьяненья, шума, нарядовъ... Кругомъ нужда... деньги только *однимъ* путемъ и можно достать, а потому,—*vogue la galère* ²⁾. Обманутый ребенокъ безъ воспитанія вступаетъ въ бой, побѣды ея балуютъ, увлекаютъ (тѣхъ, которыя не побѣдили, мы не знаемъ,—тѣ пропадаютъ безъ вѣсти), у ней въ памяти свои Маренго и Арколи ³⁾, привычка владычества и пышности входитъ въ кровь. Она же всему обязана одной себѣ. Начавъ съ одного своего тѣла, она тоже пріобрѣтаетъ души и такъ же разоряетъ временно привязанныхъ къ ней богачей, какъ наша барыня—своихъ нищихъ мужиковъ.

Но въ этомъ *такъ же* и лежитъ вся непереходимая даль между лореткой по положенію и камеліей по дилетантизму,—та даль и та противоположность, которая такъ ярко выражается въ томъ, что лоретка, ужиная въ какомъ-нибудь душномъ кабинетѣ *Maison Dorée* ⁴⁾, мечтаетъ о своемъ будущемъ салонѣ, а русская дама, сидя въ своемъ богатомъ салонѣ, мечтаетъ о трактирѣ.

Серьезная сторона вопроса состоитъ въ томъ, чтобъ опредѣлить, откуда у насъ взялась въ дамскомъ обществѣ эта потребность разгула и кутежа, потребность похвастаться своимъ освобожденіемъ, дерзко, капризно пренебречь общественнымъ мнѣніемъ и сбросить съ себя всѣ вуали и маски? И это въ то время, когда бабушки и матушки нашихъ львицъ, цѣломудренныя и патриархальныя, краснѣли до сорока лѣтъ отъ нескромнаго слова и довольствовались, тихо и скромно, тургеневскимъ нахлѣбникомъ ⁵⁾, а за неимѣніемъ его—кучеромъ или буфетчикомъ.

Замѣтьте, что аристократическій камелизмъ у насъ не идетъ дальше начала сороковыхъ годовъ.

И все новое движеніе, вся возбуденность мысли, исканія, недовольства, тоски идетъ отъ того же времени.

Тутъ-то и раскрывается человѣческая и историческая сторона аристократическаго камелизма. Это—своего рода полусознанный

¹⁾ Разочарованіе.

²⁾ Вліяй во всю!

³⁾ Мѣста побѣдъ французовъ надъ австрійцами въ 1800 и 1796 гг.

⁴⁾ Первокласный ресторанъ въ Парижѣ..

⁵⁾ См. его комедію «Нахлѣбникъ».

протестъ противъ старинной, давящей, какъ свинець, семьи, противъ безобразнаго разврата мужинь. У загнанной женщины, у женщины, брошенной дома, былъ досугъ читать, и когда она почувствовала, что «Домострой» плохо идетъ съ Ж. Сандъ, и когда она наслушалась восторженныхъ разсказовъ о Бланшакъ и Селестинахъ, у нея терпѣніе лопнуло, и она закусила удила. Ея протестъ былъ дикъ. нѣ, вѣдь, и положеніе было дико. Ея оппозиція не была формулирована, а бродила въ крови,—она была обижена. Она чувствовала униженіе, подавленность, но самобытной воли внѣ кутежа и чада не понимала. Она потестовала поведеніемъ, ея возмущеніе было полно избалованности и дурныхъ привычекъ, каприза, распущенности, кокетства, иногда несправедливости; она разнуздывалась, не освобождаясь. Въ ней оставался внутренній страхъ и неуверенность, но ей хотѣлось дѣлать назло и попробовать *этой другой* жизни. Противъ узкаго своеволія притѣснителей она ставила узкое своеволіе лопнушаго терпѣнія, безъ твердой направляющей мысли, но съ заносчивой отроческой бравадой. Какъ ракета, она мерцала, искрилась и падала съ шумомъ и трескомъ, но очень не глубоко. Вотъ вамъ исторія нашихъ камелій съ гербомъ, нашихъ Травіатъ съ жемчугомъ.

Конечно, и тутъ можно вспомнить желчевого Ростопчина, говорившаго на смертномъ одрѣ о 14 декабря: «У насъ все на изнанку: во Франці la roture ¹⁾ хотѣла подняться до дворянства,—ну, оно и понятно; у насъ дворяне хотятъ сдѣлаться чернью,—ну, чепуха!».

Но намъ именно этотъ характеръ вовсе не кажется чепухой. Онъ идетъ очень послѣдовательно изъ двухъ началъ: изъ чуждости образованія, которое вовсе для насъ необязательно, и изъ основного тона другого общественнаго порядка, къ которому мы сознательно или безсознательно стремимся.

Впрочемъ, это принадлежитъ къ нашему катехизису, и я боюсь увлечься въ поворенія.

Травіаты наши въ исторіи нашего развитія не пропадутъ; онѣ имѣютъ свой смыслъ и значеніе и представляютъ удалую и разгульную шеренгу авангардныхъ охотниковъ и пѣсельниковъ, которые съ присвистомъ и бубнами, куражась и подплясывая, идутъ въ первый огонь, покрывая собой болѣе серьезную фалангу, у которой нѣтъ недостатка ни въ мысли, ни въ отвагѣ, ни въ оружіи съ «иголкой».

¹⁾ Третье сословіе, разночинцы.

3.

Цветы Минервы.

Эта фаланга—сама революція, суровая въ семнадцать лѣтъ... Огонь глазъ смягченъ очками, чтобъ дать волю одному свѣту ума... sans crinolines ¹⁾, идущія на замѣну sans-culotte'амъ ²⁾.

Дѣвушка студентъ, барышня-буршъ ничего не имѣютъ общаго съ барынями-Травіатами. Вакханки посѣдѣли, оплѣшивѣли, составились и отступили, а студентъ заняли ихъ мѣсто, еще не вступивши въ совершеннолѣтіе. Камеліи и Травіаты салоновъ принадлежали николаевскому времени, такъ, какъ выставочные генералы того же времени, щеголи-шагисты, побѣдители своихъ собственныхъ солдатъ, знавшіе всю туалетную часть военнаго дѣла, все кокетство вахтпарадовъ и не замаравшіе мундира непріятельской кровью. Публичныхъ генераловъ, рысисто «дѣлавшихъ тротуаръ» на Невскомъ, разомъ прихлопнула Крымская война, а «блескъ упоительный бала», будуарная любовь и шумныя оргіи *генеральшъ* круто смѣнились академической аудиторіей, анатомической залой, въ которой подстриженный студентъ въ очкахъ изучалъ тайны природы.

Тутъ надобно забыть всѣ камеліи и магноліи, забыть, что существуютъ два пола. Передъ истиной науки, im Reiche der Wahrheit ³⁾ различія половъ стираются.

Камеліи наши—жиронда, оттого онѣ такъ и смахиваютъ на Фоблаза ⁴⁾.

Студенты-барышни—якобинцы, Сенъ-Жюсть въ амазонкѣ,—все рѣзко, чисто, безпощадно.

У камелій маска *lour* ⁵⁾ изъ теплой Венеціи.

У студентовъ маска же, но маска изъ невскаго льда. Первая можетъ прилипнуть, вторая непременно растаетъ... но это впереди.

Тутъ настоящій, сознательный протестъ, протестъ и переломъ. «*Ce n'est pas une émeute, c'est une révolution*» ⁶⁾. Разгулъ, роскошь,

¹⁾ Безъ кринолиновъ.

²⁾ Санкюлотамъ, то-есть безштанникамъ.

³⁾ Въ царствѣ истины.

⁴⁾ Имя героя и заглавіе безнравственнаго романа жирондиста Луве де Куврэ.

⁵⁾ Черная бархатная полумаска.

⁶⁾ «Это не бунтъ, это—революція». Когда Людовикъ XVI, узнавъ о взятіи Бастилии, воскликнулъ: «Да, вѣдь, это настоящій бунтъ!», герцогъ де-Ліанкуръ отвѣтилъ: «Нѣтъ, в. в., это—революція».

глумленье, наряды отодвинуты. Любовь, страсть на третьемъ-четвертомъ планѣ. Афродита съ своимъ голымъ оруженосцемъ надулась и ущла; на ея мѣстѣ Паллада съ копьемъ и совой. Камелии шли отъ неопредѣленнаго волненія, отъ негодованія, отъ несытаго и томнаго желанія... и доходили до пресыщенія. Здѣсь идутъ отъ идеи, въ которую вѣрятъ, отъ объявленія «правъ женщины» и исполняютъ обязанности, налагаемая вѣрой. Однѣ отдаютъся по принципу, другія невѣрны по долгу. Иногда *студенты* уходятъ слишкомъ далеко, но, все же, остаются дѣтьми, непорочными, заносчивыми, но дѣтьми. Серьезность ихъ *радикализма* показываетъ, что дѣло въ головѣ, въ теоріи, а не въ сердцѣ.

Онѣ страстны въ общемъ и въ частную встрѣчу вносятъ не больше «патоса» (какъ говаривали встарь), какъ всякія Леонтины,—можетъ, меньше. Леонтины играють, играютъ огнемъ и очень часто, вспыхнувъ съ ногъ до головы, спасаются отъ пожара въ Сенѣ; утянутыя жизнью прежде всякихъ разсужденій, имъ иной разъ трудно побѣдить свое сердце. Наши бурши начинаютъ съ анализа, съ разбора, съ ними тоже многое можетъ случиться, но сюрпризовъ не будетъ и паденій не будетъ: онѣ падаютъ съ теоретическимъ парашютомъ. Онѣ бросаются въ потокъ съ руководствомъ о плаваніи и намѣренно плывутъ противъ теченія.

Долго ли проплывутъ онѣ à vivre ouvert ¹⁾, я не знаю, но мѣсто въ исторіи займутъ по всей справедливости.

Самые недогадливейшіе въ мірѣ люди догадались объ этомъ.

Старички наши, сенаторы и министры, отцы и дѣдушки отчества съ улыбкой снисхожденія и даже поощренія смотрѣли на столбовыхъ камелий (если только онѣ не были супругами ихъ сыновей), но *студенты* имъ не понравились... ничего не походи на «милыхъ шалуній», съ которыми они иногда любили языкомъ отогрѣть старое сердце.

Давно гнѣвались старички на суровыхъ нигилистоковъ и искали случая ихъ подвести подъ сюркупъ.

А тутъ, какъ нарочно, Каракозовъ выстрѣлилъ... «Вотъ оно, государь (стали ему нашептывать), что значитъ не по формѣ одѣваться... всѣ эти очки, клочки»:—«Какъ не по утвержденной формѣ?»—говоритъ государь. Строжайше предписатьъ.—«Попущенье, в. в., попущенье! Мы только и ожидали милостиваго разрѣшенія спасти священную особу вашего величества».

Дѣло не шуточное,—принялись дружно. Совѣтъ, сенатъ, синодъ, министры, архіереи, военачальники, градоначальники и другія,

¹⁾ Очертя голову.

позиціи совѣщались, думали, толковали и рѣшили, во-первыхъ, изгнать студѣнтовъ женскаго пола изъ университетовъ. При этомъ одинъ изъ архіереевъ, боясь подлога, приснопамятствовалъ, какъ во время оно въ лже-каѳолической церкви на папѣжъ избрана была папиха Анна, и предложилъ, было, своихъ иноковъ... такъ какъ «предъ очами мертвецовъ срама тѣлеснаго нѣтъ». Живые не приняли его предложенія, генералы же, съ своей стороны, думали, что такого рода экспертиза можетъ быть только поручена высшему сановнику, который своимъ мѣстомъ и довѣріемъ монарха поставленъ внѣ соблазна; хотѣли отъ военнаго вѣдомства предложить это мѣсто Адлербергу старшему, и Буткову—отъ статскихъ. Но и это не состоялось, говорятъ, потому что великіе князья домогались на этотъ постъ.

Затѣмъ совѣтъ, синодъ, сенатъ приказали въ 24 часа оторвать стриженные волосы, отобрать очки и обязать подпиской имѣть здоровые глаза и носить кринолины. Несмотря на то, что въ Кормчей книгѣ ничего не сказано о «обручеюбіи» и «подоло-разверстіи», а волосы плести просто въ ней запрещено, черное духовенство согласилось. На первый случай жизнь государя казалась обезпеченною до Елисейскихъ полей ¹⁾. Не ихъ вина, что въ Парижѣ тоже нашлись Елисейскія поля да еще съ «круглой точкой» ²⁾.

Чрезвычайныя мѣры эти принесли огромную пользу, и это я говорю безъ малѣйшей ироніи. Кому?

Нашимъ *нишилисткамъ*.

Имъ недоставало одного: сбросить мундиръ, формализмъ и развиваться съ той широкой свободой, на которую онѣ имѣютъ большія права. Самому ужасно трудно, привыкнувъ къ формѣ, ее отбросить. Платье прирастаетъ. Архіерей во фракѣ перестаетъ благословлять и говорить на о...

Студенты наши и бурши долго не отдѣлались бы отъ очковъ и прочихъ кокардъ. Ихъ раздѣли на казенный счетъ, прибавляя къ этой услугѣ ореоль туалетнаго мученичества.

Затѣмъ ихъ дѣло—плыть au large ³⁾.

P. S. Однѣ уже возвращаются съ блестящимъ дипломомъ доктора медицины, и слава имъ!

Ницца, лѣтомъ 1867.

¹⁾ Т.-е. до конца дней. По представленію древнихъ грековъ, Елисейскія поля—мѣсто, куда по смерти переселялись для вѣчнаго блаженства души праведниковъ.

²⁾ Au rond point—площадь въ Елисейскихъ поляхъ.

³⁾ Въ открытое море.

ГЛАВА II.

VENEZIA LA BELLA ¹⁾.

(Февраль 1867).

Великолѣпнѣе нелѣпости, какъ Венеція, нѣтъ. Построить городъ тамъ, гдѣ городъ построить нельзя,—само по себѣ безуміе; но построить такъ одинъ изъ изящнѣйшихъ, грандіознѣйшихъ городовъ—геніальное безуміе. Вода, море, ихъ блескъ и мерцаніе обязываютъ къ особой пышности: молюски отдѣлываютъ перламутромъ и жемчугомъ свои каюты.

Одинъ поверхностный взглядъ на Венецію показываетъ, что это—городъ крѣпкой волей, сильный умомъ, республиканскій, торговый, олигархическій, что это—узелъ, которымъ привязано что-то за водами, торговый складъ подъ военнымъ флагомъ, городъ шумнаго вѣча и беззвучный городъ тайныхъ совѣщаній и мѣръ; на его площади толчется съ утра до ночи все населеніе, и, молча, текутъ изъ него рѣки улицъ въ море. Пока толпа шумитъ и кричитъ на площади св. Марка, никѣмъ не замѣченная лодка скользитъ и пропадетъ; кто знаетъ, что подъ ея чернымъ пологомъ? Какъ тутъ было не топить людей возлѣ любовныхъ свиданій?

Люди, чувствовавшіе себя дома въ Palazzo Ducale ²⁾, должны были имѣть своеобразный закалъ. Они не останавливались ни передъ чѣмъ. Земли нѣтъ, деревьевъ нѣтъ,—что за бѣда! давайте еще больше рѣзныхъ каменевъ, больше орнаментовъ, золота, мозаики, ваянья, картинъ, фресокъ. Тутъ остался пустой уголъ—худого бога морей съ длинной, мокрой бородой въ уголы! Тутъ

¹⁾ Красавица Венеція.

²⁾ Дворецъ дожей.

порожній уступъ—еще льва съ крыльями и съ евангелиемъ св. Марка! Тамъ голо, пусто—коверъ изъ мрамора и мозаики туда! Кружева изъ порфира туда! Побѣда ли надъ турками или Генуей, папа ли ищетъ дружбы города,—еще мрамору, цѣлую стѣну покрыть изсѣченной занавѣсью и, главное, еще картинъ. Павелъ Веронезе, Тинторетто, Тиціанъ, за кисть, на помосты—каждый шагъ торжественнаго шествія морской красавицы долженъ быть записанъ помосту кистью и рѣзцомъ.

И такъ былъ живучъ духъ, обитавшій эти камни, что мало было новыхъ путей и новыхъ приморскихъ городовъ Колумба и Васко-де-Гама, чтобъ сокрушить его. Для его гибели нужно было, чтобъ на развалинахъ французскаго трона явилась «единая и нераздѣльная» республика, и на развалинахъ этой республики явился бы солдатъ, бросившій въ льва по-корсикански стилетъ, отравленный Австріей. Но Венеція переработала ядъ и снова оказывается живою черезъ полстолѣтія.

Да живую ли? Трудно сказать, что уцѣлѣло, кромѣ великой раковины, и есть ли новая будущность Венеціи.. Да и въ чемъ будущность Италіи вообще? Для Венеціи, можетъ, она въ Константинополь, въ томъ вырѣзывающемся смутными очерками изъ-за восточнаго тумана свободномъ союзничествѣ воскресающихъ славяно-эллиническихъ народностей.

А для Италіи?.. Объ этомъ послѣ. Теперь въ Венеціи карнавалъ, первый карнавалъ на волѣ послѣ семидесятилѣтняго плѣненія. Площадь превратилась въ залу парижской Оперы. Старый св. Маркъ весело участвуетъ въ праздникъ съ своей иконописью и позолотой, съ патриотическими знаменами и своими языческими лошадьми. Одни голуби, являющіеся всякій день въ два часа на площадь закусить, сконфужены и перелетаютъ съ карниза на карнизъ чтобъ убѣдиться, точно ли ихъ столовая въ такомъ безпорядкѣ.

Толпа все растеть, *le peuple s'amuse* ¹⁾, дурачится отъ души, изъ всѣхъ силъ, съ большимъ комическимъ талантомъ въ декламации и словахъ, въ выговорѣ и жестахъ, но безъ кантаридности ²⁾ парижскихъ Пьерро, безъ вульгарной шутки нѣмца, безъ нашей родной грязи. Отсутствіе всего неприличнаго удивляетъ, хотя смыслъ его ясенъ. Это—шалость, отдыхъ, забава цѣлаго народа, а не вахтпарадъ публичныхъ домовъ, ихъ сукурсалей, жительницамъ которыхъ, снимая многое другое, прибавляютъ маску, въ родѣ Бисмарковой иголки, чтобъ усилить и сдѣлать неотразимѣе вы-

¹⁾ Народъ веселится.

²⁾ *Cantharide*—шпанская муха.

стрѣлы. Здѣсь онѣ были бы неумѣстны; здѣсь тѣшится народъ, здѣсь тѣшится сестра, жена, дочь,—и горе тому, кто оскорбитъ маску. Маска на время карнавала становится для женщины то, чѣмъ былъ Станиславъ въ петлицѣ для станціоннаго зрителя ¹⁾).

Сначала карнавалъ оставлялъ меня въ покоѣ, но онъ ~~всѣ~~ росъ и при своей стихійной силѣ долженъ былъ утянуть всякаго.

Мало ли какой вздоръ можетъ случиться, когда пляска св. Витта овладѣваетъ цѣлымъ населеніемъ въ шутбвскихъ костюмахъ. Въ фольшой залѣ ресторана сидятъ сотни, можетъ, больше, лилово-бѣлыхъ масокъ; онѣ проѣхали по площади на раззолоченномъ кораблѣ, который тащили быки (все сухопотное и четвероногое въ Венеціи—рѣдкость и роскошь), теперь онѣ пьютъ и ѣдятъ. Одинъ изъ гостей предлагаетъ курьезность и берется ее достать, *курьезность эта—я.*

Господинъ, едва знакомый со мною, бѣжитъ ко мнѣ въ Albergo Danieli, умоляетъ, проситъ явиться съ нимъ на минуту къ маскамъ. Глупо итти, глупо ломаться, — я иду. Меня встрѣчаютъ «evviva!» и полные бокалы. Я раскланиваюсь, говорю вздоръ, «evviva» сильнѣе; одни кричатъ «evviva l'amico di Garibaldi!» ²⁾ другіе—«poeta russo!» ³⁾. Боясь, что лилово-бѣлые будутъ пить за меня, какъ за «pittore Slavo, scultore e maestro» ⁴⁾, я ретируюсь на Piazza di S. Marco.

На площади стѣна людей; я прислонился къ пилястру, гордый титуломъ поэта; возлѣ меня стоялъ мой проводникъ, исполнившій mandat d'amener ⁵⁾ лилово-бѣлыхъ. «Боже мой, какъ она хороша!»—сорвалось у меня съ языка, когда очень молодая дама пробивалась сквозь толпу. Мой провожатый, не говоря худого слова, схватилъ меня и разомъ поставилъ передъ ней. «Это тотъ *русскій*»,—началъ мой польскій графъ. «Хотите вы мнѣ дать руку послѣ этого слова?»—перебилъ я его. Она, улыбаясь, протянула руку и сказала по-русски, что давно хотѣла меня видѣть, и такъ симпатически взглянула на меня, что я еще разъ пожалъ ея руку и проводилъ глазами, пока было видно.

¹⁾ Годъ спустя я видѣлъ карнавалъ въ Ниццѣ. Какая страшная разниа, не говоря о солдатахъ въ полномъ боевомъ вооруженіи, ни о жан-дармахъ, ни о комиссарахъ полиціи съ шарфами... Сама масса народа, не туристовъ, дивила меня. Пьяныя маски ругались и дрались съ людьми, стоявшими въ воротахъ, сильные тумачи сшибали въ грязь бѣлыхъ Пьерро.
А. И. Г.

²⁾ Да здравствуетъ другъ Гарibaldi!

³⁾ Русскій поэтъ.

⁴⁾ Славянскаго художника, скульптора и маэстро.

⁵⁾ Приказъ о приводѣ.

Цвѣтокъ, сорванный ураганомъ, смытый кровью съ своихъ литовскихъ полей, думалъ я, глядя ей вслѣдъ, не своимъ теперь свѣтитъ твоя красота.

Я сошелъ съ площади и поѣхалъ встрѣчать Гарибальди. На водѣ все было тихо... нестройно доносился шумъ карнавала. Строгія, насупившіяся массы домовъ тѣснятся все ближе и ближе къ лодкѣ, глядятъ на нее фонарями, у подѣзда всплескиваетъ правило, блеснетъ стальной крючокъ, прокричитъ лодочникъ: «argi—zia state» ¹⁾... и опять тихо вода утягиваетъ въ переулочкѣ, и вдругъ дома опять раздвигаются; мы въ Gran Canal'ѣ... «Fejovia Signole» ²⁾, говоритъ гондольеръ, картавя, какъ картавить весь городъ. Гарибальди остался въ Болоньѣ и не приѣзжалъ. Машина, ѣхавшая во Флоренцію, стонала въ ожиданіи свистка. Уѣхать бы и мнѣ: завтра маски надоѣдятъ, завтра не увижу я славянской красавицы...

...Городъ принялъ Гарибальди блестящимъ образомъ. Gran Canal представлялъ почти сплошной мостъ; для того, чтобъ попасть въ нашу лодку, уѣзжая, намъ надобно было перейти черезъ десятки другихъ. Правительство и его кліенты сдѣлали все возможное, чтобъ показать, что дуются на Гарибальди. Если принцу Амедею ³⁾ были приказаны его отцомъ всѣ мелкія не деликатности, вся подленькая пикировка, то отчего же у этого мальчика-итальянца не заговорило сердце, отчего онъ не примирилъ на минуту городъ съ королемъ и королевскаго сына съ совѣстью? Вѣдь, Гарибальди имъ подарилъ двѣ короны двухъ Сицилій!

Я нашелъ Гарибальди и не состарившимся и не больнымъ послѣ лондонскаго свиданія въ 1864. Но онъ былъ невеселъ, озабоченъ и не разговорчивъ съ венеціанцами, представлявшимися ему на другой день. Его настоящій хоръ—народныя массы; онъ ожилъ въ Кіуджіи, гдѣ его ждали лодочники и рыбаки; мѣшаясь въ толпу, онъ говорилъ этимъ простымъ бѣднякамъ: «Какъ мнѣ съ вами хорошо и дома! Какъ я чувствую, что родился отъ работниковъ и былъ работникомъ; несчастья нашей родины оторвали меня отъ мирныхъ занятій. Я также выросъ на берегу моря и знаю каждую работу вашу...». Стонъ восторга покрылъ слова бывшаго лодочника, народъ ринулся къ нему... «Дай имя моему новорожденному!»—кричала женщина. «Благослови моего!.. И моего!»—кричали другія. Хра-

¹⁾ Дай дорогу; остановись.

²⁾ Ferro via, signore—желѣзная дорога, синьоръ.

³⁾ Фердинандъ, сынъ Виктора-Эммануила и Маріи Раніери; род. въ 1845 г.

брый генераль Ламармора ¹⁾ и неутѣшный вдовецъ Риказоли ²⁾, со всѣми вашими Шіалоями ³⁾, Депретисами ⁴⁾, вы ужъ отложите попеченіе разрушить эту связь: она затянута мужицкой, работничьей рукой и такой веревкой, которую вамъ не перетереть со всѣми тосканскими и сардинскими подмастерьями, со всѣми вашими грошовыми Маккиавелли.

Теперь воротитесь къ вопросу: что ждетъ Италію впереди, какую будущность имѣетъ она, обновленная, объединенная, независимая? Ту ли, которую проповѣдывалъ Маццини, ту ли, къ которой ведетъ Гарибальди... ну, хоть ту ли, которую осуществлялъ Кавуръ?

Вопросъ этотъ отбрасываетъ насъ разомъ въ страшную даль, во всѣ тяжкія самыхъ скорбныхъ и самыхъ спорныхъ предметовъ. Онъ прямо касается тѣхъ внутреннихъ убѣжденій, которыя легли въ основу нашей жизни и той борьбы, которая такъ часто раздвояетъ насъ съ друзьями, а иной разъ ставитъ на одну сторону съ противниками.

Я сомнѣваюсь *во будущности латинскихъ* народовъ, сомнѣваюсь въ ихъ *будущей* плодотворности; имъ нравится процессъ переворотовъ, но тягостенъ добытый прогрессъ. Они любятъ рваться къ нему, не достигая.

Идеаль итальянскаго освобожденія бѣденъ, въ немъ опущенъ, съ одной стороны, существенный, животворный элементъ, и какъ назло, съ другой, — оставленъ элементъ старый, тлетворный, умирающій и мертвящій. Итальянская революція была до сихъ поръ боемъ за независимость.

Конечно, если земной шаръ не дастъ трещины, или комета не пройдетъ слишкомъ близко и не накалитъ нашей атмосферы, Италія и въ будущемъ *будетъ* Италіей, страной синяго неба и синяго моря, изящныхъ очертаній, прекрасной, симпатической породы людей, — людей музыкальныхъ, художниковъ отъ природы. Конечно, и то, что весь этотъ военный и штатскій *genue-ménage* ⁵⁾, и слава, и позоръ, и падшія границы, и возникающія камеры, — все это отразится въ ея жизни, она изъ клерикально-деспотической сдѣлается (и дѣлается) буржуазно-парламентской, изъ дешевой — дорогой, изъ

¹⁾ Альфонсо-Феррера, въ 1866 г. былъ главнокомандующимъ противъ Австріи; послѣ проигрыша сраженія подъ Кустоцкой былъ обвиненъ въ измѣнѣ и оставилъ всѣ должности.

²⁾ Беттино, министръ-президентъ.

³⁾ (Scialoja) Антонио, экономистъ, министръ при Ламарморѣ.

⁴⁾ Агостино, морской министръ.

⁵⁾ Возня, суматоха.

неудобной—удобной и пр., и пр. Но этого мало и съ этимъ еще далеко не уйдешь. Не дурень и другой берегъ, который омываетъ то же синее море, не дурна и та доблестная и угрюмая порода людей, которая живетъ за Пиренеями; внѣшняго врага у нея нѣтъ, камера есть, наружное единство есть... ну, что же при всемъ этомъ Испанія?

Народы живучи, вѣка могутъ они лежать *подъ паромъ* и снова при благоприятныхъ обстоятельствахъ оказываются исполненными силъ и соковъ. Но тѣми ли они возстаютъ, какъ были?

Сколько вѣковъ, я чуть не сказалъ тысячелѣтій, греческій народъ былъ стертъ зъ лица земли, какъ государство, и, все же, онъ остался живъ, и въ ту самую минуту, когда вся Европа угорала въ чаду реставрацій, Греція проснулась и встревожила весь мѣръ. Но греки Каподистрии были ли похожи на грековъ Перикла или на грековъ Византіи. Осталось одно имя и натянутое воспоминаніе. Обновиться можетъ и Италия, но тогда ей придется начать другую исторію. Ея освобожденіе—только *право на существованіе*.

Примѣръ Греціи очень идетъ; онъ такъ далекъ отъ насъ, что меньше возбуждаетъ страстей. Греція аѳинская, македонская, лишенная независимости Римомъ, является снова государственно-самобытной въ византійскій періодъ. Что же она дѣлаетъ въ немъ? Ничего или, хуже, богословскую контроверзу, *серьальныя* перевороты *par anticipation* ¹⁾. Турки помогаютъ застрялой природѣ и придаютъ блескъ зарева ея насильственной смерти. Древняя Греція *изжила свою жизнь*, когда римское владычество накрыло ее и спасло, какъ лава и пепелъ спасли Помпею и Геркуланумъ. Византійскій періодъ поднялъ гробовую крышу, и мертвый остался мертвымъ, имъ завладѣли попы и монахи, какъ всякой могилой, имъ распоряжались евнухи, совершенно на мѣстѣ, какъ представители бесплодности. Кто не знаетъ разсказовъ о томъ, какъ крестоносцы были въ Византіи: въ образованіи, въ утонченности нравовъ не было сравненія, но эти дикіе латники, грубые буяны были полны силы, отваги, стремленій, они шли впередъ, съ ними былъ *бодъ исторіи*. Ему люди не по хорошу *мы*, а по коренастой силѣ и по своевременности ихъ à propos. Оттого-то, читая скучныя лѣтописи, мы радуемся, когда съ сѣверныхъ снѣговъ скатываются варяги, плывутъ на какихъ-то скорлупахъ славяне и клеймятъ своими щитами гордые стѣны Византіи. Я ученикомъ не могъ нарадоваться на дикаря въ рубахѣ ²⁾, одиноко гребущаго свою комягу, отправляясь съ золотой серьгой

¹⁾ До срока.

²⁾ Вел. князь кіевскій Святославъ.

въ уплахъ на свиданіе съ изнѣженнымъ набогословленнымъ, пышнымъ, книжнымъ императоромъ Цимисхіемъ.

Подумайте объ Византіи; пока наши славянофилы не пустили еще въ свѣтъ новой иконописной хроники, и правительство не утвердило ее, она многое объяснить изъ того, что такъ тяжело сказать.

Византія могла *жить*, но *дѣлать* ей было нечего; а исторію, вообще, только народы и занимають, пока они на сценѣ, т. е. пока они что-нибудь дѣлають.

...Помнится, я упоминалъ объ отвѣтѣ Томаса Карлейля мнѣ, когда я ему говорилъ о строгостяхъ парижской цензуры: «Да что вы такъ на нее сердитесь? — замѣтилъ онъ.—Заставляя французовъ молчать, Наполеонъ сдѣлалъ имъ величайшее одолженіе: *имъ нечего сказать*, а говорить хочется... Наполеонъ далъ имъ внѣшнее оправданіе...» Я не говорю, насколько я согласенъ съ Карлейлемъ или нѣтъ, но спрашиваю себя: *будетъ ли что* Италіи сказать и сдѣлать на другой день послѣ занятія Рима? И иной разъ, не прискавъ отвѣта, я начинаю желать, чтобъ Римъ остался еще надолго оживляющимъ desideratum¹⁾омъ).

До Рима все пойдетъ недурно, хватить и энергіи, и силы, лишь бы хватило денегъ... До Рима Италія многое вынесетъ: и налоги, и піемонтское мѣстничество, и грабящую администрацію, и сварливую и докучную бюрократію; въ ожиданіи Рима все кажется неважнымъ; для того, чтобы имѣть его, можно стѣсниться, надобно стоять дружно. Римъ—черта границы, зная, онъ передъ глазами, онъ мѣшаетъ спать, мѣшаетъ торговать, онъ поддерживаетъ лихорадку. Въ Римѣ все, перемѣнится, все оборвется... тамъ кажется заключеніе, вѣнецъ. Совсѣмъ нѣтъ,—тамъ *начало*.

Народы, искупающіе свою независимость, никогда не знаютъ,—и это превосходно,—что независимость сама по себѣ ничего не даетъ, кромѣ правъ совершеннолѣтія, кромѣ мѣста между пѣрами, кромѣ признанія гражданской способности *совершать акты*, и только.

Какой же *актъ* возвѣстится намъ съ высоты Капитолія и квиринала, что провозгласится міру на римскомъ Форумѣ или на томъ балконѣ, съ котораго папа вѣка благословлялъ «вселенную и городъ»?

Провозгласить «независимость» sans phrases²⁾ мало, а другого ничего нѣтъ... И мнѣ подчасъ кажется, что въ тотъ день, когда

¹⁾ Желанной цѣлью.

²⁾ Безъ фразъ.

Гарибальди бросить свой ненужный больше мечъ и надѣнеть тогу *virilis* ¹⁾ на плечи Италіи, ему останется всенародно обняться на берегахъ Тибра съ своимъ *maestro* Маццини и сказать съ нимъ вмѣстѣ: «Нынѣ отпускаеши!»..

Я это говорю за нихъ, а не противъ нихъ.

Будущность ихъ обезпечена, ихъ два имени стануть высоко и свѣтло во всей Италіи отъ Фіуме до Мессины и будутъ подыматься выше и выше во всей печальной Европѣ, по мѣрѣ историческаго пониженія и измельчанія ея людей.

Но врядъ пойдетъ ли Италія по программѣ великаго карбонаро и великаго война; ихъ религія совершила чудеса, она разбудила мысль, она подняла мечъ, это — труба, разбудившая спящихъ, — знамя, съ которымъ Италія завоевала себя.. Половина идеала Маццини исполнилась, и именно потому, что другая часть далеко перехватывала черезъ возможное. Что Маццини теперь ужъ сталъ слабѣе, въ этомъ его успѣхъ и величіе; онъ сталъ *бѣднѣе* той частью своего идеала, которая перешла въ дѣйствительность, это—слабость послѣ родовъ. Въ виду берега Колумбу стоило плыть и нечего было употреблять всѣ силы своего неукротимаго духа. Мы въ нашемъ кругу испытали подобное... Гдѣ сила, которую придавала нашему слову борьба противъ крѣпостного права, противъ отсутствія всякаго суда, всякой гласности?

Римъ—Америка Маццини... Дальнѣйшихъ зародышей *viables* ²⁾ въ его программѣ нѣтъ, она была разсчитана на борьбу за единство и Римъ.

— А демократическая республика?

Это—та великая *награда за іробѣмъ*, которой напутствовались люди на дѣянія и подвиги и въ которую горячо и искренно вѣрили и проповѣдники, и мученики...

Къ ней идетъ и теперь часть твердыхъ стариковъ, закаленныхъ сподвижниковъ Маццини, непреклонныхъ, не сдающихся, неподкупныхъ, неутомимыхъ каменщиковъ, которые вывели фундаменты новой Италіи и, когда недоставало цемента, давали на него свою кровь. Но много ли ихъ? И кто пойдетъ за ними?

Пока тройное ярмо нѣмца, Бурбона и папы давило шею Италіи, эти энергическіе монахи-воины ордена Маццини находили вездѣ сочувствіе. Принчипессы и студенты, ювелиры и доктора, актеры и попы, художники и адвокаты, все образованное въ мѣщанствѣ,

¹⁾ Которую въ Римѣ впервые одѣвалъ юноша въ атакъ совершеннолѣтія.

²⁾ Жизнеспособныхъ.

все поднявшее голову между работниками, офицеры и солдаты, все тайно, явно было съ ними, работало для нихъ. Республики хотѣли немногіе, независимости и единства — всѣ. Независимости они добились, единство на французскій манеръ имъ опротивѣло, республики они не хотятъ. Современный порядокъ дѣлъ во многомъ итальянцамъ по плечу, имъ, туда же, хочется представлять «сильную и величественную» фигуру въ сонмѣ европейскихъ государствъ и, найдя эту *bella e grande figura* ¹⁾ въ Викторѣ-Эммануилѣ, они держатся за него ²⁾.

Представительная система въ ея континентальномъ развитіи, дѣйствительно, всего лучше идетъ, когда нѣтъ ничего яснаго въ головѣ или ничего возможнаго на дѣлѣ. Это — великое *покамышество*, которое перетираетъ углы и крайности обѣихъ сторонъ въ муку и выигрываетъ время. Этимъ жерновомъ часть Европы прошла, другая пройдетъ и мы, грѣшные, въ томъ числѣ. Чего Египетъ, — и тотъ въѣхалъ на верблюдахъ въ представительную мельницу, подгоняемый арапникомъ.

Я не виню ни большинство, плохо приготовленное, усталое, трусоватое, еще больше не виню массы, такъ долго оставленныя на воспитаніи клерикаловъ, я не виню даже правительство, — да и какъ же его винить за ограниченность, за неумѣніе, за недостатокъ порыва, поэзіи, такта? Оно родилось въ Кариньянскомъ дворцѣ, среди ржавыхъ готическихъ мечей, пудренныхъ старинныхъ париковъ и накрахмаленнаго этикета маленькихъ дворовъ съ огромными притязаніями.

Любови оно не вселило къ себѣ, совѣмъ напротивъ, но отъ этого оно не слабже стало. Я былъ удивленъ въ 1863 общей нелюбовью въ Неаполѣ къ правительству. Въ 1867 въ Венеціи я видѣлъ безъ малѣйшаго удивленія, что черезъ три мѣсяца послѣ

¹⁾ Прекрасную и величественную фигуру.

²⁾ Одинъ милѣйшій венгерець, графъ С.-Т. ^{o)}, служившій потомъ въ Италіи кавалерійскимъ полковникомъ, смѣясь какъ-то надъ мишурной роскошью флорентійскихъ щеголей, сказалъ мнѣ: «Помните бѣгъ въ Москвѣ или гулянье?... Глупо, но имѣетъ характеръ: кучеръ налить вино, шапка набекрень, лошади въ нѣсколько тысячъ рублей, и баринъ замираетъ въ блаженствѣ и соболахъ. А тутъ тощій графъ какой-нибудь зложитъ чашку клячь, съ тикомъ въ ногахъ, прядущихъ головой, и тотъ же неуклюжій, худенькій Жакопо, который у него садовникъ и поварь, сидитъ на козлахъ, держаетъ возжи, одѣтый въ ливрею не по мѣркѣ, а графъ проситъ его: «Жакопо, Жакопо, *fate una grande e bella figura* ^{oo)}». Я прошу у графа Т. ссудить меня этимъ выраженіемъ. А. И. Г.

^{o)} Сандоръ-Телеки.

^{oo)} Сдѣлайте величественную и прекрасную фигуру.

освобожденія его терпѣть не могли. Но при этомъ я еще яснѣе увидѣлъ, что бояться ему нечего, если оно само не надѣлаеть ряда колоссальныхъ глупостей, хотя и онѣ ему сходятъ съ рукъ необыкновенно легко.

Примѣръ того и другого передъ глазами, я его приведу въ нѣсколькихъ строкахъ.

Къ разнымъ калямбурамъ, которыми правительства иногда удостоиваютъ отводить народамъ глаза, въ родѣ: «Prisonniers de la paix» ¹⁾ Людовика-Филиппа, «Имперія—миръ» Людовика-Наполеона, Риказоли прибавилъ свой—и законъ, которымъ *закрѣплялъ большую часть* достоянія духовенству, назвалъ закономъ «о свободѣ (или независимости) церкви въ свободномъ государствѣ». Всѣ недоросли либерализма, всѣ люди, не идущіе дальше заглавія, обрадовались. Министерство, скрывая улыбку, торжествовало побѣду; сдѣлка явнымъ образомъ выгодна духовенству. Явился бельгійскій грѣшникъ и мытарь, за котораго спрятались отцы-іезуиты. Онъ привезъ съ собой груды золота, цвѣтъ котораго въ Италиі давно не видали, и предлагалъ большую сумму правительству съ тѣмъ, чтобъ обезпечить духовенству законное владѣніе имѣніями, выштаннными на духу, набранными у умирающихъ преступниковъ и всякихъ нищихъ духомъ.

Правительство видѣло одно—деньги; дураки—другое: *американскую* свободу церкви въ свободномъ государствѣ. Теперь же въ модѣ прикидывать европейскія учрежденія на американскій ярдъ. Герцогъ Персиньи находитъ неумѣренное сходство между второй имперіей и первой республикой нашего времени.

Однако, какъ ни хитрили Риказоли и Шіалоя, камера, составленая очень пестро и посредственно, стала понимать, что игра была подтасована, и подтасована безъ нея. Банкиръ прикидывался импрессарио и старался скупать итальянскіе голоса, но на этотъ разъ дѣло было въ февралѣ,—камера охрипла. Въ Неаполѣ подняли ропотъ, въ Венеціи созвали сходку въ театрѣ Малибранъ для протеста. Риказоли велѣлъ запретить театръ и поставить часовыхъ. Безъ сомнѣнія, изъ всѣхъ промаховъ, которые можно было сдѣлать, нельзя было ничего придумать глупѣе. Венеція, только-что освобожденная, хотѣла воспользоваться оппозиціоннымъ правомъ и была полицейски подрѣзана. Собираются для празднованія короля и подносятъ букеты al gran comandante ²⁾ Ламармора ничего не значить. Если-бъ венеціанцы хотѣли дѣлать сходки для праздни-

¹⁾ Пльнники мира.

²⁾ Великому командору.

ванія австрійскіхъ архи-дюковъ, имъ, конечно, позволили бы. Опасности сходка въ театрѣ Малибранъ не представляла никакой.

Камера встrepенулась и спросила отчета. Риказоли отвѣчалъ дерзко, высокомерно, какъ подобаетъ послѣднему представителю Рауля-Синей Бороды, средневѣковому графу и феодалу. Камера, «увѣренная, что министерство не желаетъ уменьшить право сходокъ», хотѣла перейти къ очереди. Рауль, взбѣшенный уже тѣмъ, что его законъ «о свободѣ церкви», въ которомъ онъ не сомнѣвался, сталъ проваливаться въ комитетахъ, объявилъ, что онъ не можетъ принять *ordre du jour motivé* ¹⁾. Обиженная камера вотировала противъ него. За такую продерзость онъ на другой день отсрочилъ камеру, на третій—распустилъ, на четвѣртый—думалъ еще о какой-то крутой мѣрѣ, но, говорятъ, Чальдини ²⁾ сказалъ королю, что на войско разсчитывать трудно...

Бывали примѣры, что правительства, зарапортовавшись, приискивали дѣльный предлогъ, чтобъ сдѣлать гадость или скрыть ее, а эти господа сыскали самый нелѣпый предлогъ, чтобъ засвидѣтельствовать свое поражение. Если правительство будетъ дальше и рѣзче итти этимъ путемъ, можетъ, оно и сломитъ себѣ шею; разсчитывать, предвидѣть можно только то, что сколько-нибудь покорено разуму; всемогущество безумія не имѣетъ границъ, хотя и имѣетъ почти всегда возлѣ какого-нибудь Чальдини, который въ опасную минуту выльетъ шайку холодной воды на голову.

А если Италія вживется въ этотъ порядокъ, сложится въ немъ, она его не вынесетъ безнаказанно. Такого призрачнаго міра лжи и пустыхъ словъ, фразъ безъ содержанія трудно переработать народу *меньше бывало му*, чѣмъ французы. У Франціи все *не въ самомъ дѣлѣ*, но все есть, хоть для вида и показа; она, какъ старики, впавшіе въ дѣтство, увлекается игрушками; подчасъ и догадывается, что ея лошади деревянные, но хочетъ обманываться. Италія не совладеетъ съ этими тѣнями китайскаго фонаря, съ лунной независимостью, освѣщаемой въ три четверти тюльерійскимъ солнцемъ, съ церковью, презираемой и ненавидимой, за которой ухаживаютъ, какъ за безумной бабушкой въ ожиданіи ея скорой смерти. Картофельное тѣсто парламентаризма и риторика камеръ не дастъ итальянцу здоровья. Его забыть, сведеть съ ума эта мнимая пища и не въ самомъ дѣлѣ борьба. А другого ничего не готовится. Что же дѣлать? гдѣ выходъ? Не знаю, развѣ въ томъ, что, провозгласивши въ Римѣ единство Италіи, вслѣдъ затѣмъ

¹⁾ Мотивированный переходъ къ очереднымъ дѣламъ.

²⁾ Энрико, генералъ, начальникъ главнаго штаба вмѣсто Ламармору.

провозгласить ея распадёніе на самобытныя, самозаконныя части, едва связанныя между собой. Въ десяти живыхъ узлахъ можетъ больше выработаться, если есть чему выработываться, оно же и совершенно въ духъ Италіи.

...Середь этихъ разсужденій мнѣ попалась брошюра Кинэ: «Франція и Германія»; я ей ужасно обрадовался; не то, чтобъ я особенно завистель отъ сужденій знаменитаго историка-мыслителя, котораго лично очень уважаю, но я обрадовался не за себя.

Въ старые годы въ Петербургѣ одинъ пріятель, извѣстный своимъ юморомъ, найдя у меня на столѣ книгу берлинскаго Мишле ¹⁾ «о безсмертіи духа», оставилъ мнѣ записочку слѣдующаго содержанія: «Любезный другъ, когда ты прочтешь эту книгу, потрудишься сообщить мнѣ вкратцѣ, есть безсмертіе души или нѣтъ. Мнѣ все равно, но желалъ бы знать для „успокоенія родственниковъ“». Вотъ для *родственниковъ*-то и я радъ тому, что встрѣтилъ я съ Кинэ. Наши друзья до сихъ поръ, несмотря на заносчивую позу, которую многіе изъ нихъ приняли относительно европейскихъ авторитетовъ, ихъ больше слушаютъ, чѣмъ своего брага. Оттого-то я и старался когда могъ, ставить свою мысль подъ покровительство европейской нянюшки. Ухватившись за Прудона, я говорилъ, что у дверей Франціи не Катилина, а смерть; держась за полу Стюарта Милля, я твердилъ объ англійскомъ китаизмѣ и очень доволенъ, что могу взять за руку Кинэ и сказать: «Вотъ и почтенный другъ мой Кинэ говорить въ 1867 о латинской Европѣ то, что я говорилъ обо всей въ 1847 и во всѣ послѣдующіе».

Кинэ съ ужасомъ и грустью видитъ пониженіе Франціи, смягченіе ея мозга, ея омельчаніе. Причины онъ не понимаетъ, ищетъ ее въ отклоненіи Франціи отъ началъ 1789 года, въ потерѣ политической свободы, и потому въ его словахъ изъ-за печали сквозитъ скрытая надежда на выздоровленіе возвращеніемъ къ серьезному парламентскому режиму, къ великимъ принципамъ революціи.

Кинэ не замѣчаетъ, что великія начала, о которыхъ онъ говоритъ, и вообще политическія идеи латинскаго міра потеряли свое значеніе, ихъ пружина доиграла и чуть ли не лопнула. Les principes des 1789 не были фразой, но теперь стали фразой, какъ литургія и слова молитвы. Заслуга ихъ огромна: *ими, черезъ нихъ* Франція совершила свою революцію, она приподняла завѣсу будущаго и, испуганная, отпрянула.

Явилась дилемма:

¹⁾ Карлъ-Людвигъ, философъ гегельянской школы, «Vorlesungen über die Persönlichkeit Gottes und die Unsterblichkeit der Seele».

Или свободныя учрежденія снова коснутся завѣтной завѣсы, или правительственная опека, внѣшній порядокъ и внутреннее разстройство.

Если-бъ въ европейской народной жизни была одна цѣль, одно стремленіе, та или другая сторона взяла бы давно верхъ. Но такъ, какъ сложилась западная исторія, она привела къ вѣчной борьбѣ. Въ основномъ бытовомъ фактѣ двойного образованія лежитъ органическое препятствіе послѣдовательному развитію. Жить въ двѣ цивилизаціи, въ два пласта, въ два свѣта, въ два возраста, жить не цѣлымъ организмомъ, а одной частью его, употреблять на топливо и кормъ другую и повторять о свободѣ и равенствѣ становится труднѣе и труднѣе.

Опыты выйти къ болѣе гармоническому, уравновѣшенному строю не имѣли успѣха. Но, если они не имѣли успѣха въ данномъ мѣстѣ, это больше доказываетъ неспособность мѣста, чѣмъ ложность начала.

Въ этомъ-то и лежитъ вся сущность дѣла.

Сѣверо-Американскіе Штаты съ своимъ единствомъ цивилизаціи легко опережаютъ Европу, — ихъ положеніе проще. Уровень ихъ цивилизаціи ниже западно-европейскаго, *но онъ одинъ*, и до него достигаютъ *всѣ*, и въ этомъ ихъ страшная сила.

Двадцать лѣтъ тому назадъ Франція рванулась титанически къ другой жизни, борясь впотьмахъ, бессмысленно, безъ плана и другого знанія, кромѣ знанія нестерпимой боли; она была побита «порядкомъ и цивилизаціей», а отступилъ побѣдитель. Буржуазіи пришлось за печальную побѣду свою заплатить всѣмъ, что она выработала вѣками усилій, жертвъ, войнъ и революцій, лучшими плодами своего образованія.

Центры силъ, пути развитія, — все измѣнилось; скрывшаяся дѣятельность, подавленная работа общественнаго пересозданія бросились въ другія части, за французскую границу.

Какъ только нѣмцы убѣдились, что французскій берегъ понизился, что страшныя революціонныя идеи ея поветшали, что бояться ея нечего, — изъ-за крѣпостныхъ стѣнъ прирейнскихъ показалась прусская каска.

Франція все пятилась, каска все выдвигалась. Своихъ Бисмаркъ никогда не уважалъ, онъ наострилъ оба уха въ сторону Франціи, онъ нюхалъ воздухъ оттуда и, убѣдившись въ прочномъ пониженіи страны, онъ понялъ, что время Пруссіи настало. Понявши, онъ заказалъ планъ Мольтке, заказалъ иголки оружейникамъ и систематически, съ нѣмецкой безцеремонной грубостью забралъ спѣлыя нѣмецкія груши и ссыпалъ смѣшному Фридриху-

Вильгельму въ фартукъ, увѣривъ его, что онъ герой по особенному чуду лютеранскаго бога.

Я не вѣрю, чтобъ судьбы міра оставались надолго въ рукахъ нѣмцевъ и Гогенцоллерновъ. Это невозможно, это противно чело-вѣческому смыслу, противно исторической эстетикѣ. Я скажу, какъ Кентъ Лиру, только обратно: «Въ тебѣ, Боруссія, нѣтъ ничего, что бы я могъ назвать царемъ». Но, все же, Пруссія отодвинула Францію на второй планъ, и сама сѣла на первое мѣсто. Но, все же, окрасивъ въ одинъ цвѣтъ пестрые лоскутья нѣмецкаго отечества, она будетъ предписывать законы Европѣ до тѣхъ поръ, пока законы ея будутъ предписывать штыкомъ и исполнять картечью, по самой простой причинѣ: потому что у нея больше штыковъ и больше картечи.

За прусской волной подыметъ уже *другая*, не очень заботясь, нравится это или нѣтъ классическимъ старикамъ.

Англія хитро хранитъ *видъ силы*, отошедши въ сторону, будто, гордая въ своемъ мнимомъ неучастіи... Она почувствовала въ глубинѣ своихъ внутренностей ту же социальную боль, которую она такъ легко вылѣчила въ 1848 полицейскими палками... Но потуги посильнѣи... и она втягиваетъ далеко хватающія шупальца свои на домашнюю борьбу.

Франція, удивленная, сконфуженная переменой положенія, грозитъ не Пруссіи войной, а Италіи, если она дотронется до временныхъ владѣній *вѣчнаго* отца, и собираетъ деньги на памятникъ Вольтеру.

Воскреситъ ли латинскую Европу дерущая уши прусская труба *последняю* военнаго суда, разбудитъ ли ее приближеніе *уче-ныхъ* варваровъ?

Chi lo sa? ¹⁾

...Я пріѣхалъ въ Геную съ американцами, только-что переплывшими океанъ. Генуя ихъ поразила. Все читанное ими въ книгахъ о старомъ свѣтѣ они увидѣли воочию и не могли насмотрѣться на средневѣковья улицы, гористыя, узкія, черныя, на необычайной вышины дома, на полуразрушенные переходы, укрѣпленія и проч.

Мы взошли въ сѣни какого-то дворца. Крикъ восторга вырвался у одного изъ американцевъ: «Какъ эти люди жили, — повторялъ онъ, — какъ они жили! Что за размѣры, что за изящество! Нѣтъ, ничего подобнаго вы не найдете у насъ». И онъ готовъ былъ покраснѣть за свою Америку. Мы заглянули внутрь огром-

¹⁾ Кто знаетъ?

ной залы. Былые хозяева ихъ въ портретахъ, картины, картины, стѣны, сдавшія цвѣтъ, старая мебель, старые гербы, нежилой воздухъ, пустота и старикъ кустодъ ¹⁾ въ черной вязаной скуфьѣ, въ черномъ потертомъ сюртукѣ, со связкой ключей... все такъ и говорило, что это ужъ не домъ, а рѣдкость, саркофагъ, *пышный слѣдъ прошедшей жизни*.

— Да, — сказалъ я, выходя, американцамъ, — вы совершенно правы: люди эти хорошо *жили*.

(Мартъ 1867).

¹⁾ Custode— сторожъ.

ГЛАВА III.

LA BELLE FRANCE ¹⁾).

Ah! que j'ai douce souvenance
De ce beau pays de France! ²⁾

I.

Ante portas ³⁾).

Франція была для меня заперта. Годъ спустя послѣ моего прїѣзда въ Ниццу, лѣтомъ 1851, я написалъ письмо Леону Фоше, тогдашнему министру внутреннихъ дѣлъ, и просилъ его дозволенія прїѣхать на нѣсколько дней въ Парижъ. «У меня въ Парижѣ домъ, и я долженъ имъ заняться»; истый экономистъ не могъ не сдаться на это доказательство, и я получилъ разрѣшеніе прїѣхать «на самое короткое время».

Въ 1852 я просилъ право проѣхать Франціей въ Англію,—*отказъ*. Въ 1856 я хотѣлъ возвратиться изъ Англіи въ Швейцарію и снова просилъ визы,—*отказъ*. Я написалъ въ фрейбургскій Conseil d'Etat ⁴⁾, что я отрѣзанъ отъ Швейцаріи и долженъ или ѣхать тайкомъ, или черезъ Гибралтарскій проливъ, или, наконецъ, черезъ Германію, причемъ я, вѣроятнѣе всего, доѣду въ Петропавловскую крѣпость, а не въ Фрейбургъ, въ силу чего, я просилъ Conseil

¹⁾ Прекрасная Франція.

²⁾ Ахъ, какое сладкое воспоминаніе оставила во мнѣ эта прекрасная Франція!

³⁾ Передъ воротами.

⁴⁾ Правительственный совѣтъ.

d'Etat вступить въ сношеніе съ французскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, требуя для меня проѣзда черезъ Францію. Совѣтъ отвѣчалъ мнѣ 19 октября 1856 года слѣдующимъ письмомъ:

«М. Г.

«Вслѣдствіе вашего желанія, мы поручили швейцарскому министру въ Парижѣ сдѣлать необходимые шаги для полученія вамъ ауторизаціи проѣхать Франціей, возвращаясь въ Швейцарію. Мы передаемъ вамъ текстуально отвѣтъ, полученный швейцарскимъ министромъ: «Г. Валевскій долженъ былъ совѣщаться по этому предмету съ своимъ товарищемъ внутреннихъ дѣлъ»; *соображенія особенной важности*, сообщилъ ему м. в. д., заставили отказать г. Герцену въ правѣ проѣзда Франціей въ прошломъ августѣ, что онъ не можетъ измѣнить своего рѣшенія», и проч.

Я не имѣлъ ничего общаго съ французами, кромѣ простого знакомства; не былъ ни въ какой конспираціи, ни въ какомъ обществѣ и занимался тогда уже исключительно русской, пропагандой. Все это французская полиція, единая всезнающая, единая національная и потому безгранично сильная, знала превосходно. На меня *интвализь* за мои статьи и связи.

Про этотъ гнѣвъ нельзя не сказать, что онъ вышелъ *изъ границъ*. Въ 1859 году я поѣхалъ на нѣсколько дней въ Брюссель съ моимъ сыномъ. Ни въ Остенде, ни въ Брюсселѣ паспорта не спрашивали. Дней черезъ шесть, когда я возвратился вечеромъ въ отель, слуга, подавая свѣчу, сказалъ мнѣ, что изъ полиціи требуютъ моего паспорта. «Во-время хватились», замѣтилъ я. Слуга проводилъ меня до номера и паспортъ взялъ. Только-что я легъ, часу въ первомъ стучать въ дверь; явился опять тотъ же слуга съ большимъ пакетомъ. «Министръ юстиціи покорно проситъ такого-то явиться завтра, въ 11 часовъ утра въ департаментъ de la sûreté publique» ¹⁾.

— И это вы изъ-за этого ходите ночью будить людей?

— Ждутъ отвѣта.

— Кто?

— Кто-то изъ полиціи.

— Ну, скажите, что буду, да прибавьте, что глупо носить приглашенія послѣ полуночи.

Затѣмъ я, какъ Нулинъ, «свѣчку погасилъ».

На другое утро, въ 8 часовъ, снова стукъ въ дверь. Догадаться было не трудно, что это все дурачится бельгійская юстиція.

— Entrez!

¹⁾ Общественной безопасности.

Взошелъ господинъ излишне чисто одѣтый, въ очень новой шляпѣ, съ длинной цѣпочкой, толстой и на видъ золотой, въ свѣжемъ черномъ сюртукѣ и пр.

Я едва, и то отчасти, одѣтый, представлялъ самый странный контрастъ человѣку, который *долженъ* одѣваться такъ тщательно съ семи часовъ утра для того, чтобъ его, хоть ошибкой, приняли за честнаго человѣка. Авантажъ былъ съ его стороны.

— Я имѣю честь говорить avec M. Herzen-père?

— C'est selon ¹⁾, какъ возьмемъ дѣло. Съ одной стороны, я отецъ, съ другой,—сынъ.

Это развесѣлило шпиона.

— Я пришелъ къ вамъ...

— Позвольте, чтобъ сказать, что министръ юстиціи меня зоветъ въ 11 часовъ въ департаментъ?

— Точно такъ.

— Зачѣмъ же министръ васъ беспокоитъ, и притомъ такъ рано? Довольно того, что онъ меня такъ поздно беспокоилъ вчера ночью, приславши этотъ пакетъ.

— Такъ вы будете?

— Непремѣнно.

— Вы знаете дорогу?

— А что же, вамъ велѣно меня провожать?

— Помилуйте, quelle idée ²⁾

— Итакъ...

— Желаю вамъ добраго дня.

— Будьте здоровы.

Въ 11 часовъ я сидѣлъ у начальника бельгійской общественной безопасности.

Онъ держалъ какую-то тетрадку и мой паспортъ.

— Извините меня, что мы васъ побезпокоили, но видите, тутъ два небольшихъ обстоятельства: во-первыхъ, у васъ паспортъ швейцарскій, а...—онъ, съ полицейской проницательностью испытывая меня, остановилъ на мнѣ свой взглядъ.

— А я *русскій*,—добавилъ я.

— Да, признаюсь, это показалось намъ странно.

— Отчего же? развѣ въ Бельгiи нѣтъ закона о натурализаціи?

— Да вы?...

¹⁾ Это смотря по тому.

²⁾ Что за мысль!

— Натурализованъ десять лѣтъ тому назадъ въ Мора, фрейбургскаго кантона, въ деревнѣ Шатель.

— Конечно, *если такъ*, въ такомъ случаѣ я не смѣю сомнѣваться... Мы перейдемъ ко второму затрудненію. Года три тому назадъ вы спрашивали дозволенія пріѣхать въ Брюссель и получили отказъ...

— Этого, *mille pardons*¹⁾, не было и быть не могло. Какое же я имѣлъ бы мнѣніе *о свободной* Бельгіи, если-бъ я, никогда не высланный изъ нея, усомнился въ правѣ моемъ пріѣхать въ Брюссель?

Начальникъ общественной безопасности нѣсколько смутился.

— Однако, вотъ тутъ...—и онъ развернулъ тетрадь.

— Видно, не все въ ней вѣрно. Вотъ, вѣдь, вы не знали же, что я натурализованъ въ Швейцаріи.

— Такъ-съ, Консуль е. в. Дельпьеръ...²⁾

— Не безпокойтесь, остальное я вамъ расскажу. Я спрашивалъ вашего консула въ Лондонѣ, могу ли я перевести въ Брюссель русскую типографію, т.-е. оставятъ ли типографію въ покоѣ, если я не буду мѣшаться въ бельгійскія дѣла, на что у меня не было никогда никакой охоты, *какъ вы легко повѣрите*. Г. Дельпьеръ спросилъ министра. Министръ просилъ его отклонить меня отъ моего намѣренія перевести типографію. Консулу вашему было стыдно письменно сообщить министерской отвѣтъ, и онъ просилъ передать мнѣ эту вѣсть, какъ общаго знакомаго, Луи Блана. Я, благодаря Луи Блана, просилъ его успокоить г. Дельпьера и увѣрить его, что я съ большой твердостью духа узналъ, что *типографію* не пустятъ въ Брюссель, «если-бъ,—прибавилъ я,—консулу пришлось мнѣ сообщить обратное, т.-е., что меня и типографію во вѣкъ вѣковъ *не выпустятъ изъ Брюсселя*, можетъ, я не нашелъ бы столько геройства». Видите, я очень помню всѣ обстоятельства.

Охранитель общественной безопасности слегка прочистилъ голосъ и, читая тетрадку, замѣтилъ:

— Дѣйствительно, такъ, я о типографіи и не замѣтилъ. Впрочемъ, я полагаю, вамъ, все-таки, необходимо разрѣшеніе отъ министра; иначе, какъ это ни неприятно будетъ для насъ, но мы будемъ вынуждены просить васъ...

— Я завтра ѣду.

— Помилуйте, никто не требуетъ такой поспѣшности; оставьте недѣлю, двѣ. Мы говоримъ насчетъ осѣдлой жизни... Я почти увѣренъ, что министръ разрѣшитъ.

¹⁾ Тысяча извиненій.

²⁾ (Deleriette) Октавъ, бельгійскій литераторъ, генеральный консуль Бельгіи.

— Я могу его просить для будущихъ временъ, но теперь я не имѣю ни малѣйшаго желанія долше оставаться въ Брюсселѣ.

Тѣмъ исторія и кончилась.

— Я забылъ одно,—запутавшись въ объясненіи, сказалъ мнѣ опасливый хранитель безопасности:—мы малы, мы малы, вотъ наша бѣда; il y a des égards ¹⁾...—ему было стыдно.

Два года спустя, меньшая дочь моя, жившая въ Парижѣ, занемогла. Я опять потребовалъ визы, и Персиньи опять отказалъ. Въ это время графъ Ксаверій Браницкій былъ въ Лондонѣ. Обѣдая у него, я рассказалъ объ отказѣ.

— Напишите къ принцу Наполеону письмо,—сказалъ Браницкій,—я ему доставлю.

— Съ какой же стати буду я писать, принцу?

— Это—правда; пишите къ императору. Завтра я ѣду, и послѣзавтра ваше письмо будетъ въ его рукахъ.

— Это скорѣе; дайте подумать.

Пріѣхавъ домой, я написалъ слѣдующее письмо:

«Sire,

«Больше десяти лѣтъ тому назадъ я былъ вынужденъ оставить Францію, по министерскому распоряженію. Съ тѣхъ поръ мнѣ два раза былъ разрѣшенъ пріѣздъ въ Парижъ ²⁾. Впослѣдствіи мнѣ постоянно отказывали въ правѣ вѣзжать во Францію; между тѣмъ, въ Парижѣ воспитывается одна изъ моихъ дочерей, и я имѣю тамъ собственный домъ.

«Я беру смѣлость отнестись прямо къ в. в. съ просьбой о разрѣшеніи мнѣ вѣзда во Францію и пребыванія въ Парижѣ, насколько потребуютъ дѣла, и буду съ довѣріемъ и уваженіемъ ждать вашего рѣшенія.

«Во всякомъ случаѣ, Sire, я даю слово, что желаніе мое имѣть право ѣздить во Францію не имѣетъ никакой политической цѣли.

Остаюсь съ глубочайшимъ почтеніемъ
вашего величества
покорнѣйшимъ слугой, А. Г.

31 мая 1861.

Лондонъ, Орсетъ Гоузъ, Вестборнъ террасъ».

¹⁾ Есть соображенія.

²⁾ Второй разъ мнѣ былъ разрѣшенъ пріѣздъ въ Парижъ въ 1853, по случаю болѣзни М. К. Рейхель. Этотъ пропускъ я получилъ по просьбѣ Ротшильда. Болѣзнь М. К. прошла, и я имъ не воспользовался. Года черезъ два мнѣ объявили во французскомъ консульствѣ, что, такъ какъ я тогда не ѣздилъ, то пропускъ не имѣетъ большаго значенія. А. И. Г.

Браницкій нашель, что письмо *сухо*, потому, вѣроятно, и не достигнетъ цѣли. Я сказалъ ему, что другого письма не напишу и что, если онъ хочетъ сдѣлать мнѣ услугу, пусть его передастъ, а возьметъ раздумье,—пусть броситъ въ каминъ. Разговоръ этотъ былъ на желѣзной дорогѣ. Онъ уѣхалъ.

А черезъ четыре дня я получилъ слѣдующее письмо изъ французскаго посольства:

Кабинетъ
Префекта полиціи.
I бюро

«Парижъ, 3 июня 1861.

«М. Г.

«По приказанію императора, имѣю честь сообщить вамъ, что е. в. разрѣшаетъ вамъ вѣздъ во Францію и пребываніе въ Парижѣ всякій разъ, когда дѣла ваши этого требуютъ, такъ, какъ вы просили вашимъ письмомъ отъ 31 мая.

«Вы можете, слѣдственно, свободно путешествовать во всей имперіи, соображаясь съ общепринятыми формальностями.

Примите, м. г., и проч.

Префектъ полиціи».

Затѣмъ,—подпись эксцентрически вкось, которую нельзя прочесть и которая похожа на все, но не на фамилію *Boittelle*¹⁾.

Въ тотъ же день пришло письмо отъ Браницкаго. Принцъ Наполеонъ сообщилъ ему слѣдующую записку императора: «Любезный Наполеонъ, сообщаю тебѣ, что я сейчасъ разрѣшилъ вѣздъ *господину*²⁾ Герцену во Францію и приказалъ ему выдать паспортъ».

Послѣ этого — «подвысы». Шлагбаумъ, опущенный въ продолженіе одиннадцати лѣтъ, поднялся, и я отправился черезъ мѣсяць въ Парижъ.

II.

*Intra muros*³⁾.

— «Maame Erstin!» — кричалъ мрачный съ огромными усами жандармъ въ Калэ, возлѣ рогатки, черезъ которую должны были проходить во Францію одинъ за однимъ путешественники, только-

¹⁾ Симфоріанъ.

²⁾ Я отмѣтилъ слово *господинъ*, потому что при моей высылкѣ префектура постоянно писала «*sieur*», а Наполеонъ въ запискѣ написалъ слово «*monsieur*» всѣми буквами. А. И. Г.

³⁾ Внутри стѣнъ.

что сошедшіе на берегъ съ дуврскаго парохода и заглаженные въ каменный сарай таможенными и другими надзирателями. Путешественники подходили, жандармъ отдавалъ пассы, комиссаръ полиціи допрашивалъ глазами, а гдѣ находилъ нужнымъ, языкомъ,—и одобренный и найденный безопаснымъ для имперіи терялся за рогаткой.

На крикъ жандарма въ этотъ разъ никто изъ путешественниковъ не двинулся.

— «Mame Ogle Erstin!»—кричалъ, прибавляя голоса и махая паспортомъ, жандармъ. Никто не откликнулся.

— Да что же, никого, что ли, нѣтъ съ этимъ именемъ?!—кричалъ жандармъ и, посмотрѣвъ въ бумагу, прибавилъ: Mamselle Ogle Erstin!

Тутъ только дѣвочка лѣтъ десяти, т.-е. моя дочь Ольга, догадалась, что защитникъ порядка вызывалъ ее съ такимъ неистовствомъ.

— Avancez donc, prenez vos papiers! ¹⁾—свирѣпо командовалъ жандармъ.

Ольга взяла пассъ и, прижавшись къ М. ²⁾, потихоньку спросила ее:

— Est-ce que c'est l'empereur? ³⁾

Это было съ ней въ 1860 году, а со мной случилось черезъ годъ еще хуже, и нѣ у рогатки въ Калэ (уже не существующей теперь), а *вездѣ*: въ вагонѣ, на улицѣ, въ Парижѣ, въ провинціи, въ домѣ, во снѣ, наяву, — вездѣ стоялъ передо мной самъ императоръ съ длинными усами, засмоленными въ ниточку, съ глазами безъ взгляда, со ртомъ безъ словъ. Не только жандармы, которые по положенію своему немного императоры, мерещились мнѣ Наполеонами, но солдаты, сидѣльцы, гарсоны и особенно кондуктора желѣзныхъ дорогъ и omnibusовъ. Я только тутъ, въ Парижѣ 1861 г., передъ тѣмъ же Hôtel de Ville'мъ, передъ которымъ я стоялъ полный уваженія въ 1847 году, передъ той же Notre-Dame, на Елисейскихъ поляхъ и бульварахъ, понялъ псаломъ, въ которомъ: царь Давидъ съ льстивымъ отчаяніемъ жалуется. Іеговѣ, что онъ не можетъ никуда дѣться отъ него, никуда бѣжать: «Въ воду, говоритъ,— ты тамъ, въ землю — ты тамъ, на небо—и подавно». Шель ли я обѣдать въ Maison Dorée,—Наполеонъ, въ одной изъ своихъ ипостасей, обѣдалъ черезъ столъ и спрашивалъ трюфеля въ салфеткѣ;

¹⁾ Пройдите же, возьмите ваши бумаги!

²⁾ Мейзенбургъ.

³⁾ Это императоръ?

отправлялся ли я въ театрѣ, — онъ сидѣлъ въ томъ же ряду, да еще другой ходилъ на сценѣ. Бѣжалъ ли я отъ него за городъ, — онъ шелъ по пятамъ дальше Булонскаго лѣса, въ сюртукѣ, плотно застегнутомъ, въ усахъ съ круто нафабранными кончиками. Гдѣ же его итъ? На балу въ Мабиль? На обѣднѣ въ Мадленъ? Непременно тамъ и тутъ.

La révolution s'est fait homme. «Революція воплотилась въ человѣкѣ» — была одна изъ любимыхъ фразъ доктринерскаго жаргона временъ Тьера и либеральныхъ историковъ луи-филипповскихъ временъ. А тутъ похитрѣ: «революція и реакція», порядокъ и безпорядокъ, *опередъ* и *назадъ* воплотились въ одномъ человѣкѣ, и этотъ человѣкъ, въ свою очередь, перевоплотился во всю администрацію, отъ министровъ до сельскихъ сторожей, отъ сенаторовъ до деревенскихъ мэровъ... разсыпался пѣхотой, поплылъ флотомъ.

Человѣкъ этотъ не поэтъ, не пророкъ, не побѣдитель, не эксцентричность, не гений, не талантъ, а холодный, молчаливый, угрюмый, некрасивый, расцѣтливый, настойчивый, прозаическій господинъ «среднихъ лѣтъ, ни толстый, ни худой». Le bourgeois буржуазной Франціи, l'homme du destin, le neveu du grand homme ¹⁾, плебей. Онъ уничтожаетъ, осредотворяетъ въ себѣ всѣ рѣзкія стороны національнаго характера и всѣ стремленія народа, какъ вершинная точка горы или пирамиды оканчиваетъ цѣлую гору *ничѣмъ*.

Въ 49, въ 50 годахъ я не угадалъ Наполеона III. Увлекаемый демократической риторикой, я дурно его оцѣнилъ. 1861 годъ былъ одинъ изъ самыхъ лучшихъ для имперіи: все обстояло благополучно, все уравнилось, примирилось, покорилось новому порядку. Оппозицій и смѣлыхъ мыслей было ровно настолько, насколько надобно для тѣни и слегка прянаго вкуса. Лабулэ ²⁾ очень умно хвалилъ Нью-Йоркъ въ пику Парижу, Прево Парадоль ³⁾ — Австрію въ пику Франціи. По дѣлу Миреса дѣлали анонимные намеки. Папу было дозволено исподволь ругать, польскому движенію — слегка сочувствовать. Были кружки, собиравшіеся пофрондерствовать, какъ, бывало, мы собирались въ Москвѣ въ сороковыхъ годахъ у кого-нибудь изъ старыхъ пріятелей. Были даже свои недозвольныя знаменитоети, въ родѣ статскихъ Ермоловыхъ, какъ Гизо. Остальное все было прибито градомъ. И никто не жаловался;

¹⁾ Буржуа, человѣкъ, отмѣченный рокомъ, племянникъ великаго человѣка.

²⁾ Эдуардъ-Рене Лефевръ, франц. юристъ и писатель; авторъ известной книги «Парижъ въ Америкѣ».

³⁾ Люсьенъ-Анатоль.

отдыхъ еще нравился такъ, какъ нравится первая недѣля поста съ своимъ хрѣномъ да капустой послѣ семидневнаго масла и пьянства на масляницѣ. Кому постное было не по вкусу, того трудно было видѣть: онъ исчезалъ на короткое или долгое время и возвращался съ исправленнымъ вкусомъ изъ Ламбессы или изъ Мазаса. Полиція, *la grande police* ¹⁾, замѣнившая *la grande armée* ²⁾, была вездѣ во всякое время. Въ литературѣ—плоскій штиль; плохіе лодочники плавали спокойно на плохихъ лодкахъ по нѣкогда бурному морю. Пошлость пьесъ, даваемыхъ на всѣхъ сценахъ, навела къ ночи тяжелую сонливость, которая утромъ поддерживалась бессмысленными журналами. Журналистика въ прежнемъ смыслѣ не существовала. Главные органы представляли не интересы, а фирмы. Послѣ *leading article* ³⁾ лондонскихъ газетъ, писанныхъ сжатымъ, дѣловымъ слогомъ, съ «нервомъ», какъ говорятъ французы, и «мышцами», *premiers-Paris* ⁴⁾ нельзя было читать. Историческія декораціи, полинялыя и потертыя, и тѣ же возгласы, сдѣлавшіяся больше, чѣмъ смѣшными,—гадкими по явному противорѣчію съ фактами, замѣняли содержаніе. Страждущія народности постоянно приглашались попрежнему надѣяться на Францію: она, все-таки, оставалась «во главѣ великаго движенія» и все еще несла міру революцію, свободу и великіе принципы 1789 года. Оппозиція дѣлалась подъ знаменемъ бонапартизма. Это были нюансы одного и того же цвѣта, но ихъ можно было означать въ томъ родѣ, какъ моряки означаютъ промежуточные вѣтры: N. N. W., N. W. N., N. W. W., W. N. W... Бонапартизмъ отчаянный, бѣснующійся, умѣренный, бонапартизмъ монархическій, бонапартизмъ республиканскій, демократическій и социальный; бонапартизмъ мирный, военный, революціонный, консервативный, наконецъ, пале-рояльскій и тюльерійскій... Вечеромъ поздно бѣгали по редакціямъ какіе-то господа, ставившіе на мѣсто стрѣлку газетъ, если она гдѣ уходила далеко за N. къ W. или E. Они повѣряли время по хронометру префектуры, вымарывали, прибавляли и торопились въ слѣдующую редакцію.

...Въ *café*, читая вечерній журналъ, въ которомъ было написано, что адвокатъ Миреса отказался указать какое-то употребленіе суммъ, говоря, что тутъ замѣшаны «слишкомъ высоко поставленныя лица», я сказалъ кому-то изъ знакомыхъ: «Да какъ же

¹⁾ Всемогущая полиція.

²⁾ Великую армію.

³⁾ Передовой статьи.

⁴⁾ Передовыя статьи парижской прессы.

прокуроръ не заставилъ его назва гь, и какъ же не требуютъ этого журналы?». Знакомый дернулъ меня за пальто, оглядѣлся, сдѣлалъ знакъ глазами, руками, тростью. Я не даромъ жилъ въ Петербургѣ: понялъ его и сталъ разсуждать объ абсентѣ съ сельтерской водой.

Выходя изъ кафэ, я увидѣлъ крошечнаго человѣка, бѣгущаго на меня съ крошечными объятіями. На близкомъ разстояніи я разглядѣлъ Даримона.

— Какъ вы должны быть счастливы!—говорилъ лѣвый депутатъ, возвратившись въ Парижъ.—Ah! je m'imaginel ¹⁾

— Не то, чтобъ особенно!

Даримонъ остолбенѣлъ.

— Ну, что madame Darimon и вашъ маленькій, который, вѣрно, теперь вашъ большой, особенно, если онъ не беретъ въ ростъ примѣра съ отца?

— — Toujours le même, ха, ха, ха, très-bien ²⁾, — и мы разстались.

Тяжело мнѣ было въ Парижѣ и я только свободно вздохнулъ, когда черезъ мѣсяцъ, сквозь дождь и туманъ, опять увидѣлъ грязно-бѣлые мѣловые берега Англии. Все, что жало, какъ узкіе башмаки, при Людовикѣ-Филлиппѣ, жало теперь, какъ колодка. Промежуточныхъ явленій, которыми упрочивался и прилаживался новый порядокъ, я не видалъ, а нашелъ его черезъ десять лѣтъ совершенно *готовымъ и сложившимся*... Къ тому же я Парижъ не узнавалъ, мнѣ были чужды его перестроенныя улицы, недостроенные дворцы и пуше всего—встрѣчавшіеся люди. Это не тотъ Парижъ, который я любилъ и ненавидѣлъ, не тотъ, въ который я стремился съ дѣтства, не тотъ, который покидалъ съ проклятіемъ на губахъ. Это—Парижъ, утратившій свою личность, равнодушный, откипѣвшій. Сильная рука давила его вездѣ и всякую минуту готова была притянуть вожжи, но это было ненужно: Парижъ *принялъ tout de bon* ³⁾ вторую имперію, у него едѣва оставались наружныя привычки прежняго времени. У «недовольныхъ» ничего не было серьезнаго и сильнаго, что бы они могли противопоставить имперіи. Воспоминанія тацитовскихъ республиканцевъ и неопредѣленные идеалы социалистовъ не могли потрясти цезарскій тронъ. Съ «фантазіями» *надзоръ полиціи* боролся не серьезно; онъ его сердили не какъ опасность, а какъ безпорядокъ и безчинство.

¹⁾ А! воображаю!

²⁾ Все тотъ-же... отлично!

³⁾ Вполнѣ искренно.

«Воспоминанія» досаждали больше «надеждъ», орлеанистовъ держали строже. Иногда самодержавная полиція нежданно раздражалась ударомъ, несправедливымъ и грубымъ, грозно напоминая о себѣ; она нарочно распространяла ужасъ на два квартала и на два мѣсяца, и снова уходила въ щели префектуры и коридоры министерскихъ домовъ.

Въ сущности, все было тихо. Два самыхъ сильныхъ протеста были не французскіе: покушеніями Піонери и Орсини ¹⁾ мстила Италия, мстилъ Римъ. Дѣло Орсини, испугавшее Наполеона, было принято за достаточный предлогъ, чтобъ нанести послѣдній ударъ, coup de grâce. Онъ удался. Страна, которая вынесла законы о подозрительныхъ людяхъ Эспинаса ²⁾, дала свой залогъ. Надобно было испугать, показать, что полиція ни передъ чѣмъ не остановится, надобно было сломить всякое понятіе о правѣ, о человѣческомъ достоинствѣ, надобно было несправедливостью поразить умы, приучить къ ней и доказать свою власть. Очистивъ Парижъ отъ *подозрительныхъ* людей, Эспинасъ приказалъ префектамъ въ *каждомъ* департаментѣ открыть заговоръ, замѣшать въ него не меньше десяти челоуѣкъ заявленныхъ враговъ имперіи, арестовать ихъ и представить на распоряженіе министра. Министръ имѣлъ право ссылать въ Кайенну, Ламбессу безъ слѣдствія, безъ отчета и отвѣтственности. Челоуѣкъ сосланный погибалъ: ни оправданія; ни протеста не могло и быть; онъ не былъ судимъ, — могла быть одна монаршая милость. «Получаю это приказаніе», рассказывалъ префектъ Н. нашему поэту Ф. Т. ³⁾, «что тутъ дѣлать? Ломалъ себѣ голову, ломалъ... положеніе затруднительное и непріятное; наконецъ, мнѣ пришла счастливая мысль, какъ вывернуться. Я посылаю за комиссаромъ полиціи и говорю ему: можете вы въ самомъ скоромъ времени найти мнѣ десятокъ отчаянныхъ негодяевъ, воровъ, не уличенныхъ по суду и т. п.? Комиссаръ говоритъ, что ничего нѣтъ легче. Ну, такъ составьте списокъ; мы ихъ нынче ночью арестуемъ и потомъ представимъ министру, какъ возмутителей». — Ну, что же? спросилъ Т. «Мы ихъ представили, министръ ихъ отправилъ въ Кайенну, и весь департаментъ былъ доволенъ, благодарилъ меня, что такъ легко отдѣлался отъ мошенниковъ», — прибавилъ добрый префектъ, смѣясь.

¹⁾ 1855 (апрѣль) и 1858 гг.; было еще одно — Белламара, въ 1855 (сентябрь).

²⁾ Эспри-Шарль, франц. генералъ, министръ вн. дѣлъ послѣ покушенія Орсини, авторъ закона о безопасности, диктовавшаго терроръ, приведшій къ общему неудовольствію и кончившійся отставкой министра.

³⁾ Тютчевъ.

Правительство прежде устало итти путями террора и насилія, чѣмъ публика и общественное мнѣніе. Времена тишины, покоя, de la sécurité ¹⁾ наступали не по днямъ, а по часамъ. Мало-по-малу разгладились морщины на челѣ полиціи; дерзкій, вызывающій взглядъ шпіона, свирѣпый видъ sergent de ville ²⁾ стали смягчаться; императоръ мечталъ о разныхъ умныхъ и кроткихъ свободахъ и децентрализаціяхъ. Неподкупные въ усердіи министры удерживали его либеральную горячность.

...Съ 1861 двери были отворены, и я пробѣжалъ нѣсколько разъ Парижемъ. Сначала я торопился поскорѣе уѣхать, потомъ и это прошло, я привыкъ къ новому Парижу. Онъ меньше сердилъ. Это былъ другой городъ, огромный, незнакомый. Умственное движеніе, наука, отодвинутыя за Сѣну, не были видны; политическая жизнь не была слышна. Свои «расширенныя свободы» Наполеонъ далъ; беззубая оппозиція подняла свою лысую голову и затянула старую фразеологію сороковыхъ годовъ; работники не вѣрили имъ, молчали и слабо пробовали ассоціаціи и коопераціи. Парижъ становился больше и больше общимъ европейскимъ рынкомъ, въ которомъ толпилось, толкалось все на свѣтѣ: купцы, пѣвцы, банкиры, дипломаты, аристократы, артисты всѣхъ странъ и невиданная въ прежнія времена масса нѣмцевъ. Вкусъ, тонъ, выраженія, — все измѣнилось. Блестящая, тяжелая роскошь, металлическая, золотая, цѣнная, замѣнила прежнее эстетическое чувство; въ мелочахъ и одеждѣ хвастались не выборомъ, не умѣніемъ, а дороговизной, возможностью тратъ и безпрерывно толковали о наживѣ, объ игрѣ въ карты, мѣста, фонды. Лоретки давали тонъ дамамъ. Женское образованіе пало на степень прежняго итальянскаго.

— L'empire, l'empire... вотъ гдѣ зло, вотъ гдѣ бѣда... Нѣтъ, причина глубже. «Sire, vous avez un cancer rentré» ³⁾, говоритъ Антоммарки ⁴⁾. — Un Waterloo rentré ⁵⁾, отвѣчаетъ Наполеонъ. А гутъ двѣ-три революціи rentrées, avortées, внутрь взошедшія, недоношенныя и выкинутыя.

Оттого ли Франція не донашиваетъ, что она слишкомъ рано слишкомъ поспѣшно попала въ интересное положеніе и хотѣла отдѣлаться отъ него кесаревымъ сѣченіемъ? оттого ли, что духъ хватилъ на рубку головъ, а на рубку идей не достало? оттого ли,

¹⁾ Безопасность.

²⁾ Городового.

³⁾ Государь, у васъ внутри ракъ.

⁴⁾ Франческо, врачъ Наполеона I на о. Елены.

⁵⁾ Во мнѣ сидитъ Ватерлоо.

что изъ революціи сдѣлали армію и право человѣка покропили святой водой? оттого ли, что масса была покрыта тьмой, и революція дѣлалась не для крестьянъ?

III.

Alpendrücken ¹⁾.

Да здравствуетъ свѣтъ!
Да здравствуетъ разумъ! ²⁾

Русскіе, не имѣя вблизи горъ, просто говорятъ, что «домовой душилъ». Оно, пожалуй, вѣрнѣе. Дѣйствительно, словно, кто-то душитъ, сонъ не ясенъ, но очень страшенъ, дыханье трудно, а дышать надобно вдвое, пульсъ поднять, сердце ударяетъ тяжело и скоро... За вами гнались, гонятся по пятамъ не то люди, не то привидѣнія, передъ вами мелькаютъ забытые образы, напоминающіе другіе годы и возрасты... тутъ какія-то пропасти, обрывы, скользнула нога, — спасенія нѣтъ, вы летите въ темную пустоту, крикъ вырывается неволью, — и вы проснулись... проснулись въ лихорадкѣ, потъ на лбу, дыханье сперто... Вы торопитесь къ окну... Свѣжій свѣтлый разсвѣтъ на дворѣ, вѣтеръ осаживаетъ въ одну сторону туманъ, запахъ травы, лѣса, звуки и крики... все *наше* земное... и вы, успокоенные, пьете всѣми легкими утренній воздухъ.

...Меня на-дняхъ душилъ домовой не во снѣ, а на яву, не въ постели, а въ книгѣ, и когда я вырвался изъ нея на свѣтъ, я чуть не вскрикнулъ: «Да здравствуетъ разумъ! нашъ простой, земной разумъ!».

Старикъ Пьеръ Леру, котораго я привыкъ любить и уважать мнѣтъ тридцать, принесъ мнѣ свое послѣднее сочиненіе и просилъ непременно прочесть его, «хоть текстъ, а примѣчанія послѣ, когда-нибудь».

«*Книга Іова*, трагедія въ пяти дѣйствіяхъ, *сочиненная* Исаіей и переведенная Пьеромъ Леру», и не только переведенная, но прилаженная къ современнымъ вопросамъ.

Я прочелъ *весь* текстъ и, подавленный печалью, ужасомъ, искалъ окна.

Что же это такое?

¹⁾ Кошмаръ.

²⁾ Неточная цитата изъ «Вакхической пѣсни» Пушкина: «Да здравствуетъ разумъ! Да скроется тьма!».

Какіе антецеденты могли развить такой мозгъ, такую книгу? Гдѣ отечество этого человѣка и что за судьбы и страны и лица? Такъ сойти можно только *съ большою ума*; это—заключеніе длиннаго и сломленнаго развитія.

Книга эта — бредъ поэта-лунатика, у котораго въ памяти остались факты и строй, упованія и образы, но смысла не осталось; у котораго сохранились чувства, воспоминаній, формы, но *разумъ* не сохранился или, если и уцѣлѣлъ, то для того, чтобы итти вспять, распускаясь на свои элементы, переходя изъ мыслей въ фантазіи, изъ истинъ въ мистеріи, изъ выводовъ въ миѡы, изъ знанія въ откровеніе.

Дальше итти нельзя, дальше каталептическое состояніе,—опьянѣніе Пиеіи, шамана, дурь вертящагося дервиша, дурь вертящихся столовъ...

Революція и чародѣйство, социализмъ и талмудъ, Іовъ и Ж. Сандъ, Исаія и Сень-Симонъ, 1789 годъ до Р. Х. и 1789 послѣ Р. Х.,—все брошено зря въ кабалистическій горнъ. Что же могло выйти изъ этихъ натянутыхъ, враждебныхъ совокупленій? Человѣкъ захворалъ отъ этой неперевариваемой пищи, онъ потерялъ здоровое чувство истины, любовь и уваженіе къ разуму. Гдѣ же причина, отбросившая такъ далеко отъ русла этого старика, нѣкогда стоявшаго въ числѣ главъ социальнаго движенія, полнаго энергіи и любви, — человѣка, котораго рѣчь, проникнутая негодованіемъ и сочувствіемъ къ меньшей братіи, потрясала сердца? Я это время помню. «Петръ Рыжій», какъ называли мы его въ сороковыхъ годахъ, «становится моимъ Христомъ», писалъ мнѣ всегда увлекавшійся черезъ край Бѣлинскій, — и вотъ этотъ-то учитель, этотъ живой, будящій голосъ послѣ пятнадцатилѣтняго удаленія въ Джерси ¹⁾, является съ «Grève de Samarez» ²⁾ и съ книгой Іова, проповѣдуетъ какое-то переселеніе душъ, ищетъ развязки на томъ свѣтѣ, въ *этомъ не впритѣ* больше. Франція, революція обманули его; онъ скинии свои разбиваетъ въ другомъ мірѣ, въ которомъ нѣтъ обмана, да и ничего нѣтъ, въ силу чего большой просторъ для фантазіи.

Можетъ, это—личная болѣзнь, идіосинкразія? Ньютонъ имѣлъ свою книгу Іова, Огюсть Контъ—свое помѣшательство.

Можетъ... но что сказать, когда вы берете другую, третью французскую книгу, — все книга Іова, все мутитъ умъ и давитъ

¹⁾ Островокъ между Англіей и Франціей, излюбленное мѣстопребываніе франц. изгнанниковъ въ эпоху наполеоновской реакціи—П. Леру, В. Гюго.

²⁾ Философская поэма Пьера Леру.

грудь, все заставляет искать свѣта и воздуха, все носить слѣды душевной тревоги и недуга, чего-то сбившагося съ пути. Врядъ можно ли въ этомъ случаѣ многое объяснить личнымъ безуміемъ; напротивъ, надобно искать въ общемъ разстройствѣ причину частнаго явленія. Я именно въ полнѣйшихъ представителяхъ французскаго генія вижу слѣды недуга.

Гиганты эти потерялись, заснули тяжелымъ сномъ; въ долгомъ лихорадочномъ ожиданіи, усталые отъ горечи дня и отъ жгучаго нетерпѣнія, они бредятъ въ какомъ-то полуснѣ и хотятъ насъ и самихъ себя увѣрить, что ихъ видѣнія—дѣйствительность, и что настоящая жизнь—дурной сонъ, который сейчасъ пройдетъ, особенно для Франціи.

Неистощимое богатство ихъ длинной цивилизаціи, колоссальные запасы *словъ* и образовъ мерцаютъ въ ихъ мозгу, какъ фосфоресценція моря, не освѣщая ничего. Какой-то вихрь, подметающій передъ начинающимся катаклизмомъ осколки двухъ-трехъ міровъ, снесъ ихъ въ эти исполинскія памяти безъ цемента, безъ науки. Процессъ, которымъ развивается ихъ мысль, для насъ непонятенъ; они идутъ отъ словъ къ словамъ, отъ антиномій къ антиноміямъ, отъ антитезисовъ къ синтезисамъ, не разрѣшающимъ ихъ; іероглифъ принимается за дѣло, и желаніе—за фактъ. Громадныя стремленія безъ возможныхъ средствъ и ясныхъ цѣлей, недоконченныя очертанія, недодуманныя мысли, намеки, сближенія, прорицанія, ориаменты, фрески, арабески.. Ясной связи, которой хвалилась прежняя Франція, у нихъ нѣтъ, истины они не ищутъ; она такъ страшна на дѣлѣ, что они отворачиваются отъ нея. Романтизмъ ложный и натянутый, напыщенная и дутая риторика отучили вкусъ отъ всего простаго и здороваго.

Размѣры потеряны, перспективы ложны...

Да еще хорошо, когда дѣло идетъ о путешествіяхъ душъ по планетамъ, объ ангельскихъ хуторахъ Жана Рено, о разговорѣ Іова съ Прудономъ и Прудона съ мертвой женщиной; хорошо еще, когда изъ цѣлой тысячи и одной ночи челоуѣчества дѣлается одна сказка, и Шекспиръ изъ любви и уваженія заваливается пирамидами и обелисками, Олимпомъ и библіей, Ассиріей и Ниневіей. Но что сказать, когда все это врывается въ жизнь, отводитъ глаза и мѣшаетъ карты для того, чтобъ ими ворожить о «близкомъ счастьи и исполненіи желаній» на краю пропасти и позора? Что сказать, когда блескомъ прошедшей славы заштукатуриваютъ гнилыя раны и сифилитическія пятна на повислыхъ щекахъ выдають за румянецъ юноши?

Передъ падшимъ Парижемъ, въ самую не жалкую минуту его

паденія, когда онъ, довольный богатой дивреей и щедростью постороннихъ помѣщиковъ, бражничаеть на всемірномъ толкунѣ, поверженъ въ прахѣ старикъ-поэтъ. Онъ привѣтствуетъ Парижъ путеводной звѣздой человѣчества, сердцемъ міра, мозгомъ исторіи, онъ увѣряетъ его, что базаръ на Champ de Mars ³⁾—починъ братства народовъ и примиренія вселенной.

Пьянить похвалами поколѣніе, измельчавшее, ничтожное, самодовольное и кичливое, падкое на лесть и избалованное, поддерживать гордость пустыхъ и выродившихся сыновей и внучатъ, покрывая одобреніемъ генія ихъ жалкое, бессмысленное существованіе,—великій грѣхъ.

Дѣлать изъ современнаго Парижа *спасителя и освободителя міра*, увѣрять его, что онъ великъ въ своемъ паденіи, что онъ, въ сущности, вовсе не падалъ,—сбиваетъ на апопееозъ *божественнаю* Нерона и *божественнаю* Калигулы или Каракаллы.

Разница въ томъ, что Сенеки и Ульпіаны были въ силѣ и власти, а В. Гюго—въ ссылкѣ.

Рядомъ съ лестью васъ поражаетъ неопредѣленность понятій, смутность стремленій, нѣзрѣлость идеаловъ. Люди, идущіе впередъ, ведущіе другихъ, остаются въ полумракѣ, безъ тоски о свѣтѣ. Толки о преображеніи человѣчества, о пресозданіи существующаго... но о какомъ, но во что?

Это равно не ясно ни *на томъ свѣтѣ* Пьера Леру, ни *на этомъ* Виктора Гюго.

«Въ XX столѣтіи будетъ чрезвычайная страна. Она будетъ велика, и это не помѣшаетъ ей быть свободной. Она будетъ знаменита, богата, глубокомысленна, мирна, сердечна ко всему остальному человѣчеству. Она будетъ имѣть кроткую доблесть старшей сестры.

«Эта центральная страна, изъ которой все лучится, эта образцовая ферма человѣчества, по которой все кроится, имѣетъ свое сердце, свой мозгъ, называемый *Парижъ*».

«Городъ этотъ имѣетъ одно неудобство: кто имъ владѣетъ, тому принадлежитъ міръ. Человѣчество идетъ за нимъ. Парижъ работаетъ для общности земной. Кто бы ты ни былъ, Парижъ—твой господинъ... онъ иногда ошибается, имѣетъ свои оптическіе обманы, свой дурной вкусъ... *тѣмъ хуже* для всемірнаго смысла, компасъ потерянь и прогрессъ идетъ ощупью.

«Но Парижъ настоящій *кажется* не таковъ. Я не вѣрю въ этотъ Парижъ, это—призракъ, а, впрочемъ, небольшая проходящая тѣнь не идетъ въ счетъ, когда ѣло идетъ объ огромной утренней зарѣ».

¹⁾ Марсово поле.

Одни дикіе боятса за солнце во время затменій.

«Парижъ—зажженный факелъ; зажженный факелъ имѣеть волю... Парижъ изгоняетъ изъ себя все нечистое, онъ *уничтожилъ* смертную казнь, насколько это было въ его волѣ, и перенесъ гильотину въ la Roquette ¹⁾. Въ Лондонѣ вѣшаютъ, гильотинировать въ Парижѣ нельзя больше; если-бъ вздумали снова поставить гильотину передъ ратушей, камни возстали бы. Убивать въ этой средѣ невозможно. Остается поставить внѣ закона что поставлено внѣ города!

«1866 былъ годомъ столкновенія народовъ, 1867 будетъ годомъ ихъ встрѣчъ. Выставка въ Парижѣ—великій соборъ міра; всѣ препятствія, тормазы, палки въ колесахъ прогресса сломятса въ куски, разлетятса въ прахъ... Война невозможна... Зачѣмъ выставили страшныя пушки и другіе военные снаряды?.. Развѣ мы не знаемъ, что войча умерла? Она умерла въ тотъ день, когда Іисусъ сказалъ: «Любите другъ друга!», и бродила только, какъ привидѣніе; Вольтеръ и революція убили ее еще разъ. Мы не вѣримъ въ войну. Всѣ народы побратались на выставкѣ, всѣ народы, притекши въ Парижъ, побывали Франціей (ils viennent être France); они узнали, что есть городъ-солнце... и должны любить его, желать его, выносить его!»

И въ полномъ умиленіи передъ народомъ, который *испаряется братствомъ*, котораго свобода—свидѣтельство совершенности челоѣческаго рода, Гюго восклицаетъ: «О, Франція! прощай! Ты слишкомъ велика, чтобъ быть отечествомъ; съ матерью, сдѣлавшейся богиней, слѣдуетъ разстаться. Еще шагъ во времени, и ты исчезнешь преображенная; ты такъ велика, что скоро тебя не будетъ! Ты не будешь Франціей, ты будешь челоѣчествомъ. Ты не будешь страной, ты будешь повсюдностью. Ты назначена изойти лучами... Рѣшишь принять бремя твоей безконечности и, какъ Авины сдѣлались Греціей, Римъ—христіанствомъ, сдѣлайся ты, Франція, міромъ!..»

Когда я читалъ эти строки, передо мной лежала газета, и въ ней какой-то простодушный корреспондентъ писалъ слѣдующее: «То, что теперь творится въ Парижѣ, необыкновенно занимательно, и не только для современниковъ, но и для будущиъ поколѣній. Толпы, собравшіяся на выставку, кутятъ... всѣ границы перейдены, оргія вездѣ, въ трактирахъ и домахъ, пуще всего на самой выставкѣ. Приѣздъ царей окончательно опьянилъ всѣхъ. Парижъ представляетъ какую-то колоссальную *descente de la cour-tille* ²⁾).

¹⁾ Тюрьма въ Парижѣ, гдѣ съ 1851 г. казнили преступниковъ.

²⁾ Уличныя вакханаліи, устраиваемыя парижанами въ среду на первой недѣлѣ великаго поста.

«Вчера (10 іюня) это опьянѣніе дошло до своего апогея. Пока вѣнценосцы пировали во дворцѣ, выдавшемъ такъ много на своемъ вѣку, толпы наполняли окольныя улицы и мѣста. По набережной, на улицахъ Риволи, Кастиліонъ, Сентъ-Оноре пировали на свой манеръ до трехсотъ тысячъ человекъ. Отъ Мадлены до théâtre des Variétés шла самая растрепанная и нецеремонная оргія; большія открытыя линейки, импровизированные омнибусы и шарабаны, заложенные изнуренными, измученными клячами, едва-едва двигались по бульварамъ въ сплошномъ множествѣ головъ и головъ. Линейки эти, въ свою очередь, были биткомъ набиты, въ нихъ стояли, сидѣли, больше всего лежали растянувшись мужчины и женщины во всевозможныхъ позахъ съ бутылками въ рукахъ; они съ хохотомъ и пѣснями переговаривались съ пѣшей толпой; шумъ и крикъ неслись имъ навстрѣчу изъ кафэ и ресторановъ совершенно полныхъ; иногда крикъ и пѣсни смѣнялись дикимъ ругательствомъ фіакрнаго извозчика или дружеской ссорой подпившихъ... На углахъ, въ переулкахъ валялись мертво-пьяные; сама полиція, казалось, отступила за невозможностью что-нибудь сдѣлать. «Никогда, пишетъ корреспондентъ, я не видалъ ничего подобнаго въ Парижѣ, а живу въ немъ лѣтъ двадцать».

Это на улицѣ, «въ канавѣ», какъ выражаются французы, а что внутри дворцовъ, освѣщенныхъ болѣе, чѣмъ десятью тысячами свѣчей.. что дѣлалось на праздникахъ, на которые тратилось по милліону франковъ?

«Съ бала, даннаго городомъ въ Hôtel de Ville, государи уѣхали около двухъ часовъ;—это повѣствуетъ офіціальныи исторіографъ 'императорскихъ увеселеній,—кареты не могли во-время ни пріѣхать, ни отвезти восемь тысячъ человекъ. Часы шли за часами, усталъ овладѣла гостями, дамы сѣли на ступеняхъ лѣстницы, другія просто легли въ залахъ на ковры и заснули у ногъ лакеевъ и huissiers ¹⁾, кавалеры шагали за нихъ, цѣпляясь за кружева и, уборы. Когда мало-по-малу расчистилось мѣсто, ковровъ было не видно, все было покрыто завялыми цвѣтами, раздавленными бусами, лоскутьями блондъ и кружевъ, тюля, кисей, оторванныхъ эфесами, саблями, шитьемъ, царапавшимъ плечи», и пр.

А за кулисами шпіоны били кулаками, ловили, выдавали за воровъ людей, кричавшихъ «Vive la Pologne!», и судъ въ двухъ инстанціяхъ осудилъ ихъ же на тюрьму за *препятствіе* шпіонамъ безнаказанно, безформенно арестовывать ихъ съ зуботычинами.

Я нарочно помянулъ однѣ *мелочи*: микроскопическая ана-

¹⁾ Сторожей.

томія легче дасть понятіе о разложеніи ткани, чѣмъ отрѣзанный ломоть трупа...

IV.

Даніилы.

Въ іюльскіе дни 1848 года, послѣ перваго террора и ошеломленія побѣдителей и побѣжденныхъ, явился представителемъ *уризенія совѣсти* угрюмый и худой старикъ. Мрачными словами заклеимилъ онъ и проклялъ людей «порядка», разстрѣливавшихъ сотнями, не спрося имени, ссылавшихъ тысячами безъ суда и державшихъ Парижъ въ осадномъ положеніи. Окончивъ анаѣму, онъ обернулся къ народу и сказалъ ему: «А ты молчи, ты слишкомъ бѣденъ, чтобъ тебѣ имѣть рѣчь».

Это былъ Ламеннэ. Его чуть не схватили, но испугались его сѣдинъ, его морщинъ, его глазъ, на которыхъ дрожала старая слеза, и на которыхъ скоро ничего дрожать не будетъ.

Слова Ламеннэ прошли безслѣдно.

Черезъ двадцать лѣтъ другіе угрюмые старики явились съ своимъ суровымъ словомъ, и ихъ голосъ погибъ въ пустынѣ.

Они не вѣрили въ силу своихъ словъ, но сердце не выдержало. Не сговариваясь въ своихъ ссылкахъ и удаленіяхъ, эти величественныя судьи и Даніилы произнесли свой приговоръ, зная, что онъ не будетъ исполненъ.

Они, на горе себѣ, поняли, что это «ничтожное облако, мѣшающее величественному разсвѣту», не такъ ничтожно; что эта историческая мигрень, это похмелье послѣ революціи не такъ-то скоро пройдутъ, и сказали это.

«Въ худшія времена древняго цезаризма,—говорилъ Эдгаръ Кинэ на конгрессѣ въ Женевѣ,—когда все было нѣмо, за исключеніемъ владыки, находились люди, оставлявшіе свои пустыни для того, чтобъ произнести нѣсколько словъ правды въ глаза падшимъ народамъ.

«Шестнадцать лѣтъ живу я въ пустынѣ и хотѣлъ бы, въ свою очередь, прервать мертвое молчаніе, къ которому привыкли въ наше время».

Какую же вѣсть принесъ онъ съ своихъ горъ и во имя чего поднялъ рѣчь? Онъ ее поднялъ для того, чтобъ сказать своимъ соотечественникамъ (французъ, о чемъ бы ни говорилъ, говоритъ всегда о Франціи): «У васъ нѣтъ совѣсти... она умерла, раздавленная пятою сильнаго, она отрелась отъ себя. Шестнадцать лѣтъ искалъ я слѣдовъ ея и не нашелъ!».

«То же было при цезаряхъ въ древнемъ мірѣ. Душа человѣческая исчезла. Народы помогали своему порабоженію, рукоплескали ему, не показывая ни сожалѣнія, ни раскаянія. Совѣсть человѣческая, исчезая, оставила какую-то пустоту, которая чувствовалась во всемъ, какъ теперь, и для того, чтобъ ее наполнить, надобно было *новаю бою*.

«*Кто же* наполнить въ наше время пропасти, вырытыя цезаризмомъ?

«На мѣсто стертой, упраздненной совѣсти настала ночь; мы бродимъ впотьмахъ, не зная, откуда искать помощи, къ кому обратиться. Все—соучастникъ паденія: церковь и судъ, народы и общество... Глуха земля, глуха совѣсть, глухи народы; право погибло съ совѣстью; одна сила царить...

«Зачѣмъ вы пришли, что вы ищете въ этихъ развалинахъ? Развалины? Вы отвѣчаете, что ищете мира. Откуда же вы? Вы заблудились въ обломкахъ падшаго зданія права. Вы ищете мира,— вы ошибаетесь, его здѣсь нѣтъ, здѣсь война. Въ этой ночи безъ разсвѣта должны сталкиваться народы и племена и уничтожать другъ друга зря, исполняя волю властителей, перевязавшихъ имъ умъ и руки.

«Народы подвинутся только тогда, когда *сознаютъ всю глубину своего паденія!*».

Старикъ бросилъ для дѣтей нѣсколько цвѣтовъ, чтобъ уменьшить ужасъ картины. Ему рукоплескали. Они и тутъ не вѣдали, что творили. Черезъ нѣсколько дней отреклись отъ своихъ рукоплесканій.

Мѣсяца два передъ тѣмъ, какъ эти мрачныя слова раздались на женевскомъ сходѣ, въ другомъ швейцарскомъ городѣ другой изгнанный прежняго времени ¹⁾ писалъ слѣдующія строки:

«Я не имѣю больше вѣры во Францію.

«Если когда-нибудь она воскреснетъ къ новой жизни и оправится отъ страха самой себя, это будетъ чудо; изъ такого глубокаго паденія не подымалась ни одна больная нація. Я не жду чудесъ. Забытыя учрежденія могутъ возродиться,—потухнувшій духъ народа не оживаетъ. Несправедливое провидѣніе не дало мнѣ и того, утѣшенія, которымъ оно такъ щедро надѣляетъ, взамѣнъ бѣдности, всѣхъ изгнанниковъ: всегдашней надежды и вѣры въ мечты. Отъ всего прожитаго мною остались только уроки опытности, горькое разочарованіе и неизлѣчимая усталъ (*énergement*). Мнѣ

¹⁾ Маркъ Дюфрессъ, франц. писатель и политич. дѣятель, жилъ тогда въ Цюрихѣ.

холодно на сердцѣ. Я не вѣрю больше ни въ право, ни въ чело-вѣческую справедливость, ни въ здравый смыслъ. Я отошелъ въ равнодушіе, какъ въ могилу».

Жирондистъ Мерсье, одной ногой уже въ гробу, говорилъ во время паденія первой имперіи: «Я живу еще только для того, чтобъ увидѣть, чѣмъ это кончится!». «Я и этого не могу сказать,—прибавилъ Маркъ Дюфрессъ,—у меня нѣтъ особаго любопытства узнать, чѣмъ развяжется императорская эпопея».

И старикъ повернулъ къ прошедшему и съ глубокой печалью показалъ его исхудалымъ потомкамъ. Настоящее ему незнакомо, чуждо, противно. Изъ его кельи вѣетъ могилой, отъ его словъ дрожь пробираетъ посторонняго.

Слова одного, строки другого,—все скользнуло безслѣдно. Слушая ихъ, читая ихъ, у французовъ не сдѣлалось «холодно въ груди». Многіе открыто негодовали: «Эти люди лишаютъ насъ силъ, повергаютъ въ отчаяніе... гдѣ въ ихъ словахъ *выходъ*, утѣшеніе?».

Судъ не обязанъ утѣшать; онъ долженъ обличать, уличать *тѣмъ*, гдѣ нѣтъ сознанія и раскаянія. Его дѣло вызвать *совѣсть*. Судъ—и не пророчество, у него нѣтъ мессіи для утѣшенія въ будущемъ. Онъ такъ же, какъ и подсудимый, принадлежитъ старой религіи. Судъ представляетъ чистую и идеальную сторону ея, а масса—ея практическое, уклонившееся, истощенное приложеніе. Осуждающій служитъ поневолѣ практическимъ обвинителемъ идеала; защищая его, онъ указываетъ его односторонность.

Ни Эдгаръ Кинэ, ни Маркъ Дюфрессъ, дѣйствительно, не знаютъ *выхода* и зовутъ вспять. Немудрено, что они его не видятъ: они къ нему стоятъ спиной. Они принадлежатъ къ прошедшему. Возмущенные безчестной кончиной своего міра, они схватили клюку и явились незванными гостями на оргію высокомѣрнаго, самодовольнаго народа и сказали ему: «Ты все утратилъ, все продалъ, тебя ничто не оскорбляетъ, кромѣ правды, у тебя нѣтъ ни прежняго ума, у тебя нѣтъ прежняго достоинства, у тебя нѣтъ совѣсти, ты на днѣ паденія и не только не чувствуешь твоего рабства, но, туда же, имѣешь притязаніе освободить народы и народности, украшаясь лаврами войны,—хочешь надѣть на себя оливковые вѣнки мира. Опомнись, покайся, если можешь. Мы, умирающіе, пришли тебя звать къ раскаянію и, если не пойдешь, сломимъ жезлъ нашъ надъ тобою».

Они видятъ свое войско отступающимъ, бѣгущимъ отъ своего знамени и карой своихъ словъ хотятъ его возвратить въ прежній станъ и *не могутъ*. Для того, чтобъ ихъ собрать, надобно

новое знамя, а его нѣтъ у нихъ. Они, какъ языческіе первосвященники, раздирають ризы свои, защищая падавшую святыню свою. Не они, а гонимые назареи возвѣщали воскресеніе и жизнь будущаго вѣка.

Кинэ и Маркъ Дюфрессъ скорбятъ объ оскверненіи храма своего, храма народнаго представительства. Они скорбятъ не только объ утратѣ во Франціи свободы и человѣческаго достоинства, они скорбятъ о *потерь передового мѣста*, они не могутъ примириться съ тѣмъ, что имперія не предупредила единства Германіи; они ужасаются тому, что Франція сошла на *второй планъ*.

Вопросъ о томъ, *зачѣмъ* Франціи, въ которую они сами не вѣрятъ, быть на *первомъ мѣстѣ*, не представлялся ни разу ихъ уму...

Маркъ Дюфрессъ съ раздраженнымъ смиреніемъ говоритъ, что онъ не понимаетъ *новыхъ вопросовъ*, т.-е. экономическихъ; а Кинэ ищетъ того бога, который сойдетъ, чтобъ наполнить пустоту, оставленную потерей совѣсти... Онъ прошелъ мимо ихъ, они его не узнали и допустили его распятіе.

Р. S. Какъ комментарий къ нашему очерку, идетъ и странная книга Ренана о «Современныхъ вопросахъ» ¹⁾. Его тоже пугаетъ настоящее. Онъ понялъ, что дѣло идетъ плохо. Но что за жалкая терапия! Онъ видитъ больного по горло въ сифилисѣ и совѣтуетъ ему хорошо учиться, и по классическимъ источникамъ. Онъ видитъ внутреннее равнодушіе ко всему, кромѣ матеріальныхъ выгодъ, и сплетаетъ на выручку изъ своего раціонализма нѣкую религію,—католицизмъ безъ настоящаго Христа и безъ папы, но съ плотоумерщвленіемъ. Уму ставитъ онъ дисциплинарныя перегородки или, лучше, гигиеническія.

Можетъ, самое важное и смѣлое въ его книгѣ, это—отзывъ о революціи: «Французская революція была великимъ опытомъ, но *опытомъ неудавшимся*».

И затѣмъ онъ представляетъ картину ниспроверженія всѣхъ прежнихъ институтовъ, стѣснительныхъ, съ одной стороны, но служившихъ отпоромъ противъ поглощающей централизаціи, и на мѣстѣ ихъ — слабого, беззащитнаго человѣка передъ давящимъ, всемогущимъ государствомъ и уцѣлѣвшей церковью.

Поневолѣ съ ужасомъ думаешь о союзѣ этого государства съ церковью, который совершается наглазно, который идетъ до того, что церковь тѣснитъ медицину, отбираетъ докторскіе дипломы у матеріалистовъ и старается рѣшать вопросы о разумѣ и

¹⁾ «Les questions contemporaines», 1868.

откровени сенатскимъ рѣшеніемъ, декретировать *libre arbitre* ¹⁾, какъ Робеспьеръ декретировалъ *l'être suprême* ²⁾).

Не нынче, завтра церковь захватить воспитаніе,—тогда что?

Французы, уцѣлѣвшіе отъ реакціи, это видятъ, и положеніе ихъ относительно иностранцевъ становится невыгоднѣе и невыгоднѣе. Никогда они не выносили столько, какъ теперь, и отъ кого же? Въ особенности отъ нѣмцевъ. Недавно при мнѣ былъ споръ одного нѣмецкаго *ex-réfugié* ³⁾ съ однимъ изъ замѣчательныхъ литераторовъ. Нѣмецъ былъ безпощаденъ. Прежде была какая-то тайно соглашенная терпимость къ англичанамъ, которымъ всегда позволяли говорить нелѣпости изъ уваженія и увѣренности, что они нѣсколько поврежденные, и къ французамъ — изъ любви къ нимъ и изъ благодарности за революцію. Льготы эти остались только для англичанъ, французы очутились въ положеніи состарившихся и полурнѣвшихъ красавицъ, которыя долго не замѣчали, что средства ихъ уменьшились, что на обаяніе красотой надѣяться больше нечего.

Прежде имъ спускалось невѣжество всего, находящагося за границами Франціи, употребленіе битыхъ фразъ, позолоченный стекларусъ, слезливая сентиментальность, рѣзкій, вершающій тонъ и *les grands mots* ⁴⁾, — все это утратилось.

Нѣмецъ, поправляя очки, трепалъ француза по плечу, приговаривая:

— *Mais, mon cher et très-cher ami* ⁵⁾, эти готовыя фразы, замѣняющія разборъ дѣла, вниманіе, пониманіе, мы знаемъ наизусть; вы намъ и ихъ повторяли лѣтъ тридцать; онѣ-то вамъ и мѣшаютъ видѣть ясно настоящее положеніе дѣлъ.

— Но, какъ бы то ни было, все же,—говорилъ литераторъ, видимо желая заключить разговоръ,—однакоже, мой милый философъ, вы всѣ склонили голову подъ прусскій деспотизмъ; я очень понимаю, что для васъ это—средство, что прусское владычество—ступень...

— Тѣмъ-то мы и отличаемся отъ васъ,—перебилъ его нѣмецъ,—что мы идемъ этимъ тяжелымъ путемъ, ненавидя его и покоряясь необходимости, имѣя цѣль передъ глазами, а вы *пришли* въ такое же положеніе, какъ въ гавань спасенія; для васъ это не ступень, а заключеніе,—къ тому же большинство его любитъ.

1) Свободу воли

2) Верховное существо.

3) Бывшій изгнанникъ.

4) Громкія фразы.

5) Но, мой дорогой и дражайшій другъ.

— C'est une impasse, une impasse ¹⁾,—замѣтилъ печально ли-тераторъ и перемѣнилъ разговоръ.

По несчастью, онъ заговорилъ о рѣчи Жюля Фавра въ академіи. Тутъ окрысился другой нѣмецъ:

— Помилуйте, и эта пустая риторика, это празднословіе можетъ вамъ нравиться? Лицемеріе, неправда о наукѣ, неправда во всемъ; нельзя же два часа читать панегирикъ блѣдному Кузену. И что ему было за дѣло защищать казенный спиритуализмъ? И вы думаете, что эта оппозиція спасетъ васъ? Это—риторы и софисты, да и какъ смѣшна вся эта процедура рѣчи и отвѣта, обязательная похвала предшественнику,—весь этотъ средневѣковъ бой пустословья.

— Ah bah! Vous oubliez les traditions, les coutumes ²⁾...

Мнѣ было жаль литератора...

V.

Свѣтлыя точки.

Но за Данилами видны же и свѣтлыя точки, слабыя, дальнія, и въ томъ же Парижѣ. Мы говоримъ о Латинскомъ кварталѣ, объ этой Авентинской горѣ, на которую отступили учащіеся и ихъ учителя, то-есть тѣ изъ нихъ, которые остались вѣрны преданію 1789 года, энциклопедистамъ, Горѣ, социальному движенію. Тамъ хранится евангеліе первой революціи, читаютъ ея апостольскія дѣянія и посланія святыхъ отцовъ XVIII вѣка; тамъ извѣстны *великіе вопросы*, которыхъ не знаетъ Маркъ Дюфрессъ; тамъ мечтаютъ о будущей «веси человѣческой», такъ, какъ монахи первыхъ вѣковъ мечтали о «веси божіей».

Изъ переулковъ этого Лаціума, изъ четвертыхъ этажей невзрачныхъ домовъ его постоянно идутъ ставленники и миссіонеры на борьбу и проповѣдь и гибнутъ большею частью морально, а иногда физически, *in partibus infidelium* ³⁾, т.-е. по другую сторону Сены.

Объективная истина съ ихъ стороны, всяческая правда и дѣльность пониманія съ ихъ стороны, но и только. «Рано или поздно истина всегда побѣждаетъ». А мы думаемъ, *очень поздно* и

¹⁾ Это безвыходное положеніе.

²⁾ Пусть такъ! Но вы забываете традиціи... обычаи...

³⁾ Въ странѣ невѣрныхъ.

очень рѣдко. Разумъ споконъ вѣка былъ недоступенъ или противенъ большинству. Для того, чтобъ *разумъ* могъ понравиться, Анахарсисъ Клоотсъ ¹⁾ долженъ былъ одѣть его въ хорошенькую актрису, а ее раздѣть донага. Дѣйствовать на людей можно только, грезя ихъ сны яснѣе, чѣмъ они сами грезятъ, а не доказывая имъ свои мысли такъ, какъ доказываютъ геометрическія теоремы.

Латинскій кварталъ напоминаетъ средневѣковыя чертозы ²⁾ или камальдолы ³⁾, отступившіе на шагъ отъ людского шума, съ своей вѣрой въ братство, милосердіе и, главное, въ скорое пришествіе царства божія. И это въ самое то время, когда за ихъ стѣнами рыцари и рейтеры жгли и рѣзали, лили кровь, грабили, засѣкали вилановъ, насиловали ихъ дочерей... Потомъ наступили другія времена, также безъ братства и второго пришествія, и это прошло—а камальдолы и чертозы остались при своей вѣрѣ. Нравы еще смягчились, измѣнилась манера грабить, насиловать стали съ платой, обирать—по принятымъ уставамъ; но царство божіе не приходило, а все неминуемо *наступало* (такъ казалось въ чертозахъ), знаменія становились все яснѣе, прямѣе; вѣра спасала иноковъ отъ отчаянія.

Съ каждымъ ударомъ, отъ котораго разлетаются въ прахъ послѣднія убогія свободы, съ каждымъ паденіемъ общества, съ каждымъ наглымъ шагомъ назадъ Латинскій кварталъ приподнимаетъ голову, *mezza voce* ⁴⁾ у себя дома поетъ марсельезу и, поправляя фуражку, говоритъ: «Этого-то и надобно было. Они дойдутъ до предѣла... чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше». Латинскій кварталъ вѣритъ *въ свой курсъ* и храбро чертитъ планъ своей «веси истины», идя въ разрѣзъ съ «весью дѣйствительности».

А Пьеръ Леру вѣритъ въ Юва!

А В. Гюго—въ выставку братсва!

¹⁾ Членъ конвента, мечталъ о братствѣ народовъ и о торжествѣ разума надъ вѣрой; гильотинированъ въ 1794 г.

²⁾ Certosa — названіе нѣсколькихъ монастырей картезіанскаго ордена въ Италіи.

³⁾ Названіе монастырей ордена камальдулистовъ, основаннаго въ Италіи въ началѣ XII в. бенедиктинцемъ св. Ромуальдомъ.

⁴⁾ Вполголоса.

VI.

Послѣ набѣга ¹⁾).

«Святой отецъ, теперь ваше дѣло!» ²⁾
 «Донъ Карлосъ» (Филиппъ II великому инквизитору).

Эти слова мнѣ такъ и хочется повторить Бисмарку. Груша зрѣла, и безъ его сіятельства дѣло не обойдется. Не церемоньтесь, графъ!

Я не дивлюсь тому, что дѣлается, и не имѣю права дивиться— я давно кричалъ свое: «берегись, берегись!...». Я просто *прощаюсь*, и это тяжело. Тутъ нѣтъ ни противорѣчія, ни слабости. Человѣкъ можетъ очень хорошо знать, что, если подагра у него подымется, то будетъ очень больно; онъ можетъ, сверхъ того, предчувствовать, что она подымется, что ее ничѣмъ не остановишь; тѣмъ не меньше, ему, все же, будетъ *больно*, когда она подымется.

Мнѣ жаль личностей, которыхъ люблю.

Мнѣ жаль страны, которой первое пробужденіе я видѣлъ своими глазами и которую теперь вижу изнасилованную и обезчещенную.

Мнѣ жаль этого Мазепу, котораго отвязали отъ хвоста одной имперіи, чтобъ привязать къ хвосту другой.

Мнѣ жаль, что я правъ, я — словно, соприкосновенный къ дѣлу тѣмъ, что въ общихъ чертахъ его предвидѣлъ. Я досажую на себя, какъ досаждаетъ дитя на барометръ, предсказавшій бурю и испортившій прогулку.

Италія похожа на семью, въ которой недавно совершилось какое-нибудь черное преступленіе, обрушилось какое-нибудь страшное несчастье, обличившее дурныя тайны, — на семью, по которой прошла рука палача, изъ которой кто-нибудь выбылъ на галеры... всѣ въ раздраженіи, невинные стыдятся и готовы на дерзкій отпоръ. Всѣхъ мучить безсильное желаніе мести, страдательная ненависть отравляетъ, расслабляетъ.

Можетъ, и *есть* близкіе выходы, но разумомъ ихъ не видать; они лежатъ въ случайностяхъ, во внѣшнихъ обстоятельствахъ, они

¹⁾ Т.-е. послѣ отправленія Наполесномъ III экспедиціи противъ гарибальдійцевъ, хотѣвшихъ захватить Римъ и присоединить его къ итальянскому королевству. Послѣ сраженія при Ментонѣ 3 ноября 1867 г., когда французы разбили противника, Римъ остался во власти папы.

²⁾ Неточно — у Шиллера: «Кардиналь, я свое дѣло сдѣлалъ. Дѣлайте ваше».

лежать *внѣ границъ*. Судьба Италіи *не въ ней*. Это само по себѣ одно изъ невыносимѣйшихъ оскорбленій; оно такъ грубо напоминаетъ недавній плѣнъ и чувство собственной несостоятельности и слабости, которое начало, было, стираться.

И только *двадцать лѣтъ!*

Двадцать лѣтъ тому назадъ, въ концѣ декабря, я въ Римѣ оканчивалъ первую статью «Съ того берега» и *измѣнилъ* ей, увлеченный сорокъ восьмымъ годомъ. Я былъ тогда въ полной силѣ развитія и съ жадностью слѣдилъ за развертывающимися событіями. Въ моей жизни не было еще ни одного несчастья, которое оставило бы сильный, ноющій рубецъ, ни одного упрека совѣсти внутри, ни одного оскорбительнаго слова снаружи. Я несся, слегка ударяя въ волны, съ безумнымъ легкомысліемъ, съ безграничной самонадѣянностью, на всѣхъ парусахъ. И всѣ ихъ одни за одними пришлось подвязать!

Во время перваго ареста Гарибальди я былъ въ Парижѣ. Французы не вѣрили во вторженіе ихъ войскъ. Мнѣ случалось встрѣчаться съ людьми разныхъ слоевъ общества. Заклятые ретрограды и клерикалы желали вмѣшательства, кричали о немъ, но сомнѣвались. На желѣзной дорогѣ, одинъ извѣстный французскій ученый, прощаясь со мной, говорилъ мнѣ: «У васъ, мой милый сѣверный Гамлетъ, такъ фантазія настроена, вы видите одно черное, оттого вамъ и не очевидна невозможность войны съ Италіей; правительство слишкомъ хорошо знаетъ, что война за папу поставитъ противъ него все мыслящее, вѣдь, все же, мы — Франція 1789 года». Первая новость, которую я не прочелъ, а *увидѣлъ*, былъ флотъ, отправлявшійся изъ Тулона въ Чивиту. «Это—военная прогулка», говорилъ мнѣ другой французъ. «On ne viendra jamais aux mains ¹⁾», да и ненужно намъ мараться въ итальянской крови».

Оказалось *нужны.мъ*. Нѣсколько юношей изъ «Лаціума» протестовали, ихъ посадили на съѣзжую, со стороны Франціи тѣмъ и кончилось.

Удивленная, окровавленная Италія, благодаря нерѣшительности короля, шулерству министерства, дѣлала всѣ уступки. Но разсвѣрѣплаго француза, упивающагося всякой побѣдой, нельзя было остановить, — къ крови, къ дѣлу ему надобно было прибавить крѣпкое *слово*.

¹⁾ Дѣло никогда не дойдетъ до драки.

И на этомъ крѣпкомъ словѣ, покрытомъ рукоплесканіями имперіи, подали руку ея злѣйшіе враги: легитимисты, въ видѣ стараго стряпчаго бурбоновъ Беррье, и орлеанисты, въ видѣ стараго Фигаро времянь Людовика-Филиппа—Тьера.

Я считаю *слово* Руэра ¹⁾ историческимъ откровеніемъ. Кто послѣ этого не понялъ Франціи, тотъ слѣпорожденный.

Графъ Бисмаркъ, теперь ваше дѣло!

А вы, Маццини, Гарибальди, послѣдніе угодники божіи, послѣдніе могикане, сложите ваши руки, успокойтесь. Теперь вась неужно. Вы свое сдѣлали. Теперь дайте мѣсто безумію, бѣшенству крови, которыми или Европа себя убьетъ или реакція. Ну, что же вы сдѣлаете съ вашими ста республиканцами и вашими волонтерами, съ двумя-тремя ящиками контрабандныхъ ружей? Теперь—милліонъ отсюда, милліонъ оттуда, съ иголками и другими пружинами. Теперь пойдуть озера крови, моря крови, горы труповъ... а тамъ тифъ, голодъ, пожары, пустыри.

А! господа консерваторы, вы не хотѣли даже и такой блѣдной республики, какъ февральская, не хотѣли подслащенной демократіи, которую вамъ подносилъ кондитеръ Ламартинъ. Вы не хотѣли ни Маццини-стойка, ни Гарибальди-героя. Вы хотѣли *порядка*,—

Будетъ вамъ за то война семилѣтняя, тридцатилѣтняя..

Вы боялись социальныхъ реформъ, — вотъ вамъ феніане съ бочкой пороха и зажженнымъ фитилемъ.

Кто въ дуракахъ?

Генуя, 31 декабря 1867 г.

¹⁾ Эженъ, министръ внутреннихъ дѣлъ, защитникъ политики въ законодательномъ корпусѣ; въ 1867 г. въ отвѣтъ на требованіе очистить Римъ отъ французскаго гарнизона произнесъ рѣчь, начатую знаменитыми словами: «Италія жаждетъ имѣть Римъ, который она считаетъ непремѣннымъ условіемъ объединенія. Ну, такъ мы объявляемъ отъ имени французскаго правительства, что Италія никогда не завладѣетъ Римомъ!».

ГЛАВА IV

АЛЬПИЙСКІЕ ВИДЫ.

Женева.

I.

Послѣдній тунель—и *post tenebras lux* ¹⁾.

Женеву я знаю съ давнихъ лѣтъ. Я ее слишкомъ знаю.

— Скажите, пожалуйста, какъ бы мнѣ сдѣлать, — говорила одна дама, соотечественница наша, не безъ угрызенія совѣсти, — какъ бы сдѣлать, чтобы полюбить Швейцарію?

Задача была не легкая, несмотря на то, что есть множество причинъ, по которымъ Швейцарію слѣдуетъ любить.

— А вы куда ѣдете?—спросилъ я ее.

— Въ Женеву.

— Какъ можно! вы ужъ лучше поѣжайте въ другое мѣсто.

— Куда же?

— Въ Люцернъ или что-нибудь такое.

— Неужели тамъ лучше?

— Нѣтъ, гораздо хуже, но тамъ вы скорѣе дойдете до разрѣшенія вашей задачи.

Въ самомъ дѣлѣ, въ Женевѣ все хорошо и прекрасно, умно и чисто, а живется туго. Начнешь разсуждать,—ясно, какъ дважды два, что въ наше сѣренькое время мало мѣстъ лучше въ Европѣ, а наймешь квартиру,—такъ и тянетъ куда-нибудь, лишь бы изъ Женевы вонъ.

¹⁾ Послѣ мрака свѣтъ.

Достоинствъ Женевы кто не знаетъ. Каподистрія въ тѣхъ вѣселяхъ времена, когда Европа танцевала свою исторію на конгрессахъ и вся пахла fleur d'orange'мъ и бѣлыми лиліями, сравнивала Женеву съ ладонкой, въ которой бережется *кабардинская струя*, напоминающая *что-то* Европѣ своимъ запахомъ. Каподистрія былъ правѣ покойнаго императора Павла I, называвшаго движеніе въ Женевѣ «бурями въ стаканѣ». Конечно, привыкнувъ брать за единицу мѣры пространство отъ Петербурга до Камчатки, Женева можетъ показаться не только стаканомъ, но и рюмкой,—но одной рюмки мохуса ¹⁾ было, дѣйствительно, достаточно, чтобы во всей Европѣ поняли, что извѣстный мохусъ существуетъ. Въ ней, какъ въ фокусѣ, усиленно и сокращенно отражается все движеніе и всѣ движенія современной исторіи, съ тѣмъ преувеличеніемъ, которое имѣютъ Альпы на выпуклыхъ картахъ и капли подъ микроскопомъ.

Вы видите, я далеко отъ того, чтобы клеветать на рюмку, служившую вѣка цѣлые гаванью всѣмъ преслѣдуемымъ за грѣхъ мысли, бѣжавшимъ въ нее съ четырехъ сторонъ,—на рюмку, изъ которой вышелъ Руссо и со дна которой Вольтеръ мутилъ Европу. Но что же мнѣ дѣлать, когда при всемъ этомъ *чего-то въ ней недостаетъ*.

Наружно женевцы давно бросили свой отталкивающій піэтизмъ, свою канцелярскую, педантскую обрядность. Женева въ этомъ даже опередила Англію; въ ней человѣкъ можетъ, не теряя честнаго имени, кредита, мѣста, уроковъ и приглашеній на обѣды, не явиться нѣсколько воскресеній къ проповѣди. Но за спавшей съ души коростой кальвинизма осталась постно-сморщенная кожа. Эти формы безъ содержанія, эти рябины прошлой болѣзни уцѣлѣли вмѣстѣ съ сухой раздражительностью, съ приемами прежней нетерпимости. Женева похожа на разстриженнаго патера, потерявшаго вѣру, но не потерявшаго клерикальныя манеры.

Кто-то сказалъ, что въ каждомъ женевцѣ остается навѣки вѣковъ слѣдъ двухъ простудъ, двухъ холодныхъ дуновеній: *бизы* и *Кальвина*,—и, кто бы ни сказалъ, это совершенно вѣрно, но онъ забылъ прибавить, что къ двумъ прирожденнымъ простудамъ прибавляются разные пограничныя оттѣнки и осложненія: савойскіе—немного съ зобомъ внутри, французскіе—съ soup d'état'скими поползновеніями и централизационными стремленіями. Все это вмѣстѣ составляетъ въ общемъ швейцарскомъ характерѣ, тоже больше свѣжемъ, чѣмъ любезномъ, особый оттѣнокъ женевскій, конечно, очень хорошій, но не то, чтобы чрезвычайно пріятный.

¹⁾ Moschus—мускусъ.

Женевецъ—гражданинъ и буржуа, гражданинъ раздражительный, буржуа агрессивный, нѣсколько хищный и всегда готовый сдать сдачу крупной мѣдной монетой дурного чекана. Между собой у нихъ расплата идетъ свирѣпѣе и быстрѣе, чѣмъ съ нашимъ братомъ. Иностранца, особенно туриста, пока не замѣчаютъ въ немъ склонности къ осѣдлой жизни, шадятъ, какъ хорошую оброчную статью и выгодный транзитный товаръ. Такихъ соображеній между жителями быть не можетъ. На другіе кантоны женевцы смотрятъ свысока, они *нарочно* не знаютъ по-нѣмецки. Вообще, надобно замѣтить, что у швейцарцевъ два, три, даже четыре патріотизма и, стало-быть, столько же ненавистей. Есть патріотизмъ федеральный и есть кантональный; федеральный, въ свою очередь, раздвоенъ на романскій и германскій. Какъ добрые родственники, граждане разныхъ кантоновъ любятъ собираться на семейные праздники, вмѣстѣ покушать и попить, пострѣлять въ цѣль, попѣть духовную музыку и послушать свѣтскихъ рѣчей, послѣ чего, какъ *настоящіе* родственники, они возвращаются по домамъ съ той же завистью и нелюбовью другъ къ другу, съ которой пришли, съ тѣми же пересудами и взаимными антипатіями.

Въ германской Швейцаріи вы встрѣчаете на каждомъ шагу ту природную, наивную, англо-саксонскую грубость и безсознательную неотесанность, которая очень неприятна, но не оскорбительна, которая сердитъ, не озлобляя, такъ, какъ сердитъ неповоротливость осла, слона. Женевецъ, заимствуя у нѣмецкихъ кантоновъ это патріархальное свойство, усложняетъ его, переводя на французскій языкъ, не имѣющій столько емкости или выразительности по этой части, и, мало этого, онъ возводитъ простодушную сосѣдскую грубость въ квадратъ преднамѣренной дерзостью и сознательнымъ *sans façon*. Онъ наступаетъ на ногу, зная, что это очень больно; онъ скорѣе потому-то и позволяетъ себѣ это маленькое удовольствіе, что знаетъ.

То, что у нѣмецкаго нѣмца идетъ до приторности, чѣмъ онъ производитъ въ непривычномъ морскую болѣзнь и что называется словомъ, не переводимымъ ни на какой языкъ,—словомъ *Gemütllichkeit* ¹⁾, это до такой степени отсутствуетъ въ женецѣ, что въ отъ него бѣжите и безъ морской болѣзни. Къ тому же женевецъ особенно скученъ, когда онъ веселъ, и пуще всего, когда разострится. Вѣроятно, во времена женевскихъ либертиновъ они были размашистѣе, смѣялись смѣшно и острили не тупымъ концомъ ума, но они выродились.

¹⁾ «Уютность».

Такъ, какъ у женецевъ слѣда нѣтъ нѣмецкой *задушевности*, такъ у нихъ нѣтъ признака сельскаго, горнаго элемента, сохранившагося въ другихъ мѣстахъ Швейцаріи; женецамъ не нужно ни полей, ни деревьевъ,—имъ за все и про все служить издали Mont Blanc и вблизи озеро. Если онъ хочетъ гулять за городомъ, у него есть на то пароходы съ фальшивящей музыкой и двигающимся рестораномъ. Богатые уѣзжаютъ въ загородные дома, но бѣдное население женецкое не имѣетъ ничего подобнаго маленькимъ мѣстечкамъ возлѣ Берна, Люцерна, разнымъ Шенцли, Гютчли, Ютли; есть кое-гдѣ несчастныя пивныя съ кеглями,—вотъ и все. Впрочемъ, надобно и то сказать, женецу некогда много ѣздить *ins Grüne*¹⁾: все время, остающееся отъ промысла, онъ посвящаетъ дѣламъ отечества, выбираетъ, выбирается, поддерживаетъ однихъ, топить другихъ и постоянно сердится. Къ тому же его торговня дѣла именно и идутъ бойко только въ то время, когда людямъ въ городѣ душно. Главный промыселъ Женевы, такъ же, какъ и всей городской Швейцаріи,—стада туристовъ, прогоняемая горами и озерами изъ Англіи въ Италію и изъ Италіи въ Англію. Нашихъ соотечественниковъ, дѣлающихъ также свои два пути по Швейцаріи, и больше, чѣмъ когда-нибудь, не такъ дорого цѣнять,—«не стоятъ столько», по американскому выраженію,—какъ прежде, до 19 февраля 1861 г. Англичане и американцы *катируются* выше. Женева къ торговлѣ странствами, вершинами и долинами, водами и водопадами, пропастями и утесами прибавляетъ торговлю временемъ и продаетъ каждому путешественнику часы и даже цѣпочку, несмотря на то, что у всякаго есть свои²⁾.

Въ отправленіи своей коммерціи съ иностранцами женецкій торговецъ является во всей своѣй оригинальности, онъ сердится на свою жертву за ея опыты самосохраненія и, мало что сердится,—въ случаѣ упорства, оскорбляетъ бранью и крикомъ. Иностранецъ, который не поддается, въ глазахъ женеца что-то вродѣ вора.

¹⁾ За городъ.

²⁾ Въ Женевѣ до того усовершенствовались теперь измѣреніе времени, что узнать, который часъ, если не невозможно, то чрезвычайно трудно. Какъ ни посмотришь—все разный часъ: одинъ циферблатъ показываетъ парижское время (оно, вѣрно, отстаетъ *au jour d'aujourd'hui*³⁾), другое бернское (полагать надобно, совсѣмъ нейдетъ), наконецъ, женецкое (по карманнымъ часамъ Кальвина на томъ свѣтѣ). А. И. Г

³⁾ Въ настоящее время.

II.

Чтобъ подражать въ болтовнѣ моему уѣхавшему доктору и быть истымъ туристомъ, я долженъ бросить, заговоривши о женевахъ, взглядъ на ихъ исторію. Дальше 1789 г. мы, разумѣется, не пойдемъ: скучно и не очень нужно. Рѣзче этой черты исторія на Западѣ не проводила, это—своего рода экваторъ.

Передъ этимъ годомъ генеральнаго межеванія Женева жила набожной и скупой семьей, двери держала назаперти и безъ большого шума, но съ большой упорностью молилась бору по Кальвину и копила деньги. Опекуны и пастыри много переливали изъ пустого въ порожнее по части богословскихъ препираній съ католиками. Католики меньше болтали, больше интриговали, и, когда отчаянные кальвинисты торжественно ихъ побили въ контроверзѣ, католики уже обзавелись землицей и всякимъ добромъ. Извѣстно, что католическіе клерикалы имѣютъ при своей бездѣтности то драгоцѣнное свойство хрѣна, что, гдѣ они пускаютъ корни, ихъ выполоть трудно. Кальвинисты побились, побились да такъ и оставили хрѣнъ въ своемъ огородѣ.

Въ тѣ времена въ Швейцаріи было много добродушно-патріархальнаго; нѣсколько семействъ, переродившихся, покумившихся другъ съ другомъ пасли кантоны тихо и выгодно для себя, какъ свои собственныя стада. Разные почтѣнные старички съ клюками, такъ, какъ они являются въ святъ день послѣ обѣда потолковать нараспѣвъ не въ гетевскомъ «Фаустѣ», а въ «Фостѣ» Гуно, завѣдывали Женевой, какъ своей кладовой, распоряжаясь всѣмъ и употребляя на себя всѣ рабочія силы своихъ племянниковъ, дальнихъ родственниковъ и меньшихъ братій. Къ роскоши они ихъ не приучили, а работать заставляли до изнеможенія, «въ потѣ, молъ, лица твоего снискивай хлѣбъ»,—все по писаніямъ: Метода эта къ концу XVIII вѣка перестала особенно нравиться племянникамъ, потому что дяди богатѣли, а они исполняли писанія. Какъ дяди ни доказывали, что женевецъ женецу розь, что одни женецы — *граждане*, другіе — *мщцане*, а третьи — только *уроженцы*, племянники не вѣрили и начинали поговаривать, что они равны дядямъ. «Вы правы, мы всѣ равны передъ богомъ,—отвѣчали дяди,—а о суетныхъ, земныхъ различіяхъ, если они и есть, стоитъ ли толковать!»—«Стоить, и оченъ»,—отвѣчали тѣ изъ племянниковъ, которыхъ старые скряги не совсѣмъ сломали, — и стали отлынивать отъ благочестиваго острога. «Вы люди свободные, толковали имъ дяди; не нравится дома,—свѣтъ великъ, ступайте искать хлѣба,

гдѣ хотите, а мы васъ даромъ кормить не будемъ, а будемъ молиться за васъ богу, чтобъ очистить души ваши отъ навожденія общаго врага нашего».

Ничего, думали про себя старички, пусть помянутся да поучатся, пусть поголодаютъ да перебѣсятся; воротятся, и опять будутъ работать на нивѣ нашей.

Взяли племяннички котомки и длинныя палки и пошли смотрѣть свѣтъ: кто съ запятокъ, кто съ козелъ, кто съ булавой *швейцара* въ рукѣ, кто съ бурбонскимъ ружьемъ на плечѣ, кто съ исторіей и географіей подъ мышкой; кто кондитеромъ, кто часовщикомъ, кто трактирнымъ слугою, кто слугою вообще; жены и сестры ихъ шли во *французенки* по части выкроекъ и воспитанія.

Тѣ, которымъ повезло, весело ѣхали домой и сами зачислялись въ дяди, но не всѣ остальные возвращались, къ особенному удовольствію набожныхъ сродниковъ. Жившіе въ Вѣнѣ и въ Москвѣ, въ Неаполѣ и Петербургѣ, конфетчиками и буфетчиками, гувернерами въ Россіи или «швицерами» ¹⁾ въ Римѣ,—еще ничего. Но другіе, встрѣтившіеся въ Парижѣ съ безпорядками, и притомъ не съ той стороны, съ которой были ихъ храбрые соотечественники, стрѣлявшіе по народу изъ оконъ тюльерійскаго дворца 10-го августа 1792 года, возвратились никуда негодными. вмѣсто молитвенниковъ въ черныхъ переплетахъ съ золотымъ обрѣзомъ, они начитались гнѣвнаго «Père Duchesne» и мягкаго «Друга Народа». Старые родственники, сдѣлавшіеся еще закоснѣлѣйшими раскольниками, такъ и ахнули. «Ахъ,—говорятъ,—вы богоотступники, мошенники! вотъ мы васъ!»—«Вы погоднте ругаться, благочестивые старцы,—отвѣчаютъ племянники;—мы, вѣдь, не прежніе, мы раскусили васъ, pas si bœuf ²⁾, давайте-ка прежде дѣлить наслѣдство. Liberté, Fraternité, Egalité ou... Старики и кончить не дали. Давно отупѣвшіе отъ ханжества и стяжанія, они совсѣмъ рехнулись при видѣ такой черной неблагодарности племянниковъ. Страхъ на нихъ нашель такой: вспомнили площадь, на которой они поджарили и оттяпали невинную голову Серве ³⁾. Ну, думаютъ, какъ «наши-то» съ безстыжихъ глазъ ограбятъ, потузятъ да еще, пожалуй... Фу! какъ отъ бизы: такъ морозъ по кожѣ и дереть.

По счастью, Франція явилась на выручку. Первому консулу было какъ-то нечего дѣлать; за неимѣніемъ двухъ-трехъ тысячъ

¹⁾ Svizzero—швейцарецъ.

²⁾ Истое женевское выраженіе ³⁾. А. И. Г.

³⁾ Мишель, натуралистъ и богословъ, сожженный, по приказанію Кальвина, за непризнаніе догматовъ вѣры.

⁴⁾ Не такъ рѣшительно!

какой-нибудь арміи Sambre-et-Meuse ¹⁾ для гуртового отправленія на тотъ свѣтъ, онъ вдругъ отдалъ слѣдующій приказъ:

«Article I. Женевская республика перестала существовать.»,

«Article II. Департаментъ Лемана началъ существовать. Vive la France!»

Великая армія, *освобождавшая* народы, заняла Женеву и тотчасъ освободила ее отъ всѣхъ свободъ. Пользуясь досугомъ, старички стали забираться и прятаться все выше и выше, запирались все крѣпче и крѣпче въ неприступныхъ домахъ, въ узкихъ и воючихъ переулкахъ... Другіе, посмышленнѣе, принялись укладываться да, не говоря худого слова... за Альпы да за Альпы.

Хорошимъ людямъ все на пользу,—добровольное заключеніе и добровольное бѣгство послужило старичкамъ какъ нельзя лучше. Оставшіеся, желая отмстить за порабощеніе отечества, принялись продавать непріятелю военные и съѣстные припасы по страшно патріотическимъ цѣнамъ. Во время имперіи никто не торговался (кромѣ Талейрана, и то только, когда онъ продавалъ свои ноты и мнѣнія). Недостало денегъ въ одномъ мѣстѣ — контрибуцію въ другомъ, двѣ контрибуціи въ третьемъ; ясно, что комиссаріатскіе Вильгельмы Телли въ убыткѣ не остались. Освобожденные, въ свою очередь, реакціей 1815 года отъ своихъ страховъ, эмигранты возвращались (точно такъ же разжившись разными дипломатическими и другими аферами) къ затворникамъ и давай другъ на другъ жентиться для того, чтобъ составить плотную аристократію.

Какой вѣтеръ вѣялъ тогда, вы знаете: Байронъ чуть отъ него не задохнулся, Штейны и Каннинги казались якобинцами, и Меттернихъ былъ *человѣкъ минуты*.

Объявляя, обратно первому консулу, о томъ, что департаментъ Лемана пересталъ существовать, а женевская республика снова начала существовать, Священный союзъ резонно потребовалъ, чтобы во вновь воскресающей республикѣ ничего не было республиканскаго. Это-то старичкамъ и было на-руку. Для либерально-учено-литературной наружности имъ заглаза было довольно м-мъ Сталь въ Коппетѣ, Де-Кандоля въ ботаникѣ и Росси въ политической экономіи... Снова принялись они общипывать и брать голодомъ понурившихъ голову племянниковъ, снова завели богословскіе скачки и бѣга съ католиками, которые еще больше накупили земель. Скрыжническую жизнь свои старики выдавали за олигархическую неприступность, — мы, де, имѣемъ наши знакомства при разныхъ дворахъ, а по другую сторону Pont des Bergues

¹⁾ Департаментъ на границѣ Франціи и Бельгіи временъ республики и первой имперіи.

никого не знаемъ. Замкнутые въ горной части и лѣпясь около собора, они не спускались внизъ, предоставляя черни селиться въ С.-Жервэ ¹⁾). Какъ всегда бываетъ, взявши всё мѣры, они не взяли самой важной: не строить имъ надобно было Pont des Bergues, не поправлять, а подорвать его порохомъ,—не подорвали.

По этому мосту прошла революція 1848 года.

III.

Le vainqueur de Kulm, le comte Ostermann-Tolstoï — boudant l'empereur et la cour de Russie — passa à Genève tout le règne de Nicolas. Aristocrate lui-même, il n'était pas grand ami des patriciens et d'oligarques de Genève.

— Pensez un peu—me disait-il un jour, ils se donnent des airs de grands seigneurs, parce que leurs аіeux avant les аіeux de leurs voisins, des patraques, vendaient à double prix des truites—tandis que les autres les paraient comme si cela donnait des titres...

— Vous oubliez, comte, lui dis-je,—que les patriciens de Genève en ont d'autres.

— Et lesquels, s'il vous plait?

— Ils étaient en fuite—lorsque la patrie était en danger—et sont revenus—en partie grâce à vous—sauvgardés par les cosaques et les cрgates—comme les rois et les grands hommes d'autres pays.

L'inexorable vieillard sourit. Les *neveux perdus* jugeaient encore plus sévèrement l'aristocratie genevoise et surtout le neveu le plus profondément perdu de tous *James Fazy*.

James Fazy c'est la peine éternelle du patriciat de Genève, sa tórture avant la mort, son bourreau, son pilori—prosecteur et fossoyeur. Sang de leur sang, chair de leur chair, descendant d'une des anciennes familles qui s'ennuyaient pour le bon Dieu avec Calvin—Fazy leva sans scrupule sa main parricide pour terrasser les pieux vieillards à cheveux d'argent et à la bourse d'or.

Se mettant à la tête des mécontents, il prit ces «Oncles de la patrie» élus par leur propres fermiers, employés et commis, par le collet et les jeta dehors le Grand Conseil. Après quoi très naturellement il se mit à leur place et, séance tenante, vota pour soi-même et se confia au nom du peuple genevois une puissance dictatorialie. Saint Gervais et la pauvre Genève étaient en jubilation.

Les vieillards épouvantés montèrent encore un étage plus haut et mirent à leur porte un verrou de plus... leur cerveau commença à se ramollir avec plus de vitesse et leur coeur à se durcir en pro-

- 1) Часть города на правомъ берегу Роны.

portion! Plus d'esprit, plus de talent — retrécissement moral. J. Fazy était à peu près le dernier homme spirituel de l'ancienne Genève.

Il ressemble beaucoup à un oiseau de proie. Septuagénaire et courbé il rappelle encore un épervier—maigre et affamé—il a un bec impitoyable, un oeil perçant. Plein d'activité, d'audace, de projets d'accusation—il est tout prêt de jeter un gant, d'en relever deux. Pensez donc ce qu'il a été il y a vingt deux ans, au temps du «Sonderbund»—et c'est à un pareil adversaire, qu'allaient se frotter nos vieillards! Orateur, fougueux, acerbe sans ménagements, sans scrupules, Fazy savait de main de maître profiter de tout bois—pour en faire une massue de toute pierre—pour en faire une fronde. Il assommait ses adversaires par des plaisanteries et par des chiffres, par des théories générales et par des allusions personnelles, par des indiscrétions et par des réticences. Courtisan de la foule—il ne parlait jamais sa langue et ne cachait nullement ses manières d'homme bien élevé. Tout lui profitait—tout d'abord ses défauts. Au milieu du saint ennui de la ville austère de Calvin—le laisser-aller décollété de Fazy, son inconduite avouée, ses vices brillants—découplaient la haine, que lui portaient les vieillards purs, et lui attachaient toute la jeunesse; Fazy dépassait, d'une tête ses partisans et de trois—tous ses adversaires. Ajoutez à cela une grande sagacité dans les affaires, un coup d'oeil sûr et décidé, une force et une facilité de travail extraordinaires, une grande persistance et une irascibilité inquiète, hargneuse—et vous comprendrez que la partie n'était pas égale. Diplomate et demagogue, conspirateur et commissaire de police, président d'une république et bon vivant—il trouvait encore un superflu de forces non occupées—qui le dévoraient, le tourmentaient.

Le cadre du canton était évidemment trop petit pour lui—et le gênait. Il allait dix fois par an à Paris, pour se rafraîchir dans les parties finés et aux bals de l'opéra. La petite ville le gâta, il s'habitua à crier, à donner des coups de poing sur la table, à s'emporter contre les observations; voyant toujours des hommes au dessous de sa taille—il prit un sans-gêne insolent. Entourné d'une société avare ou pauvre il prit l'habitude de jeter l'argent et lorsqu'il n'en avait pas il fit des dettes. Les dettes, notre seul moyen économique et national en Russie, notre petite ruse de ménage, les dettes devaient aux yeux des Harpignons de Genève perdre Fazy, plus que les sept péchés mortels—d'autant plus qu'il ne les payait jamais.

Au reste ses dettes et leur haine ne lui donnaient que peu de soucis—tant que la Genève jeune, travailleuse, pauvre lui donnait sa voix et son poing. Mais tout a une fin dans les choses humaines. Près de quinze ans le tyran du Léman gouverna le canton; il agran-

dit la ville, abattit les fortifications, planta des jardins, battit des palais, jeta des ponts, ouvrit une maison de jeu et ne pensa jamais à fermer *d'autres maisons*—mais les jours de son omnipotence furent comptés par les vieillards. Un allié de l'autre rive leur vint en aide. Fazy était fait à la lutte, il y avait vieilli, et quand il lui arrivait de ne pas prendre tout de suite le dessus, il se retirait comme lion blessé dans son S. Gervais—pour en sortir deux fois plus fort et plus courroucé!

Avec un ennemi tel que Fazy les vieux formalistes, laissés à leurs propres forces—ne pouvaient que battre en retraite. Ils faisaient la petite guerre avec les armes rouillées du parlementarisme et propageaient sous main des calomnies. Ils ne savaient jamais de quel côté frapperait l'ennemi. On pouvait s'attendre à tout avec un adversaire si peu scrupuleux. Aussi tant que la masse était pour lui, sa force était inébranlable. Attirer le peuple par les souvenirs de l'ancien servage n'était pas chose facile.

S'appuyant toujours sur son mur vivant—Fazy commençait à la fin à sentir que le mur n'était plus aussi compact qu'auparavant, et ne le soutenait plus avec la même ardeur.

Pendant des années il ne voulut pas y croire, il tâcha de douter—mais enfin le doute devenait impossible—par-ci par-là des murmures, ou pis encore, de l'indifférence. Piqué au vif, le gladiateur se retourna d'un air courroucé pour voir qui se révoltait contre l'ancien chef? L'ombre des socialistes, Albert Galère secouait la tête d'un air sombre; il semblait qu'en désignant les ouvriers—l'ombre disait: «Ils ne sont plus à toi». Fazy dédaignait les idées de cet apôtre sévère et l'avait persécuté jusqu'à la tombe. Sous terre—il grandit et se fortifia dans les âmes de ses disciples—l'aurore de son jour commençait—le soleil de Fazy se couchait.

Le vieux lutteur s'élança de nouveau en avant—mais pour frapper des *deux côtés* les forces lui manquèrent.

Tout le drame historique de nos temps—vous le retrouvez dans cette lutte. Le parti radical s'affaiblit, se divisa sans motif visible. Une fraction abandonna le vieux chef, l'autre continuait à le porter avec des acclamations sur son bouclier, une troisième se démoralisa sous le nom *d'indépendants*. La terre disparaissait sous les pieds du dictateur démocratique. Les ouvriers passaient indifférents—près du champ clos; la vieille lutte n'avait plus d'intérêt pour eux. Les adversaires avaient beau se prendre aux cheveux et se rouler dans la poussière—il y avait une autre préoccupation.

Depuis 1860 la haine des radicaux et des conservateurs s'envenimait au point de se transformer en une mutilation périodique des membres. Les adversaires profitent de chaque affaire publique pour

se «labourer les faubourgs». Après chaque élection, les vainqueurs et les vaincus sont tatoués comme des iroquois, les uns avec un oeil poché, les autres avec un nez en compote, les troisièmes avec des taches bleues. Aucun pays n'apporte sur l'autel de la patrie autant d'efforts musculaires et de horions—que la pieuse cité de Calvin. Aussi nulle part on ne s'occupe avec tant d'acharnement et aussi souvent des élections qu'à Genève. Un mois d'avance on ne fait qu'en parler, un mois après on ne fait que les discuter. Les radicaux et les réactionnaires différents (d'avis) en tout, sont d'accord sur la grande signification de Genève dans l'économie du développement universel. Pour les seconds c'est la Rome du «protestantisme épuré», pour les premiers—c'est le remplaçant, le «luogo tenente» de Paris pendant sa léthargie. Ils sont tous persuadés que de même que tout le monde regarde une montre de Genève pour savoir l'heure—tous les partis politiques regardent le canton pour connaître l'esprit du temps. Après cela, c'est bien naturel de s'occuper nuit et jour des élections—ils élisent non seulement pour la ville et la campagne qui l'entourne, mais pour l'univers entier.

Enfermés à double tour de clef, les stores baissés — *les conservateurs* conspirent à jeun, enveloppés de flanelle—calculant des subornations à meilleur marché, des influences morales. En même temps les *radicaux* conspirent aussi encore plus et la porte fermée—mais du côté extérieur. La démocratie—votante et militante ne se met pas en campagne à jeun, mais à gorgée d'absinthe. Elle reste depuis le matin dans les cafés, prenant avec abnégation patriotique—une bière impossible et n'osant pas s'en plaindre, vu que le patron du café est non seulement radical—mais une puissance, un centre de réunion et un vote.

Au fond, tout cela se fait platoniquement. Ni la ficelle, ni les radicaux ne s'inquiètent nullement du fond des affaires, ils s'occupent des lieux communs et de la victoire ou de la défaite des personnes connues. Le reste s'efface comme un détail et il arrive très souvent que les radicaux votent pour un acte conservatif et les conservateurs pour un acte radical.

Cette gymnastique politique ruina définitivement les anciens partis.

Pendant quinze années de la domination radicale à Genève ses législateurs ne touchèrent presque pas à tout un arsenal des lois effrayants et ridicules qui consacrent l'absence la plus effrontée de tous les droits de l'homme et se moquent des notions les plus élémentaires du respect dû à l'individu.

Il suffit de jeter un coup d'oeil sur le texte des petits *livrets* ou «permis de séjour» que l'on impose à tous les étrangers—pour s'en convaincre. Chaque «non-genevois» — même un suisse d'un autre

canton, est livré sans appel au pouvoir de *celui des horlogers* auquel dans ce moment est confié le chronomètre de la police. Il a le droit *d'expulser* un étranger, c'est-à-dire de ruiner un père de famille, éloigner un ennemi ennuyeux, un concurrent dangereux—pour *mauvaise conduite*. Il n'est pas même venu à l'esprit des législateurs de spécifier ce que l'on entend pour *mauvaise conduite*—pour un calviniste par ex. aller à l'église catholique—c'est la plus mauvaise conduite possible et vice versa pour un catholique.

Je donnerai à la fin de l'article quelques fragments de ce dévergondage policier. Bonne *lumière*—après les *ténèbres*!

Un jour je montrai à un des anciens radicaux du gouvernement le texte humiliant de mon livret à moi.

— Tout cela—dit-il—n'est jamais exécuté!

— Vous gardez donc ces monstruosités dans votre législation comme un agréable souvenir?

— Ah, si vous saviez combien de mauvaises lois nous avons abolies!

— Pourquoi donc avez-vous conservé le reste?

— Vous savez quelle était notre position, surtout après 1848... la France, l'Autriche, la Prusse...

— C'est une autre affaire. Vous aviez donc besoin de garder en vos mains cet arbitraire sans nom.

— Eh bien, en avons-nous abusé?

— Je n'en sais rien—mais probablement *oui*. Vous devriez au moins faire intervenir le jury dans les affaires d'expulsion. Si douze genevois, que je ne connais pas, veillent se défaite de moi—je m'en irai sans mot dire...

— Et vous croyez que nous n'avons pas pensé avant vous, que vous nous apportez cette lumière du nord?

— Alors qui empêchait de le faire?

— Si nous étions restés au pouvoir...

— Cher citoyen, vous n'auriez rien fait. Depuis 1846 il y avait assez de temps. Oh, Calvin... quel terrible bisé souffle de ta tombe... comme elle éteint une moitié des sentiments humains et comme elle durcit les coeurs. Aussi que la vie de Genève est âpre et triste—sans être sérieuse, ni recueillie! Fazy tâcha de voiler le fond puritain par des tapisseries fanées à dessin grivois et luxurieux—mais tes os maigres du calvinisme ne sont que cachés—et on les sent... Eglise sans ornements, démocratie sans égalité, femmes sans beauté, bière sans goût, ou pire, avec un goût détestable... le tout réduit à une simplicité qui convient à l'homme occupé du salut de son âme et de son capital.

La débauche même à Genève est tellement limitée au plus indispensable — qu'elle effraie presque autant qu'elle attire. «Pêche si c'est nécessaire—mais ne jouis pas» c'est du calvinisme pur.

Lausanne—à demi démente à force d'excès religieux—considère le théâtre laïque comme une offense au théâtre divin de l'église et s'obstine à ne pas voter l'argent nécessaire pour la reconstruction de l'opéra brûlé — et tout ce qui n'est pas complètement en démente à Lausanne ne rêve qu'à l'établissement d'un nouveau théâtre. Le théâtre occupe l'imagination, distrait les esprits des dernières nouvelles de la bible tout fraîchement apportées par des pasteurs vagabonds, fainéants et ambulants... A Genève, tout le contraire, il y a deux théâtres — mais ils sont tellement submergés par l'élément de la «Camelia campestris» et celui du «voyoux» que les hommes solides et les femmes privées (excepté les étrangères) ne vont pas au théâtre à moins de nécessité absolue.

En revanche s'il y a quelque relâchement de mœurs—venant de l'écume, venant d'au delà de la frontière — il y a à Genève une police qui ne laisse rien à désirer. Genève aime à prendre des mesures brusques.

Quel progrès sur les polices des autres cantons—avec leurs gendarmes autidiluviens en shako des guerres de 1814, en casques bavaurois du temps de maréchal Wrede.. Ces braves désœuvrés se promènent paisiblement sans but, jour et nuit, au bord d'un lac, au pied d'une montagne, le long du chemin—tout à coup comme réveillés en sursaut ils se jettent sur un autre promeneur aussi très paisible et lui demandent «Fos-bapiers»—et s'il n'a pas de passeport (qu'on n'exige plus à la frontière) ils le mènent au violon...

Le policier de Genève sent Paris à une lieue—c'est presque un sergent de ville, amateur de son métier. Pour constater ce fait on n'a pas besoin d'entrer en ville—il suffit d'arriver au débarcadère du chemin de fer du côté Suisse. Après l'aménité italienne et la simplicité des cantons allemands l'antichambre de la France s'annonce brusquement. Le pays de la réglementation, de l'administration, de la centralisation, de la tutelle, de la surveillance, des ordonnances, des avertissements, des suggestions et insinuations — se reflète splendidement de l'autre côté du lac et du Jura. Les conducteurs de chemin de fer, les gardiens se transforment à vue d'oeil en employés d'une haute cour, en pachas des rails, en geôliers de wagon, et avant tout en ennemis personnels du voyageur; ce ne sont pas ses serviteurs, ses égaux — ce sont des chefs sévères et exigeants — avec lesquels je ne vous conseille pas de plaisanter et de discuter—si vous ne tenez pas à savoir jusqu'où peut aller la grossièreté franco-genevoise et la par-

тiалитiе de l'administration mixte. La France a si bien chloroformisй Genйve qu'elle ne sentira presque pas l'opйration de l'annexion. Quoique il se trouve une minoritй qui fera dans l'estomac de la baleine gauloise un remue-mйnage non moindre й celui de Ionas—mais la France n'est pas une baleine biblique—ce qu'elle a englouti—elle ne le rend pas de si tйt. Au reste l'idйe de la fusion avec la France n'est pas nouvelle—et ce n'est pas le premier Consul qui l'ait inventй.—Cette idйe trottait dйjа dans la tйte de Calvin. Pourtant tout bien pesй et ayant trouvй de grandes facilites pour rйtir un homme innocent й la place de la Fusterie—il s'arrangea avec l'indйpendance de sa sainte citй et de son canton.

1867.

Переводъ.

Побйдитель при Кульмй, графъ Остерманъ-Толстой, дуясь на императора и на русскій дворъ, провелъ въ Женевй все царствованiе Николая. Самъ аристократъ, онъ не былъ большимъ другомъ женевскихъ патрициевъ и олигарховъ.

— Подумайте-ка, — сказалъ онъ мнй однажды, — они разыгрываютъ важныхъ господъ, потому что ихъ предки, прежде предковъ ихъ сосйдей, ни къ чему не годныхъ, продавали по двойной цйнй форелей, между тймъ какъ другiе относились къ нимъ такъ, какъ если бы это, дйствительно, давало поводъ для какихъ-то предпочтенiй.

— Вы забываете, графъ, — сказалъ я ему, — что у женевскихъ патрициевъ имйются для этого и другiя основанiя.

— Какiя же, скажите, пожалуйста?

— Они бжжали, когда отечество было въ опасности, и вернулись, отчасти благодаря вамъ, подъ охраной казакговъ и кроатовъ, какъ короли и великiе люди другихъ странъ.

Непреклонный старецъ улыбнулся. *Блудные племянники* еще строже осудили женевскую аристократiю, и всйхъ строже — наиболйе заблудшiй изъ нихъ, *Джемсъ Фази*.

Джемсъ Фази, это — вйчное наказанiе женевского патрицианства, его пытка передъ смертью, его палачъ, его позорный столбъ, прозекторъ и могильщикъ. Плоть отъ ихъ плоти и кость отъ ихъ кости, потомокъ одной изъ старинныхъ фамилiй, которая вмйстй съ Кальвиномъ скучала во славу Бога, Фази безъ зазрйня совйсти поднялъ отцеубийственную руку, чтобы поразить благочестивыхъ старцевъ съ серебряными волосами и съ золотою мошной.

Ставъ во главй недовольныхъ, онъ взялъ за шиворотъ всйхъ

этихъ «дядей отечества», избранныхъ ихъ собственными арендаторами, приказчиками и служащими, и выбросилъ ихъ вонъ изъ Большого Совѣта, послѣ чего, вполнѣ естественно, занялъ ихъ мѣсто и во время засѣданія голосовалъ за себя самого и, именемъ женевского народа, довѣрилъ себѣ диктаторскую власть. Сень-Жервэ и бѣдная Женева ликовали.

Напуганные старцы поднялись еще этажомъ выше и устроили еще одинъ засовъ на своихъ дверяхъ...—Ихъ мозги начали смягчаться съ еще большею быстротою, а ихъ сердца въ соотвѣтствующей пропорціи становились жестче. Ни остроумія, ни таланта—моральная ограниченность. Дж. Фази былъ, можно сказать, послѣднимъ умнымъ человѣкомъ старой Жены.

Онъ очень напоминаетъ хищную птицу. Семидесяти лѣтъ, сгорбленный, онъ напоминаетъ ястреба; онъ худъ и истощенъ; у него безжалостный клювъ, пронизывающій взглядъ. Полный дѣятельности, отваги, обвинительныхъ проектовъ, онъ всегда готовъ бросить перчатку, поднять двѣ перчатки. Подумайте же, чѣмъ онъ былъ двадцать два года тому назадъ, во времена «Sonderbund'a»—и съ такимъ-то противникомъ должны были помѣряться силами наши старцы! Ораторъ неистовый, рѣзкій, безпощадный, беззащитный, Фази умѣлъ мастерскою рукою пользоваться всякимъ матеріаломъ, чтобы сдѣлать изъ него палицу, всякимъ камнемъ, чтобы сдѣлать изъ него пращу. Онъ досаждалъ противникамъ шутками и таинственными сообщеніями, общими теоріями и личными намеками, разоблаченіями и умолчаніями... Лестецъ толпы, онъ никогда не говорилъ ея языкомъ и нисколько не скрывалъ своихъ манеръ хорошо воспитаннаго человѣка. Все шло ему на пользу и прежде всего его недостатки. Среди святой скуки суроваго города Кальвина откровенная распущенность Фази, его плохое общепризнанное поведеніе, его блестящіе пороки удесятѣрили ненависть *чистыхъ* старцевъ и привязывали къ нему всю молодежь; Фази былъ головою выше своихъ приверженцевъ и тремя—всѣхъ своихъ противниковъ. Прибавьте къ этому большую проницательность въ дѣлахъ, увѣренный и рѣшительный взглядъ, необычійна сила и легкость въ работѣ, огромную настойчивость и безпокойную сварливую раздражительность,—и вы поймете, что стороны были не равны. Дипломатъ и демагогъ, заговорщикъ и полицейскій комиссаръ, президентъ республики и прожигатель жизни, онъ подходилъ еще въ себѣ избытокъ свободныхъ силъ, которыя его пожирали и мучили.

Рамки кантона были, очевидно, для него слишкомъ малы и стѣсняли его. Онъ ѣздилъ десять разъ въ годъ въ Парижъ, чтобы

освѣжитъся въ *parties fines* ¹⁾ и на балахъ Оперы. Маленькій городъ его избаловалъ; онъ привыкъ кричать, стучать кулакомъ по столу, приходить въ ярость отъ замѣчаній; видя вокругъ себя людей, которые были всегда ниже его, онъ усвоилъ наглый и беззащитный тонъ. Окруженный обществомъ скупымъ или бѣднымъ, онъ выработалъ привычку швырять деньгами, а когда ихъ не хватало, прибѣгалъ къ *доллам*. Долги—нашъ единственный экономическій національный ресурсъ въ Россіи, наша маленькая хозяйственная хитрость, эти долги, въ глазахъ женевскихъ Гарпагоновъ ²⁾ должны были погубить Фази больше, чѣмъ семь смертныхъ грѣховъ, тѣмъ болѣе, что онъ ихъ никогда не платилъ.

Впрочемъ, долги и ненависть мало его беспокоили, пока молодая, трудящаяся, бѣдная Женева отдавала ему свои голоса и свои кулаки. Но все имѣетъ свой конецъ въ дѣлахъ человѣческихъ. Около 15 лѣтъ тиранъ Лемана ³⁾ управлялъ кантономъ; онъ расширилъ городъ, срылъ укрѣпленія, развелъ сады, построилъ дворцы, перебросилъ мосты, открылъ одинъ игорный домъ и никогда не думалъ закрыть *другіе дома*, но дни его всемогущества были сочтены. Союзникъ съ другого берега пришелъ на помощь старцамъ. Фази былъ созданъ для борьбы, онъ въ ней состарился, и, когда ему случалось не сразу же брать верхъ надъ противникомъ, онъ отступалъ, какъ раненый левъ въ свое С.-Жервэ, чтобы затѣмъ выйти оттуда вдвое сильнѣе и съ удвоенной яростью.

Сражаясь съ такимъ врагомъ, какъ Фази, старые формалисты, предоставленные своимъ собственнымъ силамъ, только и могли что отступать. Они вели мелкую войну съ заржавленнымъ оружіемъ парламентаризма и потихоньку распространяли клеветы. Они никогда не знали, съ какой стороны ударить врагъ. Можно было всего ожидать отъ такого беззащитнаго противника. И покауда масса была за него, его сила была несокрушима. Привлечь народъ воспоминаніями стараго рабства было дѣломъ далеко нелегкимъ.

Опираясь всегда на свою живую стѣну, Фази, въ концѣ концовъ, началъ чувствовать, что стѣна уже не такъ крѣпка, какъ раньше, и не поддерживаетъ его съ прежнимъ пыломъ.

Цѣлые годы онъ не хотѣлъ этому вѣрить, пробовалъ сомнѣваться, но, наконецъ, сомнѣніе стало невозможно: то тутъ, то тамъ слышался ропотъ или, еще хуже, замѣчалось безразли-

¹⁾ Специальное французское выраженіе для обозначенія обставляемыхъ обычно глубокой тайной интимныхъ прогулокъ.

²⁾ Гарпагонъ—главное дѣйствующее лицо комедіи Мольера «Скупецъ».

³⁾ Латинское названіе Женевского озера.

чие. Задѣтый за живое, гладіаторъ обернулся съ разгнѣваннымъ видомъ, чтобы видѣть, кто возмутился противъ прежняго начальника, Тѣнь социалистовъ, Альбертъ Галеръ, съ мрачнымъ видомъ качалъ головою; казалось, тѣнь указывала на рабочихъ и говорила: «Они больше — не твои». Фази презиралъ идеи этого суроваго апостола и преслѣдовалъ его до могилы. Будучи подъ землею — онъ выросъ и укрѣпился въ душахъ своихъ учениковъ; его заря занималась — солнце Фази закатывалось.

Старый боецъ снова бросился въ бой, но, для борьбы на два фронта, у него не хватило силъ.

Вы можете прослѣдить въ этой борьбѣ всю историческую драму нашего времени. Радикальная партія ослабѣла и безъ видимой причины раскололась. Одна фракція покинула стараго вождя, другая продолжала его носить на своемъ щитѣ съ возгласами радости, третья, деморализованная, объявила себя «независимою». Земля уходила изъ-подъ ногъ демократическаго диктатора. Равнодушно проходили рабочіе мимо мѣста поединка, старая борьба не имѣла для нихъ больше интереса. Напрасно противники вцѣпились другъ другу въ волосы и катались въ пыли — у рабочихъ были другія заботы...

Начиная съ 1860 г. взаимная ненависть между радикалами и консерваторами обострилась до такой степени, что превратилась въ періодическія побоища съ членовредительствомъ. Противники пользуются каждымъ общественнымъ дѣломъ, чтобы «намять другъ другу бока». Послѣ каждыхъ выборовъ, побѣдители и побѣжденные были татуированы, какъ ирокезцы: одни съ фонаремъ подъ глазомъ, другіе съ разбитымъ носомъ, третьи въ синякахъ. Ни одна страна въ мірѣ не приноситъ на алтарь отечества столько мускульныхъ усилій и тумачковъ, какъ благочестивый городъ Кальвина. И точно такъ же нигдѣ съ такимъ ожесточеніемъ и такъ часто не занимаются выборами, какъ въ Женевѣ. За мѣсяцъ до выборовъ только объ нихъ и говорятъ, и цѣлый мѣсяцъ послѣ выборовъ только объ нихъ и спорятъ. Радикалы и реакціонеры, несогласные ни въ чемъ, согласны въ великомъ значеніи Женевы въ дѣлѣ мірового прогресса. Для вторыхъ это — Римъ «очищеннаго протестантизма»; для первыхъ это — замѣстительница, «luogo tenente» Парижа во время его летаргіи. Они всѣ увѣрены, что точно такъ же, какъ весь міръ провѣряетъ время по женевскимъ часамъ, всѣ политическія партіи взирають на кантонъ, чтобы узнать духъ времени. Послѣ этого вполне естественно, что они день и ночь заняты выборами — вѣдь, они выбираютъ не только для города и сельскихъ мѣстностей, которыя его окружають, но для цѣлаго міра.

Дважды повернувъ ключъ въ замкъ, со спущенными шторами, *консерваторы* замышляютъ заговоры натошакъ, окутанные фланелью, то вычисляя, какъ подешевле подкупить кого-нибудь, то учитывающая моральныя вліянія. Въ то же время *радикалы* также конспирируютъ, даже больше, и такъ же при дверяхъ, запертыхъ на ключъ, но — извнѣ. Демократія, голосующая и воюющая, выступаетъ въ походъ не натошакъ, но глотнувши абсента. Она съ утра проводитъ время въ кафэ, поглощая съ патріотическимъ самоотреченіемъ невозможное пиво и не смѣя жаловаться, такъ какъ хозяинъ кафэ не только радикалъ, но и власть, центръ собранія и избиратель.

Въ сущности, все это дѣлается платонически. Ни интриганы, ни радикалы нисколько не заботятся о существѣ дѣла, они заняты общими мѣстами и побѣдою или пораженіемъ извѣстныхъ лицъ. Остальное ступшевывается, какъ деталь, и очень часто случается, что радикалы голосуютъ за консервативный законъ, а консерваторы — за радикальный.

Эта политическая гимнастика окончательно разрушила прежнія партіи.

Въ теченіе пятнадцати лѣтъ господства радикаловъ въ Женевѣ ея законодатели почти совсѣмъ не затронули цѣлага арсенала ужасающихъ и дикихъ законовъ, которые освящаютъ самое возмутительное отсутствіе всякихъ человѣческихъ правъ и издѣваются надъ самыми элементарными понятіями объ уваженіи къ личности.

Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно бросить взглядъ на текстъ маленькихъ *книжскъ* или «видовъ на жительство» (*permis de séjour*), которые навязываются всѣмъ иностранцамъ. Всякій «неженевецъ», даже швейцарецъ изъ другого кантона, безапелляціонно отданъ во власть того *часовщика*, которому въ данный моментъ довѣренъ полицейскій хронометръ. Онъ имѣетъ право *изнать* иностранца, то-есть разорить отца семейства, удалить надобдливаго врага, опаснаго конкуррента, за *плохое поведеніе*. Никому изъ законодателей даже въ голову не пришло точно опредѣлить, что понимается подъ плохимъ поведеніемъ; для кальвиниста, напримеръ, худшій изъ возможныхъ поступковъ — пойти въ католическую церковь и *vice-versa* для католика.

Въ концѣ статьи я приведу нѣсколько эпизодовъ, свидѣтельствующихъ объ этомъ полицейскомъ безстыдствѣ. Хорошъ *сѣтъ* послѣ *трака!*

Однажды я показалъ одному изъ радикальныхъ членовъ бывшаго правительства унизительный текстъ моей собственной книжки.

— Все это—сказалъ онъ—никогда не исполняется!

— Значить, вы сохраняете эти чудовищныя вещи въ вашемъ законодательствѣ, какъ пріятное воспоминаніе?

— Ахъ, если-бъ вы знали, сколько плохихъ законовъ мы отмѣнили!

— Почему же вы сохранили остальные?

— Вы же знаете, каково было наше положеніе, особенно послѣ 1848 г. Франція, Австрія, Пруссія...

— Это сюда не относится. Вамъ, очевидно, нужно было сохранить въ вашихъ рукахъ этотъ произволь, которому нѣтъ имени.

— Пусть такъ, но развѣ мы злоупотребляли имъ?

— Я ничего не знаю объ этомъ, но, вѣроятно, да. Вы должны были, по крайней мѣрѣ, постараться, чтобы судъ участвовалъ въ дѣлахъ изгнанія. Если двѣнадцать женевцевъ, которыхъ я не знаю, захотятъ избавиться отъ меня, то я уйду, не говоря ни слова...

— А вы воображаете, что мы раньше не думали объ этомъ, и что только вы принесли намъ этотъ свѣтъ съ сѣвера?

— Въ такомъ случаѣ, кто мѣшалъ вамъ это сдѣлать?

— Если бы мы остались у власти...

— Дорогой гражданинъ, вы бы все равно ничего не сдѣлали. Съ 1846 г. времени было достаточно. О, Кальвинъ!.. какой холодный вѣтеръ дуетъ съ твоей могилы... какъ онъ гаситъ полбину человѣческихъ чувствъ, и какъ онъ ожесточаетъ сердца! Какъ сурова и печальна жизнь въ Женевѣ, не будучи въ то же время ни серьезной, ни сосредоточенной! Фази пытался прикрыть пуританскій фонъ полинявшими драпировками съ слишкомъ вольными и сладострастными рисунками, но сухія кости кальвинизма едва скрыты—ихъ чувствуешь... Церковь безъ украшеній, демократія безъ равенства, женщины безъ красоты, пиво безъ вкуса или, что еще хуже, съ отвратительнымъ вкусомъ... — и все это, доведенное до простоты, которая къ лицу человѣку, занятому спасеніемъ своей души и своего капитала.

Даже кутежи въ Женевѣ настолько ограничены самымъ необходимымъ, что почти столько же пугаютъ, сколько притягиваютъ. «Грѣши, если это необходимо, но не наслаждайся» — вотъ чистый кальвинизмъ.

Лозанна, полу-безумная отъ религіозныхъ эксцессовъ, разсматриваетъ свѣтскій театръ, какъ оскорбленіе божественнаго театра, каковымъ является церковь, и упрямо отказывается отъ вотированія средствъ, необходимыхъ для возстановленія сгорѣвшей

оперы — и все, что въ Лозаннѣ не совсѣмъ охвачено безуміемъ, только и мечтаетъ о постройкѣ новаго театра. Театръ занимаетъ воображеніе, отвлекаетъ умы отъ послѣднихъ новостей библіи, только-что принесенныхъ бродячими, ничего недѣлающими и скитающимися пасторами... Въ Женевѣ, напротивъ, два театра, но они такъ наводнены «деревенскими камеліями» (*Camelia campestris*) и разными оборванцами, что солидные люди и частныя ¹⁾ женщины (за исключеніемъ иностранокъ) посѣщаютъ театръ только въ случаѣ крайней необходимости.

Зато если распушенность нравовъ, принесенная подонками общества и съ той стороны границы, усиливается, то въ Женевѣ существуетъ полиція, которая не оставляетъ желать ничего лучшаго. Женева любитъ принимать рѣзкія мѣры...

Какой прогрессъ въ сравненіи съ полиціей другихъ кантоновъ — съ ея допотопными жандармами въ киверахъ эпохи войнъ 1814 г. и въ баварскихъ каскахъ времени маршала Вреде. Эти бравые бездѣльники мирно и безцѣльно прогуливаются день и ночь по берегу озера или вдоль дороги у подножія горы, и вдругъ, какъ-бы проснувшись, бросаются на человѣка, который прогуливается такъ же мирно, и спрашиваютъ его: «Fos-bapiers» ²⁾ — и, если у него нѣтъ паспорта (котораго больше не требуютъ на границѣ), они его уводятъ въ тюрьму...

Отъ женевского полисмена пахнетъ Парижемъ на разстояніи цѣлой мили, это — почти городской сержантъ, любящій свое ремесло. Чтобы убѣдиться въ этомъ, нѣтъ надобности входить въ городъ, достаточно прибыть на дебаркадеръ желѣзной дороги со стороны Швейцаріи. Послѣ итальянской вѣжливости и простоты нѣмецкихъ кантоновъ передняя Франціи заявляетъ о себѣ очень рѣзко. Страна регламентаціи, администраціи, централизаціи, опеки, охраны, приказовъ, предупрежденій, внушеній и инсинуацій отражается блестящимъ образомъ съ другой стороны озера и Юры. Желѣзнодорожные кондуктора и сторожа въ мгновеніе ока превращаются въ служителей верховнаго суда, въ желѣзнодорожныхъ пашей, въ вагонныхъ тюремщиковъ и, прежде всего, въ личныхъ враговъ путешественника; это — не слуги его, не равные ему, это — строгіе и требовательные начальники, съ которыми я вамъ не совъѣтую шутить и спорить, если вы не хотите, во что бы то ни стало, узнать, до чего простирается франко-женевская грубость и пристрастность смѣшанной администраціи. Франція такъ хорошо

¹⁾ Т.-е. не-публичныя.

²⁾ Въмѣсто «Vos papiers» — Ваши бумаги!

захлороформировала Женеву, что она почти не почувствуетъ даже операцію присоединенія. Хотя и существуетъ меньшинство, которое произведетъ въ желудкѣ галльскаго кита передрягу, не меньшую, чѣмъ та, которую произвелъ Иона, но Франція—не библейскій китъ, и то, что она поглотила, она не возвращаетъ такъ скоро обратно. Впрочемъ, идея сляянiя съ Франціей не нова, и не первый консулъ ее выдумалъ: эта идея бродила уже въ головѣ Кальвина. Однако, взвѣсивши все и найдя безъ труда возможность изжарить невиннаго человѣка на площади Фюстери, онъ примирился съ независимостью своего святого города и своего кантона.

1867.

Библиографическій комментарий.

(Сокращения: Наталія Александровна Герценъ, жена = Н. А.—на; «Сочиненія А. И. Герцена», Женева, 1875—79 гг. = Жен. изд.; «Собраніе сочиненій А. И. Герцена», СПб., 1906 г. = СПб. изд.; Румянцовскій музей въ Москвѣ = Рум. муз.; архивъ семьи Герцена = АСГ.; «Колоколь» = «Кол.»; «Полярная Звѣзда» = «П. З.»; Пушкинскій домъ при Академіи наукъ = Пушк. д.; «Былое и думы» = «Б. и д.»).

Былое и думы.

Часть первая ¹⁾.

Посвященіе—напечатано въ I томѣ «Былого и думъ» Искандера, Лондонъ, 1861 г.; вмѣсто «томъ», книга названа «частью», несмотря на то, что въ ней самой было *два* части; отсюда и началось постоянное смѣшиваніе самими Герценомъ *томовъ* съ *частями*; повторено въ VI т. Жен. изд. и II т. СПб. изд.; свѣрено по изд. 1861 г.

(Предисловіе)—напечатано въ VI кн. «П. З.»; повторено въ I т. «Б. и д.» 1861 г., VI т. Жен. изд. и неисправно во II т. СПб. изд.; свѣрено по изд. 1861 г.

(Затѣчаніе)—напечатано во II кн. «П. З.».

Глава I — напечатана во II кн. «П. З.»; повторена въ I т. «Б. и д.» 1861 г., VI т. Жен. изд. и съ купюрами во II т. СПб. изд.; свѣрено по изд. 1861 г.

Главы I—VII изданы по-нѣмецки въ 1856 г. въ Гамбургѣ Гофмайномъ и Кампе—«Aus den Memoiren eines Russen. 3-te Folge. Jugenderinnerungen»;—по-датски — «En Russers Memoirer. Ny Folge. Kjobenhavn», 1856, и по-фран-

¹⁾ При счетѣ строкъ принимается во вниманіе каждая строка, не исключая заглавій, выносокъ и пр., но не пагинаціи страницъ.

цузски—«Le monde russe et la révolution. Mémoires de A. Herzen», t. I, Paris, 1860.

Варианты по «П. З.» на 1856 г.

- Стр. 13—16 сн. Вмѣсто «сидимъ и плачемъ»—«сидѣли и плакали».
- » 15—5 сн. Не было «къ намъ».
  - » 17—14 сн. «Дни и ночи».
  - » 21—4 св. Вмѣсто «минуточку»—«минуту».
  - » » — 5—3 сн. Вмѣсто «страницы, въ которыхъ» — «глава, въ которой»; «выпущены»—«выпущена»; «ихъ»—«ее».
  - 22—2 св. Не было «съ графами Дивіеръ».
  - » —12 св. Вмѣсто «переговоровъ»—«переговора».
  - 24—8 св. Этой строки не было.
  - » —19 сн. Вмѣсто «чѣмъ»—«нежели».
  - 25—22 сн. Вмѣсто «забываль»—«пропускаль».

Глава II—напечатана: до 6 стр. сверху стран. 43 во II кн. «П. З.», дальше до 12 стр. сн. стран. 44—въ I т. «Б. и д.» 1861 г., дальше до конца—во II кн. «П. З.»; повторена въ I т. «Б. и д.» 1861 г., въ VI т. Жен. изд. и II т. СПб. изд.; свѣрено по изд. 1861 г.

Варианты по «П. З.» на 1856 г.

- Стр. 28—13 св. Не было «у Сенатора».
- » 29—16 св. Курсива не было.
  - » » —19 св. Вмѣсто «чѣмъ»—«нежели».
  - » 30—21—20 сн. Вмѣсто «какъ томно и однообразно шло для меня время»—«что время шло томно и однообразно для меня».
  - » » —18—17 сн. Не было «онъ баловаль меня только лѣтъ до десяти».
  - » 31—4 св. Вмѣсто «чѣмъ»—«нежели».
  - » 32—15 сн. Тоже.
  - » 33—11 сн. Тоже.
  - » 34—1 сн. Вмѣсто «старецъ»—«старикъ».
  - » 35—7 сн. Вмѣсто «проступками»—«преступленіями».
  - » 36—7 сн. Не было «въ».
  - » » —6 сн. Вмѣсто «премію»—«приму».
  - » » —3 сн. Тоже.
  - » 38—16 сн. Послѣ «мучениковъ»—«потерявшихся».
  - » » —11 сн. } Вмѣсто «англійскій клубъ»—«англійскомъ клубъ».
  - » » —10 сн. }
  - » 39—2 св. Вмѣсто «Трубецкой»—«Т.»
  - » » —5 св. Послѣ «видомъ»—«и съ».
  - » » —19 сн. Послѣ «Васильевскомъ»—«это уже было въ 1830 г.».
  - » 40—12 св. Не было «къ».
  - » 41—20 св. Не было «вмѣстѣ съ Сенаторомъ».
  - » » —18 сн. Не было «въ домѣ Сенатора; ключъ былъ у Кало».
  - » » —10—9 сн. Не было «и русскаго «Театра»».
  - » » —7 сн. Послѣ «я»—«и».

- Стр. 42—1—2 св. Въмѣсто «притомъ въ русскомъ переводѣ «Театра»—«каторую до сихъ поръ люблю».
- » — 5 св. Въмѣсто «ощущеніе»—«чувство».
- » —14 св. Послѣ «кудри»: «и мнѣ было какъ-то невыносимо грустно и хорошо». Въ слѣдующей фразѣ «я» въ самомъ началѣ.
- 43— 5 св. Не было «въ томъ».
- 44—11 сн. Въмѣсто «около того времени»—«тутъ».
- 45—14 св. Курсива не было.
- » — 6— 4 сн. Не было.
- » — 2 сн. Послѣ «языкъ»—«(ils estropient)»; послѣ «его»—«(dégradent)».
- 46—13 сн. Послѣ «нѣмцы»: «(въ особенности, вѣроятно, брауншвейгцы)».
- 47— 4—5 св. Въмѣсто «оставался въ совершенномъ одиночествѣ»—«попался въ совершенное одиночество».
- » —20 сн. Послѣ «катехизисъ»—«какъ видите».
- » —17—14 сн. Не было всей фразы.

«Глава III — напечатана во II кн. «П. З.», повторена въ I т. «Б. и д.» 1861 г., въ VI т. Жен. изд. и съ значительными купюрами во II т. СПб. изд.; свѣрено по изд. 1861 г. Въ № 308 (16 февраля) 1856 г. «The Leader» данъ переводъ отрывка. Имя «корчевской кузины» Герценъ не раскрывалъ, справедливо опасаясь неприяностей для Т. П. Пасека отъ русскихъ властей, и такъ уже оказывавшихъ ей особое вниманіе, несмотря на ея полную «благодарность».

Варианты по «П. З.» на 1856 г.

- Стр. 50— 5 св. Въмѣсто «чѣмъ»—«нежели».
- » » — 6 св. Въмѣсто «въ головѣ»—«по головѣ».
- » —21 св. Передъ «небо»—«все».
- « » —20—11 сн. Не было.
- » 52— 3 св. Въмѣсто «аристократами»—«бургграфами».
- » » — 7 св. Послѣ «другіе»—«гораздо».
- » » — 8 св. Передъ «однѣ»—«да».
- » » —11 св. Въмѣсто «бродящая»—«этотъ сломившійся отъ горя ангель бродящій».
- » —17 сн. Въмѣсто «гувернанткой»—«учившая его дочерей».
- » —14 сн. Въмѣсто «уѣхать изъ Петербурга»—«ѣхать въ Парижъ».
- » —12 сн. Въмѣсто «однимъ»—«одинъ».
- 53—19—20 св. Въмѣсто «Черезъ день онъ предложилъ ей» — «Дѣвушка рыдала отъ восторга; это тронуло «преступника», — онъ ей предложилъ».
- » —24 св. Послѣ «работу.» — «Сердце разбойника не было царскимъ!»
- » —16 сн. Послѣ «испытаннаго»: «съ того дня, какъ ее услали въ Парижъ, чтобы спасти отъ нея аристократическую родословную, дѣтѣхъ поръ, пока дружба и покровительство разбойника сдѣлались ей ненужны».
- » —14— 6 сн. Не было.
- 54— 1 св. Въмѣсто «ровно черезъ годъ»—«черезъ нѣсколько мѣсяцевъ»

- Стр. 54— 7 св. Вмѣсто «незаконному»—«незаконнорожденному».
- > > —11 св. Передъ «братъ»—«Незаконный».
  - > > —13 св. Не было «на».
  - > > —14 св. Послѣ «это»: «Тогда онъ отдалъ имъ имѣніе, говоря, что оно не въ самомъ дѣлѣ ему принадлежитъ».
  - > —14 сн. Вмѣсто « . . . »—«Тамъ ждалъ онъ вѣсти о казни и дождался».
  - 55—13 св. Послѣ «Кремль»—«я уже говорилъ объ немъ ¹⁾».
  - > —14 св. Вмѣсто «видѣлъ его»—«его видѣлъ».
  - > —15— 2 сн. Не было.
  - 56— 7 св. Не было «у гетеры».
  - > — 8 сн. Курсива не было.
  - 57— 8 св. Не было «часто».
  - > —15 св. Не было «„Думы“ Рылѣва».
  - > —28 св. Вмѣсто «среди»—«середь».
  - 59— 8 св. Вмѣсто «чѣмъ»—«нежели».
  - > —17 сн. Вмѣсто «скромнымъ»—«скорымъ».
  - 60—20 св. Не было «искусственной, іезуитской»; послѣ «скромности»—«до застѣнчивости».
  - > —23 св. Послѣднія три слова курсивомъ.
  - > —24 св. Послѣ скобокъ—«въ монастырѣ».
  - 61— 9 св. «Съ тѣмъ»—курсивъ.
  - 63—17 св. «Вмѣстѣ»—курсивъ.
  - > —23 св. Послѣ этого:

«На умъ приходятъ часто мнѣ
Мои младенческіе годы,
Село въ вечерней тишинѣ,
Въ саду свѣтящаяся вода
И жизнь въ какомъ-то полуснѣ».

(«Юморъ»).

- > — 8 сн. «Отдохнуть»—курсивъ.
- 65—23 св. Вмѣсто «мѣстѣ изящнѣе»—«изящнѣе мѣстѣ».
- 66— 1 св. Вмѣсто «было»—«бывало».
- > —10 сн. «Самъ о себѣ»—курсивъ.
- 67—17 св. Послѣ «разсказывать»—«не знаю».
- 68— 9 св. Послѣ « . . . »—«И».
- > —19 св. Послѣ «вода»—«такъ».
- > —24 св. Вмѣсто «бывшій»—«бывавшій».

Глава IV— напечатана во II кн. «П. З.», какъ конецъ III главы; къ ней относился инициалъ «Н.» въ оглавленіи; повторена съ большими дополненіями въ I т. «Б. и д.» 1861 г., въ VI т. Жен. изд. и съ купюрами во II т. СПб. изд.; свѣрено по изданію 1861 г.

¹⁾ «См. I книж. «Полярной Звѣзды», стр. 228». А. И. Г.

Варианты по «П. З.» на 1856 г.

Стр. 70. Заглавія и эпиграфа не было.

- » » —11 св. Не было «гувернера».
- » 71—1—2 св. Вмѣсто «завитой бѣлокурой накладкѣ»—«завитомъ бѣлокуромъ парикѣ».
- » —8—9 св. Не было «и котораго Зонненбергъ называлъ Никомъ».
- » —15 св.—Вмѣсто «Ника»—«Н.», какъ и дальше.
- » —20 св. Вмѣсто «потомъ»—«въ своей чудесной поэмѣ».
- 72—12 св. Вмѣсто «чѣмъ»—«нежели».
- » —15 св.—11 сн. Не было.
- » — 2 сн. Вмѣсто «должна   принять»—«съ самаго начала приняла».
- 73— 6 св. Послѣ «сродства»—«такъ сказать».
- » —13 св. Не было «или семь».
- » —14 св. Не было «песокъ и».
- » —16 св. } Не было.
- 74—19 св. } Не было.
- » —20 св. Вмѣсто «Запыхавшись . . .солнце»—«Разъ вечеромъ стояли мы, особенно хорошо настроенные, на Воробьевыхъ горахъ; солнце садилось».
- » —21 св. Вмѣсто «стлался»—«стелился».
- » —22—25 св. Вмѣсто «свѣжій   нами»—«мы были на самомъ мѣстѣ закладки храма; молча стояли мы долго, и вдругъ, взявши другъ друга за руку, мы тутъ, въ виду всей Москвы, обрѣкали себя на».
- » — 4 сн. } Не было.
- 75—16 св. } Не было.
- » —17 св. Вмѣсто «Съ   разлучались» — «Мы были неразлучны».
- » —23 св. Вмѣсто «Огарева»—«Н.»
- » —10— 9 сн. Не было.
- » — 8 сн. Передъ «я»— «Обыкновенно».
- 76— 5 св. «Вашъ»— курсивъ.
- 77— 5 св. Не было «Огаревъ».
- » —12 св. Курсива не было.

Глава V—напечатана во II кн. «П. З.»; повторена съ значительными дополненіями въ I т. «Б. и д.», въ VI т. Жен. изд. и во II т. СПб. изд.; свѣрено по изданію 1861 г. Глава IV въ «П. З.» обозначена тремя строками точекъ.

Варианты по «П. З.» на 1856 г.

Стр. 79— 3 св. Не было «Гости и habitués».

- » » — 4— 7 св. Не было.
- » » — 3 сн. Не было «помѣщицей».
- » 80—16 сн. Вмѣсто «дѣйствительно»—«дѣйствительнымъ».
- » 81— 5 св. Не было «слишкомъ».
- 82—19 св. Вмѣсто «развилъ»—«сдѣлалъ».
- 83— 8 св. Вмѣсто «Къ всему остальному»—«Къ прочимъ несчастіямъ».

- Стр. 84—3 св. } Не было.
 » 85—13 сн. }
 » 86—1 св. Вмѣсто «эксъ»—«ехъ».
 » » —18 св. Послѣ «слабѣть»—«у него».
 » » —19 св. Не было «а».
 » » —22 св. Вмѣсто «Нику»—«Н.»
 » 88—4 сн. }
 » 89—4 св. } Не было «Никита помогаетъ».
 » » —5 св. Не было «при такихъ продѣлкахъ».
 » » —11 св. Вмѣсто напечатаннаго—«въ комнатѣ нѣтъ».
 » » —4 сн. Курсива не было.
 » 90—9 св. }
 » 95—2 св. } Не было «Обѣдъ увидимъ».
 » » —18 св. Послѣ «болень»—«и скучень».
 » » —11 сн. Вмѣсто «Туть»—«Послѣ этого».
 » » —8 сн. Передъ «Старикъ»—«Туть».

Глава VI—напечатана: а) во II кн. «П. З.»: съ начала до 24 стр. св. включ. стр. 107, съ 11 стр. св. стр. 109 до 13 стр. св. включ. стр. 114, строки 13—16 св. стр. 115, съ 17 стр. сн. стр. 115 до черты стр. 124,—все это вошло въ VI главу; тамъ же, въ VII гл. входили: съ 9 стр. до 24 св. стр. 128, съ 13 стр. сн. стр. 128 до 7 стр. св. включ. стр. 135; б) съ 5 стр. сн. («Пришедши» и т. д.) стр. 137 до 9 стр. св. включ. стр. 139—во II приложеніи къ «Тюрмѣ и ссылкѣ», изд. 2-ое; в) все остальное дополнено въ I т. «Б. и д.» 1861 г. Повторена въ I т. «Б. и д.» 1861 г., VI т. Жен. изд. и съ значительными купюрами во II т. СПб. изд.; свѣрено по изданію 1861 г.

Варианты по „П. З.“ на 1856 г.

- Стр. 97—2 св. Вмѣсто «Мы»—«Профессора изъ нѣмцевъ и профессора изъ не-нѣмцевъ».
 » » —3 св. Не было «В. Пассекъ. Генераль Лесовскій».
 » 98—2 сн. Послѣ «Николай»: «съ карамзинскимъ манифестомъ».
 » 99—7 св. Не было «А. Писарева».
 » » —21—22 св. Вмѣсто «а . . . зачатіе»—«и т. п.».
 » 100—9 св. «Бы» послѣ «вздумалъ».
 » » —26 сн. Вмѣсто «на доли процентвъ»—«на процентахъ».
 » » —16 св. Послѣ «или»—«въ Технологическій институтъ. Тоже съ дѣвочками: однѣ приготовлялись къ рукодѣліямъ, другія къ должности нянюшекъ и».
 » 101—9 св. Вмѣсто «Никомъ»—«Н.» и дальше такъ.
 » 102—3 св. Послѣ «онъ»—«до того»; передъ «слегъ»—«что».
 » » —19—24 св. Не было «Химикъ . . . сыномъ».
 » » —25 св. «Химикъ» передъ «Послѣ».
 » 103—16 св. «Будто бы»—курсивъ.
 » » —2 сн. Вмѣсто «Свербеева»—«С».
 » 104—1 св. Вмѣсто «Хомякова»—«Х».
 » » —14 св. Вмѣсто «стлаль»—«стелиль».

Стр. 104—10 сн. «Вольтеріанізмъ» послѣ «Поверхностный».

- » » — 8 сн. Вмѣсто «спокойный»—«покойный».
- » 105—10 сн. Вмѣсто «почвы»—«земли».
- » 106—12 сн. Вмѣсто «подниметь»—«поднимать».
- » » — 2 сн. Вмѣсто «чѣмъ»—«нежели».
- » 107— 6 св. Послѣ «сентенціи»—«въ этомъ родѣ».
- » » — 8 св. Послѣ «просто»—«на-просто».
- » » — 19 св. Вмѣсто «кончились»—«окончились».
- » » — 22 св. Послѣ «и»—«я».
- » » — 23 св. Вмѣсто «о»—«объ».
- » » — 25 св. } Вмѣсто напечатаннаго—«Подробностей курса я не стану
- » 109—10 св. } рассказывать; мы не нѣмцы,

Мы всѣ учились понемногу,
Чему-нибудь и какъ-нибудь.

Мнѣ университетское время принесло величайшую пользу и каедрой и аудиторіей. Кряжъ молодежи, бывшей съ нами, былъ необыкновенно благороденъ; строгое общественное мнѣніе держало самыхъ слабыхъ въ уздѣ; я не помню ни въ какомъ случаѣ ни доноса, ни предательства; мало ли что случалось при спорахъ юношей, вовсе не приученныхъ еще къ осторожности,—ничего не переходило стѣнъ аудиторіи».

Стр. 109—11 св. Вмѣсто «мальчикъ»—«мальчишка».

- » » — 12 св. Вмѣсто «маловской исторіи»—«маловскомъ дѣлѣ». Послѣ «подъ» — «аристократической». Вмѣсто «кое-что» — «всѣ подробности».
- » — 13 св. Не бѣло «аристократка и княгиня».
- » — 14 св. Вмѣсто «передала»—«привезла». Послѣ «Мы»—«какъ-то».
- » — 15 св. Вмѣсто «мучили» — «домучили». Вмѣсто «остался курса»—«кончивши курса, вышелъ изъ университета».
- » » — 17 св. Передъ «Исторія»—«Маловская».
- » » — 18 св. Вмѣсто «рассказать ее»—«объ ней сказать нѣсколько словъ».
- » 112—28 св. Вмѣсто «подогрѣвалъ»—«разогрѣвалъ».
- » » — 30 св. Вмѣсто «допросили»—«засудили».
- » 113— 9 св. Вмѣсто фамилій—«трехъ».
- » » — 19 св. Не было «брата юстиціи».
- » » — 21 св. Не было «университетскомъ».
- » 114—14 св. } Не было.
- » 115—12 св. }
- » » — 13 св. Вмѣсто «продолжавшагося»—«длвшшагося».
- » — 14 св. Вмѣсто «закрѣтъ цѣлый семестръ»—«съ полгода закрыть».
- » — 15 св. Вмѣсто «принадлежать сама холера»—«сверхъ самой холеры, принадлежать».
- » — 17—26 св. Не было.
- » — 27 св. Вмѣсто «до сихъ поръ»—«вообще».
- » — 6 сн. Послѣ «легитимистомъ»—«съ легитимистомъ».

Стр. 116—19 сн. Вмѣсто «чѣмъ»—«нежели».

- » 118— 5 св. Не было «Сдѣлавшись».
- » 120—16 сн. Не было «1830».
- » 122—18 св. Вмѣсто «рабы»—«рабовъ».
- » » —25 св. Курсивъ вмѣсто «кромѣ»—«другихъ».
- » 123— 3 св. Послѣ «холеры»—«въ».
- » 124—17 св. Послѣ «надувая»—«свои».
- » » —26 св. Послѣ этого:

«Въ Москвѣ не царь,—въ Москвѣ Россія».

- » 128—10 св. Вмѣсто «Вадимъ»—«одинъ изъ нашихъ друзей».
- » » —17 св. Вмѣсто этого—«Позвольте, говорить онъ, да вы Г.?»
- » » —18 св. Послѣ того—«Да, очень радъ».
- » » —23 св. Послѣ «въ»—«концѣ».
- » » —24 св. Вмѣсто «были неразрывными друзьями» — «съ К. были друзьями черезъ всю жизнь».
- » —12 сн. Вмѣсто «Собирались . . . Огарева» — «Всего чаще собирались мы у Н.»
- » —11 сн. Вмѣсто «пореѣхалъ»—«уѣхалъ».
- » —11— 6 сн. Вмѣсто «Онъ . . . сродство»—«Н. жилъ одинъ; у него была довольно большая квартира, а главное, онъ принадлежалъ къ тѣмъ симпатичнымъ натурамъ, которая образуютъ первую стрѣлку кристаллизаціи во всякой массѣ безпорядочно встрѣчающихся атомовъ».
- » — 6 сн. Вмѣсто «становятся незамѣтно»—«дѣлаются».
- » — 5 сн. Послѣ «организма»—«если только онъ возможенъ».
- » — 3 сн. } Вмѣсто «въ которой . . . другой дамъ» — «гдѣ мы шумно
- » 129— 5 св. } и сердце-настежь приходили отдыхать отъ домашнихъ неприятностей и правительственныхъ гадостей, спорить цѣлыя ночи напролетъ, а иногда и цѣлыя ночи кутить,—посѣщали мы тихій кровъ одного изъ нашихъ друзей».
- » » —19 св. Вмѣсто «Пассекъ»—«П.», какъ и дальше.
- » » —21 св. Вмѣсто «и»—«онъ».
- » 130—10 сн. Послѣ «рядовымъ»—«мелкимъ».
- » 131—13 св. Вмѣсто «чѣмъ»—«нежели».
- » 132—13 св. «Людьми» безъ курсива.
- » —24 св. Послѣ «нѣсколько»—«денегъ».
- » —10 св. Курсива не было.

Варианты стр. 137—139 указаны дальше, въ вариантахъ «Тюрьмы и ссылки».

Глава VII—напечатана во II кн. «Н. З.», повторена съ большими дополненіями въ I т. «Б. и д.» 1861 г., въ VI т. Жен. изд. и съ незначительными купюрами во II т. Спб. изд.; свѣрено по изданію 1861 г.

Варианты по «П. З.» на 1856 г.

- Стр. 140—2 св. Не было «Конецъ курса»;—«Молодая юность и артистическая жизнь» сразу послѣ того.
- » — 3 св. Послѣ «жизнь»—«Три гроба».
  - » — 4 св. и до конца—не было.
- 141—17—18 св. вмѣсто «въ отношеніи нераздѣльна» — «хотя, вообще, я ненавижу благодарность: она лишаетъ человѣка свободы, подчиняетъ его; благодарность—начало рабства, начало неравенства. Но въ отношеніи къ университету это чувство мнѣ легко, оно нераздѣльно».
- » — 25 св. вмѣсто «не разошлась и жила еще»—«представляла удивительное явленіе. Всѣ жили».
  - » — 12—3 сн.— Не было.
- 142—11 св. вмѣсто «Иная»—«Наконецъ, идеальная».
- » — 19 св. Послѣ нея: «Многочисленнымъ нашъ кругъ никогда не былъ, несмотря на то, что мы сближались быстро и горячо».
- Дальше уже исправленныя строки 9—24 св. стр. 128.
- 143—30 св. Кончалось на «не тотъ»; дальше слѣдовали строки 13 сн. стр. 128 до 7 стр. св. включ. стр. 135.
- » — 30 св. {
  - 151— 4 св. { Не было «Діапазонъ былъ философія откровенія».
  - » — 5 св. вмѣсто «Такъ»—«этимъ».
  - » — 9 св. вмѣсто «время»—«Годы»; вмѣсто «быстро» . мучило, что—«были страшны».
  - » — 11 св. Послѣ «въ строгости»: «на всемъ чувствовался его тяжелый каблукъ. Но насъ уже не это одно мучило».
  - » — 13 св. Послѣ «пароль»—«политическій».
  - » — 14 св. вмѣсто «теоріи наши»—«самыя либеральныя теоріи».
  - » — 22 св. вмѣсто «Мы принадлежали»—«Нашъ небольшой кружокъ съ Н. не принадлежалъ».
- » 152— 7 св. Передъ «міръ»—«но и».
  - » » — 13 св. Передъ «Религія»—«Развѣ это не».
  - » » — 13 сн. вмѣсто «завѣшанную икону»—«образъ завѣшанный».
- » 153— 9 св. вмѣсто «чѣмъ»—«нежели».
- «Прибавленіе», какъ указано дальше, вошло въ «Тюрьму и ссылку», гдѣ и будутъ даны варианты въ его текстѣ.

Изъ отзывать спеціально о первой части приведу сказанное В. Гюго. Прочитавъ I т. французскаго изданія, онъ написалъ Герцену 15 іюля 1860 г.:

«Дорогой соотечественникъ по изгнанію,—ибо въ настоящее время изгнаніе является отечествомъ честныхъ душъ,—жму вашу руку. Благодарю васъ за прекрасную книгу, которую вы мнѣ прислали. Ваши воспоминанія, это—лѣтопись чести, вѣры, высокаго ума и добродѣтели. Вы умѣете хорошо

мыслить и хорошо страдать,—два высочайших дара, какими только может быть надблена душа человѣка. Изъ глубины сердца поздравляю васъ.

«Я только сожалѣю, что въ этой прекрасной и хорошей книгѣ есть одна страница (218): болѣе, чѣмъ кто-либо другой, вы достойны были дать правильную оцѣнку поколѣнію 1830 г., которое довершило во Франціи революцію событій революціею идей, которое однимъ порывомъ породило социализмъ и романтизмъ, т.-е. новый міръ съ его глаголомъ, и которое нынѣ продолжаетъ свое апостольство сопротивленіемъ и свое священнослуженіе—изгнанничествомъ. Настанетъ день, когда эта идея справедливости захватитъ васъ, и вы прославите молодое поколѣніе 1830 года, клеймя въ то же время молодое поколѣніе 1860 г. За исключеніемъ этой страницы, повторяю, я аплодирую вашей книгѣ съ начала до конца. Вы заставляете ненавидѣть деспотизмъ, вы способствуете уничтоженію чудовища; въ васъ виденъ неустрашимый боецъ и великодушный мыслитель. Я съ вами!» (Привожу въ переводѣ Гершензона—«Былое» 1907 г. IV, исправленномъ по подлиннику, хранящемуся въ АСГ.).

Время написанія каждой изъ главъ первой части точно не можетъ быть опредѣлено; во всякомъ случаѣ это—періодъ 1852—55 гг., на что, съ одной стороны, Герценъ указалъ въ краткомъ предисловіи къ первому изданію «Крещеной собственности» (т. VII стр. 263), съ другой,—что опредѣляется выпускомъ этой части въ свѣтъ во II кн. «П. З.»; окончательная подготовка къ печати—конецъ 1855 г. Разнаго рода указанія самого Герцена относительно той или другой главы «Б. и д.» даны въ алфавитномъ перечнѣ всѣхъ его сочиненій, вошедшемъ въ послѣдній томъ,—то же относится и ко всѣмъ остальнымъ частямъ и главамъ «Былого и думъ».

Часть вторая.

Глава VIII — напечатана въ отдѣльномъ изданіи, объединившемъ гл. VIII—XVIII подъ заглавіемъ «Тюрьма и ссылка» (потомъ сохраненнымъ и въ цѣломъ изданіи «Б. и д.»), «Изъ записокъ Искандера», Лондонъ, 1854; повторена съ незначительными измѣненіями во 2-мъ ея изданіи, Лондонъ, 1858 г., въ I т. «Б. и д.», Лондонъ, 1861 г., въ VI т. Жен. изд. и съ купюрою во II т. СПб. изд.; свѣрено по изданію 1861 г. Два предисловія (1854 и 1858 гг.) даны подъ №№ 742 и 1046bis.

«Тюрьма и ссылка» была переведена и издана съ именемъ автора по-англійски фирмою Hurst and Blacket: «My exile in Siberia», vols. 1—2, London, 1855; по-нѣмецки: Hoffmann und Campe «Aus den Memoiren eines Russen. Im Staatsgefängniss und in Sibirien», Hamburg, 1855,—переводъ М. Мейзенбургъ; по-датски: «En Russers Memoirer eller Statsfaengselet og Sibirien», Kjöbenhavn, 1856; по-французски «La prison et l'exil», Par A. Herzen. Traduit par H. Delaveau, Paris, 1861.

Варианты по 2-му изд. «Тюрьмы и ссылки» 1858 г.

Стр. 196—9 св. вмѣсто «Это»—«Неужели это не».

» » —10 св. вмѣсто «на этотъ разъ»—«на первый случай».

Стр. 196—12 св. Послѣ этой строки строка точекъ.

» » —17 св. Вмѣсто «уезъ Н. П.»—«барина уезъ».

» —24 св. Послѣ «мою голову»: «Я любилъ Огарева страстно, какъ рѣдко любятъ другъ друга, даже въ юности».

» 198— 6 св. Послѣ «на террасѣ»: «зрѣлище разрушенія и дикой силы было мнѣ по душѣ».

» — 7 св. Вмѣсто «М. Ѳ.»—«генерала».

» 200—17 св. Вмѣсто «въ битвахъ, въ»—«на полѣ брани».

» » —18 св. Вмѣсто «влюбилась»—«любила».

» » — 3 сн. Вмѣсто «чѣмъ»—«нежели».

» » — 2 сн. То же.

» 202— 6 сн. Послѣ «юныя»—«чистыя».

Глава IX—(см. гл. VIII); въ СПб. изд.—полностью. Въ текстѣ въ сравненіи съ «Тюрьмой и ссылкой» переимѣнъ сдѣлано не было.

Глава X—(см. гл. VIII); въ СПб. изд. съ купюрами.

Варианты по изданію 1858 г.

Стр. 209— 4 св. Вмѣсто «внутренняго содержанія»—«внутренней полноты».

» » — 5 св. Вмѣсто «привыкаешь быстро»—«скоро привыкаешь».

» 210—11 св. Вмѣсто «Н. Сазоновъ»—«Одинъ изъ моихъ знакомыхъ».

» 211—8—7 св. Вмѣсто «еще 'не»—«яко».

213—18 св. Не было «и».

» —25 св. Вмѣсто «чѣмъ»—«нежели».

215— 1 св. Вмѣсто «таковъ»—«таковы».

» —19 св. Вмѣсто «Мещерскаго»—«М.».

216— 5 сн. Не было «надъ нами».

Глава XI—(см. гл. VIII).

Варианты по изданію 1858 г.

Стр. 218—21 св. Вмѣсто «самъ началъ думать о»—«съ самаго начала думалъ объ».

219— 3 сн. Не было: «впослѣдствіи княгини Гагариной».

222— 4 св. Вмѣсто «разъ»—«раза».

» —17 св. Вмѣсто «язычница-съ» и «некрещеная» — «язычницы-съ», «некрещеные».

224— 2 св. Послѣ «скажете, что»—«онъ».

Глава XII—см. гл. VIII; стр. 13 св. стр. 282 до 31 стр. св. стр. 234 («черезъ плечо») впервые въ I т. «Б. и д.» 1861 г., какъ и стр. 8—22 св. («...въ казематѣ») стр. 235; затѣмъ повторена въ I т. «Б. и д.», въ VI т. Жен. изд. и во II т. СПб. изд. со многими купюрами.

Варианты по изданію 1858 г.

Стр. 225— 6 св. Не было «такъ же».

» » — 8 св. Слова «не могла» передъ «дождаться».

» 226—10 св. Вмѣсто всего стиха—«С . . . . .».

Стр. 226—16 св. Не было «и».

» » —23 св. Вмѣсто «С.»—«Н. М.».

» — 2 сн. Вмѣсто «отличившимся»—«возникшимъ».

228— 1 св. Вмѣсто «несвойственныхъ»—«несвойственный».

» — 3 св. Вмѣсто «выражались»—«выражался».

» —15 сн. Послѣ «споры?»: «вы думаете».

» — 8 сн. Вмѣсто «тель Голицынъ senior»—«тель. Голицынъ junior».

230— 2 св. Вмѣсто «Сергіемъ»—«Сергѣемъ».

231— 3 сн. Вмѣсто «очень»—«милъ».

» — 2 сн. Послѣ «покутить»: «и поразвратничать».

232— 1 св. Вмѣсто «съ оргіи»—«съ оргій и вакханалій».

» — 9 св. Послѣ «государю, и»: «а къ Богу, я».

» —13 св. } Вмѣсто напечатаннаго было: «Соколовскаго содержали

234—10 сн. } хуже всѣхъ; онъ былъ въ московскомъ острогѣ, въ секретномъ отдѣленіи, въ темной конурѣ, но, какъ я сказалъ, несколько не унылъ и тѣшилъ насъ всѣхъ рассказами.

«Пришелъ Голицынъ en grande tenue, въ голубой лентѣ¹».

» — 4 сн. Слово «неуваженіе» безъ «курсива».

235— 8 св. } Вмѣсто напечатаннаго: «Уткинъ умеръ черезъ годъ въ

» —20 сн. } казематѣ».

» —17 сн. Послѣ «смерти»: «двоихъ».

236—11—12 св. Вмѣсто перечисленія фамилій: «первое имя было мое».

Глава XIII—см. гл. VIII; стр. 15 св. стр. 246—до 11 св. включ. стр. 247 впервые въ I т. «Б. и д.» 1861 г., какъ и строки 4 сн. стр. 248—5 св. 249 («...каждой чертѣ») и стр. 28 св. стр. 251—до конца главы.

Варианты по изданію 1858 г.

Стр. 241— 7 сн. Не было «говариваль А. А.».

» 245— 6 сн. Вмѣсто «черные»—«старые».

» 246—15 св. } Не было.

» 247—11 св. }

» » —12 св. Вмѣсто «оглядѣться»—«обглядѣться».

248— 4 сн. } Вмѣсто напечатаннаго было: «На третій день я приѣхалъ

253— 1 сн. } въ Вятку, проѣзжая цѣлые уѣзды, заселенные вотяками, мордвой, черемисами¹⁾».

Приложеніе это озаглавлено «Цѣхановичъ» и потомъ введено въ основной текстъ со слѣдующими измѣненіями:

248— 4 сн. } Вмѣсто напечатаннаго до «черты» включительно, было:

249— 5 св. } «Перечитывая воспоминанія о пермской жизни, мнѣ стало жаль, что я не помянулъ одного человѣка, съ которымъ встрѣча, очень короткая, оставила чуть ли не единственный теплый слѣдъ нѣсколькихъ недѣль, проведенныхъ близъ Уральскаго хребта. Я

¹⁾ «Приложеніе II». А. И. Г.

говору объ одномъ изъ сосланныхъ поляковъ — Цѣхановичѣ. Сосланъ онъ былъ по дѣлу эмиссаровъ, по которому былъ разстрѣлянъ Воловичъ. Человѣкъ лѣтъ подь сорокъ, онъ былъ, не отъ природы, а отъ жизни задумчивъ и тихъ, какъ бываютъ крѣпкіе люди, перешедшіе въ несчастіи ту черту, до которой еще хочется жаловаться на судьбу; онъ не примирился съ ней, но успокоился и оттого былъ силенъ.

«Когда губернаторъ Селастенникъ, мнѣ запретивъ знакомство съ поляками, сосланными въ Пермь, далъ мнѣ случай въ своей пріемной съ ними познакомиться, одинъ ксендзъ пригласилъ меня къ себѣ; у него я засталъ нѣсколько человѣкъ его соотечественниковъ и въ томъ числѣ Цѣхановича. Молча курилъ онъ небольшую трубку, не сказавъ мнѣ ни одного слова; онъ сильно подѣйствовалъ на меня своей наружностью».

Стр. 249—11 сн. Послѣ «всего симпатичнѣе»: «Его дружба съ Клейнмихелемъ такъ же ясно доказываетъ это, какъ назначеніе такихъ генералъ-губернаторовъ, какъ Муравьевъ и Бибииковъ, и впоследствии, какъ Кокоскинъ и Закревскій. Бибииковъ не отсталъ отъ Муравьева, и онъ оставилъ свое историческое изреченіе. Разъ въ Кіевѣ Бибииковъ, подошедши къ окну, увидѣлъ дорожный экипажъ какого-то польскаго пана, ѣхавшаго на контракты; карета была заложена четверкой добрыхъ коней. Не удерживая тогда свой *революціонный* гнѣвъ, Бибииковъ сказалъ: «А еще паны у насъ разѣзжаютъ на четырехъ лошадахъ; ихъ надобно довести до того, чтобъ четверо тащились на одной лошади!» Коммунистъ! Пугачевъ!»

- » » 3 сн. Послѣ «они»—«это».
- » 250—6 сн. Послѣ «ударить»,—«при этомъ онъ».
- » » —14 сн. Въмѣсто «я своимъ черепомъ и цѣпями»—«я черепомъ, я цѣпями».
- » » —20 сн. Въмѣсто «чѣмъ»—«нежели».
- » » —10 сн. Послѣ «кельей»: «При этомъ надобно вспомнить, что въ Перми за сто цѣлковыхъ въ годъ можно было въ мое время нанять отдѣльный домикъ съ мебелью».
- » 251—2 сн. Въмѣсто «сохраню»—«схороню».
- » » —6 сн. Въмѣсто «оторвавъ»—«оторвалъ».
- » » —7 сн. Передъ «подалъ»—«и».
- » » —10 сн. Въмѣсто «что я, изгнанникъ изъ Литвы, подарю»—«я, что изгнанникъ изъ Литвы, я подарю».

Кончалось «Приложеніе» 15 строкой снизу стр. 251.

Глава XIV—см. гл. VIII; въ СПб. изд. со многими купюрами.

Варианты по изданію 1858 г.

Стр. 256—11 сн. Не было «и» послѣ «Вятки».

- » » —9—8 сн. Въмѣсто «Тюфяевъ былъ бы свирѣпымъ комиссаромъ конвента въ 94 году, какимъ-нибудь Каррье»: «Тюфяевъ былъ ко-

миссаръ конвента въ 94 году, Каррье какой-нибудь, энергія и бездушіе котораго были не на службѣ революціи, а на службѣ самовластия».

Стр. 257— 6 св. Вмѣсто «чѣмъ»—«нежели».

» » —16 св. Вмѣсто «о»—«объ».

» » — 9 сн. Вмѣсто «чиновничій»—«чиновническій».

» 258— 1 св. Вмѣсто «Чеботаревъ»—«Ч.» (и дальше тоже).

» 261—14 св. Вмѣсто «въ»—«на».

263—17 св. Не было «Н. Ф. Павловъ».

» —23 св. Вмѣсто «Н. Ф. Павлова»—«Чиновника-литератора».

» —10 сн. Вмѣсто «чѣмъ»—«нежели».

264—20 св. Вмѣсто «галлерѣ»—«галлерей».

» —22 св. Послѣ «диванъ»: «несчастный».

» —12' сн. Вмѣсто «тотчасъ»—«подчасъ».

265—15—16 св. Курсива не было.

266—1—3 св. Курсива не было.

» —13 св. Вмѣсто «вечеромъ»—«вечеркомъ».

268— 3 св. Вмѣсто «и богатые дѣлились братски съ бѣдными»—«но общество ихъ оставалось недоступнымъ для русскихъ».

» —11 св. Послѣ «кавалеристъ»—«нѣсколько навеселѣ».

» » —12 св. Послѣ «меня»—«съ нѣжностью».

» » —13 св. Курсива не было.

» 269—18 сн. Вмѣсто «чѣмъ»—«нежели».

Глава XV—см. гл. VIII; стр. 16 св. стр. 277 до 29 св. включ. 278, стр. 6—1 сн. стр. 283 (отъ «Я видѣлъ») и стр. 8 сн. стр. 289 до 3 сн. включ. стр. 290 впервые въ 1 т. «Б. и д.».

Варианты по изданію 1858 г.

Стр. 272— 7 сн. Вмѣсто «тому числу»—«малому числу честныхъ, но».

273—1—2 св. Вмѣсто напечатаннаго—«взяточничество въ Россіи».

» 274—послѣ 12 св.: «Когда сынъ его былъ приговоренъ къ смерти, отецъ пріѣхалъ проститься съ нимъ. Говорятъ, что онъ въ присутствіи шпіоновъ и жандармовъ осыпалъ сына бранью и упреками, желая выказать свое необузданное вѣрнопопданничество. Отеческое увѣщаніе онъ заключилъ вопросомъ:

— И чего ты хотѣлъ?

— Это долго разсказывать,—отвѣчалъ глубоко оскорбленный сынъ;—я хотѣлъ, между прочимъ, чтобъ и возможности не было такихъ генераль-губернаторовъ, какимъ вы были въ Сибири».

275—14—15 св. Курсива не было.

» —19 св. Не было «Минусинскъ и пр.».

» — 8 сн. Вмѣсто «чѣмъ»—«нежели».

» ^А 2—1 сн. Примѣчанія не было.

277—16 св. }
278—13 сн. } Не было.

Стр. 281— 1 св. Вмѣсто «уъ»—«вотъ».

» 282— 5 сн. Послѣ «дворъ»: «и отодвигая миску съ вонючимъ молокомъ, которую онъ мнѣ принесть».

283—11 св. Не было «вамъ».

» » — 8 сн. Курсива не было.

» » — 6 сн. Кончалось на «съ богомъ».

» 284—17 сн. Передъ «Курбановскій»—«Апостоль».

» 288—17—18 св. Не было: «потомъ . цыганъ».

» 289 8 сн. } Не было.

» 290— 3 сн. }

» 292—17 св. Вмѣсто «и»—«какъ».

Глава XVI—см. гл. VIII; стр. 15 сн. стр. 304 до 14 стр. св. включ. стр. 306 впервые въ I т. «Б. и д.».

Варианты по изданію 1858 г.

Стр. 297— 3 св. Курсива не было.

» 298— 6 св. Передъ «вспоминанія»—«его».

» » — 5 сн. Вмѣсто «этомъ»—«его».

» 304—19 св. Вмѣсто «Вліяніе Витберга поколебало меня»—«Раза два Витбергъ успѣлъ поколебать меня».

» » —20 св. Вмѣсто «все-таки»—«скоро».

» » —26 св. Вмѣсто «чѣмъ»—«нежели».

» » —15 сн. } Вмѣсто напечатаннаго было: «Я былъ религіозенъ, хотя

» 306—14 св. } моя религія и не была наравѣздной.

«Боже мой, какъ все перепутано и странно въ жизни!. Въ этомъ захламленіи вятской ссылки, въ этой грязной средѣ чиновниковъ, въ этой печальной дали, разлученный со всѣмъ милымъ... и тамъ такія чудныя, святыя минуты проводилъ я!»

» —15 св. Не было «А тутъ».

» — 9 сн. Послѣ этой строки, въ которой не было курсива, слѣдовали три строки точекъ.

» — 3 сн. Послѣ «касаться»—«—касаться».

Весь конецъ главы съ 15 стр. св. 306 стр. составляя особую, X главу: «Переписка».

Глава XVII—см. гл. VIII

Варианты по изданію 1858 г.

Стр. 308— 3 св. Передъ «зрѣлище»—«Дикое».

» 310— 8 св. Передъ «строгости»—«узкой».

» 312—21 сн. Вмѣсто «Корниловъ.»—«К.» такъ и дальше.

» 313—Послѣ 15 св.: «Я увѣренъ, что нѣсколько изъ тогдашнихъ друзей еще помнятъ обо мнѣ и не все забыли, о чемъ мы толковали дѣльные вечера въ небольшой комнаткѣ, когда 25—30-градусный морозъ стрѣлялъ на дворъ».

Глава XVIII—см. гл. VIII; съ 14 стр. сн. стр. 318 до 22 стр. св. включ. стр. 322 въ III кн. «П. З.»; послѣднія 4 строки—въ I т. «Б. и д.».

Варианты по изданию 1858 г.

Стр. 318—14 сн. } Вмѣсто напечатаннаго было: «...Новый отдѣлъ жизни
 » 322—до конца } начался для меня съ Владиміра... отдѣлъ чистый,
 ясный, молодой, серьезный, отшельнической и проникнутый лю-
 бовью.

«Но онъ принадлежитъ къ другой части, къ той, за которую я боюсь приняться, которую описывать у меня врядъ достанетъ ли силъ.

«Страшныя событія, жгучее горе, все же, легче кладутся на бумагу, нежели воспоминанія совершенно свѣтлыя, безоблачныя. Будто можно рассказывать счастье?»

«Не ждите отъ меня длинныхъ повѣствованій о внутренней жизни того времени. Есть предметы, о которыхъ я никому не говорилъ, никогда не говорилъ, не потому, что они—тайны, а по какой-то застѣнчивости сердца, по ихъ слишкомъ глубокой и тѣсной связи со всѣмъ бытіемъ, по ихъ нѣжному, волосному развѣтвленію по всему существу.

«Дополните сами, чего недостаетъ, догадайтесь сердцемъ, а я буду говорить о наружной сторонѣ, объ обстановкѣ, рѣдко, рѣдко касаясь намекомъ или словомъ заповѣдныхъ тайнъ своихъ».

Варианты по „П. З.“ кн. III, гл. IV „Владиміръ“.

Стр. 318—до 14 сн. Было: «Ну, прощай,—писалъ я Natalie,—прощай, городъ, въ которомъ прошли почти три года моей жизни, прощай, Вятка, благословеніе изгнанника на тебѣ за твой привѣтъ, за дружбу, которой я былъ окруженъ. Во Владиміръ вся жизнь моя будетъ посвящена тебѣ, тамъ буду я очищать душу и издали молиться тебѣ. Такъ пилигримъ останавливается, не доходя до Іерусалима, гдѣ-нибудь въ Эмаусѣ, проситъ прощенія за прошедшее и готовится. Это будутъ мои сорокъ дней въ пустынѣ.

«Я сдержалъ слово: съ самаго пріѣзда моего, во Владиміръ жизнь сложилась иначе, нежели въ Вяткѣ. Моя небольшая квартира близъ Золотыхъ воротъ скорѣе походила на келью монаха, нежели на берлогу провинціального льва. Да я и не былъ львомъ во Владиміръ. Никакое прошлое разсѣяніе не шло въ голову; рука, подерживавшая меня, служившая мнѣ нравственной опорой была ближе.

«Письма приходили на другой день; казалось, бумага еще была тепла, пульсъ руки чувствовался на ней; слѣдъ взгляда, обращеннаго на строчки, казалось, не успѣлъ пройти...»

» 319— 4 сн. Не было «года».

» » —22 сн. Вмѣсто «много»—«многого».

Первымъ «приложеніемъ» къ «Тюрьмѣ и ссылкѣ» была глава «А. Полежаевъ и сунгуровское дѣло», потомъ включенная авторомъ, какъ прибавленіе, въ I часть «Былого и думъ» съ измѣненнымъ заглавіемъ: «А. Полежаевъ» и передѣланнымъ текстомъ; всѣ сдѣланныя измѣненія даются ниже.

Стр. 154—16—17 св. Въмѣсто напечатаннаго было:

«Въ дополненіе нашего дѣла и исторіи Соколовскаго я передамъ нѣсколько подробностей о дѣлѣ, предшествовавшемъ нашему, въ московскомъ университетѣ, и исторію бѣднаго А. Полежаева.

«Съ нея мы и начнемъ. Я слышалъ ее отъ самого поэта, и не разъ».

» » —22 св. Послѣ «многое»—«но за это бы ему не досталось.

«Развратъ у насъ покровительствуютъ. Бибииковъ поощрялъ въ кievскомъ университетѣ студентовъ въ распутной жизни, по австрійской методѣ заморенія душъ.

«Полежаевъ въ своихъ стихахъ не разъ задѣвалъ и власть царскую,—это не могло сойти съ рукъ».

» 155—11 св. Послѣ «испытывающей»—«и злой».

» » —10—9 св. Курсива не было.

» 157—14 св. Къ слову «больница» было сдѣлано примѣчаніе: «Издать ненапечатанныя стихотворенія Пушкина, Лермонтова, Полежаева, Рылѣева и др.—одно изъ нашихъ самыхъ горячихъ желаній. Мы думаемъ даже обратиться съ просьбой доставить намъ рукописи къ русскому правительству или духовенству,—отъ свѣтскихъ литераторовъ, журналистовъ и прогрессистовъ не дожدهмся... (1854)».

» —Послѣ словъ конца прибавленія: «въ больницѣ»—шелъ разсказъ о сунгуровскомъ дѣлѣ, въ сокращенномъ видѣ перемѣщенный въ послѣдствіи въ главу VI, сравнивая съ которой, я и указываю сдѣланныя потомъ измѣненія.

Сказанное на стр. 127 и на 137 до словъ «Пришедши въ» (5 строка снизу) замѣнило слѣдующее, бывшее въ «Тюрьмѣ и ссылкѣ»:

«Въ 1827 г. были схвачены въ университетѣ братья Критскіе. Они какъ-то исчезли. Никто порядкомъ не зналъ, что они сдѣлали и что съ ними сдѣлали.

«Послѣдняя foundée изъ московскаго университета, говоря словомъ, 94 года, предшествовавшая намъ, отправилась въ солдаты и на поселеніе въ 1833 году. Въ числѣ ихъ я зналъ Костенецкаго, Кольрейфа, Антоновича. Всѣ они были чистые, благородные юноши. Мнѣ особенно въ памяти остался Юліусъ Кольрейфъ, сынъ лютеранскаго пастора въ Москвѣ. Онъ былъ необыкновенно даровитый музыкантъ и превосходный товарищъ. Въ немъ сохранилась вся наивность и простота германскихъ юношей, но освобожденная русскимъ обществомъ отъ пошлости и мелкости нѣмецкихъ нравовъ. Слабый здоровьемъ, нѣжный и кроткій, онъ погибъ отъ семилетней службы солдатомъ. Полежаевъ за чахотку былъ произведенъ въ офицеры, Кольрейфъ—за чахотку прощенъ. Онъ возвратился въ Москву для того, чтобъ умереть на рукахъ отца.

«Ихъ судили такъ же, какъ насъ, особой комиссіей. Правительство такъ увѣрено въ негодности обыкновенныхъ судовъ, что всякій разъ, когда случится что-нибудь особенное, назначаетъ комиссію, которая судить по неизвѣстнымъ инструкціямъ и придумываеъ наказанія не по своду, а такъ— по вдохновенію.

«Пслѣ исполнскаго заговора, обхватившаго все прекрасное, юное, сильное въ Россіи, все славное талантомъ, храбростью, рожденіемъ, всѣ послѣдующія попытки соединеній оказывались безуспѣшными, ограничивались малымъ кругомъ людей и гибли прежде всякаго обнаруженія.—внутренняя работа поглощала непосредственную политическую дѣятельность.

Но въ виду всѣхъ притѣсненій и всѣхъ мѣръ правительства, въ виду сотенъ поляковъ, шедшихъ въ Сибирь, въ виду крѣпостного состоянія и солдатъ, засѣкаемыхъ до смерти, не могли не возвращаться, особенно между юношами, постоянныя попытки, страстныя усилія составлять общества, заговоры и, вслѣдствіе того, точно такъ же періодически возвращающія ссылки въ Сибирь, въ солдаты, на Кавказъ,—и это рядомъ съ упорной работой мысли, разъясняющей себѣ сфинксовскую задачу русской жизни, и нисколько не мѣшая труду.

«Сунгурова я не зналъ. Его наказали больше всѣхъ. Окончивши прежде курсъ въ университетѣ, онъ былъ на службѣ, женатый человекъ и московскій помѣщикъ. Его нашли главнымъ виновнымъ и приговорили къ поселенію».

Затѣмъ шли строки, начиная съ 5 строки снизу стр. 137 до 9 стр. сверху включит. стр. 139; при этомъ, вмѣсто стр. 17 сверху стр. 138: «Было ли это исполнено, не знаю», въ «Тюрьмѣ и ссылкѣ» сказано:—«новое униженіе, еще гнусность».

Послѣднихъ десяти строкъ стр. 139 не было.

Оцѣнка „Тюрьмы и ссылки“ при жизни Герцена могла быть сдѣлана только въ иностранной литературѣ: въ русской имя его считалось тогда уже запретнымъ, какъ и самая книга.

„The Times“ дало очень небольшую хвалебную замѣтку, назвавъ автора „главою общества изгнанниковъ, извѣстнымъ на своей родинѣ, какъ публицистъ и философъ.“ (1855 г., октябрь).

„The Critic“ отнесся къ книгѣ горяче, расхвалилъ ее въ общихъ выраженіяхъ и заявилъ, что „Герценъ больше, чѣмъ москвитинъ,—въ немъ есть черты общечеловѣчскія, искреннее стремленіе къ добру, горячность сердца и ясность ума“ (1855, № 25537).

„The Athenaeum“ отнесся къ книгѣ очень одобрительно, и, между прочимъ, нашель что „по этимъ удивительнымъ воспоминаніямъ читатель можетъ составить себѣ ясное понятіе о состояніи русской политики; рассказъ Герцена написанъ талантливо и безъ аффектацій, несомнѣнно правдивый и, конечно,—самое интересное изъ всѣхъ существующихъ сочиненій о Россіи“ (1855 г., № 1460).

Когда въ англійской прессѣ возгорѣлась полемика о томъ, насколько основательно было издательское прибавленіе къ заглавію книги „Моя ссылка“, словъ—„въ Сибирь“, „The Athenaeum“ взялъ Герцена подъ свою защиту.

„Одинъ господинъ жалуется намъ, что Герценъ издалъ книгу подъ заглавіемъ „Моя ссылка въ Сибирь“, между тѣмъ, какъ ссылка была не въ Сибирь, а только въ пограничный къ этой области городъ. Но откуда узналъ нашъ строгій корреспондентъ, что г. Герценъ самъ выбралъ это заглавіе? Въ Англии, по крайней мѣрѣ, окончательный выборъ заглавія принадлежитъ больше издателю, чѣмъ автору. Развѣ г. Герценъ говоритъ гдѣ-нибудь на протяжении этихъ двухъ томовъ, что онъ *былъ* въ Сибири въ качествѣ ссыльнаго? Ясно, что претензія должна быть направлена по адресу издателей, да и то, къ сожалѣнію, она уже запоздала“ (1855 г., № 1465).

„The Leader“, отрекомендовалъ Герцена, какъ „одного изъ наиболѣе выдающихся русскихъ писателей“, и назвавъ его „другомъ и сотрудникомъ“ (ни въ дружбѣ, ни въ сотрудничествѣ съ этой газетой Герценъ не повиненъ—*М. Л.*), передалъ вкратцѣ содержаніе книги и закончилъ рецензію слѣдующими словами: „Мы извлекаемъ изъ этого разсказа о преслѣдованіи и ссылкѣ лучшее представленіе о правительственной системѣ въ Россіи, чѣмъ изъ какого-либо другого раньше напечатаннаго труда. Онъ богатъ любопытными и подлинными подробностями“ (1855 г., № 290).

„The Morning Post“ упрекала Герцена за недоброжелательное отношеніе къ Россіи говоря, что „патріотизмъ—добродѣтель, для него необязательная“, доказывала, что „неприятно читать такія книги, гдѣ ради личныхъ выгодъ авторъ оскорбляетъ свою родину“ (1855 г., 8 пов.).

„The Atlas“ нашелъ книгу „значительной, ярко рисующей русскую жизнь“. „Стиль Герцена сначала отталкиваетъ англійскаго читателя своею отрывочностью и безпорядочностью, но ея чисто русскія достоинства придаютъ ей особенную цѣну и заставляютъ забывать о стилѣ“ (1855 г., 20 oct.).

„The New Monthly Magazine“ рекомендовалъ книгу „всѣмъ, желающимъ получить полное представленіе о внутреннихъ условіяхъ жизни Россіи“. Авторъ сожалѣетъ, что не можетъ извлечь изъ нея даже и одной ея десятой. „Величайшее достоинство книги въ томъ, что она даетъ превосходную картину продажности, господствующей въ Россіи, и эта картина, видимо не преувеличена. Что же касается самаго г. Герцена, то своимъ поведеніемъ въ Англии, гдѣ онъ находится на положеніи изгнанника, онъ заслуживаетъ величайшаго уваженія. Хотя онъ и является признаннымъ лидеромъ республиканской партіи, но Герценъ слишкомъ уменъ для того, чтобы отождествлять себя съ тѣми революціонными поджигателями, которые за великодушное предоставленіе имъ гостепріимства оплачиваютъ униженными оскорбленіями по адресу королевы и насъ самихъ“.

„Убѣжденія Герцена чисто теоретическаго характера. Хотя они бываютъ и фантастичны, но онъ вѣрится въ нихъ искренно и сознательно“. „Характеръ Герцена *sans tache et sans reproche*“. „Родись Герценъ въ конституціонной странѣ, очь теперъ былъ бы, вѣроятно, однимъ изъ первыхъ людей государства, и не былъ бы вынужденъ влачить зачисное существованіе въ странѣ, гдѣ его только терпятъ и гдѣ многіе глядятъ на него съ недобвѣріемъ“ (1855 г., XI).

„La Revue des Deux Mondes“ помѣстило большую статью И. Делаво,

изъ которой приведу лишь двѣ выдержки, сохраняя переводъ, опубликованный Трюбнеромъ въ своихъ проспектахъ и объявленіяхъ.

„Книга должна занять выдающееся мѣсто между современными русскими рассказами и тѣми документами, которые соотечественники Герцена такъ рѣдко представляютъ намъ о своей странѣ. Авторъ рассказываетъ о годахъ, проведенныхъ имъ въ тюрьмѣ и въ изгнаніи, у предѣловъ Сибири, куда царь бросаетъ извѣстнаго рода виновныхъ. Рассказъ отличается умѣреннымъ тономъ, какой мы рѣдко встрѣчаемъ у людей одной съ нимъ политической религіи. Герценъ говоритъ безъ негодованія о своихъ страданіяхъ. Впрочемъ, онъ далекъ и отъ того христіанскаго смиренія, которое согрѣваетъ книгу другого благороднаго мученика революціонныхъ стремленій. Между Сильвіо Пеллико и Александромъ Герценомъ въ основаніи нѣтъ ничего общаго. Если онъ сумѣлъ сохранить полное безпристрастіе въ своихъ тяжелыхъ воспоминаніяхъ, то, съ другой стороны, онъ не скрываетъ отъ насъ ни увлеченій молодого гегелиста, ни убѣжденій публициста-радикала; мы не слышимъ въ его рассказахъ ни безплодныхъ упрековъ, ни горькихъ словъ, и этимъ онъ обязанъ тому странному чувству, которое всегда соединялось съ страданіями и борьбой на зарѣ жизни.

„Мы думаемъ, что спокойное и искреннее изложеніе одной изъ самыхъ тревожныхъ эпохъ его жизни возбудитъ больше интереса, вызоветъ больше сочувствія, чѣмъ рѣзкіе его памфлеты. Кто знаетъ литературное поприще Герцена, отъ первыхъ дней его въ Москвѣ до переселенія въ Лондонъ, тотъ повѣритъ, что столько борьбы, столько сокрушительныхъ опытовъ, вынесенныхъ имъ, не даромъ прошли для его таланта. На границахъ Сибири, онъ сокращалъ печальные дни ссылки изученіемъ русской администраціи въ ея темныхъ канцеляріяхъ; потомъ судьба перебросила его на другой край Европы, въ самый центръ политической дѣятельности и поставила лицомъ къ лицу съ такими событіями, отъ которыхъ ломились троны, бѣжали короли, и сердце подавленныхъ народовъ билось свободнѣй; въ Лондонѣ на первый разъ онъ потратилъ много дорогого времени на эфермерныя произведенія. Теперь Герценъ вступаетъ въ область ясную и изъ горячаго поборника трибуны становится безпристрастнымъ наблюдателемъ. Инстинктъ оппозиціи въ немъ сохранился, но онъ очистился и просвѣтлѣлъ подъ благотворными ударами несчасть. Да не отступаетъ авторъ „Тюрьмы и ссылки“ отъ своего пути; вмѣсто безплодной борьбы съ общимъ зломъ, пусть истина безъ гнѣва и малодушія говоритъ его языкомъ. Это самый вѣрный способъ разрушать предрасудки, выводя ихъ на судъ общественнаго мнѣнія; это, неизбѣжно приведетъ къ спасительнымъ реформамъ и окажетъ огромную услугу его отечеству“ (1854, 1 Sept.).

„Allgemeine Zeitung“ ознакомила читателей съ прежней литературной дѣятельностью Герцена и затѣмъ продолжала:

„Передъ нами, такимъ образомъ, публицистическая дѣятельность, пользующаяся для своихъ цѣлей не меньше, чѣмъ тремя языками и во всѣхъ трехъ добившаяся признанія „einer geistreichen Behandlung der Form“, чему примѣръ могъ дать только выходецъ славянской расы! Но кромѣ этого умѣнія оперировать формой, мы видимъ въ Герценѣ еще одинъ характерный

моментъ—это своеобразное соединеніе въ немъ нѣмецкаго и русскаго элементовъ. Глубоко проникнутый политической идеологіей ново-гегельянской школы, Герценъ сталъ, какъ будто, нѣмецкимъ мечтателемъ; но при этомъ онъ воспитался на томъ ироническомъ міропониманіи, выразителями котораго являются Байронъ, Пушкинъ, Лермонтовъ. Къ этому слѣдуетъ еще прибавить французское образованіе, которое придаетъ его часто глубокимъ и вѣрнымъ мыслямъ прелесть *пикантною* „und ihn auch da, wo er sich in socialistische Haltlosigkeit verirrt, immer noch zehnfach fesselnder bleiben zu lassen, als so viele seiner aufrichtigen deutschen Gesinnungsgenossen ¹⁾. Его вышеупомянутыя сочиненія сильно способствовали распространенію въ Россіи идей Гегеля; потомъ онъ обратился къ описанію бытовыхъ картинъ изъ русской жизни въ формѣ романовъ и новеллъ, и рассказы: „Кто виновать?“ и „Докторъ Круповъ“ доставили ему громадный успѣхъ. Послѣ того, какъ онъ очутился за границей, онъ окончательно переходитъ къ политической публицистикѣ. Эту дѣятельность онъ прерываетъ для того, чтобы въ вышеупомянутой интересной книгѣ рассказать исторію своей ссылки въ Пермь“ (19 sept. 1855 г.).

Въ № 9 „Wiadomości Polskie“ 1857 г., передъ переводомъ отрывковъ изъ „Тюрьмы и ссылки“ сказано:

«Герценъ отличается отъ Бакунина, Головина, Гагарина и Н. Тургенева тѣмъ, что всѣ свои произведенія пишетъ по-русски. Тѣ старались повѣдать Европѣ о дѣлахъ Россіи, а онъ просвѣщаетъ соотечественниковъ, говорить на родномъ языкѣ съ своимъ притѣсеннымъ отечествомъ. Онъ обладаетъ большимъ талантомъ, смѣлою мыслью и очень откровененъ въ своихъ любопытныхъ признаніяхъ. Онъ полонъ горькой ироніи и отличается религиознымъ и социальнымъ радикализмомъ, отъ котораго рѣдкій русскій сможетъ уберечься, если выйдетъ на чистый воздухъ... Нѣмецкіе издатели показали намъ, что лондонскія изданія представляютъ лучшей товаръ“.

Проф. Ив. Ив. Ивановъ, какъ и въ другихъ вопросахъ, особаго мнѣнія. Оно заслуживаетъ быть приведеннымъ полностью и текстуально:

„Тюрьма—девятимѣсячное пребываніе въ Крутицкихъ казармахъ за „литературныя упражненія“,—по словамъ Герцена,—совершенно не заслуживавшія никакой тюрьмы. Ссылка—нѣсколько дней въ Пермь, около двухъ съ половиной лѣтъ въ Вяткѣ, около двухъ лѣтъ въ Владимірѣ. Вторая ссылка за нескромный отзывъ въ письмѣ о петербургской полиціи—въ Новгородѣ около двухъ лѣтъ. У Герцена было полное право изумляться гнѣву правительства. Въ первый разъ его сослали „по дѣлу о ночномъ праздникѣ, на которомъ онъ вовсе не былъ, во второй разъ за слухъ, о которомъ говорилъ весь городъ“. Власть чрезвычайно преувеличивала вину преступника, преступникъ не остался въ долгу—и до послѣдней степени всю жизнь разукрашивалъ мрачными трагическими красками свою *тюрьму* и *ссылку*.”

¹⁾ И благодаря которому даже тамъ, гдѣ онъ уклоняется въ социалистическія бредни, онъ продолжаетъ, все-таки, быть въ десять разъ болѣе увлекательнымъ, чѣмъ столь многіе изъ его прямолинейныхъ нѣмецкихъ единомышленниковъ.

Трудно представить, сколько раз он вспоминает о них в своих произведениях. Дошли до того, что „Колокол“ перепечатали в переводѣ отзывѣ „Revue des Deux Mondes“ о французскомъ изданіи „Годы тюрьмы и ссылки русскаго писателя“. Здѣсь говорилось о „страданіяхъ“ Герцена „на предѣлахъ Сибири“, Герцею ставился рядомъ съ „другимъ благороднымъ мученикомъ революціонныхъ стремленій“ — Сильвіо Пеллико, удостоившіяся его „страданія и борьба на зарѣ жизни“, „сокрушительные опыты, вынесенные имъ“ и сообщалось читателямъ: „на границахъ Сибири онъ сокращалъ печальные дни ссылки изученіемъ русской администраціи въ ея темныхъ канцеляріяхъ“. Если допустить, что Пермь „на границахъ Сибири“, — Герценъ не пробылъ здѣсь и двухъ недѣль: 28 апрѣля онъ пріѣхалъ въ Пермь, а 19 мая уже переселился въ Вятку. Другія мѣста „страданій“ и „сокрушительныхъ опытовъ“ — Вятка и Владиміръ на Клязьмѣ, — отсюда до Сибири, разумѣется, ближе, чѣмъ отъ Герцена до Сильвіо Пеллико, — но все таки не границы Сибири. Дѣйствительныхъ, *не литературныхъ* страданій у Герцена не было и быть не могло. О-ъ ѣхалъ въ ссылку богатымъ баринкомъ, интереснымъ „колodникомъ“, „выброшеннымъ изъ общества, государственнымъ преступникомъ“, какъ онъ самъ называлъ себя, собирався жить свободно и роскошно. Все несчастье заключалось въ мѣстѣ, гдѣ приходилось веселиться. — не въ Москвѣ, къ чему Герценъ привыкъ съ ранней молодости, а въ провинціи, въ той „глуши“, какою Фамусовъ пугаетъ свою дочь! Но и здѣсь выходилъ выигрышъ. Такихъ какъ Герценъ — бойкихъ на языкѣ и тароватыхъ на деньги въ Москвѣ сколько угодно, — въ Вяткѣ и во Владиміръ онъ одинъ, у него „первая роль“ въ обществѣ, — пишетъ онъ „милой старшѣ“ будушей невѣстѣ, и ведетъ онъ себя какъ вообще столичные слѣтки старыхъ временъ, такъ зло и ярко описанные у Писемскаго: „играю въ карты очень неудачно, куртизирую кое-кому гораздо удачнѣе“ . . . . Все его наказаніе заключалось въ обязанности служить“ (262—263, 265).

Это мнѣніе «профессора», какъ и остальные, оставляется мною безъ оцѣнки, фактическая же неосвѣдомленность его должна быть поправлена. Во-первыхъ, цитаты статьи изъ „Revue des Deux Mondes“ были напечатаны не въ самомъ „Колоколѣ“, а въ стороннихъ, коммеческихъ объявленіяхъ книжнаго магазина Трюбнера. Во-вторыхъ, это были цитаты изъ статьи о „Тюрьмѣ и ссылкѣ“, а вовсе не о сочиненіи Герцена „Годы тюрьмы и ссылки русскаго писателя“, какого, вообще, онъ не писалъ. Въ-третьихъ, самая французская статья называлась этимъ именемъ („Les années de prison et d'exil d'un écrivain russe“). Въ-четвертыхъ, Герценъ не касался перевода статьи, что видно, вообще, изъ массы ошибокъ, а, слѣд., не отвѣтственъ за переводъ книгопродавца.

Въ созвучіи съ проф. Ив. Ив. Ивановымъ оказывается, конечно, и Ив. Головицъ. Вотъ какую рецензію помѣстилъ онъ о пер-вденной Делаво „Тюрьмѣ и ссылкѣ“: „Тюрьма Герцена была не университетскій карцеръ, а казармы, ссылка же его произвела его въ коллежские совѣтники. Но свѣтъ не довольно еще знаетъ, что въ 12 году Наполеонъ въ Москвѣ поручилъ письмо свое къ императору Александру отцу Искандера — г-ну Яковлеву“ („Благонамѣренный“ 1861, № 7).

Часть третья.

Глава XIX напечатана въ III кн. „П. З.“ (въ первомъ и второмъ ея изданіяхъ), повторена во II т. (названномъ уже „томомъ“) „Б. и д.“ Искандера, Лондонъ, 1861, въ VII т. Жен. изд. и во II т. СПб. изд.; свѣрено по изданію 1861 г.

Главы XIX—XXIV переведены на нѣмецкій языкъ—„Aus den Memoiren eines Russen“, 4-te Folge. Gedachtes und Erlebtes; Hamburg, 1859; по-французски: „Le monde russe et la révolution. Mémoires de A. Herzen“, vol. 2, Paris, 1861.

Варианты по „П. З.“ на 1857 г., изд. 2-е.

Стр. 411.

Передъ настоящей главой, въ видѣ примѣчанія, было напечатано:

„Отрывокъ, печатаемый теперь, слѣдуетъ прямо за той частью, которая была особо издана подъ заглавіемъ „Тюрьма и сычка“; она была написана тогда же 1853), но я многое прибавилъ и дополнилъ.

„Странная судьба моихъ „Записокъ“: я хотѣлъ напечатать одну часть ихъ, вмѣсто того напечаталъ три и теперь еще печатаю *четвертую*.

„Одинъ парижскій рецензентъ, разбирая, впрочемъ, очень благосклонно („La Presse“ 13 oct. 1856) третій томикъ нѣмецкаго перевода моихъ „Записокъ“, изданныхъ Гофманомъ и Кампе въ Гамбургѣ, въ которомъ я рассказываю о моемъ дѣтствѣ, прибавляетъ шутя, что я повѣствую свою жизнь, какъ эпическую поэмю: началъ in medias res и потомъ возвратился къ дѣтству.

„Это эпическое кокетство—совершенная случайность и, если кто-нибудь виноватъ въ немъ, то совѣмъ не я, а скорѣе мои рецензенты и въ томъ числѣ самъ критикъ „Прессы“. Если бы они отрывки изъ моихъ „Записокъ“ приняли строже, холоднѣе и, что еще хуже, пропустили бы ихъ безъ всякаго вниманія, я долго не рѣшился бы печатать еще и долго обдумывалъ бы, въ какомъ порядкѣ печатать.

„Пріемъ, сдѣланный, увлекъ меня и мнѣ стало труднѣе не печатать, нежели печатать.

„Я знаю, что большая часть успѣха ихъ принадлежитъ не мнѣ, а предмету. Занимаясь люди были рады еще разъ заглянуть за кулисы русской жизни. Но, можетъ, въ сочувствіи къ моему рассказу доля принадлежитъ *просто* правдѣ его. Эта награда была бы мнѣ очень дорога—ея только я и желалъ.

„Часть, печатаемая теперь, интимнѣе прежнихъ; именно потому она имѣетъ меньше интереса, меньше фактовъ; но мнѣ было гораздо труднѣе писать ее... Къ ней я приступилъ съ особеннымъ страхомъ былого и печатаю ее съ влгреніемъ трепетомъ, не давая себѣ отчета, зачѣмъ...“

„...Можетъ быть, кому-нибудь изъ тѣхъ, которымъ была занимательна внѣшняя сторона моей жизни, будетъ [занимательна и внутренняя. Вѣдь, мы уже теперь старые знакомые!

Лондонъ, 21 ноября 1866.

И—рв.

- Стр. 411— 7 св. Въмѣсто имени княгини— „Х“.
 „ 412—19 св. Въмѣсто „образовавши“—„образовавшая“.
 „ „ —24 св. Не было имени княжны.

Глава XX—см. гл. XIX.

Варианты по „П. З.“ на 1857 г., изд. 2-е.

- Стр. 418— 5 св. Въмѣсто „даваль имъ“—„имъ даваль“.
 „ 420— 7 св. Послѣ „писала“—„къ своей Консуэло“.
 „ 421— 6 св. Передъ „жилъ“—„до самой тюрьмы я“.
 „ 423—21 св. Въмѣсто „потомъ зналъ“—„зналъ потомъ“.
 „ 428—Второй выноски не было.
 „ 430—15 св. Въмѣсто „Огаревъ“—„Н.“

Глава XXI—напечатана: а) въ III кн. „П. З.“: стр. 431—435 до 29 стр. св. включ., отъ стр. 17 св. стр. 441 до 14 стр. св. включ. стр. 446 и со стр. 13 св. до 4 св. включ. стр. 446; б) во II т. „Б. и д.“ 1861 г.: 11 послѣднихъ строкъ стр. 435, стр. 436 и первая 12 строкъ стр. 437, съ 3 стр. св. стр. 438 до 25 стр. св. включ. стр. 441, съ 14 стр. св. до 28 стр. св. включ. стр. 446 и съ 3 стр. св. стр. 446 до конца 447; в) полностью печатается впервые отрывокъ со стр. 13 св. 437 стр. до 3 стр. св. стр. 438. Повторена во II т. „Б. и д.“ 1861 г., въ VII т. Жен. изд. и во II т. СПб. изд.; свѣрено по изд. 1861 г., а указанный въ п. в. отрывокъ—по рукописи, хранящейся въ Рум. муз.; частью она воспроизведена въ IV кн. „Голоса Минув.“ 1913 г. въ статьѣ К. Левина. Въ изданіи 1861 г. и во всѣхъ послѣдующихъ на мѣстѣ этого отрывка стояли двѣ строки точекъ. Герценъ написалъ на рукописи: „Отрывки изъ ненапечатанныхъ главъ, пропущенные въ I и II томѣ (стр. 45 часть II)“. Указанныя точки какъ разъ и находятся на стр. 45 тома II.

Варианты по „П. З.“ на 1857 г., изд. 2-е.

- Стр. 432— 4 св. Въмѣсто „чѣмъ“—„нежели“.
 „ „ —14 св. Въмѣсто „она не обрывалась“—„они не обрывались“.
 „ „ — 8 св. Въмѣсто „Огаревымъ“—„Н.“
 „ 434— 8 св. Въмѣсто „чѣмъ“—„нежели“.
 „ „ —21 св. Въмѣсто „не особенно“—„особенно не“.
 „ 435—29 св. Послѣ того три съ половиной строки точекъ, отъ конца которыхъ была выноска: „Нѣсколько листовъ, пропущенныхъ здѣсь, будутъ, можетъ быть, напечатаны въ полномъ изданіи „Былей и думъ“.
 „ —12 св. }
 441—25 св. } Не было.
 „ — 9 св. }
 „ — 2 св. } Не было.
 442— 9 св. Въмѣсто „чѣмъ“—„нежели“.
 „ 443— 6 св. Послѣ „лгалъ“—„Я такъ же откровенно увлекся Р., какъ откровенно отдался теперь непонятой мною любви“.
 „ — 7 св. Послѣ „признаться“—„въ этомъ“.

- Стр. 445— 5 св. Въѣсто „народная“—„сельская“.
 „ „ —21 св. Послѣ „съ“—„другимъ“.
 „ „ — 5 сн. Въѣсто „...Р. страдала“—„Между тѣмъ“.
 „ „ — 4 сн. Послѣ „длиль“—„и длиль“.
 „ 446—14 св. } Не было.
 „ „ —28 св. }
 „ „ —13—12 сн. Въѣсто „Утромъ   рукой“—„Утромъ я получилъ
 отвѣтъ. Можно себѣ представить, какъ я провелъ эту ночь; я испы-
 талъ все, что можетъ испытать преступникъ, боящійся, что его
 уличать“.
 „ „ —3 сн. }
 „ 447—до конца } Не было.
 Глава XXII—см. гл. XIX.

Варианты по „П. З.“ на 1857 г., изд. 2.

- Стр. 451— 9 св. Не было „(Голохвастовъ)“.
 „ „ —14 сн. Въѣсто „Насакины“—„М.“.
 „ 452— 9 сн. Въѣсто „Д. П. Голохвастовъ“—„племянникъ“.
 „ 453— 2 св. То же.
 „ 454—14 сн. Въѣсто „перемелется“—„перемѣнится“.
 „ „ — 9 сн. Въѣсто „чѣмъ“—„нежели“.
 „ 455— 8 св. Въѣсто „и“—„Я“.
 „ „ —14 св. Не было „и“.
 „ „ —15 св. Не было курсива.
 „ „ —16 сн. Въѣсто „добровольной“—„добровольную“.
 „ „ — 6 сн. Передъ „желанія“—„что“.
 456— 3 св. Послѣ „мой“—„больной“.
 „ —16 св. Передъ „Онъ“—„Словомъ“.

Глава XXIII—напечатана въ III кн. „П. З.“ (1-е и 2-е изд.), строки 3 св. до 3 сн. включ. напечатаны сначала въ I кн. „П. З.“, стр. 79—81; повторена во II т. „Б. и д.“ 1861 г., VII т. Жен. изд. и во II т. СПб. изд.; свѣрено по изданію 1861 г.

Варианты по „П. З.“ на 1857 г., изд. 2-е.

- Стр. 460—17 св. Въѣсто „Огарева“—„Н.“ и дальше.
 „ 468— 9 св. Въѣсто „чѣмъ“—„нежели“.

Глава XXIV—до стр. 25 св. включ. стр. 482 напечатано въ III кн. „П. З.“, остальное—во II т. „Б. и д.“ 1861 г.; повторена тамъ же, въ VII т. Жен. изд. и во II т. СПб. изд.; свѣрено по изданію 1861 г.; подлинники писемъ Н. А.—ны хранятся въ Рум. муз.

Варианты по „П. З.“ на 1857 г., изд. 2-е.

- Стр. 457—17 св. „Настоящему“—курсивъ.
 „ 477— 5 св. Послѣ „питающая“—„потомъ“.
 „ 479—18 св. Въѣсто „чѣмъ“—„нежели“.

Стр. 479 — 6 сн. То же; вмѣсто „мишурнаго платья“ — „мишурныхъ платій“.
 „ 482—19 сн. Вмѣсто „имъ“ — „намъ“.

Часть четвертая.

Глава XXV напечатана: а) въ I кн. „П. З.“ — первая пять строкъ текста стр. 3, стр. 16 сн. стр. 4 до 12 сн. включ. стр. 5, 3 сн. стр. 9 до 24 сн. включ. стр. 27; б) во II т. „Б. и д.“ съ 9 сн. стр. 3 до 15 сн. включ. стр. 4 и съ 13 стр. сн. стр. 5 до 4 сн. включ. стр. 9; в) въ 1 вып. VII кн. „П. З.“ на 1862 г. — съ 17 стр. сн. стр. 27 до конца главы. Повторена полностью во II т. „Б. и д.“ 1861 г., въ VII т. Жен. изд. и съ купюрами и неисправно во II т. СПб. изд.; свѣрено по изданію 1861 г.

Главы XXV — XXXIII переведены на нѣмецкій языкъ и на французскій: „Le monde russe et la révolution. Mémoires de A. Herzen, traduits per H. De-laveau, Paris, 1862.

Варианты по „П. З.“ на 1855 г.

Стр. 3 — Глава озаглавлена „Юная Москва тридцатыхъ годовъ (Кругъ Станкевича).“

„ 2—4 сн. Вмѣсто приведеннаго подзаголовка — „Кругъ Станкевича. — Философскій формализмъ. — Профессоръ М. Павловъ. — В. Бѣлинскій и М. Бакунинъ. Гегель. — Ссора съ Бѣлинскимъ и миръ. — Новгородскіе споры съ дамой“.

„ — 5 сн. Вмѣсто „1840“ — „1839“.

„ — 6 сн. Послѣ „нашъ“ — „маленькій“.

„ — 7 сн. Послѣ „я“ — „хорошо“.

„ — 9 сн. } Вмѣсто этого — „Н. пріѣхалъ за нѣсколько мѣсяцевъ

4 — 15 сн. } прежде меня въ Москву, и, несмотря на то, что между новыми пріятелями далеко не было нашего прежняго единства, все симпатично окружало его.

„Натура Н., по преимуществу русская и поэтическая, широкая, беззаботная, увлекающаяся, дѣтская и многосторонняя, нравилась своими достоинствами и своими недостатками“.

„ — 16 сн. Вмѣсто „Огаревъ“ — „Онъ“.

„ — 17 сн. Послѣ „каждо“ — „своей“.

„ — 13—12 сн. Вмѣсто „обвиняють . . . Огарева“ — „Н. обвиняли“.

„ 5 — 2 сн. Курсивомъ „дѣло“.

„ — 10 сн. Послѣ „отразились“ — „Н.“.

„ — 11 сн. „Праздно“ — курсивъ.

„ 9 — 3 сн. Вмѣсто „Огарева“ — „Н.“ какъ и дальше.

„ 10 — 5 сн. Послѣ „привита“ — „къ“.

„ — 23 сн. Вмѣсто „дальше“ — „далѣе“.

„ — 26—27 сн. Не было „и . . . . жилье“.

„ 11 — 2 сн. Не было „Грановскій“.

- Стр. 11—10 св. Вмѣсто „Грановскій“—„Т.“
- „ „ —16 св. Вмѣсто „чѣмъ“—„нежели“.
- „ „ —22 св. Вмѣсто „скоро увидимъ“—„увидимъ скоро“.
- „ „ —10—9 сн. Не было курсива.
- „ 13—11 св. Вмѣсто „человѣчественнѣе“—„по-человѣчески“.
- „ 14—6—5 сн. Вмѣсто „на . . . закутавшись“—„на воздухъ, закутавшись и на минуту“.
- „ 15—17 св. Вмѣсто „какъ“—„яко“.
- „ 16—15 св. Не было „быль . . . и“.
- „ „ —23 св. Вмѣсто „языку Гегеля“—„его языку“.
- „ 18—1 св. Вмѣсто „Мало я“—„Я мало“.
- „ 19—7 св. Послѣ „:“—„гоненіе“.
- „ „ —10 св. Вмѣсто „были оригинальны“—„шли совѣмъ съ другой стороны“.
- „ —20 сн. Вмѣсто „чѣмъ“—„нежели“.
- „ —19 сн. Послѣ „чтобъ“—„къ тому же“.
- „ —10 сн. Послѣ „читалъ“—„самъ“.
- „ —8 сн. Вмѣсто „Geist“—„богъ“.
- 20—9—10 св. Не было „что оно есть“.
- 21—16 сн. Послѣ „религій“—„логики и самодержавія“.
- „ —8 сн. Не было „и . . . . вопросы“.
- „ —8 сн. } Вмѣсто „Въ . . . . книга“—„въ рядѣ критическихъ статей. Онъ касается всѣхъ вопросовъ, вездѣ вѣрный своей ненависти къ авторитетамъ,—часто подымаясь до поэтическаго одушевленія, особенно когда бывалъ раздраженъ. Книга“.
- 22—2 св. {
- „ „ —8 св. Не было «о Мочаловѣ и „Гамлетъ“».
- „ „ —15 св. Послѣ „любіе“—„этихъ“.
- „ 23—13 св. Вмѣсто „князя Одоевскаго“—„одного аристократическаго литератора“.
- „ 24—2 св. Вмѣсто „баррикада мебели мѣшала“—„передъ нимъ стояла баррикада мебели“.
- 25—21 сн. Не было „попами и“.
- „ —14 сн. Вмѣсто „Доктринеръ и нѣсколько“—„Самый скучный и тяжелый“; послѣ „онъ“—„туда же“.
- „ —13 сн. Вмѣсто „поучительно наставлять“—„говорить“.
- „ —12 сн. Передъ „магистръ“—„мой“.
- „ —4—3 сн. Вмѣсто „онъ . . . . бульдога“—„только бульдоговъ пускаютъ“.
- 26—5 св. Послѣ „на“—„дерзость и“.
- „ —19 сн. Вмѣсто „Съ грознымъ вдохновеніемъ“—„Чудесно“.
- „ —18 сн. Вмѣсто „Что“—„И что“; послѣ „такая“—„говорилъ онъ“.
- „ —13 сн. Вмѣсто „развитѣе“—„больше развита“.
- 27—2 св. Вмѣсто „Тургеневъ“—„Т.“.
- „ —16 св. Послѣ „губъ“—„его“.
- „ —24 св. Послѣ „принимая“—„это“; не было „ея“.

Варианты по „П. З.“ на 1862 г.

- Стр. 27—17—16 сн. Въмѣсто „Такъ   перемѣнилось“—„Съ тѣхъ поръ, какъ я писалъ въ 1854 мои воспоминанія о московскихъ кругахъ нашихъ, многое перемѣнилось во мнѣ“.
- „ 28—11 св. Въмѣсто „до того“—„такими“.
- „ „ —18 сн. Не было „потомъ“.
- „ „ —11 сн. Послѣ „нея“—„во всѣхъ“.
- „ 30—18 св. Въмѣсто „больше русскими“—„русскими, больше“.
- „ „ — 8 сн. Не было второго „они“.
- „ 33—16 сн. Въмѣсто „была“—„именно“.
- „ „ —10 сн. Не было кавычекъ.
- „ 34—12 св. Въмѣсто „удастся“—„удалось“.
- „ „ —15 св. Послѣ „близкихъ“—„поглощающихъ“.
- „ „ —17 св. Послѣ „таланты“—„т.-е.“.

Глава XXVI напечатана въ I кн. „П. З.“, все начало до 4 стр. св. включ. стран. 39—во II т. „Б. и д.“ 1861 г., повторена во II т. „Б. и д.“, въ VII т. Жен. изд. и съ массою купюръ во II т. СПб. изд.; свѣрено по изданію 1861 г.

Варианты по „П. З.“ на 1855 г.

- Стр. 39— 5 св. Послѣ „меня“—„въ декабрѣ 1839 года“.
- „ „ —10 св. „Муха“—курсивомъ.
- „ 40—20 св. Въмѣсто „связи“—„связяхъ“.
- „ 41—11 св. Послѣ „пріѣздъ“: „Отецъ мой присылалъ меня докончить дѣло въ герольдіи и представиться графу Строганову, который хотѣлъ меня опредѣлить въ свою канцелярію“.
- 42—13 св. Послѣ „городъ“: „въ началѣ 1840 года пришла бумага во Владиміръ о моемъ переводѣ на службу къ графу А. Строганову“.
- „ 43—15 св. Не было: „К. К. фонъ-Поль“.
- „ „ —17 св. Не было „на все его окружавшее“.
- „ 46— 18 св. Въмѣсто „чѣмъ“—„нежели“.
- „ 51— 3 св. Не было „помнится, по фамиліи Фабръ“.
- „ 53—17 св. Въмѣсто „васъ отправить“—„отправить взаъ“.
- „ 55—12 сн. Передъ „взятки“—„чай“.
- „ 61— 6 св. Въмѣсто „продолжавшихъ“—„продолжающихъ“.
- „ „ — 9 св. Послѣ „Ермоловъ“—„Гоголь“.
- „ 64—20 св. Не было „его“.
- „ „ — 7 сн. Послѣ „меня“—„съ дѣтскихъ лѣтъ“.
- „ 65—14 св. Въмѣсто „Ахъ“—„О“.
- „ „ —17—18 св. Не было „(Учтивѣйшій   человѣкъ)“.

Глава XXVII—напечатана полностью въ I кн. «П. З.» подъ заглавіемъ «Новгородъ», повторена во II т. «Б. и д.», 1861 г., въ VII т Жен. изд. и неисправно и съ купюрами во II т. Спб. изд.; свѣрено по изданію 1861 г.

Варианты по «П. З.» на 1855 г.

- Стр. 66— 5 св. Не было «Елпидифоръ Аятѣховичъ Зуровъ».
- » » — 8 сн. Курсива не было.
  - » » — 5 сн. «Горькая»—курсивъ.
  - » 67—20 св. Въмѣсто «подписей»—«подписи».
  - » 68— 4—1 сн. Не было.
  - » 70— 1 сн. Не было.
  - » 71—15 св. Не было «И. Э. Куруты».
  - » 72—17 сн. Не было «Струговщикова».
  - » 74— 1 св. Передъ «не»—«зато».
  - » » —15 св. Въмѣсто «а» —«и».
  - » 75— 4 св. Не было «Панчулидзевъ».
  - » » —18 св. Не было «впередъ».
  - » 76— 8— 4 сн. Не было.
  - » 77— 2 сн. Не было «помнится . . . Жеребцовъ».
  - » 78— 4 сн. Въмѣсто «Огаревъ»—«Н.»
  - » 79— 7 св. Послѣ «что»—«вслѣдствіе предстательства государыни».

Глава XXVIII—напечатана: а) съ начала и до 19 стр. св. включ. стр. 85 во II т. «Б. и д»; б) дальше до 8 стр. сн. включ. стр. 98—печатается впервые полностью съ рукописи, хранящейся въ Рум. муз., писанной въ 1855—56 гг. и поправленной въ 1865 г., какъ видно изъ указанія на ней Герцена; неполно это мѣсто напечатано К. Левинымъ въ IV кн. «Голоса Минув.» 1913 г. Въ т. II «Б. и д.» на мѣстѣ этого отрывка (стр. 245) была строка точекъ. На подлинникѣ Герценъ помѣтилъ: «къ стр. 245 II части», опять спутавъ «часть» съ «томомъ»; в) съ 7 стр. снизу стр. 98 и до конца—въ VI кн. «П. З.». Повторена глава во II т. «Б. и д.», 1861 г., въ VII т. Жен. изд. и съ куюрями во II т. Спб. изд.; свѣрено по изданію 1861 г.

Варианты по «П. З.» на 1861 г.

- Стр. 81— 2 св. Не было «Grübelel.—Москва послѣ ссылки».
- » 91—14 св. Послѣ «тройка»—«ужъ».
  - » » —15 св. Послѣ «нея»—«уже».
  - » 92—20 св. Послѣ «Natalie» —«которая торопилась туда».
  - » 97—14 сн. Въмѣсто «плакала»—«пьякала».
  - » 98—20 сн. Въмѣсто «рублевъ»—«рублей».
  - » » —11 сн. Послѣ «и . . .»—«все это».

Глава XXIX претерпѣла много измѣненій, которыя ясны изъ приводимыхъ ниже вариантовъ. Прослѣдимъ ея составленность по порядку текста.

Первыя 4 строки текста приравлены во II т. «Б. и д.» 1861 г.; слѣдующая (5-я текста) строка взята изъ I кн. «П. З.», глава XI; затѣмъ 7 строкъ взяты изъ IV кн. «П. З.», глава III; весь третій абзацъ—изъ I кн. «П. З.». (повторенъ и въ IV кн.); слова «Новые назадъ»—изъ IV кн. «П. З.», начинающъ «Въ ихъ главѣ» . . . до 2 стр. св. включ. стр. 100 добавлено во II т. «Б. и д.»; затѣмъ съ 3 стр. сверху стр. 100 до 7 стр. сн. включ.

стр. 101—изъ IV кн. «П. З.», причеъ часть этого отрывка съ 16 стр. св. стр. 100 до 15 стр. св. включ. стр. 101 была сначала въ I кн. «П. З.», а строки 16—19 св. стр. 101 являются вариантомъ первыхъ четырехъ строкъ въ IV кн. «П. З.» Съ 6 стр. сн. стр. 101 до 20 стр. сн. стр. 103 добавлено во II т. «Б. и д.», а съ 20 стр. сн. стр. 103 до 5 стр. сн. стр. 107 и полностью стр. 108—119 взяты изъ IV кн. «П. З.». Повторена во II т. «Б. и д.» 1861 г. въ VII т. Жен. изд. и съ купюрами во II т. Спб. изд.; свѣрено по изданію 1861 г.

Н. Kaden въ статьѣ «Timotheus Granowsky» («Russische Revue, Zeitschrift zur Kunde des geistigen Lebens in Russland», 1863, I bd. s. 314) пробуетъ опровергнуть сказанное Герценомъ о революціонности Грановскаго, но дѣлаетъ это безъ какихъ бы то ни было доказательствъ.

Варианты по «П. З.» на 1858 и 1859 г.

Сначала пройдемъ первыя 23 строки основнаго текста по изд. 1858 г., принимая во вниманіе указанныя выше данныя объ ихъ мозаичности.

Стр. 99—6—9 св. Въмѣсто этого было: «Дайте мнѣ еще ступить къ тѣмъ хорошимъ годамъ, въ которыхъ мы были юны въ послѣдній разъ. Я люблю останавливаться на этомъ времени дружнаго труда, полнаго, поднятаго пульса, согласнаго строя и мужественной борьбы».

» » —10—11 св. «Судорожно . . . улеглись») не было.

» » —17 св. Послѣ этого было: «Разумѣется, мы не могли возвратиться къ весеннему, юному владимірскому отшельничеству. Шиллеръ правъ: «май жизни цвѣтетъ одинъ разъ»; но есть еще другіе цвѣты, немайскіе, которые распускаются (въ «П. З.» 1855 г. послѣ этого— «во всемъ блескѣ») въ іюнѣ, іюльѣ, въ августѣ,—они на своемъ мѣстѣ такъ же красивы и благоуханны, какъ весенніе violet-и и ландыши на своемъ. Самая старость имѣетъ въ 1855 г.—«свои») зимніе вѣтки, которые ей очень идутъ, лишь бы она не красила сѣдыхъ кудрей своихъ. Жизнь наша, устроившаяся въ Москвѣ къ концу 1842 года, была очень изячна и носила особый характеръ возмужалости и силы».

» » —18 св. Послѣ «надзоръ»—«продолжавшійся до 1847 года».

» » — 5 сч. } Не было «Въ ихъ главѣ . . . души».

» 100— 2 св. }

Эти же 23 строки основнаго текста по изд. 1855 г.:

Стр. 99—6—9 св. Въмѣсто этого было: «Жизнь наша, устроившаяся въ Москвѣ въ концѣ 1842 г. и продолжавшаяся пять лѣтъ, была очень изячна и носила особый характеръ ровнаго, дѣятельнаго совершеннолѣтнія, характеръ возмужалости и силы».

» —11—17 св. Въмѣсто этого было: «мы снова были на болѣе родной почвѣ и въ кругу совершенно сочувствующемъ».

» — 18 св. Послѣ «надзоръ»—«продолжавшійся до 1847 г.».

» —21 св. Послѣ этого вставка, указанная только-что выше по изд. 1858 г.—«Разумѣется, мы . . . кудрей своихъ».

» » —23 св. } Не было «Въ ихъ главѣ . . . души».

» 100— 2 св. }

Продолжаю сличеніе съ изд. 1858 г.

Стр. 100— 3 св. Вмѣсто «Грановскій и всѣ мы»—«Всѣ они».

» 101—10—19 св. Не было.

» » — 6 сн.

» 103—23 св. (. . . «силъ») } Вмѣсто этого: «Такъ и вижу теперь всю
застольную бесѣду, гдѣ-нибудь на Маро-
сейкѣ или на Трубѣ В. (Боткинъ—М. Л.), шурящаго свои
и безъ того китайскіе глазки и философски толкующаго о панте-
истическомъ наслажденіи ѣсть индѣйку съ трюфлями и слушать
Бетховена.

«Блестящая и ѣдкая острота Е. (Коршъ—М. Л.) была роскош ю,
виномъ, искрящимся отъ избытка силъ, игрой зоркаго, мѣткаго,
быстро схватывающаго ума».

» —23 св. Вмѣсто «Юморъ Галахова не имѣлъ ничего свѣтлаго»—
«Совсѣмъ другое дѣло юморъ Галахова».

» » —24 св. Послѣ «человѣка»—«негодующаго».

» » —14 сн. Вмѣсто «чѣмъ»—«нежели».

» 105— 7 св. «Национальное высокоумѣріе»—курсивъ.

» » —12 сн. Послѣ «я»—«было».

» 106—17—18 св. Вмѣсто «бросаетъ . . . кусками»—«все мороженую
грязь огромными кусками бросаетъ прямо въ лицо».

» » —18 св. Послѣ «вѣдь»—«это».

» » —20 св. Послѣ «пыли»—«смотреть нельзя».

» » —21 св. Послѣ «И»—«тутъ».

» » —26 св. Вмѣсто «Е. К.»—«Е», какъ и дальше.

» 107—11 св. Передъ «Когда» — «Обидчивость его была совершенно
дѣтская».

» —19 св. Передъ «Въ»—«Дѣло въ томъ, что».

» —10— 9 сн. Вмѣсто «записывать . . . разговоръ» — «написать
что-нибудь подобное, сохраняя форму разговора. И я тогда же въ
Ниццѣ записалъ,—разумѣется, развивая еще больше тему,—одинъ
изъ нашихъ разговоровъ о философіи исторіи. Имъ».

» — 7 сн. Вмѣсто «прислалъ мнѣ въ Парижъ» — «написалъ мнѣ;
вмѣсто «интереса»—«оригинальности».

» — 6 сн. Вмѣсто «у меня его нѣтъ»—«оно не у меня»; «бы» передъ
«напечаталъ».

» — 4— 3 сн. Не было.

По изданію «П. З.» на 1855 г.

Стр. 100— 3 св. Вмѣсто «Грановскій и всѣ мы»—«Всѣ они».

» » — 7—15 св. Не было.

» 101—15 св. Послѣ этого двѣ строки точекъ.

Дальнѣйшій текстъ въ «П. З.» на 1855 г. относится къ главѣ XXX.

По изданію «П. З.» на 1858 г.

- Стр. 108— 5 св. Послѣ эпитафіа двѣ строки точекъ.
- » » —15 св. Послѣ «предѣлъ»—«не совѣмъ».
  - » » —15 сн. вмѣсто «возвратился»—«возвращался».
  - » » —12 сн. Послѣ «было»—«такъ открыто».
  - » » —11 сн. Не было «такъ открыто».
  - » 109— 9 св. Не было «вовсе друга»; вмѣсто «принадлежали»—«принадлежать».
  - » » —10 св. Послѣ «круга»—«несмотря на то, что въ нихъ было много не похожаго».
  - » » —14 св. Передъ «цензура»—«когда».
  - » » —15 св. Послѣ «Христа»—«и»; не было «въ то время».
  - » » —23 св. Послѣ «натуры»,—«въ».
  - » 110—16 сн. «Его послалъ».
  - » » —14 сн. Послѣ «юности.»—«О Станкевичѣ мы говорили прежде, когда шла рѣчь о Бѣлинскомъ. Безслѣдно, нельзя было подходить къ этой сильной умомъ и сильной поэзіей натурѣ. Онъ имѣлъ огромное вліяніе на своихъ друзей и товарищей и на всѣхъ оставилъ въ чемъ-нибудь свой отпечатокъ».
  - » » —10 сн. Послѣ «и»—«даже».
  - » 111—16 сн. вмѣсто «его учениками»—«Бакунинимъ».
  - » » —15 сн. Послѣ «по»—«его».
  - » » —14 сн. Не было «одного и письмамъ другого».
  - » 112— 4 св. вмѣсто «сохранился»—«еще былъ».
  - » » —18 сн. Послѣ «Мы»—«въ 1842 году»; послѣ «и»—«были неразрывно связаны до половины 1846 года. Мы».
  - » » —14 сн. вмѣсто «больно»—«неловко».
  - » » —12 сн. Передъ «они»—«а»; вмѣсто «а»—«но». Послѣ «жизни»—«Объ этомъ печальномъ времени мнѣ еще придется говорить».
  - » » —10 сн. Не было «могли разпо понимать».
  - » » — 6 сн. вмѣсто «Огаревымъ»—«Н.», какъ и дальше.
  - » 113— 2 св. Не было «онъ»; вмѣсто «письмо»—«написанными».
  - » » — 5 св. вмѣсто поставленнаго въ скобкахъ было: «Н. и я».
  - » » —16 сн. вмѣсто «вспомнятся . . . . . разсказа»—«будутъ постоянно въ памяти тѣхъ, которые будутъ читать ту главу, въ которой я пишу».
  - » » — 5— 4 сн. Не было курсива.
  - » 114—16 сн. Передъ «Такія»—«Это однѣ изъ лучшихъ, святѣйшихъ слезъ моихъ—радостныхъ до умиленія, до грусти». Послѣ «слезы»—«я разсказалъ это въ другомъ мѣстѣ».
  - » 115— 6 св. вмѣсто «его»—«но письма не перечитывалъ».
  - » » —12 св. вмѣсто «А. Таландѣ»—«единъ пріятель».
  - » 118—10 сн. «изнашиваетъ» послѣ «Быстро».

Глава XXX, тоже значительно измененная, напечатана: а) въ кн. I „П. З.“ первая три строки основного текста; 1 стр. св. 122 стр. до 6 стр. св. включ. 124 стр.; съ 14 стр. св. 124 стр. до 3 стр. св. включ. стр. 138; при этомъ 2 я выноса на стр. 129 и выноса на стр. 133 тамъ отсутствовали; первая 11 строкъ главки II-й.

б) Въ IV кн. „П. З.“ первая 17 строкъ основного текста; II главка этой главы (безъ многихъ мелкихъ позднѣйшихъ вставокъ), начиная съ 12 ея строки до 8 стр. св. включ. стр. 141; съ 20 стр. св. до 23 св. включ. стр. 142; 29—31 стр. св. стр. 142; съ 5 стр. св. стр. 143 до 13 стр. св. включ. стр. 144; 24—27 стр. св. стр. 144; съ 8 стр. св. стр. 144 до 10 стр. св. стр. 147 и съ 5 стр. св. стр. 149 до 7 стр. св. включ. стр. 153.

в) Во II т. „Б. и д.“ 1861 г. 5 стр. св. стр. 121 до 10 стр. св. стр. 122 („гресса“); 7—13 стр. св. стр. 124 (передѣланныя изъ сказаннаго на стр. 155 I кн. „П. З.“); 2-я выноса на стр. 129; выноса на стр. 133, мелкія вставки на стр. 133—139; стр. 17—12 св. стр. 139; стр. 4—11 св. стр. 140; стр. 7 св. стр. 141 до 20 св. включ. стр. 142; стр. 24 28 св. стр. 142; стр. 11 св. стр. 142 до 5 св. включ. стр. 143; стр. 14—23 св. стр. 144; стр. 14—9 св. стр. 144; стр. 9 св. стр. 147 до 4 стр. св. включ. стр. 149; стр. 23—30 св. стр. 151; стр. 6 св. стр. 153 до 22 св. включ. стр. 154.

г) Въ „Колоколѣ“ 15 янв. 1861 г. стр. 13 св.—2 св. стр. 149 и 23 св. стр. 154 до конца 155 стр.

Повторена во II т. „Б. и д.“, въ VII т. Жез. изд. и неисправно, со многими купюрами во II т. СПб. изд.; свѣрено по изд. 1861 г.

Варианты по „П. З.“ на 1855 г.

Стр. 120—Эпиграфа не было.

- „ —15 св. Передъ „или“— „какъ говорить Бераже“; вмѣсто „вѣрнѣе“— „лучше“.
- „ —14 св. Вмѣсто „славянофилы“— „панслависты“.
- „ —13 св. } Вмѣсто этого: „То, что у нихъ было истинно“
- 122—1 св. (гресса) } наго, мы не цѣнили. Это естественно всякой полемикѣ; борьба должна быть односторонняя и несправедлива. на взаимныхъ уступкахъ сейчасъ можно помириться. Для ихъ развитія и для нашего споръ былъ полезенъ; не знаю, многому ли они съ тѣхъ поръ выучились, но я многому; и начиная говорить объ нихъ, я дружески повторяю слова одной дамы, о вѣнь знакомой имъ, которая, передавая мой поклонъ Ш., шутя прибавила:

Celui à qui on a fait tort, vous salue! ¹⁾

«Тѣмъ больше имѣю я право на ихъ миръ, что судьба мнѣ предоставила защиту ихъ идей между басурманами, и, кажется, я не положилъ похулу на перо.

«Панславизмъ—не стародавняя вещь; его начала не идутъ далѣе 1815 года“.

¹⁾ „Consuelo“, G. Sand. А. И. Г.

- Стр. 122— 1 св. Не было „вообще“; вмѣсто „воскресеній“—„воскрешеній“.
- „ — 2 св. Послѣ „время“—„глядящее вспять, время оборотней“; вмѣсто „свѣжихъ и“—„болѣе или менѣе“.
- „ — 3—4 св. Вмѣсто „шедшихъ чешскій“—„явился“.
- „ — 5 св. Послѣ „визмъ“—„и именно у австрійскихъ славянъ“; вмѣсто „быти . . . . сначала“—„вообще“.
- „ — 6—15 св. Вмѣсто „лѣпились . . . . рукавицахъ“—„отдалялись другъ отъ друга, разбивались снова на враждебныя кучки, снова границы становились непреходимѣе, связ. и сочувствіе обрывались, революціонное единство становилось мечтой. Къ тому же прославшіяся народности были или казались слабыми, дѣятельность націоналистовъ была литературно-археографическая; правительства радовались добровольному отъ плению литераторовъ и ученыхъ въ призрачную жизнь.
- „Но для славянъ (такъ, какъ для грековъ, съ своей стороны) возвращеніе къ національнымъ идеямъ не могло быть такимъ, и, несмотря на огромныя сшибки, сдѣланныя чехами и кроатами въ 1848—49 г. ду, теоретическое возстановленіе задавленной славянской народности имѣло свою очень дѣйствительную сторону“.
- „ —16 св. Вмѣсто „Чешскій“—„Западный“; послѣ „панславизмъ“—„вызвалъ“; вмѣсто „славянскія сочувствія“—„славянскую парію“.
- „ —18 св. Вмѣсто „Славянизмъ или руссизмъ“—„Сверхъ того, она имѣла свою почву историческую, оправданную и народную. Славянизмъ“.
- „ —19 св. Не было „оскорбленное“; „какъ темное инстинктъ“.
- „ —21 св. Вмѣсто „существовалъ“—„существуетъ“.
- „ —22 св. Не было „1“.
- „ —23 св. Послѣ „противодѣйствіе“—„это“.
- „ —26 св. Не было „буйныхъ“.
- „ —11 сн. Послѣ „какъ“—„сама“.
- „ —10 сн. Послѣ „ждалъ“—„навѣрное“.
- „ 8 сн. Послѣ „раскольники“—„своего рода“.
- „ — 3 сн. Не было „но“; послѣ „г.“—„впрочемъ“.
- 123— 2 св. Не было „силы“; вмѣсто „могучіе“—„молодые“.
- „ — 4 св. Вмѣсто „даннаго отпора“—„силы“.
- „ —12 св. Послѣ „слога“—„который называлъ стилемъ“.
- „ —16—17 св. Вмѣсто „пошлый загоскинскій“—„квасной, гречневый“.
- „ —18—19 сн. Вмѣсто „хвастающій Тавриды“—„а Петербургъ—Сѣверной Пальмирой“.

Послѣ этого: „Послѣ Александра явились Погодинъ, императоръ Николай, Загоскинъ, Несторъ Кукольникъ, а съ ними разныя неустроенныя попытки водрузить тяжелое знамя православія, самодержавіа и народности чѣмъ попало,—романами, иконописью, дикимъ преслѣдованіемъ уніатъ, „Рукой Всевышняго отъчесто спасла“, розгами, ссылками, „Москвитянинымъ“,—журналомъ сухопутнаго православія, и „Маякомъ“—журналомъ морского православія“.

Стр. 123—20 св. „Патріотизмъ при Николаѣ потерялъ свой греко-римскій характеръ и“ (превратился и т. д.).

„ —12 св. 1. ослѣ „пѣтъ“—„вновь“; вмѣсто „поставленный“—„изобрѣтенный“; курсива не бѣжо.

124—7—18 св. Вмѣсто „Для того нелѣпы и“ — „Въ Москвѣ исключительно національное направленіе доходило до такихъ же нелѣпостей, но оно было независимо нелѣпо, нелѣпо“.

„ —19—21 св. Не было „что . . . . нелѣпыми“.

„ —22 св. Вмѣсто „Такъ . . . годовъ“ — „Лѣтъ пятнадцать тому назадъ“.

„ „ —24 св. Вмѣсто „неясную“—„премудреную“.

„ „ —26 св. Вмѣсто „чѣмъ“—„нежели“.

„ „ —11 св. Вмѣсто „одинъ“—„П...“.

• 125—16 св. Вмѣсто „мнѣ пришло въ голову“—„я вспомнилъ“.

• „ —19 св. Послѣ этого: „Я этотъ случай разскажалъ для того, чтобъ еще разъ показать, какая страшная стремнина — патріотизмъ и исключительная національность, какъ уносить она всякъ людей и какъ близка къ животной ненависти; послѣдовательный патріотизмъ оканчивается непременно по колѣна въ крови“.

„ —20 св. Не было „-то“; „партію“ стояло третьимъ словомъ; вмѣсто „въ тостахъ“—„en herbe“.

„ —21—22 св. Не было „и моей . . . . Новгородъ“.

„ —23 св. } Вмѣсто этого: „Ихъ развила полемика, они сомкнули свои

126—7 св. } ряды при появленіи чаадаевского „Письма“; война съ Бѣлинскимъ и дальнѣйшее развитіе панславизма на Западѣ сложили ихъ окончательно. Въ концѣ 1842 г. я ихъ засталъ въ полномъ боевомъ порядкѣ, съ своей легкой кавалеріей подъ начальствомъ Хомякова и чрезвычайно тяжелой пѣхотой Шевырева и Погодина, съ своими застрѣльщиками, охотниками, ультра-якобинцами, отвергавшими все, бывшее послѣ киевскаго періода, и умѣренными жирондистами, отвергавшими только петербургскій періодъ; у нихъ были свои кафедръ въ университетѣ, свое ежемѣсячное обозрѣніе, выходившее всегда два мѣсяца позже, но, все же, выходившее; при главномъ корпусѣ состояли православные гегеліанцы, византійскіе теурги, мистическіе поэты (Э. Глинка съ супругой) и множество женщинъ.

„Споры наши, немедленно начавшіеся, такъ закрѣпили и развили до послѣднихъ крайностей наши разныя воззрѣнія, такъ отдали наши взаимное-пониманіе всѣми жолкостями, преувеличеніями, всѣми выводами ad absurdum, что мы вовсе не видали сквозь чаднаго, церковнаго лада, что за ризами и мурмолками была сильная юная мысль, и, что всего важнѣе, *мысль своевременная*.

„Прежде, нежели пойдемъ далѣе, нѣсколько словъ о чаадаевскомъ „Письмѣ“. „Письмо“ это само по себѣ было историческимъ событіемъ; что, кажется, значать два-три печатныхъ листа, помѣщенныхъ въ ежемѣсячномъ обозрѣніи? А между тѣмъ, такова сила

рѣчи сказанной, такова мощь слова въ странѣ, молчащей и непри-
выкнувшей къ независимому говору, что „Письмо“ Чаадаева по-
трясло всю мыслящую Россію“.

- Стр. 126— 9 св. Въмѣсто „послѣднюю книжку“—„послѣдній №“.
 „ — 12 св. Въмѣсто „Философическія“—„Философскія“.
 „ — 13 св. Въмѣсто „писанныя“—„адресованныя“.
 „ — 21 св. Послѣ „теоріей“—„доходятъ до такого взгляда“.
 „ — 13 св. Не было „С.“, „вятской“.
 „ — 9 св. Въмѣсто „Долго . . . Россіи“—„Десять лѣтъ образованнаго
 Россія“.
 „ — 4 св. } Въмѣсто „а . . . взгляды“—„въды, это только на обра-
 127— 1 св. } захъ мученики улыбаются ангеламъ, когда ихъ тѣло
 рвутъ на части“.
 „ — 2 св. Въмѣсто „петровской Россіи“—„одной части Россіи, именно
 петровской“.
 „ — 9 св. Курсива нѣтъ.
 „ — 17—18 св. Взятая въ скобки нѣтъ.
 „ — 11 св. Не было „Ѳ“.
 128— 5 св. Въмѣсто этого:

„Но здѣсь, подъ гнетомъ власти царской,
 Онъ только офицеръ гусарской..“

- 129— 8 св. Безъ курсива.
 „ — 14 св. Не было „но“.
 Второѣ выноски не было.
 „ 130—15 св. Послѣ „католицизмъ“—„и самое христіанство“.
 „ — 11 св. Послѣ „не-нѣдвѣнія“—„этого атеизма, окруженнаго рели-
 гіозными учрежденіями“.
 „ Четвертой выноски не было.
 „ 131—1—2 св. Не было „атеизма . . . . учрежденіями“.
 „ — 12 св. Послѣ „тяжелыхъ“—„и неблагодарныхъ“.
 „ 133—5—7 св. Не было „Онъ . . . . Москвы“.
 „ — 11 св. Въмѣсто „чѣмъ“—„нежели“.
 „ — 11 св. Послѣ „вѣрившій“—„быть можетъ“.
 „ — 6—4 св. Не было поставленнаго въ кавычки.
 „ — Выноски не было.
 „ 134— 1 св. Послѣ „рабовъ“—„Мы похожи на тѣхъ несчастныхъ поля-
 ковъ, которымъ въ Камчаткѣ объявили при Павлѣ, что они сво-
 бодны и могутъ возвратиться на фрегатѣ, который поѣдетъ черезъ
 полгода“.
 „ — 5 св. Въмѣсто „и“—„Люди прошлыхъ вѣковъ, чувствуя прибли-
 жение смерти, постригались въ монахи“.
 „ — 5 св. Въмѣсто „а К. Аксаковъ“—„А.“.
 „ 135—18 св. Послѣ „Но“—„тутъ“.
 „ — 23 св. Въмѣсто „закрѣплено ревизіей“—„записано въ ревизію“.
 „ — 7 св. Послѣ „нашего“—„народнаго“.

Стр. 135— 5 сн. Курсива нѣтъ.

„ „ — 4 сн. Послѣ „гнетомъ“—„потомъ“.

„ 136— 14 св. Не было „истинно“; послѣ „соціального“—„т.-е. общиннаго, что“.

„ — 17 св. Не было „коммунизма“.

„ — 19 св. Передъ „недо-“—„какъ я когда-то выразился“.

„ — 20 св. Не было „усвоения и“.

„ — 11 сн. Въмѣсто „варяги“—„норманы“.

„ — 1 сн. Послѣ „необходимости“—„такого же“.

137— 4 св. Послѣ „силой“—„на всѣхъ парахъ . . . . славянскій міръ былъ только послѣдователенъ. Деспотизмъ—послѣднее слово европейскаго государственнаго устройства“.

„ — 9 св. Въмѣсто „страны“—„единственная большая страна“.

„ — 10 св. Не было „еще“; вмѣсто „и тѣ деспотизмъ“—„страстно прѣять деспотизма“.

„ — 15—24 св. Въмѣсто этого „Одинъ социализмъ можетъ спасти Европу! И дѣло, что его распинуютъ. Деспотизмъ значить исключительность, ненависть; имперіа значить война, оттого Наполеонъ и называлъ ее миромъ... для старой Европы война съ Россіей необходима, она справедлива, какъ отчаяніе Чаадаева“.

Затѣмъ слѣдовали строки 15—7 сн. („Нельзя же океанѣ“), съ такими вариантами:

„ — 11 сн. Въмѣсто „сокрушить личность, иѣмую“—„эту третью, иѣмую личность“.

„ — 10 сн. Въмѣсто „являющуюся . . . шеѣ и“—„въ цѣпяхъ“.

„ — 9—8 сн. Въмѣсто „съ . . . Византію“—„съ своимъ необузданнымъ желаніемъ Византію“.

„ „ — 8 сн. Въмѣсто „ногой“—„рукой“.

„ „ — 1 сн. Не было.

„ „ — 15 сн. Послѣ „игру“ и до конца главы вмѣсто напечатаннаго было: „Она потому не можетъ кончиться прежде, что при настоящемъ положеніи дѣлъ война эта справедлива со стороны Европы. Когда въ историческій вопросъ сводится на равновѣсіе, на искусственный покой на вооруженное равновѣсіе; когда всѣ усиленія устремлены на устраненіе всякаго движенія, потому что легчайшее можетъ уронить всю эту акробатическую задачу, то очевидно, что страна, мѣшающая равновѣсію, должна быть укорочена, обезсилена.“

„Миръ можетъ быть только принесенъ социализмомъ... У насъ это можетъ удивить, но смѣяться не будутъ; здѣсь будутъ, но будутъ тоже скрежетать и зубами... я обдержался.“

„При первой зарѣ восходящей общинности, нагоды, завлеченные по колѣна въ кровь, лучше узнаютъ другъ друга; дикій крикъ завистливыхъ національностей, хищнаго патріотизма умолкнетъ. Эти иенъвисти принадлежатъ не народамъ, а государствамъ; народы виноваты только въ невѣжествѣ, а какъ имъ что-либо знать, когда имъ проповѣдуютъ цѣлую ложь“

ную религію крови и безумія, народной исключительности, честі и знамени права сильнаго, всю эту тупую и ограниченную доблесть патриотическаго эгоизма, противъ котораго уже возставали первые христіане, и которую теперь такъ усердно проповѣдуютъ послѣдніе.

«Славянскій міръ, менѣе знакомый съ надменнымъ, аристократическимъ point d'honneur'омъ, первый уступить и протянетъ руку своимъ старшимъ братьямъ, какъ тотъ сиракузскій тиранъ, который, оставившая палача, вросилъ самоотверженныхъ друзей объ одномъ—принять его *третьимъ*,

So nehmet auch mich zum Genossen an,
Ich sei—gewährt mir die Bitte—
In Eurem Bunde der Dritte ¹⁾).

«Это мѣсто *третьяю* необычайно идетъ міру воспримчивому, сочувствующему обоимъ, расплывчатому, долинному, менѣе опредѣленному и сосредоточенному въ мысли и въ землѣ, не разрѣзанному ни высокими горами, ни непереходимыми традиціями.

«Такова моя вѣра, и ее-то я только и проповѣдывалъ съ конца 1848 года. Еще слово. Что бы ни случилось, разложится ли Россія на части, или Европа упадетъ въ византійское ребячество,—одна вещь сдѣлана и искоренить ее невозможно, это—сознаніе болѣе и болѣе приобретаемое юнымъ поколѣніемъ въ Россіи, что *соціализмъ—смутный и неопредѣленный идеалъ русскаю народъ, разумное и свободное развитіе его быта*».

Стр. 138— 5— 6 св. Въмѣсто «Возвратившись . . . были» — «Въ концѣ 1842 г. я ихъ засталъ».

- —14 св. Въмѣсто «богословы»—«теурги».
- —15 св. Послѣ «поэты»—«(Ф. Глинка съ супругою) и». Не было «и пр., и пр.»

Варианты по «П. З.» на 1858 г.

Стр. 120— Элиграфа не было.

- • —13 св. Послѣ «московскіе»—«панслависты, попросту».
- • —14 св. Къ слову «славянофилы» была выноска: «Общая часть о славянскомъ воззрѣніи напечатана была въ отрывкѣ изъ моихъ «Записокъ», помѣщенномъ въ «Полярной Звѣздѣ» на 1855 г. Я не счелъ нужнымъ ее повторять».
- —14—21 св. («нихъ»). Въмѣсто этого: «Война наша съ ними была въ самой сущности воззрѣнія; она не могла не быть. Они смѣшивали съ народностью не только дѣтское поклоненіе *дѣтскому* періоду нашей исторіи, но и *православію*».
- —22 св. Въмѣсто «царя»—«благочестивѣйшаго самодержца всероссійскаго».
- —23 св. Послѣ «на» — «независимую». Въмѣсто «совѣсти . . . церкви»—«ее какому-то монастырскому чину, азіатской церкви, всегда колѣнопреклоненной передъ свѣтской властью».
- 121— 1 св. Въмѣсто «славянофилахъ»—«славянахъ».

¹⁾ Изъ баллады Шиллера „Die Burgschaft“ („Порука“).

Стр. 121— 2 св. Послѣ «ихъ»—«невоздержныя преувеличенія».

- • — 2— 4 св. Вмѣсто «идеалы . . . жизни»—«портреты былого. ихъ «приносящая личность» и дикая ненависть ко всему западному безъ разбора вызвали съ нашей стороны противодѣйствіе даже тому, что въ ихъ воззрѣніи было справедливо».
- 138—17 св. Послѣ «ту»—«печальную».
- • —20 св. Послѣ «книги»—«напр., «Мертвыхъ душъ».
- • — 9— 7 св. Вмѣсто «Въ лицѣ правительства»—«Въ московскомъ обществѣ было, разумѣется, множество неловкаго, той неспѣлости, которая есть, вообще, въ русской жизни, и нѣкотораго провинціализма, особенно принадлежащаго Москвѣ, но при всемъ этомъ я вспоминаю съ удовольствіемъ объ немъ».
- — 6 — 4 св. Вмѣсто «Я въ Москвѣ . . . . . говорю»—«Въ Москвѣ я зналъ очень небольшой кругъ людей».
- 139—14 св. Не было «и А. П. Ермоловъ».
- • —15 св. Вмѣсто «они»—«онъ» съ понѣтной разницей въ глагольных формахъ.
  - —16 св. Вмѣсто «К. Аксаковъ»—«А—ъ».
  - —20 св. Вмѣсто «Р.....»—«Р—ъ».
  - —22 св. Вмѣсто «гдѣ . . . . . Станкевича» — «... и принимался что-нибудь читать про себя середь разговора».
  - —26—31 св. Вмѣсто «гдѣ . . . . . попадало» — «Что теперь дѣлается въ этихъ гостиныхъ? Гдѣ собираются? Гдѣ пьютъ литературный чай? Кто корифеи, кто спорить, чью сторону держать дамы?»

«Московское неофициальное общество составлено странно и, можетъ, потому недурно. Оно состоитъ изъ помѣщиковъ и изъ талантливыхъ людей и носитъ на себѣ эту двойную печать».

  - —11 св. Не было «Вообще».
  - —10—8 св. Не было «Въ ней . . . русскихъ».
  - — 7 св. Послѣ «ней»—«остались еще доживать свой вѣкъ»; не было «спокойно . . . вѣкъ».
- • — 6 св. Не было «не . . . . . а».
- 140— 1—2 св. Не было «было», «мало . . . рукава».
- • — 3 св. Вмѣсто «сказать»—«надо».
- • — 4—14 св. Вмѣсто «Подобострастный . . . . . привитая»—«Молодое общество, оставившее неблагородный кліентизмъ, свободнѣе европейскаго, потому что оно не устоялось, не окостенѣло».
- —14 св. Вмѣсто «намъ воспитаніемъ» — «Воспитаніемъ намъ привита».
- —15 св. Вмѣсто «laisser aller»—«спустя рукава».
- —16 св. Вмѣсто «составляла»—«составляетъ».
- —18 св. Не было «и это . . . . . осталось».
- —19 св. Послѣ «Европу»—«не могу не повторить этого».
- —14 св. Вмѣсто «и увидать»—«видѣть».
- —12 св. Не было «XVIII».
- — 4 св. Вмѣсто «литераторы»—«литературу».

- Стр. 141—7 сн. } Не было.
 » 142—18 св. }
- » » —19—20 св. Въмѣсто „Ильей Мвромцемъ . . . Степановичъ“—„Не таковъ былъ ихъ товарищъ А. С. Хомяковъ. Онъ и Кирѣевскію, вто Jean qui rit et delux Jean qui pleurent славянизма“.
  - » —21 св. Не было „полуповрежденнаго“.
  - » —22 св. Послѣ „кина“—„горячо, весело и чуть ли не бесплодно проспоришь всю свою жизнь“.
  - » —24—28 св. Въмѣсто „Боець . . . прочъ“—„Нату́ра болѣе ослѣпительная, чѣмъ свѣтлая, онъ забрасывалъ словами и цитатами, надъ всѣми издѣвался, заставлялъ человѣка смѣяться надъ собственными убѣжденіями, не передавая ему тѣхъ, которыя онъ считалъ истинными“ (измѣненіе начала стр. 143).
  - » —13 сн. Не было „дѣйствительно“.
  - » —12 сн. Въмѣсто „діалектики . . . малѣйшей“ — „логики, знавшій всё улочки и пользовавшійся малѣйшимъ разсвѣніемъ или“.
  - » » —11—4 сн. Не было.
  - » 143— 1—5 св. (Измѣненіе приведено выше).
  - » » — 5 св. Въмѣсто „онъ“—„Хомяковъ“.
  - » » — 9 св. Въмѣсто „выражалось что-то затаенное“—„лица равно выражался умъ“.
  - » » —10 св. Въмѣстѣ съ русскимъ“—„или русское“.
  - » » —11 св. Не было „Онъ . . . убѣждалъ“.
  - » » —13 св. Послѣ „возможность“ — „однимъ“; послѣ „онъ“ — „собственно“.
  - » 144— 8 св. Курсива не было.
  - » » —10 св. Послѣ „Иверской“—„Божіей матери“.
  - » » 12—13 св. Пословица курсивомъ. Послѣ нея—„Хомяковъ, по общенювенію, заключилъ смѣхомъ, и мы стали говорить о другомъ“.
  - » » —14—23 св. Не было.
  - » » —24 св. „Можетъ быть, Хомяковъ“.
  - » » —26—27 св. Не было „его . . . въ“.
  - » » —14—9 сн. Не было.
  - » » — 8 сн. Въмѣсто „Ивана Васильевича“—„его“.
  - » » — 5 сн. Не было „Жизнь . . . онъ“.
  - » » — 4 сн. Послѣ „1833 г.“—„онъ основалъ въ Москвѣ“.
  - » » — 3 сн. Въмѣсто „Европеецъ“ былъ запрещенъ — „правительство запретило изданіе“.
  - » 145— 1 св. Въмѣсто „подъ арестъ“—„на гауптвахту“.
  - » » —2—3 св. Въмѣсто „уныло почилъ въ пустынѣ“—„пожилъ въ пустотѣ“.
  - » » — 3—4 св. Въмѣсто „ничего уѣхалъ“—„въ тяжелой праздности и поѣхалъ на житье“.
  - » » — 5—6 св. Не было „И этого . . . времени“.
  - » » — 8 св. Не было „мистикомъ и“.
  - » » — 9—10 св. Не было „Совершенной . . . нами“.

- Стр. 145—11 св. Вмѣсто „была . . . стѣна“—„стояло православіе“.
- » » —13 св. Послѣ „новыхъ“—„московскихъ“.
  - » » —13 св. Вмѣсто „и монашескихъ рясахъ“—„пряталась въ монашескія рясы“.
  - » » —12 св. Послѣ „онъ“—„самъ“.
  - » » — 8 св. Послѣ „который“—„(какъ однажды Иванъ Васильевичъ)“; вмѣсто „говорить“—„говорилъ“.
  - » » — 7 св. Послѣ „часовнѣ“—„и“.
  - » 146—12 св. Отъ слова „западнаго“ выносокъ:
„Когда были писаны эти строки, оба Кирѣевскіе были еще въ живыхъ. Оба теперь въ могилѣ. Вѣсть о смерти Ивана Васильевича убила его брата; ему нечего было больше любить,—онъ не выдержалъ! Какое трагическое существованіе!“
  - » » —11 св. Вмѣсто „состояло“—„состоить“.
  - » » — 1 св. Вмѣсто „мимолетнымъ“—„мимолетными“.
  - » 147— 1 св. Вмѣсто „юношескимъ порывомъ“—„юношескими порывами“.
  - » » — 6 св. Вмѣсто „нѣмъ“—„нежели“.
  - » » —18 св. Послѣ „затянулись“—„сбились съ дороги“.
  - » » —20 св. Вмѣсто „И . . . юности!“—„Провести такъ десять пер-
выхъ лѣтъ юности ужасно“.
  - » » —23 св. Не было „настоящій“.
  - » » — 9 св. } Не было.
  - » 149— 4 св. }
  - » » — 5 св. Послѣ „и“—„я“.
  - » » — 8 св. Послѣ „мнѣ“—„въ 1844 году“.
  - » 150— 4 св. Послѣ „вредно“—„Что съ этимъ оружіемъ можно сдѣлать,
намъ показала Меттернихъ; онъ подбилъ кроваваго фанатика Шелу въ Галиціи для наказанія мятежнаго духа дворянъ, тотъ и пошелъ съ шайкой разбойниковъ, при крикѣ „да здравствуетъ императоръ!“ изъ одной дворянской усадьбы въ другую, вырѣзывая помѣщиковъ съ семьями“.
  - » — 6 св. Послѣ „Погодинъ“—„можетъ и“; послѣ „былъ“—„скольконибудь“.
  - » » — 9 св. Вмѣсто „имѣлъ мало“—„не имѣлъ никакого“.
  - » » —15 св. Вмѣсто „Строгановъ (попечитель)“—„И. С.“.
  - » » — 22 св. „Бланъ-манже неокрѣпнущаго“.
  - » 151—20 св. Вмѣсто „Ю. Самаринъ“— „(одинъ изъ нихъ)“.
  - » » —23—27 св. Не было „И. В. . . . русский“.
  - » » —28 св. Вмѣсто „примиреніе“—„все это было“.
  - » 152—13 св. Вмѣсто „Аксаковъ съ“—„А., славянинъ вдвое больше поэта,
съ благороднымъ“.
  - » » —16 св. Послѣ „Данте“—„и“;
  - » » —15 св. Послѣ „ствѣ“—„и“; не было „и пр.“.
  - » » — 5 св. Вмѣсто „сидѣли“—„сидѣвшіе“.
  - » » — 4 св. Не было „и“.
  - » » — 2 св. То же.

- » 153—8 св. Въмѣсто „ясновидѣнія“—„магнетизма“.
- » » — 6 сн. } Не было.
- » 155 до конца }

Глава XXXI напечатана въ IV кн. «П. З.», повторена во II т. «Б. и д.» 1861 г., въ VII т. Жен. изд. и съ купюрами во II т. СПб. изд.; свѣрено по изданію 1861 г.

Варианты по «П. З.» на 1858 г.

- Стр. 156—8 св. Въмѣсто „агрономической школы“—„земледѣльческой школы“.
- » 157—15 сн. Въмѣсто „Голохвастовъ“—„Г.“, какъ и дальше; фамилія нигдѣ не названа.
  - » » —10 сн. Въмѣсто „оть“—„у“.
  - » 158—6 сн. Послѣ „послалъ“—„верхового“.
  - » 160—14 сн. Въмѣсто „странно“—„страшно“.
  - » 162—12 св. Въмѣсто „чѣмъ“—„нежели“.
  - » 164—19 св. Въмѣсто „Огарева“—„Н.“.
  - » » —20 св. Въмѣсто „чѣмъ“—„нежели“.
  - » 165—22 св. Послѣ „въ него“—„Само собою разумѣтся, что съ чистымъ и благороднымъ человѣкомъ, какъ Г. И., знавшимъ насъ коротко, не могло выйти недоразумѣнія, такъ, какъ его не было и съ Г. Но милый родственникъ не только тогда былъ увѣренъ, но и потомъ имѣлъ мѣднй лобъ (и не знаю, изъ какой дряни сердце) повторять, что мы вчетверомъ, получивши милліона два наслѣдства, занимали у него тридцать пять тысячъ“.
  - » 168—3 сн. Въмѣсто „чѣмъ“—„нежели“.
  - » 169—4 св. „его дяди“.
  - » 174—14 св. Не было „А.“.
  - » » —7 сн. Въмѣсто „чѣмъ“—„нежели“.
  - » 176—13 св. Въмѣсто „Мясновъ“—„Масловъ“, какъ и дальше.
  - » 178—21 св. Въмѣсто „ѣдете“—„ѣдегъ“.
  - » 181—22 св. Въмѣсто „окончилась“—„кончилась“.
  - » » —10 сн. Въмѣсто „всей“—„всѣя“.
  - » 183—7 сн. Передъ „я“—„Г.“.
  - » » —4 сн. Въмѣсто „было уплачено“—„былъ уплаченъ долгъ“.
  - » » —3 сн. Въмѣсто „ничего“—„его“.

Глава XXXII подверглась переработкѣ и напечатана: въ IV кн. «П. З.» глава V—съ 14 стр. св. стр. 189 до конца; въ той же книжкѣ, въ гл. III, въ иномъ порядкѣ все остальное, кромѣ первыхъ 10 строкъ основного текста и послѣднихъ 4-хъ (съ «Но ѣхать..»); повторена во II т. «Б. и д.» 1861 г., въ VII т. Жен. изд. и съ купюрами во II т. СПб. изд.; свѣрено по изданію 1861 г.

Варианты по „П. З.“ на 1858 г.

Стр. 184—3 св. Послѣ „положеніе“—„Дамское общество.—Mésalliance.—Изъ журнала женщины“. Потомъ, не давъ текста, соотвѣтствующаго

этимъ подзаголовкамъ, Герценъ выбросилъ ихъ изъ подзаголовка. Рукопись, заключающая эти отсутствующіе отрывки, до сихъ поръ не найдена.

Стр. 184—4—13 св. Не было.

- » 185— 3 св. Послѣ „листѣ“—„тогдашней“; не было „того времени“.
- » — 4 св. Вмѣсто „aggrège pensée“—„досадой“.
- » — 6 св. Вмѣсто „надобно“—„надо“.
- » — 8—7 сн. Не было „Кромѣ . . . Е. К.“.
- » 186—11 св. Вмѣсто „ихъ успѣхѣ“—„успѣхѣ моихъ философскихъ статей“.
- » 187— 3 св. Вмѣсто „чѣмъ“—„нежели“.
- » — 18 сн. То же.
- » — 4 сн. Послѣ „талантовъ“—„и“; послѣ „Пушкина“—„его“.
- » — 3 сн. Передъ „пережило“—„какъ будто“; послѣ „пережило“—„грубые“.
- 188— 9 св. Послѣ „мнѣній“—„Все это опять и опять приводило къ спорамъ объ наболѣвшемъ предметѣ“.
- » — 6 сн. Послѣ „начертано“—„золотыми буквами“.
- » — 10 сн. Передъ „молодой“—„И“.
- » — 8 сн. Не было „ему“.
- » 189— 5 св. Вмѣсто „Огарева“—„Н.“, какъ и дальше.
- » — 13 св. Послѣ „заживемъ“—„Но вышло не такъ; прїездъ Н. ускори́лъ объясненія, которыя были необходимы, но которыя мы отдаляли; прежде этого, впрочемъ, одно событіе внесло важную перемену въ мою жизнь: 6 мая 1846 года умерь мой отецъ“.
- » — 15 св. Вмѣсто „Московского уѣзда“—„Московской губерніи“.
- » 191—16 сн. Вмѣсто „занимательныхъ“—„занимающихъ насъ“.
- » 192— 9 св. Послѣ „графу“—„къ II главѣ“.
- » — 18 сн. Не было „К.“, какъ и дальше.
- » 193— 4—1 сн. Не было „Но ѣхать . . . невозможно“.

Глава XXXIII напечатанъ въ I кн. «П. З.» подъ заглавіемъ «Еще разъ старый Петербургъ», а конецъ—началомъ главы «Путь»; повторена во II т. «Б. и д.» 1861 г., въ VII т. Жен. изд. и съ купюрами во II т. СПб. изд.; свѣрено по изданію 1861 г.

Варианты по «П. З.» на 1855 г.

Стр. 194—Передъ началомъ текста были три строки точекъ.

- » 198—16 сн. Вмѣсто „Не знаю“—„Я не знаю“.
- » 202—Не было строки точекъ.
- » — 12—9 сн. } Не было.
- » 203— 5 св. }
- » — 3 сн. Не было.

«Н. Х. Кетчеръ» — напечатано очень неправильно въ «Сборникѣ по-смертныхъ статей А. И. Герцена», Женева, 1870 и во 2-мъ изданіи, 1874 г.,

съ купюрами и тѣми же неточностями во II т. СПб. изд. Свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз. Мѣсто этой главы точно указано самимъ авторомъ, сдѣлавшимъ на рукописи слѣдующую помѣтку: «Былое и думы. Ко II части. Глава . . .». II часть, какъ уже было сказано, означала II томъ, который какъ разъ и кончался частью IV. Въ особой «запискѣ» для Огарева это подтверждено.

«Эпизодъ изъ 1843 года» — напечатано очень неисправно въ «Сборникѣ посмертныхъ статей А. И. Герцена», 1870 (и 2 изд., 1874 г.) и съ купюрами во II т. СПб. изд. свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз. Данное этой главѣ въ «Сборникѣ» заглавіе «Базиль и Армансъ» произвольно, въ подлинникѣ его нѣтъ. Мѣсто главы указано Герценомъ въ той же «запискѣ» (см. ниже). Какъ уже и сказано, Герценъ ошибочно указалъ 1844 годъ вмѣсто 1843-го.

При арестованномъ въ августѣ 1866 г. студ. московскаго унив. Федорѣ Шадринѣ была найдена литографированная брошюра «Юная Москва», въ которой москов. цензурный комитетъ усмотрѣлъ два произведенія: 1) первую главу и начало 2-й четвертой части «неизвѣстнаго сочиненія» (161—176 стр.) и 2) конецъ 2-й, 3-ю, 4-ю, 5-ю и 6-ю главы «также неизвѣстнаго по заглавію сочиненія, съ присовокупленіемъ къ тому эпилога и прибавленія (21—108 стр.)».

«Сказанные отрывки изъ перваго сочиненія, — писалъ цензурный комитетъ московскому ген.-губернатору, — есть автобіографія, изъ которой видно, что авторъ былъ сосланъ въ Вятку, потомъ переведенъ во Вл. димірь, откуда переѣхалъ сначала въ Москву, потомъ въ Петербургъ, служилъ въ канцеляріи бывшаго мин. внутр. дѣлъ гр. А. С. Строганова и, наконецъ, снова, по распоряженію гр. Бенкендорфа, былъ отправленъ въ Вятку. Авторъ высказываетъ про кругъ своихъ знакомыхъ въ Москвѣ, представителей революціонныхъ идей, и другой московскій кружокъ молодыхъ людей, преданныхъ изученію нѣмецкой фил. софіи, про борьбу этихъ кружковъ и послѣдовавшее между ними примиреніе, вслѣдствіе соединенія ихъ въ одно общество.

«Второе сочиненіе есть обзоръ русской исторіи со стороны развитія въ ней единовластія и самодержавія. Авторъ останавливается на тѣхъ только фактахъ и событіяхъ, которые способствовали къ развитію и укрѣпленію господствующей государственной формы правленія въ Россіи, съ озлобленіемъ нападаетъ на эти факты и восхваляетъ лишь только тѣ событія и тѣхъ лицъ, которые мѣшали усиленію самодержавія или стремились къ его ограниченію и ниспроверженію. Отрывокъ второй главы обнимаетъ русскую исторію до Петра В; третья глава разсматриваетъ реформы Петра В. и, характеризуя царствованія его преемниковъ, доводитъ обзоръ русской исторіи до 1812 г.; четвертая глава повѣствуетъ о событіяхъ, приготовившихъ бунтъ 14 декабря 1825 г.; пятая глава говоритъ о состояніи общества послѣ происшествій 1825 г. и о проявленіи новыхъ либеральныхъ идей въ литературѣ; шестая глава разбираетъ ученія московскихъ славянофиловъ и петербургскихъ западниковъ, занимавшія общество въ 1847 г.; въ эпилогѣ высказываются надежды на спасеніе Россіи отъ рабства посредствомъ революціи, главные элементы которой авторъ видитъ въ русскихъ эмигран-

тахъ, приче́мъ восхваляются революціонные подвиги Бакунина, Головина, Сазонова и др. лицъ; наконецъ, прибавленіе состоитъ въ изложеніи значенія общины въ Россіи.

«Какъ первое, такъ и второе сочиненіе по языку, способу изложенія и направленію мыслей, принадлежатъ, повидимому, перу одного и того же лица. Оба пропитаны фанатическою ненавистью къ власти — духовенству, дворянству, чиновн.камъ, высшему правительству и царствовавшимъ особамъ; оба доказываютъ возможность и необходимость социальной революціи въ Россіи для уничтоженія существующаго образа правленія и для избавленія народа отъ цѣпей рабства. Въ обоихъ сочиненіяхъ на каждомъ шагѣ встрѣчается полное господство грубыхъ демократическихъ началъ и самыхъ радикальныхъ социалистическихъ идей. Сочиненія эти безусловно не могли бы быть дозволены къ печати цензурою, а напечатаніе ихъ въ силу высочайше дарованныхъ 6 апрѣля 1865 г. льготъ литературѣ, безъ цензуры повлекло бы, по мнѣнію цензурнаго комитета, преслѣдованіе автора ихъ по законамъ о государственныхъ преступленіяхъ, охраняющимъ неприкосновенность царствующихъ особъ и существующій образъ правленія.

«Къ сему московскій цензурный комитетъ считаетъ своею обязанностью присовокупить, что въ упомянутыхъ сочиненіяхъ въ разныхъ мѣстахъ находятся намеки, на основаніи которыхъ можно предполагать, что они написаны извѣстнымъ русскимъ эмигрантомъ Александромъ Герценомъ (Искандеромъ)». (Архивъ III Отд. С. Е. И. В. канц. I экзеп. 1866 г., дѣло № 278).

«*Между четвертой и пятой частью*» напечатано въ началѣ III тома «Б. и д.», Лондонъ, 1862, повторено въ VIII т. Жен. изд. и неполно и не исправно въ I т. СПб. изд.; свѣрено по изданію 1862 г.

Въ II т. «Б. и д.» были напечатаны вслѣдъ затѣмъ №№ 315, 331, 231, 363, 437, 457, 367, 415, 373, 388, 458 и 467 настоящаго изданія.

Изъ указанія Герцена ясно, что у Т. П. Пассекъ сохранилась не вся рукопись № 212 и что, какъ и было уже указано мною, №№ 315, 331 и 212 необходимо разсматривать, какъ отрывки задуманнаго цѣльнаго произведенія.

Пятая часть.

Предисловіе напечатано въ IV т. «Б. и д.», Женева, 1867 г. (обложка 1866 г.), повторено въ VIII т. Жен. изд. и не исправно въ III т. СПб. изд.; по-французски въ № 12 «KoloKol» 1868 г.; свѣрено по изданію 1867 г.

Названіе всѣхъ главъ этой части, до «Русскихъ тѣнѣй», — «Cogitata et visa» указано Герценомъ, какъ болѣе подходящее, въ письмѣ къ сыну отъ 6 ноября 1866 г., уже послѣ выхода тома; оно же употреблено имъ и въ № 12 «KoloKol» вмѣсто бывшаго «Передъ революціей и послѣ нея»; все, обнимаемое этимъ заглавіемъ, составляло «первое отдѣленіе», «Русскія тѣни» — «второе отдѣленіе» IV тома. Такія же указанія даны впоследствии Герценомъ и Огареву, но безъ раздѣленія на «отдѣленія».

Четвертый томъ «Б. и д.» продавался плохо; чтобы увеличить сбытъ, скупившіи потомъ все изданіе М. Эллидинъ содралъ первую обложку, вырѣзалъ титулъ, оглавленіе, предисловіе и шмуць-титулъ (сдѣлавъ эту операцію очень грубо) и наклеилъ другую обложку, на которой напечаталъ: *Herzen-Souvenirs A. И Герценъ. Его отношенія къ Маццини, Орсини, Гарибальди, Прудону. Carouge-Genève. M. Elpidine. Libraire-éditeur, 1901*; посрединѣ былъ помѣщенъ портретъ Герцена. Нѣкоторые считаютъ это особой книгой..

Глава XXXIV напечатана въ I кн. «П. З.», повторена въ IV т. «Б. и д.», въ VIII т. Жен. изд. и неисправно и съ купюрами въ III т. СПб. изд.; свѣрена по изданію 1867 г. По-французски, подъ заглавіемъ «*Le voyage*», помѣщена въ № 12 «*Kolokol*» 1868 г.

Варианты по «П. З.» на 1855 г.

- Стр. 284— 4 св. Послѣ „насъ“—„Прусскій дилижансъ“.
- » » — 5 св. Не было „И увѣжаемъ“.
  - » » —14 сн. Вмѣсто „другого“ — „что разъ“.
  - » » —13—12 сн. Вмѣсто „неаполитанскій“ . . . . . требуя“—„подходить къ дилижансу карабинеръ и требуетъ; конечно, четвертый разъ“.
  - » » — 8 сн. Послѣ „бригадиръ“ — „этотъ былъ“; послѣ „офицеръ“—„онъ“.
  - » 285— 1 св. Вмѣсто этого: „какъ наша фамилія, откуда?“
  - » » —16 св. Вмѣсто „Н“—„L“.
  - » » —17 св. Вмѣсто „мужского“—„мужескаго“.
  - » 286— 3 св. Вмѣсто „двумя“—„страшно“; послѣ „они“—„кажется“.
  - » » — 7 св. Не было „то“.
  - » » —23 св. „Я прѣхалъ въ Кенигсбергъ“.
  - » » —26 св. Послѣ „;“—„потомъ“.
  - » » — 8 сн. Вмѣсто „состоявшей“—„она состояла“.
  - » 287— 4—5 св. „Сценическую постановку“.
  - » » — 7 св. Вмѣсто „въ кабриолетъ“ — „на дилижансъ; это и до сихъ поръ осталось мое любимое мѣсто для путешествія“.
  - » » —26 св. Не было „и одобрилъ“.
  - » » —11 сн. Не было „и“.
  - » » —10 сн. „Наименьшій“;
  - » » — 7 сн. Вмѣсто „хороша только“—„только и была хороша“.
  - » 288 - 2 св. Послѣ „станціи“—„отъ Райда до Вентнора, напр., на островѣ Вайтъ“.
  - » » — 5 св. „Хуже“, послѣ „ничего“.
  - » » —18 св. „Гуть“ послѣ „намъ“.
  - » » —20 св. Передъ „въ“—„вдръгъ“.
  - » » —25 св. Вмѣсто „русско-нѣмецко военныхъ“—„въ горлѣ“.
  - » » —11 сн. Не было „бы“.
  - » » — 2—1 сн. Не было.
  - » 289— 1 св. Передъ „Первый“—„Итакъ“.
  - » » —13 св. Курсива не было.
  - » » —14 св. Вмѣсто „чѣмъ“—„нежели“.

Стр. 289—20 св. Не было „Сазонова...“

» » —21—27 св. Не было „Да вотъ   прїѣздомъ“.

Глава XXXV напечатана въ I кн. «П. З.», повторена въ IV т. «Б. и д.» въ VIII т. Жен. изд. и неисправно и съ купюрами въ III т. СПб. изд.; свѣрено по изданію 1867 г. Въ № 12 «Kolokol» 1868 г. подъ заглавіемъ «La lune de miel de la République» напечатана по-французски, какъ II глава «Cogitata et visa».

Варианты по «П. З.» на 1855 г.

Стр. 290—12 сн. „Ея было“

» » —11 сн. Не было „и“.

» 291—18 св. „Онъ изъ Гаваны“.

» —22 св. Курсива не было.

» —13 сн. Вмѣсто „А .   здѣсь?“—„Вы остаетесь въ Чивитѣ?“.

» —11 сн. Вмѣсто „еще   англичанъ“—„очень мало былъ въ сношеніяхъ съ англичанами“.

» — 2 сн Вмѣсто „лежалъ“—„легъ“.

» — 1 сн. Не было.

293—19 сн. „Въ каретѣ на пароходѣ“.

» —18 сн. „Вы что-нибудь себѣ“

» — 6 сн. Не было.

» — 2 сн. Не было.

» 294— 4 св. Послѣ этого: „Служба сводитъ у насъ съ ума и съ сердца“.

» » —13 св. „Оливье Демосенъ“.

» 295—15 св. „Барку противъ теченія“.

«*Западные арабески*», *тетрадь первая*—напечатано во II кн. «П. З.», повторено въ сборникахъ «Изъ „Колокола“ и „П. З.“», 1864 г. и «Еще разъ», 1866 г., въ IV т. «Б. и д.», въ VIII т. Жен. изд. и въ III т. СПб. изд.; свѣрено по изданію 1867 г. Эта «тетрадь» въ «Б. и д.» состояла изъ пяти главокъ: 1. «Сонъ»; 2. «Въ грозу»; 3. «Послѣ грозы»; 4. «Примѣты» и 5. «Тифоидная горячка»; въ настоящемъ изданіи такое расположеніе не было бы правильнымъ, потому что 3 главка была взята изъ «Съ того берега», а 4 и 5 главки получаютъ свое истинное мѣсто по указанію самого же автора въ рукописи неопубликованныхъ раньше главъ V части.

На стр. 306 и 310 т. VII приведены нѣсколько словъ изъ 1-й главки («Сонъ») съ указаніями Герцена, во-первыхъ, что онѣ цитируются имъ изъ посвященія Огареву, во-вторыхъ, что послѣднее написано «года два тому назадъ» (сказано въ августѣ 1853 г.). Изъ этого можно заключить, что раньше «Сонъ» былъ названъ иначе и писался въ 1851 или въ самомъ началѣ 1852 г. Однако, второму заключенію противорѣчитъ самое содержаніе текста. Поэтому остается предположить, что или Герценъ ошибся въ опредѣленіи времени (дата № 688 совершенно несомнѣнна) написанія этого «посвященія» (что весьма легко), или, написанное раньше, оно было потомъ переделано.

Напечатано оно было по-французски съ заглавіемъ «Aux amis en

Russie», а при переводѣ на русскій самимъ авторомъ получило въ рукописи названіе «Друзьямъ на Руси», что имѣло особое значеніе; если сравнить его съ ненапечатаннымъ предисловіемъ «Братьямъ на Руси» (№ 610). Переводъ былъ сдѣланъ Герценомъ 2 февраля 1856 года (см. № 830). Рукопись найдена въ бумагахъ Мейзенбургъ, хранящихся у О. А. Моно (Герценъ). Вслѣдъ за переводомъ Герценъ помѣстилъ эту вещь въ «П. З.», давъ ей заглавіе «Сонъ» и кое-что сгладивъ и отдѣлавъ.

Въ № 13 «Kolokol» 1868 г. 2-я главка («Въ грозу») подъ заглавіемъ «Dans l'orage» напечатана по-французски, какъ III глава «Cogitata et visa».

Варианты по «П. З.» на 1856 г.

Стр. 297—17 св. Послѣ „все“—„все“.

» 298— 8 св. Передъ „вихрь“—„я снова вѣрилъ“.

» 299—10 св. Вмѣсто „полосой“—„полоской“.

» 300— 1 св. Вмѣсто „а“—„и“.

» » — Отъ „Въ грозу“ выноска: „Ни описанія Европы, ни февральской революціи, ни іюньскихъ дней въ моихъ „Запискахъ“ не будетъ. Все общее, что я могъ сказать, сказано мною въ рядѣ статей „Съ того берега“ и въ „Письмахъ изъ Франціи и Италиі“. Я, едва намѣтивъ нѣсколько очерковъ, нѣсколько частныхъ воспоминаній, исторію внутренней борьбы, перехожу къ 1850 году“.

» » —13 св. Не было „слышался“.

» 301— 6 св. Вмѣсто „по“—„вы“.

» » —16 св. Вмѣсто „полупьяны“—„вполпьяна“.

» » —19 св. Вмѣсто „замолчавъ, онъ продолжалъ“—„онъ помолчалъ“.

» » — 5 св. Вмѣсто „на сходкахъ“—„въ смѣтахъ“; „другой такой же“

» 302— 3 св. Не было „народа“.

» » —17 св. Вмѣсто „слыша“—„услышавъ“.

» » —15 св. Послѣ „...“—„потомъ“.

» » — 9—8 св. Вмѣсто „и рассказалъ вчера“—„и что вчера было со мной слѣдующее“.

» » — 8 св. Вмѣсто „сидѣлъ“—„былъ“.

» 303— 4—5 св. Вмѣсто „это происходило“—„дѣло было“.

» » —14 св. Послѣ „Мадлены“—„Я все это рассказалъ старику“.

» 304— 3 св. Вмѣсто „по возвращеніи“—„послѣ того, какъ я пришелъ“

» » —11 св. Вмѣсто „совершенно“—„точно“.

» » —12 св. Вмѣсто „въ Миллеръ“—„Миллеръ въ 1834 г.“.

» » —13 св. Не было „нѣкогда“; „сталъ извиняться какъ“.

» » —17 св. Не было „уже“.

» » —18 св. Передъ „но“—„до ушей“.

» » —14 св. Послѣ „вспыхнувъ“—„въ лицѣ“.

» » —12 св. Вмѣсто „лгу“—„солгалъ“.

» » —11 св. Вмѣсто „Почему“—„Отчего“.

» 305— 4 св. Послѣ „Комиссаръ“—„таки“.

» » — 7 св. Не было „видите?“.

Стр. 305—18 св. Въѣсто „эмиграціи“— „Централизаціи“.

» » — » сн. Въѣсто „сардинской“— „папской“.

» » —16 сн. Въѣсто „нея“— „нунція“.

» » — 7 сн. Послѣ „общаяся“— „ихъ“.

» — 5 сн. Послѣ „канули“— „какъ“.

306— 5 св. Послѣ „сказалъ“— „префектъ полиціи или“.

» — 7 св. Передъ „для“— „Я остоленѣлъ отъ удивленія“.

» —10 св. Послѣ „правительства“— „этого нельзя было такъ оставить“.

» —11 св. Послѣ „недѣлю“— „времени“.

» —18 св. Послѣ „никакого“— „рода“.

—14 сн. „Моей“— „курсивъ“.

» — 7 сн. Въѣсто „и . . . важностью“— „при этомъ, съ важностью кланаясь, онъ вышелъ вонъ“.

» — 5 сн. „Я едва“.

Глава XXXVI напечатана: до 4 стр. св. включ. стр. 324 въ V кн «П. З.», дальше до конца во II кн. «П. З.», гдѣ она была, какъ 5 главка— «Отъѣздъ»—(изъ 6-ти тамъ бывшихъ), первой тетради «Западныхъ арабесковъ»; повторена въ IV т. «Б. и д.», въ VIII т. Жен. изд. и несправно и съ купюрами въ III т. СПб. изд.; свѣрено по изд. 1867 г.; переведена по-французски въ № 14—15 «KoloKol» 1868 г., какъ глава «Cogitata et visa». Въ V кн. «П. З.» глава была по номеру I и относилась къ отдѣлу «Западъ». Отдѣленію первому—«Outside» («Внѣшнее»),—все это потому было измѣнено.

Варианты по «П. З.» на 1859 г.

Стр. 307— 3 св. Не было „Отъѣздъ“.

» » — 4 св. Въѣсто „завязавши“— „сдѣлавши“.

» — 5 св. Въѣсто „связей . . . чуждыми“— „знакомствъ, особенно въ кругѣ литературномъ и политическомъ“.

» — 7 св. Въѣсто „только“— „просто для того“.

» —10 сн. Передъ „чтобы“— „Для того“; въѣсто „импонировать“— „себя имъ *импозировать*“.

» — 6 сн. Въѣсто „людей“— „народа“.

» — 5 сн. Въѣсто „французачи“— „французскимъ“.

» — 3 сн. Передъ „чтобы“— „для того“.

» — 1 сн. Не было „и“.

308— 3 св. Послѣ „ ; “— „оттого“.

» — 5 св. Не было „все“.

» —18 св. Въѣсто „представилась, было, возможность“— „представился, было, случай“ и соотвѣтственныя этому этимологическія измѣненія.

» —19 св. Передъ „привести“— „бы естественно“.

» —20 св. Въѣсто „Ксаверій Браницкій“— „Б.“.

» —21 св. „Преимущественно занимался бы“.

» —23 св. „Была очевидна“.

Стр. 308—26 св. Вмѣсто „подчасъ“—„было иной разъ“.

» » — 8 сн. 7-я строка послѣ „если-бъ“.

309— 2 св. Вмѣсто „вяло“—„быль вяль“.

» — 9 св. Не было „а“; вмѣсто „главнымъ назначенъ“—„глав-
ный завѣдыватель всѣмъ былъ знаменитый Мицкевичъ“.

» —10 св. Вмѣсто „въ“ . Хоецкій“—„Х. распоряжался подь его
начальствомъ“; фамилія такъ замѣнена и дальше.

» —13 св. Вмѣсто „пріѣхавъ“—„Когда я пріѣхалъ“; „уже засталъ“.

» —17 св. Вмѣсто „видалъ“—„видывалъ“.

» —18 св. Вмѣсто „опершись“—„опираясь“.

» —20 св. Не было „тотчасъ“.

» —22 св. Вмѣсто „чѣмъ“—„нежели“.

» » — 7 сн. Вмѣсто „остановившись“—„онъ остановился“.

» » — 4 сн. Не было „онъ“.

» 310—10 св. „Тѣломъ отдавшійся“; „наружные знаки“.

» » —11 св. „Я бы не желалъ“.

» » —12 св. Вмѣсто „слѣдовательно“—„слѣдственно“.

» » —18 св. Вмѣсто „какъ русскій“—„въ качествѣ русскаго“.

» » —20 св. Вмѣсто „предложеніе“—„желаніе“.

» » —23 св. Вмѣсто „Хомяковъ“—„одинъ изъ гостей“.

» » — 4 сн. Послѣ „она“—„то“.

» 311—12 св. Вмѣсто „заводили“—„пробовали“.

» » —24 св. Вмѣсто „смотрѣть“—„смотреть“.

» » —10 сн. Передъ „всѣ“—„Наконецъ“.

» 312— 8 св. Вмѣсто „нечистаго“—„гнуснаго“.

» » —10 св. Послѣ „стало“—„больше“.

» » —11 сн. Послѣ „его“—„самого“.

» 313—22 св. Не было „было“.

» » —23 св. Послѣ „жизни“—„такого времени не будетъ, навѣрное“.

» » — 3 сн. Въ началѣ „Это“.

» 314— 2 св. Вмѣсто „что-то“—„всякую всячину“.

» » —15 сн. Вмѣсто „туда-то“—„тамъ-то“; вмѣсто „Саоновъ“—„одинъ
пріятель“.

» » —10 сн. „Почти ничего не имѣемъ общаго“.

» 315— 1 св. Не было „привело и“.

» 317— 2 св. Передъ „воп“—„быль тогда префектомъ“.

» » — 3 св. Вмѣсто „онъ служилъ“—„служившій“.

» » — 4 св. Не было „и“; вмѣсто „иногда“—„иной разъ“.

» —12 св. Послѣ „зачѣмъ“—„же“.

» — 5 сн. „У нихъ является“.

318— 4 св. Послѣ „банкетъ“—„Такъ мальчигомъ я искалъ, бывало,
на всѣхъ большихъ похоронахъ Домажирова и только найдя его,
въ его свѣтло-зеленомъ екатерининскомъ мундирѣ, съ его проти-
внымъ павловскимъ лицомъ, успокоивался“.

» —18 св. Вмѣсто „въ кругу“—„окруженный“.

» —21 св. Вмѣсто „революціонизма“—„революціонаризма“.

- Стр. 318— 9 сн. Послѣ „Николаю“— „какъ я сказалъ“.
- » 319—15 сн. Вмѣсто „Сазоновъ“— „Х. Х.“, какъ и дальше.
  - 7 сн. Вмѣсто „Торэ“— „онъ“.
- 321—19 сн. Не было „является“.
- » —18 сн. „Пойметъ ли“.
  - » —16 сн. Передъ „получила“— „дѣйствительно“.
  - » — 9—8 св. Вмѣсто „когда мы проходили“— „проходя“.
- 322—11 сн. „Бы повѣрили“.
- » — 9 сн. Вмѣсто „будь“— „если-бъ“; послѣ „дѣлѣ“— „была какая-нибудь дирекція, если-бъ было“; не было „будь вожатые“.
  - » — 8 сн. „Ничего не было бы“.
- 323— 1—2 св. Не было „начальникъ гвардіи“.
- » — 5 и 6 св. Курсива не было.
  - » —10 св. Передъ „не“— „они“.
  - » — 9 сн. Не было „К. Блинда и“.
  - » — 8 сн. Вмѣсто „небольшомъ“— „небольшой“.
  - 7 сн. Вмѣсто „посреди него“— „середь нея“.
  - » — 4 св. Послѣ „Объ отъѣздѣ моемъ я рассказывалъ въ другомъ мѣстѣ ¹⁾

Варианты по „П. З.“ на 1855 г.

- Стр. 323— 4 св. Передъ „Тогда“— „... Оставагся въ Парижѣ было безумно; я взялъ пассъ у одного валаха и отправился въ Женеву ²⁾“.
- » —11 св. Вмѣсто „тщательно“— „подозрительно“.
  - » —14 св. Передъ „забылъ“— „онъ“.
  - » —15 св. Вмѣсто „конвертъ“— „пакетъ“.
  - » —16 св. Вмѣсто „до три“— „онъ имѣетъ минуты три времени до звонка“.
  - » » —19 св. „У меня спросилъ“.
  - » » —20 св. Вмѣсто „когда стало смеркаться“— „Къ вечеру“.
  - » » —26 св. Вмѣсто „трудомъ“— „затрудненіемъ“.
  - » » —32 св. „Онъ, кашляя“.
  - » 325— 5 св. Не было „онъ“.
  - » —17 св. Вмѣсто „контору дилижансовъ“— „дилижансъ-контору“.
  - » » —23 сн. Послѣ „дѣлѣ“— „за столомъ“.
  - » » —19 сн. „Укажите, какой жаръ, мочи нѣтъ“.
  - » » —15 сн. Не было „его намъ“.
  - » » —12 сн. Вмѣсто „шляпѣ“— „киверу“.
  - » » — 6 сн. Не было „и“.
  - » 326— 2 св. Вмѣсто „бумаги“— „виды“.
  - » » —15 св. „Вы“— курсивъ.
  - » » —19 св. „Вы мальчику : контору, дали“.
  - » —22 св. „Мнѣ далъ“.

¹⁾ См. «П. З.» на 1855 г. А. И. Г.

²⁾ (Выноска, стр. 9—5 сн. съ перемѣнной „тогда“ на „теперь“).

Глава XXXVII напечатана: съ начала до 7 стр. св. включ. стр. 345 въ V кн. «П. З.» въ этой же главѣ, дальше до 13 стр. св. включ. стр. 330—тамъ же, но въ «Прибавленіи ко II главѣ»; дальше до 16 стр. св. включ. стр. 354—въ той же главѣ, гдѣ и начало; отъ 17 стр. св. стр. 354 до 19 стр. св. стр. 355—въ IV т. «Б. и д.», дальше до конца тамъ же, гдѣ начало; повторена въ IV т. «Б. и д.» 1867 г., въ VIII т. Жен. изд. и съ купюрами въ III т. СПб. изд.; свѣрено по изданію 1867 г.

Варианты по „П. З.“ на 1859 г.

Стр. 327—11 сн. Не было „къ старому“.

- » 331—14—12 сн. Вмѣсто „едва . . . горь“ — „бываетъ холодна, какъ ледь; быстро стекая съ горь, она не успѣваетъ нагрѣваться“.
- » 333— 9 св. „У Гейнцена для совѣщанія“.
- » » —11 св. Вмѣсто „держа“—„и держалъ“.
- » 334—18 св. Курсива не было.
- » » — 9 сн. „Прямо глядя“; „глазами миѣ въ лицо“.
- » 335— 9 св. Не было „ея“.
- » » —27 св. Вмѣсто „примыкавшей“—„примыкающей“.
- » 336— 4 св. „Возможна ли она“.
- » » — 7 св. Не было „да“.
- » » —11 св. Не было „теперь“.
- » » —14 св. Не было „но“.
- » » —15 св. „Здѣсь для“.
- » 337— 1 св. Въ выноскѣ вмѣсто „строкъ“—„строфъ“.
- » » — 4 св. Тамъ же вмѣсто „взглянула“—„посмотрѣла“.
- » 338— 2 св. Вмѣсто „составилъ“—„составились“.
- » » — 4 св. Передъ „самъ“—„Наконецъ“.
- » » —25 св. Вмѣсто „къ тому же“—„притомъ“.
- » » —29 св. Вмѣсто „вѣра, любовь и ненависть“ — „магнетизмъ вѣрованія и одушевленія“.
- » 339— 1 св. Не было „же“.
- » » —20 св. Вмѣсто „о немъ“—„противъ него“.
- » » —21 св. Вмѣсто „предпочитаетъ“—„любитъ лучше“.
- » » —24 св. Вмѣсто „чѣмъ отъказывать ихъ и“—„нежели“.
- » » —25 св. Послѣ „жандармахъ“— „ “
- » » — 5 сн. „Измѣнились до такой степени“.
- » 340— 3 св. „Не дальше стали“; курсива не было.
- » » —19 св. Вмѣсто „и неукротимой“—„съ его средневѣковой“.
- » » —22 св. „Дрался въ передовыхъ рядахъ“; послѣ „и“—„этотъ“.
- » » —12 сн. Передъ „голова“ — „чудная“; „Орсини, котораго чудная голова“.
- » 341— 6 св. Вмѣсто „чѣмъ“—„нежели“.
- » » — 7 св. Не было „славнымъ“.
- » » —12 св. „На него съ любовью“.
- » » —22 св. Вмѣсто „Америки“—„Монтевидео“.

- Стр. 341—15—14 сн. Вмѣсто „который и“ — „отступившаго послѣ
взятія Рима, огрызаясь на каждомъ шагу, который“.
- » —13 сн. Не было „снова“.
  - » —12 сн. Не было „въ Тиролѣ“.
  - » —11 сн! Не было „только“; вмѣсто „кого попало“ — „кого-нибудь“.
  - » —10 сн. „Подруги своей“; вмѣсто „трудностей“ — „усилій“.
- 342— 5 св. Вмѣсто „сдѣлать то же“ — „того же дѣлать“.
- » — 9 св. „Бы взялъ“.
  - » —10 св. Передъ „что“ — „Помилуйте“.
  - » —16 св. Послѣ „какъ“ — „эмиграціи“.
  - » —18 св. Передъ „пловучая“ — „Да, вѣдь, это была бы“.
  - » —20 св. Передъ „въ“ — „Дѣйствительно“.
  - » — 8 сн. Передъ „патріоты“ — „вмѣстѣ“.
- 344—10 св. „Меньше размахивалъ“.
- » — 7 сн. Отъ „жизнь“ выноски: „О моихъ личныхъ сношеніяхъ съ
Орсини говорится въ другомъ мѣстѣ“.
  - » — 4 сн. „Велѣлъ Наполеонъ“.
- 345— 4 св. „Развѣ, освободить“.
- » —24 св. „Кондотьеромъ съ рѣзкими“.
  - » —12 сн. Передъ „съ нимъ“ — „мною“.
- 346— 4 св. Вмѣсто „иной разъ“ — „иногда“.
- » — 5 св. Вмѣсто „говоря“ — „и говорилъ“.
  - » — 6 св. Не было „тамъ . . . любилъ“. Передъ „Онъ“ — „а по до-
рогѣ онъ самъ заводилъ рѣчь о томъ, что меня занимало. Не изъ
розъ была и его жизнь“.
  - » — 8 св. Вмѣсто „но въ немъ“ — „Въ Медичи“.
  - » —10 св. Послѣ „закала“ — „У меня остался въ памяти одинъ милый
анекдотъ, который я передамъ“.
  - » —15 св. „Миѣ напоминаетъ“.
  - » —27 св. Послѣ „полякомъ!“ — „Всѣ вспрыснули отъ смѣха, а Медичи
сказалъ миѣ съ довольнымъ видомъ: „защитился-таки““.
  - » — 6 сн. Послѣ „мыслей“ — „разсчетовъ, а главное“.
  - » — 2 сн. Не было курсива.
- 347— 3 св. „Такъ становится отрадно“; послѣ „почему“ — „такъ бѣгся
сердце“.
- » —19 св. „Примѣромъ своимъ отсутствіемъ“.
  - » —20 св. Послѣ „часа“ — „гаротировали бы или“; не было „бы“.
  - » —21 св. Послѣ „и“ — „не надобно притомъ забывать, что“.
  - » —14 сн. Курсива не было.
  - » —10—9 сн. Вмѣсто „повторялъ стихи“ — „рецитировалъ“; „бы по-
шель“.
  - » — 8 сн. „Не думая вовсе“.
- 348— 7 св. „Иногда стихъ“.
- » — 8 св. „Есть такія“.
  - » — 8—9 св. Не было „есть они и“.
  - » —11 св. Вмѣсто „смертью“ — „своей кончиной“.

- Стр. 348—12 св. „Масть эти ядовитыя сомнѣнія непонятны“.
- » » —15 св. Вмѣсто „зналъ“—„догадывался“.
  - » » —16 св. Не было „какимъ-то“.
  - » » —19 св. Послѣ „ну“—„на Моцарта“; вмѣсто „зачѣмъ“—„что“.
  - » » —12 сн. Послѣ „Саффи“—„наконецъ“.
  - » » — 8 сн. Не было курсива.
  - » » — 4 сн. Вмѣсто „жаждетъ“—„у нихъ ищеть“.
- 349— 2 св. „По себѣ дорого“; „къ его“; вмѣсто „дѣйствительности“—
„внѣшнему дѣйствию“.
- 7 св. Вмѣсто „Этого было достаточно“—„Больше не было нужно“;
не было „сочувственно“.
  - » — 8 св. Послѣ „въ“—„этихъ“.
  - » — 8—9 св. Вмѣсто „очевидно“—„разумѣется“.
  - » —11 св. Вмѣсто „недолго былъ“—„не былъ хорошо“.
  - » » —20 св. Вмѣсто „федерациі“—„федерализациі“.
  - » » —22 св. Передъ „отъ“—„и“.
  - » » — 8 сн. „Самое это“; не было „однажды“.
  - » 350— 1 св. Вмѣсто „впересыпку“—„впересыпочку“.
  - » » — 7 св. Вмѣсто „взаперти“—„назаперти“.
  - » » —14 сн. Вмѣсто „французскія“—„наполеоновскія“.
  - » » — 2 сн. Не было „а“; послѣ „теперь“—„онъ изъ нихъ“.
  - » 351—16 св. Послѣ „Гете“—„и Шиллера“.
  - » » — 7 сн. Не было „этимъ“.
  - » 352— 7 св. Не было „но“.
  - » 353—18 св. Вмѣсто „чѣмъ“—„нежели“.
  - » » —24 св. Послѣ „глаза“—„такъ, какъ въ сто разъ увеличенныя горы
на картахъ“.
  - » » —31 св. „Встрѣтилъ я“.
  - » » —33 св. Вмѣсто „сталъ“—„началъ“.
  - » 354— 7 св. Передъ „вамъ“—„я“.
  - » » — 8 св. Послѣ „всякій“—„кто-бъ то ни былъ“.
  - » » — 9 св. Послѣ „былъ“—„бы“.
  - » 355—15 сн. Не было „онъ“.
  - » » — 5 сн. Вмѣсто „чего“—„что“.
  - » 356—12—13 св. Не было „издѣваются“.
  - » » —18 св. Вмѣсто „отстаетъ“—„перестаетъ“.
  - » » — 8 сн. Вмѣсто „послѣ этого“—„тогда“.
  - » 357— 2 св. Передъ „грязныя“—„пьяные ирландцы“.
  - » —10 св. „Войны безъ всякихъ средствъ“.
  - » —18 св. „Нигдѣ женщинъ“.
  - » —20 св. Вмѣсто „преслѣдовать ихъ“—„доказывая ихъ стыдъ“.
  - » —23 св. Передъ „отвѣчаетъ“—„онъ“.
  - » —28 св. Передъ „это“—„Для того, чтобъ убѣдить, что“; не было
„только“.
  - » 358—10 св. „Органъ въ житейскихъ дѣлахъ“.
  - » » —17 св. Не было „и“.

- Стр. 358—20 св. Передъ „съ“—„разъ“.
- » —23 св. Вмѣсто „портъе“—„камерьеръ“.
  - » —24 св. Вмѣсто „Но“—„И.“
  - » — 7 сн. Вмѣсто „могутъ сдѣлать“—„сдѣлають“.
  - » — 4 сн. „Чтобъ они не побрезгали“.
- 359— 4 св. Вмѣсто „пошли“—„взошли“.
- » —10 св. Не было „что“.
  - » —11 св. Не было „нибудь“.
  - » —15 св. „Тогда я только“.
  - » —16 св. Вмѣсто „однако“—„Но“.
  - » —12 сн. „Я чувствовалъ“; послѣ „что“—„я“.
  - » —11 сн. „Бы помогъ“.
  - » —10 сн. Передъ „кто“—„Тотъ“.
- 360— 8 св. Передъ „масло“—„сливочное“.
- » —11 св. Передъ „еще“—„И.“
  - » —13 св. Вмѣсто „человѣка“—„камерьера“.
  - » —12 сн. Вмѣсто „а“—„и“.
  - » — 4 сн. Передъ „когда“—„а“; не было „же“.

Глава XXXVIII напечатана въ IV кн. «П. З.», повторена въ IV т. «Б. и д.» 1867 г., въ VIII т. Жен. изд. и леисправно и съ купюрами въ III т. СПб. изд.; свѣрена по изданію 1867 г. Отрывокъ отъ 10 стр. св. стр. 376 до конца 380 стр. данъ по-французски въ «Kolokol», supplément, 15 февраля 1868 г.

Варианты по „П. З.“ на 1858 г.

Эта глава была IV-й въ первомъ отдѣленіи «Outside» «Запада». Къ ея оглавленію была сдѣлана выноска: «Отрывки изъ первыхъ трехъ главъ будутъ помѣщены въ V книжкѣ «П. З.», которая, надѣемся, выйдетъ къ 1 января 1859 года. Вотъ ихъ содержаніе» (слѣдовало содержаніе оглавленій).

Стр. 361— 7 св. Не было „Попадая подъ ихъ влияніе“.

» 362—18 св. Не было „и“.

» 363— 8 сн. Послѣ „доѣзжачимъ“—„въ родѣ Наполеона“.

— 7—6 сн. Вмѣсто „столько” сколько“—„ее такъ же ненавидятъ, какъ“.

365—19 св. „Смертные ходятъ“.

366 2 св. Передъ „своей“—„о“.

» — 7 св. „Собранію и въ томъ числѣ женевскій“.

» —17—18 св. Вмѣсто „и этимъ” стороны“—„въ силу чего тѣ и другіе были недовольны“.

» — 6 сн. Вмѣсто „на” правительство“—„противъ стараго правительства своего“.

367— 3 св. Вмѣсто „своихъ вооруженныхъ друзей“—„двѣ пушки“.

» — 5—6 св. Вмѣсто „пушку или отрядъ“—„пушки“.

» —13 сн. Вмѣсто „диктаторомъ“—„въ диктаторы“.

» —11 и 10 сн. Вмѣсто „два года“—„одинъ годъ” и „годъ“.

Стр. 367— 5 сн. „Новыя способности показаль Фази“.

- » 368— 2 св. Въѣсто „какимъ“—„какъ“.
- » — 5 св. Въѣсто „знаменитый побѣдитель подъ Кульмомъ“—„самъ“.
- » —13 св. Въѣсто „а“—„но“.
- » —14 св. Въѣсто „наглядно“—„многое измѣнилось“.
- » —16 сн. Не было „и пошелъ внизъ“.
- » — 8—7 сн. Въѣсто „на новое ученіе, сложившееся“—„противъ новаго ученія, развѣвагося“.
- » — 2 сн. Въѣсто „чѣмъ“—„нежели“.

370— 1—2 св. „Подобнаго еще ничего не было въ Женевѣ со времени диктаторства Фази“.

371—15 сн. Въѣсто „человѣкъ не злой“ — „безъ малѣйшей злопамятности“.

- » — 5 сн. Не было „домой“.
- » 372— 5 св. Въѣсто „растворились“—„были отворены“; въѣсто „состоявшая“—„состоящая“.
- » » — 8 св. Въѣсто „а“—„онъ воротился“.
- » —11 св. Послѣ „полиціи“—„въ Нюнъ, что ли“.
- » —13 св. Не было „не только“.
- » » —13—14 св. Не было „но воротилъ назадъ“.
- » » —15 сн. Передъ „федеральный“—„туть“.
- » » —14 сн. Не было „а“ и „жекскій“.
- » 373— 2 св. Въѣсто „Бленкера“—„Б“, какъ и дальше.
- » » —21 св. „Трудно тогда“.
- » » —12 сн. Въѣсто „соглашаясь“—„самъ соглашался“.
- » — 8 св. Курсива не было.
- » — 5 сн. „Ничего подобнаго нѣтъ“.

374—12 сн. Въѣсто „жекскій“—„какой-то“; послѣ „спросилъ“—„почти“.

» —12 св. Послѣ „Я“—„очень“.

375—19 сн. „Мнѣ писалъ“.

- » —17 сн. Послѣ „чувствомъ“ „и послѣ теплыхъ дружескихъ похвалъ“.
- » —13 сн. Въѣсто „Сазоновъ“—„Другой пріятель“.
- 376— 4 св. Послѣ „часты“—„даже онѣ становились рѣже“.
- » — 9 св. Въѣсто „и нимъ“—„остальные, очень естественно, поддерживали тревожное и раздражительное состояніе духа“.
- » —18 св. Передъ „жарко“—„гдѣ“.
- » —22—23 св. Не было „сальнаго, гнилого запаха“.

377— 3 св. Не было „что-то“.

- » — 4 св. Послѣ „подобное“ — „населеніе“; послѣ „и“—„на“; въѣсто „мнѣ . . . закала“—„со мной были такія же встрѣчи“.
- » — 9 св. Въѣсто „повыше“—„близъ“.
- » —14 сн. „Избы квасу“.
- » —10 сн. Въѣсто „Мы съ жандармомъ“—„Я и жандармъ, мы“; въѣсто „вдоволь“—„сколько хотѣли“.

378—11 св. Передъ „Оно“—„Вотъ“.

- Стр. 378—18 сн. Въѣсто „а“—„и“.
- » » —12 сн. Передь „главу“—„нашу“.
  - » » —11 сн. Въѣсто „семи“—„девяти“.
  - » » — 8 сн. „Кирша пять франковъ“.
  - » 379— 3—4 св. Въѣсто „казавшіеся   двигались“—„съ высоты, по которой мы двигались, они казались мхомъ“.
  - » — 6 св. „Фиспъ реветъ“.
  - » — 9 св. Передь „Я“—„Нѣсколько разъ“; не было „часто“.
  - » —12 св. Въѣсто „окружаютъ его“—„со всѣхъ сторонъ“.
  - » —21 св. Передь „я“—„черезъ нѣсколько минутъ“.
  - » —15 сн. Послѣ „говорить“ — „по-англійски“; послѣ „себѣ“ — „что-нибудь“.
  - » —10 сн. Не было „придется“; „теперь по новой доррѣ спускаться“
  - » — 8 сн. Не было „время“.
  - » — 6 сн. „Часа два-три уснуть“.
  - » — 2 сн. Не было „и Монте-Сервию“.
- 380— 7 св. Не было „вообще же“.
- » — 8 св. Не было „и“.
  - » —12 св. Послѣ „покрыто“—„своими“.
  - » —13 св. „Мохъ кое-гдѣ“.
  - » —14 св. „Стало свѣжѣ“.
  - » —13 сн. Послѣ „къ“—„своему“.
  - » —11 сн. Передь „она“—„потомъ“.
- 381— 5 св. Въѣсто „обдумываль черную измѣну“—„въ то самое время сознательно губилъ, обдуманно предавалъ другого!“

„Западныя арабески“, тетрадь вторая—напечатано во II кн. „П. З.“, какъ VI главка нераздѣленного на тетради произведенія, „Post-scriptum“ — какъ „Примѣчанія“, и конецъ, какъ посвященіе, данное, какъ предисловіе, въ нѣмецкомъ изданіи „Memoiren eines Russen“ 1856 г.; повторено въ сборникахъ «Изъ „Колокола“ и „Полярной Звѣзды“», 1864 г. и „Еще разъ“, 1866 г., въ IV т. „Б. и д.“, 1867 г., въ VIII т. Жен. изд. и неисправно и съ купюрами въ III т. СПб. изд.

Варианты по «П. З.» на 1856 г.

- Стр. 382— 6 св. Не было „еще“.
- » 383— 2 св. Курсива не было
  - » » — 4 св. „Кучки, которыхъ средоточіемъ“.
  - » » — 9 св. „Съ другими цехъ выходцевъ“; послѣ „И“—„такъ“; не было „нѣкогда“.
  - » » —11 св. „Явились теперь“.
  - » » —14 св. Въѣсто „гоненія“—„говѣнія“.
  - » » —15 св. Передь „если-бъ“—„И“.
  - » » —20 св. Въѣсто „переживать“—„пережить“.
  - » 384—15—16 св. Курсива не было.
  - » 385— 2 св. „Всѣхъ“⁴⁴ безъ курсива.

- Стр. 385—19 сн. Вмѣсто „чѣмъ“—„нежели“; курсива не было.
- » » —16 сн. Курсива не было.
  - » » —11 сн. „Оставались упорными хранителями идеи, вопреки“.
  - » » —10 сн. Не было „то“; послѣ „живиты“—„ея“.
  - » 386—6 св. Вмѣсто „чѣмъ“—„нежели“.
  - » » —15 св. Курсива не было.
  - » » —18 сн. Вмѣсто „чѣмъ“—„нежели“.
  - » » —11 сн. Вмѣсто „плоше“—„пошлѣ“.
  - » » —10 сн. Вмѣсто „мантической“—„манской“.
  - » » —6 сн. Вмѣсто „чѣмъ“—„нежели“.
  - » 387—3 св. Вмѣсто „войти“—„взойти“.
  - » » —10 св. Вмѣсто „скучнымъ“—„пошлымъ“.
  - » » —13 св. „Кариатида, которой постоянно“.
  - » » —15 св. Вмѣсто „той“—„этой“.
  - » » —19 св. Вмѣсто „Гарольдомъ“—„Чайльдомъ“.
  - » 388—10 св. Вмѣсто „спокойно“—„покойно“.
  - » » —16 св. Послѣ „имѣютъ“—„никакого заключенія“.
  - » 389—14 св. Послѣ „я“—„уже“; не было „уже“.
  - » » —6 сн. Вмѣсто „стлалась“—„стелилась“.
  - » 390—2 св. Не было заглавія, а въ оглавленіи сказано „Примѣчанія“.
  - » —14 сн. „Которыхъ особенности“.
  - » 391—12 св. Передъ „какъ“—„Такъ“.
  - » » —13—14 св. Курсива не было.
  - » » —8 сн. Вмѣсто „мѣрится“—„мѣряется“.
  - » —5 сн. Послѣ „и“—„свое собственное“.
  - » —2 сн. Не было „они“ и „а, между тѣмъ“.
  - » —1 сн. „Зарывали потихоньку“.
  - 392—6 св. Не было „и“.
  - » —7 св. Вмѣсто „развалясь“—„развалился“.
  - » —18 св. Вмѣсто „развитію“—„развить“.
  - » —20 св. Вмѣсто „необуздымаемаго“—„необузданнаго“.
  - 393—11 сн. „Хорошо вести себя“.
  - » 394—10 сн. Не было „битыя“.
  - » —8 сн. Вмѣсто „забравшій“—„и забралъ“.
  - » 396—9 св. Вмѣсто „тяжелѣе“—„тяжеле“.
  - » » —17—19 св. Не было.
  - » 397—6 св. Не было „уходящаго“.
  - » » —19—20 св. Были, какъ выноска къ „люблю“ въ 18 строкѣ.
  - » » —4—5 сн. Не было.

Глава XXXIX напечатана въ IV кн. «П. Э.», повторена въ IV т. „Б. и д.“ 1867 г., въ VIII т. Жен. изд. и неисправно и со многими купюрами въ III т. СПб. изд.; свѣрена по изданію 1867 г.

- Стр. 398—5 сн. „Меня добрые люди винили“.
- » » —2 сн. „Осторожно было“.

Стр. 399— 2 св. „Я бы тогда, вѣроятно, не остался“.

» » —10 св. „Чѣмъ лишеніе ихъ было бы выкуплено для меня“.

» » —11 св. „Которой сломленная“.

» » —13 св. Послѣ „изъ“—„какой-нибудь“.

» —15 св. „Я главное“.

» —16 св. Вмѣсто „достояніе имѣнія“—„имѣніе“.

» —16 сн. „Была и сдѣлана“.

» —13 сн. Вмѣсто „большой суммой денегъ“—„500,000 фр.“.

» —11 сн. Вмѣсто „уладилось“—„уладилъ“.

400— 1 св. Вмѣсто „нѣсколькихъ“—„немного“; послѣ „и“—„потомъ“; вмѣсто „Амстердамской улицѣ“—„улицѣ Амстердамъ“.

— 3 св. Передъ „одинъ“—„Итакъ“.

» — 13—14 св. Не было „т.-е. . . собой“.

» —17 сн. Послѣ „сумму“—„т.-е. 135.000 фр.“

» —16 сн. Передъ „нотаріусъ“—„но“; послѣ „нотаріусъ“—„мнѣ объяснилъ“.

» —10 сн. Вмѣсто „а“—„тогда“.

» — 8 сн. „Другихъ долговъ нѣтъ“.

401—12 св. Послѣ „еще“—„господинъ; это былъ“.

» —22 св. Послѣ „отвѣтилъ“—„что какъ же ему не бояться“; послѣ „дѣло“—„и“

» —27 св. Передъ „его“—„вамъ“.

» — 9 сн. Послѣ „взяты“—„всѣ“.

» — 7 сн. „Имѣнія петербургскаго правительства“.

» — 4 сн. „Я въ Бернѣ“.

» — 2 сн. Не было „и“.

402— 7 св. Вмѣсто „шалъ“—„платокъ“.

» —10 св. „Горь громаднѣхъ“.

» —12 св. Не было „виднѣются“.

» —14 св. „Угрюмое; въ этой природѣ“.

» —20 св. Вмѣсто „опекунскій совѣтъ“—„ломбардъ“.

» —23 св. Вмѣсто „отвѣчалъ“—„во-первыхъ, сказалъ“; не было „хотя“.

» —24 св. Вмѣсто „и“—„что“.

» — 9 сн. Передъ „Николай“—„былъ“.

» — 5—4 сн. Вмѣсто „передала предъявителю“—„превратила въ неизвѣстные“.

403— 5 св. Вмѣсто „категорическаго“—„категорическій“.

» — 7 св. Тоже и вмѣсто „конфиденціального“—„конфиденціальный“.

» — 8 св. Вмѣсто „вотъ“—„это“.

» —14—13 сн. Вмѣсто „сдѣлать достойнымъ“—„я былъ достоинъ, какъ равный“.

» » — 8 сн. Не было „деньги“.

» » — 3—1 сн. Не было.

» 404— 9 св. „Разные господа были въ комнатѣ“.

» —12 св. Не было „и лимфатическіе“.

» —26 св. Не было „въ случаѣ отказа“.

- Стр. 404—27 св. Въѣсто „послѣдствіихъ“—„слѣдствіяхъ“.
- » » —28—29 св. Въѣсто „хлопочеть. . . . него“—„негоцируетъ у него“.
  - » 405—20 св. Передъ „онъ любилъ“—„онъ мнѣ давалъ совѣты, какъ помѣстить деньги и пр.“; „во мнѣ любилъ“.
  - » » — 7 сн. Передъ „вась“—„до“.
  - » 406—15 св. Не было „и денежный штрафъ“.
  - » 407—10 св. „Такъ пишуть“.
  - » » —16 св. Не было „для“.
  - » » —20 св. Въѣсто „уже начинала надобѣдать“—„скорѣе была мнѣ противна“.
  - » » —21 св. Въѣсто „долженъ я явиться“—„надобно“.
  - » » — 9 сн. Передъ „хозяйка“—„И“.
  - » » — 8 сн. Передъ „была“—„она“.
  - » 408— 5 св. Послѣ „бородкой“—„и“.
  - » » —22 св. „Юноша съ важнымъ видомъ сказавъ ему“.
  - » » —24 св. „Я тамъ“.
  - » » —11 сн. Въѣсто „изъ чего“—„то“.
  - » » — 8 сн. „Животъ, онъ далеко уйдетъ“.
  - » 409— 8 св. „Чѣмъ-нибудь вамъ сдѣлать“; не было „ничего“.
  - » » —18 св. Не было „и“.
  - » 410—19 св. „Послѣ небольшой паузы сказавъ“.
  - » » —11 сн. Въѣсто „послѣдствіямъ“—„слѣдствіямъ“.
  - » 411—10 св. Послѣ „ее“—„сказалъ я смѣясь“.
  - » » —11 св. Въѣсто «свѣтскій»—«урбанный».
  - » » —15 св. Въѣсто „Пальме“—„П“, какъ и дальше.
  - » » —14 сн. Въѣсто „докторъ“—„П.“
  - » » —12 сн. Въѣсто „Сазонова“—„одного пріятеля“.
  - » » —11 сн. Въѣсто „сказалъ“—„и отрапортовалъ“.
  - » 412— 8 св. Въѣсто „уѣхалъ“—„пріѣхалъ“.
  - » » — 9 св. Въѣсто „пріобрѣтенною исторію“—„которая ему дала исторія“.
  - » —12 св. Не было „постройки“.
  - » —23 сн. Передъ „чтобъ“—„для того“.
  - » —24 св. Послѣ „минуто“—„можно было бы“.
  - » —25 св. „Поймать и задушить всѣ“.
  - » —27 св. Послѣ „—“—„революція сыщиковъ!“, послѣ „возведение“—„щпіонства и“.
  - » » —13 сн. Передъ „Никогда“—„Впрочемъ, надобно замѣтить, что“.
  - » » —11 сн. Не было „національнаго“.
  - » » — 6 сн. Курсива не было.
  - » 413— 6 св. Не было „и дворникомъ“.
  - » 414— 5 св. Въѣсто „тюльерійскомъ дворцѣ“—„императорской клоакѣ бонапартизма!“

Глава XL напечатана въ IV и VI кн. „П. З.“, повторена въ IV т. „Б. и д.“ 1867 г., въ IX т. Жен. изд. и неисправно и съ купюрами въ III т. СПб. изд.; свѣрена по изданію 1867 г.

Варианты по «П. Э.» на 1858 г.

- Стр. 415 — 2 св. „Генеральный русский“.
- » 416—10 св. } Не было.
  - » 419—10 сн. }
  - » 420—14 св. Вмѣсто „Сазонову“ — „S.“.
  - » » —20 св. Не было „желая“.
  - » » —21 св. Не было „это“.
  - » 421— 5 св. Передъ „или“ — „въ крѣпость“.
  - » » —22 св. Не было „все же“.
  - » » — 4 сн. Вмѣсто „же“ — „а“.
  - » » — 3 сн. Не было „его“.
  - » 422— 4 св. „Можеть, кантонистъ“.
  - » » — 5 св. Не было „его“; вмѣсто „его могутъ послать“ — „можеть его пошлютъ“.
  - » » —19 св. Не было „10,000 фр.“.
  - » » — 5 сн. Вмѣсто „счель“ — „считаль“.
  - » 423— 6 сн. Послѣ „Цюрихъ“ — „для того“.
  - » 424— 7 св. Вмѣсто „Проѣзжая“ — „При моемъ проѣздѣ“.
  - » » —21 св. Вмѣсто „заинтересовано“ — „интересовано“; послѣ „то“ — „оно“.
  - » » —22 св. Курсива не было.
  - » » —13 сн. Не было „объ этомъ“.
  - » » — 8 сн. „Бы выслали“.
  - » » — 6—5 сн. Вмѣсто „Послѣ . . . пещерѣ“ — „Послѣ этого оставлять дитя въ этой ослиной пещерѣ было мнѣ противно“.
  - » 425—15 св. Не было „уже“.
  - » » —13 сн. Вмѣсто „оставить“ — „покинуть“.
  - » 426— 7—8 св. Вмѣсто „для . . . Пьемонта“ — „мнѣ, но и Пьемонту“.
  - » » —10—9 сн. „Я не сквернаго барина хотѣлъ проиѣнять на хорошаго“.
  - » 427— 3 св. Не было „какъ сказалаъ Гарибальди“.
  - » » —13 св. „Много прибавить“.
  - » 428—15 св. „Рѣдко я“.
  - » » —27 св. Послѣ „рѣчь“ — „потому что“; вмѣсто „которую“ — „ней онъ“.
  - » » —31 св. Курсива не было.
  - » 429—10 св. Вмѣсто „ранѣе“ — „ближе“.
  - » » —16 св. „Очень былъ радъ съ нимъ лично“.
  - » » —14 сн. Вмѣсто „приносить“ — „принести“.
  - » » —10 сн. Послѣ „брата“ — „Фогта“.
  - » 430— 4 св. „Вась вижу“; вмѣсто „то“ — „а потому“; не было „да“.
  - » » — 8 св. Вмѣсто „рюмку“ — „бокаль“.
  - » » —19 св. Послѣ „Музыка“ — „какъ“.
  - » » — 7 сн. Вмѣсто „дочитать“ — „перечитать“.
  - » 431—15 св. Вмѣсто „вошли“ — „взошли“.
  - » » —24 св. Вмѣсто „доказаль“ — „далъ примѣръ“.

Стр 439— 3 св. Послѣ „вниманій“—„и дусеровъ“.

- » » — 7 св. Не было „же“.
- » » —19 сн. Вмѣсто „въ томъ числѣ“—„притомъ“.
- » » —14 сн. Вмѣсто „пассъ“—„паспортъ“.
- » » — 8 сн. Не было „Лоренцо“.
- » 440—11 св. Вмѣсто „пассы“—„паспорты“.
- » » —14 св. Послѣ „верховой“—„(т.-е. тайной)“.
- » » —15 св. Послѣ „преданный“—„ультра-“.
- » » —23 св. Вмѣсто „чѣмъ“—„нежели“.
- » 441— 5 св. Не было „это“.
- » » —10 св. Вмѣсто „Но . . кантону“ — „До моего возвращенія въ Туринъ я пребылъ нѣсколько дней въ Фрейбургѣ“.
- » » —12 св. Передъ „съ“—„однимъ утромъ“.
- » 442— 8 св. Послѣ „его“ — „(Сенсація; самъ канцлеръ тронуть силой моего краснорѣчія)“.
- » —15 св. Не было „насъ“.
- » —16 св. Вмѣсто „пошли“—„взошли“.
- » 443— 5 св. Вмѣсто „упомянулъ“—„помянулъ“.
- » » — 8 св. Вмѣсто „и при этомъ“—„даже онъ“.
- » » —10 св. Послѣ „с“—„и“.
- » » — 4 сн. „Бы меня встрѣтили“.
- » 444— 5 сн. Вмѣсто „прѣздомъ Женева“—„на станціи между Берномъ и Женевою“.
- » — 5—4 сн. Не было „на одной станціи“.
- » — 4 сн. Послѣ „префекта“—„говоря о томъ и о семь“.
- » — 3 сн. Вмѣсто „сказалъ онъ мнѣ“—„спросилъ онъ меня“.
- » 445—11—3 сн. Не было.

Варианты по «П. З.» на 1861 г.

Стр. 416—10 св. Передъ „Послѣ нашей“ — „Черезъ нѣсколько дней послѣ моего пріѣзда въ Лондонъ я отправился къ Маццини. Онъ тогда жилъ въ небольшомъ домикѣ, въ одномъ изъ самыхъ глухихъ переулковъ Чельси. Я засталъ его въ крошечной комнатѣ, служившей ему спальней и кабинетомъ; онъ сидѣлъ за столомъ, заваленнымъ бумагами; нѣсколько конченныхъ писемъ, на небольшихъ лоскуткахъ, лежали передъ нимъ. Вездѣ книги и бумаги, — на полу, на комодѣ, на постели; какое-то блѣдное растеніе на окнѣ, канарейка, летавшая по волѣ, кричавшая, сколько птичьему горлу было угодно, и на каминѣ модель какой-то пушки,—вотъ и все“.

- » » —15 св. Послѣ „спрашивалъ“—„меня“.
- » » —16 св. Послѣ „мнѣ“—„отъ Маццини“.
- » » —18 св. Вмѣсто „предложеніемъ“—„вопросомъ“.
- » » —11 сн. Въ началѣ „Впослѣдствіи мы видѣли“.
- » 417—14 св. Передъ „вездѣ“—„Но“.
- » » —17 св. Вмѣсто „составляться“—„составлять“.

- Стр. 417—25 св. Послѣ „него“—„съ“.
- » » —30 св. „Бы еще не мѣшало“.
  - » 418— 8 св. „Котораго имя“.
  - » » —15 св. Вмѣсто „той“—„этой“.
  - » » —14 св. Вмѣсто „устраиваться“—„устроиться“.
  - » » —13 св. Не было „Но“.
  - » » —12 св. Не было „же“.
  - » 419—26 св. Передъ „простите“—„Вы“.
  - » » —27 св. Вмѣсто „переставайте“—„перестанете“.
  - » » —33 св. „Ихъ разномыслии“; послѣ „и пр.“ выноска: „Письмо это со множествомъ другихъ документовъ я сжегъ въ декабрѣ 1851, боясь домоваго обыска“.

Глава XLI напечатана въ V кн. «П. З.», повторена въ IV т. «Б. и д.» 1867 г., въ IX т. Жен. изд. и неисправно и съ купюрами въ III т. СПб. изд.; свѣрена по изданію 1867 г.

Варианты по „П. З.“ на 1859 г.

- Стр. 446— 7 св. Вмѣсто „слово“—„рѣчь“.
- » » — 7 св. Передъ „всѣ“—„Послѣдовательно“.
  - » » — 6 св. „Этимъ средствомъ убиты“.
  - » 447— 6 св. „Ему было вознѣщено рѣшеніе“.
  - » » —20 св. Вмѣсто „Сафоновъ“—„С.“.
  - » » — 8 св. „Ломать неволью какой-нибудь“.
  - » 448— 1 св. Не было „хотя иной разъ“.
  - » » — 6 св. Вмѣсто „становится“— „приводится въ“; „не только ка- сается“.
  - » » — 7 св. Послѣ „было“—„прежде“.
  - » » —15 св. Не было „память чего-нибудь“.
  - » » —14—13 св. Вмѣсто „ни раздавить . . далеко“—„если что раз- давить, не жалѣя даже, если слишкомъ далеко зайдетъ“.
  - » » —11 св. Вмѣсто „одинокимъ“—„одинокъ“.
  - » » —10 св. „Пугая своей силой“; вмѣсто „чѣмъ“—„нежели“.
  - » » — 5—4 св. Вмѣсто „какъ . . . приемы“—„это правда. Онъ также“ усвоилъ себѣ всѣ средства“.
  - » 449— 6 св. Не было „системы“.
  - » » — 8 св. Вмѣсто „привыкишихъ“—„привыкнувшихъ“.
  - » » —13—14 св. Вмѣсто „не будь онъ“—„если-бъ онъ не былъ“.
  - » » —17 св. Вмѣсто „молчать“—„это“.
  - » » —10 св. „Прудонъ разъ попробоваль“; не было „было“.
  - » » — 5 св. Передъ „Онъ“—„За то, что“.
  - » » — 4 св. Послѣ „фразъ“—„за то, что онъ“.
  - » » — 4 св. Не было „и за то“.
  - » 450— 7 св. „Именно въ этихъ“; не было „и бросается въ глаза“; вмѣсто „связующее“—„которое связуетъ“; послѣ „нихъ“—„бросается въ глаза“.

- Стр. 450—12 св. Не было „и“ передъ „черезъ“.
- » » —14 св. Въмѣсто „они“—„она“ и другая глагольная форма.
  - » » —11 св. Не было „ни“.
  - » 451— 8 св. Не было „нѣсколько“.
  - » » — 9 св. „Самодержавія католическаго“; вмѣсто „принимать“—„принять“.
  - » » —15 св. „Вертепѣ терялась“.
  - » » —15 св. Не было „даже“; „удавалось Прудону“.
  - » » —14 св. „Середь перебранокъ оставлять“.
  - » » — 7 св. „Это сказалъ“.
  - » » — 1 св. „Мой противникъ свою жизнь“.
  - » 452— 4 св. „Съ презрѣніемъ глядя“.
  - » » —14 св. Въмѣсто „унывалъ менѣе другихъ, пугался менѣе“—„меньше уныль, меньше испугался“.
  - » » —15 св. Въмѣсто „тогда только“ — „его за это не только обвиняли“.
  - » » —14 св. „Прошедшемъ они не“.
  - » 453— 9 св. Въмѣсто „Сазонову и Хоецкому“—„X.“.
  - » » —11 св. Въмѣсто „мой“—„всѣ личныя“.
  - » » —22 св. „Зашель онъ“; „имъ надобно было обоимъ“.
  - » » —10 св. Въмѣсто „сдержанностью“—„retenu“.
  - » » — 2 св. Курсива не было.
  - » 454—10 св. „Бы приняли“.
  - » » —13 св. „Предпріятія лиги“.
  - » » — 8 св. Въмѣсто „письмомъ“—„письмо“ и переимѣна въ окончаніяхъ прилагательныхъ.
  - 455— 6 св. Въмѣсто „васъ“—„вы“.
  - » 8 св. Въмѣсто „первый“—„первые“.
  - » —15—16 св. Не было „европейскихъ“; послѣ „событій“—„во всей Европѣ“.
  - » —20 св. Въмѣсто „глубоко убѣжденъ“—„имѣю глубокое убѣжденіе“.
  - » » —12 св. Послѣ „философіи“—„революціи“.
  - » » —11 св. Въмѣсто „вашего“—„вашъ“.
  - » » 7 св. Не было „же“.
  - » 456— 2 св. Послѣ „разумѣется“—„что“.
  - » » — 3 св. Послѣ „касается“—„до“;
  - » » — 3—4 св. Въмѣсто „не друга“—„ничего другъ другу толковать“.
  - » — 6 св. Не было „также“; послѣ „думаю“—„какъ вы“.
  - » — 7 св. Въмѣсто „какъ того хотять“—„какъ бы того хотѣли“.
  - » —10 св. „Ее представлять“.
  - » —12 св. Курсива не было.
  - » —14 св. „Оркестромъ изъ своей тюремной кельи“; передъ „его“—„собственныя“.
  - » » —18 св. Послѣ „скажите“—„что вы“.
  - » » —19 св. Передъ „звѣрь“—„что вы“.

Стр. 456—14 сн. „Ее значительно“.

- » » —12 сн. Въмѣсто „скандализоваль“—„скандализироваль“.
- » 457—13 св. Послѣ „страшной“—„Этого наполеониды не могли вынести“.
- » » —11' сн. Въмѣсто „въ“—„де“.
- » 458— 2 св. Передъ „были“—„это“.
- » » — 8 св. „Онъ мнѣ писалъ“.
- » » —13 св. „Я не видалъ его съ тѣхъ поръ“.
- » » —27 св. Въмѣсто „женщину“—„бракъ и на семью“.
- » 459— 3—2 сн. Не было.
- » 460— 1 св. Курсива не было.
- » » —25—26 св. Тоже.
- » » — 8 сн. Послѣ „стороны“—„и ихъ-то тамъ“, не было „то мнѣ“.
- » 462—25 св. Въмѣсто „начинаютъ“—„начнутъ“.
- » 463— 1 св. Послѣ „развѣ“—„они“.
- » » — 3 св. Передъ „какъ“—„такъ“.
- » » — 9 св. Послѣ „хаосъ“—„Бѣда останавливающимся—ихъ безъ пощады караетъ логика“.
- » —15 св. Не было „онъ“.

„Раздумье по поводу затронутыхъ вопросовъ“ напечатано въ IV т. „Б. и д.“ 1867 г.; повторено въ IX т. Жен. изд. и съ купюрами въ III т. СПб. изд.; свѣрено по изданію 1867 г.

Глава XLII—то же; купюръ въ СПб. изд. нѣтъ.

О томъ, что была еще часть (върѣше, нѣсколько главъ V части) «Былого и думъ», которая и навела Герцена на мысль вообще написать это свое классическое произведение, и которое онъ писалъ для будущаго, хотя и не скорого, напечатанія,—читатели знали отъ него самого: онъ не разъ говорилъ объ этомъ и въ письмахъ и въ сочиненіяхъ. Незадолго до своей смерти Герценъ не могъ отказать себѣ въ благоговѣйномъ открытомъ почитаніи памяти горячо любимой жены и съ этою цѣлью напечаталъ отрывки изъ этой интимной части, недостаточно понятныя для читателя, искавшаго, однако, разгадки всего содержанія завѣтной тетради. Какъ видно изъ собственноручной надписи самого Герцена, тетрадь эта была прочтена имъ въ отрывкахъ Огареву и второй его женѣ Н. А. Огаревой въ 1856—60 годахъ; Н. М. Сатину—1860 г., сыну Сашѣ—въ 1862 г.; изъ писемъ видно, что она была прочтена еще И. С. Тургеневу и М. А. Марковичъ (Марко Вовчокъ).

Начата она въ 1853 г. и окончена въ 1858 г.; конецъ былъ приписанъ въ 1860 г., а перечитывалась и исправлялась она авторомъ въ деталяхъ всю послѣдующую его жизнь.

Понятно, тетрадь эта хранится въ семьѣ Герцена, какъ святыня. Теперь дѣтьми его принято рѣшеніе исполнить желаніе отца и напечатать все то, что, наконецъ, съ изумительной ясностью можетъ иллюстрировать страшный переломъ, пережитый Герценомъ въ 1850—52 годахъ. Сдѣлать это раньше, по многимъ весьма основательнымъ соображеніямъ, не представлялось возможнымъ.

Когда Огарева заявила Т. П. Пассекъ: «Если нужно знать всю семейную обстановку Герцена для его *биографіи*, во-первыхъ, необходимо, чтобъ V-томъ его собственныхъ воспоминаній «Былое и думы» былъ напечатанъ безъ сокращеній, тѣмъ болѣе, что Герценъ самъ этого желалъ, и я недоумѣваю, чтó затормозило, выходя въ свѣтъ лучшей части „Былого и думъ“,—этого вполне художественнаго произведенія. Но не столько обидно то, чтó обо мнѣ говорится, сколь обидно, что умалчивается объ остальныхъ, даже мѣстами выходить вовсе непонятно, что это за личности «Туць», «Юла» (?) и проч. Если нужно говорить, то все и про всѣхъ, говорить *не скрывая ничего*» («Воспоминанія», 319),—тогда Пассекъ могла разъяснить почти всѣ ея недоумѣнія, но не сдѣлала этого. Редакторъ настоящаго изданія можетъ это сдѣлать за нее.

Если бы Огарева *внутренно* была членомъ семьи Герцена, если бы она, дѣйствительно, дорожила покоемъ его дѣтей, если бы она знала, какъ семья Гервега собиралась отвѣтить на выходъ неопубликованныхъ главъ V части, пугая дѣтей встрѣчнымъ опубликованіемъ какихъ-то документовъ, якобы, сильно компрометирующихъ обожаемую ими мать (мнѣ удалось установить всю недобросовѣстность этихъ запугиваній),—то Огарева, конечно, не недоумѣвала бы ни одной минуты. Для Россіи Герценъ—величайшій писатель, а Н. А.—на—его вѣрный другъ, для дѣтей же они прежде всего отецъ и мать и нужно было прожить много лѣтъ послѣ смерти ихъ обоихъ, чтобы занять въ этомъ вопросѣ сколько-нибудь объективное положеніе. Кстати не могу не указать на странная недоумѣнія, которая вызываютъ, въ свою очередь, слова Огаревой. Она же сама сомнѣвалась, что Россіи нужно знать *всю жизнь* Герцена, и не только для его биографіи, но для правильнаго пониманія мысли и творчества гениальнаго писателя. Съ другой стороны, сама загораживая дорогу къ *полному* вскрытію *всѣхъ* обстоятельствъ жизни Герцена, она сама предлагала не скрывать ничего... При ея жизни это было бы очень нескромно. Послѣ ея смерти—разумѣется, мною приняты всѣ мѣры, чтобы вообще ничто не было скрыто, кромѣ нѣсколькихъ мелкихъ подробностей изъ жизни дѣтей,—здѣсь приходится руководствоваться той же самой совершенно понятой скромностью, однако, дѣти не сочли возможнымъ сдѣлать какія бы то ни было купюры въ „Б. и д.“—это коснулось только очень немногихъ писемъ.

Самъ Герценъ не разъ намеками, а еще больше—главой «Осепано Нох» далъ основаніе предполагать о какой-то ужасной своей душевной и семейной катастрофѣ. Въ литературѣ говорилось объ этомъ мало, вскользь, но упорно. Извѣстно было также, что катастрофа произошла при близкомъ участіи въ ней нѣмецкаго поэта Георга Гервега, роль котораго въ семейной жизни Герцена оцѣнена съ удивительнымъ единогласіемъ разнообразными авторами, имѣвшими собственныя свѣдѣнія о происшедшемъ. Естественно, что и писавшіе съ ихъ словъ не имѣли основанія реабилитировать Гервега. G. Rasch, напримеръ, говорилъ въ день похоронъ Герцена: «Сегодня я хочу напомнить Гервегу о смерти друга, которому онъ причинилъ столько боли» («Neue Freie Presse» 1870, № 1944). L. Vambetger, воздерживаясь отъ подробнаго разсказа, пишетъ, однако: «въ этой исторіи дружбы нѣмецкій поэтъ сыгралъ некрасивую

роль» («Erinnerungen»). По словам Шерра, «въ трагедіи Герцена менѣе всего завидную роль игралъ извѣстный нѣмецкій поэтъ» («Die Nihilisten», 26). J. Föbel, относящійся къ Герцену далеко не дружески, рассказываетъ: «Тѣ немногіе дни, которые я пробылъ въ Женевѣ, я пррвелъ въ обществѣ Гервега и г-на и г-жи Герценъ, жившихъ тогда въ «Hôtel des Bergues». Жена Гервега была въ Парижѣ. Вскорѣ послѣ этого отношенія этихъ людей были испорчены событіемъ, которое было прискорбно для Герцена, въ различномъ смыслѣ, печально для обѣихъ женщинъ, а для Гервега мало почетно» («Ein Lebenslauf», I, 272). Все это стало настолько общимъ мѣстомъ, что даже въ словарѣ Брокгауза и Ефрона сказано: «Фатальную роль игралъ Гервегъ въ семейной жизни Герцена» (полутомъ 15).

Заслуживаетъ вниманія, что совершенно промолчалъ объ этой страшицѣ въ жизни Гервега его, казалось бы, наиболѣе освѣдомленный и детальный биографъ — Флери: въ большой книгѣ нѣтъ ни одного намска на все происшедшее въ семьѣ Герцена. Иностранная пресса того времени интесовалась скандальной стороной дѣла, но скромность друзей Герцена была достаточно велика, а друзьямъ Гервега она, все-таки, не особенно-то довѣряла. Карлъ Фогтъ рассказалъ, какъ въ Парижѣ къ нему присталъ одинъ «клецъ»-репортеръ, «долго болталъ о моемъ знакомствѣ съ Гервегомъ и, подумавъ, что послѣ этого можетъ вывѣдать отъ меня всю подноготную, пошелъ со мною по городу и завелъ большое разсужденіе о непорочномъ зачатіи Маріи, по поводу которой Гервегъ написалъ стихотвореніе. Отсюда онъ перешелъ къ обстоятельствамъ частной жизни Гервега и засыпалъ меня такимъ множествомъ вопросовъ, что я почувствовалъ желаніе бросить его въ Сену и тѣмъ положить конецъ этому торгашеству лъбпытствомъ» («Зоологическіе очерки», 1867 г., 357—358).

Герценъ понималъ, какая отвѣтственность падала бы на память его и Н. А.—ны за малѣйшее отступленіе отъ правды въ описаніи всѣхъ излагаемыхъ имъ семейныхъ событій, и потому самъ прзработилъ собрать возможно большее количество такихъ документовъ, которые самага требовательнаго и придирчиваго судью убѣдили бы въ истинности всего изложеннаго. Все это сохранялось въ семьѣ вмѣстѣ съ самою рукописью и не публиковалось, конечно, по тѣмъ же соображеніямъ. Дѣти Герцена дополняли потомъ это документальное наслѣдство. Однако, я не ограничился собранными Герценомъ и его дѣтьми, разыскалъ еще нѣкоторые документы и всѣ ихъ использовалъ въ своихъ комментаріяхъ, часть которыхъ отнесъ къ письмамъ и сочиненіямъ 1849—52 гг., а остальное—къ новымъ главамъ V части. И такой планъ, и комментировка также совершенно совпадаютъ съ желаніемъ самого Герцена, который сдѣлалъ, напримѣръ, примчаніе о помѣщеніи письма Р. Вагнера въ особомъ «приложеніи». Онъ самъ хотѣлъ быть неопровержимымъ, тѣмъ больше было необходимо обязанность эту взять на себя редактору.

Въ заключеніе такого общаго замѣчанія о послѣднихъ главахъ V части я считаю нужнымъ сказать нѣсколько словъ о мнѣніи, которое высказывалось иногда и въ литературѣ и въ обществѣ по поводу опубликованія фактовъ интимной жизни писателя, художника, музыканта, словомъ, всякаго, кто

дѣлится съ нами своимъ внутреннимъ богатствомъ. Не говоря уже о томъ, что опубликованіе этой части «Былого и думъ» было постояннымъ желаніемъ самого Герцена, являющимся для насъ его волей, я думаю, что всякому, кто захотѣлъ бы понять великаго писателя *вполнѣ, вполнѣ* войти въ его нравственный и умственный міръ—а онъ, несомнѣнно, не только представляется заслуживающимъ, но и долженъ заслуживать самаго глубокаго изученія—не совершить этой большой и крайне сложной работы безъ основательнаго ознакомленія съ обстоятельствами именно этой жизни. Если дѣятельность самаго зауряднаго человѣка часто на нашихъ собственныхъ глазахъ обуславливается его интимной жизнью, то какъ же послѣдняя должна вліять на людей, стоящихъ выше толпы: вѣдь, и интимная ихъ жизнь много сложнѣе и разнообразнѣе обыкновенной. Только тѣ, кто считаетъ, что человѣкъ живетъ разными жизнями: одной въ обществѣ, другой дома, одной за письменнымъ столомъ, другой на людяхъ, и что одна не вліяетъ на другую, — только тѣ могутъ находить неумѣстнымъ «копаніе» въ чужой душѣ. Но думать такъ значитъ не признавать сложности и глубины человѣческой психологіи. Въ нашей душевной дѣятельности нѣтъ такого акта, который можно было бы абстрагировать отъ предшествующихъ и послѣдующихъ. Всякая подобная попытка должна нарушать связность и цѣльность въ освѣщеніи нашего внутренняго міра и давать выводы, поражающіе своей искусственностью и абстрактностью. Вариантомъ того же ошибочнаго взгляда на значеніе изученія интимной жизни является мнѣніе, высказанное, напр., относительно V части О. Grossberg'омъ: наследники не рѣшались опубликовать V часть, потому что не захотятъ вынести исповѣдь этой чистой души на грязный людской базаръ («Leipziger Neueste Nachrichten» 1912, 5 april). Оно очень подкупаетъ своимъ благородствомъ, но убѣдительно не болѣе приведеннаго выше.

Мѣсто этихъ главъ V части указано Герценомъ совершенно ясно въ особой „запискѣ“, составленной имъ для Огарева, хотѣвшаго взять на себя наблюденіе за полнымъ изданіемъ „Б. и д.“, въ 1869 г. „Записка“ вся состоитъ изъ самаго подробнаго оглавленія „Б. и д.“ съ указаніемъ нумераціи и порядка частей и главъ, съ источникомъ, откуда надо взять текстъ, и т. п.

Глава XLIII полностью напечатана здѣсь впервые; часть 486 стр. и отрывокъ съ 6 стр. св. стр. 489 до 3 стр. св. включ. стр. 496 помѣщены во II кн. „П. З.“, какъ III и IV главки „Западныхъ арабесковъ“, и повторены, какъ IV и V главки первой тетради „Зап. арабесковъ“, въ IV т. „Б. и д.“ 1867 г., съ текстомъ котораго и свѣрены, такъ какъ Герценъ внесъ туда нѣкоторыя исправленія сравнительно съ рукописью; повторена въ VIII т. Жен. изд. и неисправно въ III т. СПб. изд. Тѣ же ранѣе напечатанныя отрывки (безъ „Тифонидной горячки“) даны по-французски въ № 13 „KoloKol“ 1868 г. подъ заглавіемъ „Les pronostics“, какъ V глава „Cogitata et visa“. Отрывокъ со стр. 12 стр. св. стр. 497 до 9 стр. св. включ. стр. 499 приведенъ въ № 148 „Кол.“, какъ начало 5-го письма „Концовъ и началъ“. Кромя указаннаго исключенія, свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

Варианты по „П. З.“ на 1856 г.

Стр. 486—Передъ 1 стр. св. было: „...Но не хорошо было и дома; мы слишкомъ настрадались, слишкомъ много видѣли, тишина и подавленность, наступившія послѣ битвы и ужасовъ перваго гонемія, дали назрѣть всему черному и грустному, запавшему въ душу. Черезъ мѣсяць я писалъ: «Вечеромъ 26 іюня, послѣ побѣды, мы услышали правильные залпы съ небольшими разстановками и съ барабаннымъ боемъ... Вѣдь, это разстрѣливаютъ, сказали мы въ одинъ голосъ и отвернулись другъ отъ друга. Я прижалъ лобъ къ стеклу окна и молчалъ; за такія минуты ненавидятъ десять лѣтъ, мстятъ всю жизнь. Горе людямъ, забывающимъ такія минуты!».

- » — 1 стр. св. вмѣсто „Natalie“—„А жена моя“; „времени писала“.
- » — 4 св. Послѣ „доля“—„Какъ много надобно было проработать, чтобъ мысль эта могла явиться въ сердцѣ матери, страстно любившей дѣтей, и насколько больше, чтобъ найти силу высказать ее, да еще письменно».
- » — 5 св. Послѣ „пережитаго“—„последній слѣдъ потерянныхъ вѣрованій, замѣненныхъ страшными воспоминаніями“.

Словами «*passer au large*» заканчивается въ этой части текстъ „П. З.“, и затѣмъ непосредственно слѣдуютъ слова съ начала 6 стр. св. стр. 489.

- » 489— 9 св. вмѣсто „отыскивая скрывавшихся“—„по скрывавшимся“.
- » — 10 св. Не было „каковы мы“.
- » 490— 7 св. вмѣсто „занавѣску“—„занавѣсъ“.
- » 491—11 св. Послѣ „дымомъ“—„парусомъ“.
- » — 20 св. „Отправились мы“.
- » — 21 св. Послѣ „совѣсти“—„томили меня“.
- » 492— 7 св. Послѣ „вѣрованія“ строка точекъ.
- » — 11 св. вмѣсто „отъ которыхъ сердце бьется“— „которыя сердце боится“.
- » — 8 св. вмѣсто „прощаетъ“—„прощается“.
- 494— 1 св. вмѣсто „И я надменно“—„И надменное“.
- » — 11 св. вмѣсто „докторъ“—„академикъ“.
- » — 16 св. „Она въ этомъ“.
- » — 10 св. вмѣсто „смерти“—„кончины“.
- » 495—10 св. Не было „о“; „которыхъ память не“.
- » 496— 3 св. „Наковецъ, наша“.

Глава XLIV печатается впервые; свѣрена съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

Глава XLV—тоже.

Глава XLVI—тоже.

Глава XLVII—тоже.

Глава XLVIII напечатана: I главка въ IV т. „Б. и д.“ 1867 г., II въ V кн. „П. З.“, а затѣмъ повторена съ I гл. въ „Б. и д.“ 1867 г.; полностью

повторена въ VIII т. Жен. изд. и неизмѣнено въ III т. СПб. изд.; свѣрена по изд. 1867 г.,—подлинникъ менѣе точенъ. Заглавіе „Осеано пох“, вѣроятно, взято изъ „Энеиды“ Виргилія, а именно изъ стиха: „Vertitur interea coelum et ruit Осеано пох“—т.-е. „между тѣмъ, небо поворачивается (вращается), и ночь выходитъ изъ океана“. Поэтому, можетъ быть, было бы болѣе правильно перевести заглавіе: „Ночь изъ океана“.

Варианты по „П. З.“ на 1859 г.

Стр. 535— 8 сн. Къ номеру главки была сдѣлана выноска, приведенная позже, въ IV т. „Б. и д.“, къ I главкѣ (стр. 531) съ нѣкоторыми измѣненіями:

531— 9 сн. Послѣ „Этого“ — „печальный“; не было поставленнаго въ скобки.

» — 8 сн. Вмѣсто „издана“—„напечатана“.

» — 5—4 сн. Послѣ „были“—„безъ всякой причины, впрочемъ“; вмѣсто „напечаталъ . 1859“—„печатаю его. Пусть онъ станетъ рубежомъ между прежней жизнью и разсказомъ о жизни въ Лондонѣ 1 марта 1859 года“.

536—17 св. Вмѣсто „вошелъ“—„взошелъ“.

» —18 св. Не было „разрѣшенія“; послѣ „sanita“—„разрѣшить“.

» —17 и 16 сн. Вмѣсто „пріѣхали“—„пріѣзжали“.

» —10 сн. Не было „и“.

» 537— 2 св. Вмѣсто „спрашивая“—„спрашивалъ“.

» » — 6 св. Не было „но“.

» » —17 св. Вмѣсто „Энгельсону“—„Э.“.

» 538— 2 св. Вмѣсто „Хоецкій“—„Х.“, какъ и дальше; не было „даже“.

» » — 3 св. Не было „что случилось“.

» » —24 св. Вмѣсто „закажемъ“—„достанемъ“.

» » — 5 сн. Вмѣсто „предполагать“—„предположить“.

539—14 св. Вмѣсто „Луизой“—„Элизой“.

» — 8 сн. Вмѣсто „бригадиромъ“—„бригадье“, какъ и дальше.

540— 6 св. Послѣ «милосердія»—«всѣ въ бѣломъ».

541—10 сн. Послѣ «наставало»—«то».

Глава XLIX напечатана впервые; свѣрена съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

Глава L — тоже. Изъ 19 страницъ этихъ двухъ главъ 7 были напечатаны въ сборникѣ «Памяти В. Г. Бѣлинскаго», М. 1899 г. съ какого-то черноваго наброска, чего Некрасова, однако, не указала; повторены эти 7 страницъ были въ I кн. «Освобожденія» 1903 г. и въ III т. СПб. изд. и тоже въ такомъ безобразномъ видѣ, какъ рѣдко появлялись вещи Герцена въ Россіи, а ужъ чего съ ними не дѣлывали...

Прибавленіе — напечатано впервые; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

Очень естественно, что въ литературѣ почти нѣтъ никакихъ оцѣнокъ неизданныхъ раньше главъ V части. Единственная сдѣлана И. С. Тургеневымъ. «Всѣ эти дни—писалъ онъ Салтыкову 19 января 1876 г. — я находился подъ впечатлѣніемъ той (рукописной) части «Былого и думъ» Герцена, въ которой онъ рассказываетъ исторію своей жены, ея смерть и т. д. Все это написано слезами, кровью; это горитъ и жжетъ. Жаль, что напечатать это невозможно. Такъ писать умѣлъ онъ одинъ изъ русскихъ» («Первое собраніе писемъ», стр. 281). Аналогичное его свидѣтельство записано кн. Крошоткинымъ («Идеалы и дѣйствительность въ русской литературѣ», 1907, стр. 298). Ясно, кстати, что во время печатанія женевского изданія «Сочиненій» Тургеневу вторично удалось прочесть рукопись V части.

«Н. И. Сазоновъ» — напечатана во 2-мъ отдѣленіи, т.-е. выпускѣ, т. IV «Б. и д.», 1867 г., повторена въ IX т. Жен. изд. и неисправно и съ купюрами въ III т. СПб. изд.; свѣрено по изд. 1867 г. Указаніе автора, что весь очеркъ «принадлежитъ къ XXXIV главамъ», надо понимать только въ смыслѣ установленія, ихъ непосредственной между собой связи, но оно отнюдь не даетъ права поставить главу именно вслѣдъ за XXXIV главой. Настоящая глава написана въ 1863 г., а XXXIV-ая начинала собою IV томъ «Б. и д.», выпущенный Герценомъ фактически въ концѣ 1866 г.; очевидно, если бы онъ считалъ нужнымъ, то самъ (Сазоновъ тогда уже умеръ) и поставилъ бы эту главу вслѣдъ за XXXIV. Мало того, Герценъ включилъ ее въ серію, которую называлъ очень образно и многозначительно: «Русскія тѣни», — нарушать цѣльность такого замысла нельзя. Указанія его собственной «записки» для Огарева вполне подтверждаютъ такое расположеніе.

Въ Румянц. музеѣ хранится рукопись Герцена: «Н. Х. Кетчеръ»; по чѣму-то невѣдѣнію, къ ней подклеена страничка изъ другой рукописи, по видимому, только потому что на ней стоитъ цифра «51» (глава о Кетчерѣ оканчивается 50-й страницей). Половина ея текста зачеркнута, а дальше читаемъ: «больше новому поколѣнію — я говорилъ подробно. Сдѣлаю опытъ рассказать что-нибудь о Сазоновѣ. Онъ и Энгельсонъ снесли въ могилу огромные таланты и большіе упреки. Оба ничего не сдѣлали... но на нихъ ли лежитъ вся отвѣтственность?»

«Не думаю.

«10 октяб. 1865.

«Женева. La Boissière.

Искандеръ».

Очевидно, это — черновикъ странички, написанной для IV-го тома «Былого и думъ», какъ бы въ видѣ связи съ уже приготовленными въ разное время главами. Потомъ Герценъ ее забраковалъ.

«Энгельсоны» — напечатана также во 2-мъ отдѣленіи IV т. «Б. и д.» 1867 г., повторена въ IX т. Жен. изд. и неисправно и съ купюрами въ III т. СПб. изд.; свѣрена по изданію 1867 г. — неполный подлинникъ хранится въ Румянц. муз., но не можетъ служить основой текста, такъ какъ при печатаніи въ 1866 г. авторъ внесъ въ него исправленія и дополненія; письмо Энгельсона

на стр. 609—611 свѣрено по подлиннику, хранящемуся въ Рум. муз. Любопытно, что въ уцѣлѣвшей части рукописи Энгельсонъ названъ «Вейтбергомъ».

Часть шестая.

Глава I — напечатана въ V кн. «П. З.», повторена въ IX т. Жен. изд. и III т. СПб. изд.; свѣрена по «П. З.»

Глава II — напечатана: а) стр. 169—172 (до черты) въ VI кн. «П. З.», стр. 232—235; б) стр. 172—177 (кончая 2 стр. сверху) въ VI кн. «П. З.», стр. 241—246; в) стр. 177—179 въ III т. СПб. изд.; г) стр. 180—186 въ V кн. «П. З.», стр. 165—172. Отрывокъ *а* повторенъ въ IX т. Жен. изд. и неисправно въ III т. СПб. изд. (стр. 242—244); свѣренъ по «П. З.»; отрывокъ *б* — въ X т. Жен. изд. и въ III т. СПб. изд. (237—242 стр); свѣренъ по «П. З.»; отрывокъ *в* свѣренъ съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.; отрывокъ *г* — въ IX т. Жен. изд. и неисправно и съ купюрами въ III т. СПб. изд. (стр. 247—252); свѣренъ по «П. З.»

Только благодаря запискѣ, составленной Герценомъ въ 1869 г. для Огарева, который брался наблюдать за печатаніемъ полнаго «Б. и д.», такъ ифкогда и не изданнаго, ясно и заглавіе главы и составленность ея изъ отрывковъ, печатавшихся разновременно, съ различными путающими заглавіями въ хранящихся въ рукописяхъ; въ своей запискѣ Герценъ далъ полное, подробное оглавленіе «Б. и д.», ничего другого въ ней нѣтъ; онъ такъ же точно обозначилъ страницы печатныя и рукописныя въ ихъ послѣдовательности въ отношеніи главъ, претерпѣвшихъ постепенно большія измѣненія; только нѣтъ этихъ указаній и состоитъ весь текстъ «записки».

«Кошута, Маццини, Ледрю-Роллена и другихъ представителей буржуазной и аристократической эмиграціи — пишетъ г. Стекловъ — Герценъ зачисляетъ въ «горныя вершины»; онъ ищетъ ихъ знакомства, благоговѣть передъ ними, говорить о нихъ, захлебываясь отъ восторга, и вообще смотритъ на нихъ снизу вверхъ. Даже и сейчасъ (1918 г.) обидно читать, какъ Герценъ по прїѣздѣ Кошута въ Лондонъ зачѣмъ-то побѣждалъ къ нему знакомиться, не былъ принятъ, демонстративно оставилъ свой адресъ, явно намекая на то, что послѣ этого Кошутъ долженъ отвѣтить ему визитомъ, и, не дождавшись этого естественнаго въ отношеніяхъ между равными визита, все-таки, пошелъ къ нему вторично». Чтобы лучше понять эти строки, надо привести характеристики, данныя г. Стекловымъ названнымъ эмигрантамъ. «Аристократически настроенный венгерскій патриотъ Кошутъ, кость отъ кости тѣхъ надменныхъ феодаловъ, которые до сихъ поръ продолжаютъ угнетать венгерскую трудящуюся массу и населяющія Венгрію славянскія народности, надѣляется титуломъ «великаго мадьяра» и описывается съ благоговѣніемъ, какъ какой-нибудь полубогъ. Ледрю-Ролленъ, ограниченный буржуазный демократъ, типичный представитель той мелко-буржуазной массы, робость и измѣна которой обусловили разгромъ пролетариата и гибель февральской республики, получаетъ на свой пай титулъ «великаго галла» и

изображается въ самыхъ сочувственныхъ тонахъ» («Борцы за социализмъ», 43, 44).

Глава III—напечатана: а) стр. 187—194 (до черты) въ V кн. «П. З.», стр. 173—180; повторена въ IX т. Жен. изд. (стр. 196—200) и въ III т. СПб. изд. стр. 253—259; свѣрено по «П. З.»; б) 15 строкъ послѣ черты на стр. 194—въ III т. СПб. изд., стр. 266; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.; в) стр. 194—197 (первая восемь строкъ) — въ VI кн. «П. З.», стр. 247—250; повторено въ IX т. Жен. изд. (стр. 209—213) и съ купюрами на стр. 259—261 т. III СПб. изд.; свѣрено по «П. З.»; г) стр. 197—203 (до 25 стр. сверху включ.) очень неисправно и съ купюрами на стр. 266—272 т. III СПб. изд.; свѣрено по подлиннику, хранящемуся въ Рум. муз.; д) стр. 203—211 (2-я стр. сверху) въ VI кн. «П. З.», стр. 250—258, въ IX т. Жен. изд. (стр. 213—223) и неисправно и съ купюрами въ III т. СПб. изд., стр. 261—266; свѣрено по «П. З.»; е) стр. 211—216 въ III т. СПб. изд., стр. 272—276, очень неисправно и съ купюрами; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.; ж) стр. 217—228 въ 40—41 л. «Кол.», повторено въ V кн. «П. З.» стр. 180—183, въ IX т. Жен. изд. и съ купюрами въ III т. СПб. изд.; свѣрено по «П. З.»; заглавіе, данное въ Жен. и СПб. изданіяхъ, произвольно. Порядокъ расположенія и заглавіе заимствую изъ той же «записки» Герцена.

Глава IV—напечатана во 2 вып. VII кн. «П. З.» и въ IX т. Жен. изд.; первая главка («Дуэль») еще и въ III т. СПб. изд., неисправно и съ купюрами; свѣрена по «П. З.» Нумерація и мѣсто главы опредѣлены въ «запискѣ» Герцена.

Когда Тургеневъ прочелъ эту главу въ «П. З.», онъ написалъ Бакунину: «Я вчера въ постели прочелъ его разсказъ о процессѣ Бартеlemi и Бернара и раза два такъ принимался хохотать, что разбудилъ дочь, спавшую въ сосѣдней комнатѣ. Это—прелесть и отличная вещь» («Письма», 168).

Глава V—напечатана въ «Сборникѣ посмертныхъ статей», 1870 г. и во 2-мъ его изданіи, а также въ III т. СПб. изд. неисправно и съ купюрами; свѣрена съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз. Нумерація и мѣсто главы указаны въ «запискѣ» Герцена.

Глава VI—напечатана: а) стр. 272—274 (до черты) въ 205 л. «Кол.» 1865 г., б) стр. 274—282 тамъ же, въ «Сборникѣ посмертныхъ статей», въ IX т. Жен. изд., стр. 223—236 и неисправно и съ купюрами въ III т. СПб. изд. (стр. 276—283); в) стр. 283—291 (первая 4 строки) въ «Сборникѣ посмертныхъ статей» и неисправно въ III т. СПб. изд. (стр. 339—341, 346—348; 341—344; г) 291—293 (до черты) въ 207 л. «Кол.», въ IX т. Жен. изд. (стр. 236—250) и въ III т. СПб. изд. (стр. 284—286); д) стр. 293—296 въ «Сборникѣ посмертныхъ статей» и въ III т. СПб. изд. (стр. 344—346).

Напечатанное въ «Кол.» свѣрено по «Кол.»; остальное по подлиннику, хранящемуся въ Рум. муз. Заглавіе и порядокъ текста главы точно и ясно опредѣлены Герценомъ въ «запискѣ».

Глава VII—напечатана въ «Сборникѣ посмертныхъ статей» и во 2-мъ его изданіи; повторена очень неисправно и съ купюрами въ III т. СПб. изд.; свѣрена съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз. Нумерація и мѣсто главы указаны въ «запискѣ» Герцена.

Глава VIII—напечатана въ «П. З.» на 1869 г.; повторена въ X т. Жен. изд. и неисправно и съ купюрами въ III т. СПб. изд.; свѣрена по «П. З.» Въ Рум. муз. хранится тетрадь, о которой уже говорилось, съ отрывками изъ «Б. и д.». Вся эта глава, кромѣ послѣднихъ 18 строкъ, вырвана изъ нея, но изъ оглавленія, сдѣланнаго въ началѣ тетради, видно, что прежде печатанія ея въ «П. З.», она была названа «Политическіе подонки»; фамиліи въ дѣлѣ Нидергубера вскрыты мною по рукописи.

Глава IX—напечатана мною въ V кн. «Былого» 1907 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз. Рукопись писана начерно, даже и для Герцена чрезвычайно быстрымъ почеркомъ, письма и копія писемъ просто вклеены между листами тетради; поэтому вполне понятны многія шероховатости въ изложеніи и переходахъ отъ одного эпизода къ другому. Глава имѣла еще и другое заглавіе «Русскіе въ Парижѣ» и римскую цифру «II», послѣ которой помѣчено «И. Головинъ». Изъ черновыхъ записей, хранящихся въ архивѣ семьи Герцена, видно, что I главой предполагался «Н. И. Сазоновъ», а потомъ онъ былъ введенъ въ «Русскія тѣни». Мѣсто главы и ея нумеръ указаны въ «запискѣ» Герцена.

Глава X—напечатана: а) стр. 369—378 (1-я главка) и стр. 385 (до черты) въ 244—245 л. „Кол.“ 1867 г., въ прибавочномъ листѣ къ первому десятилѣтію (1 июля), съ подписью „И—ръ“; б) стр. 385—399 въ „Сборникѣ посмертныхъ статей“; начало главки 2-й и выноска о Трувеллерѣ напечатаны не были и даны по рукописи этой главы, хранящейся въ Рум. муз. Повторена (стр. 385—399) крайне небрежно и съ купюрами въ III т. СПб. изд.; свѣрена по подлиннику, хранящемуся въ Рум. муз.

Въ „Кол.“ начало главки 2-й (стр. 378) напечатано въ такомъ видѣ:

„...Между моряками были тоже отличные, прекрасные люди, и не только тѣ славные юноши, о которыхъ мнѣ писалъ Ф. Каппъ изъ Нью-Йорка, но, вообще, между молодыми штурманами и гардемаринами вѣяло новой, свѣжей силой.

„Примѣръ Трувеллера дополнитъ лучше всякихъ комментаріевъ нашу мысль“.

Глава XI—напечатана въ русскомъ прибавленіи къ „KoloKol'u“ 1868 г. № 1, съ подписью „И—ръ“, повторена въ „Сборникѣ посмертныхъ статей“ и неисправно въ III т. СПб. изданія; свѣрена съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз. Мѣсто указано въ особой „запискѣ“ Герцена.

Глава XII—напечатана въ „Сборникѣ посмертныхъ статей“ и неисправно въ III т. СПб. изд.; свѣрена съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз. Заглавіе, данное въ этихъ изданіяхъ, вымышлено и отсутствуетъ какъ въ подлинникѣ, такъ и въ „запискѣ“ Герцена, точно указывающей мѣсто главы, которой данъ только нумеръ. Названіе „Общій фондъ“ совершенно неправильно было и по существу—капиталь Бахметева въ общій фондъ никогда не входилъ.

Глава XIII—напечатана въ „Сборникѣ посмертныхъ статей“ и крайне небрежно и съ купюрами въ III т. СПб. изд. и издана отдѣльной брошюрой въ Берлинѣ, 1904 г.; была напечатана по-итальянски, но мнѣ не пришлось

видѣть изданіе; свѣрена съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз. Мѣсто указано въ „запискѣ“ Герцена.

Не прочитавъ этой главы, Бакунинъ писалъ Огареву: „Пришли мнѣ посмертную недавно напечатанную книгу Герцена, непременно пришли. Онъ, говорятъ, много толкуетъ и, разумѣется, съ фальшивою доброжелательностью, кисло-сладкою симпатіею обо мнѣ. Надо же мнѣ прочесть, а, пожалуй, и отвѣтить“ („Письма“, 324). Когда глава была прочтена, Бакунинъ писалъ:

„Я по силамъ продолжаю дѣлать свое дѣло,—веду въ Италиі отчаянную и побѣдоносную борьбу со всѣми маццинистами и идеалистами. Ты находишь, что все это не нужно. Ну, въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ, мы съ тобой не согласны. И тутъ также Герцены старались подгадить мнѣ. Прислали Маццини переводъ пасквиля Александра Ивановича противъ меня въ „посмертныхъ сочиненіяхъ“; напечатали въ „Unita Italiana“;—все напрасно, я даже не почелъ нужнымъ отвѣчать. Пусть себѣ собаки лаютъ“ (тамъ же, стр. 325).

Бакунинъ былъ неправъ. Истинное отношеніе къ нему Герцена слишкомъ ясно изъ всего настоящаго „собранія“, а дѣти его всегда продолжали это отношеніе, т.-е. искренно любили Бакунина и до сихъ поръ вспоминаютъ о немъ съ теплотой.

Любившій Бакунина Адольфъ Рейхель хорошо зналъ и Герцена. Вотъ его впечатлѣніе отъ этой главы: „никто не сумѣлъ лучше его дать такой поразительный образъ нѣсколькихъ чертъ его личности, несмотря на то, что эти бѣглые наброски занимаютъ такъ мало мѣста“ („La Revolte“, 1871 г., № 11).

Глава XIV—напечатана въ „Сборникѣ посмертныхъ статей“ и повторена крайне небрежно и съ купюрами въ III т. СПб. изд.; свѣрена съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз. Мѣсто указано въ „запискѣ“ Герцена.

Глава XV—напечатана въ VI кн. „П. З.“ и повторена въ IX т. Жен. изд. и неисправно и съ купюрами въ III т. СПб. изд.; подлинникъ не найденъ; свѣрена по „П. З.“.

Глава XVI—напечатана въ VI кн. „П. З.“ и повторена въ IX т. Жен. изд. и съ купюрами въ III т. СПб. изд.; подлиннику не найденъ; свѣрена по „П. З.“. Мѣсто указано въ „запискѣ“ Герцена.

Глава XVII—напечатана въ лл. „Кол.“ 188 (15 авг. 1864 г.), 189 (15 сент.) и 191 (15 ноября); повторена отдѣльной брошюрой съ именемъ автора „A. Herzen (Iskander)“, куда включены еще „Съ континента“, „Письмо къ Гарибальди“ и „Отвѣтъ Гарибальди“ изъ „Кол.“ 1863—64 гг.; въ IX т. Жен. изд. и неисправно и съ купюрами въ III т. СПб. изд.; по-французски въ №№ 52, 53 и 55 „La Cloche“; подлинникъ не найденъ; свѣрена по „Кол.“ и брошюрѣ.

Сначала Герценъ далъ еще подзаголовокъ: „Сонъ въ весеннюю ночь“, но, потомъ задѣнилъ его. Это было извѣстно Т. Пассекъ, такъ и назвавшей главу со словъ Огарева. Мѣсто указано въ „запискѣ“ Герцена.

Часть седьмая.

Названіе части и нумерація главъ и пр. указаны Герценомъ въ особой „запискѣ“ для Огарева.

Глава I—напечатана неполно: глава 4-я въ 241 л. „Кол.“ 1867 г., 1-я ч. 5-й главки въ 242 л., 2-я ч. 1-й главки въ 243 л., подпись „И—ръ“; 2-я глава напечатана: начало, до многоточія въ 203 л. „Кол.“, остальное въ 225 л.; въ 203 л. эта часть гораздо больше; Герценъ включилъ, однако, въ „П. З.“ только часть, признавъ остальное не идущимъ къ характеру „Б. и думъ“. Конецъ въ 225 л. (послѣ конца, даннаго здѣсь) тоже опущенъ имъ въ „Б. и д.“: «Да, вѣдь, *только русскіе и способны на такіа дѣла.*

— Я думаю, вы правы,—сказалъ я униженный и съ стѣсненнымъ сердцемъ пошелъ своей дорогой.

Болѣе полно и отдѣленно дана въ VIII кн. „П. З.“, въ X т. Жен. изд. и съ купюрами и неисправно въ III т. СПб. изд.; свѣрена по „П. З.“; отрывки даны у Тих.; 4-я глава въ „Кол.“ датирована: „Генуя, 15 января 1867“.

„Махровые цвѣты“ и „Цвѣты Минервы“ напечатаны по-французски въ № 4 „Коліоко!“ 1868 г., но переводъ ихъ будетъ помѣщенъ самостоятельно въ 1868 г.—его нельзя вводить въ этотъ закрѣпленный и измѣненный самимъ авторомъ русскій текстъ.

По полученіи 242 л. „Кол.“ Тургеневъ писалъ Герцену: „Въ бесѣдѣ „Съ того свѣта“ я узналъ особую, тебѣ свойственную манеру, и хотя я самъ принадлежу къ охрипшимъ тенорамъ, однако, перечелъ все съ истиннымъ удовольствіемъ. Самъ „обломокъ корабля“, какъ говоритъ Эдипъ, а ничего, сочувствую, когда возводятъ мою дряхлую древесину въ „перлъ созданія“ („Письма“, 194).

Глава II—напечатана въ VIII кн. „П. З.“, въ X т. Жен. изд. и не-исправно и съ купюрами въ III т. СПб. изд.; свѣрена по „П. З.“.

Глава III—напечатана въ VIII кн. „П. З.“, въ X т. Жен. изд. и съ купюрами въ III т. СПб. изд.; свѣрена по „П. З.“. Можно предполагать, что раньше эта глава или часть ея называлась „Парижъ 1861—1865 гг.“ и была написана въ той тетради, въ которой находились „Политическіе подонки“, „Нѣмцы въ эмиграціи“ и пр.—тамъ было такое названіе, но соотвѣтствующій ему текстъ вырѣзанъ.

По мнѣнію проф. Тарле, „двѣ страницы, озаглавленные Герценомъ „Послѣ набѣга“ и помѣченные 31 декабря 1867 г., въ высшей степени характерны для всего уклада герценовской психики, для всей его умственной біографіи“. „Шопенгауэръ, какъ извѣстно, требовалъ отъ всякаго, кто желаетъ ознакомиться съ его философіей, чтобы онъ прочелъ все, написанное философомъ, до послѣдней строчки. Я не знаю, необходимо ли это для пониманія Герцена, но скажу съ полною увѣренностью: двѣ страницы „Послѣ набѣга“, рѣшительно не пойметъ,—ни въ главной мысли, ни въ частностяхъ,—тотъ, кто воплію точно и детально не знакомъ съ исторіею герценовскихъ

настроений и развитіемъ его идей за всю его жизнь... Онъ жалѣеть романскую Европу, потому что, вообще, только ее, Россію да англосаксонскую расу считаетъ, по преимуществу, Европой или, шире, „человѣчествомъ“... Не желая увѣрно видѣть въ германской государственности, въ германской политической культурѣ ни малѣйшаго идейно-цѣннаго содержанія, съ отвращеніемъ и безпокойствомъ слѣдя за ростомъ могущества „ученыхъ варваровъ“, онъ именно въ ихъ пришествіи склоненъ усматривать ту катастрофу стараго міра, о которой онъ пророчествовалъ съ 1848 года, съ эпохи провала и гибели революціи. Есть не только отгѣнокъ, но существенная разница между отношеніемъ Герцена къ Наполеону III и къ Бисмарку. Наполеонъ III задушилъ республику, управляетъ рабами, которыхъ развращаетъ деспотизмомъ, и т. д.—и, все-таки, въ немъ есть нѣчто знакомое, онъ и его имперія выросли изъ такихъ-то и такихъ-то ошибокъ республиканцевъ, демократовъ, социалистовъ, но ошибки могутъ хоть въ будущемъ быть исправлены, и съ устраненіемъ причины, по старой латинской поговоркѣ, устранился эффектъ, послѣдствіе. Бисмаркъ же пришелъ изъ совсѣмъ чуждой, враждебной среды и страны, онъ — внѣшняя, посторонняя сила, и всѣ „ученые варвары“, съ которыми онъ идетъ, тоже на-вѣки посторонній, чужой лагерь,—и совсѣмъ, будто, неинтересно, всегда ли эти „ученые варвары“ будутъ съ Бисмаркомъ, не могутъ ли они въ будущемъ съ нимъ поссориться, какое вліяніе имѣютъ на ихъ собственную жизнь хотя бы, напр., тѣ общія дѣла, которыя они съ Бисмаркомъ дѣлаютъ, и т. д. Наполеонъ III — „траурный кучеръ“, который мчитъ Францію „въ пропасть“ и погибнетъ съ нею; Бисмаркъ и Германія—это и есть „пропасть“, гибель, слѣпая сила, которая, правда, только потому вообще сила, что у нея есть игольчатая ружья и картечь, только потому можетъ побѣдить, что Франція отказалась отъ своего идейнаго богатства. Таково воззрѣніе Герцена“ („Западъ и Россія“, 106—109).

Страховъ первый высказалъ, что „Герценъ предвидѣлъ будущую роль Бисмарка, предвидѣлъ нашествіе ученыхъ варваровъ на латинскую, классическую Европу (Италію и Францію) и предсказалъ, что оно будетъ страшно по размѣрамъ смертоубійства и будетъ наказаніемъ Франціи за ея нравственное паденіе“ („Борьба съ Западомъ“, I, 143).

Глава IV—напечатана: главки I и II въ № 16 „Недѣли“ 1869 года съ подписью „I. Ніонскій“, какъ XI и XII главки „Скуки ради“; III главка не печатана нигдѣ не была. Въ АСГ. хранится французскій подлинникъ всей этой главы; такъ какъ первыя двѣ главки напечатаны авторомъ по-русски, то я не вижу надобности приводить ихъ французскій текстъ, тѣмъ болѣе, что первоначально вся глава написана была по-русски и затѣмъ переведена для включенія въ несостоявшійся сборникъ; но III главку привожу съ французскаго подлинника и въ переводѣ. Въ Рум. муз. хранятся нѣсколько листовъ, написанныхъ по-русски и вырванныхъ изъ утерянной тетради. По концу II главки видно, что III-я вначалѣ была написана иначе. Привожу ея варианты съ указаннаго подлинника.

III.

Знаменитый Остерманъ-Толстой, сердясь на дворъ и царя, жилъ послѣдніе годы свои въ Женевѣ; аристократъ по всему, онъ не былъ большою охотникомъ до женевскихъ патриціевъ и олигарховъ. „Ну, помилуйте, сударь мой,—говорилъ онъ мнѣ въ 1849 г.,—какая же это аристократія. Будто дѣлать часы и ловить форель нѣсколько поколѣній больше, чѣмъ сосѣдъ, даетъ des titres, и origine богатства какой—одинъ торговаль контрабандой другой былъ дантистомъ при принцессѣ...“

— Вы забываете, графъ, отвѣчала я ему,—что женевскіе аристократы имѣютъ и другія права. Развѣ они не находились въ бѣгахъ и развѣ не возвратились восвояси, отчасти благодаря вамъ, сопровождаемые казаками и кротами, какъ другіе вѣнценосцы и великія имена...

Блудные племянники точно такъ, какъ кульмскій герой, понимали значеніе *высокаю* патриціата женевского, а въ особенности такъ понималъ блуднѣйшій изъ нихъ *Джемсъ Фази*.

Джемсъ Фази—это смертная кара женевского патриціата, ея мука передъ гробомъ, ея позорный столбъ, палачъ, прозекторъ и гробокопатель. Кровь отъ крови ихъ, плоть отъ ихъ плоти, потомокъ одной изъ старинныхъ фамилій, о богѣ скупавшихъ съ Кальвиномъ,—и у него-то поднялись руки на всзащитныя, но не безсеребренныя сѣдины. Онъ „дядей отечества“, выбранныхъ собственными батраками и кортомниками въ верховный совѣтъ, прогналъ въ 1846 году въ три-шеи и самъ себя выбралъ на ихъ мѣсто, ввѣряя себѣ почти диктаторскую власть. Сень-Жервэ и вся бѣдная Женева съ восторгомъ рукоплескали ему.

Отъ него старики спрятались этажомъ выше и повѣсили къ дверямъ по замку больше, отъ него они отупѣли еще на степень, мозги стали быстрѣе размягчаться, а сердце каменѣть. Умныхъ людей между ними больше не было. Вообще, Джемсъ Фази—чуть ли не послѣдній умный человекъ въ Женевѣ. Глупое озлобленіе, съ которымъ они повели войну, было худшее оружіе съ такимъ врагомъ.

Фази похожъ на хищную птицу и теперь, состарившись и сгорбившись, онъ напоминаетъ еще исхудалаго копчика—и злымъ кльвомъ и прощывающимъ взглядомъ, и теперь онъ еще полонъ проектовъ и дѣятельности, кипучей отваги, готовности рисковать, бросать перчатку и поднимать двѣ, онъ все еще задоренъ и дерзокъ, онъ все еще молодъ, а ему семьдесятъ два года. Подумайте, что онъ былъ въ пятьдесятъ.

Ему все шло впрокъ, больше всего — недостатки и пороки. Среди удрушающей скуки женевской жизни съ ея протестантски-монашескими постылыми лицемѣрами, его разгульное спущая рукава, его веселое безпутство, его блестящія шипучіе пороки, опрокидывавшіе на него удесяттеренную ненависть святошъ, привязывали къ нему всю молодежь, съ которой онъ жилъ запанибрата, нигдѣ не позволяя себѣ наступить на ногу. Фази стоялъ головой выше своего хора и время—своихъ враговъ. Добавьте къ этому боль-

шую смѣтливость въ дѣлахъ, вѣрный и рѣшительный взглядъ, неутомимость въ работѣ, настойчивость, не останавливавшуюся ни передъ какими препятствіями, гнушную и ломавшую всякую оппозицію—и вы поймете, что не женеvскому патриціату было бороться съ нимъ. Дипломатъ и демагогъ, конспираторъ и комиссаръ полиціи, предсѣдатель республики и гуляка, — онъ все еще находилъ въ себѣ бездну лишнихъ силъ, которая раздѣдала его своей незанятой праздностью. Этому человѣку, очевидно, недоставало широкой рамы, Женевы была не по его росту... Вытягиваться точно такъ же вредно, какъ съеживаться. Фази въ Лондонѣ, въ Нью-Йоркѣ, въ освобожденномъ Парижѣ былъ бы великимъ государственнымъ дѣятелемъ. Въ женевской тѣснотѣ онъ испортился, привыкъ кричать и бить кулаками по столу, бѣситься отъ возраженій, привыкъ видѣть противъ себя и за себя людей ниже его ростомъ. Отсюда страсть къ тратамъ и наживанью, привычка бросать деньги и недостатокъ ихъ, азіотажъ, потери, долги. *Дома*—наше національное экономическое средство, наша хозяйственная уловка, именно долги-то въ глазахъ женевскихъ Гарпагоновъ должны были уронить Фази больше, чѣмъ всѣ семь смертныхъ грѣховъ вмѣстѣ.

Что ему было за дѣло до ихъ ненависти, пока вся Женева, небогатая, молодая, рабочая, *католическая* подавала за него голосъ... и кулакъ.

Но tempora mutantur.

Около пятнадцати лѣтъ диктовалъ тиранъ Лемана надъ женевскими старцами. Городъ удвоилъ, крѣпостныя стѣны сломалъ, сады разбилъ, дворцы построилъ, мосты перекинулъ, игорный домъ открылъ и *другихъ* домовъ не закрывалъ... но кощеи безсмертныя таки подсиѣбли его. У нихъ явился втрицательный союзникъ. Къ борьбѣ Фази привыкъ, онъ жилъ въ ней и, когда не тотчасъ случалось ему одолѣть, онъ раненымъ львомъ отступалъ въ свое С.-Жервэ и выходилъ вдвое яростнѣе и сильнѣе изъ своей берлоги.

Съ такими непріятелями, какъ Фази съ своими молодцами, старикамъ-формалистамъ и легистамъ нечего было дѣлать, какъ тотчасъ опять отступать. Они воевали парламентскими средствами и исподволь распускаемыми клеветами. А съ какой стороны онъ хватить, какъ было знать. Съ такимъ противникомъ всего можно было ждать. Пока масса была за него, сила его была несокрушима, а переманить ее на свою сторону воспоминаніемъ прежняго патриархальнаго закрѣпощенія было дѣло не особенно легкое. Помощь должна была явиться изъ среды *по ту сторону* Фази.

Время шло исподволь, мѣняя умы и мысль въ Женевѣ, какъ и на всѣхъ точкахъ земного шара, гдѣ исторія еще дѣлается... Опираясь на свою живую стѣну, Фази, наконецъ, почувствовалъ, что стѣна холодиѣе, что она не такъ плотна и не такъ сплошно поддерживаетъ его... Онъ годы старался не вѣрить, но вотъ тамъ... тутъ ропотъ или хуже—равнодушіе. И уязвленный своими, гладиаторъ вождь обернулся назадъ съ раздраженнымъ лицомъ... „Кто бунтуетъ противъ прежняго агитатора? Неужели онъ?..“ Тюремщикъ, печальная тѣнь Альберта Галера сумрачно качала головой и указывала съ упрекомъ на работниковъ, какъ будто, говоря—„они не твои больше“. Галеръ былъ суровый проповѣдникъ, Фази боялся его соціальныхъ идей и

гналъ его, гналъ до гробовой доски,—въ могилѣ онъ выросъ и окрѣпъ. Теперь наступило утро его дня, солнце Фази садилось.

Старый боецъ не оробѣлъ, онъ снова ринулся впередъ, но силы бить на двѣ стороны нехватило, и онъ билъ зря. Нанося удары консерваторамъ, онъ въ то же время хотѣлъ лѣвой рукой держать за горло „гидру“ социализма—на такомъ противоестественномъ раздвоеніи нельзя было надолго удержаться.

Дѣйствительно, Швейцарія, Женева—микрокосмы. Развѣ въ моемъ бѣгломъ разсказѣ не вся современная драма человѣческаго развитія съ 1789 до нынѣшняго дня? Не всѣ ея дѣйствующіе элементы?

Радикальная партія раскололась на двѣ партіи безъ всякаго повода. Одна часть бросила стараго вождя, другая несла его съ крикомъ на прежнихъ считахъ. Земля терялась подъ ихъ ногами, и озлобленіе росло. Возлѣ огороженнаго поля для травли ходили безучастные работники,—у старыхъ племянниковъ явились свои племянники. Новый бой не имѣлъ для нихъ смысла, они не вѣрили ни тѣмъ, ни другимъ. Оставленные противники вцѣпидились другъ другу въ волосы,—съ этихъ поръ, т. е. съ начала шестидесятыхъ годовъ.

Приведу нѣсколько отзывовъ о „Б. и д.“ въ его цѣломъ:

„Былое и думы“—величайшее произведеніе Герцена и одно изъ великихъ твореній міровой литературы. Въ немъ весь Герценъ, со всѣмъ блескомъ его ума, съ его искрящимся остроуміемъ, со всею глубиною и всею грустью его мысли, со всѣмъ романтизмомъ его мечты, со всею полнотою его жизни—идеалиста 40-хъ годовъ, читающаго отходную своей идеологіи и себѣ самому въ 50-хъ—60-хъ годахъ. Не ищите тамъ „любви къ дальнему“, безъ которой невозможно *раціональное* прозрѣніе даже въ ближайшее будущее. Взамѣнъ того вы найдете тамъ любовь къ тому прошлому, когда слагалась въ московскихъ спорахъ нравственная и умственная сила Герцена. Не ищите тамъ и слѣдовъ „экономизма“, безъ котораго съ 60 хъ годовъ стало невозможнымъ сколько-нибудь *раціональное* и жизнеспособное міровоззрѣніе,—взамѣнъ того вы найдете тамъ „культъ героевъ“, какъ Гарибальди, Маццини и другіе, въ ряду которыхъ, разумѣется, не оказалось мѣста для Карла Маркса. „Былое и думы“—историчѣская хроника цѣлой эпохи, освѣщенная задушевною исповѣдью русскаго идеалиста, не переставшаго въ изгнаніи вздыхать о далекой родинѣ, которую онъ страстно любилъ и освобожденію которой отъ гнета дореформенныхъ порядковъ онъ такъ могущественно содѣйствовалъ“ (Д. Н. Овсянко-Куликовскій, „Собр. соч.“, V, 1912 г., стр. 6).

„Если Герценъ—говорить Алексѣй Веселовскій—и прежде считалъ одною изъ особенностей своего писательства неудержимую склонность къ отетушеніямъ и бесѣдамъ *ex tempore*, къ „вводнымъ мѣстамъ“, и ни одна изъ его повѣстей или литературныхъ статей не была свободна отъ нихъ, то въ „Быломъ и думамъ“ съ ихъ богатымъ содержаніемъ, постоянно возбуждавшимъ мысль къ обобщеніямъ, размысленіямъ, параллелямъ, изліяніямъ остроумія, обличенія, негодованія, подъемамъ чувства, эта склонность нашла

полный просторъ. Ихъ покрываетъ общая, скромно звучащая формула: „около исповѣди, по поводу нея, собрались тамъ-сямъ остановленныя думы“... Но это уже не отрывочныя наброски мѣткихъ мыслей и не случайныя а parte, какъ можетъ показаться изъ оговорки предисловія. На ряду съ фактическимъ богатствомъ личнаго и общаго *былою*, изъ разсѣянныхъ по всему произведенію размысленій и, въ широкомъ смыслѣ слова, лирическихъ мѣстъ слагается вторая основная стихія цѣлаго,—*думы*.

„Когда неподчиненныя никакому предвзятому плану, онѣ свободно взлетаютъ надъ разсказомъ, вызванныя особенно возбуждающимъ поводомъ, и уносятъ мысль то къ историческимъ, бытовымъ, философскимъ, политическимъ горизонтамъ, къ характеристикамъ и освѣщеніямъ русской, западной, былой или современной жизни, то къ психологическимъ наблюденіямъ надъ лицами, поколѣніями, расами, то къ личнымъ испытаніямъ, житейскимъ итогамъ, то къ исповѣданію вѣры въ грядущее обновленіе“,—онѣ придаютъ разсказу невыразимое обаяніе личности, отъ которой онѣ исходятъ. Вся она во всемъ блескѣ и разносторонности дарованія возсоздается не только въ моменты художественнаго изложенія, исповѣди и проповѣди, сарказма, ироніи, но и въ налеты задумчивости, когда удивительно склонная къ обобщеніямъ, ассоціациямъ и переходамъ идей, она отдается вдохновенію импровизатора и раскрываетъ свои умственныя богатства. Словно слышится ея голосъ, словно настала долгая греза наяву, и въ ней—бесѣда съ однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ русскихъ людей“ („В. Европы“, 1908, IV, 56).

Цѣнно мнѣніе профессора исторіи А. Кизеветтера:

„На вопросъ: „кто былъ Герценъ?“ всѣ и каждый отвѣтятъ въ одно слово: „политическій трибунъ“. Но спросите вслѣдъ затѣмъ, какое произведеніе Герцена должно быть признано главнымъ и основнымъ, и можно безошибочно предсказать, что въ отвѣтъ будетъ названо „Былое и думы“. Но, вѣдь, „Былое и думы“, это—мемуары, это—подсчетъ жизненныхъ итоговъ, а не развитіе боевой политической программы, исторія, а не политика. Какимъ же образомъ признанный политическій трибунъ избралъ для наиболѣе сильнаго выраженія своей духовной сущности такой родъ литературнаго творчества, который обычно всего скорѣе подходитъ къ людямъ, уже отстранившимся отъ кипучей жизненной борьбы?.. Борьба за будущее и воспоминанія о пережитомъ, битва и исповѣдь составляли въ теченіе всей жизни Герцена равноправныя, одинаково властныя потребности его души, и въ такомъ случаѣ между ними не могло не существовать тѣсной внутренней связи. Конечно, и дѣлаясь мемуаристомъ, Герценъ не переставалъ быть борцомъ. Недаромъ его „замѣчательнѣйшій трудъ“ получилъ двузначное заглавіе, и къ „былому“ присоединились „думы“. Всѣмъ извѣстно, въ какія жгучія страницы вылились эти „думы“. Но почему авторъ чувствовалъ потребность нанизать эти думы именно на воспоминанія о быломъ, на автобіографическую нить мемуаровъ? Въ этомъ сказалась еще одна характернѣйшая сторона личности Герцена. Для него общественная борьба и личная душевная жизнь на самомъ дѣлѣ составляли неразрывно-единое цѣлое. Не головныя соображенія, а непосредственныя влеченія природы, властныя побужденія души заставляли его преломлять копье съ тѣми, кого онъ считалъ злѣйшими

противниками дорогихъ ему идеаловъ. И потому онъ являлся борцомъ за одну и ту же правду и на широкой аренѣ мировой политики, и въ тѣсномъ кругу частныхъ, домашнихъ отношеній. Вотъ почему для него разсказывать о своей личной жизни,—не только о своихъ сношеніяхъ съ корифеями европейскаго революціоннаго движенія, но и о своемъ раннемъ дѣтствѣ, о ребяческихъ мечтахъ и волненіяхъ, о злоключеніяхъ юности, объ интимной драмѣ своей супружеской жизни и т. п.,—вовсе не значило отводить читателя куда-то въ сторону отъ того, что наполняло и его боевую жизненную задачу: между тѣмъ и другимъ и не существовало раздѣльной черты. Каждая страница „Былого и думъ“ на всемъ пространствѣ этого замѣчательнаго произведенія, начиная съ первыхъ же главъ, обвѣяна страстнымъ чувствомъ прирожденнаго борца съ неправдой жизни... Всѣ элементы душевной жизни Герцена отличались необыкновенной взаимной согласованностью, и ему было бы совершенно невозможно, заговоривъ о какой бы то ни было детали своей біографіи, не затронуть тѣмъ самымъ и коренныхъ основъ своего міросозерцанія, и своихъ душевныхъ стремленій. И вотъ почему не было никакого противорѣчія въ томъ, что этотъ пламенный трибунъ отдавалъ такъ много времени и душевныхъ силъ мемуарамъ, создавъ изъ нихъ самый замѣчательный памятникъ своего литературнаго творчества. Для Герцена разсказать свою жизнь и значило не что иное, какъ исповѣдать свои за вѣтнѣйшія убѣжденія. У него не было ни противорѣчія, ни перерыва между „внутри“ и „снаружи“. Потому онъ имѣлъ нравственное право сдѣлать исповѣдь своего сердца общимъ достояніемъ; потому его подробный отчетъ объ интимнѣйшихъ своихъ переживаніяхъ никогда не коробитъ читателя ни малѣйшимъ оттѣнкомъ натянутости или фальши... Онъ былъ въ правѣ считать, что его личная жизнь, вся безъ изъятія, принадлежитъ всѣмъ, ибо и онъ самъ видѣлъ смыслъ въ своей личной жизни лишь постольку, поскольку она была связана съ борьбой за общіе интересы человѣчества.

«Герценъ сталъ и политическимъ трибуномъ именно потому, что онъ былъ *человѣкомъ* въ томъ глубочайшемъ значеніи этого слова, въ какомъ Гамлетъ примѣняетъ его къ своему отцу. Онъ былъ рыцаремъ идеи всечеловѣческаго братства, и какъ бы въ удостовѣреніе того, какъ глубоко искренна и безраздѣльна была его преданность этой идеѣ, онъ съ трогательной довѣрчивостью, истинно по-братски раскрылъ людямъ въ своей книгѣ всю свою душу. Жить сердцемъ и бороться за благо ближнихъ, это—одно и то же, таковъ основной завѣтъ Герцена“ („Рус. Вѣд.“ 1912, № 71).

«La Presse» послѣ выхода I, II и IV части „Былого и думъ“ писала: „Одна лишь страничка Герцена даетъ большее представленіе или, вѣрнѣе, гораздо болѣе обнаруживаетъ внутреннюю жизнь страны, національную душу народа, сущность вещей, чѣмъ длинныя кропотливыя писанія другихъ. Со всей прелестью неожиданности правда сверкаетъ въ его умныхъ воспоминаніяхъ... Книга Герцена помогла разрушить тѣ неправильныя и компрометирующія Россію мнѣнія, которыя очень широко распространены о ней въ Европѣ, какъ о странѣ, отгородившейся китайской стѣной отъ всего новаго, отъ всяческихъ современныхъ идей и т. д. Въ воспоминаніяхъ Герцена особенно опредѣленно бросается въ глаза, что въ Россіи подъ кажущейся

неподвижностью царить глубокая, интенсивная интеллектуальная жизнь, богатая и разносторонняя работа мысли. Выясняется, что ни одна идея, которая волнует въкъ, не остается чуждой Россіи; всѣ научныя и философскія системы нашли въ ней своихъ компетентныхъ и убѣжденныхъ сторонниковъ».

Разказавъ очень многое, многое пояснивъ французскимъ читателямъ, А. Nefftzer такъ закончилъ эту статью:

„Герценъ исколесилъ всю Европу, изслѣдовалъ у ея источниковъ тѣ западныя идеи, которыя опьяняли его юность, и изъ глубины ссылки предопредѣлилъ будущее Россіи съ рвеніемъ патріота и чаяніями космополита; онъ уже издали видитъ, хотя и отдаленныя, но вполне обезпеченныя перспективы сліянія націй и всеобщаго братства“ (1856, 23 mai).

Опечатки и дополненія.

<i>Стран.</i>	<i>Строка</i>	<i>Напечатано</i>	<i>Слѣд. читать</i>
13	2 св.	Гасслеръ	Гассеръ
—	8 сн.	Тетнатъ	Тетнангъ
—	3 сн.	Тетнатъ	Тетнангъ
14	23 св.	кто	то
34	27 св.	переводъ, но дѣлалъ это недолго	переводъ.
50	1 св.	orcile	oreille
170	8 св.	разрывала	разрывалась
171	5 св.	добраго человѣка	добраго, но пустого че- ловѣка
—	7 сн.	за	за его
180	5 сн.	апокалипсическія	апокалиптическія
187	8 сн.	кучку.	кучку праведниковъ.
195	22 св.	работу,	работу; освобожденіе Польши, сокрушеніе,
196	9 сн.	ise	lice
203	18 св.	1856	1855
205	14 сн.	гимномъ	гимномъ, но гимномъ
212 } 213 }		Перепутаны цифры страницъ	
229		Пропущено: Глава IV.	
247	16 св.	);	;
—	21 св.	bill,	bill ¹⁾ ;
258	20 св.	Queen's	Queen's
300	10 сн.	Блюма	Блума
353	13 св.	Піанчіани	Піанчани
388	2 сн.	Ф. В.	В. Ф.
442	2 св.	Jackson», R.	Jackson» R.
454	13 св.	эпохъ,	эпохъ николаевскаго го- ненія,
455	18 св.	беречь	беречь несчастныхъ
457	15 св.	цѣлые	цѣлыя стороны
460	6 св.	глубокаго	глубокаго общественнаго
—	13 св.	неніе	неніе николаевскаго
465	2 св.	начало,	начало и монархическій принципъ,
467	15 св.	старуха, барыня	етаруха-барыня
480	си.	Мюнстера	Мюнцера

662	6 сн.	кн.	бар.
664	13 св.	гр.	бар.
702	2 св.	Готы	Котты
707	19 св.	Elsner	Eissler
754	4 сн.	2)	2)
797	7 св.	—	199
822	10 св.	11	9
836	5 сн	Домажирова	Домажирова

Цена 200 рублей.

СКЛАДЫ ИЗДАНИЙ

в книжн. магаз. Государственн. Издательства:

ПЕТЕРБУРГ, Проспект 25 октября, № 28;

МОСКВА, Советская площадь (Тверская), № 28.

7